Евразийский юридический журнал

№ 4 (203) 2025

Редакционный совет журнала

Председатель

НЕЧЕВИН Дмитрий Константинович, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

Заместитель председателя редакционного совета

ДУЙСЕНОВ Еркин Эрманович, д.ю.н., профессор, советник ректора (Казахский национальный университет им. аль-Фараби)

Члены редакционного совета

АБАШИДЗЕ Аслан Хусейнович, д.ю.н., профессор (Российский университет дружбы народов – РУДН)
АЗНАГУЛОВА Гузель Мухамметовна, д.ю.н., профессор (Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ)
АНТОНЯН Елена Александровна, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)
БАКПАНОВ Игорь Спартакович, д.ф.н., профессор (Северо-Кавказский федеральный университет)
БАТХИЕВ Рашид Хусейнович, к.ю.н., судья верховного суда Российской Федерации в отставке
БЕГИЧЕВ Александр Валерьевич, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)
БЕКЯШЕВ Дамир Камильевич, д.ю.н., профессор (Московский государственный институт международных отношений (Университет) – МГИМО)
БИРЮКОВ Павел Николаевич, д.ю.н., профессор (Воронежский государственный университет)
БОНДАРЕНКО Виктор Николаевич, д.ф.н., профессор (Башкирский государственный педагогический университет)
БУРЕНИНА Ирина Валерьевна, д.э.н., профессор (Уфимский государственный нефтяной технический университет)
ВАЛЕЕВ Револь Миргалимович, д.ю.н., профессор (Казанский (Приволжский) федеральный университет – КФУ)
ГРАЧЕВА Елена Юрьевна, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)
ГУСЕЙНОВ Абдусалам Абдулкеримович, д.ф.н., академик РАН (Институт философии РАН, Вице-президент Российского философского общества)
ЗОЛОТОВ Александр Владимирович, д.э.н., профессор (Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского – ННГУ)
ИСМАИЛОВ Шавкат Махмудович, д.ю.н., профессор, государственный советник юстиции Республики Таджикистан
КРИВЕНЬКИЙ Александр Иванович, д.и.н., профессор (Московский городской педагогический университет)
КОЧАРЯН Виген Владимирович, к.ю.н., доцент (Ереванский государственный университет)
ЛЕШКЕВИЧ Татьяна Геннадьевна, д.ф.н., профессор (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону)
ЛУКОВ Валерий Андреевич, д.ф.н., профессор (Московский гуманитарный университет – МосГУ)
МАКАР Светлана Владимировна, д.э.н., ведущий научный сотрудник (Финансовый университет при Правительстве РФ)
МИШАЛЬЧЕНКО Юрий Владимирович, д.э.н., профессор (Санкт-Петербургский государственный университет)
НИГМАТУЛЛИН Ришат Вахидович, д.ю.н., профессор (Уфимский университет науки и технологий)
РАГУЛИН Андрей Викторович, д.ю.н., доцент, главный редактор журнала «Евразийская адвокатура»
РОМАНОВСКАЯ Вера Борисовна, д.ю.н., профессор (Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского – ННГУ)
РАСТОРОПОВ Сергей Владимирович, д.ю.н., профессор (Университет прокуратуры Российской Федерации)
РУСАКОВА Екатерина Петровна, д.ю.н., профессор (Российский университет дружбы народов – РУДН)
САЛИХОВ ГАФУР ГУБАЕВИЧ, д.ф.н., профессор (Уфимский университет науки и технологий)
СЕВАЛЬНИКОВ Андрей Юрьевич, д.ф.н., главный научный сотрудник (Институт философии РАН)
СИНЕЛЬНИКОВА Валентина Николаевна – д.ю.н., профессор (Высшая школа экономики)
СИНЮКОВ Владимир Николаевич, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)
СМИРНОВ Андрей Вадимович, д.ф.н., академик РАН (Институт философии РАН, Президент Российского философского общества)
ТИТОВ Вадим Александрович, д.ф.н., профессор (Российская экономическая академия им. Г.В. Плеханова – РЭА)
ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович, д.ю.н. (Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва), Председатель редакционной коллегии (Главный редактор)
ФАХРУТДИНОВА Елена Валерьевна, д.э.н., профессор (Казанский (Приволжский) федеральный университет – КФУ)
ФРОЛОВА Евгения Евгеньевна, д.ю.н., профессор (Российский университет дружбы народов – РУДН)
ХАЙКИН Марк Михайлович, д.э.н., профессор (Национальный минерально-сырьевой университет «Горный», г. Санкт-Петербург)
ХАРЛАМОВ Андрей Викторович, д.э.н., профессор (Санкт-Петербургский государственный экономический университет)
ЦХАДАДЗЕ Нелли Викторовна, д.э.н., профессор (Финансовый университет при Правительстве РФ)
ЧИБИНЕВ Анатолий Михайлович, д.э.н., профессор (Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет)
ЧУМАКОВ Александр Николаевич, д.ф.н., профессор (Финансовый университет при Правительстве РФ)
ЯРАШЕВА Азиза Викторовна, д.э.н., профессор (Институт социально-экономических проблем народонаселения Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН)
ШУВАНОВ Станислав Александрович, Председатель МОД Российской службы мира, ветеран Дипломатической службы России
ЯСТРЕБОВ Олег Александрович, д.ю.н., д.э.н., профессор (Российский университет дружбы народов – РУДН)

Издается при содействии Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). Международный научный и научно-практический юридический журнал. Свободная трибуна по обмену мнениями по теории и практике права в Российской Федерации, странах Содружества Независимых Государств (СНГ) и дальнего зарубежья.

«Евразийский юридический журнал» включен в перечень журналов Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации

Издается с октября 2007 г.
Выходит ежемесячно с января 2009 г.

Все права защищены и охраняются законодательством Российской Федерации об авторском праве.
Ни одна из частей настоящего издания и весь журнал в целом не могут быть воспроизведены, переведены на другой язык, сохранены на печатных формах или любым другим способом обращены в иную форму хранения информации без предварительного согласования и письменного разрешения редакции. Ссылки на настоящее издание обязательны.

За содержание опубликованной рекламы редакция ответственности не несет. Точка зрения авторов статей, иных материалов, опубликованных в “Евразийском юридическом журнале”, может не совпадать с точкой зрения редакции.

Идея проекта и его осуществление принадлежат Фархутдинову И.З. с 2007 года.

© Евразийский юридический журнал, 2025

Подписано в печать 28.04.2025
Формат 62x84 1/8. Усл. печ. л. 21,11.
Тираж 1500 экз.
Руководитель интернет-проектов – Дряхлов С. П.
Компьютерная верстка – Брылев С. О.
Адрес редакции: 119034, г. Москва, ул. Пречистенка, д. 10.
тел.: (499) 766-91-92,
+7 (917) 40-10-889
email: eurasialaw@mail.ru,
eurasianoffice@yandex.ru
https://eurasialaw-journal.ru/

Eurasian Law Journal

№ 4 (203) 2025

Editorial council

Chairman

NECHEVIN Dmitriy Constantinovich, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University - MSAL)

Deputy Chairman of the Editorial Board

DUISENOV Erkin Ermanovich, Ph.D. in Law, Professor, Advisor to the Rector (Al-Farabi Kazakh National University)

Editorial council members

ABASHIDZE Aslan Huseynovich, Ph.D. in Law, Professor (People's Friendship University of Russia - PFUR)
ANTONYAN Elena Aleksandrovna, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University – MSAL)
AZNAGULOVA Guzel Mukhammetovna, Ph.D. in Law, Professor (Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation)
BAKLANOV Igor Spartakovich, Ph.D. in Philosophy, Professor (North Caucasus Federal University)
BATKHIEV Rashid Huseynovich, Ph.D. in Law, ex-judge of the Supreme Court of the Russian Federation
BEGICHEV Alexander Valeryevich, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University - MSAL)
BEKYASHEV Damir Kamilevich, Ph.D. in Law, Professor (Moscow State Institute of International Relations (University) - MGIMO)
BIRYUKOV Pavel Nikolaevich, Ph.D. in Law, Professor (Voronezh State University)
BONDARENKO Victor Nikolaevich, Ph.D. in Philosophy, Professor (Bashkir State Pedagogical University)
BURENINA Irina Valerjevna, Ph.D. in Economics, Professor (Ufa State Petroleum Technological University)
CHIBINEV Anatoliy Mikhailovich, Ph.D. in Economics, Professor (Sankt-Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering)
CHUMAKOV Alexandr Nikolaevich, Ph.D. in Philosophy, Professor (Financial University under the Government of the Russian Federation).
FAKHRUTDINOVA Elena Valerjevna, Ph.D. in Economics, Professor (Kazan (Volga region) Federal University)
FARKHUTDINOV Insur Zabirovich, Ph.D. in Law (Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow), Chairman of the Editorial Board (Editor-in-Chief)
FROLOVA Evgeniya Evgenjevna, Ph.D. in Law, Professor (People's Friendship University of Russia - PFUR)
GRACHEVA Elena Yurjevna, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University - MSAL)
GUSEINOV Abdusalam Abdulkerimovich, Ph.D. in Philosophy, Academician of the RAS (Institute of Philosophy of the RAS, Vice-President of the Russian Philosophical Society)
ISMAILOV Shaukat Makhmudovich, Ph.D. in Law, Professor, State Counselor of Justice of the Republic of Tajikistan
KHARLAMOV Andrey Victorovich, Ph.D. in Economics, Professor (Sankt-Petersburg State Economical University)
KHAYKIN Mark Mikhaylovich, Ph.D. in Economics, Professor (National Mineral Resources (University of Mines, Saint-Petersburg)
KOCHARYAN Vigen Vladimirovich, Ph.D. in Law, Associate professor (Yerevan State University)
KRIVENKIY Alexander Ivanovich, Ph.D. in History, Professor (Moscow City Pedagogical University)
LESHKEVICH Tatjana Gennadjevna, Ph.D. in Philosophy, Professor (South Federal University, Rostov-on-Don)
LUKOV Valery Andreevich, Ph.D. in Philosophy, Professor (Moscow University for the Humanities)
MAKAR Svetlana Vladimirovna, Ph.D. in Economics, Leading Researcher (Financial University under the Government of the Russian Federation)
MISHALCHENKO Yuriy Vladimirovich, Ph.D. in Economics, Professor (Saint-Petersburg State University)
NIGMATULLIN Rishat Vakhidovich, Ph.D., Professor (Ufa University of Science and Technology)
RAGULIN Andrey Viktorovich, Ph.D. in Law, associate professor, Editor-in-chief of the journal "Eurasian Advocacy"
RASTOROPOV Sergey Vladimirovich, Ph.D. in Law, Professor (University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation)
ROMANOVSKAYA Vera Borisovna, Ph.D. in Law, Professor (N.I. Lobachevsky Nizhniy Novgorod State University)
RUSAKOVA Ekaterina Petrovna, Ph.D. in Law, Professor (Peoples' Friendship University of Russia - PFUR)
SALIKHOV Gafur Gubaevich, Ph.D. in Philosophy, Professor (Ufa University of Science and Technology)
SEVALNIKOV Andrey Yurievich, Ph.D. in Philosophy, chief researcher (Institute of Philosophy of the RAS)
SHUVANOV Stanislav Aleksandrovich, Chairman of the Russian Peace Service, a veteran of the Diplomatic Service of Russia
SINELNIKOVA Valentina Nikolaevna – Ph.D. in Law, Professor (Higher School of Economics)
SINYUKOV Vladimir Nikolaevich, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University - MSAL)
SMIRNOV Andrey Vadimovich, Ph.D. in Philosophy, Academician of the RAS (Institute of Philosophy of the RAS, President of the Russian Philosophical Society)
TITOV Vadim Aleksandrovich, Ph.D. in Philosophy, Professor (G.V. Plekhanov Russian Economic Academy (REA))
TSKHADADZE Nelly Viktorovna, Ph.D. in Economics, Professor (Financial University under the Government of the Russian Federation)
VALEEV Revol Mirgalimovich, Ph.D. in Law, Professor (Kazan (Volga region) Federal University)
YARASHEVA Aziza Viktorovna, Ph.D. in Economics, Professor (Institute of Socio-Economic Problems of Population of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences)
YASTREBOV Oleg Aleksandrovich, Ph.D. in Law, Ph.D. in Economics, Professor (People's Friendship University of Russia - PFUR)
ZOLOTOV Alexandr Vladimirovich, Ph.D. in Economics, Professor (N.I. Lobachevsky Nizhniy Novgorod State University)

Journalis published withsupport of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL). International scientific and practical law journal. A free forum for exchange of views on the theory and practice of law in Russia, the Commonwealth of Independent States (CIS) and other countries.

"Eurasian Legal Journal" is included in the list of journals of the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation

Published since October 2007.
Monthly Law Journal since January 2009.

All rights reserved and protected by copyright legislation of the Russian Federation.
No part of this publication and the entire journal as a whole may be reproduced in any form, translated, stored in a retrieval system, or transmitted in any way or by any means of electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise without prior consent and written permission of the publisher. References to this edition are required.

Editorial Board is not responsible for the content of the advertisements. The opinions of the members of the Editorial Board may not coincide with the opinions of the authors of the articles and other materials published in the "Eurasian Law Journal".

The project and its implementation are the work of Farkhutdinov I. Z. since 2007

© Eurasian law journal, 2025

Signed for printing 28.04.2025
Format 62x84 1/8.
Conv. print. sh. 21,11.
Issue 1500 copies.
Head of the Internet projects – Dryakhlov S. P.
Desktop publishing – Brylev S. O.
Address of the Editor's Office:
10, Prechistenka Str., Moscow, 119034
Phone: (499) 766-91-92,
+7 (917) 40-10-889
e-mail: eurasialaw@mail.ru,
eurasianoffice@yandex.ru
https://eurasialaw-journal.ru/

ЕВРАЗИЙСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
EURASIAN LAW JOURNAL

Редакционная коллегия

Главный редактор

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович, д.ю.н.
(Институт государства и права Российской академии наук)

Члены редакционной коллегии

заместитель главного редактора:
СОЛНЦЕВ Александр Михайлович, к.ю.н., доцент
(Российский университет дружбы народов – РУДН)

заместитель главного редактора:
БОНДАРЕНКО Александр Викторович, к.ф.н., доцент
(Уфимский государственный нефтяной технический университет)

ответственный редактор:
ЛУКИЯНОВ Михаил Юрьевич, к.п.н.
(Уфимский государственный нефтяной технический университет)

помощник главного редактора:
АБАНИНА Елена Николаевна, к.ю.н., доцент
(Саратовская государственная юридическая академия)

научный редактор:
ЕРМОЛИНА Марина Анатольевна, к.ю.н., доцент
(Санкт-Петербургский государственный университет)

редактор английского текста:
ФАРХУТДИНОВ Линар Илшатович, к.ф.н.

АЗАРХИН Алексей Владимирович, к.ю.н., доцент
АСАДУЛЛИН Мурад Ринатович, к.ю.н.
ВАСЬКЕВИЧ Владимир Петрович, д.ю.н., доцент
ГАБДРАХМАНОВ Фарит Вадутович, к.ю.н., доцент
ГОЛОВАСТОВА Юлия Александровна, д.ю.н., доцент
ГУЛИЕВ Игбал Адиль оглы, к.э.н.
ДЕМИЕВА Айнур Габдульбаровна, д.ю.н., доцент
ЖУРАВЛЕНКО Николай Иванович, к.ю.н., доцент
ИВАНОВА Светлана Владимировна, к.п.н., доцент
МЕХДИЕВ Эльнур Таджаддинович, к.и.н.
ОСТАПОВИЧ Игорь Юрьевич, д.ю.н., доцент
ПАНЧЕНКО Владислав Юрьевич, д.ю.н., доцент
САФРОНОВ Константин Юрьевич
СОДИКОВ Шарбатулло Джаборович, к.ю.н.
ТАКМАКОВА Елена Валерьевна, д.э.н., доцент
ФАЙЗУЛЛИН Гаяз Габдельисламович, к.ю.н., доцент
ЧАТТАЕВ Азамат Русланович, к.ю.н.

руководитель интернет-проектов:
ДРЯХЛОВ Сергей Павлович

Editorial board

Editor-in-Chief

FARKHUTDINOV Insur Zabirovich, Doctor of Law
(Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences)

Editorial board members

deputy Editor-in-Chief:
SOLNTSEV Aleksandr Mikhaylovich, Ph.D. in Law, Associate Professor
(Peoples Friendship University of Russia – PFUR)

deputy Editor-in-Chief:
BONDARENKO Aleksandr Viktorovich, Ph.D. in Philosophy, Associate Professor
(Ufa State Petroleum Technological University)

executive editor:
LUKIYANOV Mikhail Yurevich, Ph.D. in Political Science
(Ufa State Petroleum Technological University)

assistant Editor-in-Chief:
ABANINA Elena Nikolaevna, Ph.D. in Law, Associate Professor
(Saratov State Law Academy)

scientific editor:
ERMOLINA Marina Anatolyevna, Ph.D. in Law, Associate Professor
(Saint-Petersburg State University)

english text editor:
FARKHUTDINOV Linar Ilshatovich, Ph.D. in Philosophy

AZARKHIN Alexey Vladimirovich, Ph.D. in Law, Associate Professor
ASADULLIN Murad Rinatovich, Ph.D. in Law
VASKEVICH Vladimir Petrovich, Ph.D. in Law, Associate Professor
GABDRAHMANOV Farit Vadutovich, Ph.D. in Law, Associate Professor
GOLOVASTOVA Yuliya Aleksandrovna, Ph.D. in Law, Associate Professor
GULIYEV Igbal Adil ogly, Ph.D. in Economics
DEMIEVA Ainur Gabdulbarovna, Ph.D. in Law, Associate Professor
ZHURAVLENKO Nikolay Ivanovich, Ph.D. in Law
IVANOVA Svetlana Vladimirovna, Ph.D. in Psychological Sciences, Associate Professor
MEHDIEV Elnur Tadzhaddinovich, Ph.D. in History
OSTAPOVICH Igor Yuryevich, Ph.D. in Law, Associate Professor
PANCHENKO Vladislav Yuryevich, Ph.D. in Law, Associate Professor
SAFRONOV Konstantin Yuryevich
SODIKOV Sharbatullo Jaborovich, Ph.D. in Law
TAKMAKOVA Elena Valerjevna, Ph.D. in Economics, Associate Professor
FAIZULLIN Gaiaz Gabdelislamovich, Ph.D. in Law, Associate Professor
CHATTAEV Azamat Ruslanovich, Ph.D. in Law

head of the internet-projects:
DRYAKHLOV Sergey Pavlovich

Идея проекта и его осуществление принадлежат Фархутдинову И.З.

The project and its implementation are the work of Farkhutdinov I. Z.

Учредитель:

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович
(Свидетельство ПИ № ФС77-46472 от 2.10.2011 г.)

Founder:

FARKHUTDINOV Insur Zabirovich
(Certificate PI № FS77-46472 of 2.10.2011)

СОДЕРЖАНИЕ

PERSONA GRATA

А. Б. Касенова:
Справедливый суд как фактор развития
Интервью с Касеновой Асией Бакеновной, Советником судьи Евразийского экономического союза. ... **14**

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ

Тепленина П. С., Ермолина М. А.
Водные ресурсы Казахстана: перспективы устойчивого управления ... **22**

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Гулиев О. Э., Мамедли Э. М.
Генезис правовой базы и интеграционные проекты в Каспийском регионе ... **24**
Заиграева О. В., Потапова П. А.
Континентальный шельф России в Арктике: история вопроса и перспективы расширения (Часть 2) ... **27**
Карев Д. А., Алиев Н. М.
Международно-правовая ответственность за нарушение обязательства предотвращения трансграничного ущерба окружающей природной среде ... **31**
Кудряшов В. В.
Правовые аспекты взаимодействия с международными финансовыми организациями в условиях санкций: взгляд из России ... **33**
Талимончик В. П.
Эффективность межинституционного взаимодействия при международно-правовом регулировании информационно-коммуникационных систем ... **36**
Дженнифер Рубио Ортегон
Юридические перспективы амазонских проблем ... **39**
Кулов С. С.
Практика Комитета по правам человека ООН по обращениям, касающимся нарушений права на свободу мысли, совести и религии ... **41**
Мельников Ф. А.
Правовые особенности формирования и развития общего энергетического рынка ЕАЭС ... **46**

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

Вахитова Г. В., Газизова Л. М., Ибатуллина Н. С.
Анализ основных принципов международного экологического права ... **50**
Мороз А. О., Папава А. Л., Глинщикова Т. В.
Понятие и место негосударственного регулирования в системе источников международного торгового права ... **54**
Линь Пэйюань
Современное состояние законодательной базы унификации и перехода к цифровому таможенному регулированию ... **56**

ПРАВО ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВ

Мирзозода Ш. Б.
Наркомания как предмет правового регулирования и организационного механизма противодействия незаконному обороту наркотиков в Республике Таджикистан ... **60**
Симонов Р. М.
Законодательство о закупках в России и в Китайской народной республике: сравнительно-правовой анализ ... **63**

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Алимова А. И.
К вопросу о понятии миграционной политики и ее признаках ... **66**
Байдарова М. А., Фомин В. В.
Юридически значимые последствия в деятельности Уполномоченного по правам человека: теоретические и практические аспекты ... **69**
Богатырев М. Р.
Проблемы классификации правового регулирования: общетеоретические подходы ... **73**
Киосов А. А., Малышева Н. И.
Изменение формы законодательных нормативных правовых актов, принятых до вступления в силу Конституции Российской Федерации ... **77**
Судакова О. В.
Социальная функция права (закона) ... **81**
Улаева Н. Л.
Роль и значение тектологического и синергетического подходов в исследованиях и формировании правовой культуры и правосознания ... **84**
Фурман Т. Г.
Национально-патриотическая идентичность и идентификация ... **86**
Зрумов М. М., Бифов Т. Б.
Анализ форм взаимодействия шариата с современным российским правом ... **90**
Караков М. Я.
Законодательные основы воинской обязанности в постсоветской России ... **92**
Карашев К. А., Пеков А. З.
Анализ особенностей развития российского законодательства об интеллектуальных правах ... **94**
Королев А. А.
Особенности правового регулирования функционирования Государственной автоматизированной системы правовой статистики ... **96**
Нагимова З. Ф.
Состояние нормативно-правового регулирования целеполагания в российской правовой политике в области социально-экономического развития общества: вопросы теории ... **98**
Хакимова А. Р.
Правовая политика в сфере экономики: анализ и перспективы ... **101**
Фурман Т. Г.
Основные угрозы духовной безопасности России ... **103**

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Воронин С. А.
Анализ содержания теории конфликта Ральфа Густава Дарендорфа ... **106**
Рассказов Л. П.
Гарантии законности в деятельности государственных органов по борьбе с фашистско-националистическим подпольем в западных регионах СССР в 1944-1955 гг. ... **109**
Теряева Е. В.
Государственная политика по противодействию должностным преступлениям в конце XVIII – начале XIX века (на материалах Орловской губернии) ... **112**
Фурман Ф. П.
Легальный марксизм: утопия или неиспользованная возможность ... **115**
Бесчетнов С. С.
Британская правовая политика и ее наследие в колониях Вест-Индии ... **118**
Фурман Ф. П.
Политико-правовые взгляды и их изменения в деятельности Г. В. Плеханова ... **122**

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

Гаджиев А. Ш., Гаджиев Т. И.
Роль общественной палаты Республики Дагестан в развитии гражданского общества: конституционно-правовой анализ ... **125**
Древаль Л. Н.
Институт уполномоченного по правам ребенка в Российской Федерации: региональный аспект ... **127**
Ильина О. Ю.
Коллективные социальные субъекты (коллективы) как стороны социального партнерства: конституционно-правовой анализ ... **130**

Низаева С. Р., Гилязов Р. Р.
Конституционно-правовой статус Правительства Российской Федерации ... **134**
Рахимова Л. М.
К вопросу о понятиях и признаках конституционно-правовой ответственности ... **137**
Саркарова Д. С., Шихтаимова Д. А.
Конституционные обязанности граждан в Российской Федерации ... **140**
Волкова С. И.
Государственный и технологический суверенитет: соотношение понятий в сфере применения технологий информационно-телекоммуникационных сетей ... **142**
Зохидов М. Д.
Достоинство личности: от античности до Канта ... **146**
Рысев Г. С.
Проблема толкования понятия «экономическая безопасность» в Конституции Российской Федерации ... **150**

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО
Арсланбекова А. З., Гитинов Н. Д.
Проблемы и перспективы совершенствования государственной службы в РФ ... **154**
Еланская Д. А.
Соотношение понятий «межнациональный» и «гражданский» мир и согласие ... **156**
Люкина О. А.
Административно-правовое регулирование государственных закупок в Российской Федерации ... **158**
Метлин К. Н.
Зачем бизнесу лицензия ... **161**
Фарикова Е. А., Опрышко Р. А.
Судебная пошлина: понятие и место в системе налогов и сборов ... **166**
Юсифов У. М., Цельникер Г. Ф.
Административная ответственность юридических лиц: обоснование и проблематика ... **168**

МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО
Абрамитов С. А., Днепровская М. А., Маркова К. Ю.
Муниципальная услуга: к вопросу использования понятия в законодательстве ... **170**
Архиреева А. С., Толстых Е. А.
Юридическая ответственность органов и должностных лиц местного самоуправления: теоретические и практические аспекты ... **172**

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО
Бабикова Ю. Л.
Влияние исторических и социокультурных факторов на развитие судебных и альтернативных способов разрешения конфликтов на примере Германии ... **175**
Бочаров Н. С.
Применение института юридически значимого сообщения в порядке аналогии закона в трудовом праве ... **179**
Дельцова Н. В.
Самозащита прав предпринимателей в онлайн-среде: отдельные аспекты юридической теории и практики ... **182**
Дикинов А. Х., Кочесоков Р. Х.
Особенности законодательного регулирования инновационной деятельности в Российской Федерации ... **186**
Захарова О. Н., Ивасих Л. П.
К вопросу о месте субсидиарной ответственности в конструкции «снятия корпоративной вуали» ... **189**
Морозова О. А.
К вопросу о брачно-семейных отношениях в современной России ... **191**
Серкеров С. Э., Абдулмуталимова З. М., Гасаналиева К. М.
Теоретико-исторические аспекты развития гражданского законодательства в советский период ... **194**
Телибекова И. М.
Правоприменительная практика образовательного страхования в Российской Федерации ... **196**
Шигонина Л. А., Токатлы Е. О.
Проблемы определения существенных условий договора подряда: теория и практика ... **198**
Ястремский И. А.
Случаи, при которых допускается предоставление сведений, составляющих врачебную тайну без согласия гражданина или его законного представителя ... **202**
Абдужалилов Т. Ф., Пантелеева А. А., Фогель А. А., Пономаренко А. В.
Система юридической ответственности за природоресурсные нарушения в сфере использования и охраны объектов животного мира ... **204**
Александров Р. Д.
Программы лояльности в системе локального регулирования предпринимательской деятельности ... **207**
Вартанов А. С.
Федеральный Закон от 08.08.2024 «О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации» как новая ступень в эволюции авторского права ... **210**
Волков Г. Г.
Соотношение синаллагматической связанности обязательств с возмездностью и автономией воли ... **213**
Дельцова Н. В.
Правовая категория «публичный интерес» при признании сделок недействительными по инициативе прокурора ... **216**
Дюженков Н. А.
К вопросу о концепциях возникновения института имущественных иммунитетов ... **219**
Иванов С. В.
Анализ офшорных косвенных переводов на предмет квалификации как обхода закона ... **222**
Казанкова Т. Н., Брячнева О. П., Марахова Д. Ю., Подстрешный П. В.
Кросс-дисциплинарные проекты в юриспруденции ... **224**
Кулагин И. Ю.
Банковская тайна и конфиденциальность в платформах цифровых валют центральных банков ... **226**
Скобилева И. В., Махонин Д. Д., Усачев А. С., Корнева К. А.
Компенсация как способ защиты интеллектуальных прав: опыт России и зарубежных стран ... **230**
Телибекова Д. Б.
Конвертируемый заем и опцион: анализ юридической природы ... **234**
Черников Д. П.
Криптовалюта как законное средство платежа: проблемы и перспективы регулирования ... **237**
Ястремский И. А.
Лечебное питание для пациентов клиники пластической хирургии, правовые основы ... **242**

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС
Записная Т. В.
О поиске оптимальной модели процессуально-правового механизма восстановления пропущенного процессуального срока в цивилистическом процессе ... **244**
Орлова И. В.
Отдельные вопросы утверждения судами общей юрисдикции и арбитражными судами мировых соглашений ... **247**
Дич Р. А.
Пределы цифровизации исполнительного производства как исходный элемент реформ ... **249**
Егоров Е. В.
Принципы законности и верховенства права в цивилистическом процессе: понятие и соотношение ... **253**
Скобилева И. В., Махонин Д. Д., Усачев А. С.
Развитие альтернативных форм разрешения правовых споров и конфликтов: мировой опыт ... **257**

Шананин И. А.
Особенности признания безвестно отсутствующим или объявления умершим участника специальной военной операции ... **260**

СЕМЕЙНОЕ ПРАВО
Магомедов М. Р.
Влияние цифровизации на институт брака ... **264**

АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС
Маскин К. А.
Дискреционные полномочия должностных лиц арбитражного суда первой инстанции по формированию состава суда ... **267**

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО
Борисенко Л. В., Африкьян О. А., Хван Е. В., Швачкин И. Е.
Инновационные технологии в финансовом обеспечении охраны государственной границы: экономико-правовые аспекты ... **270**
Ковалишина К. В., Евсикова Е. В.
Финансовый контроль в современных условиях: проблемы правопонимания и реализации ... **273**
Макарчук З. В., Попудренко А. Н.
Правовое регулирование и перспектива развития сервиса деления оплаты за товары (услуги) на несколько платежей (BNPL) в России ... **275**
Ковалишина К. В., Евсикова Е. В.
Проблемы правового регулирования финансового контроля в действующем законодательстве Российской Федерации ... **277**

НАЛОГОВОЕ ПРАВО
Арсланбекова А. З., Алиев А. Т.
Расчётно-кассовое обслуживание и ККТ как инструменты снижения теневой экономики: необходимость внедрения среди индивидуальных предпринимателей Республики Дагестан ... **279**
Еремян А. А.
Особенности взаимодействия правоохранительных органов и налоговых органов при расследовании преступлений в сфере налогообложения ... **281**
Олейник А. Д.
Добровольное исполнение налоговой обязанности иностранной организацией-налогоплательщиком в Нигерии ... **284**

ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО
Белоплотов А. О.
Особенности формирования публично-правового режима землепользования при подключении объектов капитального строительства к инженерным сетям ... **288**
Степанян Г. С.
Актуальные направления совершенствования муниципального земельного контроля ... **294**

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО
Зубкова М. Н., Асеева А. С.
Значение проспекта ценных бумаг в процессе эмиссии ценных бумаг ... **299**
Мубинов Д. Д.
Процедура банкротства физического лица в России: анализ эволюции законодательства ... **302**
Осипов А. С.
Особенности установления требований кредиторов в делах о банкротстве кредитных организаций ... **305**
Селюнин П. С.
Приносящая доход деятельность микрофинансовых организаций ... **310**

КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВО
Глинщикова Т. В., Бубненков Р. Р., Ротко М. А.
Правовое регулирование корпоративного договора в Российской Федерации ... **314**
Чаттаев А. Р., Бондаренко О. Н., Туманова А. С., Андреев К. В.
Роль корпоративного договора в управлении обществом с ограниченной ответственностью ... **316**

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО
Давудова С. Я., Рагимханова К. Т.
Правовые аспекты регулирования искусственного интеллекта в образовании ... **319**

КОНКУРЕНТНОЕ ПРАВО
Ананьев А. А.
Применение механизмов правового воздействия за нарушение антимонопольного законодательства в электроэнергетике ... **322**

УГОЛОВНОЕ ПРАВО
Гаджиева А. А., Залибеков М. П.
Правовая природа и место принудительных работ в системе наказаний ... **328**
Григорьев О. В.
Теоретические концепции характеристики субъектов в уголовном праве: к постановке вопроса ... **331**
Долгушина Л. В., Кравцова Е. В., Кабакова Е. С.
Анализ судебной практики за нарушение противопожарного обустройства лесов на территории Красноярского края ... **334**
Ефремова О. С.
Актуальные вопросы предупреждения преступлений экономической направленности ... **337**
Иванова Л. М., Балыкина К. В.
Система наказаний первых императорских династий Китая (221 г. до н.э. - 420 г. н.э.) ... **339**
Красковский Я. Э., Фомин В. В.
Характеристика исполнения наказания в виде принудительных работ (на примере Пензенской области) ... **342**
Левандовская М. Г.
Антирусский нацизм как особая форма идеологической агрессии ... **345**
Пирова Р. Н.
Административные процедуры как средство противодействия коррупции в образовании РФ ... **347**
Попова А. А., Зайченко Л. Н., Насекина Е. С.
Соблюдение принципов единоначалия и субординации в органах внутренних дел ... **349**
Приходько В. В.
Становление ответственности за преступления против половой неприкосновенности в дореволюционном российском законодательстве ... **351**
Ступина С. А
Некоторые вопросы квалификации вымогательства, совершенного в соучастии ... **355**
Чистяков А. А.
Влияние возрастных особенностей субъектов на применение норм, предусматривающих ответственность за убийство с привилегированным составом ... **358**
Фастович Г. Г.
Мероприятия, направленные на формирование антитеррористического сознания у молодежи: теоретико-правовой аспект на примере исследования опыта аграрных вузов России ... **360**
Хорольский В. В., Галяутдинов Р. Ф., Маковская Н. Н., Антонов А. Ю.
Особенности назначения наказаний, не связанных с изоляцией от общества в отношении несовершеннолетних ... **362**
Алимпиев А. А.
Уголовно-правовое противодействие массовым беспорядкам в России: историко-факторный ракурс ... **364**

Аль-Масафир Дурайд Мохаммед Хассун
Сравнительный анализ уголовно-правовых систем мусульманских стран: подходы к лишению свободы ... **368**
Аралкина П. В.
Особенности уголовной ответственности за уничтожение или повреждение чужого имущества ... **373**
Долева О. А.
Ответственность организатора преступления при недостижении исполнителем возраста уголовной ответственности ... **376**
Сологуб В. А.
Рассмотрение уголовных дел, касающихся применения принудительных мер медицинского характера в России и США ... **379**
Ступина С. А., Долгушина Л. В.
Договор возмездного оказания юридических услуг: сквозь призму уголовной ответственности за мошенничество ... **381**

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС
Алиева С. Ю., Бутаев М. Я.
Некоторые уголовно-процессуальные особенности производства расследования преступлений, предусмотренных ст. 150 УК РФ ... **384**
Бельский К. Е.
Этические аспекты уголовной защиты в рамках состязательной системы уголовного судопроизводства (на примере США и Великобритании) ... **387**
Внукова Д. Р., Шепелёва О. Р.
К вопросу о судебной защите прав и свобод человека и гражданина ... **393**
Герасенков В. М., Маевский С. С.
Институт возвращения прокурором уголовного дела следователю: теоретические и правоприменительные аспекты ... **396**
Закирова Э. Ф., Шайхутдинова З. З., Куранов А. С.
Понятие материальных затрат и их содержание в уголовном процессе ... **398**
Замуруева Е. Ю.
Процессуальный статус участников доследственной проверки ... **400**
Кочесоков Р. Х., Дикинов А. Х.
Особенности расследования экономических преступлений в Российской Федерации ... **402**
Лифанова Л. Г., Гаужаева В. А.
Реализация уголовно-процессуальной санкции в правоприменительном процессе ... **405**
Лозинский О. И.
Молекулярно-генетическая экспертиза в уголовном судопроизводстве: понятие; специфика; криминалистические характеристики; круг решаемых вопросов и доказательственные возможности ... **407**
Мальцева С. Н., Сулейманов Т. А.
Спорные вопросы отмены ареста на имущество при производстве по уголовному делу ... **410**
Мальцева Я. В.
Объекты охраны при применении иных мер уголовно-процессуального принуждения ... **412**
Мищенко Е. В., Марина Е. А.
Обстоятельства, подлежащие доказыванию по делам о самовольном оставлении воинской части ... **416**
Шаповалова Т. И.
О необходимости залога как меры пресечения в российском уголовном судопроизводстве ... **419**
Халилзаде Ф. Р.
Доказательства в уголовном процессе Азербайджана и Узбекистана: сравнительный анализ ... **422**
Хуссайни Абдул Джамиль
Источники уголовного процесса в Исламской Республике Иран ... **426**

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО
Игошин В. Г.
Внедрение искусственного интеллекта в систему безопасности при ликвидации пожаров в уголовно-исполнительной системе ... **429**
Терещенко А. И.
Исторические аспекты и современное состояние получения медицинской помощи осужденными, находящимися в местах лишения свободы ... **431**

КРИМИНАЛИСТИКА
Гайнельзянова В. Р., Миролюбов С. Л., Варламов С. А.
Современное состояние экспертизы запаховых следов человека в расследовании уголовных дел ... **433**
Гаужаева В. А., Зотов А. Ю.
Отдельные проблемы квалификации и привлечения к ответственности при соучастии в преступлении ... **436**
Казанкова Т. Н., Кабацков Р. А.
Проблемы классификации судебных экспертиз ... **439**
Костюченко О. Г.
Следственная деятельность как разновидность человеческой активности ... **441**
Мазунин Я. М., Машлякевич В. А.
Некоторые особенности допроса обвиняемых по уголовным делам о мошенничествах, совершаемых с использованием средств телефонной связи ... **445**
Позий В. С., Шелюгова А. А.
Типичные следственные ситуации и тактика проведения отдельных следственных действий на первоначальном этапе расследования преступлений, связанных с мошенничеством в сфере кредитования ... **448**
Яремчук В. П.
Применение технологий в назначении и организации производства судебно-баллистических экспертиз ... **451**

КРИМИНОЛОГИЯ
Бабанина Д. В.
Профилактика криминального насилия: организационный аспект ... **453**
Владимиров С. В., Золотов М. А.
О противодействии поступлению средств мобильной связи в исправительные учреждения ФСИН России ... **455**
Сагайдак А. Ю., Павлик Е. М.
Основные направления профилактики коррупционных преступлений ... **457**
Ханукаев Г. С.
Трансформация антикоррупционной политики в сфере страхования: от универсальных подходов к отраслевой дифференциации ... **459**
Яхонтова О. С., Пасынков В. В.
К вопросу о детерминации современного терроризма ... **464**

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ
Амелин С. Г., Егошин Д. И., Кубеев А. Ж., Барановский А. В.
Модель базовой физической подготовленности сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации ... **466**
Коробкова Е. А.
Основы противодействия ОВД преступлениям в сфере информационных технологий ... **468**
Подковка С. В., Лазарев В. Ю., Таранин М. А., Жабкин А. С.
Компоненты профессиональной успешности сотрудников патрульно-постовой службы ... **471**
Якушев А. В., Шипов О. В.
О подготовке внештатных снайперских групп органов внутренних дел Российской Федерации ... **473**

ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
Соболева М. М., Колошеин Д. А.
К вопросу об особенностях проведения оперативно-розыскных мероприятий по сбыту и выявлению поставщика наркотических средств и их прекурсоров ... **475**

БЕЗОПАСНОСТЬ И ПРАВО
Балаева Д. Р.
Феномен региональной безопасности как составной части национальной безопасности Российской Федерации ... **477**

ПЕДАГОГИКА И ПРАВО
Виноградов А. А.
Образовательные стандарты и требования Министерства просвещения: юридический аспект ... **480**
Зорина Н. С.
Принципы изучения личности несовершеннолетнего осужденного ... **483**
Коренюгин В. В., Нурутдинов И. И., Гончарова Ю. В., Газизов Т. И.
Особенности применения интерактивных методов обучения в процессе преподавания уголовно-правовых дисциплин ... **485**
Корнилова Н. В., Орлова И. В.
Методы проведения практических занятий по дисциплине «Гражданское право», способствующие формированию у студентов навыков правоприменения ... **487**
Терешкин Н. Д., Будаков А. Н., Шкапов П. Ю.
Периодизация спортивных тренировок курсантов образовательных организаций Федеральной службы исполнения наказаний и Министерства внутренних дел России ... **489**

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО
Мурзагалиев Р. Т.
Налоговые правонарушения и современные аспекты их раскрываемости ... **491**
Симоненко А. Ю.
Правовая оценка деятельности унитарных предприятий ... **494**
Скворцов С. А.
Проблемы и ограничения существующих подходов к цифровому просвещению в России ... **497**

СОЦИУМ И ПРАВО
Богатырева О. В., Дзюбан В. В., Закопырин В. Н.
Современные тенденции совершенствования административно-правовой политики ... **500**

ЭКОНОМИКА. ПРАВО. СОЦИУМ
Амеличкин А. В.
Событийный туризм – перспективное направление туристской деятельности региона ... **503**
Воробьев Г. С.
Анализ подходов к понятию «устойчивое развитие сельской территории» ... **505**
Гаритов Е. А., Васильева Ю. П.
Корреляционная зависимость развития мировой экономики и показателей нефтяного рынка ... **507**
Жулин К. А., Васильева Ю. П.
Направления энергетического сотрудничества стран БРИКС+ ... **509**
Машков В. В.
Обеспечение конкурентоспособности на предприятиях транспортного машиностроения ... **512**
Павлов Н. А.
Проблемы правового регулирования топливно-энергетической отрасли ... **514**
Чернухина К. Ю., Туарменский В. В.
Цифровой рубль: некоторые аспекты реализации проекта ... **517**
Чжоу Пэн
Конкуренция и антимонопольная политика в рыночной экономике: сравнительный анализ развитых и развивающихся стран ... **520**

ФИЛОСОФИЯ. ПРАВО. СОЦИУМ
Афанасьевский В. Л.
Социокультурная память как проблема философии культуры ... **523**
Бровкина А. А., Трифонова Т. Л.
Деонтология как часть профессиональной этики сотрудника уголовно-исполнительной системы ... **526**
Ворохобов А. В., Зимина М. В., Мерзлякова А. В.
Концептуализация методологии изучения истории философии ... **529**
Зуева Е. К., Смольнов А. Р.
Цифровые технологии как инструмент развития современного общества (социально-философский анализ) ... **531**
Лозинский Н. Н.
Смысловые ценности и социальные технологии евразийской интеграции ... **533**
Малинова А. Г.
Робинзон Крузо: как герой приключенческого романа стал персонажем многочисленных произведений юридической и иной научной литературы ... **538**
Межуева Е. О.
Идея патриотизма: уроки русской философии первой половины XIX века ... **541**
Покусаева Н. В., Сидоров Д. Г.
Спорт как путь к сверхчеловеку: анализ философии Ницше ... **545**
Тарасов А. Н., Головина Д. А., Оченева Е. С.
Человек в эпоху технологических трансформаций: философско-антропологический ракурс ... **547**
Шакирова Г. Ф.
Религия как важный принцип солидарности в современной многонациональной и многоконфессиональной России ... **549**
Шалашников Г. В.
Формирование начал духовного идеала личности и его постижение в философии народничества и русского позитивизма ... **551**
Ворохобов А. В., Зимина М. В., Пронина Н. С.
Проблематика выработки методологии для изучения философии ... **555**
Шакирова Г. Ф.
Применение принципов солидарности при решении межнациональных вопросов в современной России ... **557**

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ ... **559**

CONTENTS

PERSONA GRATA

A. B. Kasenova:
Fair trial as a development factor
Interview with Asiya Bakenovna Kasenova, Advisor to the Judge of the Eurasian Economic Union ... **14**

EURASIAN INTEGRATION

Teplenina P. S., Ermolina M. A.
Kazakhstan's water resources: prospects for sustainable management ... **22**

INTERNATIONAL LAW

Guliev O. E., Mammedli E. M.
Genesis of the legal framework and integration projects in the Caspian region ... **24**
Zaigraeva O. V., Potapova P. A.
The Russian continental shelf in the Arctic: background of the issue and prospects for expansion (Part 2) ... **27**
Karev D. A., Aliev N. M.
International legal liability for violation of the obligation to prevent transboundary damage to the natural environment ... **31**
Kudryashov V. V.
Legal aspects of cooperation with international financial organizations in the context of sanctions: a view from Russia ... **33**
Talimonchik V. P.
The effectiveness of inter-institutional interaction in international legal regulation of information and communication systems ... **36**
Jennifer Rubio Ortegon
Legal perspectives on Amazonian challenges ... **39**
Kulov S. S.
Practice of the UN human rights committee on communications concerning violations of the right to freedom of thought, conscience and religion ... **41**
Melnikov F. A.
Legal features of the formation and development of the common energy market of the EAEU ... **46**

INTERNATIONAL PRIVATE LAW

Vakhitova G. V., Gazizova L. M., Ibatullina N. S.
The analysis of the basic principles of international environmental law ... **50**
Moroz A. O., Papava A. L., Glinshikova T. V.
The concept and place of non-state regulation in the system of sources of international trade law ... **54**
Lin Peiyuan
The current state of the legislative framework for the unification and transition to digital customs regulation ... **56**

LAW OF THE FOREIGN COUNTRIES

Mirzozoda Sh. B.
Drug addiction as a subject of legal regulation and organizational mechanism for countering drug trafficking in the Republic of Tajikistan ... **60**
Simonov R. M.
Procurement legislation in Russia and the People's Republic of China: a comparative legal analysis ... **63**

THEORY OF STATE AND LAW

Alimova A. I.
On the concept of migration policy and its features ... **66**
Baidarova M. A., Fomin V. V.
Legally significant consequences in the activities of the Commissioner for Human Rights: theoretical and practical aspects ... **69**
Boghatyrev M. R.
Problems of classification of legal regulation: general theoretical approaches ... **73**
Kiosov A. A., Malysheva N. I.
Changing the form of legislative normative legal acts adopted before the entry into force of the Constitution of the Russian Federation ... **77**
Sudakova O. V.
The social function of law ... **81**
Ulaeva N. L.
The role and importance of tectological and synergetic approaches in the research and formation of legal culture and legal awareness ... **84**
Furman T. G.
National-patriotic identity and identification ... **86**
Zrumov M. M., Bifov T. B.
Analysis of the forms of interaction between Sharia and modern Russian law ... **90**
Karakov M. Ya.
Legislative bases of military duty in post-Soviet Russia ... **92**
Karashev K. A., Pekov A. Z.
Analysis of the development features of Russian legislation on intellectual rights ... **94**
Korolev A. A.
Features of the legal regulation of the functioning of the State Automated System of Legal Statistics ... **96**
Nagimova Z. F.
The state of regulatory regulation of goal-setting in the Russian legal policy in the field of socio-economic development of society: questions of theory ... **98**
Khakimova A. R.
Legal policy in the field of economics: analysis and prospects ... **101**
Furman T. G.
Main threats to spiritual security of Russia ... **103**

HISTORY OF STATE AND LAW

Voronin S. A.
Analysis of the content of conflict theory by Ralph Gustav Dahrendorff ... **106**
Rasskazov L. P.
Guarantees of legality in the activities of state bodies in the fight against the fascist-nationalist underground in the western regions of the USSR in 1944-1955 ... **109**
Teryaeva E. V.
State policy on countering official crimes in the late 18th – early 19th CENTURY (based on the materials of the Orel province) ... **112**
Furman F. P.
Legal marxism: utopia or missed opportunity ... **115**
Beschetnov S. S.
British legal policy and its legacy in the West Indian Colonies ... **118**
Furman F. P.
Political and legal views and their changes in G. V. Plekhanov's activities ... **122**

CONSTITUTIONAL LAW

Gadzhiev A. Dh., Gadzhiev T. I.
The role of the Public Chamber of the Republic of Dagestan in the development of civil society: constitutional and legal analysis ... **125**
Dreval L. N.
The institute of the commissioner for children's rights in the Russian Federation: the regional aspect ... **127**
Iljina O. Yu.
Collective social entities as parties to social partnership: constitutional and legal analysis ... **130**
Nizaeva S. R., Gilyazov R. R.
Constitutional and legal status of the Government of the Russian Federation ... **134**
Rakhimova L. M.
On the issue of concepts and features of constitutional and legal responsibility ... **137**
Sarkarova D. S., Shikhtaimova D. A.
Constitutional duties of citizens in the Russian Federation ... **140**

Volkova S. I.
State and technological sovereignty: conceptual correlation in the context of information and telecommunication network technologies ... **142**
Zokhidov M. D.
Human dignity: from antiquity to Kant ... **146**
Rysev G. S.
The problem of interpretation of the concept of "economic security" in the Constitution of the Russian Federation ... **150**

ADMINISTRATIVE LAW
Arslanbekova A. Z., Gitinov N. D.
Problems and prospects of improving the civil service in the Russian Federation ... **154**
Elanskaya D. A.
On the relationship between the concepts of «interethnic peace and accord» and «civil peace and accord» ... **156**
Lyukina O. A.
Administrative and legal regulation of public procurement in the Russian Federation ... **158**
Metlin K. N.
Why does a business need a license ... **161**
Farikova E. A., Opryshko R. A.
Judicial fee: the concept and place in the system of taxes and fees ... **166**
Yusifov U. M., Tselniker G. F.
Feasibility of administrative liability of legal entities ... **168**

MUNICIPAL LAW
Abramitov S. A., Dneprovskaya M. A., Markova K. Yu.
Municipal service: to the question of using the concept in legislation ... **170**
Arkhireeva A. S., Tolstykh E. A.
Legal liability of local government bodies and officials: theoretical and practical aspects ... **172**

CIVIL LAW
Babikova Yu. L.
The influence of historical and socio-cultural factors on the development of judicial and ADR: experience of German ... **175**
Bocharov N. S.
Application of the institute of legally significant message in the analogy of law in labor law ... **179**
Deltsova N. V.
Self-protection of entrepreneurs' rights in the online environment: selected aspects of legal theory and practice ... **182**
Dikinov A. Kh., Kochesokov R. Kh.
Features of legislative regulation of innovation activities in the Russian Federation ... **186**
Zakharova O. N., Ivasikh L. P.
On the issue of the role of subsidiary liability in the structure of «piercing the corporate veil» ... **189**
Morozova O. A.
On the issue of marriage and family relations in modern Russia ... **191**
Serkerov S. E., Abdulmutalimova Z. M., Gasanalieva K. M.
Theoretical and historical aspects of the development of civil legislation in the Soviet period ... **194**
Telibekova I. M.
The law enforcement practice of educational insurance in the Russian Federation ... **196**
Shigonina L. A., Tokatly E. O.
Problems of determining the essential terms of a work contract: theory and practice ... **198**
Yastremskiy I. A.
Cases in which it is allowed to provide information constituting a medical secret without the consent of a citizen or his legal representative ... **202**
Abduzhalilov T. F., Panteleeva A. A., Fogel A. A., Ponomarenko A. V.
The system of legal liability for environmental violations in the sphere of wildlife use and protection ... **204**
Alexandrov R. D.
Loyalty programs in the system of local regulation of entrepreneurial activity ... **207**
Vartanov A. S.
Federal Law of 08.08.2024 «On the development of creative industries in the Russian Federation» as a new step in the evolution of copyright ... **210**
Volkov G. G.
Correlation of synallagma with consideration and will's autonomy ... **213**
Deltsova N. V.
The legal category of «public interest» when declaring transactions invalid on the initiative of the prosecutor ... **216**
Dyuzhenkov N. A.
On the issue of the concepts of the institution of property immunities ... **219**
Ivanov S. V.
Analysis of offshore indirect transfers for qualification as circumvention of law ... **222**
Kazankova T. N., Bryachneva O. P., Marakhova D. Yu., Podstreshny P. V.
Cross-disciplinary projects in law ... **224**
Kulagin I. Yu.
Banking secrecy and privacy in central bank digital currency platforms ... **226**
Scobileva I. V., Makhonin D. D., Usachev A. S., Korneva K. A.
Compensation as a way to protect intellectual property rights: experience of Russia and foreign countries ... **230**
Telibekova D. B.
Convertible loan and option: analysis of the legal nature ... **234**
Chernikov D. P.
Cryptocurrency as a legal means of payment: problems and prospects of regulation ... **238**
Yastremskiy I. A.
Medical nutrition for patients at the plastic surgery clinic, legal basis ... **242**

CIVIL PROCESS
Zapisnaya T. V.
On the search for the optimal model of the procedural and legal mechanism for restoring the missed procedural period in the civil process ... **244**
Orlova I. V.
Separate issues of approval of settlement agreements by courts of general jurisdiction and arbitration courts of settlement agreements ... **247**
Dich R. A.
The limits of digitalization of enforcement proceedings as a starting element of reforms ... **249**
Egorov E. V.
Principles of legality, rule of law and legal certainty in the civil process: concept, relation, differentiation ... **253**
Scobileva I. V., Makhonin D. D., Usachev A. S.
Development of alternative forms of resolving legal disputes and conflicts: world experience ... **257**
Shananin I. A.
The specifics of recognizing a participant in a special military operation as missing or dead ... **260**

FAMILY LAW
Magomedov M. R.
The impact of digitalization on the institution of marriage ... **264**

ARBITRATION PROCESS
Maskin K. A.
Discretionary powers of officials of the arbitration court of first instance to form the composition of the court ... **267**

FINANCIAL LAW
Borisenko L. V., Afrikian O. A., Khvan E. V., Shvachkin I. E.
Innovative technologies in financial provision of the State Border Protection: legal and economic aspects **270**
Kovalishina K. V., Evsikova E. V.
Financial control in modern conditions: problems of legal understanding and implementation **273**
Makarchuk Z. V., Popudrenko A. N.
Regulation and the prospect of developing a «buy now, pay later» service (BNPL) in Russia **275**
Kovalishina K. V., Evsikova E. V.
Problems of legal regulation of financial control in the current legislation of the Russian Federation **277**

TAX LAW
Arslanbekova A. Z., Aliev A. T.
Cash management services and cash registers as tools for reducing the shadow economy: the need for implementation among individual entrepreneurs of the Republic of Dagestan **279**
Eremyan A. A.
Peculiarities of interaction between law enforcement agencies and tax authorities in the investigation of crimes in the field of taxation **281**
Oleynik A. D.
The voluntary tax compliance of foreign taxpayer organization in Nigeria **284**

LAND LAW
Beloplotov A. O.
Peculiarities of formation of public-legal regime of land use when connecting capital construction objects to engineering networks **288**
Stepanyan G. S.
Current directions for improving municipal land control **294**

ENTREPRENEURIAL LAW
Zubkova M. N., Aseeva A. S.
Features of registration of the issue of securities by registering organizations **299**
Mubinov D. D.
Bankruptcy procedure of a natural person in Russia: analysis of the evolution of legislation **302**
Osipov A. S.
Features of admission creditors` claims in case of bankruptcy of credit organizations **305**
Selyunin P. S.
Income-generating activities of microfinance organizations **310**

CORPORATE LAW
Glinshchikova T. V., Bubnenkov R. R., Rotko M. A.
Legal regulation of corporate agreements in the Russian Federation **314**
Chattaev A. R., Bondarenko O. N., Tumanova A. S., Andreev K. V.
The role of the corporate agreement in the management of limited liability company **316**

INFORMATION LAW
Davudova S. Ya., Ragimhanova K. T.
Legal aspects of regulation of artificial intelligence in education **319**

COMPETITION LAW
Ananjev A. A.
Application of law enforcement mechanisms for violations of antitrust legislation in the electric power industry **322**

CRIMINAL LAW
Gadzhieva A. A., Zalibekov M. P.
The legal nature and place of forced labor in the penal system *328*
Grigorjev O. V.
Theoretical concepts of characteristics of subjects in criminal law: towards the statement of the question **331**
Dolgushina L. V., Kravtsova E. V., Kabakova E. S.
Analysis of judicial practice for violation of fire protection of forests in the Krasnoyarsk Territory **334**
Efremova O. S.
Current issues of preventing economic crimes **337**
Ivanova L. M., Balykina K. V.
The punishment system of the first imperial dynasties of China (221 BC - 420 AD) **339**
Kraskovskiy Ya. E., Fomin V. V.
Characteristics of execution of punishment in the form of forced labor (on the example of Penza region) **342**
Levandovskaya M. G.
Anti-Russian Nazism as a special form of ideological aggression **345**
Pirova R. N.
Problems of combating corruption in law enforcement agencies **347**
Popova A. A., Zaychenko L. N., Nasekina E. S.
Observance of the principles of unity of command and subordination in the internal affairs bodies **349**
Prikhodko V. V.
Formation of responsibility for crimes against sexual integrity in pre-revolutionary Russian legislation **351**
Stupina S. A.
Some questions about the qualification of extortion committed in complicity **355**
Chistyakov A. A.
The influence of the age characteristics of the subjects on the application of norms providing for liability for murder with a mitigating composition **358**
Fastovich G. G.
Events aimed at forming anti-terrorist consciousness in young people: theoretical and legal aspect based on the example of a study of the experience of agrarian universities in Russia **360**
Khorolskiy V. V., Galyautdinov R. F., Makovskaya N. N., Antonov A. Yu.
Features of the appointment of punishments not related to deprivation of liberty in relation to minors **362**
Alimpiev A. A.
Criminal law counteraction to mass riots in Russia: historical and factorial perspective **364**
Al-Musafir Duraid Mohammed Hassan
Comparative analysis of criminal legal systems in Muslim countries: approaches to deprivation of liberty **368**
Aralkina P. V.
Current issues in the investigation of criminal cases involving foreign citizens **373**
Doleva O. A.
The responsibility of the organizer of the crime in complicity with a person who has not reached the age of criminal responsibility **376**
Sologub V. A.
Consideration of criminal cases concerning the use of compulsory medical measures in Russia and the USA **379**
Stupina S. A., Dolgushina L. V.
Contract for the provision of paid legal services: through the prism of criminal liability for fraud **381**

CRIMINAL PROCESS
Alieva S. Yu., Butaev M. Ya.
Some criminal procedural features of the investigation of crimes under Article 150 of the Criminal Code of the Russian Federation **384**
Belskiy K. E.
Ethical aspects of criminal defense within the adversarial system of criminal justice (USA and the UK – England and Wales) **387**
Vnukova D. R., Shepeleva O. R.
On the issue of judicial protection of human and civil rights and freedoms **393**

Gerasenkov V. M., Maevskiy S. S.
The institute of return of a criminal case by the prosecutor to the investigator: theoretical and law enforcement aspects ... **396**
Zakirova E. F., Shaykhutdinova Z. Z., Kuranov A. S.
Concept of material costs and their content in the criminal process ... **398**
Zamurueva E. Yu.
Procedural status of participants in pre-investigation checks ... **400**
Kochesokov R. Kh., Dikinov A. Kh.
Peculiarities of investigation of economic crimes in the Russian Federation ... **402**
Lifanova L. G., Gauzheva V. A.
Implementation of criminal procedural sanctions in the law enforcement process ... **405**
Lozinskiy O. I.
Molecular genetic examination in criminal proceedings: concept; specifics; criminalistic characteristics; range of issues to be resolved and evidentiary possibilities ... **407**
Maltseva S. N., Suleymanov T. A.
Controversial issues of cancellation of seizure of property during criminal proceedings ... **410**
Maltseva Ya. V.
Objects of protection when applying other measures of criminal procedure coercion ... **412**
Mishchenko E. V., Marina E. A.
Circumstances to be proved in cases of unauthorized abandonment of a military unit ... **416**
Shapovalova T. I.
On the need for bail as a preventive measure in Russian criminal proceedings ... **419**
Khalilzade F. R.
Evidence in the criminal proceedings of Azerbaijan and Uzbekistan: a comparative analysis ... **422**
Hussaini Abdul Jamil
Sources of the criminal process in the Islamic Republic of Iran ... **426**

CRIMINAL-EXECUTIVE LAW
Igoshin V. G.
The introduction of artificial intelligence into the fire safety system in the penal system ... **429**
Tereshchenko A. I.
Historical aspects and the current state of receiving medical care by convicts in prison institutions ... **431**

CRIMINALISTICS
Gaynelzyanova V. R., Mirolyubov S. L., Varlamov S. A.
Current state of human odor trace examination in criminal investigations ... **433**
Gauzhaeva V. A., Zotov A. Yu.
Certain issues of qualification and prosecution in cases of complicity in a crime ... **436**
Kazankova T. N., Kabatskov R. A.
Problems of classification of forensic examinations ... **439**
Kostyuchenko O. G.
Investigative activity as a type of human activity ... **441**
Mazunin Ya. M., Mashlyakevich V. A.
Some peculiarities of interrogation of the accused in criminal cases of fraud committed with the use of means of telephone communication ... **445**
Poziy V. S., Shelyugova A. A.
Typical investigative situations and tactics of conducting individual investigative actions at the initial stage of the investigation of crimes related to fraud in the field of lending ... **448**
Yaremchuk V. P.
The use of technology in the appointment and organization of the production of forensic ballistics examinations ... **451**

CRIMINOLOGY
Babanina D. V.
Prevention of criminal violence: an organizational aspect ... **453**
Vladimirov S. V., Zolotov M. A.
On countering the flow of mobile communications to correctional institutions of the Federal Penitentiary Service ... **455**
Sagaydak A. Yu., Pavlik E. M.
Main directions of prevention of corruption crimes ... **457**
Khanukaev G. S.
Transformation of anti-corruption policy in the insurance sector: from universal approaches to industry differentiation ... **459**
Yakhontova O. S., Pasynkov V. V.
On the issue of the determination of modern terrorism ... **464**

LAW ENFORCEMENT AGENCIES
Amelin S. G., Egoshin D. I., Kubeev A. Zh., Baranovskiy A. V.
The model of basic physical fitness of law enforcement officers of Russia ... **466**
Korobkova E. A.
Basics of counteraction of internal affairs bodies to crimes in the sphere of information technologies ... **468**
Podkovka S. V., Lazarev V. Yu., Taranin M. A., Zhabkin A. S.
The components of the professional success of patrol officers ... **471**
Yakushev A.V., Shipov O.V.
On the training of non-staff sniper groups of the internal affairs bodies of the Russian Federation ... **473**

OPERATIONAL AND INVESTIGATIVE ACTIVITIES
Soboleva M. M., Koloshein D. A.
On the peculiarities of operational-search activities on the sale and identification of the supplier of narcotic drugs and their precursors ... **475**

SECURITY AND LAW
Balaeva J. R.
The phenomenon of regional security as an integral part of the national security of the Russian Federation ... **477**

PEDAGOGY AND LAW
Vinogradov A. A.
Educational standards and requirements of the Ministry of Education: legal aspect ... **480**
Zorina N. S.
Principles of studying the personality of an underage convict ... **483**
Korenyugin V. V., Nurutdinov I. I., Goncharova Yu. V., Gazizov T. I.
Features of the use of interactive teaching methods in the process of teaching criminal law disciplines ... **485**
Kornilova N. V., Orlova I. V.
Methods of conducting practical classes in the discipline «Civil Law», contributing to the formation of students' law enforcement skills ... **487**
Tereshkin N. D., Budakov A. N., Shkapov P. Yu.
Periodization of sports exercise for cadets of educational institutions of the Federal Penitentiary Service and the Organization of the Ministry of Internal Affairs of Russia ... **489**

STATE AND LAW
Murzagaliev R. T.
Tax offenses and modern aspects of their disclosure ... **491**
Simonenko A. Yu.
Legal assessment of the activities of unitary enterprises ... **494**
Skvortsov S. A.
Problems and limitations of existing approaches to digital education in Russia ... **497**

SOCIETY AND LAW
Bogatyreva O. V., Dzyuban V. V., Zakopyrin V. N.
Current trends in improving administrative and legal policy **500**

ECONOMY. LAW. SOCIETY
Amelichkin A. V.
Event tourism is a promising area of tourist activity in the region **503**
Vorobyov G. S.ë
Analysis of approaches to the concept of «sustainable rural development» **505**
Garitov E. A., Vasiljeva Yu. P.
Correlation between the development of the global economy and oil market indicators **507**
Zhulin K. A., Vasiljeva Yu. P.
Areas of energy cooperation between the BRICS+ countries **509**
Mashkov V. V.
Ensuring competitiveness in transport engineering enterprises **512**
Pavlov N. A.
Problems of legal regulation of the fuel and energy industry **514**
Chernukhina K. Yu., Tuarmenskiy V. V.
Digital ruble: some aspects of the project implementation **517**
Zhou Peng
Competition and antitrust policy in a market economy: a comparative analysis of developed and developing countries **520**

PHILOSOPHY. LAW. SOCIETY
Afanasevskiy V. L.
Sociocultural memory as a problem of philosophy of culture **523**
Brovkina A. A., Trifonova T. L.
Deontology as a part of the professional ethics of an employee of the penitentiary system **526**
Vorokhobov A. V., Zimina M. V., Merzlyakova A. V.
Conceptualization of the methodology of studying the history of philosophy **529**
Zueva E. K., Smolnov A. R.
Digital technologies as a tool for the development of modern society (social and philosophical analysis) **531**
Lozinskiy N. N.
Semantic values and social technologies of Eurasian integration **533**
Malinova A. G.
Robinson Crusoe: how the hero of an adventure novel became a character in numerous works of legal and other scientific literature **538**
Mezhueva E. O.
The idea of patriotism: lessons of Russian philosophy of the first half of the XIXth century **541**
Pokusaeva N. V., Sidorov D. G.
Sports as a path to superhuman: Nietzsche's philosophy analysis **545**
Tarasov A. N., Golovina D. A., Ocheneva E. S.
Man in the era of technological transformations: a philosophical and anthropological perspective **547**
Shakirova G. F.
Religion as an important principle of solidarity in modern multinational and multi-confessional Russia **549**
Shalashnikov G. V.
The formation of the beginnings of the spiritual ideal of the individual and his attainment in philosophy of Russian populism and positivism **551**
Vorokhobov A. V., Zimina M. V., Pronina N. S.
Problems of developing a methodology for studying philosophy **555**
Shakirova G. F.
Application of the principles of solidarity in resolving interethnic issues in modern Russia **557**

INFORMATION FOR AUTHORS **559**

А. Б. КАСЕНОВА: СПРАВЕДЛИВЫЙ СУД КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ

Интервью с Касеновой Асией Бакеновной, Советником судьи Евразийского экономического союза.

A. B. KASENOVA: FAIR TRIAL AS A DEVELOPMENT FACTOR

Interview with Asiya Bakenovna Kasenova, Advisor to the Judge of the Eurasian Economic Union.

Касенова А. Б.

Визитная карточка:

В 1995 году окончила Карагандинский государственный университет по специальности «Правоведение». Работала в Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, судьей апелляционной и надзорной инстанций Акмолинского областного суда, советником Председателя Верховного Суда Республики Казахстан, заместителем руководителя Департамента по обеспечению деятельности судов при Верховном Суде Республики Казахстан, заместителем Руководителя Национального центра по правам человека Республики Казахстан. С января 2024 года – Советник судьи Евразийского экономического союза. Являлась участником и руководителем рабочих групп по разработке законодательных и иных нормативных правовых актов по вопросам регулирования судоустройства и судопроизводства, координатором проектной деятельности Верховного Суда, член Экспертного совета при Национальном центре по правам человека. Автор ряда публикаций по вопросам судебной реформы и судебной практики, в том числе монографии «Проблемы использования информационно-коммуникационных технологий в судебной системе Республики Казахстан».

– Здравствуйте, уважаемая Асия Бакеновна! У Вас большой опыт работы в разных государственных структурах в Казахстане. Чем привлекательна для Вас юридическая профессия и практика?

– Я очень признательна вам за приглашение выступить на страницах такого авторитетного научного издания. Хотя я не человек науки, надеюсь некоторые соображения окажутся полезными для вашей аудитории. Действительно, мне удалось поработать в различных госорганах, и вся моя профессиональная деятельность связана с защитой прав и свобод людей. Сначала это были конкретные кейсы, жалобы, судебные дела, а затем и работа по развитию правовых институтов и механизмов. В целом, независимо от функционала, деятельность юриста дает особое чувство сопричастности и удовлетворенности, когда удается помогать людям в поиске законности и справедливости. Ведь и на латыни, и в казахском языке термины юстиция («әділет») и справедливость («әділеттілік», «әділдік») звучат практически одинаково и несут общий смысл.

– В Казахстане справедливость становится частью национальной идеи, Президентом страны К.-Ж.Токаевым объявлена задача построения Справедливого государства. Важное значение придается реформам в области правосудия. Очевидно, что в Казахстане, также, как и в России, существует общественный запрос на улучшение работы судов, повышение доверия к правосудию. Вы больше десятилетия непосредственно занимались судебными реформами, какие у Вас по этому поводу будут комментарии?

– Безусловно, актуализация концепции Справедливого государства вызвана востребованностью повышения доверия к институтам власти, признания населением нравственной основы деятельности государственных органов и должностных лиц, проявления к ним уважения и поддержки, принятия и разделения гражданским обществом и каждым его членом определенной степени ответственности за эффективное развитие.

Реализация видения Справедливого государства, заложенного в Послании Президента народу Казахстана 2022 года «Справедливое государство. Единая нация. Благополучное общество» требует дальнейшего развития принципов правового государства. Говоря о судебной реформе, хотелось бы отметить значение действенной системы сдержек и противовесов. Поскольку складывается впечатление, что в последние годы имеет место определенное увлечение институциональными преобразованиями судов при недооценке выстраивания механизмов, служащих противовесами или сдерживающими факторами.

Более того, институциональная «перестройка» судебной власти приобрела цикличность; последние реформы в судах, реализация которых ожидается в текущем 2025 году, профессиональные участники судопроизводства уже сравнили с движением маятника. Если кто-то связывает причину этого с приходом нового Председателя Верховного Суда, я более склонна видеть в этом «архаизацию» процессов, связанную с более ранним кризисом идей и отсутствием системного видения в целом в судебной системе. Например, ранее серьезной критике подверглись подготовленные Верховным Судом «24 шага по реформированию судебной системы», вызвавшие в 2022 году бурную дискуссию в юридическом сообществе.

– Говоря о цикличности и архаизации Вы имеете в виду реформу кассационной инстанции?

– Да, и возврат к «сплошной» кассации, и к прежним подходам в вопросах ответственности судей, и восстановление квалификационных классов судей, и другие меры.

Так, в гражданском судопроизводстве норма об ограничении подсудности высшей судебной инстанции впервые была введена с января 2006 года. Затем, по Закону от 10 декабря 2009 года, ограничения в обжаловании вступивших в силу судебных актов были сняты. С переходом на трехзвен-

ную модель правосудия в 2015 году в Гражданском процессуальном кодексе вновь были предусмотрены ограничения в обжаловании отдельных категорий судебных актов. Теперь же, с созданием кассационных судов, с 2025 года поэтапно возвращаются прежние правила о пересмотре всех обжалованных судебных актов.

Возникает правомерный вопрос: чем вызвана необходимость такой реформы? Представляется, что таким образом инициаторы пытались решить проблему неудовлетворенности населения, особенно юридического и бизнес-сообщества, состоянием дел по предварительному пересмотру судебных актов в кассационной инстанции, который в народе прозвали «предбанником». В обоснование часто использовался тезис о якобы несоблюдении конституционного права на равный доступ к судебной защите.

Однако создание кассационных судов с оставлением за Верховным Судом функции пересмотра дел по исключительным основаниям проблемы «предбанника» по существу не решает, а тезис о неконституционности ограничения подсудности дел кассационной инстанции юридически не обоснованный. Кстати, это нашло подтверждение и в принятом недавно Нормативном постановлении Конституционного Суда Республики Казахстан от 24 декабря 2024 года № 56-НП «О рассмотрении на соответствие Конституции Республики Казахстан подпункта 3) части второй статьи 434 Гражданского процессуального кодекса Республики Казахстан от 31 октября 2015 года». К сожалению, к этому времени депутаты успели принять закон о создании кассационных судов, хотя такая мера может лишь отсрочить на срок примерно до года проблемы кассационного производства, которые по окончании «кредита доверия» от общественности лишь усугубят критику судебной реформы. Ведь очевидно, что старые методы не оправдали себя в решении давних проблем.

Если задуматься, в чем состоит суть общественного запроса, то, говоря простыми словами, для людей важно получить в судебном акте конкретные ответы на свои доводы о нарушении их прав либо о неправильном применении законов местными судами. Проблема в том, что люди, оспаривая аргументацию или выводы судебных решений, не находят ответов на свои доводы в постановлениях судей Верховного Суда. Однако данная проблема не решается созданием новых судов. Какой в этом смысл, если нужно менять подходы к принятию и обоснованию судебных постановлений, создавать такие условия, когда люди могли бы получить убедительные ответы на свои аргументы в судебном акте. И дело здесь не в том, как написан текст решения, каким шрифтом или кеглем, хотя для правосудия мелочей не бывает. Суть в том, чтобы человек получил в суде решение своей проблемы или понял, в чем он не прав. Мотивы суда при принятии решения и сама процедура судебного рассмотрения должны быть ясными и логичными, вызывающими доверие и убежденность в том, что правосудие свершилось.

Соответствующие доводы относительно реформы кассации, основанные на анализе предыдущей практики, были представлены мной в Верховном Суде и других уполномоченных органах, в бытность заместителем Руководителя Национального центра по правам человека. Однако на сегодня законодателем приняты предложенные Верховным Судом меры, последствия которых, на мой взгляд, предсказуемо не могут обеспечить актуальные задачи судебной системы.

– Какие задачи, кроме отправления правосудия, могут стоять перед судами?

– Отправление правосудия – это основная функция судов. А правильно и эффективно функционирующая судебная система обеспечивает решение целого ряда задач, жизненно важных для государства и каждого отдельно взятого человека.

Независимое и справедливое правосудие обеспечивает доверие к институтам власти и создает правовой режим, при котором добросовестное поведение становится выгодным для любых участников правоотношений. К сожалению, за последние годы не встречала ни одного исследования (опроса), позволяющего прояснить картину, насколько население ощущает защищенными свои права. Объективный анализ статистики обращений граждан в центральные государственные органы, а также в правоохранительные органы может проявить ситуацию с защитой и, особенно, профилактикой нарушений прав граждан.

Так, по данным Комитета по правовой статистике Генеральной прокуратуры, ежегодно в государственные органы поступает от 2,5 до 3 млн. обращений, не считая сообщений о преступлениях и происшествиях. Конечно, не все они являются обоснованными жалобами, но с учетом численности взрослого населения страны, это свидетельствует об уровне удовлетворенности людей степенью защищенности своих прав и законных интересов. В нормально функционирующей правовой системе каждая жалоба является сигналом о неблагополучии, о проблеме, требующей привлечения принудительной силы государства. Если наплыв обращений в госорганы из года в год не снижается, это дает серьезный повод задуматься об эффективности правовых реформ и особенно административных процедур и административной юстиции.

Еще один уровень задач системы правосудия связан с тем, что ее эффективность характеризует степень институционального развития государства. К примеру, приток инвестиций в важной степени связан с оценкой надежности судебно-правовых гарантий защиты прав собственности и ведения бизнеса.

– Асия Бакеновна, давайте вернемся к теме создания кассационных судов. Возможно, еще одна судебная инстанция позволит лучше разобраться в деле, даст еще один шанс людям добиться справедливости?

– Как раз опыт прошлых лет показывает, что увеличение количества инстанций существенно не влияет на общую картину с законностью и обоснованностью судебных решений. Такой шанс оправдан в уголовном судопроизводстве, где сфера кассационного производства расширена и без создания кассационного суда. По гражданским делам, независимо от того, какое количество жалоб поступает в кассацию, удельный вес отмененных/измененных в этой инстанции судебных актов стабилизируется в пределах 0,2-0,3% от общего числа решений первой инстанции. Если этот процент увеличивается, то это повод работать над улучшением качества решений первой инстанции, а не создавать новый суд по их пересмотру.

Введение еще одной инстанции для всех гражданских дел повлечет лишь увеличение периода обращения судебных актов к исполнению, риски злоупотребления правом на обжалование, значительное увеличение судебных издержек и другие не вполне благоприятные последствия.

Что касается доступа к правосудию, то по общепризнанным международным стандартам такой доступ обеспечивается в судах первой и апелляционной инстанций, здесь же речь идет об уже вступивших в силу судебных актах. Пересмотр дел по любой жалобе, без предварительной оценки ее обоснованности, далеко не способствует стабильности судебной практики или укреплению авторитета судебных решений.

Стоит также отметить, что в отличие от ситуации до 2015 года, когда сплошной пересмотр вступивших в силу ак-

тов осуществляли коллегии областных судов, сейчас все дела кассационного производства планируется рассматривать в столице, в связи с чем говорилось о строительстве новых зданий судов. Насколько оправданна такая концентрация в столице проблем и чаяний участников споров, уже получивших разрешение в первых двух судебных инстанциях? Тем более не логичным выглядит такое решение на фоне данных Верховного Суда о том, что в 2024 году 98,9% судебных актов местных судов признаны законными и обоснованными.

Вызывает вопросы объявленная реформа кассации и с точки зрения последовательности конституционных преобразований. Так, поправками 2017 года из статьи 81 Конституции была исключена норма об осуществлении Верховным Судом надзора за деятельностью местных судов. Если функции кассационной инстанции сейчас переданы кассационным судам, не означает ли это, по существу, что Верховный Суд, как высшая судебная инстанция, вновь приобретает надзорные полномочия? Еще один тезис инициаторов реформы о необходимости сосредоточить усилия судей Верховного Суда на анализах судебной практики, вызывает недоумение, поскольку ранее укреплением судебной аналитики обосновывалось создание Судебной администрации.

Улучшения качества правосудия и доверия населения к судам нужно добиваться, на мой взгляд, не введением еще одной инстанции, а через повышение потенциала судейского корпуса, повышение личной ответственности и мотивации судей к правильному и своевременному разрешению дел.

– Речь идет об усилении дисциплинарной ответственности судей и улучшении их материального содержания?

– В данном контексте, применительно к кассации, я имела в виду те простые инструменты, которые предлагались еще в 2019 году, в ходе работы над изменениями в процессуальные законы в проектной программе Верховного Суда. Еще в то время вопрос введения сплошной кассации активно будировали по тем мотивам, что единоличное предварительное рассмотрение кассационных ходатайств влечет формализм и необоснованные отказы в возбуждении кассационного производства. Мы тогда предлагали ввести предварительное рассмотрение кассационных ходатайств тремя судьями, вместо единоличного, а в целях процессуальной экономии использовать достижения цифровизации. Так, материалы кассационной жалобы в электронном виде поступали бы на изучение к каждому из трех отобранных автоматизированной системой судей, который в той же системе простым кликом мог бы выразить свой вывод о наличии/отсутствии оснований к пересмотру. В зависимости от полученных результатов автоматически формировался бы электронный проект постановления, с направлением его на подпись судьям. При этом любой из трех судей имел бы возможность инициировать совместное обсуждение проекта постановления.

На мой взгляд, такой механизм, когда судья лично знакомится с материалами и фиксирует свое решение, значительно повышает его личную ответственность, по сравнению с тем, когда он может просто полагаться на мнение судьи-докладчика.

Это одна из многих инициатив, которые могли бы, на мой взгляд, дать ощутимые результаты без значительных финансовых и материальных затрат.

– Действительно, интересный подход. Можно предположить, что это было не единственное предложение, которое не нашло поддержки?

– Далеко не единственное, к примеру, тогда же мы предлагали ввести в Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан (ГПК) экстерриториальную подсудность, и хотя к этой идее, презентованной в проектном офисе в 2019 году, судьи Верховного Суда отнеслись с осторожностью, в последующем к ней все-таки вернулись, и в Законе от 20 декабря 2021 года она была реализована, хотя уже без нашего участия.

– По отзывам в Интернет-сообществах, реформы того периода расцениваются как динамичные, но неоднозначные. Например, отмечаются успехи в электронном судопроизводстве, но есть и мнения о неоднозначности отдельных процессуальных нововведений, что предположительно объясняют отсутствием судейского опыта у тогдашнего Председателя Верховного Суда Асанова Ж.К. и его команды.

– Здесь очень важно сохранять объективность. Безусловно, я разделяю мнение о том, что Председатель Верховного Суда должен быть прежде всего судьей Верховного Суда, и что судьей нельзя стать в одночасье. Отсутствие опыта судейской работы у самого Председателя и членов его команды, конечно, вызывало свои сложности в работе и не могло не отразиться на результатах. В то же время, новые подходы к организации работы, которые они привнесли, помогли серьезно ускорить решение ряда важных вопросов, которые накопились к тому времени.

В частности, вопрос о несоразмерном росте нагрузки на местные суды, особенно на суды первой инстанции, аналитическое подразделение аппарата Верховного Суда поднимало уже задолго до этого. Мы более чем за год прогнозировали, что с учетом санкционирования исполнительных действий нагрузка на суды первой инстанции по гражданским делам к 2019 году достигнет порядка 4 млн. дел и материалов в год (что и произошло на деле). Поскольку прежнее руководство и коллегии Верховного Суда с осторожностью восприняли наши расчеты и предложения о необходимости законодательных мер, ограничились проведением пилотного проекта по снижению судебной нагрузки, совместно с Республиканской нотариальной палатой. Уже после прихода к руководству Верховным Судом Асанова Ж.К. результаты пилотного проекта легли в основу соответствующих законодательных мер, а снижение судебной нагрузки было объявлено одной из приоритетных задач.

К слову скажу, что к тому моменту также были уже предварительно проработаны и другие важные преобразования. Это касается, например, создания следственных судов, рекомендаций об объединении районных судов гражданской и уголовной юрисдикции в столице и крупных городах, и других мер. Не случайно девизом того периода был объявлен тезис «Сделано немало – продолжим вместе!».

Что касается процессуальных нововведений, важно отметить, что все предложения и редакции изменений в кодексы рассылались судьям Верховного Суда для обсуждения и доработки, еженедельно в объявленное время проводились обсуждения в проектном офисе. Были сформированы рабочие группы из числа судей Верховного Суда, причем любые изменения, вызвавшие у них хоть какие-то сомнения, были безжалостно исключены из финальной версии, представленной в правительственные структуры. К примеру, был снят пакет предложений по вопросам исполнительного производства, по мотивам отсутствия проблем у судей. Хотя сейчас их актуальность трудно отрицать, особенно после нашумевшей истории в Алматы с должником Дужновым или нынешней петиции против частных судебных исполнителей.

В результате интенсивной работы проектных групп только в ГПК в течение короткого времени были внесены три больших пакета изменений и дополнений. Особо нужно

отметить, что к конечному результату «приложили руку» и отдельные судьи Верховного Суда, и депутаты Парламента, дополнив их, особенно в части, касающейся использования медиации и других примирительных процедур. Поэтому, в конечном итоге, все изменения в процессуальные законы – это продукт коллективного труда.

Тем не менее, роль лиц, уполномоченных на принятие решений, как и их личная ответственность, очень высока. За годы работы пришлось не раз сталкиваться с тем, что не все зависит от твоих усилий, и порой самые здравые решения могут быть отвергнуты или искажены. Иногда проходили годы, прежде чем нужные меры были реализованы. В то же время, на моих глазах принимались и явно неверные, ошибочные решения, порой не просто бесполезные, а попросту вредные для правосудия. Размышляя об этом, думаю, что этому в немалой степени способствует и такой феномен, присущий не только казахстанским судьям, выражающийся в их определенной самоотстраненности от участия в работе по совершенствованию судебной деятельности. Такую позицию мотивируют тем, что судьи должны заниматься только отправлением правосудия, исключением «несвойственных функций», высокой нагрузкой и т.д.

С учетом этого, еще сильнее возрастают риски, связанные с привлечением в суды «менеджеров» без судейского опыта, невзирая на все их профессиональные качества. Работа судов, в отличие от обычной государственной или правоохранительной службы, основана на «тонких настройках», ведь ни порядок службы на ниве отправления правосудия, ни характер взаимоотношений между судьями, судьями и председателями судов, между судебными инстанциями, ничем не регламентирован, кроме сложившихся традиций и нравственных начал. Сам судья профессионально «созревает» в течение длительного времени, получая личный опыт и обогащаясь опытом наставников и коллег. В судах используются другие методы взаимодействия в коллективе, принятия управленческих решений, что связано с необходимостью строго охранять независимость судьи при принятии решений. Привлечение чиновничьих, прокурорских или полицейских кадров, использование соответствующих приемов управления губительно для правосудия, и общество заинтересовано в предупреждении таких рисков. Поэтому наличие судейского опыта или принадлежности к судейскому сообществу исключительно важно для председателей любых судов и судебных коллегий, а также для руководителя органа судебного администрирования и ректора Судебной Академии. Именно в связи с этой необходимостью в свое время мной продвигалась (с учетом опыта зарубежных стран) возможность привлечения судей к руководящей административной работе, причем только на должностях, назначаемых Президентом страны или Председателем Верховного Суда, либо избираемых Парламентом. Эта норма была принята, однако в неверной, слишком широкой редакции, что привело к произвольной практике ее применения, откровенным злоупотреблениям и искажению самой идеи, а в результате - обоснованной критике и отмене закона. Это яркий пример того, насколько важно при законодательных преобразованиях не только *что* делать, но и *каким образом*.

– Возвращаясь к дисциплинарной ответственности судей: какова ее эффективность, по Вашему мнению?

– Сама по себе дисциплинарная ответственность является инструментом наказания в целях стимулирования к добросовестному труду. На мой взгляд, такая форма стимулирования в принципе несовместима со статусом, порядком отбора и назначения судей. Простыми словами, тот кто нуждается в таком дополнительном стимулировании, вообще не должен носить мантию судьи.

Что касается неправильного применения законов при отправлении правосудия, то по общепризнанным международным стандартам независимости правосудия решение судьи по конкретному делу никогда не должно быть поводом для его наказания. Если же судья умышленно и грубо нарушил закон при вынесении судебного акта, то это вопрос его уголовной либо морально-правовой ответственности.

– Возможно такие подходы связаны с тем, что нет желаемого качества работы судов, ответственного отношения? Как иначе воздействовать на нерадивых судей?

– Дисциплинарными мерами качество правосудия точно не улучшить. Если обратиться к многолетним анализам статистики качества отправления правосудия и практики дисциплинарных органов, то никакой устойчивой корреляции между долей законных и обоснованных решений и числом привлеченных к дисциплинарной ответственности судей Вы не найдете. Судейская деятельность – это не такой труд, который можно стимулировать или улучшать наказаниями.

Поймите, я веду речь не о том, чтобы освободить судей от ответственности. Я говорю о том, что дисциплинарные процедуры привлечения к ответственности работают не на благо правосудия.

А ответственность судьи как таковая обязательно должна присутствовать, более того, каждый судья должен ясно знать: во-первых, за какие его деяния наступит ответственность, во-вторых, какая его ждет ответственность, в-третьих - что такая ответственность неотвратима для каждого из них. Для соблюдения этих трех условий легко создать прозрачную, ясную и логичную модель самоочищения судейских рядов, вместо нынешнего нагромождения бюрократических процедур и бумаготворчества, создающего излишнее давление и влияние на судебную деятельность.

Именно в этом направлении долгое время шло развитие института ответственности судей в Казахстане. В результате ряда поэтапных законодательных мер было создано Судебное жюри как орган по оценке деятельности судей, а в последующем прекращена работа дисциплинарных комиссий. Концептуально речь шла о том, чтобы очищение судейских рядов от недобросовестных или недостаточно квалифицированных судей обеспечивалось исключительно через механизмы профессиональной оценки, через коллегиальную работу Судебного жюри. Изначально этот орган создавался как квази-судебный, с чем были связаны и само наименование, и порядок его формирования, и правило об окончательности принятых им решений.

Однако в 2019 году при Верховном Суде была создана так называемая Комиссия по качеству правосудия для оценки деятельности судей, а Судебное жюри в итоге само превратилось в дисциплинарный орган. Такая непоследовательность реформ говорит о полном отсутствии либо игнорировании институциональной памяти.

Что касается эффекта от таких реформ, то судейская независимость в итоге вряд ли стала более защищенной. Улучшилось ли качество правосудия от работы одноименной Комиссии? Стало ли больше доверия к судам и меньше жалоб на их действия? Повысили ли эти перетрубации в системе оценки судей степень удовлетворенности общества системой правосудия? В конечном итоге, оправданны ли бюджетные расходы на создание и функционирование этой Комиссии? Эти вопросы, на мой взгляд, требовали серьезного анализа для адекватного обоснования реформ. Даже в самой судейской среде и Судебное жюри, и Комиссия по качеству правосудия воспринимаются не как органы по улучшению каче-

ства правосудия, а как механизмы «дисциплинирования» судей, не способствующие независимости, а значит и качеству, и справедливости правосудия.

Не менее серьезные вопросы вызывают июльские 2024 года изменения Конституционного закона «О судебной системе и статусе судей Республики Казахстан», по которым нивелирована роль пленарных заседаний судов в вопросах дисциплинарной ответственности, с расширением функций председателей судов, при этом судебные коллегии, призванные рассматривать судебные дела, наделены не процессуальными полномочиями дисциплинарного характера. Уже сейчас эти изменения вызывают критику, как влекущие усиление внутриведомственного давления и умаляющие независимость судей.

– Какие меры, на Ваш взгляд, важно принять для улучшения системы правосудия и ее соответствия потребностям нынешнего этапа развития государства?

– Ответ прост: нужно ориентироваться на стандарты справедливого судебного разбирательства, давно сформированные и сформулированные в мировой практике.

Можно предложить конкретные практические меры, начиная от связанных с процедурами отбора судей условиями отправления правосудия, транспарентностью судов и так далее.

Если говорить концептуально, что в успешно функционирующей системе правосудия основная масса судебных споров должна находить справедливое и своевременное разрешение в судах первой инстанции. И это полностью согласуется с объявленным в нашей стране курсом на децентрализацию власти. Проблемы граждан должны решаться на местах.

Соответственно, чтобы не приходилось обеспечивать качество судебных актов первой инстанции путем оставления их в силе «любой ценой», нужно укреплять потенциал местных судов, особенно первой инстанции.

Что мы видим на деле: при существующей высокой нагрузке в судах первой инстанции, о которой говорят не только судьи, но и участвующие по делам адвокаты и юридические представители, до сих пор не исполняются законодательные изменения в ГПК 2019 года о введении института помощников судей. Даже заработная плата судей рай- горсудов практически втрое ниже, в сравнении с судьями высшей судебной инстанции, которые к тому же пользуются дополнительными льготами. Насколько это согласуется с законодательной нормой о едином статусе судей?

Не случайно одни и те же судьи по нескольку раз участвуют в конкурсах в вышестоящие суды. На самом деле выбор судьи работать в той или иной инстанции должен быть связан лишь с особенностями самой работы, например, склонностями к аналитическому или исследовательскому труду, либо к взаимодействию с людьми, организации судебных процессов. Справедливое вознаграждение за равный труд и общие подходы к обеспечению судей могли бы способствовать закреплению квалифицированных кадров на местах. Что касается участившихся в последнее время предложений о введении разного рода доплат, надбавок, то это, на мой взгляд, еще более ослабляет действие принципа независимости и равного статуса судей. Все подобные вопросы могли быть решены кардинально одним лишь введением пропорциональной системы оплаты труда судей. Понятно, что эти вопросы отнесены по Конституции к полномочиям Правительства. Но учитывая, что судебная система в Казахстане с 2022 года самостоятельно распределяет бюджет по уровням и направлениям расходов, представляется, что такие решения вырабатываются с учетом предложений Судебной администрации и пленарного заседания Верховного Суда. Распределение финансирования на оплату труда судей важно осуществлять с учетом равного статуса судей всех инстанций, объема их ответственности и нагрузки, с адекватной доплатой за разницу в полномочиях.

Как следует из ежегодных докладов Высшего Судебного Совета Республики Казахстан о состоянии судейских кадров, в последние годы в судах вакантны порядка 300-350 судейских должностей при общей штатной численности судей чуть более 2,7 тыс. единиц. Даже меры по реформе самого Высшего Судебного Совета в течение долгого времени не помогли решить эту проблему. Более того, складывается тренд, когда увольнение квалифицированных судей по собственной инициативе уже перестало восприниматься как нечто неординарное. Это подтверждается и одним из последних выступлений председателя Высшего Судебного Совета. Между тем такая тенденция говорит о том, что судьи «голосуют ногами» и должна бы настораживать, особенно на фоне звучавших прежде заявлений о сложностях с привлечением в суды профессионально сильных кадров.

С учетом сказанного, вызывает некоторое недоумение то, что вместо решения проблем местных судов, особенно первой инстанции, фокус последних реформ направлен на преобразование высшей инстанции.

– Асия Бакеновна, готовясь к интервью, мы просмотрели Ваши выступления в прежние годы. Вы одна из первых в 2011 году заявили о проблеме внутренней независимости судей. Речь шла о том, что вышестоящие суды не должны иметь внепроцессуальные рычаги влияния на нижестоящие суды, а председатели судов – на рядовых судей. Насколько это актуально сейчас?

– Эта тема актуальна всегда, хотя бы потому, что всегда найдутся желающие пользоваться влиянием на принятие судебных решений. Но здесь, полагаю, давно пора бы задаться следующим вопросом: на чем же сегодня основано такое влияние?

Ведь многое было сделано в прежние годы для сокращения функций председателей судов в отношении карьеры судей. Один из экс-судей даже провел анализ и пришел к выводу, что чаще всего подвергались изменениям именно те статьи Конституционного закона «О судебной системе и статусе судей Республики Казахстан», которые связаны с полномочиями Председателя Верховного Суда (12 раз), пленарного заседания областного суда (11 раз) и председателя областного суда (8 раз).

Очевидно, что причину надо искать не только в полномочиях судейского руководства. На самом деле судьи законодательно защищены и наделены достаточно высокой степенью независимости в принятии решений. Но в конкретной ситуации каждый из них делает свой выбор исходя из личных, вполне объяснимых человеческих интересов. Например, социальное обеспечение судьи очень связано с тем, насколько он «покладист».

По действующему закону, серьезные материальные и социальные гарантии приобретает при выходе в отставку судья, наработавший 20-летний стаж. Такой судья вправе при подтверждении права на отставку претендовать на единовременную денежную выплату в существенном размере, на пожизненное денежное содержание, сохранение принадлежности к судейскому сообществу и т.д. Таким образом, чем дольше судья работает, тем больше он теряет в случае невыхода в отставку. При этом подтверждение права на отставку зависит от оценочного вывода о наличии у судьи безупречной репутации.

При таких условиях возникает парадокс: даже повышение заработной платы способствует не усилению независимости судей, а наоборот стимулирует их к тому, чтобы удержаться на работе до выхода в отставку, а значит остаться в «добрых отношениях» не только с председателем суда, но и членами всевозможных коллегиальных органов, от которых зависит оценка безупречности его работы. Именно судьи, приближающиеся по стажу к отставке, составляют нередко «костяк», обеспечивающий поддержку судейского руководства.

При таких обстоятельствах очевидно, что для усиления независимости правосудия необходимо пересмотреть подходы к назначению пожизненного денежного содержания, которое вместо института социального обеспечения фактически приобрело характер «платы за лояльность». По опыту ряда стран, доначисление денежного содержания по достижении пенсионного возраста должно осуществляться без всяких дополнительных условий, пропорционально судейскому стажу, за исключением случаев увольнения с должности судьи по отрицательным основаниям. А вопрос о безупречности репутации или иные оценочные критерии должны применяться только относительно единовременной денежной выплаты.

Это только одна из многих мер, которые могли бы реально укрепить независимость судьи в принятии решений.

Еще более важным считаю усиление роли органов судейского сообщества, которые в последние годы в основном занимаются спортивно-имиджевыми мероприятиями, а также роли Высшего Судебного Совета, который, на мой взгляд, позиционируя себя как институт кадрового обеспечения судов, совершенно упускает из виду свою первую функцию, закрепленную в статье 3 профильного Закона по обеспечению гарантий независимости и неприкосновенности судей.

– Насколько государство и государственные органы, по Вашему мнению, реально заинтересованы в усилении независимости правосудия?

– Я твердо убеждена, что независимость правосудия – это условие развития, если не выживания, любого государства. Политические власти и определенные круги или лица всегда и в любой стране будут заинтересованы иметь рычаги влияния на правосудие. Но состоятельность системы правосудия или отдельно взятого судьи в том и проявляется, до какой степени допускается такое влияние и какова их реальная способность отстаивать независимость принятия решений, в том числе от влияния собственных интересов. Это перманентный процесс, требующий от судей особых морально-нравственных качеств, профессиональной честности и самоотдачи, не зря же в процессуальных законах прописано о принятии решений, руководствуясь не только законом, но и совестью.

В Бангалорских принципах поведения судей прямо предусмотрено, что судья должен *(именно должен, а не вправе)* отстаивать и претворять в жизнь принцип независимости судебных органов в его индивидуальном и институциональном аспектах. Поэтому востребованность и эффективность соответствующих мер в важной степени зависит от самих судей, от работы органов судейского сообщества и судейского самоуправления.

В Казахстане была объявлена политическая воля на создание эффективной судебной системы, способной удовлетворить общественный запрос на независимое, справедливое и своевременное правосудие. Результаты 2024 года показывают, что и законодательный орган обеспечил практически полную поддержку инициативам Верховного Суда и Судебной администрации, что возлагает на них особую политическую и моральную ответственность за эффективность реформ.

– В октябре 2024 года состоялся съезд судей Казахстана, где приняли участие представители международных ассоциаций судей и судебного администрирования. Можно ли расценивать это как признание результативности реформ последних лет?

– Участие руководства Международной ассоциации судей (МАС) и Международной ассоциации судебного администрирования (МАСА) в работе IX Съезда судей Республики – это важный результат работы предыдущего десятилетия, в том числе по развитию казахстанского правосудия и его позиционированию на международной арене. Само вступление в названные международные ассоциации было длительным процессом, который занял долгие годы. Безусловно, это связано с международной оценкой и признанием текущего уровня развития судов.

К примеру, гости съезда охотно отмечали наши достижения в области цифровизации правосудия. Именно эти достижения позволили казахстанскому правосудию за последние годы занять 4-е место среди 47 развитых стран мира в обзоре Европейской комиссии по эффективности правосудия (CEPEJ). Сама идея участия Казахстана в этом обзоре была инициирована мной еще в 2014 году, по итогам участия в региональной рабочей группе проекта Европейского Союза по вопросам развития потенциала правосудия. Благодаря поддержке этой инициативы Председателем Верховного Суда, Министерством иностранных дел, была налажена подготовительная работа по представительству и участию Казахстана в обзоре. В течение последующих лет состоялся ряд событий, включая миссию европейского судьи высокого уровня по оценке работы районного суда с позиции соответствия нормам Европейского Союза; посещение делегацией представителей Верховного Суда и Высшего Судебного Совета штаб-квартиры Совета Европы в Страсбурге в июне 2017 года для обсуждения прогресса в модернизации системы правосудия и перспектив участия Казахстана в обзоре CEPEJ. И уже к февралю 2018 года Казахстан получил статус наблюдателя в Консультативном совете европейских судей и Европейской комиссии по эффективности правосудия, о чем было объявлено в июне того же года на 30-м пленарном заседании CEPEJ.

Отрадно, что усилия, начатые десятилетие назад, были продолжены и привели к адекватной оценке международным сообществом достижений казахстанских судов. Подобного рода результаты требуют долгосрочной работы и не всегда видны на первом этапе. Думаю, аналогичные международные, исследовательские проекты постоянно находятся в работе Верховного Суда и Судебной администрации и хотелось бы видеть больше информации об этом.

– По признанию Президента МАСА Луиса Пальмы казахстанский опыт в сфере модернизации системы правосудия и цифровизации судопроизводства получил высокую оценку и заслуживает изучения другими членами ассоциации. Суды – одни из наиболее консервативных органов государственной власти. Как удалось за сравнительно короткое время провести такие реформы, перевести судопроизводство в цифру?

– На самом деле чудес не бывает. Легким и быстрым этот процесс не может быть и не был по определению. То, что называют достижениями последних лет – фактически результат многолетней работы, начальный этап и процессы внедрения информационных технологий в казахстанских

судах был мной описан[1], не буду повторяться. Коротко скажу, что начиналось все по классике – с создания баз данных, с простых автоматизированных платформ формирования и сбора статистики, ведения судебного документооборота. Нельзя не учитывать значение первого национального и зарубежного опыта. Мы использовали опыт применения информационных технологий в судах Российской Федерации, Королевства Нидерландов, Эстонской Республики, Австрийской Республики и других стран. Огромное влияние имела цифровизация работы государственных органов в Казахстане, параллельно с ними в судах началось введение электронных документов и электронных цифровых подписей, именно на платформе e-gov нами был запущен первый сервис приема электронных исков и других процессуальных обращений в суды.

Особенностью этого процесса в Казахстане является то, что техническая цифровизация судов шла впереди правового обеспечения этого процесса. Не все технические решения и проекты на этом пути были удачными. Но, как говорится, дорогу осилит идущий. В целом, по моему мнению, технологически судебная система была намного раньше готова и к дистанционному ведению процессов и к другим нововведениям. Успехи цифровизации связывают с последними годами именно из-за того, что они в этот период получили правовую основу. Так, пакет изменений в ГПК по вопросам электронного правосудия, который нам удалось реализовать в Законе от 2 апреля 2019 года, вполне мог быть заложен еще при разработке действующей редакции ГПК в октябре 2015 года. Однако, из-за консерватизма отдельных разработчиков ГПК, а возможно и в целом судебной системы, эти нормы были введены позднее. В полной мере их эффективность и востребованность проявилась в период пандемии. Искренне горжусь тем, что удалось своевременно реализовать не только законодательные нормы, но и восемь подзаконных актов, обеспечивших электронное судопроизводство и стабильную работу судов в тот сложный период. Очевидно, что и в последние 4-5 лет у Судебной администрации должны быть новые наработки в правовом регулировании цифровизации, учитывая быстрый технологический прогресс, связанный с развитием искусственного интеллекта, а главное – давнюю востребованность качественных технологических решений по обеспечению широкого доступа к судебной практике и цифровому прогнозированию.

– Преобразование органа судебного администрирования и изменение порядка финансирования судов отмечают в качестве одного из важных достижений реформ в Казахстане…

– Безусловно, создание Судебной администрации и принятие новой модели финансирования судов путем определения их содержания в установленной доле от расходов на содержание всех государственных органов – это очень значимый шаг, демонстрирующий стремление государства к укреплению институциональной независимости судов. Судебная система добивалась этого долгое время, и лишь благодаря политической воле нынешнего руководства страны удалось такую реформу реализовать.

Вместе с тем, как я уже говорила, в таких реформах крайне важно не только *что* изменить, но и *как*, другими словами, важно комплексное видение.

Так, образование в 2010 году Департамента по обеспечению деятельности судов при Верховном Суде, на основе Аппарата Верховного Суда и Комитета по судебному администрированию, рассматривалось как важная мера по усилению независимости судов, ввиду функционирования органа судебного администрирования не в системе исполнительных органов, а при судебной системе. Однако, в 2023 году орган судебного администрирования вновь получил большую самостоятельность от Верховного Суда, приблизившись к системе исполнительных органов. Об этом говорит и утверждение Положения о Судебной администрации Указом Президента страны, и сама структура органа. В институциональном плане усматриваются признаки возврата к прежней схеме администрирования судов, только теперь уже Верховный Суд не имеет собственного аппарата.

Поэтому в том, как была реализована эта реформа, усматриваются не только цикличность, но и серьезные риски.

В нынешней ситуации, когда у высшего судебного органа отсутствует собственное организационно-аналитическое подразделение, и даже секретариат Председателя Верховного Суда находится в структуре Судебной администрации, возникают риски утраты высшим судебным органом возможностей для независимого мониторинга ситуации и ее восприятия исключительно «глазами» Судебной администрации. Предвижу возражения, что Судебная администрация и есть аппарат Верховного Суда. Но в таком случае складывается ситуация, когда функции исполнения и контроля находятся фактически в одних руках.

Еще более важным риском становится то обстоятельство, что при новой модели финансирования судов Судебная администрация практически полностью выведена из-под эффективного контроля в вопросах формирования бюджета судов. Подготовка и реализация любых преобразований в судах также находится в зависимости от инициативы и выводов Судебной администрации. Не этим ли объясняется фокус реформ на вопросах кассационной инстанции при необходимости более серьезного внимания к проблемам и потребностям местных судов?

Законодательным сдерживающим механизмом в вопросе распоряжения бюджетом судов является его утверждение на расширенном пленарном заседании Верховного Суда, в котором принимают участие судьи Верховного Суда и по два судьи местных судов, делегированные из областей. Учитывая превалирующую численность судей Верховного Суда в составе расширенного пленарного заседания, нетрудно понять механизм принятия соответствующих решений.

– На Ваш взгляд, какие модели администрирования оптимальны для таких государств, как Казахстан? Предположу, что можно учитывать опыт и других государств, с давней историей развития систем правосудия?

– Безусловно, зарубежный опыт широко изучался в период формирования казахстанского органа судебного администрирования.

Насколько мне известно, в мире нет единой модели таких органов, и было бы неверным признавать какие-то из них наиболее эффективными. По моему мнению, принципиальным здесь является четкое разграничение функций и недопустимость сосредоточения в одном органе вопросов кадрового, финансового, аналитического и иного обеспечения судов. Причем не имеет особого значения, отнесены ли органы судебного администрирования к системе исполнительной или судебной власти. Например, в ряде стран часть функций по кадровому обеспечению судов находится в ведении исполнительных органов юстиции, в других государствах высшие судебные советы, как коллегиальные органы, занимаются вопросами финансирования.

Учитывая состоявшееся в Казахстане институциональное размежевание судебных и исполнительных органов,

1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25205576 (дата обращения: 23.01.2025).

сейчас важно, не перекраивая в очередной раз созданное, вводить такие правовые конструкции, которые нивелируют риски стремления к усилению неправового влияния на правосудие. К примеру, можно предусмотреть утверждение краткосрочного бюджета Высшим судебным советом, а долгосрочный бюджет и направления его расходования должны, на мой взгляд, рассматриваться и утверждаться на Съезде судей. Одним словом, если снижается степень контроля со стороны уполномоченных госорганов, то нужно одновременно усиливать судейский и общественный контроль. Руководитель органа Судебного Администрирования должен держать отчет перед судейским сообществом, а материалы таких отчетов должны публиковаться и быть доступны широкой общественности. Более того, учитывая, что Верховный Суд освобожден от разработки стратегических планов в рамках бюджетного планирования, в открытом доступе должны быть сведения не только о проведенной, но и планируемой работе Судебной администрации на предстоящие 3-5 лет, чтобы обеспечить последовательность и общественную поддержку преобразований и реформ.

– Асия Бакеновна, Вы сказали о расширенном пленарном заседании Верховного Суда. Это орган судейского сообщества?

– Конституционный закон «О судебной системе и статусе судей Республики Казахстан» определяет расширенное пленарное заседание как орган Верховного Суда. Соответствующая норма была предусмотрена по Закону от 21 февраля 2019 года и лично у меня это нововведение вызывает большие вопросы как с точки зрения правовой природы такого органа, так и с позиции его эффективности.

По процедуре формирования и характеру вопросов, рассматриваемых расширенным пленарным заседанием, оно сопоставимо с органами судейского сообщества, хотя по закону оно определено как орган Верховного Суда.

Что касается его эффективности, то в открытых источниках мне не встречалось какой-либо аналитики или экспертных комментариев относительно реального влияния мнения делегированных из регионов участников на принимаемые решения, соответственно о целесообразности расходов на их участие. Учитывая, что на момент создания этой правовой конструкции и до сих пор штатная численность судей Верховного Суда почти на треть больше численности всех делегированных судей, представленность местных судов при принятии решений изначально была условной.

Конечно, с изменением численности судей Верховного Суда в 2025 году произойдет определенная коррекция дисбаланса при голосовании, тем не менее оправданность существования такой конструкции требует, на мой взгляд, пристального изучения.

– Много глубоких и серьезных тем мы сегодня обсудили, очевидно, есть над чем работать, в том числе и с позиции научного анализа и обоснования правовых преобразований. Какие еще идеи, на Ваш взгляд, требуют дополнительного изучения и актуальны сегодня для развития правосудия?

– Таких тем и идей очень много, особенно в нынешних условиях, когда во все области человеческой деятельности проникают новые технологии. К примеру, важным элементом справедливого правосудия является исполнение судебных актов. При этом градус проблем, связанных с исполнительным производством, не снижается долгие годы. Тогда как давно уже имеются все возможности сделать этот процесс максимально простым и прозрачным с построением единой цифровой платформы, по примеру таких стран, как Республика Корея. Быстрое и полное исполнение судебных актов не только повышает авторитет правосудия, но и способствует формированию правовой культуры в обществе, способствуя законопослушному и добросовестному поведению.

Практически не развита у нас система юридического прогнозирования, что отражается негативно и на качестве принимаемых законов. Отсутствует порой даже качественный анализ последствий уже действующих правовых актов. Налицо дефицит качественных анализов судебной практики, с выявлением причин возникновения судебных споров, предложениями о развитии конституционных принципов в области судопроизводства и защиты прав человека.

Очень интересным было бы, на мой взгляд, изучение психологии принятия решений, влияния объективных и личностных факторов на справедливость и обоснованность актов правосудия, вопросы взаимодействия судей, роли и развития органов судейского сообщества, прогнозирование влияния тех или иных нововведений в судах с учетом психологии судей и судейских коллективов. Без учета этих факторов и объективных реалий любые реформы могут легко привести к обратному от желаемого результату.

Говоря о правосудии, часто упоминают, что суд должен быть скорый и правый. Хорошо бы подумать и о том, как обеспечить гуманное и милосердное правосудие, чтобы каждое взаимодействие с судом, а обычно это вынужденное взаимодействие, вызывало у людей доверие и уважение к закону.

– Благодарю Вас, уважаемая Асия Бакеновна! Состоялся интересный и насыщенный полезными размышлениями разговор, но у нас осталось еще много вопросов, связанных с имплементацией международных стандартов правосудия, функционированием недавно созданной в Казахстане административной юстиции, с работой правозащитных институтов и другие. Учитывая ограниченность формата интервью, приглашаем Вас продолжить эти темы на страницах журнала.

– Спасибо за приглашение! Желаю всему коллективу Евразийского юридического журнала и его читателям плодотворной работы и больших успехов!

Интервью брала:

Ермолина
Марина Анатольевна
научный редактор Евразийского юридического журнала, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры Мировой политики Санкт-Петербургского государственного университета

ТЕПЛЕНИНА Полина Сергеевна
магистрант, Санкт-Петербургский государственный университет

ЕРМОЛИНА Марина Анатольевна
кандидат юридических наук, доцент кафедры мировой политики, Санкт-Петербургский государственный университет

ВОДНЫЕ РЕСУРСЫ КАЗАХСТАНА: ПЕРСПЕКТИВЫ УСТОЙЧИВОГО УПРАВЛЕНИЯ

В данной статье рассматриваются текущее состояние и перспективы устойчивого управления водными ресурсами в Республике Казахстан. В исследовании анализируются стратегии и меры по устойчивому управлению водными ресурсами, принятые за последние два года, а также механизмы совершенствования водного законодательства. Рассматривая их содержание, а также ситуацию с возможными конфликтами по поводу дефицита водных ресурсов, авторы делают выводы и предложения относительно необходимости дипломатии с соседними странами.

Ключевые слова: водные ресурсы, Казахстан, Центральная Азия, устойчивое управление, дефицит воды, трансграничные реки, общественное сознание.

TEPLENINA Polina Sergeevna
magister student, St. Petersburg State University

ERMOLINA Marina Anatoljevna
Ph.D. in Law, associate professor of World politics sub-faculty, St. Petersburg State University

KAZAKHSTAN'S WATER RESOURCES: PROSPECTS FOR SUSTAINABLE MANAGEMENT

This article discusses the current state and prospects for sustainable management of water resources in the Republic of Kazakhstan. The study analyzes strategies and measures for sustainable water management, including the creation of a new Ministry of Water Resources and Irrigation, as well as updating the legal and regulatory framework. The study analyzes strategies and measures for sustainable water management for resent two years, including the creation of a new Ministry of Water Resources and Irrigation, as well as updating the legal and regulatory framework. Considering their content, as well as the situation with possible conflicts over water shortages, the authors draw conclusions and proposals regarding the need for diplomacy with neighboring countries.

Keywords: water resources, Kazakhstan, Central Asia, sustainable management, water scarcity, transboundary rivers, public awareness.

На сегодняшний день целый регион Центральной Азии (далее – ЦА) подвержен нехватке водных ресурсов. Государства региона - бывшие советские республики (Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан, Туркменистан и Таджикистан) не имеют выхода к океану, лишь 2 из них (Казахстан, Туркменистан) имеют выход к Каспийскому морю. Соответственно, водные ресурсы региона – это в основном бассейны крупнейших рек Амударьи и Сырдарьи. Сам по себе регион является традиционно засушливым, 25 % его площади занимает пустыня. Именно поэтому для получения единицы продукции в сельском хозяйстве в странах региона расходуется почти в 3 раза больше воды, чем в развитых странах[1]. Кроме того, изменение климата, трансграничный характер водных ресурсов, урбанизация и рост населения влияют на текущую ситуацию в сфере водообеспечения региона. В то же время в регионе отмечается самый высокий уровень водозабора на душу населения по сравнению с Северной Африкой и Ближним Востоком[2]. В связи с этим очевидно, что ЦА постепенно погружается в глубокий водный кризис.

Республика Казахстан (далее – РК) является крупнейшим государством ЦА. При этом лишь около 3 % его суши покрыто водой. Там формируется около 100 млрд. кубических метров воды в год, при этом около 50 % воды формируется на территории Казахстана, 45 % поступает из сопредельных стран (РФ, КНР, Таджикистан). В среднем 25 млрд. кубических метров воды используется в сельском хозяйстве, промышленности и на бытовые нужды. По прогнозу министерства экологии РК, водохозяйственный баланс страны до 2030 года показывает сокращение внутренних ресурсов речного стока и притока с территории сопредельных стран, что создает угрозу возникновения дефицита водных ресурсов для страны более чем 23 куб. км, что сопоставимо с общим годовым забором воды населением и всеми отраслями экономики[3]. То, что в ближайшие 15 лет Казахстан столкнется с жесточайшим водным кризисом прогнозирует и ООН. В исследовании Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО) отмечают, что водные ресурсы в Республике сократятся на 25 % к 2030 году. На фоне дефицита пресных поверхностных вод активно используются подземные воды. По данным НИИ гидрогеологии и геоэкологии им. У. М. Ахмедсафина, в стране учтено более 4 тысяч месторождений и участков подземных вод, суммарные запасы которых составляют более 44 млн. куб. м/сутки. Однако, как и поверхностные воды, подземные воды распределены по территории страны неравномерно. По данным министерства водных ресурсов и ирригации РК, доля использования подземных вод в экономике не превышает 10 %. Необходимо проведение детальных гидрогеологических исследований, поскольку развитие экономики Казахстана, как в целом, так и на уровне областей и отдельных городов, во многом зависит от обеспе-

1 Мировые расточители: почему странам Центральной Азии не хватает воды // Международное информационное агентство «Казинформ» 09.02.2024. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.inform.kz/ru/mirovie-rastochiteli-pochemu-stranam-tsentralnoy-azii-ne-hvataet-vodi-537314 (дата обращения: 20.11.2024).

2 «Драки не избежать?»: как «водный» вопрос ссорит бывшие республики СССР // Бизнес Онлайн 27.08.2023. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.business-gazeta.ru/article/604859 (дата обращения: 20.11.2024).

3 Министерство экологии и природных ресурсов Республики Казахстан. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gov.kz/memleket/entities/ecogeo (дата обращения: 25.11.2024).

ченности водой. Следовательно, значение подземных вод уже сейчас наиважнейшее[4].

Представляется, что перспективы устойчивого управления водными ресурсами РК зависят от нескольких ключевых факторов. Во-первых, важно внедрять современные технологии для мониторинга и управления водными ресурсами. Во-вторых, укреплять законодательство в области водопользования. В-третьих, необходимо обеспечить устойчивость сельского хозяйства как основного потребителя воды в Республике. Так как Казахстан делит трансграничные реки с соседними государствами, не менее важно развивать эффективное региональное сотрудничество. Учитывая тот факт, что водная инфраструктура Казахстана является довольно старой, нужно привлечь инвестиции. Предлагаем проанализировать и актуализировать новые меры правительства Республики в сфере управления водными ресурсами.

Важным этапом в реформировании и развитии водного сектора РК стали последние 2 года. Дело в том, что ранее не существовало какой-либо эффективной стратегии управления водными ресурсами, не было и как таковых законов, регламентирующих рациональное использование питьевой воды и ирригации. В последние годы, в связи с нарастающей угрозой водного голода, правительство Казахстана настроилось на серьезную работу в этой области. В частности, планируется провести ускоренную модернизацию инфраструктуры водоснабжения и водоотведения, строительство новых водохранилищ, реконструкцию действующих объектов, внедрение цифровых технологий и водосберегающих решений[5]. Так, в 2023 году в стране было создано новое министерство для осуществления государственной политики в области использования и охраны водного фонда, водоснабжения, водоотведения и ирригации. Как отмечается в одном из исследований, с момента своего создания Министерство водных ресурсов и ирригации инициировало масштабные реформы, нацеленные на глубокую трансформацию водохозяйственной отрасли страны [1]. На базе Министерства был создан Департамент подземных вод, который занимается описанной выше проблемой проведения детальных гидрогеологических исследований. Кроме того, на сайте Министерства РК опубликованы итоги 2024 года. Успешные шаги были предприняты в сфере модернизации инфраструктуры и ирригации, цифровизации системы управления водными ресурсами, борьбы с «черным рынком» воды. Большое внимание в стратегическом акте РК уделено также водной дипломатии и региональному сотрудничеству. Во-первых, в этом году РК начала трехлетнее председательство в Международном Фонде спасения Арала (МФСА) и провела важные переговоры с соседними странами по вопросам водоснабжения. С начала года было проведено около 35 заседаний по трансграничным рекам с Китаем, Россией и государствами Центральной Азии. Достигнуты договоренности с Кыргызстаном и Узбекистаном о подаче воды в Казахстан через трансграничные реки Шу, Талас и Сырдарью. Ведутся переговоры с Китаем по более чем 20 рекам, включая Ертис и Или. Значимым шагом стало участие Казахстана в Конвенции ООН о праве несудоходных видов использования международных водотоков, что способствует справедливому распределению трансграничных водных ресурсов. Кроме того, в 2024 году важным стало продолжение реализации реформ в области управления водными ресурсами, повышение эффективности сельского хозяйства через водосбережение, расширение научной базы и подготовки специалистов гидрологов для водного сектора [2]. Колоссальная работа была проделана и с целью обновления нормативно-правовой базы. В проекте нового Водного кодекса РК[6] впервые вводятся понятие «водной безопасности», охватывающее защиту населения и экономики от рисков дефицита воды и загрязнения водных объектов, а также понятие «экологический сток» – минимальный объем воды, сохраняемый для поддержания экосистем рек, озер и море. Одним из ключевых нововведений, призванных обеспечить мониторинг и учет данных о состоянии водных объектов стала Национальная информационная система водных ресурсов. В 2024 году была также принята «Концепция развития системы управления водными ресурсами Республики Казахстан на 2024 – 2030 годы» (далее – Концепция)[7], в которой отмечены основные подходы и принципы развития водной отрасли, определены меры для повышения эффективности использования водных ресурсов, совершенствование информационно-аналитического, обеспечения системы управления водными ресурсами, улучшения экологической обстановки, развитие трансграничного сотрудничества и т.д. Акт разработан с учетом анализа текущей ситуации в отрасли и наилучшей международной практики[8]. Учитывая растущее давление на водные ресурсы, обусловленное климатическими изменениями, ростом численности населения и быстрым развитием сельского хозяйства, можно сделать вывод, что РК движется в правильном направлении. На наш взгляд, принимаемые правительством РК меры помогут не только сохранить имеющиеся водные ресурсы, но и оптимизировать их дальнейшее использование, что в свою очередь со временем поможет добиться водной, продовольственной, энергетической и экологической безопасности в стране. В сложившейся ситуации с дефицитом водных ресурсов РК необходимо активно сотрудничать с другими государствами региона, прибегать к методам экологической дипломатии, поскольку водная проблема, ввиду трансграничных водных ресурсов, является общей для всех стран региона Центральной Азии.

Пристатейный библиографический список

1. Шеримова Н. Ш. Некоторые вопросы состояния и правового регулирования водных ресурсов в Казахстане // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. - 2015. - № 3 (39). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-voprosy-sostoyaniya-i-pravovogo-regulirovaniya-vodnyh-resursov-v-kazahstane (дата обращения: 10.12.2024).
2. Куспаев У. Водная дипломатия Казахстана: проблемы сотрудничества и возможные пути решения водных конфликтов // Государственное управление и государственная служба. - 2024. - № 1 (88). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://journal.apa.kz/index.php/path/article/view/1152/897 (дата обращения: 15.12.2024).

4 В Казахстане растет дефицит воды. «Казгидрогеология» – выход из тупика? // Ритм Евразии 11.09.2024. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.ritmeurasia.ru/news--2024-09-11--v-kazahstane-rastet-deficit-vody.-kazgidrogeologija-vyhod-iz-tupika-75567 (дата обращения: 27.11.2024).

5 Как Казахстан борется с водным дефицитом: итоги года и перспективы // Ин Бизнес КЗ 13.12.2024. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://inbusiness.kz/ru/news/vodnye-resursy-kazahstana-itogi-goda-i-plany-na-budushee (дата обращения: 15.12.2024).

6 Водный кодекс Республики Казахстан от 9 июля 2003 года № 481 // Сайт «Министерство водных ресурсов и ирригации Республики Казахстан» 9.07.2003. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gov.kz/memleket/entities/water/documents/details/486090?lang=ru (дата обращения: 30.12.2024).

7 Постановление Правительства Республики Казахстан от 5 февраля 2024 года № 66 «Об утверждении Концепции развития системы управления водными ресурсами Республики Казахстан на 2024-2030 годы» //Информационно-правовая система. нормативных правовых актов 5.02.2024 Республики Казахстан. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2400000066 (дата обращения: 30.12.2024).

8 Постановление Правительства Республики Казахстан от 28 августа 2024 года № 694 «Об утверждении Комплексного плана развития водной отрасли Республики Казахстан на 2024-2028 годы». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2400000694 (дата обращения: 10.12.2024).

DOI 10.46320/2073-4506-2025-4-203-24-26

ГУЛИЕВ Орхан Эльшадович
кандидат политических наук, преподаватель, Волго-Каспийский морской рыбопромышленный колледж, г. Астрахань

МАМЕДЛИ Эльнур Мехман оглы
аспирант, Факультет экономики и права, Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева

Гулиев О. Э.

Мамедли Э. М.

ГЕНЕЗИС ПРАВОВОЙ БАЗЫ И ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЕКТЫ В КАСПИЙСКОМ РЕГИОНЕ

В статье рассматриваются тенденции формирования правовых и политических основ интеграционных проектов в Каспийском регионе. С периодом приобретения независимости республиками бывшего СССР кардинально меняются геополитические реалии региона. Взаимоотношения прикаспийских государств в Каспийском регионе переходят из двухстороннего в пятисторонний формат. Новым фактором становится рост влияния внерегиональных акторов. В целом стоит отметить значительный вклад в дальнейшее принятие Конвенции о правовом статусе Каспийского моря подписания двухсторонних и многосторонних соглашений и развития кооперации в Каспийском регионе. Однако определение правового статуса требовало выработки всеобъемлющего правового подхода, отвечающего интересам всех сторон. Достижение такого рода правового документа, то есть «Конвенции о правовом статусе Каспия» потребовало длительного периода переговоров, более 20 лет.

Ключевые слова: Каспийский регион, международное право, ЕАЭС, Организации каспийского экономического сотрудничества, кооперация.

GULIEV Orhan Elshadovich
Ph.D. in political sciences, lecturer, Volga-Caspian Marine Fishery College, Astrakhan

MAMMEDLI Elnur Mehman oglu
postgraduate student, Faculty of Economics and Law, V. N. Tatishchev Astrakhan State University

GENESIS OF THE LEGAL FRAMEWORK AND INTEGRATION PROJECTS IN THE CASPIAN REGION

The article considers the trends in the formation of legal and political foundations of integration projects in the Caspian region. With the period of independence of the former Soviet republics, the geopolitical realities of the region have changed dramatically. The relations in the Caspian region are shifting from bilateral to pentagonal format. A new factor is the growing influence of extra-regional actors. In general, it is worth noting the significant contribution to the further adoption of the Convention on the Legal Status of the Caspian Sea by the signing of bilateral and multilateral agreements and the development of co-operation in the Caspian region. However, defining the legal status required the development of a comprehensive legal approach that would meet the interests of all parties. Achieving such a legal document, the «Convention on the Legal Status of the Caspian Sea» required a long period of negotiations, more than 20 years.

Keywords: Caspian region, international law, EAEU, Caspian Economic Cooperation Organisations, cooperation.

Стратегическое значение Каспийского региона связано с выгодным географическим расположением и значительными биологическими и минеральными ресурсами. Каспий является крупнейшим в мире внутриконтинентальным озером. Его транспортно-коммуникационное значение связано с ролью в качестве связующего звена между Европой и Азией. С образованием нового геополитического ландшафта в регионе в 1990-х гг. XX века возросло стремление центров региональной и глобальной политической силы сформировать позиции для продвижения своего влияния в данном регионе.

С началом нового тысячелетия российская сторона предприняла множество шагов по консолидации постсоветского пространства для сохранения уровня экономической и политической интеграции [2]. Главным достижением в данной политике стало создание Евразийского экономического союза, которое стало возможным, в том числе благодаря усилиям казахстанской и белорусской стороны по формированию данного союза. Результатом переговорного процесса стало вступление в силу в 2012 г. правовой базы евразийского интеграционного объединения, за счёт чего образовалась институциональная основа единого экономического пространства. Его важным элементом стал наднациональный орган Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК). Следует отдельно рассмотреть роль казахстанского фактора в реализации проекта Евразийского экономического союза. В целом Казахстан играл активную роль в интеграционных проектах на постсоветском пространстве, в отличие от соседнего каспийского государства - Туркменистана.

Примером процесса регионализации можно считать подписание между Казахстаном, Узбекистаном и Кыргызстаном Договора о едином экономическом пространстве (ЕЭП) в 1994 г., куда впоследствии вступил Таджикистан. Соглашение наметило экономическую кооперацию по широкому кругу вопросов, вплоть до совместного использования

водно-энергетических и топливных ресурсов. Другим показателем развития региональной кооперации стало создание Межгосударственного совета Центральной Азии, Совета премьер-министров, Совета министров иностранных дел и Совета министров обороны. Помимо этого, был учрежден Центральноазиатский банк сотрудничества и развития. Созданный Центральноазиатский экономический союз в 2002 г., трансформировался в Организацию Центральноазиатского сотрудничества (ОЦАС). Однако данная интеграционная структура прекратила свое существование в 2005 г. Присоединившись к ЕврАзЭс, некоторые участники ОЦЭС влились в новое кооперационное объединение [4, с. 83-84].

Появление ЕАЭС создавало новые политические и экономические возможности для интеграции не только постсоветского пространства, но и евразийского пространства, что могло бы послужить формированию стимулов для экономического развития региона. Однако последние годы значительно уменьшили интерес политических деятелей и общественных организаций к данному интеграционному объединению. Стоит отдельно выделить значительный потенциал Каспийского региона для налаживания интеграционных механизмов ЕАЭС с таким ведущим региональным государством, как Иран, так как прикаспийские Россия и Казахстан - это системообразующие государства в данном интеграционном объединении.

Иранская сторона, находясь под санкционным давлением, видела одним из возможных стимулов для развития экономики страны рост сотрудничества с такими организациями как ШОС и ЕАЭС. В рамках сотрудничества с ЕАЭС подписано соглашение, ведущее к образованию зоны свободной торговли (ЗСТ) между Ираном и данной организацией. По достигнутому соглашению стороны договорились значительно облегчить торгово-экономические отношения. Однако временный характер соглашения вносил определенную неоднозначность. Глава Организации по развитию торговли Ирана Хамид Задбум перспективу налаживания взаимодействия определяет стремлением иранской стороны удвоить товарооборот со странами ЕАЭС, а также намерениями Ирана вступить в данную организацию в будущем [6].

С точки зрения концепции Большого Каспия необходимо учитывать фактор расширения интеграции за счёт участия в региональной экономике таких стран, как Турция, Индия и др. Однако для реализации потенциала использования Каспийского региона должны быть устранены существующие барьеры.

К примеру, рассматривая перспективу членства Турции в ЕАЭС, следует отметить, что современные геополитические процессы показывают маловероятность данного явления в ближайшей перспективе. Турецкий ученый Озгур Туфекчи считает, что Евразийский экономический союз в первую очередь таможенный союз. По этой причине с точки зрения международного права Турция, образовавшая таможенный союз с ЕС, одновременно не может создать такой же механизм с Евразийским экономическим союзом. Можно также отметить политический фактор, так как в данной организации состоит Армения, имеющая напряженные взаимоотношения с Турцией [8]. Историческая попытка 2009 г. по установлению дипломатических отношений с Арменией к существенным результатам не привела. Однако она послужила показателем заинтересованности сторон к диалогу. По достигнутым договоренностям стороны намеривались создать комиссию по исследованиям трагических событий в конце существования Османской империи [7]. Вместе с тем положительным результатам эта инициатива в итоге не привела. После Второй Карабахской войны начался новый этап переговоров между Арменией и Турцией по выстраиванию двухсторонних отношений.

Следует отметить, что современные политические процессы полностью изменили геополитический уклад в регионе, характеризующийся неопределенностью для перечисленных региональных институтов. Определенный этап уменьшился геополитический интерес и к организации ОДЭР-ГУАМ. Образование данной организации связано с итогами Саммита Совета Европы в г. Страсбурге. Тогда в состав организации вошли Грузия, Украина, Азербайджан и Молдавия, что и определило аббревиатуру организации. В 1999 г. состав организации расширился с присоединением Узбекистана, организация стала именоваться ГУУАМ, но после выхода Узбекистана в 2005 г. организация вернулась к первоначальному формату. Ведущие отечественные эксперты, называют целью данной организации, составление конкуренции интеграционным платформам постсоветского пространства, где доминирует Россия [1].

С нашей точки зрения, как соответствующий национальным интересам каспийских государств, интеграционный проект. Следует обратить внимание на каспийский интеграционный проект – Организация каспийского экономического сотрудничества (ОКЭС). Планы по формированию региональной организации по экономическому развитию в Каспийском регионе стали дискуссионным вопросом для научного сообщества и регионального политического истеблишмента.

Несмотря на то, что в 2008 г. на межправительственной экономической конференции прикаспийских стран была обозначена необходимость функционирования Организации каспийского экономического сотрудничества, до настоящего времени ОКЭС остаётся нереализованной инициативой, не получившей должного отклика [5]. При этом в рамках данной интеграционной структуры намечалось сотрудничество в области транспорта, торговли, энергетики и экологии. Для реализации общих региональных проектов, планировалось создание совместного банка[1].

На современном этапе прикаспийские государства далеки от создания такого рода интеграционного регионального проекта, что обусловлено как внутренними факторами, так и глобальными геополитическими процессами. Интерес региональных акторов к ОКЭС в настоящее время значительно уменьшился, что вывело проект из общественной дискуссии.

Таким образом, несмотря на наличие множества объединяющих факторов, странам региона не удалось создать единую экономическую зону. Одним из барьеров можно назвать стремление ряда прикаспийских государств сохранить суверенитет, так как делегирование полномочий общему центру и доминирующему государству может привести к уменьшению независимости. В данном контексте очевидным примером является туркменская внешнеполитическая модель, где краеугольным камнем государственной системы является изоляционизм и нейтралитет. При этом существует и пример Казахстана, активно продвигающих кооперационную модель развития региона.

1 Организация каспийского экономического сотрудничества: значение, перспективы, проблемы. Каспийский вестник. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://casp-geo.ru/organizatsiya-kaspijskogo-ekonomichesk/ (дата обращения: 12.01.2025).

Следует выделить свойственную черту Каспийского региона, где экономические отношения уступают уровню политического взаимодействия. В целом торгово-экономические отношения на Каспии строятся в русле развития двухсторонних отношений, что формирует основы каспийского экономического сотрудничества. Подписание Соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве прикаспийских государств стало первым важным шагом на пути углубления экономического сотрудничества на современном этапе[2].

Положительную лепту для дальнейшего экономического развития региона может внести вышеотмеченная Организация каспийского экономического сотрудничество. Здесь возможно использование существующего опыта функционирования другой региональной структуры - «Организации Черноморского экономического сотрудничества» (ОЧЭС), которая основана по Договору о черноморском экономическом сотрудничестве.

Очевидным достижением продвижения диалога Каспийских государств послужило создание постоянного переговорного механизма в лице Специальной рабочей группы по разработке Конвенции о правовом статусе Каспийского моря [3], где каждую страну представлял заместитель министра иностранных дел. Помимо данного формата частыми стали совместные встречи министров иностранных дел, направленные на продвижение правовой базы региональной кооперации. Особую важность имеет проведение регулярных саммитов каспийской пятерки с участием глав государств.

Важным достижением для развития кооперации в Каспийском регионе стало проведение каспийских саммитов. Первый саммит состоялся в 2002 г. в столице Туркменистана с участием глав пяти прикаспийских государств. В ходе саммита российская сторона отметила поддержку компромиссного принципа в определении статуса Каспия, заключенного в формуле «делим дно-вода общая».

Российская позиция сводилась к расширению прибрежной зоны прикаспийских государств, при этом сохраняя остальную часть зоной общего пользования. Следует отметить, что проведение саммитов прикаспийских государств стало традиционным явлением после принятия решения в ходе второго саммита о проведении встреч глав государств на регулярной основе. По итогам данных саммитов принимались важные для регионального сотрудничества документы. Главной целью проведенных саммитов являлось определение правового статуса Каспия, устранение угроз и сохранение экологического баланса, и другие социально-экономические аспекты. Для выработки правового статуса Каспия требовался разносторонний подход, учитывающий уникальность данного водоема, не имеющего естественного соединения с Мировым океаном. Поэтому в данном случае нельзя применять существующие нормы международного морского права. Создание такого рода правового документа требовало консолидации различных подходов. Долгий переговорный процесс привел к сближению позиций по таким ключевым аспектам, как использование минеральных и биологических ресурсов, делимитация акватории, защита экологического баланса, правовое регулирование Каспийского моря. Принятие Конвенции о правовом статусе Каспийского моря[3] на пятом саммите прикаспийских государств, проведенном в Актау в 2018 г., стало результатом длительного переговорного процесса и создало благоприятные условия для устойчивого развития региона.

Пристатейный библиографический список

1. Белащенко Д. А., Толкачев В. В., Шмелев А. П., Шоджонов И. Ф. Деятельность ГУАМ на постсоветском пространстве: намерения, результаты, перспективы // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. - 2021. - Т. 14, № 3. - С. 84-105.
2. Головин В. Г., Головина Е. Е. Взаимосвязанность международных образований как фактор Евразийского развития // Каспийский регион: политика, экономика, культура. - 2020. - № 2. - С. 65-75.
3. Жильцов С. С., Зонн И. С., Рожков И. С. Механизмы решения международно-правового статуса Каспийского моря: история создания и итоги // Каспийский регион: политика, экономика, культура. - 2018. - № 1. - С. 44-49.
4. Махмутова Е. В. Центральная Азия в поисках собственной интеграционной модели подходы // Вестник МГИМО-Университета. - 2018. - Т. 4, № 61. - С. 78-91.
5. Рожков И. С. Каспийское измерение внешней политики России на современном этапе // Вестник дипломатической академии МИД России. Россия и мир. - 2020. - № 2. - С. 132-147.
6. Филин Н. А., Кокликов В. О., Ходунов А. С. Евразийский экономический союз во взглядах иранских экспертных сообществ // Вестник РГГУ. - 2020. - № 3. - С. 40-54.
7. Thomas De Waal. The Caucasus // Oxford University press. - 2010. - P. 274.
8. Tüfekçi Ö. Türkiye'nin Rusya ve Kafkasya politikasi 2015 // Türk diş politikasi yilligi 2015. SETA vakfi iktisadi işletmesi. - 2016. - 1 baski. - Istanbul. - P. 317-339.

2 Соглашение между правительствами прикаспийских государств о торгово-экономическом сотрудничестве // Сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1574917/ (дата обращения: 05. 02.2025).

3 Конвенция о правовом статусе Каспийского моря. Актау, 12 августа 2018 г. Каспий: международно-правовые документы / Сост. С. С. Жильцов, И. С. Зонн, А.Г. Костяной, А. В. Семенов. - М.: «Международные отношения», 2018. - С. 517-531.

ЗАИГРАЕВА Ольга Вячеславовна
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и международного права, Юридический факультет, Российский государственный гуманитарный университет

ПОТАПОВА Полина Александровна
магистрант кафедры конституционного и международного права, Юридический факультет, Российский государственный гуманитарный университет

КОНТИНЕНТАЛЬНЫЙ ШЕЛЬФ РОССИИ В АРКТИКЕ: ИСТОРИЯ ВОПРОСА И ПЕРСПЕКТИВЫ РАСШИРЕНИЯ (ЧАСТЬ 2)

В настоящее время в сложившейся международной практике отсутствует определенность в понимании разграничения арктического пространства между государствами в районе континентального шельфа за пределами 200 миль. Сложная юридическая природа разграничения арктического пространства и слабо разработанные положения международных норм по делимитации внешних границ КШ Арктики обусловливают необходимость решения данного вопроса с учетом особых национальных интересов России, обладающей наибольшей по площади арктической территорией.

Результаты: проведенный авторами картографический анализ и подсчет примерной площади участка расширенного континентального шельфа на основании данных, представленных на сайте ООН, показал, что суверенитет Российской Федерации распространяется на территорию северо-западнее Новой земли. Это, в свою, очередь, дает основание претендовать на увеличение арктического пространства и распространение на него суверенитета Российской Федерации.

Выводы: отсутствие точно определенных границ КШ является выгодным для государств, не связанных Конвенцией 1982 г., и для государств, использующих фактически самоограничение России с целью расширения своего КШ. Проблема разграничения КШ требует скорейшего разрешения путем принятия двусторонних соглашений в соответствии со ст. 83 Конвенции 1982 г., а также с учетом фактической площади участка расширенного континентального шельфа на основании данных ООН.

Ключевые слова: континентальный шельф, линия разграничения арктического шельфа, континентальный шельф за пределами 200 миль, суверенитет Российской Федерации.

ZAIGRAEVA Olga Vyacheslavovna
Ph.D. in Law, associate professor of Constitutional and international law sub-faculty, Faculty of Law, Russian State University for the Humanities

POTAPOVA Polina Alexandrovna
magister student of Constitutional and international law sub-faculty, Faculty of Law, Russian State University for the Humanities

THE RUSSIAN CONTINENTAL SHELF IN THE ARCTIC: BACKGROUND OF THE ISSUE AND PROSPECTS FOR EXPANSION (PART 2)

Currently, in the established international practice, there is no certainty in understanding the delimitation of the Arctic space between States in the area of the continental shelf beyond 200 miles. The complex legal nature of the delimitation of the Arctic space and poorly developed provisions of international norms on the delimitation of the outer borders of the Arctic make it necessary to resolve this issue taking into account the special national interests of Russia, which has the largest Arctic territory.

Results: The cartographic analysis carried out by the authors and the calculation of the approximate area of the extended continental shelf based on the data provided on the UN website showed that the sovereignty of the Russian Federation extends to the territory northwest of Novaya Zemlya. This, in turn, gives grounds to claim an increase in the Arctic space and the extension of the sovereignty of the Russian Federation to it.

Conclusions: the absence of precisely defined borders of the CAB is beneficial for states that are not bound by the 1982 Convention, and for states that actually use Russia's self-restraint in order to expand their CAB. The problem of the delimitation of the continental shelf requires a speedy resolution through the adoption of bilateral agreements in accordance with Article 83 of the 1982 Convention, as well as taking into account the actual area of the extended continental shelf based on UN data.

Keywords: continental shelf, Arctic shelf demarcation line, continental shelf beyond 200 miles, sovereignty of the Russian Federation.

Введение

Вопросы разграничения арктического пространства между государствами в районе континентального шельфа до сих пор окончательно не решены. Историческая ошибка, в результате которой Россия, в отличие от других приарктических государств, добровольно уступила часть КШ в пределах собственного арктического сектора, требует обязательного пересмотра. При этом необходимо учитывать особую роль России в освоении и открытии данного региона, а также национальных интересов России, обладающей наибольшей по площади арктической территорией.

Методы

В работе применялись различные методы, в т.ч. метод анализа текста для изучения доктринальных источников зарубежных и отечественных исследователей. Выделить сильные и слабые стороны правового регулирования разграничения арктического пространства позволили методы логического и сравнительно-правового анализа эмпирического материала. Это позволило сформулировать конкретные предложения по решению вопроса в части расширения КШ. При анализе правовых положений в этой области, в частности, международных документов, а также отечественных нормативных актов использовался формально-юридический метод.

Результаты

В статье авторы определяют, что перманентное состояние неопределенности разграничения арктического пространства за пределами национальной юрисдикции расширит возможности других государств по приращению КШ. Для решения этих задач проводился анализ международно-правовой базы, отечественных и зарубежных доктринальных исследований, который показал незавершенность процесса по уточнению границ расширенного КШ, вызванный, в том числе, историческим отказом от секторального принципа. Картографическое исследование и авторский расчет площади участка расширенного КШ дает основание претендовать на увеличение арктического пространства и распространение на него суверенитета Российской Федерации.

Обсуждение

Расширение границ КШ за пределы 200 миль должно подтверждаться научными доказательствами принадлежности геологической структуры шельфа к континентальному массиву претендующего прибрежного государства [8, с. 58]. Сложившаяся практика разграничения КШ за пределами 200-мильной зоны показывает, что она осуществляется на основании ст. 83 Конвенции 1982 г., т.е. до вынесения соответствующей Комиссией решения о расширении КШ. Как уже отмечалось (см. 1 часть данной статьи), в этой ситуации работает принцип молчаливого согласия в отношении выбора государством последовательности действий: либо сначала разграничить в соответствии с двусторонним соглашением с другим государством КШ за пределами 200 морских миль, либо сначала установить внешнюю границу этого шельфа, обратившись в Комиссию. Такое мнение основывается на п. 10 ст. 76 Конвенции 1982 г.

Важным этапом в механизме уточнения границ Арктического пространства стало Соглашение о линии разграничения морских пространств от 1 июня 1990 г. между США и СССР (далее – Соглашение 1990 г.)[1]. Для проведения линий разграничения территориальных морей, исключительной экономической зоны и КШ в Беринговом и в Чукотском морях, США и СССР обратились к Высочайше ратифицированной конвенции об уступке Северо-Американским Соединенным Штатам Российских Северо-Американских Колоний от 18 (30) марта 1867 г. (далее – Конвенция 1867 г.)[2].

Статья 1 Соглашения 1990 г. определяет так называемую «западную линию» – линию разграничения морских пространств между СССР и США. Географические координаты «западной линии» были установлены с опорой на ст. I Конвенции 1867 г., согласно которой западная линия «направляется по прямой линии безгранично к северу, доколе она совсем не теряется в Ледовитом океане». Разумеется, в середине XIX в. в международном праве не существовало понятий КШ. Пунктом 1 ст. 2 Соглашения 1990 г. утверждается линия разграничения морских пространств, идущая на север по меридиану 168°58′37» западной долготы по Северному Ледовитому океану, насколько допускается по международному праву. Настоящая норма не имеет единого толкования: одни специалисты считают, что западная линия ограничивается протяженностью в 200 морских миль от береговой линии. Иные полагают, что установленная Соглашением делимитация существует не только в пределах исключительной экономической зоны, но также распространяется на юрисдикцию, которая может быть определена в будущем [2, с. 113]. Необходимо учитывать, что США не являются участником Конвенции 1982 г. (Россия только в 1997 г.) при этом часть конвенциональных норм признаются ими в качестве jus cogens (нормы о Районе, как общем наследии человечества, не являются, по мнению США, нормами обычного права [4, с. 8]).

Ситуацию осложняет то, что Соглашение 1990 г. так и не было ратифицировано Россией, а продолжает действовать на временных основаниях. В сложившихся условиях не существует единого мнения, применима ли в отношении Соглашения 1990 г. ст. 23 ФЗ от 15.07.1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» либо действует норма «эстоппель». Профессором А. Н. Вылегжаниным рассматриваются обе альтернативы [2, с. 8, 10, 24]. С одной стороны, в соответствии с внутренним законодательством РФ, допускающим применение нормы не ратифицированных международных договоров не более 6 мес. (ст. 23 ФЗ от 15.07.1995 г. № 101-ФЗ) и ст. 25 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г., Россия может отказаться от Соглашения, уведомив об этом США. С другой стороны, молчаливое согласие длиною в 34 года лишает государство права отказаться от настоящей договоренности.

16 июня 1997 г. было принято Постановление Правительства РФ № 171 «О порядке утверждения перечней географических координат точек, определяющих линии внешних границ континентального шельфа Российской Федерации» (далее – «Постановление № 171)[3]. Настоящим Постановлением был запущен процесс отграничения Российской Федерацией своего КШ от района Общего наследия человечества (далее – ОНЧ) [1, с. 285-286]. В поданном Россией в 2001 г. представлении в Комиссию фактически содержался добровольный отказ от притязаний на значительную часть своего сектора севернее Земли Франца Иосифа[4]. Необходимо отметить, что ни одной страной «Арктической пятерки», кроме России, не было осуществлено отграничение своего КШ от ОНЧ в пределах сектора [5, с. 131-133, 145-156].

Углубление взаимодействия арктических стран возобновилось в декабре 2001 году, когда Россией было сделано представление в Комиссию с целью расширения КШ в СЛО[5]. В свою очередь Королевство Норвегия в ноте Генеральному Секретарю ООН указало на существование спора с Россией о делимитации КШ в Баренцевом море за пределами 200 морских миль – обе страны претендовали на одно и то же пространство [7, с. 66-67]. Разграничение морских территорий на расстоянии, не превышающем ширину КШ, также подлежали определению путем переговоров указанных сто-

1 Соглашение между СССР и США о линии разграничения морских пространств // Бюллетень международных договоров. – № 1, январь. – 2008.

2 Конвенция об уступке Северо-Американским Соединенным Штатам Российских Северо-Американских колоний // Полное собрание Законов Российской Империи. – Том XLII. – 1867. – С.-Петербург, 1871.

3 Постановление Правительства РФ от 16 июня 1997 г. № 717 «О порядке утверждения перечней географических координат точек, определяющих линии внешних границ континентального шельфа РФ» // СЗ РФ от 23 июня 1997 г. – № 25. – Ст. 2939.

4 United Nations. Commission on limits of continental shelf receives its first submission. Sea/1729. 21 December 2001 // Официальный сайт ООН. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://press.un.org/en/2001/sea1729.doc.htm (дата обращения: 22.12.2024 г.).

5 Заявление Министерства иностранных дел РФ о континентальном шельфе Российской Федерации в Северном Ледовитом океане от 17.01.2014 г. // Официальный сайт Министерства иностранных дел РФ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/press_service/spokesman/official_statement/1711485/ (дата обращения: 22.12.2024 г.).

рон. Границы РФ на тот момент определялись в соответствии с линиями, указанными в Постановлении 1926, тогда как Королевство Норвегии проводило границу, руководствуясь принципом равноотстояния согласно Женевской конвенции 1958 г.

При рассмотрении представления России по обоснованию внешних границ КШ в СЛО Комиссия в 2002 г. дала рекомендации России и Норвегии заключить соглашение о делимитации спорной территории, т.к. установленные границы будут представлять собой внешнюю границу расширенного КШ[6].

Зеркальная ситуация произошла в 2006 и в 2007 гг., когда Норвегия направила в Комиссию представление о расширении КШ. Со стороны России Генеральному Секретарю ООН была направлена нота о существовании незавершенного спора со ссылкой на ст. 9 Приложения II к Конвенции по морскому праву 1982 г.[7] В ноте подчеркивалось, что позиции России и Норвегии перекрывают друг друга, образуя район, который для указанных целей составляет «спорный район». В 2009 г. Комиссия одобрила запрос Норвегии о расширении КШ в Баренцевом море.

15 сентября 2010 г. между Российской Федерацией и Королевством Норвегия был заключен Договор о разграничении морских пространств и сотрудничестве в Баренцевом море и СЛО (далее – Договор 2010 г.)[8]. Ст. 1 Договора 2010 г. определена линия разграничения морских пространств, в том числе и КШ, представляющие собой линию между меридианной линией и линией равного отстояния [10]. В настоящем Договоре стороны ссылаются на Соглашение между Россией и Королевством Норвегия о разграничении морских пространств в районе Варангер-фьорда от 11 июля 2007 года[9].

Возвращаясь к деятельности Комиссии ООН по рассмотрению представлений России о расширении КШ от 01.12.2001 г., следует подчеркнуть, что Россия претендует на часть КШ в Баренцевом море и на Хребтообразные структуры (Геккеля, Ломоносова, Менделеева, Альфа) в пределах своего сектора. Комиссия сочла предоставленные Россией доказательства недостаточными и предложила дополнить представление в соответствии с данными ею рекомендациями. Однако некоторыми специалистами требования Комиссии были расценены как завышенные [11].

Следующее частичное пересмотренное Представление было подано в Комиссию ООН только 3 августа 2015 г. В нем доказывалось, что хребет Ломоносова, поднятие Менделеева и Чукотское поднятие имеют континентальную структуру[10]. В результате 7 сентября 2016 г. Комиссией было частично одобрено пересмотренное Представление РФ о расширении континентального шельфа в Баренцевом море в 2002 г.[11] Определение суверенных прав России в конкретных географических терминах позволит обеспечить конкретность и определенность, необходимые для защиты и использования не только ресурсов КШ, но и национальной безопасности. Зарубежные исследователи считают, что при удовлетворении претензий прибрежных государств за пределами 200 миль должны охватываться не только правовые концепции, но и научные данные других областей (география, культурная и политическая теория, экологические гуманитарные науки и др.) [9, p. 313]. Проведенный авторами картографический анализ и подсчет примерной площади участка расширенного континентального шельфа на основании данных, представленных на сайте ООН, показывает, что суверенитет Российской Федерации распространяется на территорию северо-западнее Новой земли (основные угловые точки 72°07′ сш 40°47′ вд; 73°23′ сш 36°30′ вд; 76°50′ сш 38° вд; 76°58′ сш 41°36′ вд; 76°47′ сш 45°00′ вд), а примерная площадь территории равна 23 тыс. кв. мор. миль[12]. К сожалению, последующие попытки России увеличить арктическое пространство были не столь успешны. На сегодняшний день поданное в 2023 г. представление находится на стадии рассмотрения[13].

Отграничение Россией в 1997 г. своего КШ не запустило процесс формирования Района ОНЧ в СЛО, но позволило Дании претендовать на ту часть территорий, которая находится в пределах российского сектора [3, с. 14-16]. Поданное в 2014 г. Данией представление в Комиссию не вызвало возражений со стороны России[14].

В 2013 г. уже Канадой было направлено в Комиссию представление, в соответствии с которым она претендует на Ломоносовский хребет и Альфа-хребет[15], находящиеся в гра-

6 CLCS/62 Двадцать третья сессия, Нью-Йорк, 2 марта - 9 апреля 2009 г. Пункт 5 пп. 19 Рассмотрение рекомендаций. – С. 5 // Официальный сайт ООН. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n09/307/60/pdf/n0930760.pdf. (дата обращения: 22.12.2024 г.).

7 Нота в ООН // Официальный сайт ООН. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/Depts/los/clcs_new/submissions_files/nor06/rus_07_00325.pdf (дата обращения: 25.11.2024 г.).

8 Договор между Российской Федерацией и Королевством Норвегия о разграничении морских пространств и сотрудничестве в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане от 15 сентября 2010 г. // Бюллетень международных договоров. – № 12. – 2011.

9 Соглашение между Российской Федерацией и Королевством Норвегия о разграничении морских пространств в районе Варангер-фьорда от 11 июля 2007 г. // Бюллетень международных договоров. – 2009. – № 1. – С. 72.

10 Частичное пересмотренное Представление Российской Федерации в отношении континентального шельфа Российской Федерации в юго-восточной части Евразийского бассейна Северного Ледовитого океана от 3 августа 2015 г. // Официальный сайт ООН. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/depts/los/clcs_new/submissions_files/rus02_rev23/23rusrev2r.pdf (дата обращения: 20.12. 2024 г.).

11 MZN (MARITIME ZONE NOTIFICATIONS) RELEASED ON 21/11/2016 // Официальный сайт ООН. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/Depts/los/LEGISLATIONANDTREATIES/PDFFILES/mzn_s/mzn124.pdf. (дата обращения: 25.12.2024 г.).

12 Chart No. 10100 – «Arctic Ocean – Barents Sea Southern Part», Scale 1:2,000,000; Chart No. 10100 – «Arctic Ocean – Barents Sea Southern Part», Scale 1:2,000,000; Chart No. 10100 – «Arctic Ocean – Barents Sea Southern Part», Scale 1:2,000,000; Chart No. 10101 – «Arctic Ocean – Barents Sea Southern Part», Scale 1:2,000,000 // Официальный сайт ООН. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/depts/los/LEGISLATIONANDTREATIES/PDFFILES/MAPS/RUS_MZN124_2016_00229.jpg (дата обращения: 25.12.2024 г.).

13 Частичное пересмотренное Представление Российской Федерации в Комиссию по границам континентального шельфа в отношении континентального шельфа Российской Федерации в Северном Ледовитом океане в районе Хребта Гаккеля. Том 1. Резюме. 2023 г. // Официальный сайт ООН. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/depts/los/clcs_new/submissions_files/rus03/2023rusrev3r.pdf (дата обращения: 20.12.2024 г.).

14 Ход работы Комиссии по границам континентального шельфа. CLCS/95. Сорок первая сессия. Нью-Йорк, 11 июля – 26 августа 2016 г. // Официальный сайт ООН. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n16/294/99/pdf/n1629499.pdf (дата обращения: 12.12.2024 г.).

15 Canada: Preliminary information indicative of the outer limits of the continental shelf beyond 200 nautical miles, received on 6 December 2013 // Официальный сайт ООН. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/Depts/los/clcs_new/submissions_files/preliminary/can_pi_en.pdf (дата обращения: 11.12. 2024 г.).

ницах сектора Российской Федерации. В последующем заявленные в представлениях Канады территории КШ продолжали накладываться на часть КШ, являющуюся объектом притязаний России (очередное Представление Канады было направлено в Комиссию в 2019 г., дополнено в 2022 г., в настоящее время находится в стадии рассмотрения). Перекрытие морских границ является потенциальной проблемой в тех случаях, когда соседние прибрежные государства соседствуют друг с другом или находятся друг напротив друга в пределах 400 миль [9, p. 312-318].

В последнее время особый интерес к СЛО проявляют «неарктические» державы, в связи с чем проблема определения точных границ КШ нуждается в скорейшем разрешении. При этом важно исходить из кооперативной, а не конкурентной парадигмы в данном вопросе. Очевидно, что Комиссия с учетом длительных сроков рассмотрения представлений и высокого процента направления их на доработку, не является эффективным инструментом. К тому же Комиссия не уполномочена осуществлять разграничения КШ между претендующими на него государствами.

Как представляется, проблему разграничения КШ между Россией и Данией, Россией и Канадой возможно разрешить путем принятия двусторонних соглашений в соответствии со ст. 83 Конвенции 1982 г. Что касается делимитации КШ, то на этот счет в науке ведется дискуссия в отношении допустимости применения норм Конвенции 1982 г. (особенно в части, касающейся ОНЧ) к СЛО. Предполагается, что данный Океан имеет специфический правовой статус, отличный от других океанов [1, с. 193-195], [6, с. 193-195]. Основные аргументы в пользу выделения СЛО как отдельного региона основываются на том, что СЛО представляет собой полузамкнутое пространство, большая часть его дна включает КШ, а часть поверхности СЛО – это покрытые льдом районы.

В качестве еще одной причины выделяется неучастие США (одного из пяти арктических гос-в) в Конвенции 1982 г. В последнем случае, правовое регулирование СЛО должно быть основано на нормах обычного права и международных договорах [5, с. 131-133]. Учитывая, что США не признают положения Конвенции 1982 г. об ОНЧ в качестве jus cogens, а остальные страны «Арктической пятерки» (за исключением России) de facto не применяют их в отношении СЛО, допустимо разграничение КШ между пятью приарктическими государствами без выделения Района. Однако такое решение не может быть оптимальным, т.к. многие участники Конвенции 1982 г. (в частности, Китай, ЕС) заинтересованы в применении настоящей Конвенции в отношении СЛО без адаптации. Кроме того, нынешнее положение вещей остается выгодным для США, не связанных частью XI Конвенции 1982 г., и для Дании, использующей самоограничение России с целью расширения своего КШ.

Заключение

В результате проведенного исследования было показано, что Россия при разграничении КШ придерживалась секторального деления, однако последующие акты изменили эту ситуацию. В настоящее время отсутствие точно определенных границ КШ является выгодным для государств, не связанных Конвенцией 1982 г., и для государств, использующих фактически самоограничение России с целью расширения своего КШ. Проблема разграничения КШ говорит о необходимости скорейшего разрешения путем принятия двусторонних соглашений в соответствии со ст. 83 Конвенции 1982 г.

Пристатейный библиографический список

1. Вылегжанин А. Н., Дудыкина И. П. Конвенция ООН по морскому праву и правовой режим арктического шельфа // Вестник ВГУ: право. – 2017. – № 1 (28). – С. 285-286.
2. Вылегжанин А. Н. 20 лет «временного применения» Соглашения между СССР и США о линии разграничения морских пространств // Вестник МГИМО-Университета. – 2010. – № 1 (10). – С. 104-113.
3. Вылегжанин А. Н., Ильина Д. И., Дудыкина И. П. Международно-правовая позиция Дании в отношении арктического шельфа (по материалам иностранных правовых источников) // Мировая политика. – 2016. – № 3. – С. 14-36.
4. Вылегжанин А. Н., Молодцова Е. С., Дудыкина И. П. Зарубежные исследования права, применимого к отграничению (delineation) и разграничению (delimitation) арктического шельфа // Московский журнал международного права. – 2015. – № 3 (99). – С. 11-14.
5. Жудро И. С. Международно-правовое обоснование границ арктического шельфа Российской Федерации. Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук. – Москва, 2020. – С. 131-133, 145-156.
6. Капустин А. Я. Феномен регионализма в условиях современных вызовов: монография / Отв. ред. А. Я. Капустин. – Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ: Норма: ИНФРА-М, 2024. – С. 193-195.
7. Колодкин Р. А., Пужин С. М. Континентальный шельф за пределами 200 миль: определение внешних границ и делимитация // Международное правосудие. – 2015. – № 3 (15). – С. 66-67.
8. Мордвинова Т. Б., Скаридов А. С., Скаридова М. А. Полярное право: Монография / Под ред. д.ю.н., к.воен.н., проф. А. С. Скаридова. – Москва: Юстиция, 2017. – 398 с.
9. Peter J. Cook, Chris M. Carleton. Continental Shelf Limits: The Scientific and Legal Interface / Delimitation Issues // Oxford University Press. – 2000. – P. 312-318.
10. Арктическая правовая энциклопедия / Под общ. ред. А. В. Торкунова, А. Н. Вылегжанина. – Москва: Издательство «Аспект Пресс», 2024 – 280 с.
11. Ковалев А. А. Международно-правовой режим Арктики и интересы России / Арктический регион: Проблемы международного сотрудничества: Хрестоматия в 3 томах / Рос. совет по межд. делам под общ. [ред. И. С. Иванова]. – Москва: Аспект Пресс, 2013. – Т. 1. – С. 38-39.

DOI 10.46320/2073-4506-2025-4-203-31-32

КАРЕВ Дмитрий Александрович
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории права и публично-правовых дисциплин, Самарский государственный экономический университет

АЛИЕВ Натиг Маариф оглы
аспирант, Самарский государственный экономический университет

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ ТРАНСГРАНИЧНОГО УЩЕРБА ОКРУЖАЮЩЕЙ ПРИРОДНОЙ СРЕДЕ

В рассмотрении настоящего исследования акцентируется внимание на международно-правовом регулировании активностей, несущих угрозу экосистемам за пределами государственных границ. Категориями, приводящими к возможности возникновения экологического ущерба, становятся различные виды экономической деятельности. Исследуются также нормативные акты в рамках международного права, и рассматривается практика принятия решений судебными органами, занимающимися вопросами предотвращения трансграничного экологического ущерба.

Изучение вопроса привело к выводу о том, что международные правовые нормы подразумевают, что обязанность по предотвращению экологического ущерба за пределами национальных границ, прежде всего, лежит на государствах. Однако, в случае нанесения ущерба окружающей среде в трансграничном контексте, часто ответственность возлагается непосредственно на юридическое или физическое лицо, чья деятельность вызвала подобные последствия.

Ключевые слова: трансграничный ущерб, экономическая деятельность, предотвращение, окружающая среда, международно-правовое регулирование, ответственность.

KAREV Dmitriy Alexandrovich
Ph.D. in Law, associate professor of Theory of law and public law disciplines sub-faculty, Samara State University of Economics

ALIEV Natig Maarif ogli
postgraduate student, Samara State University of Economics

INTERNATIONAL LEGAL LIABILITY FOR VIOLATION OF THE OBLIGATION TO PREVENT TRANSBOUNDARY DAMAGE TO THE NATURAL ENVIRONMENT

In reviewing this study, attention is focused on the international legal regulation of activities that pose a threat to ecosystems beyond state borders. The categories that lead to the possibility of environmental damage are various types of economic activity. Normative acts within the framework of international law are also studied and the practice of decision-making by judicial authorities dealing with the prevention of transboundary environmental damage is considered.

The study of the issue led to the conclusion that international legal norms imply that the duty to prevent environmental damage beyond national borders lies primarily with States. However, in the case of environmental damage in a transboundary context, responsibility is often placed directly on the legal entity or individual whose activities caused such consequences.

Keywords: transboundary damage, economic activity, prevention, environment, international legal regulation, liability.

В сфере международного экологического регулирования правовое управление играет центральную роль. Страны обязаны внедрять как нормативные, так и организационные меры для предотвращения трансграничных экологических угроз, согласно статье 2, пункту 2 Конвенции 1991 года, которая посвящена оценке экологического воздействия в международном контексте. Этот законодательный акт акцентирует необходимость принятия государствами всех необходимых мер для выполнения обязательств, предусмотренных конвенцией, в сопряжении с экономическими проектами, которые детализированы в приложении I к данному международному соглашению [1].

Государства несут основную ответственность за предотвращение противоправных действий, их обязательства простираются на всю государственную власть, независимо от выполняемых функций. Значительное внимание уделяется вопросам повышения гарантий безопасности, являющихся ядром международной правовой ответственности. Операторам, отвечающим за управление экономическими рисками, возложены меры по предотвращению экологических угроз, способных привести к трансграничному ущербу. Положение о хозяйственно-экономических операциях, попадающих под контроль, детально изложено в Добавлении I Конвенции, что акцентирует внимание на широкую ответственность государств. Это подтверждает, что нации играют первостепенную роль в урегулировании международных инцидентов, связанных с противоправной деятельностью, подчеркивая сложность и значимость данных аспектов в международных отношениях.

В соответствии со статьей 3 (п. 4) Конвенции «О трансграничном воздействии промышленных аварий» 1992 г., в соответствии с которой «для осуществления положений настоящей Конвенции Стороны принимают соответствующие законодательные, регулирующие, административные и финансовые меры в целях предотвращения аварий, обеспечения готовности к ним и ликвидации их последствий» [2] и статьей 3 Конвенции по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер 1992 г, в соответствии с которой «для предотвращения, ограничения и сокращения трансграничного воздействия [3].

Имеющие полномочия, сфера влияния государства в рамках международного в соответствии с международным законодательством, государства обладают полномочиями и ответственностью за разработку и реализацию различных юридических, управленческих, экономических, фискальных и технологических мер. Эта ответственность требует обеспечения их согласованной реализации при учете потенциальной осуществимости. Когда выявляются текущие международно-противоправные действия, государство обязано не только остановить такие действия, но и внедрить механизмы, предотвращающие их повторение, сопровождаемые гарантиями и заверениями. Вопрос государственной ответственности включает предупреждение незаконных актов граждан. Хотя принцип ограниченной ответственности защищает го-

сударственные структуры от неправомерных действий частных лиц, простая бездеятельность властей может излагаться как основание для ответственности. Консультативное заключение Международного трибунала по морскому праву твёрдо укрепляет это мнение, выделяя конкретные обязательства государств за действия как индивидуальных, так и корпоративных субъектов, осуществляющих деятельность в Районе [4].

Понимание того, что надлежащее государственное управление включает не только конкретные шаги, но и обязательную осмотрительность, влечёт за собой обязательство к обдуманным и добросовестным действиям в регуляции как государственных, так и частных мероприятий в пределах своей юрисдикции с предотвращением потенциальных экологических рисков. Принцип предотвращения трансграничного экологического ущерба возлагается, как первостепенная ответственность на государства из необходимости следовать доктрине должной осмотрительности. Этот принцип является важным компонентом экологической безопасности и обязывает национальные власти предотвращать неблагоприятные воздействия на окружающую среду.

Это положение также подтверждается Международным Судом ООН. Так в решении по делу «Целлюлозные заводы на реке Уругвай» [5]. Обязательство государств по предотвращению экологического загрязнения через установление необходимых законов и мер рассматривается как требование к действиям с должной заботливостью по отношению ко всем видам деятельности в рамках их юрисдикции и управления. Дискуссии о санкциях и контрмерах, как инструментах урегулирования, продолжают возникать в научной среде, рассматривая сравнение этих мер и их влияние на формирование понятия международной правовой ответственности. Ответственность государств за несоблюдение обязанностей, устанавливаемых международным правом, представляет собой важнейшую тему для обсуждения в современных международно-правовых дебатах, вызывая резкую поляризацию мнений.

В условиях выполнения международных обязательств центральную роль играет государство, задача которого - обеспечить исполнение норм, предусмотренных национальным и международным законодательством. Это включает в себя принудительное воздействие на общественные и частные структуры в рамках своей юрисдикции. Активное участие органов управления крайне необходимо для поддержания контроля при реализации данных стандартов, поскольку их бездействие ведет к прямой ответственности государства.

Сфера ответственности охватывает не только национальные правовые нормы, но и международные соглашения, такие как Конвенция 1972 года, касающаяся международной ответственности за ущерб от космических объектов. Эта Конвенция возлагает на государства ответственность не только за действия госаппарата, но и за любые национальные действия, включая как индивидуальные, так и коллективные субъекты права [6].

Принимая во внимание настойчивое экономическое развитие, страны сталкиваются с необходимостью учитывать трансформирующееся международное право, адаптирующееся к инновационным видам экономической активности, которые повышают риск трансграничных экологических последствий. Однако современные природоохранные технологии также требуют интеграции в этот процесс. Международная судебная практика внимательно исследует реализацию этих принципов, включая аспекты устойчивого развития государств, при формировании стратегии противодействия.

Согласно А. С. Тимошенко [7] и А. А. Ковалевой [8], обязательство компенсации ущерба, проистекающего из международных неправомерных действий, создаёт сложность систематического оказания давления на правонарушителя. Это способствует реинституционализации юридической справедливости, что воплощается через процедурные элементы, вытекающие из положений международного юридического устоя.

А. Я. Капустина [9] акцентировала внимание на значении критерия юридической ответственности, который предполагает выполнение субъектом юридических санкций. Аналогичные меры, включая экономические и иные санкции или, как отмечает М. Н. Копылов [10], даже применение вооруженных сил, формируют матрицу международно-правовой ответственности.

В контексте обозначенного М. Н. Копыловым положения, правонарушения в международной сфере вызывают возникновение специфических правоотношений, в рамках которых делинквентное государство приобретает однозначные обязательства по прекращению незаконных акций [11].

В рамках международного права отношения ответственности развиваются, игнорируя желания пострадавших сторон и международных организаций. Ошибочные действия государств влекут за собой обязательство следовать наказаниям, которые являются краеугольным камнем системы международно-правовой ответственности.

Особую ценность имеет взаимодействие институтов, сосредоточенных на предотвращении нанесения экологического вреда, что является уникальной правовой единицей. Их важность проявляется в способности снижать риски, вызванные человеческой деятельностью, путем гармоничного взаимодействия различий и синергии. Однако применение санкций не всегда эффективно ликвидирует экологическую угрозу через границы. Это подчеркивает острую необходимость углубленных исследований для разработки действенных подходов в сфере международного экологического законодательства.

Многочисленные международные соглашения устанавливают ответственность стран за действия, которые могут привести к ущербу окружающей среде, как это поддерживается теорией и практикой международного права. Ответственность подразумевает, что государство обязано прекратить противоправные действия, ставящие под угрозу природу на трансграничном уровне. Успех в предотвращении таких инцидентов достижим через согласованное использование норм экологического и экономического международного права.

Пристатейный библиографический список

1. Конвенция Международной организации труда № 172 об условиях труда в гостиницах, ресторанах и аналогичных заведениях (Женева, 25 июня 1991 г.). [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Гарант» (дата обращения: 24.11.2024).
2. Конвенция о трансграничном воздействии промышленных аварий (Совершено в Хельсинки, 17 марта 1992 г. с поправками от 15 декабря 2015 г.). [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Гарант» (дата обращения: 24.11.2024).
3. Конвенция по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер (Хельсинки, 17 марта 1992 г.). [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Гарант» (дата обращения: 24.11.2024).
4. Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву (Монтего-Бей, 10 декабря 1982 г.). [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Гарант» (дата обращения: 24.11.2024).
5. Кожуров Я. С. Дифференциация международной ответственности // Российский юридический журнал. - 2013. - № 3 (май-июнь). [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Гарант» (дата обращения: 24.11.2024).
6. Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия (Париж, 16 ноября 1972 г.). [Электронный ресурс] // Справочная правовая система «Гарант» (дата обращения: 24.11.2024).
7. Тимошенко А. С. Формирование и развитие международного права окружающей среды. - М.: Наука, 1986. - 191 с.
8. Международное право / Под ред. А. А. Ковалева, С. В. Черниченко. - М.: Омега-Л, 2006. - 831с.
9. Международное право / Под ред. А. Я. Капустина. - М.: Юрайт, 2014. - 723 с.
10. Копылов М. Н., Мохаммад С. А. Экологическое районирование в международном и внутригосударственном праве. - М.: РУДН, 2003. - 115 с.
11. Копылов М. Н. Введение в международное экологическое право. - М.: РУДН, 2007. - 267 с.

КУДРЯШОВ Владислав Васильевич,
кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и гражданского права, Юридический факультет, Государственный университет просвещения; действительный государственный советник Российской Федерации 3 класса

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С МЕЖДУНАРОДНЫМИ ФИНАНСОВЫМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ: ВЗГЛЯД ИЗ РОССИИ

В связи с воссоединением Крыма с Россией и проведением Специальной военной операции западные страны ввели против российских физических и юридических лиц многочисленные односторонние ограничения, эхом отразившиеся и на позициях самого российского государства в целом ряде международных политических и финансовых организаций: Совете Европы, ОБСЕ, ООН, а также МВФ, МБРР, МАР, БМР, ФАТФ, ИОСКО и др. В противоречие со своими уставными документами и в отсутствие легитимной процедуры эти организации произвольно, по политическим мотивам заморозили членство России. Анализ ситуации показывает, что эти действия наносят серьезный репутационный ущерб нашей стране, влекут снижение ее суверенных рейтингов и, следовательно, доверия со стороны потенциальных инвесторов и партнеров, осложняют торговые и финансовые отношения российских компаний с зарубежными. Мощная антироссийская идейная основа, масштабы и структурированность действий западных стран по введению и поддержанию ограничений не позволяют предполагать в ближайшей перспективе изменение ситуации с членством России в международных организациях, где большинство голосов принадлежит этим странам и их сателлитам.

Ключевые слова: международные финансовые организации, рестрикции, взаимодействие, проверки, обмен налоговой информацией, Международный валютный фонд, Всемирный банк, Организация экономического сотрудничества и развития, Базельский комитет по банковскому надзору, ФАТФ.

KUDRYASHOV Vladislav Vasilevich
Ph.D. in historical sciences, associate professor, associate professor of Constitutional and civil law sub-faculty, Faculty of Law, State University of Education; Full State Counselor of the Russian Federation, 3rd Class

LEGAL ASPECTS OF COOPERATION WITH INTERNATIONAL FINANCIAL ORGANIZATIONS IN THE CONTEXT OF SANCTIONS: A VIEW FROM RUSSIA

In connection with the reunification of Crimea with Russia and the conduct of a Special military operation, Western countries imposed numerous unilateral restrictions against Russian individuals and legal entities, which echoed the positions of the Russian State itself in a number of international political and financial organizations: the Council of Europe, OSCE, UN, as well as the IMF, IBRD, IDA, BIS, FATF, IOSKO et al. Contrary to their statutory documents and in the absence of a legitimate procedure, these organizations arbitrarily, for political reasons, froze Russia's membership. An analysis of the situation shows that these actions cause serious reputational damage to our country, lead to a decrease in its sovereign ratings and, consequently, the trust of potential investors and partners, and complicate trade and financial relations between Russian companies and foreign ones. The powerful anti-Russian ideological basis, the scale and structure of Western countries' actions to impose and maintain restrictions do not allow us to assume in the near future a change in the situation with Russia's membership in international organizations, where the majority of votes belong to these countries and their satellites.

Keywords: international financial organizations, restrictions, interaction, checks, exchange of tax information, International Monetary Fund, World Bank, Organization for Economic Cooperation and Development, Basel Committee on Banking Supervision, FATF.

Международно-правовой статус международных финансовых организаций, их финансовая политика, внутренние отношения членства, взаимоотношения с Россией частично исследовались такими зарубежными авторами, как Н. Базин, Д. Брэдлоу, С. А. Гаас, М. Джованоли, Н. Кабули, Р. Ластра, Л. Де Суза и др., а также российскими: И. В. Андронова, И. М. Лифшиц, В. В. Кудряшов, Г. В. Петрова, Н. Н. Трошин, В. М. Шумилов. Среди практических специалистов по данной проблематике - бывшие представители России в МВФ и Всемирном банке А. В. Можин и Р. А. Маршавин.

Однако проблематика выхода из этих организаций, заморозки членства или исключения, их правовая регламентация и последствия не получили должного освещения ни в отечественной, ни в зарубежной доктрине. Предлагаемый материал призван восполнить этот пробел.

В связи с масштабными антироссийскими ограничительными мерами и русофобской кампанией, проводимой западными странами и рядом международных организаций в связи с действиями России в отношении Украины, отношения России с международным сообществом серьезно осложнились: в 2022 году Российская Федерация вышла из Совета Европы, заморозила членство в ОБСЕ [1], приобрела значительное количество противников в ООН, ее членство во многих международных финансовых организациях было приостановлено или заморожено.

Финансовая система России подверглась серьезным испытаниям: ряд крупнейших российских банков были отключены от международной системы межбанковских телекоммуникаций SWIFT, заморожены серьезные активы за рубежом, ограничен ввоз долларов и евро, закрыты многие каналы для платежей и расчетов и др.

Осложнились и отношения с международными финансовыми организациями.

Так, Всемирный банк (ВБ) прекратил выдачу новых кредитов и инвестиций для России с 2014 года (после воссоединения Крыма с Россией. - КВ.), а в 2022 году осудил российскую операцию на Украине и вообще прекратил финансирование проектов в России [2]. При этом ВБ действовал в соответствии с нормами своего устава (Статей Соглашения МБРР), согласно которым Банк не финансируют проекты в воюющих госу-

дарствах, что, однако, не выполнялось в отношении Украины. Информации о намерении России выйти из ВБ в доступных источниках выявить не удалось.

Международный валютный фонд (МВФ), несмотря на длительный период членства и деловые отношения с Россией (с 1992 года), в настоящее время эти отношения приостановил: в сентябре 2024 года МВФ принял решение отложить консультации с властями России в рамках ежегодного обзора российской экономики на основании Статьи IV Статей соглашения МВФ. Там было заявлено, «консультации по 4-й статье с Россией отложены, пока мы собираем все необходимые данные и проводим анализ для тщательных консультаций» [3].

Заявление МВФ не является неожиданным: еще в 2016 году, по сообщению российского МИДа, Вашингтон разослал директиву своим представителям в МВФ и Всемирном банке с требованием заблокировать финансирование программ, связанных с Россией. Такие же директивы получили американские представители и в других многосторонних финансовых институтах. США не скрывают, что «основной целью санкционной политики является нанесение ущерба экономике РФ» [4]. А некоторые страны призывали исключить Россию из МВФ [5].

Но в данном случае действия МВФ соответствовали положениям устава (ст. IV Статей Соглашения МВФ), согласно которым государство обязано сотрудничать с Фондом в отношении валютного режима, а корреспондирующая обязанность МВФ сотрудничать с государством в уставе отсутствует. Поэтому срок возобновления контактов зависит исключительно от МВФ.

Вопросы прекращения участия и выхода из числа членов МВФ урегулированы статьями XXIV и XXVI Статей Соглашения МВФ. При этом любое государства может быть исключено из Фонда при невыполнении своих обязательств из устава, а выйти оно может в любое время по желанию.

В России вопрос о выходе из МВФ обсуждался неоднократно, однако специалисты относятся к этому негативно, подчеркивая, что Россия лишится доступа к информации и не сможет поддерживать дружественные страны [6].

Однако имеются более серьезные причины для сохранения членства. Во-первых, Россия сразу лишится членства в МБРР и МАР, что означает невозможность получения в дальнейшем международных кредитов.

Во-вторых, все это время МВФ производил анализ российской экономики и проверку соблюдения ею международных финансовых стандартов и кодексов (программы FSAP и ROSC[1]), а также консультации по обязательствам в отношении валютного режима в рамках упомянутой выше Статьи IV Статей Соглашения МВФ.

Эти оценки проводятся совместно МВФ и Всемирным банком на основе собственных данных, а также данных, полученных от международных организаций, устанавливающих стандарты (МОУС) - Базельского комитета по банковском надзору (БКБН) и Комитета по платежам и рыночной инфраструктуре Банка международных расчетов, Международной организации комиссий по ценным бумагам (ИОСКО, Международной ассоциации страховых надзоров, ФАТФ и др.

Эти данные служат ориентирами для присвоения России международными рейтинговыми агентствами суверенных рейтингов, которые в свою очередь служат ориентирами для иностранных инвесторов, банков, фондов и торговых компаний как подтверждение платежеспособности России и ее компаний и уровня рисковости российских активов. Утрата этих оценок будет дополнительным негативным фактором в отношениях России с иностранными государствами, и российских компаний с иностранными.

Отметим, что ключевыми игроками в этих оценочных процессах являются ФАТФ и БКБН.

Последние оценки ФАТФ проводились в 2019 году и были получены положительные оценки [7]. Однако поскольку членство России в ФАТФ было приостановлено в 2023 году, оценка соответствия в 2023 году производилась Евразийской региональной группой по типу ФАТФ (Eurasia Group, EAG), членом которой является Россия (ЕГГПФ), и в докладе ЕРГПФ также были даны положительные оценки [7].

Решение о приостановке членства России, несмотря на отсутствие такой процедуры в учредительных документах ФАТФ, было принято на пленарном заседании организации в феврале 2023 года [8]. Механизма оспорить это решение документами ФАТФ не предусмотрено. Однако отметим, что Российской службе по финансовому мониторингу, представляющей Россию в ФАТФ, удалось отстоять членство и не допустить исключения России из ФАТФ. Оценки соблюдения Россией стандартов ФАТФ в сфере борьбы с отмыванием денег и финансированием терроризма со стороны Евразийской региональной группой по типу ФАТФ (Eurasia Group, EAG) может служить временной альтернативой.

Что касается проверок со стороны БКБН в части оценки соблюдения стандартов банковского надзора и устойчивости финансового сектора, то Комитет, являясь подразделением БМР, должен следовать политике Банка, который приостановил участие Банка России, а стало быть, самой России, в своей деятельности, мотивировав это решение введенными Банка России на него санкциями [9]. Таким образом, последняя оценка Комитетом устойчивости финансового секторы России от 2015 года пока является наиболее актуальной и вопрос о возобновлении таких оценок пока открыт.

В уставе БМР как акционерного общества не предусмотрено исключения акционера, поэтому решение о заморозке операций с Банком России не касается собственно членства, но, видимо, принимается к исполнению всеми подразделениями Банка, включая БКБН, КПРИ, а также находящейся там Международной ассоциации органов страхового надзора (МАСН), которая также приостановила отношения с Банком России и Минфином России [10].

О попытках Банка России оспорить данные меры БМР, МАСН и других международных финансовых организаций, в которых Банк России является членом, в открытых источниках информации нет.

Еще одной международной финансовой организацией, отношения с которой в настоящее время свернуты, является ОЭСР. Россия не является членом ОЭСР, но признает и соблюдает ее стандарты. В частности, Принципы корпоративного управления G20/ОЭСР [11].

Однако в имплементации стандартов этой организации имеется некоторая непоследовательность и противоречивость: с Россией отказались сотрудничать практически все развитые страны Запада в сфере обмена налоговой информаций в рамках Конвенции ОЭСР о взаимной административной помощи по налоговым делам (1988) [12], Многосторонней конвенции ОЭСР о сотрудничестве между компетентными органами по вопросам автоматического обмена информацией по стандарту

1 The Financial Sector Assessment Program (FSAP) (Программа оценки финансового сектора); Reports on the Observance of Standards and Codes (ROSCs) (Доклады о соблюдении стандартов и кодексов).

CRS (CRS MCAA) (2014) (Россия присоединилась в 2016) [13] и Многостороннего соглашения компетентных органов об обмене отчетами CbC (CbC MCAA) (2014) [14]. На начало 2022 года эти стандарты применяли 115 юрисдикций.

На сайте ОЭСР сообщается, что Россия на март 2022 года предоставляет налоговую информацию 62 странам и получает из 77 стран, согласно двухсторонним соглашениям об автоматическом обмене налоговой информацией [15].

Однако в 2020 году в действующий перечень государств, с которыми у России есть автоматический обмен, Федеральная налоговая служба (ФНС) России внесла 83 страны и 12 территорий [16], а в 2024 году уже - 45 и 10 соответственно [17], что свидетельствует о сокращении количества взаимодействующих стран.

Оспорить прекращение сотрудничества в сфере обмена налоговой информацией невозможно ввиду отсутствия соответствующих норм в международном праве и арбитражных или судебных инстанций, однако ФНС России в качестве ответа включает государства, отказавшиеся от обмена, в свой «черный список».

Таким образом, Российская Федерация испытывает серьезные проблемы в отношениях с международными финансовыми организациями, в первую очередь с теми, от которых зависит международная оценка финансовой устойчивости и платежеспособности российского государства и российских компаний.

Прекращение сотрудничества или заморозка членства России не всегда происходили в рамках законных процедур, предусмотренных учредительными документами соответствующих международных организаций, что свидетельствует о политической подоплеке таких действий и невозможности их отмены юридическим путем.

В таких обстоятельствах России необходимо наращивать взаимодействие с дружественными странами в целях создания альтернативных структур, свободных от влияния Запада.

Пристатейный библиографический список

1. Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) после 24 февраля 2022 года погрузилась в глубокий кризис и показала неспособность предотвратить военную эскалацию на континенте // Европу пересоберут заново //Газета «Коммерсантъ». – 2022, 6 октября.
2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.rbc.ru/economics/03/03/2022/622000689a79473389c64fa1 (дата обращения: 15.03.2025).
3. МВФ решил отложить консультации с РФ. - 18.09.2024. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://finance.rambler.ru/economics/53437748-mvf-reshil-otlozhit-konsultatsii-s-rf/ (дата обращения: 18.09.2024).
4. Вашингтон заблокировал финансирование России по линии МВФ и Всемирного банка. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mk.ru/politics/2016/10/13/vashington-zablokiroval-finansirovanie-rossii-po-linii-mvf-i-vsemirnogo-banka.html (дата обращения 22.06.2017).
5. Министр финансов Украины возглавил совет управляющих Всемирного банка. URA.RU. - 15.10.2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://news.rambler.ru/world/49521301/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 15.10.2022).
6. МВФ опасается потерять мировой статус, если Россия выйдет из фонда. - 3 мая 2024. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://smotrim.ru/article/3933411?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 03.05.2024).
7. FATF (2016), Anti-money laundering and counter-terrorist financing measures – Russian Federation, Fourth Round Mutual Evaluation Report, FATF, Paris. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.fatf-gafi.org/publications/mutualevaluations/documents/mer-russian-federation-2019.html (дата обращения: 28.08.2024).
8. Outcomes FATF Plenary, 22-24 February 2023. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.fatf-gafi.org/en/publications/Fatfgeneral/outcomes-fatf-plenary-february-2023.html (дата обращения: 11.06.2023).
9. Банк международных расчетов приостановил участие Банка России в своей деятельности. - 10.03.2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tass.ru/ekonomika/14027223 (дата обращения: 26.06.2023).
10. IAIS. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.iais.org/uploads/2022/04/List-of-IAIS-Members.pdf (дата обращения: 16.03.2025).
11. Принципы корпоративного управления G20/ОЭСР. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.iia-ru.ru/upload/iblock/0f1/0f174cac13747b3895aa57a53afab352.pdf (дата обращения: 15.03.2025).
12. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.oecd.org/tax/exchange-of-tax-information/convention-on-mutual-administrative-assistance-in-tax-matters.htm (дата обращения: 29.08.2024).
13. Multilateral Competent Authority Agreement on Automatic Exchange of Financial Account Information (CRS MCAA). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.oecd.org/tax/automatic-exchange/international-framework-for-the-crs/ (дата обращения: 02.03.2024).
14. Multilateral Competent Authority Agreement on the Exchange of CbC Reports (CbC MCAA). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://web-archive.oecd.org/2020-05-29/385805-cbc-mcaa.pdf (дата обращения: 02.03.2024).
15. Activated exchange relationships for Country-by-Country reporting. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.oecd.org/tax/automatic-exchange/country-by-country-exchange-relationships.htm (дата обращения: 02.10.2022).
16. Приказ ФНС России от 27.05.2022 N ЕД-7-17/450@ «Об утверждении Перечня государств (территорий), с которыми осуществляется автоматический обмен финансовой информацией» (Зарегистрировано в Минюсте России 05.07.2022 № 69146) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 02.10.2022).
17. Приказ ФНС от 30 октября 2024 г. N ЕД-7-17/915@ «Об утверждении перечня иностранных государств (территорий), с компетентными органами которых осуществляется автоматический обмен страновыми отчетами» 45 государств и 10 территорий. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=484878 (дата обращения: 15.03.2025).

DOI 10.46320/2073-4506-2025-4-203-36-38

Талимончик В. П.

ТАЛИМОНЧИК Валентина Петровна

доктор юридических наук, профессор кафедры общетеоретических правовых дисциплин, старший научный сотрудник, Северо-Западный филиал, Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, г. Санкт-Петербург

ЭФФЕКТИВНОСТЬ МЕЖИНСТИТУЦИОННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРИ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ СИСТЕМ

Целью предпринятого в статье исследования является оценка эффективности положений Глобального цифрового договора в части механизмов межинституционного взаимодействия при международно-правовом регулировании информационно-коммуникационных систем и выработка предложений по совершенствованию межинституционного взаимодействия. При исследовании использовались методы анализа и синтеза, формально-логический и проблемно-теоретический методы. В результате исследования выявлено, что Глобальный цифровой договор не создал систему межинституционного взаимодействия для регулирования информационно-коммуникационных систем, а только ввел отдельные положения о взаимодействии ООН со своими специализированными учреждениями и определил направлениях такого взаимодействия. Формированию системы межинституционного взаимодействия в рамках ООН могло бы способствовать создание Генеральной ассамблеей ООН координирующего органа с учетом широкого представительства государств, деятельность которого учитывала бы все аспекты межинституционного взаимодействия.

Ключевые слова: эффективность, международно-правовое регулирование, международная институционная система, эффективность межинституционного взаимодействия, информационно-коммуникационные системы, система ООН, специализированные учреждения ООН, Глобальный цифровой договор.

TALIMONCHIK Valentina Petrovna

Ph.D. in Law, professor of General theoretical legal disciplines sub-faculty, senior researcher, North-West branch, V. M. Lebedev Russian State University of Justice, St. Petersburg

THE EFFECTIVENESS OF INTER-INSTITUTIONAL INTERACTION IN INTERNATIONAL LEGAL REGULATION OF INFORMATION AND COMMUNICATION SYSTEMS

The purpose of the research undertaken in the article is to evaluate the effectiveness of the provisions of the Global Digital Compact in part of mechanisms for interinstitutional interaction in the international legal regulation of information and communication systems and to develop proposals for improving interinstitutional interaction. The research used methods of analysis and synthesis, formal-logical and problem-theoretical methods. As a result of the study, it was revealed that the Global Digital Compact did not create a system of interinstitutional interaction to regulate information and communication systems, but only introduced separate provisions on the interaction of the United Nations with its specialized agencies and defined the directions of such interaction. The creation of a coordinating body with competence of all aspects of interinstitutional cooperation by the UN General Assembly, taking into account the broad representation of States, could contribute to the formation of a system of interinstitutional cooperation within the UN.

Keywords: efficiency, international legal regulation, international institutional system, effectiveness of interinstitutional cooperation, information and communication systems, UN system, UN specialized agencies, Global Digital Treaty.

Введение

Концепция международной институционной системы была выдвинута профессором *Л.* Н. Галенской [3]. Международная институционная система рассматривалась ею как определенная подсистема в системе современных международных отношений.

В 2011 году нами выдвинута идея дифференциации международной институционной системы ввиду качественного своеобразия отдельных групп международных отношений. В отдельных областях международных отношений формируются подсистемы международной информационной системы. Одной из таких подсистем стала международная институционная система в сфере информации, характеризующаяся специфическими целями и задачами функционирования, а также функциями.

Целью функционирования международной институционной системы в сфере информации стало формирование информационного общества на всех уровнях: универсальном, региональном, национальном. Однако XXI век принес изменения в регулируемом объекте – появились информационно коммуникационные системы – искусственный интеллект (ИИ), Большие данные, распределенные реестры, виртуальная и дополненная реальность, метавселенные.

Изменения в регулируемом объекте повлекли изменение функций международной институционной системы в сфере информации. К числу её задач добавилось обеспечение создания института регулирования информационно-коммуникационных систем в международном публичном и международном частном праве.

Международной институционной системе в сфере информации присуще разнообразие институционных образований. Своеобразие международных информационных отношений обусловливает участие в международной институционной системе в сфере информации как международных институционных образований, так и внутригосударственных. К международным институционным образованиям следует отнести международные организации и органы, которые и выполняют функцию создания эффективного международно-правового регулирования информационно-коммуникационных систем.

Системообразующая роль принадлежат ООН, ЮНЕСКО, МСЭ и ВОИС. Обособлено эти организации уже до-

стигли определенных результатов в регулировании информационно-коммуникационных систем, преимущественно искусственного интеллекта.

Генеральная конференция ЮНЕСКО 24 ноября 2021 года приняла резолюцию «Рекомендация об этических аспектах искусственного интеллекта». Резолюция ЮНЕСКО определила ценности и принципы использования искусственного интеллекта.

МСЭ разработал гибкие инструменты стандартизации в области искусственного интеллекта. Это - технические спецификации и требования к ИИ и другим технологиям, которые делают машинное обучение этическим, предсказуемым, надежным и эффективным. Разработкой стандартов занимаются рабочие группы МСЭ: Оперативная группа МСЭ «Экологическая эффективность для ИИ и других возникающих технологий»; Оперативная группа МСЭ по машинному обучению для будущих сетей, включая 5G; Оперативная группа МСЭ «ИИ для автономного и ассистированного вождения».

ВОИС с 2019 года проводит Дискуссию по вопросам интеллектуальной собственности и искусственного интеллекта и подготовила проект концептуального документа по вопросу влияния ИИ на политику в области ИС. Дискуссия трансформировалась и охватила все передовые технологии.

Инициатива ООН – Глобальный цифровой договор, была призвана наладить межинституционное взаимодействие на универсальном уровне.

В правовой доктрине сформировалось учение об эффективности норм международного права, что нашло отражение в фундаментальных трудах С. Ю. Марочкина [9], [10] и Л. Х. Мингазова [12].

Вопросы эффективности международно-правового регулирования информационно-коммуникационных систем могут быть решены с учетом исследований по правовым аспектам искусственного интеллекта [21], [26], [29], [30] Больших данных [23], [24], [27] и блокчейна [22], [25], [28], [31].

Межинституционное взаимодействие международных организаций на универсальном уровне может быть выявлено с учетом фундаментальных трудов по праву международных организаций Е. А. Шибаевой [18], Т. Н. Нешатаевой [14], П. Н. Бирюкова [2]. В отечественной правовой доктрине также уделялось достаточное внимание деятельности организаций системы ООН, например ЮНЕСКО [4], [6], [15], [17], [20] и МСЭ [1], [11], [13], [16]. Анализировалось и взаимодействие международных организаций по охране интеллектуальной собственности [5], [7], [8], [19].

Однако отдельный анализ эффективности межинституционного взаимодействия международных организаций при регулировании информационно-коммуникационных систем в отечественной доктрине не производился. Цель настоящего исследования – определить, обеспечит ли Глобальный цифровой договор эффективность межинституционного взаимодействия при международно-правовом регулировании информационно-коммуникационных систем.

Анализ механизмов межинституционного взаимодействия, предложенных Глобальным цифровым договором

При разработке Глобального цифрового договора в Концептуальной записке 5, представленной Генеральным секретарем ООН в мае 2023 года, отмечалась необходимость создания глобального рамочного механизма для многосторонних действий с целью преодоления цифрового, даталогического и инновационного разрывов и достижения устойчивого цифрового будущего.

Концептуальная записка 5 также содержала указание на то, что разработано свыше 100 наборов принципов, определяющих этические аспекты ИИ: прозрачность, надежность, подконтрольность человеку. Поставлена задача повсеместной согласованности и эффективности положений о принципах. Как следствие, в системе ООН должен действовать координационный механизм регулирования информационно-коммуникационных систем, который включает два типа межинституционного взаимодействия: 1) взаимодействие ООН со своими специализированными учреждениями; 2) взаимодействие специализированных учреждений между собой.

Глобальный цифровой договор был призван наладить взаимодействие ООН со своими специализированными учреждениями, при котором ООН выполняет функцию единого координирующего центра. Резолюция A/RES/79/1, принятая Генеральной Ассамблеей 22 сентября 2024 года, содержит текст Глобального цифрового договора.

Глобальный цифровой договор воспринял уже существующие механизмы сотрудничества ООН и МСЭ и содержит отсылку к документам Всемирного саммита по информационному обществу.

Устав МСЭ ограничивает его цели обеспечением и расширением международного сотрудничества между всеми членами Союза с целью использования всех видов электросвязи, содействием технической помощи и развитию технических средств служб электросвязи, расширением их применения. По существу, его деятельность направлена на «традиционные» телекоммуникации.

Однако МСЭ постоянно стремится к расширению своей компетенции, претендуя на регулирование интернета и появившихся передовых информационных технологий и используя косвенные механизмы расширения своего влияния.

Всемирный саммит по информационному обществу состоялся во многом благодаря инициативе МСЭ по его проведению, выдвинутой в 1998 г. Поскольку Всемирный саммит по информационному обществу оказался успешной инициативой, её поддержала ООН, создав специальный орган - Группу ООН по информационному обществу, которая долгие годы координировала деятельность Всемирного саммита.

В условиях развития информационно-коммуникационных систем учредительные документы МСЭ требуют пересмотра, как и компетенция Группы ООН по информационному обществу.

Глобальный цифровой договор также содержит обязанность государств развивать справедливые и инклюзивные подходы к использованию преимуществ искусственного интеллекта и уменьшению рисков при полном соблюдении норм международного права, включая международное право прав человека. В этой части он содержит отсылку к Рекомендации ЮНЕСКО. Однако принципы, на которых основан Глобальный цифровой договор, отличаются от специальных принципов, кодифицированных в Резолюции ЮНЕСКО.

Во-первых, в Глобальном цифровом договоре раскрывается не нормативное содержание специальных принципов, а цели их реализации. При этом отдельные принципы сформулированы как цели - Договор ориентирован на развитие и основан на Повестке дня на период до 2030 года; требуется решение проблемы существующей концентрации технического потенциала и рыночной власти; необходимы легкодоступные и приемлемые по стоимости данные и цифровые технологии и услуги.

Во-вторых, в качестве принципов обозначены определенные социальные явления (всеохватное участие всех государств и других заинтересованных сторон; участие правительств, частного сектора, гражданского общества, технического сообщества, научных кругов и международных и региональных организаций; стремительное развитие цифрового мира; новые возможности цифровых технологий для содействия обеспечению экологической устойчивости; цифровые системы как критически важные катализаторы развития; инициативность и конкуренция как движущие факторы развития цифровых технологий), а также констатация свойств, присущих всем международным документам или существующих принципов. К последнему относятся положения о том, что Договор основывается на нормах международного права; гендерном равенстве и расширении прав женщин и девочек, а также их участию в деятельности в цифровом пространстве.

Глобальный цифровой договор позаимствовал из Резолюции ЮНЕСКО только категорию жизненного цикла ИИ и распространил её на цифровые и новейшие технологии. Несогласованность международных документов является серьезным препятствием для кодификации принципов международно-правового регулирования информационно-коммуникационных систем. Эффективным был бы единообразный подход к такого рода принципам.

В Глобальном цифровом договоре декларируется сотрудничество с гражданским обществом, частным сектором, техническими и научными кругами, международными организациями и всеми другими заинтересованными сторонами. Проблема эффективного межинституционного взаимодействия в рамках системы ООН не решается.

Цель международного регулирования в отношении искусственного интеллекта охватывает в числе средств её достижения учреждение в рамках ООН междисциплинарной Независимой международной научной группы по ИИ и проведение Глобального диалога по вопросам управления ИИ в рамках существующих конференций и совещаний ООН. Открытым остался вопрос, будут ли включены в Глобальный диалог конференции, проводимые специализированными учреждениями ООН, в частности Глобальный саммит «Искусственный интеллект во благо человечества», проводимый МСЭ, и Дискуссия ВОИС по вопросам интеллектуальной собственности и передовых технологий. Эти международные конференции уже получили широкое признание и должны стать частью Глобального диалога.

Глобальный цифровой договор также содержит призыв к организациям, занимающиеся разработкой стандартов, вести сотрудничество по разработке и принятию функционально совместимых стандартов искусственного интеллекта. МСЭ уже ведет разработку таких стандартов и мог бы координировать соответствующее межинституционное взаимодействие в системе ООН.

Информационно-коммуникационные системы порождают не только технические, но и социальные, экономические проблемы, решение которых требует межинституционного взаимодействия всей системы ООН и создания единого координирующего органа. Вместо координирующего представительного органа в системе ООН с широкими полномочиями предусмотрено учреждение канцелярии для содействия общесистемной координации и взаимодействия с существующими механизмами.

Вывод

Глобальный цифровой договор не создал систему межинституционного взаимодействия для регулирования информационно-коммуникационных систем. Он содержит отдельные положения о взаимодействии ООН со своими специализированными учреждениями и направлениях межинституционного взаимодействия в рамках системы ООН. Формированию системы межинституционного взаимодействия в рамках ООН могло бы способствовать создание Генеральной ассамблеей ООН координирующего органа с учетом широкого представительства государств, деятельность которого охватывала бы все аспекты межинституционного взаимодействия, а не только канцелярии в Секретариате ООН как вспомогательного органа для содействия общесистемной координации.

Пристатейный библиографический список

1. Абашидзе А. Х., Солнцев А. М., Черных И. А. К 150-летию со дня учреждения Международного союза электросвязи - специализированного учреждения ООН // Евразийский юридический журнал. - 2015. - № 7 (86). - С. 55-61.
2. Бирюков П. Н. Право международных организаций. - 3-е издание, переработанное и дополненное. - М.: Изд-во ЮРАЙТ, 2023. - 170 с.
3. Галенская Л. Н. Международная институционная система // Российский ежегодник международного права, 1993. - СПб.: Изд-во «Социально-коммерческая фирма «Россия-Нева», 2003. - С. 263-267.
4. Галенская Л. Н. ЮНЕСКО в современном мире: к 40-летию учреждения // Правоведение. - 1986. - № 6. - С. 25-33.
5. Дворников Д. В. Международно-правовые аспекты защиты интеллектуальной собственности ВТО и ВОИС // Вестник Российского университета дружбы народов. - 2003. - № 1. - С. 83-87.
6. Кашинский Ю. И., Сатолина М. Н., Славин Б. С., Нестерович В. М. ЮНЕСКО и общество знаний // Проблемы правовой информатизации. - 2005. - № 2 (10). - С. 58-70.
7. Комендантов С. В. Защита интеллектуальных прав: некоторые нормы и механизмы ВТО, ВОИС и ЕАЭС // Электронное сетевое издание «Международный правовой курьер». - 2022. - № 3. - С. 1-5.
8. Кробка Н. Н. Взаимодействие ВОИС и ВТО как международных организаций, регулирующих защиту прав интеллектуальной собственности // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. -2019. - Т. 5 (71). - № 4. - С. 440-450.
9. Марочкин С. Ю. Эффективность норм международного права: понятие, критерий и условия. Автореф. дис. … д.ю.н. - Свердловск, 1984. - 18 с.
10. Марочкин С. Ю. Эффективность норм международного права и механизм международно-правового регулирования (постановка вопроса) // Вопросы государства, права и социального управления. Межвузовский сборник научных трудов / Отв. ред. Г. В. Игнатенко. – Свердловск: Уральская государственная юридическая академия, 1983. - С. 27-32.
11. Мельникова О. А. Международный союз электросвязи - технический регулятор или арена нового противостояния // Международная жизнь. - 2021. - № 8. - С. 78-83.
12. Мингазов Л. Х. Эффективность норм международного права (теоретические проблемы) дисс. … д.ю.н.: Казань, 2000. - 465 с.
13. Минкин В. М. Международный союз электросвязи: стратегические цели высокого уровня определены // Электросвязь. - 2015. - № 4. - С. 15-18.
14. Нешатаева Т. Н. Влияние межправительственных организаций системы ООН на развитие международного права. Дис. ... д.ю.н. - М., 1993. - 475 с.
15. Павлова Л. В. ЮНЕСКО и права человека. - Мн.: Тесей, 2002. - 232 с.
16. Резникова Н. П., Артемьева Г. С. Особенности современного этапа жизненного цикла Международного союза электросвязи // Электросвязь. - 2022. - № 8. - С. 32-38.
17. Уранов Г. В. ЮНЕСКО: к 40-летию деятельности. - М.: Международные отношения, 1986. - 125 с.
18. Шибаева Е. А. Международные организации в области транспорта и связи. - М.: Изд-во Института международных отношений, 1960. - 105 с.
19. Шутурова И. В., Шугуров М. В. Евразийский экономический союз и ВОИС: организационно-правовой механизм взаимодействия // Экономика и бизнес: теория и практика. - 2022. - № 12-2 (94). - С. 246-251.
20. ЮНЕСКО и современность: к 20-летию ЮНЕСКО / / Авт. кол.: С. К. Романовский, Г. В. Шведов, М. В. Андреев и др. / Под ред. С. К. Романовского. Комиссия СССР по делам ЮНЕСКО. - М.: Международные отношения, 1966. - 286 с.
21. Artificial Intelligence and International Economic Law: Disruption, Regulation, and Reconfiguration / Ed. by Peng Shin-Yi, Lin Ching-Fu, Streinz Thomas. - Cambridge: Cambridge University Press, 2021. - 320 p.
22. Bambara J., Allen P. Blockchain: A Practical Guide to Developing Business, Law, and Technology Solutions. - McGraw-Hill Education, 2018. - 302 p.
23. Big Data in Context Legal, Social and Technological Insights / Ed. by Thomas Hoeren, Barbara Kolany. - London: Springer, 2018. - 120 p.
24. Burri M. Big Data and Global Trade Law. - Cambridge: Cambridge University Press, 2021. - 376 p.
25. Cappiello B., Carullo G. (eds.). Blockchain, Law and Governance. - London: Springer, 2021. - 303 p.
26. Chesterman S. We, the Robots?: Regulating Artificial Intelligence and the Limits of the Law. – Cambridge: Cambridge University Press, 2021. - 300 p.
27. Compagnucci M. C. Big Data, Databases and «Ownership» Rights in the Cloud. - London: Springer, 2020. - 308 p.
28. Herian R. Regulating Blockchain: Law, Technology and the Ethics of Political Economy. - New York: Routledge, 2018. - 167 p.
29. Kovac M. Judgement-Proof Robots and Artificial Intelligence A Comparative Law and Economics Approach. - London: Springer/Palgrave Macmillan, 2020. - 153 p.
30. Rebe N. Artificial Intelligence: Robot Law, Policy and Ethics. - Leiden: Brill – Nijhoff, 2021. - 252 p.
31. Stabile D., Prior K. Digital Assets and Blockchain Technology: U.S. Law and Regulation. - Cheltenham: Edward Elgar Publishing Limited, 2020. - 368 p.

JENNIFER Rubio Ortegon
postgraduate student of International law sub-faculty, Institute of Law, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

LEGAL PERSPECTIVES ON AMAZONIAN CHALLENGES

The various problems affecting the Amazon are complex and diverse, requiring a broad perspective that considers the specific circumstances of each Amazonian country while fostering cooperation among them. However, understanding the challenges facing the Amazon should be the starting point for developing targeted solutions. Addressing these issues effectively requires the creation of legal frameworks that not only enable action but also ensure real impact, as many existing regulations aimed at protecting the Amazon have proven ineffective. By analyzing the challenges the Amazon faces, we can propose possible solutions or at least identify which existing legal frameworks and public policies are failing to achieve their intended goals.

Keywords: Amazonian problems, Environmental destruction, environmental enforcement, Protected areas, Reserved areas, Indigenous land.

ДЖЕННИФЕР Рубио Ортегон
аспирант кафедры международного права, Юридический институт, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

ЮРИДИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ АМАЗОНСКИХ ПРОБЛЕМ

Различные проблемы, с которыми сталкивается Амазония, являются сложными и многогранными, требующими широкого взгляда, учитывающего особенности каждой амазонской страны, а также сотрудничества между ними. Однако понимание этих вызовов должно стать отправной точкой для разработки целевых решений. Для эффективного их решения необходимо создание правовых механизмов, которые не только позволят принимать меры, но и обеспечат реальный эффект, поскольку многие существующие нормативные акты, направленные на защиту Амазонии, оказались неэффективными. Анализируя проблемы, стоящие перед регионом, можно предложить возможные решения или, по крайней мере, выявить, какие правовые нормы и государственные стратегии в настоящее время не достигают своих целей.

Ключевые слова: проблемы Амазонии, разрушение окружающей среды, экологическое регулирование, охраняемые территории, заповедные зоны, земли коренных народов.

Around the world, various studies monitor the complex threats facing the Amazon, one of the most important tropical forests on the planet. Its significance lies not only in its incredible biodiversity but also in its role as a carbon sink, helping to prevent the escalation of global warming. Additionally, the Amazon plays a crucial role in maintaining climate stability worldwide [5].

The problems faced by the Amazon are diverse and stem from many different causes, making it difficult to propose a solution due to the magnitude and variety of these issues [1]. Deforestation is a consequence of numerous legal and illegal activities that lead to the depletion of resources and disrupt the natural processes of the Amazon, such as the following examples [2]:

a) Organized crime in the territory
b) Extraction of hydrocarbons and minerals
c) Extensive agriculture, Intensive agriculture, and Agro-industrial farming
d) Livestock farming and Cattle ranching industry
e) Incursion into protected areas
f) Transport infrastructure: Legal/Illegal Road building
g) Land appropriation
h) Land Conversion
i) Management waste
j) Trading of Flora and Fauna
k) Overfishing

One of the internationally developed programs that has been important for the protection of the Amazon is the REDD+ program, developed through negotiations held under the United Nations Framework Convention on Climate Change (UNFCCC) in 1992[1]. This program has fostered the creation of tools to ensure legal compliance with environmental regulations and the sustainable development of the Amazon. Additionally, many other international legal frameworks have reflected the legislation and public policies established by the Amazonian States [3].

The current challenge in preventing the destruction of the Amazon has become significant due to ongoing conflicts between the state, the private sector, society, and organized crime, all of whom are constantly competing for the resources provided by the Amazon. The inability of states to provide access to environmental justice, the weakness of the state in reaching remote areas of the Amazon, and the corruption within institutions responsible for enforcing regulations to protect the environment all contribute to this issue.

The disintegration of Amazonian states, decentralization within these countries, and the inability of states to maintain a presence in Amazonian territories creates differences in the legitimacy and effectiveness of legal frameworks, as a result

1 UN. (1992). United Nations Framework Convention on Climate Change. – [Electronic resource]. – Access mode: https://unfccc.int/resource/docs/convkp/conveng.pdf.

of the state's abandonment of marginalized territories like the Amazon. The fragmentation of territory management can be exemplified by the inability to control road construction in the Amazon in Brazil, where approximately 105,000 illegal roads have been built [2]. Furthermore, investigations into environmental crimes are often hindered by the remote location of the incidents, the rapid contamination and degradation of physical evidence, and the lack of expertise and knowledge among judges handling environmental cases. There are also instances where prosecutors show indifference or lack of information regarding environmental responsibility issues.

The presence of organized crime in the territory has caused significant social and environmental damage. One social consequence has been the displacement of indigenous and campesino communities who inhabit the Amazon. These communities are forced to leave their land as vast areas are cleared for illicit drug cultivation, illegal wildlife trade, poaching, and other activities that the state is unable to control.

Additionally, national environmental policies in Amazonian countries often clash with environmental laws, making implementation difficult. Most states sharing the Amazon have macroeconomic policies that prioritize mining and hydrocarbon exploration, even in indigenous territories or conservation areas, approving concessions without consulting affected populations in extractive projects. While there are numerous international and national regulations to protect the environment, they are difficult to enforce due to a lack of territorial monitoring, corruption, and the state's weakness in enforcing legal standards [4].

Some Amazonian countries, such as Colombia, Ecuador, Brazil, Venezuela, and Bolivia, have included environmental rights in their constitutions, elevating them to the status of fundamental rights of the third generation. Despite the challenges in executing environmental policies, efforts have been made to implement solutions through electronic surveillance, satellite imagery, and coordination with other institutions to detect environmental crimes in time. The use of GPS technology has allowed for more effective monitoring of the Amazon to control deforestation and has also been used for scientific research and monitoring [6].

As a solution to halt deforestation, exploitation, and pollution of the Amazon, various protection methods have been established, such as protected areas that physically demarcate territories to prevent economic activities. These include protected areas, natural reserves, and indigenous territories. Additionally, initiatives have been developed to align economic development with environmental policies through markets for Amazonian forest products like açaí, certified timber, the use of better agricultural practices, and agroecology [2].

Despite numerous international, regional, and national regulations to protect the Amazon, effective protection has not been achieved due to the complexity of the issue. The challenges span social, political, and legal spheres, as well as administrative aspects to ensure the enforcement of these regulations. Therefore, coordinated international and national support is needed for the effective administration of efforts to protect the Amazon.

References

1. Pereira R., & Garcia, B. The legal protection of the Amazon rainforest. Rev. Eur. Comp. & Int'l Env't L., 2021. – 30. – P. 157.
2. Ungar M., Ungar M., & Pusca. 21st century fight for the Amazon. – Palgrave Macmillan, 2018.
3. Paim M. A. Zero deforestation in the Amazon: The Soy Moratorium and global forest governance. Review of European, Comparative & International Environmental Law. – 2021. - № 30 (2). – P. 220-232.
4. Martin P., Teles da Silva S., Duarte dos Santos M., & Dutra C. Governance and metagovernance systems for the Amazon. Review of European, Comparative & International Environmental Law. – 2022. – № 31 (1). – P. 126-139.
5. Solntsev A. M. Climate change: international legal dimension // Moscow Journal of International Law. – 2018. – № 106 (1). – P. 60-78. (In Russ.)
6. USAID. Tecnología satelital para resguardar los bosques amazónicos, 2021. [Electronic resource]. – Access mode: https://preveniramazonia.pe/tecnologia-satelital-bosques-amazonicos/.

КУЛОВ Станислав Сергеевич
аспирант, Дипломатическая академия МИД России, адвокат

Кулов С. С.

ПРАКТИКА КОМИТЕТА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА ООН ПО ОБРАЩЕНИЯМ, КАСАЮЩИМСЯ НАРУШЕНИЙ ПРАВА НА СВОБОДУ МЫСЛИ, СОВЕСТИ И РЕЛИГИИ

В статье проведен всесторонний анализ практики Комитета по правам человека ООН по индивидуальным обращениям, связанным с нарушениями права на свободу мысли, совести и религии (статья 18 Международного пакта о гражданских и политических правах). Рассмотрена эволюция подходов Комитета: от первых решений к современным тенденциям. Особое внимание уделено новейшим делам 2023–2025 гг., которые демонстрируют развитие взглядов Комитета на свободу религии или убеждений. Выявляются проблемные аспекты исполнения государствами решений Комитета, включая продолжительные сроки рассмотрения и низкий уровень реализации «соображений» Комитета на национальном уровне. Проведено сопоставление с региональными механизмами защиты прав человека для выявления общих черт и различий. Отмечается, что несмотря на консультативный характер решений Комитета, его выводы играют значимую роль в международных стандартах свободы мысли, совести и религии. Сделан вывод о необходимости укрепления механизмов исполнения решений Комитета и усиления взаимодействия с региональными институтами для эффективной защиты права на свободу убеждений.

Ключевые слова: Комитет по правам человека ООН, свобода мысли, совести и религии, статья 18 МПГПП, индивидуальные обращения, практика, исполнение решений, Европейский суд по правам человека, Межамериканский суд по правам человека.

KULOV Stanislav Sergeevich
postgraduate student, Diplomatic Academy of the MFA of Russia, lawyer

PRACTICE OF THE UN HUMAN RIGHTS COMMITTEE ON COMMUNICATIONS CONCERNING VIOLATIONS OF THE RIGHT TO FREEDOM OF THOUGHT, CONSCIENCE AND RELIGION

The article provides a comprehensive analysis of the practice of the UN Human Rights Committee regarding individual communications involving violations of the right to freedom of thought, conscience and religion (Article 18 of the International Covenant on Civil and Political Rights). The evolution of the Committee's approaches is examined, from its earliest decisions to current trends. Special attention is given to the latest cases of 2023–2025, which demonstrate the development of the Committee's views on freedom of religion or belief. Problematic aspects of states' implementation of the Committee's decisions are identified, including lengthy consideration periods and the low rate of compliance with the Committee's "Views" at the national level. A comparison is made with regional human rights mechanisms – primarily with the case law of the European Court of Human Rights – to highlight commonalities and differences. It is noted that despite the non-binding character of the Committee's decisions, its findings play a significant role in shaping international standards on freedom of thought, conscience and religion. The conclusion emphasizes the need to strengthen mechanisms for implementing the Committee's decisions and enhance coordination with regional institutions for effective protection of freedom of belief.

Keywords: UN Human Rights Committee, freedom of thought, conscience and religion, Article 18 ICCPR, individual communications, jurisprudence, implementation of decisions, European Court of Human Rights, Inter-American Court of Human Rights.

Введение

Право на свободу мысли, совести и религии закреплено в статье 18 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 года (далее – Пакт) и является одним из фундаментальных прав человека. Контроль за выполнением государствами-участниками обязательств по Пакту осуществляет Комитет по правам человека ООН (далее – Комитет), созданный согласно статьям 28-45 Пакта как орган из независимых экспертов. Одним из ключевых полномочий Комитета, наряду с рассмотрением государственных докладов, является принятие и рассмотрение индивидуальных сообщений (жалоб) от лиц, находящихся под юрисдикцией государств, присоединившихся к Факультативному протоколу 1966 года[1], [2]. Таким образом, Комитет выступает квазисудебным органом международного контроля: он рассматривает жалобы в непубличном порядке, исследуя письменные доводы заявителей и государств, и выносит заключение – «Соображения» – о наличии либо отсутствии нарушения соответствующих прав. Хотя решения Комитета формально не являются юридически обязательными, государства-участники, ратифицировавшие Факультативный протокол, добровольно признали компетенцию Комитета и тем самым приняли на себя обязательство добросовестно учитывать его выводы и обеспечивать эффективное средство правовой защиты в случае признания нарушения[3]. Некоторые исследователи отмечают, что хотя «Соображения» Комитета не имеют формально обязательной силы, они влекут юридическое последствие в виде обязанности государства учитывать их добросовестно как авторитетное мнение по толкованию Пакта[4].

Вопросы свободы совести и вероисповедания занимают значительное место в практике Комитета. За десятилетия

1 Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. // ООН, Treaty Series, vol. 999, p. 171.

2 Факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. // ООН, Treaty Series, vol. 999, p. 302.

3 General comment No. 33: Obligations of States parties under the Optional Protocol to the ICCPR, CCPR/C/GC/33, 25 June 2009.

4 Sitaropoulos N. *States are Bound to Consider the UN Human Rights Committee's Views in Good Faith* // OxHRH Blog, 11 March 2015.

работы по механизму индивидуальных обращений Комитет сформировал обширную юриспруденцию по статье 18 Пакта, отражающую эволюцию взглядов на пределы и содержание этого права. Первые жалобы по данной тематике начали поступать еще в 1980-е годы, и с тех пор количество решений стабильно росло, охватывая широкий спектр ситуаций: от отказа признавать право на альтернативную гражданскую службу вместо военной до запретов на религиозные символы в светских учреждениях. По состоянию на середину 2020-х годов Комитет рассмотрел порядка 80 сообщений, прямо или косвенно касающихся нарушения свободы мысли, совести и религии, и в значительной части случаев установил нарушение статьи 18[5]. Эта практика отражает постепенное укрепление стандартов защиты свободы убеждений на универсальном уровне. Отметим, что международно-правовые стандарты свободы религии и убеждений складываются при активном участии как универсальных, так и региональных механизмов, их развитие детально освещается в современной литературе[6].

Настоящая статья преследует цель обобщить и переосмыслить опыт Комитета по делам о свободе мысли, совести и религии, особое внимание уделив самым недавним решениям (2023-2025 гг.) и актуальным проблемам. В исследовании рассматриваются изменения в подходах Комитета, анализируется содержание новейших «соображений» по статье 18, выявляются типичные проблемы, связанные с исполнением принятых решений, и проводится сопоставление с практикой иных международных механизмов (прежде всего – региональных судебных органов по правам человека).

Материалы и методы

Исследование опирается на нормативные акты ООН и практику договорных органов, прежде всего на тексты решений (соображений) Комитета по правам человека в период с 1977 по 2025 гг., имеющие отношение к статье 18 Пакта. В качестве материалов привлечены как официальные документы Комитета (замечания общего порядка, ежегодные доклады, обзоры практики), так и научные публикации российских и зарубежных авторов по проблематике свободы религии или убеждений. Методологическую основу работы составили общенаучные методы анализа и синтеза, а также специальные методы юридического исследования: формально-юридический (для интерпретации положений Пакта и протоколов), сравнительно-правовой (для сопоставления позиций Комитета и региональных механизмов) и case-study (детальный разбор ключевых прецедентов из практики Комитета). Комплексный подход позволил выявить эволюцию правовых позиций Комитета и оценить ее значение в контексте развития глобальных стандартов свободы совести и вероисповедания.

Эволюция подходов Комитета к свободе мысли, совести и религии

Принимая к рассмотрению первые индивидуальные жалобы, касающиеся статьи 18 Пакта, Комитет по правам человека встал перед необходимостью толковать содержание этого права. В 1993 году Комитет принял Замечание общего порядка № 22 (General Comment No. 22), ставшее вехой в толковании свободы мысли, совести и религии[7]. В этом документе разъясняется, что статья 18 защищает как теистические, так и нетеистические и атеистические убеждения, включая право не исповедовать никакой религии; запрещается любое принуждение, ущемляющее свободу человека придерживаться или менять религиозные убеждения; допускаемые ограничения права исповедовать религию должны строго соответствовать исчерпывающему перечню критериев, указанному в п. 3 статьи 18 Пакта (требования публичной безопасности, порядка, здоровья, морали или прав и свобод других лиц). Кроме того, Комитет указал, что хотя само по себе право на альтернативную гражданскую службу прямо не упомянуто в тексте Пакта, оно может быть выведено из статьи 18, поскольку обязанность применять смертельную силу может противоречить свободе совести и вероисповедания. Таким образом, уже к началу 1990-х Комитет продемонстрировал прогрессивный подход к толкованию статьи 18, заложив основы для последующей практики.

В первые десятилетия работы Комитет рассмотрел ряд знаковых дел, подтвердивших широкий охват статьи 18. Так, в деле «Лянноc и др. против Чили» (1989 г.) были признаны нарушениями увольнения преподавателей – Свидетелей Иеговы[8] за отказ участвовать в церемонии поднятия флага[9]. Комитет расценил требование присягать флагу как недопустимое принуждение, противоречащее свободе совести. В последующие годы большое внимание уделялось проблеме отказа от военной службы по убеждениям. Комитет неоднократно подтверждал эту позицию в своих решениях. Например, в решении по объединенным сообщениям «Юн и Чхой против Республики Корея» (2006 г.) Комитет прямо указал, что свобода мысли, совести и религии включает право не быть принуждаемым к военной службе вопреки убеждениям, и констатировал нарушение Пакта в связи с осуждением заявителей, отказавшихся служить по соображениям совести[10]. Последующее дело «Ким Донг Сан и др. против Республики Корея» (2018 г.) лишь подтвердило эту позицию, подчеркнув, что право на отказ от военной службы является неотъемлемой частью свободы совести, а преследование за реализацию этого права несовместимо с п. 1 статьи 18 Пакта[11]. Данная линия Комитета предшествовала аналогичной эволюции в европейской региональной системе, где лишь в 2011 г. Европейский суд по правам человека признал отказ от военной службы аспектом свободы религии (дело «Баятян против Армении»)[12].

Другим важным направлением практики Комитета стали дела о внешних проявлениях религии: ношении религиозной одежды и символов. Комитет занял принципиальную позицию, отстаивая право верующих на выражение своих убеждений, если такое выражение не наносит доказанного вреда общественным интересам. Так, в деле «Райхон Худойберганова против Узбекистана» (2004 г.) Комитет рассмотрел жалобу студентки, отчисленной из университета за ношение исламского платка (хиджаба), и признал, что исключение её из учебного заведения являлось непропорциональным ограничением свободы религии, нарушившим ст. 18 Пакта[13]. Аналогично, в ряде дел против Франции Комитет не согласился с жёсткой политикой этого государства в сторону излишней светскости. В частности, в деле «Бикрамджит Сингх против Франции» было признано, что отчисление сикхского учащегося из государственной школы за ношение религиозного тюрбана (дастара) нарушило его право исповедовать свою религию[14]. Комитет отметил, что ношение дастара является для сикхов обязательной религиозной практикой и частью их самобытности, а французские власти не доказали, каким образом присутствие головного убора представляло угрозу правам других лиц или принципу светскости. Запрет оказался несоразмерным, и Комитет констатировал нарушение статьи 18. В другом случае, «Ранджит Сингх против Франции»,

5 Кулов С. С. Договорные органы в механизме защиты свободы совести. Комитет по правам человека ООН // Тезисы конф. аспирантов ДА МИД РФ. – 2021. – С. 1-3.

6 Bielefeldt H., Ghanea N., Wiener M. *Freedom of Religion or Belief: An International Law Commentary*. – Oxford: Oxford University Press, 2016.

7 CCPR General Comment No. 22: Article 18 (Freedom of Thought, Conscience or Religion), 30 July 1993 // CCPR/C/21/Rev.1/Add.4.

8 Организация «Свидетели Иеговы» признана экстремистской, деятельность запрещена на территории РФ.

9 Human Rights Committee, Views: *L.T.K. et al. v. Chile*, Comm. No. 489/1991, adopted 25 July 1995.

10 Human Rights Committee, Views: *Yoon and Choi v. Republic of Korea*, Comm. No. 1321–1322/2004, adopted 3 November 2006.

11 Комитет ООН по правам человека. Соображения по сообщ. № 2179/2012 (*Kim Dong Shin et al. v. Republic of Korea*), 1 мая 2018 г.

12 European Court of Human Rights, *Bayatyan v. Armenia* [GC], no. 23459/03, Judgment of 7 July 2011.

13 Human Rights Committee, Views: *Raihon Hudoyberganova v. Uzbekistan*, Comm. No. 931/2000, adopted 5 November 2004.

14 Комитет ООН по правам человека. Соображения по сообщ. № 1852/2008 (*Bikramjit Singh v. France*), 1 нояб. 2012 г.

Комитет пришёл к выводу о неправомерности требования фотографироваться без тюрбана на документы, необходимые для вида на жительство: государство не обосновало, почему фотография с непокрытой головой была необходима для идентификации, тогда как лицо заявителя оставалось открытым[15]. В последние годы эта линия продолжена: так, в деле **«Наима Мезуд против Франции»** (Соображения Комитета от 14 марта 2022 г.) Комитет признал нарушение статей 18 и 26 Пакта в ситуации, когда мусульманке запретили посещать курсы повышения квалификации в головном платке (хиджабе). Комитет указал, что такой запрет не был «предусмотрен законом» и не преследовал ни одной из законных целей, перечисленных в ст. 18 (п. 3), а потому являлся дискриминационным и непропорциональным ограничением свободы религии[16].

Помимо упомянутых контекстов, Комитет нередко рассматривал жалобы, связанные с чрезмерным вмешательством государства в деятельность религиозных общин. Ряд решений касался требований обязательной регистрации религиозных организаций и преследования верующих за распространение своих убеждений. Принципиальным стало дело «Малаховский и Пикуль против Беларуси» (2005 г.), в котором отказ белорусских властей зарегистрировать религиозную общину протестантов и последовавший запрет её деятельности были признаны нарушающими ст. 18 и ст. 22 Пакта (свобода объединений)[17]. Комитет подчеркнул, что формальные критерии не должны использоваться для неоправданного воспрепятствования осуществлению свободы вероисповедания. Похожие вопросы поднимались и в отношении Казахстана. Так, в деле «Виктор Левен против Казахстана» (2015 г.) гражданин был выдворен из страны за участие в религиозных обрядах без официальной регистрации миссионерской деятельности; Комитет счёл такое наказание непропорциональным и пришёл к выводу о нарушении права заявителя свободно исповедовать свою религию[18]. Аналогичные проблемы имеются и в других государствах Центральной Азии, что подтвердило недавнее дело «Адырхаев и Солихов и религиозная ассоциация Свидетелей Иеговы (запрещена в РФ) в г. Душанбе против Таджикистана». В Соображениях от 7 июля 2022 г. Комитет отметил, что запрет деятельности общины Свидетелей Иеговы и отказ в её повторной регистрации не отвечали критериям, указанным в ст. 18 (3) Пакта, и повлекли целый ряд нарушений прав верующих (аресты, обыски, изъятие литературы и т. д.). Комитет заключил, что Таджикистан нарушил статьи 18 (п. 1) и 22 Пакта, незаконно лишив общину возможности действовать[19].

Новейшие дела (2023-2025 гг.)

В период 2023-2025 гг. Комитет продолжал рассматривать вопросы свободы мысли, совести и религии, сталкиваясь с новыми вызовами. Было рассмотрено несколько важных дел, связанных с преследованием религиозных меньшинств в государствах СНГ. Так, в октябре 2024 г. Комитет вынес решение по делу «Максутова и другие против Узбекистана» (сообщения № 3157/2018 и др.), касавшемуся уголовного преследования группы верующих за проведение несанкционированных собраний на дому. Узбекистан ссылался на требование обязательной государственной регистрации религиозных объединений и обвинял заявителей в экстремизме, однако Комитет не увидел в мирных молитвенных встречах угрозы общественному порядку. Он признал вмешательство государства чрезмерным и нарушающим ст. 18 Пакта, продолжив тем самым линию на защиту свободы вероисповедания даже в условиях жёстких регулятивных режимов[20].

Другой значимый вопрос последнего времени – защита права на свободу религии в контексте эмиграции и притязаний на убежище. Признание «Свидетелей Иеговы» в России в 2017 году экстремистской организацией привело к тому, что в практику Комитета стали поступать дела, связанные с высылкой беженцев по религиозным мотивам. Показательным является недавнее дело «O.K. против Финляндии» (решение Комитета от 7 мая 2024 г., сообщение № 4415/2023). Автор – пожилая гражданка России, исповедующая веру Свидетелей Иеговы, – утверждала, что её депортация из Финляндии в Россию поставит под угрозу её свободу религии, учитывая запрет и уголовное преследование общины Свидетелей Иеговы на родине. Однако Комитет признал жалобу неприемлемой, придя к заключению, что заявительница не представила достаточных доказательств того, будто именно ей лично в случае возвращения грозит реальное преследование[21]. Данный прецедент демонстрирует высокую планку доказанности, требуемую Комитетом в делах о выдворении: даже признавая наличие в стране происхождения общей практики притеснений по религиозному признаку, Комитет ожидает конкретных подтверждений индивидуального риска. Тем не менее сам факт появления подобных дел отражает остро актуальную проблему – конфликт между императивами миграционной политики и обязанностью государств соблюдать принцип *non-refoulement* в отношении лиц, подвергающихся гонениям за убеждения.

В 2023-2025 гг. Комитет также получил возможность вновь подтвердить свои ранее выработанные подходы. Например, жалобы от верующих из Южной Кореи, всё ещё отбывавших наказание за уклонение от военной службы до введения в этой стране альтернативной службы, были решены в русле устоявшейся практики – в пользу заявителей. Таким образом, Комитет последовательно применяет принципы, сформулированные им за предыдущие десятилетия, к новым ситуациям, дополняя свою юриспруденцию.

Проблемы исполнения решений Комитета

Несмотря на богатую практику Комитета и его прогрессивные правовые позиции, эффективность защиты прав через механизм индивидуальных обращений ООН упирается в проблему исполнения принятых решений. «Соображения» Комитета, в отличие от решений региональных судов по правам человека, не обладают формально обязывающей силой, и их реализация всецело зависит от доброй воли государств-участников. На практике большинство государств реагирует на выводы Комитета неохотно. Исследования показывают, что полный либо существенный уровень выполнения государствами рекомендаций в решениях Комитета наблюдается лишь примерно в одной трети случаев. Этот показатель ниже, чем уровень исполнения постановлений Европейского суда (по разным оценкам, около 50-60 %), но выше, чем у Межамериканского суда (где уровень исполнения и вовсе не превышает 14 %)[22].

Одной из основных трудностей является отсутствие институционального механизма принудительного исполнения решений Комитета. Если при Европейском суде действует Комитет министров Совета Европы, наблюдающий за выполнением каждым государством конкретных мер по решению суда, то в системе ООН ничего подобного не создано. Комитет по правам человека назначает Специального докладчика по последующим мерам, который ведёт переписку с государствами относительно предпринятых шагов, однако эти усилия носят рекомендательный характер. Нередко госу-

15 Human Rights Committee, Views: *Ranjit Singh v. France*, Comm. No. 1876/2009, adopted 27 Dec. 2011.

16 Верховный Суд РФ. Обзор практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека № 1 (2023) – прим. 3 (*дело Наимы Мезуд против Франции*) // КонсультантПлюс, 2023.

17 Human Rights Committee, Views: Malakhovsky and Pikul v. Belarus, Comm. No. 1207/2003, adopted 26 July 2005.

18 Human Rights Committee, Views: *Viktor Leven v. Kazakhstan*, Comm. No. 2131/2012, adopted 21 Oct. 2014.

19 Human Rights Committee, Views: *Adyrkhayev et al. v. Tajikistan*, Comm. No. 2483/2014, adopted 7 July 2022.

20 Human Rights Committee, Views: *Maksutova et al. v. Uzbekistan*, Comm. No. 3157/2018 et al., adopted 29 Oct. 2024.

21 Комитет ООН по правам человека. Решение по сообщ. № 4415/2023 (*O.K. v. Finland*), 7 мая 2024 г.

22 Ullmann A. J. *Compliance with UN treaty body decisions: A glass one-third full or two-thirds empty?* // OpenGlobalRights, 5 Sept. 2023.

дарства попросту игнорируют «соображения» Комитета или ограничиваются сообщением о несогласии с его выводами. Например, власти Франции, не согласившись с решением по делу Б. Сингха, не отменили спорный закон о религиозных символах в школах, хотя и выплатили заявителю символическую компенсацию. В ряде случаев государства идут на откровенно демонстративные меры: так, Беларусь в 2022 году денонсировала Факультативный протокол к Пакту, фактически отказав своим гражданам в праве обращаться в Комитет[23]. Этот шаг последовал за серией критических решений Комитета в отношении Беларуси, в том числе по вопросам свободы вероисповедания, и стал тревожным сигналом ослабления международных механизмов защиты.

Даже добросовестно настроенные государства сталкиваются с вопросами практической реализации «соображений». Комитет, установив нарушение, обычно рекомендует «предоставить эффективное средство правовой защиты, включая компенсацию», но почти никогда не указывает конкретную сумму возмещения ущерба. Это оставляет неопределённость: жертве нарушения приходится обращаться в национальные органы за присуждением компенсации, где её требования могут быть отклонены или значительно занижены. Такая неопределённость, по мнению исследователей, снижает вероятность полного исполнения решений[24]. Кроме того, Комитет зачастую рекомендует изменить национальное законодательство или практику, но проследить за исполнением таких общих мер сложно. Например, несмотря на решения Комитета, в Узбекистане и Таджикистане на момент 2025 г. продолжали действовать ограничения на деятельность незарегистрированных религиозных групп, а во многих странах сохранялись наказания за богохульство или прозелитизм, противоречащие духу статьи 18.

Еще одним фактором, влияющим на эффективность, является длительность процесса. Индивидуальная жалоба может рассматриваться Комитетом по 5-7 лет и более[25]. За это время ситуация заявителя может кардинально измениться: он может отбыть наказание, эмигрировать или утратить актуальность требования. Такое промедление подрывает смысл механизма как способа своевременного восстановления нарушенных прав. Комитет признаёт эту проблему и предпринимает шаги к ускорению процедур, однако нагрузка на него остаётся высокой: к 2025 г. накопилось более 500 нерешенных сообщений во всех тематиках.

Сравнение практики КПЧ ООН с региональными механизмами

Практика Комитета по правам человека нередко сопоставляется с деятельностью региональных механизмов защиты прав, прежде всего Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) и Межамериканского суда по правам человека. В области свободы мысли, совести и религии можно наблюдать как сходство позиций, так и примечательные различия, обусловленные культурно-правовым контекстом и институциональными особенностями.

Европейская система долгие годы проявляла большее уважение к усмотрению государств в религиозных вопросах. Европейский суд по правам человека, хотя ещё в 1993 г. вынес знаковое решение «Коккинакис против Греции», признав незаконным осуждение Свидетеля Иеговы за миссионерскую деятельность, в последующие десятилетия чаще поддерживал национальные ограничения на внешние проявления религии во имя светского характера государства или защиты иных интересов. Так, в деле «Лейла Шахин против Турции» (2005 г.) Европейский суд большинством голосов посчитал оправданным запрет студенткам носить исламские платки в турецких университетах, сославшись на принцип светскости образования. В ряде решений против Франции (например, «S.A.S. против Франции», 2014г.) ЕСПЧ признал допустимым и общенациональный запрет на ношение одежды, закрывающей лицо (никаба) в общественных местах, считая его необходимым для обеспечения условий «совместной жизни». Эти выводы резко контрастируют с позицией Комитета ООН, который, как отмечалось, в аналогичных ситуациях (французские запреты в школах и на фото) усмотрел нарушение статьи 18 Пакта. Отличие отчасти объясняется разницей в юридической обязательности: Европейский суд, вынося окончательное решение, стремится учитывать «европейский консенсус» и дать государствам определённую свободу усмотрения, тогда как Комитет, обладая более мягким мандатом, может позволить себе более принципиальные оценки с позиций универсальных прав человека.

Вместе с тем по ряду вопросов наблюдается конвергенция подходов. Примером служит признание права на отказ от военной службы по убеждениям. Если Комитет по правам человека отстаивал это право с 1990-х годов[26], то ЕСПЧ пришёл к аналогичному выводу лишь в деле «Баятян против Армении» (2011 г., Большая Палата), переосмыслив прежнюю практику и признав, что наказание пацифиста из религиозной общины нарушило ст. 9 Европейской конвенции (свобода мысли, совести и религии)[27]. Таким образом, универсальный и европейский механизмы в итоге выработали общий стандарт в этой сфере, взаимно укрепляя его легитимность.

Межамериканская система поначалу уделяла минимальное внимание вопросам свободы религии – возможно, из-за преобладания других острых проблем (политическое насилие, социальные права) в регионе. Лишь недавно произошли изменения: в 2022 г. Межамериканский суд вынес своё очередное решение, прямо касающееся свободы совести и религии, – дело «Павес против Чили»[28]. Данное решение нельзя назвать бесспорным. В нём рассматривалась ситуация учителя, которому католическая церковь отказала в праве преподавать основы католической религии из-за его личной жизни (причины отзыва преподавательской лицензии, касались сексуальной ориентации преподавателя, Сандры Павес Павес), что было поддержано властями. Суд в Сан-Хосе встал на защиту прав преподавателя, отметив, что государство не должно допускать дискриминации по признаку вероисповедания или убеждений (в данном случае – за несоответствие религиозным нормам) в публичной сфере и признал действия в отношении преподавателя дискриминацией. При этом суд также отметил, что из содержания свободы совести и вероисповедания следует, что религиозные объединения должны быть свободны от произвольного вмешательства государства во внутренние дела, связанные с религиозными убеждениями и жизнью общины, в частности, по вопросам, касающимся ее внутренней организации. Это решение свидетельствует о стремлении межамериканского механизма догнать универсальные стандарты. Африканская комиссия по правам человека и народов также периодически рассматривает коммуникации о нарушениях свободы вероисповедания (например, дела, касающиеся запрета религиозных меньшинств или притеснения нетрадиционных культов), как правило, опираясь на те же критерии законности, необходимости и соразмерности ограничений, что и Комитет ООН[29]. Отличием африканской системы является то, что дела там рассматриваются квазисудебным органом (Комиссией), чьи

23 Организация Объединенных Наций. Управление Верховного комиссара по правам человека. Беларусь: выход из процедуры индивидуальных жалоб — серьезный удар для прав человека [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.ohchr.org/ru/press-releases/2022/11/belarus-withdrawal-individual-complaints-procedure-serious-setback-human (дата обращения: 22.10.2024).

24 Ullmann A. J. *Compliance with UN treaty body decisions: A glass one-third full or two-thirds empty?* // OpenGlobalRights, 5 Sept. 2023.

25 Кулов С. С. Договорные органы в механизме защиты свободы совести. Комитет по правам человека ООН // Тезисы конф. аспирантов ДА МИД РФ. – 2021. – С. 1-3.

26 Human Rights Committee, Views: *Yoon and Choi v. Republic of Korea*, Comm. No. 1321-1322/2004, adopted 3 November 2006.

27 European Court of Human Rights, *Bayatyan v. Armenia* [GC], no. 23459/03, Judgment of 7 July 2011.

28 Corte IDH. Caso *Pavez Pavez vs. Chile*. Sentencia de 4 febrero 2022 (Fondo, Reparaciones y Costas).

29 African Commission on Human and Peoples' Rights. Communication No. 287/2004 – *Article 19 v. Eritrea* (2007).

решения, подобно «соображениям» Комитета ООН, не имеют прямой обязательной силы.

Таким образом, анализ показывает, что Комитет по правам человека ООН в значительной мере предвосхитил многие подходы, позднее принятые региональными органами, и в то же время занял более категоричную позицию в ряде сфер (религиозные символы, светскость государства). Его практика обогатила толкование свободы мысли, совести и религии на глобальном уровне, дополнив и отчасти повлияв на развитие соответствующей юриспруденции ЕСПЧ и Межамериканского суда. Взаимное цитирование и учёт выводов друг друга стали довольно частой практикой: например, в решениях Комитета встречаются ссылки на прецеденты ЕСПЧ, и наоборот, региональные суды учитывают «Соображения» Комитета как авторитетный источник. Такое диалоговое развитие способствует выравниванию стандартов и укреплению универсального характера права на свободу убеждений.

Заключение

Проанализировав практику Комитета ООН по правам человека относительно обращений, касающихся свободы мысли, совести и религии, можно сделать ряд выводов. Во-первых, Комитет последовательно расширял и уточнял содержание данного права, утвердив в международном праве ряд важных принципов: от права на альтернативную службу и отказ выполнять несущий религиозный смысл распорядок до права носить религиозную одежду и свободно действовать коллективно в рамках религиозных убеждений. Эволюция подходов – от первых решений 1980-х годов до последних дел 2020-х – демонстрирует возрастающую готовность Комитета защищать индивидуальные убеждения даже перед лицом государственных интересов, если только не доказана насущная общественная необходимость ограничения.

Во-вторых, новейшая практика (дела 2023-2025 гг.) свидетельствует о том, что Комитет остаётся актуальным механизмом реагирования в современном контексте реализации свободы мысли, совести и религии. Его решения по ситуациям в Узбекистане, Таджикистане, а также рассмотрение вопросов высылки лиц, преследуемых за религиозные убеждения, показывают стремление своевременно устранять пробелы защиты свободы мысли, совести и религии. При этом Комитет сохраняет преемственность своих правовых позиций, что придаёт стабильность и предсказуемость его юриспруденции.

В-третьих, проблемы исполнения решений Комитета существенно снижают реальную эффективность этого инструмента. Отсутствие механизмов принуждения, затягивание процедур и нежелание ряда государств соблюдать «соображения» приводят к тому, что многие заявители не получают своевременной и полной защиты. Требуется дальнейшая работа как на международном уровне (усиление давления на государства, разработка более чётких рекомендаций Комитета, возможно, создание дополнительных надзорных процедур), так и на национальном (придание решениям Комитета более высокого авторитета в правовой системе государства, законодательное закрепление процедур пересмотра дел по результатам «соображений»).

Наконец, сопоставление с региональными механизмами показывает, что практическое значение Комитета выходит за рамки конкретных дел: его выводы влияют на формирование мировых стандартов и служат ориентиром для судов и законодателей. Несмотря на консультативный характер, авторитет Комитета по правам человека как хранителя духа Пакта 1966 г. весьма высок. В условиях, когда свобода мысли, совести и религии сталкивается с новыми угрозами – от религиозного экстремизма до излишне широких запретов под предлогом светскости – роль Комитета как глобальной совести международного права остается востребованной. Повышение эффективности его работы и имплементации решений позволит более надёжно гарантировать, что провозглашённое в статье 18 Пакта право каждого человека «исповедовать свою религию или убеждения» будет обеспечено в действительности, а не только на бумаге.

Пристатейный библиографический список

1. Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. // ООН, Treaty Series, vol. 999, p. 171.
2. Факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. // ООН, Treaty Series, vol. 999, p. 302.
3. General comment No. 33: Obligations of States parties under the Optional Protocol to the ICCPR, CCPR/C/GC/33, 25 June 2009.
4. Кулов С. С. Договорные органы в механизме защиты свободы совести. Комитет по правам человека ООН // Тезисы конф. аспирантов ДА МИД РФ. – 2021. – С. 1-3.
5. CCPR General Comment No. 22: Article 18 (Freedom of Thought, Conscience or Religion), 30 July 1993 // CCPR/C/21/Rev.1/Add.4.
6. Human Rights Committee, Views: L.T.K. et al. v. Chile, Comm. No. 489/1991, adopted 25 July 1995.
7. Sitaropoulos N. *States are Bound to Consider the UN Human Rights Committee's Views in Good Faith* // OxHRH Blog, 11 March 2015.
8. Human Rights Committee, Views: *Yoon and Choi v. Republic of Korea*, Comm. No. 1321-1322/2004, adopted 3 November 2006.
9. Комитет ООН по правам человека. Соображения по сообщ. № 2179/2012 (*Kim Dong Shin et al. v. Republic of Korea*), 1 мая 2018 г.
10. European Court of Human Rights, *Bayatyan v. Armenia* [GC], no. 23459/03, Judgment of 7 July 2011.
11. Human Rights Committee, Views: *Raihon Hudoyberganova v. Uzbekistan*, Comm. No. 931/2000, adopted 5 November 2004.
12. Комитет ООН по правам человека. Соображения по сообщ. № 1852/2008 (*Bikramjit Singh v. France*), 1 нояб. 2012 г.
13. Human Rights Committee, Views: *Ranjit Singh v. France*, Comm. No. 1876/2009, adopted 27 Dec. 2011.
14. Верховный Суд РФ. Обзор практики межгосударственных органов по защите прав и основных свобод человека № 1 (2023) – прим. 3 (*дело Наимы Мезуд против Франции*) // КонсультантПлюс, 2023.
15. Human Rights Committee, Views: *Malakhovsky and Pikul v. Belarus*, Comm. No. 1207/2003, adopted 26 July 2005.
16. Human Rights Committee, Views: *Viktor Leven v. Kazakhstan*, Comm. No. 2131/2012, adopted 21 Oct. 2014.
17. Human Rights Committee, Views: *Adyrkhayev et al. v. Tajikistan*, Comm. No. 2483/2014, adopted 7 July 2022.
18. Human Rights Committee, Views: *Maksutova et al. v. Uzbekistan*, Comm. No. 3157/2018 et al., adopted 29 Oct. 2024.
19. Комитет ООН по правам человека. Решение по сообщ. № 4415/2023 (*O.K. v. Finland*), 7 мая 2024 г.
20. Ullmann A. J. *Compliance with UN treaty body decisions: A glass one-third full or two-thirds empty?* // OpenGlobalRights, 5 Sept. 2023.
21. Организация Объединенных Наций. Управление Верховного комиссара по правам человека. Беларусь: выход из процедуры индивидуальных жалоб — серьезный удар для прав человека [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.ohchr.org/ru/press-releases/2022/11/belarus-withdrawal-individual-complaints-procedure-serious-setback-human (дата обращения: 22.10.2024).
22. Corte IDH. Caso *Pavez Pavez vs. Chile*. Sentencia de 4 febrero 2022 (Fondo, Reparaciones y Costas).
23. African Commission on Human and Peoples' Rights. Communication No. 287/2004 – *Article 19 v. Eritrea* (2007).
24. Bielefeldt H., Ghanea N., Wiener M. *Freedom of Religion or Belief: An International Law Commentary*. – Oxford: Oxford University Press, 2016.

DOI 10.46320/2073-4506-2025-4-203-46-49

МЕЛЬНИКОВ Федор Александрович
аспирант кафедры международного права, Юридический институт, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ОБЩЕГО ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО РЫНКА ЕАЭС

В статье рассматриваются правовые основы и ключевые тенденции формирования общего энергетического рынка Евразийского экономического союза. Анализируются основные нормативные акты, утверждённые в развитие Договора о ЕАЭС 2014 года, а также приводятся данные о взаимной торговле энергоресурсами, объёмах производства и потребления энергии и различиях в тарифной политике стран-участниц. Особое внимание уделено правовым вызовам, включая несогласованность национальных законодательств и монополизацию энергетических отраслей. Делается вывод о существенном прогрессе в формировании общего рынка электроэнергии, газа, нефти и нефтепродуктов и об ожидаемом положительном эффекте от запусков указанных рынков в 2025 году.

Ключевые слова: ЕАЭС, общий энергетический рынок, договоры о нефти и газе, интеграция, правовое регулирование, монополизация, тарифы, санкции.

MELNIKOV Fedor Alexandrovich
postgraduate student of International law sub-faculty, Institute of Law, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

LEGAL FEATURES OF THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE COMMON ENERGY MARKET OF THE EAEU

The article examines the legal foundations and key trends in the formation of the common energy market of the Eurasian Economic Union (EAEU). It analyzes the main regulatory acts adopted in furtherance of the 2014 EAEU Treaty and presents data on mutual trade in energy resources, volumes of production and consumption, and differences in the tariff policies of the member states. Particular attention is paid to legal challenges, including the lack of alignment between national legislation and the monopolization of energy sectors. The author concludes that there has been significant progress in shaping common markets for electricity, gas, oil, and petroleum products, with these markets expected to begin operating in 2025 and to have a positive impact on the EAEU economies.

Keywords: EAEU, common energy market, oil and gas treaties, integration, legal regulation, monopolization, tariffs, sanctions.

К концу 2024 года нормативно-правовая база общего рынка электроэнергии оказалась практически сформирована, а договоры о формировании общих рынков газа, нефти и нефтепродуктов находятся на заключительной стадии согласования. При этом сохраняются существенные различия в национальном законодательстве государств-членов, а также неодинаковые экономические интересы крупных экспортеров и импортёров энергоносителей. На фоне геополитических изменений последних лет санкционный фактор усиливает риски, однако страны ЕАЭС сохраняют политическую волю к поэтапному запуску единого рынка энергоносителей, призванного повысить энергетическую безопасность и экономическую эффективность всего Союза.

Правовой фундамент общего энергетического рынка ЕАЭС был заложен в Договоре о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года, вступившем в силу 1 января 2015 года [1]. В статьях 79-84 этого документа закреплены обязанности стран-членов создать к 2019 году общий рынок электроэнергии, а к 2025 году – общие рынки природного газа, нефти и нефтепродуктов. Данные положения сформулированы как общие принципы интеграции, ориентированные на совместное проведение энергополитики, устранение барьеров во взаимной торговле и переход к единым правилам доступа к инфраструктуре. С момента вступления в силу Договора о ЕАЭС были приняты и ратифицированы ключевые акты, детализирующие порядок формирования общего электроэнергетического рынка. 8 мая 2015 года Высший Евразийский экономический совет (ВЕЭС) утвердил Концепцию формирования общего электроэнергетического рынка ЕАЭС [3], обозначив главные цели, задачи, временные рамки и структуру будущего рынка. 26 декабря 2016 года решением ВЕЭС № 20/94 была принята Программа формирования общего электроэнергетического рынка, заложившая механизмы реализации концептуальных положений. Важным шагом стало подписание 29 мая 2019 года Протокола о внесении изменений в Договор о ЕАЭС [10] в части формирования общего рынка электроэнергии. После его ратификации всеми государствами в 2022 году этот Протокол наделил Евразийский межправительственный совет полномочиями утверждать детальные правила функционирования рынка, а также закрепил требования к доступу к электроэнергетическим сетям и транзитным мощностям.

На основании указанного Протокола в период 2022-2024 гг. был подготовлен комплекс фундаментальных Правил функционирования общего рынка электроэнергии ЕАЭС, включая Правила взаимной торговли электрической энергией, Правила доступа к услугам естественных монополий в электроэнергетике, Правила определения и распределения пропускной способности межгосударственных линий электропередачи, а также Правила информационного обмена. Утверждение этих документов, осуществлявшееся в несколько этапов (например, 26 октября 2023 года были приняты Правила взаимной торговли электроэнергией и распределения пропускной способности сетей, а в начале октября 2024 года – Правила информационного обмена), к концу 2024 года завершило формирование правовой базы общего рынка электроэнергии. Таким образом, в сфере электроэнергетики созданы предпосылки для полноценного трансграничного обмена электроэнергией на основе единых принципов недискриминационного доступа к инфраструктуре и стандартов взаимодействия между участниками рынка [11].

Параллельно с развитием нормативной базы в сфере электроэнергетики продолжается работа над созданием общих рынков природного газа, нефти и нефтепродуктов. В отношении газа к настоящему моменту были утверждены Концепция формирования общего рынка газа ЕАЭС от 31 мая 2016 года [8] и Программа формирования общего рынка газа (решение ВЕЭС № 18 от декабря 2018 года) [2], изначаль-

Таблица 1. Производство и потребление электроэнергии в ЕАЭС (2022 год)

Страна	Годовое производство, млрд кВт·ч (доля в ЕАЭС)	Потребление в 2022 году, млрд кВт·ч (совокупно по ЕАЭС)
Россия	>1100 (85–87 % ЕАЭС)	–
Казахстан	110–120 (8–9 % ЕАЭС)	–
Беларусь	40 (3 % ЕАЭС)	–
Кыргызстан	15 (1 % ЕАЭС)	–
Армения	8 (<1 % ЕАЭС)	–
Суммарное потребление по ЕАЭС	–	1106,3

но предусматривавшая объединение национальных газовых рынков к 2025 году в три этапа. На втором этапе был подготовлен проект Международного договора о формировании общего рынка газа, куда вошли общие принципы торговли, правила тарифообразования на транспортировку и гарантии недискриминационного доступа к газотранспортным системам. В то же время решением Высшего Евразийского экономического совета от 26 декабря 2024 года № 22 общий рынок газа ЕАЭС [9] официально определён как «сложившаяся по состоянию на 1 января 2025 года система взаимоотношений в газовой сфере», сформированная с учётом законодательства государств-членов и действующих между ними международных договоров; при этом государствам поручено к 2026 году представить проект плана развития общего рынка газа Союза до 2030 года и предложения по внесению изменений в Договор о ЕАЭС. В мае 2024 года страны уже скорректировали сроки запуска общего рынка электроэнергии, перенеся их на 1 января 2027 года, и допуская, что аналогичные решения могут быть приняты и для газового сектора, поскольку, по словам вице-премьера РФ Алексея Оверчука, сроки сами по себе не являются самоцелью, а «по газу рынок уже фактически сложился» в силу приоритетного действия двусторонних соглашений [21]. В сфере нефти и нефтепродуктов действует аналогичная модель правового регулирования: решением ВЕЭС № 8 от 31 мая 2016 года одобрена Концепция формирования общих рынков нефти и нефтепродуктов [5], а 6 декабря 2018 года в решении № 23 главы государств ЕАЭС утвердили соответствующую Программу [6; 4]. В настоящее время завершается подготовка проекта Международного договора о создании общего рынка нефти и нефтепродуктов, который также должен быть подписан в 2024 году, чтобы к 2025 году было возможно запустить интегрированный рынок.

Статистические показатели по взаимной торговле энергоносителями, объёмам производства и потребления свидетельствуют о растущей значимости энергоресурсов во внутренней кооперации ЕАЭС [12]. Общий взаимный товарооборот стран Союза в 2022 году достиг рекордных 80,6 млрд долларов США, значительную часть которого обеспечивают поставки нефти, газа и нефтепродуктов. Крупнейшим экспортером внутри ЕАЭС выступает Российская Федерация, поставляющая в Беларусь ежегодно около 18 млн тонн сырой нефти и нефтепродуктов и около 20 млрд м³ природного газа по фиксированной льготной цене, а также удовлетворя потребности Армении и Кыргызстана. Казахстан тоже является значительным добытчиком нефти и газа, но основные объёмы его экспорта направляются вне пределов ЕАЭС, поэтому на внутреннем рынке Союза казахстанские энергоресурсы занимают меньшую долю по сравнению с Россией [17].

Суммарное производство электроэнергии в ЕАЭС превышает 1,2 трлн кВт·ч в год, причём на Россию приходится более 1 100 млрд кВт·ч (около 85-87 % общей выработки), Казахстан вырабатывает 110–120 млрд кВт·ч (8–9 %), Беларусь – 40 млрд кВт·ч (3 %), Кыргызстан – около 15 млрд кВт·ч (1 %), а Армения – порядка 8 млрд кВт·ч (<1 %). В 2022 году потребление электроэнергии в ЕАЭС составило 1106,3 млрд кВт·ч, что на 1,5 % выше показателя 2021 года. Эта динамика отражает восстановление экономической активности в регионе и расширение трансграничного энергообмена. Что касается добычи природного газа, то РФ обеспечивает около 90-93 % общего объёма, а Казахстан – около 7-10 %. В части нефти пропорции схожие: порядка 85 % добычи в ЕАЭС даёт Россия, до 15 % – Казахстан, прочие страны (Беларусь, Армения, Кыргызстан) фактически не имеют собственных значительных месторождений [18].

Различия в ценах на энергоносители остаются одним из сложных аспектов предстоящей интеграции. Внутренний газовый рынок РФ работает по регулируемым тарифам для промышленных потребителей в пределах ~70-80 долларов США за 1000 м³, тогда как для Беларуси долгосрочно установлена льготная цена около 128,5 долларов США за 1000 м³, а для Армении – в районе 165 долларов США за 1000 м³. При этом население и отдельные отрасли в странах ЕАЭС могут получать топливо по субсидированным расценкам, что затрудняет достижение единой формулы и требует постепенного сближения правил ценообразования. Во многом розничные цены, например на бензин и дизтопливо, зависят от налогообложения и госрегулирования. Беларусь имеет одно из самых низких уровней цен на топливо и газ, поскольку получает российские энергоносители по льготным схемам. Казахстан также старается удерживать цены ниже мирового уровня при помощи государственных мер. В России действует так называемый «демпферный механизм» компенсации компаниям при экспорте нефтепродуктов, что сдерживает рост внутренних цен. В Кыргызстане и Армении, будучи импортёрами газа и нефти, тарифы выше, особенно в периоды повышения мировых котировок [15].

Ниже представлена первая таблица, отражающая основные данные по производству и потреблению электроэнергии в странах ЕАЭС, а также совокупное потребление электроэнергии в Союзе по состоянию на 2022 год.

По данным Евразийской экономической комиссии, внутренний рынок газа также демонстрирует высокую зависимость потребителей из Беларуси, Армении и Кыргызстана от импорта из России и отчасти Казахстана. Объёмы потребления газа в Беларуси – 18-20 млрд м³ в год, в Казахстане – около 20 млрд м³, в Армении – порядка 2 млрд м³, в Кыргызстане – менее 1 млрд м³, а в России – более 75 % всего суммарного потребления в ЕАЭС. Для обеспечения упорядоченной торговли газом, согласно общим документам Союза, предусматривается освобождение взаимных поставок от импортных и экспортных пошлин, а тарифы на транспортировку газа должны основываться на принципах недискриминационного доступа к магистральным трубопроводам [22].

В качестве дополнительной иллюстрации приведена вторая таблица со сравнением цен на газ для стран ЕАЭС в 2022-2023 годах, включая внутреннюю российскую цену и льготные тарифы для партнёров.

Указанные расхождения в ценах нередко приводят к спорам о методике расчёта тарифов, так как Беларусь считает важным выровнять стоимость российского газа со сред-

Таблица 2. Цены на природный газ в странах ЕАЭС (2022–2023 годы)

Направление/Страна	Цена, долл. США за 1000 м□
Внутренний рынок РФ (для промышленных потребителей)	70–80
Экспорт РФ в Беларусь	128,5
Экспорт РФ в Армению	165
Экспорт РФ в Кыргызстан	150–160

нероссийским уровнем и указывает, что даже действующий льготный тариф остаётся выше внутренних цен в газодобывающих регионах России. С точки зрения производителей газа, в первую очередь «Газпрома», льготные условия поставок в союзные страны уже означают снижение экспортной прибыли, поэтому более глубокая унификация цен необходима лишь при дальнейшем углублении экономической и политической интеграции [20].

Одним из вызовов при формировании общего энергетического рынка ЕАЭС является несогласованность национальных законодательств и наличие практики заключения двусторонних соглашений по поставкам энергоресурсов, которые иногда не стыкуются с общими правилами. Зачастую в этих соглашениях прописаны отдельные условия по ценам, объёмам и срокам, придающие им приоритетный характер. В то же время тексты проектов международных договоров об общих рынках нефти, газа и электроэнергии предусматривают доминирование наднациональных правил над внутренним законодательством и ранее заключёнными двухсторонними контрактами. Однако пока действует переходный механизм, позволяющий сохранять действие прежних соглашений до выполнения ими своих функций [16].

Ещё одна проблема, напрямую влияющая на эффективность общего рынка, — монополизация энергетического сектора в ряде стран. В газовой сфере Россия сохраняет вертикальную интеграцию «Газпрома» (добыча, транспортировка, экспорт), что затрудняет вхождение сторонних поставщиков, а также усложняет формирование конкурентных цен. В нефтяном сегменте крупных производителей немного, и ценообразование чаще всего зависит от государственных регуляторов и налоговых механизмов, а не от свободной биржевой торговли. Таким образом, без реформирования внутренних рынков (например, разделения монопольных структур по видам деятельности) затруднительно внедрение единых рыночных инструментов на уровне ЕАЭС. Специалисты указывают, что для создания прозрачного рынка газовых и нефтяных ресурсов в Союзе необходимы полноценные биржевые площадки с унифицированными правилами заключения сделок и равным доступом к трубопроводной инфраструктуре.

Наряду с этим транспортировка энергоресурсов (по нефте- и газопроводам, а также по линиям электропередачи) осуществляется через собственность национальных операторов, которые могут устанавливать разную пропускную способность и разные тарифы для внутреннего и внешнего пользователя. Решение о недискриминационном доступе к сетям и магистралям заложено в концептуальных положениях Протокола 2019 года о внесении изменений в Договор о ЕАЭС в части общего рынка электроэнергии и соответствующих программ в нефтегазовой сфере, но на практике потребуется время, чтобы все участники согласовали технические и финансовые аспекты распределения пропускных способностей. В области электроэнергетики уже утверждены Правила определения и распределения пропускной способности межгосударственных линий электропередачи, а в газовом и нефтяном транспорте такие наднациональные механизмы ещё находятся в стадии подготовки [19].

Не менее острым остаётся вопрос экономических интересов экспортоориентированных стран (Россия, Казахстан) и импортёров (Беларусь, Армения, Кыргызстан). Российская Федерация и Республика Казахстан заинтересованы в максимально рентабельном сбыте энергоресурсов, в то время как партнёры рассчитывают на более низкие импортные цены для обеспечения своей энергетической и социальной стабильности. Эта коллизия отражена, например, в отношении цены российского газа для Беларуси, которую Минск стремится приблизить к российским внутрирегиональным тарифам. Существующие двусторонние соглашения устанавливают долгосрочные льготы для Беларуси, Армении и Кыргызстана, однако при создании единого рынка предполагается унификация условий для всех участников, что неизбежно вызывает политические дискуссии.

Ещё одним фактором, осложняющим правовую интеграцию, стали санкции, введённые против России и частично против Беларуси в 2022-2023 годах. Они сказываются на возможности энергетических компаний заключать новые соглашения, осуществлять расчёты в долларах США и евро, а также вызывают препятствия при закупке оборудования. Поскольку Кыргызстан и Армения не находятся под сопоставимым санкционным давлением, возникает неравенство юридических возможностей разных стран ЕАЭС для привлечения внешних инвестиций, получения технологий и т.д. Чтобы нивелировать эти эффекты, государства Союза переходят на расчёты в национальных валютах, создают альтернативные финансовые механизмы и в целом стремятся адаптировать правовые нормы к новым условиям [13].

Несмотря на перечисленные затруднения, страны «пятёрки» нацелены на запуск общего энергетического рынка в 2025 году. В сфере электроэнергетики правовая база уже почти полностью готова, и с 1 января 2025 года должен стартовать поэтапный режим функционирования единой торговой площадки, доступной для производителей, сетевых операторов и потребителей из всех государств Союза. В газовой и нефтяной сфере основой станут упомянутые выше проекты международных договоров, которые проходят финальные процедуры согласования в 2024 году. Сроки их подписания согласованы с руководящими органами ЕАЭС, и при ратификации в национальных парламентах планируется, что с начала 2025 года участники получат возможность отрабатывать новые правила в тестовом режиме. Далее предполагается совершенствование правовых институтов, развитие общих методов ценообразования, унификация налогообложения и внедрение наднационального антимонопольного контроля.

По прогнозу Евразийской экономической комиссии, единый электроэнергетический рынок ЕАЭС даст стимул к более эффективному использованию имеющихся мощностей и созданию новых генерирующих объектов. Вероятно, возрастут трансграничные потоки электроэнергии, что позволит странам с избытком генерирующей мощности (Россия, Казахстан) выгоднее продавать электричество, а странам с дефицитом (Армения, Кыргызстан, в определённые сезоны – Беларусь) приобретать его по более привлекательным ценам. Создание конкурентного пространства в нефтяном и газовом секторе обещает обеспечить импортёрам надёжный доступ к энергоресурсам без пошлин, а экспортёрам – гарантированный рынок сбыта и потенциал развития совместных транспортных коридоров.

После формального запуска общих рынков в 2025 году интеграция в энергетике не прекратится, а будет углубляться. Государства планируют постепенно устранять оставшиеся изъятия, добиваться гармонизации правовых норм и, возможно, наделить наднациональные органы ЕАЭС более широкими полномочиями в сфере контроля за соблюдением единых правил. Обсуждается перспектива придать решениям Суда ЕАЭС по спорам в области энергетики обязательную силу, а также расширить компетенцию ЕЭК в сфере антимонопольной политики и тарифного регулирования. Опыт двусторонней интеграции между Россией и Беларусью в рамках Союзного государства может служить «пилотным проектом» на пути к более плотной унификации рынков энергоресурсов во всём ЕАЭС [14].

Таким образом, к концу 2024 года правовая и организационная подготовка общего энергетического рынка ЕАЭС вошла в завершающую стадию. Утверждены концептуальные документы, приняты программы и дорожные карты, продолжается согласование детальных договоров по газу, нефти и нефтепродуктам. В то же время сохраняются проблемные узлы, связанные с разницей в уровнях цен, с монопольной структурой ряда национальных рынков, с ограниченными наднациональными полномочиями и с санкционным давлением на отдельных членов Союза. Преодоление этих барьеров требует комплексных реформ на национальном уровне, внедрения унифицированных торговых механизмов, гармонизации законодательства и постепенного отказа от избыточных двусторонних соглашений в пользу единых правил ЕАЭС. При благоприятном развитии событий общий энергетический рынок может стать одним из наиболее ощутимых достижений евразийской интеграции, повысив энергетическую безопасность и экономическую стабильность всех государств-участников.

Пристатейный библиографический список

1. «Договор о Евразийском экономическом союзе» (Подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 25.05.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 24.06.2024).
2. Высший евразийский экономический совет. Решение от 6 декабря 2018 года № 18 «О формировании общего рынка газа Евразийского экономического союза» (с изменениями на 25 мая 2023 года).
3. Высший евразийский экономический совет. Решение от 8 мая 2015 года № 12 «О Концепции формирования общего электроэнергетического рынка Евразийского экономического союза».
4. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 14 октября 2021 г. № 13 «О переходе ко второму этапу формирования общих рынков нефти и нефтепродуктов Евразийского экономического союза».
5. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 26.12.2016 № 20 «О Программе формирования общего электроэнергетического рынка Евразийского экономического союза».
6. Решение Высшего Евразийского экономического совета от 31.05.2016 № 7 «О Концепции формирования общего рынка газа Евразийского экономического союза».
7. Протокол от 29.05.2019 «О внесении изменений в Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года (в части формирования общего электроэнергетического рынка Евразийского экономического союза)».
8. Головин В. Г., Golovin V. G., Головина Е. Е., Golovina E. E. Взаимосвязанность международных образований как фактор Евразийского развития // Каспийский регион: политика, экономика, культура. — 2020. — № 2 (63). — С. 67-75.
9. Евразийский экономический союз формирует единые рынки. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.ng.ru/energy/2024-04-08/12_8989_alliance.html (дата обращения: 12.03.2025).
10. ЕЭК: общий энергорынок в ЕАЭС повысит уровень надежности электроснабжения в странах. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.alta.ru/ts_news/87321/ (дата обращения: 12.03.2025).
11. Макарова Т. И., Makarova T. I., Навасардова Э. С. [и др.]. Концепция формирования правовых основ евразийского эколого-безопасного пространства // Журнал Белорусского государственного университета. Право. — 2022. — № 1. — С. 100-111.
12. Конов М. Д., Шарыбин. Е. А. Роль стран евразийского экономического союза в экспорте ископаемых энергоресурсов и электроэнергии: риски и перспективы. International regional studies. – 2024. – № 1 (6). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://socph.ru/en/2024/04/the-role-of-the-eurasian-economic-union-countries-in-the-export-of-fossil-energy-resources-and-electricity-risks-and-prospects/ (дата обращения: 13.03.2025).
13. Глазьев С. Ю. О первоочередных мерах по купированию угроз развитию ЕАЭС // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. — 2020. — № 2. — С. 9-10.
14. Общий рынок. Об этапах работы по формированию общих рынков нефти и нефтепродуктов ЕАЭС. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://belchemoil.by/news/analitika/obshhij-rynok (дата обращения: 13.03.2025).
15. Общий рынок газа ЕАЭС создадут к 2025 году. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gov.kz/memleket/entities/mti/press/news/details/578098?lang=ru (дата обращения: 14.03.2025).
16. Бесецкая Н. А., Besetskaya N., Шарикова В. П., Sharikova V. Правовые стандарты безопасного использования атомной энергии в рамках ЕАЭС // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. — 2023. — № 2. — С. 68-73.
17. Россия после 2026 года снизит цену газа для Беларуси. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tochka.by/articles/policy/rossiya_posle_2026_goda_snizit_tsenu_gaza_dlya_belarusi/ (дата обращения: 14.03.2025).
18. Страны ЕАЭС согласовали определение общего рынка газа. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.lawtek.ru/news/121099/strany_yeaes_soglasovali_opredeleniye_obshchego_rynka_gaza (дата обращения: 11.03.2025).
19. Энергетическое сотрудничество в ЕАЭС: состояние и перспективы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://fondres.ru/news/economy/Energeticheskoe-sotrudnichestvo-v-EAES-sostoyanie-i-perspektivy/ (дата обращения: 14.03.2025).

ВАХИТОВА Гузель Валериевна
кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры международного и интеграционного права, Институт права, Уфимский университет науки и технологий

ГАЗИЗОВА Лейсан Махмутовна
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры юридических и гуманитарных дисциплин (филиал), Дагестанский государственный университет, г. Дербент

ИБАТУЛЛИНА Наталья Сергеевна
кандидат филологических наук, доцент кафедры международного и интеграционного права, Институт права, Уфимский университет науки и технологий

АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ ПРИНЦИПОВ МЕЖДУНАРОДНОГО ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРАВА

В настоящее время вопрос загрязнения окружающей среды стоит наиболее остро. Для борьбы с экологическими проблемами в мире было принято международное экологическое законодательство, направленное на защиту всех аспектов окружающей среды в различных отраслях деятельности. Основными принципами являются принципы превентивности, предосторожности и принцип, «загрязнитель платит». В данной статье описаны эти принципы и их ограничения. Несмотря на то, что эти три принципа экологического права имеют свою собственную функциональность и свои механизмы рамочного регулирования со своими собственными ограничениями, их сочетание может помочь минимизировать воздействие на окружающую среду и защитить ее, сдерживая дальнейшие пагубные действия.

Ключевые слова: международное экологическое право, принцип превентивности, принцип предосторожности, принцип, согласно которому платит ответственное за загрязнение лицо.

VAKHITOVA Guzel Valerievna
Ph.D. in philological sciences, associate professor, associate professor of International and integration law sub-faculty, Institute of Law, Ufa University of Science and Technology

GAZIZOVA Leysan Makhmutovna
Ph.D. in Law, associate professor of Legal and humanitarian disciplines sub-faculty (branch), Dagestan State University, Derbent

IBATULLINA Natalya Sergeevna
Ph.D. in philological sciences, associate professor of International and integration law sub-faculty, Institute of Law, Ufa University of Science and Technology

THE ANALYSIS OF THE BASIC PRINCIPLES OF INTERNATIONAL ENVIRONMENTAL LAW

The issue of the pollution of the environment is the most acute nowadays. International environmental legislation aimed at protecting all aspects of the environment in various industries has been adopted in order to combat environmental problems in the world. The principles of prevention, precaution and «polluter pays» are the basic ones. This article describes these principles and their limitations. Despite the fact that these three principles of environmental law have their own functionality and framework regulation mechanisms with its own limitations, their combination can help to minimize the impact on the environment and protect it from further harmful actions.

Keywords: international environmental law, principle of prevention, precautionary principle, «polluter pays» principle.

Введение

На протяжении всей истории человечества загрязнение окружающей среды является одной из наиболее важных проблем. Масштабы данной ситуации в настоящее время беспрецедентны. Для борьбы с загрязнением по всему миру было принято международное экологическое законодательство. Это специальная часть международного права, которая стала отдельной областью, особенно в области загрязнения моря, дикой природы, изменения климата, ресурсов пресной воды, устойчивого развития и химических веществ. Быстрые технологические изменения, индустриализация и экономическое развитие сопровождаются научными открытиями, которые благоприятно влияют на мировую экологическую среду. Международные организации разработали общие принципы и правила международного права окружающей среды для создания законов и регуляций, способствующих экологической стабильности. Эти принципы отражены в договорах, актах международных организаций, практике государств и обязательствах по международному экологическому праву. Они применимы ко всем участникам международного сообщества и направлены на защиту всех аспектов окружающей среды в различных отраслях деятельности.

Принцип превентивности

Один из основных принципов экологической безопасности заключается в проведении превентивных мероприятий. Цель данного принципа заключается в предотвращении нанесения ущерба окружающей среде путем ограничения или контроля действий, способных причинить вред. Превентивный принцип, который также известен как «принцип превентивных действий», направлен на избежание воздействия на окружающую среду, которое может быть вредным. В соответствии с этим принципом, государство может быть обязано предпринимать меры по предотвращению ущерба окружающей среде в пределах своей юрисдикции, и поскольку необходимо принимать меры на ранних стадиях или даже до возможного наступления вреда, поддержка со стороны внешних органов может потребоваться. Некоторыми функциями являются разработка национального законодательства по охране окружающей среды, устанавливающего процедуры выдачи разрешений, принятие международных и национальных обязательств по экологическим стандартам, доступ к экологической информации и проведение оценок воздействия на окружающую среду в связи с реализацией предложенных мероприятий. Принцип также подразуме-

вает, что государства должны обеспечить, чтобы их деятельность под юрисдикцией или контролем не причиняла ущерб окружающей среде других стран или регионов за пределами их национальной юрисдикции. Следует отметить, что данный принцип предотвращения всегда связан с «принципом предосторожности» и для предотвращения негативного воздействия на окружающую среду был рекомендован косвенно или непосредственно в Стокгольмской декларации 1972 года[1], Объединенной национальной программе по окружающей среде (ЮНЕП) 1978 года[2], Всемирной хартией природы 1982 года[3], в статье 12(2) Лондонской конвенции 1933 года[4], в Договоре о запрещении ядерных испытаний 1963 года[5] и статье 2 Конвенции об изменении климата 1992 года[6].

Данный принцип применяется в деле Венгрии против Словакии. Согласно договору, подписанному 16 сентября 1977 года между странами, возникло нарушение обязательств по строительству системы шлюзов на реке Дунай. Венгрия отказалась завершить проект из-за опасений, что электростанция может нанести серьезный вред окружающей среде страны и водоснабжению Будапешта. Суд был затребован для разбирательства вопросов охраны окружающей среды и установления оптимального момента для остановки проекта с целью предотвращения дальнейшего ущерба. Венгрия выразила беспокойство по поводу сохранения природной среды в регионе, затронутом проектом, и важности защиты государственных интересов, как это предусмотрено в превентивных принципах. В своем решении суд рекомендовал обеим сторонам провести тщательное исследование последствий для окружающей среды, связанных с эксплуатацией электростанции, и найти удовлетворительное решение для обеспечения возможности сброса воды в основную часть и ветки Дуная. Этот пример доказывает, что государство обязано предотвращать ущерб окружающей среде в рамках своей юрисдикции[7].

Важно подчеркнуть, что предупреждение экологического ущерба оказывается более дешевым, проще и менее вредным для окружающей среды, чем реагирование на уже случившийся экологический ущерб. Принцип предотвращения является ключевым принципом, который лежит в основе законов, регулирующих производство, транспортировку, обработку, хранение и удаление опасных отходов, а также использование пестицидов. Принцип предотвращения, заложенный в Базельской конвенции о контроле над трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением (1989 год)[8], направлен на снижение производства опасных отходов и борьбу с незаконным сбросом. Этот принцип также является важным компонентом третьей программы действий в области окружающей среды Европейской комиссии (ЕС), принятой в 1983 году[9].

Ограничение принципа превентивности

Одним из ограничений превентивных принципов является их недостаточность для борьбы с проблемой изменения климата. Мы уже достигли точки, когда нанесенный ущерб окружающей среде стал необратимым. Однако она по-прежнему остается основным решением, поскольку решения, касающиеся «устойчивого развития», не могут улучшить статус-кво.

Кроме того, обычно предпринимаются пропорциональные меры по предотвращению вреда на основе наилучшей имеющейся информации и имеются разумные основания для беспокойства о том, что может быть причинен серьезный и/или необратимый ущерб окружающей среде. Как указывается минимальными порогами вероятности («разумные основания для беспокойства») и тяжести («серьезный и/или необратимый») предполагаемого вреда, не каждый шанс любого неблагоприятного воздействия должен приводить к принятию мер. Другими словами, трудно предсказать, когда и как будут приняты превентивные меры. Что касается осуществления, то условие эффективности требует выбора такого курса действий, который эффективно защищает подвергаемую опасности часть окружающей среды. Критерий пропорциональности требует, чтобы этот курс действий соответствовал величине (вероятности и тяжести) риска, связанного с ним, с тем, чтобы избежать принятия чрезмерно жестких мер. Чем выше совокупный риск, тем более строгими являются меры предосторожности по его сопоставлению и наоборот.

Что касается шагов по улучшению этого принципа, то государства должны ввести более жесткие правила, которые требуют сильной политической воли и решимости наряду со всеобъемлющими исследованиями на местах и экспертным анализом. На Копенгагенской конференции было подчеркнуто, что важна политическая воля, даже если практическое соглашение по борьбе с глобальным климатическим кризисом не было достигнуто.[10] Правительству необходимо продемонстрировать такую же решимость в реализации превентивных инициатив и программ устойчивого развития внутри страны. При этом возможно возникновение внутренних проблем в виде социальных и экономических последствий. Например, если страна запрещает использование полиэтиленовых пакетов из-за проблем с их переработкой и планирует перейти на бумажные, необходимо обеспечить достаточное предложение бумаги. При этом важно не оказывать дополнительное давление на природные ресурсы для производства

1 Декларация Конференции Организации Объединенных Наций по проблемам окружающей человека среды. Принята Конференцией Организации Объединенных Наций по проблемам окружающей человека среды, Стокгольм, 1972 год. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declarathenv.shtml (дата обращения: 27.10.2024).

2 Программа Организации Объединенных Наций по окружающей среде (ЮНЕП). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/ga/unep/index.shtml (дата обращения: 27.10.2024).

3 Всемирная хартия природы. Принята резолюцией 37/7 Генеральной Ассамблеи от 28 октября 1982 года. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/charter_for_nature.shtml (дата обращения: 27.10.2024).

4 Конвенция об определении агрессии. Лондон. 3 июля 1933 года. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/136144-konventsiya-ob-opredelenii-agressii-london-3-iyulya-1933-goda (дата обращения: 27.10.2024).

5 Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой 1963 года. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/nuclear_seabed.pdf (дата обращения: 27.10.2024).

6 Рамочная конвенция Организации Объединенных Наций об изменении климата. Принята 9 мая 1992 года. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/climate_framework_conv.shtml (дата обращения: 27.10.2024).

7 Letchumi Mbalasubramaniam. Navigating Global Environmental Challenges: An In-Depth Analysis of Preventative, Precautionary and "Polluter Pays" Principles in International Environmental Law / University of Malaya / UM Malaysian Centre of Regulatory Studies. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/382660431_Navigating_Global_Environmental_Challenges_An_InDepth_Analysis_of_Preventative_Precautionary_and_Polluter_Pays_Principles_in_International_Environmental_Law (дата обращения: 27.10.2024).

8 Базельская конвенция о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением (1989 год). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.cntd.ru/document/1901208 (дата обращения: 27.10.2024).

9 3-я Программа действий Европейского Сообщества в области охраны окружающей среды (1982-1986 гг.). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://wecoop.eu/ru/regional-knowledge-centre/eu-policies-regulations/ (дата обращения: 27.10.2024).

10 Копенгагенская декларация о социальном развитии. Принята Всемирной встречей на высшем уровне в интересах социального развития, Копенгаген, 6-12 марта 1995 года. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/copdecl.shtml (дата обращения: 27.10.2024).

большего количества бумаги, но следует внедрить технологии по изготовлению переработанной бумаги из отходов[11]. Таким образом, каждая страна должна будет ввести обновленную систему управления отходами[12].

Принцип предосторожности

Следующий тесно связанный принцип – это «принцип предосторожности», который предусматривает следующее утверждение: «если существует вероятность негативного влияния определенной деятельности на окружающую среду, то необходимо принимать меры предосторожности, даже без окончательного научного подтверждения. Таким образом, поддерживается идея немедленного контроля за деятельностью, чтобы предотвратить возможные экологические проблемы. Этот принцип сформулирован в Рио-де-Жанейрской декларации, которая гласит, что «при наличии угрозы серьезного или необратимого ущерба отсутствие полной научной определенности не должно использоваться в качестве причины для отсрочки принятия эффективных с точки зрения затрат мер по предотвращению деградации окружающей среды»[13].

В Соединенных Штатах принцип предосторожности был включен в разработку планов сохранения окружающей среды, требуемых Законом об исчезающих видах. В 1989 году импорт говядины, произведенной с использованием гормонов, был запрещен после того, как ЕС применил принцип предосторожности. В 2000 году данный принцип был принят организацией как «полноценный и общий принцип международного права». В 1999 году Австралия и Новая Зеландия использовали принцип предосторожности в своем иске против Японии по поводу ее предполагаемого излишнего лова южного голубого тунца. Это позволяет оперативно принимать меры и избежать задержек, так как множество экологического законодательства разрабатывается в результате чрезвычайных событий[14].

Ограничение принципа предосторожности

Основной недостаток принципа предосторожности заключается в использовании нечетких терминов при описании его характеристик, таких как «необратимый ущерб» или «недостаточная логическая уверенность» в законодательстве. Например, Сандин подвергает критике определение, содержащееся в Рио-де-Жанейрской декларации, за то, что оно просто раскрывает то, чего не делать, и за то, что оно не характеризует «подлинный риск». Критики полагают, что такие вопросы определения подрывают законные убеждения и создают противоречивые и обманчивые варианты выбора. Некоторые утверждают, что конкретные формы руководства выходят из использования, поскольку они не предлагают никаких указаний и ограничивают все подходы[15].

Кроме того, принцип предосторожности является одной из особенностей набора стандартов биологического и экономического совершенствования. Из-за быстрого внедрения, существуют потенциальные ситуации с чрезмерным запретом на разработку и административное рассмотрение, которые вызывают логические ошибки. Идея превентивного применения принципа предосторожности приводит к принятию мер по предотвращению экологического ущерба, не ожидая того момента, когда будут полностью известны истина и реальность опасностей, связанных с нанесением экологического ущерба[16]. Рекомендуется сохранить некоторую степень допустимости ошибок до тех пор, пока не будут известны все последствия решения о продолжении осуществления плана, программы или проекта.

Основным условием использования разумных стандартов является то, что окружающей среде действительно или необратимо наносится экологический ущерб и возникает логическая уязвимость. Тем не менее, разумный стандарт не будет иметь никакого значения даже в том случае, если нет существенной логической уязвимости (второе условие не выполняется), но существует опасность подлинного или необратимого природного вреда (основное условие, имеющее отношение к исходному). Таким образом, принцип предосторожности не всегда может обратить вспять воздействие экологического ущерба.

Принцип «загрязнитель платит»

В заключение, принцип ответственности загрязнителя, утвержденный в 1970-х годах, является основополагающим принципом экологического права. Он направлен на то, чтобы лица, нарушающие законы, не причиняли вред природе. Заинтересованные стороны стремятся минимизировать расходы на обработку и утилизацию отходов, используя упрощения для экономии денежных средств. Например, компании, которые выбрасывают нефильтрованные отходы в атмосферу[17] или сливают неочищенные химические вещества в реку, не платят адекватно за утилизацию своих отходов. Вместо этого, стоимость утилизации отходов в виде загрязнения берет на себя общество в целом. Поэтому главная цель многих экологических принципов – заставить загрязнителей нести настоящие издержки загрязнения, хотя иногда такие издержки сложно оценить точно. Кроме того, это будет стимулировать тех, кто несет ответственность за загрязнение, производить более экологически чистые продукты и принимать необходимые меры по утилизации отходов. Примером этого принципа является принятый в 1990 году Закон об океанском загрязнении, принятый в ответ на разлив 41 миллиона литров нефти в Принс-Уильям-Саунд на Аляске 1989 года. Этот принцип лежит в основе законов США, требующих очистки опасных веществ, включая нефть. Более того, такая политика также была внедрена на региональном и штатовском уровнях. Более того, подобная стратегия была принята и на уровне регионов, и на федеральном уровне. Например, в 1996 году штат Флорида внес в свою конституцию

11 Letchumi Mbalasubramaniam. Navigating Global Environmental Challenges: An In-Depth Analysis of Preventative, Precautionary and “Polluter Pays” Principles in International Environmental Law / University of Malaya / UM Malaysian Centre of Regulatory Studies. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/382660431_Navigating_Global_Environmental_Challenges_An_InDepth_Analysis_of_Preventative_Precautionary_and_Polluter_Pays_Principles_in_International_Environmental_Law (дата обращения: 27.10.2024).

12 Ibatullina N. S. Legal protection of the environment from pollution by solid municipal waste // Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University. – 2022. – № 4 (16). – P. 61-69.

13 Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию. Принята Конференцией ООН по окружающей среде и развитию, Рио-де-Жанейро, 3–14 июня 1992 года. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml (дата обращения: 27.10.2024).

14 Letchumi Mbalasubramaniam. Navigating Global Environmental Challenges: An In-Depth Analysis of Preventative, Precautionary and «Polluter Pays» Principles in International Environmental Law / University of Malaya / UM Malaysian Centre of Regulatory Studies. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/382660431_Navigating_Global_Environmental_Challenges_An_InDepth_Analysis_of_Preventative_Precautionary_and_Polluter_Pays_Principles_in_International_Environmental_Law (дата обращения: 27.10.2024).

15 Letchumi Mbalasubramaniam. Navigating Global Environmental Challenges: An In-Depth Analysis of Preventative, Precautionary and «Polluter Pays» Principles in International Environmental Law / University of Malaya / UM Malaysian Centre of Regulatory Studies. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/382660431_Navigating_Global_Environmental_Challenges_An_InDepth_Analysis_of_Preventative_Precautionary_and_Polluter_Pays_Principles_in_International_Environmental_Law (дата обращения: 27.10.2024).

16 Vakhitova G. V., Khayrullin A. Prediction of petroelastic properties of rocks based on machine learning. 2020 Saint Petersburg international conference and exhibition. – Geosciences: Converting Knowledge into Resources. – Saint Petersburg, 2020.

17 Мухеметгареева Н. М., Юсупова З. А. современные сложности обеспечения механизма международно-правовой охраны озонового слоя // Евразийский юридический журнал. – 2023. – № 12 (187). – С. 41-42.

ограничение на «платежи за загрязнение», чтобы защитить экологически важную зону Эверглейдс[18].

Принцип того же самого содержания также лежит в основе политики различных правительств по всему миру, включая Европейский союз (ЕС). Например, в Германии согласно указу 1991 года компании несут ответственность за расходы на переработку или утилизацию упаковки своей продукции на протяжении всего её жизненного цикла. Несмотря на это, Федеральный конституционный суд Германии признал указ неконституционным и отменил его[19].

Ограничение принципа «загрязнитель платит»

Основной недостаток данного принципа заключается в том, что стоимость ущерба окружающей среде намного превышает ущерб прибыли богатых бизнесменов и их компаний. Ко времени проведения судебных слушаний и вынесения судебного решения это воздействие может быть необратимым. Кроме того, оценка штрафа может быть занижена, и виновные могут быть легко освобождены после уплаты суммы.

Основная идея того, что ответственные за загрязнения лица должны платить за ущерб, причиненный ими здоровью и имуществу других людей, является обоснованной, и в свободном обществе, основанном на личной ответственности, должна быть руководящим принципом для всех экологических стратегий. Наконец, эти три принципа экологического права имеют свою собственную функциональность и свои механизмы рамочного регулирования со своими собственными ограничениями. Сочетание этих принципов во многих сценариях, однако, поможет минимизировать воздействие на окружающую среду и защитить ее, сдерживая дальнейшие пагубные действия виновных.

Пристатейный библиографический список

1. Мухеметгареева Н. М., Юсупова З. А. современные сложности обеспечения механизма международно-правовой охраны озонового слоя // Евразийский юридический журнал. – 2023. – № 12 (187). – С. 41-42.
2. Базельская конвенция о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением (1989 год). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.cntd.ru/document/1901208 (дата обращения: 27.10.2024).
3. Всемирная хартия природы. Принята резолюцией 37/7 Генеральной Ассамблеи от 28 октября 1982 года. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/charter_for_nature.shtml (дата обращения: 27.10.2024).
4. Декларация Конференции Организации Объединенных Наций по проблемам окружающей человека среды. Принята Конференцией Организации Объединенных Наций по проблемам окружающей человека среды, Стокгольм, 1972 год. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declarathenv.shtml (дата обращения: 27.10.2024).
5. Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, космическом пространстве и под водой 1963 года. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/nuclear_seabed.pdf (дата обращения: 27.10.2024).
6. Конвенция об определении агрессии. Лондон. 3 июля 1933 года. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/136144-konventsiya-ob-opredelenii-agressii-london-3-iyulya-1933-goda (дата обращения: 27.10.2024).
7. Копенгагенская декларация о социальном развитии. Принята Всемирной встречей на высшем уровне в интересах социального развития, Копенгаген, 6-12 марта 1995 года. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/copdecl.shtml (дата обращения: 27.10.2024).
8. Программа Организации Объединенных Наций по окружающей среде (ЮНЕП). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/ga/unep/index.shtml (дата обращения: 27.10.2024).
9. 3-я Программа действий Европейского Сообщества в области охраны окружающей среды (1982-1986 гг.). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://wecoop.eu/ru/regional-knowledge-centre/eu-policies-regulations/ (дата обращения: 27.10.2024).
10. Рамочная конвенция Организации Объединенных Наций об изменении климата. Принята 9 мая 1992 года. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/climate_framework_conv.shtml (дата обращения: 27.10.2024).
11. Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию. Принята Конференцией ООН по окружающей среде и развитию, Рио-де-Жанейро, 3-14 июня 1992 года. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml (дата обращения: 27.10.2024).
12. Vakhitova G. V., Khayrullin A. Prediction of petroelastic properties of rocks based on machine learning. 2020 Saint Petersburg international conference and exhibition. – Geosciences: Converting Knowledge into Resources. – Saint Petersburg. 2020.
13. Ibatullina N. S. Legal protection of the environment from pollution by solid municipal waste // Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University. – 2022. – № 4 (16). – P. 61-69.
14. Letchumi Mbalasubramaniam. Navigating Global Environmental Challenges: An In-Depth Analysis of Preventative, Precautionary and «Polluter Pays» Principles in International Environmental Law / University of Malaya / UM Malaysian Centre of Regulatory Studies. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/382660431_Navigating_Global_Environmental_Challenges_An_In-Depth_Analysis_of_Preventative_Precautionary_and_Polluter_Pays_Principles_in_International_Environmental_Law (дата обращения: 27.10.2024).

18 Letchumi Mbalasubramaniam. Navigating Global Environmental Challenges: An In-Depth Analysis of Preventative, Precautionary and «Polluter Pays» Principles in International Environmental Law / University of Malaya / UM Malaysian Centre of Regulatory Studies. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/382660431_Navigating_Global_Environmental_Challenges_An_InDepth_Analysis_of_Preventative_Precautionary_and_Polluter_Pays_Principles_in_International_Environmental_Law (дата обращения: 27.10.2024).

19 Letchumi Mbalasubramaniam. Navigating Global Environmental Challenges: An In-Depth Analysis of Preventative, Precautionary and «Polluter Pays» Principles in International Environmental Law / University of Malaya / UM Malaysian Centre of Regulatory Studie. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа:https://www.researchgate.net/publication/382660431_Navigating_Global_Environmental_Challenges_An_InDepth_Analysis_of_Preventative_Precautionary_and_Polluter_Pays_Principles_in_International_Environmental_Law (дата обращения: 27.10.2024).

МОРОЗ Александр Олегович
студент 4-го курса бакалавриата, Юридический факультет, Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина

ПАПАВА Анатолий Леванович
студент 4-го курса бакалавриата, Юридический факультет, Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина

ГЛИНЩИКОВА Татьяна Вадимовна
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного частного и предпринимательского права, Юридический факультет, Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина

ПОНЯТИЕ И МЕСТО НЕГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В СИСТЕМЕ ИСТОЧНИКОВ МЕЖДУНАРОДНОГО ТОРГОВОГО ПРАВА

Статья посвящена исследованию негосударственного регулирования в системе международного торгового права. Рассматриваются сущность, структура и функции негосударственных норм, принципов и механизмов, разрабатываемых профессиональными ассоциациями, торговыми объединениями и другими негосударственными субъектами. Акцент сделан на важности унификации права через использование типовых контрактов, сводов принципов договорного права и международных торговых обычаев. Показана роль негосударственного регулирования в развитии международной торговли, гармонизации стандартов, урегулировании споров и минимизации пробелов в праве. Подчеркивается, что данные нормы не требуют государственных санкций и действуют на основе автономии воли сторон. Отмечается необходимость дополнения российского гражданского законодательства положениями, заимствованными из сводов принципов договорного права, для повышения гибкости и универсальности правового регулирования международных коммерческих отношений.

Ключевые слова: негосударственное регулирование, международное торговое право, унификация права, типовые контракты, международные торговые обычаи, принципы УНИДРУА, договорное право, автономия воли сторон.

MOROZ Alexander Olegovich
bachelor student of the 4th course, Faculty of Law, I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University

PAPAVA Anatoliy Levanovich
bachelor student of the 4th course, Faculty of Law, I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University

GLINSHIKOVA Tatyana Vadimovna
Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of International, private and business law sub-faculty, Faculty of Law, I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University

THE CONCEPT AND PLACE OF NON-STATE REGULATION IN THE SYSTEM OF SOURCES OF INTERNATIONAL TRADE LAW

The article is devoted to the study of non-governmental regulation in the system of international trade law. The essence, structure and functions of non-state norms, principles and mechanisms developed by professional associations, trade associations and other non-state actors are considered. The emphasis is placed on the importance of unification of law through the use of standard contracts, sets of principles of contract law and international trade customs. The role of non-governmental regulation in the development of international trade, harmonization of standards, dispute settlement and minimization of legal gaps is shown. It is emphasized that these norms do not require state sanction and operate on the basis of the autonomy of the will of the parties. It is noted that it is necessary to supplement Russian civil legislation with provisions borrowed from the sets of principles of contract law in order to increase the flexibility and universality of legal regulation of international commercial relations.

Keywords: Non-state regulation, international trade law, unification of law, model contracts, international trade customs, Unidroit principles, contract law, autonomy of the will of the parties.

Негосударственное регулирование в системе источников международного торгового права — это совокупность норм, принципов и механизмов, вырабатываемых и применяемых частными субъектами, такими как международные организации, бизнес-сообщества, профессиональные ассоциации. Эти нормы и правила направлены на упорядочение торговых отношений и могут действовать параллельно или во взаимодействии с государственными нормами и договорами, способствуя развитию международной торговли, гармонизации стандартов и урегулированию споров между частными субъектами на международной арене.

Негосударственное регулирование явилось возможным благодаря законодательному закреплению принципа свободы договора и автономии воли сторон. Правила негосударственного регулирования нередко способствуют формированию внутригосударственных нормативных правовых актов. В частности, ряд национальных законов, посвященных договорам, был разработан на основе принципов международных коммерческих договоров УНИДРУА.

Негосударственный способ регулирования международных коммерческих отношений обусловлен многоаспектностью его состава. Он выгодным образом отличается от государственного механизма регулирования, источники которого создаются исключительно в рамках юрисдикции конкретного государства и имеют весьма ограниченные способы формирования. Международные межправительственные и неправительственные организации в лице сообщества коммерсантов обладают большей свободой при создании таких

правил, которые заполняют правовой вакуум в этой сфере отношений.

Типовые проформы и контракты, разрабатываемые объединениями коммерсантов; общие условия поставок; регламенты арбитражей; являются источниками негосударственного регулирования. Необходимо отметить, что своды правил поведения коммерсантов составляются различными профессиональными объединениями и в последнее время имеют большое значение в регулировании международных торговых отношений. Такие правила формируются в виде стандартов, кодексов поведения, кодексов лучших практик. Они применяются судами в ситуациях, когда информация о правильной квалификации отношений отсутствует и судье надо привлечь профессиональное мнение.

Истоки Сводов принципов договорного права лежат в средневековом торговом праве, которое возникло и получило развитие под влиянием активизации трансграничных коммерческих отношений. Юридическая природа таких документов рекомендательная, поскольку правила, отраженные в них, не сопровождаются санкцией государства на их применение. При этом, они получили большое распространение в области трансграничных торговых отношений. Стороны международных контрактов могут использовать такие документы при составлении договоров. Арбитры третейских судов – при разрешении споров из них. Такие документы определили вектор в последующем международном регулировании отношений трансграничного характера и контрактов, опосредующих их [1].

Следует отметить, что допустимость применения конкретного торгового обычая на современном этапе отсутствует, для этой цели достаточно положения ст. 5 ГК РФ. Нормы рекомендательного характера можно рассматривать как правила, регламентирующие международные торговые отношения, не подкрепленные официальной санкцией государства на их применение.

Анализ доктрины приводит к выводу, что торговое право включает в себя не только нормы, исходящие от государства (законы и иные нормативно-правовые акты), но и торговые обычаи, унифицированные правила, своды принципов договорного права. Международные торговые обычаи конкретизируют договорные условия [2]. По этой причине, источники негосударственного регулирования используются применительно к торговым отношениям без необходимости закрепления в нормативных правовых актах.

Участие субъектов международных коммерческих отношений в процессе формирования негосударственных правил позволяет сделать их более гибкими и приспособленными для регулирования торговой деятельности. При этом, принимаются во внимание интересы участников торговых отношений. Нередко такие правила выступают пионером правового регулирования торговых отношений. Авторы отмечают, что некоторые виды профессиональной коммерческой и производственной деятельности длительное время после их появления регулировались исключительно правилами делового оборота [3]. Такие правила в виде сводов принципов имеют право на параллельное существование с иными регуляторами международных коммерческих отношений.

Стороны контракта, при формировании договорных условий, принимают во внимание обычаи, записанные в различных документах, например, Инкотермс. Значительно облегчают составление контрактов сборники типовых договоров. Такие сборники создаются международными неправительственными организациями или сообществами коммерсантов, в частности, ассоциациями, союзами, торговыми палатами, биржевыми комитетами для определенных видов товаров. Помимо прочего, судам нередко сложно анализировать неоднозначные условия трансграничных контрактов. С целью их толкования, на наш взгляд, целесообразно использовать обычаи.

Негосударственное регулирование торговой деятельности отсеивает нормы, которые по какой-либо причине не учитывают волю сторон. Такая ситуация иногда имеет место с государственным регулированием. Международные торговые обычаи конкретизируют договорные условия. При этом, законодатель изменения в торговой практике учитывает в гражданском и торговом законодательстве. Международное торговое право характеризуется минимальным количеством пробелов, благодаря взаимодействию и консолидации негосударственного и государственного регулирования международной коммерческой деятельности.

Таким образом, правила негосударственного регулирования позволяют сформировать единое правовое пространство. Применение сводов принципов заключается в авторитете международных организаций, их разработавших. Полагаем, следует утверждать о целесообразности разработки общего свода договорных правил для регулирования отношений между предпринимателями и коммерсантами. При этом, главу VI ГК РФ следует дополнить рядом положений, заимствованных из сводов принципов договорного права, например, Принципов международных коммерческих контрактов УНИДРУА. Следует на законодательном уровне позволить российским государственным судам применять положения Принципов международных коммерческих контрактов УНИДРУА. Такой документ будет применяться судами в том случае, если отсутствует международный договор в этой сфере отношений, и стороны не пришли к соглашению о выборе национального права.

Пристатейный библиографический список

1. Глинщикова Т. В., Степкина К. В. Некоторые аспекты сферы действия Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров 1980 г. // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2020. – № 7. – С. 124.
2. Канашевский В. А. Международный торговый обычай и его место в правовой системе Российской Федерации // Журнал российского права. – 2003. – № 8. – С. 78.
3. Вилкова Н. Г. Торговые обычаи в практике МКАС при ТПП РФ // Актуальные вопросы международного коммерческого арбитража: сб. статей. – М., 2002. – С. 68.

ЛИНЬ Пэйюань
аспирант, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ БАЗЫ УНИФИКАЦИИ И ПЕРЕХОДА К ЦИФРОВОМУ ТАМОЖЕННОМУ РЕГУЛИРОВАНИЮ

В статье предлагается необходимость пересмотра существующих правовых режимов таможенных правоотношений с последующей унификацией правового поля и переходом к цифровому таможенному регулированию. Цель исследования, представленного в данной статье, состоит в необходимости научной систематизации нормативной правовой базы, регулирующей трансграничную электронную торговлю, обусловленной переходом к цифровому таможенному регулированию.

В исследовании были решены следующие задачи: анализ существующих правовых режимов, регулирующих правоотношения в сфере трансграничной электронной торговли, с учетом мировых практик цифрового таможенного регулирования; выявление предметных направлений, способствующих формированию унифицированного механизма функционирования нормативного правового поля цифрового таможенного регулирования.

В основу методологии исследования положены принцип учета национальных интересов, принципы международного права, принцип аналогий, а также принцип компаративного анализа.

На сегодняшний день при наличии большого массива нормативных правовых регуляторов трансграничной электронной торговли на уровне международного и национального законодательства, универсальный правовой механизм, обеспечивающий учет национальных интересов государств, защиту информационной безопасности международных торговых сделок, отсутствует, либо находится в стадии совершенствования – адаптации к требованиям цифровым глобализационным процессам.

Ключевые слова: цифровая экономика, таможенное регулирование, электронная коммерция, национальное законодательство, глобализация.

Lin Peiyuan
postgraduate student, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

THE CURRENT STATE OF THE LEGISLATIVE FRAMEWORK FOR THE UNIFICATION AND TRANSITION TO DIGITAL CUSTOMS REGULATION

The article proposes the need to revise the existing legal regimes of customs legal relations with the subsequent unification of the legal framework and the transition to digital customs regulation.

The research goal presented in this article is the need for scientific systematization of the regulatory framework governing cross-border electronic commerce, due to the transition to digital customs regulation.

The following objectives were solved in the study: analysis of existing legal regimes governing legal relations in the field of cross-border e-commerce, taking into account world practices of digital customs regulation; identification of subject areas that contribute to the formation of a unified mechanism for the functioning of the regulatory legal framework of digital customs regulation.

The research methodology is based on the principle of taking into account national interests, the principles of international law, the principle of analogies, as well as the principle of comparative analysis.

The following conclusions were made: to date, despite the presence of a large array of regulatory legal regulators of cross-border e-commerce at the level of international and national legislation, there is no universal legal mechanism that ensures the consideration of the national interests of states, the protection of information security of international trade transactions, or is in the process of improvement – adaptation to the requirements of digital globalization processes.

Keywords: digital economy, customs regulation, e-commerce, national legislation, globalization.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что на сегодняшний день в условиях трансформации политического и экономического развития актуализируются международные интеграционные процессы в отношении политики торгового взаимодействия стран и организаций, основанной на принципах развития цифровой экономики. При этом новое содержание приобретает парадигма нормативного правового регулирования трансграничной электронной торговли.

Развитие электронной торговли способствует росту межстранового товарооборота, выступает побудительным аспектом для своевременной адаптации деятельности таможенных органов к новым требованиям эпохи цифровизации и является предопределяющим фактором, меняющим систему функционирования мирового таможенного административного аппарата, перестраивая его деятельность в направление совершенствования правового поля цифрового таможенного регулирования [3, с. 167].

Указанные тенденции закономерно делают актуальной проблему унификации и гармонизации таможенного законодательства на международном уровне, что требует разработки единого подхода к осуществлению таможенного контроля в условиях трансграничной электронной торговли. В частности, серьезную проблему представляет идентификация и декларирование товаров, приобретенных физическими лицами через онлайн-платформы: объемы таких транзакций стремительно растут, что затрудняет эффективный таможенный контроль и способствует уклонению от уплаты налогов [2, с. 31].

Одним из перспективных направлений решения данной проблемы, по мнению исследователей, является внедрение автоматизированных методов анализа данных и использование искусственного интеллекта в работу таможенных служб.

Цифровые технологии позволяют анализировать огромные объемы информации о товарах, отправителях и получателях, выявлять рискованные сделки и оптимизировать таможенные процедуры. В то же время необходимо укреплять международное сотрудничество в сфере обмена информацией и взаимопомощи в целях эффективной борьбы с незаконным оборотом и защиты национальных интересов.

При этом совершенствование правовой базы цифрового таможенного регулирования требует не только технических, но и организационных изменений в системе таможенного регулирования электронной коммерции. По мнению исследователей, необходимо разработать четкие и максимально прозрачные правила для всех участников электронной коммерции [12, с. 914]. Также важно обеспечить защиту персональных данных и конфиденциальность информации, передаваемой при таможенном оформлении товаров.

Таким образом, развитие электронной коммерции влечет за собой фундаментальные изменения в таможенном администрировании по всему миру. По мнению исследователей, если таможенные органы успешно адаптируются к новым реалиям цифровой экономики, мировое сообщество сможет эффективно контролировать перемещение товаров для дальнейшего развития международной торговли и экономического роста.

Цель исследования состоит в необходимости унификации нормативной правовой базы, регулирующей трансграничную электронную торговлю, обусловленной переходом к цифровому таможенному регулированию. Исходя из целевых ориентиров, исследование предполагает решение следующих задач: анализ существующих правовых режимов, регулирующих правоотношения в сфере трансграничной электронной торговли, с учетом мировых практик цифрового таможенного регулирования; выявление предметных направлений, способствующих формированию унифицированного механизма функционирования нормативного правового поля цифрового таможенного регулирования.

Материалами исследования послужили нормативные документы международного права в области таможенного регулирования электронной торговли, а также теоретические постулаты правоведов и экспертов в области международного права.

В ходе работы над темой были проанализированы теоретические постулаты таких авторов, как А. Р. Гладков, Б. И. Кецба, С. Ю. Цыпранюк, Е. В. Жеребень, Н. А. Тарасов, Н. Г. Липатова [1], А. Ю. Коженков, К. И. Бабенко, О. Г. Боброва [2], Е. С. Курилова [3], Лю Я [4], Ж. Н. Маслова [5] и др.

При исследовании темы были также рассмотрены теоретико-методические концепции, выдвинутые в работах таких зарубежных авторов, как П. П. Полански, Р. Б. Джонстон [6], Фанъянь Чжэн, Юньлун Чжу [9], В. Хомонай [10], И. Идам, О. Патрик, Ч. Монеме, Т. Акпа [11], Цзин Янь [12], Б. Сираюдин [13] и др.

В основу методологии исследования положены принцип учета национальных интересов, принципы международного права, принцип аналогий, а также принцип компаративного анализа. Считаем, что данный принципиальный подход способствует решению проблемных аспектов, препятствующих формированию универсальных правовых, административных и цифровых регуляторов механизма трансграничной электронной торговли.

Сфера трансграничной электронной торговли требует комплексных и продуманных решений в области правового регулирования, нацеленных на управление ее растущими объемами, а также на преодоление несогласованности в вопросах нормативного правового регулирования национальных законодательств стран с нормами международных стандартов.

Исследователи отмечают, что быстрое расширение трансграничной электронной торговли затрагивает все большее количество мировых торговых акторов и юрисдикций [9, с. 71], поэтому управление трансграничной электронной торговлей нуждается в универсальном подходе, ориентированном на потребности всего мирового сообщества.

В настоящее время трансграничная электронная торговля базируется на общих принципах, разработанных международными организациями, в частности, Всемирной таможенной организацией (далее – ВТАМО), Всемирной торговой организацией (далее – ВТО), Организацией Объединенных Наций (далее – ООН). Так, например, ВТАМО разработан пакет нормативных правовых актов в сфере таможенного регулирования электронной торговли, который включает в себя Рамочные стандарты ВТАМО по трансграничной электронной торговле, принятые в июне 2018 года, а также сопроводительные документы для обеспечения эффективной реализации этих Рамочных стандартов [5, с. 49].

Следует упомянуть и правила Международной конвенции об упрощении и гармонизации таможенных процедур (первично принятая в Киото 18 мая 1973 года, пересмотренная в 2006 году (далее – Пересмотренная Киотская Конвенция) ВТАМО и Всемирный почтовый союз. Сотрудничество данных организаций заключается в совместной разработке электронных сообщений, позволяющих осуществлять предварительное консультирование в области почтовых отправлений [6]. Международные конвенции и стандарты ВТО регламентирует в «Соглашении об упрощении процедур торговли (TFA)» и других правоустанавливающих документах.

С созданием ВТО (1995 г.) вступили в силу Соглашение о технических барьерах в торговле (TBT Agreement) и Соглашение о применении санитарных и фитосанитарных мер (SPS Agreement), направленных на устранение технических торговых барьеров. Суть правил, содержащихся в указанных соглашениях, сводится к обязанности членов ВТО перейти на единые международные стандарты при сохранении приоритета стандартных процедур. Иными словами страны, не входящие в ВТО, правилам о гармонизации законодательства в соответствии с правилами международных стандар-

Таблица 1. Цель и задачи проведенного исследования

Цель	Задачи исследования
Систематизация нормативной правовой базы, регулирующей трансграничную электронную торговлю, обусловленной переходом к цифровому таможенному регулированию.	1) анализ существующих правовых режимов, регулирующих правоотношения в сфере трансграничной электронной торговли, с учетом мировых практик цифрового таможенного регулирования; 2) выявление основных предметных направлений, способствующих формированию унифицированного механизма функционирования нормативного правового поля цифрового таможенного регулирования.

тов не следуют, что создает ряд практических проблем. Так, страны-участники ВТО зачастую затягивают процесс унификации национального законодательства или переход на международные стандарты, в отдельных случаях правила и вовсе игнорируются [6]. Такая ситуация вполне объяснима – уровень развития стран-членов ВТО различен, равно как различны и сроки вступления в ВТО. Страны, выигрывающие в экономическом развитии и имеющие большое количество внешнеэкономических партнеров, более лояльны в вопросах формирования норм национального законодательства в соответствии с правилами ВТО. Странам, только вступившим во внешнеторговые отношения, внедрить новые торговые стандарты сложнее с точки зрения законодательной техники и практики реализации.

Отметим, что цифровизация мировой экономики влияет на способы и средства ведения бизнеса и торговли. Одна из ключевых проблем, связанных со способностью существующих торговых правил комплексно решать вопросы электронной торговли, заключается в том, насколько эффективно эти правила позволяют определять, является ли обмениваемый продаваемый продукт товаром, работой или услугой, и позволяют ли правила определять, какие конкретные границы продаваемый продукт пересекает [6]. Эти границы становятся все более размытыми в эпоху цифровой и электронной торговли. Например, бизнес в настоящее время все чаще действуют через глобальные производственно-сбытовые цепочки, в рамках которых компании, распределенные по всему миру, производят различные компоненты (ресурсы, детали и так далее), которые затем поставляются в другие точки, где собирают компоненты в конкретную готовую продукцию.

Еще одной проблемой является то, что быстро развивающиеся операции электронной торговли в значительной степени зависят от доступности данных и информации, что вызывает проблемы сохранения конфиденциальности данных. В существующей на сегодняшний день системе трансграничной электронной торговли различные процессы регистрации документов и авторизации являются громоздкими, эффективность совместного использования записей низкая, а проверка личности затрудненная. Возникают также проблемы и между глобализацией интернета в целом и (часто) внутренними (национальными) ограничительными мерами в отношении данных [7, с. 238].

Современные цифровые сервисы, например сервисы облачных вычислений, играют важную роль в содействии бизнесу в области трансграничной электронной торговли по всей глобальной цепочке поставок, позволяя быстро и эффективно перемещать большие объемы данных между странами. Несколько лет назад группа экспертов из Европейского Союза (далее – ЕС) и США в рамках ВТО предлагала урегулировать тот факт, что данные должны быть включены в традиционный список вопросов, рассматриваемых ежегодно в рамках торговой политики ВТО наряду с перемещением товаров, услуг, людей, капитала [12, с. 914]. Тем не менее, предложение не было поддержано членами ВТО ввиду необходимости проведения правовых проверок трансграничных потоков данных, а также нормативных особенностей регулирования территориальности данных, в частности, для обеспечения конфиденциальности и безопасности их использования.

В этой связи представляет интерес рассмотрение опыта Китайской Народной Республики (далее – Китай), стоящей в арьергарде развития внешнеторговых связей. Началом трансформационных процессов в сфере регулирования транснациональной электронной торговли Китая послужило создание Типовой модели «Шести систем - двух платформ». Данный механизм включает в себя общедоступную информацию, обслуживание финансовых операций в режиме онлайн, интеллектуальную логистику, электронный мониторинг торговых рейтингов, мониторирование статистической информации, систему прогнозирования, контроля и минимизации рисков кибератак, а также платформенную поддержку интегрированных услуг и оффлайновых парков (обеспечение софт и аппаратных устройств). Дальнейшее развитие Китая в сфере транснациональной электронной торговли направлено на снижение тарифов, переход к упрощенному характеру таможенных процедур, минимизацию институциональных затрат, разработку новых торговых технологий и бизнес-решений «для приобретения преимущественной роли в международном экономическом сотрудничестве» [13, с. 501].

В условиях цифровизации, несмотря на имеющиеся экономические выгоды от бесплатных потоков данных, страны ограничивают эти потоки для минимизации потенциальных политических разногласий, связанных с конфиденциальностью информации и кибербезопасностью. На начало 2022 года только страны с наиболее развитой экономикой приняли законы, регламентирующие трансграничные потоки данных. Одним из самых показательных примеров являются правила законодательства ЕС о кибербезопасности, закрепленные в Регламенте 2016/679 Европейского Парламента и Совета от 27 апреля 2016 года о защите физических лиц в отношении обработки персональных данных [8] и о свободном перемещении таких данных и отмене Директивы 95/46/ЕС (Общий регламент по защите данных) (далее – Регламент по защите данных). В данном документе установлены различные условия для трансграничной передачи данных. Например, обычная передача данных разрешена только тем странам, которые имеют такой же уровень защиты данных, как в странах ЕС. Кроме того, данный документ предусматривает стандартные договорные положения и обязательные корпоративные правила, предписывающие отдельным компаниям необходимость соблюдения дополнительных механизмов передачи персональных данных за пределы ЕС, а также право на забвение, позволяющие частным лицам требовать от интернет-платформ удаления ссылок на их данные с невозможностью в дальнейшем отследить их в сети интернет. Цель такого рода ограничений ЕС в области передачи данных вполне объяснима – предотвращение обхода законов ЕС о защите данных и усиление контроля со стороны физических лиц за обработкой персональных данных. Другие страны, такие, как Российская Федерация и Китай, ввели четкие законодательные правила, предписывающие локализацию (в пределах страны) данных для защиты их конфиденциальности.

Выводы

В ходе проведенного исследования были выявлено, что перспективы создания универсального регулирования трансграничной электронной торговли сопряжены со сложными и неопределенными политическими проблемами, что предполагает поиск возможного пути их решения с учетом баланса интересов сторон. Такой подход имеет основополагающее значение для обеспечения унифицированной, согласованной и устойчивой нормативной право-

вой базы в области трансграничной электронной торговли. Являясь ведущей международной организацией в области мировой торговли, ВТО имеет все возможности для проведения ряда необходимых реформ, направленных на соблюдение баланса интересов стран-членов ВТО при одновременном создании универсальной стабильной правовой базы для трансграничной электронной торговли.

Однако, на современном этапе ВТО не самостоятельна в выборе нормативных решений, поскольку ее деятельность базируется на согласованной позиции стран-участников. Поэтому в текущих условиях перспективы создания универсального регулирования трансграничной электронной торговли весьма сомнительны ввиду отсутствия международного консенсуса в вопросах выбора наилучших правовых средств и механизмов для обеспечения конфиденциальности данных.

На сегодняшний день при наличии большого массива нормативных правовых регуляторов трансграничной электронной торговли на уровне международного и национального законодательства, универсальный правовой механизм, обеспечивающий учет национальных интересов государств, защиту информационной безопасности международных торговых сделок, отсутствует, либо находится в стадии совершенствования – адаптации к требованиям цифровым глобализационным процессам.

Пристатейный библиографический список

1. Гладков А. Р., Кецба Б. И., Цыпранюк С. Ю., Жеребень Е. В., Тарасов Н. А., Липатова Н. Г. (ред.). Таможенное сотрудничество стран Евразийского экономического союза. - М.: Россия: РИО Российской таможенной академии, 2020. - 122 с.
2. Коженков А. Ю., Бабенко К. И., Боброва О. Г. Цифровая таможня – современный международный тренд. Сущностные характеристики и прогнозируемые эффекты. Государственное управление Российской Федерации: вызовы и перспективы // Материалы: XV Международная конференция. - М.: Россия: Изд-во «СД», «Университетская книга», 2022. - С. 22-46.
3. Курилова Е. С. История развития и международно-правовое регулирование электронной коммерции // Новое слово в науке и практике: гипотезы и апробация результатов исследований. - 2022. - № 19. - С. 163-168.
4. Лю Я. Доклад об инновационном развитии трансграничной электронной торговли в Китае-2019 // Литературное издательство общественных наук. - 2019. - № 1. - С. 67-89.
5. Маслова Ж. Н. Международные стандарты электронной торговли и перспективы их внедрения в таможенной службе Российской Федерации // Вестник Российской таможенной академии. - 2020. - № 4. - С. 48-54.
6. Official website of the World Trade Organization. (2022). [Электронный ресурс]. Retrieved from http://www.wcoomd.org/en/topics/facilitation/instrument-and-tools/frameworks-of-standards/ecommerce.aspx (дата обращения: 12.02.2025).
7. Polanski P. P., Johnston R. B. International custom as a source of law in global electronic commerce // Proceedings from HICSS: The 35th Annual Hawaii International Conference on System Sciences. Hawaii Island, Hawaii: Los Alamitos. - 2002. - P. 237-256.
8. Regulation (EU) 2016/679 Of the European Parliament and Of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation). (2022). - URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF /?uri=CELEX:32016R0679 (дата обращения: 12.02.2025).
9. Fangyan Zheng, Yunlong Zhu. Intellectual Property Risks and Countermeasures in Cross-Border E-Commerce // International Law. - 2024. - № 1. - P. 66-79.
10. Homonai V. The impact of digitalization on the development of e-commerce and its legal regulation // Herald Series Law. - 2023. - № 2. - P. 293-298.
11. Idam I., Patrick, O., Moneme, Ch., Akpa, T. The Impact of Global Logistics Disruptions on Cross-border E-Commerce Performance: Evidence from Nigeria // Journal of Economics and Trade. - 2021. - № 9 (1). - P. 15-31.
12. Jing Yan. Data privacy regulation and cross-border e-commerce // Empirica. - 2024. - № 5. - P. 913-927.
13. Sirajudeen B. A study on cross-border e-commerce logistics service challenges // Scientific Papers of Silesian University of Technology Organization and Management Series. - 2024. - № 2. - P. 499-514.

МИРЗОЗОДА Шарифджон Бобоюнус
адъюнкт, Факультет подготовки научных и научно-педагогических кадров, Академия управления МВД России

НАРКОМАНИЯ КАК ПРЕДМЕТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ОРГАНИЗАЦИОННОГО МЕХАНИЗМА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ НЕЗАКОННОМУ ОБОРОТУ НАРКОТИКОВ В РЕСПУБЛИКЕ ТАДЖИКИСТАН

В статье рассматривается проблема наркомании в контексте правового регулирования и организационного механизма противодействия незаконному обороту наркотиков в Республике Таджикистан. Анализируются основные законодательные инициативы, направленные на борьбу с наркозависимостью, а также меры по профилактике и реабилитации зависимых. Особое внимание уделяется роли правоохранительных органов и международного сотрудничества в решении данной проблемы. Статья подчеркивает необходимость комплексного подхода, включающего правовые, социальные и образовательные меры, для эффективного противодействия наркомании и снижения её негативных последствий для общества.

Ключевые слова: наркопреступность, незаконный оборот наркотиков, правовое регулирование, организационный механизм, противодействие, безопасность, законодательство, международное сотрудничество.

MIRZOZODA Sharifjon Bobojunus
adjunct, Faculty of Scientific and Scientific-Pedagogical Personnel Training, Academy of Management of the MIA of Russia

DRUG ADDICTION AS A SUBJECT OF LEGAL REGULATION AND ORGANIZATIONAL MECHANISM FOR COUNTERING DRUG TRAFFICKING IN THE REPUBLIC OF TAJIKISTAN

The article examines the problem of drug addiction in the context of the legal regulation and organizational mechanism of countering drug trafficking in the Republic of Tajikistan. The main legislative initiatives aimed at combating drug addiction, as well as measures for the prevention and rehabilitation of addicts, are analyzed. Special attention is paid to the role of law enforcement agencies and international cooperation in solving this problem. The article highlights the need for an integrated approach, including legal, social and educational measures, to effectively counter drug addiction and reduce its negative consequences for society.

Keywords: drug crime, drug trafficking, legal regulation, organizational mechanism, counteraction, security, legislation, international cooperation.

Наркомания представляет собой одну из наиболее острых социальных проблем, затрагивающих многие страны, включая Республику Таджикистан. Данная болезнь негативно сказывается на здоровье населения и безопасности общества. По данным различных исследований, в Таджикистане наблюдается рост наркозависимости, особенно среди молодежи, что реально угрожает генофонду нации и демографическому потенциалу страны [1, с. 77].

Употребление наркотиков оказывает катастрофическое влияние на здоровье человека, приводит к серьезным социальным и медицинским последствиям, включая увеличение заболеваний, передающихся половым путём, таких как ВИЧ и гепатит.

Помимо этого, в Таджикистане наблюдается рост случаев заражения ВИЧ и другими инфекциями, связанными с инъекционным употреблением наркотиков. Недостаток медицинской помощи и низкий уровень осведомленности о последствиях употребления наркотиков только усугубляют проблему.

Люди, страдающие от наркозависимости, часто подвергаются стигматизации и дискриминации, что затрудняет их доступ к необходимой медицинской помощи и программам реабилитации. Социальная изоляция лишь усиливает их уязвимость, создавая замкнутый круг, из которого крайне сложно выбраться.

В части географического положения республики, следует отметить, что Таджикистан находится на маршруте международной наркоторговли, начальный пункт, которого находиться в Афганистане, который является одним из главных производителей опиума в мире [2]. Это превращает страну в важный транзитный пункт, что создает дополнительные сложности в борьбе с наркотиками на местном уровне, о чем свидетельствует отчет Управления ООН по наркотикам и преступности (UNODC) за 2021 год [3], согласно, которого Таджикистан продолжает оставаться транзитной страной для наркотиков, в первую очередь героина и опиума, поступающих из соседнего Афганистана, что усугубляет ситуацию с наркоманией, так как наркоторговля и доступность наркотиков становятся все более распространенными.

Таким образом, расположение Таджикистана рядом с крупными производителями наркотиков делает его уязвимым к наркоторговле и злоупотреблению психоактивными веществами. В ответ на эти вызовы, правительство и общественные организации страны принимают комплексные меры, направленные на противодействие наркомании, стимулирующий незаконный оборот наркотиков, включая профилактику, лечение, реабилитацию и снижение предложения наркотиков. Последнее должно способствовать падению спроса на наркотики и иные запрещенные психоактивные вещества, а это и есть то самое неблагоприятное для наркобизнеса обстоятельство.

Наркомания, наркозависимость собственно, то провоцирующее социальное явление, что движет незаконным оборотом наркотиков во всем мире. При этом высокая доходность данной незаконной деятельности и прочие факторы, относительно наркозависимости как первопричины являются побочными, ибо не будь этой болезненной зависимости, не будет спроса на ее удовлетворение. Поэтому П. В. Тепляшин и Е. А. Фёдорова в качестве одного из признаков транснациональной наркопреступности указывают ее цель – увеличение наркопотребления и спроса на психоактивные вещества [4, с. 69-70].

Население Таджикистана в большей степени из-за указанного географического расположения подвержено наркотизации и криминализации, а социально-экономические проблемы усиливают этот негативный фактор, которыми

умело, пользуется наркобизнес. Эти проблемы существуют, но их источниками является наркомания, которая, с одной стороны «порабощает» поддающихся ее влиянию граждан, с дорогой – стимулирует развитие наркобизнеса. Поэтому, Таджикистан, используемая транснациональной наркопреступностью не только в качестве страны-транзитера, но и, как страны-потребителя, делает её особенно уязвимой к незаконному обороту наркотиков.

Как отмечают Ширинова А. А. и Спасенников И. Г., для успешного противодействия незаконному обороту наркотиков необходим комплексный подход, сочетающий правовые, социальные и образовательные меры [5, с. 143].

В этом контексте правоохранительные структуры играют важную роль в обеспечении безопасности населения и охране общественного здоровья. Приоритетным направлением в данной сфере является профилактика наркомании и «питающее» ее незаконный оборот наркотиков. Нельзя недооценивать роль, значение и вклад общественности и государственных органов, не являющихся по роду деятельности правоохранительными.

Профилактика играет ключевую роль в снижении уровня наркомании. Государственные учреждения совместно с неправительственными организациями реализуют программы, направленные на информирование населения республики, особенно молодежи о вреде наркотиков. Образовательные кампании проводятся в учебных заведениях, где учащимся разъясняются последствия употребления наркотических веществ, так как образование и информирование населения о вреде наркотиков являются основополагающими для решения проблемы. Важно, при этом, организовывать просветительские кампании, ориентированные на молодежь, чтобы предотвратить начало употребления наркотиков. Дошкольные, средние общеобразовательные, высшие и прочие учебные заведения должны стать центрами, где молодые люди смогут обсуждать эту проблему и формировать здоровые привычки.

Между тем, средства массовой информации активно используются для распространения информации о вреде наркомании. Организуются семинары и тренинги, на которых обсуждаются темы здорового образа жизни и умения противостоять давлению со стороны сверстников.

Развитие системы лечения и реабилитации зависимых является стратегически важной частью борьбы с наркоманией. В Таджикистане существуют специализированные медицинские учреждения, предлагающие комплексные программы лечения, включая детоксикацию, медикаментозное лечение и психологическую поддержку. В последние годы наблюдается рост частных реабилитационных центров, предлагающих альтернативные методы, такие как арт-терапия и групповые занятия. Однако остаются проблемы с доступностью и качеством медицинских услуг, особенно в удалённых регионах, которые в инвестиционном плане не являются столь привлекательными как столица и областные центры.

Наиболее распространёнными наркотиками в Таджикистане являются героин и опий, а также синтетические вещества. Героин, получаемый из опийного мака, как наиболее востребованный наркотовар представляет собой одну из главных угроз для здоровья населения. Кроме того, в последние годы наблюдается рост потребления синтетических наркотиков, таких как амфетамины и кокаин.

В этой связи следует отметить, что согласно различным исследованиям, уровень наркозависимости в стране продолжает расти. Наиболее уязвимой группой являются молодые люди в возрасте от 18 до 30 лет, которые ещё находятся на стадии формирования жизненных устоев.

Одной из ключевых причин распространения наркотиков в Таджикистане является уровень экономического благополучия небольшой части населения и безработица, что позволяет наркоторговцам использовать этот человеческий ресурс в своих корыстно-преступных целях. Эта категория граждан делается более восприимчивым к манипуляциям со стороны наркоторговцев. Безработица, отсутствие стабильности и низкий уровень жизни способствуют тому, что многие молодые люди рассматривают наркотики как способ избежать сложностей повседневной жизни.

Государственные структуры Республики Таджикистан осознают масштабы и угрозы рассматриваемой проблемы и предпринимают действенные шаги для ее решения. Разработаны различные программы, направленные на борьбу с наркозависимостью и реабилитацию зависимых.

Важным шагом в борьбе с наркоманией стало создание прочной правовой основы. Республика Таджикистан активно развивает законодательство для противодействия незаконному обороту наркотиков и наркопреступности. Это включает в себя не только уголовные меры, но и профилактику, лечение и реабилитацию наркозависимых. Поэтому действуют законы, касающиеся контроля за оборотом наркотиков, в том числе Уголовный кодекс [6], принятый 01.12.1998 г., играет центральную роль в противодействии незаконному обороту наркотиков на правовом уровне, реализуемое посредством установления строгих наказаний за производство и распространение наркотических средств, психотропных прочих запрещенных веществ.

В 2003 г. был принят Закон Республики Таджикистан «О наркотических средствах и психотропных веществах» [7], который регулирует оборот наркотиков и устанавливает правила для их легального использования, определяет порядок контроля за наркотическими средствами и включает перечень веществ, подлежащих контролю.

Помимо этого, в целях искоренения наркомании в республике в 2004 г. был создан координационный совет по профилактике злоупотребления наркотиками [8].

В 2012 г. была разработана Национальная стратегия по борьбе с наркотиками на 2013-2020 годы [9]. Данная стратегия включает комплекс мер, направленных на снижение спроса и предложения наркотиков, а также на развитие системы лечения и реабилитации наркозависимых. Она акцентирует внимание на важности международного сотрудничества в борьбе с наркопреступностью.

Следует также упомянуть о Законе Республики Таджикистан «О борьбе с организованной преступностью», принятый в 2013 г. [10], который также играет значительную роль, позволяя правоохранительным органам более эффективно действовать против преступных групп, занимающихся наркоторговлей.

Таким образом, законодательство Республики Таджикистан в сфере борьбы с наркотиками создает прочную основу для решения данной проблемы. Однако успешная реализация норм требует активного участия правоохранительных органов, поддержки со стороны общества и международного сотрудничества.

Помимо этого, в рамках действующего законодательства разработаны программы, направленные на профилактику наркозависимости. Эти инициативы поддерживаются как государственными, так и неправительственными организациями и включают образовательные мероприятия для молодежи.

Правительство Республики Таджикистан активно борется с наркопреступностью, создавая специализированные подразделения, например, Антинаркотический центр МВД.

Международное сотрудничество также играет важную роль. Таджикистан активно взаимодействует с ООН, СНГ и другими международными организациями, что способствует получению ресурсов для борьбы с наркоторговлей и разработки профилактических программ. Это также способствует улучшению реализации механизмов противодействия с незаконным оборотом наркотиков.

Международно-правовыми основами данного сотрудничества в указанной сфере служат следующие конвенции:

– Единая конвенция о наркотических средствах 1961 года состоит из четырёх Списков – I, II, III, IV, которые содержат перечень наркотических средств, в том числе находящиеся под международным контролем препараты.

– Конвенция о психотропных веществах 1971 года, также содержит четыре Списка I-IV, в которых перечисляются психотропные вещества.

– Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 года, состоит из двух Таблиц – I, II, перечисляющие препараты, которые часто применяются при изготовлении наркотических средств и психотропных веществ, что обуславливает необходимость международного контроля.

В настоящее время действует Национальный список наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров Республики Таджикистан [11], в который входят отдельные перечни наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров.

В последние годы, в процессе сотрудничества республики с указанными международными организациями, увеличилось количество операций по задержанию наркоторговцев и уничтожению плантаций наркотиков. Правоохранительные органы Таджикистана добились значительных успехов в противодействии с незаконным оборотом наркотиков. Создание специализированных подразделений, таких как Антинаркотический центр, позволило сосредоточить усилия и повысить эффективность операций. За последние годы удалось существенно снизить объемы незаконного оборота наркотиков и уменьшить уровень наркозависимости в стране.

Для снижения предложения наркотиков Республика Таджикистан усиливает контроль на границах и проводит операции по пресечению наркоторговли. Специальные подразделения правоохранительных органов (ГКНБ, МВД) активно борются с организованной преступностью, связанной с наркотиками. Увеличены масштабы рейдов и операций по выявлению и уничтожению плантаций наркотических растений, таких как мак и конопля.

Таким образом, правоохранительные органы Республики Таджикистан играют ключевую роль в противодействии незаконному обороту наркотиков. Их работа охватывает широкий спектр мероприятий - от оперативной деятельности до профилактики и международного сотрудничества. Кроме того, изменения в глобальной наркоситуации требуют адаптации методов работы правоохранительных органов. Для дальнейшего улучшения ситуации в стране необходимо продолжать усилия по повышению эффективности правоохранительных органов и укреплению взаимодействия с международными партнёрами, что будет способствовать безопасному будущему для населения.

Однако, несмотря на предпринимаемые меры, процесс противодействия незаконному обороту наркотиков сталкивается с серьёзными препятствиями. К ним относятся нехватка финансирования, недостаток квалифицированных кадров и коррупционные проявления, которые могут подрывать доверие граждан к правоохранительной системе. Кроме того, изменение глобальной наркоситуации, включая появление новых синтетических наркотиков, отмывание (легализация) преступно добытых денег, требует от правоохранительных органов постоянного совершенствования методов работы.

С учетом вышеизложенного, для эффективного решения проблемы наркотизации населения в Республике Таджикистане требуется комплексный подход и активное участие всех слоев общества. Объединение усилий государства, международных организаций и гражданского общества необходимо для разработки эффективных стратегий и программ. Только совместными усилиями, возможно, сократить масштабы наркозависимости и создать более здоровое будущее для молодежи страны. Между тем, несмотря на сложные вызовы, страна продолжает предпринимать усилия для улучшения ситуации и защиты населения от последствий наркомании.

Комплексный подход в сфере противодействия наркомании в Республике Таджикистан включает законодательные инициативы, профилактические меры, лечение наркозависимых и международное сотрудничество. Реализация данных мероприятий возможно только при наличии эффективного правового регулирования и организационного механизма противодействия незаконному обороту наркотиков, что позволит значительно снизить количество наркозависимых и улучшить качество жизни граждан.

Пристатейный библиографический список

1. Бунова И. И., Котяжков А. В. О тенденциях раскрытия и расследования преступлений, совершенных организованными группами и преступными сообществами, в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров // Труды Академии управления МВД России. Выявление, раскрытие и расследование преступлений. - 2019. - № 4 (52). - С. 76-81.
2. Официальный сайт Министерства иностранных дел Республики Таджикистан. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://mfa.tj/ru/view/149/tadzhiksko-afganskaya-gosudarstvennaya-granisa (дата обращения: 05.08.2024).
3. Управление ООН по наркотикам и преступности (UNODC). «World Drug Report 2021».
4. Тепляшин П. В., Фёдорова Е. А. Транснациональная наркопреступность: понятие, признаки, детерминанты и отдельные направления противодействия // Криминология: вчера, сегодня, завтра (Криминология оборота одурманивающих средств). - 2017. - № 3 (46). - С. 68-74.
5. Ширинова А. А., Спасенников И. Г. Наркобизнес: понятие, состояние, проблемы и способы противодействия // Международный научный журнал «Символ науки». - 2023. - № 10-2. - С. 141-144.
6. Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 (ред. 02.01.2019 г.) // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. - 1998. - № 9.
7. О наркотических средствах, психотропных веществах и прекурсорах: Закон Республики Таджикистан за № 873 от 10.12.1999 г. (Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан 1999 год, №12, ст. 312; 2002 год, №4, ч-1, ст. 266, 2006 год, №4, ст. 192; 2007 год, №7, ст. 661).
8. Об образовании координационного Совета по профилактике злоупотребления наркотиками: Указ Президента Республики Таджикистан от 03.04.2004 г., № 1310.
9. Указ Президента Республики Таджикистан № 1409 от 13 февраля 2013 года, «Национальная стратегия по борьбе с незаконным оборотом наркотиков в Республике Таджикистан на 2013-2020 годы».
10. О борьбе с организованной преступностью: Закон Республики Таджикистан от 28 декабря 2013 г. № 1038 (ред. 15.03.2016 г.) // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. - 2013. - № 12. - Ст. 882.
11. Национальный список наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров Республики Таджикистан, утвержден постановлением Правительства Республики Таджикистан от 27.02.2020 г. № 121. Официальный сайт Агентства по контролю за наркотиками при Президенте Республики Таджикистан. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://akn.tj/ru/2020/04/09/national-list-of-narcotic-drugs-psychotropic-substances-and-their-precursops/ (дата обращения: 05.08.2024).

СИМОНОВ Роман Михайлович
аспирант, Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О ЗАКУПКАХ В РОССИИ И В КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

В статье проведен сравнительный анализ закупочных систем Российской Федерации и Китайской Народной Республики (далее – КНР). Актуальность работы заключается в сопоставлении закупочных систем двух дружественных государств, являющихся членами БРИКС. Целью анализа является сравнение правового регулирования закупочной деятельности в КНР и России для понимания и совершенствования модели их взаимодействия. В статье применены методы формальной и диалектической логики, сравнительно-правовой, структурно-логический, синергетический метод. В результате сделан вывод о схожести моделей закупочной деятельности, что, в свою очередь, может служить основанием для развития экономических отношений между странами за счет данной отрасли.

Ключевые слова: публичные закупки, антикоррупционная политика, торги, тендер, закупки в КНР.

SIMONOV Roman Mikhaylovich
postgraduate student, All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)

PROCUREMENT LEGISLATION IN RUSSIA AND THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA: A COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

The article provides a comparative analysis of the procurement systems of the Russian Federation and the People's Republic of China (hereinafter referred to as the PRC). The relevance of the work lies in comparing the procurement systems of two friendly states that are members of BRICS. The purpose of the analysis is to compare the legal regulation of procurement activities in the PRC and Russia to understand and improve the model of their interaction. The article applies the methods of formal and dialectical logic, comparative legal, structural and logical, synergetic method. As a result, a conclusion is made about the similarity of procurement models, which, in turn, can serve as a basis for the development of economic relations between the countries through this industry.

Keywords: public procurement, anti-corruption policy, bidding, tender, procurement in China.

Закупки товаров работ и услуг для нужд государства принято считать одним из ключевых инструментов государственного регулирования, который способен обеспечивать развитие конкурентоспособного сектора предпринимательства в государстве, что в свою очередь, очевидным образом отражается на экономическом потенциале страны. Сфера публичных закупок – универсальный сегмент в обоих государствах – и в Российской Федерации, и в КНР.

Систему российского законодательства о закупках можно представить как сложный механизм, состоящий из множества частей, каждая из которых играет свою уникальную роль.

Процесс формирования законодательного регулирования закупочной деятельности в России начался с принятием первого постановления Совета Министров РСФСР в 1992 году. С развитием рыночной экономики и систематизацией закупочной деятельности возникла необходимость интеграции международных норм, в связи с чем в 2002 году был принят обновленный Федеральный закон № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг». Между тем сохранялась актуальная проблема, выраженная в многочисленных законодательных и подзаконных правовых актах, что раздувало всю систему, усложняя ее регулирование.

Принятие Федерального закона № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»[1], а еще раньше Федерального закона № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц»[2] стало новым этапом развития современной системы публичных закупок в нашей стране, поскольку процесс закупок стал более прозрачным и доступным для малого и среднего предпринимательского сегмента.

В настоящее время на законодательном уровне закреплено, что закупочная система должна соответствовать содержанию принципов открытости и прозрачности, обеспечить формирование надлежащей конкурентной среды, повышению эффективности экономики [2].

Требования предъявляются и к информационным параметрам системы: все процессы закупок должны быть открыты для общественного контроля, это достигается через обязательную публикацию[3] в открытых информационных системах – Единая информационная система в сфере закупок (далее – ЕИС), а именно размещение информации о проведении торгов и заключенных контрактах. ЕИС становится ключевым инструментом в области контроля за закупками. Эта система не только собирает массивы данных, но и служит механизмом для повышения прозрачности и снижения коррупционных рисков в закупочной деятельности.

1 О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ (ред. от 26.12.2024) // Рос. газ. – 2013. – 8 апреля.

2 О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц: Федеральный закон от 18.07.2011 № 223-ФЗ (ред. от 30.11.2024) // Рос. газ. – 2011. – 22 июля.

3 Ввод в эксплуатацию единой информационной системы в сфере закупок (ЕИС) 30 ноября 2015 // Официальный сайт Федерального казначейства: сайт. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://roskazna.gov.ru/novosti-i-soobshheniya/novosti/1106986/ (дата обращения: 13.02.2025).

ЕИС служит центральной точкой для взаимодействия различных контрольных органов, таких как Федеральная антимонопольная служба (далее – ФАС), прокуратура и контрольно-счетные палаты. Например, ФАС использует данные из ЕИС для анализа конкурентной среды, выявления антиконкурентных соглашений и осуществления мониторинга ценовых параметров в проведении закупок.

Одним из ярких примеров успешного внедрения ЕИС стало упрощение и ускорение процесса проведения аудитов. Контрольные органы начали применять электронные методы работы с данными — получая доступ к материалам через ЕИС, они могут быстро собирать всю необходимую информацию для анализа. К примеру, в 2022 году было проведено 1500 проверок, основанных на данных ЕИС, что на 30 % превышает аналогичные показатели предыдущего года.

Между тем ЕИС пока еще налажена не идеально, фиксируются технические сбои. Допускается дублирование представленной информации федеральными и региональными информационными системами, что является самостоятельной актуальной проблемой.

Таким образом, система закупок в России предусматривает консолидацию бизнеса различных размеров в данном процессе, формирование стимулов инновационного развития, соблюдения экологических стандартов при выборе поставщиков, обеспечение защиты прав потребителей.

В Российской Федерации в настоящее время сохраняет свою актуальность перечень проблемных вопросов в обозначенной области. Помимо цифровой сферы, в свою очередь, необходимо отметить проблемы, связанные с обеспечением баланса при формировании современной модели государственного контроля и надзора в данной сфере.

Российская модель контроля сложна в контексте количества контролирующих органов, включая в себя контрольные органы исполнительной власти, уполномоченные на осуществление контроля в сфере закупок, контрольные органы в сфере государственного оборонного заказа. Система контроля включает систему органов, отражающую федеративное устройство государства. Казначейский контроль в этой системе играет особую роль, являясь органом правоприменения.

Система контроля налажена в части внутреннего государственного (муниципального) финансового контроля, определенного в соответствии с Бюджетным кодексом Российской Федерации. Подконтрольными являются заказчики, контрактные службы, контрактные управляющие, комиссии по осуществлению закупок и ее члены, уполномоченные органы, учреждения, специализированные организации, операторы электронных площадок, банки.

Другой немаловажной проблемой закупок является то обстоятельство, что российская система госзакупок недостаточно учитывает экологические аспекты. В результате закупаются товары и услуги, которые не соответствуют современным требованиям устойчивого развития.

Помимо этого, несмотря на действующий приоритет российских товаров в закупках, значительная часть закупаемой продукции всё ещё производится за рубежом. Это ослабляет внутренний рынок и делает страну зависимой от импорта [4].

Таким образом, интеграция лучших мировых практик в правовую систему России является в настоящий момент насущной необходимостью и в своей основе должна стать шагом к созданию более эффективной, прозрачной и устойчивой системы государственных закупок. С помощью применения практик государств-союзников видится возможным найти подход к обозначенным ранее проблемам.

Закупки товаров, работ и услуг играют ключевую роль и в государственной политике Китая, выступая одновременно в качестве рыночного инструмента для достижения эффективного развития экономической части страны, в связи с чем составляет значительную долю государственного бюджета.

Рынок государственных закупок Китая в настоящее время регулируется двумя основными законодательными актами: Закон о государственных закупках Китайской Народной Республики[4] и Закон КНР о проведении тендеров и торгов[5], которые регулируют все закупки, осуществляемые органами государственной власти.

Правительство Китая оценивало рынок, охватываемый закупками, примерно в 180 миллиардов долларов в 2011 году в то время, как внешние оценки размера рынка, охватываемого закупками, достигали 1 триллиона долларов в год. По данным Министерства финансов КНР в 2019 году рынок закупок центрального правительства Китая вырос до 478 миллиардов долларов. Если включить продажи государственным предприятиям, стоимость рынка еще выше: с 2019 года по июнь 2020 года расходы на закупки центральных государственных предприятий составили 2,15 триллиона долларов[6].

Государственные предприятия, находящиеся в собственности и управлении центрального правительства, обладают огромным экономическим потенциалом и являются лидерами в нескольких мировых отраслях. Из 124 китайских компаний, включенных в список Fortune Global 500, более 70 % являются государственными предприятиями. Китайское правительство оказывает значительное влияние на распределение капитала и коммерческие решения государственных предприятий, что делает его влияние на поставщиков и конкурентов государственных предприятий уникальным [3].

В части цифрового аспекта необходимо отметить Электронные закупки[7] — China Government Procurement Network. В 2012 году в Китае создана центральная платформа для государственных закупок, которая позволяет органам власти и частным компаниям взаимодействовать в режиме онлайн [1]. Вся информация о тендерах и контрактах размещается на центральной платформе, доступной для всех заинтересованных сторон.

Как и в России, законодательство Китая строится на следующих принципах осуществления государственных закупок: открытость, прозрачность, добросовестная конкуренция, беспристрастность, равенство и добровольность.

4 The Government Procurement Law of the People's Republic of China / Adopted at the 28th Meeting of the Standing Committee of the Ninth National People's Congress on June 29, 2002 and promulgated by Order No. 68 of the President of the People's Republic of China on June 29, 2002): сайт. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://roszakupki.ru/upload/iblock/095/content_75023.pdf?ysclid=m4yabjydbj786745694 (дата обращения: 13.02.2025).

5 Law of the People's Republic of China on Tenders and Bids - 2000: сайт. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lehmanlaw.com/resource-centre/laws-and-regulations/tenders-and-bids/law-of-the-peoples-republic-of-china-on-tenders-and-bids-2000.html (дата обращения: 13.02.2025).

6 Government Procurement and Sales to State Owned Enterprises in China Challenges and Best Practices | September 2021: сайт. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.uschina.org/wp-content/uploads/2021/09/uscbc_government_procurement_report_2021.pdf (дата обращения: 13.02.2025).

7 China State Council (2020). «The Role of E-Procurement in Improving Transparency and Reducing Corruption»: сайт. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gov.cn (дата обращения: 13.02.2025).

КНР четко ориентирует систему закупок на сокращение технологической и финансовой зависимости национального производства от иностранных источников ресурсов и капитала. Вторая задача состоит в развитии национальной модели закупок, ориентированной на государственную поддержку экспорта. Культивируется подход, направленный на формирование приемлемых коммерческих условий, в том числе в ценовой политике.

Чтобы делать бизнес в Китае, надо знать алгоритм последовательного взаимодействия с заинтересованными сторонами, выстроить коммуникации и знать приемы успешной работе на рынке государственных закупок Китая. В статье 26 Закона о государственных закупках Китайской Народной Республики установлены несколько видов проводимых торгов. К ним относятся: публичные торги, селективные торги, конкурентные переговоры, закупки у единственного поставщика, запрос котировок. Помимо этого, необходимо отметить, что в систему участников закупок в Китае входят закупающие организации, поставщики и закупочные агентства. Кроме того, среди поставщиков могут быть и иностранные организации, однако, предпочтение отдается отечественным поставщикам.

Закупочная система в КНР несет в себе ряд преимуществ, но, несмотря на положительные факторы, отмечаются такие проблемы, как фрагментация рынков, неравномерный доступ к информации и отсутствие прозрачности в определении критериев победителей торгов. Объявления о тендерах зачастую отличаются неопределенностью и недостаточностью информации, что создает трудности для потенциальных поставщиков в определении актуальности конкретного проекта. Отмечается также отсутствие эффективного процесса обжалования результатов закупок, что снижает уровень конкуренции.

Таким образом, китайская модель больше ориентирована на внутреннего производителя, в частности, и для бизнеса в то время, как в Российской Федерации допускается участие иностранных поставщиков, а также действует принцип свободы договора между юридическими лицами.

Антикоррупционные механизмы выстроены в обоих государствах, хотя, как известно, в КНР коррупция искореняется карательными методами, установленными в Уголовном кодексе КНР (далее – УК КНР).

Ядром нормативно-правового регулирования сферы противодействия коррупции является УК КНР[8], а также следующие Законы: Закон КНР «О контроле» от 20.03.2018, Закон КНР «О недобросовестной конкуренции» от 02.09.1993, Закон КНР «О борьбе с отмыванием денег» от 31.10.2006, а также постановления Государственного совета КНР (Правительство) и подведомственных ему органов в сфере борьбы с взяточничеством, разъяснения Верховного народного суда КНР по вопросам применения норм антикоррупционного законодательства[9]. В КНР сложилась система постоянной ротации кадров на государственной службе, препятствующая формированию и укоренению коррупционных связей.

Как видим, модели закупок, выстроенные в обоих государствах, имеют ряд сходных черт и в приоритетных целях, и в средствах достижения этих целей. Углубляющееся сотрудничество обоих государств потребует более детального и обстоятельного изучения скрытых механизмов развития закупочной деятельности, нахождения наиболее приемлемых шагов, ведущих к укреплению торговых связей между государствами.

Пристатейный библиографический список

1. Борисова В. В., Цзя Сюедун Государственный прокьюремент в Китае и единство логистических потоков // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). – 2020. – № 1 (69). – С. 24-30.
2. Матвеева Н. С., Попов В. В., Рыбальченко И. В. Государственные и муниципальные электронные закупки: учебник / Под общ. ред. Н. С. Матвеевой. – Москва: КноРус, 2022. – 265 с.
3. Умнова М. Г., Лю Ясинь Государственные закупки в Китае: роль цифровых инструментов и платформ в поддержке малого и среднего бизнеса // Вопросы инновационной экономики. – 2022. – Том 12, № 4. – С. 2087-2102.
4. Яковлев А. А., Балаева О. Н., Родионова Ю. Д., Ткаченко А. В. Проблемы и эффективность госзакупок глазами их участников // ЭКО. – 2020. – № 11. – С. 83-103.

8 Criminal Law of the People's Republic of China: сайт. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.cecc.gov/resources/legal-provisions/criminal-law-of-the-peoples-republic-of-china (дата обращения: 13.02.2025).

9 Посольство России в Китае: сайт. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://beijing.mid.ru/ru/poleznye_ssylki/rossiyskomu_biznesu/sovety_biznesu/informatsiya_ob_antikorruptsionnom_zakonodatelstve_knr/ (дата обращения: 13.02.2025).

АЛИМОВА Алина Ильдусовна
преподаватель кафедры административно-правовых дисциплин, Уфимский юридический институт МВД России

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ И ЕЕ ПРИЗНАКАХ

Миграция населения в настоящее время представляет собой весьма актуальную тему для большинства стран мира. В данной статье проведен анализ понятий «миграция населения» и «миграционная политика», исследованы виды миграции, рассмотрены тенденции миграционной политики России, ее основные признаки и правовое регулирование. В работе рассматриваются актуальные проблемы, стоящие перед государством в области миграции, а также возможные пути их решения. Российская Федерация, обусловленная своей географией, политической ситуацией и местом на международной арене, всегда активно участвовала и продолжает участвовать в миграционных процессах. Это обстоятельство подчёркивает необходимость в системном управлении миграционными потоками и проведении эффективной миграционной политики.

Ключевые слова: миграция, миграция населения, миграционная политика, международная миграция, миграционные потоки, виды миграции, признаки миграции.

ALIMOVA Alina Ildusovna
lecturer of Administrative and legal disciplines sub-faculty, Ufa Law Institute of the MIA of Russia

ON THE CONCEPT OF MIGRATION POLICY AND ITS FEATURES

Migration of the population is currently a very relevant topic for most countries of the world. This article analyzes the concepts of "population migration" and "migration policy", examines the types of migration, examines the trends of Russia's migration policy, its main features and legal regulation. The paper examines the current problems facing the state in the field of migration, as well as possible ways to solve them. The Russian Federation, due to its geography, political situation and She has always actively participated and continues to participate in migration processes. This circumstance highlights the need for systematic management of migration flows and effective migration policy.

Keywords: migration, population migration, migration policy, international migration, migration flows, types of migration, features of migration.

С момента своего появления человечество находится в непрерывном движении: естественном (рождение и смерть), социальном (изменение статуса, профессии, сферы занятости), миграционном (перемещение из одного территориального субъекта в другой, пересечение границ). Именно благодаря миграции (от лат. migratio – переселение) произошло распределение населения по всей планете, а современный облик мира иллюстрирует результаты миграционных процессов. Таким образом, миграция играет одну из ключевых ролей в жизни общества и является одной из приоритетных тем. Вопросы формирования миграционной политики злободневны для всего мира [1, с. 207].

Понятие «миграционная политика» известно из научных трудов стран Запада, и возникло задолго до появления этого термина в России. Понятие «миграция» появилось в конце XIX века. Британский географ Е. Равенштейн первым дал ее научное определение [2].

Тем не менее, в России использовались другие названия для естественного процесса перемещения людей, например, «переселенцы», «переселенческое дело» или «рациональное размещение производительных сил». Со временем термин «миграция» утвердился в России благодаря его заимствованию отечественными учеными, журналистами и появился в законодательстве к концу 1990-х годов, когда массовые потоки вынужденных мигрантов из стран бывшего СССР стали актуальной проблемой для государства. В связи с изменением общеполитической обстановки, страна стала активно участвовать в международных миграционных процессах, таких как постоянная, трудовая, транзитная и нелегальная миграция, появился новый термин – ближнее зарубежье, что сделало миграционный обмен особенным на территории постсоветского пространства. В связи с отсутствием опыта и законодательной базы в области миграции, беженцы из стран ближнего зарубежья лишь проходили регистрацию в органах внутренних дел, однако с резко возросшим потоком мигрантов перед государством остро встала проблема их приема, регистрации и адаптации. В новых условиях возникла необходимость в формировании новой миграционной политики государства и 14 декабря 1991 года Президентом РСФСР впервые издано Распоряжение № 123-рп «Об организации работы по оказанию помощи беженцам и вынужденным переселенцам, а 19 февраля 1993 года принят Федеральный закон № 4528-1 «О беженцах», определивший их правовой статус на территории России.

Основные направления миграционной политики России были впервые сформулированы в долговременной программе «Миграция», утвержденной Постановлением Правительства РФ от 18 мая 1992 г. № 327 «О Республиканской долговременной программе Миграция». Указом Президента Российской Федерации от 14.06.1992 № 626 «О Федеральной миграционной службе России», практически в условиях чрезвычайной ситуации была создана Федеральная миграционная служба России, на которую были возложены функции головного и координирующего органа по миграционной политике. Наличие территориальных миграционных служб во всех субъектах Российской Федерации позволило организо-

вать систему сбора подобных данных. Регистрация проводилась в разрезе областей, краев и республик Российской Федерации [3].

Сегодня, в соответствии со ст. 15 Конституции РФ общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации (включая вопросы миграции), являются составной частью ее правовой системы, а вопросы миграции в РФ регулируются, в том числе и Концепцией государственной миграционной политики РФ на 2019-2025 годы, которая была утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31 октября 2018 г. № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019-2025 годы».

Как правило, миграция является следствием стремления получить гражданство, либо временную работу или образование [4]. Если обратить внимание на существующие виды миграции населения, то очевидно, что основными являются географические или пространственные признаки, определяющие внешнюю, внутреннюю и транзитную миграцию. Главным критерием является процесс перемещения через административные или государственные границы. Пересечение любой государственной границы можно отнести к внешней (международной) миграции. Соответственно, внутренняя миграция характеризуется перемещением населения внутри одного государства, между административными центрами и различными населенными пунктами. Внутренними мигрантами считаются граждане, сменившие регион регистрации по месту жительства или месту пребывания.

Внутренняя миграция в свою очередь делится еще на несколько типов: внутрирегиональная, межрегиональная и транзитная. Целью транзитной миграции является пересечение государственной границы для достижения конечного пункта назначения. Например, временное нахождение иностранных граждан на территории определенного государства обусловлено такими причинами, как пересадка на другой рейс или вынужденное пересечение государственных границ, расположенных по маршруту следования, с последующим перемещением в другое государство. Соблюдение правил и требований транзитной миграции позволяет избежать неприятностей с законом и обеспечить успешное пересечение границы.

Внутрирегиональной миграции присуще передвижение населения в пределах отдельного региона страны между разными населёнными пунктами, включая города, поселки городского типа, сельскую местность и другие административные единицы, а перемещение между разными регионами одной страны относится к межрегиональной миграции. Примером межрегиональной миграции является переезд из менее развитых регионов в мегаполисы, такие как Москва, Санкт-Петербург или Краснодарский край. Эти регионы входят в число лидеров по миграционному притоку населения в России. Такой вид миграции, прежде всего, направлен на улучшение условий жизни для переезжающего, но он порождает и негативные факторы, к которым можно отнести наличие субъектов с высоким оттоком населения, например, северо-восточные территории с суровой зимой, дождливым летом, плохой инфраструктурой.

Кроме того, различают миграцию в зависимости от временных характеристик: постоянную, временную, маятниковую и сезонную. Постоянная миграция, или долгосрочная, означает прибытие или отъезд гражданина, с пересечением границы страны более чем на 1 год. Некоторые трудовые мигранты переезжают на постоянное место жительства в страну, куда они изначально приехали на временную работу, но со временем могут получить гражданство и остаться навсегда. По согласованию со страной, направляющей мигрантов, Российская Федерация отдает предпочтение высококвалифицированным и квалифицированным специалистам, имеющим соответствующий образовательный и культурный уровень [5, с. 429]. Временная же миграция характеризуется фактором пребывания иностранца в чужом государстве не более одного года.

Маятниковая миграция получила свое название за аналогию с маятником, который постоянно движется туда и обратно. Она характеризуется регулярными поездками людей из одного места жительства в другое, в связи с работой, учебой или другими обстоятельствами. Это регулярное перемещение людей между домом, работой или учебой. Вахтовый метод работы является ярким примером данного вида миграции.

Перемещение людей в определенные времена года для определенных целей, таких как отпуск или каникулы относят к сезонной миграции. Многие меняют место проживания с учетом времени года, чтобы работать в туристической сфере. Например, горничные, официанты и гиды могут приезжать на курорты в летний сезон, а инструкторы по зимним видам спорта – в горнолыжные районы зимой. Эти примеры демонстрируют, как сезонность влияет на временные перемещения людей в различных сферах деятельности.

Если рассмотреть вышеуказанные признаки в более узком формате, то можно выделить еще одни признак – целевой (мотивационный). Так, основными целями трудовой миграции является поиск работы с более высокой оплатой, а дополнительными могут выступать желание изменить условия проживания или климат.

Представляется логичным отдельно выделить образовательную миграцию, которая возникает из-за потребности в получении образовательных услуг и повышении квалификации. Помимо основного образования, образовательная миграция может включать прохождение практики, курсов, получение дополнительных знаний и использование других методов повышения уровня профессиональной подготовки.

Существует такой вид миграции, как рекреационная (туристическая), к ней можно отнести отдых, оздоровление или восстановление здоровья, то есть временное перемещение в более благоприятные районы. Она также характеризуется потребностями туристического отдыха, ознакомления с достопримечательностями и культурами других народов, а многие виды туризма связаны с сезонной миграцией, которая, несомненно, влияет на распределение туристических потоков. К ним можно отнести посещение различных природных объектов, таких как заповедники, национальные парки, морские курорты, горы и т.д.

К причинам миграции следует причислить и экологические факторы, природные и стихийные бедствия, которые заставляют людей покидать постоянное место жительства. И в данном случае необходимо вновь разграничить миграцию еще на два типа, а именно по степени организации: организованная и самостоятельная.

Организованная миграция - это процесс перемещения людей, который происходит под контролем государства, международных организаций или частных компаний. Международная организация по миграции (МОМ) занимается организацией миграционных процессов по всему миру, предоставляя помощь беженцам и трудовым мигрантам, оказывая содействие в перемещении, обеспечивая безопасность и соблюдение прав человека. Самостоятельная миграция характеризуется тем, что мигранты сами берут на себя инициативу по перемещению и смене места жительства.

Миграция подразделяется и по способу вовлечения: принудительная и добровольная. Принудительная или вынужденная миграция происходит из-за объективных обстоятельств, таких как войны, голод, политические или религиозные преследования и прочее. На данный вид миграции влияют мотивы политического, этнического, религиозного и военного характера. Добровольная миграция, напротив, является результатом собственной инициативы и свободного выбора переселенцев.

В завершении следует отметить степень законности: легальная и нелегальная миграции. Под легальной миграцией подразумевается наличие разрешения на въезд, пребывание или проживание в стране на определенный срок. Соответственно, к незаконной миграции относится пересечение государственной границы без соблюдения миграционного законодательства этого государства. К этой группе относятся люди, которые прибыли в страну без официального разрешения, с поддельными документами, незаконно пересекли границу или пребывают в стране после истечения срока действия визы или трудового договора. Нелегальный мигрант не может полноценно участвовать в социально-экономическом развитии государства исхода и государства нахождения [6].

Итак, проанализировав основные признаки миграции, такие как географический, временной, целевой, по уровню организации, способу вовлечения и степени законности, но, несмотря на это, следует отметить, что единой общепризнанной классификации не существует. Пространственные передвижения населения имеют довольно разнообразный характер и могут быть классифицированы на различные категории. Примеры, приведенные в исследовании, иллюстрируют разнообразие причин и форм миграции, которая влияет на демографические процессы и социальную структуру общества в целом.

Можно сделать вывод, что миграционная политика играет важную роль в жизни любого государства. Она затрагивает множество аспектов в жизни общества, влияющих на экономику, социальную сферу и безопасность государства. Только эффективный контроль за миграционными потоками позволит стабилизировать ситуацию в государстве, что требует наличие четкой правовой базы и механизма ее реализации. Законодательство должно учитывать интересы, как принимающего государства, так и самих мигрантов, обеспечивая защиту их прав и свобод. Однако разработка сбалансированной и справедливой миграционной политики представляет собой сложную задачу, которая требует учета множества факторов, а также наличия совместных усилий государств и международных организаций.

Пристатейный библиографический список

1. Нигматуллин Р. В., Бисярина А. Н. Миграционная безопасность в контексте противодействия торговле несовершеннолетними в Российской Федерации // Правовое государство: теория и практика. - 2021. - № 2 (64). - С. 205-216.
2. Троянская М. А. Миграция населения: понятие, виды и значение для территорий // Азимут научных исследований: экономика и управление. - 2021. - Т. 10, № 2 (35). - С. 356-360.
3. Воробьева О. Д., Рыбаковский Л. Л., Рыбаковский О. Л. Миграционная политика России: история и современность. - М.: Изд-во «Экон-Информ», 2016. - 192 с.
4. Нигматуллин Р. В. Миграция как фактор развития современного государства и общества // Коренные народы современной России: этноязыковые, правовые, социокультурные и духовные проблемы: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной объявленному ООН в 2019 году Международному году языков коренных народов, 26 апреля 2019 года. - Уфа: Башкирский государственный университет, 2019. - С. 214-217.
5. Нигматуллин Р. В., Сулейманова Р. Р. Координация усилий государств в борьбе с современными вызовами и угрозами // Евразийский юридический журнал. - 2020. - № 11 (150). - С. 428-431.
6. Нигматуллин Р. В. Незаконная миграция как угроза интересам народов России // Правовое государство: теория и практика. - 2019. - № 2 (56). - С. 171-176.

DOI 10.46320/2073-4506-2025-4-203-69-72

БАЙДАРОВА Марина Александровна
кандидат юридических наук, доцент кафедры правосудия, Пензенский государственный университет

ФОМИН Владимир Владимирович
студент группы 21юю1, Пензенский государственный университет

Байдарова М. А.

Фомин В. В.

ЮРИДИЧЕСКИ ЗНАЧИМЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Конституцией России гарантируется защита государством прав и свобод человека и гражданина. Значительный вклад деятельности Уполномоченного по правам человека в правозащитный вектор работы, развитие действующего законодательства находит свое отражение в складывающейся положительной практике данного должностного лица. Тогда как современный комплекс юридических технологий (система средств, способов и методов) Уполномоченного по правам человека позволяет оперативно достигать социально полезных целей через наступление определенных эффектов (юридически значимых последствий), а равно ожидаемых результатов, являющихся благоприятными для субъектов правовых отношений (реализация юридических возможностей, восстановление нарушенных прав). Проведенное исследование позволило обозначить и раскрыть компонентный состав юридически значимых последствий в деятельности Уполномоченного по правам человека (а именно: значимость, положительность, дифференцированность, устойчивую связь с нормами права), выделить его особую роль в механизме государственной защиты прав и свобод человека.

Ключевые слова: юридически значимые последствия, Уполномоченный по правам человека, уникальность деятельности, положительные эффекты, дифференцированность, правозащитная деятельность, совершенствование законодательства, правореализационная деятельность, восстановление нарушенных прав.

BAIDAROVA Marina Alexandrovna
Ph.D. in Law, associate professor of Justice sub-faculty, Penza State University

FOMIN Vladimir Vladimirovich
student of the group 21uu1, Penza State University

LEGALLY SIGNIFICANT CONSEQUENCES IN THE ACTIVITIES OF THE COMMISSIONER FOR HUMAN RIGHTS: THEORETICAL AND PRACTICAL ASPECTS

The Constitution of the Russian Federation guarantees the protection of human and civil rights and freedoms by the State, including in the event of their violation by State bodies, local self-government bodies, and officials. The significant contribution of the activities of the Commissioner for Human Rights to the human rights vector of work, the development of current legislation is reflected in the emerging positive practice of this official. Whereas the modern complex of legal technologies (a system of means, methods and methods) of the Commissioner for Human Rights makes it possible to quickly achieve socially useful goals through the occurrence of certain effects (legally significant consequences), as well as expected results that are favorable for subjects of legal relations (realization of legal opportunities, restoration of violated rights). The conducted research made it possible to identify and reveal the component composition of legally significant consequences in the activities of the Commissioner for Human Rights (namely: significance, positivity, differentiation, stable connection with the norms of law), to highlight its special role in the mechanism of state protection of human rights and freedoms.

Keywords: legally significant consequences, Commissioner for Human Rights, uniqueness of activities, positive effects, differentiation, human rights activities, improvement of legislation, legal implementation activities, restoration of violated rights.

В современном мире права человека занимают центральное место в правовой системе любого государства. И, несмотря на остающуюся, по-прежнему, сложную санкционную политику Запада, глобальную геополитическую конфронтацию[1], двойные стандарты международного сотрудничества [1, с. 60], проведение специальной военной операции, гарантии защиты государством прав и свобод граждан продолжают укрепляться в Российской Федерации.

Деятельность Уполномоченного по правам человека (далее по тексту - УПЧ) занимает важное место в правозащитном механизме обеспечения прав и свобод граждан Российской Федерации ввиду того, что УПЧ выступает своего рода «проводником» между человеком и государством.

Если категория «деятельность» в самом общем понимании – это не что иное, как присущая только человеку форма отношения к действительности, представляющая собой процесс преобразования действительности [12, с. 474], то

1 Москалькова Т. Н. Права человека были и останутся важнейшим фактором международных отношений // Парламентская газета. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.pnp.ru/social/moskalkova-rasskazala-o-rabote-po-poisku-propavshikh-zhiteley-v-kurskoy-oblasti.html?clckid=c3b1d99d (дата обращения: 28.02.2025).

правовая деятельность – это есть система действий и операций, связанная с использованием правовых средств [10, с. 26]. В свою очередь, деятельность УПЧ в реалиях современной действительности, как правило, воспринимается через системообразующий, во многом отлаженный правовой механизм обеспечения защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина Российской Федерации, направленный как на реализацию юридических возможностей субъектов правовых отношений, так и на пресечение всевозможных нарушений, восстановление уже нарушенных прав и свобод, а также предупреждение нарушений в целом.

Уникальность деятельности УПЧ во многом определяется не только через законодательно регламентированный правозащитный потенциал, дополняющий по своей сути уже существующие средства защиты прав и свобод граждан, но и как следствие деятельности – это положительные эффекты (результаты), связанные с восстановление нарушенных прав и принятием индивидуально-определенных мер по их защите в зависимости от ситуационных обстоятельств конкретного жизненного казуса.

Уяснение дифференцированной природы юридически значимых последствий в деятельности УПЧ следует рассмотреть в разрезе, во-первых, положительной траектории правореализационной составляющей и, во-вторых, результативности деятельности по совершенствованию законодательства.

Указанная последовательность позволит не только наглядно увидеть вклад УПЧ в развитие действующего законодательства России о правах человека и гражданина, но и рассмотреть некоторые правовые ситуации во взаимосвязи с правовыми (юридически значимыми) последствиями для конкретных субъектов правовых отношений.

В последнем случае особенно следует обратить внимание на юридическую технологию достижения такой узловой задачи как восстановление нарушенных прав человека, поскольку именно избирательность УПЧ в выборе задействованного в конкретном случае компонентного состава указанной технологии (приемов, способов, принципов, прогнозов и т.д.) во многом будет предопределять наступление потенциально возможных юридически значимых последствий.

Обращаясь к теоретико-правовым изысканиям в данном контексте, следует отметить, что, по мнению ученого Н. А. Власенко, юридическая технология коррелирует с «…изучением вопросов, как делать, в какой последовательности осуществлять те или иные юридические операции» [12, с. 488]. В свою очередь, А. Н. Мироновым верно и справедливо отмечено, что технология - это есть не что иное, как система средств, способов и методов деятельности субъекта, имеющая, как правило, первичную установку на эффективное и своевременное достижение желаемого результата [4, с. 64-65]. Изложенное, позволяет прийти к утверждению о том, что под юридической технологией УПЧ следует понимать комплекс своевременно спрогнозированных и целенаправленных правовых действий (операций), связанных с применением юридических (правовых) средств в соответствии с нормами действующего законодательства Российской Федерации.

Представляется целесообразным отметить, что целями деятельности УПЧ в соответствии с Конституцией Российской Федерации являются обеспечение гарантий государственной защиты прав и свобод граждан, их соблюдение и уважение государственными органами, органами местного самоуправления и должностными лицами[2]. Соответственно, можно утверждать о том, что правореализационная составляющая в деятельности УПЧ является крайне важной. Под термином «правореализация» понимается процесс превращения юридически значимых моделей поведения в практическую реальность, в действенную систему общественных отношений. При этом правореализация должна обеспечивать процесс регулирования общественных отношений в направлении, благоприятном для человека и общества [11, с. 543].

Правореализационная составляющая в деятельности УПЧ проявляется посредством участия данного должностного лица в восстановлении нарушенных прав, предотвращении нарушений в будущем, а также создании условий для эффективной и своевременной защиты интересов лиц, которые обращаются за помощью. Тем самым, деятельность УПЧ всегда направлена на достижение прогнозируемого правового результата – наступление положительно ориентированных и целенаправленных юридически значимых последствий для субъектов правовых отношений. В свою очередь, наполняемость деятельности УПЧ образуют конкретные действия (операции) с использованием правовых средств, которые и придают ей такое свойство как «юридичность», то есть правовой характер, обеспечивающий достижение социально полезных целей, напрямую связанных, как правило, с получением ожидаемого результата.

В разрезе восприятия правовых средств, следует отметить, что, по мнению Б. И. Пугинского, последние представляют собой некоторые сочетания юридически значимых действий, совершаемые субъектами с дозволенной степенью усмотрения и служащих достижению их целей, не противоречащих законодательству и интересам общества [8, с. 17]. Юридически выверено А. В. Малько было отмечено, что правовые средства определяются как правовые явления, находящие выражение в установлениях и технологиях, посредством которых происходит удовлетворение интересов субъектов правовых отношений, а также обеспечивается достижение полезных целей [3, с. 88]. Ввиду чего следует признать, что правовые средства УПЧ есть юридический инструментарий, используемый в правовой действительности с целью защиты прав и свобод человека и гражданина.

Приведем некоторые положительные практики УПЧ[3] по рассмотрению обращений граждан, наглядно иллюстрирующие связь конкретных действий (операций), выбранных правовых средств и наступивших юридически значимых последствий.

Примером успешной правореализационной составляющей УПЧ может выступать следующий случай, подробно описанный в Бюллетени УПЧ [14, с. 135]. Так, в Республике Хакасия к УПЧ обратилась вдова военнослужащего, погибшего при исполнении обязанностей в зоне проведения специальной военной операции, по вопросу содействия в получении денежного аттестата для оформления пенсии по потере кормильца несовершеннолетнему ребенку.

Военным комиссариатом (в котором состоял на учете погибший военнослужащий) неоднократно направлялись запросы по необходимым документам о потери кормильца (в частности, денежному аттестату).

Более того, ранее с указанным вопросом вдова военнослужащего обращалась в Министерство обороны Российской Федерации, Военную прокуратуру, однако требуемые документы так и не были направлены, в связи, с чем пенсия по потере кормильца дочери погибшего военнослужащего не могла быть назначена.

Рассматриваемая ситуация УПЧ в Республике Хакасия была доведена до Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации Т. Н. Москальковой. Для решения указанной выше правовой ситуации были направлены запросы в Главную военную прокуратуру и Министерство обороны Российской Федерации о необходимости принятия мер, по восстановлению права ребенка погибшего военнослужащего на пенсионное обеспечение. В указанном случае лишь через направление запросов с федерального уровня УПЧ было произведено необходимое воздействие на юриди-

2 Федеральный конституционный закон от 26.02.1997 № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1997. - № 9. - Ст. 1011.

3 См. об этом подробнее: Официальный сайт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. Закон на вашей стороне (Положительная практика рассмотрения обращений граждан Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации в 2023 году). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ombudsmanrf.org/documents/biblioteka/zakon-na-vashej-storone (дата обращения: 26.02.2025).

ческую деятельность компетентных субъектов. Кроме того, итоги проведенных проверок подтвердили факт ненаправления документов для назначения пенсии по потере кормильца в военный комиссариат (в котором состоял на учете погибший военнослужащий).

Указанный случай, безусловно, подтверждает значимость правореализационной составляющей УПЧ, которая формируется в разрезе всей многогранной правозащитной деятельности УПЧ. Оперативное вмешательство УПЧ в сложившуюся ситуацию привело к следующим юридически значимым последствиям: во-первых, нарушенные права ребенка были восстановлены, а во-вторых, положенная выплата назначена (в частности, пенсия по потере кормильца) [14, с. 135].

Другим наглядным примером, демонстрирующим значение УПЧ в контексте правореализационной составляющей, является ситуация, связанная с восстановлением трудовых прав сотрудников АО «Краснодаргазстрой». Так, УПЧ было рассмотрено обращение гр. из г. Краснодара УПЧ (вх. № 121 от 09.01.2023 г.) по вопросу отсутствия индексации заработной платы работодателем. Для защиты трудовых прав работников указанного предприятия УПЧ было направлено обращение в органы прокуратуры. И как следствие данного решения, по итогам инициированной именно УПЧ проверки АО «Краснодаргазстрой» прокуратурой руководителю организации было внесено представление об устранении нарушений, возбуждено дело об административном правонарушении по ч. 1 ст. 5.27 КоАП РФ[4]. Примечательно, что УПЧ добился необходимой индексации оплаты труда и перечисления работникам задолженности в размере 146 821,75 руб.

Кроме того, в адрес УПЧ достаточно часто поступают просьбы о содействии трудовых прав, в частности, по вопросу невыплаты заработной платы. Так, только по одному из подобных обращений (вх. № КЛ-473 от 25.04.2023 г.) к УПЧ, усилиями данного должностного лица ООО «Навигатор» была погашена задолженность по выплате заработной платы в размере 12 740 073,38 руб. [7, с. 52; с. 55-56], что, безусловно, определяется как наступление благоприятных (имеющих материальный характер) юридически значимых последствий.

Изученная многогранная положительная практика работы УПЧ свидетельствует о том, что среди наиболее распространенных правовых средств его правозащитной деятельности на сегодняшний день выступают: запросы в различные ведомства, обращения в суд[5], органы прокуратуры[6], контролирующие органы (о необходимости проведения соответствующих проверок), конкретные рекомендации [13, с. 61-62], [9, с. 208-209] и предложения в органы государственной власти, а также заключения (в органы, например, местного самоуправления) [6, с. 45-46], взаимодействие (с УПЧ в субъектах Российской Федерации) и переговоры (например, по вопросам освобождения бойцов СВО из плена в рамках российско-украинского обмена) [7, с. 23-24] и другие.

Изложенные примеры положительной практики УПЧ и эффекты (результаты) деятельности данного должностного лица, позволяют выделить компонентные, взаимосвязанные характеристики юридически значимых последствий в его работе, а именно:

1. Юридическая значимость, определяемая наступлением последствий, влияющих на состояние правового статуса субъекта правовых отношений (через изменение прав и обязанностей).

2. Положительность, рассматриваемая как благоприятные по своей юридической природе последствия для субъекта правовых отношений, что находит выражение в защите и восстановлении нарушенных прав и свобод.

3. Дифференцированность возникновения юридически значимых последствий в деятельности УПЧ напрямую связана с многообразием как отношений, складывающихся в правовой действительности, так и разнородностью субъектов, а также их разноплановых интересов и целевых установок;

4. Устойчивая связь с нормами права во многом предопределяется нацеленностью в деятельности УПЧ достижения результативных, а значит, положительно направленных юридически значимых последствий через правореализационную составляющую и совершенствование нормативно-правовых актов по результатам работы с обращениями и обобщением правозащитной практики (направление УПЧ замечаний и предложений как общего характера, так и конструктивных предложений об изменении, дополнении и восполнении пробелов НПА по вопросам обеспечения прав и свобод граждан).

Указанное позволяет заключить, что юридически значимые последствия в деятельности УПЧ имеют социально полезную, положительную направленность, что напрямую связано с необходимостью дальнейшего развития и оптимизации юридических технологий по всем направлениям работы данного должностного лица.

Как было отмечено ранее, важной составляющей деятельности УПЧ также является результативность деятельности по совершенствованию нормативно-правового регулирования различных сфер жизнедеятельности человека [2, с. 15-17].

Деятельность УПЧ в этом направлении является не только необходимой, но и имеет приоритетное значение для реализации национальных целей нашего государства (до 2030 г., а также на перспективу до 2036 г.)[7], способствует предотвращению наступления отрицательных юридически значимых последствий для субъектов правовых отношений. Так, например, в 2020 г. УПЧ в Ленинградской области выступил с инициативой о необходимости внесения изменений в порядок реализации одного из социальных проектов, в частности, расширения категории «дети-инвалиды» на возможность реализации услуги социального такси. Среди наступивших юридически значимых последствий в деятельности данного УПЧ следует отметить не только нормативное устранение недоработки в части предоставления услуги по транспортировке к месту оказания медицинской помощи конкретной группе субъектов, в ней нуждающейся, но и как следствие, решение жизненно важной проблемы социально незащищенной группы. Кроме того, УПЧ в Ленинградской области были задействованы такие правовые средства как принятие персональных решений в отношении лиц (а это по состоянию на 10.01.2020 г. более 500 человек)[8], которым требуется процедура гемодиализа [13, с. 62].

Согласно Конституции, УПЧ не является субъектом, обладающим правом законодательной инициативы, но именно он проводит существенную работу в сфере совершен-

4 Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2002. - № 1 (часть I). - Ст. 1.

5 Официальный сайт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. Помогли осужденному восстановить право на обжалование приговора. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ombudsmanrf.org/napravleniya_deyatelnosti/v_rossii/d00c9722-8167-4567-a780-ac3cc813260f (дата обращения: 28.02.2025).

6 Официальный сайт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. Удалось помочь возбудить уголовное дело по факту причинения вреда здоровью. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ombudsmanrf.org/ombudsman/bio/novosti-upolnomochen-ogo/8a0d126a-62e5-4cee-a681-04dcd6d674e6 (дата обращения: 28.02.2025).

7 Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2024. - № 20. - Ст. 2584.

8 Официальный сайт Уполномоченного по правам человека в Ленинградской области. Инициатива о внесении изменений в порядок реализации социального проекта «Ленинградская область с заботой для Вас» в части предоставления услуги социального такси. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.ombudsman47.ru/deyatelnost-upolnomochennogo/initsiativy-upolnomochennogo/vnesenie-izmeneniy-v-poryadok-realizatsii-sotsialnogo-proekta-leningradskaya-oblast-s-zabotoy-o-vas-v-chasti-predostavleniya-uslugi-sotsialnogo-taksi/ (дата обращения: 01.03.2025).

ствования законодательства. Данный факт подтверждается предложениями УПЧ, которые находят свое закрепление в различных федеральных законах, указах Президента РФ, распоряжениях, постановлениях Правительства РФ, решениях Конституционного Суда РФ, а также при корректировке практики (судебной) Верховным Судом РФ[9].

Одним из наглядных примеров встраивания предложений УПЧ в правовое поле действующего законодательства, является предложение о предоставлении права получения гражданства России в упрощенном порядке некоторым категориям[10]. Среди возможно прогнозируемых УПЧ юридически значимых последствий по указанному предложению вполне могли быть следующие: ускорение процесса интеграции отдельных категорий субъектов в социальную и культурную среду; стимулирование участия в жизни страны; повышения уровня безопасности и стабильности в обществе и другие.

Другим, частным случаем, работы УПЧ выступают такие действия как направление замечаний юридического характера на законодательный проект. Так, один из законопроектов был снят с рассмотрения Госсобрания РМЭ 23.07.2020, поскольку установленные данным документом (проектом), размеры штрафов не соответствовали принципу разумности, справедливости, а также соразмерности относительно санкций, установленных КоАП РФ[11]. В результате участия УПЧ в данной ситуации удалось избежать принятия закона, не отвечающего принципам российского законодательства, соответственно, и отрицательные (негативные) юридически значимые последствия, как для граждан, так и для государства не последовали.

Значительную роль в деятельности УПЧ по совершенствованию законодательства играет и его экспертно-аналитическая работа [5, с. 16-17]. Указанное направление является крайне актуальным ввиду того, что ежегодно в адрес УПЧ поступает значительное число обращений по самой различной тематике. Например, по состоянию на конец февраля 2025 г. количество обращений, поступивших в Аппарат УПЧ (с начала года) составляет более 20 000, из которых уже более чем 10 000 находятся в работе данного должностного лица[12].

Таким образом, ценность от влияния УПЧ на процесс трансформации российского законодательства связана с наступлением следующих юридически значимых последствий:

– устранение пробелов и недостатков в действующем праве, посредством разработки предложений по изменению, дополнению и восполнению нормативно-правовых актов;

– формирование сбалансированных правовых норм, что связано с потребностью их единообразия (например, правовых норм, действующих на территории различных субъектов Российской Федерации);

– повышение не только гражданской позиции отдельных инициативных субъектов (имеется ввиду тех, кто, например, обращается за помощью к УПЧ), но и уровня правовой культуры общества в целом;

– развитие демократических институтов и укрепления доверия населения к государственным органам.

Юридически значимые последствия в деятельности УПЧ следует рассматривать как в контексте положительной правореализационной составляющей, так и результативности совершенствования законодательства. При этом необходимо отметить тот факт, что в каждом случае влияние института УПЧ является значимым. В первом – участие УПЧ необходимо для защиты и восстановления нарушенных прав (наступления социально значимых положительных ориентированных последствий), а также предотвращения нарушений в будущем, то есть для преодоления или разрешения отрицательных (негативных) юридически значимых последствий. При этом важность и перспективность деятельности УПЧ в развитии правового поля следует соизмерять, исходя из наступления итоговых результатов (эффектов) в его практике, разрешении в ряде случаев нестандартных жизненных ситуаций и восполнения пробелов в законодательном регулировании отдельных тех или иных правоотношений.

Пристатейный библиографический список

1. Кузьмина О. В., Лукьянов В. Ю. Использование «двойного стандарта» - важнейшая проблема современных международных отношений // Terra Linguistica. - 2014. - № 3 (203). - С. 59-69.
2. Кулишенко Е. А. Законотворческая функция Уполномоченного по правам человека в России // Социально-политические науки. - 2021. - Т. 11, № 3. - С. 13-18.
3. Малько А. В. Политическая и правовая жизнь России. - М.: Юристь, 2000. - 255 с.
4. Миронов А. Н. Юридическая технология // Юридическая техника. - 2008. - № 2. - С. 63-66.
5. Москалькова Т. Н. Экспертная деятельность Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в области совершенствования законодательства о правах человека и гражданина // Юридическая техника. - 2022. - № 16. - С. 16-19.
6. Мухаметгалиев Ф. Х. Права и законные интересы сельских жителей Республики Марий Эл: актуальные вопросы и механизмы защиты // Бюллетень Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. - 2024. - № 16. - С. 42-47.
7. Положительная практика рассмотрения обращений граждан Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации в 2023 году. Защита прав участников специальной военной операции и членов их семей. - М.: Проспект, 2024. - 176 с.
8. Пугинский Б. И. Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях. - М.: Юрид. лит., 1984. - 224 с.
9. Рекомендации Всероссийского Координационного совета Уполномоченных по правам человека на тему «Права жителей труднодоступных, отдаленных и сельских местностей» (г. Махачкала, 20-22 мая 2024 г.) // Бюллетень Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. - 2024. - № 16. - 217 с.
10. Сапун В. А., Шундиков К. В. Инструментальная теория права и человеческая деятельность // Правоведение. - 2013. - № 1 (306). - С. 14-32.
11. Скоробогатов А. В., Краснов А. В. Правореализация как компонент правовой реальности: философско-правовое исследование // Вестник Российского университета дружбы народов. - 2022. - Т. 26, № 3. - С. 541-563.
12. Теория государства и права: курс лекций / Под ред. В. В. Гриба, В. Ю. Панченко. - Москва: Проспект, 2023. - 656 с.
13. Фомин В. В. Защита прав жителей сельских территорий – приоритет в деятельности Уполномоченного по правам человека в Пензенской области // Бюллетень Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. - 2024. - № 16. - С. 60-64.
14. Шулбаев А. О. Право ребенка погибшего военнослужащего на пенсионное обеспечение восстановлено // Бюллетень Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. - 2024. - № 16. - С. 135.

9 Официальный сайт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. Совершенствование законодательства УПЧ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ombudsmanrf.org/napravleniya_deyatelnosti/sovershenstvovanie_zakonodatelstva (дата обращения: 15.02.2025).

10 Указ Президента РФ от 29 апреля 2019 г. № 187 «Об отдельных категориях иностранных граждан и лиц без гражданства, имеющих право обратиться с заявлениями о приеме в гражданство Российской Федерации в упрощенном порядке» // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2019. - № 18. - Ст. 2226. Указом Президента России от 4 января 2024 г. № 11 данный документ признан утратившим силу с 4 января 2024 г.

11 Содействие совершенствованию нормативных правовых актов: опыт Уполномоченного по правам человека в Республике Марий Эл. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://mariel.gov.ru/upload/medialibrary/e8e/tj7locxegrw02nn9w6ry18mcqw3dic6x.pdf (дата обращения: 15.02.2025).

12 Официальный сайт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ombudsmanrf.org (дата обращения: 01.03.2025).

БОГАТЫРЕВ Магомед Резванович
кандидат юридических наук, доцент кафедры информационного права и юриспруденции, Институт цифровой экономики и технологического предпринимательства, Грозненский государственный нефтяной технический университет имени академика М. Д. Миллионщикова

Богатырев М. Р.

ПРОБЛЕМЫ КЛАССИФИКАЦИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

В статье рассматриваются современные подходы к классификации правового регулирования как одного из ключевых понятий общей теории права. Автор акцентирует внимание на разрозненности существующих теоретических конструкций и предлагает систематизацию видов правового регулирования по различным критериям: характеру правового воздействия, степени автономии субъектов, содержанию предписаний, уровню и сфере действия, стадии правореализации и условиям функционирования. Особое внимание уделяется сравнительному анализу нормативного, индивидуального и прецедентного регулирования, а также новым формам, таким как коррекционное и экстраординарное правовое регулирование. Подчёркивается необходимость комплексного и системного подхода к исследованию правового регулирования для формирования целостной одноименной теории (концепции).

Ключевые слова: регулирование, классификация, нормативное регулирование, индивидуальное регулирование, процессуальное регулирование, экстраординарное регулирование.

BOGHATYREV Magomed Rezvanovich
Ph.D. in Law, associate professor of Information law and jurisprudence sub-faculty, Institute of Digital Economy and Technological Entrepreneurship, M. D. Millionshchikov Grozny State Oil Technical University

PROBLEMS OF CLASSIFICATION OF LEGAL REGULATION: GENERAL THEORETICAL APPROACHES

The article examines contemporary approaches to the classification of legal regulation as one of the key concepts in the general theory of law. The author draws attention to the fragmentation of existing theoretical frameworks and proposes a systematization of the types of legal regulation based on various criteria: the nature of legal influence, the degree of autonomy of subjects, the content of legal prescriptions, the level and scope of application, the stages of legal implementation, and the conditions of functioning. Special emphasis is placed on the comparative analysis of normative, individual, and precedent-based regulation, as well as on new forms such as correctional and extraordinary legal regulation. The article underlines the necessity of a comprehensive and multifaceted approach to the study of legal regulation to develop a coherent theoretical and legal model.

Keywords: legal regulation, types, normative regulation, individual regulation, procedural regulation, extraordinary regulation.

Правовое регулирование представляет собой фундаментальную юридическую категорию, отражающую природу, сущность и назначение права в системе общественных отношений. Однако, несмотря на большое количество исследований, посвящённых правовому регулированию, выполненных как советское время, так и относительно недавно, до настоящего времени отсутствует непротиворечивая общая теория этого явления. Сказанное, отнюдь, не значит, что таких изысканий не проводилось совсем, однако, как ранее, так и сейчас исследователи сосредотачивают свое внимание зачастую на изучении частных аспектов проблемы, в результате чего общая концепция (теория) правового регулирования до сих пор остается не сформированной.

Среди современных работ, направленных на восполнение лакун в исследовании правового регулирования, хотелось бы обратить внимание на научные статьи Л. Т. Бакулиной [1], Е. А. Березиной [2], Р. Л. Иванова [3], И. П. Кожокаря [4], М. Ю. Осипова [5], Е. К. Шевырина [6], предпринявших плодотворные попытки обобщить основания для классификации правового регулирования и предложить авторский взгляд относительно проблемы исследования.

Начнем с подхода, согласно которому по характеру воздействия на общественные отношения правовое регулирование принято подразделять на нормативное и индивидуальное.

Нормативное правовое регулирование опосредовано воздействием права на общественные отношения посредством нормативных юридических средств (правовых норм, принципов, нормативных юридических фактов), адресованных неопределённому кругу субъектов. Для индивидуального правового регулирования, напротив, характерно использование ненормативных юридических инструментов – индивидуально-конкретных предписаний, субъективных прав и обязанностей, юридических фактов, адресованных конкретным, поимённо определённым субъектам. Иными словами, нормативное регулирование носит общий, обезличенный характер, тогда как индивидуальное рассчитано на единичные случаи и конкретных адресатов.

Полагаем, что в данном сложившемся подходе отсутствуют проблемы в разграничении уровней правового регулирования, однако индивидуальное правовое регулирование в советской и ранней постсоветской юридической литературе получило гораздо меньшее внимание, чем нормативное, которому традиционно уделялось больше внимания в теории права Индивидуальное же регулирование, особенно осуществляемое посредством актов реализации права (например, посредством заключения сделок, осуществления субъективных прав без участия властных органов), изучалось реже. Однако в последние годы наметилась тенденция к комплексному изучению индивидуального правового регулирования как самостоятельного вида правового регулирования [7], [8].

Отдельные ученые дополняют уже ставшую классической дихотомию нормативного и индивидуального регулирования третьей составляющей – прецедентным правовым регулированием, сочетающим, по мнению И. А. Минникеса, черты обеих указанных разновидностей [7]. Этот вид связывают, прежде всего, с судебным прецедентом в странах англосаксонской системы. Е. А. Березина заявляет, что в англо-саксонской правовой системе на первый взгляд доминирует индивидуальное регулирование (судебные решения по конкретным делам), однако фактически правовой прецедент содержит общий принцип, имеющий нормативный характер [2, с. 9-10]. Данный анализ подчёркивает взаимосвязь нормативного и индивидуального начал: в реальном правовом регулировании они часто дополняют друг друга, а в некоторых случаях образуют смешанные формы правового воздействия.

Исходя, из методов правового воздействия и степени самостоятельности субъектов принято различать императивное (централизованное) и диспозитивное (децентрализованное) правовое регулирование. Императивное правовое регулирование осуществляется на властно-обязательных началах, не оставляя адресатам свободы усмотрения (типично для сфер публичного права), тогда как диспозитивное предоставляет участникам возможность самостоятельно определять вариант своего поведения (характерно для частноправовых отношений).

В зависимости от направленности правового воздействия, некоторые ученые [3] предлагают выделять позитивное и негативное правовое регулирование. Позитивное регулирование направлено на возникновение новых либо изменение (развитие) существующих правоотношений, тем самым обеспечивая динамику социальных связей. Например, вступление в силу новых нормативных актов может породить ранее не существовавшие правоотношения. Например, в целях стимулирования развития стратегически важных отраслей экономики, где используются цифровые инновации, создаются экспериментальные правовые режимы [9].

Негативное правовое регулирование, напротив, ориентировано на прекращение правовых отношений или отдельных прав и обязанностей, устраняя ранее установленный правовой режим. Так, в соответствии с ч. 6 ст. 126 Конституции Российской Федерации, акты или их отдельные положения, признанные неконституционными, утрачивают силу; не соответствующие Конституции Российской Федерации международные договоры Российской Федерации не подлежат введению в действие и применению. В приведенном примере речь идет о негативном правовом регулировании, осуществляемом посредством функционирования Конституционного Суда Российской Федерации.

По характеру предписываемого поведения правовое регулирование можно подразделить на стимулирующее (поощрительное) и ограничивающее регулирование. Стимулирующее правовое регулирование предполагает возложение на субъекты активных юридических обязанностей или предоставление, им активных прав, побуждая их к совершению определённых положительных действий. Например, нормы, устанавливающие льготы или поощрения за желательное поведение, выступают стимулом к активным действиям. Так, Федеральным законом от 27.07.2004 № 79-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О государственной гражданской службе Российской Федерации» за безупречную и эффективную гражданскую службу применяются установленные ст. 55 поощрения и награждения [10].

Ограничивающее (оно же запретительное) регулирование, напротив, устанавливает запреты и возлагает пассивные обязанности – т.е. требует воздерживаться от совершения тех или иных действий. В этом случае правовое воздействие проявляется через ограничения свободы поведения (типичный пример – ограничения и запреты, связанные с гражданской службой, устанавливаемые ст. 16 и 17 Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации»).

Следует отметить, что указанные классификации по характеру воздействия не противоречат друг другу, а описывают разные аспекты правового влияния. Императивность или диспозитивность характеризует степень свободы субъектов в рамках регулирования; стимулирующий или ограничительный режим – содержание предписаний (побуждение к действию либо требование воздержания); позитивное или негативное направление - результативный вектор влияния на динамику правовых отношений. В совокупности эти критерии позволяют глубже понять специфику механизмов правового регулирования в различных ситуациях.

По такому критерию дифференциации правового регулирования, как сфера его действия в пространстве и по кругу лиц, можно выделить следующие уровни: а) международно-правовое регулирование; б) национальное (внутригосударственное) регулирование, которое, в свою очередь, подразделяется по пространственному критерию: на общегосударственное (федеральное) и дискретное (региональное). В федеративных государствах общегосударственное (федеральное) и региональное регулирование разграничиваются по уровню субъектов федерации. Кроме того, принято выделять муниципальное правовое регулирование (на уровне органов местного самоуправления) и локальное регулирование в рамках отдельных организаций (например, нормативные акты предприятий, учреждений, организаций и т.д.).

Между различными уровнями правового регулирования существует определённая иерархия и взаимосвязь. Например, международно-правовые обязательства государств могут влиять на содержание национального законодательства; федеральные акты – ограничивать компе-

тенцию региональных; локальные нормы организаций – действовать в пределах, установленных законами. Проблема соподчинённости и коллизий между уровнями (международным и национальным, федеральным и региональным и т.д.) является отдельным предметом теоретического анализа, однако сама возможность выделения разных уровней правового регулирования не оспорима. Такой подход отражает многоуровневую структуру современного правового пространства.

Пожалуй, основной и наиболее распространенной можно считать классификацию правового регулирования по отраслям права (сфере, предмету правового регулирования и т.д.) общественных отношений, на которые оно распространяется, на административно-правовое, уголовно-правовое, гражданско-правовое и т.д. регулирование. Фактически примыкает к отраслевому критерию разделение на публично-правовое и частноправовое регулирование. Публично-правовое регулирование характеризуется властным, императивным методом и охватывает отношения власти и подчинения (государство – граждане, государство – организации), тогда как частноправовое – основано на юридическом равенстве сторон и автономии воли, реализуется диспозитивным методом в отношениях между частными лицами. Эти виды соответствуют двум основным сферам системы права – публичной и частной, и ряд авторов [11] прямо указывает на деление правового регулирования по этому признаку.

В рамках рассмотрения вопроса о классификации правового регулирования нельзя обойти вниманием и разделение на материальное и процессуальное правовое регулирование, производимое в зависимости от того, какие отношения лежат в основе такового – материальные (содержательные) отношения либо процедурные (процессуальные аспекты осуществления прав и обязанностей) [12].

М. Ю. Осипов при классификации правового регулирования, наряду с отраслевым, выделяет такой его вид, как институциональное правовое регулирование, под которым понимает регуляцию на уровне правовых институтов (комплексов норм внутри отрасли), например, института собственности, договора и т.д. [5] И, хотя данный критерий редко выделяется в отдельности, данный автор настаивает, что правовое регулирование (как системное образование) может быть дифференцировано не только по крупным отраслям, но и по более узким правовым комплексам.

С нашей стороны, отметим, что отраслевые (предметные) разновидности правового регулирования не являются взаимоисключающими отдельными типами регулирования как процесса, а скорее характеризуют сферу и содержание реализации правовых норм. Например, административно-правовое и гражданско-правовое регулирование различаются по предмету и методам, но оба могут включать нормативные и индивидуальные элементы, императивные или диспозитивные начала и т.д. Их разграничение востребовано юридической наукой и практикой, поскольку подчёркивает специфику реализации права в разных сферах общественных отношений.

Еще одной авторской классификацией, на которой нельзя не остановиться, является подразделения правового регулирования, исходя стадии правореализационного процесса, на первичное и коррекционное, предложенное М. Ю. Осиповым. Под первичным правовым регулированием указанный ученый понимает упорядочение новых, ранее не урегулированных общественных отношений, – фактически, начальное установление правовых норм и отношений в какой-либо сфере [5]. Такая ситуация имеет место, когда возникает новый вид социальной деятельности или общественных отношений, требующий нормативного оформления (например, появление технологий, которых ранее не существовало, и необходимость их правового регулирования). Так, в целях обеспечения ускоренного развития искусственного интеллекта в Российской Федерации, проведения научных исследований в области искусственного интеллекта, повышения доступности информации и вычислительных ресурсов для пользователей, совершенствования системы подготовки кадров в этой области был принят Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 (ред. от 15.02.2024) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») [13].

Что касается коррекционного правового регулирования, то оно применяется в случаях, когда выявляются пробелы, ошибки или изъяны в действующей системе норм и требуется их исправление. Иначе говоря, это последующее регулирование, призванное скорректировать ранее установленное правовое воздействие, – речь идет о внесении изменений и дополнений в нормативные правовые акты, отмене правовых норм, признании нормативных правовых актов утратившими силу и т.д. Данный критерий для классификации подчеркивает динамический аспект правового регулирования. И, хотя данный критерий не выделяется большинством исследователей, нам он представляется весьма интересным, поскольку ассоциирует право с живым организмом, а процесс правового регулирования – с жизненным циклом, в результате которого новые правовые инструменты (нормы, институты, механизмы, режимы и т.д.) образуются, изменяются и прекращают свое действие исходя из потребностей внутренней и внешней среды.

Насущный интерес в современных условиях, когда все чаще отдельные лица, общество и государства сталкиваются с новыми вызовами и угрозами, представляет изучение ординарного (обычного, текущего) и экстраординарного (чрезвычайного) правового регулирования, в основе различения которых лежать обстоятельства, в которых оно осуществляется. Ординарное регулирование имеет место в нормальных, штатных условиях общественной жизни, при соблюдении всех общих принципов права; чрезвычайное правовое регулирование, напротив, представляет собой правовое воздействие в экстремальных условиях, требующих особых мер.

К сожалению, в общей теории права практически отсутствуют исследования, посвященные экстраординарному правовому регулированию; в основном, данный пробел отчасти компенсируется трудами ученых-административистов, изучающих данную проблематику применительно к специальным правовым режимам [14], [15].

Имеет место кандидатская диссертация Т. Н. Шмидт, к которой ее автор чрезвычайное правовое регулирование характеризует, как «правовое воздействие с помощью исключительных правовых средств на общественные от-

ношения в экстремальных условиях в целях обеспечения безопасности и восстановления порядка, при котором ограничивается или отменяется действие общих правовых принципов и норм», а также определяет его признаки: преобладание разрешительного типа правового воздействия, императивных методов, специфических юридических фактов (сам факт чрезвычайной ситуации становится юридически значимым) и иных особых средств; временный характер и т.д. [16]. Однако данная проблематика требует более развернутого и глубокого изучения, уже в силу тех событий (эпидемия Covid-19, СВО и т.д.), которые произошли после выхода исследования Т. Н. Шмидт в свет.

В заключение проведенного исследования можно сделать следующие выводы. Правовое регулирование, действительно, является сложным многоаспектным явлением, и в юридической науке предложено множество критериев для его типологии: используемые юридические средства; субъекты осуществления регулирования; характер правового воздействия на поведение субъектов; сфера действия и уровень; особые условия реализации и стадии процесса правового регулирования и другие.

Неисчерпаемость предмета исследования подтверждают многочисленные доктринальные подходы, акцентирующие свое внимание на различных гранях правового регулирования: одни расширяют рамки анализа, включая в область научного поиска, новые критерии и виды, другие остаются в пределах традиционных делений. Вместе с тем, в своей совокупности современные исследования значительно обогащают традиционные представления о видах правового регулирования, выделяя целый спектр его разновидностей.

Пристатейный библиографический список

1. Бакулина Л. Т. Подходы к исследованию правового регулирования // Lex Russica (Русский закон). - 2016. - № 8 (117). - С. 9-20.
2. Березина Е. А. Виды правового регулирования // Личность, право, государство. - 2018. - № 1. - С. 4-14.
3. Иванов Р. Л. Виды правового регулирования // Омские научные чтения - 2018: материалы Второй Всероссийской научной конференции, Омск, 10-15 декабря 2018 года / Ответственный редактор Т. Ф. Ящук. - Омск: Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, 2018. - С. 1089-1091.
4. Кожокарь И. П. Правовое регулирование: понятие и формы // Государство и право. - 2020. - № 12. - С. 112-127.
5. Осипов М. Ю. Виды и основные стадии правотворчества и правового регулирования // Современное право. - 2010. - № 4. - С. 10-14.
6. Шевырин Е. К. Тип правового регулирования: Теоретические и практические проблемы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Самара, 2008.
7. Минникес И. А. Индивидуальное правовое регулирование: Теоретико-правовой анализ: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. - Екатеринбург, 2009.
8. Григорьев А. С. Механизм индивидуального правового регулирования общественных отношений: автореф. дис. … канд. юрид. наук. - Тюмень, 2011.
9. Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.01.2025) // Собрание законодательства РФ. - 2020. - № 31 (часть I). - Ст. 5017.
10. Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. - 2004. - № 31. - Ст. 3215.
11. Беляева Г. С. Публично-правовой режим: сущность, содержание, нормативно-правовое закрепление // Lex Russica (Русский закон). - 2015. - Т. 104, № 7. - С. 21-28.
12. Беляев В. П., Нинциева Т. М., Беляева Г. С. Общая теория процессуально-правового регулирования. Монография. - М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2024. - 296 с.
13. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 (ред. от 15.02.2024) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // Собрание законодательства РФ. - 14.10.2019. - № 41. - Ст. 5700.
14. Зырянов С. М. Экстраординарные (специальные) административно-правовые режимы: понятие и обоснование необходимости введения // Журнал российского права. - 2016. - № 4 (232). - С. 72-81.
15. Хазанов С. Д., Лифанов Д. М. Законодательство об экстраординарных (специальных) правовых режимах государств-участников Содружества Независимых Государств: сравнительно-правовой анализ (часть 1) // Бизнес, менеджмент и право. - 2023. - № 3 (59). - С. 15-19.
16. Шмидт Т. Н. Чрезвычайное правовое регулирование: общетеоретическое исследование: дис. … канд. юрид. наук. - Барнаул, 2014.

DOI 10.46320/2073-4506-2025-4-203-77-80

КИОСОВ Андрей Андреевич
студент, Юридический факультет, Санкт-Петербургский государственный университет

МАЛЫШЕВА Наталия Ивановна
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права, Юридический факультет, Санкт-Петербургский государственный университет

ИЗМЕНЕНИЕ ФОРМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ, ПРИНЯТЫХ ДО ВСТУПЛЕНИЯ В СИЛУ КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье анализируются изменения (преобразования) форм законодательных нормативных правовых актов, принятых до вступления в силу Конституции Российской Федерации 1993 года. Делается вывод, что форма законодательного нормативного правового акта для законов Российской Федерации и законов Российской Советской Федеративной Социалистической Республики определяется исходя из процедуры (порядка) принятия правового акта, а не из используемой для определения формы такого акта легальной терминологии.

Ключевые слова: изменение формы нормативного правового акта, форма нормативного акта, законодательный нормативный правовой акт, закон Российской Федерации, закон Российской Советской Федеративной Социалистической Республики.

KIOSOV Andrey Andreevich
student, Faculty of Law, St. Petersburg State University

MALYSHEVA Nataliya Ivanovna
Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Theory and history of state and law sub-faculty, Faculty of Law, St. Petersburg State University

CHANGING THE FORM OF LEGISLATIVE NORMATIVE LEGAL ACTS ADOPTED BEFORE THE ENTRY INTO FORCE OF THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article analyzes the changes (transformations) of the forms of legislative normative legal acts adopted before the entry into force of the Constitution of the Russian Federation in 1993. It is concluded that the form of a legislative normative legal act for the laws of the Russian Federation and the laws of the Russian Soviet Federative Socialist Republic is determined based on the procedure for adopting a legal act, and not from the legal terminology used to determine the form of such an act.

Keywords: change in the form of a normative legal act, the form of a normative act, legislative normative legal act, the law of the Russian Federation, the law of the Russian Soviet Federative Socialist Republic.

Praeterita mutare non possumus
Марк Туллий Цицерон

В отечественном правопорядке на федеральном уровне выстроена иерархическая система нормативных правовых актов. Главенствующее положение в этой системе занимает Конституция Российской Федерации[1], после которой в порядке убывания юридической силы следуют законодательные нормативные правовые акты – федеральные конституционные законы и федеральные законы[2]. Часть 1 статьи 76 Конституции 1993 года устанавливает, что в Российской Федерации на федеральном уровне принимаются федеральные конституционные законы и федеральные законы. Согласно части 3 статьи 76 Конституции РФ федеральные законы не могут противоречить федеральным конституционным законам.

Вместе с тем в отечественной правовой системе существуют законодательные нормативные правовые акты, которые, вопреки используемой в статье 76 Конституции 1993 года терминологии, именуются законами Российской Федерации и законами Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. Такие нормативные правовые акты были приняты до вступления в силу Конституции 1993 года.

На сегодняшний день существует несколько законодательных нормативных правовых актов, которые были приняты до вступления в силу Конституции 1993 года, но при этом называются федеральными законами. В отечественной правовой системе отсутствуют ограничения для принятия законодательного акта, с помощью которого может быть полностью изменен закон РФ или закон РСФСР вплоть до его формы.

Так, Закон Российской Федерации № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 был преобразован

1 Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 11.03.2025).

2 Законодательство субъектов Российской Федерации, массив подзаконных нормативных правовых актов и их место в иерархии нормативных правовых актов для целей публикации не имеют значения.

Федеральным законом № 168-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О прокуратуре Российской Федерации»[3] от 17.11.1995 (далее – Федеральный закон № 168) в форму федерального закона – стал называться Федеральным законом № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»[4] от 17.01.1992 (далее – ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации»).

В свою очередь Закон Российской Советской Федеративной Социалистической Республики № 395-1 «О банках и банковской деятельности в РСФСР» от 02.12.1990 был преобразован Федеральным законом № 17-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О банках и банковской деятельности в РСФСР»[5] от 03.02.1996 в форму федерального закона – стал называться Федеральным законом № 395-1 «О банках и банковской деятельности»[6] от 02.12.1990 (далее – ФЗ «О банках и банковской деятельности»).

Закон Российской Федерации № 4528-1 «О беженцах» от 19.02.1993 был преобразован Федеральным законом № 95-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О беженцах»[7] от 28.06.1997 в форму федерального закона – стал называться Федеральным законом № 4528-1 «О беженцах»[8] от 19.02.1993 (далее – ФЗ «О беженцах»).

Причиной для преобразования законов РФ и законов РСФСР в форму федеральных законов может быть названо принятие в 1993 году Конституции РФ, в статье 76 которой, как уже было отмечено выше, отсутствует указание на законы РФ и законы РСФСР как допустимые формы законодательных нормативных правовых актов. То есть законодатель, возможно, желал гармонизировать существовавшее до принятия Конституции 1993 года правовое регулирование с текстом статьи 76 Конституции.

Не исключено, что законодателем после принятия Конституции 1993 года планировалось проведение масштабных преобразований всех законов РФ и законов РСФСР в соответствии с текстом и духом Конституции. Однако данные перемены были осуществлены не в полном объеме. Изменения Закона РФ № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992, Закона РФ № 4528-1 «О беженцах» от 19.02.1993 и Закона РСФСР № 395-1 «О банках и банковской деятельности в РСФСР» от 02.12.1990 в форму федеральных законов были одними из шагов к гармонизации уже существовавших законодательных правовых актов с текстом Конституции 1993 года. В качестве примера иного шага на пути к согласованию законов РФ и законов РСФСР с Конституцией 1993 года можно привести Постановление Конституционного Суда РФ № 2-П от 15.01.1998[9]. В данном Постановлении Закон РФ № 5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» от 25.06.1993 не один раз именовался Конституционным Судом федеральным законом. То есть Конституционный Суд РФ назвал принятые до вступления в силу Конституции 1993 года законодательные нормативные правовые акты федеральными законами, несмотря на отсутствие реальных изменений форм этих правовых актов со стороны законодателя. Впрочем, данное использование термина «федеральный закон» в тексте указанного Постановления Конституционного Суда РФ может быть неоднократно повторенной ошибкой.

Иной причиной для преобразования законов РФ и законов РСФСР в форму федеральных законов может быть прямое указание в отдельных статьях Конституции 1993 года, которые регулируют уже упорядоченные законами РФ и законами РСФСР правоотношения, на необходимость существования нормативного правового акта именно в форме федерального закона. В подтверждение этой версии можно привести указание на необходимость внесения изменений в Закон РФ № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 в связи с принятием Конституции 1993 года, о чем прямо указано в тексте Федерального закона № 168. В тексте посвященной прокуратуре статьи 129 Конституции используется термин «федеральный закон». Часть 1 статьи 129 Конституции 1993 года устанавливает, что «полномочия и функции прокуратуры Российской Федерации, ее организация и порядок деятельности определяются федеральным законом». То есть преобразование Закона РФ № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 в форму федерального закона можно обосновать прямым указанием в тексте статьи 129 Конституции 1993 года именно на федеральный закон как на единственно разрешенную статьей 129 Конституции форму законодательного нормативного правового акта.

Впрочем, данная версия может быть опровергнута фактами преобразований Закона РФ № 4528-1 «О беженцах» от

3 Федеральный закон № 168-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.11.1995. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8394/ (дата обращения: 11.03.2025).

4 Федеральный закон № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/6e24082b0e98e57a0d005f9c20016b1393e16380/ (дата обращения: 11.03.2025).

5 Федеральный закон № 17-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О банках и банковской деятельности в РСФСР» от 03.02.1996. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9087/ (дата обращения: 11.03.2025).

6 Федеральный закон № 395-1 «О банках и банковской деятельности» от 02.12.1990. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5842/ (дата обращения: 11.03.2025).

7 Федеральный закон № 95-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О беженцах» от 28.06.1997. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_14932/ (дата обращения: 11.03.2025).

8 Федеральный закон № 4528-1 «О беженцах» от 19.02.1993. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4340/ (дата обращения: 11.03.2025).

9 Постановление Конституционного Суда РФ от 15.01.1998 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений частей первой и третьей статьи 8 Федерального закона от 15 августа 1996 года «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» в связи с жалобой гражданина А. Я. Аванова». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_17504/#:~:text=%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D1%83%D1%8E...%20%5C-,%D0%9F%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%20%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D1%81%D1%82%D0%B8%D1%82%D1%83%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D0%BE%D0%B3%D0%BE%20%D0%A1%D1%83%D0%B4%D0%B0%20%D0%A0%D0%A4%20%D0%BE%D1%82%2015.01.1998%20N%202%2D%D0%9F,%D0%90%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B0%22 (дата обращения: 11.03.2025).

19.02.1993, Закона РСФСР № 395-1 «О банках и банковской деятельности в РСФСР» от 02.12.1990 в форму федеральных законов. Внесение изменений в указанные законы не обосновывалось необходимостью приведения нормативных правовых актов в соответствие с Конституцией 1993 года. В тексте Конституции, например, нет упоминаний специальных федеральных законов, которые должны регулировать банковскую деятельность. То есть версия о прямом указании в отдельных статьях Конституции 1993 года на необходимость существования именно федерального закона для регулирования конкретных правоотношений как о причине для изменения формы законодательных актов может быть поставлена под сомнение.

Кроме того, даже прямое указание в тексте конкретной статьи Конституции 1993 года на федеральный закон как единственно возможную форму правового акта не означает невозможность существования законодательного нормативного правового акта иной формы. Например, в части 2 статьи 70 Конституции 1993 года указано, что «статус столицы устанавливается федеральным законом». Однако, несмотря на данное непосредственное указание в тексте Конституции на необходимость принятия акта в форме федерального закона, нормативный правовой акт о статусе столицы имеет форму закона РФ – Закон РФ № 4802-1 «О статусе столицы Российской Федерации» от 15.04.1993[10]. Хотя изменения в текст Закона РФ № 4802-1 «О статусе столицы Российской Федерации» от 15.04.1993 вносились законодателем неоднократно, но ни одно из них не касалось преобразования формы этого законодательного нормативного правового акта.

Форма законодательного нормативного правового акта для законов РФ и законов РСФСР определяется исходя из процедуры (порядка) принятия правового акта, а не из используемых для определения формы такого акта терминов. То есть терминологическое наименование правового акта (его форма как закона РФ, закона РСФСР) вторично по отношению к процедуре (порядку) принятия такого акта. ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации», ФЗ «О беженцах», ФЗ «О банках и банковской деятельности», несмотря на преобразования их форм в федеральные законы, сущностно являются законами РФ и РСФСР. Несмотря на формальное приведение в соответствие со статьей 76 Конституции 1993 года формы, ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации», ФЗ «О беженцах», ФЗ «О банках и банковской деятельности» фактически остаются законами РФ и РСФСР, которые были приняты до вступления в силу Конституции 1993 года. Сам факт принятия данных актов до вступления в силу Конституции влечет неблагоприятные последствия при проверке соответствия данных законодательных нормативных правовых актов Конституции 1993 года.

При рассмотрении дел о соответствии Конституции 1993 года нормативных актов по главе IX Федерального конституционного закона № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»[11] от 21.07.1994 (далее – ФКЗ «О Конституционном Суде РФ») пределы проверки устанавливаются статьей 86. Согласно части 2 статьи 86 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ» проверка конституционности нормативных актов органов государственной власти, принятых до вступления в силу Конституции 1993 года, производится Конституционным Судом только по содержанию норм. Это означает, что сохранившиеся в отечественном законодательстве законы РФ и законы РСФСР не могут быть проверены Конституционным Судом по форме нормативного правового акта, по порядку его принятия, с точки зрения принципа разделения властей и т.д. Таким же образом, например, статья 99 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ» устанавливает пределы проверки при рассмотрении дел о конституционности нормативных правовых актов по жалобам на нарушения конституционных прав и свобод: статья 99 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ», будучи отсылочной нормой, устанавливает те же пределы проверки, что и статья 86 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ».

Прямо упоминаемая в тексте Конституции 1993 года прокуратура Российской Федерации не входит ни в одну из ветвей власти, предложенных в классической концепции разделения властей. При этом в ситуации возможного возникновения сомнений в конституционности ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации» с точки зрения соблюдения принципа разделения властей обращающийся в Конституционный Суд не вправе ожидать от Конституционного Суда оценки места прокуратуры в системе разделения властей. Таким образом, все принятые до вступления в силу Конституции 1993 года законодательные нормативные правовые акты будут проверяться на соответствие Конституции только по содержанию норм вне зависимости от формы – закона РФ, закона РСФСР или, как в ситуации с ФЗ «О прокуратуре Российской Федерации», ФЗ «О беженцах», ФЗ «О банках и банковской деятельности», федерального закона.

Возникает уникальная ситуация: форма законодательного нормативного правового акта как федерального закона является вторичной по отношению к его содержанию и порядку (процедуре) принятия в виде закона РФ, закона РСФСР. При этом будет ошибочным утверждать о распространении данного вывода о вторичном характере формы на нормативные правовые акты, принятые после вступления в силу Конституции РФ. Причиной служит часть 1 уже упоминавшейся статьи 86 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ», которая закрепляет полномочие Конституционного Суда устанавливать соответствие Конституции 1993 года нормативных актов органов государственной власти по форме нормативного акта.

Изменения форм законодательных нормативных правовых актов не могут быть мотивированы необходимостью гармонизации нормативных актов, принятых до вступления в силу Конституции 1993 года, с текстом Конституции. В Конституции 1993 года используются термины «закон» (например, статья 13), «федеральный закон» (например, статья 36)

10 Закон РФ № 4802-1 «О статусе столицы Российской Федерации» от 15.04.1993. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_3356/ (дата обращения: 11.03.2025).

11 Федеральный конституционный закон № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» от 21.07.1994. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4172/ (дата обращения: 11.03.2025).

и «федеральный конституционный закон» (например, статья 56). Кроме того, в тексте Конституции 1993 года упоминаются «законы и иные правовые акты» (например, статья 15), «законы и иные нормативные правовые акты» (например, статья 76) и «законодательство» (например, статья 71).

Согласно части 1 статьи 108 Конституции РФ федеральные конституционные законы принимаются только по прямо предусмотренным в самой Конституции вопросам. Конституция 1993 года дает начало всем федеральным конституционным законам, сама находит свое отражение и продолжение в их текстах в строго ограниченном количестве случаев. Такое исчерпывающее перечисление в тексте Конституции всех федеральных конституционных законов объясняет однозначность используемого в тексте Конституции 1993 года термина «федеральный конституционный закон». То есть в тексте Конституции 1993 года под «федеральным конституционным законом» понимается только федеральный конституционный закон. Такой вывод, на первый взгляд, должен казаться естественным и для «закона», и для «федерального закона».

Под термином «закон» в тексте Конституции 1993 года в некоторых случаях могут пониматься законы РФ, законы РСФСР, федеральные законы и федеральные конституционные законы. Так, в части 2 статьи 120 Конституции 1993 года термин «закон» относится ко всем указанным выше законодательным нормативным правовым актам. Такое понимание «закона» является верным и объяснимым, поскольку с точки зрения общей теории права законы РФ, законы РСФСР, федеральные законы и федеральные конституционные законы относятся к одной категории нормативных правовых актов – все эти нормативные правовые акты вне зависимости от их формы являются законодательными актами.

Федеральный закон является частным случаем закона, одним из видов закона. Однако под термином «федеральный закон» в тексте Конституции 1993 года в некоторых случаях также может пониматься все обозначенное многообразие законодательных нормативных правовых актов. Например, в части 3 статьи 90 Конституции под «федеральным законом» также подразумеваются законы РФ, законы РСФСР, федеральные законы и федеральные конституционные законы.

Соответственно, существование и действие принятых до вступления в силу Конституции 1993 года законов РФ и законов РСФСР не противоречит Конституции РФ. В тексте самой Конституции РФ в отдельных случаях под, казалось бы, строго определенным термином «федеральный закон» подразумеваются все виды (или разновидности) нормативных правовых актов, которые включает в себя более общее понятие «закон».

Таким образом, в Конституции 1993 года термин «федеральный закон» не имеет постоянного и единственного значения, а может подразумевать под собой все многообразие законодательных нормативных правовых актов. Получается, что преобразование Закона РФ № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992, Закона РФ № 4528-1 «О беженцах» от 19.02.1993, Закона РСФСР № 395-1 «О банках и банковской деятельности в РСФСР» от 02.12.1990 в форму федеральных законов не может быть объяснено строгостью понятийного аппарата, используемого в Конституции 1993 года, и необходимостью его соблюдения. В таком случае гипотеза о необходимости приведения Закона РФ № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 в форму федерального закона как единственно возможную по статье 129 Конституции РФ может быть поставлена под сомнение.

Необходимо особо отметить, что отсутствие терминологической строгости в используемых в Конституции 1993 года терминах «закон» и «федеральный закон» не означает отсутствия системности в конституционном регулировании.

Преобразования Закона РФ № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992, Закона РФ № 4528-1 «О беженцах» от 19.02.1993, Закона РСФСР № 395-1 «О банках и банковской деятельности в РСФСР» от 02.12.1990 в форму федеральных законов не могут быть объяснены необходимостью приведения уже существовавших форм отечественных законодательных нормативных правовых актов в соответствие с Конституцией 1993 года, поскольку существование законов РФ и законов РСФСР наряду с современными федеральными законами и федеральными конституционными законами не противоречит Конституции РФ 1993 года.

Преобразование законов РФ и законов РСФСР в федеральные законы происходило с помощью простого внесения изменений и дополнений в уже существовавшие законодательные акты. Согласно общей теории права и сформулированных в общей теории права правил юридической техники ретроспективное изменение формы законодательного акта невозможно. Кроме того, на момент изменения формы нормативного правового акта уже даже не существовало того законодательного органа, которым был принят изменяемый акт. Марк Туллий Цицерон утверждал: «Praeterita mutare non possumus»[12]. Мы действительно не можем изменить прошлого. Если придавать правовое значение форме принятых до вступления в силу Конституции 1993 года законодательных нормативных правовых актов – то попытка изменить форму акта будет являться попыткой изменить прошлое, что не представляется возможным.

12 M. Tullius Cicero, Against Piso. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseus%3Atext%3A1999.02.0013%3Atext%3DPis.%3Achapter%3D25 (дата обращения: 11.03.2025).

СУДАКОВА Ольга Васильевна
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры экономики и менеджмента, Приволжский государственный университет путей сообщения, г. Самара

СОЦИАЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ ПРАВА (ЗАКОНА)

В статье рассматривается право как регулятор общественных отношений и подчеркивается ценность права в его социальной функциональности. Социальная функция закона обеспечивает желаемое поведение, а также предотвращает нежелательное. Особое внимание уделено праву как части процесса, посредством которого оно взаимодействует, кооперируется и связывает свою сеть с обществом. Право, являясь продуктом самого общества, взаимно влияет на общество, таким образом, проявляется социальная функция права (закона). Автор разбирает составляющие данной функции: содействие и управление, разрешение споров, социальные изменения, социальное обеспечение, социальный контроль, солидарность, социальный порядок, социальная инженерия. Описывается их сущность, показывается связь этих институтов с правом.

Ключевые слова: социальная функция права, содействие и управление, разрешение споров, социальные изменения, социальное обеспечение, социальный контроль, солидарность, социальный порядок, социальная инженерия.

SUDAKOVA Olga Vasiljevna
Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Economics and management sub-faculty, Volga State University of Railway Transport, Samara

THE SOCIAL FUNCTION OF LAW

The article examines law as a regulator of public relations and emphasizes the value of law in its social functionality. The social function of the law ensures desired behavior, as well as prevents undesirable behavior. Special attention is paid to law as part of the process by which it is interconnected, interacts, cooperates and connects its network with society. Law, being a product of society itself, mutually influences society, thus manifesting the social function of law (law). The author analyzes the components of this function: assistance and management, dispute resolution, social change, social security, social control, solidarity, social order, social engineering. Their essence is described, and the connection of these institutions with law is shown.

Keywords: social function of law, assistance and management, dispute resolution, social change, social security, social control, solidarity, social order, social engineering.

Право, как социальная наука, подсистема и «слуга» общества выполняет свою функцию по отношению к нему. Общество является основой права. Поэтому можно сказать, что общество – это лаборатория, где проверяются законы. Право является показателем и зеркалом цивилизованного общества. Оно контролирует и регулирует все другие институты общества: религиозные, социальные, культурные, политические, экономические, образовательные и т.д. Оно рассматривается как инструментальное средство достижения определенной социальной цели: контроль над принудительной властью государства; средство осуществления самой власти; подчинение поведения людей установленным правилам; координация общественной деятельности; интеграция общества; разрешение споров.

В науке понятие «функций права» исследовано довольно обстоятельно. Принято выделять несколько основных функций права [1, с. 84]: регулятивная, охранительная, правовосстановительная, политическая, экономическая, воспитательная, коммуникативная. В последнее время обосновывается наличие идеологической функции права [2, с. 255]. В данной работе автор предлагает рассмотреть социальную функцию права.

Социальная функция права включает в себя сохранение цивилизации, социальных интересов, социальных норм, социальной роли, ценностей, морали, этики, социальных компонентов, социального уклада и мирных изменений; обеспечивает солидарность, единство, гармонию, стабильность и общественный порядок. Социальная функция закона заключается не только в обеспечении социальной сплоченности, но и в осуществлении социальных изменений, прогресса, например, в устранении социального зла, печально известных обычаев, предоставлении людям образовательных возможностей для контроля за нежелательной деятельностью и выработки правил поведения. Социальная функция права также включает в себя преобразование общества, поддержание социальной координации, социального взаимодействия, социальной помощи, социальной дисциплины, содействие социальной справедливости, обеспечение интеграции, установление стандартов и социальных отношений друг с другом и уменьшение социальных конфликтов.

Там, где закон не выполняет все эти функции, в обществе нет гуманности. Там, где сила – это право, там будет хаос. Это сохраняет ценность человечности, предотвращает нежелательное вмешательство. В отсутствие закона в обществе возник бы кризис, а в обществе люди всегда пребывают в страхе. Закон способствует достижению социальных благ, таких как устранение дискриминации, защита прав человека и создание глобального порядка.

Часто говорят, что закон необходим для решения основных социальных задач - защиты одного от другого и установления правил для элементарных форм общественной жизни в вопросах контрактов, собственности и семейных отноше-

ний. Закон укрепляет и делает более безопасными социальные отношения, существующие естественно и спонтанно. В современных обществах он идет гораздо дальше, изменяя и перенаправляя социальные отношения. Он используется для достижения позитивных социальных целей путем регулирования целого ряда видов деятельности, начиная с практики трудоустройства от финансовых услуг до защиты прав человека. Социальная функция связана с безопасностью людей и имущества, предсказуемостью и регулярностью общественных отношений, разрешением споров, защитой прав, обеспечением социального обеспечения, охраной окружающей среды и контролем за полномочиями должностных лиц. Закон - это инструмент решения социальных проблем и ключ к социальному планированию.

Рассмотрим суть изучаемого института более подробно. Следует выделить несколько взаимосвязанных категорий в социальной функции права.

1. Социальное содействие и управление: в обществе закон способствует социальному взаимодействию между отдельными лицами, отдельными лицами и группами, группами отдельных лиц и группами групп. Социальное содействие и управление связаны с социализацией. По определению Э. Росса [3, с. 214.], социализация — это процесс интеграции людей в социум. Сопровождается освоением правил, норм и законов жизнедеятельности социальных систем. Право играет важную роль в социализации людей.

Главной целью социализации является постановка закона на службу людям путем учета современных потребностей и контекстов закона. Право облегчает человеческие отношения и обеспечивает этическую законность. Социализация не способствует анархии; она скорее способствует социальной безопасности и социальной солидарности. Право используется для осуществления определенных частных договоренностей и социальных отношений между отдельными людьми и группами. У каждого общества есть определенные базовые потребности, например, в бизнесе, жилье, потребительских товарах, медицинском обслуживании, образовании, трудоустройстве и т.д.

Закон играет определенную роль в удовлетворении этих потребностей, он направляет и обеспечивает рамки для определения поведения членов общества.

2. Разрешение споров: закон важен, поскольку он выступает в качестве ориентира для общества. Споры неизбежны в обществе, и роль права заключается в разрешении споров, которые возникают в обществе. Он разрешает или смягчает напряженность и конфликты между отдельными лицами и группами, чтобы поддерживать солидарность какой-либо более инклюзивной группы. Споры разрешаются судами, правоохранительными органами, и альтернативными методами урегулирования споров, т.е. посредничеством, арбитражем, переговорами, примирением сторон и так далее. Закон поддерживает мир, порядок и безопасность, разрешая споры.

3. Социальный порядок: социальная функция закона заключается в упорядочивании общества, обеспечивая границы или модель для социального и индивидуального взаимодействия. Для поддержания социального порядка необходимо минимальное принуждение. Упорядочивающая функция закона включает в себя создание организации, упорядочение социальных отношений и обеспечение границ. Право также устанавливает рамки, в которых отдельные лица могут организовывать свои личные дела. Таким образом, считается, что некоторые законы предоставляют отдельным лицам возможности для реализации своих желаний, наделяя их юридическими полномочиями, предусматривая определенные процедуры, и при соблюдении определенных условий создаются структуры прав и обязанностей в рамках принудительных рамок закона. Закон не может эффективно выполнять свою упорядочивающую функцию, если система правил не является относительно стабильной. Таким образом, целью закона является обеспечение предсказуемости, чтобы правила не менялись, после принятия обязательств и чтобы можно было выбирать рациональные средства для достижения индивидуальных целей предполагаемых действий. Независимо от того, являются ли эти взаимодействия индивидуальными или социальными, закон обеспечивает рамки, в которых они могут осуществляться.

4. Социальная солидарность и социальное сплочение: социальная сплоченность - это действие или факт формирования единого целого. Закон используется для объединения общества. Социальная сплоченность действует во всех сферах общества. Например, члены семьи, клуба, политической партии и т.д. Закон должен поощрять и защищать социальную солидарность между людьми, возлагая на отдельных лиц обязанности, чтобы регулировать или упорядочивать их поведение в соответствии с ее требованиями. Социальная солидарность – это фундамент человеческого сосуществования. Таким образом, право является инструментом формирования функции поощрения социальной солидарности.

5. Социальная инженерия: цель права в современную эпоху состоит в том, чтобы уравновесить противоречивые интересы общества. Закон защищает фундаментальные права людей и является важной движущей силой для уравновешивания противоречивых интересов личности, общества и государства. Их можно поделить на три категории: частные интересы, общественные интересы и социальные интересы общества. Балансирование интересов предполагает процесс примирения, гармонизации и компромиссов между противоречивыми требованиями и интересами. Право – это совокупность знаний и опыта, с помощью которых осуществляется значительная часть социальной инженерии. Концепция социальной инженерии и балансирования интересов направлена на построение эффективной структуры общества.

6. Социальный контроль: закон является самым мощным формальным средством социального контроля в современном обществе. Ранние общества использовали неформальные средства социального контроля, но по мере того, как общество росло в размерах и усложнялось, они были вынуждены формулировать правила и предписания, определяющие соответствующее поведение отдельных лиц и устанавливающие наказания, которые должны быть применены к нарушителям. Закон меняет привычки и поведение людей, которые даже не сталкиваются с законом. Право в более широком смысле охватывает все формы социального контроля, включая обычаи, моральные кодексы и внутренние правила групп и объединений, таких как племена, клубы, церкви и корпорации. В этом контексте юридическое право - это всего лишь узкоспециализированная форма социального контроля, в которой участвуют специализированные учреждения.

Социальный контроль осуществляется путем применения силы закона. Для осуществления социального контроля необходима легитимность или обоснованность законов. Социальный контроль возможен через закон, потому что закон имеет обязательную силу и механизм реализации.

Основной целью социального контроля является обеспечение социального соответствия и социальной солидарности. У каждого члена общества могут быть разные социальные нормы, ценности, этика, различное поведение и интересы. Важно контролировать социально неприемлемое поведение и действия людей. Закон четко определяет правила и нормы, которые необходимы обществу, и наказывает за действия, которые решительно отвергаются обществом.

7. Социальные изменения: социальные изменения можно определить как процесс, в ходе которого происходят заметные изменения в структуре и функционировании определенной социальной системы. Это наблюдаемые различия в любом социальном явлении за любой период времени. Право играет роль проводника модернизации и социальных изменений. Право обеспечивает целенаправленные, планируемые и мирные социальные изменения и направляет их. Правовая система определяет параметры той роли, которую она может играть в процессе социальных изменений. Соответственно, это может либо облегчить, либо ускорить предполагаемое участие закона в достижении определенных социальных целей или оно может создавать или даже устранять свою предполагаемую цель – способствовать изменению социальной реальности.

Законодательство является одним из самых мощных и важных факторов или инструментов, которые помогают изменить общество, например, Китай, справился со своим растущим населением, экономическим развитием и модернизацией. Они приняли надлежащие законы и политику в соответствии с меняющимся обществом. Аналогичным образом, США сейчас используют закон как инструмент принуждения для достижения желаемой цели.

Социальные изменения происходят через изменение поведения людей индивидуально или в группах и организациях. Использование законодательства и судебных решений для изменения взглядов и практики в отношении дискриминации и сегрегации, вероятно, привлекло больше внимания, чем что-либо другое. Основная функция закона заключается в том, чтобы служить инструментом сознательных изменений, как в обществе, так и в отдельных людях в этом обществе. Как инициатор социальных изменений, закон, с одной стороны, приводит к фундаментальным социальным изменениям, а с другой – постоянно совершенствуется, чтобы соответствовать реалиям постоянных социальных изменений. Закон также должен быть способен адаптироваться к социальным изменениям. В этой связи закон и социальные изменения взаимозависимы, т.е. социальные изменения влияют на закон и наоборот.

8. Социальное обеспечение: социальное обеспечение указывает на благополучие всего общества. Это программы помощи, направленные на обеспечение счастья граждан. Закон направлен на то, чтобы дать возможность гражданину выполнять свои обязанности, а также помогает достичь максимального удовлетворения человеческих потребностей. Государство берет на себя основную ответственность за благосостояние своих граждан. Закон защищает интересы более слабых слоев общества и способствует социальной справедливости. Благотворительная деятельность осуществляется путем принятия соответствующих законов, и все программы социального обеспечения осуществляются в соответствии с законом. Благодаря концепции социального обеспечения государственные законы используются для достижения социальной справедливости.

Подводя итог, можно сделать вывод, что функции права, связанные с общественной жизнью, коллективными интересами и социальной полезностью, известны как социальные функции права.

Право – это социальная функция, выражение человеческого общества во внешних отношениях отдельных его членов. Одна из целей данного анализа социальных функций права состоит в том, чтобы сместить акцент в юриспруденции с более традиционного акцента на определении и сфере применения права. На самом деле, анализ социальных функций права требует всеобъемлющего изучения и расширения сферы охвата в контексте социальной реальности. Право в этом контексте включает в себя как законы, так и правовые институты в рамках правовой системы, взаимодействующие, в свою очередь, с другими системами общества.

Пристатейный библиографический список

1. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права: учебник. - М.: Юристъ, 2004. - 245 с.
2. Танская В. В., Савватеева В. В. Идеологическая функция права в теории государства и права // Бюллетень науки и практики. - 2020. - Т. 6, № 2. - С. 253-257. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://doi.org/10.33619/2414- 2948/51/28.
3. Американская социологическая мысль: тексты / Под В. И. Добренькова. - М.: Изд-во МГУ, 1994. - 496 с.

УЛАЕВА Наталия Львовна
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории права и государства, Краснодарский университет МВД России

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ ТЕКТОЛОГИЧЕСКОГО И СИНЕРГЕТИЧЕСКОГО ПОДХОДОВ В ИССЛЕДОВАНИЯХ И ФОРМИРОВАНИИ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ И ПРАВОСОЗНАНИЯ

В статье раскрываются общетеоретические вопросы современной интерпретации правовой культуры, правового сознания и правового воспитания, их роль для современного общества и построения правового государства. Особое внимание уделяется тектологическому и синергетическому подходам и присущим им методам. При этом, особо подчеркивается, что их использование позволит более полно и всесторонне подойти к осмыслению, изучению и обоснованию многих правовых процессов и явлений, позволяющих взглянуть по-новому на закономерности развития как государства и права, так и в совершенствовании самого процесса по формированию необходимого и должного современного уровня правовой культуры и, в первую очередь, ее базового структурного элемента – правосознания на современном этапе. Акцентируется внимание на основных достоинствах использования тектологического и синергетического подходов и присущих им методов в исследуемом контексте.

Ключевые слова: правовая культура, правовое сознание, правовое воспитание, правовые нормы, правотворчество, синергетика, тектология, правовая синергетика, общая теория права, теория организованных систем, синергетический подход, тектологический подход, тектологический метод, синергетический метод, синергетическая система, система права, правовое регулирование, теория самоорганизации, правовой синергизм.

ULAEVA Natalya Lvovna
Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Theory and history of law and state sub-faculty, Krasnodar University of the MIA of Russia

THE ROLE AND IMPORTANCE OF TECTOLOGICAL AND SYNERGETIC APPROACHES IN THE RESEARCH AND FORMATION OF LEGAL CULTURE AND LEGAL AWARENESS

The article reveals the general theoretical issues of the modern interpretation of legal culture, legal consciousness and legal education, their role for modern society and the construction of the rule of law. Special attention is paid to tectological and synergetic approaches and their inherent methods. At the same time, it is emphasized that their use will allow for a more complete and comprehensive approach to understanding, studying and substantiating many legal processes and phenomena, allowing us to take a fresh look at the patterns of development of both the state and law, and to improve the process of forming the necessary and appropriate modern level of legal culture and, above all, its basic structural element is legal awareness at the present stage. Attention is focused on the main advantages of using tectological and synergetic approaches.

Keywords: legal culture, legal consciousness, legal education, legal norms, law-making, synergetics, tectology, legal synergetics, general theory of law, theory of organized systems, synergetic approach, tectological approach, tectological method, synergetic method, synergetic system, legal system, legal regulation, theory of self-organization, legal synergy.

Правовая культура представляет собой некую социальную ценность для каждого общества современности, поскольку отражает весь социально значимый, накопленный положительный опыт многими поколениями и вбирающая в себя все самое лучшее и ценное в рамках общей социальной культуры, но применительно к правовым процессам и явлениям, нормам и стандартам должного и необходимого поведения.

В пределах одного и того же общества (государства) одновременно могут сосуществовать несколько правовых культур, что связано, прежде всего с многонациональным и мультирелигиозным факторами, а также историческим путем образования общества, развития того или иного государства. В этом смысле Россия не является исключением. Также следует отметить, что в общей теории права относительно формирования правовой культуры применим оценочный подход, согласно которому можно дифференцировать общество с ее высоким или низким уровнем развития, и соответственно, назревшими актуальными потребностями в ее совершенствовании.

В общей теории государства и права уделяется большое внимание понятию, существенным характеристикам, структуре, функциям правовой культуры и ее основному, базовому элементу – правовому сознанию, являющегося одновременно и одной из форм общественного сознания, а также правовому воспитанию населения. Значительное внимание также уделяется и соотношению этих в целом гуманитарных направлений с правом и их роли в механизме правового регулирования и обеспечении законности и правопорядка.

Правовая культура общества отражает уровень правосознания в обществе, степень прогрессивности механизма правового регулирования существующего в конкретном обществе. Правовое сознание непосредственно отражает взгляды на право, представление о нем и внутреннее отношение людей (общества) к праву. При этом само право не выступает самостоятельной формой общественного сознания, в то время как правосознание выступает неким источником права, т.к. так или иначе отображается в правовых нормах, влияет на правотворческий процесс и его непосредственный результат – появление, изменение и дополнение правовых норм, что в целом влияет на общественное сознание и его неизменную составляющую – правосознание. Данный сложный процесс имеет прямое отношение к формированию должного правового сознания. Это становится возможным посредством формирования, отражения в сознании населения объективного понимания норм права, осознания самого механизма правового регулирования, сущности и специфики воздействия права на общественные отношения, закрепления в праве основополагающих принципов и их действия посредством непосредственной реализации правовых норм. Формирование необходимого правового сознания распространяется и на понимание процесса обоснованной защиты прав и законных интересов человека, личности и гражданина, а также применения соответствующих мер ответственности непосредственно к правонарушителям.

Правосознание - это совокупность идей, взглядов, чувств, оценок переживаний, которые выражают отношение людей к правовым явлениям общественной жизни, к действующему и желаемому праву. Это представление о законодательстве, правосудии, правомерном или неправомерном поведении [8, с. 203]. В самой структуре правосознания правовая идеология (научное правосознание) тесно взаимодействуют с правовой психологией (обыденное правосознание), отражающих по своей сути рациональный и эмоциональный компоненты.

Роль правосознания в общественной жизни несомненна, многогранна и объективно велика, поскольку оно выступает не только необходимым критерием создания правовой нормы, но и важнейшим условием ее реализации. Для того чтобы норма права была объективной, адекватной современному этапу развития общества и общественных отношений со стороны законодателя проводится обширная работа с привлечением научных и практических специалистов, способных дать развернутый анализ на основе имеющегося, возможно даже и многовекового, опыта законотворческой

деятельности и правоприменительной практики. Что в целом позволяет дать необходимое обоснование «жизнеспособности» той или иной правовой нормы, выделить ее положительные и отрицательные стороны воздействия на общественные отношения, возможности ее более или менее стабильного существования и положительного восприятия со стороны большей части населения. В любом случае эта широкомасштабная работа со стороны законодателя требует объективной оценки многих факторов (условий) существования и развития самого общества, к числу которых принято относить, например, социальные, экономические, политические, культурные и др.

В основу данного анализа берутся разнообразные теории, концепции, научные идеи и разработки, имеющие в своем арсенале научно обоснованные, эмпирически подтвержденные и действенные методы изучения и обоснования тех или иных правовых феноменов, процессов, явлений и категорий. Однако сегодня нельзя не отметить в этом отношении новые подходы и методы, которые позволяют более полно и всесторонне подойти к осмыслению, изучению и обоснованию многих процессов и явлений, входящих в предмет изучения многих наук, в том числе и правовых, объясняющих и позволяющих взглянуть по-новому на закономерности развития государства и права. Одну из ключевых ролей в этом контексте сегодня выполняют тектологический и синергетический подходы, тектологический и синергетический методы непосредственно.

Тектология – всеобщая организационная наука, формулирующая в обобщенном виде параметры и типы всех возможных форм организации, направленная на изучение процессов организации и дезорганизации в их неразрывной связи с использованием нового теоретико-универсалистского подхода к принципам познания и освоения мира [1, с. 8]. Следует отметить, что многие десятилетия наука (учебная дисциплина) «тектология» была необоснованно под запретом. Следствием запрета явилось отсутствие дальнейших полноценных исследований и должного внимания к ней с методологической точки зрения. Как справедливо подчеркивал А. А. Малиновский, это наука в целом является одним из источников современных системных исследований [3, с. 741]. В свою очередь, Н. Н. Моисеев отмечал, что в современном прочтении «тектология» представляется как естественная составляющая теории самоорганизации [4, с. 9]. Также, он утверждал, что ныне - это перспективная дисциплина, развивающаяся под различными названиями, являющимися почти синонимами: теории самоорганизации, универсального эволюционизма, синергетики [5, с. 40]. Е. Н. Князева обосновывает в своих трудах, что тектология является предшественником синергетики и формулирует по-своему, на своеобразном языке, в особом создаваемом самом концептуальном мире немало принципов организации и управления, развиваемых в синергетике [2, с. 25]. И с этими мнениями не возможно не согласиться.

Тектологический подход, разработанный Владимиром Шухардом, представляет собой системную теорию, направленную на изучение и развитие организационных процессов. В контексте правовой культуры и правосознания этот подход может быть полезен для выявления и структурирования взаимодействий в правовой системе, улучшения эффективности правовых процессов и формирования более высоких уровней правосознания.

Синергетический подход позволяет исследовать и оценить происходящие изменения в обществе, по-новому взглянуть на детерминанты искажения формирования правовой культуры и правосознания, обосновать необходимую политику в рамках преобразования правового воспитания, необходимого для формирования должного уровня правосознания и внедрить ее на практике. Можно смело утверждать, что использование синергетического метода сегодня позволит улучшить процесс разработки и принятия актуальных нормативных правовых актов, необходимых именно на данном этапе исторического развития и совершенствования общественных отношений. Все это представляется возможным посредством использования таких элементов синергетики как: системность, линейность, самостоятельность, самоорганизация и правильная «достройка» соответствующей системы, как в механизме правового регулирования современных общественных отношений, так и общей культуре общества, и соответственно, правовой культуре и правосознании, в частности.

В целом развитое правосознание позволяет судить о высоком уровне общей и правовой культуры в обществе, нормальном развитии личности и минимизации антиобщественного поведения насколько это возможно. Формирование необходимого уровня правосознания весьма сложная задача и достигается она путем целенаправленного воздействия и прежде всего в процессе правового воспитания, основанного на передаче всего арсенала, имеющегося правового опыта и правовых идеалов, а также механизмов разрешения конфликтов в обществе от одного поколения к другому.

Сегодня как никогда, и это подчеркивается многими учеными правоведами и специалистами гуманитарного направления, появилась актуальная необходимость изучать общество не только с точки зрения социологии, правовой психологии, педагогики и др. гуманитарных наук, но и посредством, так называемого правового синергизма. Правовой синергизм является относительно новым в правовом терминологическом аппарате и призван отражать соотношение тех или иных объективных потребностей общества, отклоняющихся от общепринятых социальных стандартов, но содержащихся в нормативных предписаниях в силу генезиса самой правой системы и ее самоорганизации, наличия положительной обратной связи с социальной средой, обеспечивая тем самым ее устойчивость [7, с. 97].

Использование тектологического метода может стать полезным инструментом для разработки комплексных стратегий в области права, направленных на создание более эффективной и справедливой правовой системы, которая способствует формированию правосознания и правовой культуры в обществе. В свою очередь, синергетический метод позволяет выявить, выделить, сформулировать и описать правовые явления, ценности, идеалы и образцы к которым должен стремиться законодатель, правоприменитель, общество и гражданин для достижения целей демократического, социального и самое главное правового государства.

Используя методологический инструментарий тектологии и синергетики можно осуществить качественный анализ происходящих в государстве изменений, как переходного этапа, так и в рамках тех или иных процессов и преобразований, включая совершенствование уровня правовой культуры и правосознания, модернизации или трансформации правового регулирования общественных отношений. Тектологический и синергетический подходы позволяют более грамотно исследовать и оценить, используя присущие им методы, детерминанты искажения, нарушения равновесия, устойчивости элементов правовой системы или их полного разрушения. Данные походы позволяют также обосновать не только наиболее эффективные и жизнеспособные элементы правовой системы на основе «жизненного» цикла предыдущих, но и в сочетании выявить современные проблемы в формировании правовой культуры и ее важнейшего элемента - правового сознания; обосновать причины и условия их возникновения; определить должную качественную государственную политику формирования эффективной правовой культуры и правосознания, установления необходимого их уровня на основе имеющегося опыта и исторического развития соответствующего общества.

Пристатейный библиографический список

1. Богданов А. А. Тектология (Всеобщая организационная наука). – Берлин, Пг. - М., 1922.
2. Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Основания синергетики. Режимы с обострением, самоорганизация, темпомиры. - СПб.: Алетейя, 2002. - С. 25.
3. Малиновский А. А. Красный Гамлет // Вестник Российской Академии наук. - 1994. - Т. 64. - № 8.
4. Моисеев Н. Н. Тектология Богданова - современные перспективы // Вопросы философии. - 1995. - № 8. - С. 9.
5. Моисеев Н. Н. Современный рационализм. - М.: МГВП «КОКС», 1995. - С. 275;
6. Вершков А. А. Тектология: современное прочтение // Экономика и управление. - 2008. - № 1. - С. 40.
7. Улаева Н. Л. Синергетический подход и синергетическая методология как основа познания права и исследования правовой действительности // Евразийский юридический журнал. - 2024. - № 6 (193). - С. 97.
8. Хропанюк В. Н. Теория государства и права: учеб. пособ. для высш. учеб. завед. / Под ред. проф. Стрекозова В. Г. - М.: «Дабахов, Ткачев, Димов», 1995.

ФУРМАН Татьяна Геннадьевна
кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры конституционного и административного права, Северо-Западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Санкт-Петербург

Фурман Т. Г.

НАЦИОНАЛЬНО-ПАТРИОТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ИДЕНТИФИКАЦИЯ

В данной статье представлено комплексное исследование феномена национально-патриотической идентичности и механизмов идентификации в современных условиях. На основе теоретического анализа и эмпирического исследования раскрыты ключевые компоненты формирования национально-патриотической идентичности, определены основные факторы влияния на процессы идентификации. Проведенный анализ динамики изменений национальной идентификации за период 2020-2024 гг. позволил выявить существенные трансформации в структуре идентичности современного общества; представлены результаты социологического исследования, демонстрирующие корреляцию между различными факторами идентичности и их влияние на формирование национально-патриотического самосознания.

Ключевые слова: национально-патриотическая идентичность, идентификация, социокультурные факторы, национальное самосознание, патриотическое воспитание, гражданская позиция, социальная интеграция.

FURMAN Tatyana Gennadjevna
Ph.D. in cultural studies, associate professor, associate professor of Constitutional and administrative law sub-faculty, Northwestern Institute of Management, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, St. Petersburg

NATIONAL-PATRIOTIC IDENTITY AND IDENTIFICATION

This article presents a comprehensive study of the phenomenon of national-patriotic identity and identification mechanisms in modern conditions. On the basis of theoretical analysis and empirical research the key components of the formation of national-patriotic identity are revealed, the main factors of influence on the processes of identification are determined. The analysis of the dynamics of changes in the national identification for the period 2020-2024 allowed to reveal significant transformations in the structure of identity of modern society; the results of the sociological study demonstrating the correlation between different identity factors and their influence on the formation of national-patriotic self-consciousness are presented.

Keywords: national-patriotic identity, identification, socio-cultural factors, national self-consciousness, patriotic education, civic position, social integration.

Введение

В современном мире вопросы национально-патриотической идентичности приобретают особую значимость в контексте глобализационных процессов и трансформации общественного сознания. Научное осмысление данной проблематики предполагает комплексный анализ механизмов формирования и развития национально-патриотической идентификации как социокультурного феномена.

Актуальность исследования обусловлена динамичными изменениями в структуре общественных отношений, которые существенно влияют на процессы самоидентификации граждан. Трансформация ценностных ориентиров, усиление глобализационных тенденций и цифровизация социального пространства формируют новые вызовы для сохранения национальной идентичности.

Цель исследования заключается в теоретическом обосновании и практическом анализе современных форм национально-патриотической идентификации в условиях социокультурных трансформаций.

Достижение поставленной цели предусматривает решение следующих задач: раскрыть содержание понятия национально-патриотической идентичности; определить ключевые факторы её формирования; проанализировать современные механизмы идентификации; разработать практические рекомендации по укреплению национально-патриотической идентичности.

Охарактеризуем концептуальные основы национально-патриотической идентичности.

Национально-патриотическая идентичность представляет собой сложный социально-психологический феномен, определяющий самоидентификацию личности через призму национальных и патриотических ценностей. Современная научная мысль рассматривает данный концепт как многоуровневую систему, включающую когнитивные, эмоциональные и поведенческие компоненты [3, с. 45].

Структурный анализ компонентов национально-патриотической идентичности позволяет выделить ключевые элементы данного феномена (таблица 1).

Методологический базис исследования национально-патриотической идентичности опирается на междисциплинарный подход, интегрирующий достижения социологии, психологии и политологии. Современные исследователи

Таблица 1. Компоненты национально-патриотической идентичности

Компонент	Содержание	Значимость (%)
Когнитивный	Знание истории, традиций, культуры	35
Эмоциональный	Чувство принадлежности к нации	30
Поведенческий	Социальная активность, участие	25
Ценностный	Патриотические установки, идеалы	10

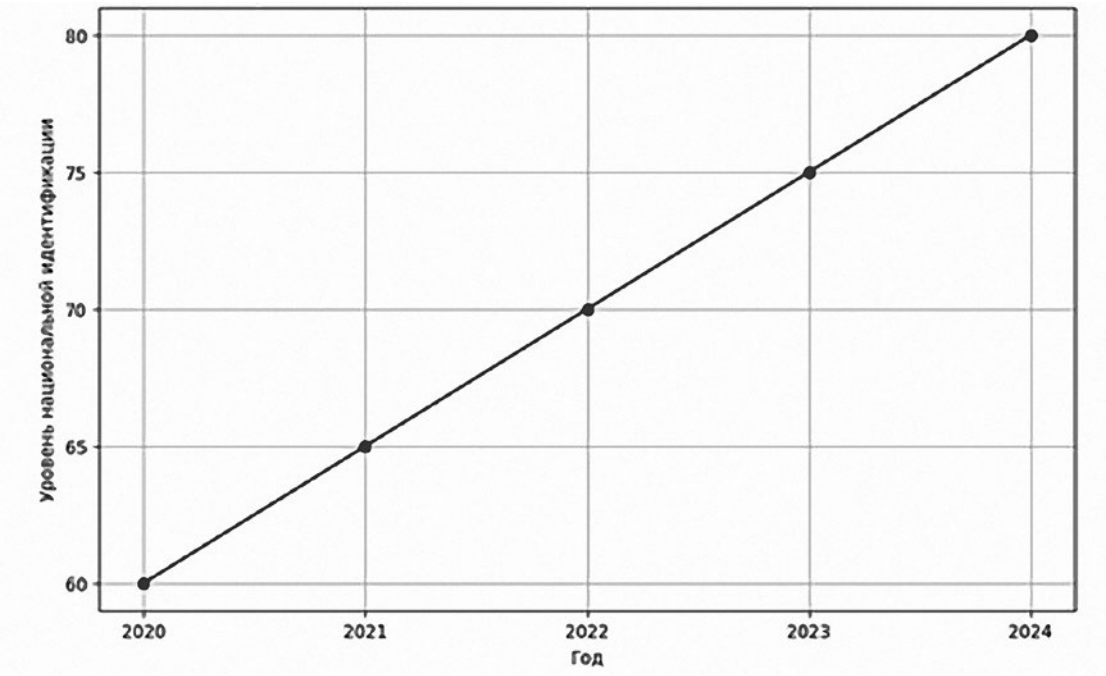

Рисунок 1. Динамика изменения национальной идентификации

подчеркивают динамический характер идентификационных процессов [4, с. 156].

Особую значимость приобретает изучение механизмов формирования национально-патриотической идентичности в условиях глобализации. Цифровая трансформация общества создает новые вызовы для традиционных форм идентификации [2, с. 78].

Концептуальное осмысление феномена национально-патриотической идентичности требует учета исторического контекста и современных социокультурных реалий. Научное сообщество акцентирует внимание на необходимости разработки новых теоретических моделей, отражающих специфику идентификационных процессов в информационном обществе [7, с. 67].

На основе анализа литературы можно охарактеризовать следующие факторы формирования идентичности.

Социально-культурная трансформация общества предопределяет множественность факторов, влияющих на процесс становления национально-патриотической идентичности. Фундаментальный анализ данного феномена демонстрирует комплексную природу идентификационных механизмов [6, с. 123].

Глобализационные процессы модифицируют традиционные паттерны формирования идентичности. Цифровая среда создает новые каналы социализации, трансформируя способы передачи культурных кодов и национальных ценностей [2, с. 45]. Социологические исследования фиксируют изменение динамики идентификационных процессов в различных возрастных группах (рисунок 1).

Представленная динамика свидетельствует об устойчивом росте уровня национальной идентификации за последние пять лет. Социокультурные трансформации стимулируют повышение интереса к национальным традициям и ценностям [4, с. 178].

Институциональные механизмы формирования идентичности включают образовательную систему, культурные учреждения, средства массовой информации. Синергетический эффект их взаимодействия определяет эффективность процесса национально-патриотической идентификации [3, с. 89].

Семейный институт сохраняет позиции базового транслятора национально-культурных ценностей. Межпоколенческая передача традиций, обычаев, исторической памяти формирует фундамент идентификационных процессов [1, с. 234].

Информационно-коммуникационные технологии создают новые форматы конструирования идентичности. Виртуальные сообщества, социальные сети, цифровые платформы расширяют пространство идентификационных практик [5, с. 167].

Территориальный фактор модифицирует специфику формирования национально-патриотической идентичности. Региональные особенности, локальные традиции, культурное наследие определяют уникальные черты идентификационных процессов в различных социально-территориальных общностях [7, с. 145].

В структуре исследования национально-патриотической идентичности в проведенном исследовании приме-

Таблица 2. Результаты опроса по национальной идентификации (2023-2024 гг.)

Компонент идентичности	Высокий уровень (%)	Средний уровень (%)	Низкий уровень (%)
Гражданская позиция	45,2	35,6	19,2
Патриотические чувства	52,3	31,4	16,3
Культурная общность	38,7	42,1	19,2
Историческая память	41,5	38,3	20,2
Социальная активность	33,8	44,5	21,7

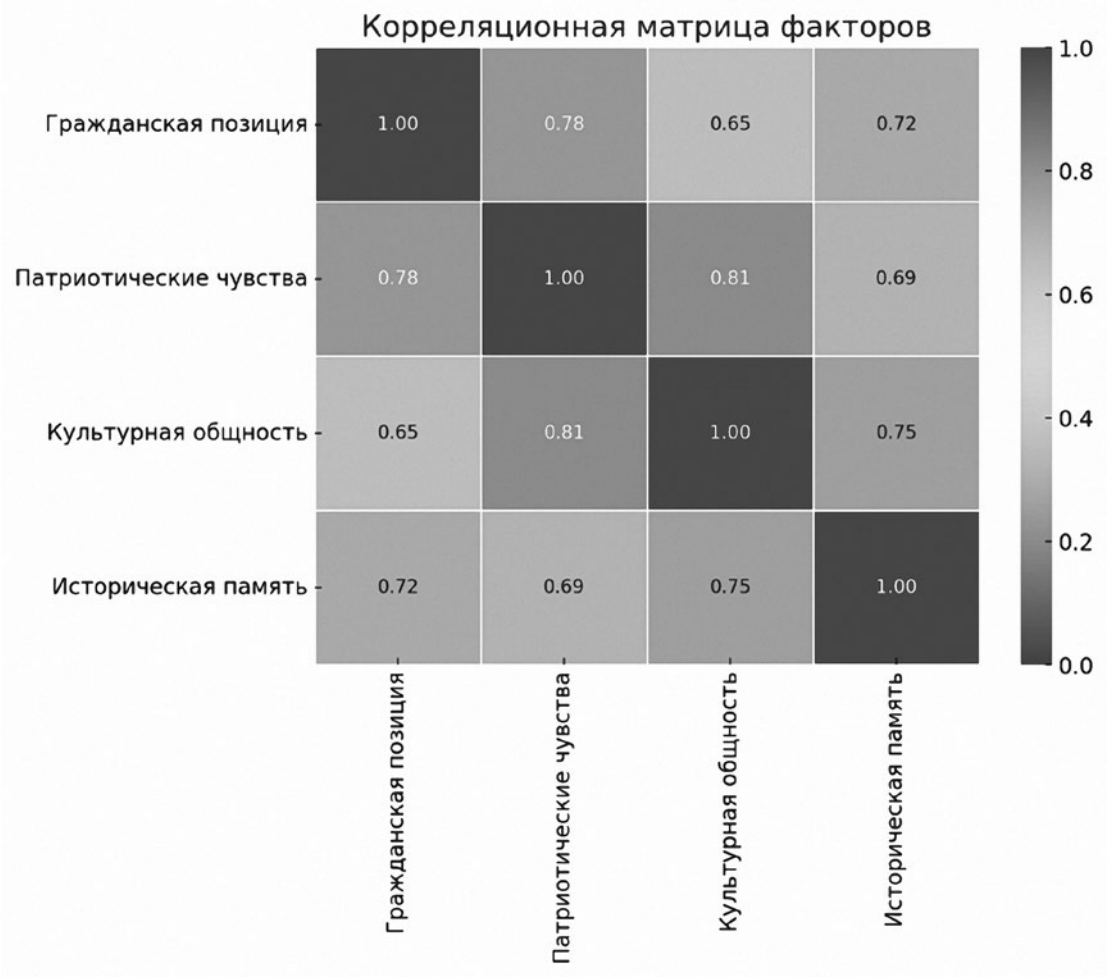

Рисунок 2. Корреляция факторов идентичности (2024 г.)

нен комплексный методологический подход, сочетающий количественные и качественные методы анализа. Базовым инструментом сбора эмпирических данных выступил социологический опрос, проведенный в период с января по март 2024 года. Выборка составила 450 респондентов из различных социально-демографических групп населения [3, с. 128].

Методологический инструментарий исследования включил анкетирование по структурированному опроснику, глубинные интервью с экспертами в области социальной психологии и культурологии, а также контент-анализ медиа-пространства. Математическая обработка полученных данных осуществлена с применением статистического пакета SPSS, что позволило обеспечить достоверность результатов на уровне 95 % [5, с. 67].

Анкета исследования структурирована по пяти тематическим блокам, отражающим ключевые компоненты национально-патриотической идентификации. Результаты опроса демонстрируют распределение ответов респондентов по основным индикаторам идентичности (таблица 2).

Особое внимание в исследовании уделено изучению факторов, влияющих на формирование национально-патриотической идентичности [1, с. 89]. Методика оценки базируется на многофакторном анализе, учитывающем социально-экономические, культурные и политические аспекты. Применение корреляционного анализа позволило выявить степень взаимосвязи между различными компонентами идентичности [4, с. 156].

Методологическая база исследования также включает сравнительный анализ полученных данных с результатами аналогичных исследований в других странах, что обеспечивает более широкий контекст интерпретации результатов. Использование международного опыта позволило выявить универсальные и специфические характеристики процесса национально-патриотической идентификации [2, с. 45].

Результаты исследования.

Анализ собранных эмпирических данных определил существенные трансформации в структуре национально-патриотической идентичности современного общества. Мате-

матическая обработка результатов исследования позволила выявить значимые корреляционные связи между различными компонентами идентификации (рисунок 2).

Корреляционный анализ демонстрирует высокую степень взаимосвязи между патриотическими чувствами и культурной общностью (r=0,81), что свидетельствует о значительном влиянии культурных факторов на формирование патриотического самосознания [4, с. 157].

Статистический анализ данных выявил существенную дифференциацию в уровне национально-патриотической идентификации среди различных социально-демографических групп. Молодежная аудитория демонстрирует более высокие показатели гражданской активности при относительно низком уровне исторической памяти [2, с. 48].

Значительную роль в процессе формирования национально-патриотической идентичности играют цифровые коммуникации и социальные медиа. Контент-анализ медиа-пространства выявил устойчивую тенденцию к росту интереса к национальной культуре и истории в онлайн-среде [5, с. 89].

Многомерный анализ полученных данных свидетельствует об устойчивой трансформации структуры национально-патриотической идентичности в современных условиях. Статистическая обработка результатов определила значимые различия в характере идентификационных процессов среди различных социально-демографических групп [3, с. 134].

Полученные результаты позволяют констатировать высокую степень интеграции патриотических установок с гражданской позицией респондентов. Математическая обработка данных фиксирует корреляционную зависимость между уровнем социальной активности и степенью выраженности патриотических чувств [2, с. 47].

Выводы

Проведенное исследование национально-патриотической идентичности и идентификации позволило сформулировать ряд существенных выводов. Комплексный анализ теоретических и практических аспектов продемонстрировал многогранность данного феномена в современных социокультурных условиях.

Систематизация научных подходов к изучению национально-патриотической идентификации подтвердила необходимость интегративного рассмотрения данного процесса. Теоретический анализ выявил взаимосвязь между компонентами идентичности и факторами её формирования, что расширило научное понимание механизмов национальной самоидентификации личности.

Практическое исследование обнаружило динамические изменения в структуре национально-патриотической идентификации современной молодежи. Полученные результаты свидетельствуют о трансформации традиционных форм идентичности под влиянием глобализационных процессов. При этом сохраняется устойчивая тенденция к сохранению базовых патриотических ценностей и установок.

Проведенное эмпирическое исследование позволило установить корреляцию между социокультурными факторами и особенностями формирования национально-патриотической идентичности. Выявленные закономерности указывают на необходимость дифференцированного подхода к развитию патриотического самосознания различных социальных групп.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Российская газета. - 2012. - № 303.
2. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. - 2021. - № 27.
3. Абрамов А. В. Патриотизм и национальная идентичность в современной России: социокультурный анализ // Вестник Московского государственного областного университета. - 2023. - № 2. - С. 12-23.
4. Горшков М. К. Российская идентичность в контексте западной цивилизации // Социологические исследования. - 2023. - № 7. - С. 34-45.
5. Тишков В. А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. - М.: Наука, 2023. - 649 с.
6. Центр исследований гражданского общества и некоммерческого сектора НИУ ВШЭ. Национально-гражданская идентичность россиян: аналитический отчет. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://grans.hse.ru/identity2024 (дата обращения: 06.03.2025).
7. Российский институт стратегических исследований. Формирование национально-государственной идентичности в современной России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://riss.ru/identity/report2024 (дата обращения: 06.03.2025).

ЗРУМОВ Мухамед Мусарбиевич
аспирант 2-го года обучения кафедры теории, государства и права, Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х. М. Бербекова, г. Нальчик

БИФОВ Талустан Бесланович
аспирант 2-го года обучения кафедры теории, государства и права, Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х. М. Бербекова, г. Нальчик

АНАЛИЗ ФОРМ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ШАРИАТА С СОВРЕМЕННЫМ РОССИЙСКИМ ПРАВОМ

В статье приводится анализ форм взаимодействия шариата с действующим российским законодательством, оценивается совместимость норм шариата с нормами российского законодательства. Особое внимание уделяется обзору причин возрастающего интереса к роли шариата в развитии правовой системы Российской Федерации (РФ). Одной из причин повышения интереса к вопросу взаимодействия шариата с современным российским правом является процесс возрождения ислама, мусульманские общины проявляют активность в социально-политической жизни государства. Данные тенденции характерны не только для субъектов РФ, где проживает преимущественно население, исповедующее ислам. Одной из проблем является сохранение угрозы исламского экстремизма. В правовом и политическом развитии мусульманского мира усиливается роль шариата, а в странах Запада возникают конфликты с мусульманскими меньшинствами. Сформировалось несколько вариантов сопоставления современного российского законодательства с нормами шариата. Отсутствует обоснование реализации предписаний шариата, которое отличалось бы единством. Определены несколько вариантов возможного взаимодействия российского законодательства и шариата, некоторые из которых имею практику применения в прошлом. Одна из форм предполагает прямое включение в российскую законодательную систему норм шариата. Другая форма сводится к включению в законодательство ссылки на исторические или местные традиции, что дает возможность применять отдельные нормы шариата.

Ключевые слова: российское законодательство, шариат, мусульмане, конфликты, правовая система, традиции, федеральное законодательство, общество, регионы.

ZRUMOV Mukhamed Musarbievich
postgraduate student of the 2nd year of study of Theory, state and law sub-faculty, Kh. M. Berbekov Kabardino-Balkarian State University

BIFOV Talustan Beslanovich
postgraduate student of the 2nd year of study of Theory, state and law sub-faculty, Kh. M. Berbekov Kabardino-Balkarian State University

ANALYSIS OF THE FORMS OF INTERACTION BETWEEN SHARIA AND MODERN RUSSIAN LAW

The article provides an analysis of the forms of interaction of Sharia with the current Russian legislation, assesses the compatibility of Sharia norms with the norms of Russian legislation. Particular attention is paid to an overview of the reasons for the growing interest in the role of Sharia in the development of the legal system of the Russian Federation (RF). One of the reasons for the increased interest in the issue of interaction of Sharia with modern Russian law is the process of the revival of Islam, Muslim communities are active in the socio-political life of the state. These trends are characteristic not only of the subjects of the Russian Federation, where the population that professes Islam predominantly lives. One of the problems is the continued threat of Islamic extremism. The role of Sharia in the legal and political development of the Muslim world is increasing, and in Western countries, conflicts with Muslim minorities arise. Several options for comparing modern Russian legislation with Sharia norms have been formed. There is no justification for the implementation of Sharia prescriptions, which would be distinguished by unity. Several options for possible interaction of Russian legislation and Sharia are defined, some of which have practical application in the past. One of the forms involves the direct inclusion of Sharia norms in the Russian legislative system. Another form is to include in legislation references to historical or local traditions, which makes it possible to apply individual norms of Sharia.

Keywords: Russian legislation, Sharia, Muslims, conflicts, legal system, traditions, federal legislation, society, regions.

В Российской Федерации значительно возрастает роль ислама, следует отметить, что данный процесс характерен не только для мусульманской уммы. На жизнь российского общества, национальные и политические преобразования и конфликты в государстве оказывают влияние процессы развития ислама и именно этими обстоятельствами обусловлен интерес ученых и специалистов к шариату, а именно формам его возможного взаимодействия с действующим российским законодательством. На Северном Кавказе происходили данные процессы, которые оказали значительное влияние на жизнь общества в регионах [3, с. 118].

В законотворческом процессе в вопросах политического, экономического, социально развития и образования мусульманские организации принимают активное участие. Особенно это заметно в субъектах Российской Федерации (РФ), где в основном проживают народы, которые исповедуют ислам. В Российской Федерации принят документ «Основные положения социальной программы российских мусульман», который разработан и принят в целях решения проблем мусульманского населения РФ. Документ детально разъясняет принципы взаимоотношения мусульман с обществом и светским государством в различных сферах жизнедеятельности общества, так как это взаимодействие имеет свои специфические особенности. Быстрый рост численности мусульманских меньшинств за пределами мира ислама также является причиной, которая объясняет повышенный интерес к шариату в России на современном этапе правого развития. На примере мусульманских общин вне регионов традиционного распространения ислама – Поволжья и Северного Кавказа наиболее четко отражена данная тенденция. Процесс трансформации данных групп в значимый компонент общественно-политической жизни иногда сопровождается конфликтами, основной которых является противостояние социально-нормативных культур и особенности менталитета. Именно наличие таких противоречий способствует повышению внимания со стороны государства и общества к шариату. Сложилось мнение в обществе, что мусульманское население стремится навязать свой образ жизни немусульманскому социуму, в том числе и внедрить шариатские правила [1, с. 75].

Обозначенные выше обстоятельства объясняют острые дискуссии относительно вопроса включения норм шариата в правовую систему РФ. Мусульмане являются инициаторами постановки данного вопроса. На этом пути предпринимаются и практические действия, а не исключительно призывы в устной форме. Опыт действия норм шариата в РФ и законодательные инициативы в данной области является подтверждением этих обстоятельств.

В современной России можно выделить несколько типичных моделей обращения к нормам шариата и реализации его предписаний в сопоставлении с действующим законодательством. Характер соотношения позитивного права (законодательства) и шариата следует рассматривать как

основание классификации форм взаимодействия российского права и шариата. Нормы российского права и шариата в определенной степени противостоят друг другу, но параллельно существуют и не пересекаются между собой, но возникает вопрос, возможно ли их взаимодействие в пределах одной системы юридических норм [5, с. 71].

Государственные органы некоторых субъектов РФ в определенный период, а именно на этапе усиления тенденций распространения ислама, обозначали цели и выдвигали инициативы закрепления норм и институтов шариата в действующей системе законодательства. Основой таких инициатив являлось мнение о совместимости российского законодательства и шариата. В результате разработки таких проектов происходило прямое официальное признание норм шариата, предписания и нормы шариата включали в российские нормативно-правовые акты. Приведем пример такого события в законотворческой деятельности одного из субъектов РФ. В Республике Ингушетия 19 июля 1999 г. были принят президентский указ № 166. Данный указ закреплял право граждан мужского пола заключать до четырех браков с лицами женского пола, которые не состоят в браке. Народное собрание (Парламент) Ингушетии приняло закон «О регулировании некоторых вопросов семейно-брачных отношений в Республике Ингушетия» 31 июля «О регулировании некоторых вопросов семейно-брачных отношений в Республике Ингушетия». Закон был принят со ссылкой на демографическую ситуацию, которая складывалась в те годы и традиции, складывающиеся веками. Он воспроизводил положения принятого ранее президентского указа касаемо многоженства. Таким образом, на местные адаты и образ жизни жителей Республики Ингушетии, оказывают влияние нормы шариата, которые отражены в нормативно-правовых актах. В правовой жизни современной России сложились различные варианты оправдания обращения к шариату. Некоторые рассматривают шариат как альтернативный вариант действующей правовой системе. Однако сторонники такого мнения не думают о юридической интерпретации предлагаемых проектов, в основном они ориентированы исключительно на религиозные постулаты. Данная модель характерна для мусульман или мусульманских сообществ, которые в целом принимают законодательную базу государства, лояльны по отношению к государственной власти, на насколько возможно, предпочитают жить по предписаниям шариата. Мусульмане, которые заключают полигамные браки, придерживаются данного мнения. Некоторые мусульманские деятели отмечают, что для них приоритетным в сравнении с позитивным правом является шариат. Указанная позиция также требует внимания в целях понимания оснований для такого мнения. В связи с возрастающим интересом к нормам шариата, проблемам в сфере взаимодействия норм шариата и российского законодательства рациональным является анализ отношения российских государственных структур и отдельных представителей власти к шариату как норме права в контексте его сопоставления его с действующими нормами российского законодательства. К данному вопросу не сформировалось единое мнение относительно вопроса взаимодействия шариата с современным российским правом [4, с. 76].

И. Л. Бабич провел исследование ситуации в Кабардино-Балкарской республике и выделил три подхода, которые разделяют властные структуры, правоохранительные органы, депутатский корпус и общественные объединения. В рамках данных подходов сформировались, по мнению некоторых специалистов, формы взаимодействия шариата с современным российским правом [2, с. 5].

Первая форма взаимодействия выстраивается на основе сложившегося положения, фактически действующих на данный момент норм шариата и адата без закрепления на законодательном уровне. При этом не должно происходить искусственное возрождение традиций, которые сложились в прошлом. В целом при данном подходе не происходит взаимодействия шариата с современным российским законодательством, они существуют параллельно. Вторая форма основывается на принятии законодательства, которое включает сохранение сложившихся обычаев, традиций, играющих позитивную роль. Сторонники данной формы взаимодействия шариата и российского законодательства, которые предполагают реформирование судебной и правовой систем, с учетом традиционного права – это краеугольный камень во взаимоотношениях между Россией и Кавказом. Многие государственные и общественные деятели являются сторонниками третьей формы взаимодействия шариата и современного российского права. Сторонники данной позиции утверждают, что в целом сложилась единая правовая система РФ, которая повлияла на образ жизни населения в регионах Северного Кавказа и прежние традиции оказывают минимальное влияние на все сферы жизнедеятельности. И соответственно отсутствуют основания о существовании двойственной системы норм адата, шариата и позитивного права, а возрождение и тем более легализация норм шариата не стоит рассматривать как актуальную проблему. Следует отметить, что российские исследователи взвешены в своих взглядах на взаимодействие шариата с действующим законодательством. Однако и здесь возникают различные подходы. Некоторые историки, этнографы, специалисты в области права констатируют в своих научных работах факты действия норм шариата в современной России, но детальный юридический анализ ситуации отсутствует [6, с. 28].

Другие авторы напротив, избегают простого описания и акцентируют внимание на сферах общественных связей, где возможно и в определенной степени должны применяться нормы шариата в качестве правового механизма. Для этих суждений характерны существенные недостатки: декларативность, отсутствие оценки через призму юриспруденции, обоснование возможности обращения с правовых ракурсов к шариату. По этой причине предложения, которые выдвигают авторы о взаимодействии шариата и российского законодательства следует рассматривать как их личные субъективные предпочтения, которые не имеют в целом правового подкрепления. Некоторые этнографы отмечают, что шариат может иметь правовую нишу на Северном Кавказе. Авторы отстаивают позицию, что нормы шариата следует легализовать в традиционном жизненном укладе на Северном Кавказе, т.е. он должен фактически получить юридическое признание. Обозначенный подход совпадает с позицией исследователей, которые придерживаются того, что не стоит бороться с мусульманским правом. Необходимо детально изучить нормы шариата использовать возможность направления в нужное русло, которое будет согласовано с нормами федерального законодательства. У сторонников данной позиции отсутствуют аргументы правового характера. Юридическое обоснование в пользу или против шариата можно найти в немногочисленных публикациях юристов, которые, однако, придерживаются различных, порой прямо противоположных мнений по данной проблеме. Одни исследователи делают акцент на непреодолимых противоречиях между исламским и российским правом, снимая тем самым проблему их совместимости. Из этого подхода вытекает очевидный вывод, который не нуждается в специальной аргументации: взаимодействие шариата с российским законодательством в целом представляется процессом невозможным, так как возникает множество противоречий.

Пристатейный библиографический список

1. Антонов Б. А. Правовая система ислама: конфликтный «союз» интерпретаций понятия «шариат» // Теория государства и права. - 2022. - № 4 (29). - С. 73-86.
2. Бабич И. Л. Шариат в обществах Северо-западного Кавказа в прошлом и настоящем // Кавказ и Центральная Азия: аналитические материалы, текущие события. - 2008. - № 6. - С. 3-18.
3. Дзуцев Х. В., Дибирова А. П. Шариат в структуре ценностей населения республик Северо-Кавказского федерального округа // Социология. - 2018. - № 4. - С. 117-128.
4. Кириллов Ф. П. Исламское право (шариат) и международное право: аспекты совместимости и конфликты // В сборнике: Международно-правовая система и наука в поиске ответов на глобальные вызовы. Сборник научных статей молодых исследователей. Санкт-Петербург. - 2024. - С. 75-80.
5. Манторов А. А. Исламское право и шариат: превосходство и проблемы // Теология: теория и практика. - 2022. - Т. 1, № 3. - С. 70-83.
6. Муцалов Ш. Ш., Аруйнис Е. Л. Мусульманское право: соотношение понятий шариат и фикх, аспекты правопонимания // Закон и право. - 2022. - № 10. - С. 27-33.

КАРАКОВ Максим Яковлевич
аспирант 3-го курса, Пятигорский государственный университет

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ВОИНСКОЙ ОБЯЗАННОСТИ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ

Караков М. Я.

В данной статье анализируется эволюция института воинской обязанности в Российской Федерации, начиная с Конституции 1993 года, которая ввела понятие «долг» и «обязанность» граждан по защите Отечества, отказавшись от прежней трактовки как «дела народа». Особое внимание уделено конституционному закреплению права на альтернативную гражданскую службу, что отражает баланс между государственными интересами и правами личности.

Статья подчеркивает динамику правового регулирования, сочетающего традиции с современными вызовами, и акцентирует внимание на сбалансированности между обороноспособностью страны и защитой прав граждан.

Ключевые слова: воинская обязанность, альтернативная гражданская служба, призывная система, контрактная служба, мобилизация, права граждан, военная реформа, цифровизация призыва.

KARAKOV Maxim Yakovlevich
postgraduate student of the 3rd course, Pyatigorsk State University

LEGISLATIVE BASES OF MILITARY DUTY IN POST-SOVIET RUSSIA

This article analyzes the evolution of the institution of military duty in the Russian Federation, starting from the Constitution of 1993, which introduced the concept of «duty» and «obligation» of citizens to protect the Fatherland, abandoning the previous interpretation as «the work of the people». Special attention is paid to the constitutional enshrinement of the right to alternative civilian service, which reflects the balance between state interests and individual rights.

The article emphasizes the dynamics of legal regulation, combining traditions with modern challenges, and focuses on the balance between the defense of the country and the protection of citizens' rights.

Keywords: military duty, alternative civilian service, conscription system, contractual service, mobilization, citizens' rights, military reform, digitalization of conscription.

Конституция Российской Федерации 1993 года вновь ввела понятие «долг» применительно к защите Отечества, но отказалась от его характеристики как государственной функции или «дела народа» [1]. Значительным нововведением стало конституционное признание права на альтернативную гражданскую службу, которое ранее существовало только на законодательном уровне с 1885 по 1939 год. Это изменение отразило более широкую приверженность индивидуальным правам и свободам, особенно в контексте свободы совести.

В настоящее время правовое регулирование воинской обязанности в Российской Федерации осуществляется в основном Федеральным законом от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» [2] дополненным Федеральным законом от 26 февраля 1997 г. № 31-ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации» [3]. Эти законы создают комплексную основу для воинского учета, призыва, прохождения службы, обязанностей резерва и военных сборов.

Статья 59 Конституции Российской Федерации 1993 года устанавливает защиту Отечества как «долг» и «обязанность» граждан, сочетая моральные и правовые аспекты [1]. Такая дуалистическая формулировка подчеркивает сложный характер воинского долга, балансирующего между государственными интересами и правами личности. Знаковое положение части 3 статьи 59 гарантирует гражданам право на альтернативную гражданскую службу, если их убеждения или религия противоречат военной службе, укрепляя принципы свободы совести и личной автономии.

Современный период характеризуется сдвигом в сторону профессионализации вооруженных сил в сочетании со смешанной системой призыва-контракта. С 2008 года срок службы по призыву постепенно сокращается до 12 месяцев, в то время как объем контрактной службы расширяется [2]. Эти изменения отражают растущую сложность военной техники и потребность в высококвалифицированных кадрах, а также стремление повысить эффективность и боеспособность вооруженных сил.

Следует отметить, что институт воинской обязанности в России претерпел значительную эволюцию, пройдя путь от идеологических основ в советское время до своей нынешней формы сбалансированного правового и морального обязательства. В постсоветский период наблюдается целенаправленный отход от идеологических рамок с усилением акцента на правах личности и профессионализации. Эти преобразования отражают более широкие сдвиги в геополитическом положении России, военной доктрине и социально-экономических условиях, формируя современную правовую архитектуру воинской обязанности.

Конституция Российской Федерации 1993 года вновь ввела понятие «обязанность» применительно к защите Отечества, что ознаменовало значительный отход от прежней характеристики ее как государственной функции или «дела народа». Заметным нововведением стало конституционное признание права на альтернативную гражданскую службу – положение, существовавшее ранее только на законодательном уровне в период с 1885 по 1939 год. Это изменение подчеркнуло стремление к балансу между государственными интересами и правами личности, особенно в сфере свободы совести. Сегодня правовое регулирование воинской обязанности в России осуществляется в основном Федеральным за-

коном № 53-ФЗ от 28 марта 1998 года «О воинской обязанности и военной службе» с дополнениями, изложенными в Федеральном законе № 31-ФЗ от 26 февраля 1997 года «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации».

Институт воинской обязанности в Российской Федерации за последние десятилетия претерпел существенные изменения, отражающие сдвиги в геополитическом положении страны, военной доктрине и социально-экономических условиях. Статья 59 Конституции 1993 года закрепляет защиту Отечества как «долг» и «обязанность» граждан. Эта дуалистическая формулировка объединяет морально-этические императивы и правовые обязательства, подчеркивая многогранность военной службы. Новаторским дополнением к статье 59 является положение части 3, которое гарантирует гражданам право на альтернативную гражданскую службу, если их убеждения или религия противоречат военной службе. Это положение представляет собой значительный шаг вперед в обеспечении свободы совести при соблюдении баланса между потребностями государственной обороны и правами личности.

Федеральный закон № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» является краеугольным камнем современного военного регулирования в России. Он представляет собой комплексный документ, регулирующий все аспекты воинской обязанности, включая постановку на воинский учет, подготовку, призыв на военную службу, прохождение военной службы по призыву, пребывание в запасе и военные сборы. В закон неоднократно вносились поправки, адаптированные к изменяющимся общественным и военным потребностям.

Определяющей чертой современной эпохи является тенденция к профессионализации вооруженных сил при сохранении смешанной системы призыва и контракта. С 2008 года срок службы по призыву постепенно сокращается до 12 месяцев, при этом расширяется контрактная служба. Эти изменения отражают растущую сложность военных технологий и потребность в высококвалифицированном персонале, а также усилия по повышению общей эффективности вооруженных сил.

Система отсрочек и освобождений от военной службы претерпела значительные изменения в постсоветский период, что отражает стремление сбалансировать военные потребности с демографическими и социальными соображениями. Например, отсрочки по учебе, которые раньше были широко доступны всем студентам высших учебных заведений, теперь регулируются более строго. Это изменение направлено на то, чтобы отсрочки предоставлялись только тем, чье образование соответствует национальным приоритетам.

Институт альтернативной гражданской службы, регулируемый Федеральным законом № 113-ФЗ от 25 июля 2002 года «Об альтернативной гражданской службе» [4], представляет собой еще одно важное событие. Несмотря на законодательное закрепление этой возможности, ее практическая реализация сталкивается с проблемами, в том числе с процедурными сложностями и ограниченным кругом организаций, утвержденных для прохождения службы. Несмотря на эти препятствия, данное положение остается важнейшей гарантией для лиц, отказывающихся от военной службы по соображениям совести.

Федеральный закон № 31-ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации» [3] устанавливает правовые основы мобилизации граждан в кризисные периоды. Он определяет функции органов государственной власти, органов местного самоуправления и граждан, обеспечивая согласованное реагирование на чрезвычайные ситуации в стране. Кроме того, Федеральный закон № 76-ФЗ от 27 мая 1998 года «О статусе военнослужащих» [5] определяет права, свободы и социальные гарантии военнослужащих и членов их семей, подчеркивая заботу государства об их благополучии.

В последние годы Российская Федерация внедряет цифровые технологии для оптимизации военных процессов. Внедрение информационных технологий позволило улучшить постановку на воинский учет, медицинское освидетельствование и связь между призывниками и военными комиссариатами. Важным нововведением 2023 года стал запуск системы электронного оповещения призывников через Единый портал государственных услуг, что повысило прозрачность и эффективность процесса призыва. Одновременно были ужесточены наказания за уклонение от военной службы, что отражает повышенное внимание государства к дисциплине и ответственности.

Правовое регулирование воинской обязанности в Российской Федерации находится в состоянии динамичной эволюции, балансируя между историческими традициями и современными вызовами. Принципы равенства и универсальности остаются основополагающими, но их реализация постоянно корректируется в соответствии с современными геополитическими, технологическими и социальными требованиями. В условиях, когда Россия сталкивается с глобальными вызовами безопасности, государственная правовая политика в области обороны и безопасности делает акцент на сбалансированном сочетании призыва и службы по контракту, модернизации военной подготовки, военно-патриотическом воспитании молодежи. Эти меры направлены на укрепление обороноспособности страны при соблюдении прав и свобод граждан.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 01.02.2025).
2. О воинской обязанности и военной службе: Федеральный закон от 28.03.1998 № 53-ФЗ (ред. от 30.12.2023) // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 13. – Ст. 1475. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18260 (дата обращения: 01.02.2025).
3. О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации: Федеральный закон от 26.02.1997 № 31-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 9. – Ст. 1014. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_14069 (дата обращения: 01.02.2025).
4. Об альтернативной гражданской службе: Федеральный закон от 25.07.2002 № 113-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3030. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37811 (дата обращения: 01.02.2025).
5. О статусе военнослужащих: Федеральный закон от 27.05.1998 № 76-ФЗ (ред. от 19.12.2023) // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 22. – Ст. 2331. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18868 (дата обращения: 01.02.2025).

КАРАШЕВ Кантемир Анзорович
аспирант 2-го года обучения кафедры теории, государства и права, Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х. М. Бербекова, г. Нальчик

ПЕКОВ Анзор Замирович
аспирант 2-го года обучения кафедры теории, государства и права, Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х. М. Бербекова, г. Нальчик

АНАЛИЗ ОСОБЕННОСТЕЙ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВАХ

Развитие законодательства в сфере регулирования интеллектуальной собственности является одним из приоритетных направлений государственной политики в области права. Интеллектуальная собственность является значимый объектом и ее защита определяет уровень научного, технологического и инновационного развития государства. В статье представлен обзор основных этапов развития российского законодательства об интеллектуальных правах с момента зарождения законодательной системы о защите интеллектуальных прав. Особенности развития российского законодательства об интеллектуальных правах определены влиянием государственных и политических преобразований, которые в целом и определяли характер законодательной базы в области охраны интеллектуальных прав. Сформированная на современном этапе система законодательства об интеллектуальны правах, не является совершенной и в целом находится в стадии развития. Проведение реформы не устранило все проблемы в сфере охраны интеллектуальной собственности и соответственно необходимо проведение мероприятий, направленных на модернизацию законодательства об интеллектуальных правах. Некоторые специалисты отмечают недостаточность регулирования интеллектуальных прав в рамках Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) и отмечают необходимость принятия специализированного кодекса по охране объектов интеллектуальной собственности, что, по их мнению, является более целесообразным и эффективным.

Ключевые слова: интеллектуальные права, интеллектуальная собственность, лицензия, авторские права, произведения, патент, автор, гражданские права, защита.

KARASHEV Kantemir Anzorovich
postgraduate student of the 2nd year of study of Theory, state and law sub-faculty, Kh. M. Berbekov Kabardino-Balkarian State University, Nalchik

PEKOV Anzor Zamirovich
postgraduate student of the 2nd year of study of Theory, state and law sub-faculty, Kh. M. Berbekov Kabardino-Balkarian State University, Nalchik

ANALYSIS OF THE DEVELOPMENT FEATURES OF RUSSIAN LEGISLATION ON INTELLECTUAL RIGHTS

The development of legislation in the field of intellectual property regulation is one of the priority areas of state policy in the field of law. Intellectual property is a significant object, and its protection determines the level of scientific, technological and innovative development of the state. The article provides an overview of the main stages of the development of Russian legislation on intellectual rights since the inception of the legislative system for the protection of intellectual rights. Features of the development of Russian legislation on intellectual rights are determined by the influence of state and political transformations, which generally determined the nature of the legislative base in the field of intellectual rights protection. The system of legislation on intellectual rights formed at the present stage is not perfect and is generally in the development stage. The reform has not eliminated all the problems in the field of intellectual property protection and, accordingly, it is necessary to carry out measures aimed at modernizing the legislation on intellectual rights. Some experts note the insufficiency of intellectual rights regulation within the framework of the Civil Code of the Russian Federation (CC RF) and note the need to adopt a specialized code for the protection of intellectual property, which in their opinion is more appropriate and effective.

Keywords: intellectual rights, intellectual property, license, copyright, works, patent, author, civil rights, protection.

Особенности исторического развития России в значительной степени повлияли на развитие российских авторских прав. Отечественная законодательная система, регулирующая сферу интеллектуальных прав, сформировалась относительно поздно. Если в странах Европы и США в целом уже функционировала система защиты авторских прав, то в России появлялись только первые нормативно-правовые акты, в определенной степени, регулирующие отношения в области интеллектуальных прав. По мнению большинства исследователей, началом становления российского законодательства об интеллектуальных правах является XIX век. Это мнение не является единодушным.

В 1812 был принят «Манифесте о привилегиях на разные изобретения и открытия в художествах и ремеслах». По мнению ученых именно данный документ является нормативно-правовым актом в определенной степени регламентирующим использование интеллектуальных прав. В соответствии с принятым манифестом устанавливалось следующее: ««привилегию» автор «может в уреченное привилегией время пользоваться изобретением или открытием, яко неотъемлемой и исключительной его собственностью, и вследствие того». Следующим нормативно-правовым актом принято считать «Цензурный устав» 1828 года». Значимые нормы «авторского права» в той форме, которая существовал в 19 веке, содержались в «Цензурном уставе». Документ был направлен на защиту прав авторов, издателей и литературных произведений. Книгоиздательская деятельность в России до принятия данного устава являлась монополией государства [3], [4].

Начало XX века является следующим этапом развития российского законодательства в области интеллектуальных прав. В 1911 году был разработан и принят закон «Об авторском праве». Принятие закон способствовало расширению сферы действия авторских прав. Отличительными особенностями нового правового акта в отличие от принятых ранее были развитая законодательная техника и соответствие мировым аналогам данного периода. Закон 1911 года действовал недолго, и его действие было приостановлено историческими событиями, а именно Октябрьской революцией 1917 года. Ранее сложившаяся модель прав интеллектуальной собственности не соответствовала государственному устройству и с 1917 года начинает формироваться советская модель права интеллектуальной собственности. Советская модель защиты интеллектуальных прав отличается категоричным непризнанием частной формы интеллектуальной собственности. Закон 1911 года был отменен после разработки и принятия Декретов ЦИК от 29 декабря 1917 г. и СНК от 26 ноября 1918 г., которые определили новый статус произведений – «государственное достояние». Таким образом, основным направлением развития законодательства в области защиты интеллектуальных прав была национализация объектов интеллектуальной собственности. До 1924 года значительно усилились тенденции национализации объектов интеллектуальной собственности. Только в годы Новой экономической политики (НЭПа) тотальная национализация объектов интеллектуальной собственности была признана излишней и в целом, было понятно, что такой подход к объектам интеллектуальной деятельности себя не оправдывает [5], [6], [7].

Регулирование сферы интеллектуальной собственности подверглось качественным изменениям в 1985 году, когда в СССР началась перестройка. В 1990 году был принят Закон «О собственности в РСФСР», который закрепил на законодательном уровне понятие интеллектуальной собственности, следует отметить, что это произошло впервые. Окончательное направление законодательства об интеллектуальных правах в русло рыночных отношений происходит в 1993 году с принятием Закона РФ «Об авторском праве и смежных правах. Закон был принят на основе проведенного детального анализа опыта зарубежных стран и международных соглашений. Была сформирована новая система объектов интеллектуальной собственности, которые следовало защищать, четко были зафиксированы права авторов, сформирована иерархия нормативно-правовых актов, регламентирующих вопросы интеллектуальной собственности. До 2008 года именно данный закон регламентировал порядок защиты объектов интеллектуальной собственности. С 2008 года регулирования отношений в сфере объектов интеллектуальной собственности регламентировано частью IV Гражданского кодекса РФ. Закон РФ «Об авторском праве и смежных правах» прекратил действия с момента принятия части IV Гражданского кодекса РФ. В России начинается современный этап законодательного регулирования интеллектуальных прав. Принятие своего собственного законодательства для России стало необходимостью после распада СССР, так действие советских нормативно-правовых актов было стало невозможных в новых условиях [8].

Право интеллектуальной собственности является подотраслью системы гражданского права. В соответствии со статьей 2 Гражданского кодекса Российской Федерации исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности (интеллектуальную собственность) регулируются гражданским законодательством. Закон об интеллектуальной собственности предусматривает три института: авторское право и смежные права; промышленная собственность; нетрадиционные объекты интеллектуальной собственности. Сложным институтом является законодательство о промышленной собственности и включает следующие компоненты: патенты; средства индивидуализации; недобросовестная конкуренция. Конституция Российской Федерации гарантирует защиту интеллектуальной собственности: «Каждому гарантируется свобода литературной, художественной, научной, технической и других видов творческой деятельности, а также преподавания» (статья 44). Защита законом интеллектуальной собственности обязательна, что соответствует статье 15 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах (МПЭСКП) [1].

В ст. 71 Конституции РФ содержится положение, согласно ему правовое регулирование интеллектуальной собственности является компетенцией Российской Федерации, как и уголовное, гражданское и иные отрасли права. Статьей 138 не предусмотрен перечень объектов интеллектуальной собственности, которые следует охранять законом, а представлены общие примечания о результатах интеллектуальной деятельности и средствах индивидуализации, являющихся объектами исключительных прав. В соответствии с ГК РФ объекты интеллектуальной собственности защищены только «в случаях и в порядке, установленных настоящим Кодексом и другими законами». Охрана результата интеллектуальной деятельности осуществляется только в том случае, если это предусмотрено законом. ГК РФ не являлся прямым источником права, пока не была принята часть четвертая. К регулированию интеллектуальной собственности применялись его нормы. Сформировалась двухуровневая система права интеллектуальной собственности в Российской Федерации. ГК РФ, который предусматривал общее регулирование гражданских правоотношений, применимых также к интеллектуальным правам – это первый уровень. Второй уровень включал отдельные специализированные законы [2].

Влияние на изменения в сфере российского законодательства об интеллектуальных правах оказало и значительное расширение перечня объектов интеллектуальной собственности, так были введены новые объекты интеллектуальной собственности: фирменные наименования, коммерческие обозначения, новые смежные права. Появились также новые институты права интеллектуальной собственности, такие как залог исключительных прав. Появление новых объектов и институтов интеллектуальной собственности являлось необходимостью. В соответствии с законодательством об интеллектуальной собственности некоторые нормы, а именно нормы о защите от недобросовестной конкуренции были исключены из правовой охраны [10, с. 358].

В четвертую часть ГК РФ некоторые нормы были перенесены из предыдущих законов без существенных изменений, что в дальнейшем создает проблемы в реализации практической деятельности по защите интеллектуальных прав. К таким объектам относятся лицензионные положения, некоторые вопросы законодательства о патентах и селекционных достижениях и т.д. Ранее сложившаяся двухуровневая система российского гражданского права, в которой, как отмечено, было раннее, первым уровнем являлся ГК РФ, а вторым уровнем отдельные специализированные акты. Данному разделению на два уровня не соответствует подробному регулированию прав интеллектуальной собственности в соответствии с ГК РФ. Это в целом противоречит традиционно сложившейся законодательной системе.

Данный подход является значимой угрозой целостности российского гражданского законодательства и репутации Гражданского кодекса как основного источника гражданского права. Кроме того, детальное регулирование положений об интеллектуальной собственности исключительно в рамках Гражданского кодекса и отсутствие специализированных законов об интеллектуальной собственности делают законодательство об интеллектуальной собственности менее гибким и препятствуют появлению новых объектов интеллектуальной собственности и институтов в рамках правового поля. В связи с вышесказанным было бы целесообразно выделить часть четвертую из Гражданского кодекса и принять на ее основе кодекс интеллектуальной собственности, сохранив общие положения об интеллектуальной собственности в Гражданском кодексе. Принятие кодекса интеллектуальной собственности вместо части четвертой Гражданского кодекса позволило бы получить все положительные результаты кодификации как таковой и избежать вышеупомянутых недостатков [9, с.2].

Таким образом, развитие российского законодательства об интеллектуальных правах – это сложный многоэтапный процесс, который еще не завершен и находится под воздействием множества факторов. Процесс не завершен и на данном этапе требует преобразований, направленных на модернизацию законодательной системы в области охраны интеллектуальных прав.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ). - 30.11.1994. - № 51-ФЗ.
3. Манифест от 17 июня 1812 г. «О привилегиях на разные изобретения и открытия в художествах и ремеслах» // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. - Т. XXXII (1812-1815). - 1830. - С. 355-356.
4. Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год: напечатан по распоряжению Министерства народного просвещения. [Электронный ресурс] // Портал НЭБ.
5. Пункт XII Закона от 20 марта 1911 года «Об авторском праве» // Собрание узаконений и распоряжений Правительства. - 1911. - № 61.
6. Декрет ВЦИК от 29.12.1917 «О государственном издательстве».
7. Декрет Совета народных комиссаров РСФСР от 26.11. 1918 года «О признании научных, литературных, музыкальных и художественных произведений государственным достоянием».
8. Закон РСФСР от 24.12.1990 № 443-1 (ред. от 24.06.1992, с изм. от 01.07.1994) «О собственности в РСФСР».
9. Кудинов М. А. История развития отечественного законодательства об интеллектуальных правах // Новый юридический вестник. - 2022. - № 2 (35). - С. 1-4.
10. Рузакова О. А. Об отдельных проблемах развития российского законодательства об интеллектуальных правах // В сборнике: кадры и их влияние на развитие интеллектуальной собственности в России. Сборник научных статей к 70-летию профессора И. А. Близнеца. - Москва. - 2024. - С. 358-367.

КОРОЛЕВ Алексей Александрович
аспирант, Волжский государственный университет водного транспорта; заместитель прокурора Дивеевского района Нижегородской области

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ АВТОМАТИЗИРОВАННОЙ СИСТЕМЫ ПРАВОВОЙ СТАТИСТИКИ

Статья посвящена вопросам правового регулирования внедрения в деятельность органов прокуратуры и правоохранительных органов Государственной автоматизированной системы правовой статистики. Проведен анализ использования цифрового модуля учета работы надзорного ведомства и органов предварительного расследования. Внесены предложения по усовершенствованию правового регулирования цифровизации деятельности органов прокуратуры.
Ключевые слова: цифровая трансформация, прокуратура, прокурорский надзор, Государственная автоматизированная система правовой статистики.

KOROLEV Alexey Alexandrovich
postgraduate student, Volga State University of Water Transport; Deputy prosecutor of Diveyevsky district, Nizhny Novgorod region

FEATURES OF THE LEGAL REGULATION OF THE FUNCTIONING OF THE STATE AUTOMATED SYSTEM OF LEGAL STATISTICS

The article is devoted to the issues of legal regulation of the introduction of the State Automated System of Legal Statistics into the activities of the Prosecutor's Office and law enforcement agencies. The analysis of the use of the digital accounting module for the work of the supervisory authority and the preliminary investigation bodies has been carried out. Proposals have been made to improve the legal regulation of the digitalization of the activities of the prosecutor's office.
Keywords: digital transformation, prosecutor's office, prosecutor's supervision, State Automated System of Legal Statistics.

В рамках реализации Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры Российской Федерации в работу надзорного ведомства внедряется значительное число информационных инструментов, одним из которых является Государственная автоматизированная система правовой статистики (далее – ГАС ПС).

Указанный инструмент представляет собой цифровую платформу для осуществления органами прокуратуры статистического учета сообщений о преступлениях, состоянию преступности и результатов работы правоохранительных органов, а также и самого надзорного ведомства.

Стоит отметить, что мероприятия по внедрению данного автоматизированного механизма предусмотрены статьей 52 Федерального закона о прокуратуре.

Прокуратура является важным институтом в системе правопорядка, в связи с тем вопрос повышения эффективности ее деятельности является актуальным. Концепция цифровой трансформации надзорного ведомства предполагает создание условий для реализации полномочий посредством использования информационных инструментов.

Одной из задач органов прокуратуры является обеспечение формирования статистической дисциплины в правовой сфере. Для исключения фактов искажения статистической отчетности правоохранительными органами работниками прокуратуры ежедневно изучается большой объем статистических карточек, проверяется их соответствие материалам уголовных дел, надзорных производств.

Статистическая дисциплина в правовой сфере подразумевает строгий учет и обработку данных о деятельности правоохранительных органов. Это важно для анализа и оценки данных, поскольку достоверные данные статистической отчетности позволяют анализировать тенденции состояния законности, оценивать эффективность как органов прокуратуры, так и поднадзорных органов и учреждений, а также выявлять проблемные аспекты в различных отраслях жизни. Достоверные данные статистической отчетности также важны при принятии управленческих решений, так как распределение кадрового обеспечения государственных и муниципальных органов базируется на показателях цифровых данных. Кроме того, статистические данные помогают выявлять возможные нарушения прав граждан и факты коррупции в правоохранительных органах.

Целью создания ГАС ПС является автоматизация процессов, связанных с деятельностью органов прокуратуры в сфере правовой статистики, что позволяет повысить их эффективность и улучшить качество работы.

Указанному цифровому инструменту присущи ряд задач. Так, ГАС ПС позволяет автоматизировать документооборот в сфере правовой статистики посредством внесения электронных образов документов в систему, а также подтверждения цифровых показателей подкрепленными файлами.

Кроме того, ГАС ПС позволяет вести централизованный учет работы прокуроров, а следовательно, поднадзорных органов и учреждений в формате близком к реальному времени, обеспечивая возможность быстрого доступа к необходимой информации. Это позволяет прокурорам более эффективно анализировать статистику и принимать обоснованные решения.

Еще одной задачей модуля является повышение открытости работы прокуратуры. Автоматизация и централизация процессов позволяет вышестоящим прокурором оперативно реагировать на ситуацию, складывающуюся в определенной части как по зональному, так и по предметному принципу. К примеру, при анализе аппаратом прокуратуры субъекта работы гормежрайспецпрокуратур в ГАС ПС могут быть оперативно выявлены нетипичные отклонения в показателях надзорной деятельности, что способствует оперативной корректировки работы.

На основе сведений из учетных карточек и подготовленных проектов показателей ведомственной отчетности составляются аналитические таблицы и проводятся анализы результатов надзора и иных направлений прокурорской деятельности, разрабатываются мероприятия и управленческие решения в целях повышения эффективности деятельности органов прокуратуры.

По своей структуре ГАС ПС состоит из трех основных частей, к которым относится правовая статистика, книга учета сообщений о преступлениях, а также модуля учета работы прокуроров, объединенных в единый портал.

Описание функциональных возможностей различных модулей ГАС ПС демонстрирует, как система направлена на автоматизацию и оптимизацию работы органов прокуратуры. В состав модуля входит 6 компонентов. Подробнее рассмотрим каждую из перечисленных частей.

1. Ввод данных. Этот компонент предназначен для автоматизации процессов работы с первичной информацией, что включает данные о результатах надзорной и иной деятельности прокуратуры. Благодаря этому модулю, сотрудники прокуратуры могут оперативно и точно вносить данные, что минимизирует вероятность ошибок и ускоряет процесс обработки информации.

2. Журнал изменений УРП. Журнал изменений служит для ведения учета и отображения всех изменений, проис-

ходящих в первичных данных. Это позволяет обеспечить прозрачность и отслеживаемость изменений, что особенно важно для поддержания правоприменительной практики и контроля за состоянием законности.

3. Журнал формирования учетных карточек. Этот компонент предназначен для формирования отчетов о созданных учетных карточках и прикрепленных к ним файлах. Возможность экспорта отчетов и детализированного просмотра их показателей делает этот инструмент полезным для анализа и мониторинга работы прокуратуры.

4. Сводные и предварительные ведомственные отчеты. Он позволяет эффективно собирать и представлять статистические данные за отчетные и произвольные периоды.

5. Конструктор ведомственной отчетности. Данный модуль предназначен для ведения форм ведомственной отчетности, утвержденных приказами Генерального прокурора Российской Федерации. Он также позволяет агрегировать сводные данные о результатах деятельности прокуратуры, а также задавать алгоритмы расчета показателей и правила форматно-логического контроля отчетности, что обеспечивает единообразие и точность отчетности.

6. Конструктор отчетов УРП. Этот компонент позволяет формировать пользовательские (нерегламентированные) статистические отчеты на основе данных ведомственных отчетов и первичных данных. Это дает возможность пользователям настраивать отчеты в соответствии с конкретными потребностями и запросами, что значительно повышает гибкость работы системы.

Каждый из этих компонентов играет важную роль в автоматизации работы органов прокуратуры в сфере правовой статистики, что позволяет повысить качество и эффективность формирования статических данных.

Учет деятельности прокуроров осуществляется через внесение информации пользователями в специальные экранные формы модуля сразу после завершения прокурорских проверок.

Это включает в себя заполнение форм по выявленным нарушениям законов, оформление актов прокурорского реагирования, получение данных о рассмотрении принятых мер, согласование внеплановых проверок юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, санкционирование решений налоговых и таможенных органов, вынесение прокурором постановлений о возбуждении дел об административных правонарушениях, организацию мероприятий по координации работы правоохранительных органов по борьбе с преступностью, публикацию материалов с выступлениями прокуроров в СМИ, направление заключений на проекты нормативно-правовых актов, а также взаимодействие с государственными органами и местным самоуправлением, законодательную инициативу и реализацию других полномочий, предусмотренных законодательством.

Отмечая основные особенности правового генезиса ГАС ПС, следует отметить, что начало процесса межведомственной цифровизации статического учета в правоохранительных органах явилась реформа органов внутренних дел и возложение в 2011 году на прокуратуру функционала по ведению указанного единого учета.

На основании приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 25.12.2024 № 947 в органах и организациях прокуратуры с 1 января 2025 года продолжена опытная эксплуатация модуля.

Анализируя правовую основу функционирования ГАС ПС, следует сказать, что она имеет двухуровневую систему. Так, основные начала ее работы, структура и элементы информационного взаимодействия определены ее Положением, утвержденным Постановлением Правительства Российской Федерации от 15.12.2020 № 2113. Кроме того, согласно указанного положения ввод в эксплуатацию системы возложен на Министерство цифрового развития совместно с Генеральной прокуратурой, а оператором системы – органы прокуратуры.

Порядок непосредственной работы в модулях учета, создание и заполнение карточек учета определяется организационно-распорядительными документы прокуратуры.

Так, приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 25.12.2024 № 947 введена в действие Временная инструкция по учету работы прокуроров в модуле «Учет работы прокуроров» ГАС ПС, которой детально урегулирована организация учета, содержание и порядок заполнения экранных форм модуля, формирование ведомственных статистических отчетов, организационно-методическое и технологическое обеспечение учета работы, хранение, анализ и экспорт данных учетных карточек и основанных на них ведомственных статистических отчетов.

На текущий момент ГАС ПС позволяет формировать все виды государственных и ведомственных форм статистической отчетности посредством создания в модуле учета необходимых карточек.

По итогам проведенного анализа потенциала ГАС ПС следует сказать, что безусловно эта система является одной из ключевых в цифровой трансформации органов прокуратуры, благодаря которой увеличивается достоверность статистических данных, повышает эффективность работы органов, а также повышает потенциал научных исследований в области правовой статистики, так как данные, собранные в модуле, могут быть использованы для исследований в области права и криминологии.

По результатам анализа работы ГАС ПС, на наш взгляд, ее развитие необходимо производить в сфере интеграции с иными информационными базами правоохранительных органов [7].

В соответствии со статей 17 Федерального закона «О полиции» на органы внутренних дел возложены полномочия по формированию и ведению банков данных о гражданах. В этих целях ведомством ведется база ИЦ МВД России, которая представляет собой централизованные оперативно-справочные учеты, предназначенные для информационного обеспечения деятельности органов полиции и иных правоохранительных органов. Также для обеспечения единообразного и полного учета преступлений издан совместный приказ от 29.12.2005 «О едином учете преступлений».

В целях автоматизированного заполнения карточек учета для формирования государственной отчетности в ГАС ПС и ее проверки на логический контроль с данными ИЦ МВД России предлагаем внести изменения в статью 17 Федерального закона «О полиции», дополнив ее положениями, устанавливающими обязанность полиции предоставлять информацию, содержащуюся в банках данных, в органы прокуратуры, для ее дальнейшей автоматизированной интеграции в системе правовой статистки.

ГАС ПС представляет собой важный инструмент, способствующий улучшению правоприменительной практики и повышению эффективности работы правоохранительных и надзорных органов. Ее развитие и совершенствование играет ключевую роль в цифровизации органов государственной власти в целом. На наш взгляд, продолжение работы по улучшению работы системы необходимо строить посредством ее интеграции с иными системами в области права с целью автоматизации заполнения и обработки данных.

Пристатейный библиографический список

1. Коршунова О. Н., Головко И. И., Исламова Э. Р., Коряченцова С. И., Кустов М. Н., Омельянович В. В., Плугарь Д. М., Тимощук К. И. Прокурорский надзор за исполнением законов и законностью правовых актов: учебное пособие / Под ред. Э. Р. Исламовой. – 2-е изд, перераб. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, 2023. – 287 с.
2. Кириллова Н. П. Прокурорский надзор: учебник и практикум для вузов / 4-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2025. – 349 с.
3. Черняков С. А., Горбатенко С. Л. Возможности использования сервисов единой системы информационно-аналитического обеспечения деятельности МВД России в оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел // ППД. – 2023. – № 4 (54).
4. Мигунова Т. Л., Королев А. А. Правовые проблемы цифровизации прокурорского надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина // Пробелы в российском законодательстве. – 2022. – Т. 15, № 6. – С. 200-205. – EDN ZCEBRQ.
5. Королев А. А. Особенности правового регулирования прокурорского надзора за исполнением бюджетного законодательства в цифровой сфере // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2024. – № 3. – С. 143-150.

DOI 10.46320/2073-4506-2025-4-203-98-100

НАГИМОВА Зарина Фаварисовна
аспирант 3-го курса очной формы обучения кафедры теории государства и права, Институт права, Уфимский университет науки и технологий; руководитель юридического отдела Общества с ограниченной ответственностью Международная франчайзинговая образовательная управляющая компания «Самолет Плюс»

СОСТОЯНИЕ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦЕЛЕПОЛАГАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКЕ В ОБЛАСТИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

Статья посвящена анализу нормативно-правового регулирования целеполагания в российской правовой политике в сфере социально-экономического развития общества. На основе анализа конституционных положений, федеральных законов и указов Президента РФ автор исследует механизмы формирования целей государственной политики, включая обеспечение социальных гарантий, стимулирование экономического роста, баланс публичных и частных интересов, а также гармонизацию межотраслевого регулирования. Особое внимание уделяется роли стратегического планирования и национальных проектов как ключевых инструментов реализации социально-экономических целей. В статье подчеркивается актуальность синхронизации правовых и экономических механизмов для преодоления регионального неравенства, борьбы с коррупцией и демографическим кризисом. Автор отмечает прогресс в развитии нормативной базы, но выделяет сохраняющиеся вызовы, такие как низкий индекс человеческого развития в ряде регионов и необходимость внедрения проактивных методов прогнозирования. В заключение обосновывается важность перехода от реактивной к превентивной правовой политике, ориентированной на устойчивое развитие и адаптацию к глобальным экономическим трансформациям.

Ключевые слова: российская правовая политика, социально-экономическое развитие, целеполагание, стратегическое планирование, нормативно-правовое регулирование, социальное государство, региональное неравенство, национальные проекты, конституционные основы, прогнозирование экономических изменений.

NAGIMOVA Zarina Favarisovna
postgraduate student of the 3rd year full-time of Theory of state and law sub-faculty, Institute of Law, Ufa University of Science and Technology; Head of the Legal Department of the Limited Liability Company International Franchising Educational Management Company Samolet Plus

THE STATE OF REGULATORY REGULATION OF GOAL-SETTING IN THE RUSSIAN LEGAL POLICY IN THE FIELD OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF SOCIETY: QUESTIONS OF THEORY

The article is devoted to the analysis of the regulatory regulation of goal-setting in the Russian legal policy in the field of socio-economic development of society. Based on the analysis of constitutional provisions, federal laws and decrees of the President of the Russian Federation, the author studies the mechanisms for the formation of public policy goals, including the provision of social guarantees, stimulating economic growth, the balance of public and private interests, as well as the harmonization of intersectoral regulation. Particular attention is paid to the role of strategic planning and national projects as key tools for the implementation of socio-economic goals. The article emphasizes the relevance of synchronizing legal and economic mechanisms to overcome regional inequality, the fight against corruption and the demographic crisis. The author notes progress in the development of the regulatory framework, but highlights continuing challenges, such as the low human development index in a number of regions and the need to introduce proactive forecasting methods. In conclusion, the importance of the transition from reactive to preventive legal policies focused on sustainable development and adaptation to global economic transformations is justified.

Keywords: Russian legal policy, socio-economic development, goal setting, strategic planning, regulatory regulation, social state, regional inequality, national projects, constitutional foundations, forecasting economic changes.

Российская правовая политика в сфере социально-экономического развития общества представляет собой системную деятельность государства, направленную на создание условий для достойной жизни граждан через сочетание правовых, экономических и социальных механизмов. Конституция РФ закрепляет статус России как социального государства, что подразумевает обязательство власти обеспечивать социальную справедливость, защиту прав уязвимых групп населения и устойчивое экономическое развитие. Однако реализация этих принципов требует комплексного подхода, основанного на нормативно-правовой базе, межотраслевом взаимодействии и научно обоснованных стратегиях. Строго говоря, все эти элементы при своем взаимодействии конвертируются в правовую политику, которая в свою очередь, должна обладать определенными целями и задачами.

Рассмотрение целей отечественной правовой политики в области социально-экономической политики следует начать с конституционных основ. Конституция РФ (ст. 7) устанавливает, что политика государства направлена на «создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека». Это положение конкретизируется в ряде федеральных законов и подзаконных актов:

1) Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании»[1] определяет цели долгосроч-

1 Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании» (с посл. изм. и доп. от 13 июля 2024г. № 177-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pravo.gov.ru/ (дата обращения: 18.02.2025).

ного социально-экономического развития, включая повышение качества жизни, модернизацию экономики и обеспечение национальной безопасности.

2) Указ Президента РФ от 08 ноября 2011 г. № 633 «Об утверждении Основ государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации»[2] утверждает основы государственной политики в сфере стратегического планирования, подчеркивая необходимость координации между федеральными и региональными органами власти для достижения «сбалансированного развития».

3) Указ Президента РФ от 02 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»[3] акцентирует связь между экономической устойчивостью и социальной стабильностью, выделяя задачи по снижению бедности и развитию человеческого капитала.

С нашей точки зрения, государственная политика в области социально-экономического развития в условиях функционирования свободного рынка должна быть направлена на минимизацию социальных рисков и нивелирование рыночных «перекосов». Несовершенства рыночной экономики в совокупности со слабым правовым регулированием наиболее чувствительных сфер общественных отношений в совокупности могут привести к системному кризису социально-экономической политики государства. Такой подход, как нам видится, не может быть основан сугубо на эмпирических методах, а потому, кроме этого, необходимо обращаться к вопросам правовых ценностей, складывающихся в обществе и государстве. Так, законодателю и органам исполнительной власти, реализующим национальные программы на основании актов стратегического планирования, не следует ориентироваться исключительно на эмпирические показатели собственной деятельности (количество введенных в эксплуатацию объектов социальной инфраструктуры, квадратных метров жилья и т.п.). Процесс реализации государственной социально-экономической политики представляет собой более сложный и многогранный процесс, требующий учета общественно-политических настроений в обществе, уровня его удовлетворенности, а реализуемые национальные программы действительно должны быть направлены на обеспечение насущных потребностей граждан. С нашей точки зрения, реализация эффективной правовой политики в области социально-экономического развития невозможна без мониторинга различных социологических и экономических показателей.

Возникающие при этом проявления правового нигилизма и «пороков» правовой культуры, не отвечающие интересам построения социального государства, следует купировать правовыми методами. Как справедливо отмечает И. А. Садыков, правовая политика социального государства должна базироваться на «аксиологическом подходе», где право выступает инструментом реализации ценностей социальной справедливости и экономической эффективности [1, с. 77]. Справедлива и оценка надлежащей правовой политики, высказанная О. Ю. Рыбаковым, согласно которой «правовая политика – это не только нормы, но и деятельность, направленная на воплощение ценностей социального государства в практику» [2, с. 24].

В своем развитии отечественная социально-экономическая сфера прошла непростые времена турбулентности и кризисов. С одной стороны, это обострило социальные и политические противоречия. Однако, с другой стороны, мы отмечаем выработку определенного опыта и понимания важности целеполагания при программировании развития социально-экономической сферы. Преобразования такого характера не должны происходить спонтанно и бессистемно, хотя, конечно же, едва ли возможно предусмотреть все возможные конфигурации рисков экономической и политической конъюнктуры, и тем более обеспечить их надлежащее правовое регулирование.

Современное общество за последние десятки лет также претерпело серьезные изменения. Экономические процессы и технические инновации влияют на все без исключения стороны общественной жизни: от демографии до занятости населения. Такое положение дел обуславливает необходимость государства в стимулировании наиболее чувствительных к экономическим потрясениям областям социально-экономического развития. Государственное вмешательство должно при этом учитывать складывающиеся тенденции и пытаться прогнозировать возможные изменения в будущем. Таким образом, нам представляется, что цели правовой политики в социально-экономической сфере в современной России включают в себя:

1) обеспечение социальных гарантий – реализация права на труд, доступное образование, медицинскую помощь и пенсионное обеспечение (ст. 37, 39, 41 Конституции РФ);

2) стимулирование экономического роста через поддержку малого бизнеса, инноваций и цифровизации, введения экспериментальных правовых режимов в области информационных и иных перспективных технологий и направлений;

3) достижение баланса публичных и частных интересов, который включает в себя защиту всех без исключения форм собственности без оказания предпочтения государственной (муниципальной) собственности, создание конкурентной среды (ст. 8 Конституции РФ);

4) гармонизацию межотраслевого регулирования в форме интеграции норм трудового, налогового и экологического права для решения комплексных задач в области социально-экономического развития. Такого рода гармонизация должна включать в себя целеполагание, в соответствии с которым социально-экономическое развитие общества обеспечивается путем защиты прав и законных интересов работников, введением мер налогового стимулирования и экономического механизма охраны окружающей среды.

Целеполагание в области социально-экономической политики, безусловно, не может осуществляться в отрыве от общемирового экономического и политического контексте. В этой связи, как справедливо отмечает В. И. Ильин, «социально-экономическое развитие невозможно без синхронизации правовых и экономических механизмов, учитывающих как глобальные вызовы, так и региональные особенности» [3, с. 51].

Таким образом, правовые инструменты реализации целей государственной политики в области социально-экономического развития в настоящее время определяются посредством их формулирования в национальных проектах и

2 Указ Президента РФ от 08 ноября 2011 г. № 633 «Об утверждении Основ государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pravo.gov.ru/ (дата обращения: 18.02.2025).

3 Указ Президента РФ от 02 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pravo.gov.ru/ (дата обращения: 18.02.2025).

стратегическом планировании. Действительно, ключевым механизмом достижения целей социально-экономического развития в последние годы стали национальные проекты, утвержденные Указом Президента Российской Федерации от 21.07.2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»[4].

Несмотря на определенный прогресс в области правовой регламентации политики государства в сфере социально-экономического развития, перед законодателем все еще сохраняются определенные вызовы. Одна из главных проблем, с нашей точки зрения, связана с неравенством регионов по уровню своего социально-экономического развития. Так, согласно аналитическим данным Правительства РФ об уровне развития индекса человеческого потенциала в разрезе регионов за 2019 г., разрыв по данной метрике между наиболее и наименее развитыми регионами России составили порядка 25%. Так, в 2019 году в региональном разрезе отдельных субъектов Российской Федерации лидерами по величине индекса человеческого развития традиционно стали г. Москва (0,940), г. Санкт-Петербург (0,918) и Ханты-Мансийский АО (0,914). В число регионов-аутсайдеров по уровню человеческого развития вновь вошли Чеченская Республика (0,793), Еврейская автономная область (0,788) и Республика Тыва (0,787)[5]. К сожалению, последние статические данные по индексу человеческого развития были приведены в 2022 г. в общем по Российской Федерации. Без учета региональных особенностей индекс человеческого развития России составил в 2022 г. 0,821, что является наиболее низким показателем за период с 2015 г. [4, с. 101]. Смеем предположить, что по состоянию на прошедший 2024 г. данный показатель, с учетом последних экономических потрясений, будет еще ниже.

В заключение отметим, что сама по себе правовая политика в области социально-экономического развития является сложным и многогранным явлением, состоящим из разных, но при этом взаимосвязанных элементов, каждый из которых при активном участии государственных институтов нуждается в надлежащем регулировании правовыми средствами. Из дискурса отечественной правовой политики в области социально-экономического развития общества не должны выпадать вопросы выравнивания уровня развития регионов, противодействия коррупции, борьбы с демографическим кризисом, повышения качества и доступности медицинских услуг, защиты прав и законных интересов работников в трудовых отношениях.

В целом мы склонны положительно оценивать сложившуюся в Российской Федерации систему нормативно-правового регулирования целеполагания в правовой политике в области социально-экономического развития общества, в особенности ее преимущественное осуществление на основании стратегического планирования. Вместе с тем, как нам видится, в стремительно меняющей общемировой экономической конъюнктуре, которая трансформирует старые и вводит новые виды и типы общественных отношений, особое внимание должно быть уделено прогнозированию тенденций в сфере социально-экономического развития общества. Данный процесс должен быть положен в основу целеполагания правовой политики в рассматриваемой сфере как неотъемлемая часть общенациональной цели по обеспечению устойчивого развития Российской Федерации, защиты ее суверенных прав и интересов. Как справедливо указывает А. В. Малько, «правовая политика должна быть не реактивной, а проактивной, предвосхищающей изменения в обществе»[6]. Все это в полной мере относится и к правовой политике в области социально-экономического развития, что предполагает внедрение современных методов прогнозирования экономических и социальных изменений, таких как индикативное планирование и балансовые расчеты.

Пристатейный библиографический список

1. Садыков И. А. Цели и задачи правовой экономической политики социального государства: общетеоретические аспекты // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2020. – № 2 (40). – С. 77.
2. Рыбаков О. Ю. Личность и правовая политика в российском государстве. – Саратов: Издательство СГАП, 2003. – С. 24.
3. Чекавинский А. Н., Лукин Е. В., Гулин К. А., и др. Национальная безопасность России: проблемы обеспечения экономического роста: монография / Под ред. В. А. Ильина. – Вологда: ИСЭРТ РАН, 2016. – С. 51.
4. Янгирова Е. И., Искаков М. Р. Оценка человеческого развития в российской федерации // Уровень жизни населения регионов России. – 2022. – № 2. – С. 101.
5. Малько А. В. Правовая политика: актуальные проблемы исследования // Труды Института государства и права РАН. – 2011. – № 4. – С. 72.

4 Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // Официальный интернет-портал правовой информации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pravo.gov.ru/ (дата обращения: 18.02.2025).

5 См.: Аналитическая записка «Индекс человеческого развития в России: региональные различия» // Официальный сайт Правительства РФ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ac.gov.ru/uploads/2-Publications/analitika/2022/ICR_2021_long.pdf (дата обращения: 18.02.2025).

6 Малько А. В. Правовая политика: актуальные проблемы исследования // Труды Института государства и права РАН. – 2011. – № 4. – С. 72.

ХАКИМОВА Алина Рафаэлевна
аспирант, Университет управления «ТИСБИ», г. Казань

Хакимова А. Р.

ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ: АНАЛИЗ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В статье рассматривается правовая политика как важнейший инструмент, определяющий экономическое развитие в контексте современных глобальных и региональных вызовов. На основе анализа действующих законодательных норм и правоприменительных практик в различных странах выделяются ключевые аспекты правового регулирования, включая защиту прав собственности, создание благоприятных условий для ведения бизнеса, и обеспечение справедливой конкуренции. Особое внимание уделяется несовершенству правовой системы, коррупции и правовой неопределенности, которые ослабляют инвестиционную привлекательность и замедляют экономический рост. В статье также рассматриваются перспективы и тренды в правовой политике, включая цифровизацию, устойчивое развитие, и интеграционные процессы в рамках международного права. Заключение включает рекомендации по улучшению правовой политики для достижения устойчивого экономического роста и повышения конкурентоспособности на глобальной арене.

Ключевые слова: правовая политика, экономическое регулирование, права собственности, бизнес-среда, коррупция, цифровизация, устойчивое развитие, международное право.

KHAKIMOVA Alina Rafaelevna
postgraduate student, University of Management «TISBI», Kazan

LEGAL POLICY IN THE FIELD OF ECONOMICS: ANALYSIS AND PROSPECTS

The article considers legal policy as the most important tool determining economic development in the context of modern global and regional challenges. Based on an analysis of current legislation and law enforcement practices in various countries, key aspects of legal regulation are highlighted, including the protection of property rights, the creation of favorable business conditions, and ensuring fair competition. Particular attention is paid to the imperfection of the legal system, corruption and legal uncertainty, which weaken investment attractiveness and slow down economic growth. The article also examines prospects and trends in legal policy, including digitalization, sustainable development, and integration processes within the framework of international law. The conclusion includes recommendations for improving legal policy in order to achieve sustainable economic growth and increase competitiveness in the global arena.

Keywords: Legal policy, economic regulation, property rights, business environment, corruption, digitalization, sustainable development, international law.

Правовая политика является важным инструментом обеспечения правопорядка и защиты прав человека. В условиях быстро меняющегося мирового контекста правовая политика в сфере экономики выступает катализатором изменений и адаптации в экономических системах стран. Эффективное правовое регулирование обеспечивает защиту экономических интересов, стимулирует инновации и способствует созданию здоровой конкурентной среды. Однако правовая политика также сталкивается с множеством современных проблем, требующих комплексного подхода к решению.

Правовая политика в сфере экономики определяется как совокупность принципов, норм и правил, регулирующих экономическую деятельность. Основополагающие принципы правовой политики включают законность, равенство перед законом, защиту прав собственности и свободу экономической деятельности. Основные функции правовой политики заключаются в создании правовых условий для ведения бизнеса, защите прав инвесторов, поддержании честной конкуренции и обеспечении защиты прав потребителей.

Согласно концепции экономической свободы, выраженной в работах таких исследователей, как Фридрих Хайек и Милтон Фридман, правовая политика должна способствовать минимизации государственного вмешательства в экономику, обеспечивая при этом гарантию прав и свобод граждан. Однако на практике многие страны сталкиваются с проблемами, связанными с коррупцией, административными барьерами и отсутствием прозрачности в правоприменении.

Коррупция — одна из наиболее серьезных проблем, с которыми сталкиваются страны на пути к эффективной правовой политике в сфере экономики. Она подрывает доверие к государственным институтам и создает неопределенность для инвесторов.

Неопределенность в правовых нормах также представляет собой серьезную проблему для инвесторов и предпринимателей. Частые изменения законодательства, отсутствие четких правил игры и нестабильность правоприменительной практики могут привести к значительным рискам для бизнеса.

Важным аспектом правовой политики является защита прав собственности, которая лежит в основе экономической стабильности и уверенности инвесторов. Недостаточная защита прав собственности может привести к экономической неуверенности и снизить уровень инвестиций, что в свою очередь негативно скажется на темпах экономического роста страны. Кроме того, значительное влияние на правовую политику оказывает коррупция, которая подрывает доверие к правосудию и создает барьеры для ведения бизнеса. Антикоррупционные меры должны быть неотъемлемой частью правовой реформы, чтобы обеспечить честную конкурентную среду.

Корпоративное регулирование также является необходимым элементом правовой политики, так как оно устанавливает правила игры для бизнеса. Правила, касающиеся налогообложения, лицензирования, а также охраны труда и экологии, должны быть прозрачными и способствовать развитию предпринимательства, а не создавать избыточные бюрократические барьеры. Одним из инструментов эффективного регулирования является взаимодействие с бизнес-сообществом, которое может предоставить ценные знания и рекомендации относительно оптимизации правовых норм.

Цифровизация представляет собой одну из важнейших тенденций, которая формирует будущее правовой политики. В условиях цифровой трансформации экономики правительство обязано принимать во внимание новые вызовы, связанные с защитой данных, кибербезопасностью и электронной коммерцией. Разработка законов, регулирующих цифровую экономику, должна учитывать общие мировые тренды и лучшие практики, а также обеспечивать защиту прав потребителей и предпринимателей.

С точки зрения международного права, интеграция в глобальную экономику требует от стран гармонизации их правовой системы с международными стандартами. Это может включать в себя соблюдение прав человека, экологическое законодательство и антимонопольные нормы. Успешное внедрение международных соглашений требует политической воли и действия на всех уровнях.

Кроме того, правовая политика должна учитывать концепцию устойчивого развития, которая предполагает балансирование экономических, социальных и экологических интересов. В условиях глобальных вызовов, таких как изменение климата и социальная неравномерность, создание правовых рамок для поддержки устойчивых бизнес-моделей становится ключевым направлением работы правительств.

На современном этапе необходимо провести комплексную реформу правовой политики, учитывающую современные запросы общества и вызовы глобализации. Первым шагом должна стать укоренение принципов верховенства права, обеспечивающих защиту прав и свобод граждан. Необходимо создать более эффективные механизмы контроля за правоприменением, включая использование современных технологий и прозрачные процедуры.

Законодательные изменения должны быть своевременными и основанными на исследованиях и анализе. Также важно развивать правосознание граждан через образовательные инициативы, направленные на популяризацию правовых знаний, что позволит повысить уровень правовой культуры.

Кроме того, международное сотрудничество играет ключевую роль в формировании эффективной правовой политики. Обмен опытом и наилучшими практиками между странами может привести к усилению правовых стандартов и более эффективной борьбе с транснациональными преступлениями.

Для повышения эффективности правовой политики в сфере экономики необходимо сосредоточиться на укреплении институтов правоприменения. Это может осуществляться через различные механизмы, такие как создание антикоррупционных органов, обеспечение прозрачности государственных закупок и внедрение независимых аудиторских процедур.

Образование и правовая грамотность играют ключевую роль в формировании здорового экономического климата. Повышение уровня правовой осведомленности среди граждан и предпринимателей способствует лучшему пониманию своих прав и обязанностей, что в свою очередь может способствовать уменьшению количества правонарушений.

Современные технологии предоставляют новые возможности для оптимизации правовой политики в сфере экономики. Внедрение электронного документооборота, блокчейн-технологий и искусственного интеллекта может повысить эффективность правоприменительных процессов и уменьшить уровень коррупции.

На основе вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что правовая политика в сфере экономики подвержена воздействию множества факторов, среди которых как внутренние, так и внешние условия играют значительную роль. Устойчивый и продолжительный экономический рост может быть достигнут только при условии создания прозрачной и предсказуемой правовой среды, которая будет способствовать инновациям, уменьшению коррупции и привлечению инвестиций. В условиях современности, сталкиваясь с множеством вызовов, необходимо пересмотреть подходы к формированию и реализации правовой политики, сосредоточившись на принципах верховенства права, прозрачности и участия граждан. Только через комплексный подход можно создать эффективную правовую систему, способную реагировать на вызовы времени и обеспечивать защиту прав и свобод каждого гражданина. Необходимо также активно развивать механизмы юридической защиты прав и интересов всех участников экономических отношений.

Статья подчеркивает важность правовой политики в экономическом развитии, поднимает существующие проблемы и указывает на пути их решения, формируя тем самым основу для дальнейших исследований в данной области.

Пристатейный библиографический список

1. North, D. C. (1990). Institutions, Institutional Change and Economic Performance. Cambridge University Press.
2. Acemoglu, D., & Robinson, J. A. (2012). Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty. Crown Business.
3. Stiglitz, J. E. (2002). Globalization and Its Discontents. W.W. Norton & Company.
4. Rodrik, D. (2007). One Economics, Many Recipes: Globalization, Institutions, and Economic Growth. Princeton University Press.
5. World Bank. (2020). World Development Report 2020: Trading for Development in the Age of Global Value Chains. World Bank Publications.
6. Transparency International. (2021). Corruption Perceptions Index 2020. Transparency International.
7. European Commission. (2021). A European Strategy for Data. [online] Available at: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ec.europa.eu/
8. Porter M. E. (1990). The Competitive Advantage of Nations. Free Press.
9. Котляр В. Правовая политика в сфере экономики: проблемы и перспективы // Экономическое обозрение. 2022. № 67 (3). С. 56-68.
10. Хайек Ф. А. Дорога к рабству. Москва: ООО «Издательство АСТ», 2025.
11. Гаджиев В. Г., Буренин С. А. Основы правовой политики: от теории к практике. Москва: Юрайт, 2021.
12. Кузнецов А. В. (2022). Коррупция и ее влияние на правосознание: социально-правовой аспект // Право и жизнь. 2022. № 4 (1). С. 12-19.
13. Зорина Е. Н. Права человека в правовой системе России // Журнал российского права. 2020. № 6 (2). С. 45-56.
14. Рогов А. Б. Правовая культура и общество // Российская юстиция. 2023. № 9 (3). С. 73-82.
15. Кузнецов А. В. (2022). Коррупция и ее влияние на правосознание: социально-правовой аспект // Право и жизнь. 2022. № 4 (1). С. 12-19.

ФУРМАН Татьяна Геннадьевна
кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры конституционного и административного права, Северо-Западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Санкт-Петербург

Фурман Т. Г.

ОСНОВНЫЕ УГРОЗЫ ДУХОВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

В данной статье предпринята попытка комплексного анализа ключевых угроз, дестабилизирующих духовную безопасность Российской Федерации, с акцентом на их этиологию и потенциальные деструктивные последствия. Предметом анализа, проведенного в статье, являются современные социокультурные тенденции, оказывающие непосредственное влияние на состояние духовной сферы российского общества. В рамках исследования проводится критический анализ факторов, способствующих эрозии традиционных ценностей, размыванию национального самосознания и деформации системы духовно-нравственных ориентиров. Особое внимание уделяется исследованию феномена информационно-психологической войны, направленной на манипуляцию общественным сознанием и деструктуризацию социокультурного единства. В контексте анализа угроз рассматриваются также риски, связанные с распространением деструктивных идеологий, экстремизма и религиозного радикализма. На основе выявленных угроз и их причин предлагается комплекс мер, направленных на укрепление духовной безопасности страны.

Ключевые слова: духовная безопасность, культурные угрозы, информационное воздействие, национальная идентичность, глобализация, традиционные ценности.

FURMAN Tatyana Gennadjevna
Ph.D. in cultural studies, associate professor, associate professor of Constitutional and administrative law sub-faculty, Northwestern Institute of Management, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, St. Petersburg

MAIN THREATS TO SPIRITUAL SECURITY OF RUSSIA

This article attempts a comprehensive analysis of the key threats destabilizing the spiritual security of the Russian Federation, with a focus on their etiology and potential destructive consequences. The subject of the analysis is modern socio-cultural trends that have a direct impact on the state of the spiritual sphere of Russian society. The study critically analyzes the factors contributing to the erosion of traditional values, erosion of national identity and deformation of the system of spiritual and moral guidelines. Special attention is paid to the study of the phenomenon of information and psychological warfare aimed at manipulating public consciousness and destructuring socio-cultural unity. In the context of threat analysis, the risks associated with the spread of destructive ideologies, extremism and religious radicalism are also considered. Based on the identified threats and their causes, a set of measures aimed at strengthening the spiritual security of the country is proposed.

Keywords: spiritual security, cultural threats, information impact, national identity, globalization, traditional values.

Введение. Духовная безопасность, рассматриваемая как фундаментальный элемент национальной безопасности Российской Федерации, базируется на сохранении и воспроизводстве культурных ценностей, исторически сложившихся традиций и уникальной национальной идентичности. В условиях современной интенсификации глобализационных процессов и массированного информационного воздействия, российское общество прагматично подвергается комплексному воздействию факторов, потенциально способных дестабилизировать его духовную основу. Целью настоящего исследования является всесторонний анализ основных угроз духовной безопасности России, выявление их источников и разработка научно обоснованных мер по их нейтрализации.

Основной материал. В контексте современных геополитических реалий, духовная безопасность приобретает особое стратегическое значение, поскольку она обеспечивает устойчивость общества к деструктивным идеологическим влияниям, направленным на размывание национального самосознания и девальвацию традиционных ценностей. Следует отметить, что угрозы духовной безопасности могут исходить как из внешних, так и из внутренних источников, включая распространение чуждых культурных моделей, манипулирование общественным сознанием через информационные технологии, а также внутренние социально-экономические и культурные противоречия.

Анализ угроз духовной безопасности требует комплексного подхода, учитывающего взаимосвязь политических, экономических, социальных и культурных факторов. В рамках данного исследования предполагается рассмотреть такие аспекты, как: влияние глобальных информационных сетей на формирование ценностных ориентаций молодежи; роль образовательных и культурных институтов в сохранении и укреплении национальной идентичности; влияние миграционных процессов на социокультурную динамику российского общества; проблемы межконфессионального диалога и противодействие религиозному экстремизму; соотношение традиционных и современных ценностей в контексте цифровизации общества.

В контексте вышесказанного определение источников угроз духовной безопасности позволит разработать эффективные стратегии противодействия, направленные на укрепление духовного иммунитета российского общества и обеспечение его устойчивого развития в вопросе сохранения самоидентичности [5].

Среди основных угроз духовной безопасности на современном этапе можно назвать ряд следующих.

Современное медиапространство, характеризующееся повсеместным распространением средств массовой информации и цифровых технологий, оказывает многоаспектное и глубокое воздействие на когнитивные и поведенческие паттерны индивидов и социальных групп. Интенсивное распространение деструктивных идеологических концепций, массированная пропаганда псевдокультурных ценностей, а также использование скрытых техник манипулирования массовым сознанием представляют собой серьезную угрозу для духовного и интеллектуального развития общества. В частности, феномен информационной агрессии, проявляющийся в систематическом навязывании определенных идеологических установок и ценностных ориентаций, способен деформировать систему ценностей индивида, вызвать когнитивный диссонанс и привести к деструктивным социальным последствиям [2].

При этом следует отметить, что использование цифровых платформ для распространения дезинформации и фейковых новостей способствует явному целенаправленному формированию искаженной картины мира, что, в свою очередь, затрудняет принятие рациональных решений и подрывает доверие к традиционным источникам информации. Кроме того, медиапространство может служить инструментом для навязывания потребительских стереотипов и стимуляции нерационального потребления, что негативно сказывается на экономическом и социальном благополучии общества. Неконтролируемое воздействие медиаконтента на сознание индивида в конечном итоге может привести к формированию зависимостей, развитию тревожных расстройств и депрессивных состояний.

В целом, можем констатировать, что медиапространство представляет собой достаточно сложную и многогранную систему, требующую тщательного анализа и регулирования с целью минимизации негативных последствий и обеспечения устойчивого развития общества.

Современные глобализационные процессы, характеризующиеся интенсификацией международных связей и потоков информации, капитала и людей, оказывают существенное влияние на социокультурную динамику современных обществ. В контексте культурной сферы наблюдается тенденция к унификации норм и стандартов, что обусловлено распространением массовой культуры, развитием информационных технологий и доминированием глобальных медиа. Данные процессы способствуют формированию единого культурного пространства, в рамках которого происходит четко видимое размывание национальных и региональных особенностей.

В частности, экспансия западных культурных кодов и ценностных ориентиров, транслируемых посредством глобальных медиа и потребительской культуры, ведет к маргинализации традиционных духовных основ российского общества. Данная тенденция проявляется в изменении ценностных приоритетов, потребительских предпочтений и поведенческих моделей, что может привести к утрате культурной самобытности и национальной идентичности [6].

Тем не менее, необходимо объективно отметить, что процессы глобализации несут в себе не только угрозы, но и возможности для культурного развития. В условиях глобального информационного обмена происходит активное взаимодействие культур, что способствует обогащению культурного пространства и формированию новых форм культурного синтеза. Однако, для сохранения культурной идентичности и предотвращения негативных последствий глобализации необходимо проведение активной культурной политики, направленной на поддержку и развитие национальных культурных традиций.

В современном социокультурном пространстве наблюдается тенденция к девальвации традиционных ценностей и институтов, что представляет собой комплексную проблему, требующую тщательного анализа. Данный процесс характеризуется ослаблением влияния таких фундаментальных социальных структур, как институт семьи, религиозные традиции и нравственные ориентиры, которые на протяжении веков служили основой для формирования устойчивых общественных связей и передачи культурного наследия. Эрозия духовных основ общества, вызванная множеством факторов, включая глобализацию, технологический прогресс и изменения в системе ценностей, может привести к ряду негативных последствий, таких как рост социальной нестабильности, снижение уровня моральной ответственности граждан и дезинтеграция социальных связей [1].

Важно отметить, что в современных условиях ослабления традиционных норм и ценностей возникает вакуум, который может быть заполнен деструктивными идеологиями и формами поведения, что, в свою очередь, усиливает социальную напряженность и подрывает основы общественного порядка. Кроме того, утрата нравственных ориентиров может привести к снижению уровня доверия между членами общества, что затрудняет взаимодействие и сотрудничество, необходимые для решения общих проблем. В результате, общество становится более уязвимым к внешним и внутренним угрозам, что ставит под вопрос его способность к устойчивому развитию и сохранению культурной идентичности.

Распространение радикальных идеологий, в особенности экстремистских религиозных доктрин, представляет собой серьезную угрозу для стабильности и целостности современного общества. Эти идеологии, как правило, характеризуются полной нетерпимостью к иным мировоззрениям, целенаправленным стремлением к насильственному изменению существующего общественного порядка и отрицанием принципов свободы выбора и плюрализма. Проникновение радикальных идей в различные социальные группы, в том числе среди молодежи, способствует формированию поляризованного общества, в котором усиливаются межгрупповые конфликты и снижается уровень социального доверия [7].

Следует также отметить, что экстремистские религиозные течения представляют собой достаточно серьезную опасность, поскольку они апеллируют к сакральным ценностям и используют религиозные символы для оправдания насилия и дискриминации. Деятельность таких организаций направлена на разрушение традиционных религиозных институтов и навязывание радикальных интерпретаций религиозных текстов. Кроме того, распространение экстремистских идеологий подрывает духовный суверенитет страны, поскольку они стремятся к установлению контроля над сознанием граждан и навязыванию им чуждых культурных и религиозных норм.

Кроме всего прочего, пропаганда насильственных методов разрешения социальных и политических конфликтов, которая является неотъемлемой частью радикальных идеологий, ведет к эскалации межконфессиональной и межэтнической напряженности. В условиях глобализации и интенсивных миграционных процессов, когда различные культурные и религиозные группы сосуществуют в одном обществе, распространение радикальных идей может привести к возникновению очагов конфликтов и дестабилизации ситуации в отдельных регионах и странах. Таким образом, противодействие распространению радикальных идеологий и экстремизма является одной из важнейших задач современного общества и любого государства, требующей комплексного подхода и активного участия всех заинтересованных сторон [3].

Отдельно необходимо отметить, что система образования, являясь фундаментальным институтом социализации, играет решающую роль в процессе формирования духовных ценностей и национального самосознания индивидов. В условиях современных социокультурных трансформаций,

характеризующихся глобализацией и информатизацией, наблюдается ряд вызовов, ставящих под угрозу эффективность образовательных и воспитательных практик. Деформация образовательных стандартов, выражающаяся в снижении качества гуманитарного образования, сужении спектра изучаемых дисциплин и утрате целостного подхода к формированию личности, может привести к фрагментации мировоззрения молодежи и утрате ею духовных ориентиров.

Критическое значение приобретает также фактор ослабления воспитательной функции школы и семьи, что обусловлено рядом факторов, включая изменение структуры семейных отношений, рост занятости родителей и распространение виртуальной коммуникации. В результате, молодые люди оказываются в условиях дефицита традиционных механизмов передачи культурных ценностей и норм, что может способствовать развитию девиантного поведения и социальной дезадаптации. В этой связи, необходима программная целенаправленная разработка и внедрение комплексной стратегии, направленной на укрепление духовно-нравственного потенциала системы образования, а также на повышение качества гуманитарного образования и восстановление воспитательной функции семьи и школы [4].

В контексте вышеперечисленного следует объективный вывод о том, что для обеспечения духовной безопасности Российской Федерации требуется планомерная, масштабная и комплексная стратегия, охватывающая различные аспекты общественной жизни. В первую очередь, необходимо разработать и последовательно реализовывать национальную культурную политику, ориентированную на сохранение и популяризацию традиционных ценностей, составляющих основу российской идентичности. Это предполагает активную поддержку культурных институтов, создание условий для развития творческой деятельности, а также популяризацию произведений искусства и литературы, отражающих духовное наследие страны.

Одновременно с этим, для защиты информационного пространства от деструктивного воздействия необходимо усилить государственный контроль за распространением информации, в том числе в сети интернет. Это включает в себя широкий круг мероприятий по разработке и внедрению механизмов и инструментария противодействия пропаганде экстремизма, насилия, порнографии и других форм контента, представляющих угрозу для духовного здоровья нации. Важным аспектом является формирование у граждан критического мышления и медиаграмотности, позволяющих им самостоятельно оценивать достоверность и ценность получаемой информации.

В системе образования следует внедрить программы, направленные на патриотическое и духовно-нравственное воспитание молодёжи. Эти программы должны способствовать формированию у подрастающего поколения чувства гражданской ответственности, уважения к истории и культуре своей страны, а также развитию высоких моральных качеств. Помимо этого, необходимо создавать условия для межконфессионального и межнационального диалога, способствуя взаимопониманию и толерантности между различными религиозными и этническими группами, проживающими на территории России. Это позволит предотвратить радикализацию и экстремизм, а также укрепить социальную сплочённость общества.

Также необходимо уделять особое внимание поддержке института семьи как фундаментальной основы общества. Государство должно создавать условия для укрепления семейных ценностей, повышения рождаемости и воспитания детей в духе любви к Родине и уважения к старшим. Это включает в себя разработку мер по социальной поддержке семей, пропаганду здорового образа жизни, а также борьбу с негативными явлениями, такими как алкоголизм и наркомания.

Выводы. Таким образом, исходя из вышеизложенного в проведенном исследовании, можно сделать ряд комплексных выводов.

Духовная безопасность, рассматриваемая как фундаментальный фактор, обусловливающий устойчивое развитие российского общества, в условиях нарастания современных вызовов требует незамедлительного принятия комплекса мер, направленных на защиту духовных ценностей, формирование благоприятной информационной среды и укрепление национальной идентичности.

В контексте глобальных информационных потоков и трансформации социокультурных парадигм, обеспечение духовного суверенитета государства становится приоритетной задачей. Для эффективного противодействия возникающим угрозам необходим интегрированный подход, включающий в себя образовательные инициативы, культурные стратегии и правовые механизмы.

Образовательные программы должны быть ориентированы на формирование у граждан критического мышления, способности к анализу информации и устойчивости к деструктивному информационному воздействию.

Культурная политика должна способствовать сохранению и развитию традиционных ценностей, а также созданию современного культурного контента, отражающего национальную идентичность.

Правовые меры должны обеспечивать защиту информационного пространства от распространения экстремистской идеологии, дезинформации и манипулятивных технологий.

Только посредством системного программного стратегического взаимодействия указанных выше элементов возможно достижение устойчивого уровня духовной безопасности, способствующего гармоничному развитию личности и общества в целом.

Пристатейный библиографический список

1. Дьяченко А. Н., Синютин А. А. Патриотизм как духовно-нравственный феномен в современном социокультурном пространстве // Гуманитарий Юга России. - 2024. - Т. 13, № 4. - С. 121-133.
2. Еникеева И. И. Концептуализация медиакомпетенции как условия обеспечения духовной безопасности личности будущего педагога // Педагогический журнал Башкортостана. - 2023. - № 2. - С. 78-91.
3. Корень И. В. Религиозный фактор: сущность и современная специфика // Социально-гуманитарные знания. - 2021. - № 3. - С. 238-248.
4. Кротов Е. В. Особенности педагогического взаимодействия в приобщении обучающихся к культуре духовной безопасности // Проблемы современного педагогического образования. - 2021. - № 4. - С. 176-181.
5. Оботурова Н. С. Проблема духовной безопасности современного общества // Всероссийский научно-практический журнал социальных и гуманитарных исследований. - 2023. - Т. 1, № 8. - С. 80-86.
6. Сулейманова Р. Р. Глобализация и духовная безопасность личности: проблемы и пути решения // Общество: философия, история, культура. - 2022. - № 4. - С. 181-185.
7. Щукина Е. Л. Возможности распространения установок экстремизма через молодежные субкультурные объединения // Обзор. НЦПТИ. - 2020. - № 4. - С. 54-59.

DOI 10.46320/2073-4506-2025-4-203-106-108

ВОРОНИН Сергей Александрович
преподаватель, Московский университет имени А. С. Грибоедова

АНАЛИЗ СОДЕРЖАНИЯ ТЕОРИИ КОНФЛИКТА РАЛЬФА ГУСТАВА ДАРЕНДОРФА

В научной статье представлены ключевые положения теории конфликта Ральфа Густава Дарендорфа, выдающегося ученого, англо-германского философа, социолога, политолога и общественного деятеля. На основе проведенного изучения автором научной статьи представлены системообразующие элементы теории социального конфликта Р. Дарендорфа, этапы указанного конфликта, а также методы разрешения конфликтов и порядок их регулирования.

Ключевые слова: конфликт, конфликтология, юридическая конфликтология, теория конфликта, Ральф Густав Дарендорф.

VORONIN Sergey Alexandrovich
lecturer, A. S. Griboyedov Moscow University

ANALYSIS OF THE CONTENT OF CONFLICT THEORY BY RALPH GUSTAV DAHRENDORFF

The scientific article presents the key provisions of the theory of conflict by Ralph Gustav Dahrendorff, an outstanding scientist, Anglo-German philosopher, sociologist, political scientist and public figure. Based on the conducted study, the author of the scientific article presents the system-forming elements of R. Dahrendorff's theory of social conflict, the stages of this conflict, as well as methods of conflict resolution and the procedure for their regulation.

Keywords: conflict, conflictology, legal conflictology, conflict theory, Ralph Gustav Dahrendorff.

Конфликтами пронизана вся жизнь человека, они охватывают все сферы общества. Представляется, что самой насыщенной различными видами конфликтов является политическая сфера, в которой развертываются многообразные властные отношения, представляющие собой отношения господства и подчинения.

Основным объектом политического конфликта выступает политическая власть как способ и средство господства одного социального слоя (класса) над другим. Интересы представителей различных социальных групп прямо противоположны друг другу: одни стремятся сохранить и укрепить свою власть, тогда как другие, оставаясь вне властных структур, хотят преобразовать сложившуюся ситуацию и получить доступ к ресурсам власти. Именно поэтому они участвуют в конкурентной борьбе, которая находит свое сознательное выражение в политическом конфликте.

Таким образом, политический конфликт представляет собой противостояние противоборствующих социальных групп, вызванное наличием взаимоисключающих политических устремлений и целей.

Ральф Густав Дарендорф (1929-2009) – англо-германский социолог, социальный философ, политолог и общественный деятель, наиболее известный научным трудом «Класс и классовый конфликт в индустриальном обществе» (1959 г.). Р. Дарендорф разработал научное обоснование и предложил пересмотреть традиционные представления о классе, основывающиеся на владении (либо отсутствии владения) средствами производства, предложив определять класс исходя из моделей распределения власти. Несмотря на сохранение концепции классового конфликта, он подчеркивает, что в наиболее развитых капиталистических странах этот конфликт прошел процесс институционализации. Стоит отметить, что ряд его работ посвящен сравнительному анализу гражданств и демократии в современном обществе[1]. Он считал нереалистичным предположение о полном устранении конфликтов, возникающих из-за неравенства власти, однако подчеркивал, что наличие гражданских свобод и увеличение равных возможностей помогают смягчить и регулировать такие конфликты.

По мнению Р. Дарендорфа, социальный мир предстает собой особое пространство борьбы, где различные группы постоянно соперничают между собой, появляются и исчезают, формируют и разрушают союзы.

Признавая, что власть служит сохранению социальной сплоченности и устойчивости ценностно-нормативных устоев, Р. Дарендорф акцентирует внимание преимущественно на ее дезинтегрирующем аспекте, способствующем возникновению конфликтующих интересов и соответствующих поведенческих ожиданий.

Те, кто наделены властью либо влиянием, стремятся сохранить существующее положение дел; те же, кому такие ресурсы недоступны, заинтересованы в их перераспределении и преобразовании текущего порядка вещей. Эти интересы приобретают объективный характер. Присутствие «объективных интересов» структурирует мир на потенциальные конфликтные группы, называемые Дарендорфом квазигруппами [6, с. 58].

Дарендорф определяет конфликт как любое отношение между элементами, которое можно охарактеризовать через объективные (латентные) или субъективные (явные) противоположности [3, с. 238]. Дарендорф сосредотачивается на изучении структурных конфликтов, являющихся одним из видов социальных противоречий. Согласно его взглядам,

1 Например, «Общество и демократия в Германии» (1967 г.), «Новая свобода» (1975 г.).

переход от стабильного состояния социальной структуры к открытым социальным конфликтам (чаще всего сопровождающимся формированием конфликтующих групп) осуществляется поэтапно, проходя три взаимосвязанные стадии.

I стадия конфликта – начальное состояние структуры, которое характеризуется выделением двух сторон потенциального конфликта — квазигрупп.

II стадия – происходит формирование, осознание интересов и превращение квазигрупп в реальные организованные группы. Любые конфликты имеют тенденцию к четкому проявлению и выражению своих интересов.

Р. Дарендорф утверждает, что проявление конфликтов требует соблюдения ряда условий:

технических (личных, идеологических, материальных);

социальных (регулярного набора участников, коммуникаций);

политических (наличия свободы объединения в коалиции).

При отсутствии одного или всех указанных факторов конфликты становятся скрытыми, незримыми, однако продолжают сохраняться.

III стадия – развернувшийся конфликт. Участники конфликта обладают признаками общности и единства [7, с. 124].

Формы социальных конфликтов варьируются в зависимости от действующих переменных и факторов изменения. Одной из ключевых переменных является степень насилия, определяющая методы, используемые сторонами для достижения своих целей. Диапазон варьируется от крайних проявлений, таких как войны, гражданские конфликты и вооруженные столкновения, угрожающие жизни участников, до мирных способов разрешения разногласий, включая беседы, дискуссии и переговоры с соблюдением правил этикета и открытостью аргументации. Между этими полюсами существует множество промежуточных форм взаимодействия: забастовки, конкурентная борьба, острые публичные споры, рукоприкладство, попытки ввести оппонента в заблуждение, угрозы и предъявление ультиматумов и другие разнообразные формы.

Интенсивность конфликта отражает уровень вовлеченности сторон и зависит от важности вопроса, ставшего причиной спора. Для иллюстрации своей позиции Дарендорф приводит пример: несмотря на возможное эмоциональное напряжение и даже применение силы в борьбе за должность председателя футбольного клуба, ее значимость для участников несравнима с серьезностью конфликта между работодателями и профсоюзами относительно уровня оплаты труда [7, с. 84]. При этом не каждый насильственный конфликт обязательно является интенсивным.

К способам разрешения конфликтов Р. Дарендоф относит следующие:

1. Насильственная ликвидация конфликта. Как полагает Дарендорф, стремление подавлять социальные конфликты оказывается контрпродуктивным методом решения проблем. Чем сильнее предпринимаются усилия по устранению конфликтов, тем больше вероятность их последующего обострения, вплоть до неизбежного возникновения крайне агрессивных столкновений [2, с. 126].

2. Метод устранения конфликта, который подразумевает попытку полного искоренения существующих противоречий посредством целенаправленного воздействия на структуру общества. Однако важно понимать, что социальные противоречия нельзя окончательно устранить, поскольку они носят объективный характер. Исходя из этого, делается заключение, что конфликты разрешать бессмысленно, задача заключается исключительно в их регулировании.

3. Метод управления конфликтами, который включает контроль над развитием конфликтных ситуаций, снижение уровня насилия и постепенное использование конфликтов для стимулирования позитивных изменений в структуре общества.

Эффективное управление конфликтом требует выполнения нескольких условий:

– признание реальности существования конфликта и понимание его естественных основ;

– установление конкретных предметов разногласий, подлежащих урегулированию;

– оформление конфликта, создание организованных групп, участвующих в нем, что способствует успешному разрешению ситуации;

– достижение согласия между участниками конфликта относительно общих принципов («правил игры»), в рамках которых они намерены решать возникшие проблемы.

Важно подчеркнуть, что установленные «правила игры», общепринятые договоренности, конституционные нормы и прочие подобные механизмы будут действенными лишь при условии равноправия сторон, исключающего привилегии одной из них за счет другой.

Эти «правила» определяют способы, которыми участники планируют преодолевать возникающие противоречия. Дарендорф выделяет несколько методов, применимых последовательно, начиная от ненасильственного разрешения споров и заканчивая принуждением:

1. Переговоры. Этот метод предусматривает учреждение специального органа, в котором заинтересованные стороны периодически собираются для обсуждения вопросов, связанных с конфликтом, и принятия решений установленным порядком (например, простым большинством голосов, квалифицированным большинством, голосованием с возможностью наложения вето или консенсусом).

2. Посредничество. Это самая деликатная форма привлечения нейтральной стороны к урегулированию конфликта, основанная на свободном соглашении самих участников конфликта.

3. Арбитраж. Это процедура, при которой участники конфликта обращаются к независимому посреднику, чьи рекомендации или решения могут носить как консультативный, так и обязательный характер. Обязательная арбитрация применяется в случаях, когда важно сохранить форму государственного устройства или обеспечить стабильность в международной сфере [1, с. 123].

Интересен факт, что, по мнению Р. Дарендорфа, в современных обществах (Европы и Америки) нет классового конфликта в его классическом понимании. Сегодня в рассматриваемых обществах складываются новые классы богатых и бедных, возникают скрытые границы противостояния, которые пока не привели к масштабным организованным конфликтам.

Согласно научным идеям Р. Дарендорфа, отношения между классом большинства и низшим классом не могут вызывать и не вызовут организованных конфликтов, которые бы напоминали конфликты между буржуазией и рабочим классом [4, с. 16]. Это мнение обосновано двумя факторами: во-первых, большинство обладает значительным влиянием во всех сферах общественной жизни, в отличие от менее обеспеченных слоев населения, которые не представляют собой единую организованную группу; во-вторых, социальный конфликт приобретает индивидуальный характер.

В результате ученый делает вывод, что особенность современных социальных конфликтов (в отличие от классовых противостояний XIX века) проявляется в их многообразии и разнообразии форм выражения (включая войны, массовые акции протеста, стачки с элементами насилия, террористические акты, разборки криминальных структур и т.д.) и распространенностью повсеместно.

Согласно его точке зрения, суть современных социальных конфликтов не сводится к уничтожению различий. Они возникают вследствие действия неравенства, которое ограничивает полноценное участие граждан в общественной жизни с использованием социальных, экономических и политических инструментов [5, с. 56].

Таким образом, центральная концепция конфликтологической теории Ральфа Дарендорфа заключается в следующем: прогресс общества неизбежно вызывает возникновение конфликтов, однако оно способно воздействовать на них. Различия между обществами заключаются не в наличии либо отсутствии конфликтов, а в способах реагирования властей на них. Основной тезис исследователя гласит, что конфликт представляет собой неотъемлемый аспект любого социума, важный компонент любой социальной структуры.

Рассуждая о современной ситуации, Р. Дарендорф характеризует современный конфликт как столкновение ресурсов и амбиций. Он считает, что современное общество не породило какого-то принципиально нового типа конфликта. Вероятность социальных потрясений, вызванных взаимоотношениями между большинством населения и маргинализованными слоями, представляется незначительной. Тем не менее, он подчеркивает наличие иных потенциальных источников напряженности, которые существуют или могут появиться в условиях современности.

Рассмотренный подход Р. Дарендорфа к сути конфликта и к способам его разрешения, по мнению автора, как никогда представляется актуальным. Это обусловлено возникновением новых и трансформацией уже имеющихся конфликтов политического, социального, военного и иного характера. Представляется, что учет правовых взглядов Р. Дарендорфа может способствовать разрешению указанных конфликтов правовым, мирным путем.

Пристатейный библиографический список

1. Актуальные проблемы юридической конфликтологии: обзор Всероссийского научно-практического круглого стола «Юридическая конфликтология: проблемы и перспективы» (Всероссийский государственный университет юстиции, 18.01.2024) // Правовая культура. – 2024. – № 4 (59). – С. 114-127.
2. Балабанова К. А. Социология конфликта Ральфа Дарендорфа // Гуманитарные науки в современном вузе: вчера, сегодня, завтра: к 280-летию со дня рождения российской просветительницы княгини Е. Р. Дашковой: материалы VI международной научной конференции: в 3 т., Санкт-Петербург, 15 декабря 2023 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 2023. – С. 125-128.
3. Дарендорф Р. Современный социальный конфликт // Иностранная литература. – 1993. – № 4. – С. 237-247.
4. Попов А. И. Методология использования специальных знаний в конфликтной следственной ситуации: специальность 12.00.12 «Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. – Москва, 2017. – 22 с.
5. Ставский В. Н. Жизненные шансы и современный социальный конфликт в концепции Ральфа Дарендорфа // Веснік Магілеўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. А. Куляшова. Серыя D. Эканоміка, сацыялогія, права. – 2015. – № 2 (46). – С. 55-61.
6. Dahrendorf R. Soziale Klassen und Klassenkonflikt in des industriellen Gesellschaft. – Stutt, 1957.
7. Dahrendorf R. Zu einer theorie sozialen Konflikts // Zapf W. Theorien sozialen Wandels. – Kőln-Berlin, 1969.

РАССКАЗОВ Леонид Павлович
доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права, Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина, г. Краснодар; заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, заслуженный деятель науки Кубани

ГАРАНТИИ ЗАКОННОСТИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ ПО БОРЬБЕ С ФАШИСТСКО-НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИМ ПОДПОЛЬЕМ В ЗАПАДНЫХ РЕГИОНАХ СССР В 1944-1955 ГГ.

Рассматриваются вопросы соблюдения законности в деятельности государственных органов, в том числе по борьбе с фашистско-националистическим подпольем на Украине, в Прибалтике и Белоруссии. Показано, что контроль за деятельностью советских, партийных, ведомственных органов имел огромное значение и распространялся на все сферы жизнедеятельности государства. Отмечается, что соблюдение законности, государственной дисциплины, партийного контроля имели большое значение для повышения эффективности деятельности по борьбе с подпольем и его пособнической базой. Законность была и остается важнейшим принципом, способствующим успешному развитию государственности, укреплению общественной и государственной дисциплины, гражданской дисциплины, организованности работы государственного аппарата.

Ключевые слова: государственные органы, комиссии, законодательство, законность, контроль, государственная дисциплина, фашистско-националистическое подполье, пособническая база.

RASSKAZOV Leonid Pavlovich
Ph.D. in Law, Ph.D. in historical sciences, professor, professor of Theory and history of state and law sub-faculty, I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University, Krasnodar; Honored Scientist of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Honored Scientist of Kuban

GUARANTEES OF LEGALITY IN THE ACTIVITIES OF STATE BODIES IN THE FIGHT AGAINST THE FASCIST-NATIONALIST UNDERGROUND IN THE WESTERN REGIONS OF THE USSR IN 1944-1955

The article examines the issues of compliance with the rule of law in the activities of state bodies, including in the fight against the fascist-nationalist underground in Ukraine, the Baltic States and Belarus. It is shown that the control over the activities of Soviet, party, and departmental bodies was of great importance and extended to all spheres of the life of the state. The author also notes that the observance of legality, state discipline, and party control were of great importance for improving the effectiveness of activities to combat the underground and its support base. Legality has been and remains the most important principle contributing to the successful development of statehood, strengthening public and state discipline, civil discipline, and the organization of the work of the state apparatus.

Keywords: state bodies, commissions, legislation, legality, control, state discipline, fascist-nationalist underground, aiding base.

Точное исполнение всеми государственными органами правил, содержащихся в законах, подзаконных нормативных правовых актах, означает соблюдение законности. Законность охватывает всех граждан государства и способствует развитию общества. Она выражает и защищает экономические и политические интересы общества и граждан, экономические и политические отношения, способствующие успешному строительству общества, она общеобязательна. Этот принцип стал приоритетным во всех нормативных правовых актах, регламентирующих деятельность по борьбе с фашистско-националистическим подпольем на Украине, в Прибалтике и Белоруссии в 1944-1955 гг.

Роль советской законности состояла в том, чтобы укрепить государственную дисциплину, воспитать у граждан чувство долга перед государством и обществом, привлекать к ответственности тех, кто нарушает узаконенные правила, причиняя тем самым вред государственным и общественным интересам, гражданам государства. К такой категории относились участники фашистско-националистического подполья, их пособники [9, с. 13].

В обществе соблюдение законов обеспечивалось, прежде всего, морально-воспитательными и организационными средствами. Вместе с тем ее охранял авторитет права и государственного механизма, наделенного правомочием применять государственное принуждение, дозволенное законом, в целях поддержания государственного порядка и дисциплины [4], [5], [8], [13], [15].

Соблюдение законности гарантировалось деятельностью Советов депутатов трудящихся, органов управления, народного контроля, общественных организаций, прокуратуры и суда, правовым воспитанием граждан и другими организационно-правовыми мерами.

Важную роль в укреплении законности играли Советы депутатов трудящихся. Активная деятельность всех Советов, их постоянных комиссий и исполкомов способствовало усилению контроля за тем, как соблюдается законность в стране, республиках, областях или районах. Велика была роль постоянных комиссий, Советов. В качестве примера работы постоянных комиссий, направленных на укрепление законности, можно отметить проверки, проведенные комиссиями законодательных предложений Совета Союза и Совета Национальностей Верховного Совета СССР в 1950 г. Члены этих комиссий с участием работников прокуратуры, министерств и депутатов местных Советов проверили соблюдение советского законодательства в ведомствах и организациях западных регионов СССР [6, с. 294-295].

Постоянные комиссии, подводя итоги работы, отметили положительные результаты, свидетельствующие об укреплении законности в ведомствах и организациях. Отмечается, что укрепление законности в правоотношениях, связанных с ликвидацией антисоветских преступлений имело важное значение в повышении эффективности деятельности по противодействию антисоветским проявлениям, в том числе «политико-националистическим бандитизмом» и фашистско-националистическим подпольем.

В укреплении законности важную роль играли систематический и квалифицированный надзор прокуратуры, особенно общий надзор. Хорошо подготовленные и глу-

боко проведенные общенадзорные проверки часто давали возможность предотвращения, пресечения и вскрытия нарушений законности. Хорошо известно, что деятельность по профилактике и предотвращению преступности играет стабилизирующую роль для общества [3], [11], [14], [17]. Прокурорская практика знает много примеров активного воздействия прокуратуры на улучшение состояния законности среди государственных органов полномочных вести борьбу с антисоветскими проявлениями, в том числе с фашистско-националистическим подпольем.

Пособническая база фашистско-националистического подполья имела разветвленную сеть, которая распространялась на все сферы, отрасли народного хозяйства западных республик Советского Союза. Это требовало от государства принятия исчерпывающих мер по недопущению совершения противоправных действий. В борьбе за законность, которая составляла важнейшее направление деятельности государства, особое место отводилось системе народного контроля. Комитеты народного контроля, осуществляя систематическую проверку фактического исполнения постановлений руководящих партийных и правительственных органов, тем самым предупреждали и вскрывали нарушения законности государственной дисциплины в деятельности государственных органов различного уровня, прежде всего в аппаратах управления различными отраслями экономики. Органы народного контроля добивались эффективности общественного производства и рационального расходования трудовых, материальных и денежных ресурсов, что прямо влияло на предотвращение нарушения законности, восстановления и развития народного хозяйства, что в свою очередь подрывало пособническую, хозяйственную базу подполья. Вместе с тем органы контроля вели борьбу с местническим и ведомственным подходом к решению общегосударственных дел.

Важно отметить, что всякий контроль должен осуществляться в рамках законности и служить целям ее укрепления. Важное значение в связи с этим имеет правильная организация и квалифицированное осуществление контроля за соблюдением во всех министерствах, ведомствах, учреждениях, организациях предписаний законов и подзаконных актов, регламентирующих соответствующую деятельность.

Говоря о значении законности, следует отметить, что ее дисциплинирующее воздействие зависит от того, насколько совершенно и несовершенно законодательство. Нельзя недооценивать того факта, что нечеткое, несовершенное законодательство или отсутствие правового регулирования таких сторон государственной деятельности, которые нуждаются в регулировании, иногда способствуют личному усмотрению отдельными должностными лицами противопоставляющих корыстные, местные и ведомственные интересы общегосударственным интересам [2], [16, с. 20-21].

Для укрепления законности важное значение имело постоянная квалифицированная правотворческая деятельность государственных органов. Законодательство необходимо систематически изучать в действии. Это важно потому, что законы и другие правовые акты издаются в определенных конкретно-исторических условиях, которые находятся в постоянной динамике и развитии. В силу этого правовые акты в определенных частях устаревают. Иногда некоторые акты утрачивают общественную значимость. Поэтому возникает необходимость изменять или отменять определенные правовые предписания. Важно подчеркнуть, что законы должны служить интересам государства, общества, гражданина, и если они этой служебной роли не выполняют, их надо исправлять или отменять [1, с. 30-31].

Важно подчеркнуть, что в Советском государстве дисциплина включала в себя элемент сознательности. В силу этого она означала сознательное выполнение гражданином, должностным лицом, государственным органом, общественной организацией и др. стоящих перед ними государственных обязанностей. Сознательное выполнение обязанностей, вытекающих из правовых предписаний, плановых заданий, требований уставов – необходимые условия социалистической государственной дисциплины.

Советское государство использовало дисциплину в различных ее конкретных проявлениях: плановая, договорная, служебная и др. Все эти виды дисциплины являлись составными частями единой государственной дисциплины, которая являлась важной составляющей в деятельности государственных органов по борьбе с фашистско-националистическим подпольем.

Политическая сущность государственной дисциплины определялась партией: самый широкий демократизм должен был сочетаться с неуклонным соблюдением товарищеской дисциплины трудящихся и содействовать ее укреплению, осуществлению контроля сверху и снизу. Главное в деятельности всех государственных органов была – организаторская работа среди населения, правильный подбор работников, проверка и оценка их практической деятельности, контроль фактического выполнения задач и решений руководящих органов власти. Проведенный автором анализ показал, что во многих решения руководящих партийных и государственных органов, принятых в рассматриваемый период, первостепенным направлением было строжайшее соблюдение государственной дисциплины.

Так, определяя пути совершенствования деятельности по борьбе с фашистско-националистическим подпольем на Украине, в Прибалтике и Белоруссии партийные и государственные органы указывали на решающее значение государственной дисциплины в осуществлении поставленных задач. Выполнение основных мероприятий по ликвидации подполья имели своей правовой основой утвержденные законодательными или исполнительно-распорядительными органами государственной власти нормативные правовые акты. Эти нормативные документы, будучи юридическими предписаниями, были обязательны к исполнению, их невыполнение либо недозволенное изменение означало нарушение государственной дисциплины. Широко распространенными являлись такие формы нарушения государственной дисциплины, как завышение результатов деятельности, необоснованное нарушение установленных предписаний, связанное с несоблюдением служебной дисциплины и так далее. Здесь уместно отметить, что укрепление законности в деятельности государственного аппарата, используя в этих целях государственные, специальные и общественные способы и организационные формы имело важное значение в рассматриваемой теме.

Особо необходимо остановиться на контроле партийных органов, как важнейшем элементе в укреплении законности и дисциплины.

Возрастание роли и значения партийных органов как руководящих и направляющих звеньев советского общества, обусловливало дальнейшее совершенствование форм партийно-политического руководства государственными органами, в том числе форм партийного контроля. Руководящие документы, определяющие полномочия подконтрольных партии органов, устанавливали право контроля за деятельностью этих органов. Более того, нормативно-правовые акты обязывали партийные органы активно влиять на совершенствование работы государственного аппарата, воспитывать сотрудников в духе высокой ответственности за порученное дело, принимать меры по укреплению государственной дисциплины, улучшению обслуживания населения, вести решительную борьбу с бандитизмом и фашистско-националистическим подпольем [10, с. 28].

Для осуществления текущего контроля, проводимого под руководством партийных органов, создавались комиссии. Эти комиссии не являлись обособленными от партийных организаций контрольными органами. Они осущест-

вляли контроль вместе со всей партийной организацией в пределах прав, предоставленных им решениями руководящих партийных органов и на основе действующих законов. Положение о комиссиях, осуществляющих партийный контроль, предусматривало возможность создания комиссий по важнейшим направлениям деятельности организаций, ведомств.

Законность было выражением состоятельности всей советской системы. Без законности не могло быть полноценного общества и государства. Законность придавала организованный, целенаправленный характер действиям различных институтов, используемых в государственной и общественной жизни, в деятельности по борьбе с подпольем.

Важно отметить, что особое внимание уделялось на единообразное понимание и использование общественных процессов и условий в законотворчестве. Прежде чем принимать закон, необходимо было познать объективные предпосылки, способствующие обеспечению выполнения этого закона. К таким предпосылкам можно отнести подготовка сознания и правосознания граждан, основанную, ни их личном опыте.

Законность в деятельности государственного аппарата проявлялась многогранно. Управленческие действия аппарата соответствовали закону: управленческие решения (акты управления) издавались только по вопросам, отнесенным законом к компетенции данного органа, в порядке и в форме, определяемой правом [7, с. 43]. Взаимоотношения государственных органов с гражданами и общественными организациями осуществлялись в пределах полномочий госорганов, граждан, общественных организаций. Очевидно, что любое звено государственного аппарата, реализуя свою компетенцию, не могло выходить за рамки законности. Аппарат не правомочен сам изменять, расширять или сужать эту компетенцию.

Во всей государственной деятельности было незыблемо правило, согласно которому закон обязателен для всех и до тех пор, пока он не изменен или не отменен полномочным государственным органом, все государственные органы и работники государственного аппарата, граждане и общественные организации обязаны строжайше его соблюдать.

Таким образом, законность была и остается важнейшим принципом, способствующим успешному развитию государственности, укреплению общественной и государственной дисциплины, гражданской дисциплины, организованности работы государственного аппарата. Она также направлена на устранение угроз суверенитету государства [12].

Пристатейный библиографический список

1. Афанасьев К. К. Гарантии законности как элемент правовой системы // Проблемы права: теория и практика. - 2023. - № 61. - С. 29-42.
2. Бастрыкин А. И., Егоршин В. М., Захарцев С. И., Сальников В. П. Законность – главное в использовании результатов ОРД в уголовном судопроизводстве // Процессуально-правовые особенности взаимодействия следственных органов с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность: сборник материалов Международного научно-практического круглого стола (Санкт-Петербург, 22 октября 2021 года) / Под общ. ред, докт. юрид. наук, проф. И. А. Антонова, М. Р. Глушкова. - СПб.: Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации, 2022. - С. 7-45.
3. Виноградова Е. В., Захарцев С. И., Сальников В. П. Профилактика преступности: от концепта к конструкту // Юридическая наука: история и современность. - 2023. - № 3. - С. 111-119.
4. Головинов В. А. Понятие и признаки государственного принуждения // Мир политики и социологии. - 2010. - № 1. - С. 33-35.
5. Коровко Ю. А. К вопросу о сущности государственного принуждения в механизме правового регулирования // Вестник государственного морского университета имени адмирала Ф. Ф. Ушакова. - 2023. - № 1 (42). - С. 115-116.
6. Липинский Д. А., Мусаткина А. А. Законность и правопорядок // Теория государства и права: учебник. - М.: Проспект, 2015. – С. 284-296.
7. Лунев А. Е. Советский государственный аппарат. - М.: Знание, 1972. - 48 с.
8. Мельникова О.В. К вопросу о сущности государственно-правового принуждения // Вестник Саратовской государственной юридической академии. - 2022. - № 5 (148). - С. 75-81.
9. Мутигуллин А. В. «Политический бандитизм» и борьба с ним в Западной Украине, Западной Белоруссии и Прибалтике в 1944-1955 гг. (историко-правовой аспект) // Вестник Уфимского юридического института МВД России. - 2024. - № 4 (106). - С. 10-17.
10. Мутигуллин А. В. Правовое регулирование борьбы с фашистско-националистическим подпольем на освобожденных от оккупации территориях Западной Украины, Прибалтики, Белоруссии (1944-1955 гг.) // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. - 2024. - № 2 (109). - С. 23-32.
11. Петровский А. В. Институционно-нормативная система предупреждения преступного поведения: теоретико-прикладное исследование: Дис. ... докт. юрид. наук. 5.1.4. - Краснодар: Кубанский государственный ун-т, 2024. - 597 с.
12. Политико-правовое управление и угрозы суверенитету государства: монография / Под ред. В. П. Сальникова. – 2-е изд., испр. и доп. - М.: ИНФРА-М, 2024. - 423 с.
13. Ребане И. Труды по правоведению: Убеждение и принуждение в деле борьбы с посягательствами на советской правопорядок. Вып. 5. - Тарту: Тарт. ун-т, 1966. - 316 с.
14. Сальников В., Захарцев С. Преступления, которых могло не быть // Защита и безопасность. - 2020. - № 4 (95). - С. 30-31.
15. Сальников В. П., Федоров В. П. Убеждение и принуждение в деятельности органов внутренних дел. - Л.: ВПУ МВД СССР, 1989. - 91 с.
16. Тарасова А. Г. Понятие законности: исторический анализ и современность // Актуальные вопросы юриспруденции: сборник статей IV Международной научно-практической конференции, Пенза, 20 декабря 2020 года. - Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2020. - С. 20-24.
17. Яковлева М. А. Органы внутренних дел как один из субъектов в системе профилактики преступности: автореф. дис. … канд. юрид. наук. 12.00.08 - СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 2019. - 23 с.

ТЕРЯЕВА Евгения Вячеславовна
кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории, политологии и государственной политики, Среднерусский институт управления (филиал), Российская академия народного хозяйства и государственной службы, г. Орел

Теряева Е. В.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ДОЛЖНОСТНЫМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XIX ВЕКА (НА МАТЕРИАЛАХ ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Статья посвящена политике Российского государства по противодействию должностным преступлениям в конце XVIII – начале XIX века. В статье рассматриваются основные виды преступлений, происходивших на государственной службе. Изучаются механизмы борьбы правительства с такими должностными преступлениями и правонарушениями. Анализируются материалы сенаторских ревизий, а также нормативно-правовые акты, направленные на борьбу с медлительностью и волокитой. Определяется роль сенаторских ревизий в противодействии должностным преступлениям.

Ключевые слова: провинциальное чиновничество, должностные преступления, сенаторские ревизии, виды наказаний, медлительность и волокита, взяточничество.

TERYAEVA Evgeniya Vyacheslavovna
candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of History, political science and public policy, Central Russian Institute of Management (branch), Russian Academy of National Economy and Public Administration, Oryol

STATE POLICY ON COUNTERING OFFICIAL CRIMES IN THE LATE 18TH – EARLY 19TH CENTURY (BASED ON THE MATERIALS OF THE OREL PROVINCE)

The article is devoted to the policy of the Russian state on countering official crimes at the end of the XVIII - beginning of the XIX century. The paper examines the main types of crimes that occurred in public service. The mechanisms of the Government's fight against such official crimes and offenses are being studied. The materials of the senatorial audits are analyzed, as well as regulatory legal acts aimed at combating slowness and red tape. The role of senatorial audits in countering official crimes is determined.

Keywords: provincial officialdom, official offenses, senatorial audits, types of punishments, slowness and red tape, bribery.

Должностные преступления всегда составляли определенную долю среди всех совершенных преступлений. Возникновение государства неразрывно связано с появлением бюрократического аппарата. Слаженная работа органов государственной власти и всего бюрократического аппарата в целом способствует развитию и процветанию государства. Должностные преступления препятствуют нормальному функционированию государственного аппарата, подрывают веру населения в закон и порядок, наносят ущерб авторитету государственных органов. Борьба с данными преступлениями начинается практически сразу с появлением бюрократического аппарата. Но системного характера она достигает в конце XVIII – начале XIX в., когда происходит усложнение бюрократического аппарата, модернизация его структуры и организации, а также установление постоянного контроля и надзора за его деятельностью. Процесс разрастания бюрократического аппарата и формирования института профессионального чиновничества требовал и усовершенствование механизмов по борьбе с должностными злоупотреблениями. Одним из элементов данной борьбы были сенаторские ревизии, которые регулярно проводились в исследуемый период.

В 1799-1800 гг. в Орловской губернии проходила ревизия тайных советников сенаторов кавалера А. И. Голохвастова и князя К. А. Багратиона о смотре присутственных мест. В своем отчёте они указали, что производство и течение дел в Орловской губернии исполняется в законном порядке [13, с. 58]. Но были сделаны существенные замечания по количеству нерешенных дел по губернии. Согласно ревизии на 15 октября 1800 г. обнаружилось 1899 нерешенных дел по всей губернии. Большая часть, из которых находилась в уездных нижних земских судах и городовых магистратах. Сенаторы предписали, чтобы нерешенные дела были окончены в непродолжительное время. Лица, принимавшие участие в заседаниях, не могли уволиться до тех пор, пока все дела не будут полностью завершены. За этим должны были строго следить губернатор и губернское правление. И если будут обнаружены медлительность и упущения, то поступать по всей строгости закона [13, с. 59]. Во время проведения следующей ревизии Орловской губернии в 1806 г. сенатором Руничем были также обнаружены медлительность в производстве дел и некоторые канцелярские беспорядки. Например, в Мценске нижний земский суд показал всего 10 нерешенных дел, в то время как на самом деле их было 333. О чем сенатору стало известно. Поступок членов Мценского земского суда был передан на рассмотрение уголовной палаты [15, с. 40].

Больше всего должностных преступлений и проступков было обнаружено в ходе ревизии сенатора Н. Е. Мясоедова Орловской губернии в 1816 г. В ожидании ревизора местное начальство стало обелять свою деятельность. В одних учреждениях составляли ведомости со значительным уменьшением нерешенных дел, в других учреждениях и вовсе стали прятать нерешенные дела [15, с.42]. В ходе ревизии обнаружилось, что многие чиновники злоупотребляли своим положением, превышали должностные полномочия, были за-

мечены в лихоимстве и других противоправных поступках. Также вскрылись нарушения при проведении рекрутских наборов, сборе казенных недоимок, податей и повинностей, упущения и беспорядки в производстве дел, невыдаче денег городским обывателям и казенным поселянам за довольствие и постой проходящих воинских команд, отсутствие или неверные записи в приходно-расходных книгах. Сенатор призвал наказать нарушителей по всей строгости закона, а также рекомендовал губернскому правлению пристально следить за тем, чтобы во всех судах в губернии не было волокиты, чтобы указы Сената исполнялись в точности, чтобы при производстве дел не происходило никаких злоупотреблений, лени и нерадения [15, с.40].

Существование волокиты и большого количества нерешенных дел было отмечено многими ревизорами, которые призывали губернаторов строго следить за своевременным рассмотрением дел в губернии. Помимо сенаторских ревизий, был издан ряд указов, направленных на привлечение в судебное ведомство путем выборов лучших и надежных людей губернии. Так, Указ от 20 августа 1802 г. «О неуклонении дворянства и купечества от выборов» говорит, что, так как дворянство и купечество уклоняются от выборов и службы, то должности в земском суде и расправе оказываются в ненадежных руках. Поэтому дворяне и купцы должны принимать активное участие в выборах, чтобы на данные должности путем беспристрастного голосования были определены лучшие люди губернии [14, с. 5]. Выборы проводились в заседатели уголовной палаты, гражданской палаты, совестный суд. Этим указом правительство пыталось привлечь образованных и состоятельных людей к выборам, а также минимизировать правонарушения по службе и количество нерешенных дел.

Бороться с медлительностью и волокитой в делопроизводстве был призван Указ от 14 ноября 1809 г., по которому учреждались временные уездные и нижние земские суды для окончания старых и запущенных дел. Однако в скором времени судьи данных судов начали подавать прошения об увольнении из-за неуплаты жалования. Например, надворный советник Леонтьев просил увольнение с должности судьи Малоархангельского временного уездного суда, по причине того, что не получает жалование. Указом от 14 ноября 1809 г. было велено при новых дворянских выборах прежних членов уездных и земских судов не отправлять в отставку, а оставлять на службе до окончания старых запущенных дел. Назначение жалования членам временным уездных и нижних земских судов предоставлялось на волю дворянства, а жалования канцелярским служителям возлагалось на экстраординарную по губернии сумму. Указом от 14 декабря 1814 г. временные нижние земские суды были упразднены. Незаконченные дела были переданы в нижние земские суды. Что касается временных уездных судов, то было поручено узнать, сколько у них в производстве нерешенных дел. Пристальное внимание на медлительность в делопроизводстве было обращено во время сенаторской ревизии Орловской губернии 1829 г. Оказалось, что в дворянской опеке на рассмотрении находится 30 нерешенных дел, самое «старое» с 1813 г., по уездному суду - 47 дел, по земскому суду - 69 дел, в городовом магистрате - 96, в сиротском суде - 36 нерешенных дел [2, с. 4].

Правительство, пытаясь, навести порядок в чиновничьей среде, ужесточало наказания за злоупотребления по службе. Часто дело ограничивалось отстранением от должности или увольнением с последующим недопущением до государственной службы, однако также встречались штрафы и тюремное заключение. Например, в 1793 г. за пьянство и неправильное ведение дел был уволен архивариус Орловской провинциальной канцелярии коллежский регистратор Овсянников [6, с. 38], а секретарь Неделин отстранен от должности за упущения по службе [8, с. 5]. В тоже самое время канцелярист Малоархангельского уездного суда Силуянов был уволен за пьянство и превышение власти [7, с. 4]. Но иногда за таким увольнением могло последовать и полное недопущение к службе в данном или во всех других ведомствах. Так, в 1779 г. за непослушание начальству и другие упущения по должности были отстранены от дел служащие межевой канцелярии генерал поручик Ивашев, отставной советник Аназов. Также в решении было сказано о том, чтобы их отстранить от дел навсегда и на указанные должности больше не определять [4, с. 238].

Встречалось, что дело заканчивалось не только увольнением, но и штрафом. Например, секретарь Андриянов был оштрафован за недобросовестное отношение к судебным обязанностям [5, с. 3]. В 1796 г. на членов Орловского нижнего земского суда был наложен штраф в размере 25 руб. за «неисправности и медлительность» при решении дела о краже денег и вещей из церкви села Дмитриевское членом причта Емельяном Васильевым и дьячком Гаврилой Самойловым [9, с. 9].

Размер штрафа мог быть и значительно больше. Так, в 1791 г. мценский земский исправник А. Б. Черемисов с заседателями Мценского нижнего земского суда при расследовании дела о поддельных паспортах приехали в имение помещицы П. И. Сухоревой. Помещица подала на исправника и заседателей жалобу, в которой говорилось, что земский исправник и заседатели, приехав в ее имение, взяли у крестьян Чуприновых четырех лошадей, учинили над братьями побои, разграбили двор, сбили замки с чуланов помещицы и забрали все, что там находилось, а также увезли крепостных людей в Мценский нижний земский суд для допросов и держали там два месяца. Суд счел жалобу помещицы в причинении ей обид и оскорблений исправником несправедливой и назначил ей выплату пени в размере 25 руб. в пользу приказа общественного призрения. Земского же исправника Черемисинова за побои крестьян Чуприновых и за непроведение на месте допросов оштрафовать на 300 руб. Дворянских заседателей за допрашивание арестованных не сразу как в суд привезли, а на другой день и за недельное промедление в производстве и прочие неисправности и упущения взыскать штраф в размере трети жалованья, сверх того с заседателя Субочева за неисполнение по указу уездного суда взыскать еще 10 руб. На секретаря нижнего земского суда Сапалова, признанного палатой по данному делу во многом виновным наложить штраф в 100 руб. [3, с. 1].

Более строгим было наказание губернскому регистратору Орловского уездного суда Василию Попову. Он был заключен в тюрьму и посажен на два месяца на хлеб и воду за вынос из здания суда крепостной книги и передаче её помещице Оловянниковой. Анна Оловянникова вырвала из этой книги листы, где были сведения о принятии ее отцом купчей, данной болховским помещиком Давидом Беленихиным на помещичьих крестьян. Данное злоупотребление вскрылось,

и Василий Попов был заключен под стражу на два месяца на хлеб и воду. Следует также отметить, что суд постановил считать Попова после отбытия наказания свободным и допустить его к прежней занимаемой должности [10, с. 58]. Более серьезными были наказания за лихоимство. Многие служащие не только были отстранены от должности, но и переданы суду. Особо яркую картину по злоупотреблениям, связанным с лихоимством, даёт уже упомянутая нами ревизия сенатора Н. Е. Мясоедова 1816 года. Например, мценский уездный стряпчий Алексеев, обвиняемый в лихоимстве и иных противозаконных поступках был отрешен от должности и предан суду уголовной палаты [12, с. 2].

Многие чиновники по ревизии сенатора за медлительность в делопроизводстве были подвергнуты штрафу. Так, например, секретарь ратуши Головин за медлительность, беспечность и нерадение по должности в 1821 году был подвергнут штрафу, составляющему треть от жалования [15, с. 61]. За медлительность в делопроизводстве были уволены секретари Орловского городового магистрата Токарев, Снытревский. Токарев в 1824 г. по решению Сената был еще оштрафован на 50 руб. [15, с. 65]. Однако большинство чиновников были оправданы. Дела, возбужденные сенатором Мясоедовым, рассматривались до тридцати лет и закончились в основном благоприятно для подсудимых. Одни чиновники были полностью оправданы, например, секретарь губернского правления Бочаров, асессор Михайлов, повытчик Погорельцев. При оправдательном приговоре Сенат мог принять решение о выдаче жалования за время нахождения под судом и зачесть это время в действительную службу, как например, в деле Погорельцева. Также Сенат мог вынести оправдательный приговор, но не зачесть время нахождения под судом в срок службы, как например, в деле Задворского, большинство жалоб на которого не были опровергнуты. Приговор мог быть и строже, когда чиновник был оставлен в подозрении.

Итак, в конце XVIII - начале XIX века государство продолжало вести борьбу с должностными злоупотреблениями и преступлениями. Одним из инструментов этой борьбы были сенаторские ревизии, которые выявляли различные нарушения по службе. Другим средством противодействия должностным преступлениям были указы, направленные на создание временных уездных и нижних земских судов, с целью разгрузить постоянно действующие суды и препятствовать появлению волокиты в делопроизводстве. Также правительство боролось с должностными злоупотреблениями путем ужесточения наказания за совершенные противоправные деяния на службе. И хотя суровые приговоры с тюремным заключением встречаются довольно редко, само отрешение от должности и нахождение длительное время под судом не давало возможности дальнейшему продвижению по службе, карьерному росту, а порой и вовсе оставляло без средств к существованию. Однако из-за острого дефицита кадров в рассматриваемый период, особенно в провинции, государство было вынуждено порой проявлять снисхождение к правонарушителям, так как и из-за отстранения большого количества чиновников могли существенно замедлиться работа бюрократического аппарата и делопроизводство по всей губернии.

Пристатейный библиографический список

1. Государственный архив Орловской области. [Электронный ресурс]: Ф. 4. Оп. 1. Д. 5477.
2. Государственный архив Орловской области. [Электронный ресурс]: Ф. 4. Оп. 1. Д. 5489.
3. Государственный архив Орловской области. [Электронный ресурс]: Ф. 5. Оп. 1. Д. 3.
4. Государственный архив Орловской области. [Электронный ресурс]: Ф. 5. Оп. 1. Д. 4.
5. Государственный архив Орловской области. [Электронный ресурс]: Ф. 5. Оп. 1. Д. 385.
6. Государственный архив Орловской области. [Электронный ресурс]: Ф. 5. Оп. 1. Д. 647.
7. Государственный архив Орловской области. [Электронный ресурс]: Ф. 5. Оп. 1. Д. 649.
8. Государственный архив Орловской области. [Электронный ресурс]: Ф. 5. Оп. 1. Д. 976.
9. Государственный архив Орловской области. [Электронный ресурс]: Ф. 5. Оп. 1. Д. 1059.
10. Государственный архив Орловской области. [Электронный ресурс]: Ф. 5. Оп. 1. Д. 1073.
11. Государственный архив Орловской области. [Электронный ресурс]: Ф. 31. Оп. 1. Д 505 а.
12. Государственный архив Орловской области. [Электронный ресурс]: Ф. 31. Оп. 1. Д. 506.
13. Государственный архив Орловской области. [Электронный ресурс]: Ф. 593. Оп. 1. Д. 155.
14. Государственный архив Орловской области. [Электронный ресурс]: Ф 593. Оп. 1. Д. 175.
15. Пупарев А. Г. Две сенаторские ревизии Орловской губернии при губернаторе Яковлеве // Труды Орловской ученой архивной комиссии. - 1894. - Вып. 4. - Орел: Типография С. А. Зайцевой, 1895. - 77 с.

ФУРМАН Феликс Павлович
доктор философских наук, профессор кафедры общественных наук, Северо-Западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Санкт-Петербург

Фурман Ф. П.

ЛЕГАЛЬНЫЙ МАРКСИЗМ: УТОПИЯ ИЛИ НЕИСПОЛЬЗОВАННАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ

В данной статье рассматривается феномен легального марксизма как интеллектуального и политического течения конца XIX – начала XX века в России; анализируется его генезис, ключевые идеи и роль в общественной дискуссии того времени. Особое внимание уделяется оценке легального марксизма как возможного пути эволюции марксистской теории в условиях российской действительности. В исследовании сопоставляются утопические элементы концепции с ее практическим потенциалом, а также рассматриваются причины ее исторического поражения; делается вывод о том, что легальный марксизм представлял собой не только альтернативную компромиссную форму социалистической мысли, но и потенциальный путь модернизации, который остался невостребованным в контексте революционных процессов.

Ключевые слова: легальный марксизм, народничество, русский марксизм, российская философия, социализм, утопия, политическая мысль, идеализм, идеология.

FURMAN Felix Pavlovich
Ph.D. in philosophical sciences, professor of Social sciences sub-faculty, Northwestern Institute of Management, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, St. Petersburg

LEGAL MARXISM: UTOPIA OR MISSED OPPORTUNITY

This article examines the phenomenon of legal Marxism as an intellectual and political current of the late XIX - early XX century in Russia; analyzes its genesis, key ideas and role in the public debate of the time. Special attention is paid to the evaluation of legal Marxism as a possible way of evolution of Marxist theory in the conditions of Russian reality. The study compares the utopian elements of the concept with its practical potential, and examines the reasons for its historical defeat; it concludes that legal Marxism represented not only an alternative compromise form of socialist thought, but also a potential path of modernization that remained unclaimed in the context of revolutionary processes.

Keywords: legal marxism, narodnichestvo, Russian marxism, Russian philosophy, socialism, utopia, political thought, idealism, ideology.

Введение. Феномен идеи легального марксизма, возникший в России в конце XIX века, представлял собой попытку интеграции марксистской теории в рамках существующего правового поля. Необходимо отметить, что данное интеллектуальное течение, оказавшее значительное влияние на развитие российской общественной мысли, стремилось к адаптации марксистских положений в привязке к конкретным условиям и реальности российской действительности. Однако, в условиях нарастающей революционной активности и усиления правительственной реакции, потенциал легального марксизма остался нереализованным. В частности, и до сегодняшнего дня, в научном дискурсе сохраняется полемика относительно природы легального марксизма: являлся ли он утопическим проектом, изначально обреченным на провал, или же представлял собой реальную возможность для эволюционного развития российского общества, не получившую объективной оценки и должного развития в силу ряда объективных и субъективных факторов.

Целью данного исследования является комплексный анализ концепции легального марксизма, получившей распространение в российской интеллектуальной среде на рубеже XIX-XX веков.

Методы исследования. Применяя историко-генетический метод, предполагается выявить причины возникновения и проследить эволюцию данного течения в контексте российской политической мысли. Сравнительно-исторический метод позволит сопоставить легальный марксизм с классическим марксизмом, народничеством и другими доминирующими идеологическими концепциями того периода, что обеспечит понимание его специфики и места в общем идейном пространстве. Контент-анализ программных текстов ключевых фигур легального марксизма, таких как П. Б. Струве и М. И. Туган-Барановский, позволит реконструировать их теоретические построения и выявить основные положения их доктрины. Социокультурный анализ будет использован для оценки влияния общественной среды и интеллектуального контекста на формирование и развитие легального марксизма, а политико-правовой анализ – для изучения законодательных и институциональных факторов, которые могли как способствовать, так и препятствовать распространению данного течения в России. На основе полученных данных будет проведена оценка легального марксизма как исторического феномена, с целью определения, являлся ли он утопической идеей или же представлял собой нереализованную возможность для альтернативного пути общественного развития России.

Основной материал. В условиях современной социокультурной динамики особую актуальность приобретает проблема формирования нового мировоззрения, детерминированного необходимостью перехода к качественно иной исторической эпохе. Традиционные мировоззренческие парадигмы, базирующиеся на принципах рационализма и

антропоцентризма, подвергаются критическому анализу и концептуальному переосмыслению. В данном контексте легальный марксизм может быть рассмотрен как одно из перспективных направлений указанного переосмысления.

Марксистская философия второй половины XIX - начала XX века оказала значительное влияние на развитие русской общественной мысли, сохраняя свою релевантность в качестве объекта научного исследования. При этом следует отметить, что марксистская теория инициировала появление ряда инновационных идей, оказавших существенное влияние на отечественных политических и общественных деятелей, а также послуживших основой для формирования таких интеллектуальных течений, как легальный марксизм, активизм, эмпириомонизм и богостроительство. Данные направления способствовали эволюции отечественной философской мысли, сформировав интеллектуальную среду, в рамках которой осуществляли свою деятельность выдающиеся мыслители того времени [2].

Однако после революционных событий 1917 года альтернативные интерпретации марксизма постепенно утратили свою значимость в связи с доминированием ортодоксальной парадигмы. В результате этого многие аспекты политико-философских концепций представителей неортодоксального марксизма остаются недостаточно изученными в современной российской науке. Необходимо отметить, что данные направления представляют собой уникальный пример синтеза западной философии и русской философской традиции, что обусловливает необходимость их дальнейшего углубленного исследования [3].

Следует отметить, что легальный марксизм фактически представлял собой интеллектуальное течение, синтезировавшее западноевропейскую марксистскую теорию и российскую либеральную традицию. Представители данного направления, в частности, П. Б. Струве, Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков и М. И. Туган-Барановский, стремились применить марксистскую методологию для анализа социально-экономических процессов, протекавших в России, однако при этом отвергали необходимость революционного преобразования общества. Ключевые идеи легальных марксистов включали, в частности, признание капиталистического развития России как закономерного этапа исторического прогресса, акцент на экономическом анализе и социальной эволюции, а также стремление к проведению реформ в рамках действующего правового поля. Данные идеи, несомненно, получили широкое распространение среди либеральной интеллигенции, но, тем не менее, вызвали резкое неприятие как со стороны ортодоксальных марксистов, так и со стороны представителей консервативных кругов.

При этом, легальный марксизм подвергся критике как со стороны радикальных марксистов, таких как В. И. Ленин, так и со стороны его основателей, которые, впоследствии, отказались от марксистских взглядов. В частности, основные претензии включали обвинения в недостаточной революционности и компромиссности взглядов, подмене классовой борьбы экономическим детерминизмом, а также отходе от идеи диктатуры пролетариата и социалистического переустройства общества. Действительно, развитие политических событий начала XX века продемонстрировало, что российская социально-экономическая структура фактически не позволяла реализовать умеренные марксистские реформы без радикальных перемен, что, в конечном счете, привело к вытеснению легального марксизма более радикальными течениями [4].

В конце XIX века в российском марксистском движении оформились две фракции: легальная и радикальная, при этом легальное крыло, доминировавшее в публичном дискурсе, отвергало народнические представления о крестьянской общине, утверждая безальтернативность капиталистического пути развития для России. Несмотря на кажущуюся парадоксальность поддержки капитализма марксистами, анализ показывает, что это обусловлено объективными экономическими закономерностями. Крупнейший представитель легального марксизма, П. Б. Струве, признавал капитализм как систему эксплуатации, однако подчеркивал, что его развитие определяется экономическими факторами, не подлежащими моральной оценке. П. Б. Струве утверждал, что капитализм разрушает устаревшие общественные структуры не в силу деструктивной природы, а из-за их собственной несостоятельности, и в сложившихся условиях являлся единственным способом повышения производительных сил и удовлетворения растущих потребностей населения, что делало его неизбежным этапом в эволюции российского общества.

В этом контексте необходимо отметить, что труды П. Б. Струве оказали существенное влияние на дискурс между марксистским и народническим направлениями общественной мысли, вызвав широкий отклик в интеллектуальных кругах. Согласно свидетельствам современников, в частности, Н. Г. Гарина, выход работ П. Б. Струве спровоцировал резонанс в обществе, особенно в провинциальных регионах, с прогнозом о доминировании марксистской экономической теории в ближайшем будущем [6]. И действительно, концепции легального марксизма находили всё большее распространение, как в столичных, так и в провинциальных сообществах, в то время как народнические воззрения, несмотря на их сохраняющуюся защиту, все чаще воспринимались как анахроничные. В рамках марксистской парадигмы капитализм рассматривался как необходимый, но преходящий этап общественного развития, в рамках которого формируются условия для последующего социалистического преобразования, направленного на преодоление капиталистической системы.

Феномен поддержки марксистских идей представителями деловых кругов России, наряду с публицистами, социологами и студенческой молодежью, представляет собой предмет постоянного научного анализа. Объяснение данного явления заключается в различии идеологических установок легальных и радикальных марксистов. Легальные марксисты, в отличие от радикалов, таких как Г. В. Плеханов и В. И. Ульянов, рассматривали капитализм как закономерный этап социально-экономического развития. Принимая экономическую теорию К. Маркса, они отвергали революционный путь преобразования общества, отстаивая необходимость реформирования буржуазного строя и расширения демократических свобод. Таким образом, поддержка марксизма со стороны предпринимателей не являлась проявлением иррационального поведения, наивности или политической недальновидности. В контексте исторической эпохи марксизм воспринимался как символ прогресса, что обусловило осознанную поддержку его идей со стороны деловых кругов [1].

Согласно неопубликованным мемуарам Г. Н. Гарина-Михайловского, сына Н. Г. Гарина-Михайловского, в 1890-х годах марксизм воспринимался как идеологический союзник капитализма [6]. Ранние представители марксистского движения утверждали, что капитал является наиболее мощной революционной силой, способствующей разрушению патриархально-феодальных отношений и оказывающей универсальное преобразующее воздействие как на городскую, так и на сельскую среду [7].

Первоначальная аполитичность марксистов проявлялась в их заявлении о приоритете защиты экономических интересов рабочего класса, при этом форма государственного устройства, будь то царский абсолютизм или демократическая республика, не имела для них принципиального значения. Вследствие этого, на раннем этапе своего развития марксистское движение пользовалось негласной поддержкой царского правительства.

Распространённость идеологических конструктов легального марксизма представляет собой закономерное яв-

ление, обусловленное контекстуальной спецификой интеллектуальной среды конца XIX века в Российской империи. Несмотря на критику, исходящую от представителей радикального фланга марксистской мысли, обусловленную их консервативной интерпретацией положений классического марксизма и отходом от доктрины социалистической трансформации общества, научный вклад легальных марксистов не мог быть нивелирован. В частности, В. И. Ленин, несмотря на свою полемику с П. Б. Струве, признавал значимость его теоретических работ, подчёркивая ценность системного анализа народнической идеологии, осуществлённого в его трудах.

В мировоззренческой парадигме легального марксизма наблюдается редукция онтологической реальности к сфере сознания, что конституирует мир как производное от последнего. Вопрос о субстанциональной природе мира, существующего имманентно и независимо от когнитивных процессов, исключается из эпистемологического поля исследования. П. Б. Струве, придерживаясь позиции, коррелирующей с берклианско-кантовским идеализмом, постулировал сознание как предел дефиниции объективности и реальности, утверждая метафизичность предположения о существовании реального мира внешних «вещей» за пределами индивидуального или коллективного сознания. Социальные феномены, обладающие сугубо индивидуальной природой, подлежат исключительно аксиологически-нормативному, а не научно-аналитическому исследованию. Аналогичным образом, прагматические проблемы выводятся за пределы научного познания, будучи отнесенными к области этических оценок добра и зла.

П. Б. Струве отмечал, что практические идеи, инфильтрируясь в теоретические конструкции, способны искажать их, однако данная угроза равнозначна как для воззрений К. Маркса, так и для его оппонентов. В данном аспекте философии легальные марксисты демонстрируют существенное отклонение от ортодоксального марксизма, поскольку их концепции практически не содержат упоминаний о марксизме и материализме. Более того, идеи социалистической революции и диктатуры пролетариата ими отвергались как научно недоказуемые, что свидетельствует о влиянии рационалистического подхода. Однако в сфере философии истории обнаруживаются определенные точки соприкосновения с марксизмом, что позволяет в определенной степени отнести легальных марксистов к данному направлению [5].

Интеллектуалы, придерживающиеся материалистического понимания истории, зачастую демонстрировали тенденцию к социально-экономическому фатализму, редуцируя историческое развитие к действию стихийных экономических сил, предопределяющих неуклонное движение общества по траектории прогресса. В. И. Ленин подверг критике легальных марксистов, в частности, П. Б. Струве, за их склонность к беспристрастному констатированию фактов без учета конкретно-исторических условий, в которых эти факты формируются деятельностью людей, будь то классы, социальные группы или слои. Он противопоставил данному подходу классовый анализ социальной реальности, в рамках которого явления рассматриваются с точки зрения интересов трудящихся масс, что обеспечивает объективность рассмотрения. Марксизм, по мнению В. И. Ленина, не ограничивается констатацией необходимости исторического процесса, но стремится к выявлению конкретной общественно-экономической формации, определяющей содержание этого процесса, и класса, обусловливающего данную необходимость.

Также следует отметить, что анализ интеллектуальной траектории легального марксизма выявляет его существенное отступление от фундаментальных концепций, разработанных К. Марксом. Глубокие дивергенции с классической марксистской доктриной и внутренняя идеологическая гетерогенность адептов данного течения обусловили его элиминацию как самостоятельной идейно-политической силы, что повлекло за собой трансформацию философских и социально-политических позиций его представителей. Несмотря на отказ от ряда ключевых постулатов марксистской теории, легальные марксисты сохранили приверженность принципам рационализма и антропоцентризма в своих философских воззрениях.

Беря во внимание обстоятельство ограниченности временного периода своего существования, легальный марксизм, тем не менее, по всей видимости, потенциально обладал способностью стать основой для эволюционного перехода России к социально-экономическим преобразованиям, тем самым избегая радикальных революционных потрясений. Однако, в силу недостаточной политической воли правящего режима и прогрессирующей радикализации политического дискурса, данный потенциал в действительности не был реализован, что в конечном итоге привело к его угасанию. В контексте альтернативного развития, легальный марксизм, возможно, мог бы послужить платформой для формирования социал-демократической модели развития, аналогичной западноевропейским образцам. Тем не менее, авторитарный характер царского режима, неразвитость демократических институтов и интенсификация революционного движения весьма существенно снизили вероятность реализации данного сценария.

Выводы. Исходя из приведенных рассуждений, можно объективно констатировать, что легальный марксизм, возникший в России на рубеже XIX-XX веков, фактически представлял собой попытку адаптации марксистской теории к специфическим российским условиям. Вероятно, данная концепция могла бы послужить основой для эволюционного развития страны, однако, историческая траектория политического процесса отклонилась от данного сценария. Таким образом, вопрос о том, следует ли рассматривать легальный марксизм как утопическую идею или как упущенную возможность, остается предметом дискуссий. Тем не менее, анализ данного явления безусловно позволяет глубже осмыслить альтернативные варианты развития российской истории.

Пристатейный библиографический список

1. Бригос Х. П., Юрковский А. В., Кузьмин И. А. Марксистские (революционные) доктринальные концепции механизма государственной власти // Академический юридический журнал. - 2021. - Т. 22, № 1. - С. 14-25.
2. Евлоева Ф. Р. Возникновение и становление философии модернизма // Миссия конфессий. - 2024. - Т. 13, № 77. - С. 118-126.
3. Зубкевич Л. А., Пахомов Е. А. На пути к новому мировоззрению. Неортодоксальный марксизм // Вестник ИвГУ. - 2021. - № 2. - С. 109-117.
4. Комаров В. Д. Об основном законе марксизма-ленинизма как синергетической науки. Раздел II. Научный синтез материалистического понимания истории в диалектическом материализме (социальный материализм) // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). - 2024. - № 1. - С. 129-140.
5. Мартынова О. А. Критика идеализма и легального марксизма в трудах В. И. Засулич // Наука. Общество. Государство. - 2022. - Т. 10, № 1. - С. 96-106.
6. Могилевский Н. А. «Не единомышленник, но идейный союзник»? Н. Г. Гарин- Михайловский и марксизм // Вестник Московского городского педагогического университета. - 2022. - № 1. - С. 19-36.
7. Могилевский Н. А. Г. Н. Гарин-Михайловский: судьба и тексты // Люди и тексты. Исторический альманах. - 2020. - № 13. - С. 157-184.

DOI 10.46320/2073-4506-2025-4-203-118-121

БЕСЧЕТНОВ Сергей Сергеевич
главный юрисконсульт Юридической службы Центрального Комитета Коммунистической партии РФ; аспирант кафедры публичной политики и истории государства и права, Юридический институт, Российский университет дружбы народов имени П. Лумумбы

БРИТАНСКАЯ ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА И ЕЕ НАСЛЕДИЕ В КОЛОНИЯХ ВЕСТ-ИНДИИ

В настоящей работе выполнен анализ правовых аспектов формирования нормативной системы бывших колоний – островных государств Карибского бассейна, которые на протяжении XVI–XX вв. переживали правовую экспансию различных европейских государств, прежде всего Британской империи. В контексте историко-правового исследования экспансивной политики в Вест-Индском регионе, осуществлявшейся в колониальный период, были выявлены особенности процесса ассимиляции торговых обычаев (в частности, работорговли) в регионе и других источников колониального права. Авторы также проанализировали наиболее яркие правовые традиции Британской империи, воплощающие принципы колониально-правового экспансионизма.

Ключевые слова: Вест-Индия, Британская империя, habeas corpus, Вестминстерская модель, общее право, колониальная юрисдикция, смешанная правовая система, карибское право, торговые обычаи, работорговля.

BESCHETNOV Sergey Sergeevich
General Counsel of the Legal Service of the Central Committee of the Communist Party of the Russian Federation; postgraduate student of Public policy and history of state and law sub-faculty, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

BRITISH LEGAL POLICY AND ITS LEGACY IN THE WEST INDIAN COLONIES

This paper analyzes the main aspects of the colonial system of the former colonies of the Caribbean Island states of the Atlantic Ocean, which during the XVI–XX centuries experienced the legal expansion of the British Empire to an overwhelming extent. In the context of the expansive policy of the West Indian region, which took place during the colonial period, the peculiarities of the process of assimilation of trade customs, in particular, the slave trade in the region, were revealed. The most striking traditions of the British Empire and other global colonialists, implementing the principles of colonial expansionism, were studied.

Keywords: West Indies, British Empire, Habeas corpus, Westminster model, common law, colonial jurisdictions, trade customs, slave trade.

Исторический вектор развития островных государств Карибского бассейна, именовавшихся ранее Вест-Индией (*West-Indies* – «Западные Индии»), как это признают современные исследователи, продолжает существовать и развиваться в виде неотъемлемой части правовых систем, как общего, так и континентального права бывших держав-метрополий, которые своими содержательными характеристиками предопределили особенности периодизации политико-правовой истории региона и соответствующих территориальных юрисдикций.

Главная отличительная особенность этой истории состоит в том, что Вест-Индские острова в период колониальной эпохи, будучи объединенными общей географией и исторической судьбой, тем не менее, по отдельности переживали трансформационные процессы различных институтов государства и права, предопределенные и выражающиеся в неравнозначных проявлениях специфических политических и правовых традиций и структурных форм управления подконтрольными территориями. Вследствие отмеченных исторических условий, существовавшие на тот период колониальные модели управления на Карибских островах сформировали как общие, так и уникальные черты, которые стали первопричиной разделения далеких островов на отдельные политико-правовые подсистемы уже с ранних этапов их колониальной истории [1, p. 422].

Начиная с конца XV в. на территории Вест-Индии, куда входили Карибские острова, Багамские острова и острова в водах Мексиканского залива, помимо европейской политики экспансии, сопровождавшейся попытками метрополий утвердить свое суверенное право на покоренных островах, происходило повсеместное укрепление влияния вертикально-интегрированных компаний метрополий, которые стремились повсюду в этом регионе внедрить собственные торговые обычаи. Однако борьба между крупными державами Европы за владычество над Вест-Индией, обострившаяся в XVI–XVII вв., приводила к дестабилизации ситуации в Карибском пространстве и к утрате устойчивости колониального правопорядка.

Тем не менее, в Вест-Индском регионе можно выделить отдельные торгово-экономические зоны или колониальные юрисдикции, которые начали формироваться в XVII в. во время европейской колонизации и были разделены по сферам влияния между такими державами-метрополиями, как Великобритания, Испания, Португалия, Франция, Нидерланды и иными колониальными экспантами.

Полиструктурные процессы установления господства колониальных администраций в Южно-Американском регионе разворачивались на протяжении нескольких столетий в контексте постоянных территориальных и религиозных конфликтов между западноевропейскими державами-метрополиями, периодически устанавливавшими свое краткосрочное политическое и экономическое господство на том или ином острове Карибского бассейна [2, p. 23]. Особенностью таких квази-интеграционных процессов в мезоамериканском пространстве под флагом конкретной метрополии была поразительная адаптируемость и вариативность политико-правовых институтов, заимствованных из различных мировых правопорядков. Это заложило некоторую дефектность и оторванность от реалий нормативной регуляторной среды на этих островных территориях.

По мнению американского правоведа Джейн Кросс, при анализе регуляторной среды каждого острова Вест-Индского региона необходимо учитывать, что дифференциация структурных моделей и полиюридических традиций во многом оказали фундаментальное влияние на дезинтеграцию по отношению друг к другу [3, p. 369]. В результате разделения региона на отдельные сферы влияния европейских держав Карибские острова и их соционормативные системы становились все более контрастными, отдаленными друг от друга, что одновременно способствовало усилению процесса их сближения и правовой ассимиляции с державами-метрополиями [4, p. 90].

В начале XVII в. Британская империя начала распространение на Карибах своего суверенного права и провозглашать для подданных права и вольности, закрепляемые в колониальных хартиях, чем были существенно видоизменены основы традиционного образа жизни коренного населения [5, p. 93]. Первые британские колонии появились на Бермудских островах в 1612 г. и на островах Сент-Китс в 1623 г. Постепенно протестантское королевство Великобритания бросило вызов интересам в Карибском регионе таких католических держав, как Испанская империя и Королевство Франция, взяв под свой контроль ряд островов, включая Барбадос в 1627 г. и Ямайку в 1655 г. [6, p. 1627].

По аналогии с другими колониально-зависимыми территориями Британской Империи, на Карибских островах было официально установлено действие Вестминстерской модели управления, сочетающейся вертикально-интегрированными началами с собственно английской системой администрации и правосудия.

В сложившейся обстановке неизбежно происходил процесс утраты правосубъектности у местного населения и превращения их в собственность владельцев плантационных ферм и наемных работников в семьях аристократической элиты. К тому же британцы-колонисты завезли многие болезни старого Света, которые представляли для карибян на островах смертельную опасность и вели к депопуляции и деградации этнодемографической структуры региона. Как следствие, гибель местного населения была катастрофической – до 10 млн. умерших от болезней, что привело к резкому сокращению коренного населения и расчистило пространство для плантаций и завоза рабов из Африки [7, p. 270].

Иным образом действовали другие европейские державы-метрополии, начавшие к началу XVIII в. открытое геополитическое соперничество с Британской Короной, для установления суверенного права над юго-западными островами Карибского побережья и интеграции их в свою торгово-экономическую среду. По факту в Карибском бассейне была прочерчена линия, разделившая регион на группу отдельных колониальных образований и субевропейских юрисдикций, находившихся под непосредственным управлением и контролем отдельных торгово-экономических компаний или групп частновладельческих артелей.

В отличие от Британской метрополии, французские и голландские власти формировали наиболее благоприятную политическую экологию[1] в пространстве Карибских островов, налаживая тесные торгово-экономические связи и выстраивая политико-правовые механизмы в попытке ослабить влияние английских властей в Вест-Индии.

К тому времени в пространстве мезоамериканского региона серьезно обосновалась «Компания южных морей» (*The South Sea Company*), созданная в 1711 г. банкирами Джоном Блантом и Джорджем Касвеллом при активной поддержке Британского правительства, владевшей от нее значительной долей. Ключевым источником прибыли Компании стали зоны трансатлантической работорговли, которые превратились вместо экономической гравитации различных купеческих гильдий, пиратов и прочих работорговцев.

Британия рассчитывала через эту практику ликвидировать испанскую привилегию работорговли (*Asiento de Negros*). Как известно, Испания с начала XVI в. прекратила использовать в качестве рабов американских индейцев, а вместо них стала ввозить в колонии африканских рабов. Сахарные и другие плантации стали важной частью экономики в Карибском бассейне. В результате в Вест-Индии была создана особенная политическая экология, представляющая собой своеобразную взаимосвязь между продуктовой прибылью, наемным и рабским трудом и экологическими последствиями.

К XVIII в. Великобритания стала доминирующей силой в мировом рынке работорговли, что стало колоссальным фактором, влияющим на плантационную экономику новых колоний Карибского моря, и постепенно все больше происходила институционализация рабского труда [8, p. 332], используемого для выращивания на плантациях различных товарных культур (сахарный тростник, табак, кофе, индиго, рис, кукуруза, пшеница и др.).

Так, одним из первых крупных рабовладельцев в Карибском бассейне был сэр Джеймс Дракс (1609–1662), английский военный офицер и плантатор на острове Барбадос. К середине XVII в. Дракс стал крупнейшим землевладельцем на острове, владея более чем 400 акрами земли с сахарными плантациями и африканскими рабами [9, p. 79]. Со временем Барбадос стал сахарной столицей Карибского бассейна и ромовой столицей мира. Это была первая юрисдикция, отменившая в 1706 г. законодательный запрет евреям приобретать сахарные плантации на острове. Потомки Дракса были особенно активны в развитии плантационного хозяйства на Ямайке, и со временем трансатлантическая торговля стала процветать. В 1740-х гг. британские купцы объединились с вест-индскими сахарными плантаторами и даже получили места в английском парламенте. Традиционные формы права земельной собственности на Карибах были полностью адаптированы под систему плантационных хозяйств по производству сахарного тростника и, не смотря на определенное давление со стороны метрополии, целенаправленно подвергались системной модификации колониальными администрациями с целью формирования более гибкого типа аграрного капитализма. [10, p. 515].

В то же время Голландская Вест-Индская компания, распространив свою юрисдикцию и торговый контроль сначала на острова Виллемстаду и Кюрасао, методично расширяла сферу торгово-экономическую влияния преимущественно на южную часть Карибского побережья.

Примечательно, что экономическая либерализация голландскими торговцами портовых территорий вне рамок сверхтарифного регулирования британских властей дала конкурентное преимущество по отношению к восточной части региона, что стало значимым фактором интеграции этих колоний в систему мировой торговли [11, p. 47].

1 Политическая экология занимается исследованием разных аспектов взаимосвязи политических, экономических и социальных факторов и экологических проблем и видоизменений природы [19, p. 596-598].

Французское правительство в лице губернатора острова Жака Дайель дю Парке и его администрации реализовывали по аналогии с голландцами комплексную стратегию экономического развития колоний, применяя эффективную либерализацию нормативного регулирования торгового оборота и активное привлечение инвестиционного капитала с масштабным инфраструктурным развитием. Параллельно с созданием крупных ирригационных сооружений, ориентированных на оптимизацию процессов добычи и переработки сахарной патоки, власти развивали промышленное производство рома, существенно повысив рентабельность колониальных владений. Целью Французской Вест-Индской торговой компании стало расширение торгово-экономического влияния в Карибском регионе и вытеснение английского протектората.

По мнению карибского историка-правоведа Фредерика Смита, такого рода политика привела к разрастанию теневого рынка торговли и ухудшению производительности труда в английских колониях, в то время как французское производство в регионе получило более разветвленные рынки сбыта [12, p. 50]. Французская торговая компания стремилась облегчить условия для создания крупных плантационных ферм посредством более гибких диспозитивных норм торгового законодательства и благоприятных условий труда местного населения по сравнению с английскими колониями [13, p. 95]. Острова Мартиника, Сент-Люсия и Гваделупа, где находились основные ирригационные производства, приносили львиную долю доходов в Южно-Американском регионе.

Но после утраты Французской метрополией своего преимущества, основным монополистом на сахарно-плантационном рынке вновь стала Британская метрополия. При этом она сохранила все сложившиеся до перехода в ее юрисдикцию социально-экономические институты и отношения с местным населением в колониальных владениях [14, p. 141].

Британское правительство для сохранения сложившегося торгово-экономического климата на Карибских островах оставило в силе колониальные кодексы французского периода и продолжало политику контроля за работой колониальных администраций путем контрассигнационного надзора над процедурой принятия местных нормативных актов. По сути, англичане не решились демонтировать континентальную систему, а напротив предпринимали попытки гармонизации французских правовых институтов и актов нормотворчества предшествовавшего периода. Как верно заметил гайанский политик-юрист Ральф Рамкарран, британские и французские правовые институты в регионе демонстрировали функциональную совместимость благодаря сформировавшихся универсальных политико-правовых традиций Карибского бассейна, что обеспечивало институциональную стабильность и административную преемственность в управлении колониальными территориями.

Однако, аболиционистские группы и протестанты в Великобритании, считавшие рабство неприемлемым и бесчеловечным явлением, вынудили парламент принять Закон о работорговле 1807 г., который формально запрещал торговлю рабами в Британской империи и поощрял давление на другие страны, чтобы они отменили собственную работорговлю.

В самой же Англии рабство было отменено еще всеобщей Хартией об освобождении рабов в 1381 г. [15, p. 92]. В судебном деле Картрайта 1569 г. о наказании раба из России суд постановил, что английское право не может признавать рабство, так как оно никогда не было установлено официально. Этот прецедент хотя и не сделал рабство незаконным, но, по крайней мере, установил запрет на физические наказания рабов в Англии. После этого были предприняты две попытки провести через Британский парламент Рабовладельческий кодекс для колоний в 1660 и 1674 гг. [16, p. 260]. По правилам *lex mercatoria*, с рабами, завозимыми из Африканских колоний Британии, обращались как с движимым имуществом, хотя английские суды не всегда признавали за торговым обычаем силу закона.

После финансового краха Королевской африканской компании Верховный суд королевской скамьи предпринял институт правовой интервенции, чтобы преодолеть архаичную коллизию в отношении института рабства и адаптации феодальных традиций с актуальной на тот период юридической конструкцией права собственности. Так, в деле Butts v. Penny 1677 г. суд постановил, что о допущении против чернокожих людей подавать иск о тровере[2], как если бы они были движимым имуществом. Судьи обосновали этот вывод тем, что нехристиане не могут считаться подданными Короны, так как не могут приносить присягу верности (как это было определено в деле Кальвина 1608 г.). Поэтому как чужаки (*aliens*) они вполне могут для целей торговли рассматриваться как «товары», а не как личности [17, p. 772].

В 1698 г. был принят парламентский акт, разрешивший работорговлю для всех английских подданных, который стал качественно новым этапом в правовой концептуализации рабства в системе общего права. Хотя все же параллельно сохраняли сильные позиции представители христианской общины протестантов, убеждавшие, что рабство неприемлемо по моральным и религиозным соображениям, а также из-за очевидного противоречия между определением права собственности на рабов и английской традицией свободы по *habeas corpus*.

Наконец, Закон о работорговле 1807 г. был распространен на карибские плантации под британским контролем. Но при этом владение рабами за границей и использование их труда было все еще разрешено. Хотя без притока рабов через трансатлантическую систему работорговли стало труднее поддерживать плантационную экономику в Америке. Как бы то ни было, аболиционистское движение достигло своей цели, и после принятия Закона об освобождении рабов 1833 г. более полумиллиона человек в Карибском бассейне были освобождены из рабства и обрели правовой статус «подмастерьев» своих бывших владельцев.

Заключение. Историческая реальность и юридические черты мезоамериканского колониализма показывают его неординарный характер, что иллюстрирует и проведенный нами историко-правовой и критический анализ как уникальных, так и типичных правовых подходов к колониальным традициям Карибского бассейна. В то время как многие другие колониально зависимые территории боролись за сохранение политической идентичности и постепенного расширения правовой автономии [18], [19], на Карибских островах сформировался особый вектор развития колониального права, который проявился в своеобразном подходе к праву в результате синергетического комплекса торгово-экономических и политических традиций, наложивших исторический отпечаток на парадигму карибской юриспруденции.

2 *Trover* – это форма иска (*kind of trespass*) в юрисдикциях общего права о взыскании убытков за неправомерное завладение личным имуществом.

В соответствии с концепцией преемственности права, правовой ассимиляции и конвергенции правовых систем мира, многое из применявшегося права на местах в колониях, завоеванных Британской метрополией, сохранило свое действие на длительное время и продолжило свое функционирование [20]. Но происходило это уже под определяющим влиянием тенденций материнского общего права, включая множество правовых институтов и модельных кодексов других стран, которые осуществляли политику экспансии в пространстве мезоамериканского региона [21, p. 63].

Однако данное суждение нельзя применить ко всем островам Карибского бассейна. Такого рода попытки свидетельствовали бы об однобокости подхода к рассматриваемой проблематике. Учитывая многовековую эволюцию общего и континентального права вообще, сложности их взаимодействия и взаимопроникновения в частности, а также показанные выше особенности исторических условий воздействия общего права на формирование соционормативных систем в Вест-Индии, необходимо учитывать, насколько существенно различаются юридико-технические особенности в праве отдельных островов Карибского бассейна, особенно придерживающихся традиций французской юриспруденции. Это приводит к частичной утрате аутентичного английского типа правопонимания и юридической культуры и формированию оригинальных тенденций в правоприменительной практике.

Таким образом, типологическая оценка правовых систем государств Карибского бассейна и особенности историко-политического развития данного региона позволяют сделать вывод о смешанном, микстовом характере данной локальной правовой семьи, отражающем исторически предопределенную тесную взаимосвязь, как с континентально-европейским, так и с англо-саксонским правом. В настоящее время продолжаются попытки гармонизации правовых систем в рамках данного географического, экономического и государственно-правового пространства, и Карибская правовая семья все еще находится в поиске универсальных подходов для смягчения правовых затруднений и коллизий, обусловленных микстовостью права.

Пристатейный библиографический список

1. Anthony K. D. Approaches to the Common Law Trust in Codified Mixed Jurisdictions. - Birmingham: Holdsworth Club, 1991.
2. Anaya J. M. Aboriginal Land and Resource Rights and the Conflict Over Logging in Southern Belize // Yale Human Rights & Development Law Journal, 1998. - № 17. - P. 22-23.
3. Cross J. E. Caribbean Law: Traditions from Colonial History. - Oxford university press, 2009. - № 1. - P. 369-370.
4. Antoine R.-M. B. Commonwealth Caribbean law and Legal system. - N.Y.: Routledge-Cavendish Publishing Ltd., 2008.
5. Kodilinye G. Commonwealth Caribbean Legal Studies. - London: Butterworths, 1992.
6. Gragg L. D. Englishmen Transplanted: The English Colonization of Barbados, 1627-1660. - Oxford: Oxford University Press, 2003. - № 1. - P. 1627
7. Galbraith J. K. A Short History of Financial Euphoria. - N.Y.: Penguin Books, 1994. - P. 128-129.
8. Draper M. Timbering and Turtling: The Maritime Hinterlands of Early Modern British Caribbean Cities // Early American Studies. - 2017. - № 15. - P. 769-800.
9. British Involvement in the Transatlantic Slave Trade // The Abolition Project. East of England Broadband Network, MLA East of England, 2009.
10. Bridenbaugh K., Bridenbaugh R. No Peace Beyond the Line: The English in the Caribbean, 1624-1690. - New York: Oxford University Press, 1972. - P. 78-79.
11. Hunt N. Contraband, free ports, and British merchants in the Caribbean world, 1739–1772, 2013. - №13. - P. 47-48.
12. Barros J. Caribbean rum: a social and economic history. Gainesville: University of Florida Press, 2005. - P. 48-55.
13. Яшина М. В. Колониальная экспансия Франции в Карибском бассейне (XVII-XVIII вв.) // Вестник Российского университета дружбы народов. - 2001. - № 1. - С. 92-102.
14. Zay E. Histoire monétaire des colonies Française d'aprés les documents officiels. - Paris: Monitories, 1892. - P. 43-44.
15. Slaves of the Community: Gradual Emancipation in Practice // Disowning Slavery. Cornell University Press. - 2018. - P. 84-118.
16. Paley R., Malcolmson C., Hunter M. Parliament and Slavery, 1660 – c. 1710 // Slavery & Abolition. - 2010. - № 31 (2). - P. 257-280.
17. Brewer H. Creating a Common Law of Slavery for England and its New World Empire // Law and History Review. - 2021. - Vol. 39. - P. 766-833.
18. Трикоз Е. Н., Швец А. А. Историко-культурные особенности правового пространства Канады // Общество и право. - 2024. - № 4 (90). - С. 123-129.
19. Денисенко В. В., Трикоз Е. Н. Эклектичное право стран Океании: сочетание принципа верховенства права и традиций // Гражданское общество в России и за рубежом. - 2024. - № 4. - С. 22-25.
20. Trikoz E. N., Gulyaeva E. E. The Communicative Function of Legal Transplants in Mixed Legal Systems // Kutafin Law Review. - 2023. - Vol. 10 (3). - P. 515-543.
21. Glenn J. M. Mixed Jurisdictions in the Commonwealth Caribbean: Mixing, Unmixing, Remixing // Electronic Journal of Comparative Law. - 2008. - № 12 (1). - P. 56-71.

ФУРМАН Феликс Павлович
доктор философских наук, профессор кафедры общественных наук, Северо-Западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Санкт-Петербург

Фурман Ф. П.

ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ВЗГЛЯДЫ И ИХ ИЗМЕНЕНИЯ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Г. В. ПЛЕХАНОВА

В данной статье проводится исследование эволюции политических взглядов Г. В. Плеханова – первого российского марксиста, выдающегося публициста, одного из основателей РСДРП и видного деятеля российской и международной социал-демократии. В работе анализируются ключевые этапы становления и трансформации политических воззрений Г. В. Плеханова, начиная с его ранних народнических убеждений и последующего перехода на позиции марксизма. Анализируется влияние идей русских революционеров-народников на формирование политических убеждений Г. В. Плеханова в ранний период его деятельности. Комплексно исследуются причины и предпосылки перехода Г. В. Плеханова на позиции марксистской идеологии, его роль в распространении марксистских идей в России. Рассматривается формирование позиции Г. В. Плеханова по отношению к революционным событиям в России, его оценка перспектив и возможных политико-правовых последствий революции и представления Плеханова о будущем политическом устройстве России, его прогнозы относительно развития страны. В заключение исследования формулируются выводы о значении политических взглядов Г. В. Плеханова для развития русской общественной мысли, для формирования и деятельности российской социал-демократии, а также для понимания истории России конца XIX – начала XX века.

Ключевые слова: Г. В. Плеханов, политико-правовые взгляды, народничество, марксизм, социал-демократия, революция, меньшевизм, Первая мировая война.

FURMAN Felix Pavlovich
Ph.D. in philosophical sciences, professor of Social sciences sub-faculty, Northwestern Institute of Management, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, St. Petersburg

POLITICAL AND LEGAL VIEWS AND THEIR CHANGES IN G. V. PLEKHANOV'S ACTIVITIES

This article studies the evolution of political views of G.V. Plekhanov, the first Russian Marxist, an outstanding publicist, one of the founders of the RSDLP and a prominent figure of Russian and international social democracy. The paper analyzes the key stages of formation and transformation of Plekhanov's political views, starting from his early Narodnik beliefs and subsequent transition to Marxism. The paper analyzes the influence of the ideas of Russian revolutionary nationalists on the formation of Plekhanov's political beliefs in the early period of his activity. The article analyzes the influence of ideas of Russian revolutionaries-nationalists on the formation of G.V. Plekhanov's political beliefs in the early period of his activity. The reasons and prerequisites of Plekhanov's transition to the Marxist ideology, his role in the spread of Marxist ideas in Russia are comprehensively investigated. The formation of Plekhanov's position in relation to the revolutionary events in Russia, his assessment of the prospects and possible political and legal consequences of the revolution, Plekhanov's ideas about the future political order of Russia, and his forecasts of the country's development are examined. The study concludes with conclusions about the significance of Plekhanov's political views for the development of Russian social thought, for the formation and activities of Russian social democracy, and for understanding the history of Russia in the late 19th and early 20th centuries.

Keywords: Plekhanov, political and legal views, Narodnichestvo, Marxism, Social Democracy, revolution, Menshevism, World War I.

Введение

Г. В. Плеханов, как первый российский пропагандист марксистского учения и основатель группы «Освобождение труда», занимает особое место в истории политической мысли России. Его идеи оказали значительное влияние на формирование российской социал-демократии и развитие революционного движения в стране.

Однако, следует отметить, что политико-правовые взгляды Г. В. Плеханова не оставались неизменными на протяжении его жизни. Они подвергались эволюции, обусловленной как его собственными субъективными размышлениями, так и влиянием широкого круга динамичных внешних событий. Постижение данной эволюции позволяет получить более глубокое представление о сложности и противоречивости политической ситуации в России того времени, а также о роли личности в историческом процессе.

В частности, изучение эволюции политико-правовых взглядов Плеханова позволяет увидеть, как он, начав с народнических позиций, постепенно перешел к марксизму, а затем, в ходе своей деятельности, корректировал и развивал свои взгляды под влиянием различных объективных факторов. Таким образом, этот процесс демонстрирует не только интеллектуальную гибкость Г. В. Плеханова, но и его способность адаптироваться к изменяющимся политическим условиям.

В ранний период своей деятельности Г. В. Плеханов придерживался народнических взглядов, разделяя идеи о самобытном пути развития России и возможности построения социализма, опираясь на крестьянскую общину. Под влиянием работ К. Маркса и Ф. Энгельса, Г. В. Плеханов пересмотрел свои взгляды и стал сторонником марксистской теории, обосновывая необходимость развития капитализма в России и определив рабочий класс как главную движущую силу со-

циалистической революции. Также, Г. В. Плеханов сыграл ключевую роль в создании российской социал-демократии, участвовал в работе II Интернационала и внес вклад в развитие марксистской философии, социологии и политологии. В то же время в период революционных событий Г. В. Плеханов занимал осмотрительную позицию, предупреждая о возможности преждевременного захвата власти и необходимости прагматичного создания материальных предпосылок для социализма [6].

Также достаточно противоречивым было отношение Г. В. Плеханова к Первой мировой войне. С одной стороны, он осуждал империалистическую войну, с другой - высказывался в поддержку Антанты, опасаясь германской агрессии.

В рамках данного исследования для достижения поставленной цели - анализа эволюции политико-правовых взглядов Г. В. Плеханова - предполагается применение комплекса взаимодополняющих методов научного познания: историко-генетический метод, сравнительно-правовой метод, метод анализа документов и, результирующий, метод синтеза.

Основной материал

В 1870-х годах Георгий Валентинович Плеханов, будучи активным участником народнического движения, полагал, что крестьянская община может служить основой для социалистических преобразований в России. Однако, анализ социально-экономических процессов и осознание неэффективности народнической тактики привели его к переосмыслению роли рабочего класса как главной движущей силы революции. Этот сдвиг в мировоззрении обусловил интерес Г. В. Плеханова к марксистской теории и, в конечном итоге, к разрыву с народничеством. В 1883 году совместно с единомышленниками он основал группу «Освобождение труда», ставшую первой марксистской организацией в России.

В своих работах данного периода Г. В. Плеханов подчеркивал неизбежность развития капитализма в России и утверждал, что только классовая борьба пролетариата способна привести к социалистическим преобразованиям. Он развивал идеи о том, что именно рабочий класс, как наиболее прогрессивный и организованный класс капиталистического общества, является носителем революционного сознания и способен осуществить социалистическую революцию. Следует отметить, что эволюция политико-правовых взглядов Г. В. Плеханова в 1870-1880-х годах отражает сложный процесс переосмысления им революционных возможностей различных социальных групп российского общества. Переход от народничества к марксизму ознаменовал собой новый этап в развитии не только его собственных взглядов, но и всего российского революционного движения [5].

Освоение Г. В. Плехановым марксистской методологии послужило отправной точкой для ее активного применения к исследованию российской социо-политической реальности. В рамках данного подхода, право и государство рассматривались как элементы надстройки, детерминированные экономическим базисом общества и отражающие интересы доминирующего класса. В своей работе «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» (1895) Г. В. Плеханов формулирует материалистическое понимание исторического процесса, подчеркивая, что изменения в экономической сфере закономерно приводят к трансформациям в политико-правовой надстройке. При этом, помимо прочего, Г. В. Плеханов подвергает критике утопические и анархические концепции, отстаивая необходимость научного подхода к социалистическому движению и признания ключевой роли пролетариата в революционных преобразованиях, отводя данному общественному классу центральную роль в революционном процессе, считая его главным двигателем социальных изменений [1].

Следует отметить, что Г. В. Плеханов придерживался детерминистского подхода, согласно которому экономический базис определяет надстроечные явления, включая право и государство, при этом, в рамках марксистской парадигмы, признавая классовую борьбу в качестве движущей силы исторического развития и выступая за научное обоснование социалистических идеалов.

Революционные события 1905-1907 годов явились серьезным испытанием для политических убеждений Г. В. Плеханова. С одной стороны, массовое народное движение, развернувшееся в России в этот период, вызвало у Г. В. Плеханова одобрение и рассматривалось им как подтверждение его теоретических положений о революционном потенциале рабочего класса. С другой стороны, тактика большевиков, направленная на немедленный захват государственной власти, подверглась критике со стороны Г. В. Плеханова. Он придерживался мнения о том, что российское общество еще не достигло необходимого уровня социально-экономического развития для успешного осуществления социалистической революции.

Первоочередной задачей Г. В. Плеханов считал установление и укрепление буржуазно-демократических свобод, которые, по его мнению, должны были создать благоприятные условия для дальнейшей борьбы пролетариата за свои права и интересы. Данная позиция Г. В. Плеханова отражала его убежденность в том, что социально-экономические предпосылки играют решающую роль в успехе революционных преобразований общества. Он подчеркивал необходимость достижения определенного уровня развития производительных сил и общественных отношений для того, чтобы революция привела к прогрессивному социальному изменению, а не к хаосу и разрушению [3].

В целом, события 1905-1907 годов оказали значительное влияние на эволюцию политико-правовых взглядов Г. В. Плеханова, подтвердив его приверженность идее о том, что революционные преобразования должны осуществляться в соответствии с объективными законами общественного развития, а не под влиянием субъективных устремлений отдельных политических групп.

С началом Первой мировой войны Г. В. Плеханов занял оборонческую позицию, аргументируя поддержку участия России в войне противодействием германской агрессии, поражение в которой, по его мнению, могло повлечь за собой усиление реакции и ухудшение положения рабочего класса. Данная позиция вызвала критику со стороны ряда его соратников, в особенности большевиков, которые выступали за трансформацию империалистической войны в войну гражданскую.

После Февральской революции 1917 года Г. В. Плеханов поддержал Временное правительство, а Октябрьскую революцию не принял, что свидетельствует о существенной трансформации его политико-правовых взглядов. Он выражал опасения относительно того, что приход к власти большевиков приведет к установлению диктатуры и развязыванию гражданской войны, что, по его мнению, противоречило интересам рабочего класса и социалистическим идеалам.

К тому же, по мнению Г. В. Плеханова, юридические (общественные) законы, в отличие от законов природы, не обладают абсолютным характером в силу своего происхождения, детерминированного не индивидуальной волей, а коллективным волеизъявлением общества. Если подчинение природным законам обусловлено необходимостью, то соблюдение юридических законов зависит от степени интернализации их обязательности индивидом. Данная интернализация, в свою очередь, определяется тем, насколько индивид находит подтверждение или опровержение правовой нормы в собственном сознании.

Г. В. Плеханов считал, что для разрешения возникающего противоречия между внешней нормой и внутренним убеждением индивида необходимо, чтобы правовые установления имели рациональное обоснование. Индивид дол-

жен подвергнуть критическому анализу степень разумности правовых предписаний. Разумность человеческих действий является следствием рефлексии индивидом самого себя и окружающей действительности. Таким образом, реальность конструируется посредством мыслительного процесса. Абсолютный разум, являясь источником рациональности мира, формирует у человека разумное знание о существующей действительности [2].

В контексте данной проблематики возникает вопрос о соотношении между объективным правом, существующим в форме юридических законов, и субъективным правом, основанным на индивидуальном понимании справедливости и разумности. Разрешение этого вопроса требует дальнейшего исследования механизмов легитимации правовых норм в общественном сознании, а также факторов, влияющих на формирование у индивидов чувства правовой обязанности.

Кроме всего прочего, в политико-правовой философии Г. В. Плеханова получает развитие идея о неизбежности трагического конфликта между индивидом, отстаивающим своё право на протест против существующего общественного порядка, и государственной властью, чьей конституционной обязанностью является поддержание данного порядка. В этом контексте, Г. В. Плеханов, основываясь на гегелевской диалектике, приходит к выводу о том, что подобное столкновение носит трагический характер, где «есть погибающие, но нет виновных: каждая сторона права по-своему» [4, с. 426]. В данном контексте Г. В. Плеханов философски раскрывает глубокий смысл гегелевской диалектики, усматривая в ней отражение поступательного движения всемирного духа. При этом в работе подчёркивается, что право на протест, как естественное проявление свободы личности, не может быть абсолютным и неограниченным. Оно неизбежно вступает в противоречие с необходимостью обеспечения стабильности и общественного порядка, что возлагается на государственные институты.

Разрешение данного противоречия, по мнению Г. В. Плеханова, заключается в поиске баланса между индивидуальными правами и интересами общества в целом. При этом философ отмечает, что трагизм ситуации обусловлен невозможностью достижения идеального равновесия и компромисса, поскольку каждая из сторон конфликта отстаивает свои собственные, субъективно обоснованные представления о справедливости и праве.

Следует отметить, что концепция трагического конфликта в политико-правовой философии Г. В. Плеханова, основанная на гегелевской диалектике, вносит вклад в понимание сложности и противоречивости общественного развития, а также необходимости поиска путей минимизации социальных издержек, связанных с неизбежными конфликтами между личностью и властью. В основе общественного прогресса лежит постижение диалектического метода и его последующая имплементация в социальной практике. В этой связи, лишь беспрерывное поступательное движение, лишь постоянное, более или менее быстрое крушение всего старого, отжившего выступает как необходимое и закономерное следствие диалектического развития [7]. Именно в этом аспекте К. Маркс и Ф. Энгельс, а впоследствии и Г. В. Плеханов, как их последователь, видели мощный революционный потенциал диалектической системы, разработанной Гегелем.

Исходя из вышеизложенного, можно со всей объективностью утверждать, что без гегелевской концепции, ни К. Маркс, ни Ф. Энгельс, ни их сторонники не смогли бы научно обосновать теорию революционного свержения буржуазного строя.

Выводы

Эволюция политико-правовых взглядов Г. В. Плеханова представляет собой отражение сложной и динамичной политической ситуации в России на рубеже XIX и XX веков. Его траектория формирования взглядов - от народничества к марксизму, акцентирование внимания на необходимости буржуазно-демократических преобразований в качестве предшествующего этапа социалистической революции, а также критическое отношение к радикальным методам захвата власти, свидетельствуют о глубоком понимании социальных процессов и стремлении к научному обоснованию революционной практики. Исследование его взглядов предоставляет ценную методологическую базу для анализа политических стратегий и тактик в условиях быстро меняющейся общественно-политической конъюнктуры.

Изучение эволюции политико-правовых воззрений Г. В. Плеханова представляет значительный интерес для понимания истории российской общественной мысли и развития марксизма в России. Его теоретическое наследие сохраняет актуальность и в современной политической науке.

Пристатейный библиографический список

1. Бригос Х. П., Юрковский Г., Кузьмин А. В. Марксистские (революционные) доктринальные концепции механизма государственной власти // Академический юридический журнал. - 2021. - Т. 22, № 1. - С. 14-25.
2. Лазарев В. В. Экзистенциально-правовое начало в формировании личности человека и гражданина // Russian Journal of Economics and Law. - 2023. - Т. 17, № 1. - С. 110-119.
3. Морозова А. Ю. Философская полемика В. И. Ленина и А. А. Богданова в контексте внутрипартийной борьбы в РСДРП // Российская история. - 2020. - № 2. - С. 56-64.
4. Плеханов Г. В. Белинский и разумная действительность [1897 г.]. Избранные философские произведения: в 5 т. - М.: Изд-во социал.-экон. лит-ры, 1958. - Т. IV. - 700 с.
5. Романова А. Д. Эволюция взглядов Г. В Плеханова: от народничества к марксизму // Студенческая наука и XXI век. - 2020. - Т. 17, № 2. - С. 89-91.
6. Савинченко Т. И. Г. В. Плеханов Эволюция политических взглядов // Гуманитарное образование в экономическом вузе: материалы V Международной научно-практической заочной интернет-конференции. В 2 томах, 20-30 ноября 2016 года. – Т. 1. - М.: Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, 2017. - С. 55-60.
7. Талеров П. И., Марксист Г. В. Плеханов против анархизма // Народники в истории России: межвузовский сборник научных трудов. - Т. 3. - Воронеж: Истоки, 2019. - С. 239-250.

ГАДЖИЕВ Алисултан Шамсулаевич
кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права, Дагестанский государственный университет, г. Махачкала

ГАДЖИЕВ Тимур Илмияминович
магистрант 2-го года обучения конституционного и муниципального права, Дагестанский государственный университет, г. Махачкала, независимый исследователь

РОЛЬ ОБЩЕСТВЕННОЙ ПАЛАТЫ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН В РАЗВИТИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА: КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Настоящая статья посвящена особенностям развития гражданского общества в Республике Дагестан и роли Общественной палаты Республики Дагестан в этом процессе. В статье рассмотрены некоторые проблемные аспекты правового статуса общественных палат. Авторами проведен анализ различных направлений деятельности Общественной палаты РД и сформулирован вывод о том, что данный институт оказывает содействие развитию институтов гражданского общества и НКО в реализации социально ориентированной деятельности, осуществляет подготовку предложений по созданию благоприятных условий для развития институтов гражданского общества расширения участия граждан в развитии таких институтов; участвует в развитии добровольческой (волонтерской) деятельности в республике; осуществляет взаимодействие с общественными советами при органах исполнительной власти, некоммерческими организациями, общественными объединениями, иными структурами гражданского общества и т.д.

Ключевые слова: гражданское общество, правовое государство, институты гражданского общества, общественная палата.

GADZHIEV Alisultan Shamsulaevich
Ph.D. in Law, Associate Professor of Constitutional and municipal law sub-faculty, Dagestan State University, Makhachkala
GADZHIEV Timur Ilmiaminovich
magister student of the 2nd year of study of Constitutional and municipal law sub-faculty, Dagestan State University, Makhachkala, Independent researcher

THE ROLE OF THE PUBLIC CHAMBER OF THE REPUBLIC OF DAGESTAN IN THE DEVELOPMENT OF CIVIL SOCIETY: CONSTITUTIONAL AND LEGAL ANALYSIS

This article is devoted to the peculiarities of the development of civil society in the Republic of Dagestan and the role of the Public Chamber of the Republic of Dagestan in this process. The authors analyzed various areas of activity of the Public Chamber of the Republic of Moldova and concluded that this institute provides assistance to the development of civil society institutions and NGOs in the implementation of socially oriented activities, prepares proposals to create favorable conditions for the development of civil society institutions and expand citizen participation in the development of such institutions; participates in the development of voluntary (volunteer) activities in the republic; interacts with public councils under executive authorities, non-profit organizations, public associations, other structures of civil society, etc.

Keywords: civil society, the rule of law, civil society institutions, the public chamber.

Гражданское общество – это одна из ключевых составляющих любого современного демократического государства. Оно способствует формированию активной и ответственной позиции граждан, обеспечивает защиту их прав и свобод, а также служит связующим звеном между обществом и государством. Благодаря гражданскому обществу становится возможным общественный контроль над действиями власти, развитие демократии и предотвращение злоупотреблений со стороны государственных структур.

Понятие гражданского общества можно определить в соответствии с видением В. Ю. Сморгуновой, одного из крупных исследователей в данной области: «...гражданское общество представляет собой комплексный социальный организм, пребывающий в состоянии постоянной трансформации. Гражданское общество причастно к жизни каждого человека и являет собой сложно организованный феномен общественных связей и организаций, посредством которых осуществляется взаимодействие людей, их социализация и самореализация. Оно не только складывается, подчас стихийно, но и объединяет людей, сплотившихся в различные союзы, организации и сообщества для удовлетворения своих самых разнообразных общечеловеческих нужд и потребностей, или с целью защиты от всесильного государства и гнета проблем суровой экономической действительности» [1, с. 150].

Гражданское общество представляет собой динамичный институт, который формировался на протяжении всего существования общества, государства и личности. Между тем, развитие гражданского общества связано с государством не менее тесной связью, чем обществом целом.

Генезис гражданского общества в Республике Дагестан связан с историческими, культурными и социальными процессами региона. После распада СССР в 1991 году в Дагестане, как и в других частях России, начались процессы демократизации и перестройки, что дало толчок к развитию гражданского общества.

Получила развитие политическая активность, сформировались первые партии и движения, возникли независимые печатные издания и СМИ, которые способствовали формированию общественного мнения и свободному обмену информацией. Начали появляться неправительственные организации, занимающиеся социальными и культурными вопросами.

В Дагестане продолжают развиваться этнокультурные общества, поддерживающие языковое и культурное разнообразие. Отмечается неизменный рост числа религиозных ор-

ганизаций, активно занимающихся благотворительностью и социальными вопросами. Увеличивается число гражданских инициатив и сообществ, направленных на решение местных социальных и политических проблем. В настоящее время развиваются новые формы гражданского участия, включая онлайн-платформы и социальные сети, которые играют важную роль в мобилизации и информировании граждан.

Что касается непосредственно института общественной палаты, то в России принят и действует Федеральный закон от 04.04.2005 № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации», который раскрывает сущность данного института, а также цели и задачи его функционирования. Так, согласно статье 2 указанного нормативного-правового акта, Общественная палата призвана помимо прочего обеспечить защиту принципов развития гражданского общества в Российской Федерации. Для достижения указанной цели Общественная палата Российской Федерации вправе оказывать общественным палатам, созданным в субъектах Российской Федерации, общественным объединениям и иным некоммерческим организациям, деятельность которых направлена на развитие гражданского общества в Российской Федерации, содействие в обеспечении их методическими материалами, предоставлять документы и материалы, находящиеся в распоряжении Общественной палаты, а также проводить семинары в целях совершенствования деятельности указанных общественных палат, общественных объединений и иных некоммерческих организаций.

В большинстве имеющихся публикаций, посвященных вопросам развития гражданского общества, отмечается, что именно общественные палаты должны стать тем самым связующим звеном между населением и властью, которое позволит уменьшить существующий разрыв между ними и обеспечить реализацию принципов демократического государства [2, с. 26], [3, с. 90].

Отечественный законодатель наделяет общественные палаты определенными публичными полномочиями, к примеру, правом по направлению в территориальные органы федеральных органов исполнительной власти, органы государственной власти субъекта Российской Федерации, органы местного самоуправления, государственные и муниципальные организации, иные организации, запросов по вопросам, входящим в компетенцию указанных органов и организаций [4, с. 87].

Помимо неопределенности правового статуса, к числу проблемных аспектов деятельности общественных палат относят отсутствие активного взаимодействия палат на всех уровнях с обществом и населением [5, с. 17]. Данное обстоятельство может быть обусловлено недостаточной информированностью граждан о существовании и функционировании такого общественно-социального института, как общественная палата [6, с. 158]. Часть осведомленного населения попросту не имеет представления о конкретных направлениях деятельности общественных палат и их влиянии на внутригосударственные процессы, в связи с чем представляется необходимым усилить информационную агитацию и продвижение информации о деятельности общественных палат в социальных сетях и сети «Интернет».

В отношении Общественной палаты Республики Дагестан следует отметить следующее. Общественная палата Республики Дагестан обеспечивает открытое гласное обсуждение важнейших проблем государственного, экономического социального развития региона. К числу важнейших задач палаты следует отнести совершенствование механизма учета общественного мнения при принятии решений органами государственной власти и органами местного самоуправления, также содействие процессу формирования институтов гражданского общества.

В Республике Дагестан развитие институтов гражданского общества происходит в рамках федеральной повестки и имеет поступательное движение. Получили свое обновленное развитие формы общественно-государственного сотрудничества, создаются условия для развития институтов гражданского общества (НКО, СО НКО, ТОС, молодежные организации объединения, общественные советы), действует ряд республиканских программ, направленных на развитие гражданского общества.

Дагестан, будучи многонациональной и многоконфессиональной республикой, сталкивается с рядом уникальных вызовов, которые отражаются на развитии гражданского общества. Дагестан является домом для множества этнических групп и религиозных сообществ. Это создает как потенциал для культурного обогащения, так и вызовы для гражданского общества, связанные с межэтническими и межрелигиозными отношениями. Важную роль в формировании гражданского общества в республике выполняет Общественная палата Республики Дагестан.

Представляется, что общественные палаты должны стать важным инструментом для обеспечения диалога между населением и государственными структурами, что позволит более эффективно учитывать интересы граждан в процессе управления. Для повышения эффективности работы общественных палат и НКО требуется предоставление методических материалов и организация семинаров, что будет способствовать их профессиональному развитию и улучшению качества работы.

Несмотря на наличие специальных нормативных правовых актов, регламентирующих правовой статус общественных палат, вопрос о сущности данного института и его правовой природе остается открытым.

Кроме того, полагаем, что повышение эффективности и качества проводимой общественной палатой работы могут быть достигнуты путем информирования граждан о функционировании данного института и активного вовлечения населения в деятельность общественной палаты.

Пристатейный библиографический список

1. Сморгунова В. Ю. Гражданское общество и формирование гражданских добродетелей: теоретико-правовые проблемы. – СПб., 2004. – 394 с.
2. Магомедова Р. М. Роль Общественной палаты в формировании гражданского общества в России (анализ проблем) // Юридический факт. – 2021. – № 144. – С. 25-27.
3. Фастович Г. Г., Литвинова В. С. Роль института общественной палаты в формировании гражданского общества современной России // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 4 (220). – С. 86-89.
4. Евстифеев Р. В. Общественные палаты субъектов Российской Федерации в системе управления региона: основные проблемы функционирования и оценки эффективности работы // Научный результат. Социология и управление. – 2018. – Т. 4, № 4. – С. 87-100.
5. Рашева Н. Ю. Общественные палаты субъектов Российской Федерации в системе органов, осуществляющих общественный контроль: проблемы и пути их решения // Вопросы российского и международного права. – 2021. – Т. 11, № 12А. – С. 7-17.
6. Добромыслов Е. Н. Региональная Общественная палата: совершенствование деятельности // Аллея науки. – 2021. – Т. 1, № 3 (54). – С. 158-164.

ДРЕВАЛЬ Людмила Николаевна
доктор юридических наук, профессор, профессор, Дальневосточный государственный университет путей сообщения, г. Хабаровск

Древаль Л. Н.

ИНСТИТУТ УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ РЕБЕНКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Статья посвящена такому конституционному институту, как Уполномоченный при Президенте Российской Федерации по правам ребенка. Автор обращает внимание на актуальные вопросы, которые решаются аппаратом омбудсмена в субъектах Российской Федерации. В числе основных называются проблемы, касающиеся реализации прав несовершеннолетних родителей в отношении своих детей; физического и психического насилия в семье; оказания медицинской помощи несовершеннолетним; исполнения решений по алиментным обязательствам в отношении детей, оставшихся без попечения родителей и находящихся в воспитательных учреждениях.

В статье также обозначены некоторые проблемы, относящиеся к деятельности аппарата Уполномоченного по правам ребенка в регионах. Предлагаются пути их решения.

Ключевые слова: уполномоченный по правам ребенка, дети, субъект Российской Федерации, аппарат омбудсмена, права, законные интересы, государственная защита, проблемы института уполномоченного по правам ребенка, правоприменительная деятельность, тенденции развития, совершенствование законодательства.

DREVAL Lyudmila Nikolaevna
Ph.D. in Law, professor, professor, Far Eastern State University of Railways, Khabarovsk

THE INSTITUTE OF THE COMMISSIONER FOR CHILDREN'S RIGHTS IN THE RUSSIAN FEDERATION: THE REGIONAL ASPECT

The article is devoted to such a constitutional institution as the Commissioner for Children's Rights under the President of the Russian Federation. The author draws attention to current issues that are being addressed by the office of the Ombudsman in the constituent subject of the Russian Federation. The main issues are those related to the implementation of the rights of minor parents in relation to their children; physical and mental violence in the family; medical care for minors; and the enforcement of decisions on alimony obligations for children left without parental care and in educational institutions.

The work also identifies some problems related to the activities of the Office of the Commissioner for Children's Rights in the regions. Ways to solve them are proposed.

Keywords: the Commissioner for Children's Rights, children, the subject of the Russian Federation, the office of the Ombudsman, rights, legitimate interests, state protection, problems of the institution of the Commissioner for Children's Rights, law enforcement activities, development trends, improvement of legislation.

Институт уполномоченного по правам ребенка, не так давно появившийся в нашем государстве, продолжает развиваться и совершенствоваться, как на федеральном, так и на региональном уровне.

Не умаляя заслуги федерального должностного лица (Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка), хотелось бы обратить внимание на тот факт, что важная роль в предотвращении нарушений прав несовершеннолетних и их защите возложена на омбудсмена в субъектах Российской Федерации, поскольку проблемы требуют зачастую немедленного вмешательства. Для примера в Хабаровском крае в адрес Уполномоченного с момента его образования ежегодно поступает около 2 тыс. обращений, которые касаются здравоохранения, социального обеспечения, безопасности несовершеннолетних, жилищных условий, фактов домашнего насилия и жестокого обращения с детьми, а также других проблем.

Заявления поступают в различных форматах, в последнее время в основном – онлайн способами. Больше всего это обращения членов семьи.

Если рассмотреть географию обращений внутри каждого субъекта, то можно сформулировать вывод: соотношение обращений носит неизменный характер. Значительное количество обращений поступает из городов. Оно предопределено большим количеством жителей, в них проживающих.

С какими же проблемами чаще всего сталкиваются в регионах. Остановимся на некоторых из них.

В качестве первоочередной трудности можно обозначить неэффективность правовой регламентации установления опеки ребенку несовершеннолетних родителей, предопределенной конкурирующими нормами действующих нормативных правовых актов и дело здесь не только в опеке.

По действующему законодательству (ст. 62 Семейного кодекса РФ) [2] у несовершеннолетних родителей нет обязан-

ности по воспитанию своих детей, поскольку законодатель «позволяет» таким родителям проживать совместно с детьми и участвовать в воспитании, при условии официального установления их материнства и отцовства.

Самостоятельно осуществлять родительские права, если они не в браке, несовершеннолетние могут после достижения 16-летнего возраста. Опекун ребенку назначается до достижения несовершеннолетними родителями шестнадцати лет. Следовательно, на практике, эта норма трактуется так: могут, значит, обязаны.

Вместе с тем закон об опеке и попечительстве [1], предусматривая основания прекращения опеки, устанавливает окончание такого попечения при достижении родителями возраста восемнадцати лет. Отсюда, можно сделать вывод: налицо определенная коллизия правовых норм, устранение которой будет заключаться в уменьшении возраста несовершеннолетних родителей в положениях Федерального закона, или же во внесении изменений в Семейный кодекс РФ.

В этой связи желающим решить данный вопрос после обращения в аппарат Уполномоченного по правам ребенка приходиться объяснять, что помимо достижения возраста, указанного в законе, можно воспользоваться и иными законодательными положениями, которые способствуют реализации родительских прав. Это, например, происходит при вступлении в брак до достижения совершеннолетия, а также в случае признания несовершеннолетних родителей эмансипированными. Однако сделаем акцент на том, что законодатель устанавливает такую возможность для лиц, достигших 16-летнего возраста, что не разрешает проблему родителей более раннего возраста.

Насилие в семье – это еще одна проблема, которую часто приходиться решать Уполномоченному по правам ребенка в регионах.

Дети становятся жертвами психологического и физического насилия вследствие различных факторов: нарушения брачных отношений их родителей, алкоголизма и наркомании родителей, а также отсутствия адекватного родительского контроля.

К сожалению, обозначенные факты с каждым годом увеличиваются. Они фиксируются не только в отношении несовершеннолетних, но даже малолетних детей. Распространение данных обстоятельств имеет тенденцию к росту и в отношении детей, оставшихся без попечения родителей. Поэтому решение исследуемой проблемы – это задача не только детского омбудсмена и его аппарата. Выход из сложившийся ситуации в субъектах Российской Федерации уполномоченным следует искать (и они ищут) совместно с различными органами и их должностными лицами: органами опеки и попечительства, службами социального обслуживания, школами, участковыми уполномоченными и т. п.

Сообща и в комплексе надлежит проводить мероприятия и принимать меры по раннему выявлению семейного неблагополучия, предупреждению бытового насилия и т. п. В этой связи, Уполномоченные по правам ребенка, активно вмешиваются в такие ситуации, предоставляя помощь и поддержку пострадавшим детям, занимаясь выявлением причин, способствующим в т. ч. безнадзорности и беспризорности.

Ключевым направлением в деятельности регионального омбудсмена является забота о здоровье подопечных, поскольку много жалоб поступает на отсутствие доступа к качественной медицинской помощи, которая согласно законодательству должна быть бесплатной и осуществляться в гарантированном объеме для всех несовершеннолетних в одинаковой мере.

Конкретные случаи и в большом количестве выявляются в отдаленных от городских центров территорий. Омбудсменам приходиться решать задачи такого рода, взаимодействуя с медицинскими организациями, административными структурами, чтобы помочь всем детям в регионе в равной степени обеспечить доступность и качество медицинской помощи.

Уполномоченные по правам ребенка озадачены еще и тем, что детям, оставшимся без попечения родителей и находящимся в воспитательных учреждениях, зачастую не выплачиваются алименты. Практика свидетельствует о том, что процесс имеет тенденцию к росту. Статистика подтверждает: лишь незначительная часть родителей, чьи дети воспитываются в государственных учреждениях, регулярно платят алименты. Помогают справиться с обозначенной проблемой судебные приставы, органы прокуратуры, органы опеки и попечительства.

В последнее время в ученом мире стали говорить о мониторинге в сфере защиты прав несовершеннолетних, о проведении работы среди детей, связанной с профилактикой правонарушений (преступлений).

В этом направлении ведется значительная работа, которая заключается в воспитательных беседах, в оказании правовой помощи. Однако она бывает не всегда действенной, поскольку омбудсменам не всегда разрешено присутствовать в судебных заседаниях, знакомиться с материалами дела, заявлять ходатайства. Поэтому многие исследователи и практики высказывают точку зрения, согласно которой обосновывается необходимость расширения полномочий Уполномоченного по правам ребенка в данной сфере.

К расширению перечня их прав и обязанностей побуждают и иные события. Не так давно дети старшего школьного возраста стали совершать правонарушения, связанные с выражением собственного мнения, которое им гарантируется законом об основных гарантиях прав ребенка.

В связи с этим представители правоохранительных органов определили: оппозиционное движение помолодело, сегодня оно предопределено развитием интернета, акселерацией несовершеннолетних, которые в сложившихся современных условиях стали участвовать в массовых акциях, митингах, в т. ч. протестных.

По этому поводу четко обозначила свою правовую позицию российский омбудсмен Т. Москалькова, которая сочла необходимым довести информацию до компетентных органов: старшеклассники еще не созрели в своих политических убеждениях и в любой момент могут стать объектами для манипуляций и провокаций. Следовательно, в каждом конкретном случае решение следует выносить индивидуально и с привлечением Уполномоченных по правам ребенка, в т. ч. осуществляющих свою деятельность в регионах.

Сегодня находить выходы Уполномоченным по правам ребенка в регионах надлежит из большого количества жизненных ситуаций, касающихся защиты прав и законных интересов детей. Они умело работают с клиентами, успешно разрешают спорные отношения, защищая права этой категории граждан. Институт действует и развивается, он необходим людям, детям.

Однако хотелось бы остановиться на проблемах самого института. В качестве приоритетной можно назвать скромное финансирование и отсутствие надлежащей материальной базы.

Неимение достаточных средств ограничивает возможности в реализации поставленных государством задач перед аппаратом Уполномоченного по правам ребенка в субъектах Российской Федерации. Он влияет на качество предоставляемых услуг, на проведение необходимых мероприятий, претворение в жизнь программ и проектов с привлечением несовершеннолетних, и, наконец, на условия работы сотрудников, на их обучение и подготовку, а также на привлечение внешних экспертов, квалифицированных сотрудников, а, значит, на оперативное решение проблем обращающихся за помощью.

Недостатком, на который дополнительно указывает общественность в регионах, является плохая информированность населения относительно задач рассматриваемого должностного лица, деятельности его аппарата (по системе защиты прав детей), а также о просветительской работе, связанной с предотвращением нарушений, совершаемых несовершеннолетними.

Такое положение дел ведет к низкому уровню осведомленности о проблемах этой категории граждан, о нарушении их прав и законных интересов, о фактах нарушения административного, уголовного и иного законодательства несовершеннолетними, о вовлечении их в противоправную деятельность и о путях их решения.

Конечно, в каждом регионе существует сайт Уполномоченного по правам ребенка, ведутся страницы в социальных сетях. Но этого, когда речь идет о значительном техническом прогрессе и искусственном интеллекте, для более обширного привлечения внимания населения недостаточно.

По обозначенной причине создаются препятствия в сотрудничестве с органами исполнительной власти и местного самоуправления, с общественными организациями, учреждениями образования и культуры, со средствами массовой информации и т.п.

Таким образом, деятельность Уполномоченного по правам ребенка в регионах является приоритетной, поскольку нет важнее задачи, чем воспитание детей – членов общества, которые будут воплощать идеи, программы, касающиеся будущего Российского государства.

Она является независимой, создана в целях защиты детей и содействия в реализации их прав и законных интересов. Государство гарантирует ее самостоятельность, поскольку за вмешательство в работу указанного должностного лица законодатель установил административную ответственность.

Современное развитие общественных отношений требует: деятельность Уполномоченных по правам ребенка должна постоянно совершенствоваться, обеспечивая нормальную жизнедеятельность несовершеннолетних.

Чтобы отвечать на вызовы реалий современного времени, необходимо законодательно расширить перечень полномочий детских омбудсменов в субъектах Российской Федерации, довести финансирование до уровня достаточности, что позволит эффективнее выполнять поставленные перед ними государством задачи.

К тому же большую результативность могла бы гарантировать система мониторинга и оценки рассматриваемой работы. С введением системы мониторингового контроля появилась бы возможность быстрого выявления проблемных моментов и своевременного принятия мер по их устранению, а также по проведению анализа взаимодействия с органами исполнительной власти и местного самоуправления, общественными организациями, по внедрению позитивного опыта с целью укрепления партнерских отношений.

Сформулированные автором предложения должны не только повысить функциональность института уполномоченного по правам ребенка в регионах, но и повлиять на жизнь несовершеннолетних, создать наилучшие условия для их благополучного развития.

Пристатейный библиографический список

1. Об опеке и попечительстве: Федеральный закон от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. - 2008. - № 17. - Ст. 1755.
2. Семейный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024) // Собрание законодательства РФ. - 1996. - № 1. - Ст. 16.

DOI 10.46320/2073-4506-2025-4-203-130-133

ИЛЬИНА Ольга Юрьевна
кандидат юридических наук, доцент, Юридический факультет Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова, г. Якутск

КОЛЛЕКТИВНЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ СУБЪЕКТЫ (КОЛЛЕКТИВЫ) КАК СТОРОНЫ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА: КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

В статье анализируется конституционно-правовая природа коллективных социальных субъектов (коллективов, социальных союзов, сообществ), партнерское взаимодействие между которыми служит реализации принципа социальной солидарности, являющейся важным элементом конституционной идентичности современного российского общества и государства. Автор обосновывает высокую конституционно-правовую значимость межсекторного партнерского взаимодействия институтов публичной власти с коллективными социальными субъектами (коллективами) из коммерческого и некоммерческого секторов как сторон социального партнерства. В результате исследования выявлено, что категория социального партнерства имеет значительный потенциал для конституционного права в качестве механизма реализации принципа социальной солидарности, а также основы социальной интеграции, гармонизации индивидуального и коллективного начал в конституционной идентичности России.

Ключевые слова: социальный субъект (коллектив), социальное партнерство, конституционное право, партнерское взаимодействие.

ILJINA Olga Yurjevna
Ph.D. in Law, associate professor, Faculty of Law, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk

COLLECTIVE SOCIAL ENTITIES AS PARTIES TO SOCIAL PARTNERSHIP: CONSTITUTIONAL AND LEGAL ANALYSIS

The article analyzes the constitutional and legal nature of collective social entities (teams, social unions, communities), the partnership between which serves to implement the principle of social solidarity, which is an important element of the constitutional identity of modern Russian society and the state. The author substantiates the high constitutional and legal significance of intersectoral partnership interaction of public authorities with collective social entities (teams) from the commercial and non-profit sectors as parties to social partnership. The study revealed that the category of social partnership has significant potential for constitutional law as a mechanism for implementing the principle of social solidarity and as a basis for social integration, harmonization of individual and collective principles in the constitutional identity of Russia.

Keywords: social subject (collective), social partnership, constitutional law, partnership interaction.

Введение

С развитием современного постиндустриального общества, характеризующегося чрезмерной индивидуализацией, усиливается социальная дифференциация, возрастает необходимость интеграции в единое социальное целое не только индивидов, но и многочисленных и многообразных сообществ, имеющих порой противоположные социальные интересы. Это предопределяет необходимость для юридических наук в современной интерпретации роли коллективных социальных субъектов (сообществ, союзов) и поиска инструментария для обеспечения их партнерских взаимодействий в целях устойчивого развития общества и государства.

Задачей конституционализма является предоставление необходимого инструментария [1], обеспечивающего солидарность между всеми социальными субъектами, в том числе коллективными, солидарность, существующую вопреки множеству конкретных различий между людьми и их индивидуальными и коллективными интересами. Идея солидарности, по мнению В. Д. Зорькина, является интегральной идеей, философской основой обновления конституционного теста в ходе реформ 2020 г., которая развивает положение Конституции о социальном государстве (статья 7) и согласуется с принципом недопустимости нарушения прав и свобод других лиц своих прав и свобод (часть 3 статьи 17)[1]. Следует согласиться с Б. С. Эбзеевым, который называет социальную солидарность позитивным основанием государственности и права России [2]. К инструментам реализации принципа социальной солидарности относится конституционная идея социального партнерства (статья 75.1), которую можно представить как систему взаимодействий между институтами публичной власти и коллективными социальными субъектами, обеспечивающую согласование и реализацию интересов этих субъектов [3] в различных сферах общественных отношений.

Наука конституционного права решает «проблему общества» на современном этапе при помощи своих средств и ресурсов, в связи, с чем представляется необходимым проанализировать имеющиеся подходы к конституционно-правовому статусу коллективных социальных субъектов (1), а также конституционно-правовое регулирование их интегративных (солидарных) взаимодействий в качестве сторон социального партнерства (2).

1 Выступление Зорькина В. Д. Под знаком обновленной конституции. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=96 (дата обращения: 05.03.2025).

Представляется, что у социального партнерства имеется значительный конституционный потенциал как механизма гармонизации индивидуального и коллективного начал в политико-юридической организации социума, способного обеспечить его устойчивое развитие.

1. Конституционно-правовой статус коллективных социальных субъектов (коллективов).

Исторически социальное партнерство возникло как практическое воплощение идей корпоративизма в форме трипартизма в социально-трудовой сфере и успешно зарекомендовало себя как систему трехстороннего сотрудничества и трехсторонних соглашений между организациями работодателей, профсоюзами и правительством.

В науке трудового права социальное партнерство рассматривают как правовой институт [4], как способ регулирования социально-трудовых отношений [5], как отраслевой принцип в области регулирования труда. Также существует подход, в соответствии с которым социальное партнерство рассматривается как правовой механизм регулирования коллективных трудовых отношений [6], сторонами которых выступают коллективные субъекты, вступающие в социально-партнерские правоотношения и реализующие свои коллективные права, а также государство. Указанный механизм включает в себя регулятивную часть, охватывающую проведение коллективных переговоров, проведение взаимных консультаций, заключение коллективных договоров и соглашений, а также охранительную часть, включающую примирительно-посреднические процедуры разрешения коллективных трудовых споров.

Расширение юридического содержания социального партнерства, связанного с возведением этой идеи в ранг конституционно-правовой категории, позволяет экстраполировать ее на широкий спектр общественных отношений и актуализирует необходимость интерпретации сущности сторон (субъектов) социального партнерства и их статуса в конституционно-правовом измерении. Представляется, что при таком расширении сохраняется коллективистская сущность субъектов социального партнерства. По мнению В. Е. Чиркина, конституционное право, прежде всего, регулирует объединения, участвующие в общественной жизни, в то время как объединения частного, личного характера представляют малый интерес для этой отрасли права [7, с. 126]. Он полагал, что широкое родовое понятие «коллектив» могло бы стать общим конституционным понятием для всех устойчивых объединений физических лиц, имеющих законную цель деятельности, «общие дела» и др. [7, с. 114). Среди отличительных признаков коллектива В. Е. Чиркин видел наличие главной цели наряду с групповыми интересами - поступательное развитие, прогресс общества, во имя которого коллектив должен искать пути сотрудничества внутри и вне коллектива для достижения этой цели. Представляется, что конституционно-правовая сущность взаимодействия коллективных субъектов в рамках социального партнерства соответствует этому подходу, учитывающему коллективистскую структуру общества, в котором взаимодействуют не только индивиды, но многочисленные и многообразные коллективные социальные субъекты – сообщества, объединения, ассоциации, партии, союзы и т.д.

Отмечая, что не все коллективы нуждаются в конституционном регулировании, Т. Я. Хабриева и В. Е. Чиркин, тем не менее, полагают, что в обществе существуют коллективы, которые создаются людьми с определенной целью, имеют организованный характер и играют важную, а иногда и определяющую роль в его развитии, в связи, с чем некоторые конституции регулируют деятельность коллективов (политические партии, профсоюзы, трудовые коллективы) [8]. Признание коллективов на уровне конституционного права, по их мнению, демонстрирует завершенную систему связей: человек – коллектив – общество – государство и тем самым придает новое качество современным конституциям.

В советский период субъектами государственного права признавались Советы, исполкомы Советов, органы государственной власти, общественные организации, нации и народности, территориальные и трудовые коллективы и народ в целом как коллектив, объединяющий все иные коллективы в единое целое [9, с. 84], за которыми государственное право закрепляет права и обязанности. Система субъектов государственного права отражала, по мнению В. Я. Бойцова, реально существующий факт «интеграции всех компонентов системы в единое целое» [10].

Современная отечественная наука конституционного права в целом сохранила присущий советской государственно-правовой доктрине подход, в соответствии с которым коллективы, сообщества, общности и организации признаются субъектами конституционного права (правоотношений) в случае закрепления за ними конституцией и иными конституционно-правовыми актами прав и обязанностей (полномочий). Вместе с тем, применение такого подхода критикуется в литературе за возвращение конституционного права к выполнению идеологических функций, что не дает возможности выйти на новое представление о коллективном субъекте конституционного права и тем самым преодолеть политизированное видение его целей и задач. Признак «ношения» полномочий позволяет признать многочисленные и многообразные коллективы (сообщества, общности) субъектами конституционного права, однако при этом не происходит углубления понимания их конституционно-правовой природы.

Разработанной в советской науке государственного права категории коллективных субъектов государственного права противостояло собственное представление науки гражданского права о правосубъектности коллективов, которое фундировалось цивилистами через правовую категорию юридического лица как определенным образом организованного коллектива. В современном гражданском праве это представление дополняется категорией «гражданско-правовое сообщество» применительно к коллективу. Многие из советских теорий юридического лица представляют большой интерес и поныне в связи с возрастанием внимания к роли сообществ (коллективов) в современном социуме.

Преобладающей в отечественной доктрине того периода являлась теория коллектива (А. В. Венедиктов, С. Н. Братусь, О. С. Иоффе) [11], [12], [13], согласно которой коллективы рассматривались как «людской субстрат» реально существующего социального образования – юридического лица. Согласно воззрениям сторонников теории коллектива юридическое лицо – это организованный коллектив трудящихся во главе с ответственным руководителем. Теория государства (С. И. Аскназий) концептуализировала государственное юридическое лицо как обособленное звено единого

хозяйства (хозяйственная единица), выражающее интересы и волю социалистического государства как единого всенародного коллектива [14, с. 454].

В отличие от теории государства С. И. Аскназия, теории директора (Ю. К. Толстого, В. П. Грибанова), теории Б. Б. Пугинского и других, теория социальной реальности Д. М. Генкина, а также теория социальных связей (теория организации) О. А. Красавчикова вслед за Р. Иерингом, выделяли цель в качестве ключевой характеристики юридического лица. Так, согласно концепции Д. М.Генкина, юридическое лицо – это социальная реальность, носитель самостоятельных гражданских прав и обязанностей, наделенный имуществом для осуществления возложенных на него задач [15]. В соответствии с подходом О. А. Красавчикова, сформулированном им в ряде работ, бесцельных организаций не бывает, наличие определенных целей образования и функционирования юридического лица как организации является одним из его ключевых признаков. Он полагал, что юридическое лицо – это такая организация, которая представляет собой определенное социальное образование, т.е. систему существенных социальных взаимосвязей, посредством которых люди (или их группы) объединяются для достижения поставленных целей в единое структурно и функционально дифференцируемое социальное целое [16].

Вместе с тем, следует преодолевать сложившееся в отечественной доктрине дуалистическое представление о коллективных субъектах права, выразившееся в формировании самостоятельных представлений о них в цивилистической науке и в науке государственного (конституционного) права [17]. При этом необходимо исходить из того, что признание коллективов в качестве субъектов права и их направленность на совокупную интегративную деятельность на благо общества и государства закладывается в конституции как нормативной сути, ядре, квинтэссенции всей национальной правовой системы.

Представляется, что новый взгляд на коллективные субъекты конституционного права, предложенный А. А. Белкиным способствует преодолению дуализма в отраслевых подходах юридических наук к коллективам. Признавая за коллективами наличие собственных интересов, ведущих к социальной дифференциации, а также влекущих межгрупповые разногласия (конфликтам), исследователь поставил во главу угла социализаторскую функцию государства, для реализации которой особое значение приобретает конституция. В рамках этого подхода, исходная (первичная) структура, каковой выступает структура субъекта права, задается в конституции (конституционных основах общественно-правовой организации); именно здесь происходит признание субъектов права, программирование их совокупной деятельности как деятельности народа; именно отсюда исходит основной поток конституционного воздействия на текущее законодательство. Критерием признания субъектом конституционного права является не закрепление за ним прав и обязанностей (полномочий) актами конституционного законодательства, а социальная субъектность, направленная на функционирование, самовоспроизводство и самосохранение общества. В рамках этого подхода категория коллективного субъекта права становится системообразующим элементом в системе конституционного права, при этом права индивида не растворяются, а синтезируются в коллективном субъекте права, усиливая социальный потенциал отдельных граждан [18, с. 63]. С. А. Авакьян считает обоснованным этот подход автора, который для характеристики социальных процессов использует понятие «социальное воспроизводство», определяя его как многосторонний процесс, для которого необходимы и государственно-правовые основы [19].

2. Интегративные (солидарные) взаимодействия коллективов как сторон социального партнерства.

В XX в. в западном и отечественном академическом дискурсе появился ряд важных открытий и разработок, в которых получил распространение социетальный подход к пониманию общества. В соответствии с данным подходом общество трактуется как совокупность наиболее сложных взаимосвязанных подсистем с развитыми и разветвленными социальными структурами, которые функционально взаимодействуют. Понятие «социетальное» служит для обозначения совокупности отношений между людьми как представителями крупных социальных общностей (классов, этносов и т.д.). Первым понятие «социетальность» ввел видный социальный теоретик Т. Парсонс, чтобы охарактеризовать системную интеграцию социальных сообществ. Социетальная подсистема основана на потребности людей интегрироваться в общество [20]. Основным вопросом, который решает социетальный подход – «как общество становится и остается собою», иными словами, как происходит самоорганизация и самосохранение общественной системы. По Ф. Гиддингсу «социетальное – это феномен социальных отношений в большем масштабе», а социетальные группы – большие группы, «деятельность которых не может быть основана на малозначащих вещах» [21].

В рамках социетального подхода обосновывается трехсекторная модель общества, согласно которой социум выступает как сложная динамическая система с исторически выделившимися крупными подсистемами (секторами) – государственный сектор (называемый первым), негосударственный коммерческий сектор (второй) и негосударственный некоммерческий сектор (третий). Деятельность каждой из этих подсистем направлена на достижение собственных целей и имеет свой «дух», свои критерии эффективности. По мнению Л. А. Кудринской для государственного (первого) сектора – это «дух порядка, стабильности, закона, социально-экономическая эффективность, благосостояние общества в целом. Второй сектор характеризуется веберовским «духом капитализма», который заключается в максимальной бережливости ресурсов и трудолюбии, преданности профессиональному делу, главный критерий – экономическая эффективность. «Дух» третьего сектора, который иногда называют «добровольческим» – ценности свободы и ответственности, альтруизма, взаимопомощи, участия, самореализации, плюрализма, его критерием является социальная эффективность. Морально-положительная направленность третьего сектора не дает двум другим подсистемам переродиться в свои негативные ипостаси тоталитаризма и сверхэксплуатации [22].

Социетальные взаимодействия в современном обществе привели к осознанию необходимости создания и внедрения системы социального партнерства. Идея социального партнерства, возникнув и успешно проявив себя в социально-трудовой сфере, преодолела ее рамки и, отразившись в большем масштабе в социальной практике, потребовала закрепления на уровне Конституции России, и понима-

ния уже в самом широком смысле как партнерства между структурами крупнейших социетальных систем – властью, бизнесом и некоммерческим сектором [23], [24]. Социальными партнерами выступают институты публичной власти (первый сектор), объединения предпринимателей (второй сектор) и некоммерческие, негосударственные организации третьего сектора. Все три подсистемы общества должны взаимодействовать в рамках социума для достижения общей цели общественной системы – ее устойчивого развития. По мнению В. Н. Якимца, такое межсекторное взаимодействие необходимо, чтобы совместными усилиями решать значимые социальные проблемы, такие, например, как бедность, загрязнение окружающей среды и другие [24].

Заключение

Конституционная идея социального партнерства в аспекте социетальных взаимодействий трех секторов развивает и углубляет концепцию социального государства как государства, где не только оказывается адресная поддержка обездоленным гражданам, но и средствами конституционного права обеспечиваются условия, в которых ключевые социальные акторы собственными партнерскими действиями добиваются синергетического эффекта от совместного использования своих ресурсов в целях обеспечения общего устойчивого развития. Такое понимание социального государства не предполагает культивирования «иждивенческих» настроений, и предусматривает существование механизмов перераспределения благ в духе социальной солидарности [25, с. 293]. Таким образом, категория социального партнерства имеет значительный потенциал для конституционного права в качестве механизма реализации принципа социальной солидарности, а также основы социальной интеграции, гармонизации индивидуального и коллективного начал в конституционной идентичности России.

Пристатейный библиографический список

1. Алебастрова И. А. Конституционализм как правовое основание социальной солидарности. - М.: Проспект, 2015. - 614 с.
2. Эбзеев Б. С. Социальная солидарность как позитивное основание государственности и права России (к методологии исследования) // Конституция, личность и суд в современной России: материалы научной конференции памяти профессора Н. В. Витрука / Под ред. И. А. Умновой, В. Е. Сафонова, И. А. Алешковой. - М., 2013.
3. Иванов С. А. Социальное партнерство как феномен цивилизации // Журнал социологии и социальной антропологии. - 2005. - Т. 8, № 3. - С.79-99.
4. Киселев И. Я. Сравнительное трудовое право. - М., 2005. - С. 251.
5. Трудовое право России / Под ред. С. П. Маврина и Е. Б. Хохлова. - М., 2012. - С. 156.
6. Лушникова М. В., Лушников А. М. Социальное партнерство в сфере труда: учебное пособие. - Ярославль, Ярославский гос. университет им. П. Г. Демидова. - 2008. - 426 с.
7. Чиркин В. Е. Конституционная терминология. - М., 2013. - 272 с.
8. Хабриева Т. Я., Чиркин В. Е. Теория современной конституции. - М.: Норма. - С. 175-176.
9. Щетинин Б. В. Проблемы теории советского государственного права. - М., 1974.
10. Бойцов В. Я. Система субъектов советского государственного права. - Уфа: Башкирское кн. изд-во, 1972. - 159 с.
11. Венедиктов А. В. Государственная социалистическая собственность. - М.: Л., 1948.
12. Братусь С. Н. Субъекты гражданского права. - М., 1950.
13. Иоффе О. С. Советское гражданское право. - М., 1967.
14. Аскназий С. И. Основные вопросы теории социалистического гражданского права. - М.: Статут, 2008. - 859 с.
15. Генкин Д. М. Юридическое лицо в советском гражданском праве // Проблемы социалистического права. - 1939. - № 1. - С. 91-107.
16. Красавчиков О. А. Сущность юридического лица // Советское государство и право. - 1976. - № 1. - С. 47-55
17. Баженова О. И. Юридическое лицо в конституционном праве: проблемы теории. - М., 2022. - 264 с.
18. Белкин А. А. Социальное воспроизводство и государственное право. - Л., 1991. - С.63.
19. Авакьян С. А. Социальность как общественная и конституционно-правовая категория // Московский юридический журнал. - 2021. - № 3.
20. Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // Американская социологическая мысль. - М., 1996. - С. 494-526.
21. Гиддингс Ф. Социология как наука о человеческом обществе и человеческом поведении // Хрестоматия по общей социологии; сост. В. П. Култыгин, А. Г. Кузнецов. - М., 2004. - С.30-35.
22. Кудринская Л. А. Социетальная трехсекторная модель общества // Омский научный вестник. – 2015. - № 1 (135). - С.204-207.
23. Автономов А. С., Виноградова Т. И., Замятина М. Ф., Хананашвили Н. Л. Социальные технологии межсекторного взаимодействия в современной России: учебник / Под общ. ред. А. С. Автономова. - М., 2003.
24. Якимец В. Н. Межсекторное социальное партнерство: основы, теория, принципы, механизмы. - М., 2004.
25. Конституционное право. Общая часть / Под ред. Н. А. Богдановой, А. А Троицкой: в двух книгах. - М., 2022. - С. 293 (книга первая).

НИЗАЕВА Светлана Рамилевна
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и административного права, Башкирская академия государственной службы и управления при главе Республики Башкортостан

ГИЛЯЗОВ Руслан Рэлифович
старший преподаватель кафедры криминалистики, Уфимский юридический институт МВД России

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ СТАТУС ПРАВИТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Научный анализ проблематики конституционных основ организации и регулирования федеральной исполнительной власти в России на современном этапе ее политико-правового реформирования представляет собой важнейшую задачу ученых-юристов. Это обусловлено и тем, что в общей системе государственной власти Российской Федерации исполнительная власть играет высокую роль в жизни общества. Несмотря на ту большую роль, которую играет исполнительная власть и ее положение в государстве и обществе, в отечественной науке конституционного права недостаточно глубоко и полно раскрыты как теоретические, так и методологические вопросы организации и функционирования федеральной исполнительной власти, совершенствования механизма ее реализации, а также проблемы ее ответственности.

Ключевые слова: конституционно-правовой статус, Правительство Российской Федерации, федеральный орган исполнительной власти, государственная власть, система управления, жизнедеятельность государства.

NIZAEVA Svetlana Ramilevna
Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Constitutional and administrative law sub-faculty, Bashkir Academy of State Service and Management under the Head of the Republic Bashkortostan

GILYAZOV Ruslan Relifovich
senior lecturer of Criminalistics sub-faculty, Ufa Law Institute of the MIA of Russia

CONSTITUTIONAL AND LEGAL STATUS OF THE GOVERNMENT OF THE RUSSIAN FEDERATION

The scientific analysis of the problems of the constitutional foundations of the organization and regulation of the federal executive power in Russia at the present stage of its political and legal reform is the most important task of legal scholars. This is also due to the fact that in the general system of state power of the Russian Federation, the executive branch plays a high role in the life of society. Despite the great role played by the executive branch and its position in the state and society, both theoretical and methodological issues of the organization and functioning of the federal executive branch, improving the mechanism of its implementation, as well as the problems of its responsibility are insufficiently deeply and fully disclosed in the Russian science of constitutional law.

Keywords: constitutional and legal status, the Government of the Russian Federation, the federal executive authority, state power, the management system, the vital activity of the state.

В переводе с латыни слово «статус» означает положение или роль лица или объекта. В теории права это понятие является одним из самых сложных и многозначных. Во многом это обусловлено его разнообразным применением в теоретических разработках и практике юриспруденции.

В контексте юридических наук статус может относиться как к правовому положению человека (например, гражданский статус, семейный статус), так и к характеристикам определенных объектов или учреждений (статус юридического лица, статус собственности). Каждое из этих значений имеет свои особенности и последствия для применения норм права, что делает понятие статуса ключевым для понимания множества юридических ситуаций и отношений.

По мнению Е. Л. Рогожиной «конституционно-правовой статус обладает характеристиками относительного постоянства, устойчивости, системообразующей значимости» [10, с. 284]. Это свидетельствует о том, что этот статус не подвержен частым изменениям и является основополагающим для функционирования правовой системы в целом. Он обеспечивает не только стабильность и предсказуемость правовых отношений, но и служит фундаментом для развития законодательной базы, что в свою очередь влияет на эффективность и справедливость правоприменительной практики.

Конституционно-правовой статус является комплексом ключевых элементов, включающих в себя права, обязанности и меры обеспечения их воплощения, которые закреплены в Конституции Российской Федерации. Важно отметить, что хотя Конституция РФ является фундаментальным законодательным актом, который устанавливает статус рассматриваемого государственного органа, существуют и другие источники конституционного права, также влияющие на его функционирование. К примеру, таким законодательным актом, вносящим свой вклад в регулирование деятельности Правительства Российской Федерации, является Федеральный конституционный закон от 6 ноября 2020 года № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации».

В соответствии с устоявшимися представлениями в российской юридической школе, коллегия высших должностных лиц, известная как «правительство», является главным исполнительным органом государственной власти, наделенным ключевыми полномочиями, влияющими на государственную жизнь страны.

Например, В. И. Даль считал, что термин «правительство» подразумевает под собой управление, государствование, управление землей» [2, с. 377]. И действительно, если взглянуть на это с исторической точки зрения, можно увидеть, что суть правительственной деятельности не изменилась с тех пор, как зародились первые государства. Правительство всегда было связующим звеном между властью и народом, осуществляя контроль и управление, чтобы обеспечить порядок, стабильность и развитие страны. В этом контексте правительство выступает не просто как орган власти, но и как механизм, который помогает реализовать законы и решения, принимаемые на высшем уровне, и донести их до каждого гражданина.

В энциклопедическом словаре русского языка данный термин определен как «высший исполнительный и распорядительный орган государственной власти» [9, с. 467]. Тем

не менее, данное определение не охватывает всех значимых черт, которые свойственны данному органу.

Следует также обратиться к мнениям конституционалистов. Например, С. А. Авакьян рассматривает правительство как «главный центральный орган и в государстве в целом и в отдельных субъектах федеративного государства», подчеркивая его роль в формировании и реализации внутренней и внешней политики, а также в управлении социально-экономическим развитием страны. Он утверждает, что правительство выступает как связующее звено между законодательной властью и исполнительными структурами, обеспечивая непрерывность и согласованность государственных процессов. Таким образом, правительство не только исполняет законы, но и активно участвует в их разработке, что делает его ключевым игроком в политической системе государства [8, с. 43].

В определении М. Ю. Тихомирова данный пробел восполнен. По мнению автора, «правительство — это высший исполнительный орган Российской Федерации, который представляет и осуществляет исполнительную власть в государстве в соответствии с Конституцией РФ» [14, с. 159].

О. Е. Кутафин определяет Правительство РФ как «орган государственной власти, возглавляющий систему исполнительной власти в Российской Федерации» [7, с. 209]. Таким образом, Правительство РФ играет ключевую роль в управлении страной, осуществляя исполнение законов и разработку новых нормативных актов, направленных на развитие и процветание государства. Оно отвечает за реализацию внутренней и внешней политики, координацию работы федеральных органов исполнительной власти, а также за обеспечение законности и правопорядка в стране.

М. В. Баглай определяет правительство через ряд ключевых характеристик:

– коллегиальный подход к принятию решений;

– интеграция в структуру исполнительных органов государственной власти;

– статус высшего органа исполнительной власти;

– гарантирование исполнения законодательства;

– руководство внутренней и внешней политикой страны [1, с. 118].

По мнению Н. Ю. Хамановой, Правительство Российской Федерации представляет собой ключевой конституционный орган, который руководит единым комплексом исполнительных структур и обладает высшим статусом среди исполнительных органов власти. Его полномочия охватывают всю территорию России [13, с. 182].

Исходя из тщательного рассмотрения всех ключевых терминов, предложенных выше, можно выработать конкретное понимание концепции конституционно-правового положения Правительства РФ. Это положение определяется как утвержденное в Конституции РФ и других конституционных нормативных актах, место Правительства в структуре социальных связей.

Правовой статус Правительства РФ отражен в первой и шестой главах Конституции РФ, а также в Федеральном конституционном законе, посвященном Правительству РФ.

Чтобы четко определить конституционно-правовую роль Правительства РФ, важно уточнить его ключевые элементы, которые формируют его сущность.

Ключевыми элементами конституционно-правового статуса Правительства РФ являются его права, обязанности и ответственность. Эти аспекты подробно описаны в шестой главе Конституции РФ, а также в Федеральном конституционном законе от 6 ноября 2020 года № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации». Эти законодательные документы фиксируют все права, обязанности и ответственность Правительства РФ.

Необходимо отметить, что прошло четыре года с момента принятия нового Федерального закона, который внес существенные коррективы в структуру Правительства РФ. Этот документ стал ключевым для эффективного внедрения множества правовых изменений, целью которых было переосмысление статуса Правительства РФ после серьезного пересмотра законодательства в Конституцию РФ от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти».

В 2020 году, с внесением изменений в основной закон страны, произошло несколько ключевых изменений. В частности, было официально утверждено, что исполнительная власть в Российской Федерации принадлежит Правительству РФ, которое находится под руководством Президента РФ. Государственная власть несет ответственность за надзор за деятельностью федеральных исполнительных структур, при этом исключением являются органы, над которыми Президент Российской Федерации осуществляет прямой контроль, как это предусмотрено в статье 110 основного закона страны.

При анализе изменений между изначальными и обновленными версиями законодательных актов, которые находятся в шестой главе Конституции РФ под названием «Правительство Российской Федерации», а также в измененном и первоначальном ФКЗ «О Правительстве РФ», стало очевидным одно из ключевых изменений: теперь Правительство РФ перестало называться высшим исполнительным органом государственной власти страны.

К тому же отметим, произошло значительное обновление и расширение списка обязанностей Правительства РФ, закрепленного в статье 114 Конституции страны. Эти изменения касаются как общих направлений, так и специфических аспектов социальной жизни, в основном отраженных в Законе о Правительстве. Взглянув на обновленный перечень полномочий Правительства, можно сказать, что его сфера влияния расширилась. Однако, по мнению автора, это скорее свидетельствует о необходимости юридической модернизации, которая следует из значительных перемен, произошедших в социально-политической жизни страны за последние 2,5 десятилетия.

В 2020 году произошли изменения в законодательстве, благодаря которым полномочия этого ведомства значительно выросли. Сейчас его задачи включают в себя проведение одной и той же социально-ориентированной государственной стратегии в ключевых сферах, таких как культура, наука, образование, здравоохранение, социальная поддержка, укрепление и защита института семьи, сохранение традиционных семейных ценностей, а также в области защиты окружающей среды на территории Российской Федерации.

Прежде чем вступили в силу изменения, это полномочие формулировалось так: «обеспечивает проведение в Российской Федерации единой государственной политики в области культуры, науки, образования, здравоохранения, социального обеспечения, экологии».

Кроме этого, «в компетенцию Правительства Российской Федерации было добавлено осуществление мер по поддержки институтов гражданского общества, добровольческой деятельности. Реализация действий по поддержке развития предпринимательской деятельности, созданию условий для развития системы экологического образования граждан и другие полномочия» [5, с. 139].

Ключевым аспектом конституционного статуса Правительства является набор законодательных актов, которые определяют процедуру его создания, длительность полномочий и условия ухода в отставку. Согласно действующей нормативной базе, в случае, когда в течение определенного периода (в Законе это 90 дней) Правительство Российской Федерации снова подаст запрос о проверке доверия в Государственную Думу и столкнется с отказом, Президент РФ имеет право либо принять отставку Правительства, либо распустить Госдуму и объявить о проведении выборов.

В 2020 году, после внесения изменений в основной закон страны, произошел пересмотр процедуры выбора руководителя Правительства РФ. Теперь для утверждения кандидатуры необходимо одобрение Государственной Думы. Кроме того, в обновленных положениях утверждены четкие обязанности Председателя Правительства перед Президентом Российской Федерации в части выполнения поручений, возложенных на Правительство.

Согласно конституционному положению, которое устанавливает, что Правительство РФ действует в пределах полномочий, определенных для Президента РФ (в соответствии

с положениями статьи 116 Основного закона), и прекращает свои действия перед вступлением в должность новоизбранного главы государства, является типичной чертой президентской республики. Этот аспект особенно подчеркивает юридическую взаимосвязь между исполнительной властью и Президентом РФ.

Также была пересмотрена процедура назначения заместителей Главы Правительства России и руководителей федеральных органов власти. В настоящее время Государственная Дума Российской Федерации занимается рассмотрением и утверждением кандидатов на эти должности, после чего Президент страны производит их формальное назначение. С этого момента «Президент Российской Федерации не сможет отказать в назначении на должность вышеназванных должностных лиц, если они уже были утверждены Государственной Думой» [11, с. 73].

Согласно последним изменениям в Основном законе страны, каждый министр Российской Федерации получил возможность подачи заявления об уходе в отставку по собственному желанию, не привязываясь к общим решениям Правительства. Данное право распространяется на весь состав Правительства, включая его руководителя, его заместителя и всех министров. В то же время Президент РФ сохраняет право освободить от должности любого министра по своему усмотрению, включая Председателя Правительства. В отличие от прежних правил, когда отставка Председателя автоматически приводила к уходу всего Правительства, теперь стала возможной более гибкая ротация министров. Решение о замене какого-либо министра принадлежит Президенту РФ, что влечет за собой необходимость прохождения конституционной процедуры по утверждению новоназначенных кандидатов.

Учитывая последние правовые преобразования, которые затронули статус Правительства РФ, можно сделать предположение о росте влияния Президента РФ в рамках исполнительной ветви власти и прийти к выводу о перераспределении баланса в системе сдержек и противовесов между высшими структурами государственной власти [4, с. 15].

В академических кругах правового сообщества существуют различные точки зрения на изменение статуса Правительства РФ. Так, М. Н. Кобзарь-Фролова высказывает мнение, что «роль и функциональное предназначение российского Правительства и органов исполнительной власти действительно претерпели качественные изменения» [6, с. 45].

Существует мнение, что изменение Конституции РФ привело к увеличению полномочий Правительства. Теперь, в отличие от прежнего положения, Председатель Правительства имеет возможность самостоятельно выдвигать кандидатов для работы в Госдуме, минуя процедуру консультаций с Президентом РФ. Кроме того, ему был предоставлен ряд новых полномочий [5, с. 137].

Р. М. Дзидзоев, проанализировав уровень юридической независимости Правительства РФ, его роль в структуре исполнительной власти и оценив новый процесс формирования Правительства РФ, приходит к выводу о трансформации системы управления в России. Согласно его мнению, страна переходит от полупрезидентской (смешанной) системы к президентской, где президент занимает доминирующее положение в исполнительной власти, при этом сохраняя некоторые атрибуты парламентской системы [3, с. 44].

Таким образом, конституционно-правовое положение Правительства Российской Федерации закреплено в Конституции РФ и других основополагающих документах конституционного права. Основные аспекты этого статуса охватывают полномочия, обязанности и отчетную ответственность Правительства в рамках социальных взаимоотношений. В рамках конституционного строя Правительство играет важную роль в реализации государственной политики и управления страной. Его структура включает в себя Председателя Правительства, заместителей и федеральных министров, каждый из которых несет ответственность за определенную сферу деятельности. Этот статус не только определяет внутреннюю организацию и функционал Правительства, но и устанавливает его взаимоотношения с другими ветвями власти, что является основой для эффективного и слаженного функционирования государственного механизма.

Пристатейный библиографический список

1. Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации: учебник. - М.: АСТ, 2017. - 660 с.
2. Даль В. И. Толковый словарь. В 4 т. - М., 2000. - Т. 3. - С. 377, 379.
3. Дзидзоев Р. Ж. Президент Российской Федерации и Правительство Российской Федерации: новые грани взаимоотношений // Журнал российского права. - 2021. - № 5. - С. 43-54.
4. Занко Т. А. Конституционные поправки 2020: влияние на федеральную исполнительную власть // Вопросы государственного и муниципального управления. - 2020. - № 3. - С. 7-19.
5. Кирей А. С. Изменения конституционно-правового статуса Правительства Российской Федерации в связи с поправками в Конституцию Российской Федерации // Реализация теории конституционализма в правоприменительной практике Российской Федерации. - 2021. - С. 137-141.
6. Кобзарь-Фролова М. К. Роль и функциональное назначение Правительства Российской Федерации и органов исполнительной власти Российской Федерации (законодательные новеллы) // Публичная власть в современной России: проблемы и перспективы: сборник научных трудов по материалам Всероссийской научно-практической конференции. - Саратов: СГЮА, 2020. - С. 40-46.
7. Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Конституционное право России. - М., 2000. - С. 432.
8. Конституционное право. Энциклопедический словарь. Отв. редактор и руководитель авторского коллектива - доктор юрид. наук, профессор С. А. Авакьян. - М.: Издательство НОРМА, 2001. - С. 43.
9. Ожегов С. И. Словарь русского языка / Под ред. Н. Ю. Шведовой. - М., 1989. - С. 467.
10. Рогожина Е. Л. О некоторых аспектах конституционно-правового статуса Правительства Российской Федерации // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. - 2008. - № 3. - С. 282-285.
11. Сморчкова Л. Н. Правительство Российской Федерации: трансформация правового статуса // Право и практика. - 2021. - № 4. - С. 73. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/pravitelstvo-rossiyskoy-federatsii-transformatsiya-pravovogo-statusa (дата обращения: 28.02.2025).
12. Тихомирова Л. В., Тихомиров М. Ю. Юридическая энциклопедия. - Издание 5-е, дополненное и переработанное / Под ред. М. Ю. Тихомирова. - М., 2006. - 668 с.
13. Хаманева Н. Ю. Исполнительная власть в России. История и современность, проблемы и перспективы развития. К 80-летию Института государства и права РАН / Автономов А. С., Бачило И. Л., Бондаренко А. А., Гришковец А. А., и др. Отв. редактор Н.Ю. Хаманева. - М.: Новая правовая культура, 2004. - С. 182.

РАХИМОВА Лиана Мунировна
старший преподаватель кафедры конституционного и административного права, Башкирская Академия государственной службы и управления при Главе Республики Башкортостан, г. Уфа

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИЯХ И ПРИЗНАКАХ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

В данной статье рассматриваются понятие и признаки конституционно-правовой ответственности. Определяется соотношение таких видов ответственности как конституционно-правовой, юридической, политической и моральной. Также в работе исследуется классификация конституционно-правовой ответственности, представляющая собой выделение негативного (ретроспективного) и позитивного аспектов. В науке распространены различные точки зрения: некоторые ученые считают, что конституционно-правовая ответственность может рассматриваться только в негативном аспекте. Кроме того, существует противоположное мнение, сторонники которого выделяют и позитивный аспект. В работе исследуется данная дискуссия и определяется наиболее рациональный по мнению автора взгляд на этот вопрос.

Ключевые слова: конституционно-правовая ответственность, юридическая ответственность, моральная ответственность, политическая ответственность, негативный (ретроспективный) аспект конституционно-правовой ответственности, позитивный аспект конституционно-правовой ответственности.

RAKHIMOVA Liana Munirovna
senior lecturer of Constitutional and administrative law sub-faculty, Bashkir Academy of Public Service and Administration under the Head of the Republic of Bashkortostan, Ufa

ON THE ISSUE OF CONCEPTS AND FEATURES OF CONSTITUTIONAL AND LEGAL RESPONSIBILITY

This article considers the concept and features of constitutional and legal responsibility. The ratio of such types of liability as constitutional and legal, legal, political and moral is determined. The paper also explores the classification of constitutional and legal responsibility, which is the allocation of negative (retrospective) and positive aspects. Different points of view are common in science: some scientists believe that constitutional and legal responsibility can be considered only in a negative aspect. In addition, there is an opposite opinion, whose supporters also highlight the positive aspect. The paper examines this discussion and determines the most rational view on this issue in the author's opinion.

Keywords: constitutional and legal responsibility, legal responsibility, moral responsibility, political responsibility, negative (retrospective) aspect of constitutional and legal responsibility, positive aspect of constitutional and legal responsibility.

Законодательство в сфере конституционно-правовой ответственности постоянно претерпевает различные изменения. Институты совершенствуются, конкретизируются, но при этом остается много пробелов в теоретическом осмыслении конституционно-правовой ответственности как значимого правового явления вообще. Поэтому стоит обратиться к самой сути данного понятия, чтобы проанализировать и структурировать его, что в конечном итоге должно помочь сделать необходимые выводы.

Институт конституционно-правовой ответственности зачастую вызывает множество споров среди ученых, причем разногласия касаются не только формы и содержания, но даже самого наименования. И как нет согласованного единства в самом названии данного вида ответственности, так и нет единодушия в определении его сущности.

Вообще, в научных кругах понятие «конституционно-правовая ответственность» появилось не так давно, раньше то же понятие именовалось «государственно-правовой ответственностью». Профессор С.А. Авакьян связывает это с изменением подходов [1], так как конституционное право стало именоваться так только в постсоветский период, а до этого оно называлось государственным. Поэтому в предложенном С. А. Авакьяном подходе конституционно-правовая ответственность рассматривается в качестве «преемницы» государственно-правовой ответственности. Идентичное мнение высказывает А. А. Кондрашев, считая, что различия в наименовании рассматриваемого вида ответственности обусловлены правовой традицией [6].

Кроме того, существуют другие точки зрения, определяющие соотношение конституционно-правовой и государственно-правовой ответственности как совершенно различных, но соприкасающихся в определенных плоскостях. К примеру, Н. А. Боброва и Т. Д. Зражевская считают, что неправомерно целиком отождествлять рассматриваемые термины, поскольку они имеют точки пересечения, но не более того [4]. Они определяют конституционную ответственность как входящую в состав государственно-правовой, которая, в свою очередь, является более объемным правовым институтом.

Также существуют точки зрения, в которых разделяются понятия «конституционной ответственности» и «конституционно-правовой ответственности», что объясняется следующим образом: к примеру, А. А. Безуглов и С. А. Солдатов считают, что «конституционная ответственность - это ответственность, которая предусмотрена нормами Конституции и может наступить при нарушении конституционных обязанностей. Что же касается конституционно-правовой ответственности, то она предусмотрена нормами конституционного права и может быть применена за нарушение обязанностей, закрепленных нормами конституционного права. А так как конституционное право в настоящее время включает в себя нормы права, не только закрепленные в Конституции РФ, но и содержащиеся во многих других источниках конституционного права, то, естественно, понятие конституционно-правовой ответственности значительно шире понятия конституционной ответственности» [3].

Но наиболее рациональной точкой зрения видится отождествление наименований конституционной, конституционно-правовой и государственно-правовой ответственности в силу отсутствия существенных различий между ними.

От размышлений по поводу наименования анализируемого правового института необходимо перейти к определению его сути.

Итак, что же такое ответственность в общечеловеческом понимании? Согласно толкованию словаря С. И. Ожегова ответственность – это необходимость, обязанность отдавать

Рисунок 1.

кому-нибудь отчёт в своих действиях, поступках[1]. То есть, ответственность в любом ее проявлении представляется неразрывно связанной с отчетом о своих действиях, сообщением конкретному лицу о выполнении определенных поручений или обязанностей. Также мы, безусловно, видим важную сторону ответственности в наличии субъекта, которому эти действия подконтрольны, подотчетны. Без данного конкретного субъекта смысл ответственности, а особенно правовой, стирается, ведь именно контролирующий субъект создает определенную мотивацию нести ответственность тому, кто ею (ответственностью) обременен.

А в какой же момент ответственность можно считать конституционно-правовой? На наш взгляд, для установления верного ответа необходимо установить признаки, которые однозначно позволили бы определять, когда ответственность является конституционно-правовой.

В первую очередь, конечно, основным признаком будет считаться наличие конституционного деликта, то есть противоправного деяния, выражающегося либо в действии, либо в бездействии, и которое противоречит нормам конституционного права, а также за которое виновное лицо несет конституционную ответственность.

Вторым признаком следует считать государственно-принудительный характер, то есть конкретно установленное со стороны государства принуждение к несению субъектом ответственности вне зависимости от его воли или желания.

Следующий признак конституционно-правовой ответственности – это применение ее в соответствии с конкретно регламентированной процедурой. Такой значимый вид ответственности, безусловно, должен сопровождаться строгим закреплением в нормативных правовых актах процесса установления ответственности.

Четвертым признаком предлагаем считать стабильное наличие негативных последствий для правонарушителя, иначе говоря, лицо, совершившее конституционный деликт, однозначно должно испытывать определенные лишения, связанным с собственным противоправным деянием.

И заключительным признаком конституционно-правовой ответственности является наличие инстанции, применяющей государственно-принудительные меры, которая представлена либо компетентными государственными органами, либо народом.

Соответственно, полагаем, что наличие данных признаков позволяет считать ответственность конституционно-правовой.

Отдельным немаловажным аспектом в изучении конституционно-правовой ответственности является ее соотношение с другими видами ответственности, и здесь мы непременно увидим разнообразие мнение и позиций среди ученых. Также этот анализ, безусловно, необходим, чтобы понять место конституционно-правовой ответственности среди других видов.

Стоит отметить, что конституционно-правовая ответственность наряду с уголовной, гражданско-правовой, административной, дисциплинарной, материальной и другими входит в более объемное понятие – юридическую ответственность. С.Н. Братусь понимает под юридической ответственностью «исполнение обязанности на основе государственного или приравненного к нему «общественного принуждения» [5], что представляется верным.

Кроме того, встречается мнение о том, что конституционно-правовая и политическая ответственность тождественны. Да, конституционно-правовая ответственность часто имеет ярко выраженный политический характер, но при этом не стоит ставить знак равенства между этими двумя видами ответственности (см.рис.1).

Во-первых, конституционно-правовая ответственность является подвидом юридической. Политическая же ответственность не всегда может считаться таковой (юридической). Это связано с тем, что наступление политической ответственности не связано напрямую с нарушением установленных норм права. Во-вторых, политическая ответственность имеет два аспекта: позитивный и негативный (ретроспективный). При негативном аспекте политическая ответственность может становиться юридической и даже конституционно-правовой, а при позитивном аспекте она раскрывается как осознанное следование субъектом правилам и нормам политической деятельности из-за моральной составляющей своей человеческой сущности, ощущения чувства долга, например, перед избирателями, а также подконтрольности вышестоящей инстанции.

Также в рамках рассмотрения данного вопроса стоит затронуть еще и моральную ответственность, которая является самым ранним с точки зрения временных рамок видом ответственности, потому что мораль – это комплекс неформализованных норм, правил и обычаев, поведения. Моральная ответственность формируется в индивидуальном и коллективном человеческом сознании, выражаясь в реакции общества на поступки людей. Возможно, санкции моральной ответственности не всегда причиняют ущерб, сравнимый с лишениями при несении других видов ответственности, но, тем не менее, общественное порицание, равно как и общественное одобрение является одной из самых сильных мотиваций в поведенческом выборе человека. К слову, аспекты моральной ответственности не всегда получают отображение в законе, но если это и происходит, то всегда во вторую очередь после закрепления в общественном сознании.

Например, рассмотрим данное соотношение видов ответственности на примере следующего субъекта – высшего должностного лица субъекта Российской Федерации, статус которого, безусловно, является сложносоставным. При совершении конституционного деликта к данному субъекту может применяться конституционно-правовая ответственность, соответственно, одновременно с этим на него будет распространяться и юридическая ответственность. Кроме того, несомненно, будут присутствовать и аспекты политической ответственности (как минимум ретроспективный), потому что деятельность высшего должностного лица субъекта Российской Федерации реализуется именно в политической среде. Также в этом случае конституционно-правовая ответ-

1 Толковый словарь Ожегова. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://gufo.me/dict/ozhegov (дата обращения: 22.03.2024).

Рисунок 2.

ственность в определенной плоскости будет пересекаться с моральной ответственностью, так как данное лицо, являясь главой исполнительной власти субъекта Российской Федерации, будет ощущать порицание со стороны населения конкретного вверенного ему региона. Точнее будет сказать, что население субъекта Российской Федерации будет применять по отношению к высшему должностному лицу субъекта Российской Федерации синтез санкций политической и моральной ответственности.

Говоря о конституционно-правовой ответственности в общем смысле, следует затронуть классификацию, которая имеется в правовой литературе. Выделяются негативный (ретроспективный) и позитивный аспекты данного вида ответственности, что вызывает дискуссии в науке.

Негативным аспектом принято считать ответственность за невыполнение установленных для субъекта функций и нарушение правовых норм, а позитивным – обязанность выполнения конкретно закрепленной законодательством деятельности, характеризующейся элементами правосознания и законности.

В результате споров возникает два противоположных подхода: группа ученых считает, что конституционно-правовая ответственность реализуется в совокупности обеих сторон (негативной и позитивной), а другая – что в ее границах стоит выделять только негативную сторону.

К примеру, Т. Ю. Леонова считает обоснованной точку зрения, указывающую «на конституционно-правовую ответственность только в негативном аспекте: ответственность наступает лишь за совершение конституционного правонарушения. Выделение позитивной ответственности является подменой понятия надлежащего выполнения органом государственной власти или должностным лицом возложенной на него компетенции, которая особым образом интегрирует в себе права и обязанности» [7].

С. А. Авакьян же считает, что позитивную ответственность несут все субъекты конституционно-правовых отношений, негативная ответственность связана с применением специальных мер воздействия, вытекающих из недолжного поведения субъектов конституционно-правовых отношений [1].

Л. В. Федулова отождествляет позитивную сторону ответственности с политической, а политическую, в свою очередь, подразделяет на ту, что находится за пределами права, к примеру, сюда относится отказ избирателей в поддержке на следующих выборах, а также на ту, которая имеет нормативно-правовое оформление, например, ответственность высших должностных лиц субъектов Российской Федерации перед Президентом Российской Федерации. Данная точка зрения кажется автору наиболее рациональной, особенно с учетом того, что политическая ответственность, обладающая нормативно-правовым оформлением, как раз совпадает по объему с позитивным аспектом конституционно-правовой ответственности.

Иными словами, мы считаем, что оба аспекта сочетаются в рассматриваемом институте: негативный воплощен в невыполнении строго определенных функций и нарушении законодательства, а позитивный – в обязанности соблюдать нормативно закрепленные правила поведения (см. рис. 2).

Вообще, своеобразие конституционно-правовой ответственности заключается, прежде всего, в санкциях, которые не затрагивают личной свободы субъектов конституционно-правовых отношений, их имущественного статуса, а направлены на поражение только специального статуса органа, должностного лица, организации, индивида или иного субъекта, признаваемого нормами конституционного права [7]. С этим однозначно стоит согласиться, поэтому мы приходим к выводу, что конституционно-правовой ответственностью можно считать самостоятельный вид юридической ответственности, заключающийся в наступлении для данного субъекта негативных последствий за совершение им конституционного деликта в строгом соответствии с установленной законом процедуры государственно-принудительных мер.

Пристатейный библиографический список

1. Авакьян С. А. Государственно-правовая ответственность // Советское государство и право. - 1975. - № 10. - С. 17-18.
2. Авакьян С. А. Актуальные проблемы конституционно-правовой ответственности // Конституционно-правовая ответственность: проблемы России, опыт зарубежных стран / Под ред. С. А. Авакьяна. - М., 2001. С. 10.
3. Безуглов А. А., Солдатов С. А. Юридическая ответственность и законность. Очерки теории. - М., 1976.
4. Боброва Н. А., Зражевская Т. Д. Ответственность в системе гарантий конституционных норм. Государственно-правовые аспекты. - Воронеж, 1985. - С. 69-70.
5. Братусь С. Н. Юридическая ответственность и законность (очерк теории). - М., 1976. - С. 85-91.
6. Кондрашев А. А. Теория конституционно-правовой ответственности в Российской Федерации. - М., 2011. - С. 12.
7. Леонова Т. Ю. Конституционно-правовая ответственность высшего должностного лица субъекта РФ (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти субъекта РФ) // Вестн. Том. гос. ун-та. 2008. № 315. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionno-pravovaya-otvetstvennost-vysshego-dolzhnostnogo-litsa-subekta-rf-rukovoditelya-vysshego-ispolnitelnogo-organa (дата обращения: 22.03.2024).

САРКАРОВА Джамиля Салиховна
кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права, Юридический институт, Дагестанский государственный университет, г. Махачкала

ШИХТАИМОВА Динара Арсланбековна
магистрант кафедры конституционного и муниципального права, Юридический институт, Дагестанский государственный университет, г. Махачкала

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОБЯЗАННОСТИ ГРАЖДАН В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Правовая реальность РФ показывает успешную фиксацию в Конституции основных обязанностей граждан. В Конституции РФ закреплены универсальные обязанности человека и гражданина. Поправки к Конституции, принятые в 2020 году, внесли изменения не только в систему государственного управления, но и в правовой статус граждан, включая их обязанности перед государством и обществом. Также, в статье приведен и краткий сравнительный анализ налоговых обязательств в РФ и в Китае. В статье рассматриваются основные конституционные обязанности человека и гражданина в Российской Федерации, выявляется их место в формировании понятия «правового статуса личности». В результате исследования уделяется внимание расшифровке и детализации каждой из них, определяется их роль в функционировании государства и общества, а также границам вмешательства законодателя в сферу автономии личности. Отметим, что у нашего Отечества, традиционно спектр задач отличался от государств Западной Европы.

Ключевые слова: конституционные обязанности, конституционные права и свободы, правовой статус личности.

SARKAROVA Dzhamilya Salikhovna
Ph.D. in Law, associate professor of Constitutional and municipal law sub-faculty, Institute of Law, Dagestan State University, Makhachkala

SHIKHTAIMOVA Dinara Arslanbekovna
magister student Constitutional and municipal law sub-faculty, Institute of Law, Dagestan State University, Makhachkala

CONSTITUTIONAL DUTIES OF CITIZENS IN THE RUSSIAN FEDERATION

The legal reality of the Russian Federation shows the successful fixation of the main duties of citizens in the Constitution. The Constitution of the Russian Federation enshrines the universal duties of a person and a citizen. Amendments to the Constitution adopted in 2020 introduced changes not only to the public administration system, but also to the legal status of citizens, including their duties to the state and society. Also, the article provides a brief comparative analysis of tax obligations in the Russian Federation and China. The article examines the main constitutional duties of a person and a citizen in the Russian Federation, reveals their place in the formation of the concept of the legal status of an individual. As a result of the study, attention is paid to decoding and detailing each of them, their role in the functioning of the state and society is determined, attention is paid to the boundaries of interference of the legislator in the sphere of individual autonomy. It should be noted that our Fatherland, traditionally, has a range of tasks that differed from the states of Western Europe.

Ключевые слова: конституционные обязанности, конституционные права и свободы, правовой статус личности.

Права и свободы в любом государстве становятся реальными и действенными только при их неразрывной связи с обязанностями. Это отражает баланс между личной свободой и общественными интересами. Свобода одного человека заканчивается там, где начинается свобода другого. Например, граждане имеют право на защиту, но должны исполнять воинскую обязанность или участвовать в налоговой системе. Государство играет центральную роль государства в системе конституционных прав и обязанностей в Российской Федерации, осуществляемую через координированную деятельность законодательных, исполнительных и судебных органов под общим руководством Президента. Нельзя не отметить роль регионов в обеспечении безопасности государства.

Приведем отечественную классификацию подсистем конституционных обязанностей:

1) обязанности в области личной безопасности;

2) обязанности в области образовательных и культурных правоотношений;

3) обязанности в экономической сфере [3].

Конституция РФ (принятая в 1993 году) закрепляет не только права и свободы граждан, но и их обязанности. Эти обязанности являются необходимым элементом правового статуса гражданина и обеспечивают функционирование государства и общества. Согласно статье 15 Конституции РФ, каждый гражданин обязан соблюдать Конституцию и федеральные законы. Это гарантирует правопорядок и стабильность в обществе. Еще одной обязанностью является обязанность уплаты налогов и сборов. В соответствии со статьей 57 Конституции РФ, граждане обязаны платить законно установленные налоги и сборы. Финансирование государственных программ и социального обеспечения невозможно без налоговых поступлений.

По сути, только государственные органы, уполномоченные законом, могут устанавливать изменять и взимать налоги с физических и юридических лиц. Такое монопольное право закрепляется в Конституции РФ. Некоторые страны закрепляют, к примеру, прогрессивную систему налогообложения. В Китае есть налоги, которых возможно нет ни в одной стране мира. Например, обязанность платить налог за третьего ребенка (в размере 3500 тысяч долларов) [1]. В Китае существует огромное количество неналоговых платежей, а до 2011 года пенсионная система отсутствовала.

В России в июле 2024 года Президент РФ В.В. Путин подписал закон, согласно которому в стране вводится пятисту-

пенчатая система налогообложения, что вполне применимо в рамках концепции рыночной экономики.

Конституционная обязанность в РФ носит императивный характер, то есть она является бесспорной и обязательной. Обязанность не зависит от желаний налогоплательщика, она не может быть оспорена в принципе (можно спорить только о законности конкретного начисления, но не о самой обязанности)[1]. Государство имеет право применять принудительные меры к нарушителям (штрафы, пени, арест имущества).

Однако, хотя налоги и взимаются принудительно, они обладают свойство реверсивности, то есть возвращаются налогоплательщикам в форме общественных благ. Это выражается в развитии инфраструктуры – дорог, транспорта, ЖКХ, финансировании социальной сферы: образование, медицина, пенсии, и обеспечении безопасности – правоохранительные органы, армия, МЧС.

Таким образом, налоги представляют собой двусторонний социальный механизм: государство получает средства, но обязано направлять их на благо общества. Именно это формирует общественный договор, при котором легитимность налоговой системы признается гражданами.

В результате конституционной реформы 2020 года в Конституции появилась новые уточненные обязанности граждан, о том, что дети обязаны заботиться о своих нетрудоспособных родителях. В статье 38 подчеркивается, что забота о детях – обязанность родителей, а взрослые дети обязаны поддерживать своих нетрудоспособных родителей. Это способствует социальной устойчивости и межпоколенческой ответственности. Забота о детях как приоритет государства и общества. Это усиливает ответственность родителей и общества за воспитание и благополучие детей. В Конституции теперь закреплены традиционные ценности, включая защиту семьи, материнства, отцовства и детства (ст. 72). Это усиливает обязанность граждан заботиться о своих семьях и поддерживать семейные ценности.

Защита суверенитета и территориальной целостности России. Поправки усилили конституционные гарантии суверенитета России. Теперь граждане обязаны уважать территориальную целостность страны, а любые призывы к отчуждению российских территорий запрещены (ст. 67).

Охрана окружающей среды. В статье 58 указано, что граждане обязаны сохранять природу и окружающую среду, бережно относиться к природным ресурсам. Конкретизируется данная обязанность законом от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «Об охране окружающей среды» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2024).

Это важная часть экологической политики государства. Конституционная обязанность сохранять природу – это юридическая и моральная конструкция. К примеру, в г. Пермь предлагаются интересные компенсационные меры, взамен привычных штрафов. В случае несанкционированной вырубки одного условного дерева, требуется посадить не менее трех саженцев ценных пород [2]. Основной задачей экологической политики на данный момент является стимулирование экономического развития, которое бы не влекло за собой возрастание воздействия на окружающую среду, благодаря внедрению инновационных технологий. Эта цель имеет ключевое значение не только для улучшения экологической ситуации. Она также критически важна для обеспечения экономической эффективности на долгосрочную перспективу и укрепления позиций продукции на мировом рынке.

Можно без преувеличения сказать, что Российская Федерация в настоящее время подвергается не только экономическому давлению, но и прямой вооруженной агрессии со стороны стран коллективного Запада. В этой связи согласно статье 59 Конституции РФ, защита Отечества является долгом и обязанностью гражданина. Военная служба регулируется законом, и предусмотрены альтернативные варианты исполнения этой обязанности.

В Конституции появилось положение о защите исторической правды (ст. 67.1). Граждане должны уважать достижения предков и сохранять историческую память о защитниках Отечества. Указом Президента РФ от 08.05.2024 г. № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения»[2] государством принимаются меры по сохранению памяти о современных защитниках Родины. В сфере образования разрабатываются магистерские программы и курсы по сохранению исторической памяти.

Выводы

Конституционные обязанности граждан РФ - неотъемлемая часть правового порядка. Их исполнение обеспечивает стабильность государства, общественное благополучие и защиту интересов всех граждан. Соблюдение этих обязанностей является важным фактором для развития правового государства и демократического общества.

Поправки 2020 года усилили роль граждан в обеспечении устойчивости и развития государства, расширив их обязанности.

Теперь в Конституции РФ подчеркивается важность защиты национального суверенитета, семьи, детей, исторической памяти и уважительного отношения к труду, что формирует основу для устойчивого и безопасного государства.

Пристатейный библиографический список

1. Мельшина А. А. Конституционные обязанности граждан России и Китая в налоговой сфере: сравнительно-правовой анализ // Тенденции развития науки и образования. - 2023. - № 94-4. - С. 122-127.
2. Проценко Е. Д., Богданова О. И., Черногорцева Я. Э. Конституционная обязанность сохранять природу и окружающую среду: правосознание и механизм реализации // Право и государство: теория и практика. - 2023. - № 4 (220). - С. 157-160.
3. Эбзеев Б. С. Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности: монография. - М.: Норма, 2008. - 384 с.

1 Федеральная налоговая служба – официальный сайт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.nalog.gov.ru/rn05/news/activities_fts/15068109/ (дата обращения: 12.03.2025).

2 Указ Президента РФ от 08.05.2024 № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_476013/.

DOI 10.46320/2073-4506-2025-4-203-142-145

Волкова С. И.

ВОЛКОВА Светлана Ильинична
аспирант кафедры государственного и административного права, Юридический институт, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королёва

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ СУВЕРЕНИТЕТ: СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ В СФЕРЕ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ СЕТЕЙ

Цель статьи – формирование подходов к анализу соотношения понятий государственного и технологического суверенитета в современном технологическом контексте. Предметом работы являются общественные отношения, возникающие в результате взаимодействия государства и технологий, а также вопросы обеспечения суверенитета в условиях глобализации и технологических изменений. Работа основана на применении сочетания общефилософских, общенаучных и специализированных методов исследования, включая конкретно-исторический анализ, формально-юридический (догматический) метод и метод сравнительного правоведения. Особое внимание уделяется публично-правовым вопросам, связанным с применением сетевых технологий и их влиянием на национальную безопасность, экономику и общественные институты. Автор исследует концептуальные различия между государственным суверенитетом, традиционно ассоциируемым с политико-правовыми свойствами государственной власти и технологическим суверенитетом, связанным с развитием и контролем над применением цифровых технологий. В статье также рассматриваются возможные пути формирования концептуальной основы для обеспечения устойчивого развития государства и защиты национальных интересов в условиях цифровой трансформации.

Ключевые слова: государственный суверенитет, технологический суверенитет, цифровые технологии, информационные технологии, публичное право, конституционные ценности, права человека, персональные данные, дискриминация, техническое регулирование.

VOLKOVA Svetlana Iljinichna
postgraduate student of State and administrative law sub-faculty, Institute of Law, Academician S. P. Korolev Samara National Research University

STATE AND TECHNOLOGICAL SOVEREIGNTY: CONCEPTUAL CORRELATION IN THE CONTEXT OF INFORMATION AND TELECOMMUNICATION NETWORK TECHNOLOGIES

The aim of the article is to develop approaches for analyzing the relationship between the concepts of state and technological sovereignty in the contemporary context. The subject of the work is the social relations arising from the interaction between the state and technologies, as well as issues of sovereignty maintenance in the context of globalization and technological changes. The research is based on the use of a combination of philosophical, general scientific, and specialized methods, including specific historical analysis, formal-legal (dogmatic) method, and comparative legal methodology. Particular attention is given to public law issues related to the management of technological resources and their impact on national security, economy, and social institutions. The author examines the conceptual differences between state sovereignty, traditionally associated with political and economic independence, and technological sovereignty, related to the development and control of digital technologies, including artificial intelligence and information systems. The article also explores possible ways to balance these two forms of sovereignty in order to ensure sustainable development and protection of national interests in the context of digital transformation.

Keywords: state sovereignty, technological sovereignty, digital technologies, information technologies, public law, constitutional values, human rights, personal data, discrimination, technical regulation.

В современных условиях концепция государственного суверенитета приобретает новые интерпретации под влиянием развития информационных технологий. Одним из ключевых аспектов этих изменений становится технологическая независимость, определяющая способность государства сохранять самостоятельность и обеспечивать защиту прав и интересов своих граждан [1, с. 53].

При этом для достижения полноценного технологического суверенитета недостаточно лишь развития собственных технологий. Информационные технологии имеют глобальное распространение, поэтому важно также выстраивать правовые и институциональные механизмы, обеспечивающие защиту данных, соблюдение прав человека в цифровом пространстве и баланс между государственным контролем и свободами граждан. Для этого необходимо внедрение новых стандартов регулирования, позволяющих найти компромисс между национальной безопасностью и демократическими ценностями.

Суверенитет традиционно определяется как свойство государственной власти, обеспечивающее ее верховенство на территории страны и независимость в международных отношениях. В политико-правовом смысле суверенитет представляет собой характеристику государства, которая определяется сочетанием политического содержания и юридической формы. В современных демократических государствах политическое содержание суверенитета включает в себя возможность высших органов государственной власти самостоятельно и независимо формировать и реализовывать свою волю, направленную на реализацию власти народа. Юридическая форма же отражает закрепление этих свойств в законода-

тельстве, а также в структуре и компетенции органов публичной власти.

Конституция России, как юридический и политический документ, отражает как юридическую, так и фактическую стороны государственного суверенитета. Поправки, принятые в 2020 году, стали важным этапом в эволюции Конституции и учли современные политико-правовые реалии, подготовив конституционное основание для суверенизации информационных технологий и централизации их правового регулирования [2].

Однако в условиях цифровизации формируются новые условия сосуществования государств, которые требуют уточнения концепции государственного суверенитета. Технологический суверенитет, подразумевающий контроль над ключевыми информационными технологиями и информационными ресурсами, становится важным условием для полноценной реализации государственного суверенитета [3, p. 116]. Эта идея находит выражение в нормативных актах. Так, в Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации[1], утвержденной Указом Президента РФ определено понятие «суверенитет Российской Федерации в технологической сфере» - способность государства создавать и применять наукоемкие технологии, критически важные для обеспечения независимости и конкурентоспособности, и иметь возможность на их основе организовать производство товаров (выполнение работ, оказание услуг) в стратегически значимых сферах деятельности общества и государства. Как видим, высокая значимость технологической составляющей в обеспечении государственного суверенитета сегодня не подвергается сомнению. В нынешних условиях, когда сформировалась зависимость российских пользователей, в том числе, в государственном секторе, от иностранных технологий, утрата технологической самостоятельности может грозить серьезными последствиями для безопасности государства [4, с. 218]. Особое внимание в Российской Федерации уделяется вопросам локализации обработки информации на собственной территории и с применением собственных технологий. Однако стремление к суверенизации обработки данных встречает препятствия, связанные с глобальными масштабами современных технологических решений и, прежде всего, с трансграничным характером информационно-телекоммуникационных сетей.

Обеспечение государственного суверенитета в сфере применения сетевых информационных технологий становится ключевым фактором устойчивости публичной власти в условиях цифровой трансформации и растущей взаимозависимости национальных экономик [5]. Рассмотрим подробнее, как применение технологий информационно-телекоммуникационных сетей (прежде всего, сети «Интернет») может повлиять на устойчивость государственного суверенитета.

В качестве исходного примем положение о том, что надгосударственный характер сети «Интернет» и технологическая сложность контроля в отношении информации, передаваемой с применением современных информационно-телекоммуникационных сетей, могут привести к накоплению критического объема угроз суверенитету национальных государств. Данное состояние является одним из последствий глобализации, которая определяется как процесс, который стирает границы между государствами прежде всего благодаря развитию информационных технологий [6]. Также плодотворным для настоящего исследования является подход к определению глобализации, согласно которому она рассматривается как скрытый переход от прямого управления к косвенному, при котором управляющие несут меньшую ответственность, либо вовсе освобождаются от нее [7]. При этом политическая глобализация развивается не так быстро, как информационная.

Отставание политико-правовых отношений от информационно-технологических открывает новые возможности для внешнего вмешательства в дела суверенных государств. Кибератаки, манипуляции в информационном пространстве и вмешательство в избирательные процедуры ставят под угрозу политическую стабильность [8]. Государства, обладающие технологическим суверенитетом, могут: создавать национальные системы кибербезопасности для защиты критической инфраструктуры; предотвращать манипуляции в социальных сетях и информационных системах; обеспечивать защиту избирательных прав. Так, например, создание защищённых систем для электронного голосования, использующих национальные технологии, минимизирует риски вмешательства со стороны третьих стран.

Основная угроза для государственного суверенитета в контексте применения сетевых технологий заключается в том, что их бесконтрольное использование может привести к ограничению необходимой свободы принятия решений органами публичной власти. Например, непродуманная система шифрования передачи данных в информационно-телекоммуникационных сетях может привести к зависимости от поставщиков криптографических средств, а значит и потенциально ослабить государство. Например, с 2022 года органы публичной власти в России и подведомственные им учреждения испытывают сложности в получении актуальных сертификатов шифрования интернет-траффика, что приводит к ограничению доступа к государственным информационным ресурсам при использовании наиболее распространенных веб-браузеров. Справедливо и утверждение о том, что наличие собственного технологического потенциала позволяет государству принимать независимые решения, не ориентируясь на внешнее давление [9, с. 288]. Так, эффективным ответом на отказ в предоставлении сертификатов зарубежными удостоверяющими центрами стала разработка обновленного Яндекс Браузера с встроенными сертификатами безопасного соединения, подписанными Министерством цифрового развития Российской Федерации.

Развитие концепции технологического суверенитета как условия полновластия государства актуализирует задачи правового оформления технологической защиты отдельных элементов государственной организации, в частности, «цифровой территории» – пространственных пределов осуществления публичной власти с применением информационно-телекоммуникационных технологий.

Возникает вопрос об оптимальных формах и способах правовой защиты «цифровой территории» от внешних угроз. Наиболее ярко в средствах массовой информации представляется перспектива умышленного внешнего нарушения связности национальных узлов сети Интернет с остальной частью глобальной сети, то есть так называемого «отключения России от «Интернета». Полагаем, однако, что высокий градус обсуждения таких недружественных действий вряд ли соответствует реальным намерениям зарубежных партнеров России и их технологическим возможностям. Более продуктивными представляется обсуждение концепции «суверенного Интернета», направленной не на противодействие зарубежному воздействию, а на создание внутригосударственных га-

1 О стратегии научно-технологического развития Российской Федерации: Указ Президента РФ от 28 февраля 2024 г. № 145 // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 23.03.2025).

рантий правопорядка в отношениях, связанных с обращением информации в информационно-телекоммуникационных сетях. Этот процесс возможен в случае успешной интеграции правового и технического регулирования в единую систему мер, направленных на обеспечение информационной безопасности граждан России [10].

Идея создания национального сегмента глобальной сети, способного функционировать автономно, вполне соответствует современным вызовам. Приверженцы концепции «суверенного Интернета» утверждают, что его правовое и техническое оформление необходимо для защиты национальной безопасности и обеспечения информационной стабильности. Действительно, в условиях геополитической напряженности и возникающих гибридных угроз создание такой инфраструктуры воспринимается как необходимый стратегический шаг. В Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации особое внимание уделяется понятию «большие вызовы» – объективно требующая реакции со стороны государства совокупность проблем, угроз и возможностей, сложность и масштаб которых таковы, что они не могут быть решены, устранены или реализованы исключительно за счет увеличения объема используемых ресурсов. К подобным проблемам можно отнести и отсутствие контроля в отношении информации, передаваемой с применением технологий информационно-телекоммуникационных сетей.

При этом контроль над «цифровой территорией» должен иметь свои пределы. Их установление преследует цели защиты публично значимых экономических интересов и достижение задач технологической модернизации страны [11, с. 8]. Чрезмерное административное давление на информационные потоки будет иметь губительные последствия для обеспечения единства экономического и политического пространства государства. К сожалению, современное состояние регулирования в данном области можно охарактеризовать как поиск оптимальных решений эмпирическим путем. В результате решения органов публичной власти зачастую оказываются противоречивыми и непоследовательными. Так, в октябре 2024 года в период проведения Специальной военной операции по решению Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций на территории России был ограничен доступ к сервису обмена сообщениями Discord. Основанием для ограничения доступа было то, что владелец мессенджера не исполнил обязанности по удалению информации, распространяемой с нарушением законодательства России, а также проигнорировал обязанность по уплате ранее наложенного штрафа. Однако, примечательным фактом является то, что сервис, принадлежащий компании, действующей по праву США, оказался одним из основных средств связи среди участников Специальной военной операции. Военнослужащие говорят о том, что полноценной замены Discord на данный момент нет – необходим сервис, способный продолжительное время транслировать видеоизображение с камер БПЛА в штабы для оперативной координации действий российский войск.

Ограничение доступа к Discord, с одной стороны, соответствует нормам права, а с другой - не учитывает условий использования сервиса и фактически противоречит интересам участников Специальной военной операции. Данный пример иллюстрирует и другую особенность технологической стороны государственного суверенитета – в его обеспечении помимо государства и граждан участвуют и субъекты частного права – компании, создающие соответствующие технологии и являющиеся владельцами технологической инфраструктуры. Более того, государства и корпорации не просто сосуществуют на «цифровой территории», а конкурируют в борьбе за контроль над ней. Долгое время государства не осуществляли регуляторного воздействия на сферу сетевых технологий, что позволило корпорациям взять на себя функции регуляторов. В сферах, где правовое регулирование отсутствовало или не действовало, корпоративный контроль сформировал систему, известную как «надзорный капитализм» (Surveillance capitalism) [12].

Эта экономическая модель основана на коммерческом использовании персональных данных для извлечения прибыли. Например, большинство общедоступных сервисов электронной почты анализируют информацию в сообщениях пользователей, чтобы предоставлять информацию рекламодателям и повышать эффективность таргетированной рекламы. Владельцам сервисов не принципиальна принадлежность пользователя к какому-либо государству, они лишь заинтересованы в максимизации собранных данных [13, p. 593]. Тогда как идеология технологического суверенитета несовместима с безразличием государства в отношении данных своих граждан. Ответом государств на новые вызовы становится создание новых институтов правового регулирования, а также попытка установления государственных границ в информационно-технологический сфере.

В России процесс регулирования современных информационно-телекоммуникационных сетей прошел несколько этапов. С 1990 года до 2012 года можно выделить первый этап - его обычно характеризуют слабым государственным контролем и развитием неформальных норм поведения граждан в сети «Интернет». В 2012 году в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и защите информации» были внесены изменения, впервые устанавливающие возможность ограничения доступа к сайтам в сети «Интернет», содержащим информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено. В 2014 году были проведены учения, которые продемонстрировали необходимость и принципиальную возможность создания правовых и технических механизмов для обеспечения стабильности российского Интернет-пространства с целью защиты национального сегмента сети от внешних угроз, включая кибератаки. Обсуждались также планы передачи управления национальными доменами органам государственной власти в целях усиления контроля над инфраструктурой. Такие шаги подчеркнули стремление России укрепить суверенитет в цифровом пространстве, несмотря на потенциальные риски для реализации конституционной свободы слова и соответствующих конституционных прав, предусмотренных частью 4 статьи 29 Конституции.

С 2012 по 2019 год следует выделить этап, сопровождавшийся попытками правового оформления «цифровой территории» с помощью актов органов исполнительной и судебной власти. С 2012 года в России предпринимаются меры по определению границ информационного пространства, в пределах которых действует российское законодательство. Начало концепции «суверенного Интернета» было положено документами исполнительных органов власти: письмом ФАС от 13 сентября 2012 года о требованиях к рекламе алкоголя и разъяснением Минкомсвязи о применении закона «О персональных данных». Эти акты устанавливали критерии, определяющие направленность интернет-ресурсов на Россию, и заложили основу для дальнейшего развития концепции суверенного цифрового пространства. Однако их сфера регулирования была ограниченной, а применение осуществлялось преимущественно по аналогии. Практика показала низкую эффективность их реализации как с юридической,

так и с технической точки зрения, поскольку на тот момент в России еще не существовало технологий для эффективного ограничения интернет-трафика. Этот этап завершился принятием Федерального закона от 1 мая 2019 года № 90-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»[2]. Основной целью закона являлось обеспечение независимости российского сегмента интернета через национальную инфраструктуру, включая собственную систему DNS и технологии глубокого анализа трафика (DPI).

С 2019 года наблюдается активная реализация государственных инициатив, направленных на определение национального сегмента сети «Интернет», что радикально изменяет взаимодействие между государством, гражданами и транснациональными технологическими компаниями. Противники суверенизации российского сегмента сети «Интернет» опасаются, что этот процесс может привести к чрезмерному ограничению свободы слова. Длительное время использование сети не предусматривало существенных правовых ограничений, что позволяло пользователям свободно выражать свои мнения. Однако абсолютная свобода несовместима с правопорядком. Отсутствие правовых ограничений привело к существенному расхождению правил общения в реальной и виртуальной жизни и выразилось в широком распространении деструктивных идей через сеть.

Хронология правового оформления «цифровой территории» России показывает, что со временем происходит существенная трансформация институтов, направленных на обеспечение государственного суверенитета в сфере применения информационно-телекоммуникационных технологий [14, с. 97]. В результате выявления уязвимостей, связанных с низкой эффективностью действующих правовых институтов, государства, и в том числе, Россия, приступили к устранению пробелов в регулировании. В настоящее время основные усилия направлены на упорядочение информационной активности граждан, мониторинг социальных сетей и мессенджеров, разработку альтернативных онлайн-сервисов, продвижение отечественного программного обеспечения, развитие сектора информационных технологий, а также противодействие внешним цифровым угрозам и создание российских аналогов зарубежной информационно-технологической продукции.

Нельзя не отметить закономерность – регулирование отношений, связанных с развитием Интернета, преследует вполне определенные цели, принципиально не отличающиеся от тех, которые достигались и ранее при регулировании так называемых традиционных средств массовой информации – телевидения, радио, печатной прессы. Эти цели состоят в обеспечении верховенства государственной власти и ее независимости внутри государства и в международных отношениях. Поэтому к дополнению концепции государственного суверенитета новыми характеристиками («цифровой», «технологический» и т.д.) нужно относиться с большой осторожностью. Технологический суверенитет не может рассматриваться в качестве альтернативы государственному суверенитету, он является необходимым условием государственного суверенитета, но не заменяет его. В противном случае государство, в попытках угнаться за технологическим прогрессом ценой отказа от своих сущностных характеристик, утратит и собственную суверенную идентичность, и дополняющие ее характеристики. Государственный суверенитет остается основным свойством публичной власти, определяющим возможность независимого формирования и реализации государственной воли. Основные принципы суверенитета, такие как единство территории и неприкосновенность границ, актуальны и для понимания концепции технологического суверенитета.

2 О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»: Федеральный закон от 1 мая 2019 г. № 90-ФЗ // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 23.03.2025).

Пристатейный библиографический список

1. Камалова Г. Г. Национальный технологический суверенитет в сфере цифровых технологий: вопросы правового обеспечения // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). - 2024. - № 10. - С. 52-60.
2. Бредихин А. Л. Суверенитет как политико-правовой феномен. - М.: ИНФРА-М, 2020. - 128 с.
3. Catanzariti M. Disconnecting Sovereignty How Data Fragmentation Reshapes the Law. - Springer Jam, 2024. - 166 p.
4. Варлен М. В. Информационный, технологический, экономический и финансовый суверенитет как новейшие типы автономности // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). - 2023. - № 9. - С. 214-222.
5. Fratini S., Hine E., Novelli C., Roberts H., Floridi L. Digital Sovereignty: A Descriptive Analysis and a Critical Evaluation of Existing Models // Digital Society. - 2024. - № 3 (59). - P. 1-27.
6. Глобализация. Общество. Личность / Под общ. ред. И. В. Ершовой. - Архангельск: ИД САФУ, 2014. - 193 с.
7. Иноземцев В. Л. Современная глобализация и ее восприятие в мире // Век глобализации. - 2008. - № 1. - С. 31-44.
8. Дубень А. К. Технологический суверенитет как основа национальной безопасности Российской Федерации // Вопросы безопасности. - 2023. - № 4. - С. 166-172.
9. Полякова Т. А., Троян Н. А., Петровская О. В. Правовое обеспечение укрепления технологического суверенитета Российской Федерации на основе реализации модели импортозамещения // Правовая политика и правовая жизнь. - 2024. - № 3. - С. 281-293.
10. Жарова А. К. Обеспечение информационного суверенитета Российской Федерации // Юрист. - 2021. - № 11. - С. 28-33.
11. Тихомиров Ю. А., Кичигин Н. В., Цомартова Ф. В., Бальхаева С. Б. Право и цифровая информация // Право. Журнал Высшей школы экономики. - 2021. - № 2. - С. 4-23.
12. Платонова С. И. Большие данные и социальный контроль в повседневной жизни // Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. - 2022. - Т. 32, № 3. - С. 228-234.
13. Gu H. Data, Big Tech, and the New Concept of Sovereignty // Journal of Chinese Political Science. - 2024. - № 29. - P. 591-612.
14. Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. - 2018. - № 1. - С. 85-102.

DOI 10.46320/2073-4506-2025-4-203-146-149

ЗОХИДОВ Манучехр Давронджонович
аспирант кафедры конституционного права и конституционного судопроизводства, Юридический институт, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

ДОСТОИНСТВО ЛИЧНОСТИ: ОТ АНТИЧНОСТИ ДО КАНТА

Концепция достоинства личности занимает центральное место в западной политико-правовой мысли, являясь одной из ключевых ценностей, лежащих в основе современных представлений о правах человека, справедливости и морали.

Цель настоящей статьи заключается в исследовании эволюции идеи достоинства, начиная с ее истоков в античной философии, через ее теологическое переосмысление в христианской традиции, до ее секуляризации и дальнейшего развития в современной правовой и философской мысли.

Анализ исторической трансформации данной концепции позволит не только проследить ее влияние на формирование ключевых этических и правовых принципов, но и понять ее роль в контексте современных вызовов, связанных с технологическим прогрессом, глобализацией и культурным плюрализмом.

Ключевые слова: достоинство личности, права человека, история концепции достоинства личности.

ZOKHIDOV Manuchehr Davrondzhonovich
postgraduate student of Constitutional law and constitutional proceedings sub-faculty, Institute of Law, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

HUMAN DIGNITY: FROM ANTIQUITY TO KANT

The concept of personal dignity occupies a central place in Western political and legal thought, being one of the key values underlying modern ideas about human rights, justice and morality.

The purpose of this article is to study the evolution of the idea of dignity, starting from its origins in ancient philosophy, through its theological reinterpretation in the Christian tradition, to its secularization and further development in modern legal and philosophical thought.

The analysis of the historical transformation of this concept will allow not only to trace its influence on the formation of key ethical and legal principles, but also to understand its role in the context of modern challenges related to technological progress, globalization and cultural pluralism.

Keywords: human dignity, human rights, history of the concept of human dignity.

Свое воплощение на международно-правовом и универсальном уровне идея достоинства личности нашла в тексте Всеобщей декларации прав человека, которая была принята резолюцией Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций в 1948 году после окончания Второй мировой войны.

Так, преамбула этого документа уже в пером предложении предваряет, что «…признание достоинства, присущего всем членам человеческой семьи, и равных и неотъемлемых прав их является основой свободы, справедливости и всеобщего мира...», а статья 1 гласит, что «все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах»[1].

В процессе разработки Декларации (1946-1948 гг.) среди участников дискуссии возник вопрос о необходимости включения в документ основополагающей и руководящей идеи, а также о том, какую именно концепцию следует избрать в качестве таковой. Выбор человеческого достоинства в качестве центрального принципа, сделанный в непосредственный послевоенный период, носил символический характер и был направлен на переосмысление ужасов Холокоста, бесправия, царившего в тоталитарных режимах, и многочисленных военных преступлений, совершаемых в ходе Второй мировой войны.

Можно обоснованно утверждать, что на сегодняшний день эта идея представляет собой базовую концепцию публично-правового нормативного регулирования: по крайней мере, начиная с европейской эпохи Просвещения XVIII века философская и политико-правовая мысль превозносит человека в центральное положение своей методологии.

Однако несмотря на свою актуальность и популярность в послевоенное время, концепция человеческого достоинства не являлась новшеством. Она имеет глубокие исторические корни и широко представлена в различных философских, религиозных и культурных традициях. Можно сказать, что выбор человеческого достоинства в качестве главенствующего тезиса в Декларации не только отражал специфику исторического момента, но и опирался на универсальную и межкультурную значимость данной концепции, что позволило, в свою очередь, придать документу глобальную легитимность и долговременную актуальность.

Цель настоящей статьи заключается в кратком обзоре идеи достоинства личности в историческом контексте западной политико-правовой мысли, а также в анализе ее трансформации и влияния на формирование ключевых правовых и этических принципов в различные исторические эпохи.

Исследование будет сосредоточено на эволюции концепции достоинства, начиная с ее истоков в античной философии, где достоинство (*dignitas*) ассоциировалось с социальным статусом и моральными добродетелями, через ее переосмысление в христианской теологии, где достоинство человека стало связываться с его богоподобием (*imago Dei*), и до ее секуляризации в эпоху Возрождения.

1 Всеобщая декларация прав человека 1948 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 6.03.2025 г.).

Истоки концепции достоинства в греко-римской античной политико-правовой мысли

Концепция достоинства, как одна из ключевых идей западной философской и правовой мысли, берет свое начало из античности, где она формировалась в контексте дебатов о социальных, политических и этических представлениях древнегреческих и римских мыслителей. В античной философии достоинство (греч. *axia*, лат. *dignitas*) было тесно связано с понятиями добродетели, общественного статуса и морального совершенства человека, что отражало специфическую особенность античного мировоззрения, в котором человек рассматривался как часть полиса (города-государства) и космоса.

Для греческих мыслителей, таких как Сократ, Платон и Аристотель, добродетель была не просто моральным качеством, но и способом достижения гармонии между человеком и социумом. Сократ, например, утверждал, что достоинство человека проявляется в его стремлении к истине и справедливости, что делает его достойным членом общества. Платон, в свою очередь, связывал достоинство с идеей блага, утверждая, что только тот, кто стремится к благу, может быть по-настоящему достойным.

Аристотель развил эти идеи, говоря, что достоинство человека проявляется в его способности жить в соответствии с разумом и моральными принципами. Он полагал, что достоинство связано с понятием *arete* (добродетель). В своей «Никомаховой этике» философ утверждал, что достоинство человека проявляется в его способности жить в соответствии с разумом и моральными принципами. Он подчеркивал, что человек, обладающий добродетелями, такими как мужество, справедливость, умеренность и мудрость, достоин уважения и признания в обществе [1, с. 39]. По его мнению, существовали два типа добродетелей: этические (связанные с характером) и дианоэтические (связанные с разумом). Для Аристотеля достоинство было не только индивидуальным качеством, но и общественным благом, поскольку добродетельный человек способствует гармонии и процветанию полиса. Однако в античной мысли достоинство не было универсальным свойством всех людей: оно было привилегией свободных граждан, исключающую рабов, женщин и иностранцев, что отражало иерархическую структуру античного общества.

В отличие от древнегреческой традиции, где достоинство (*axia*) в большей степени ассоциировалось с личными качествами и добродетелями, в Риме достоинство стало неотъемлемой частью общественной и политической жизни. Оно рассматривалось как сочетание личных заслуг, моральных качеств и положения в социальной иерархии. В римской традиции концепция достоинства (*dignitas*) приобрела более формализованный характер, связываясь с социальным статусом и общественным признанием человека.

Римский мыслитель Цицерон рассматривал достоинство как сочетание моральных качеств и общественного положения. В своем трактате «Об обязанностях» (*De Officiis*) Цицерон писал, что достоинство человека заключается в его способности следовать добродетелям, что делает его достойным уважения в обществе. Для Цицерона достоинство было не только личным качеством, но и обязанностью перед обществом: человек, обладающий достоинством, должен служить общественному благу и поддерживать социальный порядок. Он утверждал, что достоинство человека заключается в его способности следовать четырем основным добродетелям: мудрости (*sapientia*), справедливости (*iustitia*), мужеству (*fortitudo*) и умеренности (*temperantia*) [2, с. 608].

В римском обществе *dignitas* было многогранным понятием, которое включало в себя как личное достоинство, так и общественное признание. Оно подразумевало уважение, которое человек заслуживал благодаря своему положению в обществе. *Dignitas* было не просто абстрактной моральной категорией, но и практическим понятием, которое определяло место человека в социальной иерархии. Например, сенаторы, военачальники и другие представители элиты обладали высокой *dignitas*, которая подкреплялась их общественными достижениями и моральным авторитетом.

Цицерон подчеркивал, что достоинство не может быть достигнуто без стремления к добродетели. Например, справедливость, по его мнению, является основой общественного порядка, а мужество позволяет человеку преодолевать трудности и защищать свои принципы. Однако Цицерон также отмечал, что достоинство должно быть подкреплено общественным признанием. Человек, обладающий *dignitas*, должен не только быть добродетельным, но и активно участвовать в общественной жизни, служа на благо государства.

В римском обществе *dignitas* было тесно связано с социальной иерархией. Оно подчеркивало различия между людьми в зависимости от их происхождения, заслуг и положения в обществе. Например, представители аристократии (*nobilitas*) обладали высокой *dignitas*, которая передавалась из поколения в поколение. Однако *dignitas* могло быть также достигнуто благодаря личным заслугам, что открывало возможности для социального продвижения. Например, «новые люди» (*homines novi*), такие как сам Цицерон, могли достичь высокого положения благодаря своим талантам и службе государству.

Несмотря на значительное развитие концепции достоинства в римской традиции, она имела свои ограничения. Как и в древнегреческой философии, *dignitas* не рассматривалось как универсальное свойство всех людей. Рабы и иностранцы, например, исключались из сферы общественного признания, что отражало иерархическую структуру римского общества. Кроме того, *dignitas* часто использовалось как инструмент политической борьбы, где личное достоинство могло быть принесено в жертву ради достижения власти.

Римская концепция достоинства оказала значительное влияние на ее развитие в будущем. Идея о том, что достоинство связано с общественным признанием и моральными добродетелями, легла в основу многих последующих представлений о достоинстве.

Таким образом, в античной философии достоинство было тесно связано с представлениями о добродетели, общественном статусе и моральном совершенстве. Однако оно не рассматривалось как универсальное свойство, присущее всем людям, что стало одной из причин его дальнейшей трансформации в христианской и современной мысли о правах человека и гражданском обществе. Античная концепция достоинства заложила основы для его понимания как моральной и социальной категории, но потребовала переосмысления в более универсальном ключе в последующие этапы – схоластического Средневековья и эпохи Возрождения.

Христианское переосмысление достоинства и эпоха Возрождения: от социального статуса к богоподобию и человекоцентризму

В понимание человеческого достоинства существенный вклад был внесен философами и богословами Средних веков и эпохи Возрождения. Именно в это время были заложены основы современного восприятия человеческого достоин-

ства, среди которых, в частности, принцип, определяющий человека как наделенного разумом, душой, творческим потенциалом и добродетелью субъекта.

С распространением в Европе христианства концепция достоинства претерпела радикальные изменения, которые заложили основу для ее универсализации и включения в современные правовые и этические нормы. В отличие от античной традиции, где достоинство было связано с социальным статусом и моральными добродетелями, христианское учение предложило новое понимание достоинства, основанное на идее богоподобия (лат. *imago Dei*). Это переосмысление стало возможным благодаря библейскому писанию о том, что человек создан «по образу и подобию Божьему» (*Быт. 1:27*) [3, с. 67-68], что наделило его внутренней (intrinsic) ценностью, независимой от его положения в обществе. Этот подчеркивает, что достоинство человека коренится в его богоподобии, которое делает его уникальным среди всех творений. В отличие от античной традиции, где достоинство было привилегией избранных, христианство утверждало, что все люди, независимо от их социального статуса, пола или этнической принадлежности, обладают равным достоинством.

Одним из первых христианских мыслителей, разработавших концепцию достоинства на основе *imago Dei*, является Аврелий Августин (Блаженный). В своей работе «О Граде Божьем» Августин утверждал, что достоинство человека связано с его богоподобием, которое сохраняется даже после грехопадения. Хотя грехопадение приводит к искажению человеческой природы, Августин подчеркивал, что образ Божий в человеке не был полностью утрачен. Он писал, что человек, созданный по образу Божьему, обладает достоинством, которое делает его объектом Божьей любви и искупления [4, с. 28]. Августин также связывал достоинство с человеческой свободой и способностью к духовному совершенствованию. Он утверждал, что, несмотря на греховность, человек сохраняет способность стремиться к Богу и жить в соответствии с Его волей. Это стремление, по мнению Августина, является проявлением достоинства, которое делает человека достойным спасения.

Дальнейшее развитие христианской концепции достоинства связано с именем Фомы Аквинского, который синтезировал античные и христианские идеи в своей философской системе. В своем *magnum opus* «Сумма теологии», Фома Аквинский утверждал, что достоинство человека основано на его богоподобии, а также на его способности к рациональному мышлению и моральному выбору. Он писал, что человек создан по образу Божьему, и это делает его достойным уважения и любви [5, с. 608]. Фома Аквинский также подчеркивал, что достоинство человека проявляется в его стремлении к благу и гармонии с божественным порядком. Он утверждал, что человек, как разумное существо, способен познавать Бога и следовать Его законам, что делает его достойным членом общества. В этом смысле Фома Аквинский интегрировал аристотелевские идеи о добродетелях в христианскую теологию, утверждая, что достоинство человека проявляется в его стремлении к моральному совершенству.

Одним из ключевых достижений христианской мысли стало универсализация концепции достоинства. В отличие от античной традиции, где достоинство было привилегией избранных, христианство утверждало, что все люди, независимо от их социального положения, пола или этнической принадлежности, обладают равным достоинством. Это представление заложило основу для современного понимания принципа равенства и прав человека, где достоинство рассматривается как неотъемлемое свойство каждой личности.

Эпоха Возрождения (XIV–XVI вв.) характеризовалась переходом от средневекового теоцентризма к антропоцентризму. Интерес к античному наследию, развитие гуманитарных наук (*studia humanitatis*) и критика схоластики создали почву для переосмысления роли человека. В этом контексте идеи Пико делла Мирандолы стали мостом между средневековой теологией и ренессансным гуманизмом.

Знаменитая «Речь о достоинстве человека» Мирандолы стала манифестом ренессансного антропоцентризма, провозгласив человека свободным творцом собственной судьбы и обладателем уникального статуса в мироздании. Пико синтезировал христианскую теологию, античную философию, каббалу и другие традиции, создав новаторскую модель человеческого достоинства, основанную на свободе выбора, интеллектуальном поиске и духовном восхождении.

Мирандола изложил тезис о том, что человек занимает исключительное положение в иерархии бытия. По его мнению, Бог, создав мир, не определил человеку фиксированного места, предоставив ему свободу выбора: «не даем мы тебе, о Адам, ни определенного места, ни собственного образа, ни особой обязанности, чтобы и место, и лицо, и обязанность ты имел по собственному желанию, согласно твоей воле и твоему решению. Образ прочих творений определен в пределах установленных нами законов. Ты же, не стесненный никакими пределами, определишь свой образ по своему решению, во власть которого я тебя предоставляю. Я ставлю тебя в центре мира, чтобы оттуда тебе было удобнее обозревать все, что есть в мире. Я не сделал тебя ни небесным, ни земным, ни смертным, ни бессмертным, чтобы ты сам, свободный и славный мастер, сформировал себя в образе, который ты предпочтешь. Ты можешь переродиться в низшие, неразумные существа, но можешь переродиться по велению своей души и в высшие божественные… в рождающихся людей отец вложил семена и зародыши разнородной жизни, и соответственно тому, как каждый их возделает, они вырастут и дадут в нем свои плоды… возделает растительные, - будет растением, чувственные, - станет животным, рациональные, - сделается небесным существом, интеллектуальные, - станет ангелом и сыном бога» [6, с. 44]. В контексте сказанного – человек не ограничен предопределением, а сам формирует свою сущность через выбор — стать животным, ангелом или богоподобным существом. Мирандола подчеркивал, что достоинство достигается через интеллектуальное и духовное развитие. Изучение философии, теологии и наук позволяет человеку «восходить» к божественному.

В Средние века достоинство человека часто связывалось с его положением в социальной иерархии или божественным предопределением (например, у Фомы Аквинского). Мирандола радикально переосмыслил эти идеи: в отличие от античных и средневековых представлений, где достоинство было привилегией мудрецов или святых, он распространил его на всех людей. Хотя Мирандола оставался в рамках христианской парадигмы, его идеи открыли путь к секуляризации концепции, где достоинство стало связываться с рациональностью и автономией личности. Мирандола заложил основы современного понимания достоинства как универсального и динамического свойства человека, которое реализуется через свободу, знание и нравственный выбор. Его синтез гуманизма, теологии и философии стал важным шагом к преодолению средневекового догматизма и формированию антропоцентрической картины мира. Сегодня его

идеи остаются актуальными в дискуссиях о правах человека, образовании и этической ответственности личности в условиях технологического прогресса.

Кантовская революция: достоинство как автономия разума

Идеи Мирандолы о достоинстве человека как свободе самоопределения и интеллектуального восхождения стали важным мостом между средневековой теологией и философией Нового времени. Если у Мирандолы достоинство выражалось в свободе выбора («ты сам определяешь свой образ»), то Иммануил Кант трансформировал эту идею в систему моральной автономии, основанной на разуме и универсальном законе. Переход от ренессансного гуманизма к кантовскому критицизму отражает эволюцию понимания достоинства: от метафизической пластичности природы человека — к этическому императиву, защищающему неприкосновенность личности.

Кант радикально трансформировал концепцию достоинства личности, перенеся ее из метафизического и религиозного контекста в область моральной философии и права. В его учении достоинство (*Würde*) становится абсолютной и безусловной ценностью, присущей каждому человеку как разумному и автономному существу. Эта идея есть основа для современных представлений о правах человека, этике автономии и неприкосновенности личности.

Кант утверждал, что достоинство человека коренится в его способности к моральной автономии — самоопределению через разум и следование универсальному нравственному закону. В отличие от животных, действующих по природным инстинктам, человек обладает свободой воли, позволяющей ему формулировать максимы (субъективные принципы действия) и подчинять их категорическому императиву — объективному моральному закону. Он указывал, что автономия воли есть единственный принцип всех моральных законов и соответствующих им обязанностей. Именно автономия, по Канту, наделяет человека незаменимой ценностью (*Würde*), которая противопоставляется относительной цене (*Preis*), характерной для объектов и животных [7, с. 145].

Вторая формулировка категорического императива гласит: «поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого как к цели и никогда не относился бы к нему только как к средству». Этот принцип утверждает, что достоинство личности состоит в ее неприкосновенности как конечной цели. Использование человека в качестве инструмента для достижения внешних целей (например, эксплуатация, манипуляция) нарушает его достоинство, поскольку отрицает его автономию и разумную природу. Именно Кант впервые связал достоинство с разумной природой человека, которая позволяет ему отличать добро от зла, действовать в соответствии с долгом, а не склонностями, признавать моральный закон как безусловное требование. Как подчеркивал философ, даже если человек нарушает моральный закон, его достоинство остается незыблемым, поскольку он сохраняет способность к моральному суждению.

Кант радикально секуляризировал концепцию достоинства, отделив ее от религиозного контекста, который сохранялся даже у гуманистов Возрождения. По его мнению, достоинство — это не дар Бога, а свойство разумной природы человека. При этом автономия воли — способность самостоятельно устанавливать моральные законы — делает человека «законодателем» собственной нравственности и источником достоинства. Он противопоставил достоинство (*Würde*) цене (*Preis*). Если цена относительна и может быть заменена эквивалентом (как товар), то достоинство абсолютно и не подлежит обмену.

Необходимо отметить, что кантовские воззрения на достоинство личности во многом легли в основу понимания этой концепции в упомянутой ранее Всеобщей декларации прав человека 1948 года, где достоинство названо «основой свободы, справедливости и всеобщего мира», а также Основного закона ФРГ 1949 г., статья 1 которого начинается с положения, согласно которому человеческое достоинство неприкосновенно; уважать и защищать его – обязанность всякой государственной власти.

Кантовская концепция достоинства личности остается краеугольным камнем западной этики и права. Ее сила – в утверждении безусловной ценности каждого человека, независимо от его социального статуса, достижений или полезности. Однако в условиях культурного плюрализма и технологических вызовов требуется переосмысление кантовских идей, чтобы сохранить их актуальность в XXI веке. Сегодня кантовское понимание достоинства как неприкосновенной ценности каждой личности остается актуальным в борьбе против дискриминации, эксплуатации и дегуманизации – вызовов, которые, как и во времена самого Канта, требуют единства разума, этики и права.

Пристатейный библиографический список

1. Aristotle. Nicomachean Ethics. Translated by W.D. Ross. Oxford: Oxford University Press, 2009.
2. Cicero. De Officiis. Translated by Walter Miller. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1913.
3. The New Oxford Annotated Bible with Apocrypha: New Revised Standard Version. Edited by Michael D. Coogan. 5th Edition. Oxford: Oxford University Press, 2018.
4. Augustine St. The City of God against the Pagans. Translated by R.W. Dyson. Cambridge University Press, 1998.
5. Aquinas, Thomas. Summa Theologica. Complete English Edition in 5 Volumes. Translated by the Fathers of the English Dominican Province. Christian Classics, 1981.
6. Mirandola Pico della, Giovanni. Oration on the Dignity of Man. Translated by Charles Glenn Wallis. Edited by Paul J. W. Miller and Douglas P. Lackey. Indianapolis: Hackett Publishing Company, 1998.
7. Kant, Immanuel. Groundwork of the Metaphysics of Morals. Translated by M. Gregor. Cambridge University Press, 1997.

DOI 10.46320/2073-4506-2025-4-203-150-153

РЫСЕВ Генрих Сергеевич
аспирант, кафедра конституционного права имени профессора И. Е. Фарбера и профессора В. Т. Кабышева, Саратовская государственная юридическая академия

ПРОБЛЕМА ТОЛКОВАНИЯ ПОНЯТИЯ «ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ» В КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассматриваются основные подходы к пониманию толкования понятия «экономическая безопасность» в отраслевом законодательстве и Конституции Российской Федерации. Автором анализируется различные трактовки данного определения российскими и зарубежными учеными. Основное внимание в научном исследовании уделяется необходимости в закреплении понятия «экономическая безопасность» в Конституции Российской Федерации, а также роль данной правовой категории в конституционной модели экономической системы Российской Федерации.

Ключевые слова: экономическая безопасность, цифровая экономика, конституционная модель экономической системы, сущность экономической безопасности, национальная экономика, развитие, устойчивость.

RYSEV Genrikh Sergeevich
postgraduate student of Professor I. E. Farber and professor V. T. Kabyshev Constitutional law sub-faculty, Saratov State Law Academy

THE PROBLEM OF INTERPRETATION OF THE CONCEPT OF «ECONOMIC SECURITY» IN THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article discusses the main approaches to understanding the interpretation of the concept of «economic security» in the sectoral legislation and the Constitution of the Russian Federation. The author analyzes various interpretations of this definition by Russian and foreign scientists. The main focus of the scientific research is on the need to consolidate the concept of «economic security» in the Constitution of the Russian Federation, as well as the role of this legal category in the constitutional model of the economic system of the Russian Federation.

Keywords: economic security, digital economy, constitutional model of the economic system, the essence of economic security, national economy, development, sustainability.

Понятие экономической безопасности закреплено в указе Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года». «Экономическая безопасность - состояние защищенности национальной экономики от внешних и внутренних угроз, при которой обеспечиваются экономический суверенитет страны, единство ее экономического пространства, условия для реализации стратегических национальных приоритетов Российской Федерации»[1].

Многие зарубежные и российские ученые, которые занимаются исследованием проблем, считают, что данное толкование определения, сформулированного законодателем, не отражает правового предназначения и не выделяются все признаки, которые имеют прямую взаимосвязь с этим термином. В связи с этим в правовой доктрине предлагаются собственные варианты решения проблемы трактовки вышеупомянутого явления.

Л. И. Абалкин в своих научных изысканиях предлагает не только авторское толкование понятия «экономическая безопасность», но представляет возможным выделить систему и структурные элементы. Экономическую безопасность, по мнению, профессора, следует рассматривать как совокупность условий и факторов, которые способствуют создать благоприятную экономическую среду, направленную на обеспечение суверенитета, стабильности, устойчивости и быстрой регенерации экономической системы государства. [1] Леонид Иванович, приводит три уровня в структуре экономической безопасности. Первый уровень, он является начальным в себя включает материальную базу мощности, необходимые для развития финансовой и бюджетной систем, налаженный механизм взимания налогов и сборов, обеспечивающий постоянное бюджетное пополнение на всех уровнях. Второй уровень, предполагает установление четкой и системной нормативно-правовой регламентации, политики государства, основанной на реализацию политики в области экономической безопасности. И наконец, третий на взгляд авторитетного экономиста, должен послужить грамотному конституционному закреплению в экономических основах понятия «экономическая безопасность» и ликвидации противоречий между конституцией и отраслевым законодательствам по вопросам регулирования экономической безопасности.

Следует, отчасти согласится с точкой зрения Леонида Ивановича, потому что в данном определении экономической безопасности важно ограничиваться не только самой экономикой и экономической системой, но и необходимостью в конституционно-правовом закреплении. Многими современными экономистами и правоведами при собственной трактовке термина «экономическая безопасность» выделяют такой признак как «состояние защищенности». Однако в современной правовой доктрине упускаются те догмы, которые были разработаны и выработаны раньше, и не потеряли актуальности до сих пор.

Так, Е. А. Олейников [2], В. К. Сенчагов [3], Н. П. Купрещенко [4], Л. Э. Гаджиева [5] рассматривают экономическую безопасность как состояние защищенности, при котором

1 Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. - 15.05.2017. - № 20 . - Ст. 2902.

обеспечивается достаточный экономический и оборонный потенциал даже при наиболее неблагоприятных вариантах развития внутренних и внешних процессов. Речь о защищенности и оборонном потенциале были взяты за основу в ч. 1 ст. 1 Федерального закона от 28.02.2010 г. № 390 «О безопасности»[2], и из ст. 2. Федерального закона от 8 декабря 2003 г. № 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности»[3].

В связи с этим следует признать, что важно при правовом закреплении и совершенствовании нормативной базы не подходить с пренебрежением к трудам советских ученых, которые смогли разработать практически с нуля систему регулирования в области экономической безопасности. Помимо этого, представляется возможным наблюдать тот факт, что такие ученые В. С. Паньков [6], А. В. Антонов [7], С. В. Блохин [8] при изложении авторского определения выдвигают тезисы, что экономическая безопасность и национальная безопасности - это синонимы, хотя далеко не так, поскольку национальная безопасность гораздо шире, чем экономическая. Данная коллизия весьма заметна при приведении следующей формулировки «национальная экономическая безопасность».

Представляется, что данное определение экономической безопасности страдает некоторой расплывчатостью. Не вполне ясны и требуют дополнительных разъяснений такие понятия, как «достаточность», «требуемый уровень».

Отсюда вытекает, что экономическая безопасность – это не только защищенность национальных интересов, но и готовность и способность институтов власти создавать механизмы реализации и защиты национальных интересов развития отечественной экономики, поддержания социально-политической стабильности общества.

Существуют ещё другие подходы к пониманию экономической безопасности. В. К. Буторин, А. Н.Ткаченко, С. А. Шипилов [9], Е. Н. Майорова [10], В. Х. Цуканов [11] А. Архипов, А. Городецкий, Б. Михайлов [12], А. В. Колотилин [13], А. И. Кущак и другие выделяют две основных составляющих: развитие и устойчивость. Первый компонент отвечает за выработку тех требований, которые будут содействовать высоким показателям роста в экономике, но не причиняющим вреда человечеству. К примеру, развитие производства без соблюдения экологических норм, причиняющее серьезные последствия для окружающей среды и невозможно создать большие мощности на производстве без грамотной стратегии планирования постоянных переменных издержек, проведения государством политики, направленной на поддержку малого и среднего предпринимательства. Исходя из этого, ориентир должен строиться на повышении уровня жизни граждан и увеличении доходов государства, и предприятии, так как у компаний появится возможность заниматься совершенствованием собственных мощностей, тем самым будет способствовать появлению новых рабочих мест и уменьшению уровня безработицы. Второй фактор, не менее важный – это устойчивость. Следует признать, что без устойчивой экономики сложно создать прочную и надежную экономическую систему, которая сможет успешно совладать внешним и внутренним угрозам. Для этого важно установление нормативно-правовой базы, позволяющей сформировать благоприятный климат, между участниками экономических отношений и сведет к минимуму риск возникновения кризисных явлений в экономике. Важно заметить, что выше описанные компоненты экономической безопасности имеют друг с другом прямую взаимосвязь. Достижение устойчивого состояние не может быть достигнуто без внедрения элементов развития, а развитие невозможно, если будет отсутствовать устойчивость, которая позволит установлению прочного фундамента, ориентированного на конструирование и системное совершенствование экономической модели.

Представляется возможным поддержать такую концепцию, потому что от реализации и тщательно продуманного механизма взаимодействия таких компонентов как: «развитие» и «устойчивость» зависит, какие в обозримом будущем будет считаться, целесообразным внедрить такие программные установки, которые обеспечат стабильный рост экономических показателей.

В правовой доктрине имеет место быть позиция ученых по поводу понимания явления «экономическая безопасность» как систему, основанную на совокупности родственных элементов и механизмов, реализующих функцию по обеспечению защищенности от внешних и внутренних угроз. Так, И. Г. Напалкова [14], Т. Д. Ромащенко [15], О. А. Береговая [16], Е. В. Прудиус [17] рассматривают систему экономической безопасности в динамике, а не в статике, так как без постоянного совершенствования и подвижности явлений нельзя создать условия, соответствующие современным запросам общества. Исходя из этого, ученые пришли к выводу, что выделяется необходимым обозначить элементы, входящие в систему экономической безопасности. Первый элемент это - прогнозирование и оценка возможных угроз. Суть данной стратегии состоит в тщательно проработанном планировании мероприятий по своевременному применению сил и средств, оказывающих эффективное воздействие на возможные угрозы экономической безопасности субъектов экономических отношений и позволяющие быстро ликвидировать действующие. Вторым элементом является создание нормативно-правовой базы, отвечающей всем современным трендам и потребностям всех субъектов экономической системы. От этого зависит гибкость национальной экономики, характеризующее продуктивностью и эффективностью реализации производственных отношений, которое в будущем позволит в полной мере удовлетворить участников экономических отношений. Третий компонент следует выделить формирование органов и методов управления. Данная составляющая во много перекликается с предыдущим. Для совершенствования системы государственного регулирования экономической безопасности, осуществляющего компетентными и полномочными на это органами и должностными лицами, необходимо организовать результативную работу в условиях воздействия внешних и внутренних угроз, сосредоточенных на причинение максимального ущерба экономической безопасности государства. Четвертый компонент - это обеспечение защиты информации. В цифровую эпоху существует серьезный риск возникновения возможных утечек данных составляющих государственную тайну и вбрасывание во всемирную паутину недостоверной информации. К. А. Малышенко и А. В. Пивкина считают, что 87 % граждан РФ не предают особого значения фейковым новостям. Из-

2 Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» // Российская газета. - 29.12.2010. - № 295; Собрание законодательства Российской Федерации. - 17.07.2023. - № 29. - Ст. 5304.

3 Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 164-ФЗ «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. - 15.12.2003. - № 50. - Ст. 4850; Собрание законодательства Российской Федерации. - 12.08.2024. - № 33 (часть I). - Ст. 4928.

за этого становятся уязвимыми все участники финансового рынка, потому что во много раз увеличивается риск роста волатильности, и у мошенников, конкурентов появляется больше возможностей создать кампанию, которая будет подрывать честное имя и деловую репутацию крупных игроков, а малый средний бизнес вовсе может перестать существовать. [18] Таким образом, государству следует постоянно совершенствовать нормативно-правовое регулирование, поскольку от этого на прямую влияет на суверенитет и состоятельность страны на международной арене. Пятым фактором значится применение выработанных наукой знаний по поводу консолидации усилий по модернизации экономической безопасности. Большинство докторальных положений были приняты во внимание законодателем и воплотились в действующие нормативно-правовые документы. В связи с этим стоит утверждать, что труды ученых позволяют под разными ракурсами посмотреть на одни и те же процессы. Безусловно, правоприменителям представляется необходимым прислушиваться к мнению научного сообщества. Благодаря этому продолжает развиваться нормативно-правовое регулирование, и сводятся к минимуму возникновение коллизий и споров по поводу толкования норм права. Шестым элементом выделяется адекватное финансирование и контроль за эффективностью расходования выделенных средств. Нерациональное использование, нецелевое расходование бюджетных средств и коррупциогенные факторы приводят к стагнированию положительных тенденций в экономике, а со временем к снижению благосостояния населения, уровня жизни, социальному неравенству, революционным и сепаратистским явлениям, которые отрицательно сказываются в дальнейшем на существовании государства. Грамотное применение финансовых инструментов, общественных ресурсов, экономических законов позволят, несмотря на всевозможные преграды продолжать уверенно наращивать темпы роста экономических показателей. И наконец, последний седьмой это - сотрудничество с другими субъектами в целях коллективной и совместной экономической безопасности. Создание объединений, совещательных органов, международных и региональных организаций, рассматривающих вопросы осуществления государственной и международной политики по поводу экономической безопасности, основываются на постоянной координации деятельности в данном направлении. В эпоху глобального мира важность функционирования этих институтов на международной арене и в масштабах государства или отдельно взятого региона не теряет актуальности. Считается что, нужно любому государству постоянно наращивать международное сотрудничество не только в области экономической безопасности, но и в других аспектах. Ведь от этого напрямую зависит авторитет страны в мире.

Действительно, тут можно частично согласится с мнениями авторитетных ученых, важно рассматривать экономическую безопасность не только как элемент экономической системы, но и выделять более конкретные закономерности и признаки внутри конкретного компонента системы экономической безопасности. Это позволит выявить проблемы, которые следует решить в ближайшем будущем, станет фундаментом для системного толкования понятия «экономическая безопасность». Однако, если проанализировать большинство точек зрения по поводу понимания системы и определения «экономическая безопасность», то здесь просматривается такая закономерность, что такие ученые как И. Г. Напалкова, Т. Д. Ромащенко, В. А. Садовничий, Е. В. Прудиус, В. В. Антонов, конкретизируют каждый признак, который относится к двум основным признакам (развитие, устойчивость), представляющимся возможным предложить законодателю закрепить и внести поправки в определение «экономическая безопасность». Помимо этого, наблюдается смешение признаков, например, сотрудничество с другими субъектами, обеспечение защиты информации и контроль за эффективностью расходования выделенных средств больше относится к вопросу об обеспечении экономической безопасности. Подводя предварительный итог, необходимо поддержать концепцию понимания термина «экономическая безопасность», предложенную группой ученых: В. К. Буторин, А. Н.Ткаченко, С. А. Шипилов, А. Илларионов, В. Рубанов, В. Х. Цуканов, А. Архипов, А. Городецкий, Б. Михайлов, А. В. Колотилин, А. И. Кущак, потому что считается возможным отметить лаконичность и системность при выделении основных признаков данного понятия. В связи с этим представляется целесообразным взять за основу при формулировании понятия «экономическая безопасность»

H. Maull [19], C. Murdoch [20], H. Machovski при формулировании определение экономическая безопасность ставят во главу угла защиту суверенитета. При этом участники экономических отношений должны обладать деятельно-функциональной активностью. Это означает, что субъектам экономической деятельности следует принимать решения исходя как из собственных коммерческих и внутриполитических интересов, так и на международном уровне. Тем самым повышается авторитет на государственном и международном уровнях, появляется возможность контролировать финансовые инструменты для реализации политических и экономических ресурсов, позволяющих системно работать над ростом качества жизни населения, качеством продукции, производимым предприятием, а также позволит укрепить единство внешней и внутренней экономической безопасности государства [21].

Тут нельзя разделить позицию зарубежных ученых, потому что в данном контексте защищенность, суверенитет гораздо более узкие понятия, чем устойчивость, т.е. это и есть компоненты, которые относятся к устойчивости.

После проведенного анализа подходов важно уточнить, что в науке происходит смешение понятий «экономическая безопасность» и «обеспечения экономической безопасность». Да, законодателю удалось частично ликвидировать возможную конкуренцию норм и отделить между собой, но трактовка определения «экономическая безопасность» не соответствует современным запросам государства. С 2014 года, когда против Российской Федерации недружественные страны начали вводить экономические санкции и в начале 2022 года, когда весь глобальный мир начал путь к изменению нового мирового и логистического порядка, и страна столкнулась с серьезной проверкой экономики и государственного суверенитета на прочность важно создать такую нормативную базу, которая бы отвечала всем запросам общества здесь и сейчас.

Исходя из того, что подходов к определению понятия «экономическая безопасность выработалось достаточно много, и представляется, что в действующем законодательстве отсутствует корректная трактовка данного термина, поэтому предлагается законодателю следующая формулировка этого определения: экономическая безопасность – это состояние экономической системы, основанное на обеспечении развития и устойчивости национальной экономики к возникновению внутренних и внешних угроз на международной арене, защите государственного суверенитета в условиях высокой волатильности на финансовом рынке, созданию благоприят-

ных условий для осуществления субъектами экономических отношений своей деятельности, не противоречащей основам конституционного строя и не ущемляющей права и свободы граждан в экономической сфере.

После того как удалось прийти к общему знаменателю в вопросе толкования терминологии предлагается необходимым предложить понимание системы «конституционной модели экономической системы» как систему и входящие в него такие структурные элементы как «экономическая система», «экономические отношения», «экономическая деятельность», «экономическая безопасность», «цифровая экономика». Как упоминалось ранее экономическую систему можно понимать с двух позиций с точки зрения конституционного и отраслевого права, и с точки зрения экономической теории, поскольку без нормативного регулирования нельзя добиться соблюдения правил игры участниками экономических отношений, но и без изучения законов экономики невозможно предприятиям успешно развиваться и наращивать свое присутствие на рынке, что в свою очередь будет приводить к нарушению баланса между правовым регулированием и знаниями экономических законов. В ближайшем будущем может привести к разрушению экономической модели государства. В силу изменения мирового порядка и трендов развития общества невозможно не отметить момент, связанный с основными аспектами становления и регулирования экономической безопасности и ее обеспечения, а также цифровой экономики и внедрения технологий искусственного интеллекта в экономическую сферу. Стоит признать, что весь мир находится на пороге больших перемен в этот исторический период важно каждому государству суметь адаптироваться к новым возможным вызовам на международной арене и аккумулировать современными технология, чтобы извлекать из них положительные стороны и регламентировать их применение, для того, чтобы как можно быстрее обрабатывать информацию, решать всевозможные задачи. Ведь от этого зависит судьба мирового господства. Поэтому следует заниматься повсеместной апробацией цифровых технологий и искусственного интеллекта в конституционную модель государства. События, через которые прошла Российская Федерация за последние 10 лет показали, что, несмотря на то, что государство с переменным успехом смогло адаптировать экономическую систему под современные запросы, считается возможными скорректировать положения, связанные с регулированием экономической безопасности и цифровой экономики, так как от состояния экономики зависит будущие перспективы существования страны. Исходя из этого, резюмируя все вышесказанное важно держать во всем баланс, в противном случае нашим приемникам придется подчиняться искусственному интеллекту и цифровым технологиям, а не наоборот диктовать им условия и стараться извлекать из них пользу для совершенствования общества.

Пристатейный библиографический список

1. Абалкин Л. И. Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение // Вопросы экономики. - 1994. - № 12. - С. 4-16.
2. Олейников Е. А. Основы экономической безопасности (Государство, регион, предприятие, личность). Учебное пособие РЭА им. Г. В. Плеханова. - М.: Интел-Синтез М., 1997. - 278 с.
3. Сенчагов В. О сущности и основах стратегии экономической безопасности России // Вопросы экономики. - 1995. - № 1. - С. 97-106.
4. Купрещенко Н. П. Экономическая безопасность. Учебное пособие. - М.: Академия экономической безопасности МВД России, 2005. - 226 с.
5. Гаджиева Л. Э. Налогообложение как особый системный инструмент государственного регулирования экономической безопасности России. дис. … канд. юрид. наук: Москва, 2003. - С. 14.
6. Паньков В. Экономическая безопасность: сущность и проявления // Международная жизнь. - 2010. - № 12. - С. 107-119.
7. Блохин С. В. Направления укрепления экономической безопасности России в современных условиях. дисс… канд. экон. наук: Москва, 2006. - 180 с.
8. Антонов А. В. Сущность экономической безопасности как экономической категории // Вестник Чувашского университета. - 2006. - № 7. - С. 501-507.
9. Буторин В. К., Ткаченко А. Н., Шипилов С. А. Основы экономической безопасности. В 3-х томах: Т. 1. Системные концепции экономической безопасности. – Кемерово: М., 2007. - 391 с.
10. Майорова Е. Н. О критериях обеспечения экономической безопасности в России // Вестник Уральского университета экономики, управления и права. - 2016. - № 4. - С. 26-30.
11. Цуканов В. Х. Экономическая безопасность: сущность, факторы влияния и методы обеспечения. Монография. - Челябинск. - 443 с.
12. Архипов А., Городецкий А., Михайлов Б. Экономическая безопасность: оценки, проблемы, способы обеспечения // Вопросы экономики. - 1994. - № 12. - С. 36-44.
13. Колотилин А. В. Кущак А. И. Обеспечение правопорядка и законности как ключевой фактор экономической безопасности Российской Федерации // Научный журнал НИУ ИТМО. - 2016. - № 1. - С. 27-31.
14. Напалкова И. Г. Экономическая безопасность: институционально-правовой анализ. Монография. - Ростов-на-Дону, 2006. - 146 с.
15. Ромащенко Т. Д. Экономическая безопасность национального хозяйства: теория, методология, воспроизводство. дисс... докт. экон.наук: Воронеж, 2003. - 327 с.
16. Береговая О. А Образование как фактор национальной безопасности // Развитие территорий. - 2015. - № 2. - С. 76-79.
17. Прудиус Е. В. О понятии и системе экономической безопасности // Бизнес в законе. – 2008. - № 1. - С. 66-70.
18. Малышенко К. А., Пивкина А. В. Фейки и их влияние на финансовые рынки // МедиаВектор. - 2023. - № 9. - С. 89-93.
19. Maull H. Raw materials, energy and Western Security. - L., 1984. - 413 p.
20. Murdoch C. Economics issuies & national security. - Lawrence, 1977. - 425 p.
21. Machovski H. Ost-West Handel: Entwicklung, Aussichten // Aus Politik w.Zeitgeschichte. - B., 1985. - № 5. - P. 3-62.

АРСЛАНБЕКОВА Аминат Зайдулаевна
доктор юридических наук, заведующая кафедрой административного, финансового и таможенного права, Дагестанский государственный университет, г. Махачкала

ГИТИНОВ Наби Джамбулатович
магистрант 2-го курса, Дагестанский государственный университет, г. Махачкала

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ В РФ

В статье рассматриваются проблемные вопросы развития и реформирования системы государственной службы в Российской Федерации, направленные на качественное преобразование системы государственной службы.

Статья написана с использованием следующих методов исследования: сравнительно-правовой, логический, системный анализ и др.

В заключении авторы делают вывод, что комплексный подход к решению проблем государственной службы в России сделает ее более эффективной и прозрачной.

Ключевые слова: государственная служба, государственный служащий, гражданская служба, аттестация, антикоррупционное образование, кадровый резерв.

ARSLANBEKOVA Aminat Zaidulaevna
Ph.D. in Law, Head of Administrative, financial and customs law sub-faculty, Dagestan State University, Makhachkala

GITINOV Nabi Dzhambulatovich
magister student of the 2nd course, Dagestan State University, Makhachkala

PROBLEMS AND PROSPECTS OF IMPROVING THE CIVIL SERVICE IN THE RUSSIAN FEDERATION

The article examines problematic issues of development and reform of the public service system in the Russian Federation, aimed at qualitative transformation of the public service system.

The article was written using the following research methods: comparative legal, logical, systemic analysis, etc.

In conclusion, the authors conclude that an integrated approach to solving the problems of public service in Russia will make it more effective and transparent.

Keywords: civil service, civil servant, civil service, certification, anti-corruption education, personnel reserve.

В современных условиях развитие государственного управления требует повышения эффективности государственной службы. Однако на этом пути возникает ряд проблем, которые требуют незамедлительного решения. Одна из ключевых проблем, которую отмечают многие эксперты, - отсутствие в ФЗ «О системе государственной службы в РФ» понятия «государственная служба иных видов».

До сих пор не принят закон «О государственной службе иных видов», поэтому непонятно, что это за иные виды государственной службы. Такая ситуация размывает институт государственной службы и подрывает взаимосвязь между гражданской, военной и «иными видами» службы. Для решения этой проблемы необходимо закрепить в ФЗ № 58-ФЗ «О системе государственной службы в РФ» конкретный перечень видов государственной службы, относящихся к «иным видам». Замена в законодательстве термина «правоохранительная служба» на «государственная служба иных видов» не означает, что реформа государственной службы завершена.

Еще одна проблема - несовершенство механизма формирования кадрового резерва на государственной гражданской службе. Эффективность государственного управления зависит от профессионализма служащих, поэтому отбору кадров необходимо уделять пристальное внимание.

ФЗ № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе РФ» устанавливает процедуру включения гражданского служащего в федеральный кадровый резерв и в кадровый резерв государственного органа, но не установлен порядок формирования федерального кадрового резерва для высших должностей гражданской службы.

Проведение аттестации государственных гражданских служащих также сталкивается с рядом проблем. В частности, законодательство не дает четкого определения «уважительной причины» неявки служащего на заседание аттестационной комиссии. Ст. 48 ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» закрепила, что неявка без уважительной причины влечет за собой дисциплинарную ответственность. Однако закон не разъясняет, какие причины могут быть уважительными. Поэтому было бы целесообразно устранить вышеуказанный пробел в законодательстве. Это позволит избежать разночтений и обеспечит более четкое применение закона на практике.

Реформирование государственной службы должно обязательно включать в себя меры по борьбе с коррупцией. В последние годы число коррупционных правонарушений со стороны государственных служащих растет, поэтому необходимо совершенствовать законодательство в этой сфере, а именно:

– закрепить в ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» понятие «малозначительное коррупционное правонарушение», под которым следует понимать действия или бездействие гражданского служащего, формально содержащие признаки коррупции, но не представляющие серьезной угрозы в силу малой общественной опасности последствий. Четкое определение этого понятия

поможет избежать разночтений в правоприменительной практике.

– запретить принимать лиц на государственную службу, которые раньше были уже уволены из-за утраты доверия к ним. В законодательстве это никак не закреплено. Данное явление может, приводить к повторным и частым ситуациям коррупции. Что-то подобное было предложено С. Е. Чанновым [10]. Он предложил создать механизм «недопуска» на государственную службу лиц, совершивших серьезные дисциплинарные проступки. Мы поддерживаем данное предложение, но при том условии, чтобы подходить дифференцированно, учитывая характер правонарушения и тяжесть его последствий. Целесообразно установить определенные критерии, которые позволят понять, какие именно проступки будут включены в черный список с последующим запретом на работу в государственных органах.

Для повышения эффективности государственной гражданской службы необходимо совершенствовать систему подготовки кадров и профессионального развития служащих. Для этого необходимо разработать единую систему оценки профессионального роста гражданских служащих. Активно внедрять дистанционное обучение для повышения квалификации служащих. Онлайн-конференции, вебинары, чат-занятия и другие форматы дистанционного обучения позволят служащим повышать свой профессиональный уровень без отрыва от работы.

Сделать антикоррупционное образование обязательным элементом профессионального развития государственных служащих. Оно должно включать в себя:

– дополнительное профессиональное образование по противодействию коррупции;

– антикоррупционные тренинги, семинары и круглые столы;

– самостоятельное изучение материалов по противодействию коррупции;

– комплексный подход к повышению квалификации государственных служащих позволит существенно повысить эффективность их работы и снизить уровень коррупции.

Подводя итоги анализа современного состояния государственной службы в России, выделим следующие проблемы и предложения по их решению:

1. Замена в законодательстве термина «правоохранительная служба» на «государственная служба иных видов» не решила проблему, а лишь создала новую. Необходимо закрепить в ФЗ № 58-ФЗ конкретный перечень видов государственной службы, относящихся к «иным видам».

2. Несовершенство системы формирования кадрового резерва. Отсутствует порядок формирования федерального кадрового резерва для высших должностей гражданской службы. Нет и федерального органа, ответственного за эту работу.

3. ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» предусматривает дисциплинарную ответственность за неявку на аттестацию без уважительной причины, но не разъясняет, какие именно причины считаются уважительными.

4. Доступ на государственную службу лиц, уволенных в связи с утратой доверия. В настоящее время законодательство не препятствует повторному приему на государственную службу лиц, ранее уволенных за утрату доверия. Это недопустимая ситуация, которая может привести к новым случаям коррупции. Необходимо ввести запрет на прием на государственную службу лиц, ранее уволенных в связи с утратой доверия. Разработать четкий механизм «недопуска» на государственную службу лиц, совершивших серьезные дисциплинарные проступки. При этом необходимо учитывать характер правонарушения и тяжесть его последствий и применять дифференцированный подход.

5. Недостаточное внимание к профессиональному развитию госслужащих. Необходимо включить в аттестацию служащих не только оценку их профессиональных навыков, но и уровень профессионального развития. Разработать единую систему оценки профессионального роста гражданских служащих. Активно внедрять дистанционное обучение, используя онлайн-конференции, вебинары, чат-занятия и другие форматы. Сделать антикоррупционное образование обязательным для всех государственных служащих. Ввести дополнительное профессиональное образование по противодействию коррупции. Проводить антикоррупционные тренинги, семинары и круглые столы. Поощрять самостоятельное изучение сотрудниками материалов по противодействию коррупции.

Комплексный подход к повышению квалификации и формированию нетерпимости к коррупции позволит сделать государственную службу в России более эффективной и прозрачной.

Пристатейный библиографический список

1. Арсланбекова А. З., Гаджимагомедов М. М. Проблемы предупреждения коррупции на государственной службе в Российской Федерации // Вестник ДГУ. - Общественные науки. - 2024. - Вып. 3.
2. Душейко А. А. Перспективы совершенствования нормативно-правовой системы государственной и муниципальной службы в Российской Федерации // Молодой ученый. - 2021. - № 20 (362). - С. 333-335.
3. Гришковец А. А. К вопросу о реформе государственной службы: организационно-правовые аспекты // Государство и право. - 2012. - № 2. - С. 23-26.
4. Зенков М. Ю. Государственная и муниципальная служба. - Новосибирск: Издательство СибАГС, 2015. - 352 с.
5. Керамова С. Н., Мукаилов Х. Р. Реформирование и развитие системы государственной службы Российской Федерации // Закон и право. - 2021. - № 5. - С. 85-86.
6. Ковтков Д. И., Кузнецов В. И. Правовые проблемы формирования резерва кадров на государственной гражданской службе // Журнал российского права. - 2019. - № 11. - С. 121-130.
7. Матвеева О. Н. Противодействие коррупции на государственной службе в России и юридические коллизии антикоррупционных мер // Научные исследования: фундаментальные и прикладные аспекты. Сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. - Пенза, 2023. - С. 247-250.
8. Пержинская К. Д. К вопросу о понятии коррупции на государственной службе // Научный альманах. - 2023. - № 4-3 (102). - С. 30-32.
9. Цирин А. М., Севальнев В. В. Институциональные механизмы противодействия коррупции на государственной службе // Журнал российского права. - 2021. - № 9. - С. 133-142.
10. Чаннов С. Е. Государственная правоохранительная служба: быть или не быть? // Журнал российского права. - 2016. - № 11. - С. 64-71.

DOI 10.46320/2073-4506-2025-4-203-156-157

ЕЛАНСКАЯ Дарья Александровна
аспирант кафедры государственного и административного права, Юридический институт, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королёва

СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ «МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЙ» И «ГРАЖДАНСКИЙ» МИР И СОГЛАСИЕ

С момента включения в преамбулу Конституции РФ в 1993 году термин «гражданский мир и согласие» активно используется в правовом, политическом и научном дискурсе, однако до настоящего времени не получил четкого нормативного закрепления. Существующая неопределенность обусловила необходимость изучения указанной функции главы государства в соотношении с категорией «межнациональный мир и согласие», также нередко используемой в правовом поле. В статье анализируются подходы к пониманию нации, а также рассматриваются связанные с ними риски конфликтности в условиях многонационального государства. В результате исследования автор приходит к выводу о невозможности достижения гражданского мира и согласия без учета баланса между формированием единой гражданской идентичности и сохранением этнокультурного многообразия.

Ключевые слова: гражданский мир и согласие, российская нация, межнациональные отношения, общероссийская гражданская идентичность, конституционные функции Президента РФ.

ELANSKAYA Darya Alexandrovna
postgraduate student of State and administrative law sub-faculty, Institute of Law, Academician S. P. Korolev Samara National Research University

ON THE RELATIONSHIP BETWEEN THE CONCEPTS OF «INTERETHNIC PEACE AND ACCORD» AND «CIVIL PEACE AND ACCORD»

Since its inclusion in the preamble to the Constitution of the Russian Federation in 1993, the term «civil peace and accord» has been actively used in legal, political, and academic discourse. However, it has not yet received a clear normative definition. This existing ambiguity necessitates an examination of the President's constitutional function in relation to the category of «interethnic peace and accord», which is also frequently used in the legal domain. The article analyzes various approaches to the concept of nationhood and considers the associated risks of conflict in the context of a multinational state. As a result of the study, the author concludes that «civil peace and accord» cannot be achieved without maintaining a balance between the formation of a unified civic identity and the preservation of ethnocultural diversity.

Keywords: civil peace and accord, Russian nation, interethnic relations, all-Russian civic identity, constitutional functions of the President of the Russian Federation.

Понятие «гражданский мир и согласие» как законодательная категория впервые получило нормативное закрепление в преамбуле Конституции России 1993 года. Впоследствии термин нашел широкое распространение в иных конституционно-правовых актах, в том числе ряде постановлений Конституционного Суда РФ. Новая стратегия конституционного развития страны ознаменовала повторное включение в текст Конституции РФ рассматриваемого термина в ходе конституционной реформы 2020 года. В отличие от его первоначального упоминания в качестве фундаментальной конституционной ценности-цели российского государства, законодатель использовал его в контексте конкретизации конституционных функций и полномочий Президента РФ (ст. 80, п. «ж» ст. 83 Конституции РФ).

В то же время в стратегических документах государственной политики неоднократно упоминается термин «межнациональный мир и согласие». В частности, в Указе Президента РФ от 24 декабря 2014 года № 808 (ред. от 25 января 2023 года) «Об утверждении Основ государственной культурной политики»[1] (далее – ОГКП), в который во многом имплементированы и уточнены различные категории в соответствии с принятым Указом Президента РФ «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года»[2] (далее – СГНП), а также в корреспондирующем ему Распоряжении Правительства РФ[3]. Несмотря на то, что в правовом и политическом дискурсе указанные термины используется достаточно активно, на нормативном уровне их содержание не раскрывается. Существующая правовая неопределенность обусловила необходимость соотнесения указанных категорий между собой, поскольку они используются зачастую без четкого разграничения, не определены основания для употребления той или иной формулировки, как и не приведено их содержательное различие. Полагаем, что ситуация, когда содержание правового понятия требует каждый раз новой семантической интерпретации, порождает не только возможность неправильного толкования, расплывчатости, двусмысленности, но и манипулирования общественным сознанием, его использование в ином смысле, порой противоречащим исходному.

Начнем с того, что впервые п. «б» ст. 4.2 разд. I СГНП закрепляет синонимичность понятий «многонациональный народ РФ» и «российская нация», что отражает современные подходы к формированию национальной идентичности. Для их понимания обратимся к рассмотрению основных концепций трактовки нации: примордиализма и конструктивизма (модернизма).

Сторонники примордиализма рассматривают нацию как объективную реальность, формирующуюся естественным путем, общность которой обладает определенным генотипом, языком, набором культурных традиций и обычаев. И. Г. Гердер указывал, что нация, подобно семье, природе человека, обладает национальным характером на протяжении

1 Об утверждении Основ государственной культурной политики: Указ Президента РФ от 24 декабря 2014 г. № 808 // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.03.2025).

2 О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года: Указ Президента РФ от 19 декабря 2021 г. № 1666 // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.03.2025).

3 О плане мероприятий по реализации в 2022 - 2025 годах Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года: Распоряжение Правительства РФ от 20 декабря 2021 г. № 3718-р // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.03.2025).

тысячелетий. Противопоставляется ей теория конструктивизма (модернизма) в основе которой – индустриализация, урбанизация, капитализм, а национализм рассматривается как продукт сил модернизации. Приверженец указанной теории, английский философ и антрополог Э. А. Геллнер, полагал, что нации, образовываясь лишь с появлением политической программы, являются социально структурированной общностью, для которой этническое прошлое не является обязательным и необходимым элементом [6, с. 54].

Таким образом, в основе теории примордиализма заложена этническая принадлежность, связанная с естественными факторами (биологическими, историческими), а сторонники конструктивизма настаивают на роли политических и социальных процессов.

Возвращаясь к анализу стратегических документов, нельзя не согласиться с Л. В. Андриченко, указавшей, что национальная политика России «основана на принятии полиэтничности как неотъемлемого фактора жизни государства и общества», а значит ключевым приоритетом остаются «вопросы обеспечения межнационального и межрелигиозного согласия», и в то же время основные акценты делаются на формировании общегражданской идентичности, «где термины «российский народ», «россияне» используются без привязки к национальной принадлежности» [2, с. 7].

Действительно, поставленный знак равенства в терминах многонациональный народ РФ и российская нация не противопоставляет друг другу идеи упомянутых теорий, воплощая в себе гибридный (синтетический) подход определения наций, набирающий в настоящее время всё большую популярность [5, с. 233]. Таким образом, совокупность целей и задач по содействию формирования общероссийской гражданской нации как социально-политического института, в основе которого лежат исторические истоки, духовных традиции, устои российского общества, обеспечение территориальной целостности, единства государства и в то же время ориентир на сохранение этнической составляющей (культурного и языкового многообразия) и этнокультурное развитие всех народов страны, является не просто наиболее оптимальной, но единственной реализуемой формулой устройства многонационального и поликонфессионального государства [4, с. 19]. Полагаем, что достижение такого баланса является необходимым препятствием дестабилизации общества и условием существования гражданского мира и согласия. В противном случае, при нивелировании этнической составляющей, общество достигает космополитизма и забвения, а при неукоснительной приверженности идеи национальной исключительности – к крайним формам национализма, ведущим к острым внутренним или межгосударственным конфликтам.

Полагая, что межнациональные противоречия и конфликты выступают в качестве девиантного состояния межнационального мира, В. Н. Алфимцев раскрывает понятие межнационального мира в качестве состояния в общества, «в котором отсутствуют межнациональные конфликты, а значит сформирована обстановка нетерпимости к идеям ксенофобии, экстремизма, национальной исключительности» [1, с. 44]. Анализ стадий развития конфликта позволяет автору прийти к выводу, что начальный этап, безусловно выделяемый учеными с различными точками зрения относительно классификации стадий конфликта, заключается в наличии «потенциального конфликта». В обществе уже существуют межнациональные противоречия, пусть и не проявляемые в активных действиях, в связи с чем межнациональный мир автор определяет, как состояние отношений в обществе, в котором в межнациональной сфере конфликты отсутствуют, а оценка личностных качеств человека не ставится в зависимость от национального происхождения. В рассматриваемом случае межнациональный мир формирует основу гармоничного сосуществования различных этнических групп, однако является лишь частью общественных отношений, в связи с чем обратимся к более широкому понятию мира как категории правовой науки.

О праве на мир как института отрасли права впервые упоминается в работах И. А. Умновой. Автор отметила, что категория «гражданский (социальный) мир» касается отношений внутри государства и характеризует состояние общества, основанное на согласии и отсутствии вооружённых столкновений между политически и (или) идеологически ориентированными группировками, социальными группами населения, способными вовлечь народы и население страны в войну общенационального характера и (или) локальные конфликты с использованием оружия» [6, с. 16].

Схожий подход использует Ю. Н. Ершова, ссылающаяся на внешнее и внутреннее выражение права на мир. Основой первого является отсутствие вооруженных столкновений между государствами, а внутренняя характеристика мира зиждется на «достижении гражданского мира, преодолении внутригосударственных вооруженных столкновений» [3, с. 66].

Возвращаясь к рассмотренной В. Н. Алфимцевым концепции достижения межнационального мира и согласия, в основе которой находится состояние общества, исключающее возможность потенциального конфликта в межнациональной сфере, полагаем, что во всех сферах жизни общества достичь такого состояния невозможно. Обладая единым гражданским сознанием, граждане страны неизбежно будут являться сторонниками различных взглядов, что соответствует идеи плюрализма мнений как одной из характеристик демократического государства. В то же время наличие разногласий не влечет абсолютной неизбежности конфликта в случае развитого гражданского самосознания со стороны общества и создания государством условий для существования таких противоречий в рамках конструктивного общественного диалога. В качестве такого условия, на наш взгляд, законодатель и обозначает категорию «согласия», которая допускает существование противоречий, однако на той же стадии и останавливает развитие конфликта, переводя его в плоскость поиска консенсуса исключительно в рамках правового поля.

Из изложенного следует, что «гражданский мир и согласие» охватывает отношения внутри государства между различными общностями и характеризует такое состояние общества, при котором достигается баланс интересов различных субъектов (личности, общества, государства) во всех сферах жизни общества (социальной, политической, экономической, духовной).

Вместе с тем, несмотря на то, что в вышеуказанном определении И. А. Умновой отсутствует указание на наличие противоречий, основывающихся на этническом признаке, полагаем, что в контексте проводимой национальной политики России, а также обозначенных в п. 14 разд. II СГНП проблем в сфере межнациональных (межэтнических) и межрелигиозных отношений в РФ, наличие межнациональных конфликтов делает достижение гражданского мира невозможным. В многонациональном государстве стабильность и устойчивость общественного устройства достигаются лишь при консолидации общества в сфере межэтнических отношений, а также при сочетании общероссийской гражданской идентичности с уважением к этнокультурному многообразию, а, следовательно, межнациональный мир и согласие является важнейшей составляющей, без которой невозможно достичь состояния гражданского мира и согласия.

Пристатейный библиографический список

1. Алфимцев В. Н. О сущности и проблемах мониторинга межнационального мира в России // Актуальные проблемы российского права. – 2016. – № 1. – С. 42-49.
2. Андриченко Л. В. Современные проблемы реализации государственной национальной политики РФ: правовой аспект // Журнал российского права. – 2024. – № 6. – С. 5-15.
3. Ершова Ю.Н. Конституционные основы регулирования права на мир // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 12. – С. 64-69.
4. Зорин В. Ю., Абрамов А. В. Государственная национальная политика, консолидация общества и политическая Наука в современной России // Российский социально-гуманитарный журнал. – 2018. – № 1. – С. 1-21.
5. Медушевский Н. А. На стыке примордиализма и конструктивизма: осмысливая понятие «этнос» // Власть. – 2025. – № 1. – С. 228-234.
6. Ретинский С. Г. Учения о нациях в современной западной и отечественной философии: основные подходы и решения // Культура и цивилизация (Донецк). – 2023. – № 2 (18). – С. 51-57.
7. Умнова И. А. Право мира: Курс лекций. – М.: Эксмо, 2010. – 448 с.

DOI 10.46320/2073-4506-2025-4-203-158-160

ЛЮКИНА Олесия Андреевна
аспирант 2-го курса кафедры административного и финансового права, Юридический институт, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Статья посвящена анализу правовых аспектов механизма проведения государственных закупок, выявлению пробелов и противоречий в данной сфере, а также модернизации правовой модели реализации государственных контрактов. Осуществлен анализ нормативных актов, регулирующих сферу государственных закупок, а также рассмотрена роль государственных органов в этом процессе. Обсуждаются проблемы бюрократизации и снижение эффективности процедур государственных закупок в Российской Федерации. Анализируются, как сложные и перегруженные регуляторные требования препятствует функционированию контрактной системы. Также проведен обзор последних реформ, направленных на оптимизацию данной сферы, с оценкой их эффективности и влияния на общую ситуацию в области контрактного регулирования.

Ключевые слова: госзакупки, административно-правовое регулирование, контрактная система, нормативное регулирование, проблемы, государственный контроль.

LYUKINA Olesiya Andreevna
postgraduate student of the 2st course, Institute of Law of Administrative and financial law sub-faculty, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

ADMINISTRATIVE AND LEGAL REGULATION OF PUBLIC PROCUREMENT IN THE RUSSIAN FEDERATION

The article is devoted to the analysis of the legal aspects of the mechanism of public procurement, the identification of gaps and contradictions in this area, as well as the modernization of the legal model for the implementation of government contracts. An analysis of the regulations governing the field of public procurement has been carried out, as well as the role of government agencies in this process. The problems of bureaucratization and reduction of the effectiveness of public procurement procedures in the Russian Federation are discussed. The article analyzes how complex and overloaded regulatory requirements hinder the functioning of the contract system. An overview of recent reforms aimed at optimizing this area has also been conducted, with an assessment of their effectiveness and impact on the overall situation in the field of contract regulation.

Keywords: government procurement, administrative and legal regulation, contract system, regulatory regulation, problems, state control.

Государственные закупки в Российской Федерации занимают стратегическое место в механизме обеспечения нужд государства, реализации национальных проектов, поддержки бизнеса и технологического развития. Однако, несмотря на формально стройную систему правового регулирования, государственные закупки остаются одной из наиболее уязвимых сфер с точки зрения эффективности, прозрачности и законности.

Административно-правовое регулирование закупок призвано обеспечивать баланс между интересами государства, общества и бизнеса, однако практика показывает наличие ряда серьёзных системных проблем.

Правовое регулирование закупок строится на сочетании:

– императивных норм административного права (обязанности, запреты, ответственность),

– процедурных норм (регламентация планирования, размещения и исполнения контрактов),

– контрольных механизмов (вневедомственный и ведомственный контроль, административное обжалование).

Таким образом, государственные закупки представляют собой особую сферу административной деятельности, где действуют принципы:

– публичного интереса,

– законности,

– справедливости,

– равного доступа.

Сегодня основными актами регулирования госзакупок является Федеральный закон № 44-ФЗ от 05.04.2013 г. «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»[1] и Федеральный закон № 223-ФЗ от 18.07.2011 г. «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» отдельными юрлицами).[2] Закон № 44-ФЗ регулирует закупки для государственных и муниципальных нужд, устанавливая жесткие процедурные рамки: конкурсные процедуры, электронные аукционы, требования к обоснованию начальной цены, контроль на всех этапах и т.д. Его провозглашенные цели включают достижение эффективности, прозрачности и, что немаловажно, противодействие коррупции. В свою очередь, Закон № 223-ФЗ охватывает закупочную деятельность госкорпораций, естественных монополий и других организаций с государственным участием, предоставляя им большую гибкость в процедурах.

В практике эти законы образуют целую систему административного регулирования, которая должна предот-

1 Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ (ред. от 26.12.2024) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/.

2 Федеральный закон от 18.07.2011 № 223-ФЗ (ред. от ред. от 08.08.2024) «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_116964.

вращать злоупотребления и обеспечивать здоровую конкуренцию за государственные контракты. Например, Закон № 44-ФЗ прямо указывает, что одной из его целей является предотвращение коррупции. Предусмотрены меры контроля: обязательное размещение информации о закупках в Единой информационной системе (ЕИС), проведение торгов в электронной форме, правила отбора поставщиков, антикоррупционные ограничения (конфликт интересов для заказчиков, требования к независимости конкурсных комиссий и т.д.).

Следует отметить, что нормативная база госзакупок постоянно меняется. Закон № 44-ФЗ с момента его принятия подвергался правкам десятки раз, а к 2020 году число поправок превысило более пятидесяти. Такое постоянное «усовершенствование» зачастую приводит к усложнению правил, трудноусвояемых даже для профессионалов. Вместо стабильности и ясности нормативного регулирования участники рынка сталкиваются с регулярными нововведениями, за которыми нужно успевать следить. Из-за таких частых изменений правоприменительная практика полна проблем: тонкости процедур нередко понимаются по-разному, а ошибки и нарушения допускают даже добросовестные заказчики просто из-за путаницы в требованиях [1].

Одна из проблем связана с чрезмерной бюрократизацией и снижением эффективности процедуры закупок. Парадоксальным образом, стремясь к полномасштабному регулированию, законодатель разработал столь сложные нормы, что они стали настоящим барьером для эффективного функционирования системы. Множество отчетов и мнений специалистов свидетельствуют о том, что контрактная система испытывает проблемы из-за избытка регуляторных требований и акцентирует внимание в большей степени на формальных показателях, нежели на достижении конечных результатов.

Один из аспектов этой проблемы – постоянные поправки и сложность законодательства. Каждый новый пакет изменений призван устранить выявленные недостатки, но зачастую рождает и новые трудности. Например, органы власти нередко меряют успех закупок величиной экономии средств (разницей между начальной ценой и ценой заключенного контракта) и числом участников в тендере. Счетная палата в 2020 г. отмечала, что регуляторы смотрят лишь на конкуренцию (сколько заявок подано), тогда как для бизнеса эффективность измеряется качеством и своевременностью выполненного контракта. В среднем на один лот в 2019 году приходилось чуть более 3 заявок – показатель конкуренции немного вырос, но говорить о полноценной конкуренции все еще трудно, особенно в регионах. При этом стремление повысить количество участников любыми средствами приводит к ситуации, когда добросовестные поставщики тонут в бумажной работе, а недобросовестные – умело обходят правила.

Заказчики нередко руководствуются принципом бюрократической осторожности, предпочитая собрать множество справок, чтобы избежать возможных последствий при проверках. В результате этого возникает необходимость в обширных документах, которые участники должны предоставить, включая детализированные заявки, отчеты, обоснования и графики выполнения. Процесс проведения торгов может растягиваться на несколько месяцев. В конце года учреждения иногда стремятся «освоить» бюджет, что приводит к спешным закупкам и, как следствие, снижению качества приобретаемых товаров и услуг. Бюрократические процессы также влияют на ситуацию, проявляясь в чрезмерно сложных процедурах согласования изменений в контрактах и приемке товаров и работ. Исполнители часто отмечают, что оплата по контрактам может задерживаться на месяцы из-за несвоевременного оформления актов или длительной проверки всех документов. Хотя в последнее время введены ограничения на срок оплаты (не более 30 дней, а для малого бизнеса – 15 дней согласно правкам в 44-ФЗ), на практике задержки еще случаются.

Кроме того, жесткие правила не всегда гарантируют выгодную цену или качество. Например, популярная форма закупки – электронный аукцион – по сути ориентирована только на снижение цены. Побеждает тот, кто предложит минимальную цену, что является хорошим для бюджета. Но на деле демпинг часто оборачивается проблемами: выигравший за минимальную сумму подрядчик может сорвать сроки или выполнить работу некачественно, пытаясь сэкономить ради получения прибыли. В итоге экономия денег на этапе торгов легко приводит к дополнительным расходам на исправление недоделок или к упущенной выгоде. Есть немало примеров, когда контракт с неоправданно низкой ценой в итоге расторгается, и заказчику приходится искать нового исполнителя, теряя время. Формально 44-ФЗ предусматривает антидемпинговые меры (повышенные требования обеспечения контракта при слишком сильном снижении цены и т.п.), но это не всегда спасает ситуацию.

Именно поэтому в последние годы предпринимаются шаги к оптимизации контрактной системы. С 2022 года вступил в силу масштабный пакет поправок, сокративший число видов закупочных процедур и упростивший ряд требований. По заявлениям разработчиков реформы, лишние этапы убраны, процессы оцифрованы, часть документов теперь формируется автоматически в ЕИС. Например, вместо десятка способов закупок оставили три базовых (аукцион, конкурс, запрос котировок), сократили объем требуемой документации, ввели единую электронную заявку в аукционах (вместо прежних двух частей).

Эти меры действительно облегчили процедуру участникам торгов: меньше бюрократии – легче подать предложение. Однако, как отмечают многие специалисты, ключевые проблемы эффективности от этого не исчезли. Соблюдение процедуры стало чуть менее обременительным, но если заказчик заведомо не заинтересован в честной конкуренции, никакая оптимизация регламента не заставит его действовать в интересах государства. В итоге бюрократическая нагрузка снизилась, но достичь существенного повышения эффективности и прозрачности госзакупок по-прежнему непросто.

С учетом столь большого числа проблем возникает закономерный вопрос: где контроль? Ведь в системе госзакупок участвует множество надзорных органов – от Федеральной антимонопольной службы (ФАС), которая рассматривает жалобы участников и следит за соблюдением процедур, до прокуратуры и Следственного комитета, которые пресекают прямые преступления, и Счетной палаты, проверяющей эффективность расходования бюджетных средств. Теоретически контрольных механизмов более чем достаточно. Однако на практике их эффективность небезупречна.

ФАС выступает как основной «оперативный» регулятор: любая компания, считающая, что ее права нарушены при проведении торгов, может подать жалобу и антимонопольная служба обязана оперативно ее рассмотреть. Ежегодно ФАС получает тысячи жалоб на закупки – от вполне обоснованных (неправомерно отклонили заявку, «заточили» техническое задание под одного поставщика) до надуманных.

Многие нарушения удается пресечь на этой стадии: торги отменяют, заказчика заставляют внести изменения в документацию, виновных чиновников штрафуют. Но ресурсы ФАС ограничены: служба реагирует в основном на обращения, то есть работает постфактум, а не всегда способна предотвратить нарушения. К тому же существует феномен «профессиональных жалобщиков» – компаний, которые паразитируют на системе, подавая массовые жалобы даже там, где все в порядке, с целью затянуть процесс или получить выгоду. ФАС приходится отвлекать силы и на такие случаи.

Прокуратура и следственные органы подключаются при явной коррупции или крупных злоупотреблениях. Здесь результаты тоже есть: ежегодно возбуждаются сотни уголовных дел в сфере госзакупок. По официальным данным, только в 2020–2021 гг. выявлено и устранено свыше 180 тысяч нарушений в этой сфере, к ответственности привлечено более 42 тысяч должностных лиц. Цифры впечатляют – кажется, что наказание неотвратимо. Но большинство из этих нарушений – административные проступки (например, несвоевременное размещение информации или ошибки в отчетности), которые заканчиваются небольшими штрафами. К уголовной ответственности привлекаются единицы – наиболее резонансные случаи взяточничества и мошенничества. А недобросовестные участники, как уже говорилось, стараются маскировать свои действия под видимость законных процедур, что усложняет доказательство их вины. Поэтому неизбежность наказания пока недостаточна для радикального оздоровления системы.

Контролирующие органы сами признают наличие системных проблем. Счетная палата не раз указывала, что сложность законодательства и обилие процедур затрудняют контроль за целесообразностью расходов. Аудиторы отмечают, что регуляторы порой не учитывают интересы участников закупок: для госорганов эффективной считается закупка при высоких показателях конкуренции, тогда как для участников – качество товара и своевременно выполненный контракта. Формально почти все тендеры проводятся конкурентно, но качество планирования и исполнения контрактов нередко страдает – экономия средств зачастую носит номинальный характер, когда выигранные на аукционе 5–10% от начальной цены впоследствии «съедаются» удорожанием контракта при исполнении или тратами на исправление недостатков.

В последние годы усиливается общественный контроль. Все данные о тендерах публикуются онлайн, и журналисты с активистами, анализируя эти данные, нередко выявляют наиболее сомнительные закупки и предают их огласке – это приводит к отмене особо одиозных контрактов. Тем не менее, без изменений в административной культуре одних только внешних проверок недостаточно. Эксперты подчеркивают, что пока у участников процесса – заказчиков и исполнителей – нет внутренней мотивации соблюдать принципы добросовестности, контроль дает лишь ограниченный эффект. Таким образом, проблемы правового и административного регулирования госзакупок в современной России проистекают не из недостатка законов, а скорее из несовершенства их применения. Законодательная база достаточно обширна – контрактная система прописана детально – однако коррупционные риски, бюрократические перегибы и слабости контроля не дают в полной мере реализовать заложенный потенциал. Государство осознаёт эти вызовы: идут реформы, оптимизируются процедуры, усиливается цифровой надзор. Но результаты пока противоречивые. С одной стороны, наблюдается некоторое улучшение – больше прозрачности и конкуренции по сравнению с ситуацией десятилетней давности. С другой – старые «институциональные ловушки» в виде бюрократии остаются серьезным препятствием.

Государственные закупки — это не только механизм удовлетворения текущих потребностей государства, но и стратегический инструмент развития национальной экономики.

Административно-правовое регулирование в этой сфере должно обеспечивать баланс между эффективностью, прозрачностью, законностью и доступностью процедур.

Совершенствование контрактной системы – это не разовая мера, а постоянный процесс, требующий усилий как со стороны государства, так и со стороны общества.

Реализация намеченных реформ позволит сделать систему государственных закупок в России более современной, эффективной и конкурентоспособной.

Пристатейный библиографический список

1. Акулич Е. И. Актуальные проблемы совершенствования нормативной правовой основы регулирования государственных закупок // Российское предпринимательство. – 2020. – № 4 (274). – С. 623-634.
2. Гасаналиева А. Ш. Проблемы контрактной системы в сфере закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд // Молодой ученый. – 2021. – № 2. – С. 671-673.
3. Шувалов С. С. Тенденции реформирования контрактной системы закупок в российской экономике: правовые аспекты и эмпирические данные // ЭТАП. – 2023. – № 4. – С. 132-155.

МЕТЛИН Константин Николаевич
аспирант, Московский инновационный университет

Метлин К. Н.

ЗАЧЕМ БИЗНЕСУ ЛИЦЕНЗИЯ

Статья посвящена анализу лицензионной деятельности в России и зарубежных странах. Цель исследования – изучить правовые аспекты лицензирования в Российской Федерации, выявить проблемы и предложить пути решения. Актуальность данной статьи подтверждается востребованностью направлений деятельности, для ведения которых предпринимателям необходимо получать специальное разрешение.

Для выполнения поставленной цели автор последовательно раскрывает историю развития лицензионной деятельности, исследует особенности лицензирования в зарубежных странах, выявляет актуальные проблемы в сфере лицензирования в Российской Федерации.

В статье сформулирован вывод автора о необходимости упрощения процедуры лицензирования, минимизации требований к получению лицензий, обеспечения ее транспарентности, прозрачности, возможном полном переходе на цифровое оформление лицензий.

Ключевые слова: лицензия, ответственность, бизнес, преступление, экономика.

METLIN Konstantin Nikolaevich
postgraduate student, Moscow Innovation University

WHY DOES A BUSINESS NEED A LICENSE

The article is devoted to the analysis of licensing activities in Russia and foreign countries. The purpose of the study is to study the legal aspects of licensing in the Russian Federation, identify problems and propose solutions. The relevance of this study is confirmed by the demand for areas of activity for which entrepreneurs need to obtain a special permit.

To achieve this goal, the author consistently reveals the history of the development of licensing activities, examines the features of licensing in foreign countries, and identifies current problems in the field of licensing in the Russian Federation.

The article formulates the author's conclusion about the need to simplify the licensing procedure, minimize the requirements for obtaining licenses, ensure its transparency, transparency, and a possible complete transition to digital registration of licenses.

Keywords: license, responsibility, business, crime, economics.

Согласно ст. 49 Гражданского кодекса Российской Федерации отдельными видами деятельности, перечень которых определяется законом, юридическое лицо может заниматься только на основании специального разрешения (лицензии).

Базовым законодательным актом в рассматриваемой сфере в настоящее время является Федеральный закон от 04.05.2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности». Он регулирует отношения, возникающие между федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями в связи с осуществлением лицензирования отдельных видов деятельности.

Лицензии помогают государству снизить риски и предотвратить нарушения, так как бизнесу для их получения нужно соответствовать дополнительными требованиями и пройти проверку. Зачастую требования касаются организационно-правовой формы: некоторыми видами деятельности могут заниматься только организации, но не ИП. А еще требования могут предъявить к местоположению торговой точки, помещению, оборудованию, квалификации сотрудников и так далее.

Получать лицензию нужно для каждого вида деятельности, который требует дополнительного разрешения. Даже если эти виды деятельности относятся к одному бизнесу. Основными органами, осуществляющими лицензирование отдельных видов деятельности, являются федеральные органы исполнительной власти, которым в соответствии с Постановлением Правительства РФ № 957 предоставлены полномочия по лицензированию. Но настолько ли обосновано получение лицензий? Какой опыт в данной сфере используют другие государства и можно ли получить лицензию без оплаты государству? Данные и другие вопросы будут рассмотрены в данной статье.

В Российской Федерации лицензирование, с одной стороны, регулируется единым законом о лицензировании, а с другой, особенности лицензирования в отдельных отраслях учтены при разработке положений. Данный подход следует признать правильным.

Федеральным законом №99-ФЗ не только установлен перечень видов деятельности, лицензирование которых осуществляется в соответствии с данным нормативным правовым актом, но и исчерпывающий перечень видов (сфер) деятельности, лицензирование которых осуществляется на основе особых актов. Таким образом, устранена возможность применения лицензионного механизма в рамках подзаконного регулирования и решен вопрос об объектах лицензирования в России.

Касательно требований и условий, которые необходимо соблюдать для получения лицензии, то они должны быть обоснованными и действительно необходимыми для осуществления того или иного вида деятельности.

Прежде чем говорить о лицензирование в целом, сперва необходимо обратиться к истокам его возникновения.

Российское дореволюционное право не знало термина «лицензия». Вместе с тем традиция активного вмешательства государства в предпринимательские отношения бесспорно существовала.

Известна, например, статья Русской Правды [1] о езде на чужом коне без разрешения собственника, которая, по мнению представителей немецкой школы в русской историографии (сложившейся еще в XVIII в.), являлась дословным переводом соответствующей статьи ютландских законов [2] В гл. 25 Соборного уложения 1649 г. [3] имелся указ о корчемстве или о неразрешенной торговле вином и табаком, предусматривалась уголовная ответственность за незаконное производство спиртных напитков и незаконную торговлю ими.

Первая половина XIX в., отмеченная переходом экономики от преобладания феодально-крепостнических принципов хозяйствования к капиталистическим, сопровождалась активным правотворчеством в сфере предпринимательства. В этот период был использован метод, наиболее сходный с лицензированием, - выдача Россией в период так называемой континентальной блокады 1811-1812 гг., связанной с ограничением внешнеторговой деятельности Англии на время ее конфликта с Францией, «льготных писем» (Freibriefe).

Достаточное внимание в этот период уделялось государственной регламентации винокуренного производства (винокуренная промышленность в 80-е гг. XIX в. являлась крупнейшей отраслью по объему производства в ценовом выражении) [4].

Необходимо заметить, что российское законодательство XIX - начала XX в. (прежде всего Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1854г.) [5] предусматривало ответственность за различные виды экономических правонарушений, включая и незаконное предпринимательство.

С первых дней существования советского государства применение разрешительного метода регулирования имело широкое распространение. Разрешительным был порядок создания и реорганизации предприятий вообще.

Разрешительный характер имело регулирование недропользования: утвержденное Постановлением ЦИК и СНК СССР от 09.11.1927 г. Горное положение СССР [6] предусматривало проведение поисковых и разведочных работ на основе «разрешительных на поиски и разведку свидетельств», выдаваемых соответствующими органами.

Именно с этого времени закрепление в правовом регулировании получил собственно метод лицензирования.

Лицензированию подлежала экспортно-импортная деятельность. Специальное регулирование имел порядок лицензирования ввоза и вывоза отдельных видов товаров (например, кинопродукции) [7], автомобилей и мотоциклов [8].

Сегодня лицензирование - это сложная система, охватывающая различные отрасли, от строительства и транспорта до здравоохранения и финансов. Лицензии предоставляются в зависимости от конкретных требований, включая образовательную квалификацию, опыт, проверки данных и оплату сборов.

Как пишут в своих работах Кнутов А. В. и Чаплинский А. В.: «традиционно лицензирование считается наиболее жестким методом государственного регулирования» [9, с. 73]. Именно поэтому данной процедуре уделено большее внимание, и оно получает наибольшее развитие по отношению к другим методам государственного регулирования, иногда в ущерб им.

Болотин В. С. и Савилов М. Г. придерживаются такого мнения, что институт лицензирования необходимо рассматривать как составную часть лицензионно разрешительной системы [10]. Авторы, разделяя мнение авторитетного ученого – Агапова А. Б. [11], объясняют это тем, что в институте выдачи лицензий присутствует весомый элемент публичности. Такого же мнения придерживается и Калинина А. С. [12], выделяя проблему значительного ограничения предпринимательства в случае широкого применения данной процедуры.

Лицензионные органы могут быть местными, штатными или федеральными. Они различаются в своих объемах, обязанностях и процедурах, причем правила различаются в зависимости от промышленности и местоположения.

Рост интернета и электронной коммерции привел к цифровым моделям лицензирования, что облегчает получение и управление лицензиями в интернете. Этот сдвиг упростил процесс лицензирования и сделал его более доступным. Организация строгих требований к лицензированию с продвижением инноваций и предпринимательства является постоянной проблемой. Чрезмерно ограничительное лицензирование может подавить конкуренцию и препятствовать экономическому росту.

Обеспечение справедливой и доступной процедуры лицензирования имеет решающее значение. Дискриминационная практика или чрезмерно сложные правила могут непропорционально повлиять на маргинализованные сообщества или малый бизнес.

Переход к цифровому лицензированию вызывает обеспокоенность по поводу безопасности данных и потенциала для мошенничества. Правительствам и предприятиям необходимо внедрить надежные меры кибербезопасности для защиты конфиденциальной информации.

В целом, история лицензирования бизнеса отражает эволюцию социальных ценностей, экономических потребностей и технологических достижений. Хотя лицензирование было мощным инструментом для регулирования и общественной защиты, оно остается темой постоянных дебатов, поскольку общества стремятся сбалансировать необходимость в порядке с желанием к инновациям и экономическому росту.

Некоторые страны, в частности Северная Америка, не имеют традиции выдачи детализированных лицензий, подробно расписывающих режим регулирования. В США и Канаде детальные правила регулирования содержатся в нормативных актах, решениях, распоряжениях, принятых регулирующим органом. Соответственно, когда в 1998 г. Канада впервые ввела лицензирование некоторых операторов электросвязи, регулирующий орган выдал очень короткие (объемом в две страницы) лицензии операторам международной связи.

Странам, не имеющим четкой нормативной базы и намеревающимся лицензировать новых операторов, необходимо разработать достаточно детальные лицензии. Страны, начав приватизацию и либерализацию без ясных и подробных лицензий и других документов, относящихся к регулированию, столкнулись с серьезными проблемами в связи с неопределенностью порядка регулирования. После распада СССР большинство стран (Узбекистан, Таджикистан, Кыргызстан, Казахстан и др.) столкнулось с правовым вакуумом в сфере лицензирования. Существовавшие ранее советские системы регулирования оказались непригодными для новых рыночных условий. Законодательство было несовершенным, отсутствовали четкие процедуры лицензирования, контроль был слабым. Многие виды деятельности осуществлялись без каких-либо разрешений. Процветали коррупция и произ-

вол. Вначале 90-х многие предприниматели в этих странах начинали бизнес практически без каких-либо официальных разрешений, особенно в сфере торговли и мелких услуг. Уже позже постепенно стали появляться первые законы о лицензировании отдельных видов деятельности (например, алкогольная продукция, огнестрельное оружие, деятельность в сфере финансовых услуг). Однако эти законы часто были недостаточно проработаны и содержали пробелы.

В других странах, в частности, в Венгрии, Уганде, Марокко и Иордании, в отсутствии четкой нормативной базы определенность была достигнута на начальном этапе благодаря использованию детализированных лицензий.

В рамках Всемирной торговой организации действует ряд нормативных актов: Генеральное соглашение по торговле услугами (далее — ГАТС), Соглашение о базовой электросвязи от 1997 г., содержащие правила торговли, применимые к лицензированию услуг связи. Стороны, подписавшие Соглашение о базовой электросвязи, так же, как и страны, стремящиеся вступить в ВТО, должны привести свою практику лицензирования в соответствие с правилами торговли ВТО.

Лейтмотивом всех этих правил торговли является эволюция в сторону открытых конкурентных рынков и прозрачности процедуры лицензирования. Таким образом, деятельность в области связи подлежит лицензированию не только в Российской Федерации, а также в ряде других стран. При этом система лицензирования в данной области, которая действует, например, в Грузии, имеет общие черты с существующей в Российской Федерации. В странах Европейского Союза, в США, напротив, институт лицензирования в данной области имеет существенные особенности.

Система лицензирования в РФ, несмотря на свою необходимость для регулирования опасных и специфических видов деятельности, сталкивается с рядом проблем. Эти проблемы снижают эффективность системы и создают дополнительные трудности, как для бизнеса, так и для контролирующих органов. Рассмотрим некоторые ключевые проблемы и возможные пути их решения.

В некоторых сферах наблюдается избыточное количество лицензий и разрешений, что создает бюрократические барьеры и увеличивает затраты на ведение бизнеса. Многие лицензии дублируют друг друга или регулируют несущественные аспекты деятельности. Например, лицензии на отдельные этапы одного процесса: предприниматель вынужден получать несколько лицензий для разных этапов одного и того же производственного или технологического процесса - отдельная лицензия на производство, отдельная на хранение и отдельная на реализацию продукции. Это создает избыточную бюрократию и увеличивает временные и финансовые затраты.

В качестве примера лицензии на несущественные аспекты деятельности можно привести пример лицензии на хранение/перевозку незначительного количества опасных материалов. Предположим, малое предприятие хранит или осуществляет коммерческую перевозку небольшого количества нетоксичных химических реактивов, не представляющих опасности для окружающей среды или людей. Однако законодательство требует для этого специальную лицензию, учитывая, что хранение или перевозка малого количества таких материалов не представляет никакой угрозы.

Процесс получения лицензии часто является сложным, длительным и непредсказуемым. Требования к документации могут быть избыточными и непонятными, а сроки рассмотрения заявок – затянутыми. Это особенно актуально для малого и среднего бизнеса.

С 2021 года в рамках Национального проекта «Малое и среднее предпринимательство» реализуется пилотный проект по упрощению процедуры лицензирования.

Ключевыми моментами проекта являются перенос лицензирования на портал Госуслуг, что призвано обеспечить более удобный и прозрачный процесс получения лицензий для предпринимателей, а также внедрение сервиса досудебного обжалования отказов: предприниматели, получившие отказ в лицензировании, получили возможность обжаловать его до обращения в суд, что ускоряет и упрощает процесс разрешения споров. Претензия рассматривается руководителем органа, принимающего решение о выдаче лицензии, или его заместителем. Нормативный срок рассмотрения жалобы составляет от 5 до 15 рабочих дней в зависимости от причины обращения с жалобой. В 2023 году через сервис досудебного обжалования направили более 300 обращений, а с начала 2024 года — уже свыше 2300.

В результате реализации Национального проекта в электронный вид было переведено более 340 видов разрешительной деятельности, в том числе 49 видов лицензирования. За счёт этого сократились сроки рассмотрения заявлений и количество требуемых у заявителя документов. Всего в проект вошли свыше 400 разрешений и лицензий, подлежащих оптимизации.

На мой взгляд, пилотный проект по упрощению процедуры лицензирования в рамках Национального проекта «Малое и среднее предпринимательство» однозначно реализован с большим успехом и значительно упростил процедуру получения лицензий.

Тем не менее, есть небольшие недостатки, которые требуют или возможно будут требовать определенного решения в будущем. Одним из недостатков является недостаточная оцифровка процессов. Полная цифровизация процесса лицензирования безумно сложный процесс. Некоторые этапы могут по-прежнему требовать бумажного документооборота, что замедляет процесс и создаёт неудобства для предпринимателей.

Важно отметить, что успех проекта может зависеть и от региональных особенностей. В некоторых регионах внедрение может быть более успешным, чем в других.

Далеко не все предприниматели одинаково хорошо владеют цифровыми технологиями. Отсутствие адекватной технической поддержки при работе с порталом Госуслуг может стать серьёзным препятствием для предпринимателей, которые плохо ориентируются в цифровых услугах.

Для кого-то сложностью может стать необходимость оформления ЭЦП (электронно-цифровая подпись) для подачи соответствующего заявления на получение лицензии. В 2025 году большинство предпринимателей уже имеет ЭЦП и активно её использует, однако для кого-то до сих пор кажется проще и надёжнее поставить «живую» подпись в соответствующем государственном органе.

Возможность злоупотреблений со стороны должностных лиц, выдающих лицензии, также является серьезной проблемой. Взяточничество и другие формы коррупции могут затруднить получение лицензии для добросовестных предпринимателей и создать нечестную конкуренцию.

Отсутствие четких и доступных критериев оценки заявок на получение лицензии создает неопределенность и увеличивает риски для бизнеса. Непрозрачность процесса может привести к субъективному принятию решений.

Система лицензирования часто не адаптируется к изменениям в экономике и технологиях. Это может привести к тому, что устаревшие требования к лицензированию препятствуют развитию инноваций и новых видов деятельности.

Разночтения и противоречия в законодательных актах, регулирующих лицензирование, усложняют процедуру и создают правовую неопределенность.

В некоторых контролирующих органах не хватает квалифицированных специалистов, способных эффективно оценивать заявки на получение лицензий и осуществлять надзор за лицензиатами.

Оптимизация системы лицензирования путём сокращения числа лицензий и разрешений путем отмены дублирующих или неэффективных требований. Переход к уведомительному порядку для некоторых видов деятельности, где это возможно.

Правительство Российской Федерации продлило на 2025 год эксперимент по упрощенной выдаче лицензий и разрешений, который проводится в рамках реформы лицензионно-разрешительной деятельности. Соответствующие изменения внесены в ряд ранее принятых постановлений Правительства РФ.

В текущем 2025 году ведомства отберут не менее 50 видов разрешений бизнесу для их перевода в проактивный режим продления и выдачи. Также предстоит определить, какие разрешения можно безопасно перевести на уведомительный порядок получения.

Выдача разрешений в проактивном формате - часть эксперимента по упрощению лицензионно-разрешительной деятельности, стартовавшего в 2021 году. Он был продлен на 2025 год из-за того, что зафиксировать итоги до 1 сентября 2024 года власти не успели.

Ведомствам также поручено проработать возможность перевода части видов разрешительной деятельности (там, где это безопасно) на уведомительный порядок - соответствующей требованиям организации не нужно будет предоставлять документы для получения разрешения, достаточно будет уведомить власти о намерении заняться бизнесом.

На мой взгляд, необходимо упрощение процедуры получения лицензий путём создания единого портала для подачи заявок на получение лицензий, упрощение требований к документации, установление четких и прозрачных сроков рассмотрения заявок, а также применение цифровых технологий для автоматизации процессов.

Крайне важна публикация четких критериев оценки заявок на получение лицензий, обеспечение доступа к информации о принятых решениях и обоснованиях отказов.

Большое внимание стоит уделить усилению мер по предотвращению и пресечению коррупционных правонарушений в сфере лицензирования, повышению ответственности должностных лиц и внедрению полного электронного документооборота для прозрачности процедуры принятия решений.

Как и в любой отрасли, регулярный пересмотр требований к лицензированию с учетом изменений в экономике и технологиях будет способствовать внедрению наиболее адаптивных механизмов регулирования.

Важно следовать по пути гармонизации законодательства, путём устранения противоречий и разночтений в законодательных актах, регулирующих лицензирование, созданием единой системы правового регулирования.

Проведение обучения и повышения квалификации сотрудников, контролирующих органов, внедрение системы аттестации однозначно благоприятно скажется на качестве оказываемых услуг. Реализация этих мер потребует значительных усилий со стороны государства, бизнеса и гражданского общества. Однако только комплексный подход позволит создать эффективную и прозрачную систему лицензирования, способствующую развитию российской экономики.

Ответственность за ведение бизнеса без лицензии в РФ зависит от нескольких факторов: вида деятельности, наличия или отсутствия других разрешительных документов, масштабов незаконной деятельности, причиненного вреда и наличия смягчающих или отягчающих обстоятельств.

В соответствии с текущим законодательством РФ за незначительное правонарушение может наступить административная ответственность, в соответствии с Кодексом об административных правонарушениях РФ (КоАП РФ). Наказание может включать штрафы, размер которых варьируется в зависимости от вида деятельности и, может быть, как фиксированным, так и зависеть от размера дохода, полученного от незаконной деятельности. Для юридических лиц штрафы обычно значительно выше, чем для индивидуальных предпринимателей. Статья 14.1 КоАП РФ устанавливает общие положения о незаконном предпринимательстве. Однако для конкретных видов деятельности могут быть предусмотрены специальные статьи с более высокими штрафами.

Помимо штрафов, КоАП РФ предусматривает конфискация предметов, используемых для незаконной деятельности: это может относиться к оборудованию, сырью, готовой продукции и т.д., а также приостановление предпринимательской деятельности на определённый срок.

Для более серьёзных правонарушений применяется уголовная ответственность. Например, когда причинён значительный ущерб (материальный или моральный) или преступление сопровождалась другими преступлениями (например, изготовлением и сбытом контрафактной продукции) и имеет особо крупный масштаб. В таких случаях, согласно Уголовному кодексу РФ (УК РФ), может быть применено наказание в виде штрафа, но уже в значительно больших размерах, чем при административной ответственности, ограничение свободы, принудительные работы или даже лишение свободы в особо тяжких случаях.

Что касается гражданско-правовой ответственности, то потерпевшие от незаконной предпринимательской деятельности могут требовать возмещения убытков как за прямой материальный ущерб (например, утрата прибыли), так и компенсацию за причинение морального вреда.

Существует специфика ответственности в зависимости от вида деятельности: для некоторых видов деятельности (например, медицинская деятельность, образование, оказание финансовых услуг) отсутствие лицензии может быть связано с серьезными рисками для здоровья и безопасности граждан. В таких случаях уголовная ответственность более вероятна и наказания могут быть строже.

На практике квалификация правонарушения и назначение наказания зависят от множества факторов, которые оцениваются правоохранительными органами и судом. Поэтому самостоятельное определение ответственности невозможно. В случае возникновения вопросов необходимо проконсультироваться с юристом.

Как совершенно верно отметила О. С. Соболь в своих работах – лицензирование представляет собой средство государственного регулирования экономических отношений. По

сути - данная процедура в итоге является элементом легитимации предпринимательской деятельности [13].

В России лицензированию подлежит широкий спектр видов деятельности, и список постоянно уточняется. Определить, нужна ли лицензия для конкретного вида деятельности, можно только путем тщательного изучения действующего законодательства.

На мой взгляд, одной из самых важных является деятельность, связанная с рисками для жизни, здоровья и безопасности граждан. В первую очередь – это медицинская деятельность. Любая медицинская практика, включая оказание медицинских услуг, производство лекарственных средств, фармацевтическая деятельность, может осуществляться только при условии получения специальной лицензии.

Не менее важной является деятельность по производству и реализации пищевых продуктов. Производство, хранение, транспортировка и реализация пищевых продуктов также требует получения лицензии.

На данный момент в РФ достаточно обширным является перечень деятельности компаний, требующих получения специальной лицензии.

По состоянию на 2025 год лицензии необходимы для образовательной деятельности, оказания транспортных услуг, например, такси, грузоперевозки опасных грузов, авиационные перевозки, для деятельности в сфере безопасности, например, охрана, частная детективная деятельность, деятельности, связанной с оборотом оружия и боеприпасов, деятельности в сфере связи, деятельности по сбору, хранению, обезвреживанию и утилизации отходов I-IV классов опасности, деятельности по добыче полезных ископаемых и т.д.

Наиболее надежный источник информации – официальный сайт Министерства экономического развития РФ, а также сайты региональных органов власти, ответственных за выдачу лицензий.

Резюмируя и отвечая на вопрос «зачем бизнесу лицензия?» можно заявить, что лицензирование гарантирует, что бизнес соответствует определенным стандартам качества, безопасности и профессионализма. Это защищает потребителей от некачественных товаров или услуг, а также от мошенничества. Лицензирование позволяет государству контролировать деятельность бизнеса и следить за соблюдением установленных правил и норм. Регулярные проверки и мониторинг помогают обеспечить безопасность и качество предоставляемых услуг. Лицензирование также обеспечивает общественный порядок и безопасность, так как контролирует деятельность, связанную с оборотом оружия, охранной деятельностью, производством и реализацией алкоголя и табака.

Трофимова Е. В. в своих работах, верно, отмечает, что лицензирование можно рассматривать как механизм легитимации предпринимательской деятельности при соблюдении условия, что в результате субъект приобретает специальный статус [14].

Без лицензии предпринимательская деятельность в РФ считается незаконной, что влечет за собой административную, а в некоторых случаях и уголовную ответственность. Перед началом любой предпринимательской деятельности необходимо тщательно изучить законодательство и получить все необходимые разрешительные документы.

Применение лицензирования в целях регулирования предотвращения ограничения конкуренции является, несомненно, необходимым, однако также следует отметить, что данная мера не должна создавать необоснованные ограничения, что недопустимо.

Пристатейный библиографический список

1. Российское законодательство X-XX веков. В 9 т. / Под общ. ред. О. И. Чистякова. М., 1984. - Т. 2.
2. Тарановский Ф. В. История русского права / Под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. - М., 2004. - С. 49-50.
3. Российское законодательство X-XX веков. В 9 т. / Под общ. ред. О. И. Чистякова. - М., 1984. - Т. 1.
4. Рындзюнский П.Г. Утверждение капитализма в России 1850-1880 гг. О развитии винокуренного производства и его государственном регулировании в период реформ. - М., 1978. - С. 186-190.
5. Свод законов Российской империи. Кн. 5. Т. 15 / Под ред. И. Д. Мордухай-Болтовского. - СПб., 1885. - С. 86-125.
6. Горное положение Союза ССР, утв. Постановлением ЦИК и СНК СССР от 09.11.1927 г. // Собрание Законов СССР. - 1927. - № 68. - Ст. 688. (утратил силу).
7. Инструкция о порядке ввоза кинокартин из-за границы и вывоза их за пределы РСФСР, утв. Постановлением Народного комиссариата просвещения РСФСР, Народного комиссариата внешней торговли РСФСР, Народного комиссариата внутренних дел РСФСР от 05.05.1923 г. // Собрание узаконений РСФСР. - 1923. - № 40. - Ст. 434.
8. Постановление СНК СССР от 12.10.1923 г. «О порядке приобретения за границей легковых автомобилей и мотоциклов» // Систематическое собрание действующих законов СССР. Книга вторая. - М., 1926 (утратил силу).
9. Кнутов А. В., Чаплинский А. В. Лицензирование отдельных видов экономической деятельности: история развития и современное состояние // Вопросы государственного и муниципального управления. - 2014. - №1. - С. 73.
10. Болотин В. С., Савилов М. Г. Институт лицензирования как объект правового регулирования нормами гражданского и административного законодательства // Среднерусский вестник общественных наук. - 2017. - №4. - С. 131.
11. Агапов А. Б. Административное право: учебник для бакалавров. – 9-е изд. перераб. и доп. - М.: Изд-во Юрайт, 2014. - 475 с.
12. Калинина А. С. Объекты лицензирования // Актуальные проблемы российского права. - 2008. - №3. - С. 83.
13. Соболь О. С. Лицензирование предпринимательской деятельности: правовой аспект: автореф. дис. … канд. юрид. наук. - М., 2004.
14. Трофимова Е. В. Легитимация субъектов предпринимательства: понятие и правовые механизмы // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. - 2015. - № 1. - С. 54.

ФАРИКОВА Екатерина Александровна
кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права, Северо-Кавказский филиал, Российский государственный университет правосудия, г. Краснодар

ОПРЫШКО Родион Андреевич
студент, Северо-Кавказский филиал, Российский государственный университет правосудия, г. Краснодар

СУДЕБНАЯ ПОШЛИНА: ПОНЯТИЕ И МЕСТО В СИСТЕМЕ НАЛОГОВ И СБОРОВ

В статье рассмотрена судебная пошлина, ее понятие и место в системе налогов и сборов. Проанализированы научные подходы к понятию судебной пошлины и ее месте в системе налогов и сборов. В статье рассмотрена история развития и становления судебной пошлины, как одного из древнейших правовых институтов, который сопровождал все этапы эволюции финансового и процессуального законодательства. Рассмотрены судебные пошлины в качестве объекта правового регулирования, определены понятие и виды судебных пошлин в современном законодательстве о налогах и сборах. Проведенный анализ от истоков до настоящего времени позволил определить, что судебные пошлины соединяют в себе признаки предмета финансового-правового и процессуального правового регулирования, которые существуют одновременно и должны рассматриваться только в неразрывном единстве.

Ключевые слова: современные тенденции, судебных пошлин, гражданское судопроизводство, арбитражное судопроизводство, реформа законодательства о налогах и сборах.

FARIKOVA Ekaterina Alexandrovna
Ph.D. in Law, associate professor of Administrative and financial law sub-faculty, North Caucasus branch, Russian State University of Justice, Krasnodar

OPRYSHKO Rodion Andreevich
student, North Caucasus branch, Russian State University of Justice, Krasnodar

JUDICIAL FEE: THE CONCEPT AND PLACE IN THE SYSTEM OF TAXES AND FEES

The article examines the judicial duty, its concept and place in the system of taxes and fees. The scientific approaches to the concept of judicial duty and its place in the system of taxes and fees are analyzed. The article examines the history of the development and formation of judicial fees, as one of the oldest legal institutions that accompanied all stages of the evolution of financial and procedural legislation. Judicial fees are considered as an object of legal regulation, the concept and types of judicial fees in modern legislation on taxes and fees are defined. The analysis carried out from the origins to the present has allowed us to determine that court fees combine the features of the subject of financial, legal and procedural legal regulation, which exist simultaneously and should be considered only in an inseparable unity.

Keywords: current trends, court fees, civil proceedings, arbitration proceedings, reform of legislation on taxes and fees.

Судебные пошлины являются одним из древнейших правовых институтов, который сопровождал все этапы эволюции финансового и процессуального законодательства.

Так, первые упоминания о судебных пошлинах в цивилистическом процессе отражаются в Русской Правде. Пространная редакция Русской Правды[1] содержала нормы о следующих видах судебных издержек: помочное (судебная пошлина, платимая выигравшим иск за помощь суду), сметная гривна (пошлина отроку на суде от оправданного), урок железный, уплачиваемый в казну или мечнику – младшему дружиннику, вооруженному мечом, присутствовавшему при проведении следствия и в суде.

Несмотря на упоминание судебных пошлин в памятниках древнерусского права, можно констатировать, что в период с X по XVI вв. нормы законодательства о судебных пошлинах не были систематизированы и дифференцированы по критерию вида судопроизводства, отсутствовала единая концепция определения размера судебных пошлин.

В XVII в. подход законодателя к установлению судебных пошлин изменился. В Соборном Уложении 1649 г. [2] были четко определены размеры судебных пошлин, которые дифференцировались в зависимости от положения участников процесса, а взыскание пошлины становилось обязанностью судьи, поскольку уже в то время пошлины составляли значительную долю государственной казны.

В ходе судебной реформы 1864 г. институт судебных пошлин обрел еще более четкие очертания, в первую очередь, ввиду общих изменений судопроизводства и судоустройства. Во-первых, в результате реформы Александра II гражданский процесс был окончательно отделен от уголовного и урегулирован Уставом гражданского судопроизводства[2] (далее также – УГС). Судебным издержкам был посвящен целый раздел (разд. IV УГС), который предусматривал следующие виды судебных пошлин: гербовые, судебные, канцелярские, а также сборы по производству дела. Гербовые пошлины состояли из платы за гербовую бумагу. Судебные пошлины взимались с исковых требований, отзывов о заочных решениях и за подачу апелляционных жалоб. Канцелярские пошлины состояли из платы за выдачу исполнительных листов, копий документов, справок и других аналогичных бумаг, а также за приложение печати. Сборы по производству дела взымались в пользу сведущих лиц (экспертов), свидетелей, судебных приставов и тяжущихся лиц, а также за другие действия (например, за командировку членов судебных мест и др.).

В целом аналогичная система судебных пошлин была представлена в первых источниках советского гражданско-процессуального права. Однако уже спустя несколько лет, Постановлением ЦИК и СНК РСФСР от 20 марта 1931 г.[3] были упразднены различные виды сборов и введена «единая государственная пошлина», взимаемая при предъявлении иска. Важно отметить, что основной функцией государственных пошлин в СССР, в том числе судебных, считалась фискальная.

После распада СССР установления новых экономических и правовых основ государственности и общественной жизни нормы о судебных пошлинах также претерпели изменения. Конституция РФ определила новые принципы финансово-правового и процессуального регулирования, которые восходят к общим принципам правового государства.

1 Пространная Русская Правда (по Троицкому списку второй половины XIV в.) // Сайт исторического факультета МГУ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/RP/prp.htm (дата обращения: 01.12.2024).

2 Устав гражданского судопроизводства 1864 года // Электронно-библиотечная система «Знаниум». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://znanium.com/catalog/product/354467 (дата обращения: 01.12.2024).

3 Об изменении Гражданского процессуального кодекса РСФСР в связи с налоговой реформой: Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 20 марта 1931 г. // Собрание узаконений РСФСР. – 1931. – № 15. – Ст. 164.

В настоящее время судебные пошлины предстают развитым специфическим правовым институтом, который имеет межотраслевую природу.

Во-первых, судебные пошлины являются особой разновидностью сбора (государственной пошлины), а потому соответствующие общественные отношения входят в предмет регулирования финансового права, а более конкретно – налогового права.

В связи с финансово-правовой природой судебной пошлины, ее законодательной основой выступают нормы НК РФ, который устанавливает перечень судебных пошлин, их размер, порядок уплаты и другие ключевые вопросы, связанные с судебными пошлинами.

Во-вторых, судебные пошлины являются необходимым условием обращения в суд, поэтому входят в предмет регулирования соответствующей отрасли процессуального права.

В современном цивилистическом процессе судебные пошлины рассматриваются двояко: как разновидность судебных расходов (ст. 88 ГПК РФ[4], ст. 101 АПК РФ[5]) и как условие реализации права на обращение в суд (ст. 132 ГПК РФ, ст. 126 АПК РФ).

Таким образом, сложный межотраслевой характер судебных пошлин является результатом эволюции финансового и процессуального законодательства, которое прошло долгий путь становления и развития в нашей стране. Будучи специфическим объектом правового регулирования, судебные пошлины соединяют в себе признаки предмета финансового-правового и процессуального правового регулирования, которые существуют одновременно и должны рассматриваться только в неразрывном единстве.

Судебные пошлины выступают особой разновидностью государственных пошлин, установленных НК РФ. В свою очередь, в системе обязательных платежей, взимаемых государством, государственная пошлина занимает особое место, которое обусловлено ее специфическими признаками.

Во-первых, государственная пошлина, в том числе судебная, является разновидностью сбора, а потому ей присущи все признаки последнего. В частности, обязанность уплаты сбора не носит всеобщего характера, как это свойственно налоговой обязанности, а неуплата сбора не влечет для плательщика негативной юридической ответственности. Последствия неуплаты сбора сводятся к неполучению плательщиком требуемой государственной или муниципальной услуги. Например, неуплата государственной пошлины за рассмотрение заявления судом является основанием оставления заявления без движения, а затем – оставления заявления без рассмотрения по существу. Кроме того, сбор характеризуется возмездностью, т.е. его уплата влечет за собой встречное представление для плательщика, он не имеет систематического характера, а обладает признаком предварительной и разовой уплаты.

Во-вторых, государственная пошлина характеризуется свойственными только ей специальными признаками. Так, государственная пошлина взимается за совершение органами публичной власти или их должностными лицами определенных юридически значимых действий. В случае с судебной пошлиной сбор уплачивается за рассмотрение судом какого-либо обращения.

Отметим, что степень выражения функций государственной пошлины также отражает ее особенность в системе обязательных платежей.

Как известно, налоги и сборы выполняют единую функцию – фискальную, которая означает, что за счет обязательных платежей формируется государственная казна, а налоги и сборы являются основной составляющей доходов бюджета, средства которого в дальнейшем распределяются на решение разных задач. Второй основной функцией всех обязательных платежей выступает регулирующая, которая предполагает рассмотрение налогов и соборов в качестве эффективного регулятора экономических и правовых отношений.

В современной правовой и экономической системе судебные пошлины имеют не столько фискальное, сколько регулирующее значение. Согласимся с мнением Д. А. Королева о том, что на размер сбора могут влиять не только затраты государства на осуществление публичной функции, но и иные причины, в частности, связанные с выполнением регулирующей функции [1, с. 15].

Помимо регулирующей и фискальной функций, судебная пошлина также выполняет дисциплинирующую (воспитательную) функцию, которая стимулирует граждан при обращении в суд разумно и добросовестно использовать свои права и выполнять возложенные на них обязанности.

Таким образом, функциональное назначение судебной пошлины как особой разновидности сбора состоит, в основном, в ее регулирующей и дисциплинирующей (воспитательной) функциях.

Судебные пошлины имеют внутреннюю дифференциацию. Применительно к предмету настоящего исследования, можно выделить следующие критерии классификации судебных пошлин.

Так, следуя логике построения норм законодательства о налогах и сборах, необходимо дифференцировать судебные пошлины в зависимости от суда, компетентного на рассмотрение соответствующего дела (обращения). Так, в ст. 333.19 НК РФ определяются размеры государственной пошлины по делам, рассматриваемым Верховным Судом РФ, судами общей юрисдикции и мировыми судьями. Указанные требования распространяются в том числе на гражданское судопроизводство. Статья 333.21 НК РФ устанавливает размеры государственной пошлины по делам, рассматриваемым Верховным Судом РФ и арбитражными судами. В данном случае речь идет только об арбитражном судопроизводстве.

Судебные пошлины в цивилистическом процессе также могут быть классифицированы в зависимости от вида обращения в суд (государственная пошлина, уплачиваемая при подаче заявления, искового заявления, апелляционной, кассационной, надзорной жалоб и др.). При этом дифференциация размеров государственной пошлины в зависимости от вида обращения отражает тесную взаимосвязь норм налогового и процессуального законодательства, поскольку в ст. 333.19 и ст. 333.21 НК РФ перечислены чисто процессуальные категории (исковое заявление, апелляционная жалоба и т.д.).

В итоге отметим, что сложный межотраслевой характер института судебных пошлин является результатом эволюции финансового и процессуального законодательства, которое прошло долгий путь становления и развития в нашей стране. Будучи специфическим объектом правового регулирования, судебные пошлины соединяют в себе признаки предмета финансового-правового и процессуального правового регулирования, которые существуют одновременно и должны рассматриваться только в неразрывном единстве.

В современной финансовой системе судебные пошлины выступают особой разновидностью государственных пошлин, установленных НК РФ. Поэтому судебные пошлины характеризуются несколькими группами признаков разных уровней, присущих: сборам в системе обязательных платежей; государственной пошлине как разновидности сборов; собственно судебным пошлинам в гражданском и арбитражном судопроизводстве. Проведенный анализ показал, что в правовом государстве судебные пошлины выполняют в большей степени регулирующую и дисциплинирующую (воспитательную) функцию, нежели фискальную.

Реформа норм НК РФ о судебных пошлинах была обусловлена двумя основными обстоятельствами. Во-первых, на протяжении полутора десятилетия законодатель не повышал размеры судебных пошлин, отдельные из которых уже казались неактуальными современным экономическим условиям. Поэтому назрела объективная необходимость увеличения размера судебных пошлин в целях приведения их в соответствие актуальным условиям экономической реальности. Во-вторых, реформа законодательства о судебных пошлинах выступила одним из многочисленных экономических инструментов, примененных государством в период экономического кризиса, направленных на увеличение доходной части государственного бюджета за счет ужесточения финансовой политики.

Пристатейный библиографический список

1. Королев Д. А. Правовое регулирование отношений по взиманию государственной пошлины при осуществлении нотариальной деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2011.
2. Тихомиров М. Н., Епифанов П. П. Соборное уложение 1649 года. – М., 1961.

4 Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 26.10.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.

5 Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 30. – Ст. 3012.

DOI 10.46320/2073-4506-2025-4-203-168-169

ЮСИФОВ Умид Мушфигович
аспирант, Самарский государственный экономический университет

ЦЕЛЬНИКЕР Григорий Феликсович
кандидат юридических наук, доцент кафедры теории права и публично-правовых дисциплин, Самарский государственный экономический университет

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ: ОБОСНОВАНИЕ И ПРОБЛЕМАТИКА

В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты административной ответственности юридических лиц в современной правовой системе Российской Федерации. Автор анализирует понятие, принципы и особенности административной ответственности организаций, обосновывает необходимость её существования и выделяет ключевые отличия от ответственности физических лиц. В статье отмечаются сложности при установлении вины юридических лиц, а также нарушение принципа презумпции невиновности. В статье автор приходит к выводу о необходимости соблюдения баланса между частным и публичным интересом при назначении наказания. Делается вывод о необходимости реформирования института административной ответственности юридических лиц.

Ключевые слова: административная ответственность, юридические лица, ответственность организаций, административное правонарушение, законодательство, санкции, правоприменительная практика, Российская Федерация, административное право, проблемы доказывания.

YUSIFOV Umid Mushfigovich
postgraduate student, Samara State University of Economic

TSELNIKER Grigoriy Felixovich
Ph.D. in Law, associate professor of Theory of law and public law disciplines sub-faculty, Samara State University of Economics

FEASIBILITY OF ADMINISTRATIVE LIABILITY OF LEGAL ENTITIES

The article examines the theoretical and practical foundations of administrative liability of legal entities within the current legal framework of the Russian Federation. The author analyzes the concept, principles, and specific features of administrative liability for organizations, substantiates the necessity for its existence, and delineates its essential differences from individual liability. Special attention is devoted to challenges arising in the process of holding legal entities administratively liable, particularly in issues of proving culpability, qualifying administrative offenses, and distinguishing between administrative and criminal liability of organizations. The article highlights the difficulties in establishing the guilt of legal entities, as well as the violation of the principle of presumption of innocence. In the article, the author comes to the conclusion that it is necessary to maintain a balance between private and public interest in sentencing. It is concluded that it is necessary to reform the institution of administrative responsibility of legal entities.

Keywords: administrative liability, legal entities, liability of organizations, administrative offense, legislation, sanctions, law enforcement practice, Russian Federation, administrative law, issues of proof.

Современное правовое регулирование отношений, связанных с административной ответственностью юридических лиц, отражает сложный и многоуровневый процесс трансформации представлений о правосубъектности, целях и функциях публично-правовых санкций, а также о пределах государственного вмешательства в сферу экономической и организационной автономии корпораций и других субъектов, обладающих статусом юридического лица [5].

Обоснование административной ответственности юридических лиц традиционно сопряжено с преодолением классических доктринальных представлений, согласно которым карательные публично-правовые санкции невозможны в отношении субъектов, не обладающих признаком вины в классическом, уголовно-правовом смысле. В то же время, современная правовая теория, отражающая специфику коллективной деятельности и возникающих в её рамках рисков, оперирует принципом функциональной ответственности, позволяющей вменять в обязанность юридическому лицу соблюдение установленных законом требований независимо от индивидуализированной вины (mens rea) конкретных физических лиц, действующих от имени организации.

Не менее значимым аспектом является анализ эффективности административных санкций с позиции экономического подхода – в частности, количественной оценки сдерживающего (deterrence) и превентивного эффекта санкций, а также учёта издержек и выгод (cost-benefit analysis) не только для государства и общества, но и для самого хозяйственного сообщества. С одной стороны, административная ответственность юридических лиц должна оказывать корректирующее воздействие на корпоративное поведение, вынуждая организации инвестировать в системы внутреннего контроля, комплаенс и обучение персонала. С другой стороны, чрезмерное ужесточение санкций либо их неоправданное расширение способно привести к росту административных барьеров, снижению инвестиционной привлекательности юрисдикции и даже формированию теневых схем обхода публичных требований [7].

Ключевым исходным пунктом теоретико-правового анализа выступает выявление самостоятельных социальных и юридических оснований для возложения на организации публично-правовой ответственности, выходящей за рамки возмещения вреда и индивидуальной ответственности физи-

ческих лиц – представителей, сотрудников или учредителей [13].

Далее, основной аргумент в пользу самостоятельного института административной ответственности организаций базируется на превентивном и побудительном эффектах этой ответственности – создании комплексной системы стимулов участникам и контролирующим субъектам внутри юридического лица по обеспечению соблюдения норм, охраняющих публичный порядок или интерес [8].

Особое внимание требует экстраполяция этой аргументации на вопрос о допустимости и границах публично-правовой ответственности юридических лиц наряду и вместо ответственности физических лиц [9]. Эффективность дисциплинарного и уголовного преследования индивидуальных лиц заведомо недостаточна в случае «корпоративного рецидива», распространенной институциональной порочности или возникновения ситуаций, когда нарушающее поведение институционально детерминировано, а отыскание реального виновника невозможно ни доказательно, ни логически (например, анонимность решений в крупных транснациональных корпорациях). Это подтверждается сравнительно-правовым анализом англо-американской доктрины (respondeat superior, identification theory), в которой поиск индивидуального субъекта вины не исключает, но и не отменяет необходимости вменения ответственности организации в целом, что парадоксально делает процедуру закрепления административной субъектности юридических лиц в российском праве даже более последовательной [12].

Основные выводы:

1. Административная ответственность юридических лиц как самостоятельный публично-правовой институт. Введение института административной ответственности организаций отвечает потребностям современной правовой системы России как с точки зрения обеспечения эффективной защиты публичных интересов, так и в контексте развития устойчивых экономических отношений. Проведённый анализ позволяет утверждать, что классические частноправовые (гражданско-правовые и уголовно-правовые) инструменты оказываются недостаточно результативными, когда речь идёт о нарушениях, связанных с рассредоточенным ущербом, а также о случаях корпоративной деликтности без чётко опознаваемого физического виновника.

2. Проблема вины и стандартизация требований к доказыванию вины юридического лица: доктринальные и процедурные аспекты. Ядром дискуссии о легитимности и пределах административной ответственности организаций выступает концепт вины юридического лица. Отличие корпоративной вины от вины физического лица проявляется в институционализированной природе организации: действия её представителей признаются действиями самой организации на основании моделей «корпоративной культуры», «идентификации» либо «respondeat superior». Однако, как практические, так и теоретические аспекты выявляют существенные риски чрезмерного упрощения понятия вины, приводящие к объективному вменению при отсутствии установленных гарантий и критериев оценки добросовестности корпоративных мер предупреждения правонарушений.

3. Экономико-правовой баланс публичного интереса и экономической свободы: пределы государственного вмешательства и оптимизация системы санкций. Развитие и практическая реализация административной ответственности юридических лиц подчинены требованию баланса между обеспечением публичного интереса в правопорядке и поддержанием экономической самостоятельности корпоративных субъектов.

Пристатейный библиографический список

1. Аникеенко А. Б. Административная ответственность юридических лиц (материально-правовое исследование): автореферат диссертации кандидата юридических наук. – Екатеринбург, 2005. – 26 с.
2. Аникеенко Ю. Б. Понятие вины юридических лиц в проектах КоАП РФ и судебной практике // Административное право и процесс. – 2022. – № 8. – С. 54-57.
3. Аштоян А. Р. Административная ответственность юридических лиц: основания и санкции // Право и управление. – XXI век. – 2013. – № 1 (26). – С. 111-116.
4. Головко Л. В. Соотношение уголовных преступлений и административных правонарушений в контексте концепции *criminal matter* (уголовной сферы) // Международное правосудие. – 2013. – № 1. – С. 42-52.
5. Ермолаева Е. В. Презумпция вины юридического лица в совершении административного правонарушения // Административное право и процесс. – 2022. – № 11. – С. 20-23.
6. Карапетов А. Г., Косарев А. С. Стандарты доказывания: аналитическое и эмпирическое исследование // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ (Вестник экономического правосудия Российской Федерации). – 2019. – № 5. – С. 3-96.
7. Кисин В. Р. Особенности административной ответственности юридических лиц: материально-правовой и процессуальный аспекты // Административное право и процесс. – 2023. – № 8. – С. 45-49.
8. Кисин В. Р. Субъект административного правонарушения и субъект административной ответственности: сходство и различия // Административное право и процесс. – 2019. – № 6. – С. 13-18.
9. Конев С. И. Административная ответственность юридических лиц в контексте нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях // Право и государство: теория и практика. – 2020. – № 9 (189). – С. 266-268.
10. Концепция нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 04.04.2019. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://static.government.ru/media/files/KVhRVrFpSydJQShBIwlAY7khO7NAt9EL.pdf (дата обращения: 08.05.2025).
11. Куракин А. В. Вина юридического лица в нарушениях в финансовой сфере: формально-юридический и правоприменительный ракурсы проблемы // Административное и муниципальное право. – 2017. – № 10. – С. 49-65.
12. Лагвилава Т. В. Соотношение понятий «конфискация» и «изъятие» в рамках законодательства российской федерации об административных правонарушениях // Юстиция. – 2019. – № 3. – С. 7-11.
13. Трофимова И. А. Некоторые проблемы административной ответственности юридических лиц // Экономика, социология и право. – 2017. – № 12. – С. 50-54.

АБРАМИТОВ Сергей Анатольевич
кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры теории права, конституционного и административного права, Иркутский национальный исследовательский технический университет

ДНЕПРОВСКАЯ Марина Анатольевна
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры юриспруденции, Иркутский национальный исследовательский технический университет

МАРКОВА Ксения Юрьевна
студент 5-го курса специалитета кафедры теории права, конституционного и административного права, Иркутский национальный исследовательский технический университет

Абрамитов С. А.

МУНИЦИПАЛЬНАЯ УСЛУГА: К ВОПРОСУ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОНЯТИЯ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Статья посвящена анализу использования в законодательных актах категории «муниципальная услуга» на уровне федерального законодательства. Уделено внимание рассмотрению дискуссионного вопроса о понимании понятия «муниципальные услуги».

Анализируются положения действующих законодательных актов, в которых содержатся определения указанного понятия, а именно Федерального закона «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» и Бюджетного кодекса Российской Федерации. Авторами предпринята попытка выявления проблем в употреблении понятия «муниципальная услуга» в законодательных актах. Отмечается наличие несовпадающих законодательных дефиниций понятия «муниципальная услуга», что создает определенную угрозу возникновения правоприменительных ошибок.

Ключевые слова: муниципальные услуги, законодательные акты, муниципальные функции, орган местного самоуправления.

Днепровская М. А.

ABRAMITOV Sergey Anatoljevich
Ph.D. in historical sciences, associate professor of Theory of law, constitutional and administrative law sub-faculty, Irkutsk National Research Technical University

DNEPROVSKAYA Marina Anatoljevna
Ph.D. in Law, associate professor of Jurisprudence sub-faculty, Irkutsk National Research Technical University

MARKOVA Kseniya Yurjevna
student of the 5th course of the specialty of Theory of law, constitutional and administrative law sub-faculty, Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk

MUNICIPAL SERVICE: TO THE QUESTION OF USING THE CONCEPT IN LEGISLATION

The article is devoted to the analysis of the use of the category «municipal service» in legislative acts at the federal legislative level. Attention is paid to the consideration of the controversial issue of understanding the concept of «municipal services». The provisions of current legislative acts that contain definitions of this concept are analyzed, namely the Federal Law «On the Organization of the Provision of State and Municipal Services» and the Budget Code of the Russian Federation. The authors attempted to identify problems in the use of the concept of «municipal service» in legislative acts. The presence of inconsistent legislative definitions of the concept of "municipal service" is noted, which creates a certain threat of the occurrence of law enforcement errors.

Keywords: municipal services, legislative acts, municipal functions, local government.

Маркова К. Ю.

Одним из значимых видов деятельности, направленной на удовлетворение основных жизненных потребностей населения муниципальных образований, в ходе, которой граждане реализуют свои права и законные интересы в социально-экономической сфере, являются муниципальные услуги. В этой связи представляет определенный интерес рассмотрение вопроса об использовании категории «муниципальные услуги» в законодательных актах на уровне федерального законодательства.

Попытки раскрыть содержание понятия муниципальной услуги, черт характеризующих данное правовое явление неоднократно предпринимались исследователями.

Е. А. Филимонова к числу содержательных характеристик муниципальных услуг относит следующие: носят комплексный характер, обусловленный комплексностью муниципального права, поскольку они реализуются в рамках различных по содержанию и характеру общественных отношений, которые объединены тем, что возникают в ходе решения вопросов местного значения, реализации муниципальной власти; оказываются на территориях муниципальных образований; их социально-целевое предназначение заключается в гарантировании прав и законных интересов граждан; они характеризуются заявительным характером, муниципальные услуги предоставляются в связи с обращением заявителей, по запросу, основу которого со-

ставляет интерес, который должен иметь социальную значимость, цели, достижение которых преследует заявитель при обращении за услугой, рассматриваются обществом позитивно, как социальные блага имеющие отношение, например, к образованию, здравоохранению, культуре и пр.; обусловленность муниципальных услуг структурой вопросов местного значения, набор муниципальных услуг, предоставляемых в муниципальном образовании, определяется перечнем вопросов местного значения, законодательно закрепленным за соответствующим видом муниципального образования [4, с. 49].

И. П. Давыдова отмечает, что в получении конечного результата муниципальной услуги заинтересован заявитель (физическое или юридическое лицо), его заинтересованность в получении услуги выражена в виде запроса, который адресуется в орган местного самоуправления и без заявительного порядка муниципальная услуга не может быть оказана [1, с. 26].

М. С. Матейкович и А. М. Вергун обращают внимание, что муниципальная услуга рассматривается как деятельность нематериального характера, направленная на реализацию функций органа местного самоуправления и основанием разграничения муниципальной услуги от деятельности органа публичной власти является заявительный (запросный) характер услуги. Формальным признаком, переводящим муниципальную функцию в муниципальную услугу, является заявительный (запросный) порядок предоставления, а также распространение результата услуги исключительно на заявителя. Благодаря заявлению (запросу) функция из общего правоотношения превращается в конкретное, в котором присутствуют субъекты с определенными субъективными правами и обязанностями. При реализации иных муниципальных функций (не услуг) запрос не требуются и взаимодействие органа публичной власти, его учреждений происходит с неопределенным кругом лиц [2, с. 27]. Итак, муниципальная услуга представляет собой деятельность муниципальных органов и созданных ими учреждений, которая осуществляется по запросам заявителей, физических и юридических лиц, в результате реализации соответствующей муниципальной функции. Предоставление муниципальной услуги представляет собой правоотношение конкретного вида, основанием возникновения которого выступает инициатива заявителя, субъектами являются муниципальные органы, учреждения с одной стороны и заинтересованное в услуге юридическое, физическое лицо с другой стороны; сама муниципальная услуга имеет разовый характер при реализации муниципальной функции, осуществляемой на постоянной основе.

Используется понятие «муниципальная услуга» в актах федерального законодательства. Например, в Федеральном законе «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» содержатся положения, определяющие указанное понятие[1]. Исходя, из положений Закона муниципальная услуга является деятельностью связанной с реализацией функций органа местного самоуправления. Данная деятельность направлена на решение вопросов местного значения и выполняется по запросам заявителей в соответствии с полномочиями органа местного самоуправления.

Отметим, в Бюджетном кодексе Российской Федерации также определяются муниципальные услуги[2]. Согласно ст. 6 названного Кодекса муниципальные услуги являются услугами (работами). Эти услуги (работы) оказываются либо органами местного самоуправления, либо в случаях, установленных действующим законодательством юридическими лицами, в том числе муниципальными учреждениями. Следует отметить, в Кодексе предусмотрено, что применительно к муниципальным услугам под ними понимаются не только услуги сами по себе, но и работы. Кроме того, не совпадают субъекты, на которых возложено выполнение муниципальных услуг. Так, Л. К. Терещенко указывает на несовпадение круга лиц, на которых возлагается оказание муниципальных услуг [3, с. 103].

Если в упомянутом выше Законе закреплено, что к таким субъектам относятся органы местного самоуправления, то в Бюджетном кодексе Российской Федерации предусмотрено, что субъектами, выполняющими муниципальные услуги являются либо органы местного самоуправления, либо в случаях, установленных законодательством юридические лица, в том числе муниципальные учреждения. Таким образом, субъектов выполняющих муниципальные услуги, закрепленных в Кодексе, больше тех, которые предусмотрены в Федеральном законе. В Кодексе указано, что оказание муниципальных услуг осуществляют муниципальные учреждения и иные юридические лица, в случае если это предусмотрено законодательством Российской Федерации. Такое указание отсутствует в упомянутом федеральном законе, что ставит вопрос о том, могут ли юридические лица, в том числе муниципальные учреждения, оказывать муниципальные услуги.

Кроме того, отметим, что использование в названном выше законе термина «функция» при раскрытии значения понятия «муниципальная услуга» указывает на определенную тождественность этих категорий. Представляется, что такое отождествление не является верным. Ведь не все муниципальные функции сводятся к предоставлению муниципальных услуг.

Таким образом, термин «муниципальная услуга» используется в законодательных актах на уровне федерального законодательства. Отметим, что в данных законодательных актах содержатся несовпадающие определения понятия «муниципальная услуга». Представляется, что такое наличие несовпадающих законодательных дефиниций одного и того же понятия с точки зрения соответствия требованиям юридической техники является недостатком, создает соответствующую угрозу возникновения правоприменительных ошибок.

Пристатейный библиографический список

1. Давыдова И. П. Государственные (муниципальные) услуги и функции: сущность правовых категорий // Конституционное и муниципальное право. - 2013. - № 9. - С. 25-27.
2. Матейкович М. С., Вергун А. М. Государственные, муниципальные услуги и функции органов публичной власти: соотношение понятий // Конституционное и муниципальное право. - 2020. - № 5. - С. 25-29.
3. Терещенко Л. К. Государственные и муниципальные услуги: проблемы правоприменения // Журнал российского права. - 2018. - № 10 (262). - С. 101-110.
4. Филимонова Е. А. Муниципальные услуги в системе публичных услуг: сущность, особенности // Государственная власть и местное самоуправление. - 2021. - № 7. - С. 46-51.

1 Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг: Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства РФ. - 2010. - № 31. - Ст. 4179.

2 Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 26.12.2024) // Собрание законодательства РФ. - 1998. - № 31. - Ст. 3823.

АРХИРЕЕВА Анастасия Сергеевна
кандидат юридических наук, Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина, Краснодар

ТОЛСТЫХ Екатерина Александровна
студент 2-го курса, Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина, Краснодар

ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ОРГАНОВ И ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Настоящее исследование раскрывает многогранную природу института юридической ответственности в системе местного самоуправления через призму теоретико-правового анализа и правоприменительной практики. В статье детально освещаются ключевые аспекты различных форм ответственности муниципальных органов власти и их должностных лиц, включая конституционно-правовую, административную, дисциплинарную, материальную и уголовно-правовую составляющие. Проведенный анализ позволяет выявить специфику правового регулирования и механизмов реализации ответственности в муниципальной сфере, при этом существенное внимание уделяется триединой системе подотчетности – перед местным населением, государственными структурами и частноправовыми субъектами. Исследование фундаментальных оснований наступления ответственности и особенностей ее практической реализации позволило сформулировать концептуальные предложения по модернизации действующего законодательства в сфере муниципально-правовой ответственности. Комплексный подход к изучению данного правового института дает возможность выявить существующие проблемы и определить перспективные направления совершенствования механизмов привлечения к ответственности органов и должностных лиц местного самоуправления.

Ключевые слова: местное самоуправление, юридическая ответственность, органы местного самоуправления, должностные лица, муниципальное право, конституционная ответственность, административная ответственность, дисциплинарная ответственность, правонарушение, санкции, правовое регулирование, механизм реализации ответственности, муниципальные образования, законодательство, правоприменительная практика.

ARKHIREEVA Anastasiya Sergeevna
Ph.D. in Law, I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University, Krasnodar

TOLSTYKH Ekaterina Alexandrovna
student of the 2nd course, I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University, Krasnodar

LEGAL LIABILITY OF LOCAL GOVERNMENT BODIES AND OFFICIALS: THEORETICAL AND PRACTICAL ASPECTS

This study reveals the multifaceted nature of the institution of legal liability in the local government system through the prism theoretical and legal analysis and law enforcement practice. The work covers in detail the key aspects of various forms of responsibility of municipal authorities and their officials, including constitutional and legal, administrative, disciplinary, material and criminal law components. The analysis allows us to identify the specifics of legal regulation and mechanisms for implementing responsibility in the municipal sphere, with significant attention paid to the triune system of accountability - to the local population, government agencies and private law entities. The study of the fundamental grounds for the onset of responsibility and the features of its practical implementation made it possible to formulate conceptual proposals for the modernization of the current legislation in the field of municipal and legal responsibility. An integrated approach to the study of this legal institution makes it possible to identify existing problems and determine promising areas for improving the mechanisms for bringing local government bodies and officials to account.

Keywords: Local self-government, legal responsibility, local government bodies, officials, municipal law, constitutional responsibility, administrative responsibility, disciplinary responsibility, offense, sanctions, legal regulation, mechanism for implementing responsibility, municipalities, legislation, law enforcement practice.

В современном муниципальном праве институт юридической ответственности выступает многоаспектным правовым механизмом, интегрирующим комплекс нормативных предписаний, направленных на регламентацию социально-правовых взаимодействий в сфере местного самоуправления [1]. Данный механизм обеспечивает реализацию принципа неотвратимости наступления негативных правовых последствий для муниципальных органов власти и их должностных представителей в случае совершения ими противоправных деяний. Нормативно-правовой фундамент рассматриваемого института формируется посредством многоуровневой системы законодательных актов, где центральное место занимает базовый федеральный закон о принципах организации местного самоуправления, дополняемый широким спектром правовых документов как общегосударственного, так и регионального значения. Подобная архитектура правового регулирования позволяет обеспечить всестороннюю регламентацию вопросов ответственности на различных уровнях территориальной организации публичной власти, учитывая специфику конкретных муниципальных образований и региональные особенности правоприменительной практики [2].

Актуальность темы исследования

Исследование института юридической ответственности в системе муниципального управления приобретает особую значимость в контексте современных трансформаций публично-правовых отношений. Динамичное развитие местного самоуправления порождает необходимость переосмысления существующих механизмов контроля за функ-

ционированием муниципальных органов власти в условиях расширения их компетенционной сферы. Существенным фактором, определяющим важность данной проблематики, выступает несовершенство нормативно-правовой базы, регламентирующей отдельные аспекты ответственности муниципальных структур и их представителей, что создает предпосылки для возникновения правовых коллизий и затрудняет эффективную реализацию контрольных функций.

Фундаментальное предназначение рассматриваемого правового института заключается в формировании действенного механизма обеспечения правомерности и результативности функционирования муниципальных органов власти. Достижение указанной цели реализуется через многоаспектную систему задач, включающую превентивные меры по недопущению противоправных деяний в муниципальной сфере, восстановительные механизмы защиты интересов физических и юридических лиц, карательный элемент в отношении виновных должностных лиц, а также комплекс мер по укреплению служебной дисциплины в системе местного самоуправления.

Нормативный базис института юридической ответственности формируется посредством многоуровневой системы правовых актов, где основополагающую роль играет конституционное регулирование, дополняемое специальным законодательством о местном самоуправлении, административно-деликтными и уголовно-правовыми нормами, региональными законодательными актами и муниципальными правовыми предписаниями [3]. Подобная архитектура правового регулирования позволяет обеспечить всестороннюю регламентацию различных аспектов ответственности с учетом территориальной специфики и особенностей правоприменительной практики.

Противоправное поведение как фундаментальное основание возникновения охранительных правоотношений в муниципально-правовой сфере обусловливается комплексом взаимосвязанных юридически значимых обстоятельств, формирующих целостную структуру деликта. Деструктивное деяние в системе муниципального управления характеризуется совокупностью признаков, включающих противоправность, виновность и наказуемость, при этом субъектом выступает участник муниципально-правовых отношений, наделенный специальным правовым статусом [4].

Архитектоника муниципального деликта интегрирует четыре взаимообусловленных компонента. Первичным элементом выступает охраняемая правом система общественных отношений в сфере местного самоуправления. Внешнее проявление противоправности материализуется через активные действия либо пассивное поведение муниципальных органов и их представителей. Специальный субъектный состав охватывает муниципальные органы власти, их должностных лиц и служащих. Психологическая составляющая деяния проявляется через интеллектуально-волевое отношение к совершаемому действию в форме прямого либо косвенного умысла или легкомыслия и небрежности [5].

В муниципально-правовой практике дифференцируются несколько категорий противоправных деяний. К первой относятся нарушения конституционно-правовых предписаний и муниципального законодательства, включая принятие неправомерных актов и нерациональное использование публичных финансов. Вторую категорию формируют случаи ненадлежащего осуществления властных полномочий и игнорирования служебных обязанностей. Третья группа охватывает посягательства на правовой статус личности и причинение имущественного либо неимущественного ущерба.

Нормативная регламентация ответственности реализуется через многоуровневую систему правовых актов, где базовым элементом выступает специальное законодательство о местном самоуправлении. Конкретизация составов правонарушений осуществляется отраслевыми нормативными актами, включая административное, уголовное и гражданское законодательство. Локальные муниципальные акты адаптируют механизмы ответственности к территориальной специфике, определяя процедуры прекращения полномочий выборных должностных лиц и применения иных санкций.

Публично-правовая подотчетность муниципальных органов власти и их должностных представителей перед территориальным сообществом выступает фундаментальным элементом системы муниципально-правовой ответственности. Практическая реализация данного механизма осуществляется посредством процедуры прекращения полномочий выборных представителей через непосредственное волеизъявление граждан [6].

Нормативное закрепление оснований прекращения полномочий осуществляется в муниципальных правовых актах высшей юридической силы в соответствии с базовым федеральным законом о принципах организации местного самоуправления. Ключевыми критериями выступают дезавуирование общественного доверия и ненадлежащая реализация компетенционных полномочий в сфере решения вопросов локального значения.

Процедурные аспекты прекращения полномочий предполагают организацию специального голосования с соблюдением количественного критерия превышения электоральной поддержки, полученной при избрании.

Публично-правовая ответственность перед государственными структурами возникает при нарушении конституционно-правовых предписаний различного уровня. Нормативное регулирование данного механизма осуществляется специальными положениями базового федерального закона о местном самоуправлении [7].

Санкционный механизм включает прекращение деятельности представительного органа, досрочное прекращение полномочий руководителя муниципалитета, введение особого финансового режима управления.

Существенной характеристикой выступает дифференциация субъектов применения мер ответственности между законодательным органом субъекта федерации и его высшим должностным лицом.

Частноправовая ответственность муниципальных структур реализуется при причинении имущественного или неимущественного вреда противоправными деяниями органов и должностных лиц. Данный механизм функционирует в рамках гражданско-правового регулирования.

Нормативное регулирование предусматривает возмещение причиненного вреда за счет средств муниципальной казны при установлении факта противоправности действий муниципальных органов или их представителей [8].

Процессуальной особенностью выступает исключительно судебный порядок реализации ответственности с возможностью оспаривания нормативных актов местного значения и взыскания материального возмещения через судебные инстанции.

Публично-правовая ответственность муниципальных должностных лиц формирует особый правовой механизм, базирующийся на фундаментальных положениях Конституту-

ции РФ и Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ. Данный институт обеспечивает соблюдение конституционных принципов и норм в системе муниципального управления [9].

Досрочное прекращение полномочий выступает ключевым элементом конституционно-правовой ответственности выборных представителей муниципальной власти. В соответствии со статьей 74 ФЗ №131 руководитель муниципального образования подлежит отрешению от должности высшим должностным лицом субъекта РФ при издании правовых актов, противоречащих действующему законодательству.

Правовое регулирование административной ответственности муниципальных должностных лиц осуществляется посредством Кодекса РФ об административных правонарушениях совместно с региональным законодательством. Данные субъекты несут усиленную ответственность за нарушения в сфере оказания муниципальных услуг, бюджетного регулирования и работы с обращениями граждан.

Система административных санкций предусматривает повышенные размеры штрафных взысканий для должностных лиц муниципалитета. В частности, нарушение регламента рассмотрения обращений граждан влечет наложение штрафа в размере от пяти до десяти тысяч рублей согласно статье 5.59 КоАП РФ.

Федеральный закон от 02.03.2007 № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» регламентирует дисциплинарную ответственность муниципальных служащих. Работодатель вправе применять меры дисциплинарного воздействия в форме замечания, выговора или прекращения трудовых отношений [10].

Процедурные аспекты дисциплинарного производства включают проведение служебного расследования и получение письменных пояснений служащего. Временной период реализации дисциплинарных взысканий ограничен одним месяцем с момента выявления проступка.

Имущественная ответственность должностных лиц возникает при причинении материального вреда муниципальному образованию вследствие противоправных действий при исполнении служебных функций. Нормативное регулирование осуществляется трудовым законодательством и законом о муниципальной службе.

Механизм определения размера возмещения учитывает исключительно фактический ущерб без компенсации упущенной выгоды. При значительном размере причиненного вреда возможно взыскание полной суммы ущерба.

Уголовный кодекс РФ устанавливает ответственность муниципальных должностных лиц за совершение служебных преступлений. Наиболее распространенные составы включают злоупотребление полномочиями по статье 285 УК РФ, их превышение по статье 286 УК РФ, получение взятки по статье 290 УК РФ.

Правовые последствия должностных преступлений предусматривают длительные сроки лишения свободы до 15 лет, существенные денежные взыскания, запрет занимать определенные должности. Статус руководителя муниципального органа выступает отягчающим обстоятельством при назначении наказания.

Проведенное исследование института юридической ответственности в сфере местного самоуправления позволяет сформулировать ряд существенных теоретических выводов и практических рекомендаций по совершенствованию действующего законодательства.

В результате анализа правовых норм и правоприменительной практики установлено, что юридическая ответственность органов и должностных лиц местного самоуправления представляет собой комплексный правовой институт, эффективность которого во многом определяет результативность местного самоуправления в целом. При этом существующая система ответственности требует дальнейшего совершенствования.

Для повышения эффективности механизма юридической ответственности в сфере местного самоуправления представляется целесообразным внести ряд изменений в действующее законодательство. В частности, необходимо конкретизировать основания наступления ответственности органов местного самоуправления перед населением в Федеральном законе № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

Требуется также законодательно закрепить процедуру привлечения к ответственности должностных лиц местного самоуправления, детализировать механизм реализации мер ответственности и усилить контроль за исполнением решений о привлечении к ответственности. Особое внимание следует уделить совершенствованию института ответственности перед населением муниципального образования как наиболее важной форме ответственности в системе местного самоуправления.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993).
2. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».
3. Федеральный закон от 02.03.2007 № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации».
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ.
5. Ван Дейк Т. А. Язык, познание, коммуникация. - Б.: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2020. - 308 с.
6. Герасимова Н. Р., Курмаева Т. И. Юридическая ответственность и местное самоуправление в Российской Федерации: теоретические аспекты // Современные проблемы науки и образования. - 2015. - № 2. - С. 68-72.
7. Кирилловых А. А. Муниципально-правовая ответственность в системе юридической ответственности // Муниципальная служба: правовые вопросы. - 2024. - № 1. - С. 11-14.
8. Овчинников И. И., Писарев А. Н. Муниципальное право: учебник и практикум для академического бакалавриата. - М.: Юрайт, 2017. - 312 с.
9. Прокушева Д. А. Юридическая ответственность органов и должностных лиц местного самоуправления // Вектор науки ТГУ. - 2014. - № 1. - С. 117-120.
10. Радченко А. И. Основы государственного и муниципального управления: системный подход. - Ростов н/Д: МарТ, 2021. - 720 с.
11. Таболин В. В., Корнев А. В. Муниципальное городское право. Правовые и организационные основы деятельности органов местного самоуправления. - М.: Формула права, 2020. - 304 с.
12. Шумянкова Н. В. Муниципальное управление. - М.: Экзамен, 2022. - 327 с.

БАБИКОВА Юлиана Львовна
магистр права, аспирант кафедры гражданско-правовых дисциплин, Института государств и права, Тюменский государственный университет, практикующий юрист

ВЛИЯНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ФАКТОРОВ НА РАЗВИТИЕ СУДЕБНЫХ И АЛЬТЕРНАТИВНЫХ СПОСОБОВ РАЗРЕШЕНИЯ КОНФЛИКТОВ НА ПРИМЕРЕ ГЕРМАНИИ

В настоящей статье рассматривается вопрос о влиянии исторических и социокультурных факторов на развитие судебных и альтернативных способов разрешения конфликтов. Взаимосвязь отраслей социальных наук является определенной аксиомой, вместе с тем междисциплинарные исследования до сих пор позволяют выявлять новые закономерности.

В рамках настоящего исследования автором ставится вопрос о том, какие социально-культурные факторы повлияли на становление механизмов разрешения споров в правовом порядке Германии и как с учетом этих факторов происходит адаптация механизмов, заимствованных из других правовых систем. Методология исследования представлена методами познания и исследования, являющимися почти универсальными: прежде всего, диалектическим методом, а также развивающим его на конкретном материале системным подходом. Также были использованы частные методы: социологический, антропологический, системный, социокультурный, формально-логический методы. Такой подход в частности, есть предпосылка для многоаспектного понимания процессуальной модели.

В результате исследования также удалось установить, какие основные тенденции формируют современный облик процедур разрешения конфликтов в исследуемом правопорядке и как классическая доктрина ответила на «вызовы», связанные с адаптацией заимствованных процедур.

Ключевые слова: романо-германская правовая семья, судебные процедуры, правовая система Германии, альтернативные способы разрешения споров, административная юстиция, медиация.

BABIKOVA Yuliana Lvovna
master of law, postgraduate student of Civil law sub-faculty, Institute of State and Law, Tyumen State University, practicing lawyer

THE INFLUENCE OF HISTORICAL AND SOCIO-CULTURAL FACTORS ON THE DEVELOPMENT OF JUDICIAL AND ADR: EXPERIENCE OF GERMAN

This article examines the influence of historical and socio-cultural factors on the development of judicial and alternative methods of conflict resolution. The interconnection of branches of social sciences is a certain axiom, but interdisciplinary research still allows us to identify new patterns.

Within the framework of this study, the author asks what socio-cultural factors influenced the formation of dispute resolution mechanisms in the legal order of Germany and how, taking into account these factors, the mechanisms borrowed from other legal systems are adapted. The methodology of the research is represented by the methods of cognition and research, which are almost universal: first of all, the dialectical method, as well as the system approach that develops it on specific material. Particular methods were also used: sociological, anthropological, systemic, socio-cultural, formal-logical methods. Such an approach, in particular, is a prerequisite for a multifaceted understanding of the procedural model.

As a result of the research, it was also possible to conclude, what are the main trends that form the modern image of conflict resolution procedures in the legal order under study and how the classical doctrine responded to the "challenges" associated with the adaptation of external legal procedures.

Keywords: Romano-Germanic legal family, judicial procedures, German legal system, alternative dispute resolution (ADR), administrative justice, mediation.

Постклассическая философия права настаивает на том, что право - творение рук и ума человека, социализированного в определенной правовой культуре. Все проявления права «есть искусственные конструкции, созданные человеком». По мнению проф. Юргена Хабермаса, через оппозицию фактичности (реальность фактического) и значимости (реальность нормативного) происходит установление механизмов, наиболее полно и всеобъемлюще регулирующих общественные отношения.

В этой связи актуальность темы определяется тем, что выявление факторов, влияющих на формирование правового облика государства, становится необходимым при определении тенденций его дальнейшего развития – подобно фундаменту, правовые традиции, социальные предпосылки и исторический контекст позволяют выстраивать «здание» существующего правового регулирования только и исключительно по определенным «правилам» (в контексте гуманитарного знания – определяют закономерности развития). Так, профессор И. Л. Честнов пишет, что релятивность права - это его относительность к другим социальным явлениям.

При этом немаловажным аспектом является то, что подобное междисциплинарное исследование предполагает использование особой методологической базы – в частности, при ответе на поставленные вопросы автором использовались диалектический метод, социологический, антропологический, системный, социокультурный, формально-логический и прочие более частные методы.

Тем самым, изучение влияния историко-культурного контекста на существующую модель правового регулирования способствует определению тенденций его дальнейшего развития. Исследование немецкой модели в таком контексте в перспективе способно дать ответ на вопрос о возможности адаптации и интеграции в правопорядки, принадлежащих системе романо-германского права, неродственных данной системе элементов процедур разрешения конфликта.

Для начала следует упомянуть, что немецкое законодательство придерживается очень узкого понятия «гражданский процесс», что означает, что трудовые правовые процедуры, административные процедуры, налоговые процедуры и процедуры социального обеспечения являются, не только рассматриваются отдельными судами, применяющими свои собственные специальные процессуальные кодексы, но даже не рассматриваются как вопросы гражданского судопроизводства.

Облик процессуальной системы Германии, как и любого другого государства, определяется особыми феноменами социальной жизни общества: культурой, историей, экономикой, и т.д. Первым, имеющим значение для характеристики гражданского процесса в рамках настоящего исследования, является культурный феномен. Общества, организации и группы имеют способы сохранения и передачи ментальных программ из поколения в поколение [2].

На основе этой концепции было выявлено несколько ключевых аспектов, позволяющих описать психологические и культурные особенности немецкой культуры, определяющие процесс. Немецкую ментальность в целом описывает суждение о том, что авторитет правил отличается от авторитета отдельных членов общества. Немецкий Befehl ist Befehl (приказ есть приказ) относится к «авторитету правила»: лицо, отдающее приказ, не имеет значения, пока он занимает положение, которое дает ему право на дачу приказов.

Власть социума заменяет власть человека. Это то, что отличает «германский авторитаризм» от более персонифицированного «авторитета», существующего в англо-саксонских обществах. Необходимость избегать неопределенности ведет к большей структуризации деятельности, то есть «формализации, специализации и стандартизации». Немецкая судебная система соответствует этой модели: судья имеет власть, но, в свою очередь, подвергается сильным систематическим ограничениям, предназначенным для уменьшения его произвольных и непредсказуемых действий.

Для немецкой культуры «ведущий объединяющий социум принцип - наличие формальных правил». Немецкие респонденты чаще предпочитали структурированные организации социальному плюрализму. Таким образом, предпочтительной организационной моделью является «бюрократия рабочего процесса», в которой процедуры жестко прописаны. В свою очередь, «авторитаризм» немецкой культуры проявляется в «авторитетности» фигуры немецкого судьи, даже, несмотря на то, что у сторон есть возможность осуществлять контроль над процессом.

Другим аспектом определяющим облик сложившейся системы гражданского процесса является историческое развитие. Первым фактором, определившим эволюционное становление процессуальной системы, являлось то, что вплоть до судебной реформы 70-х годов XIX в. Гражданский процесс на территории Германии не был единообразным. Единого законодательства не было, и в каждом из государств, расположенных на территории будущей Германской империи, действовало особое право. В связи с этим часть земель оказалась под влиянием французской либеральной модели гражданского судопроизводства, другая часть находилась под влиянием австрийского законодательства или сохраняла черты традиционной системы. И лишь с образованием Германской империи получила осуществление идея о создании общегерманского судебно-процессуального законодательства [3].

Вторым фактором развития немецкой системы гражданского процесса стала рецепция идей Австрийской реформы Ф. Кляйна. Целью данной реформы была реализация так называемой «социальной функции» (Sozialfunktion) гражданского судопроизводства. Предложенную им концепцию можно рассматривать как реакцию на либеральные начала процедуры XIX века. Это означало, что судебный процесс должен рассматриваться не только как средство разрешения индивидуальных судебных процессов между частными лицами, но и как явление, затрагивающее общество в целом. Гражданский процесс должен служить общественным интересам (Wohlfahrtsfunktion), но также его необходимо рассматривать с экономической точки зрения - поскольку Ф. Кляйн рассматривал правовой спор как негативный социальный феномен, он утверждал, что гражданский судебный процесс должен быть быстрым, эффективный и дешевый.

Чтобы изменить подход к гражданскому процессу как своего рода «битве» между сторонами и создать новую процедурную модель, в которой была признана «социальная функция» гражданского судопроизводства, Ф. Кляйн стремился найти новый баланс между судьей и сторонами. Как следствие, дела должны рассматриваться на основе «материальной» истины, а стороны, в свою очередь, должны быть подчинены Wahrheitspflicht - обязанности предоставлять достоверные сведения. Активная роль судьи сохранялась в течение всего судебного процесса, наиболее существенными были полномочия в области сбора доказательств exofficio и их свободной оценки. Тем самым, имплементация указанных положений в совокупности с разделением производства на подготовительную стадию и устное слушание привело к формированию нового облика гражданского процесса, отдельные черты которого сохраняются до настоящего времени.

Третьим фактором развития процессуальной системы являлось то, что Федеративная Республика Германия была в числе шести государств-основателей Европейского экономического сообщества 1957 г. На этом фоне неудивительно, что немецкие правоведы поддерживали идею европейской интеграции. Однако следует отметить, что изначально речь шла, исключительно о трансграничных спорах и раннее развитие законодательства в этой области проходило параллельно с развитием национального процессуального права.

За последнее время действующий ZPO подвергался неоднократному реформированию. Кроме того, помимо ZPO, на федеральном уровне в Германии действуют различные законы, в той или иной мере регулирующие производство по гражданским делам, а ст. 74 (1) Основного закона ФРГ (Grundgesetz) закреплено правомочие земель издавать законы в части, не урегулированной на уровне федерального законодательства.

Все это способствовало тому, что, по словам Петер Гилеса, «Германия [в части правовой регламентации гражданского процесса] отличается приводящей в замешательство чрезмерностью регулирований и даже «законодательным потопом», особенно вследствие развернувшейся так называемой реформационной лихорадки». Подобное состояние законодательного регулирования при проведении очередных реформ неизбежно порождает вопрос о том, должен ли Гражданский процессуальный кодекс быть чем-то вроде «общего руководства» для судьи и сторон или же он должен ограничиваться основными положениями, необходимыми для применения гражданского процессуального права [4].

Как и остальные институты разрешения гражданско-правовых конфликтов, особенности становления института альтернативного разрешения споров были предопределены социальными факторами и исторической традицией. Так, в контексте идеологии реформы Ф. Кляйна, любой конфликт воспринимается как «социальное зло», а отправление правосудия, соответственно, - как незаменимое средство обеспечения благосостояния. Неудивительно, что подобный подход в совокупности с политическими процессами, происходящими в Германии на протяжении всего XX в., предопределил невозможность даже постановки подобного вопроса.

С ратификацией директивы №2008/52/ЕС институт медиации получил дальнейшее развитие. В 2011 г. Министерство юстиции опубликовало предварительный проект ново-

го закона о посредничестве. Основной проблемой введения института посредничества стал вопрос о форме данного процессуального института и механизма его действия. Правительства земель, равно как и судьи, предлагали вариант судебной медиации с обязательным его закреплением в положениях ZPO, в то время как ассоциации юристов, коллегии адвокатов и некоторые земли (например, Баден-Вюртемберг) при содействии Бундестага настаивали на внедрении частного посредничества. Итогом этой дискуссии, длившейся практически два года, стали взаимные уступки спорящих сторон.

Когда законопроект был окончательно принят 21.07.2012 г., практика показала, что поиск компромисса был успешен: судебное посредничество было прямо включено в ZPO- согласно положению § 278 (5) ZPO, спор может быть передан на рассмотрение судьи, не уполномоченному принимать решение по данному делу (Güterichter). В его задачу входит содействие сторонам в урегулировании конфликта посредством использования посредничества. Поскольку посредничество является частью ZPO, судьи при осуществлении данной процедуры должны соблюдать обязательные процессуальные гарантии. Кроме того, это обеспечивает единообразие практики в каждой из земель республики [1].

При этом практика данного института не препятствует обращению сторон к частному посреднику, а положения §253 ZPO закрепляют правовые последствия данной процедуры.

Подобная адаптация института медиации показывает, каким образом возможно использование этого инструмента в процессуальной системе, для которой он не является исконным. Пример демонстрирует, как глобальная тенденция («посредничество») переносится на местный уровень. Гибкость Директивы ЕС о посредничестве позволила добиться положительных результатов. Именно благодаря этому немецкий законодатель смог адаптировать институт медиации к социальным реалиям и дать возможность проводить процедуру судебной медиации, что в итоге привело к сбалансированному результату.

В контексте данной темы исследование формирования такого института судебного контроля как административная юстиция заслуживает особого внимания, поскольку за последний исторический период именно данный институт был подвергнут наибольшему количеству изменений под влиянием исторических факторов.

Традиционно считается, что предпосылки формирования системы административной юстиции в Германии берут свое начало во второй половине XIX века в период объединения Германии, однако, по версии некоторых ученых [5], формирование подобной системы началось еще раньше. С 1830-х годов среди немецких ученых-юристов обсуждались достоинства судебного контроля, при этом многие ученые выступали в его пользу как важного инструмента для усиления идеи Rechtsstaat (правового государства). Таким образом, неслучайно, что суды постепенно начали рассматривать статуты в Веймарской Республике, особенно в случаях переоценки контрактов, затронутых инфляцией. С другой стороны, проводимая политика централизации предопределила необходимость более тщательного контроля за действиями администрации и недопущение произвола со стороны органов исполнительной власти.

В соответствии с теорией Отто Мейера, центральной идеей которой было положение о том, что административные органы должны использовать правовые формы в особенности конструкцию административного акта для разрешения дел, связанных с принятием индивидуального решения [5]. Тем самым, административное усмотрение следовало подчинить определенным правовым нормам. Эта фокусировка на особые правовые формы до сих пор доминирует в административном праве Германии. Фокус классического административного права заключался в формальной защите «прав, очерчивающих сферу свободной жизнедеятельности, в которую не вправе вмешиваться ни частные лица, ни государство. Административные акты, наносящие ущерб правам граждан на собственность и свободу, нуждаются в одобрении парламента, но национальная конституция не обеспечивало прямое применение фундаментальных прав. В результате законодатель имел очень широкое усмотрение в толковании существования субъективных прав и степени их нарушения тем или иным административным актом.

Поэтому неудивительно, что основным вопросом в XIX веке стало введение независимой проверки административных актов. Первый независимый административный суд в Германии был основан в 1863 году в Бадене, затем в Пруссии 1872-75 гг. Для инстанций, основанных в Пруссии начиная с 1882 г., базисом являлось современное либеральное право: суды ограничивали административные полномочия исходя из законной превенции актуальной и конкретной угрозы обществу. Таким образом, немецкое административное право в XIX в. в большей мере фокусировалось на формальной защите субъективных прав, на основе верховенства закона и в меньшей - на демократическом участии в административных процедурах и контроле за принятием административных решений. И, несмотря на создание ветви административных судов, система судебного контроля не функционировала в полной мере. В последующем суды установили дополнительные ограничения для дискреционного усмотрения администрации применением критериев необходимости и соответствия, которые сейчас, наряду с принятым после II Мировой войны тестом на пропорциональность, являются основой проверки дискреционных компетенций в Германии.

После Ноябрьской революции и утверждении нацистской идеологии, тоталитарная форма правления не позволяла говорить о какой бы то ни было форме контроля за правительственными учреждениями. Административная власть наделялась огромным объемом полномочий, что не могло не нарушать баланса ветвей власти. В свою очередь, тоталитарный режим не предполагает какую бы то ни было возможность оспорить действия и решения административного органа, так как правильность и законность их действий как проводящих политику партии подразумевается априори.

После низвержения нацистского правления традиции судебного контроля были возрождены, а приведшее страну к разрушительным последствиям усиление исполнительной власти стало причиной увеличения контролирующей роли судов. Одним из первых результатов новой политики стало создание конституционного суда в качестве центрального элемента новой конституции. При этом доступ к Конституционному суду был расширен, возможностью обратиться в конституционный суд за разъяснениями стали обладать не только высшие органы государственной власти, но и суды земель. Решения, принятые Федеральным конституционным судом с конца 1970-х годов, имеют большее значение, чем кодификация административного процессуального права, так как суд определил вектор развития взаимоотношений между сторонами в административном процессе. Например, 1977 году судьи подчеркнули, что необходимость диалога между администрацией и гражданами соответствует конституционным гарантиям прав граждан в государстве.

Таким образом, административное принятие решений приобрело самостоятельное значение, отделенное от судебной процедуры и материального права. В свете ограниченного контроля в силу материального права и, соответственно, большого объема административного усмотрения в 1979 году Суд установил, что защита основных конституционных прав также должна быть предметом административной процедуры и что эти основные конституционные права влияют не только на материальное право, но и на саму процедуру в целях надлежащей защиты этих прав.

Новые вызовы для немецкой правовой системы были обусловлены всеевропейской интеграцией и восприятием идеи о «государстве-партнере». В 1990 гг. немецкое административное право находилось в конфронтации с глобальной тенденцией либерализации и приватизации государственных монополий, особенно в сфере телекоммуникаций, железнодорожного сообщения, энергетического обеспечения и почтовой службы. Как результат, были образованы новые формы взаимодействия частных субъектов и публичной администрации, в результате чего направлениями совершенствования административного управления стали тенденции де-бюрократизации, оптимизации и де-формализации взаимоотношений между государством и обществом. Привлечение частного сектора также подтверждает диффузию интересов и готовность к построению плюралистичной модели общественного управления.

Введение принципа ограничения субъективных публичных прав показывает недостаточность теоретического базиса молодой демократии. Однако, в большей степени тот факт, что общество восприняло данную модель, доказывает «органический характер» субъективных публичных прав, то, что они являются продуктом поэтапного развития государства того периода.

В дальнейшем очевидные трудности республики не вдохновляли на укрепление плюралистических тенденций, ведущих к расширению доступа к правосудию и ответственности государства. Разумеется, в период нацистской диктатуры признание наличия субъективных прав, особенно в сфере взаимоотношений между гражданами и государством, стало препятствием на пути осуществления задач консолидации общества в целом и интеграции индивида внутрь «общества» [5] в частности. Негативный исторический опыт заставил сфокусироваться на защите индивидуальных прав против злоупотреблений государственной власти, возложенных на правительство обязательств и ответственности современного государства по организации социального благосостояния. Позже теория субъективных прав была дополнена в соответствии с ценностным подходом. Впервые эта теория была использована в фундаментальном решении по делу Люта (Lüth-Urteil) в 1958-ом году [7], которое вряд ли можно переоценить с точки зрения его последствий в долгосрочной перспективе. В соответствии с данным решением основные права стали пониматься не только как «защитные права», но и как объективные ценностные решения.

Расширение доктрины также обусловлено европейскими и международными руководящими принципами и положениями. Всеобщая евроинтеграция привела к либерализации понятий субъективных публичных прав и locus standi. Так, ратификация Орхусской конвенции открыла доступ к правосудию для некоммерческих организаций, представляющих общие интересы. Признание права на подачу административного иска за ассоциациями или неправительственными организациями в итоге способствовала значительным изменениям в определении доступа к правосудию.

Вместе с тем, для немецкого административного права подобный подход является абсолютно нехарактерным, что стало причиной многочисленных дебатов в научных кругах. Однако, подобные изменения, хотя и соответствуют духу времени, тем не менее, не могут считаться абсолютным благом для самой системы. Так как правовая система Германии в силу своей природы все еще пытается дистанцироваться от подобных изменений, она становится все более разбалансированной – как внутренне, так и по отношению к системе европейского и международного права.

Таким образом, подводя итог исследованию, можно отметить следующее. Ключевым свойством механизмов разрешения споров (как судебных, так и несудебных) является их потенциал по изменению отношения сторон. При этом следует иметь в виду, что такие механизмы должны применяться «к месту и ко времени». В частности, проф. Л. Фуллер, опираясь на суждение социолога Г. Зиммеля, указывал на то, что не для всех ситуаций допустимо общенормативное регулирование, аналогично, не все юридические конфликты можно эффективно разрешить в суде. В отдельных случаях эффективно разрешить конфликт возможно не путем установления для сторон, каких-либо правил поведения, а путем способствования им в обретении нового и общего восприятия их отношений, которое изменит их позиции и степень расположенности [6].

В контексте развития новых моделей государственного менеджмента, новой ценностью становится партнерство между частными субъектами и государством, при этом для права Германии характерно то, что гарантия защиты частных субъективных прав налагает особые требования к поиску баланса между частными и публичными интересами. Однако механизмы защиты не ограничены исключительно судебным контролем.

Разрешение конфликта во внесудебном порядке также возможно при помощи медиации. Использование подобных процедур в публичном секторе вызывает ряд дискуссий. При этом невозможно не принимать во внимание то, что интеграция частноправовых механизмов в публичную сферу позволяет более эффективно отвечать на «вызовы» современного мира.

Правовая политика в настоящее время направлена на сокращение одностороннего «авторитарного» процесса при принятии решений в пользу сотрудничества и консенсуса – например, принцип сотрудничества является основой для отношений в сфере природоохранного законодательства. Использование механизмов внесудебных процедур, создание комитетов экспертов и деятельность омбудсменов (Datenschutzbeauftrage) являются примерами альтернатив формальному разрешению споров. Теперь досудебные процедуры направлены скорее не на всестороннее изучение дела и облегчение ведения судебного разбирательства, а на завершение конфликта до подачи заявления в суд.

Отдельно необходимо отметить, что подобные механизмы имеют особое значение в публичном секторе: если споры могут быть урегулированы на уровне административных процедур, тогда риск последующих судебных разбирательств или затруднений в исполнении обязательств уменьшается. Наблюдается также диверсификация процесса – в том плане, что административный и судебный процесс представляют собой не единую процедуру, а обособленные

Таким образом, тенденция на плюрализм механизмов разрешения споров позволяет не только выбирать наиболее подходящую процедуру для разрешения конфликта, но и делает сами механизмы более гибкими, позволяя как комбинировать различные элементы процедурных механизмов, так и адаптировать заимствованные институты в целях наиболее эффективного достижения целей таких процедур.

Пристатейный библиографический список

1. Fu Y., Rhee C. H. van. Civil litigation in China and Europe: essays on the role of the judge and the parties. - Springer, 2014. - P. 132.
2. Chase O. Legal process and national culture // Cardozo J. Int'l & Comp. L. - 1997. - № 5 (1). - P. 6.
3. Chase O. Civil litigation in comparative context. - West Academic Publishing, 2007. - P. 23.
4. Rhee C. H. van. European traditions in civil procedure.
5. Pünder H. Debates in German public law / Hermann Pünder. - Oxford: Hart, 2013. - P. 32, 65.
6. Fuller L. The Anatomy of Law / L. Fuller. - Greenwood Press Inc, 1976. - P. 28.
7. BVerfG: urteil vom 15.01.1958 - 7, 198 Lüth. // «Deutschsprachiges Fallrecht». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.servat.unibe.ch/dfr/bv007198.html#208 (дата обращения: 07.06.2024).

DOI 10.46320/2073-4506-2025-4-203-179-181

Бочаров Н. С.

БОЧАРОВ Николай Сергеевич
ассистент кафедры гражданско-правовых дисциплин, Институт государства и права, Тюменский государственный университет

ПРИМЕНЕНИЕ ИНСТИТУТА ЮРИДИЧЕСКИ ЗНАЧИМОГО СООБЩЕНИЯ В ПОРЯДКЕ АНАЛОГИИ ЗАКОНА В ТРУДОВОМ ПРАВЕ

В статье исследуется вопрос о допустимости применения нормы статьи 165.1 Гражданского кодекса Российской Федерации в порядке аналогии закона к трудовым отношениям. Обосновываются существенные различия в регулировании отраслей, а также существенные риски работодателя, которые в значительной мере затрудняют применение указанной нормы по аналогии. Подчеркивается острая необходимость включения в Трудовой кодекс Российской Федерации специальных норм, регулирующих информационный обмен между работниками и работодателем с учетом достижений судебной практики, а также специфики трудовых отношений и отраслевых принципов. Исследование проведено на основе методов моделирования и анализа положений законодательства. Проблема допустимости межотраслевой аналогии закона исследована с позиции отраслевых принципов и методов регулирования отраслей гражданского и трудового права, а также с учетом общей тенденции к информатизации общества и отдельных общественных отношений.

Ключевые слова: юридически значимое сообщение, аналогия закона, ответственность работодателя.

BOCHAROV Nikolay Sergeevich
assistant of Civil law disciplines sub-faculty, Institute of State and Law, Tyumen State University

APPLICATION OF THE INSTITUTE OF LEGALLY SIGNIFICANT MESSAGE IN THE ANALOGY OF LAW IN LABOR LAW

The issue of applying the norm of Article 165.1 of the Civil Code of the Russian Federation by way of analogy to labor relations is learned in this article. Author describes significant differences in the regulation areas of law as well as the great risks for the employer which significantly interfere the application of the specified norm by analogy. In the author opinion there is real necessity of including special norms about information exchange between employees and employers in the Labor Code of the Russian Federation. Such norms must be based on the achievements of courts practice as well as specifics of labor relations and principles of labor law. The research is based on methods of modeling and analysis of legislative norms. The problem of the admissibility of inter-industry analogy of law is learned from the perspective of law area principles and methods of regulating areas civil and labor law, taking into account the general trend towards the informatization of society and individual social relations.

Keywords: legally significant message, analogy of law, employer liability.

Несмотря на то, что информационные процессы проистекают в правоотношениях непрерывно, вопросы их правового регулирования кажется забытыми совершенно незаслуженно. Важно напомнить, что о необходимости законодательного регулирования обмена информацией в трудовой сфере неоднократно говорилось в науке. В частности, С. В. Колобова указывает на необходимость реформирования законодательства о труде в части применения электронных документов [1]. А. О. Зубова и М. В. Клёвина отмечают, что в настоящее время юридически значимые сообщения имеют особую роль в системе информационного обмена между работником и работодателем [2].

Вопрос регламентации обмена информацией в трудовом праве выносился на обсуждение группой депутатов Государственной Думы Российской Федерации (далее – Госдума) в 2019 году. Законопроектом № 736455-7 (далее – законопроект) предлагалось закрепить в Трудовом кодексе Российской Федерации (далее – ТК РФ) понятие юридически значимого сообщения, урегулировать порядок обмена сообщениями, уделить отдельное внимание электронному обмену информацией, подчеркивалась необходимость возможности воспроизведения электронного сообщения на материальный носитель в неизменном виде, ставилось тождество между электронной формой и личным участием работника. Между тем указанный законопроект не был принят.

Ранее, в научном и профессиональном сообществе были высказаны идеи о допустимости применения института юридически значимого сообщения, регламентированного нормой статьи 165.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), в порядке аналогии закона. Основой для таких сужений выступила правовая позиция, изложенная в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», согласно которой допускается применение нормы статьи 165.1 ГК РФ к судебных извещениям и вызовам.

В научной среде идея о допустимости межотраслевой аналогии, касающейся применения норм ст. 165.1 ГК РФ к отношениям иной отраслевой принадлежности (отличной

от гражданского права), была поддержана В. В. Богдан и О. А. Коротких [3]. В пользу применения юридически значимых сообщения к семейным отношениям высказываются Е. В. Каймакова и А. Н. Сурков [4]. В. Г. Куранов предпринял попытку распространить институт юридически значимых сообщений на налоговые отношения [5]. Не стала исключением отрасль трудового права.

Так, в Апелляционном определении Верховного суда Чувашской Республики от 19.06.2023 по делу № 33-2769/2023 норма статьи 165.1 ГК РФ применена при решении вопроса о надлежащем направлении работнику приказа о наложении дисциплинарного взыскания. В деле № 33-18759/2023 суд апелляционной инстанции пришел к выводу о том, что, реализуя право на самозащиту трудовых прав, предоставленное работнику на основании части 1 статьи 379 ТК РФ, истец надлежащим образом уведомил об этом ответчика, направив уведомление по его официальному электронному адресу, чем исполнил обязанность, предусмотренную частью 1 статьи 379 ТК РФ работником исполнена.

Стоит напомнить, что юридически значимое сообщение - это категория гражданского права, закрепленная в статье 165.1 ГК РФ. С доставкой юридически значимого сообщения закон связывает наступление определенных гражданско-правовых последствий для другого лица, что едва ли может быть истолковано расширительно. Применение указанной нормы в порядке аналогии закона нивелирует наличие гражданско-правовых последствий, что представляется недопустимым.

К примеру, норма статьи 351.7 ТК РФ устанавливает порядок действий работодателя в случае мобилизации работника, заключения им контракта или поступления в ряды Вооруженных Сил Российской Федерации, либо войска национальной гвардии Российской Федерации в качестве добровольца, и предполагает приостановление действия трудового договора для указанных лиц.

Формальным основанием для приостановления действия трудового договора выступает заявление работника, посредством которого реализуется его воля. Однако остается нерешенным вопрос о том, каков порядок действий работодателя в случае отсутствия соответствующего заявления. С одной стороны, у работодателя отсутствуют основания для приостановления трудового договора, поскольку закон связывает их именно с волеизъявлением, а не фактом призыва по мобилизации, с другой – реальные обстоятельства указывают на то, что работник не исполняет свою трудовую функцию, не находится на рабочем месте и не исполняет распоряжения работодателя.

В подобной ситуации работодатель оказывается перед риском нарушения прав работника при том, что законом не регламентирован порядок действий по обмену сообщениями, а также надлежащая форма сообщениями. Часто стороны правоотношения устанавливают такой порядок в договоре, однако трудовой договор и договор гражданско-правового характера различны по своей природе и игнорирование данных различий недопустимо.

Разграничивая трудовой договор и договор подряда, в частности, Л. С. Таль отмечал, что наемный работник входит в состав персонала, выполняет не собственные хозяйственные задачи, а исключительно содействует достижению тех, которые перед ним ставит наниматель как владелец данного предприятия. Работник в процессе работы неизбежно подчиняется хозяйственной власти работодателя [6]. Ф. А. Цесарский соглашаясь с данным утверждением, отмечает, что трудовое законодательство не может развиваться в рамках гражданского ввиду социальной специфики трудового договора, имманентной неравности сторон, наличия в трудовом праве особенных коллективных трудовых отношений, особого характера обязательств работодателя перед работником [7]. Условия имманентной неравности сторон значительно затрудняют переговоры и зачастую приводят к тому, что работник присоединяется к условиям, которые предлагает ему работодатель, а положения об обмене сообщениями может казаться ему незначительными. Избранные же работодателем способы обмена сообщениями могут оказаться неэффективными и не соответствовать реальным взаимоотношениям сторон.

Игнорирование отраслевых различий создает риск нарушения прав и законных интересов сторон. Различия отраслевых принципов при применении норм гражданского права к трудовым правоотношениям приведет к тому, что на суды, разрешающие споры, будет возложена обязанность, по бесконечной оценке, поведения сторон на предмет соответствия принципам и основополагающим началам трудового права.

Для обмена сообщениями в трудовом праве существуют собственные тенденции. В частности, исследуя вопросы цифровизации и ее влияния на трудовые правоотношения, Н. И. Минкина отмечает некоторые, из которых заслуживают внимания в рамках настоящего исследования. Прежде всего, правоведом отмечается длящийся переход от бумажного документооборота к электронному, ведение документов в цифровой форме. Второй немаловажной тенденцией выступает увеличение цифровых платформ, которые постоянно усложняются и на базе одних систем возникают другие системы и подсистемы. Третья тенденция – стремление к оцифровыванию действий сторон трудового договора при реализации ими отдельных прав и обязанностей. При этом Н. И. Минкина отмечает, что особую значимость имеет сохранение персональных данных работника [8]. Указанное позволяет говорить о наличии собственного пути развития у сообщений в трудовом праве.

Нельзя не заметить и то, что последствия отсутствия сообщения в гражданском и трудовом праве будут различными. Так в случае недопоставки товара и направления предложения о восполнении недопоставки, сообщение выступает лишь способом совершения сделки, отсутствие данного сообщения приведет к расторжению договора ввиду непоставки товара, взысканию неустойки, возврату суммы предоплаты. В трудовом праве, если работодатель желает привлечь работника к дисциплинарной ответственности, то по правилам статьи 193 ТК РФ он должен сначала затребовать письменное объяснение, отсутствие такого уведомления порождает административную ответственность по статье 5.27 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации, восстановление работника на работе, взыскание заработной платы и соответствующих налоговых и страховых отчислений, а кроме того, сам работодатель окажется в поле зрения трудовой

инспекции как нарушитель трудовых прав. В частности, об этом свидетельствует норма статьи 8.1 Федерального закона от 26.12.2008 № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля», которая предусматривает применение риск-ориентированного подхода при организации и проведении контрольных мероприятий.

Полагаем, что в совокупности это свидетельствует о недопустимости применения нормы статьи 165.1 ГК РФ к трудовым отношениям. Так, например, С. К. Соломин и Н. Г. Соломина полагают, что статья 165.1 ГК РФ не может быть рассмотрена через призму положений межотраслевого характера [9]. С. Ю. Чашкова отмечает, что если сообщение влечет последствия, не являющиеся гражданско-правовыми, то такое сообщение не может быть отнесено к юридически значимым сообщениям по смыслу статьи 165.1 ГК РФ [10]. По убеждению О. М. Родионовой, ст. 165.1 ГК РФ не может иметь важного процессуального значения, так как юридически значимое сообщение – это действие, порождающее гражданско-правовые последствия. Более того, не могут выступать в качестве юридически значимого сообщения те, в которых адресатом выступает не лицо, для которого возникают гражданско-правовые последствия, или его представитель, а третье лицо или публичный орган [11].

Аналогия закона не может выступать основой для постоянного регулирования обмена сообщениями в трудовом праве. Во-первых, это причиняет вред балансу прав и обязанностей работника и работодателя. Во-вторых, влечет увлечение нагрузки на судебные инстанции, ввиду необходимости проведения бесконечных проверок соответствия института юридически значимого сообщения специфике трудовых правоотношений. Важно понимать, что механизм применения норм в силу аналогии закона не имеет целью избежать создание новых (необходимых) норм, а лишь временно перекрывает пробелы в праве в рамках одной отрасли. Решением данной ситуации является введение в состав ТК РФ соответствующей нормы об обмене сообщениями с учетом достижений судебной практики, а также правовых последствий, которые порождают сообщения в трудовом праве, что позволит создать базу для дальнейшего формирования механизма обмена сообщениями с учетом специфики трудового права.

Пристатейный библиографический список

1. Колобова С. В. Юридически значимые сообщения в трудовых отношениях: законодательство и судебная практика // Делопроизводство. - 2021. - № 1. - С. 93-100.
2. Зубова А. О., Клёвина М. В. Юридически значимые сообщения – новый вид коммуникации работодателя и работника // Докл. Междисциплинарный форум с международным участием «Человек. Знак. Техника». - Самара, 2020. - С. 331-339.
3. Богдан В. В., Коротких О. А. Юридически значимые сообщения в межотраслевой аналогии закона // Advances in law studies. - 2019. - Т. 7, № 3. - С. 21-25.
4. Каймакова Е. В., Коротких О. А., Сурков А. Н. Юридически значимые сообщения в семейных правоотношениях: к вопросу о межотраслевом взаимодействии. // Курск. Известия Юго-Западного государственного университета. - 2022. - Т. 12, № 5. - С. 39-48.
5. Куранов В. Г. Юридически значимые сообщения в Российском гражданском праве. Дис… канд. юрид. наук. - ПГНИУ, 2020. - 203 с.
6. Таль Л. С. Очерки промышленного рабочего права. - Москва: Тип. Г. Лисснера и Д. Собко, 1916. - 127 с.
7. Цесарский Ф. А. Учение Л. С. Таля о трудовом договоре как основе развития современных теорий трудового права // Проблемы законности. - 2011. - № 115. - С. 66-74.
8. Минкина Н. И. Трудовое законодательство России: тенденции, проблемы и перспективы развития в цифровую эпоху // Цифровые технологии в системе трудовых и связанных с ними правоотношений. Цифровые технологии и право. – Казань: Издательство «Познание». - 2023. - С. 307-312.
9. Соломин С. К., Соломина Н. Г. Юридические факты и иные жизненные обстоятельства: цивилистический очерк. - Москва: Юстицинформ, 2022. - 168 с.
10. Чашкова С. Ю. Юридически значимые сообщения и нотариальная деятельность // Законы России: опыт, анализ, практика. - 2014. - № 6. - С. 41-46. // СПС «Консультант Плюс».
11. Родионова О. М. К вопросу о гражданско-правовой природе юридически значимых сообщений // Юрист. - 2015. - № 14. - С. 4-8. // СПС «Консультант Плюс».

ДЕЛЬЦОВА Наталья Вячеславовна
кандидат юридических наук, доцент кафедры правового обеспечения экономической деятельности, Самарский государственный экономический университет

САМОЗАЩИТА ПРАВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ В ОНЛАЙН-СРЕДЕ: ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

В статье исследуются вопросы защиты гражданских прав предпринимателей при осуществлении ими предпринимательской деятельности в онлайн-среде с применением средств самозащиты. Рассматриваются проблемные теоретические и практические вопросы, связанные с самозащитой прав. Затрагивается аспект соотношения правовых категорий «форма защиты» и «способ защиты», в связи с чем высказывается мнение о необходимости внесения изменений в действующий ГК РФ в части закрепления за самозащитой статуса формы защиты гражданских прав. В статье затрагиваются вопросы применения мер самозащиты прав предпринимателей при осуществлении бизнес-процессов в онлайн-среде. При защите прав предпринимателей в онлайн-среде к средствам самозащиты следует относить: блокировку доступа пользователя на онлайн-ресурсе; запрет совершения определенных действий на онлайн-ресурсе; удаление контента, нарушающего права предпринимателя, направление претензии. Применение указанных мер допустимо, как в случае регламентации их на уровне соглашения (установленных правил), так и без таковой в силу норм ст. 14 ГК РФ.

Ключевые слова: защита гражданских прав, самозащита, права предпринимателя, онлайн среда, форма защиты, способ защиты, юрисдикция.

DELTSOVA Natalya Vyacheslavovna
Ph.D. in Law, associate professor of Legal support of economic activity sub-faculty, Samara State University of Economics

SELF-PROTECTION OF ENTREPRENEURS' RIGHTS IN THE ONLINE ENVIRONMENT: SELECTED ASPECTS OF LEGAL THEORY AND PRACTICE

The article examines the issues of protecting the civil rights of entrepreneurs when carrying out their entrepreneurial activities in the online environment using self-defense tools. It considers problematic theoretical and practical issues related to self-defense of rights. The aspect of the relationship between the legal categories «form of protection» and «method of protection» is touched upon, in connection with which an opinion is expressed on the need to amend the current Civil Code of the Russian Federation in terms of securing the status of self-defense as a form of protection of civil rights. The article touches upon the issues of applying self-defense measures for the rights of entrepreneurs when carrying out business processes in the online environment. When protecting the rights of entrepreneurs in the online environment, the following should be considered self-defense tools: blocking user access to an online resource; prohibiting certain actions on an online resource; removing content that violates the rights of an entrepreneur, filing a claim. The application of these measures is permissible both in the case of their regulation at the level of an agreement (established rules) and without it by virtue of the norms of Art. 14 of the Civil Code of the Russian Federation.

Keywords: protection of civil rights, self-defense, entrepreneur's rights, online environment, form of protection, method of protection, jurisdiction.

Современные реалии развития социально-экономических отношений способствуют возникновению и развитию новых форматов осуществления предпринимательской деятельности. Традиционные концепции ведения бизнеса дополняются новыми онлайн-формами использования имущества, выполнения работ и оказания услуг, которые направлены на систематическое извлечение прибыли.

Данные форматы применяются в сфере образования, психологии, юриспруденции, продажи товаров, фитнес-индустрии и т.п. Приведенные предпринимательские инициативы возможны в рамках реализации закрепленного ст. 34 Конституции РФ права каждого на свободное использование своего имущества и способностей для осуществления предпринимательской деятельности. Кроме того, современные темпы жизни и внешние факторы, в частности, эпидемия COVID-19, способствовали развитию данного сегмента деловой активности. В настоящее время функционируют интернет-магазины, маркетплейсы, онлайн-платформы, предлагающие различные товары, развивающие курсы и информационные продукты, боты для оказания консультационных услуг (включая формат смешенного консультирования бот и специалист) и их мобильные приложения и т.п.

Правовая среда, обеспечивающая реализацию данных процессов формируется на базе гражданского законодательства. При этом необходимо учитывать, что сфера предпринимательства находится также и в поле зрения публичного права, например, в части разрешительных механизмов (лицензирования, обязательной сертификации), соблюдения обязательных отраслевых требований, ответственности за нарушение правил ведения бизнеса.

Реализуя, свое право на занятие бизнесом и развивая свое дело предприниматель, как правило, не избегает ситуации нарушения его прав или законных интересов. Такие нарушения усматриваются в следующих основных аспектах:

1) нарушения со стороны контрагентов (аспект предприниматель-предприниматель);

2) нарушения со стороны потребителя товара, работы, услуги (аспект предприниматель-потребитель);

3) нарушения со стороны третьих лиц (аспект предприниматель - третье лицо);

4) нарушения со стороны контролирующих органов (аспект предприниматель - контролирующий орган).

В случаях, когда идет речь о нарушении права, возникает необходимость его защиты. Гражданско-правовая защита в наибольшей степени соответствует существу частноправовых предпринимательских отношений [9]. Юридическая теория и практика различает формы и способы защиты прав предпринимателей. Под формой защиты понимается внутренне согласованные действия и/или организационные по меры защите нарушенного права. Традиционно выделяют юрисдикционную и неюрисдикционную форму защиты: в рамках первой защита права осуществляется уполномоченным субъектов с учетом его юрисдикции (суд, государственный орган, нотариус и т.п.), в рамках второй защита права осуществляется силами самого управомоченного субъекта без обращения к каким-либо уполномоченным субъектам (самозащита права). В пределах формы защиты реализуется способ защиты, то есть закрепленная в законе мера принудительного характера, направленная на восстановление нарушенного права.

Самозащита права субъекта предпринимательства приобретает особую актуальность в условиях, когда необходимо оперативно действовать вне рамок процедурных правил для предотвращения действий, нарушающих право или создающих угрозу такому нарушению. Следует подчеркнуть наличие теоретических научных дискуссий относительно природы данного правового института: некоторые цивилисты предлагают широкий подход к пониманию природы самозащиты и возможности ее применения не только в охранительном правоотношения, но в регулятивном отношении [2]. В числе приверженцев подобного подхода можно назвать Г. А. Свердлыка, Э. Л. Страунинга [14], В. А. Усанову [16]. Большинство же исследователей, равно как и автор настоящей статьи, придерживаются мнения о том, что самозащита возникает в рамках именно правоохранительного отношения. В связи с чем, следует считать верным мнение Д. Н. Кархалева [6] о том, что применение таких мер, как установление замком, сигнализаций и т.п. не относится к мерам самозащиты, поскольку существует в рамках регулятивного, а не охранительного правоотношения, и направлены на предупреждение правонарушения.

Следующий аспект в рамках теоретической проблематики формирует сам законодатель, который допускает некоторое законодательное смешение правовых категорий «форма» и «способ» защиты применительно к понятию самозащиты. Действующий Гражданский кодекс РФ[1] (далее – ГК РФ) в ст. 12 называет самозащиту гражданских прав в числе способов защиты. И здесь представляется верным исходить из позиции о том, что форма защиты указывает на субъекта, который обеспечивает реализацию права на защиту, тогда как способ защиты определяет, то таким образом она осуществляется [1]. Подобной позиции придерживаются в своих исследованиях А. П. Сергеев, Ю. К. Толстой [15], Е. И. Гончаров [4], Т. Н. Михайлова [8] и др.

Представляется, что указанные понятия хотя и являются близкими по целевой направленности (защита права), но все же разные правовые явления. Учитывая необходимость внесения ясности в теоретические споры и обеспечения четкости правового регулирования данных отношений разделяем точку зрения тех авторов, которые предлагают внести изменения в ГК РФ в части ст. 11 ГК РФ (Судебная защита гражданских прав), изменив ее название на – «Формы защиты гражданских прав» и включи в ее содержание самозащиту в качестве самостоятельной формы.

В настоящей статье будем исходить из того, что самозащита – это форма защиты прав предпринимателей, при которой он имеет возможность самостоятельно реализовывать свое право на защиту. В рамках этой формы защиты предприниматель может реализовывать различные способы (меры).

Неразрешенность вопроса о природе самозащиты (форма или способ), влияет и на понимание того, что же относится к мерам самозащиты. В п. 2 ст. 14 ГК РФ вскользь упоминается о способах самозащиты, при этом прямо они нигде не указываются, что позволяет относить к самозащите самые различные варианты поведения. Так, судебной практикой и доктриной выделяются следующие способы самозащиты: осуществление видеозаписи процесса нарушения права [10]; не представление документов на государственную регистрацию договоров [11], «институт деловой цели» (отказ Общества в предоставлении информации акционеру в случае, если такое предоставление может быть направлено на создание трудностей и способов отрицательного влияния на хозяйственную деятельность Общества) [12]; в случае ненадлежащего оформления полномочий должностных лиц государственных органов к проведению проверки, отказ предпринимателя допустить последних к проведению проверки [5]; демонтаж самовольно установленной рекламной конструкции при условии обеспечения ее сохранности и передачи собственнику [13].

В науке для обозначения данных действия используются различные термины: меры оперативного воздействия, фактические действия, меры самозащиты и т.п.

Представляется, что все способы (меры) в рамках самозащиты можно разделить на фактические действия и действия юридического характера.

Фактические действия допускаются в силу ст. 14 ГК РФ и общей диспозитивности гражданско-правового регулирования. Это самостоятельно осуществляемые действия субъекта, чьи права нарушены, направленные на защиту своего права, исходя из специфики нарушенного права и характера правонарушения, которые не указаны в законе. При этом необходимо соблюдение принципа соразмерности.

Юридические действия в рамках самозащиты права представлены действующим законодательством, например, односторонний отказ от исполнения обязательства, когда это предусмотрено законом или договором в случае неисполнения встречного обязательства (или условия), при которых субъект несет потери, удержание вещи, направление претензии и т.п.

Автор настоящей статьи придерживается позиции, согласно которой к мерам самозащиты относятся действия как фактического, так и юридического характера, применяемые лицом, чье право нарушено, для защиты этого права.

Представляется, что меры самозащиты характеризуются следующим:

– реализуются в рамках в рамках правоохранительного правоотношения;

– представляют собой форму активного поведения, то есть действие субъекта, чье право нарушено, направленное на защиту права;

– могут применяться в одностороннем порядке;

1 Собрание законодательства РФ. - 1994. - № 32. - Ст. 3301.

– должны отвечать характеру правонарушения (быть соразмерными), не выходить за пределы пресекаемых действий.

В действующем гражданском законодательстве отсутствует детальное правовое регулирование самозащиты прав субъектов гражданских правоотношений, включая предпринимателей, что, можно отнести к его недостаткам.

Законодатель указывает только общие условия применения самозащиты, включая требование соразмерности, в связи с чем, в судебной практике определение границ осуществления прав на самозащиту предпринимателями носит, как правило, оценочный характер.

В литературе указывается на необходимость раскрытия данного термина на уровне закона, равно как закрепления способов (мер) самозащиты [17]. В целом, данное предложение следует оценивать положительно. Представляется, что наличие даже примерного (не закрытого) перечня таких способов будет являться ориентиром для субъекта при защите права, а для суда – для разрешения спора.

Специфика сети интернет и онлайн бизнес-пространства заключается в том, что информационная и содержательная составляющая бизнес-продукта, размещенная на том или ином ресурсе является легко доступной для любых лиц из любой точки мира. С одной стороны, это является плюсом, поскольку позволяет охватывать достаточно широкий круг клиентов, с другой стороны, повышает риски нарушения прав предпринимателя.

При осуществлении предпринимательской деятельности в онлайн-среде нарушаться могут как имущественные, так и неимущественные права предпринимателя, возникающие у него как в рамках относительных, так и абсолютных правоотношений. Последние касаются прав на нематериальные блага и интеллектуальную собственность. В рамках договорных отношений могут быть использованы предусмотренные соглашением сторон способы самозащиты. Действия по самозащите предпринимателя могут следовать из условий договора, размещенных на онлайн ресурсе.

Отношения в аспекте предприниматель-предприниматель зачастую возникают при купле-продаже товаров на маркетплейсах (Ozon, Wildberries и др.). Здесь деятельность и продавца товара и маркетплейса рассматривается, как предпринимательская. Необходимо отметить наличие достаточно большого количества спорных вопросов, которые порождает практика данных отношений, требующих разрешения [7]. В рассматриваемом аспекте при взаимодействии предпринимателей в онлайн-пространстве большое значение имеют договорные механизмы и правила площадки. Нарушения возможны как со стороны маркетплейса, так и предпринимателя. Однако маркетплейс обладает большими возможностями по применению способов самозащиты. Например, при нарушении правил площадки маркетлейс Ozon использует бальную систему начисления штрафов, которая может привести к блокировке карточки товара или блокировке кабинета продавца на определенный срок или бессрочно. В частности, к бессрочной блокировке кабинета могут привести такие действия продавца как использование поддельных документом, угрозы покупателю, кража. Размещение запрещенных товаров, нарушение права на товарный знак, нарушение авторских прав дает право маркетплейсу применить блокировку отдельных карточек, где имеются с нарушения [3]. Эти меры могут предприниматься в одностороннем порядке. В качестве ответных мер или способов самозащиты, которые может применить продавец, следует указать возможность осуществления видео- или аудиозаписи, которые подтверждают позицию продавца.

Особую актуальность приобретают вопросы нарушения интеллектуальных прав при данном способе продаже товаров. Как правило, маркетплейсы устанавливают правило о том, что соответствующие вопросы продавец должен решать самостоятельно. Но в тех случаях, когда маркетплейс получает претензию от правообладателя, он включает механизм блокировки. Ozon и Wildberries используют специальную процедуру, позволяющую правообладателям направлять информацию о нарушении своих прав, а предполагаемым продавцам-нарушителям быстро реагировать на полученную претензию. Например, на Wildberries такая процедура называется «цифровой арбитраж». А Ozon предлагает продавцу предоставить разрешение на использование результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации.

Защита интеллектуальных прав при осуществлении предпринимательской деятельности на собственной бизнес-площадке также достаточна актуальна. Предприниматель, используя свои интеллектуальные продукты, стремиться к недопущению прав на них. В связи, с чем могут применяться технические средства защиты, установление определенных кодов доступа, паролей, маркировки и т.п. Некоторые авторы рассматривают указанные действия в качества способов самозащиты. Однако такая теоретическая позиция представляется неверной, поскольку отмеченные выше меры реализуются в рамках предоставленных правовых возможностей обладателя интеллектуальных прав, то есть в регулятивном, а не охранительном правоотношении. Они, безусловно, направлены на предотвращение возможного нарушения абсолютного права, защиту от любого и каждого, но не являются средствами самозащиты в связи с уже имеющимся правонарушением.

Еще одним проблемным аспектом при осуществлении предпринимательской деятельности в онлайн-среде является распространение в сети сведений, порочащих деловую репутацию, бранных слов и выражений, неэтичного контента. Это может выражаться в распространении не соответствующей действительности, порочащей информации в виде комментария, отзыва, фото, видео материалов и текстов, как на сайте самого предпринимателя, так и на иных информационных ресурсах. В связи, с чем у предпринимателя есть возможность и право удалять подобную информацию в одностороннем порядке, ограничивать доступ конкретного пользователя на онлайн-ресурс, запрещать совершение пользователем определенных действий на интернет-площадке. Если правонарушение фиксируется на стороннем ресурсе, обладатель которого известен, то предприниматель вправе использовать претензионный порядок урегулирования спорной ситуации. Направление претензии лицу, которое нарушает право, по нашему мнению, относится к способам самозащиты, поскольку соответствует всем, рассмотренным выше признакам мер самозащиты. Претензионный порядок допустим в любых случаях нарушения права, когда известен субъект, его нарушивший.

Подводя итог изложенному еще раз отметим, что самозащита как форма защиты права характеризуется осуществлением действий фактического и юридического характера, субъектом, чье право нарушено, без обращения в юрисдикционные органы и организации. При защите прав предпринимателей в онлайн-среде к таким действиям можно отнести: блокировку доступа пользователя на онлайн-ресурсе;

запрет совершения определенных действий на онлайн-ресурсе; удаление контента, нарушающего права предпринимателя, направление претензии. Применение указанных мер допустимо, как в случае регламентации их на уровне соглашения (установленных правил), так и без таковой в силу норм ст. 14 ГК РФ.

Пристатейный библиографический список

1. Абова Т. Е. Охрана хозяйственных прав предприятий. - М.: «Юрид. литература», 1975. - 216 с.
2. Аксюк И. В. Самозащита гражданских прав // Вестник юридического факультета ЮФУ. - 2020. - Т. 7, № 4. - С. 41-43.
3. Балльная система нарушений Ozon. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://seller-edu.ozon.ru/policies/rules/violations?roistat_visit=3990204 (дата обращения: 10.02.2025).
4. Гончаров Е. И. Вопросы реализации самозащиты прав и свобод человека и гражданина в гражданском законодательстве Российской Федерации // Гражданское право. - 2006. - № 3. - С. 14-17.
5. Гришаев С. П., Богачева Т. В., Свит Ю. П. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sps-consultant.ru/ (дата обращения: 10.02.2025).
6. Кархалев Д. Н. Восстановление нарушенных гражданских прав во внесудебном порядке // Российское право: состояние, перспективы, комментарии. - 2020. - № 3. - С. 90-111.
7. Ключевская Н. Торговля на маркетплейсах: современные тенденции судебной практики по спорам между предпринимателем и интернет-площадкой // Информационно-правово портал «Гарант.ру». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.garant.ru/article/1620205/ (дата обращения: 11.02.2025).
8. Михайлова Т. Н. Формы гражданско-правовой защиты права собственности на недвижимость // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. - 2014. - №3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/formy-grazhdansko-pravovoy-zaschity-prava-sobstvennostina-nedvizhimost/viewer (дата обращения: 12.02.2025).
9. Мудрицкий С. В. Понятие, сущность, виды и формы защиты предпринимательства // Инновационные аспекты развития науки и техники. - 2021. - № 7. - С. 245-250.
10. Определение Верховного Суда РФ от 16.04.2021 № 310-ЭС21-5398 по делу № А08-10957/2019 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=DEDFB91EE07E23310DC8866ABD827B5F&mode=backrefs&SORTTYPE=0&BASENODE=g3&ts=28785165341369413130&base=ARB&n=663248&rnd=xjC6eg#y3R7m6TkQ2d71cVD1 (дата обращения: 10.02.2025).
11. Определение Верховного Суда РФ от 29.06.2020 № 116-ПЭК20 по делу № А41-19914/2018 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=DEDFB91EE07E23310DC8866ABD827B5F&mode=backrefs&SORTTYPE=0&BASENODE=g3&ts=28785165341369413130&base=ARB&n=615732&rnd=xjC6eg#pzF7m6TFaXbn6Q1U (дата обращения: 10.02.2025).
12. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 30.06.2015 № Ф10-1836/2015 по делу № А62-6896/2014 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://sps-consultant.ru/ (дата обращения: 10.02.2025).
13. Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 12.03.2021 № 11АП-1349/2021 по делу № А55-5684/2020 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&ts=pHLpp6TOqD8Cfixs1&cacheid=E74B48B761AC4C5B08C57FDF3D93D1C5&mode=splus&rnd=phlCWQ&base=RAPS011&n=182599#cocpp6TiA3GjS6ke1 (дата обращения: 10.02.2025).
14. Свердлык Г., Страунинг Э. Способы защиты гражданских прав и их классификация // Государство и право. - 1999. - № 1. - С. 45-52.
15. Сергеев А. П. Защита гражданских прав / Гражданское право Т. 1 / Под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. - М.: Проспект, 2004. - 773 с.
16. Усанова В. А. Конституционное право человека на самозащиту в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Волгоград, 2003. - 230 с.
17. Южанин В. Н. Соразмерность самозащиты в гражданском праве // Человек: преступление и наказание. - 2015. - № 2. - С.36-40.

ДИКИНОВ Андзор Хасанбиевич
доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник управления научных исследований и инновационной деятельности, Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х. М. Бербекова

КОЧЕСОКОВ Рустам Хажмударович
преподаватель кафедры огневой подготовки, Северо-Кавказский институт повышения квалификации (филиал), Краснодарский университет МВД России, майор полиции

ОСОБЕННОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Привлекательность, конкурентоспособность экономики современного государства зависит от множества факторов, одним из таких важнейших факторов является уровень развития инноваций и инновационной деятельности. В свою очередь развитие инновационной деятельности зависит от правовых условий, которые сформированы в государстве. Уровень развития законодательной базы инновационной деятельности определяет эффективность и результативность инновационной деятельности, темпы внедрения инноваций в экономику. В Российской Федерации (РФ) развитие инновационной деятельности является актуальной задачей, так в складывающихся условиях и выбора политики импортозамещения необходимо внедрение новых механизмов развития экономики и повышения уровня ее конкурентоспособности. Основой эффективного развития инновационной деятельности является создание соответствующей системы законодательного регулирования. Для осуществления научной и инновационной деятельности необходимо создание максимально комфортных правовых условий, а это является основной целью нормативно-правовой базы. Законодательное регулирование инновационной деятельности направлено также на обеспечение соответствия инновационной деятельности задачам, которые стоят перед государством. К развитию нормативно-правового регулирования инновационной деятельности следует применять системный подход, сущность которого состоит в реализации единой концепции на всех уровнях законодательства: федеральном, региональном и местном. Российское законодательство в сфере инноваций, инновационной деятельности недостаточно развито и не отвечает требованиям системности. Этими обстоятельствами обусловлена актуальность исследования особенностей законодательного регулирования инновационной деятельности в России.

Ключевые слова: инновации, инновационная деятельность, интеллектуальные технологии, законодательное регулирование, договор, опытно-конструкторские работы, проекты, коммерциализация, наука, государственное регулирование.

DIKINOV Andzor Khasanbievich
Ph.D. in economical sciences, professor, leading researcher of the Department Scientific Research and Innovation, Kh. M. Berbekov Kabardino-Balkaria State University

KOCHESOKOV Rustam Khazhmudarovich
lecturer of Firearms training sub-faculty, North Caucasian Institute for Advanced Studies (branch), Krasnodar University of the MIA of Russia, major of police

FEATURES OF LEGISLATIVE REGULATION OF INNOVATION ACTIVITIES IN THE RUSSIAN FEDERATION

The attractiveness and competitiveness of the economy of a modern state depends on many factors, one of the most important factors is the level of development of innovations and innovative activities. In turn, the development of innovative activities depends on the legal conditions that are formed in the state. The level of development of the legislative framework for innovative activities determines the effectiveness and efficiency of innovative activities, the pace of implementation of innovations in the economy. In the Russian Federation (RF), the development of innovative activities is an urgent task, since in the current conditions and the choice of import substitution policy, it is necessary to introduce new mechanisms for developing the economy and increasing its competitiveness. The basis for the effective development of innovative activities is the creation of an appropriate system of legislative regulation. To carry out scientific and innovative activities, it is necessary to create the most comfortable legal conditions, and this is the main goal of the regulatory framework. Legislative regulation of innovative activities is also aimed at ensuring that innovative activities comply with the tasks facing the state. A systematic approach should be used to develop regulatory framework for innovative activities, the essence of which is to implement a single concept at all levels of legislation: federal, regional and local. Russian legislation in the field of innovations and innovative activities is insufficiently developed and does not meet the requirements of systemicity. These circumstances determine the relevance of the study of the features of legislative regulation of innovative activities in Russia.

Keywords: innovation, innovative activity, intelligent technologies, legislative regulation, contract, experimental design work, projects, commercialization, science, government regulation.

Необходимым фактором социально-экономической стабильности в Российской Федерации является развитие национального научно-технологического комплекса, систематическое создание и внедрение инноваций. Развитие инновационных технологий в современном государстве является необходимым направлением, в том числе государственной политики, обеспечивающий развитие всех отраслей экономики. В России в связи со сложной внешнеполитической ситуацией особое внимание уделяется проблемам обеспечения технологической независимости. Особую актуальность в сложившейся ситуации приобретает развитие сферы науки и инноваций, повышение роли научно-исследовательской и научно-технической деятельности. Развитие инноваций, а именно их внедрение в различные отрасли зависит от эффек-

тивности системы нормативно-правового регулирования в данной сфере [10, с. 98].

Регулирование инновационной деятельности в России осуществляется государством и предполагает следующие направления: организационное, экономическое, финансовое, нормативно-правовое. В рамках данного исследования особое внимание уделяется вопросам нормативно-правового регулирования инновационной деятельности.

К нормативно-правовым факторам государственного регулирования инновационной деятельности относятся: установление правовых основ отношений в сфере инновационной деятельности; гарантия охраны прав и интересов субъектов инновационной деятельности, в особенности охрана интеллектуальной собственности.

Конституция РФ, Гражданский кодекс РФ и принимаемые в соответствии с ними законы и нормативно-правовые акты федерального и регионального уровня, международные договоры РФ в сфере инновационной деятельности являются основой нормативно-правового регулирования инновационной деятельности в России. Правовая охрана результатов, которые получены в процессе инновационной деятельности, является основой регулирования инновационной деятельности в целом [1], [2].

Результаты инновационной деятельности - это новые интеллектуальные технологии и продукты, которые в итоге следует рассматривать как объекты интеллектуальной собственности, нуждающиеся в правовой охране. Охрана объектов интеллектуальной собственности производится в соответствии с требованиями, которые установлены ГК РФ. Отношения между субъектами инновационной деятельности и иными участниками инновационной деятельности на нормативно-правовом уровне регулируются посредством договоров. К договорам данного вида относятся: договор на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ; договор на выполнение проектных и изыскательских работ; договор строительного подряда; договор по оказанию услуг для осуществления инновационной деятельности; договор страхования инновационных рисков; договор (контракт) с инвесторами; иные договоры, которые предусмотрены законодательством РФ.

Инновационные прогнозы, инновационные стратегии, инновационные программы, инновационные проекты, программы и проекты по инновационной деятельности являются базой регулирования инновационной деятельности. В России к нормативно-правовым документам, регламентирующим инновационную деятельность как косвенно, так и прямо относятся: Федеральный закон от 23.08.1996 № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике»; Федеральный закон от 23.11.2007 № 270-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «О Государственной корпорации по содействию разработке, производству и экспорту высокотехнологичной промышленной продукции «Ростех»; Федеральный закон от 29.07.2017 № 216-ФЗ «Об инновационных научно-технологических центрах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»; Федеральный закон от 21 июля 2011 г. № 254-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О науке и государственной научно - технической политике». Именно в соответствии с Федеральным законом «О науке и государственной научно - технической политике» вопросы государственной поддержки инновационной деятельности являются предметом регулирования. Такие понятия как «инновация», «инновационная деятельность», «инновационный проект», «инновационная инфраструктура» и «коммерциализация научных и (или) научно-технических результатов» в этом законе впервые были установлены на федеральном уровне [3], [4], [5], [6].

Общественные отношения, которые возникают между участниками инновационной деятельности, регулируются действующей редакцией Федерального закона от 23.08.1996 № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» [3].

В Федеральном законе № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации» закреплены основы инновационного развития промышленного сектора экономики. Задача реализации промышленной политики обозначена в п.3 ч.2 ст. 4 Федерального закона о промышленной политике. Задача промышленной политики состоит в стимулировании внедрения результатов интеллектуальной и инновационной деятельности в промышленное производство. В области промышленной политики Правительство РФ и федеральные органы власти наделены определенными полномочиями. Полномочия Правительства РФ в данном контексте носят общеотраслевой характер и связаны они с определением требований важнейших институтов промышленной политики [7].

Важнейшим направлением деятельности федеральных органов исполнительной власти является поддержка государством субъектов малого предпринимательства, а именно оказание содействия проведению ими инновационной деятельности. Методы инновационного права имеют свои особенности, а именно методика инновационного права носит комплексный характер. Комплексный характер инновационного права заключается в использовании двух методов, а именно: авторитарный (императивный) метод власти-подчинения, который характерен для публичных отраслей права и автономный (диспозитивный) метод равенства сторон, который характерен для частных отраслей права. Указанные методы применяются совместно в процессе нормативно-правового регулирования инновационной деятельности.

Не стоит придерживаться ортодоксальных правовых постулатов в вопросах правового регулирования отношений, возникающих в сфере инновационной деятельности. Причиной следования такому подходу являются характеристики инновационных отношений: прогрессивность, многогранность и сложность. Метод государственно-властных предписаний, который характерен для отраслей права публичного характера является наиболее эффективным и рациональным при организации управления в сфере инновационной и научной деятельности. Диспозитивный метод используется в сфере отношений по созданию, внедрению и реализации продуктов инновационной деятельности. Данный метод характерен для регулирования договорных отношений в сфере инновационной деятельности [9, с. 40].

Законодательное регулирование инновационной деятельности, а именно функционирование актуальной системы законодательного регулирования определяют в целом уровень научно-технологического развития России. В сложившихся условиях государственная политика РФ направлена на достижение глобального технологического лидерства к 2035 году. Агентство стратегических инициатив (АСИ) в 2015 году разработало и предложило пакет, который включает 12

дорожных карт. Основной целью разработанных дорожных карт является создание условий для достижения глобального технологического лидерства России к 2035 году. К приоритетным направлениям развития РФ относятся проекты, разработанные в рамках данного пакета. Из федерального бюджета выделены средства для реализации мероприятий в рамках дорожных карт. Основой реализации дорожных карт Национальной технологической инициативы являются интеллектуальные ресурсы, а не институты и инвестиции. Приоритетными направлениями реализации являются новые рынки, развитие имеющихся отраслей не является приоритетным. Формирование эффективной законодательной базы будет способствовать повышению уровня доверия общества к инновациям повышению интереса к инновационным технологиям со стороны физических и юридических лиц. Развитие инноваций требует участия талантливых ученых и создания соответствующих условий для реализации ими своих проектов, что требует также наличие актуальной законодательной базы [8, с. 191].

Совершенствование законодательной базы в сфере регулирования инновационной деятельности возможно использование опыта других государств, которые имеют опыт в сфере развития инноваций, инновационной деятельности, коммерциализации и внедрения результатов научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ. Основной целью совершенствования законодательного регулирования инновационной деятельности является выведение российской экономики на новый уровень, а именно построение конкурентоспособной инновационной экономики. Развитая инновационная экономика с элементами цифровизации позволит ликвидировать технологическое отставание России от ведущих мировых держав, кроме того такая форма экономики отличается гибкостью, что позволит оперативно реагировать на происходящие изменения.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) 30.11.1994 года № 51-ФЗ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике» от 23.08.1996 № 127-ФЗ (последняя редакция). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Федеральный закон «О Государственной корпорации по содействию разработке, производству и экспорту высокотехнологичной промышленной продукции «Ростех» от 23.11.2007 № 270-ФЗ (последняя редакция). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Федеральный закон «Об инновационных научно-технологических центрах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 29.07.2017 № 216-ФЗ (последняя редакция). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Федеральный закон от 21.07.2011 № 254-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Федеральный закон «О промышленной политике в Российской Федерации» от 31.12.2014 № 488-ФЗ (последняя редакция). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Раджабов Б. Ф. Государственное регулирование инновационной деятельности в России // В сборнике: интеграция и совершенствование цифровой среды социально-экономического пространства в условиях многополярного мира. - Москва, 2024. - С. 190-193.
9. Харченко К. В. Государственное регулирование инновационной деятельности на региональном уровне: направления совершенствования // Мониторинг правоприменения. - 2024. - № 3 (52). - С. 38-47.
10. Хасянов Р. Р. Правовое регулирование инновационной деятельности: корпоративно-правовые аспекты // В сборнике: трансформация Российской науки в эпоху информационного общества. Сборник научных трудов по материалам XI Международной научно-практической конференции. - Москва, 2024. - С. 97-10.

ЗАХАРОВА Ольга Николаевна
кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса, Байкальский государственный университет, г. Иркутск

ИВАСИХ Лев Павлович
юрист Ассоциации «Адвокатское бюро Владимир Рябенко и партнеры»

К ВОПРОСУ О МЕСТЕ СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В КОНСТРУКЦИИ «СНЯТИЯ КОРПОРАТИВНОЙ ВУАЛИ»

Настоящая работа опосредует исследование одновременно как общих, так и частных вопросов корпоративного права, поскольку, с одной стороны, затрагивает сущностные характеристики юридического лица как субъекта гражданских правоотношений и принципы, характерные для корпоративного права в целом, и с другой стороны – вопросы ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение юридическим лицом своих обязательств и вопросы ее возложения на то или иное лицо на практике. При этом, исследование указанных вопросов осуществляется через призму теоретической конструкции «снятия корпоративной вуали», в результате чего представляется возможным установить не только явную взаимосвязь как средства и цели института субсидиарной ответственности бенефициаров юридического лица и «снятия корпоративной вуали» как такового, соответственно, но и сделать вывод о том, что институт субсидиарной ответственности на сегодняшний день является, в сущности, единственным эффективным механизмом такого «снятия»; при этом, сделан вывод о том, что определение рассматриваемых категорий в качестве только аналогичных друг другу не в полной мере отвечает их сущности.

Ключевые слова: юридическое лицо, снятие корпоративной вуали, имущественная ответственность, контролирующие лица, бенифициары, субсидиарная ответственность.

ZAKHAROVA Olga Nikolaevna
Ph.D. in Law, associate professor of Civil law and process sub-faculty, Baikal State University, Irkutsk

IVASIKH Lev Pavlovich
lawyer of the Association «Law Office Vladimir Ryabenko and Partners»

ON THE ISSUE OF THE ROLE OF SUBSIDIARY LIABILITY IN THE STRUCTURE OF «PIERCING THE CORPORATE VEIL»

This work mediates the study of both general and specific issues of corporate law: on one hand, the essential characteristics of a legal entity as a subject of civil legal relations and the principles characteristic of corporate law in general, and on the other hand, the issues of liability for non-fulfillment or improper fulfillment of obligations by a legal entity and the questions of its imposition on a particular person in practice. At the same time, the study of the specified issues is conducted through the prism of the theoretical construct of 'lifting the corporate veil,' which makes it possible to establish not only an explicit relationship as means and ends of the institution of subsidiary liability of controlling persons and the 'lifting of the corporate veil' itself, respectively, but also to conclude that the institution of subsidiary liability is, in essence, currently the only effective mechanism for such 'lifting'; at the same time, it is concluded that defining the considered categories as merely analogous to each other does not fully correspond to their essence.

Keywords: legal entity, lifting the corporate veil, property liability, controlling persons, beneficiary, subsidiary (vicarious) liability.

Известно, что концепция юридического лица обладает глубокими историческими корнями и развивалась на протяжении многих веков, тогда как первые свидетельства о юридических лицах в значении, близком к общепринятому пониманию юридического лица сегодня, можно найти в римском праве, которое описывало такие формы организационного объединения, как «societas» и «universitas» (товарищество и сообщество, соответственно) [5, с. 160], которые «ввели» совместную деятельность граждан в качестве самостоятельного образования в правовое поле.

Вместе с тем, представление о юридическом лице трансформировалось вместе с обществом и правовыми системами [7], в соответствии с реалиями общественной и экономической жизни, в результате чего, современное понимание юридического лица, как независимого субъекта права, стало формироваться в XVIII-XIX веках – как видится, на фоне роста экономической активности и появления необходимости в чётком регламентировании хозяйственных отношений.

В любом случае, возникновение и развитие конструкции юридического лица в праве есть многоступенчатый и сложный процесс, который развивался в разных странах и правовых системах, обусловив выделение такой подотрасли гражданского права, как корпоративное право.

В свою очередь, одной из наиболее любопытных к изучению особенностей корпоративного права вообще является правовая сущность юридического лица в целом: будучи совершенно нетипичным (неодушевленным, неовеществленным и не имеющим каких-либо физических свойств) гражданско-правовым образованием, юридическое лицо, тем не менее, наделяется правосубъектностью и является полноправным участником гражданского оборота.

Соответственно, общепризнанным является и один из основополагающих принципов корпоративного права – принцип ограничения взаимной ответственности юридического лица [1], [3] и его участника (члена, учредителя и др.) или собственника его имущества – в действующем законодательстве Российской Федерации указанное правило нашло отражение, в частности, в п. 2 ст. 56 ГК РФ.

Другими словами, в тексте закона закреплено фундаментальное правило о том, что юридическое лицо не отвечает по обязательствам его участников или собственников его имущества, а последние – не отвечают по обязательствам юридического лица, что ясно свидетельствует о признании самостоятельной имущественной ответственности юридического лица.

Даже с теоретической точки зрения, при рассмотрении указанного принципа во взаимосвязи и совокупности с нетипичными для субъектов гражданского права природой и сущностью юридического лица, представляется возможным сделать вывод о возможном – и, более того, крайне вероятном и не слишком сложном с точки зрения его конструкции – злоупотреблении правом, когда более «традиционные» субъекты гражданских правоотношений (граждане, физические лица), фактически властвующие над менее «традиционным» (юридическим лицом) и своими действиями определяющие действия последнего, смогут извлекать выгоду из собственных недобросовестных действий от имени юридического лица, прикрываясь последним, только на том основании, что закон формально ограничивает их имущественную ответственность по его обязательствам.

Как видится, с возможностью и высокой вероятностью подобного злоупотребления связано то обстоятельство, что правило о самостоятельной имущественной ответственности юридического лица, хотя и является одним из основополагающих начал корпоративного права, носит характер общего правила, из которого законом предусмотрены исключения. В свою очередь, необходимость закрепления в законе подобного рода исключений была обусловлена как раз реальной

деловой практикой, в ходе которой недобросовестные бенефициары (участники) юридических лиц, злоупотребляя правилом об ограничении их ответственности по обязательствам последнего – находясь «за ширмой (вуалью)» юридического лица, в сущности, обогащались за счет неисполнения обязательств перед контрагентами и иными лицами [2, с. 649].

Таким образом, предусмотренные действующим законодательством исключения из общего правила о самостоятельной ответственности юридического лица по своим обязательствам в совокупности являются составляющими конструкции «снятия корпоративной вуали» в российском гражданском праве.

Вместе с тем, в определенной степени неоднозначным видится ответ на вопрос, каким образом соотносятся те или иные институты гражданского права, используемые в рамках вышеуказанных исключений, собственно, со «снятием корпоративной вуали». Одним из наиболее любопытных к изучению в рассматриваемом контексте представляется институт субсидиарной ответственности.

Так, не вдаваясь в дискуссии о правовой сущности субсидиарной ответственности в отдельных ее аспектах, констатируем: в целом исследователи сходятся во мнении – как между собой, так и с законодателем – о том, что субсидиарная ответственность в любом случае есть ответственность «дополнительная», наступающая у дополнительного (субсидиарного) должника в случае невозможности исполнения обязательства основным должником. Представляется, что указанный правовой механизм достаточно удачно может соотноситься с конструкцией «снятия корпоративной вуали», являясь если не единственным, то одним из наиболее эффективных инструментов ее практической реализации в целом.

Как видится, даже общий порядок привлечения к субсидиарной ответственности, предусмотренный ст. 399 Гражданского кодекса Российской Федерации, как нельзя более удачно соотносится с логической последовательностью привлечения к ответственности бенефициаров юридического лица по обязательствам последнего: с учетом общего правила о самостоятельной имущественной ответственности юридического лица, требование должно быть предъявлено к нему как к основному должнику, тогда как бенефициар такого юридического лица будет нести ответственность по его обязательствам только в случае невозможности исполнения последним такого требования самостоятельно и при наличии предусмотренных законом в качестве условий привлечения к субсидиарной ответственности обстоятельств.

Тем не менее, как видим из опубликованных на сегодняшний день исследований, вышеизложенное суждение разделяется авторами не в полной мере: не наблюдая существенных возражений в части значимости института субсидиарной ответственности для снятия корпоративной вуали на практике, можем наблюдать расхождения в точках зрения именно на соотношение данного института с рассматриваемой конструкцией: одни авторы не сомневаются в том, что субсидиарная ответственность является именно способом снятия корпоративной вуали [6, с. 218], тогда как другие – говорят только об аналогичном характере рассматриваемых категорий [4, с. 327].

Полагаем, что учитывая сугубо теоретический характер самой конструкции «снятия корпоративной вуали» (как известно, изначально эта концепция возникла из права справедливости, буквально в законе не закреплена и используется в таком словесном обозначении, преимущественно, в рамках исследовательских работ по корпоративному праву), отвечая на поставленный вопрос, следует обратить внимание именно на конкретные нормы, предусмотренные законодателем в качестве исключений из общего правила об ограничении ответственности участников юридического лица: возможное изобилие норм о субсидиарной ответственности в числе таких исключений будет свидетельствовать о прямом соотношении рассматриваемых категорий, тогда как обратная картина – об отсутствии такого прямого соотношения.

Любопытно, что анализ норм ГК РФ и иных актов федерального законодательства, устанавливающих исключения из рассматриваемого общего правила, позволяет сделать однозначный вывод о том, что субсидиарная ответственность имеющих отношение к юридическому лицу физических лиц в целом является наиболее широко используемым инструментом снятия корпоративной вуали в отечественном праве, тогда как нормы, предусматривающие иной вид ответственности указанных лиц (в частности, солидарную ответственность), предусмотрены для случаев, в которых применение именно «снятия корпоративной вуали» видится и вовсе нецелесообразным – например, такая ответственность предусмотрена для участников общества, не полностью оплативших свои доли.

Представляется, однако, что, говоря об инструментах реализации в отношении той или иной категории, исследование в любом случае не будет являться полным без освещения вопроса реальной применяемости таких инструментов на практике. Впрочем, запрос на применение механизма привлечения к субсидиарной ответственности в актуальной правоприменительной практике, определенно, наблюдается, в связи с чем, регулярно встречаются определения арбитражных судов как о привлечении контролирующих должников лиц к субсидиарной ответственности[1], так и об отказе в таком привлечении[2].

Таким образом, можем сделать однозначный вывод о том, что субсидиарная ответственность является наиболее эффективным инструментом практической реализации конструкции «снятия корпоративной вуали» и соотносится с последней как средство и цель. Полагаем, что такая особенность обусловлена самой правовой сущностью института субсидиарной ответственности, которая представляет собой именно дополнительную ответственность одного субъекта гражданских правоотношений по обязательствам другого в исключительных случаях – то есть, при наличии достаточных и предусмотренных законом (договором) оснований для этого.

Подобный механизм, как считаем, в полной мере соответствует целям «снятия корпоративной вуали» - привлечению к ответственности недобросовестных физических лиц, ответственных за деятельность подконтрольного им юридического лица, в связи с чем, субсидиарная ответственность не является аналогом «снятия корпоративной вуали», но непосредственно опосредует такое снятие.

Пристатейный библиографический список

1. Асланян Н. П. «Теория единой юридической ответственности» как околонаучное теоретическое построение // Академический юридический журнал. 2021. Т. 22, № 3. С. 175-184.
2. Махнев А. В., Мосечкин И. Н. О правовой природе доктрины «снятие корпоративной вуали» и возможности ее применения в России // Аллея науки. 2018. Т. 4, № 5 (21). С. 647-656.
3. Минникес И. В. Виды юридической ответственности в российском праве 16-18 в. // Академический юридический журнал. 2021. Т. 22, № 1. С. 5-13.
4. Пенкин Р. А., Холоденко Ю. В. Субсидиарная ответственность руководителя за доведение организации до банкротства как аналог доктрины «снятия корпоративной вуали» // Труды молодых ученых Алтайского государственного университета. 2016. № 13. С. 324-327.
5. Плескова О. Ю. Эволюция научных представлений о категории юридического лица // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2009. №2 (11). С. 160-166.
6. Спирина Т. А. «Снятие корпоративной вуали» через механизм привлечения к субсидиарной ответственности в рамках дела о банкротстве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. № 1 (23). С. 211-218.
7. Тюкавкин-Плотников А. А. Проблема современного понимания юридического лица // Baikal Research Journal. 2011. Т. 1, №3. С. 14-14.

1 Определение Арбитражного суда Ульяновской области от 28.05.2024 г. по делу № А72-3615/2012. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/Card/c9e1e081-2dde-48e9-896f-bf08b61f6936 (дата обращения: 15.12.2024 г.).

2 Определение Арбитражного суда Московской области от 27.05.2024 г. по делу № А41-81635/2016. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/Card/cae6a939-5265-40d4-9e4d-d1445ff333cf (дата обращения: 15.12.2024 г.).

DOI 10.46320/2073-4506-2025-4-203-191-193

МОРОЗОВА Оксана Александровна
кандидат философских наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права, Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал), Донской государственный технический университет в г. Шахты

К ВОПРОСУ О БРАЧНО-СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЯХ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В статье рассматриваются современные характеристики российской семьи, обусловленные не только экономическими, но и политическими, демографическими процессами в жизни общества. Брачно-семейные отношения регулируются нормативно-правовыми актами, среди которых Конституция РФ и Семейный кодекс РФ, где ключевым институтом является легальное представление о браке. Автор проводит анализ фактических брачных отношений и брачно-семейных отношений, зарегистрированных в органах ЗАГС. В содержание статьи также включены современные аспекты особенностей брачно-семейных отношений, возможных без государственной регистрации брака и направленных на защиту интересов фактических супругов. Трансформация общественных ценностей и индивидуализация приводят к переосмыслению традиционных моделей семьи. Автор акцентирует внимание на необходимости законодательного регулирования правового статуса фактических браков, так как отсутствие четкого регулирования создает неопределенность и может приводить к нарушению прав фактических супругов.

Ключевые слова: брачно-семейных отношения, фактические брачные отношения, незарегистрированный брак, нормативное регулирование брачных отношений.

MOROZOVA Oksana Alexandrovna
Ph.D. in philosophical sciences, associate professor of Constitutional and municipal law sub-faculty, Institute of Service and Entrepreneurship (branch), Don State Technical University in Shakhty

ON THE ISSUE OF MARRIAGE AND FAMILY RELATIONS IN MODERN RUSSIA

The article considers the modern characteristics of the Russian family, conditioned not only by economic, but also by political and demographic processes in the life of society. Marriage and family relations are regulated by legal acts, among which are the Constitution of the Russian Federation and the Family Code of the Russian Federation, where the key institution is the legal concept of marriage. The author analyzes actual marriage relations and marriage-family relations registered in the civil registry offices. The content of the article also includes modern aspects of the peculiarities of marriage-family relations possible without state registration of marriage and aimed at protecting the interests of de facto spouses. Transformation of social values and individualization lead to rethinking of traditional family models. The author emphasizes the need for legislative regulation of the legal status of de facto marriages, as the lack of clear regulation creates uncertainty and may lead to violation of the rights of de facto spouses.

Keywords: marital and family relations, de facto marital relations, unregistered marriage, normative regulation of marital relations.

Брачно-семейные отношения, как отмечалось ранее «представляют собой основной институт семейного права. Семья, как и любая общественная система, является развивающейся и постоянно изменяющейся» [6, с. 19], а значит, исследования брачно-семейных отношений требуют постоянного обновления и переосмысления. Современные исследования брачно-семейных отношений направлены на выявление тенденций и закономерностей, которые помогут лучше понять современные вызовы и возможности, стоящие перед семьей, что позволяет разрабатывать эффективные стратегии поддержки семьи, способствующие созданию стабильности и благополучию семьи, так как сегодня уровень социально-экономического развития общества оставляет желать лучшего.

Как было показано в нашем предыдущем исследовании «традиционно, брак и семейные отношения являются первичной средой, в которой происходит сплачивание и стабилизация любого общества и на протяжении всей жизни, рассматриваемые явления, сопровождают человека от его рождения и становления, по достижению зрелости и вплоть до самой смерти. Брак и семейные отношения выступают в роли важнейших социальных институтов, которые аккумулируют в себе и воспроизводят базовые культурные регулятивы, нормы, ценности и идеалы. В своём многообразии, брачно-семейные отношения представлены различными отдельными, нормами наполняющие многообразием отношений семью и брак – это установления родства, отцовства и материнства, установления внутрисемейных имущественных отношений, попечительства и защиты детства» [6, с. 19].

Современное регулирование брачно-семейных отношений дает возможность по-новому взглянуть на процесс их становления.

Как мы обсуждали ранее «под воздействием трансформационных процессов, происходящих в культуре, семейно-брачные отношения также начинают изменяться. Так многие пары сожительствуют без заключения брака многие годы, причем процент такого рода сожительства с каждым годом неуклонно растет. Широкую практику получает феномен смешанной семьи, которая представляет собой результат развода родительской пары, которая при разводе не прекращает отношения и каждый из членов которой, вступая в последующий брак соединяет детей от разных браков. Распространение получают семьи с приемными детьми, детьми от суррогатных матерей. Тенденция современной семейной жизни также характеризуется наличием семей с одним родителем, чаще всего матерью. Повторные браки становятся привычным и распространенным явлением, причем непродолжительность семейно-брачных отношений приводит к так называемым серийным бракам, когда индивид имеет три и более, бывших супругов.

Информационно-коммуникационные технологии становятся тем фактором, который самым непосредственным образом оказывает значительное влияние на формирование представлений о брачно-семейных отношениях, представлений о желаемом партнере и характере семейной жизни» [6, с. 19]. С одной стороны, расширяется горизонт возможностей для поиска партнера и получения информации. С другой стороны, возникает риск формирования нереалистичных ожиданий и утраты ценности живого общения.

Кроме того, развитие технологий влияет на способы знакомства и построения отношений. Онлайн-дейтинг становится все более популярным, предоставляя возможность знакомиться с людьми из разных уголков мира, но при этом лишая важного аспекта – невербального общения и непосредственного взаимодействия, что может затруднять формирование прочной эмоциональной связи.

Поэтому легализация брачно-семейных отношений позволяет строить семейные отношения не только на чувствах взаимной любви и уважения, взаимопомощи и ответственности перед семьей всех ее членов, но и недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в дела семьи, и на реализацию всеми членами семьи своих прав, на возможность судебной защиты этих прав[1].

Следовательно, государственное регулирование в современной России брачно-семейных отношений складывается в рамках традиционного режима регулирования, включающего в себя регламентацию и защиту института брака как союза мужчины и женщины[2]. Поэтому легализованный брак на законодательном уровне решает вопросы семейных отношений, которые лежат в юридической природе брака, а именно – союза мужчины и женщины.

В настоящее время происходит смена практически всех жизненных представлений, приоритетов, ориентиров свойственных для традиционного общества. Масштабность требуемых перемен столь велика, что их успешная реализация предполагает нечто большее, не ограничивающееся аутентичным переносом ценностей, отношения к миру, рациональности, нормативных институтов.

Все чаще мужчины и женщины вступают в брак и рождают первого ребенка в зрелом возрасте, когда у обоих партнеров уже есть образование, работа и продвижение по карьерной лестнице.

Традиционный институт брака существенно меняется, происходит отказ регистрации брака и отход от деторождения как безусловной цели брака. Хотя для многих вступающих в брак пар рождение детей остается важным, юридически это не является обязательным условием, так как не рождение детей не может признать брак недействительным.

Но все же главной целью как утверждает А. А. Максуров «признается создание семьи с целью рождения детей. И это сильный аргумент, так как от наличия у сторон цели в виде создания семьи позволяет говорить о действительности брака, а отсутствие такой цели с точки зрения права свидетельствует о его порочности и недействительности» [5, с. 36-43].

Так, например, П. В. Крашенников отмечает, что «совместное проживание мужчины и женщины без регистрации брака в установленном порядке не может повлечь правовые последствия, характерные для зарегистрированного брака: не возникнет режим совместной собственности, не возникнет оснований для наследования по закону в случае смерти одного из сожителей, не будет действовать презумпция отцовства» [2, с. 15-18].

Фактические брачные отношения (сожительство) оказываются недостаточным признаком брачного союза и порождают ряд правовых коллизий. Например, имущество, приобретенное совместно, подлежит разделу по правилам долевой собственности, что требует доказательств участия каждого из партнеров в его приобретении. Правовые последствия рождения детей вне брака − установление отцовства и выплата алиментных обязательств. Кредит, взятый одним из фактических супругов, сделки с имуществом, выплаты в случае гибели одного из фактического супруга, а также наследование по закону: сожитель не является наследником по закону и может претендовать на имущество только при наличии завещания. Отсутствие четкого правового регулирования влечет риски для социально уязвимой стороны, особенно при длительных отношениях и наличии общих детей.

Трудно не согласиться с Афасижевым Т. И. и Хрупиным С. И. в том, что ««кризис семьи» для России не нов, что и в прежние времена, особенно кризисные, в частности годы разрухи, последовавшие после Октябрьской революции и гражданской войны в России, «социальный институт семьи испытывал серьезные потрясения, побуждавшие многих говорить о «кризисе семьи», но она все-таки выживала в самых тяжелых условиях и продолжала выполнять свои основные функции, пусть и в измененной форме»» [1, с. 52-60].

Как отмечает Летова Н. В. в своих трудах, «трансформационные процессы, происходящие как внутри страны, так и извне, определяющие внутреннюю и внешнюю политику, не только оказывают непосредственное воздействие на развитие государства, но и определяют его идеологию, оказывают влияние на традиционно сформировавшиеся ценности его граждан, определяют их правовое и социальное назначение» [4, с. 8].

«В ситуации, когда наша страна вынуждена отстаивать свою независимость, территориальную целостность в условиях проводимой специальной военной операции[3], стало очевидно: идеологическая основа ценностей остро необходима не только обществу, но и государству, поскольку они весьма уязвимы под воздействием внешних факторов, влиянием сложившейся международной обстановки, что потребовало консолидации всего нашего народа, особой концентрации и сосредоточения внимания на возрождении его духовно-нравственной основы и, соответственно, нашло подтверждение в том числе и в содержании нормативных актов, принятых в последнее время»[4].

Так в 2024 году Депутатом Государственной Думы П. В. Крашенинниковым, сенаторами Российской Федерации А. А. Турчаком, А. А. Клишасом был внесен законопроект упрощающий порядок признания гражданина безвестно отсутствующим и объявления умершим будет действовать в отношении граждан, участвовавших в СВО[5]. Законопроект предлагает внести изменения в статьи 42 и 45 Гражданского кодекса РФ, касающиеся сроков, необходимых для признания гражданина безвестно отсутствующим или умершим в случае участия в военных действиях. В частности, предлагается сократить срок признания безвестно отсутствующим с одного года до шести месяцев, а срок объявления умершим – с двух лет до шести месяцев.

По мнению авторов инициативы, существующие сроки создают неоправданные трудности для семей военнослужащих, ожидающих информации о судьбе своих близких.

1 Семейный кодек РФ от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 16.

2 Конституция Российской Федерации: (принята всенародным голосованием 12.12.1993) [с учётом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ] // Собрании законодательства РФ. – 04.08.2014. – № 31. – Ст. 4398.

3 Указы Президента РФ от 21.09.2022 № 647 «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации», от 11.09.2023 № 669 № «О ежемесячной компенсационной выплате отдельным категориям военнослужащих»; Федеральный закон от 07.10.2022 № 377-ФЗ «Об особенностях исполнения обязательств по кредитным договорам (договорам займа) лицами, призванными на военную службу по мобилизации в Вооруженные Силы Российской Федерации, лицами, принимающими участие в специальной военной операции, а также членами их семей и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» и др.

4 Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях; Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»; Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации».

5 Проект федерального закона № 539969-8 Федеральный закон О внесении изменений в Федеральный закон «О введении в действие части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» (внесен 30.01.2024 депутатом Государственной Думы П. В. Крашенинниковым, сенаторами Российской Федерации А.А. Турчаком, А.А. Клишасом) // Обзор законопроекто. Выпуск за 9.02.2024 [Электронный рессурс]. – Режим доступа: «КонсультантПлюс».

Данная инициатива направлена на поддержку не только семей военнослужащих, участвующих в СВО, но и на поддержку фактически-брачные отношения (сожительство) и призвана обеспечить им оперативное решение юридических вопросов, связанных с трагическими событиями.

Основной акцент делался на необходимость защитить интересы членов «фактических» семей военнослужащих, ускоренная процедура позволит оперативно решать вопросы социального обеспечения, оформления наследства и других юридических аспектов, связанных с отсутствием или смертью гражданина.

Однако инициатива вызвала широкий общественный резонанс и спровоцировала активные дискуссии среди юристов, политиков и представителей различных социальных групп.

В то же время сегодня обсуждается все больше и больше тема фактического сожительства, который находит свое отражение в римском праве «карая супружескую неверность, Август изъял от наказания тот случай, когда сожительство имело внебрачный характер вследствие препятствий, налагаемых законом, например вследствие запрещения браков между лицами сенаторского сословия и вольноотпущенницами. Сожительство при таких условиях, если оно было сопряжено с брачными намерениями сторон и если ни одна из них не состояла в законном браке, не подлежало наказанию – extra poenam legis est. Такое сожительство называлось конкубинатом и отличалось от прочих случайных связей; дети, рожденные в конкубинате, хотя и не являлись законными, но зато отличались от незаконных; они – liberi naturals. С течением времени им предоставляются даже известные ограниченные права наследования, право быть известным образом узаконенными и т.д. Вследствие этого на конкубинат начинают смотреть как на некоторый суррогат брака» [7].

Стоит отметить, что за последние несколько лет фактические брачно-семейные отношения приобрели популярность.

В 2018 году было предложено внести изменения в Семейный кодекс РФ, касающиеся совместной собственности, алиментных обязательств и наследственных прав, чтобы приравнять их к зарегистрированному браку, однако мнения вновь разделились на сторонников и противников.

Основными аргументами в пользу изменений была необходимость защиты прав и интересов граждан, длительное время проживающих в незарегистрированных отношениях, особенно в случаях раздела имущества или смерти одного из партнеров. Подчеркивалось, что существующее законодательство ставит таких людей в уязвимое положение, лишая их возможности претендовать на совместно нажитое имущество и социальную защиту.

Противники, напротив, указывали на то, что распространение норм, регулирующих зарегистрированный брак, на фактические брачные отношения размоет понятие брака как осознанного и юридически оформленного союза мужчины и женщины. Они также высказывали опасения, что это приведет к увеличению судебных споров, связанных с определением факта совместного проживания и установлением имущественных прав.

Несмотря на активную дискуссию, поправки в Семейный кодекс так и не были приняты. Вопрос о правовом регулировании фактических брачных отношений (сожительства) остается актуальным и продолжает обсуждаться в юридической и общественной среде. Отсутствие четкого правового регулирования приводит к тому, что сожители оказываются в уязвимом положении, особенно в случае прекращения отношений или смерти одного из них.

Несмотря на активное обсуждение, предложенные изменения в Семейный кодекс РФ [3] так и не были приняты в 2018 году. Однако поднятые вопросы послужили стимулом для дальнейшего изучения и анализа семейного законодательства с целью его совершенствования и адаптации к современным реалиям.

Необходимость законодательного регулирования незарегистрированных отношений, и сохранения института брака как основы семьи требует дальнейшего изучения и взвешенного подхода.

Регулирование фактически брачных отношений, обусловлена стремлением обеспечить защиту прав и интересов граждан, живущих в сожительстве, а также создать стабильную правовую базу для регулирования имущественных и неимущественных отношений между ними.

Следовательно, на законодательном уровне, учитывая специфику фактических отношений, необходимо разработать гибкие правовые механизмы, позволяющие учитывать волю сторон и особенности каждого конкретного случая. Для этого следует установить минимальный срок совместного проживания, по истечении которого отношения признаются сожительством, порождающим определенные правовые последствия, например, 3 года. Это позволит защитить права и интересы сторон в случае прекращения отношений, особенно в вопросах раздела имущества, наследования и алиментных обязательств, а также может способствовать снижению количества судебных споров, связанных с определением фактических брачных отношений.

Также необходимо определить критерии, позволяющие установить факт сожительства, в которые входят ведение общего хозяйства, наличие общих детей и взаимная забота друг о друге.

Таким образом, законодательное регулирование фактических брачных отношений обеспечит социальную справедливость и защиту прав и интересов всех членов общества, независимо от формы их семейного союза. Это позволит снизить правовую неопределенность и обеспечить более справедливое разрешение споров, возникающих между сожителями.

Пристатейный библиографический список

1. Афасижев Т. И., Хрупин С. И. Семейно-брачные отношения в современном социокультурном пространстве России: региональный аспект // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. - 2009. - № 2.
2. Крашенинников П. В., Демкина А. В. Перспективы правового регулирования незарегистрированного в установленном порядке брчного отношения в законодательстве Российской Федерации // Семейное и жилищное право. - 2024. - № 6.
3. Левушкин А. Н. Обеспечение баланса частноправового регулирования общественных отношений в парадигме конвергенции норм права: научные воззрения доктора юридических наук, профессора А. Н. Левушкина: монография (в двух томах, том 1). - М.: Юстицинформ, 2023.
4. Летова Н. В. Семейные ценности как основа сохранения государства. - Москва: Статут, 2024.
5. Максуров А. А. О современном понимании правовой сущности брака // Гражданин и право. - 2023. - № 3.
6. Морозова О. А. Социокультурное нормирование брака: история и современность: Автореф. дис. … канд. философ. наук. - Ростов-на-дону,2012.
7. Покровский И. А. История римского права. - М.: Статут, 2004.

СЕРКЕРОВ Самур Эльмирович
кандидат юридических наук, заведующий кафедрой правовых дисциплин и методики преподавания, Факультет управления и права, Дагестанский государственный педагогический университет имени Р. Гамзатова, г. Махачкала

АБДУЛМУТАЛИМОВА Замира Магомедовна
кандидат педагогических наук, доцент кафедры правовых дисциплин и методики преподавания, Факультет управления и права, Дагестанский государственный педагогический университет имени Р. Гамзатова, г. Махачкала

ГАСАНАЛИЕВА Кахравани Магомедрамазановна
соискатель кафедры правовых дисциплин и методики преподавания, Дагестанский государственный педагогический университет имени Р. Гамзатова, г. Махачкала

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Данная статья посвящена исследованию теоретико-исторических аспектов развития гражданского законодательства в Советском Союзе. Особое внимание уделяется основным этапам реформирования законодательства, его основополагающим принципам и соотношению с идеологическими и правовыми установками эпохи. В данной статье исследуются теоретико-исторические аспекты развития гражданского законодательства в указанный период, выявляются закономерности и особенности данного процесса.
Ключевые слова: гражданское законодательство, гражданское право, институты гражданского права.

SERKEROV Samur Elmirovich
Ph.D. in Law, Head of Legal disciplines and teaching methods sub-faculty, Faculty of Management and Law, R. Gamzatov Dagestan State Pedagogical University, Makhachkala

ABDULMUTALIMOVA Zamira Magomedovna
Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor of Legal disciplines and teaching methods sub-faculty, Faculty of Management and Law, R. Gamzatov Dagestan State Pedagogical University, Makhachkala

GASANALIEVA Kahravani Magomedramazanovna
competitor of Legal disciplines and teaching methods sub-faculty, R. Gamzatov Dagestan State Pedagogical University, Makhachkala

THEORETICAL AND HISTORICAL ASPECTS OF THE DEVELOPMENT OF CIVIL LEGISLATION IN THE SOVIET PERIOD

This article is devoted to the study of the theoretical and historical aspects of the development of civil legislation in the Soviet Union. Special attention is paid to the main stages of legislative reform, its fundamental principles and correlation with the ideological and legal attitudes of the era. This article examines the theoretical and historical aspects of the development of civil legislation during this period, identifies patterns and features of this process.
Keywords: civil legislation, civil law, civil law institutions.

Гражданское законодательство играет ключевую роль в регулировании частных отношений, и его развитие в контексте советского периода представляет собой сложный и многоаспектный процесс. Советский Союз, основанный на принципах социалистической идеологии, пытался создать уникальную правовую систему, отвечающую требованиям общества, в котором главенствовала идея общественной собственности. В данной статье исследуются теоретико-исторические аспекты развития гражданского законодательства в указанный период, выявляются закономерности и особенности данного процесса.

После Октябрьской революции 1917 года перед новой властью встала задача радикального переустройства всех сфер общественной жизни, включая правовые институты. Первые декреты Советской власти, такие как Декрет о земле, Декрет о национализации промышленности и другие, заложили основы нового гражданского права, направленного на ликвидацию частной собственности и создание государственной монополии на средства производства. Эти меры были продиктованы необходимостью построения социалистического общества и устранения классовых различий.

В 1922 году была принята первая Гражданская декларация РСФСР, которая заменила дореволюционное законодательство. Этот акт отразил переход к социалистическим принципам, но с учётом необходимости восстановить экономику. В 1936 году была принята первая полная редакция Гражданского кодекса, которая закрепила важные аспекты регулирования частных отношений, однако под давлением идеологии многие элементы частного права были исключены.

Затем наступил период жесткой централизации, в котором происходит дальнейшее ужесточение регулирования гражданских правоотношений. Официальная идеология акцентировала внимание на общественной собственности, что ограничивало развитие частного предпринимательства и инициативы. Экономическая политика государства оказывала решающее влияние на содержание гражданского законодательства.

С началом реформ Хрущёва и позже Брежнева в 1960-х годах начинается процесс поиска новых форм гражданских отношений. В 1964 году был принят новый Гражданский кодекс РСФСР, который стал результатом значительных изменений в общественной практике. Этот кодекс стал более

открытым для частных инициатив и предпринимательства, что отразило общие тенденции к либерализации экономической политики [1].

Советское гражданское законодательство развивалось под влиянием нескольких теоретических концепций. Одной из главных была концепция социалистического права, отрицающая классовые противоречия и стремящаяся к гармонизации общественных интересов через правовое регулирование. Также важной стала концепция «инструментального подхода», согласно которой право рассматривалось как средство достижения социальных целей.

Важным аспектом в анализе гражданского законодательства советского периода также являлся вопрос о том, как развитие основополагающих принципов законодательства влияло на формирование юридической практики. Несмотря на доминирование социалистической идеологии, многие положения гражданского законодательства продолжали действовать, что создавало определенные противоречия в правоприменении. Например, применение норм о договоре иногда вступало в конфликт с установленными государственными приоритетами, тем не менее, сохраняло свою значимость для регулирования частных отношений.

Советское гражданское право также развивалось в условиях ограниченной правосубъектности, что касалось не только физических, но и юридических лиц. В этом контексте важным шагом было создание системы государственных и кооперативных предприятий, что отразило идеологические установки на социальный контроль над экономикой. Однако отсутствие полноценного признания прав частных собственников на протяжении большей части советского времени сдерживало динамичное развитие предпринимательской инициативы.

Немалую роль в становлении и эволюции гражданского законодательства сыграли международные правовые стандарты, особенно в последние десятилетия существования Советского Союза. Исследования показывают, что, несмотря на идеологические ограничения, под влиянием международно-правовых процессов происходило стимулирование определенных реформ на уровне внутреннего законодательства. Это создало базу для будущей интеграции с гражданским правом постсоветского времени [5, с. 67].

Необходимо также упомянуть о соотношении гражданского и уголовного законодательства в советский период. Порой гражданские правоотношения оказывались под влиянием уголовно-правовых норм, что осложняло защиту прав граждан. Такое состояние дел отразило общую тенденцию к централизации и усилению контроля со стороны государства, но также выставило на поверхность потребность в повышении правовой определенности и гарантии защиты интересов граждан.

Сохраняющееся влияние советского гражданского законодательства до сих пор ощущается в современных правовых системах, что подчеркивает значимость исторического анализа. В частности, явные следы социалистического подхода к праву видны в современных институтах, таких как обязательственное право и наследственное право. Изучение этих аспектов теоретико-исторического развития гражданского законодательства позволяет делать выводы о том, как историческая правовая традиция формирует нашу современные практики и подходы к гражданскому праву [3].

Таким образом, анализ теоретико-исторических аспектов развития гражданского законодательства в советский период выявляет не только трансформации, происходившие в рамках правовой системы, но и отражает отношения власти и граждан, а также показывает, как исторический опыт продолжает формировать правовые реалии нашего времени. Критическое осмысление этого периода необходимо для определения путей дальнейшего развития гражданского законодательства и адаптации его к современным условиям. Изучение теоретико-исторических аспектов развития гражданского законодательства в советский период является важным для понимания современных тенденций в праве. Соотношение советского и современного законодательства, а также влияние идей и норм прошлого на настоящее позволяют более глубоко понять правовые реалии и вызовы современности.

Пристатейный библиографический список

1. Гражданский кодекс РСФСР (1964) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Субботин В. А. Теория гражданского права. – М.: Юристъ, 2007.
3. Сергеева Н. Г. История гражданского права России. – М.: Статут, 2015.
4. Лотышев А. Г., Титов, С. И. Социалистическое право: Учебное пособие. – М.: Юридическая литература, 1989.
5. Кузнецов Н. Е. Гражданское право в Советском Союзе. – М.: Наука, 1980.

DOI 10.46320/2073-4506-2025-4-203-196-197

Телибекова И. М.

ТЕЛИБЕКОВА Ирина Мендигереевна
кандидат юридических наук, профессор Высшей школы естественно-гуманитарных наук, Баишев Университет, г. Актобе, Республика Казахстан; докторант, Российская государственная академия интеллектуальной собственности

ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО СТРАХОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассматривается практика образовательного страхования в Российской Федерации, имевшая место в 90-х годах прошлого века. Автором изучен опыт реализации Программы «Образовательное страхование», разработанной страховой компанией «Жива». В статье представлен обзор трудов ученых, как экономистов, так и юристов, предлагающих использовать возможности страхования для оплаты образовательных услуг.

Ключевые слова: образовательное страхование, договор страхования, страховой случай, страховщик, страхователь, застрахованное лицо, практика образовательного страхования, организация высшего образования.

TELIBEKOVA Irina Mendigereevna
Ph.D. in Law, professor of the Higher School of Natural Sciences and Humanities, Baishev University, Aktobe, Republic of Kazakhstan: doctoral student, Russian State Academy of Intellectual Property

THE LAW ENFORCEMENT PRACTICE OF EDUCATIONAL INSURANCE IN THE RUSSIAN FEDERATION

The article examines the practice of educational insurance in the Russian Federation that took place in the 1990s. The author studies the experience of implementing the «Educational Insurance» Program developed by the insurance company «Zhiva». The article presents an overview of the works of scholars, both economists and lawyers, who propose utilizing insurance opportunities for the payment of educational services.

Keywords: educational insurance, insurance contract, insured event, insurer, policyholder, insured person, educational insurance practice, higher education institution.

Широко распространенное за рубежом образовательное страхования, не является чем-то новым для Российской Федерации (далее – РФ). Дело в том, что еще в начале 90-х годов XX века в исследованиях таких экономистов как Х. З. Бадаш и А. В. Балашов [3], Т. В. Вишнякова [4] и О. А. Затепякин [6], [7] и др. представлена правоприменительная практика образовательного страхования в РФ. Так, А. В. Балашов пишет о привлечении средств в сферу образования путем сберегательного страхования и смешанного страхования [2, с. 20]. Оплата образовательных услуг осуществлялась на основе образовательных акций, векселей и облигаций накопительных займов (в Удмуртском государственном университете) [3]. В конце прошлого столетия Министерством образования и науки РФ (далее – МОН РФ) был инициирован экспериментальный проект Программы «Образовательное страхование» (далее – проект, Программа ОбрС)[1]. Проект был предложен группой ректоров (В. Журавлев, М. Иванющенкова, Б. Митин, В. Молодцова, И. Рождественская, Е. Сидоров, В. Тамбовцев, Ю. Ульянова и др.) организаций высшего образования (далее – ОВО). Министерство общего и профессионального образования РФ одобрило проект, в качестве руководителя рабочей группы был назначен ректор «МАТИ» Российского государственного технологического университета им. К.Э. Циолковского Б. С. Митин[2]. Разработчиком проекта являлась страховая компания «Жива» (президент СК «Жива» В. Хайкин), которая в июне 1997 года заключила договор с МОН РФ, а главным проводником идеи внедрения в систему образования страховой программы стал автор одной из концепции реформы системы образования замминистра А. Асмолов[3]. В проекте Программе ОбрС принимали участие МОН РФ в качестве учредителя, страховщики, более 40 ОВО, а также Фонд поддержки образования (далее – ФПО) как некоммерческое юридическое лицо. Согласно проекту Программы ОбрС родители ребенка заключали два договора: первый – договор долгосрочного страхования жизни со страховщиком через организацию образования – общеобразовательную школу или начальное/среднее профессиональное учреждение; второй договор на оказание образовательных услуг – с ФПО. По первому договору родители определялись со сроком договора и выбирали ОВО, застрахованным лицом выступало 3-е лицо – ребенок. В соответствии со вторым договором гарантировалось поступление ребенка в ОВО и оплата страховщиком обучения при выполнении двух условий: регулярной оплаты страховых взносов и успешной сдачи вступительных экзаменов в ОВО. Родителям в первом случае выдавалось свидетельство участника Программы ОбрС, а во втором – вручался образовательный сертификат.

Программа ОбрС был проанализирована экспертами и ФПО[4]. Противники данного проекта, проведя анализ его соотношения с действующим российским законодательством, подвергли критике предлагаемые «пути опосредованного поступления средств в образовательные учреждения от населения через страховые компании и некоммерческую организацию в форме фонда»[5]. Указывая на несоответствие Программы ОбрС российскому правопорядку, на возможность

1 Приказ Министерства общего и профессионального образования РФ «О предложении группы ректоров высших учебных заведений России о разработке программы «Образовательное страхование» от 15.07.98 г. № 1920. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://edu.ru/documents/view/5287/ (дата обращения: 30.03.2025).

2 Там же.

3 Панфилова Ю. «Компания Уринсона» поведет школьников в вузы. Страхование и образование // Газета «Коммерсантъ». 08.04.1998 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/196068 (дата обращения: 03.04.2025).

4 Широкова Н. Образовательное страхование: за и против // Управление школой. – 16-31.01.1999. – № 04 (100). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://upr.1sept.ru/article.php?ID=199900401 (дата обращения: 30.03.2025).

5 Там же.

нарушения прав страхователя и серьезных злоупотреблений в противовес интересам общества, критики проекта называли его финансовой пирамидой. К сожалению, в связи с тем, что Программа ОбрС не соответствовала по своему содержанию требованиям российского законодательства, она не получила должной поддержки и дальнейшего развития.

Что касается российской правовой доктрины об образовательном страховании и соответствующем договоре, то она еще не сформирована. В основном вопросами образовательного страхования занимаются представители экономической науки. В отличие от ученых-экономистов цивилисты не проявляют интереса к данной сфере. Так как в экономической доктрине есть исследования по некоторым вопросам образовательного страхования, то соответственно были предприняты попытки сформулировать соответствующую дефиницию. В частности, по мнению ученого-экономиста О. А. Затепякина образовательное страхование – это страхование, которое способствует решению задач сферы образования и общества, направлено на организацию экономических отношений в сфере образования в современных социально-экономических условиях, предусматривающее оптимальное сочетание рыночного и государственного регулирования для обеспечения устойчивое формирование рабочей силы [7, с. 8, 17, 120-121]. При этом в качестве страхового риска автор определяет вероятность наступления страхового события, связанного с финансовым обеспечением получения образования населением, а само образовательное страхование подразделяет на коммерческое – обязательное образовательное страхование и некоммерческое всеобщее государственное образовательное страхование [7, с. 18-19, 120-121]. В. А. Журавлев рассматривает накопительное страхование как оплату страховщиком образовательных услуг с целью получения образования, но автор не сформулировал определения образовательного страхования [5, с. 53]. Т. В. Вишнякова видит образовательное страхование как помощь государственного страхового фонда поддержки образования, который осуществляет страховую выплату либо ежемесячно заемщикам по долгам, образовавшимся при непогашении ими суммы займа по образовательному кредиту, либо единовременно самому банку [4]. Предлагая сформировать Государственный страховой фонд поддержки образования (далее – ГСФПО), автор отмечает, что он необходим в качестве поддержки стимулирования государством системы образовательного кредитования, где ГСФПО, заключившее договор страхования со страхователем – обучающимся в вузе и не сумевшим погасить долг за пользование образовательным кредитом, становится по отношению к последнему кредитором. То есть ГСФПО, погасив перед банком долг заемщика-обучающего, может требовать с него возврат погашенной суммы. По мнению Ю. М. Махдиевой образовательное страхование представляет собой «инструмент развития человеческого потенциала <...> механизм, позволяющий расширить возможности выбора образа жизни, принятия решений относительно личного развития» [9].

И. В. Тяпкина – единственный представитель юридической науки, предлагает свою версию образовательного страхования, где страховым случаем признается зачисление застрахованного лица на конкурсной основе в ОВО, а страховые выплаты перечисляются из Государственного образовательного фонда РФ (далее – ГОФ РФ) на счет образовательных учреждений [11, с. 8, 13, 190-197]. Причем страховые выплаты из ГОФ РФ должны быть возвращены с момента окончания ОВО с учетом их индексации, либо «отработаны» в государственных или муниципальных предприятиях в течение определенного срока. Автор, указывая на ряд ценных предложений, предлагает дополнить механизм обеспечения и реализации конституционного права на образование государственным образовательным страхованием и внедрить Образовательный кодекс [12, с. 7-9, 13].

Сегодня многие страховщики РФ предлагают программы страхования по накоплению средств для оплаты образования детей[6]. Но даже при наличии исследований ученых и опыта образовательного страхования, комплексного исследования правовых и теоретических основ образовательного страхования в российской цивилистической доктрине не было. По этому поводу А. В. Балашов, предлагающий внедрение образовательного страхования, отмечает, что имеющиеся «разработки <…> нуждаются в дальнейшей проработке и анализе как положительных моментов, так и недостатков» [2]. Об этом упоминается и в диссертации ученого [1]. Соглашаясь с этими доводами, мы так же видим образовательное страхование одним из перспективных направлений страховой отрасли [10].

Пристатейный библиографический список

1. Балашов А. В. Обоснование путей и механизмов совершенствования хозяйственно-экономической деятельности вуза: диссертация ... кандидата экономических наук: 08.00.05. – Ижевск, 1998. – 476 с., С. 155-156.
2. Балашов А. В. Привлечение средств оплаты образовательных услуг через страховой рынок // Университетское управление: практика и анализ. – 1998. – № 1 (4). – С. 20-23.
3. Балашов А. В., Бадаш Х. З. Реализация оплаты образовательных услуг в вузах с использованием ценных бумаг // Университетское управление: практика и анализ. – 1998. – № 1 (4). – С. 3-7.
4. Вишнякова Т. В. Роль страхового фонда в развитии системы образовательного кредитования // Молодой ученый. – 2009. – № 4 (4). – С. 63-67.
5. Журавлев В. А. Инвестиции и новые финансовые проекты в образовании // Университетское управление: практика и анализ. – 2002. – № 1. – С. 53.
6. Затепякин О. А. Роль и место образовательного страхования в формировании рабочей силы // Baikal Research Journal. – 2011. – № 5. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/roli-mesto-obrazovatelnogo-strahovaniya-v-formirovanii-rabochey-sily (дата обращения: 29.03.2024).
7. Затепякин О. А. Устойчивое формирование рабочей силы на основе государственного страхования сферы образования: монография / Сиб. гос. индустр. ун-т. – Новокузнецк: Изд. центр СибГИУ, 2018. – 310 с.
8. Затепякин О. А. Устойчивое формирование рабочей силы на основе государственного страхования сферы образования: дис ... доктора экономических наук: 08.00.05; [Место защиты: Нац. исслед. Том. гос. ун-т]. – Томск, 2013. – 367 с., С. 8, 17, 120-121.
9. Махдиева Ю. М. Роль образовательного страхования в формировании и развитии человеческого капитала // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2017. – № 9, Том 6. – С. 109-112, 111.
10. Телибекова И. М. Правовые основы реализации субъективного гражданского права на высшее образование посредством договора страхования // Право и государство: теория и практика. – 2022. – № 3 (207). – С. 102-105.
11. Тяпкина И. В. Правовой механизм реализации конституционного права на образования в средних и высших профессиональных учебных заведениях в России: диссертация кандидата юридических наук: 12.00.02; [Место защиты: Рос. акад. правосудия]. – Москва, 2009. – 239 с., С. 8, 13, 190-197.
12. Тяпкина И.В. Правовой механизм реализации конституционного права на образование в средних и высших профессиональных учебных заведениях в России: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.02; [Место защиты: Рос. акад. правосудия]. – Москва, 2009. – 22 с., С. 7-9, 13.
13. Широкова Н. Образовательное страхование: за и против // Управление школой. – 16-31.01.1999. – № 04 (100). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://upr.1sept.ru/article.php?ID=199900401 (дата обращения: 30.03.2025).

6 Сидорова К. Страхование для образования. Страхование сегодня. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.insur-info.ru/press/79153/ (дата обращения 31.03.2025); Детский образовательный план. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sberbank-insurance.ru/policy/obrazovatelniy_plan (дата обращения 31.03.2025); Эксперты рассказали, как накопить на учебу ребенка в вузе и не разориться. Агентство экономической информации Прайм. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://1prime.ru/finance/20191111/830528284.html (дата обращения: 31.03.2025).

ШИГОНИНА Людмила Александровна
старший преподаватель кафедры гражданского права, Крымский филиал, Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, г. Симферополь

ТОКАТЛЫ Екатерина Олеговна
студент, Крымский филиал, Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, г. Симферополь

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУЩЕСТВЕННЫХ УСЛОВИЙ ДОГОВОРА ПОДРЯДА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Статья посвящена анализу существенных условий договора подряда, описаны особенности законодательного регулирования, сопоставляются мнения ученых, приводятся актуальные позиции судов относительно существенности отдельных элементов договора, особо сконцентрировано внимание на предмете. Сделан вывод, что одни суды отождествляют понятие результата выполненной работы и её объема, другие отделяют объём работы от её результата и при отсутствии в договоре положений, конкретизирующих результат работ, к которому должны привести подрядные работы, признают предмет неопределённым, договор – незаключённым. Договор будет считаться заключённым, если существенные условия отражены в приложениях к договору. Существенными условиями договора подряда являются: предмет, под которым понимается работа вместе с овеществленным результатом ее выполнения и сроки. Для отдельных видов подряда существенными являются и иные условия.

Ключевые слова: договор подряда, подряд, существенные условия, предмет договора подряда, объем, содержание, сроки, цена, приложения, незаключённость договора подряда, овеществлённый результат.

SHIGONINA Lyudmila Alexandrovna
senior lecturer of Civil law sub-faculty, Crimean branch, V. M. Lebedev Russian State University of Justice, Simferopol

TOKATLY Ekaterina Olegovna
student, Crimean branch, V. M. Lebedev Russian State University of Justice, Simferopol

PROBLEMS OF DETERMINING THE ESSENTIAL TERMS OF A WORK CONTRACT: THEORY AND PRACTICE

The article analyzes the essential terms of the contract, describes the specifics of legislative regulation, compares the opinions of scientists, provides the current positions of the courts regarding the materiality of individual elements of the contract, and focuses on the subject. It is concluded that some courts identify the concept of the result of the work performed and its volume, others separate the volume of work from its result and, in the absence of provisions in the contract specifying the result of the work to which the contract work should lead, recognize the subject as indefinite, the contract is not concluded. The agreement will be considered concluded if the essential terms are reflected in the annexes to the agreement. The essential terms of the contract are: the subject, which is understood to be the work together with the materialized result of its execution and the deadlines. Other conditions are also essential for certain types of contract.

Keywords: contract, contract, essential conditions, subject of the contract, scope, content, terms, price, appendices, non-conclusion of the contract, materialized result.

Договор подряда - важнейшая составляющая российского договорного права, поскольку сегодня, как и всегда, существует необходимость привлекать субъектов, обладающих определёнными навыками для выполнения какой-либо работы, приводящей к конкретному результату. До сих пор среди ученых существуют разные точки зрения касательно существенных условий договора подряда в связи с отсутствием чёткой формулировки в законодательстве, что достаточно часто является причиной ошибок контрагентов при заключении такого рода договоров, а ошибки, как известно, влекут неблагоприятные последствия. Это и обуславливает актуальность рассматриваемой темы.

Перед тем как перейти к проблематике данного вопроса, необходимо раскрыть центральные понятия рассматриваемой темы. Поскольку рассматриваемый договор поименован в законодательстве, ст. 702 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) раскрывает дефиницию.

Так, под договором подряда следует понимать соглашение, которое заключают между собой две стороны, заказчик и подрядчик, первая из которых возлагает на другую сторону обязанность по передаче образованного в ходе её исполнения овеществлённого результата, сама в последствии принимает и уплачивает цену за указанный результат, другая из которых исполняет возложенную обязанность.

В рамках данного договора различают несколько категорий, а именно: бытовой подряд, строительный подряд, подряд на выполнение проектных и изыскательских работ, подрядные работы для государственных (муниципальных) нужд.

Исходя из смысла норм гражданского материального права, существенные условия договора – это базисные элементы структуры договора, которые определяют заключённость договора. Те структурные элементы, которые на законодательном или договорном уровне определяются как существенные или необходимые, причисляются к существенным условиям договора.

Указанные критерии отнесения условий договора к существенным применимы ко всем гражданско-правовым договорам. Кроме того, нельзя не отметить, что российское законодательство не лишает сторон возможности определения существенных условий в приложениях к договору, что касается и договора подряда.

Как было отмечено Е. А. Сухановым, приложения к любому договору являются частью его содержания, однако текст договора должен содержать отсылку к таким документам [1, с. 147].

В связи с этим можно сделать промежуточный вывод о том, что договор будет считаться заключённым, если существенные условия отражены в приложениях к договору при договорённости применения таких документов в договоре.

Указанное суждение подтверждается и материалами судебной практики, согласно которым между истцом и ответчиком был заключен договор подряда. При этом, предмет договора в основном тексте договора не указывался, содержалась лишь общая формулировка с отсылкой к приложению: «подрядчик обязуется произвести работы в соответствии с Приложением № 1». В связи с тем, что приложением к договору подряда конкретизировалось, какие именно работы и в отношении чего обязан произвести подрядчик, суд определил условие о предмете согласованным[1].

Характеризуя существенные условия договора с разных сторон, необходимо также привести позицию ВС РФ, согласно которой в том случае, если в договоре не зафиксирован существенный элемент договора, однако своими действиями контрагенты способствуют воплощению его в реальность и не оспаривают факт надлежащего исполнения обязательства, договор считается заключённым[2].

Исходя из того, что условие о предмете договора прямым образом определяется законодателем в абз. 2 п. 1 ст. 432 ГК РФ как существенное для всех договорных обязательств (кроме того, указанное подтверждается позицией ВАС РФ, которая не была опровергнута[3]), не возникает необходимости в подтверждении значимости данного элемента, не существует и разногласий среди исследователей, касательно существенности условия о предмете при заключении договора подряда.

Однако проблема заключается в том, что в ГК РФ не имеется четкого закрепления требований, при соблюдении которых соглашение о предмете договора является достигнутым.

В частности, О. Г. Селютина придерживаются мнения о том, что требование законодательства об указании в договоре подряда его предмета считается соблюдённым, если в договоре обозначены только содержание и объём работы [2, с. 534], что совпадает с позицией некоторых судов[4].

Исходя из буквального толкования закона, наличие определённого результата при исполнении договора подряда вытекает из смысла статей 702, 703 ГК РФ.

Кроме того, если не принимать во внимание наличие согласования результата выполняемой работы, не получится идентифицировать соглашение как договор подряда среди других договоров, что имеет значение, к примеру, при отграничении рассматриваемого договора от договора возмездного оказания услуг [3, с. 296].

Отдельно необходимо отметить о наличии в судебной практике позиции, которая отождествляет понятие результата выполненной работы и её объема[5]. Однако не все суды с этим соглашались, некоторые отделяли объём работы от её результата и при отсутствии в договоре положений, конкретизирующих результат работ, к которому должны привести подрядные работы, признавали предмет неопределённым, договор – незаключённым[6].

К слову, М. Р. Шамшатдинов и И. В. Закржевская под конкретизацией результата работ понимают включение в состав договора названия и определяющих черт, свойств такого результата [4, с. 76].

Вдобавок, существует и дискуссия касательно материальности результата работ.

Подавляющая часть исследователей считает, что результат подрядных работ должен иметь овеществленную форму. Однако другие, представителем которой является В. А. Гребенюков, указывают, что наличие материальных свойств не может являться главенствующим фактором отграничения предмета договора подряда от предметов других договоров и приводит примеры неовеществлённого результата подрядных работ (снос здания, разработанные документы, маникюр) [5, с. 131-132].

Представляется, что во всех приведённых примерах работа подрядчика всё же имеет форму внешней объективации, поскольку результат воспринимается органами чувств человека, является видимым и осязаемым.

Полагаем, что овеществленный характер результата работ следует из буквального толкования ГК РФ, что подтверждается позицией кассационных судов, которые определяют овеществлённость и отделимость результата работ от подрядчика как принципиально важные его свойства[7].

Обсуждение существенного условия в договоре подряда имеет правовое значение для его обособления от договора возмездного оказания услуг, поскольку в последнем ни деятельность исполнителя, ни ее результат не имеют вещественного содержания [6, с. 155], в связи с чем, если мы согласимся с тем, что результат подрядных работ может быть неовеществлённым, то мы практически приравняем договор подряда к договору возмездного оказания услуг.

Кроме того, В. А. Гребенюков в предмете договора подряда выделяет два вида работ – преобразующие, при которых их результат неотделим от другого объекта и работы по созданию нового блага, при которых их результат является отделимым [5, с. 131], что на наш взгляд не совсем верно.

Поскольку, согласно ст. 702 ГК РФ, подрядчик сдаёт результат выполненной работы заказчику, можно сказать,

1 Решение Хостинского районного суда г. Сочи Краснодарского края от 17.04.2023 г. по делу № 2-1322/2023. // СПС «Гарант»: по подписке (дата обращения: 09.03.2025).

2 Обзор Судебной практики Верховного Суда РФ N 3 (2020) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.11.2020) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации, март 2021 г. № 3. п. 7.

3 Определение ВАС РФ от 05.08.2011 г. № ВАС-10009/11 «Об отказе в передаче дела в Президиум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации». // СПС «Гарант»: по подписке (дата обращения: 01.03.2025).

4 Апелляционное определение СК по гражданским делам Суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 23.08. 2022 г. по делу № 33-1759/2022. // СПС «Гарант»: по подписке (дата обращения: 01.03.2025).

5 Апелляционное определение СК по гражданским делам Алтайского краевого суда от 19.03. 2024 г. по делу № 33-1865/2024. // СПС «Гарант»: по подписке (дата обращения: 01.03.2025).

6 Апелляционное определение СК по гражданским делам Верховного Суда Республики Крым от 20 декабря 2017 г. по делу № 33-10692/2017. // СПС «Гарант»: по подписке (дата обращения: 01.03.2025).

7 Определение СК по гражданским делам Первого кассационного суда общей юрисдикции от 28.03.2024 г. по делу № 8Г-4258/2024 [88-8195/2024] // СПС «Гарант»: по подписке (дата обращения: 01.03.2025).

что законодатель определяет важным фактором результата работ его отделимость именно от подрядчика (его работы), иначе передать результат не представиться возможным, однако деление работ в предмете договора подряда на неотделимые и отделимые (от подрядчика, его работы) считаем логичными, исходя из ст. 703 ГК РФ, предусматривающей преобразовательный и качественно новый характер работы, однако такое деление несет лишь теоретическую значимость.

Обратимся к нормам параграфа 1 главы 37 ГК РФ, которые закрепляют сущность договора подряда, однако они позволяют по - разному воспринимать их содержание, в связи с чем и возникают разногласия по поводу предмета договора подряда. Возможно, Пленуму ВС РФ было бы не лишним разъяснить соблюдение каких требований необходимо для правильного определения сторонами существенных условий договора подряда.

Дополнительно отметим, что определение содержания работы осуществляется посредством указания на вид работы, который надлежит выполнить подрядчику. Если работа подрядчика предполагает выполнение не одного вида работ, а нескольких, необходимо назвать в договоре (в приложении к нему) каждый из этих видов [4, с. 76].

Как отмечает Е. В. Разумовская, обозначение содержания предоставляет заказчику и подрядчику возможность определить другие существенные условия и ставится в зависимость от конкретного вида подрядных работ. Кроме того, для более полного согласования вышеуказанного условия и для идентификации переданной вещи, в договоре подряда на обработку вещи необходимо детализовать передаваемую вещь [6, с. 157].

Несомненно, расчет стоимости выполняемых подрядчиком работ будет произведен исходя из объема выполненной работы, что ещё раз показывает взаимосвязь составных частей предмета с иными условиями договора, обладающими признаком существенности.

В дополнение, помимо уточнения количества действий подрядчика, необходимо прописывать количество и размеры вещей, подлежащих обработке, уничтожению, переработке или числовой критерий объектов, подлежащих изготовлению или получаемых в результате переработки [6, с. 158].

Как было сказано ранее, существенные условия могут содержаться, помимо текста основного договора, в его приложениях. Однако, как отмечает Ю. А. Серкова, в договоре строительного подряда объем и содержание работ в обязательном порядке должны быть указаны в приложениях к договору, а именно в технической документации. Одновременно с этим в отдельных случаях при отсутствии такой документации договор может быть признан заключённым при достижении соглашения по существенным условиям в иной форме [7, с. 148].

Как мы видим, в части определения содержания и объема работы у ученых отсутствуют разногласия, исследователи дополняют позиции друг друга в своих трудах, однако для более правильного понимания составных элементов предмета договора подряда, содержания и объема необходимо обратится к судебной практике.

Так, между истцом (подрядчиком) и ответчиком (субподрядчиком) был заключен договор строительного подряда на выполнение комплекса работ по монтажу автоматического пожаротушения (работы). Истец перечислил аванс, а ответчик не выполнил большую часть строительных работ, предусмотренных договором. Подрядчик обратился с иском о взыскании неосновательного обогащения. Суд первой инстанции удовлетворил требования истца, однако апелляционный суд не согласился с его позицией поскольку по договору ответчик обязался выполнить комплекс работ: монтаж автоматического пожаротушения, а также работы, неразрывно связанные с объектом строительства нового аэровокзального комплекса в аэропорту. Из буквального толкования суд пришел к выводу, что работы, которые входят в «комплекс» не перечислены, объем работ (протяжённость в метрах, этажи, площадки) не указан, неразрывно связанные работы установить невозможно[8].

Из рассмотренного примера усматривается, что необходимо указывать в договоре строительного подряда (приложениях к нему) объем работ. Это можно было сделать путем описания через слова «протяжённость в метрах», «этажи», «площадки». Кроме того, поскольку название работ имело обобщённый характер, в договоре (приложениях к нему) необходимо было прописать, какие именно работы подразумеваются, поскольку при отсутствии указанного невозможно определить предмет.

Перейдём к согласованию условия о сроках. Ранее, до 2009 года, суды склонялись к тому, что согласование сроков в договоре подряда не обязательно и применяли правила ст. 314 ГК РФ о разумном сроке выполнения. Однако в настоящее время сформировалось единое мнение по этому вопросу, согласно которому срок выполнения подрядных работ является существенным[9].

Рассмотрим конкретный случай из судебной практики, где истец обратился с требованием о взыскании денежных средств и процентов за пользование по смешанному договору, содержащему элементы договора подряда и договора возмездного оказания услуг, в связи с тем, что ответчик не исполнил обязательство по оплате.

Установив согласование сторонами в положениях договора его предмета, стоимости работ, сроков оказания услуг и выполнения работ, суд первой инстанции пришёл к выводу о согласовании сторонами всех его существенных условий, т. е. посчитал договор заключенным и удовлетворил иск. Дело было обжаловано в вышестоящие инстанции, которые поддержали решение суда первой инстанции[10]. Каждая инстанция, анализируя смысл п. 1 ст. 702 ГК РФ и п. 1 ст. 708 ГК РФ, приходила к выводу, что применительно к договору подряда существенными являются условия о предмете и сроках выполнения подрядных работ.

Касательно цены, как элемента договора подряда, последние годы суды придерживаются мнения о несущественности согласования цены договора подряда[11].

8 Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 27.09.2023 г. № 03АП-4211/23 по делу № А33-30862/2022 // СПС «Гарант»: по подписке (дата обращения: 15.02.2025).

9 Путеводитель по судебной практике. Подряд. Общие положения. // СПС «КонсультантПлюс».

10 Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 29.03.2023 № Ф07-700/2023 по делу № А21-12358/2021 // СПС «Гарант»: по подписке (дата обращения: 02.03.2025).

11 Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 01.08.2023 № Ф06-5820/2023 по делу № А65-30284/2022 // СПС «Гарант»: по подписке (дата обращения: 02.03.2025).

Продолжая, стоит указать, что условия о цене являются существенными лишь в трёх видах договора подряда, а именно в договоре строительного[12], бытового подряда (не только цена, но и порядок оплаты)[13] и подряде для государственных и муниципальных нужд[14], поскольку российское законодательство обязывает согласовывать такое условие при заключении данных видов договора подряда. В остальных видах при отсутствии такого элемента будет применятся правило, установленное п. 3 ст. 424 ГК РФ, в соответствии с которым исполнение договора оплачивается по цене, которая при сравнимых обстоятельствах обычно взимается за аналогичные работы.

В договоре указываются сама цена подлежащей выполнению работы или способы ее определения. Цена в договоре подряда складывается из двух составляющих и включает в себя, во-первых, компенсацию издержек, понесенных подрядчиком, и во-вторых, причитающееся ему вознаграждение за выполненную работу. По общему правилу, цена представляет собой денежную сумму, однако п. 1 ст. 713 ГК РФ допускает возможность включения в цену работы и стоимость остающихся у подрядчика неизрасходованных материалов в случае согласия заказчика, то есть цена может выражаться в ином предоставлении.

Согласно п. 3 ст. 709 ГК РФ, цена работы может быть определена путем составления сметы (в договоре строительного подряда её составление является обязательным), которая представляет собой определение (подсчёт) затрат, необходимых для выполнения работ, в денежной форме. Если смету составил подрядчик, то заказчик должен подтвердить её для того, чтобы смета приобрела свойство обязательности и стала частью договора[15].

Таким образом, существенные условия любого договора – это базисные элементы структуры договора, которые определяют заключённость договора.

Проведя анализ судебной практики, можно отметить, что некоторые отождествляют понятие результата выполненной работы и её объема, другие отделяют объём работы от её результата и при отсутствии в договоре положений, конкретизирующих результат работ, к которому должны привести подрядные работы, признают предмет неопределённым, договор – незаключённым. Среди ученых отсутствуют разногласия в части определения содержания и объема работы. Суды же указывают на необходимость указания в договоре строительного подряда (приложениях к нему) объема работ путем описания через слова «протяжённость в метрах», «этажи», «площадки».

Существенными условиями договора подряда являются: предмет, под которым понимается работа вместе с овеществленным результатом ее выполнения и сроки. Но для таких видов подряда, как строительный подряд, подряд для государственных и муниципальных нужд, бытовой подряд существенными являются также условия о цене, для строительного подряда существенным является согласование сметы, состава и содержания технической документации. Договор также будет считаться заключённым, если существенные условия отражены в приложениях к договору.

12 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 13.12.2024) // Собрание законодательства РФ, 29.01.1996, № 5, ст. 740, 743.

13 Апелляционное определение Чкаловского районного суда г. Екатеринбурга Свердловской области от 14.12.2023 г. по делу № 11-356/2023. // СПС «Гарант»: по подписке (дата обращения: 02.03.2025).

14 Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ (ред. от 26.12.2024) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Собрание законодательства РФ, 29.01.1996, № 5, ст. 34.

15 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 13.12.2024) // Собрание законодательства РФ, 29.01.1996, № 5, ст. 709.

Пристатейный библиографический список

1. Суханов Е. А. Российское гражданское право: В 2 т. Обязательственное право: Учебник. - Москва: Статут, 2011. - Том 2, 2-е издание, стереотипное. - 1208 с.
2. Селютина О. Г. Актуальные проблемы регулирования отношений по договору подряда // Интеграция науки в условиях глобализации и цифровизации: материалы XIII Международной научно-практической конференции: в 2 ч. Том Часть 1. - Ростов-на-Дону, 2021. -С. 533-535.
3. Казаченок О. П. Соотношение договора подряда и договора возмездного оказания услуг // Наука и современность. - 2014. - № 29. - С. 292-297.
4. Шамшатдинов М. Р., Закржевская И. В. Существенные условия договора подряда // Вестник науки и образования. - 2017. - № 6 (30). - С. 75-78.
5. Гребенюков В. А. Материальный (овеществлённый) результат как квалифицирующий признак договора подряда // Вестник науки. - 2024. - № 9 (78). - С. 129-133.
6. Разумовская Е. В. Договорное право. Особенная часть: учебник для вузов. - 3-е изд., перераб. и доп. - Москва: Издательство Юрайт, 2025. - 456 с.
7. Серкова Ю. А. Классификация условий договора применительно к существенным условиям договора строительного подряда // Ученые записки Казанского государственного университета. - 2008. - № 5. - С. 144-152.

DOI 10.46320/2073-4506-2025-4-203-202-203

Ястремский И. А.

ЯСТРЕМСКИЙ Иван Анатольевич
адвокат ННО Ленинградской областной коллегии адвокатов, филиал Адвокатская контора «Пелевин и партнеры»

СЛУЧАИ, ПРИ КОТОРЫХ ДОПУСКАЕТСЯ ПРЕДОСТАВЛЕНИЕ СВЕДЕНИЙ, СОСТАВЛЯЮЩИХ ВРАЧЕБНУЮ ТАЙНУ БЕЗ СОГЛАСИЯ ГРАЖДАНИНА ИЛИ ЕГО ЗАКОННОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЯ

Раскрывается понятие врачебной тайны. Обращается внимание на недопустимость по общему правилу разглашения врачебной тайны пациента. Рассматриваются основания раскрытия ее без согласия лица. Право на сохранение информации о состоянии здоровья не является абсолютным и некоторые исключения из правил конфиденциальности отвечают интересам самого пациента или общественным интересам. Существуют обстоятельства, в том числе установленная законом обязанность делиться определенной информацией, например, сообщать о заболеваниях, подлежащих уведомлению, когда медицинской клинике придется раскрыть или разрешить доступ к информации, содержащейся в медицинской карте пациента. Например, разглашение информации может быть обосновано в интересах защиты общества и его членов от рисков распространения опасных инфекционных заболеваний или совершения преступных деяний. Польза от такого раскрытия должна перевешивать риск того, что пациенты могут не обратиться за медицинской помощью или могут изменить личную информацию, которую они раскрывают своему врачу из-за опасений, что конфиденциальность будет нарушена. При этом клинике не следует раскрывать информации больше, чем это требуется. Отмечено, что в законе четко не урегулировано право врача разгласить врачебную тайну, в целях защиты безопасности пациента или других лиц, что является пробелом. Сделано предложение добавить данное основание в закон.

Ключевые слова: врачебная тайна, сведения, согласие, пациент, конфиденциальность.

YASTREMSKIY Ivan Anatoljevich
lawyer, NGO of the Leningrad Regional Bar Association, Pelevin and Partners Law Firm branch

CASES IN WHICH IT IS ALLOWED TO PROVIDE INFORMATION CONSTITUTING A MEDICAL SECRET WITHOUT THE CONSENT OF A CITIZEN OR HIS LEGAL REPRESENTATIVE

The concept of medical secrecy is revealed. Attention is drawn to the inadmissibility, as a general rule, of disclosing the patient's medical secrets. The grounds for disclosing it without the consent of the person are being considered. The right to preserve health information is not absolute, and some exceptions to confidentiality rules are in the best interests of the patient or the public interest. There are circumstances, including a statutory obligation to share certain information, for example, to report diseases to be notified when a medical clinic will have to disclose or allow access to information contained in a patient's medical record. For example, disclosure of information may be justified in the interests of protecting society and its members from the risks of spreading dangerous infectious diseases or committing criminal acts. The benefits of such disclosure should outweigh the risk that patients may not seek medical help or may change the personal information they disclose to their doctor due to concerns that their privacy will be violated. At the same time, the clinic should not disclose more information than is required. It is noted that the law does not clearly regulate the right of a doctor to disclose medical secrets in order to protect the safety of a patient or other persons, which is a gap. A proposal has been made to add this basis to the law.

Keywords: medical secrecy, information, consent, patient, confidentiality.

Врачебная тайна – сведения, полученные при медицинском обследовании и лечении, конфиденциальность данной информации обеспечивает ограничение доступа к ней. Медицинская клиника и ее работники несут ответственность за сохранность указанных сведений.

Клиника не вправе разглашать в отсутствие согласия пациента информацию, полученную врачом в рамках своей профессиональной деятельности. Даже если медицинская информация получена через третью сторону, врач имеет этический долг не разглашать ее, так как это может нанести ущерб доверию и отношениям между врачом и пациентом.

При оказании медпомощи получение информации о состоянии здоровья пациента имеет важное значение [2].

В целях защиты прав пациентов, обоснованным представляется предложение законодательно уточнить состав сведений, входящих во врачебную тайну [7, с. 107].

Конфиденциальность сведений защищает от их противозаконного использования. Соблюдение врачебной тайны является свидетельством безопасности соответствующей информации и положения пациента, что позволяет врачам установить открытые и доверительные отношения с пациентами, способствуя высокому качеству услуг. Конфиденциальность информации в отношении пациента лежит в основе надлежащего оказания медицинских услуг. Доверительные отношения способствуют лучшему взаимодействию и более качественным услугам врача.

Медицинские работники, которые серьезно относятся к своим обязательствам по обеспечению конфиденциальности и уделяют время четкому объяснению правил конфиденциальности, с большей вероятностью будут иметь пациентов, которые честно сообщают о своих симптомах. Это облегчает врачам принятие более обоснованных решений, постановке точного диагноза и персонализированного плана лечения, которые в последующем приведут к лучшим результатам для здоровья пациента.

Клиникам пластической хирургии необходимо сохранять конфиденциальность и защищать изображения пациентов, поэтому специалисты должны знать о правовой незащи-

щенности обмена изображениями с помощью электронных устройств и принимать меры по обеспечению безопасности изображений, чтобы защитить не только пациента, но и медицинского работника и саму клинику.

Государство своим гражданам гарантирует право на охрану конфиденциальной информации. Но без адекватной правовой защиты это право остается не более чем декларацией [1]. Поэтому за разглашение врачебной тайны предусмотрена ответственность – дисциплинарная, административная, гражданско-правовая и уголовная.

Так, за раскрытие врачебной тайны пациент может взыскать с клиники компенсацию морального вреда. Узнав, что сведения о его здоровье стали известны посторонним, пациент может испытывать нравственные и физические страдания (переживать, волноваться, ощущать дискомфорт, что может привести к ухудшению здоровья, например, повышению давления, головным болям).

Федеральным законом «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 323-ФЗ (далее – закон) установлен исчерпывающий перечень случаев разглашения врачебной тайны без согласия пациента, так в соответствии с п. 4 ст. 13 закона, врачебная тайна подлежит разглашению:

1. Для осуществления медобследования и лечения несовершеннолетних лиц и лиц, признанных недееспособными. Врачи должны руководствоваться принципом наилучших интересов, принимая во внимание ранее высказанные пожелания и совещаться с соответствующими опекунами;

2. При угрозе распространения инфекционных заболеваний;

3. По запросу правоохранительных органов. В то же время в данном случае имеется законодательный пробел, поскольку в пункте не указан адвокат как лицо, которое вправе получать сведения о пациенте, что ставит его в неравное положение с органами власти и препятствует оказанию юридической помощи. Целесообразно включить в состав управомоченных субъектов адвоката [8];

4. При обмене информацией медорганизациями, в целях оказания медицинской помощи;

5. Для контроля качества и безопасности меддеятельности. При проведении данных мероприятий высока вероятность проверки сведений, образующих врачебную тайну. При этом должностные лица, проводящие контрольные мероприятия, должны соблюдать конфиденциальные сведения и использовать их только для выполнения своих должностных обязанностей в рамках контроля.

6. В иных предусмотренных законом случаях.

В то же время в п. 4 ст. 13 закона четко не урегулировано право врача разгласить врачебную тайну, в целях защиты безопасности пациента или других лиц, что, по мнению автора, является пробелом. Например, психолог может раскрыть информацию о дееспособном совершеннолетнем пациенте, который говорит о самоубийстве или раскрывает свое намерение причинить кому-то вред. Автор считает целесообразным добавить данное основание в закон.

Итак, крайне важно, чтобы пациенты были уверены в том, что их личная информация защищена врачом. Существует вполне реальный и серьезный риск того, что пациенты могут либо не посещать врача, либо могут ограничить или сфальсифицировать личную информацию, которую они предоставляют своему врачу, из-за опасений, что конфиденциальность может быть нарушена, что может привести к серьезным последствиям для здоровья пациента. Врачи несут общую этическую и юридическую обязанность защищать конфиденциальность личной информации своих пациентов, включая их медицинские записи.

Однако право на защиту врачебной тайны не является абсолютным и некоторые исключения из правил конфиденциальности отвечают интересам самого пациента или общественным интересам. По общему правилу, раскрытие врачебной тайны в отсутствие согласия пациента не разрешается. Однако существуют строго установленные законом случаи, когда это допускается.

Существуют обстоятельства, в том числе установленная законом обязанность делиться определенной информацией, например, сообщать о заболеваниях, подлежащих уведомлению, когда медицинской клинике придется раскрыть или разрешить доступ к информации, содержащейся в медицинской карте пациента. Например, разглашение информации может быть обосновано в интересах защиты общества и его членов от рисков распространения опасных инфекционных заболеваний или совершения преступных деяний.

Польза от такого раскрытия должна перевешивать риск того, что пациенты могут не обратиться за медицинской помощью или могут исказить информацию, которую они передают врачу из-за опасений, что конфиденциальность будет нарушена. При этом клинике не следует раскрывать информации больше, чем это требуется.

Передача информации о пациенте в отсутствие его согласия может быть оправданной в его интересах, которые он не способен осознавать в силу определенных объективных причин или если общественный интерес в раскрытии информации перевешивает интерес пациента в сохранении ее конфиденциальности. Независимо от оснований разглашения информации из медицинской карты пациента без согласия пациента он уведомляется об этом, и факт передачи документально фиксируется.

Руководители медицинских клиник должны понимать необходимость сохранения врачебной тайны и существующие законные основании ее разглашения, а также то, что передача сведений, образующих врачебную тайну, в отсутствие данных оснований – это один из признаков профнепригодности [5].

Пристатейный библиографический список

1. Диваева И. Р., Ермоленко Т. В. Ответственность медицинских работников за разглашение врачебной тайны // Журнал «Право: ретроспектива и перспектива». – № 1 (5), январь-март. – 2021.
2. Пащенко П. С. Правовые проблемы врачебной тайны // E-Scio. – 2020.
3. Пушкарева А. Н. Правовая природа защиты врачебной (или медицинской) тайны по законодательству Российской Федерации // Власть закона. – 2016. – № 1 (25). – С. 196-203.
4. Радов В. В., Журилов Н. В. Проблемы права в регламентации врачебной тайны // Медицинское право: теория и практика. – 2020. – Т. 6, № 2 (12). – С. 142-149.
5. Рыжова О. А., Паменкова И. А. Ответственность за разглашение врачебной тайны // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». – 2017. – Т. 5, № 3 (19).
6. Серебряков А. А. Допустимость предоставления сведений, составляющих врачебную тайну, в публичных интересах // Российско-азиатский правовой журнал. – 2020. – № 1. – С. 28-32.
7. Феоктистов Д. Е. Теоретические вопросы правового режима сведений, составляющих и не составляющих врачебную тайну // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». – 2021. – Т. 9, № 3. – С. 99-109.
8. Рубанова М. Е., Портенко Н. Н., Масляков В. В. Правовые аспекты врачебной тайны. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-aspekty-vrachebnoy-tayny?ysclid=lvrqpp8ya5455673999.

АБДУЖАЛИЛОВ Тимур Фарходович
магистр Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

ПАНТЕЛЕЕВА Анастасия Александровна
магистр Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

ФОГЕЛЬ Алена Александровна
кандидат технических наук, доцент Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

ПОНОМАРЕНКО Анатолий Васильевич
кандидат педагогических наук, доцент Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

СИСТЕМА ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРИРОДОРЕСУРСНЫЕ НАРУШЕНИЯ В СФЕРЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ И ОХРАНЫ ОБЪЕКТОВ ЖИВОТНОГО МИРА

В статье описываются особенности юридической ответственности за природоресурсные нарушения в сфере использования и охраны объектов животного мира. При помощи формально-юридического метода и применения юридического толкования производится всестороннее исследование системы юридической ответственности в природоресурсной сфере в ключе грамотности её нормативно-теоретического построения и технически-прикладной реализуемости. Определяются достоинства действующих нормативных установок и приводятся способы по нивелированию выявленной проблематики правового регулирования. Авторы акцентируют вектор исследования на вопросах правовой охраны и использования объектов животного мира, выделяя особенности их правового режима и специфику юридической ответственности в данной области. По итогам исследования формируются предложения о совершенствовании нормативно-правового регулирования посредством конкретизации положений о юридической ответственности за природоресурсные нарушения. Результаты исследования носят интегративный характер и потенциально применимы для увеличения эффективности охраны и использования объектов животного мира.

Ключевые слова: оценка ущерба, объекты окружающей среды, правовые основы, экологическая экспертиза, устойчивое развитие, межотраслевое исследование, природоресурсное право, комплексный подход, юридическая ответственность, минимизация правонарушений, правовая оценка, животный мир, объекты права.

ABDUZHALILOV Timur Farhodovich
magister of the Higher School of Jurisprudence and Forensic Engineering Expertise, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

PANTELEEVA Anastasiya Alexandrovna
magister of the Higher School of Jurisprudence and Forensic Engineering Expertise, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

FOGEL Alena Alexandrovna
Ph.D. in technical sciences, associate professor of the Higher School of Jurisprudence and Forensic Engineering, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

PONOMARENKO Anatoliy Vasiljevich
Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor of the Higher School of Jurisprudence and Forensic Engineering, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

THE SYSTEM OF LEGAL LIABILITY FOR ENVIRONMENTAL VIOLATIONS IN THE SPHERE OF WILDLIFE USE AND PROTECTION

The article describes the features of legal liability for natural resource violations in the sphere of use and protection of wildlife objects. With the help of the formal legal method and the application of legal interpretation, a comprehensive study of the system of legal liability in the natural resource sphere is carried out in the key of literacy of its normative and theoretical construction and technical and applied feasibility. The advantages of the existing regulatory frameworks are determined and the ways to level the identified problems of legal regulation are provided. The authors focus the research vector on the issues of legal protection and use of wildlife objects, highlighting the features of their legal regime and the specifics of legal liability in this area. Based on the results of the study, proposals are being formed to improve the regulatory legal regulation by specifying the provisions on legal liability for natural resource violations. The results of the study are integrative in nature and potentially applicable to increase the efficiency of the protection and use of wildlife objects.

Keywords: damage assessment, environmental objects, legal framework, environmental expertise, sustainable development, interdisciplinary research, natural resource law, integrated approach, legal liability, minimization of offenses, legal assessment, wildlife, objects of law.

Грамотное решение вопросов об устойчивом развитии стоит на повестке дня перед научным сообществом уже несколько десятилетий с момента проведения тематической конференции ООН в Рио-де-Жанейро. Вопросы по устойчивому регулированию использования объектов окружающей среды и природного мира остаются открытиями в смысле их

глобальной правовой регламентации, в связи, с чем наблюдается дифференцированный порядок юридической техники урегулирования на уровне каждого отдельного государства. В Российской Федерации данная проблема выбора пути наиболее грамотного правового регулирования также является острой, причём, дискуссии вызывают и теоретические аспекты правового регулирования, и эффективность практической реализации правовых норм, в том числе, и в процессе применения механизмов юридической ответственности к природопользователям-нарушителям [1, с. 87].

Важно заметить и состояние прогресса современного общества в технических и машинно-вычислительных отраслях деятельности. Современные технолого-цифровые возможности позволяют автоматизировать множество процессов, а также упростить механизмы природопользования, в связи, с чем закономерно увеличивается и интенсивность воздействия на окружающую среду, и отдельные компоненты флоры и фауны. Более того, все эти компоненты взаимосвязаны между собой и вред, причинённый одному компоненту, может вызвать негативные последствия для других элементов единой экосистемы.

Система юридической ответственности за природоресурсные нарушения в сфере использования и охраны объектов животного мира является межотраслевой. К нарушителям могут применяться меры уголовной ответственности, к примеру, в случае осуществления незаконной охоты. Виновные в нарушении законодательства могут также быть привлечены к административной ответственности. В случаях с правонарушениями в сфере административного и уголовного права порядок привлечения к ответственности достаточно логичен, понятен: к нарушителю применяются карательные меры, преимущественно выраженные в форме штрафа, но в некоторых случаях могут быть связаны и с лишением свободы. Важно заметить, что привлечение к уголовной или административной ответственности не исключает возможности предъявления одновременного гражданско-правового требования к лицу, нарушившему норму права.

Отдельное внимание нужно уделить гражданско-правовой ответственности. Юридически, наблюдается парадокс дуализма правопонимания природоресурсных объектов. Ряд исследователей, придерживающихся «процивилистической концепции», как следует из доктринальной сводки [2, с. 147] полагает, что природные объекты причисляются к гражданско-правовым и не нуждаются в дополнительных компенсаторных механизмах правовой охраны в случае наблюдения нарушений, однако, в данной же сводке указано на то, что этот концепт не обладает особой популярностью в научном сообществе. Более релевантна концепция комплексного исчисления вреда, наносимого объектам окружающей среды, учитывающая отдельные природоресурсные характеристики объектов. С комплексным подходом необходимо согласиться ввиду множества факторов, среди которых индивидуализированность природоресурсных объектов, тесный характер связи и взаимообусловленности между объектами окружающей среды, а также сложность в оценке нанесённого вреда ввиду возможности его дальнейшего распространения со временем.

Вред, причинённый окружающей среде, технически может распространяться не только на природные компоненты и их взаимосвязи, но и на социальные группы, проживающие на соответствующих территориях, тем самым оказывая негативное влияние на «здоровье человека» [3, с. 237]. В частности, при анализе законодательства и положений конституции можно выявить закономерности между природными ресурсами и деятельностью соответствующих народов, то, что природные ресурсы охраняются не только в качестве объектов гражданского права в рамках экономических предписаний, но и в рамках их экологического значения в качестве охраняемой основы жизни.

В нормативных актах превалирующее значение отдаётся земельным объектам, которые выделяются отдельно, однако система построения положений нормативного конструкта позволяет выявить тождественность правовой охраны всех объектов флоры и фауны и неумолимость значимости их юридической охраны. Законодательство, регулирующее отдельные объекты природоресурсного права представляет собой сложную амальгаму нормативных правовых актов, которые составляют собой единый регулятивный конструкт, однако, сфера такого регулирования является сложной и разнообразной, в связи, с чем правовые акты носят больше фрагментарный характер в отношении каждого конкретного объекта или группы социальных отношений в зависимости от специфики таковых.

В связи с этим, подчеркнём дуализм теоретического построения регулятивных норм в сфере использования природоресурсных объектов, так как с одной стороны такие положения составляют единую систему регулирования, с другой стороны, каждый акт направлен на точечное регулирование определённого пласта социальных отношений. Научное сообщество также обращает внимание на двойственность теоретического концепта нормативного регулирования, более того, подобная сложность наблюдается и в правоприменительной практике при оценке ущерба [4, с. 187]. К примеру, в случае с разливом природных ископаемых при транспортировке вред оценить весьма сложно, так как при первоначальной оценке невозможно с точностью рассчитать последствия загрязнения. В таких случаях восстановительные меры необходимо принимать и для охраны объектов животного мира и восстановления среды их благоприятного обитания.

Природопользование может осуществляться с помощью обширного спектра технических средств и приёмов, а также в различных природных условиях, дифференцированных по объектам использования. Современные правовые нормы достаточно подробно регламентируют порядок осуществления хозяйственной деятельности, вопросы её согласования с государственными органами, а также описывают меры ответственности за нарушение установленных правил, однако, нарушения могут носить как прямой, так и косвенный характер, а вред может наступить как вследствие умышленных нарушений, так и в случае неосведомлённости субъекта инкрементируемого деяния о точном состоянии оборудования и средств, использование которых направлено на пользование природоресурсными объектами. В таких казусах важно провести анализ ситуации и определить, была ли возможность у нарушителя предотвратить негативное воздействие и в случае невозможности такого предотвращения, привлечь к ответственности лиц, по чьей вине вышло из строя оборудование или была допущена иная техническая ошибка в порядке регресса. Но даже в случае успешного привлечения субъектов к ответственности, сохраняется сложность процесса оценки нанесённого вреда.

Так, в ходе анализа доктринальных источников было выяснено, что имеет место дискуссия в теоретической разработке юридической ответственности за природоресурсные нарушения, которая обусловлена многогранностью и сложностью правоотношений в области использования объектов окру-

жающей среды и практическая проблематика, выраженная в сложности совокупного и исчерпывающего определения нанесённого вреда, так как его масштабы динамичны и возможно релокация негативного воздействия как с одной площади на другую, так и между различными объектами флоры и фауны, как в случае с негативным влиянием на популяции объектов животного мира, которые находятся в непосредственной близости с очагом правонарушения.

Особую сложность для технической оценки нанесённого вреда представляют нарушения, негативное воздействие после которых причиняется смежным объектам окружающей среды. К примеру, в случае с возникновением нарушения при пользовании недрами на континентальном шельфе и в случае разлива полезных ископаемых в рамках такой деятельности, вред причиняется не только водным объектам, правовое регулирование которых подпадает под действие ВК РФ, но и животному миру [5, с. 13], объекты которого регулируются положениями других законов, а вред, причинённый которым исчисляется по особым специализированным методикам и может усиливаться в силу распространения вреда с течением времени.

Так, в связи с наличием острой проблематики, выявленной в доктринальных источниках нужно комплексное правовое усовершенствование мер «государственного управления в области охраны и использования объектов животного мира» [6, с. 163]. Применение такого подхода может стать фундаментом для нивелирования имеющихся недостатков в эффективности реализации конструкта нормативного регулирования. По итогам проведения синтеза научных предложений по решению выявленной проблематики можно выделить достоинства мер прокурорского реагирования. Надзорная деятельность данного органа государственной власти является фундаментальной в вопросах применения мер юридической ответственности за природоресурсные нарушения в сфере использования и охраны объектов животного мира, а также при надзоре за деятельности других органов власти. По данным из научных источников, прокуратура имеет достойные успехи в выявлении природоресурсных нарушений [7, с. 156], причём, темпы положительных тенденций усиливаются с каждым годом, что свидетельствует об эффективности работы природоохранной прокуратуры.

В заключение отметим, что современное правовое регулирование объектов природоресурсного права неоднородно и при помощи законодательных механизмов гипотетически может быть унифицировано и приведено к единоначалию, однако, такой процесс будет осложнён многоаспектностью и разнообразием объектов животного мира, каждый из которых имеет своё индивидуально-определённое и неповторимое значение. В связи с чем, существует проблема оценки вреда, которая может быть решена при достижении развития нейро-программирования и машинных алгоритмов вычислительных мощностей, с помощью которых в ближайшее время возможным станет создание нейросети, способной с помощью фото-исчисления и при подключении датчиков исчислять более точные показатели ущерба. Для реализации такой задумки возможно создание конкурса грантов в данной сфере по решению указанного вопроса, а также всестороннее развитие правовой регламентации инноваций в данной сфере, так как развитие технических возможностей и их правовая регламентация – два процесса, которые могут существовать в связке, дополняя друг друга. Правовые меры поддержки со стороны государства вполне вероятно могут окупиться на перспективе долгосрочно применения полученных алгоритмов и их правового закрепления. Также в рамках частно-юридических доводов необходимо выделить обязательность применения системного подхода в решении вопроса о применении юридической ответственности за природоресурсные нарушения, в том числе, и в сфере использования и охраны объектов животного мира.

Пристатейный библиографический список

1. Силякова Е. Д. Особенности гражданско-правовой ответственности за нарушение природоохранного законодательства // Наука и образование: история и современность: электронный сборник материалов 74-75 внутривузовских научно-практических конференций, 19-20 апреля 2022 года / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации филиал Южно-Уральского государственного университета (НИУ) в г. Нижневартовске. - Нижневартовск: Издательский центр ЮУрГУ, 2022. - С. 87-89.
2. Обухова Т. Л. Возмещение вреда, причиненного нарушением природоохранного законодательства, в виде экологической ответственности // Российское государство и общество в новых исторических условиях. Основные итоги научной работы в Нижегородском институте управления в 2022 г.: сборник научных статей научно-практической конференции, 08 февраля 2023 года. – Нижний Новгород: Нижегородский институт управления - филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 2023. - С. 148-150.
3. Каимова А. Б., Турдалиев А. У. Особенности юридической ответственности за нарушение экологического и природоохранного законодательства // Приоритетные направления развития науки в современном мире: сборник научных статей по материалам IX Международной научно-практической конференции, 15 ноября 2022 года. - Уфа: Общество с ограниченной ответственностью «Научно-издательский центр «Вестник науки»», 2022. - С. 230-237.
4. Сокольникова Е. А. Особенности правовой охраны объектов животного мира при пользовании недрами на континентальном шельфе Российской Федерации // Проблемы экономики и юридической практики. - 2021. - Т. 17, № 1. - С. 184-189.
5. Сартания Н. Г., Сороколетова М. А. Животный мир как объект правовой охраны // Уральский научный вестник. - 2022. - Т. 1, № 12. - С. 12-16.
6. Иванова С. В., Ястребов О. А. Правовое обеспечение государственного управления в области охраны и использования объектов животного мира. - Москва: Инфра-М, 2023. - 180 с.
7. Демина Е. П. Полномочия прокуроров, направленные на выявление нарушений природоохранного и экологического законодательства // Аграрное и земельное право. - 2024. - № 4 (232). - С. 155-158.

АЛЕКСАНДРОВ Роман Дмитриевич
аспирант, Российская государственная академия интеллектуальной собственности Российской Федерации, старший специалист отдела специальных систем АО «ЦЭНКИ»

ПРОГРАММЫ ЛОЯЛЬНОСТИ В СИСТЕМЕ ЛОКАЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье исследуются сущностные характеристики программ лояльности. До недавнего времени, программы лояльности были объектом изучения представителями экономической науки. Из-за огромного распространения хозяйствующими субъектами программ лояльности в гражданском обороте, возник интерес к их изучению представителями юридической науки, в связи с чем «программы лояльности» приобрели статус междисциплинарного объекта исследования. Представлено определение программ лояльности, а также краткая характеристика их групп, типов и видов. Проанализированы подходы к рассмотрению проблематики правового регулирования программ лояльности в работах отечественных правоведов. Особое внимание уделяется проблемам определения правовой природы программ лояльности, в частности их двойственному характеру: с одной стороны, они представляют собой гражданско-правовые соглашения между участниками (хозяйствующим субъектом и клиентом (потребителем)), с другой – могут рассматриваться как локальные акты, устанавливающие правила взаимодействия внутри хозяйствующего субъекта, создавая права и обязанности для структурных подразделений и/или отдельно взятых сотрудников. В данной связи, «программы лояльности» представляются как комплексный правовой институт, сочетающий элементы гражданско-правовых сделок и локального регулирования. На основе проведенного анализа предлагаются направления совершенствования правового регулирования в данной сфере.

Ключевые слова: программы лояльности, локальные нормативные акты, хозяйствующий субъект, органы управления юридического лица; гражданско-правовой договор.

ALEXANDROV Roman Dmitrievich
postgraduate student, Russian State Academy of Intellectual Property of the Russian Federation, Senior Specialist of the Special Systems Department of JSC «CENKI»

LOYALTY PROGRAMS IN THE SYSTEM OF LOCAL REGULATION OF ENTREPRENEURIAL ACTIVITY

The article studies the essential characteristics of loyalty programs. Until recently, loyalty programs were the object of study by representatives of economic science. Due to the huge spread of loyalty programs by economic entities in civil turnover, there is an interest in their study by representatives of legal science, in connection with which «loyalty programs» have acquired the status of an interdisciplinary object of study. The definition of loyalty programs is presented, as well as a brief characteristic of their groups, types and kinds. Approaches to the consideration of the problems of legal regulation of loyalty programs in the works of domestic jurists are analyzed. Particular attention is paid to the problems of determining the legal nature of loyalty programs, in particular, their dual nature: on the one hand, they represent civil law agreements between the participants (business entity and client (consumer)), on the other hand, they can be considered as local acts that establish the rules of interaction within the business entity, creating rights and obligations for structural units and/or individual employees. In this regard, «loyalty programs» are presented as a complex legal institute combining elements of civil law transactions and local regulation. On the basis of the analysis, the directions of improvement of legal regulation in this area are proposed. As a result, loyalty programs emerge as a complex legal institution that combines elements of civil law transactions and internal corporate regulation.

Keywords: loyalty programs, local normative acts, business entity, management bodies of the legal entity, agreement.

В условиях современной рыночной экономики, хозяйствующие субъекты уделяют пристальное внимание к формированию общественного мнения в отношении осуществляемой ими экономической деятельности, что выражается в установлении выгодных взаимоотношений между ними и иными участниками гражданского оборота.

Принимая во внимание постоянно растущую конкуренцию и стремление хозяйствующих субъектов удержать и увеличить охват аудитории, неминуемо влечет развитие конкурентных методов осуществления предпринимательской деятельности. Среди них, наиболее популярным инструментом по привлечению и удержанию аудитории являются программы лояльности.

Несмотря на их активное использование хозяйствующими субъектами, в действующем законодательстве РФ отсутствует, в достаточной мере, правовое регулирование программ лояльности (существует «Разъяснение КРМФО (IFRIC) 13 «Программы лояльности покупателей» (введено в действие на территории Российской Федерации Приказом Минфина России от 28.12.2015 № 217н), но оно направлено в первую очередь правильного исчисления налоговых начислений при использовании хозяйствующими субъектами программ лояльности, в рамках которой программы лояльности рассматриваются исключительно с точки зрения экономики) и научных исследований правовой природы программ лояльности, что порождает неоднозначную правоприменительную практику.

Прежде чем рассмотреть программы лояльности с точки зрения юридической науки, следует отметить, что категория носит междисциплинарный характер и в большей степени исследуется представителями экономической науки.

Под программами лояльности в экономической науке, понимают «комплексы мер, реализуемые одним или несколькими предприятиями (иногда различных сфер деятельности), направленные на удержание существующих клиентов и создание более стабильных торговых взаимоотношений между предприятием и его клиентами» [5, с. 334].

Их принято подразделять на две группы [там же, с. 334]:

1. Индивидуальные, т.е. формируемые субъектом предпринимательской деятельности самостоятельно;

2. Коалиционные, т.е. формируемые несколькими субъектами предпринимательской деятельности, путем согласования их условий или установлению определенного взаимодействия между собой.

При этом, в рамках этих групп, исследователи выделяют следующие типы [2]:

1. Ценовые, характеризующиеся установлением определенных преференции клиентам, выраженные во влиянии на стоимость товара (работы, услуги), которые в зависимости от своего содержания, могут быть разделены на виды: дисконтные (фиксированные, накопительные) и бонусные;

2. Неценовые, характеризующиеся установлением преференции в отношении клиентов, не влияющих на стоимость товара (работы, услуги), среди которых можно выделить особы условия обслуживания, либо выраженное в виде прав, предоставляющих преимущество, по сравнению с другими участниками гражданского оборота.

Здесь необходимо отметить условность разделения на виды, поскольку разрабатываемые субъектами предпринимательской деятельности программы лояльности, могут одновременно сочетать в себе сразу несколько разновидностей, тем самым являться смешанными.

Современные исследования в области правового регулирования программ лояльности, в частности работы Бельдиной О. Г. и Бурлака С. Н. [1], Пьянковой А. Ф. [6], сосредоточены на комплексном анализе возникающих правоотношений, с особым акцентом на применение законодательства о защите прав потребителей для к отношениям, складывающимся при участии в программах лояльности, для обеспечения защиты прав и законных интересов клиентов (потребителей). Исследователи обоснованно распространяют действие данного правового института на отношения, складывающиеся между участниками гражданского оборота в рамках программ лояльности, что особенно важно в условиях цифровизации экономики и расширения практики использования программ лояльности.

В исследованиях указанных авторов подробно анализируется внешнее выражение программ лояльности как особой формы взаимодействия хозяйствующих субъектов и клиентов (потребителей), при этом выделяется ряд проблемных аспектов.

Так, Пьянкова А. Ф. уделяет внимание на отсутствие специального правового регулирования программ лояльности, а также отмечает, что законодательно их правовая природа не определена [6], что соответственно имеет непосредственное значение, при разрешении спорных ситуации. В частности, из-за неоднозначности квалификации отдельных положений программ лояльности, выраженных как, правило в преференциях, предоставляемых клиенту (потребителю), автор обоснованно предлагает рассматривать их персонифицировано, через призму обязательств характерных тому или иному виду договора, тем самым определяя программы лояльности как гражданско-правовые сделки.

Отдельно внимание заслуживает затронутая автором проблема, связанная с допустимостью действий, которые ложатся в основу определения степени добросовестности поведения участников программ лояльности, включая проблемы злоупотребления правами как со стороны хозяйствующего субъекта (например, необоснованное изменение условий программы, без предварительного уведомления), так и со стороны потребителей (злоупотребление бонусными возможностями).

Вместе с тем, Бельдина О. Г. в соавторстве с Бурлака С. Н. [1] исследуют правовые механизмы воздействия на хозяйствующих субъектов, в частности право на предоставление информации (гарантированное законодательством о защите прав потребителя) и ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение, или взятых на себя обязательств, установленных условиями программ лояльности.

Справедливо исключая возможность применения штрафных санкций к хозяйствующему субъекту, предусмотренных законом о защите прав потребителя действующего законодательства РФ в связи с отсутствием оснований, необходимых для распространения действия ранее упомянутого закона.

Вместе с тем, в приведенных работах прослеживается предпосылки к проработке баланса интересов, которая представляется в разумной свободе хозяйствующего субъекта в разработке программ лояльности, особенно в части ясности и стабильности их условий для клиентов (потребителей), а также понуждению последнего к исполнению взятых на себя обязательств и защите от недобросовестных действий клиентов (потребителей).

Однако, распространения действия закона о защите прав потребителя на программы лояльности, само по себе не означает полного разрешения обозначенных проблем, поскольку хозяйствующие субъекты могут распространять действия программ лояльности на отношения с другими субъектами предпринимательской деятельности, тем самым исключая возможность применения положений законодательства о защите прав потребителя (в связи с несоответствием понятию «потребителя» установленного Законом «О защите прав потребителя», и, тем более не отменяет возникшую потребность в формировании правового регулирования.

Рассматривая вопрос о правовой сущности программ лояльности, необходимо отметить, что она может быть рассмотрена не только с точки зрения договорной природы, устанавливающей права и обязанности между хозяйствующими субъектами и клиентами (потребителями).

Так, согласно п. 5 ст. 52 ГК РФ, учредители (участники) юридического лица, а также органы юридического лица вправе утверждать регулирующие корпоративные отношения и не являющиеся учредительными документами внутренний регламент и иные внутренние документы юридического лица, при условии отсутствия противоречий учредительному документу юридического лица.

Исходя из буквального толкования п. 5 ст. 52 ГК РФ можно сделать вывод, что перечень принимаемых внутренних документов юридическим лицом или органами управления юридическим лицом является открытым, в связи с чем юридическое лицо, при отсутствии прямого запрета нормативно-правовыми актами.

Вместе с тем, Лаптев В. А. понимает под локальными нормативными актами «правила поведения участников отношений в пределах хозяйствующего субъекта (субъекта предпринимательства), действуют постоянно (непрерывно) и рассчитаны на многократное применение» [4, с. 252].

На основании данного понятия, им выделяются признаки и особенности [там же, с. 253-254], характеризующие локальные нормативные акты:

1. Отсутствие формализации процесса принятия (данный признак выведен при сопоставлении требований к принятию нормативно правовых актов);

2. Отсутствие требований по опубликованию в официальных периодических изданиях;

3. Обязательность исполнения и применения в рамках хозяйствующего субъекта, принимающего локальный нормативный акт;

4. Многократность применения;

5. Отражение задач и экономической политики хозяйствующего субъекта;

6. Требование соответствия и не противоречия действующему законодательству.

При рассмотрении вопроса о соответствии программ лояльности обозначенным ранее признакам необходимо отметить, что коалиционные программы лояльности, в силу особенности ее формирования двумя и более самостоятельными хозяйствующими субъектами, невозможно отнести к

локальным нормативным актам, поскольку они носят исключительно договорной характер.

Программы лояльности, относимые к группе индивидуальных, будучи инструментом взаимодействия хозяйствующего субъекта с клиентами (потребителями), по своей правовой сущности соответствуют ключевым признакам:

1. Процедура принятия программ лояльности отличается относительной простотой и отсутствием жесткой формализации. Они утверждаются уполномоченными органами управления организации (советом директоров, исполнительным органом, в зависимости от организационно-правовой формы юридического лица и учредительных документов);

2. Как правило, программы лояльности не требуют официального опубликования;

3. Как и другие локальные акты, они устанавливают правила поведения, действующие в пределах конкретной организации. Вместе с тем, следует отметить некую особенность, связанную с обязательностью исполнения программ лояльности, поскольку она носит двойственный характер: с одной стороны, они создают обязательства для самой организации и ее структурных подразделений, с другой – права и обязанности для потребителей, присоединившихся к программе;

4. Носят постоянный характер и рассчитаны на многократное применение;

5. Отражают экономические задачи и политику хозяйствующего субъекта. Как отмечалось ранее, программы лояльности, вне зависимости от группы, типа или вида преследуют единую цель: повышение потребительского интереса к хозяйствующему субъекту, для создания стабильных коммерческих отношений. Они разрабатываются по воле органов управления хозяйствующего субъекта и учитывают интересы учредителей, фиксируя ключевые аспекты маркетинговой политики, подходы к клиентскому сервису и направления развития бизнеса;

6. Не противоречат законодательству РФ, поскольку прямого запрета на установление программ лояльности нет. Также в силу требований п. 5 ст. 52 ГК РФ их условия не могут противоречить учредительным документам организации.

Еще одной особенностью программ лояльности является их пограничное положение между нормативными и ненормативными актами.

Как справедливо отмечает Д. А. Керимов разграничивая нормативные и ненормативные акты, последние обычно дополняют, конкретизируют и персонифицируют нормативные [3, с. 35-37].

Общие условия программы лояльности носят нормативный характер, а в случае наличия правомочия на принятие индивидуальных решений по их применению в конкретных ситуациях (например, повышенное начисление бонусов конкретному клиенту) уже представляют собой ненормативные акты, конкретизирующие и персонифицирующие общие правила.

Таким образом, индивидуальные программы лояльности представляют собой уникальный правовой феномен, одновременно регулирующий как внешние отношения с потребителями, так и внутренние процессы хозяйствующего субъекта.

На внешнем уровне они устанавливают права и обязанности во взаимодействии с клиентами через механизм оферты, формируя тем самым договорные отношения, а на внутреннем уровне оказывается регулятивное воздействие внутриорганизационной структуры хозяйствующего субъекта.

В качестве примера, при разработке программы лояльности, могут быть образован целый комплекс внутренних регламентирующих документов, начиная от положений о создании профильных подразделений, в компетенции которых будет сопровождение, отслеживание и контроль исполнения конкретных положений программы лояльности, заканчивая конкретными должностными инструкциями. При этом несогласованность внутренних регламентов с условиями программы лояльности может привести к серьезным правовым рискам, включая нарушения договорных обязательств перед клиентами и внутренние организационные конфликты.

Таким образом, программы лояльности выполняют двойную регулятивную функцию: во внешней сфере они действуют как гражданско-правовая сделка, а внутри организации – как локальные нормативные акты, требующие детальной регламентации, постоянного контроля исполнения и тщательной юридической проработки на предмет согласованности с другими внутренними документами, включая трудовые договоры и должностные инструкции.

Этот дуализм делает индивидуальные программы лояльности важным связующим звеном между гражданско-правовым и локальным регулированием, требующим комплексного подхода к их разработке и реализации.

Что касается коалиционных программ лояльности, то они имеют исключительно договорной характер, а, следовательно, достигнутое соглашение об их реализации, также могут стать отправной точкой, для внесения изменений во внутриорганизационные структуры отдельно взятых, хозяйствующих субъектов.

Исходя из этого, при разработки правового регулирования «программ лояльности» необходимо учитывать сформированное понятие, вместе с разработанными группами, типами и видами.

Отдельное внимание следует уделить проработке правил по формированию хозяйствующими субъектами программ лояльности, в части определения порядка их взаимодействия с другими участниками гражданского оборота, выражающиеся в разработке общих критериев «ясности» и ограничений по односторонним изменениям, для поддержания стабильности условий программ лояльности.

Вместе с тем, формируемые правила должны представлять собой ориентиры для хозяйствующих субъектов при разработке программ лояльностей, а не «барьеры».

Пристатейный библиографический список

1. Бельдина О. Г., Бурлака С. Н. Правовое регулирование программ лояльности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 11-2.
2. Васин Ю. В., Лаврентьев Л. Г., Самсонов А. В. Эффективные программы лояльности. Как привлечь и удержать клиентов. М.: Альпина Паблишер, 2007. 152 с.
3. Керимов Д. А. Избранные произведения: в 3 т. Т. 2. М.: Издательский дом «Академия», 2007. С. 376.
4. Лаптев В. А. Источники предпринимательского права в Российской Федерации: дис. … докт. юрид. наук: 12.00.03. М., 2018. 381 с.
5. Маркетинг: большой толковый словарь / [А. П. Панкрухин и др.]; под общ. ред. И. С. Березина, С. В. Карповой, Н. Р. Коро, С. В. Павлова, И. И. Скоробогатых; НП «Гильдия Маркетологов». 3-е изд., перераб. М.: Дашков и К°, 2022. 520, [4] с.
6. Пьянкова А. Ф. Защита прав потребителей при применении программ лояльности // Пермский юридический альманах. 2021. № 4.

ВАРТАНОВ Артем Сергеевич
аспирант кафедры гражданского права и процесса и международного частного права, Юридический институт, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН ОТ 08.08.2024 «О РАЗВИТИИ КРЕАТИВНЫХ (ТВОРЧЕСКИХ) ИНДУСТРИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ» КАК НОВАЯ СТУПЕНЬ В ЭВОЛЮЦИИ АВТОРСКОГО ПРАВА

В статье рассматривается влияние цифровизации на законодательство об интеллектуальной собственности в России с акцентом на новый № 330-ФЗ от 08.08.2024 «О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации». Дается подробный анализ положений нового закона, включая сферу его регулирования, цели и механизмы поддержки креативных индустрий. Особое внимание уделяется тому, как закон устраняет существующие пробелы в защите авторских прав в цифровом пространстве и устанавливает рамки для государственной поддержки креативных индустрий. В исследовании делается вывод о том, что это законодательное изменение знаменует собой важный сдвиг в стратегии РФ по защите прав интеллектуальной собственности и поддержке креативной экономики в эпоху цифровых технологий.

Ключевые слова: авторское право, интеллектуальная собственность, креативные индустрии, цифровизация, творчество.

VARTANOV Artem Sergeevich
postgraduate student of Civil law and process and international private law sub-faculty, Institute of Law, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

FEDERAL LAW OF 08.08.2024 «ON THE DEVELOPMENT OF CREATIVE INDUSTRIES IN THE RUSSIAN FEDERATION» AS A NEW STEP IN THE EVOLUTION OF COPYRIGHT

The article examines the impact of digitalization on intellectual property legislation in Russia with an emphasis on the new No. 330-FZ dated 08.08.2024 "On the development of creative (creative) industries in the Russian Federation". A detailed analysis of the provisions of the new law is given, including the scope of its regulation, goals and mechanisms for supporting creative industries. Particular attention is paid to how the law addresses existing gaps in copyright protection in the digital space and establishes a framework for government support for creative industries. The study concludes that this legislative change marks an important shift in the strategy of the Russian Federation to protect intellectual property rights and support the creative economy in the digital age.

Keywords: copyright, intellectual property, creative industries, digitalization, creativity.

На сегодняшний день период цифровизации затронул множество направлений частного права в законодательстве всех стран мира. Некоторые страны на сегодняшний день преуспели в том, чтобы быть на одном уровне с техническим прогрессом. Но есть страны, в которых национальное законодательство сильно отстает от сегодняшних результатов цифровизации и от аналогов законодательства зарубежных государств. Именно для них очень ценно принятие новых законодательных актов, которые призваны усовершенствовать правовые механизмы разрешения правовых споров в любой сфере.

Одной из таких сфер, которые были затронуты цифровизацией, а также в которой были выявлены недостатки законодательного регулирования является право интеллектуальной собственности. В частности, это больше всего отразилось на отрасли авторского права Российской Федерации (далее РФ).

На сегодняшний день состояние отрасли авторского права можно оценить как нуждающиеся в доработке национального законодательства. Это в первую очередь касается положений, предусматривающих виды объектов интеллектуальной собственности, которые могут иметь свое отражение в системе «Интернет».

Несмотря на то, что статья 1259 Гражданского Кодекса РФ (далее ГК РФ) четко говорит о том, что перечень объектов авторских прав является открытым, на деле возникают сложности, когда внесудебном или судебном порядке начинаются споры по поводу объектов, которые незнакомы научному сообществу в области интеллектуальной собственности. К примеру, у судов и научного сообщества до сих пор вызывает вопрос природа формата онлайн шоу. Несмотря на то, что Решением Арбитражного суда г. Москвы от 14.10.2014 по делу № А40-84902/14, а также впоследствии Определением Верховного Суда РФ от 24.11.2015 № 305-ЭС15-10123 по делу № А40-84902/2014 указано, что формат не является объектом авторских прав, так как это рассматривается как идея, концепция, метод или способ, на что по смыслу п. 5 ст. 1259 ГК РФ не распространяется защита авторских прав[1].

Действующее гражданское законодательство в сфере интеллектуальной собственности не содержит механизмов защиты авторских прав, которые можно было бы использовать в киберпространстве, несмотря на широкое обсуждение

1 Авторские права на формат телевизионного (или онлайн) шоу. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://zakon.ru/blog/2023/11/21/avtorskie_prava_na_format_televizionnogo_ili_onlajn_shou (дата обращения: 13.03.2025).

в среде ученых-правоведов таких технологий как блокчейн, ИИ, NFT и др. Те способы защиты, которые закреплены в статье 12, 1250 и 1252 ГК РФ не закрепляет возможность их применения на сегодняшний день.

Все эти факторы, так или иначе, влияют на развитие творческой индустрии, которая является двигателем экономики в сфере креатива, так как новые идеи будут являться основной капитализируемой ценностью. Это обусловлено множеством причин. К примеру, С. А. Грязнов считает, что к предпосылкам для активного развития креативной экономики относятся:

1. Необходимость повысить уровень жизни и благосостояния.

2. Стремиться к уникальности (в противовес к «серийным» товарам).

3. Развивать индустрию стартапов (с подтверждением, что данная идея обладает ценностью).

4. Переизбыток информации в цифровом мире (постоянно требуется новая информация, которая запомнится и удивит).

Автор также подчеркивает, что творческие индустрии включают в себя не только дизайн, архитектуру, моду, но и любую интеллектуальную деятельность в виде инноваций, нестандартных и уникальных решений. Любой качественный продукт такой индустрии имеет высокую добавленную стоимость, что позволяет сегменту не только стремительно развиваться и приносить доход, но и стать «мягкой силой» влияния в регионе распространения [1].

Все эти факторы и проблемы привели к разработке и принятию необходимого Федерального закона № 330-ФЗ от 08.08.2024 «О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации». Данным законопроектом был принят тот факт, что креативная индустрия имеет важное значение, как с точки зрения экономики, так и с точки зрения имущественного интереса физических лиц от создания объекта интеллектуальной собственности. В данной работе будут проанализированы положения нового Федерального закона применительно к проблемам, указанным выше.

В первую очередь необходимо подчеркнуть, что названный Федеральный закон был принят Государственной Думой РФ и одобрен Советом Федерации РФ совсем недавно, в конце июля 2024 года, и вступил в силу лишь 5 февраля 2025 года.

Анализ Федерального закона «О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации» стоит начать со статьи 1 данного ФЗ, определяющей предмет и цели регулирования данного закона. В предмет регулирования включены основы правового регулирования организации и развития в Российской Федерации креативных (творческих) индустрий как базового сектора креативной экономики и установление условий деятельности и государственной поддержки в сфере креативных (творческих) индустрий.

Учитывая проблематику, которая действует в области авторского права, среди целей Федерального закона интерес вызывает пятый пункт: «Стимулировать создание креативных продуктов, увеличить объем нематериальных активов и обеспечить охрану и защиту прав на креативные продукты»[2]. Данный ФЗ направлен на то, чтобы не только вызвать интерес участников гражданских правоотношений к творческой деятельности, но и на защиту результатов творческой деятельности. Дальше в ходе анализа успешного законопроекта будут рассмотрены меры правовой охраны результатов интеллектуальной деятельности.

Статья 3 ФЗ закрепляет, что под субъектами креативной индустрии понимается физическое лицо, юридическое лицо или индивидуальный предприниматель, который осуществляет коммерческую деятельность по созданию, продвижению на внутреннем и внешнем рынках, распространению и (или) реализации креативного продукта и соответствующие критериям отнесения к субъектам креативных индустрий. Из этого вытекает, что цель данного субъекта заключается в извлечении прибыли независимо от правового статуса. И что тот или иной субъект креативной индустрии должны соответствовать определенным критериям, отраженным в статье 7 данного ФЗ.

Продолжая исследование данного ФЗ, стоит обратить внимание на положение статьи 7, которая определяет круг субъектов правоотношений, связанных с креативной индустрией. Исходя из текста положения вытекают несколько важных моментов. Во-первых, данный закон носит экономический характер, так как субъекты деятельности, связанной с креативной индустрии, извлекают прибыль из своего творчества. Во-вторых, участниками могут быть лица, которые применяют специальный налоговый режим и осуществляют деятельность по видам креативных индустрий. Так же вопрос деятельности в данной области прописан по отношению к юридическим лицам и ИП.

Федеральный закон «О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации» по своей сути тесно связан с более широким российским законодательством об авторском праве. Креативные индустрии, как определено в законе, - это те виды экономической деятельности, которые непосредственно связаны с созданием, продвижением, распространением и коммерциализацией креативных продуктов (ст. 3 ФЗ). Эти креативные продукты явно связаны с результатами интеллектуальной деятельности, такими как литературные и художественные произведения, программное обеспечение и другие.

Закрепляя концепцию креативных индустрий в законодательстве, этот закон усиливает важность прав интеллектуальной собственности в стратегии экономического развития РФ. В нем признается, что креативная экономика, основанная на коммерциализации творческих и инновационных разработок, является ключевым фактором роста и конкурентоспособности. Соответственно, закон устанавливает механизмы поддержки и защиты прав лиц, занятых в творческих индустриях, включая меры финансовой, имущественной, образовательной и информационной помощи.

Рассматриваемый Федеральный закон еще больше укрепляет тенденцию модернизации законодательства об авторском праве, начавшуюся с принятия части IV Гражданского кодекса РФ в 2006 году, признавая важность защиты интеллектуальной собственности в креативном секторе. Он предусматривает создание реестра субъектов креативных индустрий, что облегчает мониторинг и защиту прав. Кроме того, закон предусматривает, что информация об использовании инфраструктуры креативной индустрии для внешнеэкономической деятельности относятся к контрсанкционной ин-

2 Федеральный закон от 08.08.2024 № 330-ФЗ «О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».

формации, что подчеркивает стратегическую важность этого сектора [2], особенно актуальную в сложившейся ситуации.

Интегрируя креативные индустрии в более широкое правовое поле, этот закон свидетельствует о стремлении России создавать среду, благоприятствующую инновациям, творчеству и коммерциализации интеллектуальной собственности. Она представляет собой комплексный подход к поддержке креативной экономики, которая потенциально может способствовать диверсификации экономики, созданию рабочих мест и сохранению культурного наследия.

Следовательно, Федеральный закон укрепляет связь между креативной экономикой и российской системой авторского права. В нем признается решающая роль прав интеллектуальной собственности в обеспечении роста и конкурентоспособности творческих индустрий, что согласуется с более широкими усилиями РФ по модернизации и укреплению режима авторского права и подкрепляет их.

Одним из ключевых аспектов закона является его определение «креативных продуктов» - результатов интеллектуальной деятельности или их совокупности, а также продукции, работ и услуг, добавленная стоимость которых обусловлена использованием результатов интеллектуальной деятельности (ст. 3). Это широкое определение охватывает различные творческие произведения, включая литературные, художественные, аудиовизуальные и программные разработки. Выделяя креативные продукты в отдельную категорию, закон свидетельствует о намерении усилить защиту и коммерциализацию прав интеллектуальной собственности в этих отраслях [3].

Закон также предусматривает установление порядка формирования и ведения единого реестра субъектов креативных индустрий, который поможет выявлять и отслеживать деятельность юридических и физических лиц, работающих в креативном секторе. Этот реестр в сочетании с установлением критериев для определения «субъектов креативной индустрии» свидетельствует о желании законодателя обеспечить адресную поддержку и стимулы этим заинтересованным сторонам.

Что касается последствий для авторского права, то акцент закона на стимулировании создания, распространения и монетизации креативных продуктов, вероятно, будет способствовать повышению осведомленности и обеспечению соблюдения прав интеллектуальной собственности. Положения, касающиеся финансовой, имущественной, образовательной и информационной поддержки субъектов креативной индустрии, могут стимулировать более тщательное управление и коммерциализацию авторских и смежных прав.

Кроме того, акцент закона на сохранении и популяризации культурного наследия России, а также его поддержка оцифровки и распространения творческих работ могут привести к появлению новых возможностей и проблем в таких областях, как оцифровка, онлайн-распространение и использование материалов, защищенных авторским правом, на новых носителях и платформах.

Это положение особенно важно в свете ускоренной цифровизации творческих индустрий, стремительным проникновением и глубокой зависимостью их от сети интернет – Федеральный закон уделяет этому особое внимание. Так, в ст. 6 индустрии, основанные на информационно-телекоммуникационных технологиях, выделяются в отдельный вид индустрий – и более того, законодатель действует «на перспективу», называя в их числе, к примеру, технологии виртуальной и дополненной реальности, которые в настоящее время находятся в глубоко зачаточном состоянии даже в развитых странах.

Таким образом, Федеральный закон «О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации» представляет собой значительный сдвиг в подходе России к поддержке и регулированию креативной экономики. Создавая всеобъемлющую правовую базу, закон обладает потенциалом для изменения системы авторского права в стране, что приведет к усилению защиты, коммерциализации и использованию прав интеллектуальной собственности в ближайшие годы.

Пристатейный библиографический список

1. Грязнов С. А. Креативность как драйвер развития экономики // Экономика и бизнес: теория и практика. - 2024. - № 8 (114). - С. 68-70.
2. Пащенко И. Ю. Контрсанкционная информация и ограничение распространения информации в условиях санкционного давления на Российскую Федерацию // NB: Административное право и практика администрирования. - 2023. - № 3. - С. 45-54.
3. Пронин А. А. Правовое регулирование креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации // В книге: Экономика и право в новых реалиях: вызовы современности. Ахметов М. Г., Цику С. Ю., Сыроткина И. Ю., Валькирия Н. И., Дудченко О. С., Фролова Т. Ю., Коноваленко О. Л., Гуменюк Е. В., Пронин А. А. - Ростов-на-Дону, 2024. - С. 83-112.

DOI 10.46320/2073-4506-2025-4-203-213-215

ВОЛКОВ Григорий Геннадиевич
аспирант, московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

СООТНОШЕНИЕ СИНАЛЛАГМАТИЧЕСКОЙ СВЯЗАННОСТИ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ С ВОЗМЕЗДНОСТЬЮ И АВТОНОМИЕЙ ВОЛИ

В работе анализируется соотношение синаллагматической связанности с возмездностью и автономией воли. В центре исследования вопрос о том, какой обмен следует признать достаточным для вывода о наличии синаллагмы: реальный или идеальный. Анализируется влияние распределения сторонами договора риска случайной гибели на вывод о наличии синаллагмы, рассматривается проблема мерцающей каузы. Отдельное внимание уделено анализу договоров страхования и абонентского на предмет наличия синаллагмы.

Ключевые слова: синаллагма, взаимное обязательство, реальные договоры, возмездность, автономия воли, риск случайной гибели, мерцание каузы, emptio spei.

VOLKOV Grigoriy Gennadievich
postgraduate student, M. V. Lomonosov Moscow State University

CORRELATION OF SYNALLAGMA WITH CONSIDERATION AND WILL'S AUTONOMY

The paper analyzes correlation between synallagma with consideration and autonomy of will. The study focuses on the question of what exchange should be considered sufficient to conclude that synallagma is present: factual or ideal. The influence of the distribution of the risk of accidental death by the parties to the contract on the conclusion about the presence of synallagma is analyzed, and the problem of flickering causa is considered. Special attention is paid to the analysis of insurance and subscription contracts for the presence of synallagma.

Keywords: synallagma, mutual obligations, real contracts, compensation, autonomy of will, risk of accidental territory, flickering of causa, emptio spei.

§ 1. Соотношение синаллагматической связанности с возмездностью

Основанием для осуществления встречного исполнения является синаллагматический договор, воля сторон которого направлена на обмен. Далее понятия меновый и синаллагматический будут использоваться как тожественные. Каждое из исполнений по синаллагматическому договору является ценностно-эквивалентным. Для целей настоящего исследования следует проанализировать, всякий ли возмездный договор является синаллагматическим.

Е. Годэмэ указывает, что всякий синаллагматический договор есть договор возмездный, но обратное положение неверно: есть договоры возмездные, не являющееся синаллагматическими [14].

В. А. Белов полагает, что договоры синаллагматические всегда будут являться частным случаем договоров возмездных, отмечая, что к возмездным относятся реальные договоры, в которых встречное удовлетворение предоставляется прежде предмета [5]. Отсюда также следует, что не каждый возмездный договор является синаллагматическим.

С указанными выше тезисами следует согласиться, но остановиться подробнее на том, почему не все возмездные договоры являются синаллагматическими, хотя *prima facie* может показаться контринтуитивным признание обмена достаточным для вывода о возмездности, но отрицание за такой возмездностью синаллагмы. В основе вывода лежит представление о том, что синаллагматическая связанность имеет место там, где осуществляется идеальный обмен общениями.

Во-первых, обмен общениями отсутствует в случае с реальными договорами, для которых момент перфекции связан с действием по передаче имущества, которое рассматривается в качестве необходимой дополнительной предпосылки. Так, совершаемые в связи с реальным договором действия неоднородны [11]. Если исходить из того, что до передачи имущества перфекция реального договора не осуществляется, то обязательство возникает в любом случае не ранее передачи имущества. Отсюда следует, что идеальный обмен обещаниями (суть консенсуального договора) тут не может быть: у того, кто передает имущество, не возникает никакой основной обязанности, которую бы было возможно рассматривать в рамках синаллагматической связи. Так, генетический аспект синаллагмы, в рамках которого достаточно для вывода о возникновении синаллагматического обязательства идеального обмен обещаниями, как раз опровергает тезис о полном совпадении синаллагматических и возмездных договоров, поскольку к последним относятся реальные договоры в том числе.

Ханс-Петер Бенёр (Hans-Peter Benöhr) аналогично указывает, что в реальных договорах отсутствует синаллагма, поскольку обязательство возникает только у одной стороны[1]. При этом важно, что в синаллагматической связи находятся основные обязательства. Так, реальный договор займа не является синаллагматическим, но при этом является возмездным; аналогичные выводы можно сделать, например, относительно договора ренты, аренды транспортного средства без экипажа.

Во-вторых, отдельные возмездные сделки в целом не могу рассматриваться в рамках синаллагмы, поскольку как таковое связывание себя обязанностью (обещанием) отсутствует. Так, интересным примером может быть прощение долга, когда такое прощение долга не является договором дарения (например, при наличии экономического интереса внутри группы компаний простить долг члену группы, уменьшив вследствие этого общую долговую нагрузку; досудебное погашение спорного долга в непрощенной части и др.)[2]. В этом случае не представляется возможным говорить о том, что происходит идеальный обмен обещаниями, но при этом имеет место возмездность.

1 Benöhr H. P. Das sogenannte Synallagma in den Konsensualkontrakten des klassischen römischen Rechts. Hamburg, 1965. P. 7.

2 См. п. 31 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11.06.2020 № 6 «О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств».

Интересный вопрос был обозначен А. Г. Карапетовым: иногда встречным предоставлением одной из сторон является наделение контрагента секундарным (преобразовательным) правом[3]. Допустимо ли в этом случае говорить о наличии синаллагмы? Например, секундарное право на односторонний отказ от договора сопряжено с выплатой определенной суммы; плата за опцион на заключение договора (плата за акцепт). Представляется, что видеть в этих отношениях синаллагму так же ошибочно из-за отсутствия обмена обещаниями. Действительно существует обязанность по внесению платы за осуществление секундарного права, но нет никакой обязанности у того, кто претерпевает право другой стороны своим волевым действием преобразовать имущественную сферу лица. После наделения лица секундарным правом тот, чья имущественная сфера будет подвергнута изменению, никак на преобразование этой имущественной сферы оказать влияние не может. Кроме того, не создавать препятствий в части последствий реализации секундарного права (если пытаться видеть в этом обмен) также ошибочно, поскольку указанное следует из принципа добросовестности: едва ли можно видеть обмен там, где есть обычное следование закону.

Так, указанное выше доказывает, что не в каждом случае, когда имеет место возмездность, можно обнаружить синаллагму. При этом верно, что всякий синаллагматический договор является возмездным. Например, нет оснований для вывода о том, что безвозмездный договор поручения следует рассматривать в качестве синаллагматического. Так, договор беспроцентного займа, ссуда, бесплатное хранение не являются меновыми, даже если создают обязанности для двух и более сторон[4].

§ 2. Соотношение синаллагматической связанности с автономией воли

Далее следует разобраться с тем, какие обязательства могут быть отнесены к синаллагматическим. В этом смысле интересным представляется соотношение синаллагмы и пределов частной автономии при определении момента перехода риска случайной гибели. Например, стороны договора купли-продажи согласовали, что риск случайной гибели переходит к покупателю с момента заключения договора. Допустимо ли в случае гибели вещи после заключения договора, когда покупатель остается обязанным оплатить, говорить о наличии синаллагмы в таких отношениях?

Вольфганг Даэле (Wolfgang van den Daele) указывал, что распределение бремени риска самими сторонами по договору не разрушает действительность структурной эквивалентности отношений по взаимному исполнению обязательств[5]. Так, Вольфганг Даэле оспаривал позицию Виакера (Franz Wieacker), который полагал, что синаллагма является юридическим выражением идеи всеобщей компенсационной справедливости, которая лежит в основе взаимных договоров[6]. В этом смысле, указывал Вольфганг Даэле, синаллагма полностью нейтральное понятие применительно к специальным свойствам объективной ценности[7].

Иной позиции придерживался В. Голевинский. Исследователь выделял вполне двусторонние договоры, из которых одновременно и непосредственно возникают обязательства для обеих сторон. Вполне двусторонние договоры В. Голевинский делил на меновые и зависящие от случая. Договор признается меновым, ежели платежи, к которым обе стороны взаимно друг другу обязаны, предоставляют каждой из них несомненную выгоду, приблизительно равноценную. Зависящим от случая, или рискованным, признается такой двусторонний договор, которого последствия по отношению к выгодам или потерям для каждой из сторон или для одной только поставлены в зависимость от неизвестного события [6, с. 45].

Так, из приведенного выше следует, что наличие неизвестного события (элемент риска) исключает причисление договора к меновым (первой разновидности вполне двусторонних договоров). При этом, как представляется, указанная позиция построена на ложной посылке о значимости для признания договора меновым того, что выгоды должны быть «приблизительно равноценные». В рамках такого подхода, если следовать указанной логике, ответ на поставленный ранее вопрос должен быть отрицательным: риск гибели вещи – событие случайное и очевидно приводит к тому, что выгоды не могут быть и приблизительно равными.

С указанной позицией согласиться нельзя в силу следующего. Первоначально в этой части необходимо определить, какой обмен осуществляется по синаллагматическому договору: реальный или идеальный. Как было указано выше, по договору купли-продажи осуществляется идеальный обмен, то есть обмен обещаниями. Отсюда следует, что фактическая передача имущества решающего значения для синаллагматической структуры отношений не имеет (как и фактическая стоимость объектов, которые будут получены в результате исполнения). При переходе на покупателя риска случайной гибели с момента заключения договора обмен обещаниями состоялся. Отсюда нет оснований для того чтобы на функциональном уровне допускать возражения о том, что обязательство не было исполнено: якобы вещь не была передана, а также на кондикционном делать вывод о том, что встречное обязательство по оплате прекратилось в связи с гибелью вещи (якобы первоначальное обязательство прекратилось). Так, из указанного выше следует, что частная автономия, которая допускает перераспределение рисков по договору, не разрушает синаллагму, которая имеет место при обмене обещаниями, которые стороны определяют, как достойные для обмена. Равным образом никак не нарушается меновый характер договора купли-продажи с таким условием, поскольку равноценность надо анализировать не выгод (фактическая ценность), а обещаний (идеальная ценность).

Так, если покупатель видит ценность в обещании продавца передать вещь, но вкупе с переходом риска случайной гибели с момента заключения договора – догматических препятствий для вывода о наличии синаллагматической связанности не должно быть, а сам договор не трансформируется в дарение. Аналогичным образом выводы применимы к ситуациям, когда цена по договору не является фиксированной: например, цена меняется в зависимости от изменения курса валюты либо является биржевой. Так, резкое падение валюты или биржевых показателей не разрывают синаллагму.

Идея с тем, что по синаллагматическому консенсуальному договору осуществляется идеальный обмен хорошо соотносится с обязательствами, которые являются возмездными, но согласованный в договоре результат может отсутствовать. Речь идет про ситуацию, когда в ходе выполнения научно-исследовательских работ обнаруживается невозможность достижения результатов вследствие обстоятельств, не зависящих от исполнителя, но заказчик остается обязанным оплатить стоимость выполненных работ до выявления невозможности (ст. 775 ГК РФ). Так, поскольку заказчик принимает риск того, что результат может отсутствовать, и даже в такой ситуации соглашается на обмен обещаниями, правопорядок обязывает заказчика оплатить выполненные работы. Отсюда сам факт наличия реального обмена результата на деньги принципиального значения не имеет.

При этом справедливо, что пределы автономии воли не должны быть безграничны. Признавая ее существенное значение, в любом случае должен сохраняться обмен обещаниями. В этом смысле известную сложность представляют случаи, когда исполнение встречного обязательства поставлено

3 Карапетов А. Г. Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307-328 и 407-419 Гражданского кодекса Российской Федерации. М., 2022. С. 959.

4 Fikentscher W., Heinemann A. Schuldrecht. Berlin, Boston, 2006. P. 38.

5 Daele W. van den Probleme des gegenseitigen Vertrages: Untersuchungen zur Äquivalenz gegenseitiger Leistungspflichten. Hamburg, 1968. P. 30.

6 Daele W. van den Probleme des gegenseitigen Vertrages: Untersuchungen zur Äquivalenz gegenseitiger Leistungspflichten. Hamburg, 1968. P. 31.

7 Daele W. van den Probleme des gegenseitigen Vertrages: Untersuchungen zur Äquivalenz gegenseitiger Leistungspflichten. Hamburg, 1968. P. 31.

под условие, срок наступления которого не определен. Отсюда, как отмечает А. Г. Карапетов, происходит своего рода теоретически бесконечное «мерцание» каузы (то ли синаллагматический договор, то ли безвозмездное предоставление), предлагая в качестве решения согласование сторонами подразумеваемого положения о разумном сроке [9, с. 97-99]. Указанный подход разделяется ВС РФ[8].

Представляется, что только такое решение через введение разумного срока может непротиворечиво учесть действие принципа свободы договора и право сторон поставить под условие осуществление встречного исполнения, но при этом оставить конститутивный признак синаллагматического договора – идеальный обмен обещаниями.

Другой интересный вопрос: относится ли к числу синаллагматических обязательств известная римскому праву продажа шанса на получение вещи (*emptio spei*, покупка надежды, например, улова рыбы). Указанный договор рассматривался в качестве разновидности купли-продажи [12], [13]. Как отмечает Д. В. Дождев, объектом такой продажи выступал риск – *alea*: если рыбак поймает нечто особо ценное, он будет обязан отдать это покупателю или уплатить судебную оценку такой вещи (D. 19, 1, 12). Если покупателю попалась совершенно ненужная покупателю вещь, он будет обязан уплатить установленную цену [10].

С одной стороны, стороны рассматривали обещания в качестве достойных для обмена, видя в каждой из них самостоятельную ценность, что соответствует сущности синаллагмы. Из идеи наличия обмена в случае с *emptio spei* исходит и Ф. Эндеманн (Friedrich Endemann) [3, с. 358]. При этом исследователь обращал внимание, что *emptio spei* не является дарением и в том случае, когда покупатель ничего не получает, но платит [3, с. 370]. С другой стороны, если исходить из того, что «улов» отсутствует, справедливое сомнение может состоять в том, какое все-таки встречное предоставление получает покупатель: иными словами, за что осуществляется оплата.

На наш взгляд, синаллагматическая связанность имеет место. Это объясняется следующим. У сторон в любом случае отсутствует намерение одарить: так, покупатель и продавец исходят из цели обмена в рамках *emptio spei*, но с особыми правилами распределения риска. Как покупатель принимает риск того, что действительная стоимость полученного может быть меньше, так и продавец соглашается передать за согласованную заранее стоимость то, что потенциально может быть дороже. Отсюда, как отмечает Д. В. Дождев, берет начало выражение «алеаторная сделка» [10]. Отсутствие улова и фактическая передача имущества в такой концепции какого-либо значения не имеет, поскольку покупатель оплатил шанс на получение вещи, видя в нем самостоятельную ценность.

Следовательно, если сторонами синаллагматического договора согласованы особые правила распределения риска, нет оснований для вывода об отсутствии синаллагматической связанности при условии, что идеальный обмен обещаниями, которые стороны рассматривали в качестве достойных для обмена, состоялся.

Этот вывод становится важной подосновой для квалификации в качестве синаллагматического договора страхования. Однако в случае с договором страхования важно правильно определять сущность обмена: не обязанность внести страховую премию против обязанности осуществить страховую выплату – такая интерпретация действительно может привести к ложному выводу об отсутствии синаллагмы, когда страховой случай вовсе не наступил. Верно так: обязанность осуществить страховую выплату обменивается на обязанность быть готовым при наступлении страхового случая осуществить выплату, то есть обязанность страховщика считается выполненной, а обмен и в этом случае считается состоявшимся.

§ 3. Соотношение синаллагматической связанности и отношений по абонентскому договору

Если в случае с договором страхования, синаллагматический характер которого был доказан выше, выплата поставлена под условие наступления страхового случая, то есть события с точки зрения системы юридических фактов, но интереснее вопрос с действиями, когда наличие синаллагмы нельзя оправдать обычной идеей распределения рисков между сторонами. Далее речь пойдет про договор с исполнением по требованию, в котором уже не вероятность, а исключительно усмотрение лица (абонента) определяет, будет ли осуществлено встречное исполнение контрагентом. Представляется, что наличие синаллагматический связи между сторонами следует признать и в этих отношениях. По сути только в той концепции и только таком представлении о синаллагме, как об обмене обещаниями, что отстаивается в настоящем исследовании, такой вывод возможен, поскольку фактические предоставления могут в целом отсутствовать. В указанном случае обязанности по внесению абонентской платы противостоит обязанность другой стороны быть готовой исполнить обязательство всякий раз, когда другая сторона указанное исполнение запрашивает (суть платы за право).

Таким образом, абонентский договор является синаллагматическим, в рамках которого происходит обмен идеальный, а не фактический. Отсюда тот факт, что в период исполнения обязательств по абонентскому договору лицо никакую вещь не получило, никак не нарушает синаллагму.

Пристатейный библиографический список

1. Benöhr H.P. Das sogenannte Synallagma in den Konsensualkontrakten des klassischen römischen Rechts. Hamburg, Cram: de Gruyter, 1965, p. 8. 38.
2. Fikentscher W., Heinemann A. Schuldrecht. Berlin, Boston: De Gruyter, 2006. 38 p.
3. Grünhut C. S. Zeitschrift für das Privat- und öffentliche Recht der Gegenwart. Wien: Universität Wien. Vol. 12. 1884. 358, 370 p.
4. Van den Daele W. Probleme des gegenseitigen Vertrages: Untersuchungen zur Äquivalenz gegenseitiger Leistungspflichten. Hamburg: Cram. de Gruyter & Co. 1968. 26 p.
5. Белов В. А. Гражданское право. Т. II. Общая часть. Лица, блага, факты: Учебник для бакалавров. М., 2012. С. 223.
6. Голевинский В. О происхождении и делении обязательств. Варшава: Тип. Осипа Бергера, 1872.
7. Дождев Д. В. Римское частное право: учебник / Под общ. ред. Нерсесянца В. С. Римское частное право 3-е изд., испр. и доп. Учебник. М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. С. 551, 552.
8. Батищев А. О., Громов А. А., Карапетов А. Г. [и др.]. Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307-328 и 407-419 Гражданского кодекса Российской Федерации / Отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: Статут. 2022. 966 с.
9. Карапетов А. Г. Условные права и обязанности: обзор проблемных вопросов применения ст. 157 и 327 ГК РФ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 6. С. 97-99.
10. Дождев Д. В. Римское частное право: учебник. М., 2014. С. 583.
11. Хаскельберг Б. Л., Ровный В. В. Консенсуальные и реальные договоры в гражданском праве / Гражданское право: Избранные труды. Томск: ОАО «Издательство «Красное знамя», 2008. С. 158,159.
12. Щербаков Н. Б. Emptio rei speratae и Emptio spei: в поисках понятия алеаторной сделки // Гражданское право: современные проблемы науки, законодательства, практики: сб. ст. к юбилею докт. юрид. наук, проф. Е. А. Суханова. М., 2018. С. 612-613.
13. Ефимов В. В. Догма римского права. СПб., 1901. С. 429.
14. Годэме Е. Общая теория обязательств. М., 1948. С. 32.

8 См. п. 23 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2016 № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении».

ДЕЛЬЦОВА Наталья Вячеславовна
кандидат юридических наук, доцент кафедры правового обеспечения экономической деятельности, Самарский государственный экономический университет

ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ «ПУБЛИЧНЫЙ ИНТЕРЕС» ПРИ ПРИЗНАНИИ СДЕЛОК НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМИ ПО ИНИЦИАТИВЕ ПРОКУРОРА

Статья посвящена анализу правовой категории «публичный интерес» при ее применении в механизме признания сделки недействительной по инициативе прокурора. Действующее процессуальное законодательство значительно расширяет компетенцию прокуратуры при признании сделок недействительными. Однако не разрешенными остаются правовые вопросы межотраслевого характера, связанные с квалификацией публичного интереса, которым оперируют различные нормативные акты в сфере публичного и частного права. Анализ актов толкования на уровне высших судебных органов позволяет автору сделать вывод о том, что законодательно установленный запрет следует рассматривать как один из признаков состава для признания сделки недействительной по п. 2 ст. 168 ГК РФ. Анализ правоприменительной практики признания сделки недействительной по иску прокурора показал, что она находится еще в стадии формирования. На современном этапе судебная практика формируется относительно ничтожных сделок, где нарушение законодательных норм при посягательстве на публичные интерес приводит к удовлетворению требований прокурора.

Ключевые слова: прокуратура, публичный интерес, сделка, признание сделки недействительной, ничтожная сделка, оспоримая сделка, полномочия прокурора.

DELTSOVA Natalya Vyacheslavovna
Ph.D. in Law, associate professor of Legal support of economic activity sub-faculty, Samara State University of Economics

THE LEGAL CATEGORY OF «PUBLIC INTEREST» WHEN DECLARING TRANSACTIONS INVALID ON THE INITIATIVE OF THE PROSECUTOR

The article is devoted to the analysis of the legal category of «public interest» when applied in the mechanism of recognizing a transaction as invalid at the initiative of the prosecutor. The current procedural legislation significantly expands the competence of the prosecutor's office in recognizing transactions as invalid. However, legal issues of an interdisciplinary nature related to the qualification of the public interest, which is used in various regulatory acts in the field of public and private law, remain unresolved. An analysis of the acts of interpretation at the level of the highest judicial bodies allows the author to conclude that the statutory prohibition should be considered as one of the signs of the composition for recognizing a transaction as invalid under paragraph 2 of Article 168 of the Civil Code of the Russian Federation. An analysis of the law enforcement practice of recognizing a transaction as invalid at the request of the prosecutor showed that it is still in the formation stage. At the present stage, judicial practice is formed regarding voidable transactions, where violation of legislative norms in encroachment on the public interest leads to the satisfaction of the prosecutor's demands.

Keywords: prosecutor's office, public interest, transaction, invalidation of a transaction, voidable transaction, voidable transaction, powers of the prosecutor.

Гражданско-правовой механизм оспаривания сделок используется как инструмент правовой защиты субъектов, направленный на восстановление нарушенного права. В случае, если элемент сделки в контексте ее действительности дефектен, то право может быть восстановлено. Дефектность может касаться субъекта сделки, ее содержания волевой направленности (соответствия воли и волеизъявления), а также ее формы. Как правило, признание сделки недействительной рассматривается как частно-правовой инструмент.

Развитие и усложнение системы социально-экономических отношений, активное участи в нем государства для достижения актуальных целей и задач выводит механизмы оспаривания сделок на уровень удовлетворения публично-правового интереса.

Понятие публичного права и публичного интереса не являются тождественными. На это неоднократно обращали внимание ученые-правоведы, исследующие соответствующую правовую проблематику [4]. Данная правовая категория в отечественной цивилистике прошла определенный эволюционный путь развития. В правовых исследованиях, посвященных данному явлению, с учетом исторического периода развития государства и стоящих перед ним задач, встречаются различные определения.

Публичный интерес многие авторы трактуют с помощью понятия общественного интереса. Последний признан государством, закреплен в нормах права и при его нарушении предполагает применение принудительной силы государства (ответственности за нарушение) [3]. Такое понимание демонстрируют в своих работах такие авторы как Ю. А. Тихомиров [11], А.В. Кряжков [5] и др. В научных работах встречаются позиции, когда публичный интерес противопоставляется частному [1], однако, превалирующей является точка зрения о соотношении данных категорий. Ключевая концепция в данном случае видится исходящей из положения об их соотношении, и невозможности, в ряде случаев, отделить одни от других [10].

Обращение к правовой категории «публичный интерес» в правоприменительной деятельности, особенно в контексте частно-правовых отношений, всегда вызывало определенные трудности. Как правило, для разрешение спорных ситуаций используются акты официального толкования правовых норм. В сфера гражданского права позицию отражает По-

становление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее - Постановление ПВС № 25). Согласно Постановлению ПВС № 25: «под публичными интересами, в частности, следует понимать интересы неопределенного круга лиц, обеспечение безопасности жизни и здоровья граждан, а также обороны и безопасности государства, охраны окружающей природной среды» (п. 75) [8].

Современные внешние геополитические вызовы активизируют интерес к практической реализации норм о защите общественного интереса в частных отношениях. Приоритетного внимания заслуживает реализация правоохранительной функции, которая в контексте действующего законодательства, возложена на органы прокуратуры. Правовой статус данных органов определен федеральным законом.

Для реализации функций в части судебного оспаривания сделок нормы общеправового статуса дополняются процессуальными. В частности, ст. 52 Арбитражного процессуального кодекса РФ[1] (далее - АПК РФ) и ст. 45 Гражданского процессуального кодекса РФ[2] (далее -ГПК РФ) определяют круг вопросов прокурорского реагирования в защиту публичного интереса. В числе таковых - основания для обращения в суд в аспекте недействительности сделок, по расширенному перечню оснований в связи с внесенными в 2022 г. изменениями в действующее законодательство[3]. В числе наиболее актуальных следует назвать иски о признании недействительными сделок и применении последствий недействительности сделок при осуществлении поставок для государственных и муниципальных нужд, для обеспечения государственного оборонного заказа; сделок, связанных с легализацией преступных доходов и финансирования терроризма, а также связанных с уклонением законно установленных обязанностей налогового, валютного, таможенного законодательства; сделок, нарушающих контрсанкции и др.

В соответствии с нормами действующего гражданского законодательства выделяются два вида недействительных сделок: ничтожные и оспоримы. Оба вида упомянутых сделок недействительны по основаниям, предусмотренным в законе. Однако, ничтожная сделка, недействительна изначально, независимо от признания ее таковой судом; оспоримая же сделка требует такого признания. Полномочия прокурора позволяют ему инициировать недействительность и оспоримых, и ничтожных сделок.

Учитывая тематику настоящей статьи, обращают на себя внимание нормы ст. 168 Гражданского кодекса РФ[4] (далее –ГК РФ), посвященные недействительности сделок, нарушающих требования закона или иного нормативного акта. Реформа гражданского законодательства заложила в нормах ст. 168 ГК РФ принцип оспоримости при решении вопроса о недействительности сделок. Однако, если речь идет о публичном интересе, то такая сделка, по общему правилу, ничтожна.

В данном случае прокурору для реализации своего процессуального права при обращении в суд с заявлением о признании сделки ничтожной следует представить доказательства: 1) наличия нарушения правовых норм; 2) наличие публичного интереса.

При этом в литературе отмечается, что в связи с недостаточной проработкой категории «публичный интерес» нормами действующего законодательства складывается ситуация, когда суд каждый раз решает вопрос о наличии или отсутствии публичного интереса и удовлетворении заявленного требования [2].

В связи с чем, следует отметить, что разъяснения, представленные в п. 75 Постановления ПВС №25 о том, что сделка, которая нарушает установленный законом запрет ничтожна и рассматривается как посягающая на публичные интересы, в значительной степени облегчает задачи прокурору в тех случаях, когда имеется законодательно установленный запрет. В качестве примера в Постановления ПВС №25 приводятся сделки о залоге или уступке требований, неразрывно связанных с личностью кредитора (пункт 1 статьи 336, статья 383 ГК РФ), сделки о страховании противоправных интересов (статья 928 ГК РФ).

В связи с изложенным, законодательно установленный запрет следует рассматривать как один из признаков состава для признания сделки недействительной по п. 2 ст. 168 ГК РФ, указывающим на ее ничтожность.

Гораздо более сложной является ситуация, когда такой прямой запрет отсутствует.

Тот же пункт постановления указывает, что сам факт несоответствия сделки законодательству, при котором нарушаются права публично-правового образования не свидетельствует о нарушении публично-правового интереса. Следовательно, Верховный суд не отождествляет понятие «публичный интерес» и «интерес публично-правового образования». На практике, при признании сделок недействительными, прокурору требуется представить доказательства нарушения прав неопределенного круга лиц и безопасности жизни и здоровья граждан, посягательства на интересы, связанные с обороной и безопасностью государства, охраной окружающей природной среды и т.п.

В связи с рассматриваемой тематикой следует также обратить внимание на нормы ст. 169 ГК РФ о ничтожности сделок, противных основам правопорядка и нравственности. Для их определения используется термин «антисоциальная сделка» [7].

Представляя собой самостоятельный состав недействительных сделок, антисоциальные сделки безусловно связаны с ранее рассматриваемым составом ст. 168 ГК РФ, при этом, круг таких сделок гораздо более обширный. В научных публикациях категорию «правопорядок», хотя и связывают с соответствием законодательству, но принимают как более широкую. В состав недействительной сделки по ст. 169 ГК РФ включаются не только деяния, не соответствующие закону и иным нормативным актам, но и поведение, которое «не укладывается в картину мира окружающего общества» [6]. Публичный интерес может устанавливаться в контексте соблюдения правопорядка при совершении гражданско-правовых сделок.

Так, расширение процессуальных прав прокуратуры в части недействительных сделок предоставило возможность

1 Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.
2 Собрание законодательства РФ. 2002. № 46.Ст. 4532.
3 Федеральный закон от 07.10.2022 № 387-ФЗ «О внесении изменений в статью 52 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и статью 45 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ.2022. № 41.Ст. 6949.
4 Собрание законодательства РФ.1994. № 32. Ст. 3301.

оспаривать бизнес-сделки, если они нарушают абз. 5 части 1 ст. 52 АПК РФ. В современной судебной практике с участием прокуратуры по признанию сделки недействительной аргументация основана на комплексном использовании вышеуказанных норм. Показательным в данном смысле является Решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области по делу № А56-13844/2023 от 17 мая 2023 года [9]. Суд в полном объеме удовлетворил требования Прокуратура Ленинградской области, действующего в интересах Российской Федерации в лице Управления Федеральной налоговой службы по Ленинградской области, к ООО «БалтТранс» и ООО «Торфозавод «Агроторф» о признании недействительным договора на оказание логистических услуг. Суд признал данную сделку недействительной, нарушающей нормы налогового законодательства, законодательства о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем и посягающей на публичные интересы.

Подводя итого изложенному, можно отметить следующее. Правовая категория «публичный интерес» в теории и правоприменительной практике до настоящего времени вызывает определенные споры, ввиду ее недостаточной проработанности. Вместе с тем, в сфере гражданско-правового регулирования пробел в определенной степени восполняется актом толкования на уровне Верховного суда РФ. Данный акт позволяет определить практически значимые ориентиры для применения данной правовой категории при признании сделок недействительными. Указанное следует оценить положительно, поскольку при реализации своих процессуальных правомочий прокурор действует, зачастую, именно в публичных интересах. На современном этапе правоприменительная практика формируется относительно ничтожных сделок, где нарушение законодательных норм при посягательстве на публичные интерес приводит к удовлетворению требований прокурора. Однако, соответствующая практика находится еще в стадии формирования и представляется, что эффективность реализации механизма признания сделок недействительными по иску прокурора зависит от взаимодействия прокуратуры с иными органами (налоговыми, таможенными и т.п.).

Пристатейный библиографический список

1. Бакаева О. Ю., Погодина Н. А. О соотношении частных и публичных интересов // Журнал российского права. 2011 № 4 С. 36-47.
2. Галеева Г.Е., Зульфалиева В.Г., Хасанова А.Р. К вопросу о проблеме публичного интереса при участии прокурора в арбитражном процессе // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 12-3 (51). С. 76-80.
3. Горшунов Д. Н. Нормы частного права и их реализация: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Казань, 2003. 23 с.
4. Дерюгина Т. В., Квициния Е. В. Применение категории «публичный интерес» в регулировании частноправовых отношений // Legal Concept Правовая парадигма. 2023. Т. 22, № 3. С. 79-87.
5. Кряжков А. В. Публичный интерес: понятие, виды и защита // Государство и право. 1999. № 10. С. 91-99.
6. Кузбагаров Э. А., Максимов В. А. Генезис и практика применения последствий недействительности сделок, совершенных с целью противной основам правопорядка // Криминалист. 2024. № 3 (48). С. 137-145.
7. Определение Конституционного Суда РФ от 08.06.2004 N 226-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы открытого акционерного общества «Уфимский нефтеперерабатывающий завод» на нарушение конституционных прав и свобод статьей 169 Гражданского кодекса Российской Федерации и абзацем третьим пункта 11 статьи 7 Закона Российской Федерации «О налоговых органах Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=49667&dst=100011&field=134&rnd=7GsPzQ#8jg7kgUWWwJq3AQw (дата обращения: 03.03.2025).
8. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.
9. Решение Арбитражный суд города Санкт-Петербурга и Ленинградской области по делу № А56-13844/2023 от 17 мая 2023 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sudact.ru/arbitral/doc/DL3wrx1wvJHV/ (дата обращения: 05.03.2025).
10. Родионова О. М. Публичные и частные интересы в меняющемся гражданском праве России: единство в многообразии // Вестник университета им. О. Е. Тутафина. 2023. № 5. С. 101-110.
11. Тихомиров Ю. А. Публичное право: учебник. М.: БЕК, 1995. 496 с.

ДЮЖЕНКОВ Николай Андреевич

аспирант кафедры гражданского права и процесса и международного частного права, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

К ВОПРОСУ О КОНЦЕПЦИЯХ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ИНСТИТУТА ИМУЩЕСТВЕННЫХ ИММУНИТЕТОВ

В связи с развитием правоотношений в области правовых иммунитетов ключевое значение приобретает вопрос об их правовой природе, истории возникновения и развития. Юридическая доктрина выделяет несколько концепций развития иммунитетов, однако их детальный анализ демонстрирует, что данные концепции объясняют происхождение международно-правовых и публично-правовых иммунитетов, однако не дают достаточного представления о генезисе имущественных иммунитетов, распространенных в законодательстве о несостоятельности (банкротстве) и исполнительном производстве. Исследование ключевых источников права, регулирующих имущественные иммунитеты в разные периоды развития законодательства, позволяет заключить, что имущественные иммунитеты имеют абсолютно самостоятельную историю становления и развития, обладают специфической целью и кругом субъектов, на который распространяется действие иммунитетов.

Ключевые слова: банкротство, несостоятельность, исполнительное производство, иммунитет, имущественный иммунитет, конкурсная масса.

DYUZHENKOV Nikolay Andreevich

postgraduate student of Civil law and process and international private law sub-faculty, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

ON THE ISSUE OF THE CONCEPTS OF THE INSTITUTION OF PROPERTY IMMUNITIES

In connection with the development of legal relations in the field of legal immunities, the question of their legal nature, the history of their origin and development is of key importance. The legal doctrine identifies several concepts for the development of immunities, but their detailed analysis demonstrates that these concepts explain the origin of international and public law immunities, but do not provide a sufficient understanding of the genesis of property immunities common in insolvency (bankruptcy) and enforcement proceedings. The study of the key sources of law regulating property immunities in different periods of legislative development allows us to conclude that property immunities have an absolutely independent history of formation and development, have a specific purpose and range of subjects to which the immunities apply.

Keywords: bankruptcy, insolvency, enforcement proceedings, immunity, property immunity, bankruptcy estate.

Понятие иммунитет происходит от латинского слова «mūnus» - обязанность, повинность, которое, в свою очередь, образует термин «immunitas», что можно перевести в междисциплинарном значении как независимость, неподверженность, резистентность или – в общеправовом значении – как неприменимость действия общих правовых норм к определенному кругу субъектов права [2, с. 204].

В юридической доктрине выделяют две ключевых концепции появления иммунитетов: формально-юридическая концепция (иммунитет как гарантия) и концепция иммунитета как механизма освобождения от исполнения обязанностей и привлечения к юридической ответственности (иммунитет как привилегия).

Согласно формально-юридической концепции, иммунитет берет начало в нормах римского права, предоставивших гарантии неприкосновенности определенным категориям субъектов (в первую очередь, консулам и послам зарубежных государств). Ю. А. Юшкова указывает, что именно из дипломатических и консульских иммунитетов впоследствии были выведены все остальные иммунитеты [16, с. 22], аналогичной точки зрения придерживается и А. Г. Репьев [11, с. 18].

Значение норм, предоставляющих иммунитеты дипломатическим представителям зарубежных государств, для института иммунитетов в целом действительно сложно переоценить. Появившись в римском праве в Дигестах Юстиниана в качестве отдельного титула (книга 50, титул VII), а затем и в древнегреческом законодательстве [10, с. 75], нормы об иммунитетах постепенно получили распространение в законодательстве многих европейских государств, в том числе, и в российском.

Первоначально существовавшие в качестве обычая [15, с. 41], постепенно положения об иммунитетах дипломатических представителей были закреплены в двусторонних договорах [9, с. 131], а затем на уровне национального законодательства: так, Соборное уложение 1649 года содержит нормы о выдаче послам зарубежных государств «проезжих грамот», призванных гарантировать их безопасность на территории российского государства [13, с. 179].

Положения о предоставлении гарантий правовой защиты послам и консулам способствовали распространению таких гарантий на иных представителей государств за рубежом, а впоследствии – на сами государства. Как указывает А. Г. Репьев, «формой проявления государственного иммунитета считалось освобождение от повинностей отдельных территориальных единиц, а также неподверженность послов одного государства власти иного суверена» [11, с. 84].

Таким образом, формально-юридическая теория, в центре которой находится идея об иммунитете как о гарантии безопасности и неприкосновенности, действительно имеет существенное значение в контексте возникновения международных и, отчасти, публичных форм иммунитета, однако не объясняет появление имущественных иммунитетов, законодательное развитие которых, как будет очевидно впоследствии, шло параллельно и независимо, и предоставление которых имело принципиально иную цель.

Вторая концепция происхождения иммунитетов рассматривает иммунитет как механизм освобождения от обязанностей и юридической ответственности. Л. П. Ануфриева указывает, что рассматриваемое представление об иммунитетах берет начало со времен римского императора Гонория, когда иммунитет впервые был рассмотрен как привилегия,

которая раскрывается через освобождение лица от распространения на него общих норм [1, с. 84-90].

Иммунитет предоставлялся на основании специальных иммунитетных грамот, факт обладания которыми защищал их обладателей от любых (или определенных) форм государственного принуждения. В России такие грамоты назывались тарханно-несудимые: тарханная часть освобождала лицо от уплаты налогов, а несудимая – определяла характер правоотношений обладателя иммунитета с органами государственной власти и устанавливала пределы его юридической ответственности [12, с. 104].

Между тем, в связи с возрастанием роли государства в общественных отношениях, а также ввиду постепенной централизации власти, цель предоставления иммунитетов изменилась: если раньше целью было поддержание автономии категорий лиц, то впоследствии, иммунитеты стали предоставляться для обеспечения осуществления определенной деятельности (как правило, служебной), безопасности и независимости, а также в качестве средства правового стимулирования. В данной связи нельзя не согласиться с точкой зрения С. Ю. Суменкова: «с изменением общественной жизни институт правового иммунитета трансформировался в совершенно иное юридическое средство - в инструмент, освобождающий от определенных обязанностей и юридической ответственности отдельных субъектов» [14, с. 41-43].

При этом содержание иммунитета оставалось прежним – он являлся механизмом освобождения лица от несения обязанностей и привлечения к ответственности, исключением распространения на него общих правил, иными словами – правовой привилегией.

Данная концепция действительно может считаться точкой отсчета для некоторых возникших впоследствии категорий иммунитетов (иммунитет судей, членов парламента и др.), однако она также не объясняет появления имущественных иммунитетов, которые, в отличие от вышеперечисленных публично-правовых иммунитетов, как правило, не направлены на освобождение кого-либо от привлечения к ответственности и предоставляются не в связи с осуществлением полезной государственной или общественной деятельности.

Таким образом, представляется, что возникновение имущественных иммунитетов не может быть связано ни с одной из вышеприведенных концепций и должно быть рассмотрено в качестве самостоятельного процесса.

Под термином «имущественный иммунитет» в юридической литературе понимается принцип неприкосновенности минимума имущества, необходимого для существования должника-гражданина и членов его семьи [7, с. 4].

В настоящий момент обоснованность данного принципа не вызывает сомнений, однако на ранних этапах развития законодательства обеспечение минимального уровня жизни должника не считалось чем-то необходимым и приоритетным. Продажа имущества должника являлась одним из способов исполнения судебных актов и осуществлялась без каких-либо ограничений, наряду с такими способами как правёж (телесное наказание, призванное стимулировать должника исполнить обязательство) и отдача головою (лишение должника и членов его семьи свободы и их последующая продажа в рабство) [5, с. 83].

Первые положения, которые могут считаться прародителями имущественных иммунитетов, стали появляться в отечественном законодательстве только в XVII веке – в частности, именно тогда впервые был закреплен запрет обращения взыскания на недвижимое имущество должника [8, с. 121].

В Уставе гражданского судопроизводства 1864 перечень имущества должника, не подлежащего принудительной реализации, был существенно расширен: в него вошло имущество, которое в настоящий момент принято характеризовать как предметы обычной домашней обстановки и обихода, а также иконы, служебная форма[1]. Специальные правила также устанавливались для обращения взыскания на жалованье должника – устанавливались отдельные виды доходов, из которых не могло осуществляться удержание по исполнительным документам, а также закреплялась минимальная сумма дохода, подлежащая сохранению за должником, рассчитываемая в зависимости от его дохода.

Первые дошедшие до нас источники российского конкурсного права не содержали положений об имущественных иммунитетах должника – в состав конкурсной массы входило все имущество банкрота, как движимое, так и недвижимое [3, с. 26]. Принятые впоследствии Устав о банкротах 1740 г., 1763 г. и 1800 г., а также Устав о торговой несостоятельности допускали возможность сохранения за должником лишь минимального набора имущества: продовольствия и домашней одежды.

Советское законодательство в целом переняло общий подход к определению имущества, на которое не может быть обращено взыскание – к нему изначально также относился минимально необходимый базовый набор имущества для ведения быта и хозяйства[2]. С течением времени объем имущества, защищенного от обращения взыскания, постепенно увеличивался, в него вошли принадлежащие автору исключительные права[3], некоторое имущество, принадлежащее профессиональным организациям[4] и др. ГПК РСФСР 1964 г. вновь наделил имущественным иммунитетом жилой дом, однако лишь при условии, если основным занятием должника является сельское хозяйство и он использует данное имущество в качестве места своего постоянного проживания[5].

Более того, впервые появились нормы об имущественном иммунитете должников-юридических лиц, в частности, был определен перечень имущества, на которое не может быть обращено взыскание.

Современное гражданское процессуальное законодательство, на начальных этапах своего становления стремившееся приблизиться к европейским стандартам [4, с. 228], определило основные направления развития ГПК РФ, в том числе, и в, части совершенствования института имущественных иммунитетов гражданина-должника. В настоящий момент имущественные иммунитеты граждан закреплены в статье 446 ГПК РФ. Отдельный перечень имущества юридических лиц в законодательстве не установлен, а основная часть имущественных иммунитетов содержится в отдельных федеральных законах, из чего небезосновательно следует, что «в исполнительных производствах, в которых должниками являются юридические лица, принцип неприкосновенности минимума имущества, необходимого для существования должника–гражданина и членов его семьи, не действует» [6, с. 126].

Российское законодательство о банкротстве в настоящий момент, напротив, закрепляет специальный перечень имущества должника, которое не подлежит включению в конкурсную массу. Данное имущество поименовано в пункте 2 статьи

1 Устав гражданского судопроизводства // Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, 28 на коих они основаны. Ч. I. - СПб., 1867. - Ст. 973-974.

2 Постановление ВЦИК от 10 июля 1923 г. «О введении в действие Гражданского процессуального кодекса РСФСР» (вместе с «Гражданским процессуальным кодексом РСФСР») // СУ РСФСР. - 1923. - № 46-47. - Ст. 478.

3 Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 24.09.1928 «О дополнении Гражданского Процессуального Кодекса РСФСР в связи с введением в действие «Основ авторского права» в новой редакции» // «СУ РСФСР». - 1928. - № 124. - Ст. 788.

4 Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 09.05.1929 «О дополнении Гражданского процессуального кодекса РСФСР ст. 271-б» // «СУ РСФСР». - 1929. - № 37. - Ст. 381.

5 Гражданский процессуальный кодекс РСФСР от 11 июня 1964 г. // Ведомости ВС РСФСР. - 1964. - № 24. - Ст. 407.

131 Закона о банкротстве и включает в себя имущество, изъятое из оборота, имущественные права, связанные с личностью должника, средства компенсационных фондов и др.

При этом изначально ни российское законодательство, ни судебная практика термином «имущественный иммунитет» не оперировали. Впервые данное понятие упомянуто Конституционным Судом в 2007 году в контексте признания не соответствующими Конституции положений статьи 446 ГПК РФ. Под имущественным (исполнительским) иммунитетом Конституционный Суд квалифицировал имущество граждан, на которое в системе действующего правового регулирования запрещается обращать взыскание по исполнительным документам в силу целевого назначения данного имущества, его свойств, признаков, характеризующих субъекта, в чьей собственности оно находится[6].

Впоследствии Конституционный Суд неоднократно указывал, что имущество, на которое не может быть обращено взыскание по исполнительным документам, защищено именно исполнительским иммунитетом, а затем данное понятие стало применяться и в рамках рассмотрения дел о банкротстве индивидуальных предпринимателей при определении возможности включения того или иного имущества в конкурсную массу[7]. Появление в российском законодательстве института банкротства граждан и наличие бланкетной нормы, предусматривающей отсылку к статье 446 ГПК РФ при определении имущества, исключаемого из конкурсной массы, предопределило фактически повсеместное использование термина имущественный иммунитет.

В конечном счете, под имущественным иммунитетом в судебной практике стали понимать любое имущество несостоятельного-должника, как гражданина, так и юридического лица, исключаемое из конкурсной массы. В частности, суды квалифицировали в качестве защищенных иммунитетом денежные средства, полученные в исполнение обязательств по муниципальному контракту[8]; безналичные денежные средства, находящиеся на особых счетах в соответствии с положениями Федерального закона от 29.12.2012 № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе»[9]. В некоторых судебных актах указывается и на то, что «во всех случаях, когда законодатель полагает необходимым защитить определенное имущество должника от обращения на него взыскания в пользу кредиторов, то есть дать исполнительский иммунитет, об этом прямо и недвусмысленно указывается в Законе»[10].

Проведенный анализ демонстрирует, что понятие имущественный иммунитет имеет абсолютно самостоятельную от иных форм иммунитета историю развития. В качестве защищенного иммунитетом квалифицировалось то имущество должника, которое не могло быть реализовано для последующего осуществления расчетов с кредиторами, при этом одной из ключевых целей при определении перечня указанного имущества, как правило, являлось стремление законодателя обеспечить возможность удовлетворения базовых потребностей гражданина в жилище, питании, сохранить необходимый минимум средств для существования и продолжения осуществления трудовой деятельности.

При этом, определяя перечень имущества юридических лиц, защищенных от обращения на него взыскания, законодатель, вероятно, в меньшей степени преследовал цель по обеспечению сохранения возможности должника продолжать осуществление своей деятельности, однако активное развитие законодательства и судебной практики способствовало расширению значения рассматриваемого понятия, в связи, с чем в настоящий момент под имущественным иммунитетом принято понимать любое имущество должника, защищенное от посягательств кредиторов.

6 Постановление Конституционного Суда РФ от 12.07.2007 № 10-П // «Собрание законодательства РФ», 23.07.2007. - № 30. - Ст. 3988.

7 Постановление Президиума ВАС РФ от 23.10.2012 № 1090/12 по делу № А60-38538/2008 // «Вестник ВАС РФ». – 2013. - № 2; Определение ВАС РФ от 12.11.2013 № ВАС-12574/13 по делу № А46-5821/2012 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.02.2025).

8 Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 13.10.2022 № 308-ЭС20-8515(4) по делу № А32-55433/2017 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 19.02.2025).

9 Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 26.01.2021 № Ф09-6943/06 по делу № А50-43610/2005 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.02.2025).

10 Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 18.01.2024 № Ф06-11241/2023 по делу № А57-23594/2018 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.02.2025).

Пристатейный библиографический список

1. Ануфриева Л. П. Международное частное право: в 3 т. - 2-е изд, перераб. и доп. - М., 2002. - Т. 2. - С. 84-90.
2. Барихин А. Б. Большой юридический энциклопедический словарь. - М., 2000. - С. 204.
3. Гольмстен А. Х. Исторический очерк русского конкурсного процесса / Под ред. А. Г. Смирных. - 2-е изд. - М.: Издание книг.ком, 2019. - С. 26.
4. Ермакова Е. П. Некоторые проблемы развития ГПК РФ в сравнении с аналогичными нормативными актами США и КНР. Российские процессуалисты о праве, законе и судебной практике: к 20-летию Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации: монография / Д. Б. Абушенко, М. А. Алиэскеров, Т. К. Андреева и др.; отв. ред. В. В. Молчанов. - М.: Статут, 2023. - С 228.
5. Исаев М. А. Толковый словарь древнерусских юридических терминов. От договоров с Византией до уставных грамот Московского государства. - М., 2001. - С. 83.
6. Исаенков А. А. Иммунитеты в гражданском процессуальном праве России: диссертация кандидата юридических наук. - Саратов, 2016. - С. 120.
7. Малюшин К. А. Принципы гражданского исполнительного права: проблемы понятия и системы / Науч. ред. В. В. Ярков. - М.: Инфотропик Медиа, 2011. - С. 4.
8. Михайлов М. История образования и развития русского гражданского судопроизводства до Уложения 1649 года. – СПб., 1848. - С. 121.
9. Памятники русского права / Под редакцией С. В. Юшкова. Вып. 2. Памятники права феодально-раздробленной Руси XII – XV веков / Составитель А. А. Зимин. - М.: Госюриздат, 1953. - С. 131.
10. Потемкин В. П. История дипломатии. Том 1: с древнейших времен до нового времени. - М.: 1941-1945. - С. 75.
11. Репьев А. Г. Иммунитет как категория российского права: дис. ... канд. юрид. наук. - Саратов, 2011. - С. 18.
12. Российское законодательство X – XX вв.: В 9 т.: Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / Отв. ред. А. Д. Горский. - С. 104.
13. Сергеев Ф. П. Формирование русского дипломатического языка (XI – XVII вв.). - Львов: Вища школа, 1978. - С. 179.
14. Суменков С. Ю. Правовой иммунитет как исключение из правил: историко-правовой аспект // История государства и права. - 2010. - № 12. - С. 41-43.
15. Юзефович Л. А. «Как в посольских обычаях ведется...»: [Русский посольский обычай конца XV - начала XVII в.]. - М.: Междунар. отношения, 1988. - С. 41.
16. Юшкова Ю. А. Иммунитет как правовая категория: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2008. - С. 22.

ИВАНОВ Сергей Вадимович
аспирант, Московский университет «Синергия»

Иванов С. В.

АНАЛИЗ ОФШОРНЫХ КОСВЕННЫХ ПЕРЕВОДОВ НА ПРЕДМЕТ КВАЛИФИКАЦИИ КАК ОБХОДА ЗАКОНА

Статья исследует офшорные косвенные переводы активов через продажу акций иностранных компаний с позиций гражданского права, в частности, квалификации таких операций как обхода закона. Автор анализирует правовую природу подобных сделок, выделяя их ключевые гражданско-правовые характеристики. Особое внимание уделяется гражданско-правовым последствиям признания таких схем обходом закона. В работе обосновывается необходимость разработки четких гражданско-правовых критериев разграничения законной оптимизации и злоупотребления правом при совершении трансграничных операций с корпоративными правами.

Ключевые слова: обход закона, гражданское право, офшорные схемы, косвенные переводы активов, недействительность сделок, злоупотребление правом, корпоративные права, трансграничные сделки, мнимые сделки, притворные сделки.

IVANOV Sergey Vadimovich
postgraduate student, Moscow University «Synergy»

ANALYSIS OF OFFSHORE INDIRECT TRANSFERS FOR QUALIFICATION AS CIRCUMVENTION OF LAW

The article examines offshore indirect transfers of assets through the sale of shares of foreign companies from the perspective of civil law, particularly focusing on qualifying such transactions as circumvention of the law. The author analyzes the legal nature of these transactions, highlighting their key civil law characteristics. Special attention is paid to the civil law consequences of recognizing such schemes as circumvention of the law. The paper substantiates the need to develop clear civil law criteria to distinguish between legitimate optimization and abuse of rights in cross-border corporate transactions.

Keywords: circumvention of law, civil law, offshore schemes, indirect asset transfers, invalidity of transactions, abuse of rights, corporate rights, cross-border transactions, sham transactions, simulated transactions.

В 2017 году Finance Uncovered выпустила историю о том, как британская частная акционерная компания избежала уплаты десятков миллионов долларов налога на прирост капитала *(capital gain tax, CGT)* в Уганде после того, как продала там прибыльный бизнес[1]. Исследуя эту историю, было обнаружено, что уклонение от уплаты налога может быть системной проблемой – «новым измерением в дебатах о налоговой справедливости».

Вместе с тем с точки зрения гражданского права в настоящее время представляется практически невозможным оказать надлежащую правовую защиту активам, которые косвенно отчуждаются на уровне «выше» - между иностранными организациями, одна из которых опосредованно контролирует этот актив. Международные холдинги пользуются такой схемой не только в целях уклонения от уплаты налогов, но и для обхода императивных норм законодательства страны, в которой эти активы находятся.

На Рисунке 1 представлена упрощенная модель типовой офшорной схемы, демонстрирующая, как формальная покупка компании в составе международного холдинга может приводить к фактическому получению контроля над стратегически важными активами при минимизации налоговых обязательств. В реальной практике такие схемы часто бывают значительно сложнее, включая многоуровневые цепочки компаний в различных юрисдикциях, что требует от налоговых органов применения современных аналитических инструментов и международного сотрудничества для эффективного противодействия. (См. рис. 1.)

При исследовании вопроса о квалификации таких офшорных косвенных переводов как обхода закона необходимо последовательно проанализировать соответствие таких операций всем характерным признакам данного правового явления. В научной доктрине, в частности в работах Т. П. Подшивалова, выделяется система взаимосвязанных критериев, позволяющих отграничить правомерную оптимизацию от злоупотребления правом [1].

Первым существенным признаком обхода закона выступает формальное соответствие поведения субъектов действующему законодательству при фактическом создании искусственных обстоятельств. Сам по себе факт регистрации прав на российские активы за офшорными компаниями не может рассматриваться как правонарушение[2]. Однако судебная практика последовательно исходит из того, что подобные юридические конструкции не должны приводить к ущемлению прав неограниченного круга третьих лиц.

Второй ключевой признак обхода закона - его деятельностная природа. В отличие от бездействия, обход закона всегда предполагает совершение активных осознанных действий, что полностью соответствует механизму офшорных косвенных переводов. При этом субъекты осознают как сам факт создания искусственной конструкции, так и те правовые преимущества, которые она обеспечивает.

Третьим важным аспектом является универсальность запрета обхода закона, который распространяется на все сферы гражданско-правового регулирования. Это позволяет применять соответствующие правовые механизмы к операциям с корпоративными правами, включая сделки по отчуждению акций компаний, владеющих стратегически важными активами. В условиях отсутствия специального регулирования косвенных переводов (четвертый признак) нормы об обходе закона становятся основным инструментом защиты публичных интересов.

Особого внимания заслуживает вопрос о наличии конкурентных преимуществ (пятый признак), которые могут быть неочевидны в гражданско-правовом аспекте. Ярким примером являются случаи, когда прямое отчуждение актива требует выполнения специальных административных процедур или вообще запрещено для определенных категорий инвесторов. В таких ситуациях косвенный перевод через офшорные структуры создает явные неравные условия для участников оборота [2].

1 Capital gains taxes and offshore indirect transfers // Oxfam International July 2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://maketaxfair.net/assets/CGT_report_web.pdf (дата обращения: 14.04.2025).

2 Президиум ВАС РФ в Постановлении № 14828/12 от 26 марта 2013 года.

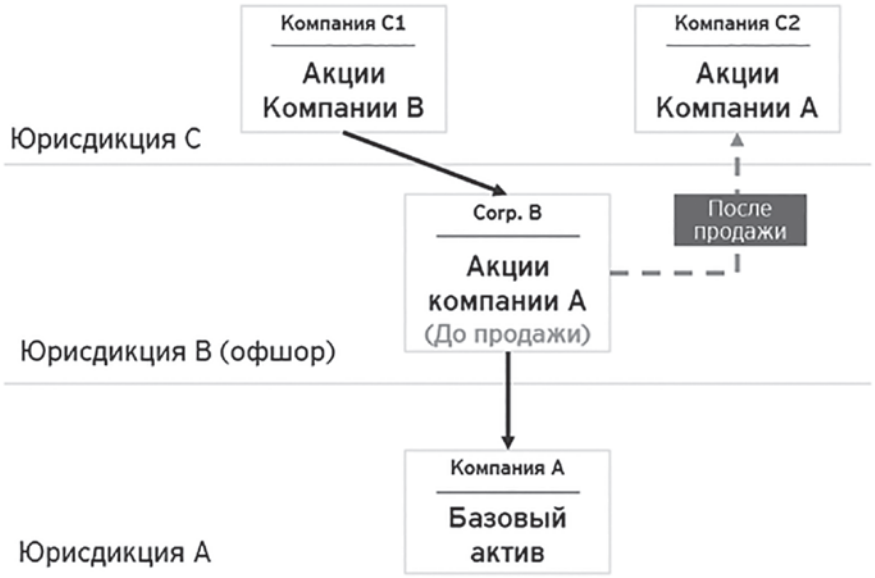

Рисунок 1.

Шестой критерий - наличие негативных последствий - проявляется особенно ярко применительно к стратегическим активам. К ним можно отнести: ослабление правовой защиты объектов, имеющих важное значение для национальной безопасности; отток капитала из страны местонахождения актива; создание угроз экономической стабильности.

Седьмой и восьмой признаки непосредственно связаны с направленностью действий на обход императивных норм и наличием противоправной цели. В контексте офшорных переводов это выражается в сознательном исключении применения национального права к отношениям, которые по своей экономической сущности тесно связаны с территорией конкретного государства.

Правовые последствия признания обхода закона могут выражаться в:

- Отказе в защите прав, приобретенных посредством такой схемы;
- Применении императивных норм права, которое стороны стремились исключить;
- Возможности признания всей цепочки сделок недействительной по правилам о мнимых или притворных сделках.

Однако ключевой проблемой остается разграничение законных операций с корпоративными правами от злоупотреблений. Для решения этой задачи представляется перспективным использование подходов, выработанных в сфере налогового права, в частности:

- Принципа экономической целесообразности;
- Критериев деловой цели;
- Концепции существа над формой.

Таким образом, офшорные косвенные переводы могут квалифицироваться как обход закона при доказанности их направленности на сознательное исключение применения национального права к отношениям, связанным с базовым активом, в целях определения применимого права. Такой подход позволяет соблюсти баланс между защитой публичных интересов и соблюдением принципов автономии воли сторон и свободы договора [3].

Проведенное исследование судебной и арбитражной практики позволяет систематизировать основные правовые последствия признания офшорных косвенных переводов обходом закона:

1. *Лишение правовых преимуществ.* Совершение действий, квалифицированных как обход закона, не влечет тех правовых последствий, на которые рассчитывали стороны.

2. Применение императивных норм национального права. Суд вправе обязать стороны руководствоваться правом страны местонахождения базового актива.

3. Недействительность сделок. При установлении факта обхода закона суд может применить последствия недействительности ко всей цепочке сделок, образующих схему косвенного перевода.

4. Иные гражданско-правовые последствия. В зависимости от обстоятельств дела могут применяться: взыскание неосновательного обогащения, возмещение убытков, применение последствий недействительности ничтожных сделок и т.д.

Таким образом, гражданское законодательство предусматривает достаточно эффективные механизмы противодействия злоупотреблениям при офшорных косвенных переводах [4][3]. Подобные операции действительно могут быть квалифицированы как обход закона, когда их основной целью является уклонение от применения императивных норм национального права страны местонахождения базового актива. Однако центральной проблемой при этом остается выработка четких и объективных критериев разграничения между законными сделками по отчуждению корпоративных прав и злоупотреблениями, направленными на обход законодательных требований.

В качестве перспективных направлений решения указанных проблем представляется целесообразным адаптировать некоторые подходы, уже успешно применяемые в сфере налогового права. В частности, могут быть полезны тест деловой цели (business purpose test), доктрина экономической субстанции (economic substance doctrine) и принцип приоритета содержания над формой (substance over form).

Таким образом, офшорный косвенный перевод следует рассматривать как частный случай обхода закона, что проявляется в намеренном исключении применения норм права страны, которым подчинен базовый актив, и которые подлежали бы применению в случае его прямой продажи.

Пристатейный библиографический список

1. Подшивалов Т. П. Обход закона в международном частном праве // Журнал российского права. – 2016. – № 8. – С. 145-153.
2. Садиков О. Злоупотребление правом в Гражданском кодексе России // Хозяйство и право. – 2002. – № 2. – С. 42.
3. Садиков, О. Н. Императивные нормы в международном частном праве // Московский журнал международного частного права. – 1992. – № 2. – С. 79.
4. Подшивалов Т. П. Коллизионный аспект применения доктрины «снятия корпоративной вуали» // Международное публичное и частное право. – 2015. – № 4. – С. 23.

3 Постановление Президиума ВАС РФ от 24 апреля 2012 г. № 16404/11, Постановление Президиума ВАС РФ от 28 января 2014 г. № 14302/13 дело № А40-117845/2012-158-879 // СПС КонсультантПлюс.

DOI 10.46320/2073-4506-2025-4-203-224-225

КАЗАНКОВА Татьяна Николаевна
кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и арбитражного процесса, Самарский государственный экономический университет

БРЯЧНЕВА Олеся Павловна
студент, Самарский государственный экономический университет

МАРАХОВА Дарья Юрьевна
студент, Самарский государственный экономический университет

ПОДСТРЕШНЫЙ Павел Владимирович
студент, Самарский государственный экономический университет

КРОСС-ДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ПРОЕКТЫ В ЮРИСПРУДЕНЦИИ

Настоящая статья посвящена рассмотрению концепции кросс-проектирования в юриспруденции в качестве междисциплинарного подхода, который направлен на разрешение различных задач в области права. В ходе исследования авторами рассматривается понятие данного правового института, приводятся примеры успешных кросс-дисциплинарных проектов юристов, анализируются преимущества и вызовы данного направления в праве на современном этапе, а также проблемы, которые могут вставать на пути интеграции дисциплин друг с другом.

Ключевые слова: юриспруденция, проектирование, междисциплинарность, кросс-проекты, правовая интеграция.

KAZANKOVA Tatyana Nikolaevna
candidate of Pedagogical Sciences, associate professor, associate professor of Civil and arbitration process sub-faculty, Samara State University of Economics

BRYACHNEVA Olesya Pavlovna
student, Samara State University of Economics

MARAKHOVA Daria Yurievna
student, Samara State University of Economics

PODSTRESHNY Pavel Vladimirovich
student, Samara State University of Economics

CROSS-DISCIPLINARY PROJECTS IN LAW

This article is devoted to the consideration of the concept of cross-design in jurisprudence as an interdisciplinary approach aimed at solving various problems in the field of law. In the course of the research, the authors consider the concept of this legal institution, provide examples of successful cross-disciplinary projects of lawyers, analyze the advantages and challenges of this area in law at the present stage, as well as problems that may stand in the way of integrating disciplines with each other.

Keywords: law, design, interdisciplinarity, cross-projects, legal integration.

В объективной реальности любая социогуманитарная наука, объединяющая в себе узкоспециализированные знания об обществе, государстве и праве со временем достигает глубокого уровня исследования и изучения конкретных вопросов, а перед учеными могут возникать сомнения касательно качества результатов исследования в конкретной области.

Ввиду данного обстоятельства юристы стремятся к поискам новых путей развития из-за кризиса мирового порядка в целом. Кризис в науке может быть обусловлен ограниченностью сферы применения дисциплинарного подхода, который является одним из самых эффективных инструментов в преодолении кризиса.

На современном этапе развития в качестве кросс-проектирования в юриспруденции следует понимать механизм или междисциплинарный подход, направленный на разрешение различных правовых задач в области права. Реализация данного механизма осуществляется за счет использования различных знаний, ресурсов и методов из разных дисциплин [2, с. 329-343].

В научной литературе под междисциплинарностью или кросс-проектированием принято понимать процесс интеграции знаний из различных областей человеческой жизнедеятельности и результатом, которого является диффузия, то есть медленный переход и объединение различных знаний, методов, теорий и получение на выходе концептуально новой, оформленной области знаний.

Согласно позиции В. С. Нерсесянц развитие юридической науки представляет собой бесконечный путь развития знаний о праве и государстве, переход знаний, полученных эмпирическим путем в теоретическую плоскость, а уже от достигнутого уровня теоретических знаний к новым, более содержательным и надлежаще оформленным [4, с. 304].

В теории междисциплинарность применительно в юриспруденции принято подразделять на внутреннюю и внешнюю. Если под внутренней междисциплинарностью принято понимать взаимосвязь всех юридических наук, то под внешней междисциплинарностью в юриспруденции следует понимать связь права с иными отраслями человеческой жизнедеятельности. Например, пересечение правового регулирования цифровых правоотношений, информационной безопасности со знаниями в области IT-технологий и цифровых прав. В целях эффективного законодательного регулирования необходим, должный уровень понимания как передается информация, что следует понимать под криптографией, информацией и т.д.

На современном этапе можно наблюдать стремительное пересечение юриспруденции со знаниями в области информационных технологий. Так, в качестве примера одного из успешных кросс-проектов в юриспруденции в России

можно привести онлайн-платформу LegalTech. Междисциплинарное взаимодействие в данной случае включает в себя интеграцию права и область технологий. Сущность онлайн-платформы заключается в наборе инструментов, с помощью которых можно оптимизировать и упростить юридические проекты, повысить эффективность сопровождения бизнеса или оказания юридических услуг. В качестве еще одного главного преимущества данной онлайн-платформы необходимо выделить возможность отслеживания контрафакта, мошеннических действий или пиратства в сети интернет. Так, с помощью технологических решений можно отслеживать подделки на разных этапах цепочки поставок [5, с. 651-653].

Аналогичным зарубежным кросс-проектом выступает технологическая юридическая компания «Rocket Lawyer». Компания была образована 2008 году в Калифорнии и на данный период времени специализируется на юридическом консультировании частных лиц, а также представителей малого и среднего бизнеса в дистанционном режиме.

Крупным международным кросс-проектом является система «e-Justice». Данная платформа также как и «Rocket Lawyer» была, образована в 2008 году и основной ее целью было создание единой платформы в целях локального взаимодействия сотрудников юстиции, адвокатов и граждан, а также в целях поддержания трансграничных судебных и внесудебных процедур. Основным инструментарием данной платформы является Европейский портал электронной юстиции, который представляет собой многоязычную точку доступа к основной системе «e-Justice».

Успешным результатом кросс-проектирования можно считать объединение Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ (ИЗиСП), Российской экономической школы, Сколковского института науки и технологий (Сколтех) и Московской школы управления «Сколково». Подобное объединение ресурсов дает возможность разработки различных образовательных программ, которые готовят юристов, способных работать на стыке права, технологий и экономики. Так, относительно недавно в 2023 году при поддержке данных образовательных учреждений состоялось XVIII Международная школа-практикум молодых ученых-юристов «Молодежь и право». В рамках данного мероприятия было обсуждение проблематики правового регулирования молодежной политики, актуальные вопросы юридического образования, а также разработки и внедрения собственных технологий для достижения цифрового суверенитета. Помимо этого, в ходе обсуждения перед участниками программы выступил Игорь Шувалов, председатель правления Государственной корпорации развития «ВЭБ РФ», который заявил о необходимости интеграции юриспруденции с точными науками. Согласно его позиции достижение цифрового суверенитета является возможным только благодаря взаимодействию юристов с представителями иных профессий в области информационных технологий. Данная концепция предполагает, что юристам необходимо взаимодействие с теми специалистами, которые создают инженерный продукт, а само представление о юристах не может быть сводимо к консерватизму, поскольку в современных реалиях с учетом стремительной цифровизации деятельность юристов не может быть сводима исключительно к преемственности права.

Несмотря на то, что можно увидеть результаты успешного кросс-проектирования существуют определенные проблемы, которые связаны с междисциплинарностью. Так, согласно мнению Меликовского А. А. одной из ключевых проблем междисциплинарности выступает дилетантство [3, с. 224-229]. В соответствии с позицией автора не все исследователи способны признать свою ограниченность в своих собственных знаниях и компетенциях. Меликовский А. А. считает, что на практике в редких случаях можно встретить ученного, который действительно может признать возможность своих заблуждений и факт того, что его мнение не является последней априорной истиной. Автор утверждает, что отказ от абсолютизации своей позиции должен стать общим правилом, поскольку способность одного лица прислушаться к мнению другого является одним из ключевых подходов междисциплинарности. В качестве примера здорового вмешательства одного ученного в иную область знаний следует привести профессора Э. Кантаровича, немецкого и американского историка-медиевиста [1, с. 752]. Э. Кантаровичем было написано произведение под названием «Два тела короля», а поскольку автор изначально имел образование, в области истории им были принесены извинения юридическому сообществу за вмешательство в область права при отсутствии юридического образования.

С учетом изложенного в юридической литературе существует альтернативная позиция, согласно которой акт вмешательства юристов в иные области знаний не подразумевает под собой дилетантства. Связано это в первую очередь с тем обстоятельством, что не всегда вмешательство юристов в иные отрасли сопровождается привнесением чего-то нового в иные направления. Напротив, юрист при исследовании иной области знаний перенимает статус наблюдателя с целью понять, как все устроено в иной области. Таким образом, исследовательская наблюдательность в данном случае помогает юристам перенимать новые методы исследования уже в рамках своей специальности.

Стоит отметить, что междисциплинарность в таком аспекте все равно не отменяет того обстоятельства, что дилетантство требует от ученных ответственного подхода, поскольку путем получения новых знаний в иных отраслях юристы стремятся восполнить существующие проблемы в собственной отрасли, а найденное решение все равно будет представлять собой частицу в общем массиве знаний. Данная частица будет способствовать отражению в знаниях лишь одной грани рассматриваемого объекта исследования.

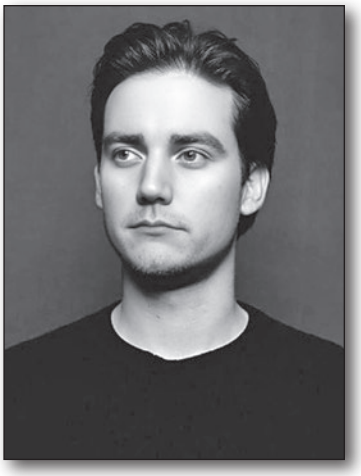
В научном сообществе существует позиция, согласно которой применение кросс-проектирования к социогуманитарным наукам в принципе является обыденностью, а знание в рамках одной области уже является аномалией. Обусловлено данное обстоятельство тем фактом, что юриспруденция, как дисциплина, теоретически представляет собой фундаментальное правоведение, которое основывается на догматическом подходе, подразумевающим под собой переплетение с иными дисциплинами.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что кросс-проектирование, или междисциплинарность, дает возможность интегрировать различные идеи из разных сфер человеческой жизнедеятельности, которые бы не могли возникнуть исключительно в рамках одной дисциплины. Как уже было отмечено раннее, разные дисциплины предлагают разные подходы в контексте научных исследований и их взаимосвязь позволяет более полно понимать пробелы в собственной специальности, а также находить эффективные пути решения уже существующих проблем.

Пристатейный библиографический список

1. Канторович Э. Х. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии. - Изд. второе, исправленное / Пер. с англ. М. А. Бойцова и А. Ю. Серегиной. - М., 2015. - 752 с.
2. Меликовский А. А. Междисциплинарный подход в теории права // Развитие права в условиях междисциплинарного взаимодействия: коллективная монография. - СПб., 2023. - С. 329-343.
3. Меликовский А. А. Юриспруденция и проблема междисциплинарности // Образование и право. - 2023. - № 11. - С. 224-229.
4. Нерсесян В. С. Современное право: теория и методология: монография / Под ред. В. В. Лапаевой. - М., 2019. – С. 304.
5. Чечулин К. В. «Кросс-культурные исследования в сфере профилактики коррупции: сравнение подходов различных стран» // Молодой учёный. - 2024. - № 51 (550). – С. 651–653.

DOI 10.46320/2073-4506-2025-4-203-226-229

Кулагин И. Ю.

КУЛАГИН Игорь Юрьевич
аспирант кафедры правового обеспечения экономической деятельности, Институт права, Самарский государственный экономический университет

БАНКОВСКАЯ ТАЙНА И КОНФИДЕНЦИАЛЬНОСТЬ В ПЛАТФОРМАХ ЦИФРОВЫХ ВАЛЮТ ЦЕНТРАЛЬНЫХ БАНКОВ

Большое число обсуждений и открытых вопросов о внедрении цифровых валют требуют внимания со стороны правовой науки. Текущее положение в области законодательства в данной сфере определяет актуальность различных исследований в отрасли права, регулирующей новые формы финансовых отношений с применением цифровых валют центральных банков. В Российской Федерации это направление представляется более приоритетным, в сравнении с аналогичными в западных странах. На примере ряда законопроектов и принятых нормативных актов авторы рассматривают некоторые проблемные моменты и коллизии, требующие внимательного рассмотрения и сопоставления с действующим положением в банковской отрасли. Предлагается закрепление в законодательстве требований по обеспечению конфиденциальности и защиты информации о счетах клиентов в платформе Цифрового рубля для Банка России.

Ключевые слова: банковская тайна, цифровой рубль, платформа цифрового рубля, Банк России, конфиденциальность, банковское право.

KULAGIN Igor Yurjevich
postgraduate student of Legal support of economic activity sub-faculty, Institute of Law, Samara State University of Economics

BANKING SECRECY AND PRIVACY IN CENTRAL BANK DIGITAL CURRENCY PLATFORMS

A large number of discussions and open questions about the introduction of digital currencies require attention from legal science. The current situation in the field of legislation in this area determines the relevance of various studies in the field of law regulating new forms of financial relations using digital currencies of central banks. In the Russian Federation, this area seems to be a higher priority, compared to similar ones in Western countries. Using the example of a number of bills and adopted regulations, the authors consider some problematic issues and conflicts that require careful consideration and comparison with the current situation in the banking industry. It is proposed to consolidate in legislation the requirements for ensuring the confidentiality and protection of information about customer accounts in the Digital Ruble platform for the Bank of Russia.

Keywords: banking secrecy, digital ruble, digital ruble platform, Bank of Russia, confidentiality, banking law.

Экономическая структура общества, структура монетарной экономики в России стремительно изменяются и сопровождаются внедрением новой третьей цифровой формы российской национальной валюты, которую Банк России планирует выпускать[1]. Все три формы денег будут равноценны, равны друг другу. Правовой статус цифрового рубля уже закреплен в статье 26 Федерального закона от 02.12.1990 № 395-1[2] «*О банках и банковской деятельности*», Федеральном законе от 10.07.2002 № 86-ФЗ «*О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)*»[3], Федеральном законе от 27.06.2011 № 161-ФЗ «*О национальной платежной системе*»[4] и др. Цифровой рубль (ЦР) функционирует на платформе цифрового рубля (ПлЦР) и оперируется Банком России[5]. Подготовлены проекты[6] и запланированы изменения в ряде других нормативных правовых актах в части приведения их в соответствие с уже внесенными изменениями в упомянутые выше законы и введением новых норм.

Процесс принятия новых законов в отношении Цифрового рубля сопровождается их обсуждением и правками по итогам обсуждений. Формирование приведенных выше и новых нормативных актов происходит в борьбе принципов охранения старого и принципа инициативы и важно соблюдать баланс, который с одной стороны оберегает общество от застоя, препятствующего приливу новых сил, с другой стороны позволяет развиваться спокойно в рамках устоявшихся традиций, не доводя до радикального отрыва. Такой разумный консерватизм предоставляет поле для существования права через охранение традиций и сдерживание общества от погружения в видимость новизны, вместо нахождения в процессе творческого положительного созидания [10]. Изменения в обществе, связанные с внедрением центральных валют

1 Цифровой рубль / Банк России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cbr.ru/fintech/dr/ (дата обращения: 08.02.2025).

2 Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 (ред. от 08.08.2024) «О банках и банковской деятельности» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024) // СПС Консультант-Плюс (дата обращения: 27.02.2025).

3 Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» (с изм. и доп., вступ. в силу с 21.10.2024) // СПС Консультант-Плюс (дата обращения: 27.02.2025).

4 Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ (ред. от 23.11.2024) «О национальной платежной системе» // СПС Консультант-Плюс (дата обращения: 27.02.2025).

5 Федеральный закон «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» // СПС Консультант-Плюс (дата обращения: 27.02.2025).

6 Проекты нормативных актов Банка России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cbr.ru/project_na (дата обращения: 08.02.2025).

центральных банков (ЦВЦБ), изучаются отечественными учеными социологами, экономистами, правоведами и др. Специалистами обозначаются ряды задач, проблем и вопросов, которые являются наиболее актуальными и приоритетными в настоящее время. Макаров Е. С., опираясь на эмпирические данные, рассматривает [8, с. 135-154] вопросы доверия к различным формам денег, в том числе и к Цифровому рублю. Он отмечает наличие в настоящее время безличного доверия к ЦВЦБ. Известно, что правовой подход к проблеме в сопоставлении с социально-экономическим подходом функционирует отдельно в плоскости идеально долженствующего [2, с. 28]. М. Вебер, говоря о праве, обозначает правовой порядок как комплекс фактических оснований, определяющих реальное человеческое действие.

Конечно, одновременное обновление всего законодательства и введение всех нужных норм, определяющих порядок действий с ЦР, затруднительны, поэтому на отдельных этапах процесса правотворчества в законодательных органах могут наблюдаться некоторые перекосы. Одна из задач ученых правоведов – участвовать в процессе правообразования и правопонимания, вовремя реагировать на каждом этапе на изменения и формировать идеи, позволяющие государственным органам эффективнее осуществлять правовое регулирование. При рассмотрении концепции ЦР, выпущенной Банком России, нами также выявлены некоторые противоречия в актуальных версиях документов и законах о ЦР. Например, Банк России будет обеспечивать функционирование ПлЦР, выполнять регистрацию в платформе кредитной организации, управлять статусом счета и другие функции. Сами денежные средства в третьей форме рубля будут хранится на счетах цифрового рубля на платформе Банка России. Из этого нам становится очевидно, как ранее уже предполагалось [1, с. 100-146], что и функции обеспечения тайны вклада должны распространяться и на сам Банк России. Но в документах при этом обязанность хранения тайны останется у коммерческих организаций (участников ПлЦР), которые будут рассматриваться в рамках платформы по терминологии отдельных документов и как финансовые посредники. Концепция Цифрового рубля обозначает, что первой основной функцией финансового посредника[7] станет обеспечение сохранности, неразглашение сведений о ключах и нераспространение ключей неуполномоченным лицам, аналогичная функция на Банк России в этом документе не распространяется. При этом важной должностной фигурой в этом процессе планируется сделать Администратора ключевой системы (АКС)[8], который по своему месту службы будет относиться не к финансовому посреднику (участнику платформы, банку, кредитной организации), а к Банку России.

Для проведения более детального правового исследования актуального состояния отечественных нормативных документов проведено их сравнение с аналогичными проектами других государств и документов, выпущенных в отношении Цифрового Доллара США[9], Цифрового Евро[10], Цифрового Фунта Стерлингов[11]. Однако эти цифровые валюты в данное время не имеют той степени проработки, которая есть у ЦР. Например, относительно Цифрового Евро на сайте Европейского центрального банка на декабрь 2024 года можно найти такие сведения: «*Различные сценарии могут спровоцировать выпуск цифрового евро*» или «*В ряде будущих сценариев цифровой евро может стать жизнеспособным вариантом для Евросистемы…*», т.е. на западе говорят о подготовительном характере процесса внедрения. О Цифровом Долларе на интернет ресурсе Федеральной резервной системы США сказано: «*Федеральный резерв не принял решения о том, следует ли разрабатывать или внедрять цифровую валюту центрального банка или CBDC, мы изучаем потенциальные преимущества и риски CBDC с разных точек зрения, в том числе посредством технологических исследований и экспериментов*»[12]. Можно также заметить, что самая последняя новость о Цифровом Фунте Стерлингов датирована январем 2024 года[13]. Интересным на наш взгляд является документ, выпущенный в декабре 2024 года, Банком Англии под названием «*Enhancing the Privacy of a Digital Pound*» («*Повышение конфиденциальности Цифрового Фунта*»)[14]. Этот документ не анонсируется в новостном блоке Банка Англии, посвященном ЦВЦБ, но размещен на той же новостной странице сети Интернет. Данный документ в соответствии с его названием посвящен рассмотрению различных вопросов о конфиденциальности «*privacy*» (не анонимности «*anonymity*») Цифрового Фунта Стерлингов. При этом в начале документа отдельно оговаривается, что «*Документ не может быть использован для изложения политики Банка Англии*» и «*Решение о том, следует ли вводить цифровую валюту центрального банка в Великобритании, не было принято*». Мы взяли для примера те государства и объединения, правовые системы которых в наибольшей степени влияют на российскую систему права, хотя понимаем, что Китайский цифровой юань стал первой цифровой валютой, принятой в крупной экономике. Рассмотрение примеров из перечисленных стран определяется известным правовым и политическим развитием этих государств [5, с. 13-86], приобретенным ими за долгую историю превосходством в торговле и отношении к свободе [3]. При рассмотрении нашего вопроса взаимосвязи института банковской тайны и ЦВЦБ на примере документов, выпускаемых в Великобритании, можно отметить, что ранее мы упоминали [6] работу Лысенковой В. Н. «*Языковая репрезентация концепта «privacy» на материале идиоматических выражений английского языка*» [7, С. 4029-4034] в которой обозначается

7 ЦВЦБ Стандарт. Порядок подключения Финансового посредника к Платформе Цифрового Рубля Версия 1.2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cbr.ru/content/document/file/150169/standart_dr_20230807_1.pdf (дата обращения: 08.02.2025).

8 ЦВЦБ Стандарт. Порядок подключения Финансового посредника к Платформе Цифрового Рубля. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cbr.ru/content/document/file/150169/standart_dr_20230807_1.pdf (дата обращения: 08.02.2025).

9 Implications of a U.S. CBDC for International Payments and the Role of the Dollar. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.federalreserve.gov/econres/notes/feds-notes/implications-of-a-u-s-cbdc-for-international-payments-and-the-role-of-the-dollar-20240216.html (дата обращения: 22.01.2025).

10 Report on a digital euro. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.ecb.europa.eu/euro/html/digitaleuro-report.en.html (дата обращения: 22.01.2025).

11 The digital pound. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.bankofengland.co.uk/the-digital-pound (дата обращения: 22.01.2025).

12 Central Bank Digital Currency (CBDC). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.federalreserve.gov/central-bank-digital-currency.htm (дата обращения: 22.01.2025).

13 Bank of England. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.bankofengland.co.uk/the-digital-pound/digital-pound-news (дата обращения: 22.01.2025).

14 Enhancing the Privacy of a Digital Pound (EPDP). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.bankofengland.co.uk/-/media/boe/files/digital-pound/mit-report-enhancing-the-privacy-of-a-digital-pound.pdf (дата обращения: 02.02.2025).

значимость концепта «*privacy*» («*конфиденциальность*») для английской концептосферы, показывается его значение для граждан Великобритании. Источником концепта является географическая оторванность англичан и островной тип их государства. Это может являться еще одним подтверждением важности аспекта конфиденциальности в этих странах, на который эти государства указывают при рассмотрении различных вопросов по ЦВЦБ.

В России уже выпущено Положение Банка России от 07.12.2023 № 833-П «*О требованиях к обеспечению защиты информации для участников платформы цифрового рубля*», которое действует вместе с «*Требованиями к обеспечению защиты информации, применяемые в отношении технологии обработки и передачи электронных сообщений при осуществлении операций с цифровыми рублями*» и «*Требованиями к обеспечению защиты информации, применяемые в отношении приложения клиента*». В рамках вопросов о банковской деятельности в отечественной научной среде рассматриваются [4] принципы и механизмы функционирования банковской деятельности. Авторы работы «*К вопросу о философии банковской деятельности*» определяют необходимость философского осмысления банковской деятельности и «*проблемы моральной ответственности банков перед обществом*». Авторы отчета «*Enhancing the Privacy of a Digital Pound*» из Банка Англии и Массачусетского технологического института определяют, что строгие стандарты конфиденциальности будут иметь основополагающее значение для доверия и уверенности в цифровом фунте, и что будут приняты меры для обеспечения уверенности общественности в использовании любого цифрового фунта, если он будет в конечном итоге запущен. И. М. Фадеева и Е. В. Тихонова обозначают [9, с. 66-70], что «*в банковской сфере доверие со стороны клиента является главным условием…*». Таким образом можно заключить, что доверие к банкам, конфиденциальность данных клиентов банков, моральная ответственность банков перед обществом многими отечественными и европейскими учеными включаются в перечень факторов, влияющих на дальнейшее эффективное функционирование банковской сферы и новой формы денег. В докладе[15] «*From privacy to partnership*» («*От конфиденциальности к партнерству*») Лондонского королевского общества («*The Royal Society*») также говорится о происходящей трансформации в обществе, преимуществах использования Больших данных в принятии решений, новых партнерских отношениях в области данных, отвечающих принципам этичности и ответственности.

Статья 26 Федерального закона РФ «*О банках и банковской деятельности*» определяет, что кредитные организации в целях составления отчетности представляют в головную кредитную организацию, которая может находится и за рубежом, сведения об операциях своих клиентов и корреспондентов при условии обеспечения этими иностранными государствами уровня защиты (соблюдения конфиденциальности) предоставляемой информации не меньшего, чем такой же, предусмотренный законодательством РФ. Как выше мы убедились в нашей стране есть закон, определяющий требования к конфиденциальности ЦР, а в большинстве других европейских государств еще только проходят подготовительные процессы по объективации проблем, связанных с внедрением новых форм денег. Ранее отмечалось, что платформа цифрового рубля рассматривается регулятором в качестве инструмента трансграничного перевода денежных средств как альтернатива системе SWIFT [11, с. 57-65]. Возможно в таких условиях применение этой нормы и ПлЦР к коммерческим организациям с головными офисами в Великобритании, США или Евро Союзе будет затруднительно.

При этом освещения, толкования и научного анализа отечественного законодательства, связанного с обеспечением защиты информации для участников ПлЦР, в настоящий момент не много. Например, нам удалось найти только одно упоминание о Положении[16] ЦБ РФ № 833-П в одной научной статье. Поскольку обеспечение защиты информации для участников ПлЦР непосредственно связано с сохранением режима банковской тайны, хотим обратить внимание на некоторые пункты такого законодательства. Пункт 1 Положения ЦБ РФ от 7 декабря 2023 г. № 833-П по своему назначению и названию устанавливает требования к обеспечению защиты информации (пункт 1) только для участников платформы цифрового рубля (коммерческих организаций). Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ «*О национальной платежной системе*» в статье 30.7 определяет функции оператора (ЦБ РФ) и также, только для участников ПлЦР определяет требования. Нет и отдельного федерального закона или положения, определяющего требования по обеспечению конфиденциальности, в том числе и сведений составляющих банковскую тайну, для ЦБ РФ, как оператора ПлЦР. Можно предположить, что техническая сторона вопроса, порядок работы ПлЦР, не требует наложения таких обязанностей на Банк России, так как не будет возможным раскрытие информации на стороне ЦБ, хотя, например, в пункте 1.4. Положения[17] ЦБ РФ от 03.08.2023 №820-П «*О платформе цифрового рубля*» указано, что Банк России обеспечивает исполнение распоряжений по мере их поступления на ПлЦР. Подробнее о технических аспектах ПлЦР и обеспечении безопасности и конфиденциальности банковских операций[18] описывается в различных документах, издаваемых Центробанком.

Законодательством разработан некоторый открытый перечень признаков для определения фактов осуществления перевода денежных средств без добровольного согласия клиентов[19]. Эти признаки вероятно сформированы на основе некоторой наработанной практической базы. Согласно зако-

15 From privacy to partnership. [Электронный ресурс]. – режим доступа: https://royalsociety.org/-/media/policy/projects/privacy-enhancing-technologies/from-privacy-to-partnership.pdf (дата обращения: 02.02.2025).

16 Положение Банка России от 07.12.2023 № 833-П «О требованиях к обеспечению защиты информации для участников платформы цифрового рубля» (вместе с «Требованиями к обеспечению защиты информации, применяемые в отношении технологии обработки и передачи электронных сообщений при осуществлении операций с цифровыми рублями», «Требованиями к обеспечению защиты информации, применяемые в отношении приложения клиента») (Зарегистрировано в Минюсте России 29.12.2023 № 76729) // СПС Консультант-Плюс (дата обращения: 27.02.2025).

17 Положение Банка России от 03.08.2023 № 820-П (ред. от 12.07.2024) «О платформе цифрового рубля» (вместе с «Порядком урегулирования споров и разногласий») (Зарегистрировано в Минюсте России 10.08.2023 № 74716) // СПС Консультант-Плюс (дата обращения: 13.02.2025).

18 Стандарт Банка России. Требования. Прикладные программные интерфейсы. Обеспечение безопасности финансовых сервисов при инициации OpenID Connect клиентом потока аутентификации по отдельному каналу. 2024. – 40 с.

19 Приказ Банка России от 27.06.2024 № ОД-1027 «Об установлении признаков осуществления перевода денежных средств без добровольного согласия клиента и отмене приказа Банка России от 27 сентября 2018 года № ОД-2525» // СПС Консультант-Плюс (дата обращения: 13.02.2025).

нодательству[20] такие признаки выявляются на стороне ЦБ, но мероприятия по противодействию реализуются на стороне участников ПлЦР. Ранее Банк России говорил о необходимости усиления конфиденциальности операций в платформе ЦР[21], на наш взгляд для усиления необходимо на законодательном уровне более ясно закрепить ответственность за обеспечение конфиденциальности «*privacy*», а следовательно за охрану информации, составляющую банковскую тайну, и обеспечение особого режима работы с такой информацией за Центральным Банком Российской Федерации, его служащими и, возможно, подрядными организациями, обеспечивающими разработку, модернизацию и функционирование ПлЦР. Эти нормы будут соответствовать ранее высказанным суждениям правоведов о необходимости распространения режима банковской тайны и на операторов цифрового рубля, что в свою очередь позволит скорее реализовать преимущества появления цифровой наличности в экономике страны [1, с. 100-146] благодаря сохранению необходимого баланса, и безличное доверие со стороны граждан дополнится их личным доверием к Центральному банку России как независимому юридическому лицу.

Рассмотрение обозначенных нами расхождений между необходимостью обеспечить конфиденциальность сведений, составляющих информацию, относимую законодательством к банковской тайне, и действительным содержанием указанных в статье принятых законов позволит государственным законодательным органам и органам, обладающим правом законодательной инициативы, обеспечить дальнейшее регулирование общественных отношений, отвечающих и реальным условиям жизни конституционным демократическим принципам: подотчетность, прозрачность, конфиденциальность[22]. Внесение соответствующих поправок в законы будет согласовываться и с изначальными задачами, поставленными и оглашенными Банком России и с мнением международного научного правового сообщества. Следование описанным рекомендациям должно повысить как конфиденциальность, так и безопасность операций в ПлЦР, не только в нашем государстве, но и за его пределами, что позволит как участникам платформ, так и операторам ЦВЦБ избежать различных нарушений, связанных с ПОД/ФТ/ФРОМУ, подобных тем[23], которые продолжают раскрываться.

Пристатейный библиографический список

1. Бортников С.П. Цифровые деньги и цифровые счета в центральных банках // Вестник Самарского государственного экономического университета. Экономика. 2020. № 3 (185).
2. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: В 4 т. Т. 3. Право (пер. с нем; сост., общ. ред. и предисл. Л. Г. Ионина). М.: Изд. дом ВШЭ, 2018.
3. Вебер М. Избранное: Протестансткая этика и дух капитализма. 2-е изд., доп. и испр. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. 656 с.
4. Зубов В. В., Ивлев В. Ю., Оселедчик М. Б. К вопросу о философии банковской деятельности // Гуманитарный вестник. 2024. № 1 (105).
5. Иеринг Р. Борьба за право // Избранные труды. В 2-х томах. Т. 1. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2006.
6. Кулагин И. Ю. Некоторые исторические и правовые аспекты зарождения, становления и кризиса института банковской тайны // Международное публичное и частное право. 2025. № 1.
7. Лысенкова В. Н. Языковая репрезентация концепта PRIVACY (на материале идиоматических выражений английского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. № 12.
8. Макаров, Е. С. Социологическая проблема доверия к денежным единицам: институциональный фактор // Журнал социологии и социальной антропологии. 2020. Т. 23, № 5.
9. Фадеева И. М., Тихонова Е. В. Формирование доверительных отношений в сфере банковских услуг // Вестник Мордовского университета. 2011. Т. 21, № 3.
10. Франк С. Л. Избранные труды. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 664 с.
11. Хромченко М. Д. Платформа цифрового рубля как объект финансово-правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19, № 8 (165).

20 Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ (ред. от 23.11.2024) «О национальной платежной системе» // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 13.02.2025).

21 РИА новости. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ria.ru/20201023/nabiullina-1581221860.html?ysclid=m4jug4ggrh828252426 (дата обращения: 08.02.2025).

22 Enhancing the Privacy of a Digital Pound (EPDP). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.bankofengland.co.uk/-/media/boe/files/digital-pound/mit-report-enhancing-the-privacy-of-a-digital-pound.pdf.

23 Wells Fargo Issues Statement on Agreement with OCC https://finance.yahoo.com/news/wells-fargo-issues-statement-agreement-180800707.html.

СКОБИЛЕВА Ирина Вячеславовна
студент 4-го курса бакалавриата по направлению подготовки 40.03.01 «Юриспруденция», Юридическая школа, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток

МАХОНИН Данила Дмитриевич
студент 4-го курса бакалавриата по направлению подготовки 40.03.01 «Юриспруденция», Юридическая школа, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток

УСАЧЕВ Александр Сергеевич
магистрант 1-го курса по направлению подготовки М6124-40.04.01юсдоп «Юридическое сопровождение деятельности органов публичной власти и представительство в суде», Юридическая школа, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток

КОРНЕВА Кристина Алексеевна
ассистент кафедры гражданского права и процесса, Юридическая школа, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток

КОМПЕНСАЦИЯ КАК СПОСОБ ЗАЩИТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ: ОПЫТ РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

В статье исследуется правовая природа компенсации как способа защиты интеллектуальных прав в России и за рубежом. Анализируются вопросы сложности определения размера компенсации и возможности выхода суда за установленные законом размеры компенсации, приводятся правовые позиции Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ. Рассматривается законопроект, который может привести к снижению размера компенсации, анализируются последствия его принятия и влияния на права и законные интересы правообладателя.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, интеллектуальные права, исключительные права, результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, компенсация, способ защиты, убытки, множественность нарушений, санкция, статутные убытки, превенция.

SCOBILEVA Irina Vyacheslavovna
student of the 4th year of the bachelor's degree in the field of study 40.03.01 «Jurisprudence», Law School, Far Eastern Federal University, Vladivostok

MAKHONIN Danila Dmitrievich
student of the 4th year of the bachelor's degree in the field of study 40.03.01 «Jurisprudence», Law School, Far Eastern Federal University, Vladivostok

USACHEV Alexander Sergeevich
magister student of the 1st year of the degree in the field of training M6124-40.04.01usdop «Legal support of the activities of public authorities and representation in court», Law School, Far Eastern Federal University, Vladivostok

KORNEVA Kristina Alexeevna
assistant of Civil law and process sub-faculty, Law School, Far Eastern Federal University, Vladivostok

COMPENSATION AS A WAY TO PROTECT INTELLECTUAL PROPERTY RIGHTS: EXPERIENCE OF RUSSIA AND FOREIGN COUNTRIES

The article studies the legal nature of compensation as a method of protection of intellectual rights in Russia and abroad. The article analyses the issues of the complexity of determining the amount of compensation and the possibility of the court to go beyond the amount of compensation established by law; the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation and the Supreme Court of the Russian Federation are given. The draft law, which may lead to a decrease in the amount of compensation, is considered, the consequences of its adoption and its impact on the rights and legitimate interests of the right holder are analyzed.

Keywords: intellectual property, intellectual rights, exclusive rights, results of intellectual activity and means of individualisation, compensation, method of protection, damages, multiple violations, sanction, statutory damages, prevention.

С развитием общества, повышения уровня его информатизации наибольшую актуальность и значимость сегодня приобретает интеллектуальная собственность. Свое «правовое развитие» интеллектуальная собственность получила и в российском законодательстве. В ст. 44 Конституции РФ закреплено, что «интеллектуальная собственность охраняется законом»[1]. В 2006 г. была принята часть четвертая Гражданского кодекса РФ, которая кодифицировала все основные положения, касающиеся интеллектуальной собственности, ее правовой охраны, способов защиты.

Нормативное закрепление права интеллектуальной собственности в российском законодательстве предполагает, что государство будет принимать различные меры и способы для ее защиты. Если же права правообладателей и авторов нарушаются, то указанные субъекты вправе обращаться к различным способам защиты своих интеллектуальных прав. Такие способы предусмотрены ст. 12, ст. 1251, 1252 ГК РФ. Наибольшего внимание из всех предусмотренных законодательством способов защиты интеллектуальных прав заслуживает компенсация, которая была введена Федеральным законом «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные за-

1 «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).

конодательные акты Российской Федерации» от 12.03.2014 № 35-ФЗ[2].

В юридической науке существует несколько подходов к определению правовой природы компенсации. Компенсацию рассматривают как меру гражданско-правовой ответственности. Согласно этому подходу, компенсация является формой имущественной ответственности, наступающей за нарушение исключительного права и предусматривающей неблагоприятные имущественные последствия для нарушителя. Она имеет целью стимулировать правонарушителя к соблюдению законодательства.

Компенсацию рассматривают как один из способов защиты исключительного права, наряду с требованием о пресечении нарушения, изъятии контрафактной продукции и возмещении убытков. Она направлена на восстановление нарушенного права.

Наиболее обоснованным представляется подход, согласно которому компенсация представляет собой специальный способ защиты исключительного права, сочетающий в себе элементы гражданско-правовой ответственности и восстановительной функции. Двойственная правовая природа компенсации проявляется в том, что она одновременно выполняет карательную функцию в отношении нарушителя и компенсаторную функцию для правообладателя. Данный способ защиты позволяет правообладателю быстро восстановить нарушенные права, не неся при этом бремени доказывания размера причиненных убытков. Это существенно повышает доступность механизма защиты и гарантирует эффективную правовую охрану.

В соответствии с действующим законодательством, механизм компенсации как способа защиты исключительного права регламентирован применительно к определенным видам результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации в случаях нарушения исключительных прав на указанные объекты. Существенной особенностью данного правового института является наделение правообладателя правом на выбор способа защиты нарушенного права путем предъявления требования о выплате компенсации в качестве альтернативы возмещению причиненных убытков. Данный правовой механизм квалифицируется в доктрине как альтернативная мера защиты, реализация которой осуществляется правообладателем по его собственному усмотрению при установлении факта противоправного использования охраняемого объекта. С точки зрения правовой природы, компенсация представляет собой нормативно установленную санкцию, направленную на правовое регулирование отношений, возникающих вследствие внедоговорного причинения вреда правообладателю в результате нарушения его исключительных прав. Несмотря на это, компенсацию можно использовать как способ защиты лицензиаром по отношению к лицензиату, если «лицензиат при использовании результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации выходит за пределы, установленные для него законом и лицензионным договором»[3].

Конституционный Суд РФ неоднократно высказывался по поводу сущности компенсации как способа защиты интеллектуальных прав. По смыслу правовых позиций Конституционного Суда «компенсация будучи мерой гражданско-правовой ответственности, имеет целью восстановить имущественное положение правообладателя, но при этом, отражая специфику объектов интеллектуальной собственности и особенности их воспроизведения, носит также штрафной характер. Подобный характер - наряду с возможными судебными расходами и репутационными издержками нарушителя - должен стимулировать правомерное (договорное) использование объектов интеллектуальной собственности, вместе с тем способствуя восстановлению нарушенных прав, но не обогащению правообладателя»[4].

Согласно п. 3 ст. 1252 ГК РФ компенсацию за нарушение исключительного права имеет право требовать правообладатель. При этом в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 содержится позиция, согласно которой правообладатель сохраняет за собой право на предъявления требования о взыскании компенсации за нарушение исключительного права на результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации в отношении лиц допустившего такое нарушение, при этом факт прекращения действия правовой охраны не является препятствием для реализации данного права[5]. Существенным условием реализации данного права является факт принадлежности исключительного права на момент совершения противоправных действий субъекту, заявляющему соответствующее требование. В частности, при заключении лицензионного договора, предусматривающего предоставление права использования результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации, право требования компенсации за нарушения, имевшие место до заключения данного договора, не подлежит передаче лицензиату. Данное правовое регулирование обеспечивает защиту интересов правообладателей и способствует эффективной защите исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации.

Кроме правообладателя, с требованием о выплате компенсации может обращаться и лицензиат, если нарушение исключительного права затрагивает права лицензиата. Но тут стоит понимать, что допущенные нарушения должны нарушать предоставленные лицензиату исключительные права на основании лицензии, а не права самого правообладателя.

Компенсация, в отличие от убытков, не имеет универсального характера. Компенсация как способ защиты предусмотрен за нарушение только некоторых видов результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации. Правообладатель и лицензиат могут обратиться с требованием о выплате компенсации за нарушения исключительного права на товарный знак, наименование места происхождения товара, произведения науки, литературы и искусства, объекты смежных прав, изобретение, полезную модель или промышленный образец. При нарушении исключительного права на фирменное наименование, коммерческое обозначение, секрет производства, топологию интегральных микросхем, селекционное достижение компенсация не применяется – в этом случае лицо, чье право нарушено, может обратиться с требованием о возмещении убытков.

Ключевой особенностью компенсации как способа защиты исключительного права является то, что для ее взыскания с нарушителя достаточно доказать только факт нарушения исключительного права. При этом наличие убытков и их размер не имеют значения. Соответственно правообладатель освобождается от доказывания размера причиненных ему убытков. Такой вывод подтверждается и правовой позицией Верховного Суда РФ. Однако, размер причиненных убытков все же имеет значения для определения судом размера компенсации. Как показывает судебная практика, между раз-

2 Федеральный закон «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 12.03.2014 № 35-ФЗ.

3 Гражданский кодекс Российской Федерации часть 4 (ГК РФ ч. 4) от 18 декабря 2006 года № 230-ФЗ.

4 Определение Конституционного Суда РФ от 10 октября 2017 года № 2256-О. [Электронный ресурс]. СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения: 19.02.2025).

5 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации».

мером причиненных убытков и размером компенсации есть прямая зависимость: чем меньше размер причиненных правообладателю убытков, тем меньше будет взысканная сумма компенсации.

Вопросы расчета и установления размеров компенсации за нарушение исключительного права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации остаются довольно дискуссионными как на доктринальном уровне, так и в судебной практике. Предельные размера компенсации четко были установлены законодателем в ГК РФ, однако применительно к каждой отдельной ситуации суд определяет конкретный размер компенсации, взыскиваемый с нарушителя. Компенсация может определяться одним из следующих способов:

1) в размере от 10 тыс. рублей до 5 млн. рублей либо

2) в двукратном размере стоимости использованного объекта (например, в двойной стоимости экземпляров произведения, контрафактных товаров и т.д.) либо

3) в двукратном размере стоимости права использования (например, стоимости использования произведения, товарного знака, изобретения, полезной модели и т.д.).

Как можно заметить, нижний и верхний предел размера компенсации имеет довольно большую разницу, в связи с этим требования истца часто могут не соответствовать характеру нарушения и размеру причиненного ущерба, именно поэтому бремя определения размера компенсации ложится на суд в каждом конкретном случае.

При определении размера компенсации суд учитывает следующие критерии: характер нарушения, однократность, повторяемый характер нарушения, срок использования, размер причиненных убытков, соблюдения требований разумности и справедливости. Установление данных критериев призвано реализовать конституционный принцип баланса частных и публичных интересов в сфере защиты интеллектуальных прав. При этом законодательство стремится обеспечить надлежащее восстановление имущественного положения потерпевшего лица; полное возмещение вреда, причиненного неправомерными действиями нарушителя; недопустимость формирования условий для извлечения необоснованной материальной выгоды правообладателем. Подобный подход к регулированию мер ответственности за нарушение исключительных прав обусловлен необходимостью соблюдения принципа соразмерности наказания совершенному правонарушению и предотвращения возможных злоупотреблений правом со стороны правообладателей.

Требование о взыскании компенсации за нарушения исключительного права носит имущественный характер, поэтому при составлении искового заявления истец обязан указать конкретную сумму исковых требований несмотря на то, что итоговый размер компенсации устанавливается судом. Данное требование обусловлено необходимостью корректного определения размера государственной пошлины, возлагаемой на истца. В случае не указания истцом размера требуемой компенсации, суд уполномочен оставить исковое заявление в порядке, установленном гражданским процессуальным законодательством[6].

Стоит затронуть вопрос возможности выхода суда за установленные законом размеры компенсации. Ранее складывалась судебная практика, которая не допускала возможности снижения размера компенсации даже при малозначительности нарушения. В настоящее время такая возможность предусмотрена в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10. Для снижения размера компенсации ниже пределов, установленных законом, необходима совокупность обстоятельств: множественность нарушений; исключительные прав на результаты интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации принадлежит одному правообладателю; ответчик заявит о такой необходимости. При этом следует учитывать, что в результате произведенного уменьшения размер присужденной компенсации не может быть менее половины от совокупности минимальных величин всех возможных компенсаций за совершенные правонарушения.

Возможность уменьшения размера компенсации не ограничивается исключительно вышеуказанной ситуацией. В соответствии с правовой позицией Конституционного Суда РФ допускается снижения размера компенсации на случаи нарушения исключительного права на один результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации при условии, что «противоправное действие совершено индивидуальным предпринимателем или юридическим лицом впервые; указанное нарушение не является существенной частью предпринимательской деятельности лица; оно не носит грубый характер; размер компенсации многократно превышает размер причиненных правообладателю убытков»[7].

Анализ правовой позиция Конституционного Суда РФ не может не вызывать вопросов. С одной стороны, данная позиция противоречит законодательному регулированию и приводит к нарушению принципа определённости правового регулирования, поскольку введение оценочных категорий, таких как «существенная часть деятельности» и «грубый характер», создаёт правовую неопределённость и предоставляет судам необоснованно широкие дискреционные полномочия. Системное несоответствие проявляется в нарушении принципа единства правового регулирования и создании параллельного механизма определения размеров компенсаций. Таким образом, правовая позиция Конституционного Суда РФ фактически подменяет законодательное регулирование, создавая альтернативный механизм определения размеров компенсаций, что противоречит принципу верховенства закона и может привести к дезорганизации системы защиты интеллектуальных прав.

С другой стороны, в своей правой позиции Конституционный Суд РФ фактически установил механизм индивидуализации ответственности, учитывающий конкретные обстоятельства дела и характер нарушения. Такая позиция позволяет найти разумный компромисс между защитой прав правообладателя и интересами правонарушителя, особенно в случаях несущественных нарушений. В данном случае мы видим яркое проявление конституционного положения о соразмерности наказания и недопустимости избыточного ограничения прав и свобод.

Особого внимания заслуживает законопроект «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации № 348960-8», предусматривающий реализацию положений вышеупомянутого Постановления КС РФ, и который был внесен в 2023 г. в Государственную Думу РФ[8]. Фактически данный законопроект представляет собой нормативно-правовое воплощение сформулированных Конституционным Судом РФ правовых позиций, изложенных выше. Предлагаемые законодательные изменения определяют перечень оснований для изменения величины компенсации при нарушении прав на объекты интеллектуальной собственности, позволяя устанавливать его размер ниже закрепленных в законодательстве минимальных значений.

6 «Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 28.12.2024, с изм. от 16.01.2025).

7 Постановление Конституционного Суда РФ от 24.07.2020 № 40-П «По делу о проверке конституционности подпункта 2 пункта 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда». [Электронный ресурс]. СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения: 19.02.2025).

8 Проект федерального закона «О внесении изменений в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации № 348960-8». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sozd.duma.gov.ru/bill/348960-8 (дата обращения: 19.02.2025).

Случаями снижения компенсации являются: нарушитель не знал и не должен был знать, что он допускает нарушение исключительного права, то есть нарушение совершено без вины; нарушение совершено нарушителем впервые; нарушение совершено нарушителем не при ведении предпринимательской деятельности. Кроме того, законопроект устанавливает новые пределы размера компенсации намного ниже, чем те, который установлены сейчас в ГК РФ. Для компенсации, определяемой в твердом размере, предел составляет от 10 000 до 100 000 рублей, а для компенсации, определяемой в кратном размере стоимости использованного объекта или размере стоимости права использования, предел установлен от однократной до двукратной стоимости таких экземпляров или стоимости прав. В данный момент законопроект еще не принят.

По-нашему мнению, в результате принятия предлагаемых изменений возникнет риск существенного ущемления прав и законных интересов правообладателей, что приведет к формированию дисбаланса в правовом положении субъектов правоотношений в сфере интеллектуальной собственности. Фактически интересы правообладателя будут довольно сильно притеснены, ведь они окажутся в невыгодном положение по сравнению с нарушителями. Представляется вероятным, что правоприменительная практика будет характеризоваться тенденцией к существенному снижению размеров компенсации – это, в свою очередь, объективно затруднит реализацию правообладателями своих прав на надлежащую защиту, проявляющейся во взыскание соразмерной компенсации за допущенные нарушения. Подобная правоприменительная практика находится в противоречии с правовой природой компенсации как способа защиты интеллектуальных прав, которая, являясь инструментом восстановления нарушенных прав, преследует публичные интересы по предотвращению противоправных действий в сфере интеллектуальной собственности. Таким образом, реализация предлагаемых изменений может привести к обесцениваю компенсационного механизма как эффективного средства защиты интеллектуальных прав.

Для формирования комплексного представления о правовой природе компенсации как способа защиты исключительных прав представляется целесообразным провести анализ зарубежного правового опыта. Отечественный институт компенсации за нарушения исключительного права по большей части заимствован из американского закона. Компенсация в российском законе — это прямой аналог статутных убытков из законодательства США. Американская юридическая наука толкует статутные убытки, как санкцию, которая выполнят две функции: восстановительную и превентивную. Таким образом, можно резюмировать, что превентивное начало присутствует и в российской компенсации. Превенция заключается в том, чтобы предотвратить будущие нарушения интеллектуальных прав. Возможность взыскания компенсации за нарушения исключительного права служит своего рода штрафной санкцией, которая должна стимулировать соблюдение закона и предотвращать незаконное использование интеллектуальной собственности.

Не стоит забывать и о том, что применительно к защите интеллектуальных прав возникает сложность в доказывании факта причиненных убытков и их размера, поэтому в зарубежной доктрине есть мнение, что только гарантия статутных убытков позволит стимулировать правообладателей в инвестирование и использования объектов интеллектуальной собственности. Зарубежные специалисты Р. Блэр и Т. Коттер, говоря о превенции, считают, что «она выражается в том, чтобы стимулировать правообладателя защищать свои права, гарантируя минимальный стандарт доказывания и определенный объем взысканий с нарушителя независимо от наличия или отсутствия подтвержденных убытков» [2]. Верховный Суд США неоднократно обращал внимание на то, что статутные убытки действуют в качестве превенции, чтобы предотвратить недолжное поведение нарушителя, толкуя превенцию как инструмент корректирования поведения нарушителя. Конгресс США указывал, что целью положений о статутных убытках является обеспечение сильного стимула для соблюдения закона.

Компенсация как способ защиты исключительного права существует и в других государствах. В законодательстве Китайской Народной Республики регламентирована возможность предъявления требования о компенсации при установлении фактов нарушения прав субъектов авторского и смежных прав. Согласно Закону об авторском праве (Copyright Act) величина компенсации определяется на основании размера причиненного правообладателю ущерба. При возникновении сложностей с исчислением размера причиненного ущерба допускается возможность исчисления компенсации на основании объема неправомерно полученной нарушителем прибыли. В случаях, когда достоверное определение размера убытков правообладателя или объема неправомерной прибыли нарушителя представляется невозможным, законодательство устанавливает предельный размер компенсации в сумме 500 000 юаней.

В Канаде предусмотрен механизм компенсационного возмещения, квалифицируемый как «законные убытки» и применяемый в сфере защиты авторских прав в соответствии с положениями Закона об авторском праве (Copyright Act). При установлении факта совершения противоправных действий в коммерческих целях законодательно закреплен диапазон размера законных убытков в пределах от 500 до 20 000 канадских долларов. Данная мера защиты предоставляется правообладателю в качестве альтернативного способа при наличии обстоятельств, затрудняющих определение размера реального ущерба. Особую актуальность институт законных убытков приобретает при защите интересов крупных правообладателей в случаях массового неправомерного доступа к их произведениям через информационно-телекоммуникационные сети, когда документальное подтверждение фактического размера убытков представляется затруднительным. При определении размера компенсации суд руководствуется следующими критериями: степень добросовестности/недобросовестности ответчика; характер последствий нарушения для правообладателя; поведение сторон до и во время разбирательства; при установлении некоммерческого характера нарушения - критерий соразмерности компенсации допущенным нарушениям.

В заключение можно отметить, что компенсация является одним из самых востребованных способов защиты нарушенных исключительных прав в правоприменительной практике, что обусловлено относительной простотой доказывания необходимых юридических фактов, позволяющей правообладателям обеспечивать восстановление нарушенных прав. Компенсация стимулирует правомерное использование результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации, способствует восстановлению нарушенных прав и предотвращает злоупотребление правом. Дальнейшее развитие данного института должно осуществляться в направлении повышения его гибкости и адаптивности к изменяющимся условиям правоприменения при сохранении основополагающих принципов справедливости и соразмерности.

Пристатейный библиографический список

1. Право интеллектуальной собственности. Т. 1. Общие положения / Отв. ред. Л. А. Новоселова. М.: Статут. 2017. С. 96.
2. Блэр Р. Д., Контер Т. Ф. Экономический анализ норм о возмещении ущерба в праве интеллектуальной собственности. // William & Mary Law Review. Том. 39. 1998. С. 5.

DOI 10.46320/2073-4506-2025-4-203-234-236

Телибекова Д. Б.

ТЕЛИБЕКОВА Дамира Бакытбековна
аспирант кафедры правового регулирования экономической деятельности, Юридический факультет, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

КОНВЕРТИРУЕМЫЙ ЗАЕМ И ОПЦИОН: АНАЛИЗ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРИРОДЫ

В статье рассматриваются особенности правовой конструкции конвертируемого займа и опциона как современных инструментов венчурного и корпоративного финансирования. Проведен анализ действующего российского законодательства и правовых позиций по вопросам квалификации данных конструкций. Особое внимание уделяется юридическим различиям между конвертируемым займом и опционом, включая правовую природу, сущность, процедуру оформления, механизм реализации и т.д. Выполненное исследование направлено на формирование единообразного подхода к правовой квалификации этих инструментов и повышение правовой определенности для субъектов по договору конвертируемого займа и опциону.

Ключевые слова: конвертируемый заем, опцион, правовая природа, правовая конструкция, сущность, реализация.

TELIBEKOVA Damira Bakytbekovna
postgraduate student of Legal regulation of economic activity sub-faculty, Law Faculty, Financial University under the Government of the Russian Federation

CONVERTIBLE LOAN AND OPTION: ANALYSIS OF THE LEGAL NATURE

The article examines the features of the legal structure of a convertible loan and an option as modern instruments of venture and corporate financing. An analysis of the current Russian legislation and legal positions on the issues of qualification of these structures is conducted. Particular attention is paid to the legal differences between a convertible loan and an option, including the legal nature, essence, registration procedure, implementation mechanism, etc. The conducted research is aimed at forming a uniform approach to the legal qualification of these instruments and increasing legal certainty for entities under a convertible loan agreement and an option.

Keywords: convertible loan, option, legal nature, legal structure, essence, implementation.

Современные тенденции развития российского корпоративного законодательства сопровождаются внедрением в национальную правовую систему новых договорных конструкций, направленных на создание более гибких и привлекательных механизмов финансирования предприятий. Одними из таких инструментов, получивших распространение на практике, являются договор конвертируемого займа и опционные конструкции. С введением в действие Федерального закона от 2 июля 2021 года № 354-ФЗ в российском праве появилась возможность заключения договора конвертируемого займа, что стало важным шагом на пути гармонизации российского гражданского права с современными стандартами венчурного и корпоративного финансирования[1]. Параллельно с этим сравнительно в Гражданском кодексе Российской Федерации были закреплены положения о таких инструментах, как опцион на заключение договора и опционный договор (здесь и далее в работе будет использован единообразный термин «опцион»), позволяющие участникам гражданского оборота более эффективно распоряжаться своими имущественными правами, в том числе правом на приобретение долей и акций в хозяйственных обществах[2].

Сущность конвертируемого займа заключается в возможности при наступлении срока возврата займа или квалифицированного события, вернуть заем или конвертировать заем в долю или акции в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью или акционерного общества. Опцион на заключение договора представляет собой безотзывную оферту на заключение основного договора (к примеру договора купли-продажи доли или акций), а опционный договор является основной сделкой, одна из сторон которой вправе при наступлении определенных условий (в порядке, в сроки и на условиях, предусмотренных опционом) потребовать исполнения предусмотренных опционом действий (в том числе уплатить денежные средства).

Многие исследователи отмечают схожую правовую природу договора конвертируемого займа с опционом. К примеру, В. Е. Тяхти обращает внимание на схожесть конвертируемого займа с опционными контрактами и конвертируемыми облигациями, указывая на общий экономический и юридический смысл – право инвестора войти в общество как участник при наступлении определенных условий [1, с. 299]. Е. С. Цветкова также выделяет в качестве главной общей черты наделение инвестора односторонним правом входа в состав участников общества, что одинаково реализуется и через опцион, и через договор конвертируемого займа [2, с. 12]. О. В. Сушкова отмечает, что структура конвертируемого займа

1 Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации от 08.06.2021 № 354-ФЗ: федеральный закон [принят Государственной Думой 8 июня 2021 года: по состоянию на 8 июня 2021 года] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 05.07 2021 г. – № 27. – Ст. 5182.

2 Российская Федерация. Законы. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федеральный закон [принят Государственной Думой 30 ноября 1994 года] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 05.12.1994. – № 32. – Ст. 3301.

Таблица 1. Различия между договором конвертируемого займа и опционом

Критерий	Договор конвертируемого займа	Опцион
Правовая природа	Заемные отношения	Безвозвратные обязательства, не заем
Сущность	Денежный заем, предусматривающий конвертацию задолженности в долю/акции	Право требовать заключения/исполнения определенного договора
Возвратность денежных средств	Предполагается изначально, альтернатива – передача доли/акций	Возврат не предусмотрен напрямую
Обязанная сторона	Само хозяйственное общество (ООО, непубличное АО)	Чаще участник общества
Процедура оформления	Обязательно нотариальное удостоверение сделки для ООО; для АО не предусмотрено	Достаточно простой письменной формы
Круг обществ	Только непубличные АО и ООО	Возможен более широкий круг
Механизм реализации	Займодавец предоставляет денежные средства («заем»), далее либо получает возврат займа, либо конвертирует долг в долю/акции	Право в будущем приобрести имущественные права (например, долю/акции), часто платит за это право
Передача доли/акций	Через увеличение уставного капитала и корпоративные процедуры	По распоряжению действующего владельца
Гибкость	Менее гибкий, ограничен по субъектам	Более гибкий, легко адаптируется
Право выбора реализации	Займодавец выбирает: возврат займа или получение доли	Участник реализует право только по желанию
Юридические последствия	Конвертация – это исполнение обязательства по займу передачей доли/акций вместо возврата денег	Исполнение обязательства по приобретению доли/акций (возникает новое обязательство по договору)

строится по «опционной» модели: сделка действует только при наступлении предусмотренного условия [3, с. 115].

Другие ученые выделяют различия между договором конвертируемого займа и опционом. Ю. Л. Мареев рассматривает конвертируемый заем как: «…комплексный договор, сочетающий в себе стандартный заем с элементом корпоративного опциона на получение доли/акций» [4, с. 91]. К. В. Севеева подчеркивает отличия в основании возникновения прав инвестора:

1. У конвертируемого займа в основе всегда лежит заемное обязательство, предполагающее возврат вложенных средств, впоследствии заменяемый на долю по выбору инвестора.

2. У опциона отсутствует требование возвратности; инвестор лишь реализует право на приобретение доли/акций, причем по своему усмотрению и без первоначальной передачи займа [5, с. 150].

Представляется необходимым оценить тезис К. В. Севеевой о свободе «выбора» инвестора (займодавца – прим. автора) в случае конвертируемого займа. Реализация права займодавца на конвертацию займа в долю в уставном капитале, как правило, зависит не только от его волеизъявления, но и от воли заемщика. В законодательстве предусмотрено право заемщика предъявления возражения против конвертации. Следовательно, употребление К. В. Севеевой термина «выбор» в данном контексте представляется недостаточно корректным, поскольку трансформация обязательства займа в корпоративное право не осуществляется исключительно по свободному выбору займодавца, а зависит также от наличия либо отсутствия ограничений со стороны заемщика. Тем самым, реализация права займодавца на конвертацию по договору не является односторонней и абсолютно свободной, как в случае с опционом.

Также, К. В. Севеева отмечает, что по опциону обязанной стороной чаще выступает участник общества, владеющий долей, который обязуется передать долю при реализации опциона. В случае займа обязанной стороной является само общество, для конвертации необходимо провести корпоративные процедуры – увеличение уставного капитала, регистрация изменений и т.д.

Видится, что механизмы двух правовых конструкций существенно различаются с точки зрения юридической реализации этих прав. В случае конвертируемого займа, право займодавца на получение доли связано с прохождением корпоративных процедур, таких как одобрение новых участников, увеличение уставного капитала, регистрация изменений, что по закону может быть заблокировано возражением заемщика. Точка зрения подтверждается Э. Э. Музафаровым который пишет, что: «…в рамках договора конвертируемого займа нашли закрепление такие механизмы, как встраивание решения ОСУ или ОСА об увеличении уставного капитала в договор, а также признание волезамещающего решения суда» [6, с. 143]. При этом, даже при наступлении основания для конвертации, заемщик сохраняет определенные рычаги контроля и может противопоставить свои возражения. С другой стороны, реализация права по опциону не связана с заемными отношениями и корпоративными процедурами по увеличению капитала. Опцион устанавливает одностороннее притязание стороны по договору, которое не может быть заблокировано волей обязанных лиц. Главным условием является лишь своевременная и корректная реализация опциона. Если держатель опцион его не востребует, опцион просто остается нереализованным, но возражения другой стороны блокировать получение доли по действующему опциону не могут.

Несмотря на функциональное сходство анализируемых инструментов, их юридическая природа, специфика правового регулирования, механизмы реализации и области применения существенно различаются. В связи с этим требуется последовательно изложить и проанализировать ключевые различия между рассматриваемыми правовыми конструкциями. (См. таблицу 1.)

Из приведенной таблицы видится, что правовая природа и сущность правовых конструкций значительно различаются. Конвертируемый заем основывается на заемных отношениях, что изначально формирует обязательство по возврату денежных средств. Этот инструмент предназначен, прежде всего, для формирования взаимной гарантии интересов: займодавец получает право на долю только после предоставления финансирования, а общество – возможность привлечь средства при сохранении свободы в выборе способа исполнения обязательства. В отличие от этого, опцион не требует оформления заемного обязательства, а представляет собой безвозвратное обязательство о предоставлении определенного права – например, купить долю или акции в будущем на определенных условиях.

Возвратность денежных средств является одной из главных различий для данных правовых конструкций. Для конвертируемого займа предполагается возврат денежных средств или их конвертация. В случае опциона вложенные средства не возвращаются, а держатель опциона получает лишь возможность на приобретение, реализуемую по своему усмотрению. Касаемо круга субъектов, договор конвертируемого займа ограничен применением только к непубличным АО и ООО, тогда как опционные конструкции универсальны и допускаются в рамках более широкого перечня обществ, что расширяет возможности их применения.

Механизм реализации и передачи доли или акций различается по сложности. При конвертируемом займе важным элементом является необходимость прохождения корпоративных процедур с изменением уставного капитала. Это требует внутреннего согласования и может быть связано с дополнительными корпоративными рисками для займодавца. Опцион, напротив, реализуется по заявлению участника – фактически это распоряжение своим корпоративным правом, что значительно ускоряет реализацию сделки и снижает барьеры для вступления в общество нового участника.

Гибкость и право выбора исполнения обязательства также разнятся. Конвертируемый заем менее гибок в силу регламентированности и ограниченного круга субъектов, связан с определенными корпоративными процедурами и сроками. Опцион допускает широкую вариативность условий и свободу установления опционных прав по усмотрению сторон, что обеспечивает привлекательность данного инструмента в сделках венчурного и корпоративного инвестирования. Юридические последствия применения этих инструментов различаются по своей сути. При конвертации займа происходит исполнение уже существующего заемного обязательства посредством передачи корпоративных прав; при исполнении опциона возникает новое обязательство по договору купли-продажи доли или акций с участием сторон.

Конвертируемый заем неразрывно связан с заемными отношениями и возвратностью займа, что формирует взаимные обязательства по возврату средств и предоставляет контрольные механизмы, связанные с корпоративными процедурами. При этом исполнение права на получение доли встречает ряд организационных и правовых барьеров, в том числе связанные с согласованием и необходимостью изменения уставных документов общества. Опцион действует по иной модели: он предоставляет одностороннее право на приобретение корпоративных прав, не требуя займов или возвратности денежных средств, и реализуется без необходимости прохождения сложных корпоративных процедур. Ключевое отличие – невозможность блокирования реализации опциона волей обязанных лиц, что дает держателю опциона правовую определенность на вхождение в общество.

Таким образом, конвертируемый заем и опцион, несмотря на наличие определенного функционального сходства, заключающегося в предоставлении стороне-займодавцу права на получение доли или акций в обществе при наступлении согласованных условий, обладают различной правовой природой и существенно различаются по ряду ключевых критериев.

Пристатейный библиографический список

1. Тяхти В. Е. Договор конвертируемого займа и его соотношение с финансовыми сделками // Вопросы российской юстиции. – 2021. – № 16. – С. 297-308.
2. Цветкова Е. С. Сравнение договора конвертируемого займа и соглашения о предоставлении опциона с позиции защиты прав инвесторов на примере обществ с ограниченной ответственностью // Нотариальный вестник. – 2023. – № 4. – С. 4-16.
3. Сушкова О. В. Конвертируемый займ как механизм развития стартапов // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2022. – № 12 (100). – С. 110-117.
4. Мареев Ю. Л. Конвертируемый заем: сущность и признаки // Законность и правопорядок. – 2022. – № 4 (36). – С. 43-47.
5. Севеева К. В. Опционные соглашения в корпоративном праве: специальность 5.1.3. «Частно-правовые (цивилистические) науки»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Юридический факультет. – Москва: МГУ, 2023.
6. Музафаров Э. Э. Практика применения опционных программ: российский и зарубежный опыт // Хозяйство и право. – 2023. – № 4. – С. 3-22.

ЧЕРНИКОВ Дмитрий Порфирьевич
аспирант, Московский финансово-промышленный университет «Синергия»

КРИПТОВАЛЮТА КАК ЗАКОННОЕ СРЕДСТВО ПЛАТЕЖА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ

В условиях стремительного развития цифровых технологий и появления новых форм имущественных отношений особую актуальность приобретает проблема правового признания криптовалюты в качестве законного средства платежа. Российское законодательство на текущем этапе формирует ограничительный подход, признавая за криптовалютой статус имущества и одновременно запрещая её использование в расчетах. В статье проводится анализ нормативно-правовой базы Российской Федерации, включая Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Рассматриваются концептуальные подходы к определению правовой природы криптовалют, обсуждаются теоретические модели (вещная, обязательственная, sui generis), и исследуются правовые риски и ограничения, препятствующие легализации криптовалютных расчетов в гражданском обороте. Предложены направления реформирования российского законодательства, включая возможность введения экспериментальных правовых режимов и пересмотра действующих запретов.

Методологическую основу статьи составили следующие методы.

Юридико-догматический метод использовался для анализа нормативных правовых актов, регулирующих статус криптовалюты в РФ: прежде всего, Федерального закона от 31.06.2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», положений Гражданского кодекса РФ (ст. 128, 140), а также изменений в Налоговый кодекс, вступивших в силу в 2025 году.

Системно-структурный подход позволил рассматривать криптовалюту в контексте общей системы объектов гражданских прав и выявить структурные несоответствия между фактическими свойствами криптовалют и текущей правовой моделью.

Аналитический метод использовался при исследовании научной литературы и концептуальных подходов российских авторов к вопросу о правовой природе криптовалюты.

Критический метод позволил выявить внутренние противоречия законодательства: например, признание криптовалюты имуществом в одних отраслях и одновременное установление запрета на её использование в расчётах в других.

Нормативно-прогностический метод был задействован при формулировании предложений по корректировке правового регулирования в целях допустимости использования криптовалюты в качестве средства платежа.

Выводы

Криптовалюта в действующем российском праве обладает фрагментарным правовым режимом, который допускает её признание объектом имущественных отношений (в целях налогообложения, исполнительного производства, банкротства и др.), но не закрепляет её как самостоятельный объект гражданских прав в системе ст. 128 ГК РФ [2]. Это создает правовую неопределённость при разрешении гражданско-правовых споров, связанных с обращением криптовалюты.

Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» предусматривает возможность использования цифровой валюты в качестве средства платежа, но одновременно вводит прямой запрет её получения в качестве встречного представления за товары, работы и услуги для резидентов Российской Федерации, что указывает на противоречие между нормативной конструкцией и фактической потребностью субъектов гражданского оборота [9]. Такая коллизия ограничивает функциональное использование криптовалюты и препятствует её правовой интеграции в экономику.

Отсутствие легального эмитента и централизованного управления криптовалютой не может служить основанием для исключения её из перечня объектов, способных выполнять платёжную функцию, поскольку в гражданском праве обращение основывается на автономии воли и экономической ценности объекта, а не на его происхождении. Признание за криптовалютой свойства «ценности в обороте» подтверждает возможность её обращения при соответствующем правовом оформлении.

Признание криптовалюты в качестве полноценного законного средства платежа в Российской Федерации возможно при условии нормативной конкретизации механизма допуска к обороту: через правовой режим «ограниченного платёжного средства» – например, в рамках экспериментальных правовых режимов, либо в отдельных секторах экономики.

Актуальна необходимость разработки особого правового режима криптовалюты, выходящего за пределы традиционной дихотомии «деньги – имущество». Это может быть реализовано посредством включения криптовалюты в перечень самостоятельных объектов гражданских прав (ст. 128 ГК РФ) с указанием её признаков и допустимых сфер применения, а также через унификацию терминологии и устранение внутренних противоречий действующего законодательства.

Результаты

Проведён анализ действующего нормативно-правового регулирования криптовалюты в России, в рамках которого установлено, что несмотря на закрепление понятия «цифровая валюта», не придаёт ей полноценного статуса средства платежа. Напротив, введён запрет на использование криптовалюты в качестве встречного предоставления за товары, работы и услуги (п. 5 ст. 14), что ограничивает её оборотоспособность в гражданском обороте.

Изучение изменений в Налоговый кодекс РФ, вступивших в силу с 1 января 2025 года, показало, что криптовалюта признаётся имуществом исключительно для целей налогообложения, однако это не влечёт автоматического её признания в качестве объекта гражданских прав. Такая фрагментарность порождает расщеплённую правовую конструкцию, в которой криптовалюта обладает правосубъектностью в одних сферах и лишена её в других [10].

Научная доктрина демонстрирует полярность подходов к правовой природе криптовалюты. Дискуссия сформулирована между тремя подходами: часть авторов склоняются к признанию криптовалют бестелесной вещью; другая часть относит криптовалюту к обязательственному праву; третья группа предлагает рассматривать криптовалюты через призму «единственного в своем роде» объекта (sui generis-объекта), не относящегося однозначно к обязательственному или вещному подходу.

На основании проведенного анализа автор приходит к выводу о том, что основной проблема существующих ограничений – это отсутствие правовой базы для регулирования. Однако в правовом смысле это не является непреодолимым барьером, а лишь указывает на необходимость создания правовых фильтров допуска криптовалюты в оборот.

Целью исследования является анализ возможности полноценного признания криптовалюты законным средством платежа и использования в расчетах по сделкам в правопорядке Российской Федерации с учётом действующего законодательства, правовой доктрины и особенностей гражданского оборота.

Ключевые слова: криптовалюта, цифровая валюта, средство платежа, правовой режим, гражданское право, цифровые активы, правовое регулирование, законодательство РФ, международный опыт.

CHERNIKOV Dmitriy Porfirjevich
postgraduate student, Moscow University of Finance and Industry «Synergy»

CRYPTOCURRENCY AS A LEGAL MEANS OF PAYMENT: PROBLEMS AND PROSPECTS OF REGULATION

In the context of the rapid development of digital technologies and the emergence of new forms of property relations, the problem of legal recognition of cryptocurrencies as a legitimate means of payment is becoming particularly relevant. At the current stage, Russian legislation is forming a restrictive approach, recognizing the status of property for cryptocurrencies and at the same time prohibiting its use in settlements. The article analyzes the regulatory framework of the Russian Federation, including the Federal Law of July 31, 2020. № 259-FZ «On Digital Financial Assets, Digital Currency and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation». Conceptual approaches to determining the legal nature of cryptocurrencies are considered, theoretical models (substantive, binding, sui generis) are discussed, and legal risks and limitations preventing the legalization of cryptocurrency payments in civil circulation are investigated. The directions of reforming Russian legislation are proposed, including the possibility of introducing experimental legal regimes and reviewing existing prohibitions.

The methodological basis of the article consists of the following methods.

The legal and dogmatic method was used to analyze regulatory legal acts regulating the status of cryptocurrencies in the Russian Federation: first of all, Federal Law № 259-FZ dated 06/31/2020 «On Digital Financial Assets, Digital Currency and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation», the provisions of the Civil Code of the Russian Federation (Articles 128, 140), as well as amendments to the Tax Code that entered into force in 2025.

The system-structural approach allowed us to consider cryptocurrencies in the context of the general system of objects of civil rights and identify structural inconsistencies between the actual properties of cryptocurrencies and the current legal model.

The analytical method was used in the study of scientific literature and conceptual approaches of Russian authors to the issue of the legal nature of cryptocurrencies.

The critical method made it possible to identify internal contradictions in legislation: for example, the recognition of cryptocurrencies as property in some industries and the simultaneous establishment of a ban on its use in settlements in others.

The regulatory and predictive method was used in the formulation of proposals for the adjustment of legal regulation in order to allow the use of cryptocurrencies as a means of payment.

Conclusions

Cryptocurrency in current Russian law has a fragmented legal regime that allows it to be recognized as an object of property relations (for tax purposes, enforcement proceedings, bankruptcy, etc.), but does not consolidate it as an independent object of civil rights in the system of art. 128 of the Civil Code of the Russian Federation. [2] This creates legal uncertainty in the resolution of civil law disputes related to the circulation of cryptocurrencies.

Federal Law of July 31, 2020 Federal Law № 259-FZ «On Digital Financial Assets, Digital Currency and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» provides for the possibility of using digital currency as a means of payment, but at the same time introduces a direct ban on receiving it as a counter-representation for goods, works and services for residents of the Russian Federation, this indicates a contradiction between the normative structure and the actual needs of the subjects of civil turnover. [9] Such a conflict restricts the functional use of cryptocurrencies and hinders its legal integration into the economy.

The absence of a legal issuer and centralized management of cryptocurrency cannot serve as a basis for excluding it from the list of objects capable of performing a payment function, since in civil law, circulation is based on the autonomy of the will and the economic value of the object, and not on its origin. The recognition of the «value in circulation» property of the cryptocurrency confirms the possibility of its circulation with appropriate legal registration.

The recognition of cryptocurrencies as a full-fledged legal means of payment in the Russian Federation is possible subject to the regulatory specification of the mechanism of admission to circulation: through the legal regime of a "limited means of payment" – for example, within the framework of experimental legal regimes, or in certain sectors of the economy.

There is an urgent need to develop a special legal regime for cryptocurrencies that goes beyond the traditional «money-property» dichotomy. This can be achieved by including cryptocurrencies in the list of independent objects of civil rights (Article 128 of the Civil Code of the Russian Federation), indicating its features and acceptable areas of application, as well as through the unification of terminology and the elimination of internal contradictions of current legislation.

Results

An analysis of the current regulatory framework for cryptocurrencies in Russia has been conducted, which establishes that despite the consolidation of the concept of «digital currency», it does not give it the full status of a means of payment. On the contrary, a ban has been introduced on the use of cryptocurrencies as counter-payments for goods, works and services (paragraph 5 of Article 14), which limits its turnover in civil circulation.

A study of the amendments to the Tax Code of the Russian Federation, which entered into force on January 1, 2025, showed that cryptocurrency is recognized as property solely for tax purposes, but this does not automatically entail its recognition as an object of civil rights. This fragmentation generates a split legal structure in which the cryptocurrency has legal personality in some areas and is deprived of it in others [10].

The scientific doctrine demonstrates the polarity of approaches to the legal nature of cryptocurrencies. The discussion is formulated between three approaches: some authors are inclined to recognize cryptocurrencies as an incorporeal thing; another part refers cryptocurrencies to the law of obligations; the third group suggests considering cryptocurrencies through the prism of a «one-of-a-kind» object (sui generis object), which is not unambiguously related to the mandatory or substantive approach.

Based on the analysis, the author comes to the conclusion that the main problem of existing restrictions is the lack of a legal framework for regulation. However, in the legal sense, this is not an insurmountable barrier, but only indicates the need to create legal filters for the admission of cryptocurrencies into circulation.

The purpose of the study is to analyze the possibility of fully recognizing cryptocurrencies as a legitimate means of payment and using them in settlements for transactions in the legal order of the Russian Federation, taking into account current legislation, legal doctrine and the specifics of civil turnover.

Keywords: cryptocurrency, digital currency, means of payment, legal regime, civil law, digital assets, legal regulation, legislation of the Russian Federation, international experience.

Введение

Современное развитие цифровой экономики сопровождается трансформацией традиционных форм имущественных отношений и появлением новых правовых феноменов, требующих нормативного осмысления. Одним из таких явлений является криптовалюта – цифровой актив, основанный на технологии распределённых реестров и не имеющий эмитента в традиционном правовом смысле. На сегодняшний день криптовалюта становится неотъемлемым элементом электронного оборота, включая платформенные расчёты, смарт-контракты, цифровые инвестиции и иные формы экономической активности.

Несмотря на широкое фактическое использование криптовалюты в мире, её правовой режим в российской юрисдикции остаётся фрагментарным и внутренне противоречивым. Федеральный закон от 31.07.2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон о ЦФА), с одной стороны, закрепляет возможность существования цифровой валюты как имущественного объекта, с другой — запрещает её использование в качестве средства платежа [9]. Одновременно с этим, с 2025 года криптовалюта получила правовое признание в целях налогообложения, что подтверждает её экономическую значимость [6]. Возникает обоснованный вопрос: допустимо ли с точки зрения гражданского права признание криптовалюты законным средством платежа, и какие условия необходимы для реализации такого правового подхода?

Актуальность исследования обусловлена как отсутствием системного правового подхода к определению природы криптовалюты, так и объективной потребностью в нормативном разрешении вопроса о её платёжной функции в условиях цифровой трансформации финансовых отношений.

Правовая природа криптовалюты в контексте гражданского законодательства Российской Федерации

Вопрос о правовой квалификации криптовалюты остаётся одним из наиболее дискуссионных в юридической науке. Несмотря на закрепление термина «цифровая валюта» в Законе о ЦФА, его содержание остаётся нормативно неопределённым и доктринально неоднородным. Согласно п. 3 ст. 1 указанного закона, цифровая валюта представляет собой «совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), которая может быть принята в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации» [9]. Однако уже в ст. 14 указанного закона вводится прямой запрет на использование криптовалюты при расчётах между резидентами Российской Федерации, что создаёт противоречие между её функцией и её правовым режимом [9].

В литературе прослеживаются три основных подхода к правовой природе криптовалюты:

Вещный подход. Исследователи указывают на возможность квалификации криптовалюты как бестелесной вещи, обладающей экономической ценностью и отчуждаемостью. Такая позиция основана на аналогии с иными нематериальными объектами, находящимися в гражданском обороте (например, бездокументарными ценными бумагами или цифровыми правами). Наиболее последовательно данную позицию развивает А. В. Саженов, отмечая, что «отсутствие материи в криптовалютах не должно нас убеждать в невозможности квалификации их как вещей» [8]

Обязательственный подход. Согласно сторонникам этого подхода криптовалюта представляет собой совокупность обязательственных правоотношений между участниками децентрализованной системы. Речь идёт о многостороннем публичном договоре, с условиями которого соглашается каждый участник, включая майнеров и владельцев цифровых активов. Такой подход позволяет включить криптовалюту в оборот как объект требований, однако он не устраняет проблемы отсутствия конкретного обязанного лица, что принципиально для обязательственного права. Так, например, А. С. Лолаева отмечает, что криптовалюта по своей природе тяготит к обязательственным правам, поскольку реализация правомочий её владельца связано с обязательствами иных участников информационной системы [5].

Подход sui generis. Криптовалюта рассматривается как особый цифровой объект, который не может быть квалифицирован в рамках традиционных категорий вещных или обязательственных прав. Исследователи, развивающие данную теорию, предлагают признать криптовалюту иным имуществом с точки зрения действующей статьи 128 ГК РФ. Так, М. В. Башкатов отмечает, что «Криптовалюты представляют собой особый объект, не сводимый к деньгам в юридическом смысле… будучи объектом sui generis, они должны быть квалифицированы в качестве «иного имущества»». [1]

Как показывает судебная практика последних лет, криптовалюта уже признаётся объектом гражданского оборота. В этой связи исследовательский интерес представляет Определение Верховного Суда РФ от 16 апреля 2024 г. по делу № 69-КГ24-3-К7. Предметом требований истца по делу выступил возврат неосновательного обогащения в виде криптовалюты USDT. Однако Верховный Суд направил дело на новое рассмотрение в связи с тем, что нижестоящими судебными инстанциями не дана оценка имеющимся договорным правоотношениям сторон, а значит к отношениям не должны быть применены нормы о неосновательном обогащении [7]

Таким образом, несмотря на нормативные ограничения, судебная практика признаёт криптовалюту оборотоспособной в имущественном смысле. И несмотря на то, что правовая природа криптовалюты в российской правовой системе к текущему моменту остаётся неопределённой, выходом из этой ситуации видится в признании на уровне Верховного суда криптовалютой «иным имуществом» применительно к статьей 128 ГК РФ, либо включении криптовалюты в перечень объектов гражданских прав в качестве самостоятельного объекта гражданских прав, предусмотренный ст. 128 ГК РФ, а также в формирование отдельного правового института, в полной мере отражающего всю имеющуюся специфику всех видов децентрализованных цифровых активов.

Правовые ограничения и условия допустимости использования криптовалюты в расчётах

Несмотря на наличие в законодательстве РФ признаков, позволяющих отнести криптовалюту к объектам имущественного оборота, её использование в качестве средства платежа в гражданско-правовых сделках на текущий момент прямо запрещено. В соответствии с п. 5 ст. 14 Закона о ЦФА, резидентам Российской Федерации запрещено использовать

цифровую валюту в качестве встречного предоставления при продаже товаров, выполнении работ и оказании услуг [9]. Данная норма фактически исключает криптовалюту из круга законных средств расчёта, даже при добровольном согласии сторон.

Такой запрет мотивирован рядом аргументов, изложенных в позиции Банка России:

– отсутствие централизованного эмитента и гарантий обеспечения стоимости;

– высокая степень анонимности транзакций;

– риски отмывания доходов, финансирования терроризма и уклонения от налогов;

– волатильность и отсутствие механизмов стабилизации курса [4].

Однако при внимательном анализе указанные аргументы не могут рассматриваться как непреодолимые правовые препятствия. Во-первых, анонимность криптовалюты не абсолютна: большинство публичных блокчейнов (включая Bitcoin и Ethereum) являются псевдонимными, а не анонимными. То есть транзакции можно отслеживать по публичным адресам, но они не привязаны напрямую к реальной личности. Технические средства анализа блокчейна позволяют идентифицировать движения активов, а при определенной правовой и технической настройке – установить субъекта. Во-вторых, аргумент о волатильности имеет скорее экономический, чем правовой характер, и также может быть нейтрализован договорными механизмами. Например, с помощью таких механизмов, как индексированная привязка или использование стейблкоинов, которые привязывают стоимость криптовалюты к стабильным активам, а также установление ценовых лимитов для ограничения колебаний и других методов регулирования.

Нельзя не согласиться с позицией Банка России в том, что криптовалюты в целом не могут являться законным средством платежа [3]. Но только лишь на текущем этапе регулировании. Криптовалюты уже фактически могут выполнять функцию средства платежа, что выражается в их способности служить эквивалентом стоимости и использоваться для покупки товаров и услуг, поскольку они фактически а) способны быть принятыми в обмен на товары, работы или услуги; б) наличествует определённая стоимость, подтверждённая рыночным спросом и предложением; в) возможен обмен криптовалюты на другие валюты или активы. Более того, отдельные виды криптовалют, такие как стейблкоины, уже активно используются в качестве средства обмена и платежа в иных юрисдикциях, благодаря своей привязке к стабильным активам. Например, криптовалюта Tether USD (USDT) привязана к курсу доллару США, что снижает её волатильность и делает более предсказуемой на рынке [12].

Важным шагом в изменении правового статуса криптовалюты стало принятие в августе 2024 года изменений в законодательство, которые разрешили использование цифровых валют для расчетов по внешнеторговым контрактам между резидентами и нерезидентами. С 1 сентября 2024 года в рамках экспериментального правового режима (ЭПР) разрешается использование криптовалюты в международных расчетах и проведение организованных торгов цифровой валютой [11]. Центральный банк России наделен полномочиями по установлению условий проведения таких операций и надзору за их осуществлением. Эти изменения еще раз подтверждают, что криптовалюты могут выступать средством платежа при соответствующем правовом регулировании.

Таким образом, фактическая возможность использования криптовалюты в расчётах признаётся не только рынком и участниками гражданского оборота, но и частично государством. В то же время, текущее правовое регулирование отстаёт от технологической и экономической реальности. На этом фоне предлагается рассматривать введение экспериментальных правовых режимов (регуляторных «песочниц»), в рамках которых будет допущено использование криптовалют в ограниченном обороте не только в рамках внешнеторговых контрактов, но также например:

– в расчётах между определенными юридическими лицами;

– в рамках определенных цифровых платформ;

– при исполнении отдельных видов гражданско-правовых договоров.

Эволюционная трансформация правового статуса криптовалюты с последующим использованием в качестве средства платежа внутри отечественной юрисдикции возможна, но обязательна должна сопровождаться:

– признанием криптовалюты в качестве отдельного «иного имущества», либо самостоятельного объекта гражданских прав в ст. 128 ГК РФ;

– созданием специального регулирования для включения в расчётную систему;

– созданием специального регулирования для особенностей использования в гражданско-правовых сделках.

Такой подход позволит сбалансировать интересы государства в сфере контроля и прозрачности с интересами бизнеса и гражданского оборота в целом, нуждающегося в современных, гибких и технологичных платёжных инструментах.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что действующее правовое регулирование криптовалюты в Российской Федерации характеризуется непоследовательностью и внутренними противоречиями. С одной стороны, криптовалюта признаётся объектом правоотношений: при налоговом учёте, в рамках исполнительного производства, при рассмотрении дел о банкротстве. С другой стороны, законодатель прямо исключает возможность её использования в качестве средства платежа, несмотря на закреплённую в законе формулировку о её потенциальной платёжной функции.

В научной доктрине также отсутствует единый подход к квалификации правовой природы криптовалюты: одни авторы предлагают рассматривать её как вещь особого рода, другие – как обязательственное право, третьи – как самостоятельную категорию имущественного объекта sui generis. Такое положение дел приводит к правовой неопределённости и сдерживает развитие цифровой экономики.

Вместе с тем, фактическое использование криптовалют в расчетах – в обход или на грани правового поля – свидетельствует о необходимости переосмысления действующих ограничений. Исключение криптовалют из легального платёжного оборота не устраняет рисков, а напротив, усугубляет их за счёт непрозрачности, правовой уязвимости участников и отсутствия инструментов правовой защиты.

В этой связи целесообразным представляется:

– нормативное закрепление криптовалюты в качестве самостоятельного объекта гражданских прав с определением её признаков и допустимых функций;

– введение специальных правовых режимов, допускающих её применение в строго регламентированных сферах;

– устранение нормативных коллизий, касающихся терминологии, статуса и оборотоспособности цифровых активов;

– разработка нормативной базы, обеспечивающей контроль и мониторинг операций с криптовалютой без полного исключения её из правового поля.

Таким образом, признание криптовалюты как законного средства платежа в Российской Федерации возможно при условии целенаправленного развития правового режима, отражающего специфику цифровых технологий, обеспечивающего баланс частных и публичных интересов, а также гарантирующего правовую определённость для участников оборота.

Пристатейный библиографический список

1. Башкатов М. Л. Эволюция цивилистического понятия денег в современном праве // Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. 2023. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dissovet.msu.ru/dissertation/2626 (дата обращения: 02.04.2025).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 02.04.2025).
3. Информация Банка России от 12 марта 2025 г. «Новый экспериментальный режим для сделок с криптовалютами». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.garant.ru/hotlaw/federal/1801861/ (дата обращения: 02.04.2025).
4. Криптовалюты: тренды, риски, меры. Доклад для общественных консультаций Банка России. 2022. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cbr.ru/Content/Document/File/132241/Consultation_Paper_20012022.pdf (дата обращения: 03.04.2025).
5. Лолаева А. С., Макиев С. А., Бутаева Э. С. Правовая природа криптовалюты // Юридические исследования. – 2021. – № 12. – С. 20-32. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=37110 (дата обращения: 31.03.2025).
6. Налогового кодекса Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/ (дата обращения: 04.04.2025)
7. Определение Верховного суда РФ от 16 апреля 2024 г. № 69-К Г24-3-К7 Верховный Суд Российской Федерации. Электронная справочная. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.vsrf.ru/lk/practice/acts?&numberExact=true&number=69-КГ24-3-К7&actDateExact=off (дата обращения: 01.04.2025).
8. Саженов А. В. Криптовалюты: дематериализация категории вещей в гражданском праве // Закон. – 2018. – № 9. – С. 106–121. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://internet.garant.ru/#/document/77559180/paragraph/1:3 (дата обращения: 03.04.2025).
9. Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 № 259-ФЗ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/ (дата обращения: 04.04.2025).
10. Федеральный закон от 29 ноября 2024 г. № 418-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_491749/ (дата обращения: 03.04.2025).
11. Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 221-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_482417/ (дата обращения: 03.04.2025).
12. Stablecoin surge: Here's why reserve-backed cryptocurrencies are on the rise. World Economic Forum. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.weforum.org/stories/2025/03/stablecoins-cryptocurrency-on-rise-financial-systems/.

DOI 10.46320/2073-4506-2025-4-203-242-243

Ястремский И. А.

ЯСТРЕМСКИЙ Иван Анатольевич
адвокат ННО Ленинградской областной коллегии адвокатов, филиал Адвокатская контора «Пелевин и партнеры»

ЛЕЧЕБНОЕ ПИТАНИЕ ДЛЯ ПАЦИЕНТОВ КЛИНИКИ ПЛАСТИЧЕСКОЙ ХИРУРГИИ, ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ

В статье раскрываются сущность, значение лечебного питания при проведении пластических операций. Исследовано правовое регулирование лечебного питания при проведении пластических операций. Установлено, что лечебное питание для пациентов клиники пластической хирургии назначается на следующих этапах: в ходе консультации, которая включает в себя в том числе рекомендации по правильному питанию для правильной подготовки к операции, при послеоперационном уходе, поскольку для оптимального восстановления и заживления ран (облегчения боли, минимизации рубцов) врач назначает пациенту лекарства, а также соответствующие продукты питания, при последующих визитах, на которых пластический хирург следит за прогрессом пациента, контролирует соблюдение пациентом рекомендаций по лечебному питанию и при даче рекомендаций пациентам, в ходе которых врач объясняет пациенту необходимость поддержания здорового образа жизни. Даются рекомендации по правильному питанию до и после операции, обосновывается его важное значение для успешного проведения операции и восстановления после него. Отмечено, что предпочтительней, чтобы рекомендации по лечебному питанию давал профессиональный врач-диетолог, поэтому, учитывая доказанную выше важность этого вопроса, клиникам пластической хирургии рекомендуется привлекать данных специалистов для оказания соответствующих консультаций пациентам.

Ключевые слова: лечебное питание, пластическая хирургия, пациент, операция, организм, продукты, витамины, питательные вещества.

YASTREMSKIY Ivan Anatoljevich
lawyer, NGO of the Leningrad Regional Bar Association, Pelevin and Partners Law Firm branch

MEDICAL NUTRITION FOR PATIENTS AT THE PLASTIC SURGERY CLINIC, LEGAL BASIS

The article reveals the essence and importance of therapeutic nutrition during plastic surgery. The legal regulation of therapeutic nutrition during plastic surgery has been studied. It has been established that therapeutic nutrition for patients at a plastic surgery clinic is prescribed at the following stages: during a consultation, which includes, among other things, recommendations on proper nutrition for proper preparation for surgery; in postoperative care, since for optimal recovery and healing of wounds (pain relief, minimization of scars), the doctor prescribes medications to the patient, as well as appropriate foods; during subsequent visits, during which the plastic surgeon monitors the patient's progress, monitors the patient's compliance with nutritional therapy recommendations, and during patient education, during which the doctor explains to the patient the need to maintain a healthy lifestyle and follow these instructions. Recommendations are given on proper nutrition before and after surgery, and its importance for the successful operation and recovery after it is substantiated. It is noted that it is preferable for recommendations on therapeutic nutrition to be given by a professional nutritionist, therefore, given the importance of this issue proven above, plastic surgery clinics are recommended to involve these specialists to provide appropriate consultations to clients.

Keywords: therapeutic nutrition, nutrition, patient, surgery, body, foods, vitamins, nutrients.

Лечебное питание – это применение с лечебной или профилактической целью специально составленных пищевых рационов и режимов питания для людей с острыми или хроническими заболеваниями.

В ч. 1 ст. 39 Закона об охране здоровья граждан дается понятие лечебного питания. Несмотря на то, что специализированные продукты лечебного питания используются при оказании медицинской помощи и в некоторых случаях, как например энтеральное питание, вводятся пациенту врачами, они не являются лекарственными средствами.

Лечебное питание включает в себя конкретные индивидуальные планы и так называемые лечебные столы (многие из которых имеют несколько вариантов) в отношении конкретного заболевания. Можно облегчить течение болезни или регулировать ее течение, выбрав определенный рацион питания. Лечебное питание положительно поддерживает назначенное медикаментозное лечение. Согласно исследованиям, адекватный нутритивный статус положительно влияет на послеоперационное заживление. Например, у правильно питающихся людей меньше осложнений после операции. По окончании медикаментозной терапии можно продолжать питаться с соблюдением предписанных ограничений.

Клиника пластической хирургии оказывает клиенту в настоящее время, как правило, комплекс услуг, включающий:

1. Консультацию: пластический хирург проводит встречу с пациентом, чтобы выявить и обсудить его жалобы, проанализировать его состояние и составить план лечения. Консультация включает в себя в том числе рекомендации по правильному питанию для правильной подготовки к операции.

2. Предоперационное планирование и само хирургическое вмешательство.

3. Послеоперационный уход: пластический хирург наблюдает за состоянием пациента, чтобы убедиться, что его восстановление происходит должным образом. Для оптимального восстановления и заживления ран (облегчения боли, предотвращения инфекции и минимизации рубцов) врач назначает пациенту лекарства, а также соответствующие продукты питания.

4. Последующие визиты: пластический хирург следит за прогрессом пациента, снимает швы, дает дополнительные инструкции по послеоперационному уходу, контролирует соблюдение пациентом рекомендаций по лечебному питанию.

5. Рекомендации для пациентов: пластический хирург информирует пациентов о важности поддержания здорового образа жизни, следования послеоперационным инструкциям и избегания действий, которые могут поставить под угрозу успех операции.

В предоперационный период важно обеспечить достаточное потребление основных нутриентов. Сбалансированное по содержанию белка, витаминов и микроэлементов питание будет способствовать достаточному выделению гипофизом гормонов АКТГ и СТГ, способствующих производству кортизона[1].

В соответствии с Приказом Министерства здравоохранения РФ от 23.09.2020 № 1008н «Об утверждении порядка обеспечения пациентов лечебным питанием», при плановых хирургических вмешательствах, к которым относятся пластические операции, назначается основной вариант стандартной диеты. Это физиологически полноценная диета по содержанию основных пищевых веществ и энергии, с повышенным содержанием липотропных веществ, режим питания дробный, 5-6 раз в день.

Правильное питание способствует скорейшему выздоровлению. Ключевой его задачей является преодоление белкового, витаминного, минерального и энергетического дефицитов больных, возникших в связи с операцией [2, с. 92].

В послеоперационный период лучше всего – не только на время реабилитационного периода, но и вообще – исключить из рациона жирную и жареную пищу. Поскольку в жареной в масле пище содержатся в изобилии вредные вещества, а полезных, напротив, практически нет. Таким образом, употребляя в пищу жареное, пациент не только не помогает организму восстанавливаться после операции, но и добавляет ему лишней работы[2].

Переход на естественное питание возможен только после появления положительной динамики в состоянии пациента.

В профессиональном стандарте «Врач – пластический хирург» указано, что врач должен знать механизм действия лечебного питания, основы лечебного питания, принципы диетотерапии.

Лечебное питание – важный элемент оперативного лечения. Его несоблюдение пациентом усугубляет заживление ран, а правильно подобранное питание ведет к улучшению процессов восстановления [6, с. 65]. У пациентов, не соблюдающих рекомендации по лечебному питанию, более высоки риски долгого выздоровления после операции.

Для зарубцевания ран необходимо поступление питательных веществ, содержащих в первую очередь калории и белки[3].

Лечебное питание включает употребление полезных продуктов совместно с приемом лекарствами. Его применение позволяет ускорить выздоровление пациента, уменьшить воспаление. До и после проведения операции нужно принимать продукты, включающие полезные вещества, способствующие восстановлению организма: белок, нужный для коллагена (необходимого для заживления ран), укрепления иммунной системы, содержащийся в мясе, рыбе, яйцах, орехах, фрукты и овощи, в первую очередь содержащие витамины А, С, селен (противодействуют свободным радикалам, которые могут затормозить процесс заживления ран), вода, которую следует употреблять не менее 1,8 л в день.

Итак, использование необходимых витаминов и минералов до и после пластической операции будет способствовать скорейшему восстановлению и выздоровлению, снижению воспаления, заживлению ран.

Нагрузка на организм после операции может привести к воспалениям и осложнениям. Продукты, богатые аргинином и омега-3, могут помочь поддержать иммунную систему. Красное мясо, курица, рыба и молочные продукты содержат аргинин, а рыба и рыбий жир содержат омега-3 жирные кислоты.

После операции следует избегать соли, сахара, кофеина, алкоголя и рафинированных углеводов в течение как минимум месяца. Через три дня можно возобновить прием любых витаминных или травяных добавок.

Чем точнее пациент будет следовать приведенным выше рекомендациям, тем лучше будет его хирургический опыт и восстановление. Таким образом, ведение здорового образа жизни и оптимальное питание поддержат организм пациента и результат операции. Питательные вещества, содержащиеся в указанных продуктах, являются ключевыми компонентами для оптимизации восстановления тканей и клеток, минимизации воспаления и поддержки иммунной функции.

Предпочтительней, чтобы рекомендации по лечебному питанию давал профессиональный врач-диетолог, поэтому, учитывая доказанную выше важность этого вопроса, клиникам пластической хирургии целесообразно привлекать данных специалистов для оказания соответствующих консультаций клиентам, либо обеспечивать обучение по данному направлению сотрудников клиники. Врач-диетолог может дать профессиональные консультации по вопросам отказа от вредных продуктов, подбора подходящих продуктов и их количества, рекомендаций по приему необходимых витаминов и минералов.

Пристатейный библиографический список

1. Евсеев М. А., Бояринцев В. В. Метаболизм и нутритивная поддержка хирургического пациента. Руководство для врачей. – СПб., 2017.
2. Напцок Б. К. Особенности лечебного питания и диеты в послеоперационном периоде // В сборнике: Развитие современной науки: опыт теоретического и эмпирического анализа. Сборник статей IV Международной научно-практической конференции. – Петрозаводск, 2023. – С. 91-95.
3. Нутрициология – 2040. Горизонты науки глазами ученых. Под ред. В. В. Бессонова, В. Н. Княгинина, М. С. Липецкой. – СПб.: Фонд стратегических разработок – «Северо-Запад», 2017. – 105 с.
4. Нутрициология и клиническая диетология: национальное руководство/под ред. В. А. Тутельяна, д. б. Никитюка. – Москва: Гэотар-Медиа, 2020.
5. Основы клинического питания / Под. ред. проф. Л. Соботка. – Прага, 2007.
6. Сериков П. В., Слепухина А. В. Типы питания хирургических больных. Роль лечебного питания в хирургическом стационаре // Наука через призму времени. – 2020. – № 2 (35). – С. 65-67.
7. Pace L. A., Crowe S. E. Complex Relationships Between Food, Diet, and the Microbiome // Gastroenterol Clin North Am. – 2016. – Vol. 45 (2). – P. 253-265.

1 Практическая диетология / Журнал для профессионалов. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://praktik-dietolog.ru/article/117.html.

2 Панаетов А. П. Питание после пластической операции. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://hirurg-panaetov.ru/pitanie-posle-plasticheskoj-operatsii/?ysclid=lvtciw4tb3256004313.

3 Mélissa Roy, Julie A. Perry, Karen M. Cross. Nutrition and the Plastic Surgeon: Possible Interventions and Practice Considerations. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC6181488/#:~:text=Adequate%20nutrition%20is%20important%20in,proliferation%2C%20proteoglycan%20synthesis%20and%20neoangiogenesis.

ЗАПИСНАЯ Татьяна Валерьевна
кандидат юридических наук, доцент, доцент, старший научный сотрудник кафедры гражданского процессуального права, Ростовский филиал, Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева

О ПОИСКЕ ОПТИМАЛЬНОЙ МОДЕЛИ ПРОЦЕССУАЛЬНО-ПРАВОВОГО МЕХАНИЗМА ВОССТАНОВЛЕНИЯ ПРОПУЩЕННОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СРОКА В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

Социальная, экономическая и цифровая трансформация общественных отношений неизменно затрагивают правовую систему, заставляя законодателя искать новые подходы в части повышения эффективности гражданского судопроизводства. Институт восстановления процессуальных сроков, разработанный в доктрине советского процессуального права, полностью базировался на принципе устности и обеспечивал реальные гарантии доступа к суду и права быть услышанным в суде. Однако такая процедура больше не соответствовала принципу процессуальной экономии, что сподвигло Верховный Суд Российской Федерации начать поиск новой эффективной модели правового механизма восстановления процессуальных сроков в суде первой, апелляционной, кассационной и надзорной инстанций. В статье проведен сравнительно-правовой анализ существующего механизма восстановления процессуальных сроков в ГПК РФ, АПК РФ и КАС РФ, выявлены достоинства и недостатки. Рассмотрены предлагаемые Верховным Судом РФ изменения, которые оценены через призму достижения цели повышения эффективности процедур гражданского судопроизводства, сделаны выводы о тенденциях развития исследуемого института.

Ключевые слова: право на судебную защиту, доступность суда, принцип сочетания устности и письменности, избыточность судебных процедур, процессуальный срок, процессуально-правовой механизм восстановления процессуального срока.

ZAPISNAYA Tatyana Valerjevna
Ph.D. in Law, associate professor, associate professor, senior researcher, of Civil process law sub-faculty, Rostov branch, V. M. Lebedev Russian State University of Justice

ON THE SEARCH FOR THE OPTIMAL MODEL OF THE PROCEDURAL AND LEGAL MECHANISM FOR RESTORING THE MISSED PROCEDURAL PERIOD IN THE CIVIL PROCESS

The social, economic and digital transformation of public relations invariably affects the legal system, forcing legislators to look for new approaches to improve the effectiveness of civil proceedings. The institution of restoring procedural time limits, which was well developed in the doctrine of Soviet procedural law, was based entirely on the principle of verbality and provided real guarantees of access to the court and the right to be heard in court. However, such a procedure no longer corresponded to the principle of procedural economy, which prompted the Supreme Court of the Russian Federation to begin searching for a new effective model of a legal mechanism for restoring procedural time limits in the court of first instance, appeal, cassation and supervisory instances. The article provides a comparative legal analysis of the existing mechanism for restoring procedural deadlines in the Civil Procedure Code of the Russian Federation, the APC of the Russian Federation and the CAS of the Russian Federation, and identifies advantages and disadvantages. The changes proposed by the Armed Forces of the Russian Federation are considered, the disadvantages and advantages are shown. Conclusions are drawn about the development trends of the institute under study.

Keywords: the right to judicial protection, accessibility of the court, the principle of combining oral and written language, redundancy of judicial procedures, procedural time limit, procedural and legal mechanism for restoring the procedural time limit.

Одним из показателей качества гражданского процесса является нагрузка на судью. Нагрузка выше оптимальных пределов приводит к появлению ряда неблагоприятных факторов: повышенная утомляемость, профессиональное выгорание, дефицит кадров. В совокупности указанные обстоятельства становятся причиной снижения качества процесса, формализма.

Верховный Суд Российской Федерации в качестве приоритетных целей развития цивилистического процесса на современном этапе видит его унификацию и оптимизацию. Оптимизация как средство повышения эффективности должна достигаться через отказ от избыточных судебных процедур[1].

Возможность восстановления пропущенных по уважительным причинам процессуальных сроков является важной гарантией права на судебную защиту. Вместе с тем, как правильно отмечает С. А. Кузнецов «реализация права на судебную защиту не должна приводить к необоснованному восстановлению пропущенного процессуального срока и тем самым - к нарушению принципа правовой определенности» [1, с. 53].

В основе процессуально-правого механизма восстановления процессуальных сроков лежат принципы доступности суда, правой определенности, добросовестности поведения участников процесса. Проводя ревизию процедуры восстановления пропущенных процессуальных сроков на предмет избыточности, законодатель обязан сохранить тот уровень правовых гарантий, который позволит эффективно реализовывать право на судебную защиту.

На основе анализа различных подходов при формировании порядка восстановления процессуальных сроков можно выделить две основные модели. Согласно первой модели процессуальный срок может быть восстановлен в рамках специальной процедуры, которая требует от лица подачи специального ходатайства. Такая процедура может строиться на началах устности или письменности. В зависимости от выбранного начала варьируются уже иные элементы, позволяющие участникам процесса быть услышанными судом, и служат препятствием недобросовестному поведению отдельных субъектов. Также может быть предусмотрена дифференциация процедуры восстановления отдельных сроков,

1 Нехватка судей и финансирования: итоги заседания Совета судей. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://pravo.ru/story/256530/?ysclid=m6ormc4swb114583135 (дата обращения: 01.02. 2025 года).

к примеру, срока подачи апелляционной, кассационной или надзорной жалобы.

Вторая модель не подразумевает ни наличия специальной процедуры, ни ходатайства и характерна для упрощенных, полностью письменных видов судопроизводств. В таком случае судья принимает документы (жалобу, заявление), поступившие за пределами срока, и, если в них содержится указание на уважительность причин пропуска, как бы восстанавливает пропущенный срок, не вынося специальное определение. Такая модель в настоящее время реализована в приказном производстве. Согласно статье 129 ГПК РФ, если должник подает возражения относительно исполнения вынесенного судебного приказа за пределами срока, то он должен указать конкретную причину пропуска этого самого срока. В тех случаях, когда судья признает указанные причины уважительными, он отменяет судебный приказ, а в определении указывает, почему им были приняты такие возражения с пропуском срока. Для того чтобы взыскатель мог реализовать свое право быть выслушанным в суде, он может обжаловать определение об отмене судебного приказа. Такая конструкция обусловлена тем, что законодатель должен гарантировать возможность для взыскателя быть услышанным в суде, а вынесение определения о восстановлении пропущенного срока подачи возражений не предусмотрено. Такой прием также позволяет донести до суда информацию о том, что должник вводит суд в заблуждение относительно уважительности причин пропуска срока, а, следовательно, поставить заслон для лиц, злоупотребляющих правом. В качестве недостатка, на наш взгляд, следует выделить отсутствие временных пределов, за которыми ни при каких обстоятельствах возражения уже не принимаются и подлежат возвращению должнику. Аналогичный механизм закреплен и в упрощённом производстве, когда доказательства и иные документы поступили в суд до принятия решения по делу, но по истечении установленных судом сроков (ст. 232.3 ГПК РФ).

Принятый в 2002 году ГПК РФ в целом унаследовал процессуально-правовой механизм восстановления процессуальных сроков от ГПК РСФСР 1964 года, который не был рассчитан на современную судебную нагрузку. Институт восстановления процессуальных сроков в советском гражданском процессе строился на следующих началах: пропущенный срок восстанавливает суд, в котором надлежит совершить процессуальное действие; заявление рассматривается в судебном заседании с извещением лиц, участвующих в деле; обжаловать можно только отказ в восстановлении пропущенного процессуального срока. Основное влияние на дальнейшую трансформацию процессуально-правового механизма восстановления процессуальных сроков оказало развитие идей правовой определенности и доступности суда. Отсутствие пресекательных сроков являлось существенным недостатком процессуального законодательства, оказывающим существенное влияние на стабильность гражданско-правового оборота и подрывающим институт законной силы судебного решения. Претворение в жизнь положений о физической доступности суда положило начало чехарде с определением суда, восстанавливающего срок подачи жалобы на принятое судебное решение. Во многом эти изменения произошли под влиянием позиций ЕСПЧ. Повышение эффективности через оптимизацию судебных процедур как основное направление развития гражданского судопроизводства определилось несколько позже. Первые шаги в этом направления были сделаны в ходе реформирования кассационного и надзорного производства, в результате чего законодатель отказывается от проведения судебного заседания при восстановлении процессуального срока подачи кассационной и надзорной жалоб. В результате внесенных изменений в гражданском судопроизводстве появилась еще и внутренняя дифференциация: восстановление срока судом первой инстанции по-прежнему строиться исходя из принципа устности, тогда как в кассации и надзоре данная процедура построена на основе письменного начала. Принятый в 2015 году КАС РФ уже изначально не предполагал проведения судебного заседания по вопросу восстановления пропущенного процессуального срока. Данный факт обуславливается тем, что к этому времени проблема чрезмерной судебной нагрузки стала более чем актуальна и требовала принятия решений, направленных на ее снижение. В вопросе проведения судебного заседания КАС РФ оказался ближе к АПК РФ, нежели чем к ГПК РФ. Отказ от судебного заседания при восстановлении пропущенного процессуального срока в административном судопроизводстве был встречен критически. Многие назвали такой шаг вынужденной мерой [3, с. 5].

Верховный Суд РФ неоднократно заявлял о необходимости унификации однотипных процессуальных институтов, если только различие не обусловлено спецификой того или иного вида судопроизводства. Однако анализ показывает отсутствие единого подхода к правовому регулированию восстановления процессуальных сроков. В арбитражном судопроизводстве восстановление процессуальных сроков полностью подчинено письменному началу, у суда нет возможности назначить судебное заседание, как нет возможности и у иных лиц, участвующих в деле, обжаловать восстановление процессуального срока. Такой механизм не гарантирует право иных участников процесса быть услышанными в суде, а также не содержит инструмента противодействия злоупотреблению правом со стороны, вводящей суд в заблуждение относительно причин пропуска восстанавливаемого срока. На эти недостатки обратил внимание Конституционный Суд Российской Федерации, указав что «судья, как правило, лишен возможности исследовать доводы и возражения иных участвующих в деле лиц по данному вопросу и, кроме того, не исключена вероятность ошибочного установления уважительности причин пропуска данного срока»[2]. Процедура восстановления срока едина и не зависит от того, суд какой инстанции восстанавливает пропущенный срок.

КАС РФ в вопросе восстановления процессуальных сроков так же, как и АПК РФ, опирается на принцип письменности, однако у суда имеется возможность назначить судебное заседание с учетом сложности процессуального вопроса (статья 95 КАС РФ). Кроме того, право быть услышанным в суде реализуется через возможность обжаловать определение суда о восстановлении пропущенного процессуального срока. Внутренняя дифференциация процедуры восстановления срока в зависимости от инстанции также не предусмотрена. Не все разделяют такую позицию законодателя. К примеру, Р. М. Масаладжиу считает, что «вопрос восстановления сроков нужно решать в судебном заседании с извещением участвующих в деле лиц. Это позволит им донести до суда свою позицию, а суду - более детально разобраться в аргументах заинтересованных лиц и разрешить вопрос о восстановлении процессуального срока правильно» [2, с. 37]. К существенным недостаткам следует отнести отсутствие срока, в который суд обязан рассмотреть поступившее заявление о восстановлении срока.

В 2024 году, используя свое право законодательной инициативы, Верховный Суд Российской Федерации вносит в Государственную Думу Российской Федерации Проект Федерального закона № 657699-8 «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» (далее законопроект № 657699-8)[3]. Целью данного законопроекта является совершенствование процедуры апелляционного производства. Кроме того, в данном документе предложена новая редакция статьи 112 ГПК РФ, меняющая

2 Определение Конституционного Суда РФ от 24 февраля 2022 года № 392-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Компас» на нарушение его конституционных прав пунктом 1 части 1 статьи 127.1 и пунктом 1 части 1 статьи 150 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online11.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=705521&cacheid=D70633DF26FA59366D4C0D3FD46E4DEB&mode=splus&rnd=Ax45w#0SwMCcU5AtTmQGLB (дата обращения: 08.02.2025 года).

3 Проект Федерального закона № 657699-8 «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sozd.duma.gov.ru/bill/657699-8?ysclid=m5dtkt9zhz703924886 (дата обращения: 10.02. 2025 года).

основное начало построения процессуально-правового механизма восстановления процессуальных сроков в суде первой инстанции.

Верховный Суд РФ через законопроект № 657699-8 предлагает закрепить следующие изменения. В первую очередь происходит отказ от проведения судебного заседания по вопросу восстановления пропущенного срока в суде первой инстанции. Таким образом, ординарной процедурой будет рассмотрение вопроса о восстановлении срока без проведения судебного заседания и извещения лиц, участвующих в деле. В качестве исключения предусматривается возможность проведения судебного заседания либо по инициативе суда, либо по мотивированному письменному ходатайству лиц, участвующих в деле. Законодатель не использует употребляемое в КАС РФ понятие «сложность процессуального вопроса» как основание для исключения из общего правила. Такое основание проведения судебного заседания как мотивированное письменное ходатайство лиц, участвующих в деле, в тексте процессуального закона появляется впервые. Оно неизвестно ни АПК РФ, ни КАС РФ. Вопрос о возможности суда отклонить данное ходатайство остается пока открытым. Теоретический анализ показывает наличие достаточных гарантий для лиц, участвующих в деле, быть услышанными в суде, но практическая реализация новой модели вызывает некоторые опасения. Во-первых, участник процесса должен знать о существовании самой возможности принести мотивированное письменное ходатайство по данному вопросу. Во-вторых, будет ли достаточно пяти дней для составления и направления этого процессуального документа. Данный процессуально-правовой механизм в большей степени подходит для профессионального процесса, нежели для судопроизводства, в котором могут участвовать, в том числе юридически неграмотные граждане.

Обязанность восстановить пропущенный по уважительным причинам срок подачи апелляционной жалобы переносится на суд апелляционной инстанции. В свое время, подход, согласно которому обязанность восстанавливать сроки подачи кассационной и надзорной жалобы была закреплена за судами соответствующих инстанций, а срок подачи апелляционной жалобы восстанавливал суд первой инстанции, большинством специалистов был признан абсолютно оправданным. При ином варианте регулирования, обжаловать определение о восстановлении пропущенного срока подачи апелляционной жалобы пришлось бы уже в суде кассационной инстанции, что в значительной мере увеличило бы нагрузку на данные суды и не соответствовало принципу доступности суда. Однако проявился внутренний конфликт, заключающийся в том, что суд первой инстанции не заинтересован в восстановлении срока подачи апелляционной жалобы. В этой ситуации перед ВС РФ встала сложная задача – устранить указанное противоречие и не увеличить нагрузку на кассационные суда. В качестве решения данной проблемы предложено решение, согласно которому пропущенный срок подачи апелляционной жалобы восстанавливать будет суд апелляционной инстанции, но определение о восстановлении указанного срока больше не будет объектом самостоятельного обжалования. Вместо этого суд апелляционной инстанции должен будет оценить доводы и возражения относительно восстановления пропущенного срока подачи апелляционной жалобы и прекратить производство по делу, если придёт к выводу об отсутствии оснований для восстановления. Данная конструкция не нова и закрепляет практику, сложившуюся в арбитражном судопроизводстве после обращения ООО «Компас» в Конституционный Суд Российской Федерации. Согласно общему правилу, суд первой инстанции не может отменять или изменять свое собственное решение. Вместе с тем в ГПК РФ уже существует ряд исключений: отмена судебного приказа (ст. 129 ГПК РФ); отмена заочного решения (ст. 241 ГПК РФ); суд первой инстанции отменяет свое собственное решение об объявлении гражданина, признанного безвестно отсутствующим или объявленного умершим, в случае явки или обнаружения места пребывания такого граждан (ст. 280 ГПК РФ). Указанное правило распространяется не только на решение, но и на определение: суд по ходатайству истца или ответчика отменяет свое определение об оставлении заявления без рассмотрения по основаниям, указанным в абзацах седьмом и восьмом статьи 222 ГПК РФ, если истец или ответчик представит доказательства, подтверждающие уважительность причин неявки в судебное заседание и невозможности сообщения о них суду. Таким образом, уже сложился ряд исключений из принципа инстанционности для суда первой инстанции. Законопроект № 657699-8 по сути предусматривает еще одно исключение, но только для суда апелляционной инстанции. Суд, восстановив пропущенный процессуальный срок, уже непосредственно в судебном заседании под воздействием аргументов иных лиц, участвующих в деле, меняет свое решение по вопросу восстановления срока и прекращает производство по делу. Однако продуктивность такого подхода вызывает обоснованные сомнения, поскольку в борьбе за сокращение судебной нагрузки и избавления от лишних судебных процедур суд будет вынужден дважды исследовать один и тот же вопрос. Специфика арбитражного процесса, как профессионального, предусматривает сравнительно небольшое количество оснований для восстановления процессуального срока. Нагрузка арбитражных судов в части восстановления процессуальных сроков не соизмерима с нагрузкой судов общей юрисдикции.

Верховный Суд Российской Федерации стремится повысить эффективность процессуально-правового механизма восстановления процессуальных сроков через отказ от проведения судебного заседания, как избыточной судебной процедуры. Цель анализируемых положений законопроекта № 657699-8 заключается скорее в поиске оптимальной модели процессуально-правового механизма восстановления процессуальных сроков, нежели в унификации однотипных процессуальных институтов. Такой вывод базируется на том, что, во-первых, сохраняется внутренняя дифференциация процедуры восстановления процессуального срока в самом ГПК РФ; во-вторых, сохраняются отличия как от КАС РФ, так и от АПК РФ. Новая процедура восстановления процессуального срока вызывает ряд обоснованных сомнений в части ее эффективности в борьбе за снижение судебной нагрузки. Отказ от возможности обжаловать определение о восстановлении пропущенного процессуального срока пока только в апелляции снижает уровень гарантий права быть выслушанным в суде.

Пристатейный библиографический список

1. Кузнецов С. А. Некоторые вопросы, связанные с восстановлением арбитражным судом срока подачи апелляционной жалобы // Судья. - 2020. - № 10. - С. 53-57.
2. Масаладжиу Р. М. Апелляционное производство по административным делам: новые подходы и старые проблемы // Законы России: опыт, анализ, практика. - 2016. - № 5. - С. 31-37.
3. Шереметова Г. С. Восстановление процессуальных сроков: новеллы и вопросы правоприменения // Арбитражный и гражданский процесс. - 2018. - № 12. - С. 5-7.

DOI 10.46320/2073-4506-2025-4-203-247-248

ОРЛОВА Ирина Витальевна
старший преподаватель высшей школы частного права, Тихоокеанский государственный университет, г. Хабаровск

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ УТВЕРЖДЕНИЯ СУДАМИ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ И АРБИТРАЖНЫМИ СУДАМИ МИРОВЫХ СОГЛАШЕНИЙ

В статье рассматривается вопрос о возмещении судебных расходов при заключении сторонами мировых соглашений, а также при утверждении этих соглашений судами общей юрисдикции и арбитражными судами. Анализируя условия мировых соглашений, автор приходит к выводу о необходимости соблюдения сторонами этих соглашений императивных норм налогового и процессуального права о возврате истцу уплаченной им госпошлины из бюджета в случае утверждения мирового соглашения в гражданском и арбитражном процессах. Эту норму также обязан применять суд общей юрисдикции и арбитражный суд при утверждении мирового соглашения, несмотря на наличие у сторон права урегулировать спор на взаимоприемлемых условиях.

Ключевые слова: судебные расходы, мировое соглашение, определение об утверждении мирового соглашения, госпошлина, суд общей юрисдикции, арбитражный суд.

ORLOVA Irina Vitaljevna
senior lecturer of the Higher School of Private Law, Pacific State University, Khabarovsk

SEPARATE ISSUES OF APPROVAL OF SETTLEMENT AGREEMENTS BY COURTS OF GENERAL JURISDICTION AND ARBITRATION COURTS OF SETTLEMENT AGREEMENTS

The article deals with the issue of reimbursement of court expenses at the conclusion of amicable agreements by the parties, as well as at the approval of these agreements by courts of general jurisdiction and arbitration courts. Analyzing the terms of amicable agreements, the author comes to the conclusion that the parties to these agreements must comply with the imperative norms of tax and procedural law on the return to the plaintiff of the state duty paid by him from the budget in the case of approval of the amicable agreement in civil and arbitration proceedings. This norm is also obliged to apply the court of general jurisdiction and the arbitration court at approval of the amicable agreement, despite the presence of the parties' right to settle the dispute on mutually acceptable terms.

Keywords: court costs, amicable agreement, determination on approval of amicable agreement, state duty, court of general jurisdiction, arbitration court.

Согласно части 4 статьи 153.9 ГПК РФ, части 2.2. статьи 140 АПК РФ мировое соглашение наряду с условиями урегулирования материально-правового спора может содержать условие о распределении между сторонами понесённых ими по делу судебных расходов. Поскольку в состав этих расходов входят судебные издержки и государственная пошлина (ч. 1 ст. 88 ГПК РФ, ст. 101 АПК РФ), следовательно, можно включить в мировое соглашение условие и о последней.

В связи с совершенствованием примирительных процедур в гражданском и арбитражном процессах в июле 2019 года в Налоговый кодекс РФ были внесены изменения, стимулирующие, по мнению законодателя, стороны к самостоятельному урегулированию правовых споров, находящихся на рассмотрении судов. В частности, в подпункте 3 пункта 1 статьи 333.40 НК РФ предусмотрен возврат истцу госпошлины в случае заключения сторонами мирового соглашения и его утверждения судом. Размер подлежащей возврату госпошлины варьируется в зависимости от стадии судебного процесса, на которой утверждено мировое соглашение: при заключении мирового соглашения до принятия решения судом первой инстанции возврату истцу подлежит 70 процентов суммы уплаченной им государственной пошлины, на стадии рассмотрения дела судом апелляционной инстанции – 50 процентов, на стадии рассмотрения дела судом кассационной инстанции, пересмотра судебных актов в порядке надзора – 30 процентов[1]. Для ответчика эта норма тоже представляет интерес, поскольку он может быть освобождён от имущественной обязанности по возмещению истцу оставшейся части госпошлины.

Анализ судебной статистики за последние пять лет свидетельствует об увеличении количества дел, оконченных мировым соглашением в гражданском и арбитражном процессах. Нельзя с уверенностью утверждать, что это обусловлено исключительно данным изменением. Однако имеются все основания полагать, что эта мера всё же способствует примирению сторон, поскольку в каждом втором мировом соглашении содержится условие об уплаченной истцом государственной пошлине. Редакции этих условий встречаются разные, некоторые из них, сформулированные некорректно, являются самостоятельным основанием для отказа в утверждении мирового соглашения. Рассмотрим наиболее распространённые в судебной практике условия и дадим им правовую оценку.

1. *В мировое соглашение стороны включают условие о судебных расходах, дословно воспроизводящее положение подп. 3 п. 1 ст. 333.40 НК РФ (например, о возврате истцу из бюджета 70 процентов суммы уплаченной им государственной пошлины при утверждении мирового соглашения на стадии производства в суде первой инстанции), и не возлагающее на ответчика обязанности вернуть истцу оставшуюся сумму уплаченной им госпошлины.* В этом случае, как представляется, стороны не решили вопрос о распределении судебных расходов по оплате госпошлины.

Из содержания ст. 98 ГПК РФ, ст. 110 АПК РФ следует, что распределение подразумевается между участниками мирового соглашения (сторонами, третьими лицами (ч. 1 ст. 153.8 ГПК РФ, ч. 1 ст. 139 АПК РФ). Рассматриваемое же условие – о возврате истцу из бюджета уплаченной им госпошлины – представляет собой цитирование нормы подп. 3 п. 1 ст. 333.40 НК РФ. Суд, утверждающий мировое соглашение, обязан применить эту норму, указав в определении об утверждении мирового соглашения на возвращение из соответствующего бюджета части уплаченной истцом государственной пошлины в размерах, установленных федеральными законами о налогах и сборах (ч. 9 ст. 153.10 ГПК РФ, ч. 9 ст. 141 АПК РФ).

При наличии такого условия суд не должен отказывать в утверждении мирового соглашения, если остальные условия этого соглашения не противоречат закону и не нарушают права других лиц. Включение данного условия в текст соглашения можно рассматривать как констатацию факта осведомленности

1 Федеральный закон от 26.07.2019 г. № 198-ФЗ «О внесении изменений в статью 333.40 части второй Налогового кодекса Российской Федерации в связи с совершенствованием примирительных процедур» // Собрание законодательства РФ. – 2019. – 29 июля. – № 30. – Ст. 4100.

сторон о возврате истцу части уплаченной им госпошлины в соответствии с действующим законодательством.

Однако возникает закономерный вопрос: если стороны не урегулировали вопрос о возмещении истцу оставшейся части, уплаченной истцом госпошлины, должен ли суд решить этот вопрос при утверждении мирового соглашения? Думается, нет.

Согласно ч. 5 ст. 153.9 ГПК РФ, ч. 3 ст. 140 АПК РФ, если в мировом соглашении отсутствует условие о распределении судебных расходов, суд разрешает этот вопрос при утверждении мирового соглашения в общем порядке, установленном, соответственно, ГПК РФ, АПК РФ. Отсылка к общему порядку содержится в ч. 2 ст. 101 ГПК РФ, ст. 110 АПК РФ. В гражданском процессе в случае, если стороны при заключении мирового соглашения не предусмотрели такой порядок распределения судебных расходов, суд решает этот вопрос применительно к статьям 95, 97, 99 и 100 ГПК РФ. В арбитражном процессе – суд обязан применить статью 110 АПК РФ. В этих статьях идёт речь о возмещении стороне судебных расходов, выплаченных ею свидетелю, эксперту, специалисту, переводчику, судебному представителю, и отсутствует упоминание о возмещении истцу оплаченной им госпошлины.

В качестве второго аргумента можно привести позицию Пленума Верховного Суда РФ, изложенную по вопросу о возмещении судебных издержек при утверждении мирового соглашения в Постановлении от 21.01.2016 г. № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела»: заключение мирового соглашения обусловлено взаимными уступками сторон, и прекращение производства по делу ввиду данного обстоятельства само по себе не свидетельствует о принятии судебного акта в пользу одной из сторон спора, поэтому судебные издержки, понесённые сторонами в ходе рассмотрения дела до заключения ими мирового соглашения, относятся на них и распределению не подлежат (пункт 27 Постановления). В научной литературе указывается на противоречие изложенной точки зрения Верховного Суда РФ нормам статей ч. 5 ст. 153.9 ГПК РФ, ч. 3 ст. 140 АПК РФ [1]. Но, представляется, она является обоснованной. Во-первых, при урегулировании спора непосредственно сторонами нет выигравшей и проигравшей стороны, нет судебного акта в пользу одной из сторон, поэтому отсутствуют правовые основания для применения судами общих правил о возмещении судебных расходов. Во-вторых, эта позиция согласуется с принципом диспозитивности гражданского и арбитражного процессов, в соответствии с которым стороны самостоятельно определяют условия урегулирования споров и вправе не включать в мировое соглашение условие о судебных расходах (с учётом изложенного, усматривается противоречие нормы абзаца 1 части 2 ст. 101 ГПК РФ норме части 4 статьи 153.9 ГПК РФ). Этой позицией высшей судебной инстанции необходимо руководствоваться и при решении вопроса о возмещении истцу части госпошлины, оплаченной им, но не возвращённой из бюджета при утверждении мирового соглашения (ч. 4 ст. 1 ГПК РФ, ч. 5 ст. 3 АПК РФ). Если стороны не включили условие о возмещении истцу ответчиком этой части госпошлины, значит, последнему она не «компенсируется». Это приемлемо для обеих сторон, урегулировавших правовой спор, и суд не должен решать этот вопрос самостоятельно. В противном случае, он нарушит часть 8 ст. 153.10 ГПК РФ, часть 8 ст. 141 АПК РФ.

2. *В мировом соглашении содержится условие о возмещении ответчиком истцу более 30 процентов или полной суммы уплаченной последним госпошлины.*[2]

Как отмечалось ранее, суды общей юрисдикции и арбитражные суды при утверждении мирового соглашения обязаны руководствоваться ч. 9 ст. 153.10 ГПК РФ, ч. 9 ст. 141 АПК РФ. В определении об утверждении мирового соглашения они должны указать на возвращение истцу из соответствующего бюджета части уплаченной им государственной пошлины в размерах, установленных федеральными законами о налогах и сборах. Представляется, данная норма является императивной не только для суда, но и для сторон. Последние не вправе игнорировать правило вышеуказанной нормы и обязаны руководствоваться им, включая в мировое соглашение условие о распределении сумм судебных расходов, в том числе и государственной пошлины.

Показательным примером соблюдения сторонами данного правила является мировое соглашение, заключённое на следующих условиях:

«Ответчики обязуются солидарно компенсировать Истцу расходы по оплате 30 % государственной пошлины за рассмотрение дела в ХХХ суде в размере 13 545 рублей. Ответчики обязуются перечислить денежные средства на расчетный счет, указанный в реквизитах сторон, до ДД.ММ.ГГГГ; оставшаяся сумма госпошлины, оплаченная Истцом по платежному поручению № от ДД.ММ.ГГГГ, в размере 31 607 рублей 29 копеек, что составляет 70% государственной пошлины, уплаченной Истцом по делу №, подлежит возврату из бюджета на основании абз.2 п.3 ч.1 ст. 333.40 НК РФ»[3].

Автору настоящей статьи известны случаи отказов судов в утверждении мировых соглашений, содержащих условие о возмещении ответчиком истцу полной суммы уплаченной им госпошлины. Основной довод – неосновательное обогащение истца, которому дважды будет возмещена госпошлина (из бюджета и ответчиком). Суды предлагали сторонам изменить это условие, привести его в соответствие с правилом ч. 9 ст. 153.10 ГПК РФ, ч. 9 ст. 141 АПК. И только после внесения соответствующих изменений мировое соглашение было утверждено.[4]

Однако имеются и другие примеры судебной практики, когда суды не указывают на возврат истцу из бюджета части уплаченной им госпошлины, если стороны договорились о том, что госпошлину в полном объеме истцу возмещает ответчик. В таких случаях суды обосновывают свою позицию действием принципа диспозитивности, полагая, что стороны могут решить этот вопрос самостоятельно, выбрав любые взаимоприемлемые условия. Но эта позиция видится ошибочной. Во-первых, суды обязаны указать на возврат госпошлины в определении об утверждении мирового соглашения. Это следует из редакций части 9 статьи 153.10 ГПК РФ и части 9 статьи 141 АПК РФ. В них нет упоминания о праве суда не решать этот вопрос, в том числе в тех случаях, когда стороны включили в мировое соглашение вышеуказанное условие. Во-вторых, даже если суд не укажет на возврат госпошлины в определении, истец в любом случае имеет право требовать возврата из бюджета госпошлины на основании абз. 2 п. 3 ч. 1 ст. 333.40 НК РФ. И суд не имеет права отказать, мотивируя тем, что по условиям мирового соглашения госпошлину возмещает ответчик, и в определении суда отсутствует указание на возврат истцу госпошлины из бюджета. Такого основания для отказа в возвращении госпошлины законом не предусмотрено.

3. *В мировом соглашении отсутствует условие о судебных расходах, в том числе о госпошлине, и в определении суда об утверждении мирового соглашения не решён этот вопрос*[5].

Представляется, такие судебные акты не соответствуют требованию полноты. Несмотря на то, что определения об утверждении мирового соглашения вступают в законную силу немедленно, видится возможным применение по аналогии п. 3 ч. 1 ст. 203 ГПК РФ, п. 3 ч. 1 ст. 178 АПК РФ. Суд должен вынести дополнительное определение, если в течение установленного законом срока от истца поступит заявление о возвращении части уплаченной им госпошлины.

Пристатейный библиографический список

1. Бортникова Н. А. Судебные расходы в гражданском судопроизводстве // СПС «КонсультантПлюс». – 2025.

2 Гражданское дело №2-213/2025 - Вейделевский районный суд Белгородской области. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://veidelevsky.blg.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=251034778&case_uid=c2cacf55-8217-4b94-a987-52c439b1d546&delo_id=1540005 @@ Гражданское дело № 2-2317/2025 – Первореченский районный суд г. Владивосток. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://pervorechensky.prm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=169919677&case_uid=24aef8e1-e744-4665-a5e4-7ae9c95f3ebf&delo_id=1540005&new=.

3 Гражданское дело №2-4623/2025 – Калужский районный суд Калужской области. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kaluga.klg.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=130179359&case_uid=21bc792a-4606-4fb7-8da5-cfe9873b869a&delo_id=1540005.

4 Гражданское дело № 2-4976/2024 – архив Железнодорожного районного суда г. Хабаровска.

5 2-1131/2025 – Ступинский городской суд Московской области. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://stupino.mo.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=908359094&case_uid=a8577817-21d4-40c0-8b45-97903eec86c3&delo_id=1540005&new=.

DOI 10.46320/2073-4506-2025-4-203-249-252

ДИЧ Роман Антонович

*аспирант кафедры гражданского права и процесса и международного частного права, Институт права, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы**

ПРЕДЕЛЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА КАК ИСХОДНЫЙ ЭЛЕМЕНТ РЕФОРМ

В настоящей статье исследуются теоретические положения относительно допустимых пределов цифровизации исполнительного производства, формируется подход к определению таких пределов через факторы риска тотальной цифровизации сферы принудительного исполнения, анализируются положительные и отрицательные факторы влияния цифровизации исполнительного производства на права человека, освещается европейский опыт принципов использования технологий искусственного интеллекта в праве.

Ключевые слова: исполнительное производство, цифровизация, права человека, судебный пристав-исполнитель, риски цифровизации, пределы цифровизации.

DICH Roman Antonovich

*postgraduate student of Civil law and process and international private law sub-faculty, Institute of Law, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia***

THE LIMITS OF DIGITALIZATION OF ENFORCEMENT PROCEEDINGS AS A STARTING ELEMENT OF REFORMS

This article examines the theoretical provisions regarding the permissible limits of digitalization of enforcement proceedings, forms an approach to determining such limits through risk factors of total digitalization of the sphere of enforcement, analyzes the positive and negative factors of the impact of digitalization of enforcement proceedings on human rights, highlights the European experience of the principles of using artificial intelligence technologies in law.

Keywords: enforcement proceedings, digitalization, human rights, bailiff, risks of digitalization, limits of digitalization.

Цифровизация – один из ключевых терминов современности, проникший в подавляющее большинство сфер деятельности человека. Право, в том числе и исполнительное производство как его отрасль, не является исключением. Ключевой ролью цифровизации в праве является оптимизация функционирования системы применения права, порядков взаимодействия, организации работы органов судебной, исполнительной власти, упрощения процедуры реализации прав и обязанностей субъектов права. Ключевым направлением работы в сфере цифровой трансформации является переход с аналоговой к цифровой форме обмена информацией. Однако, с учетом активного развития технологий, процесс цифровизации невозможно охарактеризовать лишь указанным выше тезисом о переходе с аналоговой к цифровой форме обмена информацией, что обосновано точечным внедрением новейших технологий искусственного интеллекта, усовершенствованием форм использования цифровых продуктов их «потребителями» – гражданами, хозяйствующими субъектами, представителями судебной и исполнительной власти. Иными словами, настоящая тенденция цифровой трансформации устремляется не только лишь в электронное обеспечение правовых процессов с организационной точки зрения, но и начинает представлять способ разрешения споров в праве.

Безусловно, есть все основания полагать о том, что вектор цифрового развития в праве призван усовершенствовать данную сферу, однако, не стоит забывать, что «сплошное» применение всех имеющихся технологий, в особенности, технологий как способа разрешения споров в праве, может обернуться серьезным негативным последствиям, связанным с различного рода рисками. Как отмечает Е. П. Русакова, при внедрении цифровых процессов, необходимо не забывать об основополагающих положениях и осуществлять цифровизацию исключительно в соответствии с имеющимися принципами и соблюдением конституционных прав [5, с. 14-15].

Процедура принудительного исполнения является неотъемлемой составляющей системы защиты права, без которой судебные и иные акты, подлежащие исполнению, попросту, не имеют смысла при отсутствии добровольного исполнения. Исходя из вектора перехода данной сферы на «цифровые рельсы», особое внимание необходимо уделить формированию допустимых пределов такой цифровизации в сфере принудительного исполнения как важнейшей стадии восстановления нарушенных прав.

Прежде всего, вопрос об определении допустимых пределов базируется на взаимодействии понятий «цифровизация» и «права человека» [3, с. 168]. В связи этим, целесообразно рассмотреть две сферы взаимовлияния понятий: первая сфера включает в себя цифровизацию как фактор, усиливающий и обеспечивающий реализацию прав человека, вторая сфера включает в себя цифровизацию как фактор рисков и опасностей в контексте основных прав человека.

Обращаясь к рассмотрению первой сферы, цифровизация во многом содействует в полноценной реализации прав человека. Во-первых, право на доступ к системе защиты нарушенных прав в условиях глобальной цифровизации исполнительного производства существенно возросло, появилась возможность реализовывать свои процессуальные права в рамках исполнительного производства без чрезмерных временных и финансовых затрат из любого места и в любое время через ЕПГУ, в особенности, при большой удаленности сторон исполнительного производства. Существенным влиянием обладает и сокращение сроков исполнительного

* Научный руководитель – д.ю.н., профессор, Е. П. Русакова.

** Scientific supervisor – Ph.D. in Law, Professor, E. P. Rusakova.

производства как одно из ключевых целей цифровизации данной сферы в условиях перегруженности работы ФССП России, что также поддерживается С. А. Устимовой [4, с. 267-268]. С учетом ФЗ № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок»[1], в котором указывается на право требовать компенсацию за неисполнение судебного акта в разумный срок как положения, в том числе, обеспечивающего установленные сроки и порядок принудительного исполнения, вектор цифрового развития исполнительного производства полностью направлен на ускорение и оптимизацию процесса исполнения как главного смысла системы защиты нарушенных прав, а также на предотвращение использования подобных законодательных механизмов охранительного характера. Выражается это в уже реализованных проектах банка данных, участия в исполнительном производстве через ЕПГУ, автоматизированных постановлениях ФССП России. Кроме того, использование цифровых технологий в сфере исполнительного производства позволяет наиболее оперативно разрешать неотложные процессуальные вопросы, в том числе, накладывать аресты на имущество, на денежные средства на счетах в банках, ограничивать выезд должника за пределы страны, а также в иных случаях, когда непринятие оперативных мер в дальнейшем может существенно затруднить исполнение судебного акта, что реализовывается благодаря большому количеству баз данных и налаженных цифровых межведомственных каналов связи. Представляется, что указанные выше факторы соответствуют полноценной реализации прав человека, и, более того, являются закономерным откликом национального законодателя на фактически существующие проблемы, указанные в Меморандуме ЕСПЧ от 6 июня 2006[2], который был подготовлен Департаментом по контролю за исполнением постановлений и прямо указал на низкую эффективность работы судебных приставов-исполнителей в России, а также отметил, что несвоевременное исполнение судебных постановлений можно рассматривать как их неисполнение.

Рассматривая цифровизацию как фактор рисков и опасностей в контексте основных прав человека, необходимо отметить, что данный вопрос давно обсуждается на европейском уровне. Так, Европейская хартия об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях от 3 декабря 2018 г.[3] указывает на пять главных принципов использования технологии искусственного интеллекта для лиц, ответственных за внедрение таких технологий, а также для государственных служащих. Представляется, что рассмотренные ниже принципы имеют общий характер и также применимы к исполнительному производству как к неотъемлемой стадии восстановления нарушенных прав.

В качестве первого принципа указывается принцип уважения основополагающих прав, сущность которого заключается в разработке таких технологий, которые соответствую основным правам человека, отраженным в Конвенции о защите прав человека и основных свобод, Конвенции о защите частных лиц в отношении автоматизированной обработки данных личного характера. Содержание данного принципа включает в себя недопустимость ограничения субъектов права на доступ к правосудию, на справедливое судебное разбирательство вследствие применения технологий искусственного интеллекта при разрешении спора или при оказании консультативной помощи. При этом, соблюдение указанного выше подхода необходимо уже на стадии разработки такой программы, не оставляя возможной вариативности для конкретных пользователей.

В качестве второго принципа указывается принцип недискриминации. Его сущность заключается в недопустимости дискриминации при обработке объемов информации, к примеру, по расовому, половому, возрастному принципу, политическим взглядам. Кроме того, указывается, что использование технологий искусственного интеллекта должно активно способствовать борьбе с подобного рода дискриминацией.

Третий принцип сформулирован как качество и безопасность, сущность которого заключается, во-первых, в использовании проверенных источников данных при конструировании цифровых моделей. Под этим подразумевается, что при разработке конкретной технологии необходимо использовать широкий опыт разнопрофильных специалистов не только в сфере IT, но и опыт судей, прокуроров, адвокатов, а также представителей научного сообщества: экономистов, социологов, философов. Таким образом, ключевым тезисом является формирование разнопрофильных рабочих групп, состав которых сможет обеспечить разработку и рассмотрение проектов под разными углами путем постоянного обмена позициями из разных научных и профессиональных сфер. Во-вторых, принцип указывает на сертифицированность источников информации, из которых берутся данные для машинного обучения, а также на недопустимость изменения такой информации в процессе обработки при помощи искусственного интеллекта, в том числе, с использованием безопасной информационной среды.

Переходя к рассмотрению четвертого принципа, стоит отметить, что он направлен как на возможность проведения внешнего аудита моделей, применяемых при создании алгоритмов работы искусственного интеллекта в праве, так и на защиту интеллектуальной собственности создателей таких технологий. Понятие внешнего аудита предусматривает организацию контроля за реализуемой или разрабатываемой технологией экспертами или государственными органами с последующей сертификацией. Кроме того, Европейская хартия об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях от 3 декабря 2018 г. прямо указывает на необходимость установления баланса между интеллектуальной собственностью и контролем прозрачности алгоритмов, предлагая обеспечить доступ к проектной документации разработки, к программному коду, но не в полном объеме. В качестве возможных исключения предлагается выделить коммерческую тайну, а также тот объем алгоритмов (программного кода), который не затрагивает сферу принятия решений и не влияет на принцип беспристрастности и достоверности при использовании конкретной технологии в праве.

1 Федеральный закон от 30 апреля 2010 г. № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» // Российская газета. – № 94.

2 Меморандум, подготовленный Департаментом по исполнению решений Европейского суда от 6 июня 2006 г. (применение статьи 46 ЕКПЧ). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://sutyajnik.ru/rus/echr/res_com_of_min/memo_06_2006_eng.htm.

3 Европейская этическая хартия об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях (принята на 31-м пленарном заседании ЕКЭП, Страсбург, 3–4 декабря 2018 года) // Council of Europe. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rm.coe.int/ru-ethical-charter-en-version-17-12-2018-mdl-06092019-2-/16809860f4.

И в качестве заключительного принципа указывается контроль пользователя. Под этим подразумевается, во-первых, что любой субъект права, права и обязанности которого реализуются при помощи технологии искусственного интеллекта должен, во-первых, быть заранее проинформирован о том, что применяется соответствующая технология, носят ли для него решения, принятые с использованием соответствующей технологии обязательный характер, во-вторых, обладать информацией о пересмотре подобных решений, принятых с использованием технологий искусственного интеллекта, о возможности возразить против них с последующим рассмотрением вопроса вне среды машинного принятия решений, а именно, непосредственно человеком. Указанная выше позиция представляется абсолютно обоснованной, соглашаясь с позицией А. В. Бегичева в контексте применения искусственного интеллекта «искусственный интеллект – инструмент в принятии решения естественного интеллекта» [1, с. 489]. Кроме того, в содержание этого принципа также включается повышение общего уровня осведомленности граждан в сфере использования компьютерных технологий, проведение публичных мероприятий специалистами.

Необходимо отметить, что допустимые пределы цифровизации исполнительного производства далеко не всегда связаны с использованием технологий искусственного интеллекта как инструмента принятия решений, их четкое определение также необходимо и при использовании цифровых технологий, носящих организационный характер в праве, то есть без возможности прямого влияния технологии на принятие решений, влекущих юридические последствия. Полагаем, что термин «предел» в сфере цифровизации целесообразно рассматривать не как перманентный запрет на определённые действия, что лишь только отрицательно скажется на общем прогрессе, необоснованно затормозит естественный ход цифровой трансформации права. В связи с этим, предлагается рассмотреть факторы риска, которые, в свою очередь, будут определять допустимость пределов цифровизации сферы выступая в роли правовых «маяков», наступление каждого из которых будет означать выход за допустимые пределы.

Первым фактором риска является дегуманизация в исполнительном производстве. Прежде всего, указанный выше фактор риска может выражаться в географической удаленности судебного пристава-исполнителя от взыскателя или должника при использовании электронных каналов связи для реализации прав и обязанностей сторон исполнительного производства. Как следствие этого, между сторонами исполнительного производства и судебным приставом-исполнителем отсутствует психоэмоциональный контакт. По мнению Е. Н. Кузнецова, в рамках данного фактора риска в контексте исполнительного производства можно провести параллель с правом «быть выслушанным» в судебном процессе, что является неотъемлемой частью принципа справедливости в цивилистическом процессе [2, с. 366]. В. М. Шерстюк выделяет «принцип права быть выслушанным и услышанным», сущность которого заключается в возможности донесения своей позиции до суда [6, с. 57-63]. Представляется, что право «быть выслушанным» играет не менее важную ценность и в исполнительном производстве. Во-первых, право быть выслушанным может выражаться в более восприимчивом подходе судебного пристава-исполнителя в принятии процессуальных решений при осуществлении личного приема стороны исполнительного производства посредствам полной и всесторонней оценки позиции, доводов и мотивации на осуществление того или иного процессуального действия. Данную позицию также подкрепляет Регламент Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2016/679 от 27 апреля 2016 г., согласно которому, у лиц существует право не быть предметом решения, которое основано на автоматизированной обработке и передаче данных[4]. Таким образом, право «быть выслушанным» в исполнительном производстве может существенно снизить риск дегуманизации, поскольку, одним из важнейших элементов исполнения судебных актов является возможность стороны исполнительного производства лично довести необходимую информацию до судебного пристава-исполнителя с полным обоснованием всех обстоятельств и истинных мотивов тех или иных процессуальных позиций, от реализации которых будет зависеть эффективность процесса восстановления нарушенных прав.

В качестве второго фактора риска целесообразно рассмотреть неравенство сторон в доступе к цифровым технологиям. Содержание рассматриваемого фактора риска включает в себя неравный доступ взыскателя или должника к соответствующему техническому обеспечению для эффективного использования цифровых технологий в сфере исполнительного производства. Прежде всего, неравный доступ может выражаться в невозможности одной из сторон использовать компьютерные технологии ввиду отсутствия навыков пользователя на уровне, необходимом для полноценной эксплуатации специальных сервисов, отсутствия условий для использования компьютерной техники, к примеру, постоянного интернет-соединения. Кроме того, неравный доступ также может проявляться в финансовой невозможности взыскателя или должника обеспечить наличие таких технических устройств. Указанные выше обстоятельства при определенных условиях могут привести к отрицательному эффекту, а именно, не снизить издержки участников исполнительного производства по реализации своих прав и обязанностей вследствие цифровизации исполнительного производства, а наоборот, увеличить, что может быть вызвано необходимостью покупки дорогостоящего оборудования, оплатой услуг связи. Таким образом, при тотальной цифровизации порядка принудительного исполнения без сохранения равнозначных по эффективности способов реализации прав сторон исполнительного производства вне рамок цифрового пространства (почтовые отправления, личный прием у судебного пристава-исполнителя, нарочный прием документов), существует вероятность наступления состояния неравенства сторон исполнительного производства. Безусловно, в контексте современной цифровой трансформации все меньшие социальные группы остаются в условиях цифровой «изоляции», однако, они есть, в связи с чем, на сегодняшний день данный фактор риска также необходимо учитывать при интеграции цифровых технологий в сферу принудительного исполнения.

К заключительному фактору риска отнесено раскрытие информации о судебном приставе-исполнителе, а также безопасность передачи информации. Ограничение раскрытия информации о судебном приставе-исполнителе связа-

4 Регламент Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2016/679 от 27 апреля 2016 г. о защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных, а также об отмене Директивы 95/46/ЕС (Общий Регламент о защите персональных данных / General Data Protection Regulation /GDPR). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://base.garant.ru/71936226/.

но с предотвращением риска выявления закономерностей в его работе. Прежде всего, подобный риск профилирования конкретных судебных приставов-исполнителей по срокам, количеству исполнительных производств, универсальным подходам к разрешению процессуальных задач, результативности обжалований может привести к возможности заинтересованных лиц получить сводную статистическую информацию и использовать ее для выработки стратегий поиска «подходящего» судебного пристава-исполнителя для конкретного исполнительного производства с заведомой заинтересованностью в том, чтобы его вел конкретный сотрудник ФССП России. Состояние информационной среды, в которой хранятся, передаются данные об исполнительных производствах, персональные данные сторон исполнительного производства требует особого внимания со стороны безопасности таких систем. Безусловно, нынешнее состояние информационной безопасности государственных информационных систем находится на высоком уровне и постоянно совершенствуется, несмотря на это, сбои все же происходят. В качестве наиболее актуального примера возможно привести инцидент, вызвавший полную утрату работоспособности официальных сайтов судов общей юрисдикции, арбитражных судов, в том числе, ГАС «Правосудие», КАД «Арбитр», личных электронных кабинетов сотрудников судов. Сбой в системе продлился месяц, перестали работать сайты федеральных судов (на доменах arbitr.ru, sudrf.ru), мировых судей (msudrf.ru), судебного департамента при Верховном Суде РФ и его управлений в субъектах Федерации, а также официальные ресурсы органов судейского сообщества[5]. Подача процессуальных обращений и жалоб в электронном виде через модули «Электронное правосудие» и «Система подачи жалоб» на сайтах судов и на ЕПГУ также не работала. Предположительной причиной является хакерская атака. Судебная система испытала существенное затруднение работы в силу невозможности подавать документы в электронной форме, отслеживать статус заявлений и движения дела, знакомиться с материалами дела в электронном виде. Все процессуальные права необходимо было реализовывать лично или посредствам почтовых отправлений. Таким образом, рассмотренный выше инцидент указывает, во-первых, на необходимость усиления информационной безопасности и устойчивости цифровых систем, обеспечивающих исполнительное и судебное производство, а также на должный уровень защиты информации, содержащейся в таких системах. Во-вторых, данная ситуация показала, что, на сегодняшний день, цифровые модели взаимодействия не могут рассматриваться как единственный возможный порядок обмена информацией без имеющихся альтернативных порядков, а именно, личный прием, нарочная подача документов или почтовым отправлением. В противном случае, в ситуации, когда все процессы «замыкаются» исключительно на цифровом обмене информацией без альтернатив, в условиях высокой государственной значимости сервисов по взаимодействию с судами, с органами принудительного исполнения, такая модель становится крайне уязвимой.

Настоящий вектор цифрового развития полностью соответствует повестке снижения нагрузки на ФССП России. Однако, стремление придать «цифровой облик» подавляющему большинству процессов представляется рискованным, это может привести к дискредитации личного участия судебного пристава-исполнителя в исполнительном производстве, нанести существенный ущерб правам человека, хозяйствующих субъектов. Важно осознавать, что цифровизация не является панацеей эффективности процедуры принудительного исполнения. По нашему мнению, основной целью реформ в сфере права должно являться упрочение прав и свобод. В связи с этим, отправной точкой реализации любой цифровой реформы права, в том числе, и исполнительного производства как его отрасли, должно являться всестороннее и многофакторное соотнесение предлагаемой к реализации технологии с правами человека, хозяйствующих субъектов как участников процедуры принудительного исполнения. В свою очередь, в качестве теоретической модели анализа законодательных инициатив по данному вопросу представляется возможным использование рассмотренных базовых факторов риска, являющихся правовыми «маяками», при этом, прогнозирование или наступление каждого из факторов риска будет являться фактом выхода за допустимые пределы цифровизации процедуры принудительного исполнения.

5 «Как самый масштабный сбой ГАС «Правосудие» повлиял на работу судебной системы» / Официальный сайт Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://fparf.ru/news/media/kak-samyy-masshtabnyy-sboy-gas-pravosudie-povliyal-na-rabotu-sudebnoy-sistemy/.

Пристатейный библиографический список

1. Бегичев А. В. Роль цифровизации во взаимодействии судебных и нотариальных органов в применении примирительных процедур // RUDN Journal of Law. – 2022. – Т. 26, № 2. – С. 489.
2. Кузнецов Е. Н. Право на исполнение судебных актов в Российской федерации. – Москва: Статут, 2022. – С. 366.
3. Пайан Г. Права человека и цифровизация правосудия // Вестник гражданского процесса. – 2022. – № 3. – С. 168.
4. Устимова С. А., Рассказова Е. Н. Цифровизация исполнительного производства: преимущества и проблемы // Вестник Московского университета МВД России. – 2022. – № 5. – С. 267–270. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://doi.org/10.24412/2073-0454-2022-5-267-270. – С. 267-268.
5. Русакова Е. П., Бондаренко А. В., Лукиянов М. Ю. Трансформация правовой парадигмы цивилистического процесса в эпоху цифровизации // Евразийский юридический журнал. – 2022. – № 10 (173). – С. 14-16.
6. Шерстюк В. М. Право быть выслушанным и быть услышанным – принцип гражданского процессуального права // Заметки о современном гражданском и арбитражном процессуальном праве / Под редакцией Треушникова М. К., 2004. – С. 57-63.

DOI 10.46320/2073-4506-2025-4-203-253-256

ЕГОРОВ Егор Владимирович
преподаватель кафедры гражданского процесса, публично-правовой деятельности и организации службы судебных приставов, Всероссийский государственный университет юстиции, аспирант кафедры арбитражного процесса, адвокатуры и нотариата, Саратовская государственная юридическая академия

ПРИНЦИПЫ ЗАКОННОСТИ И ВЕРХОВЕНСТВА ПРАВА В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ: ПОНЯТИЕ И СООТНОШЕНИЕ

В статье исследуются принципы законности, верховенства права и правовой определенности применительно к гражданскому, арбитражному процессуальным законодательствам и законодательству об административном судопроизводстве. В статье представлен исторический генезис принципов законности и верховенства права в процессуальной плоскости. Обобщены научные взгляды на их соотношение в сфере судебной деятельности по делам цивилистического характера, а также приведены доктринальные и правоприменительные примеры их взаимопроникновения, общих сфер действия. Сделан вывод о необходимости изучения действия указанных принципов на основе интегративного (интегрального) типа правопонимания без их противопоставления друг другу.

Ключевые слова: цивилистический процесс, принцип законности, верховенство права, правовая определенность, законная сила судебного акта.

EGOROV Egor Vladimirovich
lecturer of Civil process, public law and organization of bailiff services sub-faculty, All-Russian State University of Justice, postgraduate student of Arbitration, advocacy and notariate sub-faculty, Saratov State Law Academy

PRINCIPLES OF LEGALITY, RULE OF LAW AND LEGAL CERTAINTY IN THE CIVIL PROCESS: CONCEPT, RELATION, DIFFERENTIATION

The article examines the principles of legality, the rule of law and legal certainty in relation to civil, arbitration procedural legislation and legislation on administrative proceedings. The article presents the historical genesis of the principles of legality and the rule of law in the procedural plane. Scientific views on their relationship in the field of judicial activity in civil cases are summarized, as well as doctrinal and law enforcement examples of their interpenetration and common areas of action. It is concluded that it is necessary to study the operation of these principles on the basis of an integrative (integral) type of legal understanding without contrasting them with each other.

Keywords: civil process, principle of legality, rule of law, legal certainty, legal force of a judicial act.

Законность, будучи производным от права понятием, уходит корнями в Древнюю Грецию, в которой существовали воззрения, например Платона, о ней как о правиле в обществе, основанном на повиновении правильным законам для установления единообразия в устройстве всех связанных между собой вещей [3, с. 141], [4, с. 101-102].

Не останавливаясь на историческом анализе законности, заметим лишь, что идея законности, имманентно сопутствуя возникновению и развитию любых государственных образований наряду с правом, законом и справедливостью, в своем развитии прошла путь длиною в тысячелетия и уже в период дореволюционной России в цивилистическом судопроизводстве выражалась через:

а) требование к суду правильно применять нормы материального и процессуального права при рассмотрении и разрешении гражданского дела;

б) требование к суду и участникам процесса соблюдать установленные процессуальные правила, начиная с этапа подачи обращения в суд и заканчивая восстановлением права [5, с. 37], [11, с. 118, 389], [15, с. 5-7].

Лишь при советском государстве с его марксистско-ленинской теорией права как центральной доминантой, опосредовавшей любые общественные отношения, законность, что также предопределено главенствующей идеей о социалистической законности, материализовалась в самостоятельный принцип, и в доктрине гражданского процессуального права стала объектом самостоятельного внимания наряду с другими процессуальными принципами (объективной истины, диспозитивности, состязательности, устности, непосредственности и непрерывности в советском гражданском процессе) [1, с. 4], [10, с. 55-74].

Воззрения на принцип законности, сложившиеся еще в дореволюционное время в двух его основных аспектах, разрозненно материализовались и в действующем гражданском, арбитражном процессуальных законодательствах и законодательстве об административном судопроизводстве в соответствующих статьях.

Принцип же верховенства права изначально возник в Англии, где он получил юридическое признание с принятием Великой Хартии Вольностей 1215 г., развился в Habeas Corpus Act 1679 г. и затем окончательно на теоретическом уровне оформился лишь во второй половине XIX в., приняв триединый вид: « 1) наказание возможно только при непременном условии нарушения права, установленного судом в соответствующем процессуальном порядке; 2) юридическое равенство всех перед законом; 3) одновременное провозглашение господства права и прав человека, указанных в конституции, а также системы их гарантий через систему судов» [2, с. 14]. Выходу принципа верховенства права за пределы британских островов, его инкорпорированию в законодательства европейских государств способствовало развитие теории естественных прав и свобод человека и гражданина, основанной на принципе несовпадения права и закона, в рамках которой указанный принцип преобразовался, получив новые нравственные, духовные и идейные представления с акцентуацией на человеке с его правами и свободами в качестве наивысочайших ценностей в орбите государства и деятельности [21].

В последующем, на общеевропейском пространстве на наднациональном уровне принцип верховенства права воплотился во Всеобщей декларации прав человека 1948 г., Международных пактах о гражданских и политических пра-

вах и об экономических, социальных и культурных правах 1966 г., Уставе ООН 1945 г. С принятием Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. и созданием Европейского суда по правам человека данный принцип получил свое дальнейшее развитие, его содержание благодаря правоприменительной практике указанного суда приняло более унифицированный вид. В результате, в европейских правовых, особенно наднациональных, системах указанный принцип занял первые позиции и стал охватывать «качество закона, судебный контроль за действиями органов исполнительной власти, доступ к суду, презумпцию беспристрастности судей, свободу слова, правовую защищенность личности и, собственно, право на справедливое судебное разбирательство» [3, с. 151].

Наряду с принципом верховенства права развитие получил принцип правовой определенности, который на первый взгляд немыслим вне контекста верховенства права, однако имеет собственное содержание. Под принципом правовой определенности традиционно понимается «стабильность судебных актов, вступивших в законную силу» [3, с. 93], «недопустимость отмены судебного решения (приговора), вступившего в законную силу» [9].

Отметим, принципы верховенства права и правовой определенности, являясь примером проникновения категорий англо-саксонской теории права в романо-германскую [17], войдя в российско-правовую систему координат, повлияли на все сферы законодательства, особенно на развитие цивилистического процессуального законодательства. Так, за последние 25 лет существенным образом преобразилась система проверки и пересмотра судебных актов под влиянием правоприменительной практики некоторых наднациональных органов, появились новые процессуальные категории (например, разумный срок), отдельные судебные производства (производство по присуждению компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок и права на исполнение в разумный срок). А сами понятия «право на судебную защиту», «право на доступ к суду», которые (имеются в виду права) отнесены к основным неотчуждаемым правам и свободам человека, вошли в систему координат всеобъемлющего и многомерного принципа верховенства права [6].

Занятие принципом верховенства права вместе с такой его составляющей, как правовая определенность, лидирующих позиций в российском праве снизило главенствующее значение идеи законности, материализовавшейся за последнее столетие в общеправовой принцип и отраслевой процессуальный принцип, в силу чего, по мнению Н. Р. Гагиевой, «в условиях формирования правового государства требуется иное понимание принципа законности» [8]. Однако представляется, все три принципа – принцип законности, принцип верховенства права, принцип правовой определенности – имеют свои области действия, однако применительно к цивилистическому процессу во многом они пересекаются, в силу чего возможно одновременное нарушение всех трех принципов.

Вместе с тем, в науке отсутствует единство в вопросе их соотношения и разграничения между собой.

А. Г. Плешанов, А. К. Фетисов, например, считают, что принцип законности является выражением в национальной правовой системе международно-правового принципа верховенства права [16], [19]. Р. Масаладжиу в основу разграничения кладет типы правопонимания, указывая, например, что при применении принципа верховенства права делается упор на естественно-правовые принципы предсказуемости, справедливости, устойчивости правил, установленных в законодательных актах и судебных решениях [12]. Д. А. Фурсов характеризует обратно пропорциональное соотношение принципов верховенства права и законности, указывая, что механизм действия принципа законности нельзя сводить исключительно к обеспечению соответствия действий субъекта формальным требованиям закона, ведь в ходе отправления правосудия суд должен исследовать вопрос возможности применения закона с учетом конкретных обстоятельств дела для того, чтобы он не нарушал неотъемлемые права человека и гражданина, в противном же случае такой закон применяться не должен [20, с. 39, 42].

Ввиду нецелесообразности исчерпывающе приводить все существующие точки зрения на соотношение исследуемых принципов, обобщенно укажем, что ученые соотносят их следующим образом:

1) принцип законности считают принципом, основанным на принципе верховенства права, характеризуют его как важную составляющую верховенства права, часто понимают его в аспекте «верховенство закона» (С. Ф. Афанасьев, С. И. Князькин);

2) утверждают, что принцип законности преобладает над принципом верховенства права, что они соотносятся между собой как целое и часть (В. В. Комарова);

3) отождествляют принципы законности и верховенства права, ставят между ними знак равенства, рассматривают их как взаимозаменяемые понятия (С.В. Никитин).

Разграничивая их содержание, признавая их самостоятельными понятиями, ученые, как правило, опираются на одно или несколько следующих соображений:

1) по способу возникновения – принцип законности основывается на позитивистской теории права, принцип верховенства права – на естественно-правовой теории (Т. Н. Нешатаева, Л. Г. Сагдеева);

2) по сфере действия и способу закрепления – принцип законности является национальным правовым принципом, а принцип верховенства права – международно-правовым принципом (А. К. Фетисов);

3) по субъектному составу формирования – принцип законности, не являясь ни равнозначным понятием, ни формой либо содержанием по отношению к верховенству права, выступает своеобразной ступенью, предшествующей установлению верховенства права (Т. А. Комарова).

Принимая во внимание рациональное и гуманистическое понимание сущности права, принцип верховенства права закладывает основы позитивного принципа законности в виде соблюдения порядка действия закона во времени и пространстве, устойчивой стабилизации спорных правоотношений после вынесения и вступления в законную силу судебных актов, наличия в законе конкретизированных оснований для отмены судебного актов, требования о законодательном закреплении правовых механизмов защиты нарушенных прав граждан, регламентированного и социально обоснованного вмешательства государства в частноправовые споры.

Развитие идей естественно-правовой теории права в условиях приоритета юридического позитивизма на первый план выводит интегральное (интегративное) правопонимание, которое, по мнению М. В. Немытиной, «позволяет сформировать целостное представление о праве, рассматривая право во множестве проявлений и одновременно в его единстве» [14, с. 115]. В этой связи не имеет никакого смысла противопоставлять принципы правовой определенности и законности, отрицать их самостоятельность, особенно учитывая их различный исторический генезис. Синтез позитивисткого и естественно-правового правопонимания дает основание изучать принципы законности и правовой определенности в различных конфигурациях. Полагаем, передать соотношение принципов законности и верховенства права, в том числе принципа правовой определенности, наилучшим способом позволяет диаграмма Эйлера, в которой данные принципы соприкасаются полностью или в части (Рис. 1).

У каждого из принципов есть зона более широкого распространения, в которой он не совпадает с другими принципами, за исключением принципа правовой определенности,

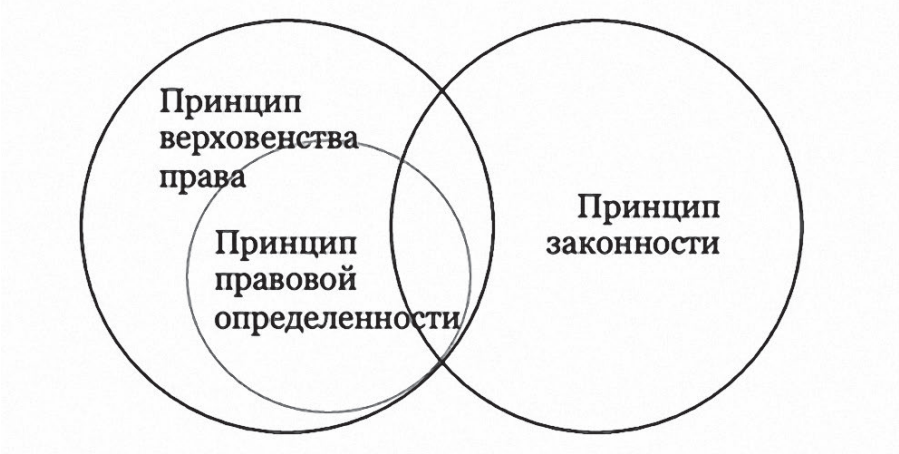

Рисунок 1. Соотношение принципов законности, верховенства права и определенности права на диаграмме Эйлера

существующего в связи и благодаря принципу верховенства права, поэтому ошибочно утверждать, принцип законности полностью поглощен принципом верховенства права. Принцип законности имеет длительную историю развития, признания его в этом статусе, то есть обусловленное историей национальное значение, а также особенности действия (проявления) в современном цивилистическом процессе

При этом хоть в науке и существует мнение, что «включение принципа законности в содержание верховенства права и последующее «растворение» его в нем, даст возможность на правотворческом уровне определить понятие принципа верховенства права, уйти от узко-нормативного понимания права, ограничить именно правом деятельности государства, повысить эффективность работы судебных и правоохранительных органов, ответственность всех субъектов права» [7], полагаем, положительные последствия от процесса их слияния неочевидны, в связи с чем смешивать данные понятия нецелесообразно.

Совпадение сфер действия принципов законности и верховенства права лучше всего иллюстрируется на примере таких составляющих концепции права на справедливое судебное разбирательство (С. Ф. Афанасьев), как институциональный (требования о независимости, беспристрастности, в том числе о законном составе суда), органический (право на судебную защиту, доступ к суду и регламентированность деятельности участников процесса) и процессуальный (публичное судебное разбирательство, сроки рассмотрения дела, принцип состязательности, мотивированность судебного акта) элементы.

Общие сферы действия принципа законности и правовой определенности зависят от того, какой смысл закладывается в содержание последнего. Например, если принцип правовой определенности определять как «окончательность» вступившего в законную силу судебного акта и допустимость его проверки лишь по экстраординарным основаниям, взаимосвязь с принципом законности прослеживается узконаправленно в части допустимости и эффективности деятельности проверочных инстанций. Заметим тут же, что в правоприменительной практике высших органов правосудия принцип правовой определенности получил национальное название – «принцип недопустимости повторного рассмотрения уже разрешенного дела»[1], что крайне ограничивает границы его действия, сводя его значение вплоть до обыденного установления тождества исков и применения последствий в виде отказа в принятии иска или прекращения производства по делу.

Отметим, что сложившееся понимание принципа правовой определенности не позволяет необдуманно расширять основания для проверки судебных актов, вступивших в законную силу. Основания могут изменяться только при необходимости исправления «фундаментального недостатка» или «недолжного отправления правосудия». В этой части в науке встречается суждение о том, что «действие принципа правовой определенности объективно ограничивается, в частности, действием принципа законности, создающего возможность исправления судебных ошибок» [13], [18, с. 60]. Представляется, взаимовлияние данных принципов осуществляется за счет того, что принцип правовой определенности формирует установку для системы проверки и пересмотра судебных актов. С точки зрения принципа законности суд при осуществлении правосудия должен действовать таким образом, чтобы не допустить такое нарушение закона, которое явилось бы основанием для проверки судебного акта. Принцип законности дает право на обжалование судебных актов с целью обнаружения судебной ошибки и блокировки действия судебного акта в случае ее выявления.

Проиллюстрировать взаимопроникновение анализируемых принципов, влияние их друг на друга, обусловившее развитие процессуального законодательства, уместно на нескольких примерах, когда одновременно нарушаются исследуемые принципы или только один или несколько из них. Так, с инкорпорированием принципа верховенства права в «ткань» цивилистического процессуального законодательства при как таковом отсутствии нарушения принципа законности обнаружились нарушения в аспекте его такой составляющей, как правовая определенность, в нормах об основаниях отмены судебных актов в надзорном производстве, с точки зрения размытости такого основания отмены судебного акта, как существенное нарушение норм материального или процессуального права, отсутствия конкретизации его содержания[2]. Как итог, под действием принципа верховенства права указанные основания, в том числе в результате реформы 2018 г.[3], трансформировались из одного основания – «существенные нарушения норм материального или процессуального права» (ст. 387 ГПК в ред. от 02 октября 2007 г.) – в перечень оснований, одним из которых теперь является нарушение судебным актом прав и свободы человека и гражданина, гарантированных Конституцией РФ, общепризнанными принципами и нормами международного права, меж-

1 Определение Верховного Суда РФ от 16 июня 2020 г. № 301-ЭС20-5798 по делу № А11-3900/2019 // Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 4 (2020) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23 декабря 2020 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2021. – № 5.

2 Постановление Конституционного Суда РФ от 05 февраля 2007 г. № 2-П // Вестник Конституционного Суда РФ. – № 1. – 2007.

3 ФЗ от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ (ред. от 17 октября 2019 г.) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. – № 272. – 2018.

дународными договорами РФ (действующая ч. 1 ст. 391.9 ГПК РФ). Аналогичное основание закреплено в ч. 1 ст. 308.8 АПК РФ, ч. 1 ст. 341 КАС РФ. Как видим, ныне указанное основание аксиологически опосредует наивысшую ценность прав и свобод человека, характеризует непосредственное воплощение принципа верховенства права в процессуальном законе, при нарушении которого нарушается и принцип законности.

Другой пример – до 2016 г. процессуальное законодательство не предусматривало возможности оспорить в судебном порядке правовые акты, не являвшиеся нормативными, но обладавшие нормативными свойствами (например, письма государственных органов о разъяснении законодательства), в результате чего Конституционный Суд РФ признал нарушенным принцип верховенства права в части существенного ограничения права на судебную защиту посредством оспаривания таких актов[4], то есть имело место нарушение органического элемента права на справедливое судебное разбирательство как составляющей верховенства права (по концепции С.Ф. Афанасьева). Нарушался и принцип законности в части нарушения требования о законодательном закреплении правовых механизмов защиты нарушенных прав граждан и организаций. В результате, с 2016 г. гл. 21 КАС РФ изменена российским законодателем, объектами оспаривания по правилам указанной главы помимо нормативных правовых актов также стали акты, содержащие разъяснения законодательства и обладающие нормативными свойствами.

Подводя итоги, констатируем, принципы законности и верховенства права имеют разные истоки происхождения (национальные или зарубежные, международные), предопределяющие наличие особенностей в их понимании. Они являют собой самостоятельные принципы, которые находятся в диалектической связи, обуславливающей большое количество точек соприкосновения (общих сфер действия). С развитием российского государства как правового общие для указанных принципов зоны действия (соприкосновения) расширяются. Вместе с тем, принципы законности и верховенства права могут иметь и не пересекающиеся сферы действия, что проиллюстрировано на примере, в котором при наличии на первый взгляд отсутствия нарушения принципа законности нарушался принцип верховенства права в аспекте его правовой определенности. В дополнение к сказанному, каждый из принципов позволяет посмотреть на цивилистический процесс с разных углов, например через призму естественно-правовой теории права в одном случае и через призму позитивистской теории права – в другом случае, что в итоге обуславливает необходимость их изучения интегрально (интегративно).

Пристатейный библиографический список

1. Авдюков М. Г. Советский гражданский процесс [Текст]. – М., 1979. – 367 с.
2. Ахматов А. В. Законность и верховенство права (Rule of Law): теоретико-правовой анализ [Текст] // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. – 2023. – № 4 (71). – С. 9-19.
3. Афанасьев С. Ф. Право на справедливое судебное разбирательство: теоретико-практическое исследование влияния Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод на российское гражданское судопроизводство: автореф. дис. … докт. юрид. наук [Текст]. – Саратов, 2010. – 593 с.
4. Баскин Ю. Я., Корнев А. В., Лазарев В. В., Липень С. В. История государственно-правовых учений: учебник [Текст] / Отв. ред. В.В. Лазарев. – М.: Спарк, 2006. – 672 с.
5. Васьковский, Е.В. Курс гражданского процесса: субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия [Текст]. – М.: Статут, 2016. – 624 с.
6. Вилова М. Г. Конституционное право на судебную защиту и некоторые принципы права: актуальные подходы к их соотношению [Текст] // Государственная власть и местное самоуправление. – 2020. – № 7. – С. 3-8.
7. Власова Т. В. Принцип законности в контексте верховенства права [Текст] // Аграрное и земельное право. – 2019. – № 11. – С. 36-38.
8. Гагиева Н. Р. Принцип законности в гражданском процессуальном праве [Текст] // Бизнес в законе. – 2012. – № 2. – С. 58-61.
9. Дербышева Е. А. Принцип правовой определенности: понятие, аспекты, место в системе принципов права: автореф. дис. … канд. юрид. наук [Текст]. – Екатеринбург, 2020. – 33 с.
10. Клейнман А. Ф. Советский гражданский процесс: учебник [Текст]. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1954. – 407 с.
11. Малышев К. И. Курс гражданского судопроизводства. Т. 1 [Текст]. – СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1874. – 449 с.
12. Масаладжиу Р. Принцип правовой определенности в науке, практике ЕСПЧ и его влияние на доступность правосудия на стадии надзорного производства в гражданском и арбитражном процессе [Текст] // Арбитражный и гражданский процесс. – 2009. – № 7. – С. 22-25; № 8. – С. 10-13.
13. Мусин В. А. О постановлении ЕСПЧ [Текст] // Вестник ВАС РФ. – 2010. – № 1. – С. 140.
14. Немытина М. В. Проблемы современного правопонимания [Текст] // Современные методы исследования в правоведении / Под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. – Саратов: СЮИ МВД России, 2007. – С. 96-122.
15. Нефедьев Е.А. Учебник русского гражданского судопроизводства [Текст]. – М.: Тип. Имп. Моск. ун-та, 1883. – 403 с.
16. Плешанов А. Г., Фетисов А. К. Роль принципов законности и справедливости в обеспечении реализации права на тайну связи: материально-правовой и процессуальный аспекты [Текст] // Арбитражный и гражданский процесс. – 2018. – № 12. – С. 58-60.
17. Раянов Ф. М. Теория правового государства в России: состояние, пути переосмысления [Текст] // Lex russica. – 2015. – № 8. – С. 14-25.
18. Слепченко Е. В. Гражданское судопроизводство: общая характеристика и тенденции развития [Текст] // Вестник гражданского процесса. – 2012. – № 2. – С. 41-75.
19. Фетисов А. К. Гражданское судопроизводство как гарантия права тайны связи [Текст] // Арбитражный и гражданский процесс. – 2019. – № 9. – С. 8-12.
20. Фурсов Д. А. Современное понимание принципов гражданского и арбитражного процесса [Текст]. – М., 2009. – 80 с.
21. Чиркин В. Е. Верховенство права: современные варианты терминологии [Текст] // Журнал российского права. – 2015. – № 12. – С. 5-11.

4 Постановление Конституционного Суда РФ от 31 марта 2015 г. № 6-П // Российская газета. № 77. 2015.

СКОБИЛЕВА Ирина Вячеславовна
студент 4-го курса бакалавриата по направлению подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» Юридической школы, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток

МАХОНИН ДАНИЛА ДМИТРИЕВИЧ
студент 4-го курса бакалавриата по направлению подготовки 40.03.01 «Юриспруденция» Юридической школы, Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток

УСАЧЕВ Александр Сергеевич
магистрант 1-го курса по направлению подготовки М6124-40.04.01юсдоп «Юридическое сопровождение деятельности органов публичной власти и представительство в суде» Юридической школы, Дальневосточный федеральный университет, г Владивосток

*РАЗВИТИЕ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ФОРМ РАЗРЕШЕНИЯ ПРАВОВЫХ СПОРОВ И КОНФЛИКТОВ: МИРОВОЙ ОПЫТ**

В статье проводится анализ развития альтернативных форм разрешения правовых споров и конфликтов в различных странах мира. Особое внимание уделяется исследованию института альтернативных форм разрешения споров в США, Германии, Франции и Китае. На основе сравнительного анализа выявляются преимущества альтернативных способов урегулирования споров по сравнению с традиционным судебным разбирательством. В заключении обосновывается необходимость дальнейшего развития альтернативных форм разрешения споров в России с учетом позитивного международного опыта.

Ключевые слова: альтернативные формы разрешения споров, медиация, арбитраж, переговоры, примирительные процедуры, судебное разбирательство, правовая система.

SCOBILEVA Irina Vyacheslavovna
student of the 4th year of the bachelor's degree in the field of study 40.03.01 «Jurisprudence» of the Law School, Far Eastern Federal University, Vladivostok

MAKHONIN Danila Dmitrievich
student of the 4th year of the bachelor's degree in the field of study 40.03.01 «Jurisprudence» of the Law School, Far Eastern Federal University, Vladivostok

USACHEV Alexander Sergeevich
magister student of the 1st year of the in the field of training M6124-40.04.01usdop «Legal support of the activities of public authorities and representation in court» of the Law School of the Far Eastern Federal University, Vladivostok

DEVELOPMENT OF ALTERNATIVE FORMS OF RESOLVING LEGAL DISPUTES AND CONFLICTS: WORLD EXPERIENCE

The article analyses the development of alternative forms of resolving legal disputes and conflicts in different countries of the world. Particular attention is paid to the study of the institute of alternative forms of dispute resolution in the United States, Germany, France and China. On the basis of comparative analysis the advantages of alternative ways of dispute resolution are revealed in comparison with traditional court proceedings. The conclusion substantiates the need for further development of alternative forms of dispute resolution in Russia, taking into account the positive international experience.

Keywords: alternative forms of dispute resolution, mediation, arbitration, negotiation, conciliation, litigation, legal system.

В современных условиях стремительного развития международных отношений и глобализации экономических процессов традиционные методы и способы разрешения правовых споров и конфликтов требуют инновационных подходов и решений. Растущая нагрузка на судебные системы, длительность рассмотрения дел, высокая стоимость традиционных судебных процедур стимулируют поиск альтернативных путей урегулирования конфликтов.

Мировая практика демонстрирует активное развитие различных форм альтернативного разрешения споров, которые позволяют сторонам достичь взаимовыгодного решения с наименьшими временными и финансовыми затратами. Использование альтернативных форм разрешения споров имеет целью содействие мирному урегулированию споров, становление и развитие партнерских и деловых отношений между сторонами.

Особую значимость приобретает изучение зарубежного опыта применения таких механизмов, как медиация, арбитраж, переговоры и других альтернативных методов, которые используются в различных правовых системах.

Прежде всего, стоит отметить преимущества данных процедур. Альтернативные формы разрешения спора обеспечивают значительную экономию временных и финансовых ресурсов участников конфликта, поскольку они, как правило, занимают меньше времени, чем судебное разбирательство, что особенно важно в условиях динамично развивающихся экономических отношений. Для альтернативных форм разрешения споров характерно сохранение конфиденциальности (негласности) как самого разбирательства, так и решения, принятого на нем, что особенно ценно для крупных компаний и корпораций, стремящихся защитить свою деловую репутацию. Не менее важным становится возможность самостоятельного выбора сторонами как самой примирительной процедуры, так и третьего лица (посредника, медиатора, примирителя), который будет помогать сторонам разрешать имеющийся спор. Кроме того, альтернативные формы предоставляют сторонам более широкие возможно-

* Корчагин Анатолий Георгиевич – Научный руководитель, кандидат юридических наук, доцент, И.о. заведующего кафедрой конкурентного и предпринимательского права Юридической школы Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток; Korchagin Anatoliy Georgievich – Supervisor, Ph.D. in Law, associate professor, Acting Head of Competition and business law sub-faculty of the Law School, Far Eastern Federal University, Vladivostok.

сти для достижения согласованного и взаимовыгодного результата. И наконец, такие решения часто характеризуются более высоким уровнем исполнения, поскольку они основаны на добровольном согласии участников.

В мировой практике используются различные формы альтернативного разрешения споров: переговоры (negotiation) – прямое урегулирование спора между сторонами без посредников; посредничество (mediation) - привлечение независимого посредника для помощи в достижении соглашения; третейский суд (arbitration) - разрешение спора независимым арбитром с вынесением решения обязательного к исполнению.

В некоторых странах использование мирных способов разрешения споров является обязательным по определенным категориям дел. Например, в Аргентине Закон «О медиации и соглашении» (Mediaciyn y. Conciliaciyn) предусматривает обязательное проведение примирительных процедур при рассмотрении любых судебных исков. В Финляндии данная процедура также распространяется на все категории гражданских дел. Во Франции обязательная медиация применяется при рассмотрении трудовых споров, а также при разбирательстве дел о расторжении брака. Бельгийское законодательство предусматривает обязательную примирительную процедуру для урегулирования трудовых конфликтов и споров, возникающих в сфере сельскохозяйственной аренды. Гражданский процессуальный кодекс Германии (Zivilprozessordnung der BRD) устанавливает, что в исковом заявлении должно быть указано, что стороны предпринимали попытку медиации[1].

Соединенные Штаты Америки занимают лидирующие позиции в области применения примирительных процедур. Это государство сыграло ключевую роль в развитии и внедрении альтернативных методов разрешения правовых споров по всему миру. В настоящее время США демонстрируют широкий рынок услуг в сфере альтернативного разрешения споров. В частности, что в США была создана Федеральная правительственная рабочая группа по альтернативному разрешению споров (federal government's Alternative Dispute Resolution (ADR) Working Group), учрежденная Конгрессом и Президентом для координации и расширения применения альтернативных методов разрешения споров [1]. Эта группа рассматривает и разрешает споры в соответствии с действующим законодательством и выпускает множество пособий по применению альтернативных способов разрешения споров в различных областях общественных отношений.

Кроме этого, особое значение в развитии альтернативных форм разрешения правовых споров и конфликтов в США имеет Национальный центр по разрешению споров (National Center for Dispute Resolution, N.C.D.R.). Он является одной из ведущих организаций в США, специализирующейся на разработке и внедрении альтернативных методов разрешения споров. Центр был основан еще в 1990 году с целью содействия мирному и конструктивному урегулированию конфликтов в различных сферах общественных отношений. Центр предоставляет услуги медиации, позволяющие сторонам конфликта самостоятельно прийти к соглашению при поддержке нейтрального посредника, и арбитража, где спор передается на рассмотрение независимого арбитра или коллегии арбитров. N.C.D.R. также проводит программы обучения и сертификации для специалистов в области в области альтернативных методов разрешения споров, в частности медиаторов и арбитров, активно участвует в исследованиях и разработках новых методов и подходов к разрешению споров, и оказывает консультационные услуги организациям и государственным учреждениям по вопросам внедрения и использования альтернативных форм разрешения спора. Центр сотрудничает с различными государственными и частными организациями, а также с образовательными учреждениями, что позволяет ему оказывать значительное влияние на развитие и популяризацию альтернативных методов разрешения споров в США и за их пределами.

Сравнивая процесс развития альтернативных форм разрешения правовых споров в России и США, можно прийти к выводу, что в России эти методы пользуются значительно меньшей популярностью. В США активно задействуется свыше 15 разновидностей альтернативных форм разрешения споров, тогда как в России на сегодняшний день получили широкое распространение лишь четыре вида — третейское разбирательство, переговоры, посредничество, мировое соглашение и претензионный порядок. В России все же в большинстве случаев предпочтение по-прежнему отдается традиционному судебному процессу. Такое положение дел объясняется несколькими факторами.

Во-первых, в США законодательство довольно детально регулирует различные альтернативные формы разрешения споров как на федеральном уровне, так в и законах отдельных штатов. В России примирительные процедуры нашли частичное отражение в АПК, а также регламентированы несколькими специальными законами, в частности, ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)», ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации», ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации». Тем не менее, объем нормативного регулирования в России уступает американской правовой системе, что существенно ограничивает практическое применение альтернативных форм разрешения споров. Во-вторых, в США развита система подготовки медиаторов и арбитров, которые проходят специализированные образовательные программы и сертификацию. В России подготовка таких профессионалов находится на начальной стадии развития, что сказывается на уровне их квалификации. В-третьих, в США альтернативные формы разрешения споров воспринимаются как экономически оправданные инструменты, позволяющие избегать долгих и дорогостоящих судебных тяжб. В России, напротив, экономическая привлекательность таких методов пока недооценивается, и участники споров продолжают отдавать предпочтение традиционным судебным процедурам, даже несмотря на неизбежные временные и финансовые издержки.

В одной из своих статей Т. И. Афанасьева связывает медленное развитие альтенативных форм разрешения споров в России со спецификой «русской ментальности», характерной чертой которого является консерватизм [2]. Действительно, в общественном сознании превалирует мнение, что только государственный суд способен обеспечить справедливость, защиту прав и законных интересов. Это создает барьер для восприятия альтернативных форм и методов разрешения споров как равноправного инструмента разрешения споров.

В странах романо-германской правовой системы, включая Германию, Францию, альтернативные формы разрешения споров также находят свое применение, но в меньшей степени. В германии наибольшую популярность получили следующие альтернативные формы разрешения споров: медиация (Mediation), арбитраж (Schiedsgerichtsbarkeit), конфликтное консультирование (Konfliktmanagement). Во Франции альтернативные формы разрешения споров также получают свое развитие. Гражданский процессуальный кодекс Франции (Code de Procedure Civile) содержит ряд положений, регулирующих использование альтернативных форм разрешения спора. Например, судья может направить стороны на медиацию до начала судебного разбирательства. Как и в США, во Франции существуют специальные центры медиации и арбитража (Французская арбитражная ассоциация, Парижский центр медиации и арбитража), которые предоставляют профессиональные услуги по разрешению споров. В ряде специализированных областей французское законодательство устанавливает необходимость обращения к определённым трибуналам, комиссиям или квазисудебным органам, обладающим определённой юрисдикцией (например, в вопросах социального обеспечения, конкуренции, журналистики и радиовещания). Производство дел в таких специализированных трибуналах или квазисудебных органах осуществляется согласно их внутренним правилам. В целом, можно отметить, что в европейских странах прослеживается устойчивая тенденция к увеличению применения альтернативных форм разрешения споров как в коммерческих, так и в гражданских спорах, что отражает возрастающее признание

1 Гражданский процессуальный кодекс Германии (с изменениями, внесенными Законом от 31.08.2013 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/14316 (дата обращения: 10.03.2025).

этого метода как эффективного и гибкого инструмента для мирного урегулирования конфликтов[2].

Особого внимания заслуживает развитие альтернативных форм разрешения правовых споров и конфликтов в КНР. Традиционно в Китае разрешение споров было основано на принципах гармонии и согласия, стремлении к мирному сосуществованию, что отражало философию конфуцианства. Семейные и общинные конфликты часто разрешались через переговоры и посредничество старейшин или уважаемых членов общины. Однако с приходом коммунизма и созданием Народной Республики произошел переход к централизованной правовой системе, основанной на государственном контроле. С середины 1980-х годов, с началом политики реформ и открытости, Китай начал активно модернизировать свою правовую систему, стремясь соответствовать международным стандартам разрешения споров. В этот период возрождаются и развиваются альтернативные формы разрешения споров, которые вновь обретают популярность как эффективный способ разрешения конфликтов.

Идея мирного разрешения конфликтов является основополагающим принципом всей правовой системы Китая. Этот фундаментальный подход закреплен в Конституции КНР и сохраняет свою актуальность по сей день. Так, в ст. 111 Конституции КНР, в числе полномочий комитетов городских и сельских поселений, указывают образование народных примирительных комиссий, разрешающих споры среди населения[3].

Сегодня в Китае можно выделить несколько основных альтернативных форм разрешения споров: переговоры, арбитраж и медиация, которая регламентирована законом «О народной медиации»[4]. Медиация является наиболее популярной и распространённой формой разрешения споров в Китае. Она предполагает участие нейтрального посредника, который помогает сторонам конфликта найти взаимовыгодное решение. Посредниками будут являться народные комитеты – общественные (массовые) организации, которые не вправе брать какую-либо плату за разрешение споров среди населения. Такое подход в регулировании медиации воплощает идеи коллективизма, которые так присущи современному китайскому социалистическому обществу. Медиация активно используется в семейных, трудовых и коммерческих спорах. Одной из уникальных черт китайской медиации является ее тесная связь с государственными органами, которые нередко выступают инициаторами и организаторами медиативных процедур.

Необходимо отметить, что существование в Китае развитой системы примирительных внесудебных процедур обусловлено не только традициями мирного разрешения споров и современными тенденциями, но и определенными вынужденными факторами, а именно неспособностью государственной судебной системы эффективно функционировать в условиях повышенной нагрузки. Современные исследования в данной области свидетельствуют о серьёзных проблемах, с которыми сталкивается государственная судебная система КНР, среди которых выделяются: колоссальная нагрузка на суды; проблемы с квалификацией судейского состава (некоторые судьи часто не имеет юридического образования); затянутость процедуры рассмотрения дел; сложности с исполнением решений [3].

Помимо прочего, растущая популярность альтернативных форм разрешения споров в Китае объясняется стремлением сохранить деловые и партнерские взаимоотношения, что является ключевым фактором в местной деловой культуре. Так, Т. В. Худойкина утверждает, что «в восточных странах использование альтернативных форм разрешения споров в первую очередь определяются деловой репутацией компании, так как считается, что судебное разрешение конфликта – это гласное и открытое признание вины и недобросовестности своей либо другой стороны» [4]. Таким образом, в Китае разрешение конфликта через государственные судебные инстанции наносит значительный ущерб деловой репутации компании и делает практически невозможным дальнейшее развитие деловых отношений.

Анализируя китайский подход к регулированию альтернативных форм разрешения споров, мы делаем вывод, что Китай, основываясь на старинных философских традициях, сумел создать уникальную систему внесудебных способов разрешения споров, воплощающую в себе сочетание древних традиций и современных правовых тенденций.

На основании вышеизложенного представляется обоснованным утверждать, что альтернативные механизмы разрешения конфликтов, демонстрируя свою эффективность, получили правовое закрепление в большинстве развитых государств. Тем не менее, консервативность правовых систем некоторых государств ограничивает полноценную реализацию всей системы примирительных процедур. Необходимость развития альтернативных форм разрешения споров в Российской Федерации определяется рядом факторов. Во-первых, развитие альтернативных форм разрешения споров способствует демократизации процесса отправления правосудия. В отличие от формализованного государственного судебного процесса, альтернативные методы разрешения споров предоставляют сторонам возможность активного участия в определении условий разрешения спора, что соответствует принципам автономии воли и диспозитивности, лежащим в основе демократического правового государства.

Во-вторых, увеличение размеров государственной пошлины за обращение в суды общей юрисдикции и арбитражные суды, хотя и направлено на оптимизацию бюджетных поступлений и повышение ответственности сторон за инициирование судебных разбирательств, но в то же время может ограничивать доступ к правосудию для отдельных категорий граждан и организаций. Развитие альтернативных форм позволяет компенсировать негативные экономические последствия и обеспечить доступность механизмов защиты прав и законных интересов.

В-третьих, нельзя не упомянуть, что высокая загруженность российских судов является общепризнанной проблемой, приводящей к увеличению сроков рассмотрения дел и снижению эффективности отправления правосудия. Развитие альтернативных форм разрешения споров, как механизма, позволяющего урегулировать спор во внесудебном порядке, способствует разгрузке судебной системы, что, в свою очередь, позволяет оптимизировать процессуальные издержки и повысить качество отправления правосудия.

И наконец, стоит добавить, что уровень развития альтернативных форм разрешения споров является критерием развитости и конкурентоспособности всей правовой системы, а практическое применение внесудебных примирительных процедур является показателем высокого уровня правовой культуры в том или ином правовом обществе.

Пристатейный библиографический список

1. Arnold T. Why ADR // Alternative Dispute Resolution: How to Use it Your Advantage. ALI - ABA course of study. 1996. P. 19.
2. Афанасьева Т. И. Проблемы интеграции медиации и медиативных технологий в юридическую деятельность // Известия Байкальского государственного университета. 2017. Т. 27, № 1. С. 90.
3. Марков С. М. Китайская модель медиации трудовых споров: социологический аспект // Международный научно-исследовательский журнал. 2015. № 6 (37). С. 57-59.
4. Худойкина Т. В. Мирное урегулирование и разрешение споров // Московский журнал международного права. 1998. № 2. С. 52-60.

2 European Commission reports on the implementation of Directive 2008/52/EC. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32008L0052 (дата обращения: 10.03.2025).

3 Конституция КНР 1982 г. (с изм. 1988, 1993, 1999, 2004 гг.), принятая на 5-й сессии Всекитайского собрания народных представителей 5-го созыва 4 декабря 1982 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://chinalawinfo.ru/constitutional_law/constitution (дата обращения: 10.03.2025).

4 О народной медиации: Закон Китайской Народной Республики (принят 28 августа 2010 г.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://chinalawinfo.ru/social_law/law_labour_dispute_mediation_arbitration/law_labour_dispute_mediation_arbitration_ch2 (дата обращения: 10.03.2025).

DOI 10.46320/2073-4506-2025-4-203-260-263

ШАНАНИН Илья Александрович
аспирант, Саратовская государственная юридическая академия

Шананин И. А.

ОСОБЕННОСТИ ПРИЗНАНИЯ БЕЗВЕСТНО ОТСУТСТВУЮЩИМ ИЛИ ОБЪЯВЛЕНИЯ УМЕРШИМ УЧАСТНИКА СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ

В статье рассмотрен с материальной и процессуальной стороны порядок признания участника специальной военной операции безвестно отсутствующим или объявления его умершим. Раскрываются особенности, в том числе в части изменений действующего законодательства РФ, заключающихся в сокращении сроков признания военнослужащего таковым. Раскрывается влияние уменьшения срока на представление и оценку доказательств. Указывается на влияние правовой цели заявителя, как на процесс доказывания, так и на вынесение судебного решения в целом. Предложена формулировка правовой цели через призму процесса доказывания в рамках данной категории дел. Резюмируется обоснованность сокращения сроков признания безвестно отсутствующим или объявления умершим участника специальной военной операции.

Ключевые слова: военнослужащий, гражданский процесс, доказательства, доказывание, законодатель, особое производство, правовая цель, сроки.

SHANANIN Ilya Alexandrovich
postgraduate student, Saratov State Law Academy

THE SPECIFICS OF RECOGNIZING A PARTICIPANT IN A SPECIAL MILITARY OPERATION AS MISSING OR DEAD

The article examines from the material and procedural side the procedure for recognizing a participant in a special military operation as missing or declaring him dead. The article reveals the specifics, including in terms of changes in the current legislation of the Russian Federation, which consist in shortening the time period for recognizing a serviceman as such. The impact of reducing the time limit on the presentation and evaluation of evidence is disclosed. The influence of the applicant's legal purpose is indicated, both on the evidentiary process and on the adjudication as a whole. The formulation of the legal purpose through the prism of the evidentiary process in this category of cases is proposed. The rationale for reducing the time frame for declaring a participant in a special military operation missing or dead is summarized.

Keywords: military personnel, civil procedure, evidence, proving, legislator, special proceedings, legal purpose, deadlines.

Существенное значение для защиты и восстановления прав граждан в гражданском процессе имеет разрешение дел, относящихся к особому производству. Принципиальным отличием дел данного вида судопроизводства является бесспорность и особый субъектный состав участников.

Важной категорией дел особого судопроизводства является признание отсутствующим и объявление умершим гражданина.

Нормативное закрепление данной категории дел представляется положениями части 1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ)[1] и Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ)[2].

Так, особенности судопроизводства по делам о признании безвестно отсутствующим или об объявлении умершим по общим основаниям регламентируется положениями главы 30 ГПК РФ (статьи 276-280).

Статья 42 ГК РФ закрепляет возможность признания гражданина безвестно отсутствующим в случае, если отсутствуют сведения о месте его пребывания в месте его жительства в течение одного года.

В соответствии со статьей 45 ГК РФ гражданин может быть объявлен судом умершим при отсутствии сведений о нем в течение пяти лет, а в случае пропажи без вести при определенных обстоятельствах, подразумевающих под собой угрозу жизни или несчастного случая – а течение шести месяцев. При пропаже без вести военнослужащего в связи с военными действиями – два года со дня окончания боевых действий.

Однако, изменения в общественных отношениях последних лет, начало Специальной военной операции (далее – СВО), стали объективной и вынужденной причиной внесения изменений в нормы части 1 ГК РФ, в том числе предусматривающих сокращение и упрощение процедуры признания безвестно отсутствующим и объявления умершим участников СВО.

Так, был принят Федеральный закон от 14 апреля 2023 года № 120-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», согласно данному законодательному акту предусматриваются иные сроки для признания гражданина безвестно отсутствующим, умершим. Период отсутствия сведений о месте пребывания гражданина для признания его безвестно отсутствующим составляет шесть месяцев, в том числе, если данные сведения не предоставлены командиром воинской части и другими уполномоченными должностными лицами семье данного гражданина[3]. При этом статьей 23 Федерального закона «О введении в действие

1 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 08 августа 2024 г., с изм. от 31 октября 2024 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

2 Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 28 декабря 2024 г., с изм. от 16 января 2025 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.

3 Федеральный закон от 14 апреля 2023 г. № 120-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О введении в действие части

части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» предусмотрен круг лиц, которые в данном порядке могут быть признаны безвестно отсутствующими. К ним относятся граждане, принимающие участие в СВО.

Статьей 24 вышеуказанного нормативного акта сокращен также срок для признания данных граждан умершими[4]. Участники СВО могут быть признаны таковыми, если отсутствует информация о месте их пребывания на протяжении шести месяцев с момента как возникла угроза смерти, либо наличие оснований предполагать гибель от определенного несчастного случая. Кроме того, возможно признание гражданина умершим по истечению трех месяцев с момента признания его безвестно отсутствующим.

При подаче заинтересованным лицом заявления необходимо предоставление в суд соответствующей справки по форме, утвержденной Постановлением Правительства Российской Федерации от 01 сентября 2023 года № 1421[5]. Условиями для подачи такого заявления в суд является наличие заинтересованности заявителя и возникновения правовых последствий после вынесения соответствующего судебного акта.

В соответствии со статьей 277 ГПК РФ в заявлении указывается на наличие обстоятельств, свидетельствующих о безвестном отсутствии гражданина либо на наличие угрозы смерти, гибели от несчастного случая пропавшего без вести.

Суд в обязательном порядке исследует данные обстоятельства и отражает их в решении суда. Так, например, анализируя решение Бежецкого районного суда Тверской области № 2-5-214/2024 по заявлению войсковой части 54046 о признании безвестно отсутствующим участника СВО, ВРИО командира вышеуказанной части мотивировал требование тем, что данный военнослужащий выполнял боевые задачи в зоне проведения СВО, согласно справки командира войсковой части 91711 от 07.08.2024 № 13229, во время штурма укрепрайона данный гражданин пропал без вести, после завершения задания не вышел в район сосредоточения; розыскные мероприятия и административное расследование не дали сведений о месте нахождения данного лица. В соответствии с приказом командира войсковой части гражданин признан пропавшим без вести[6].

В большинстве случаев заявитель имеет личную заинтересованность, связанную, например, с вступлением в наследство, получением соответствующих выплат и льгот. Данными лицами могут являться супруга, родители и близкие родственники участника СВО. Заявление может быть подано в связи со служебной заинтересованностью разными категориями лиц (например, командиром воинской части, работодателем и т.д.) [1, с. 57]. А. Н. Тарасенкова отмечает, что если не указана цель подачи заявления, то у суда будет отсутствовать возможность определить предмет доказывания, перечень необходимых доказательств и заинтересованных лиц, а также возможность установления самого факта [4, с. 121]. Е. А. Царегородцева указывает, что цель должна иметь правовой характер, а заинтересованность заявителя основываться на материальных правоотношениях, которые существуют между заявителем и гражданином, который признается безвестно отсутствующим [3, с. 395]. Исходя из этого, родственник участника СВО должен доказать с какой целью подается данное заявление и если таковая не является правовой, то требования не подлежат удовлетворению.

Так, при рассмотрении дела № 2-56/2024 приведен пример, иллюстрирующий важность определения правовой цели. Указывается, что по заявлению лица, являющегося племянником участника СВО, о признании безвестно отсутствующим, Багратионовским районным судом Калининградской области отказано в требованиях, что мотивировано отсутствием заинтересованности у заявителя. Судом установлено, что у заявителя, кроме дяди, который признается безвестно отсутствующим, есть еще один дядя, который сейчас также находится в зоне СВО, иных родственников у них нет. Лицо, признающееся безвестно отсутствующим, погиб (предполагаемо), будучи участником СВО, и удовлетворение требований данного заявления, а затем и признание умершим дает право на получение выплат, предусмотренных Указом Президента Российской Федерации от 5 марта 2022 года № 98 «О дополнительных социальных гарантиях военнослужащим, лицам, проходящим службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации, и членам их семей»[7] и Федеральным законом от 28 марта 1998 года № 52-ФЗ, регулирующим обязательное государственное страхование жизни, здоровья военнослужащих, и других категорий лиц, являющихся участниками СВО[8]. Однако заявитель по данному делу является племянником военнослужащего, а следовательно, не имеет права на получение предусмотренных законом выплат. Соответственно, наличие заинтересованности заявителем не доказано[9].

Правовая цель обращения в суд с заявлением по делам особого производства также напрямую влияет на доказательства, представляемые заявителем и заинтересованными лицами, а также на процесс доказывания.

Именно поэтому верное определение правовой цели для заявителя при обращении в суд является ключевым критерием для рассмотрения и разрешения дела.

В науке дается ряд понятий, определяющих правовую цель. Так, К. В. Шундиков формирует понятие юридической (правовой) цели как идеально предполагаемой и гарантированной государством модели социального состояния, либо процесса, к достижению которой стремятся субъекты правотворческой и правореализационной деятельности при помощи юридических средств [6, с. 10]. Схожее понятие также формулирует и Е. А. Мызникова [2, с. 10].

первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2023. – № 16. – Ст. 2757.

4 Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 52-ФЗ (ред. от 13.12.2024) «О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3302.

5 Постановление Правительства РФ от 1 сентября 2023 г. № 1421 «Об утверждении Правил выдачи справки об обстоятельствах исчезновения гражданина и справки об обстоятельствах исчезновения или возможной гибели гражданина, Правил выдачи справки о смерти гражданина, формы справки об обстоятельствах исчезновения гражданина, формы справки об обстоятельствах исчезновения или возможной гибели гражданина, формы справки о смерти гражданина» // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2023. – № 37. – Ст. 6827.

6 Решение Бежецкого межрайонного суда Тверской области от 10 декабря 2024 г. по делу № 2-5-214/2024. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из Справ. правовой системы «Гарант».

7 Указ Президента РФ от 5 марта 2022 г. № 98 «О дополнительных социальных гарантиях военнослужащим, лицам, проходящим службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации, и членам их семей» // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2022. – № 10. – Ст. 1475.

8 Федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 52-ФЗ «Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации, Государственной противопожарной службы, сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, сотрудников войск национальной гвардии Российской Федерации, сотрудников органов принудительного исполнения Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1998. – № 13. – Ст. 1474.

9 Решение Багратионовского районного суда Калининградской области от 16 января 2024 г. по делу № 2-56/2024. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из Справ. правовой системы «Гарант».

С. Ю. Филипповой указывается, что правовая цель является мыслимым ожидаемым правовым результатом деятельности [5, с. 154].

Исходя из общего понятия правовой цели, можно сформулировать частное понятие такого в отношении категорий дел о признании участника СВО безвестно отсутствующим или объявления его умершим.

Таким образом, под правовой целью в данном случае понимаются предполагаемые заявителем правовые последствия, гарантированные государством (выплаты, льготы, пособия, вступление в наследство и обретение иных прав), наступающие при условии вынесения судом решения об удовлетворении требований о признании участника СВО безвестно отсутствующим или объявлении его умершим.

Как указывалось выше, представление заявителем доказательств наличия у него правовой цели является важным аспектом, ввиду необходимости подтверждения, например, родственных отношений (предоставляются свидетельства о рождении, о заключении брака и так далее) для получения соответствующих гарантированной государством особой поддержки.

Однако примечательным для данной категории дел является то, что основная функция по доказыванию возлагается на суд, так, например, заявитель не обязан предоставлять доказательства достижения необходимого срока для подачи заявления о признании безвестно отсутствующим или объявлении умершим участника СВО, все обстоятельства, подлежащие доказыванию, определяются в ходе судебного разбирательства, и сам факт истечения срока исследуется в ходе заседания и может быть субъективно оценен судом.

Также судом осуществляется ряд иных действий по формированию доказательной базы, в том числе определяются лица, которые могут предоставить информацию о военнослужащем, признающегося безвестно отсутствующим или объявляющегося умершим, направляется запросы по месту работы, месту службы, месту жительства, паспортные столы и т.д.

На сегодняшний момент и на протяжении хода СВО, учитывая факт того, что боевые действия проводятся более трех лет, имеются раненые, погибшие, пропавшие без вести и находящиеся в плену военнослужащие, количество которых точно установить невозможно ввиду интенсивности хода спецоперации и широкой линии фронта продвижения Вооруженных сил РФ.

Далее стоит обратить внимание именно на категорию военнослужащих, находящихся в плену, число которых меняется ввиду ряда обстоятельств. Данному факту необходимо уделять должное внимание при рассмотрении дел о признании безвестно отсутствующими и объявления умершими. Так в случае, если после «юридической смерти», гражданин, объявленный умершим, окажется живым, это приведет к важным правовым последствиям, в том числе по возврату наследуемого имущества и так далее. Ввиду данного обстоятельства и с учетом внушительной загруженности в работе Министерства обороны РФ, военных частей и иных ведомств, принимающих активное участие при проведении СВО, судом самостоятельно направляются запросы о возможном местонахождении либо статусе таковых военнослужащих. Так, при рассмотрении дела № 2-2098/2024 о признании умершим участника СВО, Ленинским районным судом г. Саранска Республики Мордовия судом оценивалась достоверность информации на основе ряда ответов на запросы суда следующих организаций: Филиала № 7 ФГБУ «Главный военный клинический госпиталь им. Н. Н. Бурденко» Минобороны России, Филиала № 5 ФГБУ «Главный военный клинический госпиталь им. Н. Н. Бурденко» Минобороны России, Военно-медицинской академии Минобороны России, на основании выписки из приказа командира войсковой части 22316 от 18 января 2024 года № 52 и т.д.[10], что позволяет с высокой степенью достоверности установить данные о месте нахождении или статусе военнослужащего.

Кроме запросов в воинские части, госпитали и иные организации, непосредственно связанные исключительно с СВО, судом в общем порядке направляются запросы по последнему известному месту жительства, месту работы, службу судебных приставов и органы внутренних дел.

Судом также истребуются документы, подтверждающие обстоятельства гибели, принимается решение о вызове свидетелей в заседание суда по данному разбирательству. Кроме того, выясняется, не является ли умышленным отсутствие данного гражданина, в том числе факт возможно дезертирства с места выполнения боевой задачи или дислокации воинского подразделения, в котором он проходит службу.

При обнаружении факта умышленного отсутствия гражданина, что может подтверждено возбуждением в отношении него уголовного дела по статье 338 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) – дезертирство[11], лицу, заявившему требование о признании гражданина безвестно отсутствующим, отказывается в его удовлетворении в полном объеме. Таким образом, наличие умысла в отсутствии гражданина напрямую влияет на решение суда при рассмотрении дела и входит в предмет доказывания по нему.

На данный момент не сформировалась достаточная судебная практика по аналогичным обстоятельствам. Однако возможно учитывать опыт прошлых военных операций Российской Федерации, в том числе на территории Чеченской республики. Так, Ярковским районным судом Тюменской области при рассмотрении дела № 2-75/2012 о признании гражданина безвестно отсутствующим, судом было отказано в удовлетворении заявления ввиду следующих обстоятельств: признаваемый безвестно отсутствующим гражданин самовольно оставил войсковую часть, в которой проходил воинскую службу, в связи с чем в отношении него было возбуждено уголовное дело по части 2 статьи 338 УК РФ, объявлен розыск и в течение последних одиннадцати лет нет сведений о его месте нахождения. Данные обстоятельства не дали суду оснований для признания его безвестно отсутствующим, ввиду проведений мероприятий по его розыску[12].

При наличии угрозы порчи, повреждения или расхищения имущества, принадлежащего безвестно отсутствующему участнику СВО, у суда имеется право назначить опекуна для охраны данного имущества. Вместе с тем, ввиду особой важности данных дел, представляется необходимым предусмотреть процессуальный порядок регулирования в отношении управляющего имуществом отсутствующего лица в случае злоупотребления им предоставленными правами и обязанностям путем вынесения частного определения о привлечении такового к правовой ответственности.

Стоит отметить, что данная категория дел рассматривается с обязательным участием прокурора, дающего заключение по делу. Отмечая существенное значения особого производства, Конституционным Судом Российской Федерации в определении от 27 января 2011 года № 76-О-О указывается, что участие прокурора необходимо по делам особой соци-

10 Решение Ленинского районного суда г. Саранска Республики Мордовия от 30 октября 2024 г. по делу № 2-2098/2024. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из Справ. правовой системы «Гарант».

11 Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996г. № 63-ФЗ (ред. от 28 декабря 2024 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 08 января 2025 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

12 Решение Ярковского районного суда Тюменской области от 14 мая 2012 г. по делу № 2-75/2012. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из Справ. правовой системы «Гарант».

альной значимости[13]. Важность данной категории дел обуславливается рядом факторов, в том числе необходимостью особой государственной поддержки семей погибших военнослужащих.

Решения по данным категориям дел влекут за собой определенные юридические последствия. Так, на основании судебного решения имущество безвестно отсутствующего лица передается в доверительное управление на основании заключенного договора с органом опеки и попечительства. Последствием объявления лица умершим является запись о смерти лица, которая производится органом записи актов гражданского состояния[14].

В случае явки гражданина, который признан судом безвестно отсутствующим и (или) объявлен умершим, заинтересованное лицо обращается с заявлением в суд об отмене такого решения. По итогам рассмотрения данного дела, суд выносит новое решение, которое влечет за собой отмену управления имуществом данного лица и аннулирование записи о его смерти. На основании пункта 20 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 июня 2008 года № 13 «О применении норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении и разрешении дел в суде первой инстанции», решение выносится в рамках того же производства, а новое дело не возбуждается[15].

Бремя доказывания при рассмотрении данных категорий дел также распределяется между заявителем и судом. Важным в доказывании является идентификация лица, признанного безвестно отсутствующим, объявленного умершим, с лицом, в отношении которого обнаружено место пребывания либо установлена явка. Основной процесс доказывания также возложен на суд, которым в том числе направляются соответствующие запросы в компетентные органы.

Таким образом, порядок самого судебного процесса данной категории дел в отношении специального субъекта – участника СВО, в том числе процесс доказывания не имеет существенных отличий с иными делами по признанию безвестно отсутствующими и объявлению умершими. Особенностью является обязательное получение сведений из воинской части.

Существенным изменениям в рамках рассмотрения дел о признании безвестно отсутствующим и объявлении умершим участника СВО подверглись лишь сроки отсутствия данного лица как основание для подачи заявления заинтересованным лицом. Данные изменения еще на стадии предложения и рассмотрения поправок в гражданское законодательство вызвали широкое обсуждение как лицами, замещающих должности в законодательной и исполнительной ветвях власти, так и практикующими юристами. Так, депутаты фракции Либерально-демократической партии России (ЛДПР) в пояснительной записке к законопроекту № 313921-8 О внесении изменений в Федеральный закон «О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» указали на то, что до указанных поправок в нормативные акты, срок объявления умершим был значительно выше и напрямую зависел от срока окончания боевых действий, из-за чего возникает не только тяжелое моральное состояние близких родственников военнослужащего, но и невозможность претендовать на выплаты, различного рода льготы и вступление в наследование. Однако заместитель председателя фракции ЛДПР в Государственной Думе РФ Сергей Леонов полагает, что полностью отказываться от временного периода между признанием безвестно отсутствующим и объявлением умершим невозможно ввиду того, часть пропавших лиц обнаруживается, а изменение их статуса влечет к весомым правовым последствиям как для самих участников СВО, так и для их близких родственников, иных органов и организаций[16]. Вместе с тем, получило поддержку сокращение сроков и исключение из них понятия «со дня окончания боевых действий» спикера Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации Валентиной Матвиенко, по той причине, что говорить о конкретных сроках и датах по отношению к проведению СВО некорректно, ввиду того, что она закончится при достижении запланированных целей и не подгонялась под сроки и даты[17].

Вступившие в законную силу изменения в части сокращения сроков как основания подачи заявления о признании безвестно отсутствующим и объявления умершим участников СВО являются объективными ввиду необходимости должной поддержки их родственников, в том числе для возможности получения соответствующих выплат. Установленные законодателем сроки не снижены до минимума и являются оптимальными для возможного получения информации в отношении участника СВО и проведения необходимых действий по их розыску.

Пристатейный библиографический список

1. Бахарева О. А. Процессуальные особенности судопроизводства по делам о признании безвестно отсутствующим либо об объявлении умершим участника СВО // Гражданское право и гражданское судопроизводство: актуальные вопросы теории и практики. Материалы IX всероссийской научно-практической конференции. – 2024. – С. 55-59.
2. Мызникова Е. А. Цели в праве: теоретико-правовой анализ. Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Краснодар, 2011. – 28 с.
3. Справочник по доказыванию в гражданском судопроизводства / Под ред. И. В. Решетниковой – 7-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2025. – 472 с.
4. Тарасенкова А. Н. Документы и факты: получить и подтвердить. – 2017. – № 9. – 175 с.
5. Филиппова С. Ю. Классификация правовых целей (в контексте частно-правового исследования // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2010. – № 4. – С. 154-158.
6. Шундиков К. В. Цели и средства в праве. Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Саратов, 1999. – 24 с.

13 Определение Конституционного Суда РФ от 27 января 2011 г. № 76-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Шевченко Варвары Павловны на нарушение ее конституционных прав частью третьей статьи 45 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из Справ. правовой системы «Гарант».

14 Федеральный закон от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ (ред. от 08 августа 2024 г.) «Об актах гражданского состояния» (с изм. и доп., вступ. в силу с 05 февраля 2025 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1997. – № 47. – Ст. 5340.

15 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 июня 2008г. № 13 (ред. от 09.02.2012) «О применении норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении и разрешении дел в суде первой инстанции» // Российская газета. – 2008. – № 140.

16 Два года ждут: сроки признания пропавших солдат погибшими хотят сократить. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://iz.ru/1443645/natalia-bashlykova/dva-goda-zhdut-sroki-priznaniia-propavshikh-soldat-pogibshimi-khotiat-sokratit (дата обращения: 07.04.2025).

17 Матвиенко заявила, что считает некорректным «подгонять» проведение СВО по какие-либо сроки. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tass.ru/politika/16649019 (дата обращения: 07.04.2025).

МАГОМЕДОВ Магомед Русланович
аспирант, Юридический факультет, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА ИНСТИТУТ БРАКА

Статья посвящена анализу цифровизации процедуры заключения брака в России, ее преимуществам, правовым и социальным вызовам. В статье рассматриваются противоположные позиции исследователей: одни выступают за сохранение традиционного формата регистрации брака, другие – за полную цифровизацию этого процесса. Также анализируются законодательные изменения, включая возможность подачи заявлений через портал «Госуслуги» и перспективы дальнейшего внедрения цифровых технологий, включая биометрическую идентификацию. Особое внимание уделяется рискам цифровой регистрации брака, таким как угроза мошенничества, кибератак, нарушения принципа добровольности при вступлении в брак и цифровое неравенство. Делается вывод о необходимости гибридного подхода, который сочетает технологические инновации с правовыми и социальными гарантиями.

Ключевые слова: дистанционная регистрация, цифровизация, ЗАГС, регистрация брака, юридические риски.

MAGOMEDOV Magomed Ruslanovich
postgraduate student, Faculty of Law, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

THE IMPACT OF DIGITALIZATION ON THE INSTITUTION OF MARRIAGE

The article analyzes the digitalization of the marriage procedure in Russia, its advantages, legal and social challenges. The paper examines the opposing positions of researchers: some advocate the preservation of the traditional format of marriage registration, while others advocate the complete digitalization of this process. Legislative changes are also being analyzed, including the possibility of submitting applications through the Gosuslugi portal and prospects for further implementation of digital technologies, including biometric identification. Special attention is paid to the risks of digital marriage registration, such as the threat of fraud, cyber attacks, violations of the principle of voluntary marriage and digital inequality. The conclusion is drawn about the need for a hybrid approach that combines technological innovations with legal and social guarantees.

Keywords: remote registration, digitalization, registry office, marriage registration, legal risks.

Брак является фундаментальным социальным институтом, и его эволюция происходит параллельно с развитием общественных отношений. Цифровизация, которая началась в конце XX века, активно влияет на все сферы жизни, включая семейные отношения. Этот процесс вызывает множество дискуссий среди юристов относительно целесообразности и объема внедрения цифровых технологий в сферу брака.

Мнения исследователь по данному вопросу расходятся. Например, Б. М. Гонгало [3, с. 69-70] и А. Я. Ахмедов [2, с. 128] выступают за установление правовых барьеров от цифровизации, считая необходимым сохранение традиционных форм заключения брака. В тоже же время, Я. В. Андреева [1, с. 208-220] и Н. В. Сергеева [6, с. 111-118] предлагают полный перевод государственной регистрации брака в цифровое пространство, аргументируя это удобством и эффективностью новых технологий.

По российскому законодательству полномочия по оформлению браков принадлежит исключительно органам записи актов гражданского состояния (далее - ЗАГС). Процедура начинается с подачи совместного заявления жениха и невесты, которое должно быть оформлено письменно и подписано обеими сторонами. Важным моментом является то, что с 2012 года заявление о заключении брака можно подавать не только напрямую в ЗАГС, но и через многофункциональные центры (далее - МФЦ). Отметим, что в период с 2012 по 2024 годы введенной возможностью граждане воспользовались более трех миллионов раз[1].

Цифровизация предоставляет новые возможности для упрощения процедур и повышения доступности государственных услуг. Внедрение цифровых технологий может помочь сократить бюрократические издержки и ускорить процессы, что положительно скажется на обществе в целом. Но нужно учитывать, что культурные и социальные факторы могут влиять на восприятие нововведений населением. Процесс цифровизации требует внимательного анализа и взвешенного подхода. Необходимо учитывать мнения разных сторон и находить компромиссные решения, учитывающие и технические возможности, и общественные ожидания. В конечном итоге, успешная интеграция цифровых технологий в сферу заключения брака может способствовать улучшению качества обслуживания граждан и повышению эффективности работы государственных органов.

Развитие информационных технологий существенно повлияло на законодательство, что привело к введению

1 Более трех миллионов раз москвичи воспользовались услугами загса в офисах «Мои документы» за девять лет. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gov.cn/xinwen/2021-07/16/5625569/files/e944faf39ea34d46a256c2095fefeaab.pdf (дата обращения: 26.02.2025).

электронного документа оборота в деятельность органов ЗАГС[2]. Это позволило гражданам подавать заявления на регистрацию брака в онлайн-формате через портал «Госуслуги». Исследование Н. В. Сергеевой [6, с. 111-118] показало, что внедрение этой технологии изначально не привело к кардинальным изменениям в статистике подачи заявлений. Только к 2019 г. после модернизации интерфейса подача заявлений через МФЦ стала чаще использоваться [5, с. 115-162]. К 2025 году онлайн заявки продолжают быть наиболее популярным способом подачи документов на регистрацию брака. Этот метод привлекает граждан удобством, экономией времени, предоставлением скидки при оплате государственной пошлины.

Время показало эффективность цифровых технологий в обеспечении государственных услуг и вызвало обсуждение возможности полной цифровизации брачной процедуры. Так, Я. В. Андреева проводит примеры ОАЭ и отдельных штатов Соединенных Штатов Америки (например, штат Юта), где во время пандемии разрешили регистрировать браки через видеоконференции. Исследователь считает, что аналогичная практика могла быть внедрена и в России [1, с. 208-220]. Например, Ассоциация банков России предлагает разрешить военнослужащим в зоне специальной военной операции (далее - СВО) заключать брак дистанционно - с использованием видеосвязи или биометрических данных. Это предложение обусловлено тем, что действующее законодательство требует личного присутствия при регистрации брака. Для участников же СВО такое требование может быть трудновыполнимым из-за нахождения в боевых условиях.

Д. Ю. Григоренко, руководитель Аппарата Правительства Российской Федерации, в конце февраля 2025 года представил национальный проект «Экономика данных и цифровая трансформация государства»[3]. Проект направлен на цифровизацию государственного управления. Ранее в 2024 году господин Д. Ю. Григоренко поручил разработку сервиса для заключения брака по биометрии без подачи документов в ЗАГС Министерству юстиции Российской Федерации, Министерству цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации, Федеральной налоговой службе, а также Центру биометрических технологий.

Но идея цифровизации заключения брака вызывает споры. Так, И. И. Краснов, Н. В. Ющенко выделают следующие спорные моменты:

– личное присутствие молодоженов — не формальный барьер, а важный элемент, который обеспечивает добровольность и осознанность принятого решения. Также очное присутствие на регистрации брака носит исторические корни, так как практикуется в различных культурах на протяжении тысячелетий;

– в зарубежных странах дистанционная регистрация браков была ответной мерой на вызовы пандемию COVID-19, поэтому долгосрочность этой меры находится под вопросом [4, с. 70-77].

Последний аргумент видится несостоятельным, так как введенная дистанционная регистрация браков с завершением пика пандемии все также практикуется в странах, названных в качестве примеров.

Следует отметить, что введение цифровых технологий в брачную сферу сопряжено с рядом рисков, включая угрозу кибератак, возможных утечек персональных данных, цифровое неравенство между регионами, а также недостаточную цифровую грамотность некоторых граждан. Проблемы могут возникнуть и в части правоприменения. Например, гражданин пытался подкупить сотрудника ЗАГС, чтобы заключить брак дистанционно, так как его невеста не могла присутствовать лично. Но сотрудник отказался от взятки и обратился в правоохранительные органы[4].

Развитие технологий облегчает подачу заявлений о заключении брака, но не может полностью заменить личное присутствие, которое продолжает выполнять важную защитную функцию в процедуре заключения брака. Однако на данном этапе разрабатывается сервис для заключения брака без подачи документов через ЗАГС. Дорожная карта этой инициативы находится в разработке.

Современные технологии позволяют значительно упростить процедуру подачи заявления на регистрацию брака, сокращая бюрократические формальности и повышая оперативность работы органов ЗАГС. Но, как отмечает Я. В. Андреева, полный переход на дистанционную форму регистрации брака несет в себе значительные риски, связанные с проверкой подлинности документов, идентификацией личностей, которые намерены вступить в брак [1, с. 208-220]. Возможность цифровой фальсификации, включая подделку подписей и манипуляции с изображением в режиме видеосвязи, могут привести к злоупотреблениям и нарушениям.

Таким образом, цифровизация государственных услуг, включая регистрацию брака, неизбежна и уже демонстрирует свою эффективность. Но она должна использоваться лишь в качестве вспомогательного инструмента, а не заменять традиционные формы процедуры, которые зарекомендовали себя с юридической и социальной точек зрения. Этот подход учитывает как символическое значение брака, так и основные принципы семейного права.

В целом, анализ показывает, что цифровизация сферы регистрации брака требует взвешенного подхода. Полная дистанционная регистрация сопряжена с высокими рисками, но цифровые технологии могут эффективно дополнять традиционную закрепленную процедуру.

Выводы и предложения

1. Сохранение традиционной процедуры внедрения цифровых технологий: автор полагает, что внедрение цифровых инструментов должно происходить в формате гибридной модели: при введении регистрации брака по биометрии, возможность очного заключения брака должна сохраниться, а не полностью замениться новым способом вступления в брак.

2 Федеральный закон № 517-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об актах гражданского состояния» от 31 декабря 2014 г. № 517-ФЗ, 2014 / Собрание законодательства Российской Федерации. - 5 января. - № 1 (часть I).

3 Дмитрий Григоренко: ИТ-отрасль стала одной из самых быстрорастущих в российской экономике. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://government.ru/news/54354/ (дата обращения: 26.02.2025).

4 Приговор № 1-122/2021 от 14 июля 2021 г. по делу № 1-122/2021. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sudact.ru/regular/doc/luL2BaIZetoN/ (дата обращения: 26.02.2025).

2. Гарантии добровольности и осознанности и заключения брака: при дистанционной регистрации брака необходимо внедрить механизмы дополнительной верификации, такие как видеоидентификация с анализом мимики и эмоций, обязательное раздельное подтверждение согласия обоими супругами в присутствии цифрового представителя ЗАГС.

3. Предотвращение злоупотреблений и цифровых мошенничеств: для минимизации рисков цифровой фальсификации целесообразно ввести многоуровневую идентификацию личности, например, с использованием биометрии, электронной подписи и дополнительного подтверждения через мобильное приложения «Госуслуги».

4. Снижение цифрового неравенства между регионами: видится потребность в разработке и реализации программы по повышению цифровой грамотности населения, особенно в отдельных регионах. Важно обеспечить равный доступ к цифровым инструментам путем расширения интернет-инфраструктуры и субсидирования для малообеспеченных слоев населения.

5. Защита персональных данных: необходимо внедрение усиленных стандартов кибербезопасности при обработке заявлений, включая использования блокчейн-технологий для защиты данных, шифрование информации и проведение регулярных аудитов безопасности.

6. Дистанционная регистрация брака в исключительных случаях: дополнить Законопроект № 539969-8[5] введением возможности дистанционной регистрации брака для военнослужащих, находящихся на СВО и приграничных с Украиной субъектах.

Цифровизация брачной сферы должна проводится с учетом правовых, социальных, технических аспектов. Полный переход на дистанционный формат несет определенные риски. Поэтому оптимальным решением, по мнению автора, является гибридная модель, сочетающая удобство цифровых технологий и необходимость повышения доступности государственных услуг. Онлайн-подача заявлений уже доказала свою эффективность, значительно упростив взаимодействие граждан с органами ЗАГС. Однако полная замена традиционной процедуры регистрации брака на дистанционную форму вызывает обоснованные дискуссии. С одной стороны, цифровые технологии могут сократить количество бюрократических барьеров, ускорить процесс регистрации и сделать его более удобным. Примеры зарубежных стран показывают, что дистанционная регистрация может быть успешной, особенно в экстренных ситуациях. С другой стороны, личное присутствие продолжает оставаться важным элементом брачной процедуры, обеспечивая ее осознанность, законность и социальную значимость. Кроме того, существуют значительные правовые и технические риски полной цифровизации процесса регистрации брака: угрозы кибератак, утечек данных, сложностей с идентификацией личности и возможных злоупотреблений. Учитывая эти аспекты, оптимальным решением представляется не полная цифровизация брачной процедуры, а интеграция цифровых технологий в качестве вспомогательного механизма. Это позволит повысить удобство и доступность регистрации браков, сохранив при этом правовые и социальные гарантии. Так, дальнейшее развитие данного вопроса должно опираться на баланс между технологическими возможностями и общественными ожиданиями, а также учитывать правовые, этические, культурные аспекты института брака.

Пристатейный библиографический список

1. Андреева Я. В. Заключение брака посредством видео-конференц-связи: зарубежный опыт и перспективы развития // Вопросы российской юстиции. - 2022. - № 17. - С. 208-220.
2. Ахмедов А. Я. Нетипичные институты гражданского права России: постановка вопроса // Вестник Саратовской государственной юридической академии. - 2017. - № 4. - С. 127-130.
3. Гонгало Б. М. Семейное право: учебник. - 4-е изд., перераб. и доп. - М.: Статут. - 2019. - С. 69-70.
4. Краснов И. И., Ющенко Н. В. Актуальные вопросы регистрации брака: помолвка и цифровизация // Теоретическая и прикладная юриспруденция. - 2023. - № 3 (17). - С. 70-77.
5. Рыженков А. Я. О влиянии нравственных ценностей на принципы и нормы семейного права // NOMOTHETIKA: Философия. Социология. Право. - 2021. - № 1. - С. 155-162.
6. Сергеева Н. В. Сравнительная характеристика качества предоставления государственных услуг в электронном виде и МФЦ // Ученые записки Тамбовского отделения РоСМУ. - 2019. - № 16. - С. 111-118.

5 Законопроект № 539969-8 О внесении изменений в Федеральный закон «О введении в действие части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» (о фактических брачных отношениях). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sozd.duma.gov.ru/bill/539969-8?ysclid=m7ozileul8351265088#bh_histras (дата обращения: 26.02.2025).

МАСКИН Кирилл Александрович
аспирант кафедры гражданского процессуального и предпринимательского права, Юридический институт, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева

Маскин К. А.

ДИСКРЕЦИОННЫЕ ПОЛНОМОЧИЯ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ АРБИТРАЖНОГО СУДА ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ ПО ФОРМИРОВАНИЮ СОСТАВА СУДА

Статья посвящена анализу полномочий должностных лиц арбитражного суда первой инстанции, связанных с рассмотрением заявления судьи о необходимости формирования коллегиального состава суда. В отсутствие четких нормативных положений, автором отмечены основания, порядок и последствия принятия должностным лицом решения о рассмотрении дела коллегиальным составом суда. Высказывается суждение, что к должностным лицам в данном контексте следует относить не только председателя судебного состава, но и председателя судебной коллегии, председателя суда. Обосновывается вывод о существовании внутри арбитражного суда первой инстанции должностных лиц, наделенных специальными дискреционными полномочиями, связанными с формированием коллегиального состава суда.

Ключевые слова: дискреционные полномочия, должностное лицо суда, председатель судебного состава, председатель судебной коллегии, председатель суда, состав суда.

MASKIN Kirill Alexandrovich
postgraduate student of Civil process and business law sub-faculty, Institute of Law, Academician S. P. Korolev Samara National Research University

DISCRETIONARY POWERS OF OFFICIALS OF THE ARBITRATION COURT OF FIRST INSTANCE TO FORM THE COMPOSITION OF THE COURT

The article is devoted to the analysis of powers of officials of the arbitration court of first instance, related to the consideration of the application of the judge on the need to form a collegial composition of the court. In the absence of clear regulatory provisions, the author notes the grounds, procedure and consequences of an official's decision to consider a case by a collegial composition of the court. It is suggested that officials in this context should include not only the chief justice of the panel of judge, but also the chief justice of the judicial chambers and the chief justice of the court. The article substantiates the conclusion that within the arbitration court of first instance exist officials vested with special discretionary powers related to the formation of a collegial composition of the court.

Keywords: discretionary powers, official of the court, chief justice of the panel of judge, chief justice of the judicial chambers, chief justice of the court, composition of the court.

Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – АПК РФ), устанавливая правила определения состава суда первой инстанции, которому предстоит рассмотрение дела, исходит из принципа сочетания единоличного и коллегиального начала.

По общему правилу, закрепленному в ч. 1 ст. 17 АПК РФ, дела в первой инстанции арбитражного суда рассматриваются судьей единолично.

Исключения установлены ч. 2 ст. 17 АПК РФ, согласно которой в первой инстанции арбитражного суда коллегиальным составом судей рассматриваются:

– дела об оспаривании нормативных правовых актов (п. 2 ч. 2 ст. 17);

– дела, направленные в арбитражный суд первой инстанции на новое рассмотрение с указанием на коллегиальное рассмотрение (п. 4 ч. 2 ст. 17);

– дела, решения о коллегиальном рассмотрении которых приняты председателем судебного состава в связи с их особой сложностью на основании мотивированного заявления судьи (п. 5 ч. 2 ст. 17);

– дела, относящиеся к подсудности Суда по интеллектуальным правам (п. 6 ч. 2 ст. 17).

Как видно из содержания п. 5 ч. 2 ст. 17 АПК РФ, дело любой категории, представляющее особую сложность, может быть рассмотрено коллегиальным составом судей в случае принятия такого решения председателем судебного состава на основании мотивированного заявления судьи.

Из сказанного можно заключить, что основанием для принятия председателем судебного состава решения о коллегиальном рассмотрении дела является заявление судьи, мотивированное особой сложностью находящегося в его производстве дела.

Как справедливо отмечено О. В. Копарушкиной, «понятие особая сложность является оценочным, и толковать его можно по-разному»[1]. Следует также отметить отсутствие в законе каких-либо ориентиров или критериев, на основании которых можно было бы определить степень сложности дела.

В литературе критериям особой сложности дела относительно рассматриваемой ситуации уделено не так много внимания.

Например, И. В. Решетникова обуславливает сложность дела «отсутствием аналогичной судебной практики, сложностью правовой квалификации, доказательственного материала и т.д.»[2].

О. В. Копарушкина предлагает выделять в качестве критериев особой сложности дела «отсутствие законодательного регулирования или пробелы в законе, отсутствие единообразной судебной практики применительно к рассматриваемому делу, запутанность фактических обстоятельств дела,

1 Копарушкина О. В. Коллегиальное рассмотрение некоторых категорий дел в арбитражном суде первой инстанции. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

2 Решетникова И. В. Размышляя о судопроизводстве: Избранное. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

большое количество лиц, участвующих в деле (в т.ч. иностранных лиц)»[3].

Судейское сообщество предлагает выделять в качестве критериев особой сложности дела «отсутствие единообразной судебной практики по правовому вопросу, подлежащему разрешению судом, большое число участников процесса, предполагаемое наличие общественного резонанса, связанного с рассмотрением спора судом, и другие обстоятельства»[4].

В судебной практике встречаются следующие обоснования принятия председателем судебного состава решения о коллегиальном рассмотрении дела:

– процессуальная позиция стороны (действия, направленные на затягивание срока рассмотрения дела)[5];

– в деле об оспаривании индивидуальным предпринимателем постановления органа местного самоуправления – вынесение органом местного самоуправления при аналогичных обстоятельствах прямо противоположного решения[6];

– в одном из дел «основанием для рассмотрения дела в коллегиальном составе послужили неоднократные заявления истца об отводе судьи, рассматривающего дело, для формирования согласно статье 154 АПК РФ уважительного отношения к закону и суду, а также исключения воздействия на него»[7].

Интересными также представляются подходы к определению критериев сложности дел, сформулированные в Информационном письме Президиума ВАС РФ от 01.07.2014 № 167 «Рекомендации по применению критериев сложности споров, рассматриваемых в арбитражных судах Российской Федерации»[8] (далее – Рекомендации).

Указанные в Рекомендациях таблицы классификации категорий споров по критериям их правовой и фактической сложности подлежат применению в целях надлежащей организации судебной работы, корректировки судебной нагрузки и более равномерного распределения дел, а также объективной оценки качества судебной работы. В Рекомендациях также выделяются правовая и фактическая сложность дела.

При этом, правовая сложность дела определяется исходя из категории дела (правовой природы экономического спора или иного дела).

Так, к особо сложным делам по критерию правовой сложности Рекомендации относят, например, дела о неисполнении или ненадлежащем исполнении обязательств по договору купли-продажи недвижимости и предприятий; дела о неисполнении или ненадлежащем исполнении обязательств по договору долевого участия в строительстве; корпоративные споры (в том числе дела о создании, реорганизации и ликвидации организаций); о ценных бумагах и др.

Фактическая же сложность дела определяется исходя из объема дела и проделанной по нему работы. В частности, учитывается наличие обстоятельств, усложняющих рассмотрение дела: число истцов, ответчиков и других участвующих в деле лиц; количество заявленных требований и наличие встречных исков; необходимость проведения экспертиз, допроса свидетелей, участие в деле иностранных лиц, а также применение норм иностранного права.

Рекомендации хотя и не носят обязательного характера применительно к рассматриваемому в настоящей статье вопросу, но, по нашему мнению, могут быть учтены при обосновании судьей заявления о необходимости коллегиального рассмотрения дела.

Таким образом, в отсутствие законодательно установленных критериев отнесения дел к категории особо сложных, учитывая невозможность формулирования закрытого перечня таких критериев, оценка мотивированности заявления судьи о необходимости рассмотрения дела коллегиальным составом относится к судебной дискреции председателя судебного состава.

После составления заявления, мотивированного особой сложностью находящегося в производстве судьи дела, оно подлежит рассмотрению председателем судебного состава, в который входит данный судья.

АПК РФ не дает ответа на вопрос о том, каким образом должно быть оформлено решение председателя судебного состава об удовлетворении либо об отказе в удовлетворении заявления судьи.

Полагаем, следует согласиться с позицией И. В. Решетниковой о том, что «определение состава суда является важным процессуальным шагом, поэтому должно оформляться в форме определения»[9]. Поддерживает данное мнение и М. Ш. Пацация[10]. Соответствующие рекомендации даны также Арбитражным судом Уральского округа[11]. Представляется, что вынесение в таких случаях определения будет соответствовать духу процесса, в котором любое процессуальное действие должно фиксироваться судебным актом.

Хотя материалы судебной практики свидетельствуют о допустимости отсутствия в материалах дела заявления судьи о необходимости рассмотрения дела коллегиальным составом[12], нам видится необходимым помещать в материалы дела как определение председателя судебного состава об удовлетворении либо об отказе в удовлетворении заявления судьи, так и само заявление в целях последующей оценки судами вышестоящих инстанций законности формирования состава суда.

Заслуживает внимания и вопрос о выборе фигуры лица, полномочного принимать решение о коллегиальном рассмотрении дела.

С одной стороны, «при рассмотрении нормы п. 5 ч. 2 ст. 17 АПК РФ прослеживается императивный характер, который не допускает усмотрение в выборе лица, определяющего коллегиальный состав, указывая исключительно на председателя судебного состава»[13].

С другой стороны, указывается, что «решение вопроса о коллегиальном рассмотрении особо сложных дел среди различных составов в рамках одной коллегии может быть принято председателем коллегии, в рамках разных коллегий – председателем суда»[14].

Данный подход следует признать обоснованным, исходя из того, что согласно п. 20 Регламента арбитражных судов, утвержденного Постановлением Пленума ВАС РФ от 05.06.1996 № 7 (далее – Регламент), судебные составы образуются в целях разграничения специализации судей, входящих в них,

3 Копарушкина О. В. Указ. соч.

4 Выписка из протокола рабочей группы по АПК РФ при Арбитражном суде Уральского округа от 16.06.2011 № 2 «Постановления Президиума, рекомендации Научно-консультативного совета, решения Рабочей группы по процессуально-правовым вопросам (1997-2013)». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

5 См.: Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 24.10.2014 по делу № А33-19508/2012. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

6 См.: Постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 08.07.2014 по делу № А64-7169/2013. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

7 Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 11.06.2014 по делу № А59-395/2013. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

8 Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 01.07.2014 № 167 «Рекомендации по применению критериев сложности споров, рассматриваемых в арбитражных судах Российской Федерации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

9 Решетникова И. В. Указ. соч.

10 См.: Пацация М. Ш. О коллегиальности и единоличности принятия отказных определений Верховного Суда РФ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «Гарант».

11 См.: Выписка из протокола рабочей группы по АПК РФ при Арбитражном суде Уральского округа от 16.06.2011 № 2 «Постановления Президиума, рекомендации Научно-консультативного совета, решения Рабочей группы по процессуально-правовым вопросам (1997 – 2013)». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

12 См., напр.: Постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 11.06.2014 по делу № А59-395/2013. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 14.04.2014 по делу № А07-8996/2013. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

13 Протокол заседания президиума ФАС Уральского округа от 25.07.2014 № 11. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

14 Там же.

на рассмотрении отдельных категорий дел[15]. Председатель судебной коллегии организует работу коллегии, а председатель судебного состава организует работу состава (абз. 2 п. 23, абз. 4 п. 24 Регламента).

Судья, рассматривающий дело, может прийти к выводу о его особой сложности вследствие, например, неоднозначности правовой квалификации фактических отношений сторон, вызванной наличием спора, вытекающего из смешанного договора. В такой ситуации судья обоснованно может посчитать целесообразным привлечь к рассмотрению дела судей другого судебного состава или судебной коллегии и должен иметь возможность обратиться с соответствующим заявлением либо к председателю судебной коллегии (если предлагается привлечь судей из другого судебного состава коллегии, к которой принадлежит сам судья, рассматривающий дело), либо к председателю арбитражного суда (если предлагается привлечь судей из другой судебной коллегии). Изложенный подход соотносится и с абз. 4 п. 31 Регламента.

Отдельного рассмотрения требует ситуация, когда председатель судебного состава, председатель судебной коллегии или председатель арбитражного суда придут к выводу о необходимости рассмотрения находящихся в их производстве дел коллегиальным составом.

Из положения п. 5 ч. 2 ст. 17 АПК РФ вытекает необходимость проверки заявления судьи председателем судебного состава. Соответственно, в случае подачи немотивированного заявления либо отсутствия, по мнению председателя судебного состава, оснований для рассмотрения дела коллегиальным составом, в удовлетворении заявления следует отказать. Как мы уже отметили, определение надлежащих оснований во многом относится к дискреционным полномочиям председателя судебного состава.

Вместе с тем, логика, заложенная в п. 5 ч. 2 ст. 17 АПК РФ относительно *проверки* заявления судьи, должна распространяться и на случаи рассмотрения заявления, поданного самим председателем судебного состава либо председателем судебной коллегии.

Так, по нашему мнению, в подобных случаях решение о коллегиальном рассмотрении дела может быть принято:

– председателем судебной коллегии по мотивированному заявлению председателя судебного состава, если не предполагается привлечение судей из другой судебной коллегии;

– председателем суда по мотивированному заявлению председателя судебного состава, если предполагается привлечение судей из другой судебной коллегии;

– председателем суда по мотивированному заявлению председателя судебной коллегии.

Представляется, что изложенный порядок в наибольшей степени будет способствовать беспристрастности и объективности при формировании коллегиального состава суда.

Председатель суда как высшее должностное лицо суда самостоятельно выносит определение о рассмотрении своего дела коллегиальным составом, независимо от того, судьи какого судебного состава или коллегии привлекаются, поскольку он обладает всей полнотой полномочий по организации деятельности арбитражного суда.

Очевидно, что после вынесения определения о формировании коллегиального состава суда, рассмотрение дела должно быть произведено с самого начала, поскольку иное означало бы нарушение принципа непосредственности, означающего, что «весь фактический материал, все доказательства должны быть исследованы и восприняты именно тем судьею или теми судьями, которым предстоит разрешить данное дело» [1, с. 379].

Вынесение решения судьей единолично при наличии определения о рассмотрении дела коллегиальным составом должно влечь отмену такого решения судами вышестоящих инстанций по безусловному основанию, поскольку в таком случае дело рассмотрено в незаконном составе[16].

Решение о коллегиальном рассмотрении дела может быть принято в любой момент после принятия судьей искового заявления к своему производству до объявления решения суда. Здесь важно отметить, что коллегиальное рассмотрение относится только к стадии судебного разбирательства.

Так, вопрос о принятии искового заявления к производству арбитражного суда решается судьей единолично в пятидневный срок со дня поступления искового заявления в арбитражный суд (ч. 1 ст. 127 АПК РФ).

В соответствии со ст. 133 АПК РФ обязательной стадией арбитражного процесса является подготовка дела к судебному разбирательству, которая проводится судьей единолично. По результатам проведения предварительного заседания суд решает вопрос о готовности дела к судебному разбирательству.

Согласно ч. 1 ст. 136 АПК РФ в предварительном судебном заседании дело рассматривается единолично судьей с извещением сторон и других заинтересованных лиц о времени и месте его проведения.

Таким образом, проведение судьей предварительного судебного заседания единолично по делу, рассмотрение которого подлежит коллегиальному составу, не противоречит арбитражному процессуальному законодательству[17].

По результатам проведенного исследования можно заключить, что внутри арбитражного суда первой инстанции выделяются должностные лица (председатель судебного состава, председатель судебной коллегии, председатель суда), наделенные специальными дискреционными полномочиями, связанными с формированием коллегиального состава суда в тех случаях, когда необходимость коллегиального рассмотрения императивно не установлена в законе, но в силу особой сложности дела для вынесения законного и обоснованного судебного акта необходимо формирование коллегии трех профессиональных судей.

Отсутствие четкой законодательной регламентации оставляет широкое поле для усмотрения должностных лиц суда в вопросах оснований и порядка принятия решения о формировании коллегиального состава суда.

В изложенных обстоятельствах предложено решение спорных вопросов, исходя из необходимости обеспечения независимости и объективности судей.

Пристатейный библиографический список

1. Васьковский Е. В. Курс гражданского процесса: Субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия. – М.: Статут, 2016. – 624 с.
2. Выписка из протокола рабочей группы по АПК РФ при Арбитражном суде Уральского округа от 16.06.2011 № 2 «Постановления Президиума, рекомендации Научно-консультативного совета, решения Рабочей группы по процессуально-правовым вопросам (1997-2013)». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
3. Копарушкина О. В. Коллегиальное рассмотрение некоторых категорий дел в арбитражном суде первой инстанции. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
4. Пацация М. Ш. О коллегиальности и единоличности принятия отказных определений Верховного Суда РФ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «Гарант».
5. Протокол заседания президиума ФАС Уральского округа от 25.07.2014 № 11. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».
6. Решетникова И. В. Размышляя о судопроизводстве: Избранное. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

15 Постановление Пленума ВАС РФ от 05.06.1996 № 7 «Об утверждении Регламента арбитражных судов». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

16 См.: Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 14.07.2011 по делу № А69-1675/2010. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

17 См.: Постановление Президиума ВАС РФ от 01.02.2011 по делу № А15-564/2010. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

DOI 10.46320/2073-4506-2025-4-203-270-272

БОРИСЕНКО Людмила Валентиновна
старший преподаватель кафедры административного и служебного права, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

АФРИКЬЯН Олег Артурович
магистрант 2-го курса, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

ХВАН Евгений Валерьевич
магистрант 2-го курса, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

ШВАЧКИН Илья Евгеньевич
магистрант 2-го курса, Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева

ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ФИНАНСОВОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ ОХРАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАНИЦЫ: ЭКОНОМИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

В работе рассмотрены и проанализированы различные аспекты применения инновационных технологий, в частности систем искусственного интеллекта, в финансовом обеспечении защиты государственной границы, являющимся элементом финансово-правового режима государственной границы Российской Федерации. Показан практический пример разработки модели машинного обучения для предсказания количества рассмотренных судебных дел по поводу правонарушений в области защиты государственной границы и обеспечения режима пребывания иностранных граждан.

Ключевые слова: межотраслевые связи административного и финансового права, финансово-правовой режим охраны государственной границы, инновационные цифровые технологии, искусственный интеллект, обучение с подкреплением, краудфандинг.

BORISENKO Ludmila Valentinovna
senior lecturer of Administrative and service law sub-faculty, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

AFRIKIAN Oleg Arturovich
magister student of the 2nd course, M. V. Lomonosov Moscow State University

KHVAN Evgeniy Valerjevich
magister student of the 2nd course, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

SHVACHKIN Ilya Evgenjevich
magister student of the 2nd course, V. M. Lebedev Russian State University of Justice

INNOVATIVE TECHNOLOGIES IN FINANCIAL PROVISION OF THE STATE BORDER PROTECTION: LEGAL AND ECONOMIC ASPECTS

The article attempts to comprehensively consider various aspects of application of innovative technologies, in particular artificial intelligence systems, in financial provision of the State Border Protection, which is an element of the financial and legal regime of the State Border of the Russian Federation. A practical example of developing a machine learning model for predicting the number of considered court cases on offences in the field of protection of the State Border and ensuring the regime of stay of foreign citizens is shown.

Keywords: inter-branch relations of administrative and financial law, financial and legal regime of protection of the state border, innovative digital technologies, artificial intelligence, reinforcement learning, crowdfunding.

Современные тенденции в развитии публичного права сопряжены с насущной необходимостью в обеспечении государственного суверенитета. Повышенное внимание уделяется обеспечению экономической безопасности как Российской Федерации в целом, так и её отдельных территорий, включая приграничные зоны (приграничные регионы). Однако в доктрине публичного права не выработаны методологические подходы к обеспечению экономической безопасности приграничных зон (приграничных регионов), а также не проведены комплексные исследования, имеющие цель сконструировать финансово-правовой режим охраны государственной границы. Среди немногочисленных работ, которые в том или ином виде затрагивают вопросы исследуемой проблематики, следует выделить диссертационное исследование Ю. В. Берладир на тему «Правовые основы финансирования Пограничной службы Российской Федерации» [2, с. 7], защищенное в 2002 г. Практическая значимость работы обусловлена тем, что в национальном законодательстве, включая акты стратегического государственного планирования в сфере охраны и защиты Государственной границы, не достигнуто полное соответствие между содержанием данных источников права и правовой реальностью. Во многом необходимость изменения существующей правовой парадигмы вызвана естественным устареванием Закона РФ «О Государ-

ственной границе Российской Федерации» от 01.04.1993 № 4730-1 (далее – Закон «О Государственной границе»)[1], который также в силу эволюции правопонимания, юридической техники и правореализации нуждается в переработке. В конечном итоге, суммируя вопросы о финансировании отдельных мероприятий по реализации государственной пограничной политики, сведём их к общему знаменателю: что общего у приграничных зон и механизмов защиты государственной границы для целей финансово-правового регулирования? В зарубежной науке эту проблему осветил Р. Дж. Холкомб, именуя её концепцией равновесия внешнего и внутреннего финансового суверенитета, в основе которой зиждется правовой режим [8, с. 11]. Представить современный финансово-правовой режим охраны Государственной границы (который включает и приграничные зоны) без полноценного расходного и ресурсного обеспечения невозможно в связи с взаимосвязанностью и взаимообусловленностью публичных и частных финансов, межотраслевых связей административного и финансового права, поэтому отдельные правоведы констатируют необходимость более четкой демаркации предметной области финансового и административного права [7, с. 36-37].

Теоретическая часть.

Исследование правовых режимов, финансово-правовых режимов осложняется тем, что правовые режимы, выступая одной из базовых (фундаментальных) категорий теории права, неоднозначно понимаются в отраслевой юридической науке. Сам термин правовой режим и исходящие от него отраслевые правовые режимы характеризуются высшей степенью полисемии. Для решения исследовательских задач настоящей работы значительный интерес представляют точки зрения К. В. Андриевского и А. С. Куликова. К. В. Андриевский под финансово-правовым режимом понимает совокупность (конгломерат) средств, которые объединены и направлены на достижение специфической цели и обеспечивают порядок поведения субъектов режимного регулирования [1, с. 11-12], тогда как А. С. Куликов - правовое регулирование, обладающее набором специфических для предмета правового регулирования признаков [5, с. 27]. Данные определения демонстрируют отсутствие общего, единого направления к пониманию финансово-правовых режимов, поскольку рассматриваемое понятие только начинает входить в аппарат доктрины финансового права. Между тем понимание правовых категорий в целом не лишено недостатков, они подвержены также естественному устареванию вследствие эволюции правопонимания. Ведущим катализатором, воздействующим на понимание финансово-правовых режимов, является цифровизация. Так, М. В. Дегтярев последовательно и непротиворечиво рассуждает о том, что события последних лет, сопряженные с цифровизацией, влекут необходимость поиска публичными регуляторами более эффективных регуляторных подходов, решений, инструментов, которые могут оперативно корректироваться и адаптироваться, исходя из текущих быстро изменяющихся условий и вызовов [4, с. 4]. В свою очередь, следует согласиться с рассуждениями Е. А. Громовой о том, что в условиях глобальной цифровизации, затронувшей все сферы общественной жизни, благосостояние российских граждан будет зависеть в том числе и от предпринимаемых государством усилий, способствующих разработке, внедрению и применению цифровых инноваций и технологий [3, с. 51]. Таким образом, привычное понимание и содержание финансово-правового режима под влиянием цифровых технологий изменяется. Возникает практикоориентированный вопрос: как через традиции сформировать инновации, а именно возможно ли использование технологий искусственного интеллекта (далее - ИИ) при финансировании мероприятий, связанных с защитой Государственной границы? Использованию технологии ИИ посвящено ни одно комплексное исследование. Не вдаваясь в глубокие теоретические изыскания о его правовом режиме, попытаемся предложить теоретическую модель использования последнего в финансировании мероприятий, связанный с защитой Государственной границы.

Практическая часть

Одним из актуальных направлений разработки и развития систем ИИ остается область компьютерного зрения, которая решает задачи классификации, детекции и сегментации объектов на изображениях. Обнаружены результаты использования таких систем для анализа видеопотока в реальном времени [6, с. 2-3]. В связи с этим считаем обоснованным использование системы компьютерного зрения для автоматического мониторинга Государственной границы, а именно предлагаем применение мультикомпонентной модели ИИ, включающей в себя подсистемы для видеонаблюдения, анализа геопространственных угроз и отслеживания траектории движения. Кроме того, считаем перспективным использование графовых нейронных сетей, применение которых может позволить разработать модель прогнозирования уязвимых участков Государственной границы на основе анализа спутниковых снимков, данных о рельефе, инфраструктуре и статистики пограничных инцидентов. Для прогнозирования вероятности проникновения в ближайший промежуток времени на каждом конкретном участке границы [9, с. 6]. Другим важным аспектом применения системы ИИ является оптимизация бюджетного финансирования охраны Государственной границы. В качестве модели считаем оправданным применение мультикритериального алгоритма оптимизации, в том числе на базе обучения с подкреплением, где агент «обучается» распределять бюджет, таким образом, который обеспечит минимизацию возможных негативных инцидентов, а также снизит прогнозируемый уровень риска [10, с. 25-28].

Далее рассмотрим пример разработки, обучения и тестирования модели машинного обучения для анализа взаимосвязи между государственным финансированием охраны Государственной границы и количеством инцидентов, происходящих на государственной границе. На основе данных за период с 2005 по 2023 год предлагаем регрессионную прогностическую модель. Исходный набор данных включает следующие показатели: капитальные вложения из федерального бюджета в рамках федеральной целевой программы «Государственная граница Российской Федерации», доходы в консолидированном бюджете РФ, уровень инфляции в годовом исчислении, количество рассмотренных судебных дел по поводу правонарушений в области защиты Государственной границы и обеспечения режима пребывания иностранных

1 Закон РФ «О Государственной границе Российской Федерации» от 01.04.1993 № 4730-1 / Российская газета от 4 мая 1993 г. - № 84.

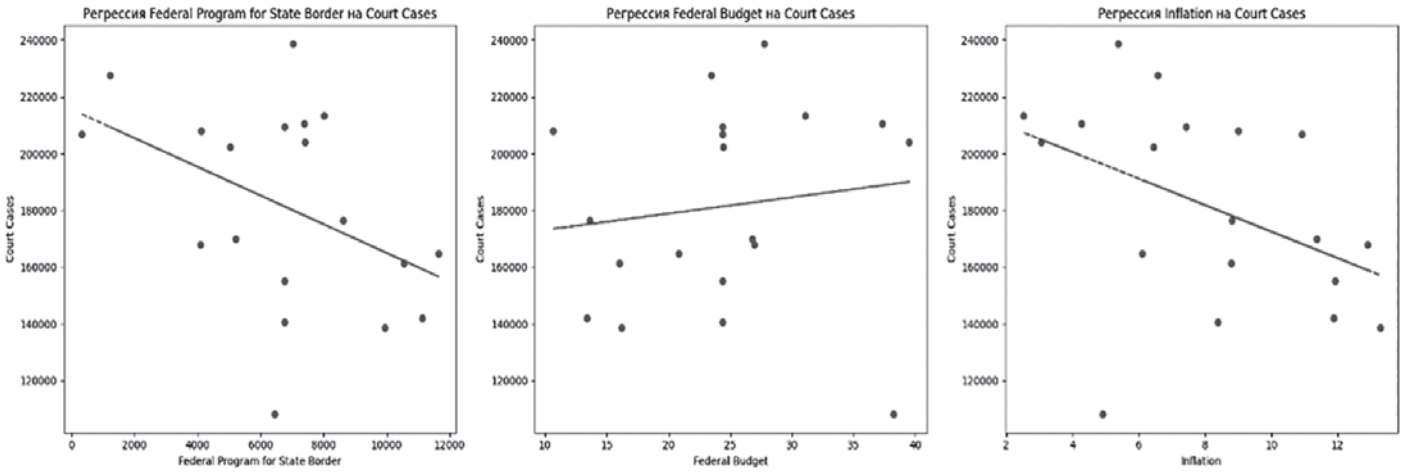

Рисунок 1. Попарные графики линейной регрессии в отношении исследуемых признаков и целевой переменной.

граждан, а также доля наказанных в этих судебных делах. Эти данные взяты нами для исследования из электронных ресурсов Росстата. Для моделирования используем линейную регрессию как интерпретируемую и устойчивую модель при малом объёме выборки. Входными признаками являются капитальные вложения, доходы бюджета, инфляция. В качестве целевой переменной выбрано число судебных дел. Модель обучается с использованием кросс-валидации. Были рассчитаны средние значения метрик качества, а именно коэффициент детерминации и средняя абсолютная ошибка, а также были проанализированы коэффициенты, отражающие вклад каждого признака в итоговую модель. Нами обнаружено, что наибольшее влияние на судебную активность оказывают капитальные вложения в рамках федеральной целевой программы и уровень инфляции, тогда как влияние федерального бюджета оказалось менее выраженным. На рисунке 1 представлены попарные графики линейной регрессии в отношении исследуемых признаков и целевой переменной, полученные при применении собственной модели, разработанной авторами исследования.

В будущем возможно использование более сложных моделей (например, решающих деревьев, случайного леса, градиентного бустинга) для учёта временной динамики и нелинейных взаимосвязей. Также считаем перспективным расширение списка обучающих параметров предложенной модели путем добавления следующих показателей: количество правонарушений, связанных с охраной Государственной границы, число задержанных нарушителей, индекс политической напряженности, количество погранзастав, расходы на оборону и безопасность, курс доллара по отношению к рублю, расходы на цифровизацию госуправления (млрд. руб.) и прочее.

Понимание сущности финансово-правового режима в контексте технологического развития невозможно вне связи с политическими процессами и событиями, которые происходят в Российской Федерации. В связи с этим внедрение в понятийно-категориальный аппарат финансового права цифровых технологий, которые используются при финансовом обеспечении защиты Государственной границы, является закономерностью, обусловленной взаимопроникающим развитием финансового права и инновационных технологий.

Пристатейный библиографический список

1. Андриевский К. В. Финансово-правовые режимы: дис. … докт. юрид. наук. - М., 2022. - С. 11-12.
2. Берладир Ю. В. Правовые основы финансирования пограничной службы Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2002. - 216 с.
3. Громова Е. А. Стимулирующие правовые режимы предпринимательской деятельности в сфере цифровых инноваций и технологий: дис. ... докт. юрид. наук. - Казань, 2024. - С. 51.
4. Дегтярев М. В. Инновационные публично-правовые режимы: дис. ... докт. юрид. наук. - М., 2024. - С. 4.
5. Куликов А. С. Финансово-правовой режим валютных операций в Российской Федерации: дис. … канд. юрид. наук. - М., 2013. - 211 с.
6. Машнич А. С., Иванов А. А., Киргизова Н. П. Применение искусственного интеллекта в интересах территориальной обороны России // Student. - 2020. - Т. 3, № 11. - С. 2-3.
7. Финансовое право на рубеже эпох: монография / Под ред. И. И. Кучерова. - Москва: Проспект, 2024. - С. 36-37.
8. Holcombe R. G. Public finance and the political process. - Southern Illinois: University Press, 1983. - P. 11.
9. Ige T., Kolade A., Kolade O. Enhancing Border Security and Countering Terrorism Through Computer Vision: A Field of Artificial Intelligence. In: Silhavy, R., Silhavy, P., Prokopova, Z. (eds) Data Science and Algorithms in Systems. - CoMeSySo, 2022. Lecture Notes in Networks and Systems. - Vol. 597. - Springer, Cham. - P. 6.
10. University of California Los Angeles (UCLA), 2018. New AI computer vision system mimics how humans visualize and identify objects. Eurekalert.org, 20 December 2018. As of 11 August, 2020. - P. 25-28.

КОВАЛИШИНА Ксения Викторовна
магистрант, Крымский филиал, Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, г. Симферополь

ЕВСИКОВА Елена Витальевна
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного и финансового права, Крымский филиал, Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, г. Симферополь

ФИНАНСОВЫЙ КОНТРОЛЬ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПОНИМАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ

В статье проведён анализ правопонимания и сущности финансового контроля сквозь призму точек зрения различных представителей современной доктрины финансового права. Выявлены проблемы правового урегулирования и правореализации финансового контроля в Российской Федерации в современных условиях. На основе проведённого анализа автором предложены рекомендации по усовершенствованию регулирования государственного финансового контроля в Российской Федерации.

Ключевые слова: финансовый суверенитет, государственный финансовый контроль.

KOVALISHINA Kseniya Viktorovna
student, Crimean branch, V. M. Lebedev Russian State University of Justice, Simferopol

EVSIKOVA Elena Vitaljevna
Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Administrative and financial law sub-faculty, Crimean branch, V. M. Lebedev Russian State University of Justice, Simferopol

FINANCIAL CONTROL IN MODERN CONDITIONS: PROBLEMS OF LEGAL UNDERSTANDING AND IMPLEMENTATION

The article analyzes the legal understanding and the essence of financial control through the prism of the points of view of various representatives of the modern doctrine of financial law. The problems of legal regulation and the right to implement financial control in the Russian Federation in modern conditions are revealed. Based on the analysis, the author suggests recommendations for improving the regulation of state financial control in the Russian Federation.

Keywords: financial sovereignty, state financial control.

Вопросы правового регулирования государственного финансового контроля не один год являются предметом дискуссий среди исследователей финансового права. Пристальное внимание исследователей-юристов и учёных-экономистов к государственному финансовому контролю во многом объясняется складывающейся на сегодняшний день ситуацией в сфере регулирования финансовой деятельности государства и эффективной реализации финансовых правоотношений.

В современных условиях ухудшения внешнеполитической ситуации, санкционного давления, преобразования общественных отношений и иных вызовов, стоящих перед нашим государством и оказывающих влияние на национальную безопасность, необходимость обеспечения устойчивости финансовой системы государства и пр., возникает необходимость усовершенствования правового регулирования и организации финансового контроля.

По сложившейся традиции, теоретиками права «суверенитет» выделяется в качестве одного из основных признаков государства. Однако, в последнее время прослеживаются тенденции по смешению или даже подмене понятий.

Лексин И. В. обращает внимание: «Государственный суверенитет в юридическом смысле есть признаваемая способность устанавливать правовой порядок на определённой территории» [1].

Ретроспективный анализ исторической, философской и юридической литературы, посвящённой различным аспектам концепции «суверенитета», позволяет сделать вывод о заимствовании зарубежной концепции в нашу правовую действительность. Не вдаваясь в дискуссию о первенстве происхождения существующих концепций, отметим, что среди некоторых исследователей распространённой является точка зрения, согласно которой, для Российской Федерации, исходя из её многовековой истории, собственного пути развития и формирования определённых духовно-нравственных ценностей, наиболее подходящим является употребление термина «державность», а также дальнейшее его закрепление в Конституции в качестве одного из элементов «национальной идеи».

В свою очередь, в монографии «Финансовый суверенитет государства: теория и правовая реальность» предпринята попытка дать определения абстрактной категории «финансовый суверенитет»: «…это основанная на национальных конституционных ценностях и закреплённая законодательством система мер и мероприятий, направленных на создание и развитие условий, обеспечивающих состояние стабильности, поступательного развития общества в целом, а также благополучия его граждан», что позволяет охарактеризовать его как достаточно самостоятельную систему и одновременно, как подсистему более крупного явления – суверенитета страны, давая возможность определить взаимосвязи и взаимозависимости всех подсистем [2]. Как видно из приведённого определения, автором используется системный подход.

В доктрине финансового права существует многообразие определений дефиниции «финансовый контроль».

Грачёва Е. Ю. раскрывает финансовый контроль как сложную и многоаспектную категорию, т.е. как функцию государственного управления и, одновременно, управленческую деятельность, а именно: «…контроль со стороны уполномоченных государством органов и организаций за законностью действий в процессе собирания, распределения и использования денежных фондов государства и муниципальных образований в целях осуществления эффективной финансовой политики в обществе для обеспечения прав и свобод граждан» [3].

Подчёркивая двойственную природу финансового контроля, Е. В. Овчарова раскрывает понятие «финансовый контроль» через функциональный подход, т.е. контрольную функцию финансов, функцию публичной финансовой деятельности, государственного и муниципального регулирования и управления, реализуемую органами публичной власти и организациями, самозанятыми физическими лицами [4].

Многообразие подходов к рассматриваемому понятию, к сожалению, не позволило учёным и законодателю выработать единую дефиницию и утвердить её в правовом поле нашего государства, что являет собой почву для проведения новых исследований и дискуссий, однако, принципиально важно сознавать, что точку в данном вопросе позволит поставить лишь законодательное закрепление данного понятия.

Важно заметить, что в Российской Федерации, несмотря на бурные обсуждения и научные исследования данной сферы, законодательный акт, регламентирующие государственный финансовый контроль так и не был принят. Примечательно, что о необходимости разработки и принятия единого правового акта в своё время высказывались Е. Ю. Грачёва, Е. В. Евсикова, Е. В. Овчарова и др.

Несмотря на то, что государственный финансовый контроль является частью системы государственного контроля, которая законодательно урегулирована положениями Федерального закона «О государственном контроле(надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» от 31.07.2020 № 248-ФЗ (далее – 248-ФЗ)[1], в соответствии с ч. 4 и 5 ст. 2 указанного 248-ФЗ не распространяет своё действие на государственный финансовый контроль.

Однако, сегодня нормативно-правовое регулирование финансового контроля отличается недостаточной разработанностью и фрагментарностью, наличием огромного количества разноуровневых норм, содержащихся в различных нормативно-правовых актах, начиная от кодифицированных[2] и федеральных законов[3], заканчивая актами муниципального уровня.

Особое место в регулировании финансового контроля отведено подзаконным актам.

Подобная «фрагментарность», по нашему мнению, препятствует достижению целей государственного контроля. Следует оговориться и о том, что заблуждением является сведение понимания цели государственного финансового контроля исключительно в узком смысле, поскольку обозначенная деятельность куда шире.

Стоит также отметить, что понятийный аппарат, используемый в законодательстве, может вводить в заблуждение (напр. использование термина «аудитор» в ФЗ «О счётной палате» и «Об аудиторской деятельности» и др.), а зачастую, и вовсе отсутствует необходимая понятийная база.

В свою очередь, С. В. Запольский и Е. Л. Васянина обращают внимание на следующее: «Главный дефект господствующей конструкции финансового контроля – ориентация на проверку как на контрольную деятельность, охватывающую действия (бездействие) подконтрольного субъекта» [5]. По нашему мнению, такое узкое понимание является некорректным, поскольку препятствует надлежащей реализации.

Очевидной стала потребность разработки и принятия Федерального закона «О государственном финансовом контроле», который объединил бы все существующие сегодня виды финансового контроля,

На основе проведенного анализа авторы приходят к следующим выводам:

– назрела необходимость разработки и принятия единого правового акта, призванного урегулировать государственный финансовый контроль;

– необходимо верное целеполагание, при разработке нормативно-правовых актов, программ и пр., поскольку достижимость поставленных целей пребывает в прямой зависимости от их «адекватности»;

– необходима детальная проработка понятийного аппарата;

– оптимизация полномочий контрольно-счётных органов;

– необходимость усовершенствования положений о привлечении к юридической ответственности;

– проведение исследований зарубежного опыта правового регулирования и организации государственного финансового контроля с целью выявления лучших практик и ошибок в правовом регулировании и осуществлении финансового контроля в зарубежных государствах.

Разработка и принятие единого закона, посвящённого государственному финансовому контролю, невозможно без должного осмысления учёными и правоприменителями. В то же время, формирования «целостной картины» видится нам невозможным без «обращения к истокам», что на деле предполагает изучении истории становления государственного финансового контроля в нашем государстве в различные периоды его развития, а также, философской рефлексии. Думается, что при соблюдении такого комплексного подхода, станут достижимыми чаяния правоведов о достижении консенсуса при выдвижении разумных и справедливых предложений по законодательному урегулированию обозначенной сферы.

1 Федеральный закон «О государственном контроле(надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» от 31.07.2020 № 248-ФЗ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358750/ (дата обращения: 23.04.2025).

2 «Бюджетный кодекс Российской Федерации» от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 21.04.2024). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/ (дата обращения: 24.04.2025).

3 Федеральный закон «О государственном контроле(надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» от 31.07.2020 № 248-ФЗ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358750/ (дата обращения: 23.04.2025); Федеральный закон «О валютном регулировании и валютном контроле» от 10.12.2003 № 173-ФЗ (последняя редакция). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_45458/ (дата обращения: 24.04.2025); Федеральный закон «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 03.08.2018 № 289-ФЗ (последняя редакция). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_304093/ (дата обращения: 24.04.2025); Федеральный закон «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» от 10.07.2002 № 86-ФЗ (последняя редакция). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37570/ (дата обращения: 24.04.2025).

Пристатейный библиографический список

1. Лексин И. В. Государственный суверенитет: иллюзия концептуального разнообразия и многообразие концептуальных иллюзий // Федерализм. – 2017. – № 1. – С. 79-92.
2. Финансовый суверенитет государства: теория и правовая реальность: монография / Отв. ред. Е. Ю. Грачева. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2024. – 344 с.
3. Грачева Е. Ю. Проблемы правового регулирования государственного финансового контроля: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.12. – Москва, 2000. – 378 с.
4. Овчарова Е. В. Финансовый контроль в Российской Федерации: учебное пособие. – Москва: Зерцало-М, 2019. – 224 с.
5. Запольский С. В., Васянина Е. Л. Цифровизация финансового контроля: правовое регулирование // Правовая информатика. – 2022. – № 3. – С. 4-12.

DOI 10.46320/2073-4506-2025-4-203-275-276

МАКАРЧУК Злата Владимировна
кандидат юридических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой административного и финансового права, Юридический институт, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

ПОПУДРЕНКО Андрей Николаевич
магистрант, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ПЕРСПЕКТИВА РАЗВИТИЯ СЕРВИСА ДЕЛЕНИЯ ОПЛАТЫ ЗА ТОВАРЫ (УСЛУГИ) НА НЕСКОЛЬКО ПЛАТЕЖЕЙ (BNPL) В РОССИИ

В статье рассматривается сервис деления оплаты за товары (услуги) на несколько платежей (BNPL) (далее – сервис BNPL) как разновидность оплаты товаров в рассрочку, его правовое регулирование и перспектива сближения законодательства о рассрочке с регулированием потребительского кредита. Авторы также отмечают отсутствие специального правового регулирования деятельности организаций, предоставляющих сервис BNPL в Российской Федерации, и обозначают множества проблемных вопросов, связанных с реализацией сервиса BNPL. В целях проведения сравнительно-правового анализа, авторами рассматриваются правовое регулирование сервиса BNPL в национальном законодательстве Королевства Швеции.
Ключевые слова: сервис BNPL, правовое регулирование, рассрочка, потребительский кредит, рынок BNPL.

MAKARCHUK Zlata Vladimirovna
Ph.D. in Law, associate professor, Deputy Head of Administrative and financial law sub-faculty, Institute of Law, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

POPUDRENKO Andrey Nikolaevich
magister student, National Research University «Higher School of Economics»

REGULATION AND THE PROSPECT OF DEVELOPING A «BUY NOW, PAY LATER» SERVICE (BNPL) IN RUSSIA

The article discusses the «buy now, pay later» service as a type of payment by instalments, regulation and regulatory convergence of the payment by instalments regulation with the regulation of consumer loan. The author also notes the absence of special regulation of the activities of organizations providing the BNPL service in the Russian Federation and identifies a number of problematic issues related to the implementation of the BNPL service. In order to conduct a comparative legal analysis, the author examines the legal regulation of the BNPL service in the national legislation of the Kingdom of Sweden.
Keywords: BNPL service, regulation, payment by instalments, consumer loan, BNPL market.

В условиях активного развития электронной коммерции в России, сервис деления оплаты за товары (услуги) на несколько платежей (BNPL) (далее – сервис BNPL) набирает свою популярность. BNPL (с англ. Buy now, pay later – «покупай сейчас, плати потом») представляет собой устойчивый термин, обозначающий разновидность краткосрочного финансирования.

По данным исследования в рамках аналитического проекта Tinkoff Data, проводимого Т-Банком на примере сервиса «Долями» в 2023 году, средняя стоимость покупки, оплаченной с помощью сервиса, оказалась на 81 % выше, чем при оплате с помощью банковской карты клиентов Т-Банка в тех же магазинах[1]. Данное исследование не затрагивало весь рынок BNPL в России, но обозначило серьёзный потенциал для его расширения и развития. Повышение ключевой ставки Центрального Банка, влияющей на доступность банковских кредитов для населения, будет способствовать развитию микрофинансовой отрасли Российской Федерации, в частности благодаря цифровизации и совершенствованию сервисов деления платежей [4, с. 20].

Под словом «сервис» в русском языке понимается общественное обслуживание, которое было заимствованно из французского языка (с фран. «servis» означает услугу, службу[2]). Так, в данной работе под сервисом BNPL предлагается понимать - совокупность услуг, предоставляемых финансовой или иной организацией, по исполнению платежных обязательств в рамках договора купли-продажи или договора оказания услуг с возможностью произведения оплаты не разовым платежом, а частями в течение определенного периода времени.

Функциональная модель сервиса BNPL выражается в посредничестве между продавцом товаров или услуг и конечным покупателем на этапе проведения оплаты. Стоимость товара разделяется на несколько частей, а покупатель оплачивает товар не разовым платежом, а постепенно в соответствии с персональным графиком платежей. При этом сам товар покупатель получает до произведения полной оплаты. Сервис BNPL выступает не просто в качестве платежного средства, но и в качестве дополнительного инструмента по привлечению трафика потребителей продавцу [2, с. 115]. Также сервис BNPL может предусматривать обязательное внесение первоначального платежа за товар при его приобретении. Чтобы иметь возможность пользоваться сервисом BNPL не требуется проходить длительных процедур аутентификации и предоставлять паспортные данные, достаточно ввести данные мобильного телефона и данные банковской карты, привязанной к банковскому счету. В соответствии с графиком платежа за покупку, сервис BNPL самостоятельно направляет запрос в банк покупателя для списания денежных средств в целях исполнения обязательства. При этом приобретение товаров и услуг с использованием BNPL возможно в том случае, если продавец таких товаров/ услуг является партнером организации, предоставляющей сервис BNPL.

1 «Исследование Долями: BNPL-сервисы повышают средний чек покупки на 81 %». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.tbank.ru/about/news/12072023-dolyami-research-bnpl-services-increase-average-purchase-receipts-by-81-percent/.

2 См.: Семёнов А. В. Этимологичекий словарь русского языка. Серия «Русский язык от А до Я». Издательство «ЮНВЕС». – Москва, 2003. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://lexicography.online/etymology/semyonov/.

Стоит отметить, что схожий механизм достаточно давно используется при приобретении товаров на условиях лизинга, когда лизингополучатель берет товар в аренду (регулярно внося платежи за него) с последующим выкупом этого товара.

Для определения правовой сущности сервиса BNPL необходимо отметить, что в соответствии с действующим правовым регулированием в Российской Федерации он не относится к потребительскому кредиту, а соответственно не подпадает под регулирование Федерального закона от 21.12.2013 № 353 «О потребительском кредите». С точки зрения модели функционирования сервиса BNPL, по законодательству Российской Федерации данный сервис является оплатой товаров в рассрочку в соответствии со статьей 489 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее - ГК РФ).

Рассрочка представляет собой форму оплаты, при которой покупатель оплачивает покупку частями в течение определенного времени. Как правило, рассрочка носит целевой характер - на покупку конкретного товара. Регулирование рассрочки осуществляется в соответствии с положениями статьи 489 Гражданского кодекса Российской Федерации. Важно отметить, что рассрочка может выступать как банковский продукт (когда банк оплачивает товар, а покупатель отдает деньги банку - рассрочка от банка), так и небанковский продукт (когда рассрочку предоставляет сам магазин – рассрочка от продавца)[3].

В этой связи сервис BNPL можно рассматривать в качестве одной из разновидности рассрочки, так как по своей сути механизм деления оплаты с помощью указанного сервиса схож с рассрочкой от продавца, но при которой продавец не взаимодействует с потребителем напрямую в платежный отношениях, а через организацию, предоставляющую сервис BNLP. Одной из причин такого взаимодействия может выступать попытка продавца переложить кредитные риски при предоставлении рассрочки покупателю на стороннюю организацию.

При этом вопрос отнесения сервиса BNLP к рассрочке в научной литературе видится дискуссионным. Так, например, в научных источниках ключевым отличием сервиса BNPL от кредитных карт и рассрочки видится уникальность сервиса на фоне стандартных банковских продуктов, так как перед открытием кредитного счета или кредитной линии для рассрочки банк сервисов реализует процедуру одобрения, а саму рассрочку часто «называют банковским кредитом», при котором банк получает часть выгоды за счет пропущенных платежей [1, с. 2]. Некоторыми экспертами также отмечается, что в основе модели функционирования сервиса BNPL лежит банковская карта, что больше похоже на отложенный платеж [3, с. 118].

Однако противоположной точки зрения поддерживается и Банк России, который рассматривает сервис BNPL как рассрочку.

В 2022 году Банк России разработал подходы к регулированию рассрочки и предложил сблизить законодательство о потребительском кредитовании и регулирование услуг рассрочки на основе изученного международного опыта регулирования рынка BNPL[4].

Так, например, Королевство Швеция является одной из стран с сильно развитой электронной коммерцией и высокой долей проведения платежей через сервисы BNLP в мире[5]. Рынок BNPL подпадает под регулирование Закона Королевства Швеции о потребительском кредите (Sw. Konsumentkreditlagen), а также предусматривает выдачу лицензий на финансовые услуги. Дополнительно регулирование сервисов BNPL с точки зрения маркетинга затрагивает Шведский закон о платежных услугах (Sw. Betaltjänstlagen)[6]. Также в отношении сервисов BNLP распространяется требование о двухфакторной аутентификации пользователя для совершения покупок и идентификацию с помощью BankID[7].

Таким образом, сервис BNLP в законодательстве Королевства Швеции в большей степени рассматривается как разновидность потребительского кредитования.

Подводя итоги необходимо обозначить, что подход Банка России в части рассмотрения сервиса деления платежей как одной из разновидности рассрочки, а также попытки сближения регулирования рассрочки и регулирования потребительского кредита является вполне понятным, поскольку ключевой задачей таких изменений является защита фактического заемщика (покупателя). Приведенная практика Королевства Швеции отражает аналогичный подход к определению правовой сущности сервиса BNLP.

При этом необходимо учитывать и возможные негативные последствия от таких законодательных изменений. Как было обозначено выше, сервис BNPL позволяет продавцам стимулировать потребительский спрос на свои товары/ услуги, в частности за счет того, что оплата товаров с помощью механизма деления платежей не оставляет кредитную историю и позволяет без особых юридических сложностей совершать быстрые недорогостоящие покупки. В свою очередь, сближение регулирования рассрочки и потребительского кредита может способствовать снижению уровня использования такого механизма и, соответственно, снижению уровня продаж товаров / услуг предпринимателями.

Ввиду отсутствия более детального регулирования рынок BNPL в России функционирует в выгодных коммерческих условиях, которые позволяют сервисам самостоятельно определять условия взимания сервисного сбора и штрафы за просрочку платежей. В связи с отсутствием требований к организациям, предоставляющим услугу деления платежей, сервис BNPL может предоставлять любая организация, даже не имеющая опыта в области финансов, что, конечно же, может скрывать за собой как риски для клиентов, так и риски для компаний-партнеров. Так как операторы сервисов не обязаны получать особые лицензии, то, и не обязаны передавать данные в бюро кредитных историй.

Таким образом, потенциальное разрабатываемое регулирование должно быть направлено не на усложнение работы рынка BNPL в России путем установления чрезмерного контроля, которое может привести к уходу с рынка большинства сервисов, а на поддержание баланса как покупателей (с точки зрения их защиты), так и продавцов (с точки зрения поддержания уровня продаж).

Пристатейный библиографический список

1. Гордя Д. В. Развитие рынка BNPL-сервисов в России и за рубежом: возможности и риски // Современные технологии управления. - 2024. - № 3 (107). - С. 1-9.
2. Пономарев Д. В., Колчин С. П. Банковская деятельность в Российской Федерации: тренды и вызовы // Аудиторские ведомости. - 2024. - № 2.
3. Лебедева Н. Ю., Колосов А. И., Лобачева Е. С. Современные тенденции цифровизации в банковской сфере // Государственное и муниципальное управление. - Ученые записки. - 2024. - № 2. - С. 114-120.
4. Рубцова Н. В. Микрофинансирование в Российской Федерации: изменение отраслевых показателей в условиях глобальных вызовов // Baikal Research Journal. - 2024. - № 1. - С. 13-24.

3 См.: Анна Волкова «Что такое рассрочка и чем она отличается от кредита». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.rbc.ru/quote/news/article/6492ca809a79474a60512eaf?ysclid=m5l08qigk3749472860.

4 «Банк России разработал подходы к регулированию рассрочки» / Банк России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cbr.ru/press/event/?id=14329.

5 Nanna Svahn Riksbank's Staff Memos «Buy now, pay later - a threat to financial stability?» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.riksbank.se/en-gb/press-and-published/publications/staff-memos/buy-now-pay-later--a-threat-to-financial-----stability/summary/.

6 Buy Now Pay later Regulatory Tracker/ Sweden. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.twobirds.com/en/trending-topics/buy-now-pay-later-regulatory-tracker/sweden.

7 Stark kundautentisering vid fakturabetalningar online. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.riksdagen.se/sv/dokument-och-lagar/dokument/betankande/stark-kundautentisering-vid-fakturabetalningar_HA01FiU18/.

КОВАЛИШИНА Ксения Викторовна
магистрант, Крымский филиал, Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, г. Симферополь

ЕВСИКОВА Елена Витальевна
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного и финансового права, Крымский филиал, Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, г. Симферополь

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ В ДЕЙСТВУЮЩЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассмотрены некоторые проблемы правового регулирования государственного финансового контроля в Российской Федерации. Проанализировано действующее законодательство, а также позиции отечественных учёных по данному вопросу, проблемы и перспективы развития действующего административно-деликтного и финансового законодательства. Авторами сделаны выводы и предложения о необходимости усовершенствования правового регулирования в рассматриваемой сфере в целях повышения эффективности и результативности финансового контроля.

Ключевые слова: государственный финансовый контроль, государственное принуждение, юридическая ответственность.

KOVALISHINA Kseniya Viktorovna
student, Crimean branch, V. M. Lebedev Russian State University of Justice, Simferopol

EVSIKOVA Elena Vitaljevna
Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Administrative and financial law sub-faculty, Crimean branch, V. M. Lebedev Russian State University of Justice, Simferopol

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF FINANCIAL CONTROL IN THE CURRENT LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article discusses some of the problems of legal regulation of state financial control in the Russian Federation. The current legislation is analyzed, as well as the positions of domestic scientists on this issue, problems and prospects for the development of current administrative, tort and financial legislation. The authors draw conclusions and make suggestions on the need to improve legal regulation in this area in order to increase the efficiency and effectiveness of financial control.

Keywords: state financial control, state coercion, legal responsibility.

В последние годы среди отечественных исследователей, а также законодателей и правоприменителей не утихает интерес к проблемам правового обеспечения государственного финансового контроля, т.е. формирования эффективного и качественного нормативно-правового регулирования данной сферы правоотношений.

Вместе с тем, дискуссионным остаётся вопрос о полномочиях контрольных органов. Деятельность Счётной палаты регулируется положениями Федерального закона от 05.04.2013 № 41-ФЗ (ред. от 10.07.2023) «О Счётной палате Российской Федерации»[1], а Федерального казначейства Российской Федерации – нормами Бюджетного кодекса Российской Федерации (далее – БК РФ)[2] и Положением о Федеральном казначействе[3].

Несмотря на закрепление разделения в ст. 265 Бюджетного Кодекса РФ, в положениях ст. 268.1 БК РФ и ст. 269.2 БК РФ, в частности, не дают чёткого разграничения полномочий органов внешнего и внутреннего финансового контроля, что приводит к возникновению ряда сложностей. Вызывают споры в науке также и вопросы касательно определения правового статуса Счётной палаты, необходимости пересмотра полномочий Счётной палаты и Федерального казначейства.

Важным шагом на пути к преобразованию правового регулирования государственного финансового контроля в нашем государстве является исследование существующего зарубежного опыта.

К примеру, С. О. Шохин видит положительным опыт применения в Индийской Республике, предусматривающий строгое иерархичное построение органов финансового контроля, характеризующееся персональной ответственностью руководителя [1]. Также, автор приводит в пример опыт Китайской Народной Республики [2].

Отдельного внимания заслуживают проблемы, возникающие при применении к нарушителям мер государственного воздействия.

По мнению Е. В. Овчаровой для обеспечения эффективности финансового контроля следует применять комплексные меры государственного воздействия, как как превентивно-предупредительного характера (приостановление операций по счетам в банках, арест имущества, запрет на отчуждение имущества, в качестве восстановительных мер – взыскание недоимки и пени), так и мер государственного принуждения, в том числе ответственности за нарушение финансового законодательства [3].

Для реализации вышеуказанного предложения необходимо соблюдать должную осмотрительность во избежание злоупотреблений со стороны контролирующих органов и их должностных лиц.

Интересно, что А. А. Гусейнов отметил, что применение принуждения осуществляется с молчаливого согласия таких

1 Федеральный закон от 05.04.2013 № 41-ФЗ (ред. от 10.07.2023) «О Счётной палате Российской Федерации». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144621/ (дата обращения: 25.04.2025).

2 «Бюджетный кодекс Российской Федерации» от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 21.04.2024). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19702/ (дата обращения: 24.04.2025).

3 Постановление Правительства РФ от 01.12.2004 № 703 (ред. от 19.03.2025) «О Федеральном казначействе». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_50565/ (дата обращения: 25.04.2025).

лиц быть наказанными в случае нарушения ими законов, поскольку, они как граждане опосредованно участвовали в их принятии [4].

В то же время, необходимо понимать, что государственное принуждение при определённых политико-правовых условиях может переходить и приобретать черты насилия. Очень важно не допускать превышения пределов допустимости государственного принуждения.

Агапов А. Б. отмечает, что развитие действующего административно-деликтного и уголовного законодательства в сторону ужесточения исходит из принципов целесообразности усиления правоограничений или обременений [5]. Действительно, на основе анализа вносимых в течении последних 5-ти лет изменений в административно-деликтное и уголовное законодательство, мы приходим к выводу о том, что большая часть как внесённых изменений, так и новых инициатив имеют своей целью не усовершенствование уже имеющихся конструкций, не ставят задач по достижению предупреждения противоправного поведения, а стремятся лишь наказать виновного, вследствие распространенности правонарушений и преступлений в сфере финансовых правоотношений и неэффективности существующих мер. Каким же образом поступать государству? На одной чаше весов – неэффективность существующих мер, на другой – необходимость соблюдения прав и законных интересов. Данный вопрос остаётся открытым.

При разработке правового регулирования положений о юридической ответственности, в том числе, призванных предотвратить совершение правонарушений и преступлений в обозначенной сфере необходимо помнить, что нравственность первична по отношению к праву. Таким образом, вне зависимости от сферы, в которой совершаются противоправные деяния, при разработке или усовершенствовании соответствующих юридических норм, прежде всего, следует исходить из данного утверждения, что, безусловно, осложняет работу законодателю.

В части привлечения делинквентов к административной ответственности по итогу проведения контрольных мероприятий, стоит отметить, что ряд нарушений не закреплён в едином кодифицированном акте (КоАП РФ), что также снижает эффективность реализации контрольных мероприятий и затрудняет процесс производства по делам об административных правонарушениях.

Исследование научной литературы, посвящённой исследованию проблем третьей кодификации административно-деликтного законодательства и административной ответственности, позволяет сделать вывод о существовании ряда проблем, которые, несмотря на закрепление в Концепции Нового КоАП[4], к сожалению, не нашли своё отражение в тексте представленного Проекта Нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – Проект нового КоАП)[5], что требует отдельной детальной проработки данной сферы правоотношений, более глубоко анализа и вынесения предложений по реформированию административно-деликтного законодательства с учетом векторов развития института финансового контроля и финансовой ответственности.

Решением обозначенной проблемы может стать предложение М. С. Петраковой по полной кодификации административной ответственности с учетом принципов и особенностей построения административно-деликтного законодательства [6].

По аналогии, можем добавить о необходимости такой дальнейшей кодификации, соответственно, с размещением всех составов нарушений финансового законодательства в нем, без дублирования в других кодифицированных актах, исходя из самой сути такой ответственности – административно-правовой.

Однако, помимо обозначенного предложения, разумно также усовершенствовать нормы, регулирующие наступление уголовной ответственности.

Вместе с тем, не теряет своей актуальности вопрос о разработке единого законодательного акта, полностью регламентирующего понятие, виды и порядок реализации финансового контроля. В Российской Федерации в течение долгого времени происходит формирование модели правового регулирования государственного финансового контроля, которая по своим характеристикам отличается от зарубежных. Поэтому, для разработки и принятия Федерального закона «О государственном финансовом контроле» необходимо детальное изучение не только положительного опыта регулирования в зарубежных государствах, но также целесообразно проведение исследований особенностей исторического развития государственного финансового контроля в России, что позволит найти наиболее оптимальное решение для существующих проблем.

Пристатейный библиографический список

1. Шохин С. О. Особенности организации государственного финансового контроля в Китайской Народной Республике // Финансовое право. – № 11. – 2024.
2. Шохин С. О. Конституционные и законодательные основы государственного финансового контроля в зарубежных государствах: Учебное пособие. – М.: Прометей, 2025. – 440 с.
3. Овчарова Е. В. Концепция и принципы финансового контроля // Государство и право. – 2012. – № 11. – С. 77-86.
4. Гусейнов А. А. Возможно ли моральное обоснование насилия? // Вопросы философии. – 2004. – № 3. – С. 19-27.
5. Агапов А. Б. Публичное принуждение и правовая автаркия // Правовая политика и правовая жизнь. – 2023. – № 2. – С. 34-43.
6. Петракова М. С. Кодификация законодательства об административных правонарушениях в России, Беларуси и Казахстане: сравнительно-правовое исследование: дис. …канд. юрид. наук. – М.,2024. – 215 с.
7. Шохин С. О. Государственный финансовый контроль в Республике Индия / С. О. Шохин // Международное публичное и частное право. – 2024. – № 4. – С. 49-51.

4 «Концепция нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://government.ru/news/36971/ (дата обращения: 18.04.2025).

5 Проект Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 29.05.2020 // Официальный сайт для размещения информации о подготовке федеральными органами исполнительной власти проектов нормативных правовых актов и результатах их общественного обсуждения. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=102447 (дата обращения: 18.04.2025).

АРСЛАНБЕКОВА Аминат Зайдуллаевна
доктор юридических наук, заведующий кафедрой административного, финансового и таможенного права, Юридический институт, Дагестанский государственный университет

АЛИЕВ Али Тимурович
магистрант 2-го курса Юридический институт, Дагестанский государственный университет

РАСЧЁТНО-КАССОВОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ И ККТ КАК ИНСТРУМЕНТЫ СНИЖЕНИЯ ТЕНЕВОЙ ЭКОНОМИКИ: НЕОБХОДИМОСТЬ ВНЕДРЕНИЯ СРЕДИ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН

В статье рассматриваются роль РКО и ККТ в повышении прозрачности финансовых операций, масштабы теневой экономики в Дагестане и её влияние на регион, текущий уровень применения ККТ среди ИП в республике, барьеры внедрения (экономические, культурные, административные). Авторами предложены меры для стимулирования использования ККТ и РКО.
Ключевые слова: контрольно-кассовая техника, расчетный счет, налоговое право, теневая экономика, цифровизация.

ARSLANBEKOVA Aminat Zaidullaevna
Ph.D. in Law, Head of Administrative, financial and customs law sub-faculty, Institute of Law, Dagestan State University

ALIEV Ali Timurovich
magister student of the 2nd course, Institute of Law, Dagestan State University

CASH MANAGEMENT SERVICES AND CASH REGISTERS AS TOOLS FOR REDUCING THE SHADOW ECONOMY: THE NEED FOR IMPLEMENTATION AMONG INDIVIDUAL ENTREPRENEURS OF THE REPUBLIC OF DAGESTAN

The article discusses the role of RCO and KKT in increasing the transparency of financial transactions, the scale of the shadow economy in Dagestan and its impact on the region, the current level of use of KKT among individual entrepreneurs in the republic, barriers to implementation (economic, cultural, administrative). The author proposes measures to stimulate the use of KKT and RCO.
Keywords: cash register equipment, current account, tax law, shadow economy, digitalization.

Республика Дагестан, обладая значительным экономическим потенциалом, сталкивается с проблемой наличия теневой экономики. По данным из СМИ, до 40 % доходов ИП в регионе не декларируются, что ведёт к потере налоговых поступлений и деформации конкурентной среды[1].

Глава республики Сергей Меликов 1 ноября 2024 года на заседании комиссии по увеличению доходной части консолидированного бюджета, отметил, что деятельность по увеличению налоговых доходов ведется недостаточно активно, по его мнению, анализ основных показателей развития экономики указывает наличие в регионе существенных резервов по увеличению налоговых доходов.

В ходе заседания, было озвучено что на 1 октября 2024 года в консолидированный бюджет республики поступило налоговых и неналоговых доходов порядка 44,5 млрд рублей, что выше показателей аналогичного периода прошлого года. Также С. Меликовым было обращено внимание на необходимость проведения мероприятий по увеличению числа контрольно-кассовых аппаратов в субъектах предпринимательской деятельности.

Одним из ключевых инструментов снижения теневого капитала и повышения налоговых доходов является внедрение контрольно-кассовой техники и переход на безналичные расчёты [1, с. 119]. Однако низкий уровень применения ККТ и РКО среди дагестанских предпринимателей требует анализа причин и выработки эффективных решений для улучшения ситуации.

Теневая экономика - экономическая деятельность, которая ведется в обход контроля и учета государства.

РКО – расчетно-кассовое обслуживание, разновидность банковских услуг для индивидуальных предпринимателей и организаций, включающее в себя прием и оформление платежей, эквайринг, кассовое обслуживание и т.д.

В Республике Дагестан, на момент проведения исследования, услуги по РКО предоставляли следующие банки: СБЕР, ВТБ, Россельхозбанк, Альфа-Банк, ТОЧКА-банк, Газпромбанк и др.

Однако несмотря на столь широкое присутствие финансовых учреждений, у многих индивидуальных предпринимателей отсутствуют расчетные счета, что подтверждается следующим наблюдением: за последние годы отмечено большое количество жалоб предпринимателей Дагестана, на блокировку банками их дебетовых карт. Причина подобного явления, довольна проста: предприниматели вместо легального способа организации приема платежей через РКО, прибегали к нелегальному способу «оплата переводом». То есть, оплату за товары или услуги предприниматели принимали на обычные дебетовые карты и обналичивали средства снятием с банкомата. А банки, заметив подозрительные операции, согласно требованиям Федерального закона «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» от 07.08.2001 № 115-ФЗ[2] приостанавливали операции по счету и требовали представить документы, подтверждающие их законность. В итоге, предприниматель сталкивался с пробле-

1 В Дагестане заявили, что почти 40-50 % экономики республики находится в тени. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tass.ru/ekonomika/19269729 (дата обращения: 12.04.2025).

2 О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ (последняя редакция) // СПС Консультант Плюс. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32834/ (дата обращения: 12.04.2025).

мой вывода средств со счета и отсутствия возможности принимать безналичные платежи.

Наиболее заметно данное явление в туристический сезон. Туристы, посещающие Дагестан, действительно сталкиваются с проблемой ограниченного использования безналичной оплаты, что связано с низким уровнем развития РКО в республике. Причина данного явления менталитет и низкая финансовая грамотность местных предпринимателей: предпочтение наличных из-за незнания и недоверия к налоговой системе.

Решением данной проблемы является информационно-разъяснительная работа с предпринимательским сообществом, убеждение их, что наличие РКО предоставляет им ряд преимуществ: быстрые платежи, автоматизация учета через личный кабинет, дистанционный доступ и управление счетом через личный смартфон или компьютер, значительное увеличение клиентской базы из-за возможности принимать безналичные платежи и главное: соблюдение законодательства.

ККТ – контрольно-кассовая техника, специальное оборудование или программный модуль, предназначенный для фиксации и учета торговых операций.

Основным нормативно-правовым актом, регулирующим использование контрольно-кассовой техники (ККТ), является Федеральный закон от 22.05.2003 № 54-ФЗ «О применении контрольно-кассовой техники при осуществлении расчетов в Российской Федерации» Использование субъектами бизнеса ККТ носит обязательный характер, лишь незначительная часть ИП освобождена от ее применения. ККТ позволяет за счет онлайн автоматизации учета значительно снизить, а то и вовсе исключить неучтенные финансовые операции [2, с. 34].

По итогам на 2024 год, в Республике Дагестан было зарегистрировано 21 149 единиц контрольно-кассовой техники (ККТ), прирост за год составляет 6308 единиц. Общая выручка по ККТ в 2024 году составила 209.9 млрд рублей, прирост за год на 27.3 %. Количество пробитых чеков – 147.6 млн штук, прирост за год 15.5 % за год. Положительная динамика указывает на эффективную работу УФНС по Республике Дагестан по части профилактических и контрольно-надзорных мероприятий.

Согласно данным УФНС по Республике Дагестан, в результате проведенных в 2024 году профилактических мероприятий было составлено более 1600 протоколов об административных правонарушениях. Санкции за правонарушения, связанные с ККТ указаны в статье 14.5 Кодекса РФ об административных правонарушениях, для ИП: при первичном нарушении — штраф 25-50 % от суммы расчёта без ККТ, но не менее 10 000 рублей; для организаций — от 75 % до 100 % суммы, но не менее 30 000 рублей. Рассматривая и с правовой точки зрения, и с экономической – легальное использование в деятельности ККТ выгодно для субъектов бизнеса.

Стоит отметить, что в Республике Дагестан одни из низких налоговых ставок для ИП: УСН (доходы – расходы) – 5 %; УСН (доходы) – 1 %. Но, несмотря на эти меры, теневой сектор занимает немалую часть экономики. Мэр г. Дербента Ахмед Кулиев 31 июля 2024 года провел совещание по налоговым сборам с участием предпринимателей, на мероприятии в качестве примера отмечена деятельность одного из ресторанных комплексов города. При площади комплекса около 2 гектаров, предприниматель совокупно выплачивал за год 46 тысяч рублей налогов и сборов. Данное занижение налогов – это не просто «выгодная оптимизация», а грубое нарушение закона, представляющее опасность бизнесу, экономической системе и обществу.

Стоит обратить внимание и на инциденты коррупционного характера, затрудняющие работу по «обелению» экономики. Например, в 2021 году сотрудники ФСБ задержали в Махачкале троих сотрудников налоговой инспекции, заподозренных в получении взятки в размере 8 млн руб. По версии следствия, по окончании проверки компании, были обнаружены неуплаченные налоги на сумму около 30 млн рублей. Задержанные предложили указать в акте проверки лишь 7 млн руб. недоимки, если строители передадут им 8 млн рублей в качестве взятки.

Одним из главных барьеров для массового внедрения контрольно-кассовой техники (ККТ) среди индивидуальных предпринимателей Республики Дагестан также является их недостаточная осведомлённость о требованиях законодательства, технических особенностях оборудования и преимуществах его использования. Для решения этой проблемы необходима комплексная информационная поддержка и бесплатное обучение, включая разъяснительные кампании, обучающие программы и консультационные услуги.

Для разрешения технических проблем с настройкой и подключением ККТ можно создать мобильные группы сотрудников ФНС и органов местного самоуправления, разработать и организовать раздачу бумажных буклетов, упрощённых инструкций в формате чек-листов.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Расчетно-кассовое обслуживание и контрольно-кассовая техника являются наиболее эффективными инструментами для борьбы с теневой экономикой в Республике Дагестан.

2. Эффективность деятельности по повышению прозрачности финансовых операций благодаря использованию расчетно-кассового обслуживания и ККТ можно отследить в онлайн формате из-за высокого уровня цифровизации системы ФНС.

3. Теневая экономика в республике все еще находится на высоком уровне, необходима в этой сфере координированная работа органов государственной власти, органов местного самоуправления, правоохранительных органов и институтов гражданского общества.

4. Органам законодательной власти субъекта необходимо подготовить законопроект, продлевающий льготные налоговые ставки для предпринимателей, использующих упрощенную систему налогообложения.

5. Внедрение ККТ в повседневную деятельность индивидуальных предпринимателей и организаций Республики Дагестан требует не только административных мер, но и системного просвещения. Информационная поддержка должна быть доступной, современной и учитывающей местную специфику. Таким образом, можно преодолеть сопротивление изменениям и сократить теневой оборот.

Пристатейный библиографический список

1. Батарин А. А., Гончаренко Л. И., Адвокатова А. С. Уклонение от налогообложения в сфере торговли на розничных рынках: причины и пути преодоления // Финансы: теория и практика. - 2025. - № 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/uklonenie-ot-nalogooblozheniya-v-sfere-torgovli-na-roznichnyh-rynkah-prichiny-i-puti-preodoleniya (дата обращения: 12.04.2025).
2. Маслов К. В. Управление налоговыми рисками при осуществлении публичного контроля в целях обеспечения налоговой безопасности государства // Правоприменение. - 2025. - № 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-nalogovymi-riskami-pri-osuschestvlenii-publichnogo-kontrolya-v-tselyah-obespecheniya-nalogovoy-bezopasnosti-gosudarstva (дата обращения: 12.04.2025).
3. Гусенова Д. А., Курбанова А. М. Правовые проблемы развития туризма в Республике Дагестан* // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. - 2013. - № 3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-problemy-razvitiya-turizma-v-respublike-dagestan (дата обращения: 12.04.2025).

ЕРЕМЯН Артюш Арменович
аспирант 3-го года обучения, Факультет, Высшая школа государственного аудита, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ И НАЛОГОВЫХ ОРГАНОВ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ

В статье рассматриваются актуальные вопросы взаимодействия правоохранительных органов и органов, специализирующихся на ведении работ по вопросам налогообложения. Проведен анализ показателей деятельности правоохранительных органов по выявлению и расследованию налоговых преступлений и правонарушений, в частности, определено непосредственно понятие налогового правонарушения и налогового преступления в соответствии с нормами действующего законодательства. Особое внимание уделено в статье вопросам определения показателей результативности деятельности правоохранительных органов при расследовании преступлений в сфере налогообложения с целью выявления пробелов и недостатков для выработки предложений по совершенствованию положений действующего законодательства и повышения уровня эффективности правоприменения в данной сфере. Исследуются основные тенденции развития налоговой преступности и определяются направления развития взаимодействия правоохранительных органов с контролирующими налоговыми органами с целью выработки общих направлений деятельности для реализации поставленных целей. Также в статье присутствуют практикоориентированные рекомендации по совершенствованию механизма взаимодействия правоохранительных и налоговых органов с целью пресечения совершения налоговых преступлений и минимизации негативных последствий их совершения в будущем.

Ключевые слова: правоохранительная деятельность, правоохранительные органы, налоговые преступления, налоговая служба, налогоплательщик.

EREMYAN Artyush Armenovich
postgraduate student of the 3rd year of study, Faculty, Higher School of Public Audit, M. V. Lomonosov Moscow State University

PECULIARITIES OF INTERACTION BETWEEN LAW ENFORCEMENT AGENCIES AND TAX AUTHORITIES IN THE INVESTIGATION OF CRIMES IN THE FIELD OF TAXATION

The article considers current issues of interaction between law enforcement agencies and bodies specializing in taxation matters. The analysis of performance indicators of law enforcement agencies in identifying and investigating tax crimes and offenses is conducted, in particular, the concept of a tax offense and a tax crime is directly defined in accordance with the current legislation. Particular attention is paid in the article to the issues of determining the performance indicators of law enforcement agencies in investigating crimes in the field of taxation in order to identify gaps and shortcomings for developing proposals to improve the provisions of the current legislation and increase the effectiveness of law enforcement in this area. The main trends in the development of tax crime are studied and the directions for the development of interaction between law enforcement agencies and controlling tax authorities are determined in order to develop common areas of activity to achieve the goals. The article also contains practice-oriented recommendations for improving the mechanism of interaction between law enforcement and tax authorities in order to prevent the commission of tax crimes and minimize the negative consequences of their commission in the future.

Keywords: law enforcement, law enforcement agencies, tax crimes, tax service, taxpayer.

Введение

В современных условиях изучение особенностей и порядка взаимодействия правоохранительных органов с налоговыми органами при расследовании налоговых преступлений является критически важным вопросом, требующим внимания, как законодателей, так и правоприменителей.

Налоговые поступления от физических и юридических лиц играют для государства очень значимую роль, так как именно благодаря им происходит обеспечение социальных обязательств государства, а также финансирование таких сфер жизни общества, как здравоохранение, образование, общественная инфраструктура и иные. В связи с ростом количества и частоты совершения налоговых преступлений создается реальная угроза подрыва благосостояния общества и государства, а также происходит существенное сокращение бюджетных доходов, что, как следствие, в том числе приводит к росту и развитию преступности и теневой экономики в стране.

Помимо этого, важно отметить, что налоговые преступления, как правило, являются технически и интеллектуально сложными и хорошо организованными, так как преступники применяют запутанные финансовые схемы, фиктивные документы, а также другие инструменты для сокрытия доходов и для уклонения от уплаты налогов.

В связи с этим расследование таких преступлений требует специальных знаний не только в области уголовного и уголовно-процессуального права, но также и в области налогового законодательства, бухгалтерского учета, финансового анализа, экономики и иных схожих сфер. Самостоятельно представитель ни налоговых органов, ни правоохранительных органов, не обладает всем набором компетенций, навыков и знаний, которые необходимы для грамотного, эффективного и результативного расследования совершенных преступлений, а также для предотвращения совершения аналогичных преступлений в будущем.

В частности, правоохранительные органы, имея необходимые полномочия и умения в реализации процедуры рас-

следования преступлений, не всегда обладают достаточной экспертизой в налоговой сфере для того, чтобы эффективного выявлять и расследовать налоговые преступления.

Таким образом, именно взаимодействие правоохранительных и налоговых органов играет ключевую роль в достижении данной цели. Грамотное взаимодействие этих двух ведомств, при условии четкого понимания и практической реализации компетенций друг друга, а также процедур и механизмов сотрудничества, позволяет эффективно преодолевать возникающие препятствия и качественно организовывать борьбу с налоговыми преступлениями.

Изучение особенностей этого взаимодействия позволяет выявить спорные моменты, пробелы в действующем законодательстве, а также пути развития взаимоотношений данных ведомств для улучшения их работы, что напрямую влияет на увеличение налоговых поступлений и укрепление экономической безопасности страны.

Понятие и причины совершения налоговых преступлений

Функционирование государственного аппарата страны напрямую зависит от стабильности налоговой системы. Любые факторы, оказывающие негативное влияние на размер и периодичность поступления налогов в доход государства, требуют пристального внимания и глубокого анализа со стороны как налоговых, так и правоохранительных органов с целью не допустить того, чтобы подобные нарушения стали распространенными и частыми явлениями.

В числе подобных дестабилизирующих факторов особое место занимают налоговые правонарушения, которые приводят к сокращению доходов государственного бюджета, а также оказывают в целом негативное влияние на стабильность, как экономической системы государства, так и на безопасность страны.

Формирование государственной казны является ключевой задачей налогообложения как процесса, закрепленного в Конституции РФ. В процессе становления налоговой системы в Российской Федерации наблюдается значительный рост числа преступлений, связанных с уклонением от уплаты налогов и другими видами нарушений в этой сфере. Ежегодные потери и недоимки государственного бюджета из-за совершаемых налоговых преступлений достигают значительных размеров, составляя до трети от потенциальных налоговых поступлений в стране в целом [6].

Среди причин, обуславливающих высокий уровень налоговой преступности, выделяют следующие основные, а именно:

1. Разнообразие форм и методов, применяемых нарушителями для уклонения от уплаты налогов.

2. Тщательная маскировка совершаемых незаконных действий, затрудняющая их своевременное выявление и дальнейшее расследование.

3. Сильное развитие механизмов сокрытия налоговых преступлений, позволяющих эффективно скрывать следы совершенных противоправных действий.

4. Длительность совершения налоговых преступлений, а также время расследования совершенных налоговых преступлений.

Учитывая вышеизложенное, особую актуальность приобретает определение экономической сущности налоговых преступлений. Так, ряд исследователей, например, А. П. Зелов и М. В. Краснов [5], определяют налоговое преступление как противозаконное деяние в налоговой сфере, обладающее всеми признаками преступления в соответствии с действующим уголовным законодательством. Аналогичной позиции придерживается и Д. Е. Глушко [3].

Н. В. Баширова рассматривает налоговые преступления как разновидность экономических преступлений, совершаемых в процессе исчисления и уплаты налогов и сборов, и находящих отражение в системе экономической информации [2]. А. К. Есаян трактует налоговое преступление как целенаправленную последовательность действий налогоплательщиков и содействующих им лиц, направленных на незаконное уменьшение налоговых обязательств, выходящее за рамки допустимой налоговой оптимизации [4].

В действующем Уголовном кодексе Российской Федерации понятие налогового преступления раскрывается через термин «уклонение», который в общепринятом смысле означает избегание чего-либо. Данный термин применяется в различных статьях УК РФ, не только в налоговом контексте, то есть только в тех случаях, когда речь идет об отсутствии факта уплаты налогов со стороны налогоплательщиков.

В соответствии с требованиями действующего законодательства, а именно, как предусмотрено ст. 198-199.2 Уголовного Кодекса РФ, установлена уголовная ответственность за уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с физического лица путем непредставления налоговой декларации или иных документов, представление которых в соответствии с законодательством РФ о налогах и сборах является обязательным, либо путем включения в налоговую декларацию или такие документы заведомо ложных сведений, совершенное в крупном размере или особо крупном размере.

Также установлена ответственность за непредставление налоговой декларации или иных документов, представление которых в соответствии с законодательством РФ о налогах и сборах является обязательным, либо путем включения в налоговую декларацию или такие документы заведомо ложных сведений, совершенное в крупном размере или особо крупном размере юридическим лицом. Неисполнение обязанностей налогового агента, а также сокрытие денежных средств представляет собой самостоятельное преступление, за которое также предусмотрена ответственность в соответствии с уголовным законодательством.

Основанием для наступления ответственности за совершение налогового преступления является наличие факта неуплаты суммы налога в бюджетную систему государства в крупном или особо крупном размере.

Правовое регулирование выявления и расследования налоговых преступлений

Для корректной квалификации и последующего расследования налоговых преступлений, ключевым моментом является установление умысла совершившего их лица. Именно доказательство намеренности действий зачастую становится главной проблемой для правоохранительных органов в данной сфере, требуя значительных временных и процессуальных ресурсов для своего решения. Важно отметить, что ранее действовавшее ограничение, согласно которому поводом для возбуждения дел о налоговых преступлениях могли служить исключительно материалы от налоговых органов, было упразднено Федеральным законом № 308-ФЗ, принятым 22 октября 2014 года [1].

Изменения, внесенные в статью 140 Уголовно-процессуального кодекса РФ с 22 октября 2014 года, восстановили прежний порядок инициирования уголовных дел, связанных с налоговыми преступлениями. Статья 144 УПК РФ

также была дополнена частями 7-9, которые регламентируют процесс рассмотрения сообщений о таких преступлениях, предусматривая направление материалов проверки в налоговые органы. Однако согласно части 9 статьи 144 УПК РФ, следователь, обладая достаточными основаниями, имеет право возбудить уголовное дело, не дожидаясь заключения налогового органа. Таким образом, обмен информацией с налоговыми органами, хотя и предусмотрен, фактически стал необязательным и носит скорее информативный характер.

Главные задачи налоговых органов заключаются в налоговом администрировании и контроле. В ходе своей деятельности они проверяют корректность расчета и своевременность уплаты налогов и сборов, и, при выявлении нарушений, привлекают недобросовестных налогоплательщиков к налоговой ответственности. Важно отметить, что налоговые органы не обладают полномочиями для проведения оперативно-розыскных мероприятий, которые играют ключевую роль в выявлении большинства преступлений.

На сегодняшний день наблюдается определенное расхождение между уголовным и налоговым законодательством, поскольку первое ориентировано на установление правил и процедур налогообложения, а второе - на защиту от преступных посягательств. Это различие создает серьезную проблему для сотрудников правоохранительных органов при выявлении и расследовании налоговых преступлений.

Важно подчеркнуть, что сроки привлечения к уголовной ответственности за налоговые правонарушения и сроки проведения налоговых проверок не совпадают. Кроме того, уголовная ответственность в данной сфере применима исключительно к физическим лицам, в то время как субъектами налоговой ответственности могут быть и организации, а не только их руководители. Это создает определенные трудности для уголовного преследования, поскольку за время совершения налогового преступления в компании может произойти смена руководства и бухгалтерии. Следствие не имеет права возложить всю сумму неуплаченных налогов на одного конкретного сотрудника из числа бывших или действующих.

Одним из ключевых моментов, требующих доказательств при расследовании налоговых преступлений, является установление ущерба в крупном или особо крупном размере. Здесь возникают сложности, обусловленные неоднозначностью трактовки законодательных норм, так как порядок расчета материального ущерба от неуплаты налогов, установленный законодателем, является весьма запутанным.

При выявлении и расследовании подобных преступлений, правоохранительные органы не могут ограничиваться общими статьями Налогового кодекса РФ. Необходимо учитывать, что налогоплательщики, рассчитывая и уплачивая налоги, руководствуются также специальными нормами налогового законодательства, относящимися к конкретному виду налога или сбора. Сущность налогообложения целесообразно рассматривать как явление правового порядка, основанное на экономических принципах. Именно это понимание должно быть доказано в ходе расследования налоговых преступлений.

Заключение

Итак, в заключение следует подчеркнуть, что эффективное взаимодействие правоохранительных и налоговых органов в расследовании налоговых преступлений является ключевым фактором успешной борьбы с экономической преступностью в целом и налоговыми преступлениями в частности в целях обеспечения финансовой безопасности государства.

Анализ различных аспектов взаимодействия правоохранительных и налоговых органов демонстрирует как потенциал подобного взаимодействия, так и существующие вызовы и проблемы, связанные с различиями в ведомственных подходах, нормативно-правовом регулировании и информационном обмене между подразделениями.

Дальнейшее совершенствование форм и методов сотрудничества, включая модернизацию законодательной базы, а также разработку совместных методических рекомендаций и проведение обучающих мероприятий представляется необходимым условием для повышения результативности расследования налоговых преступлений и укрепления экономической стабильности всего государства.

Несмотря на то, что существует большое количество различных видов преступлений, при расследовании которых необходимы специальные знания, в сфере налогообложения всю суть доказательственной базы необходимо собирать самому и, соответственно, разбираться в ней непосредственно. В данном случае речь идет не только о средствах и способах анализа и проработки доказательств, но также и в порядке их сбора, понимании того, на что именно обращать внимание и иные схожие факторы.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон от 6 декабря 2011 г. № 407-ФЗ «О внесении изменений в статьи 140 и 241 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Баширова Н. В. Использование бухгалтерских познаний в расследовании налоговых преступлений. - Краснодар: Изд-во Краснодар. юрид. ин-та, 2000. - 218 с.
3. Глушко Д. Е. Налоговые правонарушения и налоговые преступления // Налоги. - 2007. - № 5. - С. 15-19.
4. Есаян А. К., Трунцевский Ю. В. О понятии и признаках схем совершения финансовых преступлений // Юридический мир. - 2008. - № 2. - С. 67-69.
5. Зрелов А. П., Краснов М. В. Налоговые преступления / Под ред. К. К. Саркисова. - М.: Статус-Кво 97, 2004. - 48 с.
6. Смирнов Г. Налоговые преступления: пределы либерализации // Электронный журнал «Юрист». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://gazeta-yurist.ru/article.php?i=1781.

ОЛЕЙНИК Антон Денисович
лаборант-исследователь Центра системного анализа и перспективных разработок в сфере образования и науки, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

ДОБРОВОЛЬНОЕ ИСПОЛНЕНИЕ НАЛОГОВОЙ ОБЯЗАННОСТИ ИНОСТРАННОЙ ОРГАНИЗАЦИЕЙ-НАЛОГОПЛАТЕЛЬЩИКОМ В НИГЕРИИ*

В статье рассматриваются характерные особенности налоговой системы Федеративной Республики Нигерия, а также исследуется институт налоговой обязанности налогоплательщика, который возникает при осуществлении российского бизнеса в Нигерии. Изучение налоговой системы Нигерии, одной из самых экономически развитых государств Африканского континента, является практически востребованным для консультирования предпринимателей, инвестирующих в экономику Нигерии.

Ключевые слова: исполнение налоговой обязанности, обязанность по уплате налога, Нигерия, налогоплательщик, налоговая система, налоговый федерализм.

OLEYNIK Anton Denisovich
assistant researcher of the Center for Systems Analysis and Prospective Development in the field of education and science, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

THE VOLUNTARY TAX COMPLIANCE OF FOREIGN TAXPAYER ORGANIZATION IN NIGERIA

The article examines the characteristics of the tax system of the Federal Republic of Nigeria and also considers the elements of tax liability that may arise in the development of a business in Nigeria, this is certainly a key criterion in the development of Russian-Nigerian cooperation. The tax system of Nigeria, one of the most economically developed countries on the African continent, is almost an expert in advising investment entrepreneurs on the economy of Nigeria.

Keywords: voluntary compliance of a tax obligation, tax liability, Nigeria, taxpayer, tax system, tax federalism.

Современные условия цивилизационной конфронтации стали одной из причин переосмысления курса внешнеэкономической политики России и привели к расширению российского сотрудничества со странами Африки – в частности, странами Африканского Юга, что повлекло за собой необходимость тщательного изучения права африканских государств, и прежде всего – инвестиционного и налогового.

Открытость, как к двустороннему, так и многостороннему сотрудничеству на базе ООН, БРИКС+, большой экономический потенциал региона, как в ресурсном, так и в территориальном смыслах показали недостаточную подготовку к такому сотрудничеству, что стало стимулирующим фактором для проведения правовых исследований нигерийской правовой системы (в частности, отрасли налогового права).

Актуальность исследования в юридической плоскости, в частности, обусловлена отсутствием должного интереса и замещением в политике России стран Африки европейскими странами после смены политических и экономических ориентиров.

В результате смены политических ориентиров последние правовые работы можно датировать 80-ми годами предыдущего тысячелетия, что затрудняет, но не препятствует проведению правовых исследований по имеющимся работам.

Одним из таких наиболее динамично развивающихся государств Африканского Юга является Нигерия – крупнейшее африканское государство по численности населения (более 210 млн. человек) и одно из богатейших по природно-ресурсному потенциалу в регионе.

Финансово-экономическую стабильность страны поддерживают природные ресурсы, а нефтедобывающая промышленность обеспечивает 90% валютной выручки, более половины доходной части госбюджета, где средний уровень добычи составляет 1,5 млн. баррелей в день[1].

В 2024 году в Нигерии произошел значительный всплеск притока иностранного капитала из стран БРИКС, который вырос на 189% в первой половине 2024 года, достигнув 1,27 $ млрд., по сравнению с 438,72 $ млн. за тот же период в 2023 году[2].

Нигерия входит в 10 крупнейших мировых стран-экспортеров нефти, и с 2024 года Нигерия присоединилась к БРИКС, что может стать очередным стимулирующим экономическое российско-нигерийское экономическое сотрудничество фактором.

Кроме того, политика правительства Нигерии направлено на поддержку развития российского бизнеса путем введения налоговых льгот для более эффективного российского импорта[3].

Для развития бизнеса на территории Нигерии необходимым представляется изучение налогового режима и объема и порядка исполнения налоговой обязанности в Нигерии.

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01610. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rscf.ru/project/24-28-01610.

1 Официальный сайт Посольства Российской Федерации в Нигерии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://nigeria.mid.ru/ru/ekonomika_i_biznes/biznes_v_nigerii/?TSPD_101_R0=08765fb817ab2000bbfbba72ee4a19367b4ec40bbe881978f24e3248ea2815e9c4f6271fb84d8c6c085758e71614300026bc61c29ee89f7f322283499bfbc1ec0330b0263eb893992028bb978ce1ec2c78dae12663343fa7c74d052948c85651 (дата обращения: 19.02.2025).

2 Nigeria joins BRICS as partner country after getting $1.27 billion foreign capital this year. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://nairametrics.com/2024/10/24/nigeria-joins-brics-as-partner-country-after-getting-1-27-billion-foreign-capital-this-year/ (дата обращения: 19.02.2025).

3 Нигерия готова предоставить налоговые льготы на импорт оборудования из РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.alta.ru/external_news/112620/ (дата обращения: 19.02.2025).

Таблица 1. Налоги и сборы в Нигерии

Налоги и сборы в Нигерии		
Федеральные уровень	**Региональный уровень**	**Местный уровень**
1) налог на прибыль компаний; 2) налог на компании, являющиеся резидентами федеральной столичной территории Абуджи; 3) налог на прибыль от нефтедобычи; 4) налог на добавленную стоимость; 5) налог на образование; 6) налог на прирост капитала (уплачивается резидентами Абуджи и юридическими лицами); 7) гербовые сборы с юридических лиц; 8) налог на доходы физических лиц в отношении некоторых категорий граждан.	1) налог на доходы физических лиц; 2) налог на прирост капитала (кроме лиц, являющихся резидентами федеральной столичной территории Абуджи и физических лиц – нерезидентов); 3) гербовые сборы с физических лиц; 4) налог на лотереи, азартные игры и казино; 5) дорожный налог; 6) сбор за регистрацию помещения для бизнеса; 7) сбор на развитие информационных технологий.	1) налог за осуществление торговой деятельности; 2) налог на недвижимость; 3) сбор за получение лицензии на продажу алкогольных напитков, владение домашним животным, на радио- и телевещание; 4) пошлина за регистрацию актов гражданского состояния; 5) сбор за общественное благоустройство и утилизацию отходов производства и потребления; 6) сбор за предоставление разрешения на захоронение; 7) сбор за выдачу разрешения на размещение рекламы.

Поскольку исполнение налоговой обязанности может быть в добровольной и принудительной формах, предметом исследования будет добровольный порядок исполнения налоговой обязанности.

Общая характеристика налоговой системы Нигерии

Нигерия по форме государственного устройства является федеративным государством. Это обусловлено так называемым «этническим федерализмом»: на территории современной Нигерии проживают более 370 разноязычных групп с собственными культурами и традициями, а также представители разнообразных конфессий.

Федерализм предполагает многоуровневость налоговой системы Нигерии. Современная правовая система Нигерии представляет собой децентрализованную систему, где в зону ответственности каждого уровня правительства (федерального, штатов, органов местного самоуправления) входит введение и взимание налогов или сборов на соответствующих территориях.

В соответствии со Вторым приложением к Конституции Нигерии[4], налоги устанавливаются федеральной властью, непосредственно Национальной Ассамблей).

Она наделена правом принимать законы по вопросам налогов и сборов. В частности, Закон о налогах и сборах 1998 г., регламентирует границы законотворческой деятельности разных уровней власти и осуществляет распределение налоговых полномочий между федеральной, региональной и местной уровнями властей по введению и взиманию налогов и сборов, однако сам перечень налогов утверждается федеральной властью.

Введение налогов, сборов, пошлин может быть осуществлено исключительно через принятие федерального закона, а иное введение фискальных платежей любым государственным органом или органами местного самоуправления представляет собой как превышение конституционно распределенных полномочий различных уровней государственной власти.

Хоть нигерийская правовая система в прошлом по форме принадлежала к англо-саксонской правовой семье, невозможно установить налоговую обязанность судебным прецедентом. Также не допускается регулирование налоговых отношений обычаями.

В данный момент внимание руководства Нигерии направлено на обеспечение прозрачности налоговой системы по причине ее неясности, что порой приводит к дублированию налоговой обязанности и нарушает принцип недопустимости двойного или множественного налогообложения.

Для борьбы с этими проблемами правительство Нигерии взяло курс на построение такой налоговой системы, которая бы позволила существенно снизить налоговое бремя налогоплательщиков и сформировать новую систему налогов и сборов в Нигерии, а также повысить эффективность от такого налогообложения[5]. Для этого предпринимаются действия по сокращению значительного количества существующих в стране налогов и переход к таким налогам, которые бы своим действием охватывали максимально возможное количество объектов налогообложения с целью противодействия двойному налогообложению.

Основным законом, определяющим перечень взымаемых в Нигерии налогов и сборов, является Закон о налогах и сборах (утвержденный список налогов и сборов) 1998 г. – в нем перечислен исчерпывающий список фискальных платежей, которые могут вводиться разными уровнями государственной власти (таблица 1).

Налоговое законодательство Нигерии нельзя отнести к консолидированному или разобщенному:

– на федеральном уровне налоги и сборы регулируются разрозненным законами, в предмет регулирования которого входит, как правило, один налог или сбор;

– законодательство штатов представляет собой частично консолидированное и гармонизированное законодательство на уровне некоторых штатов. Например, в штате Насарава принят закон по гармонизации порядка сбора налогов, пошлин, гербовых сборов[6];

– на уровне местного самоуправления налоговое регулирование принимаются преимущественно разрозненными нормативно-правовыми актами.

4 Конституция Нигерии 1999 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nigeria-law.org/ConstitutionOfTheFederalRepublicOfNigeria.htm (дата обращения: 19.02.2025).

5 Глава налоговой администрации Нигерии предлагает освободить 95% неформального сектора от налогов (перевод с англ.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.arise.tv/nigerias-tax-reforms-chief-proposes-95-of-informal-sector-be-exempted-from-taxes/ (дата обращения: 20.05.2024).

6 Nasarawa State Harmonization and Administration of Revenue Law, 2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://nasarawastate.gov.ng/pdf_documents/Nasarawa%20State%20Harmonization%20and%20Administration%20of%20Revenue%20Law%202020.pdf (дата обращения: 19.02.2025).

При этом федеральные источники налогового права действуют на всей территории Нигерии, а акты, принятые органом местного самоуправления, – только на территории соответствующего муниципального образования.

Важно отметить, что в Нигерии не действует указное налоговое правотворчество, под которым понимается широко распространенная в развивающихся странах практика принятия налоговых актов главой государства. Все основные элементы налогообложения на уровне Федерации и штатов определяются исключительно законом, а в отношении местных налогов – нормативным правовым актом органом местного самоуправления.

На данный момент ввиду процесса вестернизации законодательства налоговая система претерпевает ряд существенных изменений, в том числе в части уменьшения количества взимаемых налогов. Вследствие этого в контексте постоянного развития и реформирования налоговой системы Нигерии особо важным необходимо представлять не только общую характеристику и уровни налоговой системы Нигерии, но и объем прав и обязанностей налогоплательщика.

Налоговая обязанность включает в себя такие элементы как:

– исчислять, удерживать и уплачивать налог в соответствующий уровень бюджетной системы;

– предоставлять ответ на запрос налогового органа по связанным с налогообложением вопросам;

– не препятствовать деятельности сотрудников налогового органа (например, при проведении проверки)[7].

Эти обязанности не являются единственными, но представляются основополагающими для иностранного организации-налогоплательщика для развития бизнеса на территории Нигерии и инвестирования в экономику страны.

Исчисление налога.

Иностранная организация считается налогоплательщиком тогда, когда совершает подлежащую налогообложению в Нигерии сделку вне зависимости от своего местонахождения, например, при начале продажи или рекламе своих продуктов или услуг для продажи, покупке активов и пассивов, а также других свидетельствующих о начале экономической деятельности в Нигерии действиях.

Соответственно, для выяснения объема налоговой обязанности по уплате налога необходимо обращаться к законам, регулирующим соответствующий налог – налогообязанный субъект, как правило, прямо или косвенно поименован в нормативном правовом акте (например, Закон о подоходном налоге с компаний 2007 г., Закон о налоге на прирост капитала 1990 г., Закон о налоге на прибыль от нефти 1990 г.), однако в некоторых случаях организация будет являться налоговым агентом в отношении некоторых налогов (например, Закон о подоходном налоге с физических лиц) – и, соответственно, будет нести налоговую обязанность.

Удержание налога.

По общему правилу, обязанность по уплате налога лежит на налогоплательщике, однако в некоторых случаях такая обязанность возлагается на иные субъекты налогового права – для таких случаев необходимо непосредственное указание иного субъекта в законодательстве – то есть сама обязанность по уплате налога не является абсолютной и может быть переложена на другое лицо с целью оптимизации налоговых процедур.

Налоговое законодательство Нигерии допускает существование налоговых агентов – лица, которые исчисляют, удерживают и уплачивают в бюджет получаемый налогоплательщиком доход.

Добровольная уплата налога.

Как упоминалось ранее, обязанность по уплате налога основывается на законе и имеет исключительно публично-правовой характер. Эта обязанность не может устанавливаться гражданско-правовым договором или изменяться им: она возникает, изменяется и прекращается в предусмотренных законодательством основаниях. По своей сути обязанность по уплате налога возникает из властного предписания государства в лице исключительно законодательных органов в пределах их полномочий.

Только федеральным законодательным органом в лице Национальной Ассамблеи может быть введен новый налог и делегировано право на установление такого налога субъектом или органом местного самоуправления. Границы такой законотворческой деятельности установлены и могут уточняться в Законе о налогах и сборах 1998 г. (Taxes and Levies Act, 1998).

Обязанность по уплате налога не может носить дискриминационный характер по признаку происхождения, пола, религии, статуса, этнических или языковых ассоциаций или связей, а лишь основана на экономическом различии субъектов, как при ухудшении, так и при улучшении положения налогоплательщика.

Такая обязанность рассматривается как неотъемлемая конституционная обязанность каждого физического лица по уплате соответствующему территориальному публично-правовому образованию фискального платежа в установленном размере и в предусмотренные законодательством сроки.

Обязанность по декларированию своих доходов в соответствующих и определенных законом органах и своевременной уплате налога установлена статьей 24 Конституции Нигерии[8]. Стоит отметить, что Конституцией Нигерии 1999 г. устанавливается обязанность по уплате налога исключительно в отношении граждан.

Однако понятие «гражданин» можно толковать в отношении тех, кто является гражданином Нигерии, или тех, кто является физическим лицом, и у которого имеется юридическая связь с Нигерией по уплате налога. В контексте нигерийского налогового законодательства понятие «гражданин» является усеченным и обозначающим только тех лиц, которые законом признаются налогоплательщиками.

В свою очередь конституционные положения в равной мере формируют юридико-техническую проблему, которая также отражается в Конституции России: статья 24 Конституции Нигерии содержится в главе, посвященной гарантиям граждан, под которым понимается физическое лицо – не учитывая наличие у организаций обязанности по уплате налогов.

В контексте других законодательных налоговых положений эта юридико-техническая проблема устраняется законодателем посредством уточнений субъектного состава в отдельных законодательных актах (например, Закон о подоходном налоге с компаний 2007 г.[9], Закон о налоге на прибыль от нефти 1990 г.[10]) – как правило, исходя, из наимено-

7 Olokooba S. M. Nigerian Taxation: Law, Practice and Procedures Simplified (Springerbriefs in Law) / SpringerBriefs in Law, 2019. - P. 68.

8 Companies Income Tax Act, 2007. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nigeria-law.org/ConstitutionOfTheFederalRepublicOfNigeria.htm (дата обращения: 19.02.2025).

9 Companies Income Tax Act, 2007. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nigeria-law.org/ConstitutionOfTheFederalRepublicOfNigeria.htm (дата обращения: 19.02.2025).

10 Petroleum Profits Tax Act, 1990.\ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://old.firs.gov.ng/wp-content/uploads/2021/01/PPTA.pdf (дата обращения: 19.02.2025).

вания закона можно узнать, кто является налогообязанным субъектом.

Налоговая обязанность считается установленной с момента определения нормативно-правовым актом налогоплательщика и элементов налогообложения.

Обязывающими уплатить налог условиями являются: принятие нормативного правового акта уполномоченным государственным органом в законном порядке, установление размера налога, налогообязанного субъекта, а также сроков по отчетности и уплате налога.

Обязанность по уплате налога может быть исполнена в наличной или безналичной форме путем перечисления исключительно местной нигерийской валюты – найры в бюджет соответствующего уровня. Налог подлежит уплате после вычета любой суммы, подлежащей вычету, на основании поданной декларации в бумажной или электронной форме.

В отличие от ряда государств африканского континента в Нигерии исполнение обязанности в натуральной форме не допускается.

Контроль за надлежащим исполнением обязанности по уплате соответствующего налога производится отдельным агентством по сбору налогов: Федеральная служба внутренних доходов на уровне Федерации, региональная налоговая служба на уровне соответствующего штата[11], комитет местных органов власти на уровне местного самоуправления[12].

В случае излишней уплаты налога налогоплательщиком может быть подано требование в письменной форме о возврате излишне уплаченного налога в течение шести лет после окончания налогового периода, к которому относится налог.

Отсрочка исполнения обязанности по уплате налога.

Соответствующий налоговый орган по своему усмотрению может продлить срок, в течение которого должен быть совершен платеж.

Уплата налога также может быть отсрочена в случае подачи возражений или обжалования решения налогового органа в размере обжалуемого налогового платежа. Необжалованный размер начисленного налога считается подтвержденным налогоплательщиком и подлежащим уплате вне зависимости от результатов рассмотрения возражений или обжалования размера оставшейся части налоговой задолженности.

Поощрение надлежащего исполнения налоговой обязанности.

Одним из отличительных особенностей налогового права Нигерии является метод поощрения налогоплательщика за надлежащее исполнение налоговой обязанности.

В соответствии с международными тенденциями налоговое право отступает от классической модели «предписание – запрет – дозволение». За надлежащее исполнение налоговой обязанности налогоплательщик может быть освобожден от части уплачиваемого налога.

В Нигерии особенно актуальна проблема неуплаты налогов: большая часть налогоплательщиков не доверяют правительству, поскольку не видят существенных результатов развития инфраструктуры на территории государства. По этой причине правительство Нигерии предпринимает не только меры карательного характера, но и поощрительные в отношении добросовестных налогоплательщиков для стимулирования добровольного исполнения налоговой обязанности.

Такие меры начали предприниматься еще с 90-х годов для обложения доходов и реализации рекомендаций Мирового банка[13].

К таким мерам поощрения можно отнести предоставление права на уплату налога в меньшем объеме. Например, такой дисконт может быть предоставлен за своевременную подачу декларации в размере от 1% до 2% (см. ст. 77 CITA[14]).

Заключение

Рассмотренные элементы налоговой обязанности, а также порядок их исполнения позволяют утверждать о соответствии института налоговой обязанности современным стандартам.

Кроме того, налоговая система Нигерии учитывает необходимость существования не только мер карательного характера (штрафы, неустойка и пр.), но меры стимулирующего характера, которые воздействуют на налогоплательщика методом «кнута и пряника», мотивируя налогоплательщика добросовестно исполнять налоговую обязанность.

Пристатейный библиографический список

1. Адесола С. М. Закон о подоходном налоге и администрирование в Нигерии. - Ифе-Ифе: Университет печати, 1986. - 264 с.
2. Ариводола Д. А. Налогообложение физических лиц в Нигерии: налог на прирост капитала. - Лагос: Основополагающие публикации, 1987. - 198 с.
3. Аре Колаволе. Налоги и налоговая политика: опыт Нигерии: автореф. дис. ... кандидата экономических наук: 08.00.14 / Рос. ун-т дружбы народов (РУДН). - М., 1999. - 170 с.
4. Козырин А. Н. Налоговое право зарубежных стран: вопросы теории и практики. - М.: Манускрипт, 1993. - 112 с.
5. Козырин А. Н. Налоговое право: учебник для бакалавриата / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – Москва: ВШЭ, 2021. - 489 с.
6. Куфакова Н. А. Финансовое право развивающихся стран. - М.: Изд-во УДН, 1988. – 74 с.
7. Шахабуддин М. Х. Отчет МВФ: Налогообложение и ценообразование на нефтепродукты в развивающихся странах: рамочная основа для анализа в отношении Нигерии / Африканский департамент - Вашингтон: Международный валютный фонд, 2003. - 27 с.
8. Олокооба С. М. Налогообложение Нигерии: право, практика и процедуры упрощенно / Спрингер-Брифс в праве, 2019. - 186 с.
9. Эгай Нимийе Адака Особенности финансирования развития экономики Нигерии: автореферат дис. ... кандидата экономических наук: 08.00.14 / Рос. ун-т дружбы народов (РУДН). – Москва, 2001. - 209 с.
10. Шейла Борн (ред.) Осборнский краткий юридический словарь. - 19-й изд. Sweet и Maxwell, 2001. - 480 с.

11 Например, Ogun State Internal Revenue Service. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://portal.ogetax.ogunstate.gov.ng (дата обращения: 19.02.2025).

12 Например, Fagge Local Government. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://faggelga.kn.gov.ng/tenement-rate/ (дата обращения: 19.02.2025).

13 Аре Колаволе. Налоги и налоговая политика: опыт Нигерии: автореф. дис. ... кандидата экономических наук: 08.00.14 / Рос. ун-т дружбы народов (РУДН). - М., 1999. - С. 106.

14 Companies Income Tax Act 2007. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.nigeria-law.org/ConstitutionOfTheFederalRepublicOfNigeria.htm (дата обращения: 19.02.2025).

БЕЛОПЛОТОВ Антон Олегович
аспирант кафедры земельного, градостроительного и экологического права, Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева, г. Екатеринбург

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОГО РЕЖИМА ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ ПРИ ПОДКЛЮЧЕНИИ ОБЪЕКТОВ КАПИТАЛЬНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА К ИНЖЕНЕРНЫМ СЕТЯМ

В статье рассматриваются существующие юридичесские механизмы оформления прав на землю при подключении объектов капитального строительства к инженерным сетям. Автором анализируются доктринальные источники, а также правоприменительная практика по отдельным дискуссионным вопросам рассматриваемой сферы.

Автор приходит к выводу, что в основе юридических механизмов оформления прав на землю для размещения инженерных сетей лежит публично-правовой инструментарий, который обусловлен необходимостью создания условий для осуществления общественно значимой деятельности, соблюдения баланса частных и публичных интересов.

Ключевые слова: технологическое присоединение, сети инженерно-технического обеспечения, линейный объект, сервитут, публичный сервитут, использование земель без предоставления земельных участков и установления сервитута.

BELOPLOTOV Anton Olegovich
postgraduate student of Land, urban planning and environmental law sub-faculty, V. F. Yakovlev Ural State Law University, Yekaterinburg

PECULIARITIES OF FORMATION OF PUBLIC-LEGAL REGIME OF LAND USE WHEN CONNECTING CAPITAL CONSTRUCTION OBJECTS TO ENGINEERING NETWORKS

The article considers the existing legal mechanisms of registration of rights to land when connecting capital construction objects to engineering networks. The author analyzes doctrinal sources, as well as law enforcement practice on certain debatable issues of the considered sphere.

The author concludes that the legal mechanisms of registration of land rights for the placement of engineering networks are based on public-law tools, which is due to the need to create conditions for the implementation of socially important activities, the balance of private and public interests.

Keywords: technological connection, engineering networks, linear object, easement, public easement, use of lands without provision of land plots and establishment of easement

Введение

В рамках выполнения мероприятий по подключению объектов капитального строительства (далее также – ОКС) к сетям инженерно-технического обеспечения[1] (статья 52.1 ГрК РФ) задействуется определенная территория для размещения инженерных сетей, а также для их последующей эксплуатации.

При этом соответствующие объекты, создаваемые в интересах одного заявителя, зачастую размещаются на земельных участках, принадлежащих третьим лицам.

В этой связи закономерно возникает два сугубо правовых вопроса:

1) на каком юридическом основании размещаются инженерные сети в процессе подключения?

2) какие ограничения прав возникают у правообладателей земельных участков, на которых размещаются объекты ресурсоснабжения при технологическом присоединении?

В рамках данной статьи рассмотрим подробно первый вопрос, так как применительно к ограничениям, возникающим в связи с размещением объектов, каждый вид инженерных сетей обладает своей спецификой (ЗОУИТ), что требует дифференцированного подхода в рамках отдельного исследования.

Постановка проблемы

Отдельные вопросы оформления прав на землю при осуществлении технологического присоединения урегулированы отраслевыми законами, а также правилами подключения.

Так, статья 26 Федерального закона от 26.03.2003 № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» (далее – Закон об электроэнергетике) предусматривает, что по договору об осуществлении технологического присоединения сетевая организация принимает на себя обязательства, в том числе, по урегулированию отношений с третьими лицами в случае необходимости строительства (модернизации) такими лицами принадлежащих им объектов электросетевого хозяйства [17][2].

1 Понятия «технологическое присоединение (подключение)», «подключение к инженерным сетям», «обеспечение объектов капитального строительства инженерно-техническими сетями» используются в настоящей работе в качестве синонимов, если специально не указано иное, либо различия не очевидны из контекста. При этом понятия «инженерные сети» в представленном исследовании является собирательным, объединяющим различные виды сетей инженерно-технического обеспечения: электро-, газо-, тепло-, водоснабжения и водоотведения.

2 Обоснованное замечание делает А. В. Смагин, анализируя данное положение закона и эмпирические материалы: «административные правоотношения по поводу отвода земли под строительство или получение разрешения на строительство исходя из содержания вышеуказанной нормы Закона не могут относиться к мероприятиям по урегулированию отношений с третьими лицами, т.к. не связаны с необходимостью строительства (модернизации) объектов, принадлежащих третьим лицам». Вместе с тем необходимость оформления сетевой организацией прав на земельные участки третьих лиц в целях размещения объектов электроснабжения в рамках технологического присоединения подтверждается многочисленной судебной практикой (см., например, постановления Арбитражного суда Московского округа от 07.09.2022 по делу № А41-32614/2021, от 23.07.2020 по делу № А41-39356/2019, Десятого арбитражного апелляционного

Частью 10 статьи 23.13 Федерального закона от 27.07.2010 «О теплоснабжении» (далее – Закон о теплоснабжении) закрепляется обязанность взаимодействия органа местного самоуправления и ЕТО, в том числе, по вопросу оформления имущественных прав на земельные участки, необходимые для строительства, реконструкции и (или)\схем теплоснабжения[3].

Действующий правопорядок в части необходимости сетевой организации урегулировать отношения с третьими лицами зачастую критикуется в юридической литературе в связи отсутствием комплексности и сбалансированности, что весьма обоснованно [16].

В Правилах технологического присоединения № 861[4] применительно к оформлению прав на земельные участки, принадлежащие третьим лицам, содержится указание на наличие такой обязанности у заявителя в случае самостоятельной реализации мероприятий (их части) по технологическому присоединению (пункты 16 (7), подпункт а(2) пункта 25 Правил технологического присоединения № 861).

Из содержания пунктов 7, 25 Правил от 30.11.2021 № 2115[5] следует, что исполнитель должен надлежащим образом оформить права на использование земельных участков, принадлежащих третьим лицам, если на таких участках планируется осуществление строительства тепловых сетей[6].

В Правилах от 30.11.2021 № 2130[7] в отличие от Правил от 30.11.2021 № 2115 отсутствует упоминание о необходимости оформления прав на земельные участки (их части) для размещения сетей водоснабжения или водоотведения. Однако данное обстоятельство с очевидностью не указывает на отсутствие такой необходимости.

В настоящее время Федеральным законом от 04.08.2023 № 430-ФЗ «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»[8] (далее – Закон № 430) установлен упрощенный порядок оформления прав на линейные объекты, построенные до вступления в силу ГрК РФ (30.12.2004) (так называемая «линейная амнистия»).

Применительно к вновь возводимым сетям газораспределения пунктом 54 Правил от 13.09.2021 № 1547[9] предусмотрено, что если мероприятия по подключению заявителей предусматривают особенности, срок их осуществления может быть продлен – при необходимости оформления публичного сервитута для строительства газопроводов на земельных участках, находящихся в частной собственности[10].

Способы оформления прав на землю для строительства и эксплуатации линейных объектов системы газоснабжения указаны в абзаце 1 статьи 28 Закона о газоснабжении[11], где содержится прямая отсылка к ЗК РФ[12].

В более ранних публикациях исследователями обращалось внимание на необходимость совершенствования механизмов, улучшающих и упрощающих возможность использования земель в целях размещения линейных объектов. Например, В. И. Корякиным еще до принятия Закона № 341 предлагалось рассмотреть возможность введения ограничения на законодательном уровне размера платы за установление сервитута в отношении земельных участков, находящихся в частной собственности [12, с. 29].

Действительно, Закон № 430 направлен на оптимизацию регулирования размещения линейных объектов. Однако, как небезосновательно отмечает А. Л. Корнеев: «расши-

суда от 26.02.2024 по делу № А41-52267/2023, от 15.08.2023 по делу № А41-23346/2022).

3 На необходимость применения данной нормы при оформлении прав ЕТО на земельные участки обращается внимание и в судебной практике / См., например, апелляционное определение Четвертого апелляционного суда общей юрисдикции от 28.04.2021 по делу № 66а-1207/2021.

4 Постановление Правительства РФ от 27.12.2004 № 861 «Об утверждении Правил недискриминационного доступа к услугам по передаче электрической энергии и оказания этих услуг, Правил недискриминационного доступа к услугам по оперативно-диспетчерскому управлению в электроэнергетике и оказания этих услуг, Правил недискриминационного доступа к услугам коммерческого оператора оптового рынка и оказания этих услуг и Правил технологического присоединения энергопринимающих устройств потребителей электрической энергии, объектов по производству электрической энергии, а также объектов электросетевого хозяйства, принадлежащих сетевым организациям и иным лицам, к электрическим сетям» // Российская газета, № 7, 19.01.2005.

5 Постановление Правительства РФ от 30.11.2021 № 2115 «Об утверждении Правил подключения (технологического присоединения) к системам теплоснабжения, включая правила недискриминационного доступа к услугам по подключению (технологическому присоединению) к системам теплоснабжения, Правил недискриминационного доступа к услугам по передаче тепловой энергии, теплоносителя, а также об изменении и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 06.12.2021. – № 49 (часть II). – Ст. 8301.

6 Данный вывод подтверждается и судебной практикой. Так, в постановлении Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 12.09.2023 по делу № А46-10440/2022 суд применительно к технологическому присоединению к тепловым сетям указал: «Приведенное специальное *правовое регулирование определяет необходимым для размещения объектов теплоснабжения на земельных участках – наличие права на использование таких земельных участков*. Указанное согласуется с общими положениями гражданского и земельного законодательства, закрепляющими права собственника земельного участка».

7 Постановление Правительства РФ от 30.11.2021 № 2130 «Об утверждении Правил подключения (технологического присоединения) объектов капитального строительства к централизованным системам горячего водоснабжения, холодного водоснабжения и (или) водоотведения, о внесении изменений в отдельные акты Правительства Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных актов Правительства Российской Федерации и положений отдельных актов Правительства Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 06.12.2021. – № 49 (часть II). – Ст. 8316.

8 Федеральный закон от 04.08.2023 № 430-ФЗ «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 07.08.2023. – № 32 (Часть I). – Ст. 6162.

9 Постановление Правительства РФ от 13.09.2021 № 1547 «Об утверждении Правил подключения (технологического присоединения) газоиспользующего оборудования и объектов капитального строительства к сетям газораспределения и о признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 20.09.2021. – № 38. – Ст. 6641.

10 Кроме того, в соответствии с подпунктом «е» пункта 72 Правил от 13.09.2021 № 1547 исполнитель в рамках технологического присоединения обязан согласовать с собственником земельного участка строительство сетей газораспределения, необходимых для подключения объекта капитального строительства заявителя, в случае строительства сетей газораспределения на земельных участках, находящихся в собственности третьих лиц.

11 Для строительства, реконструкции, капитального или текущего ремонта и (или) эксплуатации линейных объектов систем газоснабжения в случаях и порядке, установленных законодательством Российской Федерации, могут быть установлены сервитут, публичный сервитут либо может осуществляться использование земель или земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, без их предоставления и установления сервитута, публичного сервитута.

12 Примечательно, что в Проекте Федерального закона № 47538-6 «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в статье 301.10 ГК РФ предлагалось ввести коммунальный сервитут, устанавливаемый для размещения, эксплуатации, ремонта и реконструкции объектов коммунального назначения (в т.ч. газопроводов).

рение возможностей по размещению линейных объектов на уже занятых землях (земельных участках) способно самым существенным образом повлиять на правовой режим использования земельного участка и изменить объем прав собственника (иного лица, управомоченного на владение или пользование)» [10, с. 26].

Признавая необходимость обеспечения баланса частных и публичных интересов при использовании любого из существующих механизмов оформления прав на земельные участки, отметим, что мероприятия по технологическому присоединению сами по себе имеют общеэкономическое значение в контексте необходимости устойчивого развития населенных пунктов (статья 52.1 ГрК РФ).

Представляется очевидным, что в ходе присоединения конкретного ОКС к сетям инженерно-технического обеспечения сетевой организацией во многих случаях строятся объекты, которые могут быть использованы впоследствии в целях присоединения новых потребителей. В свою очередь сетевая организация не вправе использовать данное имущество кроме как для организации ресурсоснабжения населения[13].

Наличие на земельном участке инженерных сетей не свидетельствует о наличии права у собственника данного линейного объекта на предоставление земельного участка в аренду[14]. Равным образом наличие на земельном участке инженерных сетей третьих лиц не препятствует его предоставлению в аренду иным лицам[15].

В этой связи использование специальных механизмов оформления прав на землю, имеющих скорее публично-правовую природу, для размещения инженерных сетей представляется весьма обоснованным[16].

Далее рассмотрим каждый из имеющихся правовых механизмов оформления прав на землю для размещения инженерных сетей в рамках технологического присоединения более подробно.

1. Установление сервитута при размещении инженерных сетей.

Земельные участки, находящиеся в государственной или муниципальной собственности[17], по общему правилу, не предоставляются в собственность или в аренду для строительства и размещения линейных объектов, если такие объекты могут быть размещены на основании сервитута[18], публичного сервитута, в том числе, в отношении участков, находящихся в публичной собственности (см., например, постановления Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 03.03.2020 по делу № А32-17593/2016, от 06.06.2019 по делу № А32-54029/2017).

19 Статья 39.36 ЗК РФ предусматривает размещение объектов, перечень которых утвержден Правительством Российской Федерации, на землях или земельных участках, находящихся в государственной или муниципальной собственности, без предоставления земельных участков и установления сервитутов, публичного сервитута.

20 Пункт 4 Обзора судебной практики по делам об установлении сервитута на земельный участок (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.04.2017) // СПС «Консультант Плюс».

21 В порядке, предусмотренном настоящей главой, публичный сервитут устанавливается для использования земельных участков и (или) земель, в том числе, в следующих целях: строительство и эксплуатация объектов электросетевого хозяйства, тепловых сетей, водопроводных сетей, сетей водоотведения, линий и сооружений связи, линейных объектов системы газоснабжения, если указанные объекты необходимы для подключения (технологического присоединения) к сетям инженерно-технического обеспечения (статья 39.37 ЗК РФ).

22 Например, А. И. Малинникова, оппонируя Е. А. Суханову, указывает: «Таким образом, задачей законодателя, реализованной в Законе № 341-ФЗ, видится вовсе не стремление оказать крупным компаниям – владельцам линейных объектов «максимальное содействие в использовании для своих нужд не принадлежащих им земельных участков», как указывает Е. А. Суханов, а упрощение оформления ими прав на землю, занимающего едва ли не большую часть времени, необходимого для строительства, реконструкции инженерных сооружений, в целях обеспечения населения соответствующими благами».

23 См., например, Письмо ФГБУ «ФКП Росреестра» от 22.09.2022 № 11-2725/22 (СПС «Консультант Плюс»).

24 Приказ Росреестра от 19.04.2022 № П/0150 «Об утверждении требований к форме ходатайства об установлении публичного сервитута, содержанию обоснования необходимости установления публичного сервитута» (СПС «Консультант Плюс»).

13 См., например, часть 3 статьи 5 Закона об электроэнергетике.

14 См., например, постановления Арбитражного суда Московского округа от 23.06.2020 по делу № А41-71692/2019; от 08.04.2021 по делу № А41-39033/2020 (Определением Верховного Суда РФ от 25.06.2021 № 305-ЭС21-12000 отказано в передаче дела № А41-39033/2020 в Судебную коллегию по экономическим спорам Верховного Суда РФ для пересмотра в порядке кассационного производства данного постановления).

15 См., например, постановления Арбитражного суда Северо-Западного округа от 20.02.2019 по делу № А66-3815/2018; Третьего арбитражного апелляционного суда от 03.06.2019 по делу № А33-29675/2015.

16 Примечательно, что отсутствие оформления прав на землю не является основанием для отказа в постановке на кадастровый учет сетей подземных инженерных сетей (см., например, постановления Арбитражного суда Московского округа от 17.08.2023 по делу № А40-221630/2022; Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 25.10.2023 по делу № А56-108733/2022 // СПС «Консультант Плюс»).

17 Для земельных участков, находящихся в частной собственности, одним из способов оформления прав является установление сервитута для обеспечения строительства и (или) эксплуатации линейных объектов (статья 23 ЗК РФ, статья 274 ГК РФ).

18 В данном случае сервитут оформляется посредством заключения соглашения в порядке главы V.3 ЗК РФ. В судебной практике встречаются случаи, когда при уклонении правообладателя участка, на котором планируется размещение сетей электроснабжения, от заключения соглашения об установлении сервитута сетевая организация обращается в суд с иском об установлении

линейных объектов. Как правило, в удовлетворении требований собственников обремененных земельных участков суды отказывают в случае соблюдения формальных требований к установлению публичного сервитута, а также по мотивам недоказанности наличия препятствий в пользовании участком[25].

Однако при отсутствии расчетов и обоснования наиболее целесообразного способа установления публичного сервитута, а также невозможности размещения сооружения на земельных участках общего пользования встречаются дела, в которых суды признают соответствующее постановление недействительным[26].

Применительно к данному механизму использования земель одним из самых дискуссионных вопросов для правоприменения является наличие так называемого публичного интереса при установлении публичного сервитута в рамках мероприятий по технологическому присоединению конкретного объекта капитального строительства.

Указанное положение является предметом судебного «обсуждения», как правило, по делам об оспаривании отказа органа публичной администрации в установлении сервитута. Так, зачастую административные органы отказывают в установлении публичного сервитута на том основании, что последний испрашивается заявителем не для удовлетворения публичных интересов, а в целях обеспечения инженерными сетями конкретного объекта, что, по мнению уполномоченных органов, не отвечает целям главы V.7 ЗК РФ.

В свою очередь судебная практика подтверждает необоснованность данной позиции[27]. Суды указывают, что обеспечение сетями конкретного объекта подпадает под определенную пунктом 1 статьи 39.37 ЗК РФ цель установления публичного сервитута[28]. Вместе с тем в приведенных судебных актах отсутствует подробная аргументация наличия у мероприятий по технологическому присоединению публичного интереса, что побуждает нас к более подробному исследованию настоящего вопроса.

Деятельность по обеспечению населения электричеством, как и иными жизненно-важными ресурсами, а также обеспечение доступа к соответствующим видам инженерных сетей является общественно значимой экономической деятельностью.

Анализируя зарубежный опыт (США, Великобритания, Европа) применительно к размещению сетей связи посредством права прокладки линейных сооружений, коммуникаций (right of way), Ю. В. Волков также приходит к обоснованному выводу, что практически все страны в основе данного (аналогичного сервитуту) права (right of way) имеют публичный интерес в прокладке линий связи, на основе которого операторы сетей осуществляют услугу в интересах абонентов (потребителей) [5, с. 62].

Обеспечение ОКС сетями инженерно-технического обеспечения является важнейшей составляющей развития городов, в особенности для их равномерной застройки. Следовательно, создание условий равного доступа для граждан и юридических лиц к инженерным сетям, а также гарантия осуществления присоединения со стороны сетевой организации предопределены общественно значимыми интересами.

Принимая во внимание публичную обязанность сетевых организаций по осуществлению подключения, следует констатировать, что *при осуществлении технологического присоединения публичный интерес предполагается*.

При этом вопросы платности землепользования в рассматриваемом случае также имеют существенное значение, так как указанное напрямую влияет на стоимость затрат на подключение.

2. Использование земель на основании административного разрешения при размещении инженерных сетей.

Использование земель для размещения инженерных сетей также возможно в порядке главы V.6. ЗК РФ после получения разрешения уполномоченного органа[29].

Юридическая проблематика применения главы V.6 ЗК РФ рассматривалась рядом авторов, из выводов которых следует, что данный механизм использования земель далек от правового совершенства [13], [6].

Как справедливо отмечает А. Л. Корнеев, в результате применения положений главы V.6 ЗК РФ создается специальный правовой режим «дозволенных действий», при котором: «собственник продолжает оставаться собственником, пользователь получает возможность удовлетворить свои потребности, а нужды в применении тех или иных договоров нет» [11, с. 18].

По обоснованному мнению И. А. Игнатьевой, «такой способ оформления прав на землю, как установление публичного сервитута, равно как сервитута, или оформления прав на землю по правилам статьи 39.36 ЗК РФ получает вполне четко обозначенный и нормативно подкрепленный приоритет перед другими, поскольку согласно пункту 1.1 статьи 39.20 ЗК РФ земельные участки, находящиеся в государственной или муниципальной собственности, не предоставляются в собственность или в аренду собственникам и иным правообладателям сооружений, которые могут размещаться на таких земельных участках на основании сервитута,

25 См., например, постановления Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 16.06.2023 по делу № А82-2802/2022, Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 22.11.2023 по делу № А55-3164/2023; Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 02.03.2022 по делу № А53-10735/2021, Второго арбитражного апелляционного суда от 10.05.2023 по делу № А17-5667/2021.

26 См., например, постановления Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 30.09.2022 по делу № А82-6288/2021; от 08.10.2021 по делу № А43-21742/2020; Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 20.04.2023 по делу № А14-20863/2021.

27 См., постановления Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 13.04.2023 по делу № А46-3289/2022, Арбитражного суда Уральского округа от 16.06.2021 по делу № А50-17175/2020, Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 06.02.2023 по делу № А31-16064/2021; Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 22.06.2021 по делу № А76-44607/2020.

28 Например, в постановлении Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 15.11.2023 по делу № А46-6162/2023 судом сделан следующий вывод: «Вопреки позиции подателя жалобы электроснабжение индивидуального жилого дома подпадает под определенную пунктом 1 статьи 39.37 ЗК РФ цель установления публичного сервитута; в рассматриваемом случае отказ администрации в установлении публичного сервитута исключает возможность ПАО «Россети Сибирь» исполнить свои обязательства по договору об осуществлении технологического присоединения, что влечет риск привлечения общества к ответственности за неисполнение договорных обязательств, и как следствие нарушает права и законные интересы последнего в сфере предпринимательской деятельности».

29 Конституционность пункта 3 статьи 39.36 ЗК РФ оспаривалась в Конституционном Суде Российской Федерации; В Определении Конституционного Суда РФ от 26.03.2019 № 722-О суд, отказывая в принятии жалобы к рассмотрению, указал: «Подобное правовое регулирование обеспечивает возможность оперативного – без оформления правоустанавливающих документов на землю – возведения определенных объектов с учетом их особых характеристик и назначения. При этом собственники таких объектов, созданных правомерно, не лишены возможности защиты своих прав в общем порядке, установленном Гражданским кодексом Российской Федерации» (Определение Конституционного Суда РФ от 26.03.2019 № 722-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Ли Розалии на нарушение ее конституционных прав пунктом 3 статьи 39.36 Земельного кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс»).

публичного сервитута или в соответствии со статьей 39.36 ЗК РФ» [9].

В Постановлении Правительства РФ от 03.12.2014 № 1300[30] (далее – Постановление от 03.12.2014 № 1300) указаны следующие объекты: водопроводы и водоводы всех видов (пункт 2); линейные сооружения канализации (в том числе ливневой) и водоотведения (пункт 3); линии электропередачи классом напряжения до 35 кВ, а также связанные с ними трансформаторные подстанции, распределительные пункты и иное предназначенное для осуществления передачи электрической энергии оборудование (пункт 5); газопроводы давлением до 1,2 Мпа (пункт 6)[31]; тепловые сети всех видов, включая сети горячего водоснабжения (пункт 7);

При этом размещение указанных объектов возможно в случае, если не требуется разрешение на строительство [8][32].

Широкое распространение практики размещения подобных объектов через рассматриваемый механизм подтверждается также правоприменительными материалами антимонопольного органа[33].

В случае отказа в выдаче разрешения на использование земель или земельного участка без предоставления для осуществления мероприятий по технологическому присоединению, такой отказ может быть оспорен в судебном порядке[34]. Так, судебная практика по делам об оспаривании отказов в выдаче разрешения для размещения газопровода демонстрирует, что во многих случаях суды встают на сторону заявителя по делу, удовлетворяя исковые требования и возлагая на орган местного самоуправления обязанность по устранению нарушений прав истца[35].

Примечательно, что в более ранней судебной практике встречались случаи, когда органом публичной администрации в выдаче разрешения отказывалось по мотиву подачи заявления физическим лицом, что впоследствии признавалось незаконным[36].

В правоприменительной практике в отношении инженерных сетей встречается правовой подход, в соответствии с которым при наличии возможности использования земель в порядке статьи 39.36 ЗК РФ заключение договора аренды испрашиваемого участка влечет признание такого договора ничтожной сделкой и, как следствие, отказ во взыскании арендной платы[37].

Однако здесь необходимо обратить внимание на часть 5 статьи 39.36 ЗК, введенную Законом № 340, в соответствии с которой использование земель или земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, для целей размещения объектов, указанных в пункте 3 настоящей статьи, *не является препятствием для установления в отношении их сервитута, публичного сервитута* для размещения таких объектов[38].

Таким образом, на сегодняшний день использование рассматриваемых механизмов оформления прав на землю возможно в совокупности.

Применительно к использованию земель в порядке статьи 39.36 ЗК РФ порядок и условия оплаты за размещение объектов устанавливаются нормативным правовым актом субъекта Российской Федерации.

На практике же сложились следующие модели нормативного правового регулирования платности использования земель при применении обозначенного механизма: 1) нормативным актом субъекта Российской Федерации (Хабаровский край, Нижегородская область); 2) нормативными актами субъекта Российской Федерации и принятыми в соответствии с ними муниципальными нормативными актами

30 Постановление Правительства РФ от 03.12.2014 № 1300 «Об утверждении перечня видов объектов, размещение которых может осуществляться на землях или земельных участках, находящихся в государственной или муниципальной собственности, без предоставления земельных участков и установления сервитутов» // Собрание законодательства РФ, 15.12.2014, № 50, ст. 7089.

31 Симптоматично, что суды при рассмотрении споров о правомерности размещения газопроводов на землях в порядке статьи 39.36 ЗК РФ также ссылаются и на пункт 1 Постановления от 03.12.2014 № 1300, в котором указаны подземные линейные сооружения, а также их наземные части и сооружения, технологически необходимые для их использования, для размещения которых не требуется разрешения на строительство (см., например, постановления Первого арбитражного апелляционного суда от 21.10.2021 по делу № А11-8989/2020; Арбитражного суда Уральского округа от 02.03.2022 по делу № А76-5436/2021; Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 12.12.2018 по делу № А11-6973/2017; Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 15.11.2021 по делу № А60-16835/2021 и др.).

32 Перечень случаев, при которых для строительства, реконструкции объекта капитального строительства не требуется получение разрешения на строительство, утвержден Постановлением Правительства РФ от 12.11.2020 № 1816. Применительно к данному обстоятельству весьма любопытно замечание Е. Ю. Денисовой: «... все линейные объекты, установленные Перечнем объектов, объединяют два признака – это их протяженность и возможность размещения без разрешения на строительство. Учитывая все вышеназванные условия, мы получаем ситуацию, в которой федеральное законодательство в общем допускает размещение линейных объектов на основании разрешения об использовании земель или земельного участка без предоставления земельных участков и установления сервитута, публичного сервитута, а региональное законодательство, уточняя эти же объекты на основании п. 5 ч. 17 ст. 51 Градостроительного кодекса Российской Федерации, обязывает получать для их размещения разрешение на строительство, что приводит к невозможности размещения в некоторых случаях линейных объектов на территории нескольких субъектов Российской Федерации»

33 См., например, постановление Липецкого УФАС России от 24.09.2020 по делу № 048/04/9.21-612/2020 // СПС «Консультант Плюс».

34 См., например, постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 15.10.2020 по делу № А55-9190/2019.

35 Так, в деле № А65-1237/2021 судами отмечено, что в случае формального соблюдения требований для выдачи разрешения отказ является незаконным даже при отсутствии утвержденной проектной документации на газопровод, а также при ее противоречии техническим условиям подключения (См., подробнее постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 29.06.2022 по делу № А65-1237/2021).

36 Например, в постановлении Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 22.02.2017 по делу № А81-1518/2016 суд, поддерживая позицию нижестоящих инстанций о незаконности действий органа публичной администрации, отметил: «Установление ограничений по субъектному составу лиц, имеющих право на размещение объектов в указанном порядке, создает необоснованные и ничем не мотивированные преимущества одних хозяйствующих субъектов (юридических лиц) перед другими и не отнесено к компетенции субъектов Российской Федерации. Нормы действующего земельного и градостроительного законодательства подобных ограничений не содержат» (Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 22.02.2017 по делу № А81-1518/2016).

37 См., например, постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 05.02.2024 по делу № А33-10802/2023.

38 Минэкономразвития России в письме от 21.02.2018 № ОГ-Д23-1526 разъяснено, что объекты, включенные в Перечень, либо не обладают признаками объектов недвижимости и объектов капитального строительства и в силу своих конструктивных особенностей имеют временное или вспомогательное значение (например, пункты 4, 8, 16 Перечня), либо представляют собой некапитальные сооружения, т.е. объекты, для строительства которых в соответствии с законодательством Российской Федерации не требуется получение разрешения на строительство, предназначенные для технологического присоединения объектов капитального строительства к сетям инженерно-технического обеспечения (например, пункты 2, 3, 5, 11 Перечня) (Письмо Минэкономразвития России от 21.02.2018 № ОГ-Д23-1526 // СПС «Консультант Плюс»).

(Республика Алтай, Белгородская область); 3) исключительно муниципальными нормативными актами (г. Череповец) [1].

Как отмечает И. С. Андреечев, в отдельных субъектах Российской Федерации вовсе предусмотрено безвозмездное использование земель при размещении тепловых сетей в порядке статьи 39.36 ЗК РФ (например, Республика Дагестан) [1].

Выводы.

Подключение ОКС к инженерным сетям не может быть осуществлено посредством ординарной регламентации земельно-имущественных отношений, складывающихся по модели преимущественно публично-правовых, поскольку:

– необходимо обеспечить использование земельных участков для размещения линейных объектов на одном титуле в условиях принадлежности участков разным лицам;

– осуществить строительство и оформление прав в оперативном порядке (особенно в контексте задачи по сокращению инвестиционно-строительного цикла[39]);

– обеспечить безопасную эксплуатацию и размещение инженерных сетей;

– соблюсти баланс частных и публичных интересов;

– при необходимости [3][40] обеспечить постановку инженерных сетей на кадастровый учет, а также достоверное отражение данных о контурах сооружений, границах ЗОУИТ в публичных реестрах и информационных системах [4].

В целях решения указанных задач в отечественном правопорядке, равно как и за рубежом, сформированы специальные публично-правовые инструменты, которые помещены в ЗК РФ, но в целях повышения эффективности правового регулирования применяются в совокупности со специальными положениями ГрК РФ, а также правилами подключения к сетям инженерно-технического обеспечения.

При этом в большинстве своем в основе данных механизмов лежит исключительно публично-правовой инструментарий, который обусловлен необходимостью создания условий для осуществления общественно значимой деятельности.

Пристатейный библиографический список

1. Андреечев И. С. Платность использования земель, находящихся в публичной собственности, без их предоставления юридическим или физическим лицам и установления сервитутов // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2023. – № 3. – С. 75-87.
2. Анисимов А. П., Болтанова Е. С. Ограничение права частной собственности путем установления публичных земельных сервитутов: поиск баланса интересов // Журнал российского права. – 2020. – № 4. – С. 141-152.
3. Белоплотов А. О. К вопросу о самовольности строительства линейных объектов // Евразийский юридический журнал. – 2024. – № 7 (194). – С. 280-283.
4. Белоплотов А. О. Реестровые ошибки при кадастровом учете линейных объектов // Евразийский юридический журнал. – 2024. – № 11 (198). – С. 269-272.
5. Волков Ю. В. Право прокладки и обслуживания сетей связи // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 10. – С. 56-67.
6. Гаевская Е. Ю., Вагина О. В. Особенности использования земельных участков, находящихся в государственной и муниципальной собственности, без их предоставления и установления сервитута // Бизнес, Менеджмент и Право. – 2018. – № 4. – С. 42-44.
7. Горелова Е. Ю. Особенности размещения линейных объектов на основании публичного сервитута // Экологическое право. – 2021. – № 4. – С. 20-22.
8. Денисова Е. Ю. Способы приобретения прав на землю для размещения линейных объектов: анализ правового регулирования и законодательные тенденции // Экологическое право. – 2020. – № 2. – С. 10-13.
9. Игнатьева И. А. Использование земель и земельных участков с объектами электроэнергетики: право и практика: учебное пособие. – М.: Проспект, 2019. – 368 с.
10. Корнеев А. Л. О некоторых изменениях в правовом регулировании размещения линейных объектов // Экологическое право. – 2023. – № 6. – С. 21-27.
11. Корнеев А. Л. Некоторые вопросы использования земельных участков без предоставления и установления сервитута // Юрист. – 2016. – № 14. – С. 15-19.
12. Корякин В. И. Новое в правовом регулировании размещения линейных объектов // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2016. – № 6. – С. 17-30.
13. Кузьмин Р. Р. Использование земли без предоставления и установления сервитута как фиктивная категория. Ее влияние на вещное право // Хозяйство и право. – 2022. – № 6. – С. 53-61.
14. Майборода В. А. Установление публичного сервитута для отдельных целей в отношении части земельного участка // Нотариус. – 2020. – № 4. – С. 41-44.
15. Малинникова А. И. Особенности установления публичного сервитута в целях размещения инженерных сооружений // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2023. – № 1. – С. 104-110.
16. Панин А. А., Масленин М. А. Проблемы совершенствования нормативного регулирования порядка технологического присоединения к электрическим сетям в условиях реализации государственной политики повышения доступности энергетической инфраструктуры // Правовой энергетический форум. – 2016. – № 1. – С. 18-24.
17. Смагин А. В. Вопросы правового регулирования отношений сетевой организации с третьими лицами в процессе исполнения мероприятий по технологическому присоединению // Правовой энергетический форум. – 2016. № 1. – С. 25-31.

39 Распоряжение Правительства РФ от 31.10.2022 № 3268-р «Об утверждении Стратегии развития строительной отрасли и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2035 года» // Собрание законодательства РФ. – 07.11.2022. – № 45. – Ст. 7815.

40 В случае наличия у построенных в рамках технологического присоединения инженерных сетей признаков недвижимости (статья 130 ГК РФ).

СТЕПАНЯН Георгий Саркисович
соискатель, прикрепленный для подготовки диссертации на соискание ученой степени кандидата наук к аспирантуре, Юридический факультет, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МУНИЦИПАЛЬНОГО ЗЕМЕЛЬНОГО КОНТРОЛЯ

В данной статье рассматривается правовое регулирование осуществления муниципального земельного контроля в Российской Федерации. Раскрываются особенности муниципального земельного контроля, его правовая природа, а также проблемы правового регулирования и практики его применения. Автор предлагает пути совершенствования правового регулирования муниципального земельного контроля, в том числе наделение органов местного самоуправления большими полномочиями в данной сфере.

Ключевые слова: муниципальный земельный контроль, органы местного самоуправления, земельные отношения, административные процедуры.

STEPANYAN Georgy Sarkisovich
competitor, assigned to prepare a dissertation for the degree of candidate of sciences to the postgraduate program, Law Faculty, M. V. Lomonosov Moscow State University

CURRENT DIRECTIONS FOR IMPROVING MUNICIPAL LAND CONTROL

The present article provides a detailed consideration of the legal framework governing the implementation of municipal land control within the Russian Federation. It explores the distinctive characteristics of municipal land control, its legal foundation, and the challenges encountered in the legal regulation and practical application of this domain. The author puts forward several recommendations for enhancing the legal framework concerning municipal land control, including the suggestion of empowering local government bodies with expanded authority in this area.

Keywords: municipal land control, local self-government bodies, land relations, administrative procedures.

Институт муниципального земельного контроля является неотъемлемым элементом системы местного самоуправления и представляет собой важный механизм регулирования земельных правоотношений на муниципальном уровне. Правовая основа данного института закреплен в федеральном законодательстве, прежде всего в Федеральном законе № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»[1]. Законодательная база регламентирует территориальные пределы осуществления контрольных полномочий, устанавливая дифференцированный подход к различным видам муниципальных образований. В соответствии с действующим законодательством, система территориальной организации муниципального земельного контроля структурирована следующим образом: контрольные полномочия распространяются на территории городских и сельских поселений; охватывают пространство городских округов; включают межселенные территории, входящие в состав муниципальных районов. Подобная территориальная дифференциация обеспечивает комплексный подход к осуществлению земельного контроля, учитывающий специфику различных типов муниципальных образований и особенности их пространственной организации.

Земельный кодекс Российской Федерации в статье 72 (пункт 3)[2] конкретизирует положения закона о местном самоуправлении, устанавливая компетенцию органов местного самоуправления различных уровней в сфере земельного контроля. При этом особое внимание уделяется территориальному принципу осуществления контрольных полномочий. Так, существующая научная дискуссия относительно определения объекта муниципального контроля требует критического осмысления. В частности, представляется методологически неточной позиция ряда исследователей, трактующих объект муниципального контроля расширительно, включая в него весь комплекс общественных отношений, связанных с осуществлением местного самоуправления и защитой прав граждан. Такой подход размывает границы института муниципального земельного контроля и противоречит действующему законодательству, которое определяет его предметную область - земельные отношения в границах соответствующего муниципального образования.

В системе регулирования муниципального земельного контроля ключевым аспектом является правовое закрепление полномочий органов местного самоуправления. Данный вопрос подробно урегулирован российским законодательством. Основу правового регулирования в данной сфере составляет Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». В статье 17.1 данного закона определены два уровня контрольных функций муниципальных органов. Первый уровень предполагает контроль за исполнением местных нормативных актов по вопросам, входящим в компетенцию органов местного самоуправления. Второй уровень касается соблюдения федерального и регионального законодательства в тех случаях, когда полномочия переданы на муниципальный уровень федеральными законами. Соответствующая двухуровневая структура обеспечивает комплексный подход к выполнению задач в области земельного контроля и укрепляет принципы местного самоуправления.

Пункт 2 статьи 72 Земельного кодекса Российской Федерации также играет важную роль в понимании системы муниципального земельного контроля. В данной норме закреплено многоуровневое правовое регулирование данного института, основанное на нормах федерального законода-

1 Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 13.12.2024) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 06.10.2003. - № 40. - Ст. 3822.

2 Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 30.11.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 24.12.2024) // Собрание законодательства РФ, 29.10.2001. - № 44. - Ст. 414.

тельства, актов субъектов РФ и правовых документов, принимаемых органами местного самоуправления в рамках своей компетенции.

В научных кругах до сих пор ведутся споры о правовой природе и объеме полномочий органов местного самоуправления в сфере управления земельными ресурсами. Существуют различные подходы к решению этой проблемы. Например, некоторые исследователи придерживаются суженного толкования, ограничивая основу контрольных функций только законодательными актами и уставами муниципальных образований.

Однако такая позиция представляется недостаточно обоснованной, поскольку не учитывает многоуровневый характер правового регулирования муниципального земельного контроля и комплексную природу соответствующих правоотношений. Особого внимания заслуживает административно-правовой аспект реализации контрольных функций органами местного самоуправления. Процедурная составляющая муниципального земельного контроля характеризуется ясной системой последовательных юридически значимых действий, осуществляемых уполномоченными субъектами. При этом принципиальное значение имеет не только обеспечение законности в данной сфере, но и защита прав подконтрольных субъектов.

Муниципальный земельный контроль представляет собой особую форму надзорной деятельности, которая играет важную роль в регулировании землепользования. Особенности законодательного регулирования данного института проявляются в специфике его реализации в городах федерального значения. Согласно пункту 4 статьи 52 Земельного кодекса Российской Федерации, в таких городах, как Москва, Санкт-Петербург и Севастополь, полномочия по осуществлению муниципального земельного контроля могут быть переданы органам государственной власти субъектов Российской Федерации.

Значимым элементом правового регулирования муниципального земельного контроля является действие положений Федерального закона «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля», что зафиксировано в пункте 2 статьи 17.1 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Названный закон предоставляет органам местного самоуправления широкую степень самостоятельности в вопросах контроля. В частности, местные органы власти вправе устанавливать порядок осуществления контроля в пределах федерального и регионального законодательства, формировать структуру контролирующих подразделений, определять кадровую политику, а также финансировать контрольную деятельность за счет местных бюджетов.

По мнению О. С. Соколова, деятельность по муниципальному контролю осуществляется в четко установленных законодательных рамках. Нормативно-правовые акты предъявляют строгие требования к основам осуществления этой деятельности, включая необходимость наличия конкретных критериев для объектов проверки, четко прописанных регламентов и норм проведения контрольных мероприятий. Федеральный закон «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» подчеркивает, что органы местного самоуправления, осуществляющие контроль, должны соответствовать требованиям устава муниципального образования и другим местным нормативным актам.

Практика реализации муниципального земельного контроля показывает разнообразные подходы на уровне регионов. В одних муниципалитетах контрольные функции выполняются непосредственно администрацией, в других — специализированными структурными подразделениями, такими как комитеты, отделы или управления. Такое разнообразие обусловлено особенностями организационной структуры местных органов власти. В научной литературе активно обсуждается концепция разделения полномочий органов местного самоуправления на общие и специальные функции муниципального земельного контроля. Приведенный подход предполагает, что разграничение обязанностей должно учитывать задачи контрольной деятельности, территориальные особенности муниципальных образований и правовую иерархию - от федеральных законов до местных нормативных актов.

Существенной особенностью современного этапа развития муниципального земельного контроля является расширение сферы его применения. Если изначально контрольные полномочия ограничивались проверкой соблюдения требований муниципальных правовых актов, то в настоящее время они распространяются также на соблюдение федерального и регионального законодательства в части вопросов местного значения.

Заслуживает внимания тот факт, что функциональные подразделения муниципальной администрации (комитеты, отделы, управления), ответственные за управление земельными ресурсами, осуществляют контрольные функции в пределах своей компетенции как органы общего муниципального контроля. В то же время органы специального контроля фокусируются на надзоре за реализацией функций местного самоуправления.

Критический анализ данного подхода позволяет сделать вывод о том, что его практическая реализация может привести к избыточному административному регулированию без достижения ожидаемого положительного эффекта. Представляется более целесообразным сосредоточить внимание на развитии эффективного межведомственного взаимодействия между органами местного самоуправления и государственной власти в процессе осуществления контрольно-надзорной деятельности. Данная новелла представляется обоснованной, поскольку способствует повышению эффективности контрольных мероприятий в условиях многоуровневого правового регулирования земельных отношений.

Особого внимания заслуживает вопрос регламентации порядка осуществления муниципального земельного контроля. Как отмечается в научной литературе, органам местного самоуправления предоставлена значительная автономия в формировании механизма решения данного вопроса, что реализуется посредством принятия специальных положений о муниципальном земельном контроле и административных регламентов его осуществления. При этом существенным аспектом является то, что разработка административных регламентов должна осуществляться в соответствии с нормативными правовыми актами субъектов РФ. Однако, как отмечают исследователи, отсутствие соответствующего регионального регулирования в ряде случаев приводит к необходимости восполнения данного пробела на муниципальном уровне [2].

Вопросы правовой регламентации муниципального земельного контроля продолжают вызывать значительный интерес в юридической науке, что связано с наличием ряда системных проблем в данной области. Одной из ключевых проблем остается отсутствие четкого и единообразного определения объектов муниципального земельного контроля, что существенно затрудняет его правоприменение.

Анализ действующего законодательства и практики показывает, что подходы к определению объектов муниципального земельного контроля значительно различаются в разных муниципальных образованиях. В одних случаях контроль охватывает все земельные участки, расположенные в границах муниципального образования, в других - исключаются те участки, которые находятся под контролем федеральных или

региональных органов власти. Такая ситуация создает предпосылки для дублирования полномочий на разных уровнях власти и усложняет выполнение задач земельного контроля.

Особую остроту этой проблеме придает то, что даже в последней редакции статьи 72 Земельного кодекса РФ не удалось внести ясность в определение объектов муниципального земельного контроля. Это законодательное упущение, как отмечают исследователи, может способствовать сохранению разнородной практики реализации контрольных функций на муниципальном уровне.

Для устранения данных проблем целесообразно законодательно закрепить единый подход к определению объектов муниципального земельного контроля, распространив его на все земельные участки в пределах муниципального образования. Такое решение позволит устранить правовую неопределенность, снизить риск дублирования полномочий на различных уровнях власти и повысить эффективность контроля.

Обозначенная позиция находит поддержку среди исследователей, которые подчеркивают необходимость четкого разграничения полномочий между органами государственной власти и местного самоуправления в области земельного контроля и надзора. Оптимизация правового регулирования в этом направлении будет способствовать созданию более эффективной системы земельного контроля.

Особую актуальность данной проблеме придает тот факт, что даже новая редакция статьи 72 Земельного кодекса РФ не внесла необходимой ясности в определение объекта муниципального земельного контроля. Данное законодательное упущение, как отмечается в научной литературе, может привести к дальнейшему сохранению неединообразной практики осуществления контрольных функций в сфере земельных отношений на муниципальном уровне.

Для решения выявленных проблем представляется целесообразным законодательное закрепление единого подхода к определению объектов муниципального земельного контроля, распространив его на все земли и земельные участки в границах муниципального образования. Такая мера позволит устранить существующую правовую неопределенность и минимизировать риски дублирования полномочий между различными уровнями власти при осуществлении земельного контроля.

Данная позиция находит поддержку в научном сообществе, где неоднократно подчеркивалась необходимость разграничения полномочий между органами государственной власти и местного самоуправления в сфере земельного контроля и надзора. Подобная оптимизация правового регулирования будет способствовать повышению эффективности системы земельного контроля в целом.

В рамках анализа системы государственного надзора и муниципального контроля в Российской Федерации важным аспектом является проблема дублирования контрольно-надзорных функций. Нормативная правовая база муниципального земельного контроля демонстрирует комплексный характер контрольных мероприятий, охватывающих широкий спектр аспектов землепользования. В отдельных Положениях о муниципальном земельном контроле представлен открытый перечень контролируемых параметров, что позволяет отслеживать следующие ключевые направления.

В первую очередь, особое внимание уделяется легитимности землепользования, что подразумевает контроль за правомерностью использования земельных участков, а также за наличием соответствующей документации, которая подтверждает право на землю. Также, акцентируется внимание на целевом использовании земельных ресурсов, что включает соответствие категории земель и разрешенному виду их использования. Кроме того, важную роль играют договорные обязательства. Контроль охватывает соблюдение условий арендных отношений и своевременность освобождения земельных участков по окончании сроков действия договоров. Важным аспектом также является природоохранная деятельность, которая предусматривает контроль за рекультивацией земель, охрану почв от различных форм деградации и сохранение плодородного слоя, что также касается предотвращения загрязнения земель опасными для здоровья и окружающей среды веществами.

Не менее значительное место в муниципальном земельном контроле занимает исполнение предписаний государственных инспекторов, а также соблюдение требований по межеванию земельных участков. Таким образом, указанная система контроля представляет собой целостный механизм, направленный на обеспечение рационального использования земельных ресурсов и соблюдение земельного законодательства на муниципальном уровне.

При этом следует отметить, что открытый характер перечня контролируемых параметров создает определенную гибкость в реализации контрольных функций, но в то же время может порождать неоднозначную интерпретацию полномочий контролирующих органов, что подчеркивает необходимость постоянного совершенствования законодательной базы и координации действий всех участников контроля на местах.

Показательным примером служит Положение о муниципальном земельном контроле г. Комсомольска-на-Амуре, где установлен относительно узкий перечень контрольных полномочий, включающий надзор за целевым использованием земель, своевременностью оформления правоустанавливающих документов и исполнением договорных обязательств[3]. Существенное значение имеет вопрос о компетентных органах, принимающих акты в сфере муниципального земельного контроля. Как демонстрирует правоприменительная практика, данные полномочия реализуются как исполнительными, так и представительными органами местного самоуправления. В качестве примера можно привести решение Екатериновского районного Собрания об утверждении соответствующего Положения[4].

Особого внимания заслуживает тенденция к принятию административных регламентов осуществления муниципального земельного контроля. Анализ нормотворческой практики в данной сфере, проведенный на примере городов Йошкар-Ола, Шадринск и других муниципальных образований, показывает разнообразие подходов к структуре и содержанию таких регламентов. Типовой административный регламент включает определение муниципальной функции, указание уполномоченных органов и должностных лиц, нормативную правовую базу, объект и результаты контроля, административные процедуры, порядок обжалования решений. Важно отметить, что во многих случаях муниципальные образования при разработке регламентов ориентируются на требования, установленные Постановлением Правительства РФ № 373 от 16.05.2011[5].

Требуется подчеркнуть необходимость унификации требований земельного законодательства, в отношении ко-

3 Постановление Администрации г. Комсомольска-на-Амуре от 8 августа 2013 г. № 384-па «Об утверждении Положения о муниципальном земельном контроле на территории муниципального образования городского округа-Город Комсомольск-на-Амуре» // Дальневосточный Комсомольск. - 2013. - № 15.

4 Решение Екатериновского районного Собрания Екатериновского муниципального района от 23 августа 2013 г. № 27-175 «Об утверждении Положения о муниципальном земельном контроле на территории Екатериновского муниципального района Саратовской области» // Слава труду. - 2013. - № 70 (10377).

5 Постановление Правительства РФ от 16.05.2011 № 373 (ред. от 20.07.2021) «О разработке и утверждении административных регламентов осуществления государственного контроля (надзора) и административных регламентов предоставления государственных услуг» // Собрание законодательства РФ, 30.05.2011. - № 22. - Ст. 3169.

торых осуществляется муниципальный контроль, что будет способствовать повышению эффективности данного института.

Анализ нормативной правовой базы муниципального земельного контроля также выявляет существенную вариативность в регламентации данной функции на уровне различных муниципальных образований. Данная проблематика требует системного рассмотрения как с точки зрения административно-правового регулирования, так и с позиции информационного обеспечения контрольной деятельности.

Исследование административных регламентов муниципальных образований демонстрирует различные подходы к структурированию и содержательному наполнению нормативной базы. Показательным примером служит опыт городского поселения Павловский Посад, где в административном регламенте особое внимание уделено порядку информационного обеспечения муниципальной контрольной функции[6].

Значимость информационного аспекта в реализации муниципального земельного контроля подчеркивается в научной литературе. В частности, Э. В. Талапина обосновывает необходимость однозначной регламентации полномочий по истребованию информации у частных субъектов, законодательного закрепления видов и объемов запрашиваемых данных, а также установления механизмов ответственности должностных лиц за нарушения в данной сфере [12].

Анализ практики нормативного регулирования показывает, что в некоторых муниципальных образованиях (например, в Наро-Фоминском муниципальном районе[7] в Московской области) детально прописываются административные процедуры проведения плановых и внеплановых проверок. В других случаях (городской округ Ревда[8] в Свердловской области) принимаются специальные правовые акты, регламентирующие отдельные аспекты контрольной деятельности, включая порядок предоставления и обобщения сведений для подготовки сводных докладов.

Существующее многообразие подходов к правовой регламентации муниципального земельного контроля создает определенные сложности в формировании единообразной правоприменительной практики. В связи с этим представляется целесообразным проведение унификации базовых требований к осуществлению контрольной деятельности в сфере земельных отношений на муниципальном уровне. Подобная унификация позволит повысить эффективность муниципального земельного контроля и обеспечить более последовательное соблюдение законодательства в данной сфере.

В системе муниципального нормотворчества не меньший интерес для научного анализа представляют правовые акты, регламентирующие порядок взаимодействия органов местного самоуправления с органами государственного земельного надзора при осуществлении контрольно-надзорных функций в земельной сфере. Данный вопрос приобретает особую актуальность в связи с ограниченностью полномочий муниципальных органов в части привлечения нарушителей к административной ответственности.

Нормативную базу рассматриваемых правоотношений составляют как федеральные, так и муниципальные правовые акты. На федеральном уровне ключевое значение имеет Постановление Правительства РФ от 24.11.2021 № 2019, утвердившее Правила взаимодействия федеральных органов исполнительной власти, осуществляющих государственный земельный надзор, с органами муниципального земельного контроля[9]. Данный документ направлен на предотвращение дублирования контрольно-надзорных мероприятий различными уровнями власти.

На муниципальном уровне сформировалась обширная нормативная база, регулирующая механизмы взаимодействия контрольно-надзорных органов. Показательными примерами являются постановления администраций города-курорта Геленджик и г. Белгорода, утвердившие соответствующие административные регламенты. Заслуживает внимания опыт Владимирской области, где на региональном уровне приняты методические рекомендации по организации такого взаимодействия.

Принципиальное значение имеет установленный п. 12 Правил и п. 5 ст. 72 Земельного кодекса РФ порядок информационного обмена между муниципальными и государственными органами. В случае выявления нарушений земельного законодательства органы муниципального контроля обязаны в трехдневный срок направить материалы проверки в территориальные органы государственного земельного надзора.

Существующая нормативная правовая база фактически сводит функции муниципальных органов преимущественно к превентивным мерам в отношении потенциальных земельных правонарушений. Принципиальным недостатком действующего механизма является отсутствие у муниципальных инспекторов правомочий по непосредственному привлечению нарушителей к юридической ответственности, что существенно снижает действенность муниципального земельного контроля как института.

Данная правовая позиция находит подтверждение в материалах судебной практики. Особого внимания заслуживает прецедентное решение Арбитражного суда г. Москвы по делу ООО «Лама» против Государственной инспекции по контролю за использованием объектов недвижимости г. Москвы, в котором суд, рассматривая вопрос правомерности наложения административного взыскания, сформулировал фундаментальные правовые подходы к разграничению полномочий контролирующих органов различного уровня[10]. Опираясь на системный анализ статьи 72 (пп. 1, 2) Земельного кодекса РФ и Федерального закона № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», суд установил разграничение компетенций в сфере земельного контроля. Согласно данной позиции, органы муниципального земельного контроля

6 Постановление главы муниципального образования городское поселение Павловский Посад Павлово-Посадского муниципального района Московской области от 21 ноября 2012 г. № 806 «Об утверждении административного регламента по исполнению муниципальной функции по осуществлению муниципального земельного контроля на территории муниципального образования городское поселение Павловский Посад Павлово-Посадского муниципального района Московской области» // Колокольня. - 2012. - № 49.

7 Постановление администрации Наро-Фоминского муниципального района МО от 24 октября 2011 г. № 2368 «Об утверждении административного регламента исполнения муниципальной функции по осуществлению муниципального земельного контроля администрацией Наро-Фоминского муниципального района» // Основа. - 2011. - № 42.

8 Постановление администрации городского округа Ревда от 30 декабря 2010 г. № 3177 «Об утверждении порядка предоставления и обобщения, необходимых для подготовки сводного доклада сведений об организации и проведении муниципального земельного контроля и муниципального лесного контроля и надзора органом местного самоуправления городского округа Ревда, уполномоченным на его осуществление» // Муниципальные ведомости. - 2011. - № 1.

9 Постановление Правительства РФ от 24.11.2021 № 2019 «Об утверждении Правил взаимодействия федеральных органов исполнительной власти, осуществляющих федеральный государственный земельный контроль (надзор), с органами, осуществляющими муниципальный земельный контроль, и о признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации». [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации http://pravo.gov.ru, 26.11.2021.

10 Решение Арбитражного суда г. Москвы от 29 октября 2010 г. по делу № А40-76180/10-154-413 // СПС «КонсультантПлюс».

наделены исключительно контрольными функциями за использованием и охраной земель, без права осуществления административного производства по выявленным нарушениям. Муниципальные органы обязаны документально фиксировать выявленные нарушения и передавать материалы в территориальные подразделения Федерального агентства кадастра объектов недвижимости, которое уполномочено принимать решения о возбуждении административного производства.

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о необходимости значительной модернизации действующего земельного законодательства, особенно в части регулирования муниципального земельного контроля. Анализ практической реализации норм показывает, что для повышения эффективности контрольно-надзорной деятельности требуется расширить полномочия органов местного самоуправления.

Одним из приоритетных направлений улучшения законодательства может стать наделение должностных лиц муниципалитетов дополнительными правомочиями. В частности, следует рассмотреть возможность предоставления им права самостоятельно составлять протоколы об административных правонарушениях, а также выдавать обязательные для исполнения предписания об устранении выявленных нарушений земельного законодательства. При этом важно сохранить за должностными лицами органов государственного земельного надзора функции по рассмотрению административных дел и обеспечению контроля над реализацией делегированных полномочий. Такой подход позволит найти баланс между децентрализацией контрольных функций и поддержанием единообразия правоприменительной практики.

Особое внимание следует уделить уровню муниципального управления, который должен стать основным центром сосредоточения контрольных полномочий. Исследование показывает, что более рациональным решением будет передача контрольных функций на уровень муниципальных районов, поскольку они обладают большими ресурсными и кадровыми возможностями для эффективного выполнения задач. Введение такой реформы создаст более сбалансированную и результативную систему земельного контроля, соответствующую современным требованиям государственного управления и нуждам местных сообществ.

Пристатейный библиографический список

1. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 30.11.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 24.12.2024) // Собрание законодательства РФ, 29.10.2001. - № 44. - Ст. 414.
2. Павлов Н. В. К вопросу об административно-правовой природе производства по осуществлению муниципального контроля // Административное право и процесс. - 2014. - № 11. - С. 62.
3. Постановление Администрации г. Комсомольска-на-Амуре от 8 августа 2013 г. № 384-па «Об утверждении Положения о муниципальном земельном контроле на территории муниципального образования городского округа-Город Комсомольск-на-Амуре» // Дальневосточный Комсомольск. - 2013. - № 15.
4. Постановление администрации городского округа Ревда от 30 декабря 2010 г. № 3177 «Об утверждении порядка предоставления и обобщения, необходимых для подготовки сводного доклада сведений об организации и проведении муниципального земельного контроля и муниципального лесного контроля и надзора органом местного самоуправления городского округа Ревда, уполномоченным на его осуществление» // Муниципальные ведомости. - 2011. - № 1.
5. Постановление администрации Наро-Фоминского муниципального района МО от 24 октября 2011 г. № 2368 «Об утверждении административного регламента исполнения муниципальной функции по осуществлению муниципального земельного контроля администрацией Наро-Фоминского муниципального района» // Основа. - 2011. - № 42.
6. Постановление главы муниципального образования городское поселение Павловский Посад Павлово-Посадского муниципального района Московской области от 21 ноября 2012 г. № 806 «Об утверждении административного регламента по исполнению муниципальной функции по осуществлению муниципального земельного контроля на территории муниципального образования городское поселение Павловский Посад Павлово-Посадского муниципального района Московской области» // Колокольня. - 2012. - № 49.
7. Постановление Правительства РФ от 16.05.2011 № 373 (ред. от 20.07.2021) «О разработке и утверждении административных регламентов осуществления государственного контроля (надзора) и административных регламентов предоставления государственных услуг» // Собрание законодательства РФ, 30.05.2011. - № 22. - Ст. 3169.
8. Постановление Правительства РФ от 24.11.2021 № 2019 «Об утверждении Правил взаимодействия федеральных органов исполнительной власти, осуществляющих федеральный государственный земельный контроль (надзор), с органами, осуществляющими муниципальный земельный контроль, и о признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. – Режим доступа: http://pravo.gov.ru, 26.11.2021.
9. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 29 октября 2010 г. по делу № А40-76180/10-154-413 // СПС «КонсультантПлюс».
10. Решение Екатериновского районного Собрания Екатериновского муниципального района от 23 августа 2013 г. № 27-175 «Об утверждении Положения о муниципальном земельном контроле на территории Екатериновского муниципального района Саратовской области» // Слава труду. - 2013. - № 70 (10377).
11. Соколова О. С. Понятие и содержание муниципального контроля // Современное право. - 2009. - № 10. - С. 80.
12. Талапина Э. В. Антикоррупционный информационный стандарт в государственном управлении: подходы к пониманию // Государство и право. - 2011. - № 3. - С. 11.
13. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 13.12.2024) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 06.10.2003. - № 40. - Ст. 3822.
14. Федеральный закон от 26.12.2008 № 294-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» // Собрание законодательства РФ, 29.12.2008. - № 52 (ч. 1). - Ст. 6249.

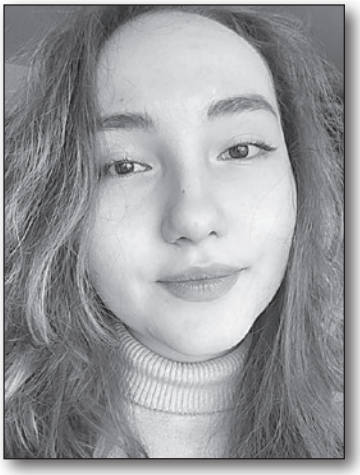
DOI 10.46320/2073-4506-2025-4-203-299-301

ЗУБКОВА Мария Николаевна
кандидат юридических наук, доцент кафедры правового обеспечения экономической деятельности, Институт права, Самарский государственный экономический университет

АСЕЕВА Анастасия Сергеевна
ФБУ «РосСтройКонтроль» при Министерстве строительства Российской Федерации, г. Москва

Зубкова М. Н.

Асеева А. С.

ЗНАЧЕНИЕ ПРОСПЕКТА ЦЕННЫХ БУМАГ В ПРОЦЕССЕ ЭМИССИИ ЦЕННЫХ БУМАГ

Как известно, процедура эмиссии ценных бумаг состоит из нескольких стадий, начиная от принятия решения о размещении бумаг и заканчивая регистрацией отчета об итогах их выпуска. Речь о таком документе как проспекта ценных бумаг идет только тогда, когда необходима регистрация выпуска эмиссионных ценных бумаг, размещение которых планируется путем подписки и при отсутствии случаев-исключений, исчерпывающий перечень которых представлен в текущем законодательстве о ценных бумагах. В свою очередь стоит отметить: необходимость составления проспекта ценных бумаг – достаточно нечастое явление, что, для эмитентов является несомненным плюсом ввиду сложности, объемности и длительности процесса подготовки данного документа. Данная статья посвящена анализу необходимости подготовки проспекта ценных бумаг в разрезе его роли и значения, как для самого эмитента, так и для будущих инвесторов. Также были рассмотрены особенности режима проспекта ценных бумаг в некоторых зарубежных правопорядках.

Ключевые слова: ценные бумаги, эмиссия ценных бумаг, проспект ценных бумаг, эмитент, размещение ценных бумаг.

ZUBKOVA Mariya Nikolaevna
Ph.D.in Law, associate professor of Legal support of economic activities sub-faculty, Institute of Law, Samara State University of Economics

ASEEVA Anastasiya Sergeevna
Rosstroycontrol Federal State Budgetary Institution under the Ministry of Construction of the Russian Federation, Moscow

FEATURES OF REGISTRATION OF THE ISSUE OF SECURITIES BY REGISTERING ORGANIZATIONS

In the context of the development of a market economy, equity securities play a very important role, since they are not only a legally prescribed way of forming the authorized capital (in the case of joint-stock companies), but also a way to increase the capitalization of an organization. However, the appearance of an equity security is possible only after the implementation of a special procedure provided for by law - the issue. Without carrying out this procedure, it is considered that the issue security has not arisen. At the same time, it should be noted that despite the small amount of scientific research in the field of legal regulation of the securities market, there is insufficient research in the modern legal literature on the issues of legal regulation of the securities issue procedure itself. This article is devoted to the analysis of the specifics of the procedure for issuing securities with the participation of registering organizations.

Keywords: securities, issue of securities, issue of securities, registration organizations.

Нормы относительно проспекта ценных бумаг в отечественном законодательстве, в большинстве своем, формировались стихийно, вместе со скачкообразным характером развития отечественной экономики и одновременной имплементацией отдельных правовых норм зарубежного законодательства. Относительно зарубежного правового регулирования сферы ценно-бумажных отношений, отметим, что требование об обязательном наличии проспекта ценных бумаг характерно для всех ведущих экономик. Так, согласно Регламенту (ЕС) № 2017/1129 Европейского парламента и Совета ЕС «О публикации проспекта при публичном предложении или допуске ценных бумаг к торгам на регулируемом фондовом рынке...»[1] предоставление информации, являющейся, исходя из природы эмитента и ценных бумаг, необходимой, чтобы позволить инвесторам принимать обоснованные инвестиционные решения в сочетании с действием правил ведения бизнеса, сможет обеспечить инвесторам необходимую защиту. Более того, указанная информация представляет собой эффективное средство повышения доверия к ценным бумагам и, тем самым, вносит свой вклад в надлежащее функционирование и развитие рынка ценных бумаг. Наиболее правильным способом довести данную информацию до сведения общественности является публикация проспекта. В зависимости от особенностей различных типов ценных бумаг, эмитентов, предложений и допусков к торгам, Регламент устанавливает правила для различных типов проспектов эмиссии: стандартного проспекта эмиссии,

1 Regulation (EU) 2017/1129 Of the European Parliament and of the Council of 14 June 2017 on the prospectus to be published when securities are offered to the public or admitted to trading on a regulated market, and repealing Directive 2003/71/EC. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://e-ecolog.ru/docs/8-GsDTDhrlJDI6WAnGSmW/5?ysclid=m2lvx5hza3903193925&utm_referrer=https%3A%2F%2Fya.ru%2F.

оптового проспекта эмиссии для неэмиссионных ценных бумаг, базового проспекта эмиссии, упрощенного проспекта эмиссии для дополнительных выпусков и проспектов эмиссии EU Growth.

В отношении публичных предложений ценных бумаг, общая стоимость которых в ЕС составляет менее 1 000 000 евро, в силу того, что затраты на подготовку проспекта будут несоразмерны ожидаемым поступлениям, предусмотрено освобождение от обязательства по подготовке проспекта. Более того, принимая во внимание различающиеся между собой по размеру финансовые рынки на всей территории ЕС, европейский законодатель счел целесообразным предоставить государствам-членам ЕС возможность по освобождению от выполнения обязательств по опубликованию проспекта всех публичных предложений ценных бумаг в сумме, не превышающей 8 000 000 евро.

Один из старейших правовых актов о ценных бумагах в мире, Закон США «О ценных бумагах» 1933[2] года также указывает на необходимость эмитентам составлять проспект. Под ним, кстати, закон понимает любой проспект, уведомление, циркуляр, рекламу, письмо или сообщение, написанное в письменной форме или переданное по радио или телевидению, которое предлагает какую-либо ценную бумагу для продажи или подтверждает продажу какой-либо ценной бумаги. Не будет считаться проспектом сообщение, отправленное или предоставленное после даты вступления в силу регистрационного заявления, до или одновременно с таким сообщением был отправлен или предоставлен письменный проспект, отвечающий всем требованиям. Также нельзя рассматривать в качестве проспекта уведомление, циркуляр, рекламу, письмо или сообщение в отношении ценных бумаг, если в них указано, от кого можно получить письменный проспект, отвечающий необходимым требованиям и, кроме того, не содержит ничего, кроме идентификации ценных бумаг, указания их цены, указания того, кем будут выполняться заказы, и содержит иную информацию, которую Комиссия по рынку ценных бумаг сочтет необходимой или уместной в общественных интересах и для защиты инвесторов и может разрешить.

Также как и в европейском законодательстве, Закон США дает возможность Комиссии классифицировать проспекты в соответствии с характером и обстоятельствами их использования или характером ценной бумаги, выпуска, эмитента или иным образом, а также посредством правил и положений и с учетом таких положений и условий, которые она в них укажет, предписывать для каждого вида проспекта форму и содержание, которые она может счесть подходящими и соответствующими общественным интересам и защите инвесторов.

Согласно Закону «О ценных бумагах Китайской Народной Республики» заявки на публичное предложение акций и облигаций (ст. 11, 16), а также при выпуске новых акций (ст. 13), в орган регулирования ценных бумаг при Государственном совете должны сопровождаться, в числе прочих документов, также проспектом[3].

Согласно законодательству Соединенного Королевства, «публичное предложение ценных бумаг (независимо от того, будут ли ценные бумаги торговаться на регулируемом рынке или нет) эмиссия ценных бумаг должна сопровождаться составлением проспекта эмиссии и раскрытием информации, как во время выпуска ценных бумаг, так и периодически после этого. Под проспектом эмиссии понимается документ, составленный по определенной законодательством форме и содержащий необходимую информацию об эмитенте и выпускаемых ценных бумагах и приглашение неопределенному кругу лиц купить размещаемые в порядке открытой подписки ценные бумаги компании» [1].

Утвержденный проспект эмиссии означает, что он должен быть утвержден компетентным государственным органом. В Великобритании таковым является Управление по финансовым услугам (Financial Services Authority (FSA). Условиями утверждения проспекта ценных бумаг является подтверждение Великобритании как государства происхождения эмитента, наличие в проспекте информации и соблюдение всех иных требований, предусмотренных Положением о проспекте ценных бумаг (The Prospectus Regulations). Что касается «необходимой информации», то она представляет собой сведения, которые необходимы для того, чтобы инвесторы могли сделать обоснованную оценку, в частности, относительно активов и обязательств, финансового положения, прибылей и убытков, а также перспектив эмитента переводных ценных бумаг и любого гаранта; права, связанные с переводными ценными бумагами.

В соответствии с Законом о финансовых услугах и рынках Великобритании (FSMA)[4] публичное предложение ценных бумаг предназначено для неограниченного числа лиц. При проведении публичного предложения (независимо от того, будут ли ценные бумаги торговаться на регулируемом рынке или нет) эмиссия ценных бумаг должна сопровождаться составлением проспекта эмиссии и раскрытием информации, как во время выпуска ценных бумаг, так и периодически после этого. Под проспектом эмиссии понимается документ, составленный по определенной законодательством форме и содержащий необходимую информацию об эмитенте и выпускаемых ценных бумагах и приглашение неопределенному кругу лиц купить размещаемые в порядке открытой подписки ценные бумаги компании.

Проспект ценных бумаг должен содержать краткое изложение (за исключением случаев, когда речь идет о переводных ценных бумагах, в отношении которых правила проспекта ценных бумаг предусматривают, что краткое изложение не требуется). Резюме должно кратко и нетехническим языком описывать основные характеристики эмитента, любого гаранта и переводных ценных бумаг, к которым относится проспект эмиссии, и риски, связанные с ними.

Если проспект эмиссии, для которого испрашивается одобрение, не содержит окончательной цены предложения или количества переводимых ценных бумаг, которые будут предложены общественности, заявитель должен проинформировать компетентный орган в письменной форме об этой информации, как только этот элемент будет окончательно согласован (ст. 87A).

Что касается эмитентов из третьих стран, то в настоящее время режим Великобритании по проспектам эмиссии для третьих стран основан на Положении о проспектах эмиссии 2017 года и, таким образом, соответствует подходу ЕС. В первоначальном обзоре режима после Brexit (2021 г.) отмечалось, что режимы Регламента для третьих стран использовались редко, поскольку оба пути (когда проспект третьей страны основывался на Регламенте и был одобрен FCA (статья 28 Регламента о проспектах: «используется редко»); и когда проспект третьей страны основывался на правилах третьих стран, которые FCA считает эквивалентными, и был одобрен FCA (статья 29 Регламента о проспектах: «никогда не использовался»)) требовали рассмотрения проспекта FCA, независимо от того, был ли он ранее рассмотрен внутренним регулятором, и поэтому были обременительными. Эмитенты из

2 The Securities Act of 1933 (The 'Truth in Securities' law). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.law.cornell.edu/uscode/text/15/77b#a_10.

3 Securities Law of the People's Republic of China of 28 December 2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://en.npc.gov.cn.cdurl.cn/2019-12/28/c_674672_3.htm.

4 Financial Services and Markets Act 2000. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2000/8/contents.

третьих стран в Великобритании, как правило, не подпадают под режим проспекта, поскольку они обычно используют исключения, доступные в рамках режима для предложений на оптовом рынке (особенно для предложений «квалифицированным инвесторам») [4].

Разбираясь подробнее в вопросе действительной необходимости подготовки проспекта ценных бумаг в разрезе его сущности, роли и последующего значения, как для самого эмитента, так и для будущих инвесторов, государства и иных лиц, важно акцентировать внимание на следующем. Во-первых, по замыслам законодателя проспект ценных бумаг есть полностью соответствующее действительности, то есть фактически прошедшее государственную проверку, отражение финансового состояния компании-эмитента (для чего, собственно, и указывается такое большое количество бухгалтерской отчетности и финансовых показателей). Иными словами, можно сказать, что в сознании потенциального инвестора проспект ценных бумаг представляет собой некую «рекламу» эмитента и здесь кроется главная проблема - двоякое отражение информации об эмитенте и его инвестиционной привлекательности, которая, благодаря содержанию документа, вполне может стать и его «антирекламой», если финансовое состояние эмитента оставляет желать лучшего, а выпуск ценных бумаг по подписке необходимо произвести. Именно текущее состояние финансовой части и наличествующие факторы риска, которые сразу же будут видны согласно содержащейся в эмиссионном документе информации, являются причинами ухудшения или вовсе отсутствия какой-либо инвестиционной привлекательности эмитента. А лица, утверждающие информацию, отражаемую в проспекте, несут ответственность, вплоть до уголовной [2].

Также немалый практический интерес вызывает и вопрос о целесообразности создания первоначального и окончательного проспектов ценных бумаг: уже на стадии формирования первоначального проспекта и при отсутствии полной исчерпывающей информации эмитент, анализируя инвестиционный рынок, уже понимает, существует ли в принципе инвестиционный интерес в рамках размещения его бумаг и их покупки, насколько он велик, как можно будет формировать ценообразование. В случае с крупной успешной компанией данный шаг – отличная возможность «не продешевить», однако для тех, у кого финансовые показатели нестабильны, пошли на спад – не нужна даже полная финансовая отчетность для самого эмитента, чтобы установить низкий уровень его инвестиционной привлекательности. Пожалуй, единственной возможностью эмитента поправить положение, учитывая не самые лучшие финансовые показатели, это попытаться предпринять все возможные меры по поддержанию своего реноме, чтобы обрести доверие в глазах потенциальных инвесторов.

Некоторые эмитенты при размещении своих ценных бумаг прибегают к услугам посредников (андеррайтеров). И подобная многосторонность в эмиссионных правоотношениях может стать фактором риска с точки зрения юридического сопровождения подобных сделок, в то время как самостоятельный выпуск эмитентом своих ценных бумаг не гарантирует ему настолько хорошую рекламную кампанию, как если она будет проведена андеррайтером. Кроме того, при непосредственной работе эмитента с андеррайтером, при заключении с ним соответствующего договора эмитент также может пострадать от неграмотных действий другой стороны (особенно если учесть, что андеррайтер, как посредник, обладает достаточно большими полномочиями, производя квалифицированную оценку финансовой деятельности компании), рискуя ввязаться в судебный процесс при несоблюдении им условий сделки и упустить потенциальных инвесторов.

Таким образом, проспект ценных бумаг – это эмиссионный документ, который обладает двоякой природой: с одной стороны, отражающий в себе полностью достоверные исчерпывающие данные о компании, ее финансовом состоянии и служащий ее «лицом», с другой стороны, именно от состояния данного документа зависит инвестиционная привлекательность выпуска ценных бумаг эмитентом, так как даже при грамотной работе андеррайтера не существует полноценных гарантий успешного и выгодного привлечения, таким образом, стороннего капитала в компанию-эмитент.

В тоже время необходимо отметить, что в последнее время добровольный выпуск пресс-релизов и проведение встреч с потенциальными инвесторами становятся распространенными видами деятельности по раскрытию информации до подачи проспекта IPO. В соответствии с тем, что эти раскрытия информации повышают осведомленность инвесторов, можно обнаружить положительные ассоциации с последующим получением информации потенциальными инвесторами и финансовой прессой в период подачи заявок на IPO. В научной литературе можно встретить исследования о том, что добровольное раскрытие эмитентом информации до проспекта повышает «видимость» эмитента. И, хотя прямые связи между добровольным раскрытием информации до проспекта и ценообразованием IPO ограничены, все же существуют существенные косвенные эффекты, влияющие через получение информации в период подачи заявок потенциальными инвесторами и освещение в СМИ [3].

Пристатейный библиографический список

1. Галкова Е. В. Особенности эмиссии ценных бумаг по законодательству Великобритании. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=76861&cacheid=AC198059A465ACB98102795D547523A9&mode=splus&rnd=wy3xtg#NsbmwZU9lsqL3R97.
2. Михайленко М. Н. Рынок ценных бумаг: учебник и практикум для вузов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://urait.ru/bcode/560168.
3. Dambra M., Schonberger, B. & Wasley C. Creating visibility: voluntary disclosure by private firms pursuing an initial public offering. Rev Account Stud 29, 2468-2517 (2024). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://doi.org/10.1007/s11142-023-09763-y.
4. Moloney N. Access to the UK Financial Market After the UK Withdrawal from the EU: Disruption, Design, and Diffusion. Eur Bus Org Law Rev 25, 25-47 (2024). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://doi.org/10.1007/s40804-023-00309-y/.

МУБИНОВ Денис Димович
аспирант, Юридический факультет, Университет управления «ТИСБИ», г. Казань

ПРОЦЕДУРА БАНКРОТСТВА ФИЗИЧЕСКОГО ЛИЦА В РОССИИ: АНАЛИЗ ЭВОЛЮЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

В условиях рыночной экономики банкротство физических лиц, также называемое несостоятельностью, играет важную роль в поддержании стабильности экономической системы любого государства. Банкротство физического лица является процедурой предпринимательского права, которая обеспечивает защиту интересов кредиторов и должников. В настоящей статье предпринимается попытка анализа становления института банкротства в Российской Федерации.

В статье рассматривается исторический аспект законодательства о банкротстве физического лица в России начиная с древнейших сводов законов и заканчивая современными документами. Анализируются изменения в правовом регулировании с целью выявления ключевых моментов, оказавших влияние на формирование текущей практики. В статье также дается оценка законодательства, касающегося процедуры банкротства. Понимание перечисленных процессов поможет не только юристам и практикам, но и широкому кругу читателей, интересующихся вопросами финансовой грамотности и правовой защиты в условиях современных экономических реалий.

Ключевые слова: банкротство, несостоятельность, предпринимательское право, нормативные документы, закон, законодательство, физическое лицо.

MUBINOV Denis Dimovich
postgraduate student, Faculty of Law, University of Management «TISBI», Kazan

BANKRUPTCY PROCEDURE OF A NATURAL PERSON IN RUSSIA: ANALYSIS OF THE EVOLUTION OF LEGISLATION

In a market system, the bankruptcy of individuals, also called insolvency, plays an important role in maintaining the stability of the economic system of any state. Bankruptcy of an individual is an entrepreneurial law procedure that protects the interests of creditors and debtors. This article attempts to analyze the formation of the bankruptcy institution in the Russian Federation.

The article examines the historical aspect of the legislation on bankruptcy of an individual in Russia, starting with the oldest codes of laws and ending with modern documents. The changes in legal regulation are analyzed in order to identify the key points that have influenced the formation of current practice. The article also provides an assessment of the legislation related to the bankruptcy procedure. Understanding these processes will help not only lawyers and practitioners, but also a wide range of readers interested in financial literacy and legal protection in the context of modern economic realities.

Keywords: bankruptcy, insolvency, business law, regulatory documents, law, legislation, natural person.

В последние годы процедура банкротства физических лиц в России привлекает значительное внимание как со стороны законодателей, так и со стороны рядовых граждан. Экономическая нестабильность, кризисы, низкий уровень доходов населения, последствия пандемии COVID-19 и ряд других факторов способствуют обращению граждан к кредитным услугам. Однако данная практика зачастую приводит к возникновению трудностей с погашением накопившихся задолженностей. Благодаря развитию в России института банкротства гражданин, оказавшийся в трудной финансовой ситуации и не способный самостоятельно погасить долги перед кредиторами, может законно «списать» свою задолженность. Это возможно, если суд установит, что после выполнения всех предусмотренных законом процедур у должника нет имущества, которое могло бы полностью покрыть требования кредиторов. При этом важно, чтобы должник (физическое лицо) действовал добросовестно, т.е. не имел намерения изначально уклоняться от выполнения своих финансовых обязательств.

Природа банкротства физических лиц и банкротства юридических лиц представляет собой совершенно различные правовые механизмы и категории в юридической практике: так, банкротство физических лиц имеет выраженную социальную направленность, его задача заключается в восстановлении активной позиции должника в социальной, экономической сферах.

В ходе своего становления законодательство в сфере банкротства прошло длительный исторический путь, однако парадокс состоит в том, что вместе с тем в современной России упомянутый институт формировался достаточно хаотично. Подобный противоречивый прецедент возник из-за того, что в Советской России, где существовала государственная монополия на собственность, несостоятельность как институт не могла существовать, а после распада СССР основой для восстановления данного института стал зарубежный опыт и дореволюционные законы.

Первые упоминания норм банкротства обнаруживаются в своде законов «Русская Правда» XI века. Данный правовой кодекс классифицировал банкротство на два основных типа: несчастное (или безвинное), при котором должник имел шанс на рассрочку своих долгов, и злостное, где такая возможность могла быть предоставлена лишь с согласия кредиторов. Также выделялась категория особо злостной несостоятельности, когда должник умышленно избегал уплаты долгов. В подобных ситуациях ему не позволялось предъявлять оправдания, и он мог быть подвержен либо продаже на аукционе, либо долговому рабству перед кредитором. Древнейший документ примечателен также тем, что он положил начало институту очередности удовлетворения требований

кредиторов (см. [10]): так, в первую очередь удовлетворялись запросы князя, далее требования иностранных торговцев, и лишь потом – запросы подданных.

С развитием торговых связей в России возникла потребность в более ясном определении правил взаимодействия с неплатежеспособными должниками. Это стало причиной появления ряда значимых документов, таких как договор князя Мстислава Давыдовича 1229 года, Псковская судная грамота 1467 года, Судебники 1497 и 1550 годов, а также Соборное уложение 1649 года. Причем, в последнем (в статье 210, главе 10) отмечается преимущество иностранных кредиторов по сравнению с российскими, а также определятся приоритет государственных интересов перед интересами подданных.

В годы правления императора Петра I термин «несостоятельность» был впервые официально введен в Устав 1729 года, где были детализированы признаки банкротства. Тем не менее, торговые отношения претерпели значительные изменения, в результате чего действующие на тот момент законодательные нормы утратили способность удовлетворять потребности судебной практики. В 1800 году был принят единый регламент для банкротов под названием «Устав о банкротах». В нем впервые банкротство разделялось на две категории: связанное с предпринимательской деятельностью и не связанное с таковой (см. [2, с. 215]). Эволюция практики применения Устава и обилие коллизионных норм вновь выявили необходимость пересмотра законодательства о банкротстве, что и привело к созданию «Устава о торговой несостоятельности» в 1832 году. Документ практически сохранял действие до самого свержения Российской империи.

После революции 1917 года частная собственность в России была упразднена, что привело к исчезновению института банкротства: на протяжении всего существования СССР новые правила, касающиеся несостоятельности, не разрабатывались. Однако в период новой экономической политики (далее – НЭП) судам приходилось использовать и ссылаться на Устав 1832 года при рассмотрении дел банкротов, ввиду чего в статьи Гражданского кодекса (далее – ГК) 1922 года было введено понятие «несостоятельность», а в результате реформ в ГК РСФСР, проведенных в 1927 и 1929 годах, было установлено, что должник, прекративший выполнение обязательств по долгам, превышающим 3 000 рублей, может быть объявлен несостоятельным, если суд подтвердит неспособность полностью удовлетворить денежные требования кредиторов (см. [3]). В связи со свертыванием НЭПа, началом процесса массовой коллективизации и установления плановой экономики применение каких-либо норм в сфере банкротства в России стало неактуальным, что привело к полному отсутствию правового регулирования данного института.

После распада СССР начался переход к рыночной экономике, что стало основой для обновления механизма регулирования процедуры банкротства. Следует отметить, что разработанные нормативные акты первоначально касались по большей мере юридических лиц, предприятий, оставляя без внимания существенный промежуток времени физических лиц. Пункт 1 статьи 185 Федерального закона (далее – ФЗ) № 6 от 8 января 1998 года «О несостоятельности (банкротстве)» утверждает, что «положения о банкротстве граждан, не являющихся индивидуальными предпринимателями (далее – ИП), предусмотренные ФЗ, вводятся в действие с момента вступления в силу ФЗ о внесении соответствующих изменений в ГК РФ» (см. [9]). Однако изменения в ГК так и не были внесены. С течением времени становилась все более актуальной необходимость разработки нормативного акта, регулирующего вопросы банкротства физических лиц.

В современной правовой науке институт несостоятельности относят к отрасли предпринимательского права [6, с. 350-352], ее основным законом является ФЗ № 127 «О несостоятельности (банкротстве)» от 26 октября 2002 года. Закон включает в себя положения, относящиеся как к юридическим, так и к физическим лицам. В соответствии с законом несостоятельность (банкротство) – это «признанная арбитражным судом или наступившая в результате завершения процедуры внесудебного банкротства гражданина неспособность должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам, о выплате выходных пособий и (или) об оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору, и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей» (см. [8]).

В 2015 году вступили в действие нормы ФЗ № 127-ФЗ, принятого 26 октября 2002 года. Изменения затрагивают процедуры, которые применяются в делах о банкротстве физических лиц и ИП. Особенно важно подчеркнуть, что для должников, обладающих статусом ИП, может быть инициировано и рассмотрено только одно дело о банкротстве. Это указывает на то, что одновременно не может рассматриваться дело о банкротстве гражданина как физического лица и как ИП. Кроме того, не имеет значения, связаны или нет неоплаченные обязательства с предпринимательской деятельностью.

Процесс начинается с подачи в арбитражный суд заявления о признании должника банкротом. С целью надзора за процессом формируется собрание кредиторов, а при наличии определенных обстоятельств – также создается комитет кредиторов. В этом процессе назначается арбитражный управляющий, который отвечает за проведение анализа финансового положения должника, что закрепляется постановлением Правительства РФ № 367 от 25 июня 2003 года «Об утверждении Правил проведения арбитражным управляющим финансового анализа» (см. [5]). Примечательно, что по мнению исследователей (в частности, Т.В. Давыдовой [4, с. 52]), правила создавались с ориентиром на ФЗ «О бухгалтерском учете» от 1996 года [1, с. 9-11].

С 1 сентября 2020 года стало возможным внесудебное банкротство физических лиц. Данное право регулируется ФЗ «О внесении изменений в ФЗ "О несостоятельности (банкротстве)" и отдельные законодательные акты РФ в части внесудебного банкротства гражданина» от 31 июля 2020 года № 289-ФЗ (см. [7]). Для получения данной услуги гражданину РФ следует подать заявление о банкротстве через многофункциональный центр. Данным правом должник может воспользоваться в случаях, когда размер финансовых обязательств варьируется от 50 000 до 500 000 рублей. На процедуру внесудебного банкротства физических лиц отводится 6 месяцев, в течение которых должнику запрещается брать кредиты, займы, выступать поручителем. Итогом окончания процедуры признания банкротом становится то, что гражданин освобождается от исполнения требований кредиторов, а его задолженность перед кредиторами признается безнадежной.

Таким образом, институт несостоятельности в России испытал значительные изменения, прошел эволюционный путь развития и продолжает претерпевать изменения, направленные на оптимизацию управления финансовыми кризисами и защиту прав всех вовлеченных в процесс субъ-

ектов. В частности, основной целью нового закона «О несостоятельности (банкротстве)» является установление единой государственной стратегии в области банкротства.

Тем не менее, анализируя эволюцию российского института несостоятельности, можно сделать вывод о том, что современное законодательство, касающееся банкротства, демонстрирует преемственность с нормами, принятыми несколько столетий назад. Данный парадокс имеет логическое обоснование, т.к. при разработке действующих правовых норм был учтен предшествующий опыт. Это обстоятельство подчеркивает важность исторической динамики в формировании современного правового регулирования, что, в свою очередь, позволяет избегать ошибок и эффективно адаптировать проверенные механизмы к новым экономическим условиям.

В частности, в свете глобализации и изменений в рыночной среде, российская система банкротства, как и многие другие правовые институты, стремится интегрировать лучший опыт международного законодательства, что свидетельствует о наличии диалогов между различными юрисдикциями. К примеру, внедрение процедур досудебного урегулирования долговых обязательств и упрощение процессов банкротства физических лиц направлены на создание более гибкой системы, способной быстро реагировать на изменения в экономической конъюнктуре. Это позволяет не только улучшать финансовое положение граждан, но и стабилизировать экономику страны в целом, минимизируя при этом риски массовых банкротств и обеспечивая защиту прав кредиторов.

Очевидно, остаются и некоторые существенные вызовы, связанные с недостаточной правоприменительной практикой и отсутствием четко выработанных механизмов защиты прав должников. Эти аспекты требуют дальнейшего анализа и совершенствования законодательства, повышения квалификации специалистов, вовлеченных в данный процесс. Важно отметить, что успешное функционирование института несостоятельности зависит не только от законодательно установленных норм, но и от эффективного взаимодействия всех участников процесса.

Необходимо учитывать, что правоприменительная практика в сфере несостоятельности определяется судебной системой и ее возможностями в обеспечении справедливого разрешения споров. Это подразумевает необходимость создания специализированных органов или назначение судей, обладающих необходимой квалификацией и опытом в данной области, что может способствовать более качественному разбору дел о банкротстве.

Критически важным является также создание и развитие механизмов альтернативного разрешения споров в области банкротства, которые могут снизить нагрузку на суды и обеспечить более гибкие и быстрые решения для всех сторон. В этом контексте следует обратить внимание на необходимость повышения уровня правовой осведомленности как должников, так и кредиторов, что позволит им более эффективно защищать свои интересы и способствовать соблюдению принципов добросовестности в процессе несостоятельности.

Комплексный подход к совершенствованию законодательства в сфере несостоятельности способен создать более устойчивую и предсказуемую правовую среду, что, в свою очередь, будет способствовать улучшению инвестиционного климата и экономической стабильности в стране.

Институт банкротства физических лиц в России имеет многовековую историю, начиная с первых законов, касающихся долговых обязательств и кредиторов, и заканчивая современными процедурами, регулирующими банкротство ИП и граждан. В целом, институт банкротства физических лиц продолжает развиваться, и его дальнейшая эволюция будет зависеть от экономических условий, общественного мнения и правоприменительной практики.

Пристатейный библиографический список

1. Борщевская А. В. Анализ финансового состояния должника: правовые проблемы // Научный потенциал. – 2024. – № 4-2 (47). – С. 9-11.
2. Гольмстен А. Х. Исторический очерк русского конкурсного процесса / Под ред. А. Г. Смирных. 2-е издание. – М.: Издание книг ком, 2019. – 288 с.
3. Гражданский процессуальный кодекс РСФСР от 10.07.1923 // Гарант.
4. Давыдова Т. В. Анализ финансового состояния должника: пробелы законодательства // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. – 2023. – № 2. – С. 51-54.
5. Постановление Правительства РФ от 25 июня 2003 № 367 «Об утверждении Правил проведения арбитражным управляющим финансового анализа» // Собрание законодательства РФ. 2003. – № 26. – Ст. 2664.
6. Предпринимательское право Российской Федерации: Учебник / Отв. ред. Губин Е. П., Лахно П. Г. – М.: Норма, Инфра-М, 2010. – 992 с.
7. Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части внесудебного банкротства гражданина» № 289-ФЗ от 31.07.2020 // КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358781/ (дата обращения: 07.02.2025).
8. Федеральный Закон от 26 октября 2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Российская газета. – № 209-210. – 02.11.2002.
9. Федеральный закон от 8 января 1998 г. № 6-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства РФ. 1998. – № 2. – Ст. 222.
10. Шершеневич Г. Ф. Курс торгового права в 4 т. // Т. 4. Торговый процесс. Конкурсный процесс. – М.: Юрайт, 2025. – 453 с.

DOI 10.46320/2073-4506-2025-4-203-305-309

ОСИПОВ Александр Сергеевич
аспирант 2-го курса, Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

ОСОБЕННОСТИ УСТАНОВЛЕНИЯ ТРЕБОВАНИЙ КРЕДИТОРОВ В ДЕЛАХ О БАНКРОТСТВЕ КРЕДИТНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

В статье рассматриваются вопросы установления требований кредиторов в делах о банкротстве кредитных организаций. Автор исследует проблемы, связанные с особенностями предъявления требований кредиторов и возражений по результатам их рассмотрения конкурсным управляющим, а также последствиями несоблюдения порядка предъявления требований. Анализируются подходы к порядку установления требований кредиторов и очередности их удовлетворения в отечественном законодательстве и зарубежных правопорядках.

Ключевые слова: банкротство, кредитные организации, требования кредиторов, очередность удовлетворения, привилегированные кредиторы, удовлетворение требований, правовое регулирование.

OSIPOV Alexander Sergeevich
postgraduate student of the 2nd course, O. E. Kutafin Moscow State Law University

FEATURES OF ADMISSION CREDITORS` CLAIMS IN CASE OF BANKRUPTCY OF CREDIT ORGANIZATIONS

The article deals with the issues of admission creditors' claims in bankruptcy cases of credit organizations. The author explores the difficulties associated with the specifics of submitting creditors' claims and creditors' exceptions, as well as the consequences of non-compliance with the procedure for submitting claims. The approaches to the procedure for establishing creditors' claims and the order of satisfying creditors' claims in domestic legislation and foreign legal systems are analyzed.

Keywords: bankruptcy, credit organization, creditors' claims, hierarchy of claims, priority creditors, claims satisfaction, legal regulation.

Особенности предъявления требований

В целях участия в деле о банкротстве кредиторы предъявляют свои требования и проходят процедуру их установления. Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) предусматривает как процедуру судебного установления требований кредиторов (ст. 100 Закона о банкротстве), так и процедуру, при которой требования кредиторов устанавливаются конкурсным управляющим (например, в делах о банкротстве застройщиков - ст. 201.4 Закона о банкротстве и в делах о банкротстве кредитных организаций – ст. 189.85 Закона о банкротстве).

Как справедливо отмечает Т. П. Шишмарева, проблема установления требований кредиторов не является достаточно изученной в российской доктрине [7]. Теоретическое осмысление установления требований кредиторов финансовых организаций дано А. В. Егоровым [3]. При этом проблемы, присущие установлению требований кредиторов кредитных организаций, до настоящего времени практически не исследовались.

Как указывает А. В. Егоров, подход, при котором полномочия по установлению требований возлагается на конкурсного управляющего, представленный во многих странах мира, и реализованный в отечественном Федеральном законе «О несостоятельности (банкротстве)» от 08.01.1998 № 6-ФЗ, породил большое количество злоупотреблений, в связи с чем такая обязанность была возложена на суд [4].

Следует отметить, что в ряде европейских стран требования предъявляются именно управляющему (например, Германия).

Однако в 2004 г., уже после принятия Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) произошел возврат к порядку, при котором рассмотрение требований кредиторов кредитных организаций стало осуществляться конкурсным управляющим1.

Указанный пересмотр подхода был обусловлен следующим. На рассмотрение судов, в производстве которых находились дела о банкротстве, в тот период передавались тысячи обособленных споров, связанные с установлением требований кредиторов кредитных организаций.

В этой связи передача полномочий по установлению требований кредиторов арбитражному управляющему, на мой взгляд, является оправданной, в том числе потому, что преобладающую часть таких требований составляют, по сути, бесспорные требования вкладчиков.

При этом в случае, если кредитор не согласен с уведомлением конкурсного управляющего о включении в реестр требований кредиторов, он вправе обратиться с возражениями в арбитражный суд. Указанное требование, тем самым, приобретает спорный характер (появляется спор о праве), и в таком случае требование как раз подлежит рассмотрению арбитражным судом.

Однако такие кредиторы нередко предъявляют в арбитражный суд именно первоначальные требования.

При этом, по вопросу относительно последствий несоблюдения порядка предъявления требований непосред-

1 Указанный изменения были внесены Федеральным законом от 20.08.2004 № 121-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций» и признании утратившими силу некоторых законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 23.08.2004, № 34, ст. 3536.

ственно конкурсному управляющему суды занимают две позиции.

Первая позиция заключается в том, что в случае, если требование первоначально не направлялось в кредитную организацию, при этом возражения относительно состава, размера или обоснованности требований отсутствуют, а суд рассмотрел требования по существу, то отмена в последующем такого судебного акта и оставление требования без рассмотрения в связи с несоблюдением претензионного порядка «не отвечает интересам кредиторов и должника, не повлияет на итоговый результат спора, а лишь приведет к созданию для кредитора дополнительных препятствий в защите его прав и законных интересов».

Такая позиция представлена в том числе, в Постановлении Арбитражного суда Северо-Западного округа от 06.09.2021 № Ф07-10945/2021 по делу № А13-268/20182.

Напротив, в соответствии с другой позицией, представленной, например, в постановлении Арбитражного суда Московского округа от 17.05.2021 № Ф05-16103/2019 по делу № А40-163705/20183, если требования поданы без соблюдения установленного законом досудебного порядка разрешения спора (ст. 189.85 Закона о банкротстве), они оставляются без рассмотрения и суд не вправе делать выводы по существу спора.

Указанная позиция может являться примером такого явления, как правовой пуризм [6], заключающегося в отмене по формальным основаниям по существу правильного решения суда. Как указывал Е. В. Васьковский, при толковании положений закона следует исходить из того, что они вводятся «для того, чтобы упорядочить производство, а не с целью ставить сторонам ловушки и затруднять суду распознавание и защиту права» [1, с. 351].

Тем самым, представляется правильным допущение рассмотрения такого требования в арбитражном суде, если возражения по существу у лиц, участвующих в деле о банкротстве, отсутствуют.

Кроме того, в обоснование правильности такого подхода может быть приведено положение ч. 3 ст. 270 АПК РФ, однако с некоторой оговоркой о том, что речь в указанной норме идет о нарушении процессуального закона, тогда как порядок предъявления требований (ст. 189.85 Закона о банкротстве) относится скорее к нормам материального права.

При этом, в 2024 г. в ст. 333.21 НК РФ были внесены изменения, предусматривающие необходимость уплаты государственной пошлины при предъявлении требований в делах о банкротстве. Кроме того, положения п. 1 ст. 333.37 НК РФ об основаниях для освобождения от уплаты суммы государственной пошлины были дополнены пп. 5 – случаем, когда требование кредитора подтверждено судебным актом.

С учетом данных изменений, при предъявлении кредиторами возражений относительно результатов рассмотрения их требований конкурсным управляющим, кредиторы будут обязаны оплачивать государственную пошлину (с учетом того, что, как правило, требования кредиторов по договорам банковского вклада или счета не подтверждены судебным актом).

В этой связи подход, позволявший рассматривать в арбитражном суде по существу требования кредиторов, если они ранее не предъявлялись к кредитной организации, должен быть пересмотрен.

Представляется, что в таком случае кредитная организация не должна нести бремя по возмещению расходов на оплату государственной пошлины кредитором, который, например, не знал о том, что требования предъявляются к самой кредитной организации. С другой стороны, учитывая Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 марта 2024 г. № 11-П4, такой кредитор не возместит свои судебные расходы как текущие платежи, а удовлетворяться они будут применительно к п. 3 ст. 137 Закона о банкротстве.

При этом некоторые суды в делах о банкротстве кредитных организаций на текущий момент уже оставляют без движения возражения кредиторов, к которым не приложены доказательства уплаты государственной пошлины, либо судебный акт о взыскании задолженности5.

Представляется, что в ситуации, когда требование предъявляется сразу в арбитражный суд, оно должно быть оставлено без движения (применительно к п. 7 ч. 1 ст. 126, ст. 128 АПК РФ) до представления кредитором доказательств направления требования в адрес кредитной организации и получения уведомления, с которым кредитор не согласен. Если такие документы не представлены, то требование подлежит возвращению.

Предъявление требования непосредственно к кредитной организации порождает также проблему ознакомления с данными требованиями, поскольку право на предъявление возражений относительно установления требований кредитора обладают и другие кредиторы (п. 23 «Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2018)» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 14.11.2018)6.

Однако на практике реализовать такое право в большинстве случаев бывает затруднительно по причине отсутствия (в том числе, в связи с невозможностью получения) у кредиторов документов и информации, составляющих банковскую тайну.

Тем самым, наличие права на предъявление возражений относительно заявленных требований, для чего необходимо получение соответствующей информации, противопоставлено обязанности соблюдения кредитной организацией банковской тайны, в отличие, например, от процедур банкротства финансовых организаций (в том числе, страховых), где требования направляются не только в финансовую организацию и арбитражному управляющему, но и в арбитражный суд (для обеспечения возможности ознакомления кредиторов с требованиями других кредиторов).

2 СПС «Консультант Плюс».

3 Определением Верховного Суда РФ от 07.09.2021 № 305-ЭС21-14711 отказано в передаче дела № А40-163705/2018 в Судебную коллегию по экономическим спорам Верховного Суда РФ для пересмотра в порядке кассационного производства данного постановления // СПС «Консультант Плюс».

4 Постановление Конституционного Суда РФ от 19.03.2024 № 11-П «По делу о проверке конституционности положений части 1 статьи 110 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, статьи 5 и пункта 3 статьи 137 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобами граждан И. Е. Галлямовой и Е.П. Червяковой» // «Собрание законодательства РФ», 25.03.2024, № 13, ст. 1865.

5 См., например, дело А 15-5613/2018.

6 «Бюллетень Верховного Суда РФ», № 5, май, 2019 (начало), «Бюллетень Верховного Суда РФ», № 6, июнь, 2019 (окончание).

Упрощенный порядок предъявления требований некоторых категорий кредиторов

По общему правилу при установлении требований кредиторов применяется повышенный (относительно обычного, применяемого в рамках общеисковых споров) стандарт доказывания (в американском праве обозначаемый как «ясные и убедительные доказательства», или «достаточные доказательства») [5].

Вместе с тем, специфика требований, предъявляемых лицами, с которыми у кредитной организации были заключены договоры банковского вклада и банковского счета, предопределила упрощенный порядок их предъявления.

Так, согласно п. 3 ст. 189.87 Закона о банкротстве такие требования могут быть включены конкурсным управляющим в размере остатка по письменному требованию вкладчика на основании сведений, имеющихся в кредитной организации.

Указанное, впрочем, не означает понижения стандарта доказывания до обычного стандарта доказывания («баланса вероятностей») или стандарта «prima facie».

Однако подобное правило выглядит обоснованным с той точки зрения, что кредитору не нужно запрашивать у кредитной организации выписку по счету, чтобы потом ее же представить в обоснование заявленного требования.

При этом европейская доктрина различает два подхода к порядку установления требований кредиторов: «proactive admission of creditors» (т.н. «проактивное, опережающее признание» кредиторов, когда кредиторы должны заявить о своих требованиях после получения уведомления об этом от ликвидатора, управляющего или суда) и «reactive admission of creditors» («реактивное признание», означающее, что ликвидатор, управляющий или суд устанавливают требования и составляют реестр требований кредиторов без необходимости для самих кредиторов предъявлять требования и представлять доказательства) [8, с. 28].

В подавляющем большинстве государств ЕС (наиболее ярко – в Германии), а также в Швейцарии и США реализован первый подход.

Некоторые страны Европы пошли по более «необременительному» пути для вкладчиков и реализовали второй подход («reactive admission of creditors»).

Так, согласно законодательству Италии, ликвидатор информирует каждого кредитора о размере требований и суммах, уже выплаченных до начала ликвидации, на основании бухгалтерских записей банка. Далее, в течение 60 дней с момента публикации постановления о ликвидации в Официальном журнале Италии кредиторы и клиенты, имеющие право на реституцию финансовых инструментов в соответствии с соответствующими законодательными положениями, которые не получили никаких сообщений от ликвидаторов, также могут потребовать признания своих требований к банку [8, с. 105].

При этом по российскому Закону о банкротстве такой незаявительный порядок в части кредитных организаций предусмотрен только для кредиторов по требованиям о причинении вреда жизни и здоровью. Указанный требования могут быть включены конкурсным управляющим без письменного заявления кредитора на основании сведений, имеющихся в кредитной организации.

При этом, например, положения п. 3.1 ст. 201.4 Закона о банкротстве предусматривают возможность самостоятельного установления конкурсным управляющим требований участников долевого строительства без направления заявлений на основании сведений, имеющихся в единой информационной системе жилищного строительства.

Смешанный подход, аналогичный установленному в отечественном законе, при котором по общему правилу кредиторы должны предъявить свои требования, за исключением некоторых категорий кредиторов, также встречается и в европейских правопорядках.

Например, в Эстонии кредиторы по требованиям, связанным с гарантийным фондом или привилегированными депозитами, освобождаются от обязанности представлять доказательства своих требований. В Греции требования кредиторов, переданных ликвидатору кредитной организацией в ходе процедуры, предшествующей неплатежеспособности, а также требования работников, считаются установленными в реестре требований кредиторов, при этом указанные кредиторы не обязаны самостоятельно предъявлять требования. В Португалии, несмотря на необходимость предъявления кредиторами своих требований к ликвидатору, реестр требований установленных кредиторов, составленный ликвидатором, может также включать кредиторов, которые не предъявляли требований, но, тем не менее, известны ликвидатору (например, потому, что они упоминаются в бухгалтерской отчетности банка) [8, с. 29].

Анализируя вышеуказанные примеры (например, эстонский опыт), нельзя не провести аналогию с российским правопорядком.

В этой связи представляется, что развитие отечественного законодательства о банкротстве кредитных организаций может пойти по пути «reactive admission of creditors». Например, в случае, если бывшим руководством кредитной организации была передана автоматизированная банковская система и у конкурсного управляющего имеется информация о размере обязательств перед вкладчиками, по моему мнению, возможно установление требований кредиторов по договорам банковского вклада и банковского счета без направления соответствующего заявления. В этом случае конкурсный управляющий направляет в их адрес соответствующее уведомление. При этом, если соответствующая информация от руководства кредитной организации не передана, кредиторы могут обратиться к конкурсному управляющему самостоятельно.

В качестве критики указанного подхода может быть приведен аргумент о том, что банкротству, как отрасли гражданского права, присущ принцип диспозитивности. В этой связи право на предъявление требования в силу принципа диспозитивности может быть реализовано (или не реализовано) кредитором по его усмотрению.

Однако установление требований кредиторов «по умолчанию» не свидетельствует о нарушении при этом принципа диспозитивности с учетом наличия у кредитора, например, права заявить об исключении своего требования из реестра требований кредиторов (что само по себе на практике встречается довольно редко). Указанное свидетельствует о том, что по общему правилу кредиторы не планируют отказываться от своих имущественных прав к должнику, а преследуют цель получить удовлетворение.

Сроки предъявления требований и возражений относительно результата рассмотрения требований кредиторов

Важная особенность, которая определена в п. 2 ст. 189.85 Закона о банкротстве, заключается в том, что для отнесения поступивших к конкурсному управляющему требований к числу тех, которые предъявлены в установленный срок, принимаются во внимание уведомления о вручении или иные документы, подтверждающие срок получения конкурсным управляющим указанных требований.

При несогласии кредитора с результатами рассмотрения его требования конкурсным управляющим, кредитор вправе обратиться в арбитражный суд с возражениями в течение десяти рабочих дней со дня получения кредитором уведомления конкурсного управляющего о результатах рассмотрения своего требования.

До недавнего времени судебная практика придерживалась позиции о том, что срок на предъявление возражений является пресекательным и восстановлению не подлежит7.

Однако в 2022 г. была сформирована правовая позиция о том, что срок на предъявление возражений не является пресекательным и может быть восстановлен при наличии уважительных причин его пропуска8.

При этом, представляется, что в случае отсутствия таких причин для восстановления, требование должно быть установлено за счет имущества должника, оставшегося после удовлетворения требований, включенных в реестр требований кредиторов.

Кроме того, уважительность причин пропуска срока может быть оценена независимо от того, заявлено ли кредитором отдельное ходатайство о его восстановлении.

Указанная правовая позиция вошла в п. 4 Обзора судебной практики разрешения споров о несостоятельности (банкротстве) за 2022 г.9

Следует отметить, что несмотря на то, что спор был рассмотрен в отношении кредитора физического лица, аналогичный подход должен быть распространен и на юридические лица в силу принципа равенства прав кредиторов.

При этом, вопрос о правовой природе срока на предъявление возражений не является разработанным в научной литературе.

Представляется, что срок на предъявление возражений, как и срок на предъявление требования в реестр требований кредиторов «обычных» юридических лиц10, имеет схожую правовую природу. Требование кредитора, носящее материально-правовой характер, не прекращается после истечения срока на предъявление возражения (или срока на включение в реестр). Последствием пропуска является понижение в очередности требования. Исходя из этого, квалификация его как пресекательного срока, истечение которого свидетельствует о прекращении права [2, с. 5], неверна.

Тем самым, указанный срок, с учетом возможности его восстановления, относится скорее к процессуальным срокам.

Особенности очередности удовлетворения требований кредиторов

Согласно п. 3 ст. 189.92 Закона о банкротстве, в первую очередь удовлетворяются требования физических лиц, являющихся кредиторами кредитной организации по заключенным с ними договорам банковского вклада и (или) договорам банковского счета, а также требования Агентства по договорам банковского вклада (депозита) и договорам банковского счета, перешедшие к нему в соответствии с Федеральным законом «О страховании вкладов в банках Российской Федерации».

В прошлом была распространена практика выдачи клиентам векселей банка вместо заключения с ними договора банковского вклада или банковского счета. В результате, требования таких кредиторов подлежали включению в третью очередь реестра требований кредиторов.

При этом, если анализировать европейский опыт, то, например, в ст. 108 Директивы о восстановлении и санации банков (The Bank Recovery and Resolution Directive) реализована концепция ограничения привилегированных кредиторов определённой суммой. Так, приоритет предоставляется той части депозитов физических лиц и предприятий, отнесенных к малому и среднему бизнесу, которая превышает установленный уровень покрытия, предусмотренный Deposit Guarantee Scheme Directive 2014/49, хотя и ниже, чем приоритет, предоставляемый застрахованным депозитам [9, с. 142].

Особенность российского подхода заключается в том, что кредиторы, включенные в первую очередь, являются привилегированными по отношению к кредиторам третьей очереди, независимо от суммы.

Так, например, кредитор по договору банковского вклада с суммой требований более 100 млн. руб. будет иметь приоритет по отношению к юридическому лицу, имеющему остаток по счету в размере нескольких миллионов рублей.

Представляется, что вопрос установления приоритета в части конкретной суммы - скорее вопрос политики права и пересмотр такого подхода в сторону установления приоритета исходя из суммы требований может обернуться риском социальной напряженности.

Возможно, законодатель придерживается подхода предоставления приоритета вне зависимости от суммы, поскольку такие крупные кредиторы-вкладчики являются скорее исключением из общего правила.

Интересен также вопрос приоритета, предоставленного договором, над законным приоритетом. Этот вопрос не является исследованным в рамках процедур банкротства

---

7 См, напр., Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 21.10.2021 № Ф07-1268/2021 по делу № А56-76137/2016, Постановление Арбитражного суда Московского округа от 05.03.2021 № Ф05-1167/2021 по делу № А40-110109/2019, Постановление Арбитражного суда Московского округа от 07.02.2020 № Ф05-8936/2018 по делу № А40-71362/2017 и др. // СПС «Консультант Плюс».

8 Определение ВС РФ от 22 августа 2022 года № 305-ЭС17-10167 (13, 14) по делу А40-69103/2016.

9 «Бюллетень Верховного Суда РФ», № 6, июнь, 2023.

10 Возможность восстановления срока на включение в реестр требований кредиторов указана в том числе в п. 11 «Обзора судебной практики по вопросам, связанным с участием уполномоченных органов в делах о банкротстве и применяемых в этих делах процедурах банкротства» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20.12.2016) // «Бюллетень Верховного Суда РФ», № 9, сентябрь, 2017.

«обычных» юридических лиц по причине того, что довольно сложно представить обеспеченные залогом требования кредиторов первой очереди (например, о возмещении вреда жизни и здоровью) в подобных процедурах.

По вопросу о том, может ли статус привилегированного кредитора, вытекающего из договора, превалировать над законной привилегией, имеется позиция, высказанная в постановлении Арбитражного суда Московского округа от 23.10.2018 № Ф05-2300/2018 по делу № А40-185433/1711.

Суд в этом деле указал, что кредитор, чье требование установлено в первой очереди реестра требований кредиторов, заключая договор залога недвижимого имущества, получает приоритет над требованиями других кредиторов первой очереди, тогда как такой приоритет противоречит императивным нормам права (пункт 7.1 статьи 16 и пункт 4 статьи 189.92 Закона о банкротстве), защищающим интересы других вкладчиков, включенных в первую очередь реестра.

Следует согласиться с указанным подходом, поскольку заключение такого договора залога противоречит существу законодательного регулирования и подобный договор будет считаться ничтожным в силу ст. 10, 168 ГК РФ.

Выводы

Таким образом, по результатам анализа института установления требований кредиторов в делах о банкротстве кредитных организаций сделаны следующие выводы.

1. В случае, если требование кредитора заявлено не к кредитной организации, а в арбитражный суд, оно должно быть оставлено без движения (применительно к п. 7 ч. 1 ст. 126, ст. 128 АПК РФ) до представления кредитором доказательств направления требования в адрес кредитной организации и получения уведомления, с которым кредитор не согласен. Если такие документы не представлены, то требование подлежит возвращению.

2. Предложен один из вариантов развития отечественного законодательства в части порядка предъявления требований кредиторов в делах о банкротстве кредитных организаций. В случае, если бывшим руководством кредитной организации была передана автоматизированная банковская система и у конкурсного управляющего имеется информация о размере обязательств перед кредиторами (в том числе, вкладчиками), возможно установление требований кредиторов по договорам банковского вклада и банковского счета без направления кредиторами соответствующих требований, о чем кредиторы уведомляются соответствующим уведомлением. В случае отсутствия у кредитной организации такой информации (в том числе, если соответствующая информация от руководства кредитной организации не передана), кредиторы могут обратиться с соответствующими требования к кредитной организации самостоятельно.

3. Проанализирован европейский опыт в части ограничения суммы требований привилегированных кредиторов и сделан вывод о нецелесообразности применения в настоящий момент в отечественном законодательстве такого подхода при определении очередности удовлетворения требований кредиторов в делах о банкротстве кредитных организаций.

Пристатейный ббиблиографический список

1. Васьковский Е. В. Курс гражданского процесса: Субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия. – М.: Статут, 2016. – 624 с.
2. Бевзенко Р. С. Правовые позиции Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации по вопросам поручительства и банковской гарантии: Комментарий к Постановлениям Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 12 июля 2012 г. № 42 «О некоторых вопросах разрешения споров, связанных с поручительством» и от 23 марта 2012 г. № 14 «Об отдельных вопросах практики разрешения споров, связанных с оспариванием банковских гарантий». – М.: Статут, 2014 (СПС «КонсультантПлюс»). – 93 с.
3. Егоров А. В. Некоторые актуальные вопросы банкротства финансовых организаций. Цивилисты о банкротстве 3.0: сборник научно-практических публикаций. – М.: Ассоциация выпускников РШЧП, 2024. – С. 330-343.
4. Егоров А. В. Установление требований кредиторов при банкротстве // Хозяйство и право. – С. 22-41.
5. Карапетов А. Г., Косарев А. С. Стандарты доказывания: аналитическое и эмпирическое исследование // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. Приложение к ежемесячному журналу. – 2019. – № 5. Специальный выпуск. – С. 3-96.
6. Ульянов А. Ю. Проблемные аспекты выявления правового пуризма в практике арбитражных судов // Сборник трудов. – Симферополь, 2023. – С. 102-109.
7. Шишмарева Т. П. Установление требований кредиторов в процедурах несостоятельности в России и Германии // Вестник гражданского процесса. – 2021. – № 6. – С. 179-195.
8. Buckingham S., Atanasova S., Frazzani S., Veron N. Study on the differences between bank insolvency laws and on their potential harmonization. Final report. – Brussels: European Commission, 2019. – 196 c.
9. Sjur Swensen Ellingsæter. Creditor Priority in European Bank Insolvency Law: Financial Stability and the Hierarchy of Claims. Hart Publishing. – London, 2023. – 256 p.

11 СПС «КонсультантПлюс».

СЕЛЮНИН Павел Станиславович
аспирант кафедры предпринимательского, трудового и корпоративного права, Институт права и национальной безопасности, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

ПРИНОСЯЩАЯ ДОХОД ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МИКРОФИНАНСОВЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Статья посвящена анализу видов деятельности, которыми могут заниматься микрофинансовые организации в Российской Федерации кроме прямо указанных в ст. 9 с учетом ограничений, установленных ст. 12 ФЗ «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях». Особое внимание уделяется таким видам деятельности, как консультирование, выполнение функций платежного и страхового агента, а также выдача займов, выходящих за рамки определения «микрозаем». Автор анализирует судебную практику и подходы к определению предпринимательского либо потребительского характера займов, предоставляемых индивидуальным предпринимателям. По результатам формируются выводы в отношении дискуссионных вопросов в правовом регулировании исследуемой отрасли, формируется представление о системе видов приносящей доход деятельности микрофинансовых организаций.

Ключевые слова: приносящая доход деятельность, микрофинансовые организации, некоммерческие организации, договор займа.

SELYUNIN Pavel Stanislavovich
postgraduate student of Business, labor and corporate law sub-faculty, Institute of Law and National Security, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian federation

INCOME-GENERATING ACTIVITIES OF MICROFINANCE ORGANIZATIONS

This study explores the range of activities available to microfinance organizations in Russia, extending beyond those explicitly outlined in Law. While the primary focus is on the core function of these organizations – issuing microloans – the paper also delves into other potential business avenues, always mindful of the legal restrictions in place. Special emphasis is placed on supplementary services such as financial counseling, as well as the roles these organizations can play as payment and insurance agents. The study also examines the issuance of loans that don't fit the traditional definition of a «microloan». Additionally, the paper analyzes relevant court decisions and legal interpretations to shed light on how loans to individual entrepreneurs are classified – whether as business or consumer loans. By offering a comprehensive overview of the legal landscape and practical applications, this research aims to provide valuable insights into the evolving role of microfinance organizations in the Russian financial sector.

Keywords: income-generating activities, microfinance organizations, non-profit organizations, loan agreement.

Правовое регулирование микрофинансовой деятельности в Российской Федерации претерпело значительное развитие в процессе формирования и совершенствования гражданского законодательства, что позволило создать достаточную правовую основу для функционирования данного института, учитывающую интересы как самих микрофинансовых организаций, так и их заемщиков, и обеспечивающую соблюдение интересов обеих сторон правоотношений, складывающихся в данной сфере. Так, на сегодняшний день в качестве фундамента правового регулирования рассматриваемой категории правоотношений выступают положения Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ)[1], которые детализируются нормами специального Федерального закона «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» (далее – Закон)[2].

Согласно статье 2 Закона, микрофинансовая организация определяется как юридическое лицо, относящееся к категории некредитных финансовых организаций. Ключевой особенностью микрофинансовой организации является ее непосредственная вовлеченность в микрофинансовую деятельность, которая может осуществляться в двух основных формах: как микрофинансовая компания или как микрокредитная компания. Данное разделение отражает различия в масштабах и характере операций, которые могут проводить эти организации.

Основная функция микрофинансовых организаций заключается в предоставлении микрозаймов. Обозначенная деятельность направлена на удовлетворение финансовых потребностей различных категорий клиентов, которые по тем или иным причинам не могут воспользоваться услугами традиционных банковских учреждений. Микрозаймы характеризуются относительно небольшими суммами и, как правило, краткосрочным характером.

Законодательство устанавливает определенные границы для сумм микрозаймов, дифференцируя их в зависимости от категории заемщика. Для физических лиц максимальная сумма микрозайма ограничена 1 миллионом рублей, что призвано защитить интересы граждан и предотвратить их чрезмерную закредитованность. В то же время, для юридических лиц и индивидуальных предпринимателей максимальная сумма микрозайма установлена на уровне 5 миллионов рублей. Такое увеличение лимита для бизнес-заемщиков обусловлено их потенциально большими финансовыми потребностями и возможностями по обслуживанию займа, что позволяет микрофинансовым организациям играть значимую роль в поддержке малого и среднего предпринимательства, предоставляя доступ к финансированию для развития бизнеса.

1 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 03.12.2001, № 49, ст. 4552.

2 Федеральный закон от 02.07.2010 № 151-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» // Парламентская газета, № 36, 09-15.07.2010.

Более подробно речь о проблематике данной дифференциации пойдет далее.

Микрофинансовые организации представляют собой важный элемент финансовой экосистемы, обеспечивающий доступ к кредитным ресурсам для тех категорий заемщиков, которые, как было отмечено ранее, по различным причинам не могут воспользоваться услугами традиционных банков. Их деятельность строго регламентируется законодательством, что позволяет сочетать гибкость в предоставлении финансовых услуг с необходимым уровнем защиты прав потребителей и стабильности финансовой системы в целом.

Особенности правового статуса микрофинансовых организаций предопределяют ряд их преимуществ по сравнению с кредитными организациями, предоставляющими услуги по банковскому кредитованию. В-первую очередь, данные преимущества очевидны для самих заемщиков, так как получение займа в микрофинансовой организации предполагает необходимость предоставления минимального комплекта документов, а также создает возможность для наиболее краткосрочного получения услуги – микрозаймы могут быть выданы даже лицам с отрицательной кредитной историей, а процесс одобрения и выдачи средств происходит значительно быстрее, чем при банковском кредитовании, что делает микрофинансовые услуги привлекательными для граждан.

Вместе с тем, нельзя не отметить, что, создавая определенные преимущества для микрофинансовых организаций на рынке, законодатель также предусмотрел и значительные ограничения в отношении их деятельности, так, статья 12 Закона, в частности, устанавливает, что **микрофинансовым организациям не разрешается выдавать займы в иностранной валюте, заниматься валютными операциями, привлекать значительные средства физических лиц и индивидуальных предпринимателей, а также выступать поручителями по обязательствам учредителей.**

В совокупности с положениями статья 9 вышеупомянутая статья 12 детально формулирует тот круг видов деятельности, осуществление которых разрешается анализируемым субъектам рынка. Также в рамках данных статей детализируются права и обязанности микрофинансовых организаций, с соответствующими ограничениями. Так, согласно пункту 3 части 1 статьи 9 Закона микрофинансовые организации могут заниматься иной деятельностью, не противоречащей законодательству и их учредительным документам, при условии соблюдения установленных ограничений.

Одним из наиболее распространенных дополнительных направлений работы микрофинансовых организаций является **консультационная деятельность.** Многие микрофинансовые организации, особенно те, которые специализируются на поддержке предпринимательства, предоставляют широкий спектр консультационных услуг, которые могут включать в себя: помощь в составлении бизнес-планов, анализ рисков бизнеса и помощь в разработке стратегии по их минимизации. Кроме того, микрофинансовые организации могут оказывать помощь в **оценке эффективности бизнеса и предлагать рекомендации по ее повышению.**

Такая консультационная поддержка особенно ценна для индивидуальных предпринимателей и других субъектов малого бизнеса, которые часто не имеют достаточных ресурсов для найма профильных консультантов. Предоставляя эти услуги, микрофинансовые организации не только расширяют свой бизнес, но и способствуют развитию малого предпринимательства в государстве, что имеет важное социально-экономическое значение. Помимо, собственно, консультационных услуг, некоторые микрофинансовые организации расширяют свою деятельность в других направлениях. Например, они могут выступать в роли **платежных агентов**, что позволяет им предоставлять услуги по приему платежей от населения. Также микрофинансовые организации могут работать как **страховые агенты**, предлагая клиентам различные страховые продукты в дополнение к финансовым услугам.

К иной, помимо микрофинансовой, деятельности законодатель относит и **выдачу иных займов**, иными словами, тех займов, которые не соответствуют критериям микрозаймов. Здесь важно подчеркнуть, что само определение микрозайма претерпело существенные изменения с момента принятия Закона. Так, если изначально микрозаем определялся как заем до 1 миллиона рублей, то после внесения изменений в Закон в 2015 году[3], данное понятие стало более дифференцированным – согласно статье 2 Закона, сумма микрозайма теперь ограничивается не фиксированной суммой, а предельным размером обязательств заемщика перед заимодавцем по основному долгу. Причем этот предел не является универсальным для всех видов микрозаймов, а варьируется в зависимости от вида займа и типа микрофинансовой организации, предоставляющей этот заем. Такая дифференциация отражает стремление законодателей учесть различные потребности и возможности разных категорий заемщиков, а также разные уровни ответственности и возможностей различных типов микрофинансовых организаций, что позволяет создать более гибкую и адаптивную систему микрофинансирования, которая может эффективно удовлетворять разнообразные финансовые потребности населения и бизнеса. Представляется, что обозначенные изменения также свидетельствуют о развитии и усложнении рынка микрофинансирования в России. Микрофинансовые организации теперь могут предлагать более широкий спектр финансовых продуктов, что, с одной стороны, увеличивает доступность финансовых услуг для различных категорий заемщиков, а с другой – требует более тщательного регулирования и надзора со стороны государственных органов.

Интерес представляет то обстоятельство, что, как отмечает А. Я. Курбатов судебная практика придерживается подхода, согласно которому, ключевым фактором в определении характера займа является не столько статус заемщика как индивидуального предпринимателя, сколько цель использования заемных средств, которая должна быть явно прописана в договоре[4]. Если в договоре не указана **конкретная предпринимательская цель**, то по умолчанию заем, выданный физическому лицу, даже если оно имеет статус индивидуального предпринимателя, рассматривается как потребительский. Так, в одном из судебных дел индивидуальный предприниматель обратился в суд с требованием о компенсации средств, уплаченных по банковским кредитам, которые он взял для выполнения муниципального контракта. Однако арбитражный суд отказал в удовлетворении этих требований. Суд руководствовался подпунктом 1 пункта 1 статьи 3 Федерального закона «О потребительском кредите (займе)» и пришел к выводу, что из цели кредита, указанной истцом,

3 Федеральный закон от 29.12.2015 № 407-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 04.01.2016, № 1 (часть I), ст. 27.

4 Курбатов А. Я. Защита прав потребителей финансовых услуг: монография. М.: Юстицинформ, 2023. С. 70.

не следовало, что данный кредит был взят непосредственно для осуществления предпринимательской деятельности в связи с обязательствами по муниципальному контракту[5].

Такое разграничение имеет практические последствия для определения максимальной суммы микрозайма. Для займов на конкретно названные в договоре предпринимательские цели, которые можно проконтролировать и подтвердить, установлена максимальная величина микрозайма в размере 5 миллионов рублей. Что касается потребительских микрозаймов, то здесь действуют более строгие ограничения. Для микрофинансовых компаний предельная величина установлена в размере 1 миллиона рублей, а для микрокредитных компаний – 500 тысяч рублей. Все займы, превышающие эти суммы, классифицируются как «иные» и подпадают под другие регуляторные нормы.

Необходимо отметить, что ранее Закон предоставлял микрофинансовым организациям более широкую свободу действий в отношении выдачи займов. Отсутствие четких ограничений на цели и виды займов создавало ситуацию, когда некоторые организации, формально являясь микрофинансовыми, фактически выходили за рамки своей основной деятельности. Они сосредотачивались на выдаче «иных займов», которые часто превышали стандартные микрозаймы по сумме и уровню риска. При этом такие займы не подпадали под строгие нормативы и требования, установленные для банковских кредитов или займов кредитных кооперативов. Осознавая потенциальные риски такой ситуации для финансовой стабильности и защиты прав потребителей, законодатели инициировали реформу в 2015 году, которая уже упоминалась ранее, внесшую существенные коррективы в регулирование микрофинансовой деятельности.

Ключевым нововведением стало определение категорий «иных займов», которые микрофинансовые имеют право выдавать. Теперь законодательство устанавливает исчерпывающий перечень критериев, которым должны соответствовать такие займы:

– ипотечное обеспечение, то есть выдача займов, обязательства по которым обеспечены залогом недвижимости, что снижает риски для кредитора;

– поддержка малого и среднего бизнеса, то есть предоставление займов юридическим лицам, относящимся к категории субъектов малого и среднего предпринимательства;

– межфинансовое кредитование, что подразумевает займы, выдаваемые другим микрофинансовым организациям, кредитным потребительским кооперативам (в том числе сельскохозяйственным) и ломбардам;

– внутригрупповое финансирование, то есть займы, предоставляемые юридическим лицам, аффилированным с микрофинансовой организацией.

Действующее законодательство создает определенную правовую неопределенность в отношении возможности **получения индивидуальными предпринимателями** ипотечных займов от микрофинансовых организаций. С одной стороны, закон прямо указывает только физических и юридических лиц как потенциальных получателей таких займов. Более того, в контексте займов субъектам малого предпринимательства индивидуальные предприниматели также не упоминаются, что приводит к логическому выводу, что микрофинансовые организации не имеют права выдавать индивидуальным предпринимателям займы на предпринимательские цели, превышающие 5 миллионов рублей, даже если они обеспечены залогом недвижимости. Однако ситуация осложняется тем, что индивидуальные предприниматели, несмотря на ведение бизнеса, остаются физическими лицами с юридической точки зрения.

Закон не устанавливает четкого разграничения между предпринимательским и потребительским характером ипотечного займа, что открывает возможность для альтернативной интерпретации: микрофинансовые организации могут предоставлять займы свыше 5 миллионов рублей под залог недвижимости любому физическому лицу, включая тех, кто имеет статус индивидуального предпринимателя. По мнению А. В. Чиркова, окончательное решение этой правовой дилеммы будет сформировано в ходе правоприменительной практики, в том числе через судебные решения[6].

Важно отметить значительные изменения, внесенные в 2017 году в Федеральные законы «О потребительском кредите (займе)» и «Об ипотеке (залоге недвижимости)». Федеральный закон от 5 декабря 2017 г. № 378-ФЗ, вступивший в силу 24 июня 2018 года[7], внес существенные коррективы в регулирование ипотечных займов для физических лиц. Согласно этим изменениям, особенности условий кредитных договоров и договоров займа, заключенных с физическими лицами для целей, не связанных с предпринимательской деятельностью, и обеспеченных ипотекой, теперь регулируются непосредственно законом «О потребительском кредите (займе)», что означает, что специфика потребительских ипотечных займов теперь определяется не только отдельной статьей в законе об ипотеке, но и общей логикой закона о потребительском кредите, включая специальную статью 6.1, посвященную особенностям ипотечных кредитов и займов. Данные изменения направлены на усиление защиты прав потребителей финансовых услуг и создание более четкой правовой базы для ипотечного кредитования физических лиц. Они также способствуют унификации правил предоставления ипотечных займов различными финансовыми организациями, включая микрофинансовые организации.

Иная деятельность осуществляется микрофинансовыми **с учетом ограничений и в порядке**, которые установлены Законом, иными федеральными законами[8], а также учредительными документами микрофинансовой организации.

Есть виды деятельности, которые прямо запрещены Законом для микрофинансовой организации.

Одним из ключевых запретов является осуществление профессиональной деятельности на рынке ценных бумаг. Данное ограничение, закрепленное в пункте 7 части 1 статьи 12 Закона, направлено на минимизацию рисков, связанных с наиболее волатильными операциями на фондовом рынке,

5 Постановление Шестого арбитражного апелляционного суда от 6 октября 2015 г. по делу № А37-181/2015) // СПС КонсультантПлюс.

6 Чирков А. В. Особенности правового регулирования микрофинансовой деятельности микрофинансовых организаций: монография. М.: Проспект, 2018. С. 45.

7 Федеральный закон от 05.12.2017 № 378-ФЗ «О внесении изменений в статью 9.1 Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)» и Федеральный закон «О потребительском кредите (займе)» // Собрание законодательства РФ, 11.12.2017, № 50 (Часть III), ст. 7549

8 Федеральный закон от 03.06.2009 № 103-ФЗ» О деятельности по приему платежей физических лиц, осуществляемой платежными агентами» // Собрание законодательства РФ, 08.06.2009, № 23, ст. 2758; Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» // Собрание законодательства РФ, 04.07.2011, № 27, ст. 3872.

которые могут подорвать финансовую устойчивость микрофинансовых организаций.

Также, для микрофинансовых организаций установлен **запрет на ведение торговой и производственной деятельности** согласно пункту 3 части 2 статьи 12 Закона. Соответствующее ограничение призвано сфокусировать деятельность микрофинансовых организаций на их основной функции – предоставлении финансовых услуг, предотвращая размывание их специализации и снижая риски, связанные с непрофильными видами бизнеса.

Кроме того, существуют виды деятельности, регулируемые другими федеральными законами, которые также накладывают ограничения на микрофинансовые организации. Например, осуществление банковских операций является прерогативой кредитных организаций, имеющих соответствующую лицензию Банка России, что означает, что микрофинансовые организации не могут предоставлять полный спектр банковских услуг, что ограничивает их возможности по диверсификации деятельности.

В отношении иных видов деятельности **некоммерческих микрофинансовых организаций** важно также учитывать их специальную правоспособность, то есть их право заниматься только теми видами деятельности, которые непосредственно указаны в учредительных документах организации, соответствуют основной цели деятельности этой организации и направлены на ее реализацию[9].

Таким образом, микрофинансовые организации в Российской Федерации помимо основной деятельности по выдаче микрозаймов могут также осуществлять дополнительные виды деятельности, такие как консультирование, выполнение функций платежного и страхового агента, а также предоставление иных займов, не подпадающих под определение «микрозаем». Однако их деятельность ограничена законодательством, которое устанавливает четкие рамки допустимых видов деятельности и ограничения по суммам предоставляемых займов. В рамках настоящей статьи были проанализированы данные правовые ограничения, подходы судебной практики к определению предпринимательского или потребительского характера займов, а также последние изменения в законодательстве, направленные на более структурированное и последовательное регулирование и защиту прав потребителей финансовых услуг микрофинансовых организаций.

Пристатейный библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 03.12.2001, № 49, ст. 4552.
2. Федеральный закон от 03.06.2009 № 103-ФЗ» О деятельности по приему платежей физических лиц, осуществляемой платежными агентами» // Собрание законодательства РФ, 08.06.2009, № 23, ст. 2758.
3. Федеральный закон от 02.07.2010 № 151-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» // Парламентская газета, № 36, 09-15.07.2010.
4. Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» // Собрание законодательства РФ, 04.07.2011, № 27, ст. 3872.
5. Федеральный закон от 29.12.2015 № 407-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 04.01.2016, № 1 (часть I), ст. 27.
6. Федеральный закон от 05.12.2017 № 378-ФЗ «О внесении изменений в статью 9.1 Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)» и Федеральный закон «О потребительском кредите (займе)» // Собрание законодательства РФ, 11.12.2017, № 50 (Часть III), ст. 7549.
7. Постановление Шестого арбитражного апелляционного суда от 6 октября 2015 г. по делу № А37-181/2015).
8. Арзуманова Л. Л., Рождественская Т. Э., Казаченок О. П., Костюк И. В., Малунова З. А., Молдованов М. М., Байтенова А. А. Комментарий к Федеральному закону от 2 июля 2010 г. № 151-ФЗ «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» (постатейный) // СПС КонсультантПлюс. – 2018.
9. Курбатов А. Я. Защита прав потребителей финансовых услуг: монография. – М.: Юстицинформ, 2023. – 168 с.
10. Чирков А. В. Особенности правового регулирования микрофинансовой деятельности микрофинансовых организаций: монография. – М.: Проспект, 2018. – 176 с.

9 Арзуманова Л. Л., Рождественская Т. Э., Казаченок О. П., Костюк И. В., Малунова З. А., Молдованов М. М., Байтенова А. А. Комментарий к Федеральному закону от 2 июля 2010 г. № 151-ФЗ «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» (постатейный) // СПС КонсультантПлюс. 2018.

ГЛИНЩИКОВА Татьяна Вадимовна
доктор юридических наук, доцент, преподаватель, Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина, г. Краснодар

БУБНЕНКОВ Руслан Романович
магистрант 2-го курса, Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина, г. Краснодар

РОТКО Михаил Андреевич
магистрант 2-го курса, Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина, г. Краснодар

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КОРПОРАТИВНОГО ДОГОВОРА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Рост предпринимательской активности неминуемо влияет на развитие отечественного корпоративного законодательства. Следствием этого является внедрение института корпоративного договора, позволяющего его сторонам урегулировать правовые отношения, возможность регламентации которых в уставе организации не предоставляется осуществимой. В данной статье авторы изучают правовое положение корпоративного договора в современном отечественном законодательстве, особенности его содержания и субъектного состава. Особое внимание в процессе исследования авторы уделили складывающейся судебной практике, связанной с рассмотрением споров о призвании корпоративных договоров недействительными.

Ключевые слова: корпоративный договор, судебная практика, содержание договора, возмездность, недействительность договора.

GLINSHCHIKOVA Tatyana Vadimovna
Ph.D. in Law, associate professor, lecturer, I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University, Krasnodar

BUBNENKOV Ruslan Romanovich
magister student of the 2nd course, I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University, Krasnodar

ROTHKO Mikhail Andreevich
magister student of the 2nd course, I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University, Krasnodar

LEGAL REGULATION OF CORPORATE AGREEMENTS IN THE RUSSIAN FEDERATION

The growth of entrepreneurial activity inevitably affects the development of domestic corporate legislation. The consequence of this is the introduction of the institution of a corporate agreement, allowing its parties to regulate legal relations, the possibility of regulating which in the charter of the organization is not provided feasible. In the article, the authors consider the legal status of a corporate agreement in modern domestic legislation, the specifics of its content and subject composition. In the course of the study, the authors paid special attention to the emerging judicial practice related to the consideration of disputes on the invalidation of corporate agreements.

Keywords: corporate agreement, judicial practice, content of the agreement, compensation, invalidity of the agreement.

Развитие предпринимательской деятельности в Российской Федерации неминуемо влияет и на развитие отечественного законодательства, связанного с ее правовым регулированием. Так, вопрос о регламентации деятельности корпоративных организаций занимает особое место в сфере интересов отечественных ученых-юристов. В частности, одним из относительно новых и уникальных институтов является «корпоративный договор».

Важнейшим этапом формирования института корпоративного договора в Российской Федерации является внесение изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ), посредством которых и был внедрен институт корпоративного договора. В действительности, данный правовой институт был знаком отечественному законодательству достаточно давно – акционерное соглашение и договор об осуществлении прав участников общества с ограниченной ответственностью, являющиеся по своей правовой природе разновидностями корпоративного договора, были предусмотрены гораздо раньше.

Выше мы упоминали об особом интересе в научном сообществе по отношению к исследуемой теме, поскольку она вызывает споры среди ученых-юристов: о сущности, природе и месте корпоративного договора в отечественном законодательстве. Вместе с тем, существует относительное единство ряда ученых в том, что корпоративный договор являет собой гражданско-правовой договор. Однако встречаются и противники, настаивающие на том, что корпоративный договор по праву можно идентифицировать в качестве решения общего собрания участников, в связи с чем, в частности, к нему следует применять положения главы 9.1 ГК РФ. Мнение о том, что корпоративный договор следует рассматривать, как источник регулирования корпоративных отношений высказывает В. А. Лаптев. Так, он указывает на то, что корпоративный договор – нормодоговор локального уровня. Его основной тезис заключается в том, что отличия между обычным гражданско-правовым договором и корпоративным договором состоит в том, что в первом случае регулируются правоотношения между сторонами, во втором же – создается норма права, регулирующая корпоративные отношений [1]. Данная позиция, на наш взгляд, без сомнения заслуживает внимание, между тем, мы не можем с ней согласиться безапелляционно. В рамках данного исследования считаем необходимым рассматривать корпоративный договор как гражданско-правовой договор, имеющий свой особый предмет регулирование, субъектный состав, а также правовую характеристику. Споры, ведущиеся до сих пор в научной среде, представляются нам следствием, как новизны данного правового института, так и относительно небольшого объема законодательных норм. Изменения в обществе вызвали необходимость в совершенствовании законодательства, демонстрируя пробелы правового регулирования в создании механизма реализации прав участников предпринимательских

отношений [2]. Вместе с тем, наличие любого законодательного пробела не может позитивно влиять на осуществление норм права, в связи с чем, вполне оправдано было бы разъяснение, в виде постановления Верховного суда Российской Федерации. Вместе с тем, отметим, что современные правовые системы знают несколько вариантов моделей корпоративного договора. В Германии широкое распространение получил подход, определяющий исследуемый нами институт, как обязательственно-правовое соглашение, предполагающее регулирование отношений между конкретными участниками общества, при этом, не затрагивая вопросов, способных оказать влияние на остальных участников корпорации. Иной подход типичен для США, там данный институт призван увеличить права акционеров, связанных с осуществлением управления корпорацией. В свою очередь, отечественная модель корпоративного договора является симбиозом англо-американского и немецкого подхода, тем самым позволяя расширить вариативность его использования.

Относительно того, как законодатель характеризует институт корпоративного договора, дать точный ответ нет возможности, так как на данный момент его развития легальный термин отсутствует. Говоря о сущности данного института, ее можно определить исходя из предмета регулирования, так корпоративный договор определяет совместное осуществление или воздержание от осуществления корпоративных прав, при котором стороны договора преследуют единую цель; осуществление или воздержание от осуществления корпоративных прав, воздержание от отчуждения долей (акций) до наступления определенных обстоятельств, при котором стороны договора преследуют различные цели, приобретение или отчуждение доли в его уставном капитале (акций) по определенной цене или при наступлении определенных обстоятельств.

Возможность предусмотреть в содержании вопросы, возможность урегулирования которых в уставе отсутствуют, является еще одной отличительной особенностью корпоративного договора. Вместе с тем, как ранее было указано, законодатель предусмотрел ограничение в предмете регулирования корпоративного договора, так, например, условия структуры органов общества и их компетенции признаются ничтожными в соответствии с пунктом 5 статья 67.2 ГК РФ.

Считаем, что закрепление данных ограничений положительно сказывается на профилактике злоупотребления субъектами корпоративного договора своих прав, а также, дополнительно, подтверждает то, что вопросы компетенции органов общества являются преимущественно сферой регулирования законодателя и общего собрания. Дополняя вышеуказанное, обратим внимание на то, что в части признания корпоративного договора недействительным обязательно применимы общие положения о признании сделок недействительным. В части практики признании недействительными корпоративных договоров, в качестве примера следует обратить внимание на Решение Арбитражного суда г. Севастополя от 29 июня 2023 г. по делу № А84-7448/2022. Суд, при разрешении спора по исковому заявлению Ф1 об обязании ООО «***» исполнить пункт 3.1.1. корпоративного договора, указал на то, что кроме того, чтобы не противоречить положениям ГК РФ, заключаемый корпоративный договор также не должен противоречить нормативно-правовым актам, регулирующим конкретный вид корпоративного договора. Суд установил, что участники Общества заключили корпоративный договор, условия которого не соответствует положениям ст. 67.2 ГК РФ и ст. 8 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» и противоречат нормам указанных законов [3].

Резюмируя вышеуказанную практику, мы приходим к выводу о том, что гражданское законодательство регламентирует единые начала для корпоративных договоров, в свою очередь специализированные федеральные законы по сути своей призваны для того, чтобы конкретизировать правовые нормы под специфику каждого корпоративного юридического лица. Рассматривая вопрос о субъектном составе корпоративного договора, стоит отметить, что в дополнение к участникам хозяйственного общества законодательно предусмотрена возможность участия в нем также кредиторов общества и иных лица, имеющих право заключить договор с участниками хозяйственного общества. Соответственно, в таком случае, говоря о предмете данного соглашения, укажем, что им является обеспечение участниками хозяйственного общества охраняемых законом интересов таких третьих лиц путем осуществления своих корпоративных прав определенным образом или воздержанием от их осуществления.

Среди некоторых ученых-юристов высказывалась идея о возможности включение в субъекты корпоративного договора сами общества, данная модель типична для английского подхода к корпоративному договору. Существует подход, согласно которому акционерные соглашения способны могут обязывать директоров компании исполнять соглашение при осуществлении своих полномочий, особенно если директор не является акционером, однако данная концепция не получила отклика от отечественного законодателя. Возмездность корпоративного договора также является одним из дискуссионных вопросов. Вопрос о том, считается ли по своей правовой природе возмездным или же стоит рассматривать его в качестве безвозмездного договора, так до сих пор и не получил однозначной оценки. В соответствии со статьей 423 ГК РФ договор предполагается возмездным, если из закона, иных правовых актов, содержания или существа договора не вытекает иное. Так, ни в одном из нормативно-правовых актов, регулирующих корпоративный договор, нет отсылки к его безвозмездному характеру. Возмездность корпоративного договора основано на взаимности перераспределения прав и обязанностей его участников. Рассматриваемое соглашение основывается на установлении взаимовыгодных для его сторон условий при ведении предпринимательской деятельности, соответственно это и характеризует его возмездность. Корпоративному договору также присущи такие характеристики, как консенсуальность, каузальность, многосторонность. Обратим внимание, что данный договор по своей сути является организационным договором, так как он направлен на организацию действий сторон и непосредственно не носит имущественного характера.

Подводя итог проведенному исследованию о роли корпоративного договора в отечественном законодательстве, мы приходим к выводу о том, что данный правовой институт находится в процессе своего развития. На наш взгляд, большое значение в его становлении играет складывающаяся судебная практика, как в части признания корпоративных договоров недействительными, так и в части обязания одной из сторон данного договора к его исполнению. Вместе с тем, наличие вышеуказанных пробелов, по мнению авторов, должно быть устранено законодателем, для облегчения применения норм о корпоративном договоре.

Пристатейный библиографический список

1. Лаптев В. А. Корпоративный договор в системе источников регулирования корпоративных отношений // Предпринимательское право. – 2016. – № 1. – С. 23-31.
2. Габибова А. Г., Глинщикова Т. В. Корпорация, как объект наследственного договора // Евразийский юридический журнал. – 2023. – № 1 (176). – С. 134-135.
3. Решение Арбитражного суда г. Севастополя от 29 июня 2023 г. по делу № А84-7448/2022. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 01.11.2024).

ЧАТТАЕВ Азамат Русланович
кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и гражданского права, Государственный университет просвещения, Москва

БОНДАРЕНКО Ольга Николаевна
кандидат экономических наук, доцент кафедры конституционного и гражданского права, Государственный университет просвещения, Москва

ТУМАНОВА Алена Сергеевна
магистрант кафедры конституционного и гражданского права, Государственный университет просвещения, Москва

АНДРЕЕВ Кирилл Владимирович
магистрант кафедры конституционного и гражданского права, Государственный университет просвещения, Москва

Чаттаев А. Р.

Бондаренко О. Н.

Туманова А. С.

Андреев К. В.

РОЛЬ КОРПОРАТИВНОГО ДОГОВОРА В УПРАВЛЕНИИ ОБЩЕСТВОМ С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ

Изучение роли корпоративного договора в управлении обществом с ограниченной ответственностью (ООО) имеет критическую информационную значимость в современных условиях развития бизнеса и правовой среды. Корпоративный договор выступает фундаментальным документом, определяющим взаимоотношения между учредителями, механизмом принятия решений и распределения прибыли. Глубокое понимание корпоративного договора и функционала позволяет обеспечить стабильное и эффективное функционирование ООО. В условиях динамичных изменений законодательства анализ корпоративного договора способствует адаптации компании к новым требованиям, улучшению корпоративного управления и повышению конкурентоспособности. Кроме того, исследование данной темы актуально для юристов, предпринимателей и специалистов в сфере корпоративного права. Таким образом, исследование роли корпоративного договора в управлении ООО не только способствует теоретическому обогащению научной базы, но и имеет практическую значимость для эффективного управления и устойчивого развития бизнеса.

Ключевые слова: общество с ограниченной ответственностью, корпоративный договор, управление, нормативно-правовая база, распределение прибыли, корпоративное право.

CHATTAEV Azamat Ruslanovich
Ph.D. in Law, associate professor of Constitutional and civil law sub-faculty, State University of Education, Moscow

BONDARENKO Olga Nikolaevna
Ph.D. in economical sciences, associate professor of Constitutional and civil law sub-faculty, State University of Education, Moscow

TUMANOVA Alena Sergeevna
magister student of Constitutional and civil law sub-faculty, State University of Education, Moscow

ANDREEV Kirill Vladimirovich
magister student of Constitutional and civil law sub-faculty, State University of Education, Moscow

THE ROLE OF THE CORPORATE AGREEMENT IN THE MANAGEMENT OF LIMITED LIABILITY COMPANY

The study of the role of the corporate agreement in the management of a limited liability company (LLC) is of critical informational importance in the current conditions of business development and legal environment. The corporate agreement acts as a fundamental document that defines the relationship between the founders, the mechanism of decision-making and profit distribution. A deep understanding of the corporate agreement and its functionality helps to ensure stable and efficient functioning of the LLC. In the context of dynamic changes in legislation, the analysis of the corporate agreement helps the company to adapt to new requirements, improve corporate governance and increase competitiveness. In addition, the study of this topic is relevant for lawyers, entrepreneurs and specialists in the field of corporate law. Thus, the study of the role of the corporate agreement in the management of LLC not only contributes to the theoretical enrichment of the scientific base but also has practical significance for effective management and sustainable business development.

Keywords: limited liability company, corporate agreement, governance, regulatory framework, profit distribution, corporate law.

Введение

В современном российском предпринимательском пространстве общество с ограниченной ответственностью (ООО) занимает одну из ведущих позиций благодаря своей гибкости и адаптивности к различным экономическим условиям. В соответствии со статьей 2 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее – Закон об ООО), ООО представляет собой юридическое лицо, созданное одним или несколькими участниками для совместной предпринимательской деятельности. В этом контексте корпоративный договор выступает основным нормативным документом, регулирующим взаимоотношения между участниками ООО. Все более привычным называть корпоративный договор – устав, поскольку он играет ключевую роль в определении видов предпринимательской деятельности, стратегии управления, распределении прибыли и ответственности участников, а также в обеспечении стабильности и прозрачности деятельности общества [1]. Таким образом, целью данной статьи является анализ роли корпоративного договора в управлении ООО с опорой на нормативно-правовую базу и рассмотрение примеров практического применения.

Методы исследования

В проведении данной научной работы использовались комплексные методологические подходы, позволяющие всесторонне изучить предмет исследования, при этом опора на эмпирические и теоретические основы позволили сделать ряд практических выводов, подчеркивающих важность исследуемой темы.

Исследование основано на тщательном анализе нормативно-правовых документов, включая положения Гражданского кодекса Российской Федерации (далее - ГК РФ) части II и III и Закона об ООО, регулирующие деятельность ООО [2]. Данный анализ позволил установить правовую основу функционирования корпоративных договоров. Для более глубокого понимания роли корпоративного договора был проведен сравнительный анализ теоретических основ данного института с практическими примерами из реальной практики управления ООО, что позволило выявить соответствия и расхождения между нормативными требованиями и их реализацией на практике.

Анализ судебной практики и корпоративных споров предоставил ценные примеры реализации нормативных положений на практике.

Обсуждение основных результатов

Основными нормативными актами, регулирующими деятельность ООО и корпоративные договоры в Российской Федерации, являются ГК РФ, Закон об ООО, а также устав ООО, как внутренний локальный нормативный акт.

В части I ГК РФ (статья 93) определены общие принципы создания, управления и ликвидации ООО, включая основы корпоративного управления и права участников.

Эмпирическая основа статьи 67.2 ГК РФ и статьи 8 Закона об ООО детализируют положения о корпоративных договорах, устанавливают права и обязанности участников, а также порядок принятия решений внутри ООО, регламентируя содержание корпоративного договора и его юридическую силу.

Устав ООО, согласно статье 12 Закона об ООО, является внутренним корпоративным договором, который должен включать сведения о наименовании, местонахождении, видах деятельности, размере уставного капитала и распределении долей между участниками, обладая при этом юридической силой и соответствуя требованиям указанных нормативных актов.

Корпоративный договор выполняет несколько ключевых функций в управлении ООО:

– Определяет структуру управления и устанавливает права и обязанности участников, распределяя доли в уставном капитале, как предусмотрено статьей 25 Закона об ООО [3]. Примером может послужить следующая ситуация, при которой наличие корпоративного договора помогло избежать корпоративного конфликта. Так, собственник-основатель ООО с долей 80 % в уставном капитале практически отошёл от дел, доверив управление активами миноритарию, который в свою очередь начал развивать новое направление и активно участвовал в управлении бизнесом[4]. При ответственном и должном управлении бизнесом со стороны миноритария и привлечением его усилиями новых инвестиционных проектов, прибыль компании значительно увеличилась, что повысило интерес к увеличению своего дохода со стороны миноритария, который справедливости ради, заслуживал подобного распределения прибыли. Корпоративный договор, который четко отражал подобные ситуации, позволил участникам заранее договориться о том, как разделить между собой полномочия по управлению компанией. В итоге вся прибыль компании распределялась в пропорции 60 на 40 %, что устроило обе стороны (рис. 1).

Рисунок 1. Распределение прибыли в ООО (источник Корпоративный договор в действии: как он работает на практике. URL: https://www.audit-it.ru/articles/account/contracts/a67/1011996.html (дата обращения: 14.04.2025))

– Регулирует взаимоотношения между участниками, определяя механизмы урегулирования споров, порядок выхода участников, передачи долей и вступления новых членов, что соответствует статьям 21, 23, 25, 26 Закона об ООО [5]. Например, определением Верховного Суда РФ от 1 ноября 2021 г. № 307-ЭС21-17767, выделено правило в п. 4 ст. 21 Закона об ООО, где реализация преимущественного права покупки возможна в отношении всей доли, что конкретизирует преимущественное право, которым возможно воспользоваться только при условии покупки всей доли, предложенной в оферте. Иное должно быть прямо предусмотрено уставом.

– Управляет финансовыми аспектами через установление порядка распределения прибыли, финансирования деятельности и регулирования вопросов компенсации расходов участников, как это предусмотрено статьей 28 Закона об ООО [3]. Например, постановление Арбитражного суда Московского округа от 24 марта 2015 года № Ф05-2213/15 по делу № А41-43798/2013 суд указал, что право участника общества на получение части прибыли и обязанность общества по её выплате возникают исключительно на основании принятого общим собранием участников общества решения о распределении прибыли.

– Определяет механизмы внутреннего контроля, аудита и отчетности перед участниками и внешними органами, в соответствии со статьей 48 Закона об ООО. Например, решением Арбитражного суда Ростовской области от 8 июля 2024 года по делу № А53-44727/2023, отмечено, что в соответствии со статьёй 48 Закона об ООО по требованию любого участника общества аудиторская проверка может быть проведена выбранным им профессиональным аудитором [5]. Более того, существует и внутренний контроль, посредством создания ревизионной структуры во главе с ревизором (являющегося независимым экспертом, не вовлеченным в процесс управления ООО), который предполагает самостоятельное проведение внутреннего аудита, а наличие отчета ревизора, предполагает обязательность данной процедуры перед общим собранием участников.

Практическое применение корпоративного договора подтверждается примерами судебной практики и разрешения корпоративных споров.

Корпоративный договор представляет собой фундаментальную основу функционирования ООО, обеспечивая стабильность и предсказуемость в управлении обществом. Его правильное составление, включение всех необходимых положений позволяют минимизировать риски конфликтных ситуаций между участниками, повысить эффективность управления и укрепить доверие к обществу со стороны партнеров и инвесторов.

Пункт 3 статьи 8 Закона об ООО предполагает, что корпоративный договор может быть гибким инструментом, адаптируемым под специфические потребности и цели участников. Однако практика показывает, что многие ООО не уделяют должного внимания разработке корпоративного договора или создают его на основе типовых шаблонов без учета специфики деятельности и интересов участников, что может привести к правовым коллизиям и затруднить принятие оперативных решений в критических ситуациях [3]. К примеру, отсутствие четких положений о порядке выхода участников может вызвать длительные судебные споры. Одним из практических подтверждений подобной ситуации является постановление Арбитражного суда Уральского округа от 02.12.2019 № Ф09-7024/19 по делу №А07-29929/2018, где указано, что отсутствие ограничения на выход участников из общества нередко приводило к тому, что выход отдельных участников провоцирует выход из общества и других участников, что негативно сказывается на существовании общества и стабильности гражданского оборота в целом.

Обсуждения и основные выводы

Авторы полагают, что в ходе настоящего исследования смогли обозначить ряд концептуальных и практических основ применения корпоративного договора в деятельности ООО, указывая на его особенную роль в управлении обществом, а полученные результаты будут иметь важное значение при практическом применении основ корпоративного договора как для начинающих предпринимателей, так и иных участников деловой среды.

Таким образом, для учредителей и участников ООО данное исследование предоставляет конкретные рекомендации по составлению и содержанию корпоративного договора, что способствует созданию прозрачных и эффективных механизмов управления.

Стоит отметить, что глубокое понимание правовых аспектов корпоративного договора позволяет предоставлять более квалифицированные консультации, что повышает качество юридического сопровождения бизнеса и способствует соблюдению законодательных требований.

Кроме того, результаты исследования могут быть использованы в образовательных учреждениях при подготовке программ обучения по корпоративному праву и управлению ООО. Это способствует подготовке квалифицированных специалистов, способных эффективно управлять компаниями и разрабатывать надежные правовые документы.

В заключение следует сказать, что практическое применение результатов исследования «Роль корпоративного договора в управлении обществом с ограниченной ответственностью», а также обозначенных авторами путей реализации корпоративной концепции и направлений развития корпоративных отношений в бизнес-среде в целом охватывает достаточно широкий спектр областей, способствуя развитию корпоративного управления, укреплению правовой культуры и повышению общей конкурентоспособности бизнеса.

Пристатейный библиографический список

1. Андреев В. К. О структуре правосубъектности юридического лица и формах осуществления совместной деятельности хозяйственных обществ // Журнал российского права. – 2024. – Т. 28, № 3. – С. 56-67. – DOI 10.61205/S160565900028794-7. – EDN RURYHB.
2. Гордополов Ю. В., Демурия С. А., Андреев К. В. Управление цепями поставок в условиях ESG // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. – 2024. – № 6. – С. 214-224. – DOI 10.26653/2076-4650-2024-06-21. – EDN HIEGYR.
3. Ерчак С. В. Оспаривание сделки с заинтересованностью по иску корпорации в лице незаинтересованного миноритарного участника // Российское правосудие. – 2024. – № 7. – С. 60-72. – DOI 10.37399/issn2072-909X.2024.7.60-72. – EDN AQBNEM.
4. Павлов Н. А. Применение общих правил о сделкахи их недействительности к решениям собраний: обзор практики // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2024. – № 3. – С. 190-228. – DOI 10.37239/2500-2643-2024-19-3-190-228. – EDN FOYNNX.
5. Чаттаев А. Р., Гордополов Ю. В., Андреев К. В. Корпоративное право и его влияние на договорные отношения: проблемы и решения // Евразийский юридический журнал. – 2024. – № 11 (198). – С. 262-265. – EDN HFOSUL.

DOI 10.46320/2073-4506-2025-4-203-319-321

ДАВУДОВА Саида Ямудиновна
доцент кафедры информационного права и информатики, Юридический институт, Дагестанский государственный университет, г. Махачкала

РАГИМХАНОВА Камилла Тагировна
старший преподаватель кафедры информационного права и информатики, Юридический институт, Дагестанский государственный университет, г. Махачкала

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ОБРАЗОВАНИИ

В рамках исследования основной акцент сделан на раскрытии правовой основы искусственного интеллекта в целом, а также применительно к сфере образования. В частности, раскрываются положения стратегических документов, которые заложили курс государственной политики, направленный на автоматизацию всех сфер общественных отношений. Во внимание взяты позиции авторов и экспертов с целью выявления научного взгляда по вопросам понятия искусственного интеллекта, преимуществам и недостаткам его использования и внедрения в образовательный процесс. Уделено внимание успешной практике образовательных учреждений, которая демонстрирует активное использование возможностей нейросетей как со стороны преподавательского состава, так и обучающихся (в качестве особого примера выступает НИУ ВШЭ).

Ключевые слова: образование, искусственный интеллект, нейросеть, обучающийся, преподаватель, автоматизация, цифровые технологии, правовое регулирование, стратегические документы, роботизированные системы.

DAVUDOVA Saida Yamudinovna
associate professor of Information law and informatics sub-faculty, Institute of Law, Dagestan State University, Makhachkala

RAGIMHANOVA Kamilla Tagirovna
lecturer, of Information law and informatics sub-faculty, Institute of Law, Dagestan State University, Makhachkala

LEGAL ASPECTS OF REGULATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN EDUCATION

The research focuses on the disclosure of the legal basis of artificial intelligence in general, as well as in relation to the field of education. In particular, the provisions of the strategic documents that laid down the course of state policy aimed at automating all spheres of public relations are disclosed. The positions of the authors and experts are taken into account in order to identify a scientific view on the issues of understanding artificial intelligence, the advantages and disadvantages of its use and implementation in the educational process. Attention is paid to the successful practice of educational institutions, which demonstrates the active use of neural network capabilities by both the teaching staff and students (HSE is a special example).

Keywords: education, artificial intelligence, neural network, learner, teacher, automation, digital technologies, legal regulation, strategic documents, robotic systems.

Цифровой фактор в современном обучении требует пересмотра юридических норм. Отсутствие четких правовых формулировок относительно искусственного интеллекта в образовательной сфере делает необходимым дальнейшее научное изучение этой проблематики. Научное сообщество активно обсуждает эти вопросы, что подчеркивает важность доктринального исследования для определения оптимальных направлений модернизации, как теоретических концепций, так и законодательства. Совершенствование правовой базы становится неизбежным следствием цифровизации образовательных процессов.

Анализируя документацию последних лет, заметно, что в них акцентируется внимание на конкретных технологических решениях, которые стали особенно актуальными и значимыми в недавнее время. В противовес этому, документы прошлых лет фокусировались на общих аспектах цифровизации и важности технологической интеграции. Яркий пример - принятая Президентом РФ в 2017 году Стратегия развития информационного общества (2017-2030), определяющая стратегические национальные приоритеты России в информационной сфере, позиционирование страны в глобальном цифровом пространстве и ключевые цели информационного развития.

Учитывая направление развития государственности России, были разработаны разнообразные законодательные документы федерального масштаба и подзаконные акты ведомственного характера. Примером последних служит Приказ № 392 от 29.06.2021, выпущенный Минэкономразвития России, который устанавливает критерии для определения проектов в области искусственного интеллекта.

Законодательные инициативы федерального уровня включают Федеральный закон № 123-ФЗ от 24.04.2020, регламентирующий проведение эксперимента по созданию специальных условий для разработки и внедрения технологий ИИ в Москве, а также вносящий коррективы в статьи 6 и 10 закона «О персональных данных».

В рамках нашего научного изыскания особую значимость приобретает формулировка, представленная во втором пункте первой части статьи 2. Согласно данному определению, искусственный интеллект представляет собой совокупность технологических разработок, способных симулировать познавательные способности человеческого разума, включая автономное обучение и решение задач без предустановленных алгоритмических инструкций, при этом достигая результатов, которые можно сравнить с продуктами человеческой мыслительной деятельности. Эта технологическая экосистема объединяет программные продукты (в том числе использующие алгоритмы машинного обучения), информационно-коммуникационную базу (охватывающую

различные системы информации, сети телекоммуникации и технические устройства для обработки данных), а также методологии и сервисные решения для анализа информации и формирования выводов.

В академических источниках ведутся активные исследования, направленные на формулирование дефиниции ИИ. Некоторые исследователи выдвигают точку зрения, согласно которой искусственный интеллект представляет собой программное обеспечение или комплекс программ, разработанных для имитации человеческих способностей и компетенций [1].

В научных кругах и законодательных инициативах наблюдаются попытки сформулировать понятие «искусственный интеллект», однако консенсус среди исследователей отсутствует, а правовое регулирование данной сферы остается недостаточным. Стремительное развитие самообучающихся ИИ-систем представляет потенциальную глобальную угрозу. Опасения связаны не только с возможными нарушениями в области защиты персональных данных, но и с более серьезными рисками потери контроля над искусственным интеллектом, что может иметь планетарные последствия.

В образовательной среде 2023-2024 годов искусственный интеллект привлек особое внимание, в частности из-за возможности генерировать тексты на любую тематику. Анализируя данные, ИИ постепенно учится не просто имитировать человеческое поведение, но и находить более эффективные пути решения задач. Это подтверждается стремительным развитием функционала современных языковых моделей, таких как GPT. Сегодня технологии позволяют не только осуществлять тематический поиск информации, но и создавать реалистичные видеоматериалы с участием конкретного человека на основе всего лишь одной фотографии, адаптируя контент под любые заданные условия.

В наши дни студенты активно применяют нейросеть GPT для создания не только докладов, но и дипломных работ. Достаточно сформулировать вопрос или указать тему, и искусственный интеллект моментально генерирует подробный ответ. Такая практика создает серьезную угрозу для качественной подготовки профессионалов в критически важных областях. Речь идет о сферах, где компетентность напрямую влияет на благополучие общества: медицине (здоровье пациентов), юриспруденции (репутация и честь граждан), государственном управлении (эффективность административной системы). Формирование настоящих специалистов для этих профессий будущего оказывается под вопросом из-за подмены реального обучения автоматизированными решениями [2].

Как следствие, многие авторы указывают на те проблемы, которые возникают при использовании нейросети со стороны студентов. Например, Т. А. Безуглый выделяет следующие проблемы:

– проблема плагиата, поскольку фактически нейросети перерабатывают существующую информацию в интернете, не предлагая новых научных решений;

– отсутствие фактчекинга: зачастую нейросети генерируют ошибочные данные, указывая несуществующие источники;

– нежелание студентов перерабатывать и дорабатывать сгенерированный текст [3].

Е. А. Заяц замечает, что студенты, использующие ИИ, чувствуют себя обособленными и удаленными от процесса обучения [4].

При этом следует учитывать и риски нарушения прав граждан. М. Б. Добробаба справедливо указывает, что «наиболее актуальным в контексте исследуемой проблематики является проблема защиты одного из значимых прав человека – права на неприкосновенность частной жизни и конфиденциальность личной информации при использовании ИИ. Следует отметить, что особенностью функционирования технологий ИИ является способность накапливать и задействовать крупные массивы данных, в которые входит и личная информация. Обработка персональных данных обучающихся потребовалась для организации учебного процесса в дистанционном формате. Как показывает практика, с увеличением масштабов собираемой и обрабатываемой информации возрастает риск нарушения прав человека на неприкосновенность частной жизни и конфиденциальность личной информации» [5].

Законодательная база должна тщательно проработать и учесть возможные угрозы. Особенно критично пересмотреть положения о конфиденциальности персональных данных и неприкосновенности личного пространства граждан при внедрении ИИ, включая образовательную сферу.

Было бы ошибочно рассматривать искусственный интеллект исключительно в негативном свете. Российские университеты уже оценили преимущества нейронных сетей и официально разрешили студентам использовать некоторые их функции, признавая многочисленные достоинства этих технологий.

В НИУ ВШЭ внедрена автоматизированная система надзора, известная как киберпрокторинг. Эта технология осуществляет мониторинг во время дистанционных вступительных испытаний, гарантируя самостоятельное выполнение заданий студентами. Система способна определять присутствие посторонних в кадре, анализировать направление взгляда, экзаменуемого и регистрировать любые отклонения от правил. Записи с подозрительной активностью впоследствии подвергаются ручной проверке специалистами-прокторами для окончательного установления факта нарушения.

Давайте обратим внимание на юридические пробелы в законодательстве об образовании РФ, требующие заполнения. Вопрос применения искусственного интеллекта в академической среде остаётся неурегулированным как для обучающихся, так и для педагогов. Особенно актуальна проблема легитимности использования ИИ при подготовке дипломных работ.

Мы полагаем, что технологии типа Chat GPT могут найти свое место в образовательной сфере, однако их применение должно быть регламентировано четкими границами, не подрывающими фундаментальные цели и принципы образовательной системы.

В научных исследованиях и дипломных проектах применение искусственного интеллекта, такого как Chat GPT, подрывает саму суть академической деятельности. Оценка квалификации выпускника становится невозможной, когда основное содержание или ключевые идеи генерируются машиной, а не являются результатом собственного анализа литературы и проблемного поля. Подобная практика не только лишает работу оригинальности, но и полностью обесценивает процесс научного творчества, превращая студента в простого посредника между ИИ и экзаменационной комиссией. Истинное авторство в таких случаях принадлежит алгоритму, а не человеку, что делает использование подобных инструментов недопустимым с точки зрения академической этики.

Применение ИИ в академических публикациях превращает их в бессмысленную трату ресурсов. Отсутствие новаторских идей и актуальных исследовательских вопросов характеризует работы, созданные с помощью искусственного интеллекта. Системы вроде Chat GPT лишь компилируют существующую в сети информацию по заданной тематике, не привнося оригинального вклада. Массовое внедрение таких технологий в научном сообществе неизбежно приведет к штампованию однотипных материалов, лишенных интеллектуальной ценности и исследовательской глубины.

Специфический федеральный акт «Об ИИ» требует неотложной разработки и утверждения. В документе необходимо четко установить юридическую дефиницию искусственного интеллекта, прояснить его взаимосвязь с родственными концепциями (включая нейронные сети и GPT-чаты), определить юридический статус данной технологии в социальном контексте. Законодательная база должна также структурировать контролирующие инстанции, ответственные за мониторинг использования нейросетей в рамках приемлемых границ. Подобная регламентация возможностей и ограничений применения ИИ значительно снизит риск неконтролируемого развития этих технологий без человеческого надзора.

Поскольку наше исследование концентрируется преимущественно на образовательной сфере, мы разработали предложения по модификации Федерального закона № 273-ФЗ от 29.12.2012 «Об образовании в Российской Федерации». Предлагается расширить законодательный акт, включив новую главу «Искусственный интеллект в образовательном процессе». Эта глава должна содержать ряд статей, в том числе определяющую юридический статус ИИ-технологий в образовании и потенциальные области их применения в учебном процессе.

Использование искусственного интеллекта при подготовке учебных заданий требует четкой регламентации. Наша позиция заключается в том, что выпускные квалификационные работы не должны создаваться с применением Chat GPT. Подобная практика лишает исследование оригинальности и научной ценности. Более того, когда студент поручает нейросети написание своей работы, он упускает возможность развить необходимые профессиональные навыки и компетенции. В результате становится невозможным объективно оценить реальный уровень подготовки выпускника. Таким образом, второй пункт нашего предложения направлен на установление границ допустимого применения нейронных сетей в академической среде.

Пристатейный библиографический список

1. Абдулкадыров У. У., Абдулмукминова Ф. М. Искусственный интеллект в науке и образовании: актуальные тренды // Тенденции развития науки и образования. - 2024. - № 110-17. - С. 25-27.
2. Безуглый Т. А., Ершова М. Е. Использование текстовых нейросетей и искусственного интеллекта в учебных работах студентов // Проблемы современного образования. - 2023. - № 5. - С. 206-216.
3. Борисова И. В. Образование 2.0: как искусственный интеллект меняет правила игры в образовании? // Наука молодых: вызовы гуманитарной науки: материалы Всероссийской научной школы с международным участием для молодых исследователей, 19-21 сентября 2024 года. - Абакан: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова», 2024. - С. 24-28.
4. Власова Е. З., Гончарова С. В. Образовательная программа «Информатика и искусственный интеллект в образовании» для подготовки преподавателей среднего профессионального образования // Современное образование: традиции и инновации. - 2024. - № 2. - С. 14-17.
5. Влияние искусственного интеллекта на образование. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://fgosvo.ru/uploadfiles//method/Report_II_education_2024.pdf (дата обращения: 05.03.2025).
6. Заяц Е. А. Использование программного обеспечения на базе искусственного интеллекта в сфере образования // Components of Scientific and Technological Progress. - 2023. - № 10 (88). - С. 73-85.
7. Зимин Ю. С., Каспаров И. В., Строганов Д.А. Искусственный интеллект в образовании: поиск сбалансированной модели использования // Russian Journal of Education and Psychology. - 2024. - Т. 15, № 1-2. - С. 418-423.
8. Перспективные направления правового регулирования искусственного интеллекта: монография / Под ред. А. В. Минбалеева. - Саратов: Амирит, 2023. - 442 с.
9. Платов А. В., Гаврилина Ю. И. Искусственный интеллект в образовании: эволюция и барьеры // Научный результат. Педагогика и психология образования. - 2024. - Т. 10, № 1. - С. 26-43.
10. Резаев А. В., Трегубова Н. Д. Chat GPT и искусственный интеллект в университетах: какое будущее нам ожидать? // Высшее образование в России. - 2023. - Т. 32, № 6. - С. 19-37.

DOI 10.46320/2073-4506-2025-4-203-322-327

АНАНЬЕВ Антон Алексеевич
аспирант кафедры конкурентного права, Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

ПРИМЕНЕНИЕ МЕХАНИЗМОВ ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ ЗА НАРУШЕНИЕ АНТИМОНОПОЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИКЕ

Статья посвящена анализу отдельных аспектов юридической ответственности и применения специальных мер государственного воздействия и реагирования за нарушение антимонопольного законодательства в сфере электроэнергетики. В статье рассматривается общая характеристика и предлагается классификация механизмов правового воздействия (включая привлечение к юридической ответственности) к лицам, совершившим либо потенциально способных совершить нарушение антимонопольного законодательства в электроэнергетической сфере. Предлагается также классификация административных правонарушений в рассматриваемой сфере, а также описываются особенности отдельных видов юридической ответственности и форм принудительного воздействия применительно к рынкам электрической энергии (мощности).

Ключевые слова: антимонопольное регулирование, антимонопольный контроль, правонарушение, механизмы правового воздействия, юридическая ответственность, рынки электрической энергии (мощности).

ANANJEV Anton Alexeevich
postgraduate student of Competition law sub-faculty, O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

APPLICATION OF LAW ENFORCEMENT MECHANISMS FOR VIOLATIONS OF ANTITRUST LEGISLATION IN THE ELECTRIC POWER INDUSTRY

The article is dedicated to specific aspects of legal liability and the application of special state enforcement and response measures for violations of antitrust legislation in the electric power sector. The article examines the general characteristics and proposes a classification of legal enforcement mechanisms applicable to entities that have committed or are potentially capable of violation of antitrust legislation in the electric power industry. The article also introduces a classification of administrative offenses in this field and describes the distinctive features of various types of legal liability and forms of coercive enforcement applicable to electric energy (capacity) markets.

Keywords: antitrust regulation, antitrust control, offense, legal enforcement mechanisms, legal liability, electric energy and capacity markets.

Электроэнергетика является одной из ключевых отраслей экономики, подотраслью топливно-энергетического комплекса, обеспечивающей функционирование иных сфер экономики и жизнедеятельность общества в целом. В условиях рыночной экономики, где конкуренция играет важную роль в обеспечении эффективного распределения ресурсов, антимонопольное законодательство становится необходимым инструментом для поддержания справедливой конкурентной среды. Важность соблюдения антимонопольных норм в сфере электроэнергетики обусловлена не только экономическими, но и социальными аспектами, так как от стабильности и доступности электроэнергии зависит качество жизни граждан и развитие деловой среды.

В связи с тем, что электроэнергетика является стратегически значимой отраслью, от которой зависит функционирование многих других секторов экономики, институт юридической ответственности за нарушение антимонопольного законодательства применительно к электроэнергетической сфере играет особую роль. Необходимость своевременного реагирования на нарушения, а также комплексный подход к их предотвращению служат основой для устойчивого развития рынков электрической энергии (мощности).

За нарушение антимонопольного законодательства в электроэнергетике лицо, совершившее такое правонарушение, потенциально может быть привлечено к одному из следующих видов юридической ответственности:

1) гражданско-правовая ответственность (характеризуется частноправовым аспектом, антимонопольный орган участия в реализации данной меры ответственности не принимает);

2) административная ответственность, предусматривающая специальные составы административных правонарушений, характерные для электроэнергетических рынков;

3) уголовная ответственность.

При этом, помимо юридической ответственности, в качестве негативного последствия совершения антимонопольного правонарушения, в том числе применительно к сфере электроэнергетики следует выделить особую меру штрафного характера – специально установленный антимонопольным законодательством механизм, посредством которого осуществляется восстановление нарушенных прав в административном порядке, а именно путем взыскания в федеральный бюджет дохода, полученного вследствие нарушения антимонопольного законодательства.

Указанная мера, как отмечал Конституционный Суд Российской Федерации в своем постановлении от 24.06.2009 № 11-П по делу о проверке конституционности положений пунктов 2 и 4 статьи 12, статей 221 и 231 Закона РСФСР «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» и статей 23, 37 и 51 Федерального закона «О защите конкуренции» в связи с жалобами ОАО «Газэнергосеть» и ОАО «Нижнекамскнефтехим»[1], «по основаниям и процедуре применения, а также по своим правовым последствиям является специфической формой принудительного воздействия на участников охраняемых антимонопольным законодательством общественных отношений». Данная мера

1 Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision29319.pdf.

воздействия на субъекта правонарушения, как указал высший судебный орган конституционного контроля, «призвана обеспечивать восстановление баланса публичных и частных интересов путем изъятия доходов, полученных хозяйствующим субъектом в результате злоупотреблений, и компенсировать таким образом не подлежащие исчислению расходы государства, связанные с устранением негативных социально-экономических последствий нарушения антимонопольного законодательства».

Здесь, на наш взгляд, стоит также отметить, что анализ в совокупности положений пункта 5 статьи 25 Федерального закона от 26.03.2003 № 35-ФЗ «Об электроэнергетике»[2] (далее – Закон об электроэнергетике) и пункта 25 Правил осуществления антимонопольного регулирования и контроля в электроэнергетике[3] позволяет сделать вывод, что в отношении субъектов оптового рынка электрической энергии и мощности (далее – оптовый рынок), осуществляющих монополистическую деятельность, включая манипулирование ценами на электрическую энергию и (или) мощность на оптовом рынке (далее – манипулирование ценами), а также в рамках государственного контроля экономической концентрации для целей предупреждения и недопущения манипулирования ценами посредством выдачи антимонопольным органом соответствующего предписания могут быть также применены особые меры ограничительного характера, обязывающие субъектов оптового рынка понести негативные последствия за поведение, причиняющее (либо способное причинить) вред конкуренции и интересам неопределенного круга лиц.

К таким мерам относятся: государственное регулирование цен (тарифов); ограничение цен в ценовых заявках; введение ограничения в виде условия о подаче только ценопринимающих заявок; обязательство участника оптового рынка предоставить на оптовый рынок в максимально возможном объеме всю электрическую энергию и мощность, вырабатываемые с использованием принадлежащего ему генерирующего оборудования.

В случае же неоднократного установления факта осуществления субъектами оптового рынка или розничных рынков электрической энергии монополистической деятельности, включая манипулирование ценами (как особый вид злоупотребления хозяйствующим субъектам своим доминирующим положением, характерный исключительно для сферы электроэнергетики), антимонопольный орган согласно пункту 6 статьи 25 Закона об электроэнергетике наделен правом обращения с иском в арбитражный суд о принудительном разделении хозяйствующего субъекта. Однако стоит отметить, что данная мера реагирования, правом на инициирование которой наделен антимонопольный орган, не является специальной мерой, характерной исключительно для целей антимонопольного контроля электроэнергетике, а может быть применена в рамках государственного контроля за соблюдением антимонопольного законодательства на различных товарных рынках в соответствии со статьей 38 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции»[4].

При этом, как отмечается в научной литературе [1, с. 12-16], данная мера реагирования в сфере электроэнергетики, равно как и поименованная в Законе об электроэнергетике особая мера ограничительного характера в виде установления в отношении субъекта оптового рынка государственного регулирования цен (тарифов) не нашли своего отражения в правоприменительной практике и до настоящего времени в отношении субъектов электроэнергетических рынков не применялись.

С учетом изложенного и в целях совершенствования отдельных доктринальных аспектов антимонопольного регулирования и контроля в электроэнергетике, учитывая особенности развития антимонопольного законодательства и современные аспекты правовой мысли, представляется справедливым предложить классификацию механизмов правового воздействия на лиц, совершающих (потенциально способных совершить) антимонопольные правонарушения на электроэнергетических рынках, которые позволяют восстановить баланс публичных и частных интересов:

1. Привлечение лица к юридической ответственности (гражданско-правовой, административной, уголовной).

2. Применение к хозяйствующему субъекту особой меры штрафного характера (формы принудительного воздействия) – специально установленного антимонопольным законодательством механизма, посредством которого осуществляется восстановление нарушенных прав в административном порядке, а именно путем взыскания в федеральный бюджет дохода, полученного вследствие нарушения антимонопольного законодательства.

3. Применение к субъекту оптового рынка особых мер ограничительного характера, закрытый перечень которых определяется Законом об электроэнергетике, обязывающих такого субъекта понести негативные последствия за поведение, причиняющее (либо способное причинить) вред конкуренции на указанном рынке и интересам неопределенного круга лиц.

4. Применение в отношении хозяйствующего субъекта, систематически осуществляющего монополистическую деятельность на электроэнергетических рынках, особой меры реагирования посредством реализации антимонопольным органом права на обращение с иском в арбитражный суд о принудительном разделении такого хозяйствующего субъекта.

Стоит отметить, что отдельными исследователями науки конкурентного права также высказываются предложения о выделении ответственности за нарушение антимонопольного законодательства в качестве особого вида юридической ответственности, а именно самостоятельного вида публичной ответственности [2, с. 48-59].

Однако указанная позиция не учитывает, что, например, гражданско-правовая ответственность за нарушение антимонопольного законодательства носит не публичный, а частноправовой характер, и выделение института ответственности за нарушение антимонопольного законодательства исключительно в качестве вида публичной юридической ответственности представляется не в полной мере учитывающим специфику данного института.

На наш взгляд, понятие ответственности за нарушение антимонопольного законодательства, в том числе в электроэнергетике, следует рассматривать, в первую очередь, как составное понятие, включающее в себя как виды публичной юридической ответственности – административную и уголовную, так и частно-правовой юридической ответственности – гражданско-правовой ответственности.

В качестве характеризующей гражданско-правовую ответственность за нарушение антимонопольного законодательства, в том числе на рынках электрической энергии (мощности), следует выделить норму части 3 статьи 37 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкурен-

2 СЗ РФ. – 2003. – № 13. – Ст. 1177.

3 Утверждены постановлением Правительства Российской Федерации от 17.12.2013 № 1164 // СЗ РФ. – 2013. – № 51. – Ст. 6874.

4 СЗ РФ. – 2006. – № 31 (часть I). – Ст. 3434.

ции» (далее – Закон о защите конкуренции), согласно которой лица, права и интересы которых нарушены в результате нарушения антимонопольного законодательства, вправе обратиться в установленном порядке в суд, арбитражный суд с исками.

Анализ указанной нормы позволяет сделать вывод о наличии следующих форм возможной защиты субъективных гражданских прав в рассматриваемом случае:

предъявление иска о восстановлении нарушенных прав;

предъявление иска о возмещении убытков, включая упущенную выгоду;

предъявление иска о возмещении вреда, причиненного имуществу.

Применительно к электроэнергетике, очевидно, что иски о возмещении вреда, причиненного имуществу, особой актуальности не представляют. В рассматриваемом случае указанная категория исков является весьма специфической, в том числе с учетом особенностей электрической энергии (мощности), как товара и общественного блага.

Исходя из анализа положений законодательства Российской Федерации об электроэнергетике и с учетом положений части 3 статьи 37 Закона о защите конкуренции, к лицам, имеющим право на возмещение убытков, причиненных нарушением антимонопольного законодательства, относятся субъекты оптового и розничного рынка электрической энергии (их конкуренты и контрагенты), а также конечные потребители электрической энергии.

Ключевым разъяснительным актом высшей отечественной судебной инстанции по вопросам применения антимонопольного законодательства – постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 04.03.2021 № 2[5], установлено, что подсчет убытков от антимонопольного нарушения (применительно, например, к электроэнергетике) возможно осуществлять посредством:

сравнения цен до, в период или после нарушения;

анализа показателей финансового результата (рентабельности по отрасли);

использования иных инструментов анализа рынка, в том числе его структуры.

Антимонопольный орган с учетом положений статьи 15 Гражданского кодекса Российской Федерации под убытками понимает расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, реальный ущерб (утрата или повреждение имущества), а также недополученные доходы, которые лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота (т.н. упущенная выгода)[6].

Предметом доказывания по искам о взыскании убытков, согласно упомянутому разъяснению антимонопольного органа, являются следующие факты:

совершение конкретным лицом противоречащего антимонопольному законодательству действия или бездействия;

наличие у истца убытков и их размер;

причинно-следственная связь между противоправным поведением и убытками истца.

Отсутствие доказательств наличия одного из указанных предполагаемых фактов может привести к отказу в удовлетворении иска[7].

Таким образом, в случае если в результате действий (бездействия) субъектов оптового и розничных рынков возникло нарушение антимонопольного законодательства, вред и убытки от такого нарушения подлежат возмещению, а нарушенные права – восстановлению в установленном порядке.

Стоит отметить, что реализация данной меры ответственности, согласно позиции антимонопольного органа, не предполагает участия антимонопольного органа в защите субъективных прав потерпевшего, в том числе путем выдачи хозяйствующему субъекту соответствующего предписания[8].

Вместе с тем, согласно позиции Верховного Суда Российской Федерации, не исключается возможность обращения лица за защитой своих прав в судебном порядке в отсутствие соответствующего обращения в антимонопольный орган[9].

При этом отметим, что гражданско-правовая ответственность также возможна в форме привлечения соучастников коллективного нарушения антимонопольного законодательства к солидарной гражданско-правовой ответственности [3, с. 25-27].

В данном случае значимым аспектом является процедура установления факта соответствующего нарушения антимонопольного законодательства.

Так, например, если иск предъявлен в суд после окончания рассмотрения антимонопольным органом дела, в рамках производства по которому установлен факт соответствующего нарушения антимонопольного законодательства, то истец освобождается от доказывания факта нарушения ответчиком антимонопольного законодательства [3, с. 25-27].

В ином случае бремя доказывания факта нарушения ответчиком антимонопольного законодательства ложится на истца.

При этом ответчик, даже в случае, если антимонопольным органом установлен факт соответствующего нарушения, может представлять доказательства в суд, отвергающие данный вывод[10].

Что касается административной ответственности, как вида юридической ответственности за нарушение антимонопольного законодательства, то необходимо отметить следующее.

В целом, исходя из смысла законодательства Российской Федерации об административных правонарушениях (статья 2.1 КоАП), административным правонарушением признается противоправное, виновное действие (бездействие), за которое законами установлена административная ответственность.

В правовой науке находит свое отражение позиция, что административная ответственность и механизмы ее реализации нацелены, в первую очередь, на психологическое воздействие на потенциальных нарушителей с целью недопущения совершения запрещаемых деяний [4, с. 48-57].

5 Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – № 5, май. – 2021.

6 Разъяснение Президиума ФАС России от 11.10.2017 № 11 «По определению размера убытков, причиненных в результате нарушения антимонопольного законодательства» (утв. протоколом Президиума ФАС России от 11.10.2017 № 20).

7 Разъяснение Президиума ФАС России № 6 «Доказывание и расчет убытков, причиненных нарушением антимонопольного законодательства» (утв. протоколом Президиума ФАС России от 25.05.2016 № 7).

8 Доклад ФАС России с руководством по соблюдению обязательных требований, дающим разъяснение, какое поведение является правомерным. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://fas.gov.ru/documents/615610.

9 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.03.2021 № 2 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства».

10 Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 13.02.2023 № Ф09-10298/22 по делу № А50-6263/2022.

Отдельными авторами также отмечается, что административные правонарушения, в том числе в сфере электроэнергетики можно определить в качестве деликтов, в том числе административно-наказуемых деликтов [5, с. 24-32].

С учетом особенностей рынков электрической энергии (мощности) и исходя из субъектного состава соответствующих административных правонарушений, в качестве основных субъектов правонарушений на таких рынках выступают юридические лица (должностные лица).

Вина юридического лица в совершении административного правонарушения устанавливается посредством подтверждения возможности соблюдения им правил и норм, если им также не были приняты все зависящие от него меры по их соблюдению.

В целом, применительно к различным видам юридической ответственности Конституционный суд Российской Федерации отмечает необходимость наличия вины, как основополагающего признака состава правонарушения, бремя доказывания которой возлагается по общему правилу на уполномоченные органы государства и их должностных лиц. Понятие вины (виновности) является универсальной правовой категорией, характерной для всех видов юридической ответственности, и представляет собой пределы, в которых лицо может нести ответственность сообразно конституционным принципам равенства, справедливости и соразмерности[11].

Однако до настоящего времени нормативно не установлена обязанность доказывания антимонопольным органом вины субъекта нарушения антимонопольного законодательства при установлении самого факта нарушения антимонопольного законодательства (то есть, в рамках производства по делу о нарушении антимонопольного законодательства), а наличие вины не связывается с возможностью наступления для этого субъекта в дальнейшем негативных последствий в виде привлечения к административной ответственности за нарушение антимонопольного законодательства в рамках производства по делу об административном правонарушении [6, с. 84-92]. Зачастую необходимость доказывания отсутствия вины и должного соблюдения требований антимонопольного законодательства ложится бременем исключительно на субъекта правонарушения при отсутствии корреспондирующей обязанности для антимонопольного органа [7, с. 10-15].

Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях[12] устанавливаются отдельные составы административных правонарушений за нарушение антимонопольного законодательства в сфере электроэнергетики.

В качестве примера специального административного правонарушения, характерного только для сферы электроэнергетики, возможно рассмотреть нарушение стандартов раскрытия информации субъектами оптового рынка электрический энергии и мощности, розничных рынков электрической энергии (статья 9.15 КоАП).

Исходя из содержания диспозиции данной статьи в совокупности с положениями стандартов раскрытия информации субъектами оптового и розничных рынков электрической энергии, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 21.01.2004 № 24, соответствующее административное правонарушение заключается, например, в несвоевременном опубликовании, предоставлении или направлении субъектом оптового или розничных рынков электрической энергии (мощности) своей годовой финансовой (бухгалтерской) отчетности или аудиторского заключения, составленного по результатам аудиторской проверки такого субъекта.

Объект данного административного правонарушения ФАС России рассматривает в посягательстве на общественные отношения в сфере прав граждан и юридических лиц на получение информации о деятельности субъектов рынков электрической энергии и мощности[13]. Административная ответственность в случае совершения данного административного правонарушения возникает за нарушение требований, а не за причинение каких-либо материальных последствий [8, с. 200-203], то есть состав данного административного правонарушения является формальным.

В качестве еще одного специфического административного правонарушения на рынках электрической энергии (мощности) следует выделить нарушение правил (порядка обеспечения) недискриминационного доступа, порядка подключения (технологического присоединения) (статья 9.21 КоАП).

Диспозиция указанной нормы предусматривает административную ответственность за нарушение субъектом естественной монополии порядка подключения (технологического присоединения) к различным инфраструктурным объектам[14].

Стоит отметить, что нарушение антимонопольного законодательства электросетевыми организациями при осуществлении технологического присоединения остается одним из самых распространенных видов административных правонарушений в сфере электроэнергетики[15].

Исходя из анализа судебной практики, представляется, что ответственность за указанные действия (бездействие) особым антимонопольным аспектом, требующим дополнительного уточнения, не обладает. Для данного правонарушения характерно посягательство на права и интересы наиболее уязвимых лиц в сфере энергоснабжения.

В качестве специальных видов административных правонарушений в электроэнергетике выступают также нарушение порядка полного и (или) частичного ограничения режима потребления электрической энергии (статья 9.22 КоАП), манипулирование ценами на оптовом и (или) розничных рынках электрической энергии (мощности) (статья 14.31.2 КоАП).

В качестве же общих составов административных правонарушений, характерных в том числе для сферы электроэнергетики, выступают злоупотребление доминирующим положением на товарном рынке (статья 14.31 КоАП), заключение ограничивающего конкуренцию соглашения, осу-

11 Постановление Конституционного Суда РФ от 27.03.2023 № 11-П по делу о проверке конституционности части 2 статьи 2.1 и статьи 12.32 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой государственного бюджетного учреждения города Москвы «Автомобильные дороги Зеленоградского административного округа // Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision670708.pdf.

12 СЗ РФ. – 2002. – № 1 (часть I). – Ст. 1.

13 Постановление ФАС России от 12.07.2017 по делу № 4-9.15-1072/00-21-17 и постановление ФАС России от 05.07.2017 по делу № 4-9.15-1099/00-21-17.

14 Письмо ФАС России от 08.12.2021 № ВК/104921/21 «О направлении Методических рекомендаций».

15 Королев В. Г. Актуальные вопросы антимонопольного регулирования на рынках электрической энергии (мощности). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://fas.gov.ru/documents/575132.

ществление ограничивающих конкуренцию согласованных действий, координация экономической деятельности (статья 14.32 КоАП) и нарушение порядка ценообразования (статья 14.6 КоАП).

В связи с этим предлагается следующая классификация составов административных правонарушений за нарушение антимонопольного законодательства в электроэнергетике:

а) общие составы административных правонарушений, характерные для различных товарных рынков, например, предусмотренные статьями 14.6, 14.31 и 14.32 КоАП;

б) специальные составы административных правонарушений, характерные для сферы электроэнергетики, предусмотренные статьями 9.15, 9.21, 9.22 и 14.31.2 КоАП;

в) процессуально-административные составы, такие как:

воспрепятствование законной деятельности должностного лица антимонопольного органа по проведению проверок соблюдения требования о запрете заключения недопустимого в соответствии с антимонопольным законодательством Российской Федерации соглашения (статья 19.4 КоАП);

невыполнение в установленный срок законного решения, предписания федерального антимонопольного органа, его территориального органа (статья 19.5 КоАП);

непредставление ходатайства, уведомлений (заявлений), сведений (информации) в антимонопольный орган (статья 19.8 КоАП);

непредоставление сведений или предоставление заведомо ложных сведений о своей деятельности субъектами естественных монополий (статья 19.8.1 КоАП).

В части, касающейся уголовной ответственности за нарушение антимонопольного законодательства Российской Федерации в электроэнергетике, стоит отметить следующее.

Уголовная ответственность рассматривается в качестве наиболее жесткого варианта защиты публичных интересов при нарушении хозяйствующими субъектами установленных запретов[16].

Помимо экономических преступлений уголовным законом также установлена специальная норма, охраняющая установленные законодательством Российской Федерации о защите конкуренции правоотношения[17].

Такой специальной нормой уголовного закона, которой устанавливается уголовная ответственность по факту нарушения антимонопольного законодательства, выступает статья 178 Уголовного кодекса Российской Федерации[18] (далее – УК РФ).

Согласно диспозиции части 1 указанной статьи УК РФ, преступлением признается только деяние, выразившееся в последствии в виде ограничения конкуренции[19] и совершенное путем заключения картельного соглашения, которое, при этом, также повлекло за собой в качестве последствий причинение крупного ущерба (16 миллионов рублей) либо извлечение дохода в крупном размере (80 миллионов рублей).

В качестве квалифицированных составов данного преступления рассматривается названное деяние, повлекшее за собой в качестве последствия повышение, снижение или поддержание цен на обязательных торгах, причинение особого крупного ущерба (47,5 миллионов рублей) или извлечения дохода в особо крупном размере (395 миллионов рублей), а также совершенное лицом с использованием своего служебного положения, организованной группой, с применением насилия или угрозой его применения, либо сопряженное с уничтожением или повреждением имущества либо угрозой его уничтожения или повреждения.

Норма статьи 178 УК РФ является бланкетной, а предусмотренные ей составы преступления материальными.

Для полноценного изучения сути статьи 178 УК РФ необходимо рассмотреть данную норму в динамике развития правоотношений.

Как отмечается в доктрине, уголовно-правовые меры, в частности, применение статьи 178 УК РФ, не свидетельствуют об эффективной защите добросовестной конкуренции. Неэффективность данной нормы привела к декриминализации деяний, в разное время подлежавших квалификации по указанной статье [9, с. 101-124].

В настоящее время статьей 178 УК РФ (в редакции Федерального закона от 08.03.2015 № 45-ФЗ «О внесении изменений в статью 178 Уголовного кодекса Российской Федерации»[20]) криминализируется только заключение между хозяйствующими субъектами-конкурентами ограничивающего конкуренцию соглашения (картеля).

Доктрина рассматривает данное деяние в качестве преступления, выраженного в достижении картеля, участии в нем, а также фактической реализации картеля[21].

В редакции Федерального закона от 06.12.2011 № 401-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции» и отдельные законодательные акты Российской Федерации»[22], помимо картеля, криминализировалось также злоупотребление доминирующим положением (в части установления и (или) поддержания монопольно высокой или монопольно низкой цены товара, необоснованного отказа или уклонения от заключения договора, ограничения доступа на рынок).

В редакции Федерального закона от 07.12.2011 № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»[23], преступлением по рассматриваемой статье УК РФ также считалось, помимо изложенных выше действий (бездействия), осуществление ограничивающих конкуренцию согласованных действий.

В редакции Федерального закона от 08.12.2003 № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации»[24] к криминализируемым по статье 178 УК РФ деяниям относились:

16 Егорова М. А. Правовые режимы антиконкурентных действий // СПС «Консультант Плюс». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&base=CMB&n=18969&dst=100002#PyFCnhUbIE2LuMH2.

17 Ильин А. Е., Горенская Е. В., Васильев Э. А. Экономические преступления в электроэнергетике в условиях функционирования оптового и розничного рынков энергии // Научный портал МВД России. – 2019. – № 1 (45). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskie-prestupleniya-v-elektroenergetike-v-usloviyah-funktsionirovaniya-optovogo-i-roznichnogo-rynkov-energii.

18 СЗ РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

19 Ограничение конкуренции, как последствие рассматриваемого преступления и признак его объективной стороны обозначается в методических рекомендациях об организации взаимодействия ФАС России с заинтересованными правоохранительными органами по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений, связанных с ограничением конкуренции (статья 178 Уголовного кодекса Российской Федерации), утвержденных приказом ФАС России от 08.08.2019 № 1073/19.

20 СЗ РФ. – 2015. – № 10. – Ст. 1415.

21 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://zakon.ru/blog/2020/1/10/o_nekotoryh_voprosah_primeneniya_st_178_uk_rf_v_svete_metodicheskih_rekomendacij_fas_rossii_i_tekusc.

22 СЗ РФ. – 2011. – № 50. – Ст. 7343.

23 СЗ РФ. – 2011. – № 50. – Ст. 7362.

24 СЗ РФ. – 2003. – № 50. – Ст. 4848.

ограничение или устранение конкуренции путем установления или поддержания монопольно высокий или монопольно низких цен;

раздел рынка;

ограничение доступа на рынок;

устранение с рынка других субъектов экономической деятельности;

установление или поддержание единых цен.

В первоначальной редакции УК РФ и вплоть до 2003 г. криминализированы были монополистические действия, в том числе совершенные путем установления монопольно высоких или монопольно низких цен, ограничение конкуренции путем раздела рынка, ограничение доступа на рынок, устранение с него других субъектов.

В действующей редакции статья 178 УК РФ, как видится, не предполагает возможности привлечения к уголовной ответственности физических лиц за противоправные деяния в сфере электроэнергетики, кроме как в случае установления их вины в заключении хозяйствующими субъектами (субъектами оптового и (или) розничных рынков электрической энергии (мощности)) ограничивающих конкуренцию соглашений (картелей) при наличии указанных в уголовном законе последствий.

Стоит отметить при этом, что картели чаще всего выявляются на рынке поставок лекарственных средств и медицинских изделий, а также на рынках строительных и ремонтных работ (в первую очередь, в отношении объектов дорожного хозяйства), а их особенностью является то, что такое преступление совершается на электронных торгах[25] [10, с. 68-72].

Однако в части, касающейся деятельности хозяйствующих субъектов на оптовом и розничных рынках электрической энергии (мощности), заключение ограничивающих конкуренцию картельных соглашений нельзя признать характерным правонарушением ввиду того, что соответствующая практика привлечения к ответственности за совершение такого вида правонарушения на данной категории рынков, фактически, отсутствует.

Имеющаяся крайне незначительная правоприменительная практика антимонопольного органа по вопросу признания электроэнергетических компаний нарушившими антимонопольное законодательство Российской Федерации в рамках осуществления деятельности на оптовом и розничных рынках электрической энергии (мощности) посредством заключения картельного соглашения не нашла своей поддержки со стороны арбитражных судов[26].

Таким образом, действующая редакция статьи 178 УК РФ применительно к рынкам электрической энергии (мощности), несмотря на формальное отсутствие препятствий к реализации ее положений в отношении запрещенных уголовным законом противоправных деяний на данных рынках, выступает на данный момент, скорее, «спящей» нормой, нежели эффективно функционирующим механизмом уголовно-правовой охраны общественных отношений в сфере электроэнергетики.

Совершенствование же инструментов уголовно-правовой политики в сфере противодействия правонарушениям на электроэнергетических рынках, на наш взгляд, влечет за собой необходимость корректировки действующей редакции статьи 178 УК РФ.

В связи с этим представляется целесообразным рассмотреть вопрос о расширении диспозиции статьи 178 УК РФ и дополнении ее таким способом совершения преступления, как неоднократное злоупотребление доминирующим положением на рынках электрической энергии (мощности) посредством манипулирования ценами (как особого вида злоупотребления доминирующим положением, характерного только для электроэнергетических рынков).

В целом же, рассмотренные в рамках настоящей статьи механизмы правового воздействия на лиц, совершающих либо потенциально способных совершить антимонопольные правонарушения на рынках электрической энергии (мощности), в том числе и привлечение к ответственности за нарушение антимонопольного законодательства в электроэнергетике, должны оставаться динамичными и учитывать изменения в экономической ситуации и конъюнктуры рынков.

При этом, на наш взгляд, основное внимание правоприменителю следует уделять не только применению данных механизмов, но и профилактической работе, нацеленной на развитие проконкурентного поведения всех участников рынка.

Пристатейный библиографический список

1. Васильев Д. А. Система государственного антимонопольного контроля в сфере электроэнергетики: 20 лет Закону об электроэнергетике, итоги // Юрист. – 2023. – № 4.
2. Морозова Н. А. Особенности административной ответственности за нарушение антимонопольного законодательства // Современная конкуренция. – 2014. – № 5 (47).
3. Егорова М. А. Особенности зарубежного опыта применения солидарной ответственности при коллективном нарушении антимонопольного законодательства // Предпринимательское право. – 2024. – № 1.
4. Тотьев К. Ю. Административная ответственность за нарушение антимонопольного законодательства: две модели санкций в одном кодексе // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2009. – № 5.
5. Ландерсон Н. В. Административные деликты, отнесенные к компетенции судов // Административное право и процесс. – 2023. – № 1.
6. Ананьев А. А. Отдельные аспекты доказывания злоупотреблением доминирующим положением на рынках электрической энергии (мощности) // Образование и право. – 2024. – № 11.
7. Башлаков-Николаев И. В. Злоупотребление доминирующим положением на товарном рынке: проблемы административной ответственности // Российское конкурентное право и экономика. – 2019. – № 3 (19).
8. Сайдулаева Л. М., Шамрин М. Ю. Административная ответственность за нарушение стандартов раскрытия информации субъектами оптового рынка электрической энергии и мощности, розничных рынков электрической энергии // Проблемы экономики и юридической практики. – 2019. – № 4.
9. Тесленко А. В. Долгий путь к эффективной уголовно-правовой защите в современной России: 30 лет реформ // Закон. – 2021. – № 5.
10. Тенишев А. П. Следствие охотнее возбуждает дела по статье 178 УК, когда есть сопутствующие составы преступлений // Уголовный процесс. – 2020. – № 10.

25 См. доклад ФАС России по правоприменительной практике, статистике типовых и массовых нарушений обязательных требований с разъяснением за 2016 год; см. также кассационное определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 10.09.2024 № 77-1116/2024, апелляционное определение Самарского областного суда от 20.04.2022 № 22-1629/2022 и др.

26 См. напр. апелляционное постановление Шестнадцатого арбитражного апелляционного суда от 17.10.2014 по делу № А25-2176/2013.

ГАДЖИЕВА Айша Ансаровна
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и государственно-правовых дисциплин, старший научный сотрудник НИИ УЭПС, Дагестанский государственный университет народного хозяйства, г. Махачкала

ЗАЛИБЕКОВ Магомед Пахрудинович
магистрант кафедры уголовного права и криминологии, Дагестанский государственный университет, г. Махачкала

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И МЕСТО ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ РАБОТ В СИСТЕМЕ НАКАЗАНИЙ

В настоящем научном исследовании поднимаются вопросы, связанные с таким видом наказания как принудительные работы Авторами акцентируется внимание на наиболее дискуссируемых в настоящее время аспектах данной проблематики. В их числе особое внимание уделяется юридической сущности принудительных работ, соотношению данного вида наказаний с другими видами в иерархии наказаний. Критически оценивается альтернативный лишению свободы статус исследуемого вида наказания, предлагается устранить противоречивость в регулировании принудительных работ, и исключить из норм уголовного закона положения, которыми данный вид наказания определен как заменяющий лишение свободы. Кроме того, указывается на необходимость увеличить число преступлений, в санкциях которых предусматриваются принудительные работы. Авторами сделан вывод, что принудительные работы по своему карательному потенциалу сближаются с наказаниями, связанным с изоляцией от общества. Поэтому принудительные работы – пограничное наказание, которое разделяет систему наказаний на связанные и не связанные с изоляцией от общества.

Ключевые слова: принудительные работы, альтернатива лишению свободы, назначение принудительных работ, условия отбывания наказания, место в системе наказаний, статистика принудительных работ.

GADZHIEVA Aysha Ansarovna
Ph.D. in Law, associate professor of Criminal law and state legal disciplines sub-faculty, senior researcher of the Research Institute of UEPS, Dagestan State University of National Economy, Makhachkala

ZALIBEKOV Magomed Pakhrudinovich
magister student of Criminal law and criminology sub-faculty, Dagestan State University, Makhachkala

THE LEGAL NATURE AND PLACE OF FORCED LABOR IN THE PENAL SYSTEM

This scientific study raises issues related to such a type of punishment as forced labor The authors focus on the most currently discussed aspects of this problem. Among them, special attention is paid to the legal essence of forced labor, the correlation of this type of punishment with other types in the hierarchy of punishments. The status of the type of punishment alternative to imprisonment is critically assessed, it is proposed to eliminate inconsistencies in the regulation of forced labor, and to exclude from the norms of criminal law the provisions by which this type of punishment is defined as a substitute for deprivation of liberty. In addition, it is pointed out that it is necessary to increase the number of crimes whose sanctions provide for forced labor. The authors conclude that forced labor in its punitive potential is close to punishment associated with isolation from society. Therefore, forced labor is a borderline punishment, which divides the system of punishments into those related to and those not related to isolation from society.

Keywords: forced labor, alternative to deprivation of freedom, assignment of forced labor, conditions of serving a sentence, place in the system of punishments, statistics of forced labor.

Принудительные работы — это относительно новый вид наказания, который, хотя и был включен в структуру уголовных наказаний в 2011 г., широко стал применяться с января 2017 года. Эффективность применения и назначения принудительных работ как вида наказания подтверждается увеличением его применяемости в судебной практике. Если в 2017 году вынесено только 588 судебных решений о назначении данного вида наказания, то уже в 2024 году их число возросло до более чем 66 тысяч. Анализируя удельный вес их применения, можно констатировать высокий уровень роста применяемости принудительных работ в судебной статистике, увеличения их доли носит стойкий и выраженный характер, по сравнению с 2023 года общее число приговоров, по которым назначены принудительные работы, возросло более чем в пять раз. Положительно характеризуя тенденцию расширения применения принудительных работ, министр юстиции Константин Чуйченко обоснованно предложил увеличить число составов преступлений, при совершении которых принудительные работы применяются как основной вид наказания[1]. С его позиций принудительные работы отличаются большей гуманностью, а их активное применение судами в последние годы уже привело к снижению рецидива, при этом доля рецидива после освобождения из мест лишения свободы относительно стабильна. (См. таблицу.)

Широкое обращение к применению принудительных работ в судебной практике выявило ряд проблемных аспектов. Учитывая известную новизну данного института, как в доктрине уголовного права, так и в практике еще не сложились единые подходы к пониманию юридической сущности принудительных работ, а также их оптимального места в системе наказаний и в санкциях статей уголовного закона. Сама по себе идея трудового воздействия на лиц, которые признаны виновными по приговору суда, уходит корнями в глубь истории. Так, в России исторически существовали такие виды наказаний, как ссылка в поселения с обязательным трудом и исправительные работы. В современной законодательной интерпретации принудительные работы - попытка адаптировать положительный

1 Минюст предложил шире использовать принудительные работы как самостоятельное наказание. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tass.ru/obschestvo/21231213 (дата обращения: 29.04.2025).

Данные судебной статистики назначения принудительных работ*

	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Принудительные работы	588 0.08 %	1 038 0.16 %	1 462 0.24 %	992 0.19 %	1 313 0.26 %	3 566 0.64 %	17 333 2.99 %	66 801 11.82 %
Лишение свободы на определенный срок	208 226 29.87 %	197 189 29.95 %	153 000 25.58 %	161 492 30.41 %	182 348 35.56 %	182 348 32.81 %	170 976 29.54 %	144 837 25.62 %
Всего осуждено	697 174	658 291	598 214	530 965	512 845	555 743	578 751	565 317

исторический опыт к современным реалиям пенитенциарной системы в русле дальнейшей тенденции гуманизации уголовного и уголовно-исполнительного права.

Наибольшие дискуссии относительно принудительных работа как вида наказания разворачиваются в уголовно-правовой литературе по поводу их правовой природы. По этому вопросу мнения ученых не совпадают и разделились на следующие точки зрения. По мнению А. А. Тарасюк: «принудительные работы с юридической точки зрения, являются уголовным наказанием, и но не обладают всеми характерными ему признаками» [7, с. 151]. Иная точка зрения встречается у других ученых они считают, что «принудительные работы, с одной стороны, выглядят как специфическая форма условного осуждения [2, с. 94], а с другой – интегрированы в систему уголовных наказаний, закрепленную в статье 44 Уголовного кодекса Российской Федерации» (далее УК РФ). Данное мнение разделяют К. Ю. Калачян, С. В. Тасаков и другие исследователи [8, с. 212]. В обоснование своей позиции они приводят аргументы, что хотя принудительные работы включены в систему наказаний и упоминаются в санкциях статей УК РФ, то есть формально они являются самостоятельным видом уголовного наказания, но законодатель лишил суд возможности назначить эту меру наказания без предварительного назначения лишения свободы. В этой связи А. Ш. Габараевым отмечается: «Несмотря на отнесение принудительных работ к основным видам наказания (часть 1 статьи 45 УК РФ), они не обладают всеми признаками такового. Применение принудительных работ в порядке замены, будучи вторичным по отношению к назначению наказания в виде лишения свободы на срок до пяти лет за совершенное преступление, не является прямым и не отражает непосредственной правовой связи с совершенным преступлением» [1, с. 32-33]. Заменяющий характер принудительных работ подчеркивает и Т. В. Непомнящая, при это возникла проблема, что в «санкциях некоторых статей Особенной части УК РФ, предусматривающих принудительные работы, лишение свободы вообще отсутствует (например, санкции части 1 статьи 159.1, части 1 статьи 159.2, части 1 статьи 159.3, части 1 статьи 159.5, части 1 статьи 159.6, части 1 статьи 200.1 УК РФ)» [4, с. 149]. В этой части авторы разделяют высказанные вышеуказанными учеными сомнения относительно нецелесообразности заменяющего характера принудительных работ, так как требование законодателя сначала назначить одно наказание, а затем заменить его другим, противоречит логике принятия уголовно-правовых решений, и затрудняет практику назначения наказания в виде принудительных работ. Другие ученые, например, Б. З. Маликов, считают целесообразным рассмотреть возможность возвращения, некогда бытовавших институтов условного осуждения с обязательным привлечением к труду и условно-досрочного освобождения с обязательным привлечением к труду как разновидности самостоятельных видов наказания, вместо принудительных работ. С его позиций сущность и содержание в данных уголовно-правовых институтах советского законодательства в своей основе (за отдельными изъятиями) совпадают с правоограничениями в принудительных работах [3, с. 360]. Так, если исправительные центры, призванные исполнять данный вид наказания, функционируют на территории исправительных учреждений, то по исправительно-трудовому законодательству РСФСР учреждения, отбывание условного осуждения с обязательным привлечением к труду и условно-досрочного освобождения с обязательным привлечением к труду предусматривалось на стройках (предприятиях) народного хозяйства под надзором специальных комендатур органов внутренних дел (спецкомендатур). Определенный резон в предложениях Б. З. Маликова есть, однако, согласиться с ним в полной мере не представляется возможным. В обоснование своей позиции отметим следующее.

Принудительные работы - наказание, которое наиболее сопоставимо с лишением свободы, так как они применяются лишь к лицам, которым назначено лишение свободы. По этому поводу П. А. Скобликов правильно указывает на сходство условий отбывания принудительных работ и лишения свободы в колониях-поселениях, более того, по его мнению, существенных различий в них нет [6, с. 4-5]. Его мнение поддерживает и Серегина [5, с. 132]. Следовательно, по своей сущности принудительные работы — это более строгие меры нежели институты условного осуждения с обязательным привлечением к труду и условно досрочного освобождения с обязательным привлечением к труду. С теоретической точки зрения, принудительные работы объединяют в себе элементы как возмездия, так и ресоциализации осужденного. Они, с одной стороны, ограничивают свободу передвижения и выбора профессиональной деятельности, тем самым вызывая определенные страдания и неудобства, что соответствует карательной функции наказания. С другой стороны, вовлечение осужденного в общественно полезный труд, получение им заработной платы и возможность компенсации ущерба, нанесенного преступлением, способствуют его социальной адаптации и исправлению. Важно подчеркнуть, что принудительные работы не должны рассматриваться исключительно как инструмент экономического использования осужденных, а должны быть направлены на формирование у них уважения к труду, чувства ответственности и законопослушного поведения.

Обобщая изложенные позиции ученых, считаем, что принудительные работы необходимо рассматривать как самостоятельный вид наказания поэтому поддерживаем предложения об исключении из части 1 статьи 53.1 УК РФ указание на фразу «как альтернатива лишению свободы», а часть 2 вовсе исключить из уголовного закона. Также необходимо решить и другие вопросы, вытекающие из сущности принудительных работ и, прежде всего, рассмотреть возможность их применения не только как основного, но и как дополнительного вида наказания. Сформулированные выше предложения поддержали и опрошенные в ходе авторских исследователей судьи, опросом были охвачены 152 судьи. Респондентам предложено было ответить на следующие вопросы: «С ваших позиций являются ли принудительные работы уголовным наказанием в собственном смысле слова?»,

* Судебная статистика РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://stat.апи-пресс.рф/stats/ug/t/14/s/17?ysclid=ma29zxxhuo625762807 (дата обращения: 29.04.2025).

«Если нет, какие ассоциации у Вас возникают пол поводу данной меры?», «Насколько Вы считаете верным решение законодателя применять принудительные работы только как альтернативу лишению свободы?», «Насколько целесообразно классифицировать принудительные работы на основное и дополнительное наказание?» и др. В целом статический анализ полученных ответов выявил, что в обшей массе большинство опрошенного контингента считаю, что принудительные работы по своей главной константе – наказание, и в законодательстве следует придать им самостоятельный характер, а также ввести их не только как основное, но и как дополнительное наказание, так ответили 79 % опрошенных,16 % ответов оказались противоречивыми, признавая исследуемый вид наказанием, респонденты не считали нужным дифференцировать его на основное и дополнительное, 3 % – отказались ответить, 2 % опросников оказались непригодными для анализа.

Следующий важный вопрос, который дискутируется в науке уголовного права, связан с определением места принудительных работ в системе наказаний.

В иерархии наказаний, которая указана в статье 43 УК РФ принудительные работы занимают промежуточную позицию между ограничением свободы и лишением свободы. Иначе говоря, с точки зрения законодателей, принудительные работы рассматриваются как более строгий вид наказания по сравнению с исправительными работами, но менее строгий, чем лишение свободы. Законодатель не случайно поместил этот вид наказания перед арестом и лишением свободы, этим как мы понимаем, он подчёркивает значительный карательный потенциал, заложений в исследуемом виде наказании. В этой части обращается внимание на противоречивость позиции законодателя, который одновременно ограничивает сферу применения принудительных работ преступлениями небольшой и средней тяжести, а также впервые совершёнными тяжкими преступлениями. Эта алогичность законодательства ставит под сомнение степень карательных элементов в содержании данного вида наказания. В то же время самый мягкий вид наказания – штраф может быть назначен без каких-либо ограничений по категориям преступлений.

Близость принудительных работ к ограничению свободы свидетельствует о том, что в основе этого наказания лежат правоограничения, которые, однако, не лишают осужденных возможности взаимодействовать с институтами гражданского общества. Это означает, что свобода не ограничивается до уровня полной изоляции, оставаясь важным социальным благом и фактором исправления виновных осужденных. Поэтому в уголовно-правовой науке принудительные работы по общему правилу принято относить к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества. Между тем, карательный набор правоограничений в принудительных работах, регламентирован в нормах уголовно-исполнительного законодательства, а их краткий аналитический обзор позволяет сделать вывод, что принудительные работы, по сути, представляют собой более суровое наказание, чем это отражено в законодательстве.

Так, в частности осужденный, отбывающий принудительные работы, не только лишается возможности выбирать сферу деятельности и часть своего заработка, но и сталкивается с ограничениями в передвижении, выборе места проживания и пребывания, проведении досуга и использовании определенных вещей. Пребывание в исправительном центре, определяемом уголовно-исполнительной системой, подразумевает постоянный надзор за осужденными (ч. 2 ст. 604 УИК РФ). Самовольный уход с территории центра без уважительной причины рассматривается как злостное нарушение режима отбывания наказания (п. «в» ч. 2 ст. 6015 УИК РФ), что является основанием для представления администрацией центра в суд о замене неотбытой части принудительных работ лишением свободы (ч. 5 ст. 6015 УИК РФ). Кроме того, место отбывания принудительных работ не обязательно находится в том же регионе, где осужденный проживал ранее (ч. 1, 2, 21 ст. 601 УИК РФ). При замене наказаний один день принудительных работ эквивалентен одному дню лишения свободы, в то время как при замене исправительных работ на принудительные или лишение свободы применяется соотношение три к одному [5, с.133-134].

Учитывая изложенное, можно констатировать пограничный характер наказания в виде принудительных работ, поэтому с наших позиций его нельзя отнести ни к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества. Законодатель намеренно расположил принудительные работы перед арестом, указывая на их относительную строгость и относительную близость к мерам, связанным с изоляцией от общества. Принудительные работы – пограничное наказание, так как их исполнение требует непрерывное пребывание в исправительных центрах. И только для урегулирования важных социальных и бытовых обстоятельств администрация исполнительного учреждения вправе разрешить осужденному покидать территорию центра либо при соблюдении ряда требований позволить осужденному проживать с семьей в собственном или арендованном жилье в границах муниципалитета.

Пристатейный библиографический список

1. Габараев А. Ш. Принудительные работы: актуальные проблемы правоприменительной деятельности // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2021. – № 1 (224).
2. Исаков В. С. Условное осуждение к лишению свободы и принудительные работы // Современное общество и право. – 2022 – № 2 (57).
3. Маликов Б. З. Сущность и правовые основы применения принудительных работ // Человек: преступление и наказание. – 2021. – Т. 29, № 3.
4. Непомнящая, Т. В. Проблемы назначения принудительных работ // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2018. – № 3 (56).
5. Серегина, Е. В. Принудительные работы: проблемы законодательной регламентации и возможные пути совершенствования // Пробелы в российском законодательстве. – 2020. – № 1.
6. Скобликов, П. А. Принудительные работы как вид уголовного наказания: дефекты правового регулирования и пути их устранения // Российская юстиция. – 2023. – № 4.
7. Тарасюк А. А. Принудительные работы как новый вид уголовного наказания // Приоритетные научные направления: от теории к практике. – 2016. – № 27-2.
8. Тасаков С. В. Принудительные работы в системе наказаний уголовного законодательства Российской Федерации и проблемы их правоприменения // Актуальные проблемы экономики и права. – 2015. – № 3.

ГРИГОРЬЕВ Олег Вячеславович
доктор исторических наук, кандидат юридических наук, доцент, Военный орден Жукова Академия войск национальной гвардии Российской Федерации

Григорьев О. В.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ ХАРАКТЕРИСТИКИ СУБЪЕКТОВ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

В статье рассматриваются тенденции развития теоретических концепций характеристики субъектов в уголовном праве. Основное внимание уделено вопросам состояния физиологического аффекта, когда происходит ограничение сознания и сосредоточение его на эмоционально значимых событиях. Действия, совершаемые в таком состоянии, зачастую бывают хаотичны и импульсивны, с низким уровнем осознанности. Высказывается мысль о том, что закон указывает на обстоятельства, при которых особенные характеристики субъекта, не делающие его специальным субъектом, могут послужить основанием для смягчения, устранения либо ужесточения наказания. Делается вывод о том, что в рамках данного исследования невозможно прийти к окончательному выводу относительно классификации преступников с особыми психологическими характеристиками в рамках уголовного законодательства. Вопрос требует более глубокого анализа и обсуждения, с целью выработки наиболее адекватного и эффективного подхода к его правовому определению.

Ключевые слова: специальный субъект, особые свойства субъекта, субъект преступления, особенные характеристики, классификация преступников.

GRIGORJEV Oleg Vyacheslavovich
Ph.D. in historical sciences, Ph.D. in Law, associate professor, Military Order of Zhukov Academy of the National Guard Troops of the Russian Federation

THEORETICAL CONCEPTS OF CHARACTERISTICS OF SUBJECTS IN CRIMINAL LAW: TOWARDS THE STATEMENT OF THE QUESTION

The article examines the trends in the development of theoretical concepts of characterizing subjects in criminal law, with the main focus on the issues of the state of physiological affect, when there is a limitation of consciousness and its concentration on emotionally significant events. Actions committed in such a state are often chaotic and impulsive, with a low level of awareness. It is suggested that the law indicates the circumstances in which special characteristics of a subject that do not make him a special subject can serve as a basis for mitigation, elimination or toughening of punishment. It is concluded that within the framework of this study it is impossible to come to a final conclusion regarding the classification of criminals with special psychological characteristics within the framework of criminal law. The issue requires a more in-depth analysis and discussion, in order to develop the most adequate and effective approach to its legal definition.

Keywords: special subject, special properties of the subject, subject of the crime, special characteristics, classification of criminals.

Введение

Правовое сознание личности всецело зависит от ее действительных отношений. Диалектика социальной жизни в Российской действительности создает диалектику идей, составляющий диалектический аспект мировоззрения российских граждан. Это не надуманная система знаний, идей идеалов и убеждений, а объективно существующая в структуре современного общественного сознания, ибо существуют объективно в общественном бытии. Аспект правого сознания российских граждан, особенности понимания ими права развивается и углубляется под воздействием факторов социальной жизни и экономической обстановки, и полученные знания превращаются в правомерное повеление только тогда, когда они приобретают характер личного убеждения, полной непоколебимой уверенности в необходимости выполнения правовых предписаний. Это возможно только при полном соответствии норм права и собственных взглядов, принципов и норм поведения. А вот такое перевоплощение у некоторых граждан происходит не так быстро, как хотелось бы. Необходима определенная система формирования правового сознания, позволяющая эффективно влиять на превращение знаний в убеждения [1, с. 28-29].

В этой связи актуальными становятся вопросы особенностей субъекта преступления в контексте уголовного права, анализа применения некоторых отличительных свойств субъекта преступления, которые не характеризуют его в качестве специального, однако имеют уголовно-правовое значение и требуют дополнительного теоретического осмысления [2, с. 86].

Основная часть

В рамках уголовного законодательства Российской Федерации устанавливается ответственность за деяния, совершенные лицами с определенными характеристиками, которые относят их к категории общих или специальных субъектов преступлений. Помимо этих признаков, существуют иные свойства индивидуума, совершившего преступление, которые могут влиять на меру наказания.

Закон указывает на обстоятельства, при которых особенные характеристики субъекта, не делающие его специальным субъектом, могут послужить основанием для смягчения,

устранения либо ужесточения наказания. Это может происходить, например, при кратковременных расстройствах сознания, внезапных эмоциональных всплесках или других психических нарушениях, не исключающих умышленность действий [3, с. 44-45].

По мнению Е. К. Борисовой «Признак специального субъекта преступления предопределяется объектом преступления, т.е. общественными отношениями, которые нарушаются при совершении деяния. Любая социальная связь повреждается только изнутри, поэтому виновный должен быть участником соответствующего взаимодействия. Говорить о специальном субъекте преступления можно лишь применительно к конкретному составу преступления. Признак специального субъекта является факультативным признаком состава преступления» [4, с. 35-36].

В данном контексте предлагается рассматривать такие характеристики как единую категорию - «особые свойства субъекта». В словаре С. И. Ожегова слово «особый» определено как «особенный» или «независимый», «отдельный» [5, с. 463], что наталкивает на мысль о выделении данных лиц в отдельную группу в силу их уникальных свойств. Для глубокого понимания данной категории необходимо рассмотреть каждое из этих свойств более детально.

В соответствии с российским законодательством, лицо, преступившее закон, будучи в состоянии алкогольного или иного вида опьянения, в результате потребления алкоголя, наркотиков, психотропных веществ, их заменителей, новых опасных психоактивных веществ или других веществ, вызывающих одурманивание, несёт уголовное наказание. Однако следует подчеркнуть, что в некоторых случаях уголовная ответственность может быть исключена [6, с. 167-171].

Согласно части 1.1 статьи 63 УК РФ, судебные органы могут классифицировать преступление, совершённое в состоянии опьянения, как обладающее отягчающими обстоятельствами, что учитывается при вынесении приговора. Такое положение подразумевает, что преступление в нетрезвом виде может рассматриваться как более тяжкое.

При совершении определённых видов преступлений в состоянии опьянения, например, статьи 264 УК РФ, предусмотрена ответственность с учётом квалифицирующих признаков.

Стоит также отметить, что даже лёгкое опьянение способно затормозить работу центральной нервной системы, что повышает риск преступных действий. В некоторых особых ситуациях, влияние таких факторов как физиологические особенности человека, наличие психических заболеваний, голод, усталость или эмоциональное потрясение, может привести к патологическому опьянению, которое характеризуется как состояние с нарушением сознания, возникающее после употребления небольшой дозы алкоголя, часто у лиц, не страдающих алкоголизмом. Это состояние относится к исключительным и может освобождать от уголовной ответственности. Интоксикация патологического типа приводит к временному нарушению сознательности человека, вследствие чего его действия не могут рассматриваться в рамках уголовной ответственности из-за невозможности осознания социальной угрозы поступков, как это указано в статье 21 Уголовного кодекса Российской Федерации. Такое состояние проявляется в двух основных формах: эпилептоидной и параноидной, и обычно прекращается после продолжительного сна, после которого человек полностью теряет воспоминания о событиях, произошедших в этот период [7, с. 50-55].

Диагностика патологической интоксикации представляет сложность из-за тонкой границы между нею и аллергической реакцией на алкоголь.

Особый интерес представляет статья 106 Уголовного кодекса Российской Федерации, которая касается случаев убийства новорожденного ребенка матерью во время родов или непосредственно после них, а также в ситуациях, когда женщина находится в психотравмирующей среде или испытывает психическое расстройство. В таких случаях предусмотрено более мягкое наказание, нежели за убийство в общих условиях по статье 105. Это связано с беспомощным состоянием ребенка, который не способен провоцировать на преступление, тем не менее, законодатель учитывает особые обстоятельства, в которых находится мать [8, с. 35-36].

Занижение уровня наказания в подобных случаях обусловлено необходимостью учета психического состояния женщины, которое может быть сильно нарушено в связи с физическими и психологическими трудностями, социальным давлением и другими факторами, влияющими на психику в период беременности и родов. Это состояние, которое может рассматриваться как отклонение от нормы с негативными последствиями для здоровья, влияет на смягчение приговора согласно статье 22 Уголовного кодекса РФ. В свете рассмотренной информации, остается открытым вопрос о характере уголовной ответственности за убийство новорожденного. С учетом наличия преднамеренности, такое действие не может быть оценено как смягченное преступление, поскольку доказано намеренное состояние сознания матери. Факт того, что женщина была в здравом уме, указывает на то, что никакие смягчающие обстоятельства, изложенные в статье 61 Уголовного кодекса РФ, применению не подлежат. Преступления, описанные в статье 106 УК РФ, требуют ужесточения наказания в случаях, когда действия матери характеризуются особым цинизмом или когда убито более одного ребенка. Не кажется справедливым приравнивать такие деяния к простым убийствам, даже если речь идет об отягчающих обстоятельствах, указанных в части 2 статьи 105 УК РФ.

Павлова А. С. считает, что «Субъект преступления в общем смысле слова – это лицо, совершившее преступление. В более узком, специальном смысле слова субъект преступления – это лицо, способное нести уголовную ответственность в случае совершения им умышленно или неосторожно общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом. Из всех многочисленных свойств личности преступника закон выделяет такие, которые свидетельствуют о его способности нести уголовную ответственность. Именно эти признаки характеризуют субъект преступления. Субъектом преступления по уголовному праву может быть человек, совершивший умышленно или неосторожно общественно опасное деяние, предусмотренное уголовным законом, если он достиг установленного возраста, вменяем, а в отдельных случаях также обладает некоторыми специальными признаками, указанными в соответствующей норме» [9, с. 1665].

Другими словами, для того чтобы лицо могло нести уголовную ответственность в Российской Федерации, оно должно быть вменяемым, то есть способным осознавать значение своих действий и управлять ими в момент совершения преступления. Невменяемость может быть признана на основании хронических или временных психических расстройств, слабоумия или других психических заболеваний. Согласно статье 107 УК РФ, убийство на почве аффекта совершается под воздействием внезапного сильного душевного волнения, вызванного непосредственным поведением потерпевшего.

Тем не менее, аффект сам по себе не является психическим расстройством, а представляет собой естественную эмоциональную реакцию, и потому не исключает вменяемости. Следовательно, лицо, убившее в состоянии аффекта, не освобождается от уголовной ответственности и должно быть привлечено к законному наказанию. Необходимо провести разграничение между физиологическим аффектом и его патологическим вариантом. Под последним подразумевается временное нарушение психического состояния, вызванное резким психологическим шоком. Это состояние сопровождается узкой фокусировкой внимания на травмирующем событии и последующим эмоциональным взрывом, ведущим к состоянию апатии и глубокому сну, а также частичной или полной амнезией, соответствующей времени расстройства [2]. В таких случаях сознание человека значительно мутнеет, и он теряет способность осознавать свои поступки и управлять ими. В связи с этим, виновное лицо считается невменяемым и освобождается от уголовной ответственности согласно статье 21 Уголовного кодекса Российской Федерации.

В случае физиологического аффекта, мы сталкиваемся с ограничением сознания и сосредоточением его на эмоционально значимых событиях. Действия, совершаемые в таком состоянии, зачастую бывают, хаотичны и импульсивны, с низким уровнем осознанности [10].

Поведение пострадавшего, будь то противоправное или аморальное, может быть причиной сильного эмоционального потрясения для виновного, что служит основанием для выделения таких преступлений в отдельную категорию со своей статьей в Уголовном кодексе Российской Федерации, предполагающей более мягкое наказание, в сравнении, например, со статьей 105 УК РФ.

Заключение

Таким образом, на основании изложенного возможно сделать следующие выводы:

1. Современное российское законодательство указывает на обстоятельства, при которых особенные характеристики субъекта, не делающие его специальным субъектом, могут послужить основанием для смягчения, устранения либо ужесточения наказания.

2. В соответствии с российским законодательством, лицо, преступившее закон, будучи в состоянии алкогольного или иного вида опьянения, в результате потребления алкоголя, наркотиков, психотропных веществ, их заменителей, новых опасных психоактивных веществ или других веществ, вызывающих одурманивание, несёт уголовное наказание.

3. Законодатель предусмотрел занижение уровня наказания для женщин с учетом психического состояния, которое может быть нарушено в период беременности и родов.

4. Уголовная ответственность в Российской Федерации, предусмотрена только для вменяемых лиц, то есть способным осознавать значение своих действий и управлять ими в момент совершения преступления. Невменяемость может быть признана на основании хронических или временных психических расстройств, слабоумия или других психических заболеваний.

5. Предлагается ввести теоретическую концепцию субъектов с особыми психологическими характеристиками, что потребует тщательного психолого-психиатрического анализа для подтверждения такого состояния у преступника. Определение этой категории субъектов способствует углубленному изучению в области уголовного права и упрощает расследование преступлений, совершенных в особых психических состояниях. В рамках настоящего исследования мы не пришли к окончательному выводу относительно классификации обсуждаемого понятия в рамках уголовного законодательства. Вопрос требует более глубокого анализа и обсуждения, с целью выработки наиболее адекватного и эффективного подхода к его правовому определению.

Пристатейный библиографический список

1. Абызов Р. М. Об общественно опасном поведении несовершеннолетних, не достигших возраста уголовной ответственности. - М.: Юрист, 2012. - С. 28-29.
2. Антонян Ю. М., Бородин С. В. Преступность и психические аномалии. - М.: Наука, 1987. - 345 с.
3. Иванов Н. Ответственность за преступления, совершенные в состоянии опьянения // Законность. - 1998. - № 3. - С. 44-45.
4. Борисова Е. К. Специальный субъект преступления // Отечественная юриспруденция. - 2019. - № 2. - С. 155-157.
5. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. - М.: Издательство РАН, 1999. - 736 с.
6. Тростянецкая В. В. Особенности субъекта преступления, предусмотренного статьей 282 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Уральского юридического института МВД России. - 2023. - № 2. - С. 167-171.
7. Кадников Н. Г. Опасное состояние личности как основание уголовной ответственности // Союз криминалистов и криминологов. - 2020. - № 1. - С. 50-55.
8. Барышева В. Уголовно-правовое значение аномального аффекта // Законность. - 2003. - № 12. - С. 35-36.
9. Павлова А. С. Субъект преступления в уголовном праве РФ // Экономика и социум. - 2017. - № 3 (34). - С. 1665-1666.
10. Расторгуев Д. Словарь медицинских терминов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://thelib.net/1671612-slovar-medicinskih-terminov.html (дата обращения: 10.02.2025).

ДОЛГУШИНА Любовь Викторовна
кандидат химических наук, доцент, заведующая кафедрой судебной экспертизы, Сибирская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России, г. Железногорск

КРАВЦОВА Евгения Владимировна
старший преподаватель кафедры судебной экспертизы, Сибирская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России, г. Железногорск; старший эксперт отделения экспертно-криминалистических учетов и экспертиз 10 межрайонного отдела (Железногорский) ЭКЦ ГУ МВД России по Красноярскому краю

КАБАКОВА Екатерина Сергеевна
преподаватель кафедры судебной экспертизы, Сибирская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России, г. Железногорск

АНАЛИЗ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ЗА НАРУШЕНИЕ ПРОТИВОПОЖАРНОГО ОБУСТРОЙСТВА ЛЕСОВ НА ТЕРРИТОРИИ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

В статье анализируются вопросы, связанные с судебной практикой в области нарушения противопожарного обустройства в лесах и правил пожарной безопасности. Данные нарушения приводят к серьезным последствиям. В частности, нерациональное использование лесных ресурсов, несоблюдение правил пожарной безопасности и недостаточное оборудование для предупреждения и тушения пожаров могут привести к масштабным пожарам, уничтожению лесных массивов, гибели людей и имущественному ущербу. Судебная практика показывает, что лица, допустившие нарушения в области противопожарного обустройства и пожарной безопасности, несут ответственность, предусмотренную как административным, так и уголовным законодательством. Кроме того, на них может быть возложена обязанность по возмещению причиненного вреда.

Ключевые слова: лесные пожары, правила пожарной безопасности, уничтожение или повреждение лесных насаждений, наказание, меры предупреждения.

DOLGUSHINA Lyubov Viktorovna
Ph.D. in chemical sciences, associate professor, Head of Forensic science sub-faculty, Siberian Fire and Rescue Academy of the EMERCOM of Russia, Zheleznogorsk

KRAVTSOVA Evgeniya Vladimirovna
senior lecturer of Forensic science sub-faculty, Siberian Fire and Rescue Academy of the EMERCOM of Russia, Zheleznogorsk; Senior Expert Forensic Center of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia for Krasnoyarsk Territory

KABAKOVA Ekaterina Sergeevna
lecturer of Forensic science sub-faculty, Siberian Fire and Rescue Academy of the EMERCOM of Russia, Zheleznogorsk

ANALYSIS OF JUDICIAL PRACTICE FOR VIOLATION OF FIRE PROTECTION OF FORESTS IN THE KRASNOYARSK TERRITORY

The article analyzes issues related to judicial practice in the field of violations of fire protection in forests and fire safety rules. These violations lead to serious consequences. In particular, the irrational use of forest resources, non-compliance with fire safety rules and insufficient equipment for fire prevention and extinguishing can lead to large-scale fires, destruction of forests, loss of life and property damage. Judicial practice shows that persons who have committed violations in the field of fire protection and fire safety are liable under both administrative and criminal legislation. In addition, they may be charged with the obligation to compensate for the damage caused.

Keywords: forest fires, fire safety rules, destruction or damage to forest plantations, punishment, preventive measures.

Ежегодно на территории Красноярского края в период пожароопасного сезона, происходит возгорание лесных насаждений и сухой травы в южных и восточных районах региона. Как показывают статистические данные, в 2023 году из 746 зарегистрированных лесных пожаров, охвативших 53,5 тысяч гектаров, почти половина (304 случая) возникла по вине человека.

В 2023 году в Красноярском крае была проведена масштабная работа по борьбе с нарушителями противопожарного режима. В результате судебных разбирательств 13 человек выплатили компенсацию в размере 2,8 млн. рублей за расходы на ликвидацию возгораний. Кроме того, штрафы на общую сумму 245 тысяч рублей были наложены на 102 нарушителя по статьям 8.32 и 20.4 КоАП РФ, касающимся несоблюдения правил пожарной безопасности.

Кроме того, осуждены должностные лица в связи с халатностью (ст. 293 УК РФ), повлекшей в мае 2022 г. пожары в результате возгорания несанкционированных свалок и сухой растительности. Одной из причин возникновения пожаров является ненадлежащая эксплуатация объектов электросетевого хозяйства, в том числе обрыв и провисание проводов линий электропередач.

Должностные лица КГКУ «Лесная охрана», ОНД и ПР в Красноярском крае за нарушение правил пожарной безопасности в 2023 году возбудили 1949 дел об административных правонарушениях по ст. 8.32, 20.4 КоАП РФ и назначили штрафы на сумму 31 млн. рублей.

Административными комиссиями муниципалитетов в 2023 году к административной ответственности по ст. 5.1 Закона края «Об административных правонарушениях» привлечено свыше 19 тыс. граждан, с назначением штрафов на сумму 56 млн. рублей.

Анализируя судебные дела последних лет, становится очевидным, что многие нарушения, связанные с использова-

нием лесов, касаются игнорирования мер пожарной безопасности. Это проявляется в нескольких аспектах: низкий уровень противопожарного обустройства лесов, недостаточность материально-технического обеспечения противопожарных формирований, несоответствие планов тушения лесных пожаров фактическому наличию сил и средств, формальное проведение мониторинга пожарной опасности в лесах и лесных пожаров, несвоевременное выявление и тушение лесных пожаров [1], [2].

Проведенный анализ судебных решений по уголовным и административным делам, связанным с нарушением лесного законодательства, повреждением и уничтожением лесных массивов, позволяет прийти к выводу, что основная масса рассматриваемых уголовных и административных дел в судах общей юрисдикции на территории Красноярского края содержит идентичные нарушения лесного законодательства и правил пожарной безопасности в лесах.

Российское уголовное законодательство предусматривает уголовную ответственность за уничтожение или повреждение лесных насаждений. Данное преступление предусмотрено статьей 261 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Согласно разъяснениям, изложенным в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 № 21 (ред. от 15.12.2022) «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» уничтожение лесных и иных насаждений выражается в полном сгорании насаждений или их усыхании в результате воздействия пожара или его опасных факторов, загрязняющих и отравляющих веществ, отходов производства и потребления, отбросов и выбросов. К повреждению относятся случаи частичного сгорания насаждений, деградацию их на определенных участках леса до степени прекращения роста, заражение болезнями или вредными организмами и т.д.

К примеру, 25.04.2020 года, гражданин «П» находился на территории Верхнеусинского участкового лесничества, где развел костер в самодельном устройстве для выпаривания лиственничной серы на территории Ермаковского района, Красноярского края. Тем самым, гражданин «П» находясь на участке местности, расположенном на одном из выделов Верхнеусинского участкового лесничества, допустил неосторожное обращение с огнем, в результате чего произошло возгорание лесных насаждений породы «лиственница» и их повреждение на площади 30 га в объеме 310 м^3.

Гражданин «П», обязанный соблюдать правила пожарной безопасности в лесах, действуя путем неосторожного обращения с огнем, а именно разведения костра в самодельном устройстве для выпаривания лиственничной серы, нарушив требования п. 8 Правил пожарной безопасности в лесах, утвержденных Постановлением Правительства Российской Федерации от 07.09.2020 № 1614 «Об утверждении Правил пожарной безопасности в лесах». В соответствии с данным Постановлением, существует ряд строгих ограничений на разведение огня. В частности, после таяния снега и до наступления дождливой осени или формирования снежного покрова запрещено использование открытого огня в определенных зонах. К таким зонам относятся молодые хвойные насаждения, места лесозаготовок с неубранными остатками, участки с сухостоем, территории под кронами деревьев, а также торфяники и поврежденные участки леса. Однако гражданин «П», пренебрегая данными требованиями, проявил неосторожность при обращении с огнем, используя самодельное оборудование для добычи лиственничной серы путем выпаривания, чем нарушил установленные правила пожарной безопасности в лесах.

Крупный материальный ущерб в размере 199 030 рублей был причинен лесному фонду из-за халатного обращения с огнем. Гражданин «П», проявив небрежность при использовании открытого огня, спровоцировал пожар, начавшийся с возгорания травяного покрова. Пламя, постепенно набирая силу, охватило лиственничный массив. Согласно проведенной оценке последствий пожара, огонь нанес серьезный урон лесным угодьям - были уничтожены лиственницы общим объемом 310 кубометров на территории в 30 гектаров.

Органом дознания действия гражданина «П» квалифицированы по ч. 2 ст. 261 УК РФ[1] – повреждение лесных насаждений в результате неосторожного обращения с огнем, если они причинили крупный ущерб.

Таким образом, гражданина «П» признали виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 261 УК РФ[1], а также взыскали в пользу Российской Федерации в доход федерального бюджета возмещение материального ущерба, причиненного преступлением.

В результате анализа приведённого уголовного дела, аналогичных которому не столь уж мало в судебной практике, можно сделать вывод о том, что преступления, связанные с уничтожением или повреждением лесных насаждений, имеют серьезные негативные последствия, как для окружающей среды, так и для общества в целом. И как показывает правоприменительная практика, независимо от установления лица, виновного в совершении нарушения требований пожарной безопасности в лесах, взыскания причиненного ущерба, восстановительные мероприятия в пострадавшей экосистеме леса занимают достаточно продолжительный период времени. Соответственно, возникает закономерный вопрос о восстановлении социальной справедливости при назначении наказания за такие общественно-опасные посягательства.

Практика судебных решений по административным делам аналогична практике уголовного судопроизводства. Специфика определена характером дел, поскольку административные правонарушения зачастую отличаются размером понесенного ущерба и признаками деяния по невыполнению правил пожарной безопасности в лесах.

Рассмотрим одно из решений Арбитражного суда Красноярского края. Так, Министерство лесного хозяйства Красноярского края обратилось в Арбитражный суд Красноярского края, с иском к обществу с ограниченной ответственностью «К» об обязании выполнить противопожарные мероприятия.

КГБУ «Терянское лесничество», Министерство лесного хозяйства Красноярского края обратилось в Арбитражный суд Красноярского края с иском к обществу с ограниченной ответственностью «К», в котором просит: обязать ООО «К» выполнить по договору аренды лесного участка следующие противопожарные мероприятия: строительство лесных дорог, предназначенных для охраны лесов от пожаров; реконструкцию лесных дорог, предназначенных для охраны лесов от пожаров; содержание в надлежащем состоянии эксплуатируемые лесные дороги, предназначенные для охраны лесов от пожаров; устройство противопожарных минерализованных полос; прочистка противопожарных минерализованных полос; прокладка просек и противопожарных разрывов; про-

1 Ч. 2 ст. 261 УК РФ - Утратила силу. Федеральный закон от 25.03.2022 № 63-ФЗ.

чистка просек и противопожарных разрывов; установка и содержание стендов и других знаков и указателей, содержащих информацию о мерах пожарной безопасности в лесах; благоустройство зон отдыха граждан, пребывающих в лесах; строительство водоемов и подъездов к источникам противопожарного водоснабжения; установка шлагбаумов, устройство преград, обеспечивающих ограничение пребывания граждан в лесах в целях обеспечения пожарной безопасности в лесах.

Суд решил иск удовлетворить и обязать общество с ограниченной ответственностью «К» выполнить по договору аренды лесного участка указанные противопожарные мероприятия.

На примере другого изученного судебного решения рассмотрим случай недобросовестного отношения должностных лиц ООО «П.Л.К.» к оснащенности противопожарным оборудованием и инвентарем, а также необходимыми средствами предупреждения и тушения лесных пожаров. Арбитражный суд Красноярского края, рассмотрев в судебном заседании дело по иску Министерства лесного хозяйства Красноярского края к обществу с ограниченной ответственностью «П.Л.К.», об обязании устранить нарушения лесного законодательства. Ответчик, в месячный срок со дня вступления решения суда в законную силу, обязан доукомплектовать пункт сосредоточения противопожарного инвентаря необходимым оборудованием и инвентарём.

В решении суда приводятся нормативы обеспеченности и нормы средств предупреждения и тушения лесных пожаров при использовании лесов, утвержденные Приказом Минприроды России от 28.03.2014 № 161 (с изм., внесенными Приказом Минприроды России от 16 мая 2018 г. № 202) «Об утверждении видов средств предупреждения и тушения лесных пожаров, нормативов обеспеченности данными средствами лиц, использующих леса, норм наличия средств предупреждения и тушения лесных пожаров при использовании лесов».

В результате осуществления мониторинга судебных решений, нами был сформулирован ряд проблем в сфере лесопользования.

Первая заключается в том, что наибольшее количество рассматриваемых судами дел связаны с привлечением лесопользователей к юридической ответственности за совершение административно наказуемых (предусмотренных ст. 8.28, 8.32 КоАП РФ) и уголовно наказуемых деяний (предусмотренных ст. 261 УК РФ), при этом разграничение этих видов ответственности строится, в основном, на оценке значительности размера ущерба, причиненного лесным насаждениям. При этом пороги расчета ущерба, указанные в денежном эквиваленте, сегодня не способны дать адекватную оценку совершенному деянию.

Вторая проблема – суды, рассматривая дела и вынося решения, обращают внимание на нарушение мер пожарной безопасности на лесных участках, предоставленных в постоянное (бессрочное) пользование, в краткосрочную или долгосрочную аренду лицам, использующим леса на основании проекта освоения лесов. В этом случае возникает вопрос: Каким способом должен быть возмещен вред, причиненный лесному фонду, если таковой был нанесен в связи с бездействием лесопользователей?

В приговорах судов в отношении юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и граждан указываются нарушения, выражающееся в отсутствии необходимых средств предупреждения и тушения лесных пожаров при использовании лесов. При этом суды определяют основные меры предупреждения лесных пожаров в соответствии с ч. 2 ст. 96 Лесного кодекса Российской Федерации, которые включают в себя противопожарное обустройство лесов и обеспечение средствами предупреждения и тушения лесных пожаров (согласно ч. 1 ст. 53.1 ЛК РФ): строительство, реконструкцию и эксплуатацию лесных дорог, предназначенных для охраны лесов от пожаров; прокладку просек, противопожарных разрывов, устройство противопожарных минерализованных полос; устройство пожарных водоемов и подъездов к источникам противопожарного водоснабжения; снижение природной пожарной опасности лесов путем регулирования породного состава лесных насаждений и иные определенные Правительством Российской Федерацией меры.

Таким образом, судебные решения, вынесенные на территории Красноярского края, формируют устойчивые проблемные вопросы в сфере противопожарного обустройства лесов и обеспечения средствами предупреждения и тушения лесных пожаров.

Пристатейный библиографический список

1. Шпаковский Ю. Г. Современные проблемы правового регулирования охраны лесов от пожаров // Lex Russica (Русский закон). - 2018. - № 1 (134). - С. 43-56.
2. Долгушина Л. В., Кравцова Е. В. Особенности расследования пожаров в лесных массивах // Евразийский юридический журнал. - 2024. - № 3 (190). - С. 384-386.

ЕФРЕМОВА Ольга Сергеевна
кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин, Юридический факультет, Санкт-Петербургский университет ФСИН России

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Современное состояние преступности в сфере экономической деятельности представляет собой угрозу реализации стратегических национальных приоритетов, а также является негативным фактором, влияющим на состояние экономической безопасности государства. В представленной статье проведен комплексный анализ показателей преступлений экономической направленности за последние три года (2022-2024 гг.). По результатам проведенного анализа выявлены основные тенденции указанного вида преступности, в том числе негативные: увеличение доли тяжких и особо тяжких преступлений, снижение выявленных преступлений органами внутренних дел. На основе анализа современной криминологической литературы предложены меры по совершенствованию процесса предупреждения и профилактики преступлений экономической направленности.

Ключевые слова: экономические преступления, преступность, тенденции преступности, профилактика преступности, предупреждение преступности, органы внутренних дел.

EFREMOVA Olga Sergeevna
Ph.D. in Law, senior lecturer of State and legal disciplines sub-faculty, Faculty of Law, St. Petersburg University of the FPS of Russia

CURRENT ISSUES OF PREVENTING ECONOMIC CRIMES

The current state of crime in the sphere of economic activity poses a threat to the implementation of strategic national priorities, and is also a negative factor affecting the state of economic security of the state. The presented article provides a comprehensive analysis of indicators of economic crimes over the past three years (2022-2024). Based on the results of the analysis, the main trends of this type of crime have been identified, including negative ones: an increase in the proportion of serious and especially serious crimes, a decrease in crimes detected by law enforcement agencies. Based on the analysis of modern criminological literature, the following measures are proposed: to improve the process of prevention and prevention of economic crimes.

Keywords: economic crimes, criminality, crime trends, crime prevention, crime prevention, law enforcement agencies.

Действующее уголовное законодательство Российской Федерации (далее – РФ) охраняет общественные отношения в сфере экономики (экономической деятельности). Раздел VIII Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) содержит составы преступлений в сфере экономики. Указанный раздел содержит в себе три главы, включающих 86 статей, кроме тех которые были признаны утратившими силу. Основной массив составов преступлений сконцентрирован в гл. 22 УК РФ «Преступления в сфере экономической деятельности». В ней закреплены ст. 169-200.7.

Как указывает Лозинский И. В. гл. 22 УК РФ является одной из самых динамично развивающихся в УК РФ в связи с тем, что в нее достаточно часто вносятся изменения и дополнения. Изменения, вносимые в указанную главу, в том числе связаны с пробелами, которые содержатся в диспозициях ее норм, а также стремительным развитием общественных отношений в указанной сфере. В указанной сфере, по мнению автора необходимо обратить внимание на борьбу с рейдерскими захватами, а также борьбу с криминальными банкротствами [4, с. 128].

Речь в данном случае идет не только о дополнении рассматриваемой главы новыми статьями, но и признанием ряда статей утратившими силу. Указанные процессы связаны с необходимостью расширения уголовно-правового вмешательства, либо декриминализацией ряда деяний. Например, с 1 апреля 2024 года Федеральным законом от 11.03.2024 № 43-ФЗ признана утратившей силу ст. 200.2 УК РФ «Контрабанда алкогольной продукции и (или) табачных изделий».

Преступления в сфере экономической деятельности подлежат статистическому учету. В соответствии с Указанием Генпрокуратуры России № 35/11, МВД России № 1 от 24.01.2020 введен в действие перечень статей УК РФ, используемых при формировании статистической отчетности. В приложении № 2 указанного перечня закреплены преступления экономической направленности, а также дополнительные условия, при которых выявленные преступления могут быть отнесены к числу преступлений в сфере экономики.

Официальные статистические данные МВД России показали, что по итогам прошедшего 2024 года произошел небольшой рост изучаемого вида преступности на 0,2 %. Всего в течение года выявлено 105,4 тыс. преступлений данной категории, удельный вес этих преступлений, в общем числе зарегистрированных составил 5,5 %. Анализ официальных статистических данных указанного вида преступности за последние три года приведен в таблице 1.

Анализируя по порядку официальные статистические данные о совершении экономических преступлений, можно сделать ряд умозаключений:

во-первых, в 2023 году произошло количественное снижение преступлений изучаемого вида на 5,5 % по сравнению с 2022 годом, однако по итогам 2024 года произошел незначительный рост на 0,2 %;

во-вторых, отмечается ежегодное количественное снижение налоговых преступлений в структуре преступлений экономической направленности. За последние три года их количество снизилось на 625 преступлений;

в-третьих, удельный вес преступлений экономической направленности в общем объеме зарегистрированных преступлений, не смотря на ежегодное количественное снижение регистрируемых преступлений, остается на стабильном уровне в диапазоне 5,4-5,7 %;

в-четвертых, отмечается ежегодное снижение материального ущерба от совершенных преступлений экономической направленности. Так за последние три года, несмотря на практически неизменное количество преступлений экономической направленности, ущерб от их совершения снизился на 44 млрд. руб.;

в-пятых, отмечается ежегодный рост удельного веса тяжких и особо тяжких преступлений в общем объеме преступлений экономической направленности. За последние три года удельный вес тяжких и особо тяжких преступлений в общем объеме преступлений экономической направленности увеличился на 3,5 %;

в-шестых отмечается ежегодное снижение выявленных преступлений экономической направленности органами внутренних дел. Так снижение удельного веса выявленных органами внутренних дел преступлений указанного вида в

Таблица 1.

Отчетный период	2022 год	2023 год	2024 год
Всего зарегистрировано преступлений, ед.	1 966 795	1 947 161	1 911 258
Преступлений экономической направленности, ед.	111 429	105 257	105 437
Из них налоговых преступлений, ед.	5 264	4 935	4 639
Удельный вес преступлений экономической направленности в общем объеме зарегистрированных преступлений, в %	5,7	5,4	5,5
Материальный ущерб от преступлений экономической направленности, млрд. руб.	339,1	311,1	295,1
Удельный вес тяжких и особо тяжких преступлений в общем объеме преступлений экономической направленности, в %	60,8	61	64,3
Выявлено преступлений экономической направленности органами внутренних дел, тыс.,	91,2	85,4	83,8
их удельный вес, в общем массиве преступлений экономической направленности, в %	81,8	81,1	79,5

их общем массиве за последние три года составило 2,3 %, а в количественном выражении 7,4 тыс. преступлений.

Выявленные и обозначенные выше тенденции, несомненно, должны лечь в основу организации профилактической работы в сфере предупреждения преступлений экономической направленности. В том числе речь идет о негативных тенденциях, на которые следует обратить внимание правоохранительным органам: увеличение доли тяжких и особо тяжких преступлений в общем массиве изучаемого вида преступности, снижение выявленных преступлений изучаемого вида органами внутренних дел.

В сфере совершенствования процесса профилактики и предупреждения преступлений экономической направленности необходимо обратиться к анализу современной криминологической литературы.

В научной литературе указанный вопрос рассмотрен достаточно подробно.

По мнению Вакуленко Н. А. в основе профилактики и противодействия преступлениям экономической направленности должна лежать система социального противодействия. Указанная система включает в себя элементы общесоциального предупреждения преступлений изучаемого вида и специально-криминологического, которые взаимодополняют друг друга [1, с. 127].

Лесина Т. В. предлагает ряд эффективных мер в сфере предупреждения преступлений экономической направленности:

– пресечение массовых налоговых правонарушений;

– совершенствование механизма контроля за расходами и доходами физических лиц, в том числе с помощью организационных и правовых мер;

– пресечение коррупционных проявлений в государственных и правоохранительных органах, в том числе с помощью переподготовки и повышения квалификации их сотрудников (работников) по соответствующим программам [3, с. 10].

Тихонов Е. Е. предлагает несколько иные меры в сфере предупреждения преступлений экономический направленности, в первую очередь, связывая их с процессами обеспечения экономической безопасности нашего государства:

– совершенствование антимонопольной политики;

– криминализация ряда деяний и ужесточение уголовной ответственности за совершение преступлений изучаемого вида;

– повышение уровня экономической грамотности населения;

– совершенствование государственной экономики и повышение уровня жизни населения;

– повышение качества и уровня работы органов внутренних дел [6, с. 60].

Васильев Э. А. видит основы профилактики преступлений экономической направленности в пересмотре имеющейся совокупности методов и форм противодействия ей. По мнению автора, следует более часто использовать и развивать оперативно-розыскную профилактику преступлений экономической направленности. Ее использование предполагает более глубокий аналитический подход к проблемам современной экономической преступности [2, с. 100].

Лошин А. А. в сфере предупреждения преступлений экономической направленности предлагает реализацию следующих мер:

– подготовка высококвалифицированных кадров для подразделений органов внутренних дел, обеспечивающих предупреждение изучаемого вида преступности;

– объединение сил и средств предупреждения преступлений экономической направленности в единый комплекс (систему);

– применение инновационных мер, методов, форм и передового опыта в сфере противодействия экономической преступности;

– осуществление взаимодействия органов внутренних дел с государственными органами и правоохранительными органами по вопросам предупреждения преступлений экономической направленности [5, с. 59].

Научные подходы ученых в сфере предупреждения преступлений экономической направленности свидетельствуют об актуальности указанного направления деятельности органов внутренних дел и необходимости реализации, предложенных авторами мер.

По нашему мнению, предупреждение преступлений экономической направленности лежит в одной плоскости с процессом обеспечения экономической безопасности нашего государства и в сфере предупреждения изучаемого вида преступности необходима реализация положений Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденной Указом Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208. Реализация положений Стратегии позволит комплексно применить меры нормативно-правового, организационного и методического характера в сфере предупреждения преступлений экономической направленности.

Пристатейный библиографический список

1. Вакуленко Н. А. Репрезентативные криминологические параметры экономического преступника в современной России // Юристъ-Правоведъ. - 2024. - № 3 (110). - С. 125-131.
2. Васильев Э. А. Органы внутренних дел в системе противодействия угрозам экономической безопасности // Научный портал МВД России. - 2023. - № 2 (62). - С. 99-104.
3. Лесина Т. В. Экономические преступления в стране и регионе: разрушительное воздействие и эффективные методы борьбы // Калужский экономический вестник. - 2023. - № 2. - С. 8-12.
4. Лозинский И. В. Некоторые тенденции развития уголовного законодательства, охраняющего общественные отношения в сфере экономической деятельности // Вестник Томского государственного университета. - 2011. - № 344. - С. 127-130.
5. Лошин А. А. Проблемы экономической безопасности, связанные с криминальной деятельностью и финансированием экстремистских организаций в РФ // Первый экономический журнал. - 2024. - № 5 (347). - С. 58-62.
6. Тихонов Е. Е. Анализ состояния преступности экономической направленности как угрозы экономической безопасности Российской Федерации // Экономика и безопасность. - 2024. - № 2. - С. 55-63.

DOI 10.46320/2073-4506-2025-4-203-339-341

ИВАНОВА Людмила Михайловна
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, Восточно-Сибирский филиал, Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, г. Иркутск

БАЛЫКИНА Ксения Витальевна
магистрант 1-го курса, Восточно-Сибирский филиал, Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, г. Иркутск

СИСТЕМА НАКАЗАНИЙ ПЕРВЫХ ИМПЕРАТОРСКИХ ДИНАСТИЙ КИТАЯ (221 Г. ДО Н.Э. - 420 Г. Н.Э.)

В статье представлен анализ системы наказаний в императорском Китае в период с 221 г. до н.э. по 420 г. н.э. Рассматривается историческое развитие правовой системы, влияние философских учений, таких как конфуцианство, легизм, даосизм и буддизм на формирование наказаний и правовых норм. Особое внимание уделяется эволюции системы наказаний, начиная с династии Цинь, где фиксируется применение физических наказаний и исследуются принципиальные моменты, касающиеся уголовной ответственности. Аргументируется, что конфуцианские идеалы морали и этики находят отражение в подходах к управлению и постановке наказаний, которые, несмотря на изменения в разные исторические эпохи, оставались основополагающими.

Ключевые слова: уголовное право Китая, Древний Китай, виды наказаний, конфуцианство, легизм, правовая система.

IVANOVA Lyudmila Mikhaylovna
Ph.D. in Law, associate professor of Criminal law sub-faculty, East Siberian branch, V. M. Lebedev Russian State University of Justice, Irkutsk

BALYKINA Kseniya Vitaljevna
magister student of the 1st course, East Siberian branch, V. M. Lebedev Russian State University of Justice, Irkutsk

THE PUNISHMENT SYSTEM OF THE FIRST IMPERIAL DYNASTIES OF CHINA (221 BC - 420 AD)

The article analyses the system of punishments in imperial China in the period from 221 BC to 420 AD. The historical development of the legal system, the influence of philosophical teachings such as Confucianism, Legism, Taoism and Buddhism on the formation of punishments and legal norms is considered. Particular attention is paid to the evolution of the punishment system since the Qin dynasty, where the use of physical punishments is recorded and the principle points concerning criminal liability are explored. It is argued that Confucian ideals of morality and ethics are reflected in approaches to the administration and setting of punishments, which, despite changes in different historical epochs, remained fundamental.

Keywords: Chinese criminal law, ancient China, types of punishments, Confucianism, Legism, legal system.

История правовой системы Китая насчитывает более 2 тысячелетий, на развитие института права в Китае оказало значительное влияние широкое распространение на всей территории страны таких учений, как: Буддизм[1], Даосизм[2], Легизм[3], Конфуцианство[4], при этом ведущую роль в формировании правовой системы Китая принято отдавать именно Конфуцианству, однако влияние других философских течений также можно увидеть в современной правовой системе Китая. Идеи Конфуция основаны на моральных и этических нормах, а не на строгих юридических формулах и законах, что оказало влияние на способы управления, формирование правовых процедур императорского Китая – именно конфуцианские идеи лежат в основе теории и практики управления, воспитания и отбора кадров государственного аппарата, а также оказали влияние на отношение к наказаниям, сформировались следующие принципы: «правитель должен управлять народом милостью и убеждением, перевоспитывая его нравственно добродетелью и этикетом, культурой правителя», «сомнение суда должно толковаться в пользу подсудимого», «наказание должно назначаться с учетом принципов морали» – однако в зависимости от исторической эпохи данные идеи имели свои ограничения [2]:

Первой императорской династией Китая является династия Цинь, которая просуществовала с 221 г. до н.э. по 206 г. до н.э. Правитель династии Цинь был приверженцем менее известного философского течения – Легизма, что четко просматривается в уголовно-исполнительной системе Китая той эпохи. Долгое время ученые не обладали археологическими подтверждениями развитости системы права в ди-

1 Буддизм – европейское обозначение древнейшей мировой религии, возникшей в Индии около первого тысячелетия до н.э., восходящей к учению отшельника по имени Сиддхартха Гаутама, носящего титул Будды (санскр. «Просветленный») и известного как Будда Шакьямуни.

2 Даосизм – философско-религиозное течение Китая, Впервые как целостное идейное формирование под именем «школа Пути и благодати» (дао дэ цзя), воспроизводящем название основополагающего даосского трактата «Канон Пути и благодати» («Дао дэ цзин»), было определено в ряду шести философских школ (лю цзя) Сыма Танем (2 в. до н. э.) и зафиксировано его сыном Сыма Цянем в заключительной 130-й главе первой династийной истории «Ши цзи» («Исторические записки»). Данное название было сокращено до бинома «школа Пути» (дао цзя) в расширенной классификации философских школ Лю Синя (46 до н. э. – 23 н. э.), которая отражена в 30-й главе второй династийной истории «Хань шу» Бань Гу.

3 Легизм – одна из шести основных школ Древнего Китая, создавшая в 4-3 вв. до н.э. теоретическое обоснование тоталитарно-деспотичного управления государством и обществом.

4 Конфуцианство - древнейшая философская система и одно из трёх главных этико-религиозных учений (наряду с даосизмом и буддизмом) Дальнего Востока. Возникло в Китае на рубеже 6-5 вв. до н. э. В оригинальном наименовании конфуцианство (жу) отсутствует указание на имя создателя – Конфуция, что соответствует его исходной установке – «передавать, а не создавать, верить древности и любить её».

настии Цинь, было известно лишь о Пяти наказаниях – это собирательное название ряда физических наказаний, к которым относилось: клеймление, отрезание носа, отрубание конечности, кастрация и смертная казнь, однако в 1975 году в провинции Хубэй на раскопках гробницы в пещере Шуйхуди были найдены Бамбуковые планки, также известные как Циньский судебник, из которого стали известны следующие принципы назначения наказания: уголовной ответственности подлежали взрослые люди. Взрослыми считались те, кто достиг определенного роста: для мужчин был установлен рост в 6 чи и 5 цуней (около 150 см), для женщин 6 чи и 2 цуня (около 143 см). В эпоху Цинь уже существовало разделение осознанного преступления и непреднамеренного проступка. Если преступление было совершено намеренно - такой поступок наказывался по всей строгости закона, при этом за ненамеренное действие назначалось намного менее строгое наказание или вовсе на назначалось наказание. Кроме того уже был сформирован принцип назначения наказания не за каждое отдельное преступление, а назначения наказания по совокупности совершенных преступлений. Существовало понятие соучастие и соучастники – при этом число сообщников должно было превышать 5 человек. Также было распространено смягчение наказания за явку с повинной.

Пять наказаний исполнялись следующими способами:

Смертная казнь:

– Обезглавливание: преступника обезглавливали и его голова подвешивалась на деревянный столб и выставлялась на всеобщее обозрение.

– Четвертование: осужденного привязывали за руки, ноги и голову к 5 лошадям, которых отправляли в галоп в разные стороны, в результате чего у преступника отрывали конечности. Данный вид казни могли применить не только если преступник был жив, но также после его смерти.

– Разрубание по пояснице, при этом разрубание по пояснице считалось более суровым видом наказания, чем обезглавливание.

Телесные наказания:

– Клеймение.

– Отрезание носа.

– Отрубание конечности.

Кастрация: мужчинам отрезали половые органы, а женщин держали в заточении.

Кроме Пяти наказаний во времена династии Цинь существовали следующие виды наказания:

1. Заключение:

1.1. Каторжные работы: применялась для мужчин, которые могли работать, мужчины чаще всего занимались строительством крепостных стен, а женщины шелушением риса, срок наказания от 4 до 5 лет.

1.2. Собирание дров для храмов: наказание применялось к мужчинам, отбывшим 3 года каторжных работ на строительстве крепостных стен, при этом наказание длилось 1 год.

1.3. Очистка риса от шелухи: женщины, которые были приговорены к шелушению риса, занимались этим четвертый год отбывания каторжных работ, после этого они становились рабынями-наложницами на 5 лет – по истечении которых они вновь становились свободными.

1.4. Мужчин также могли направить на дальние границы – защищать страну от набегов разбойников.

2. Другие виды наказаний:

2.1. Легким видом наказание считалась порка бамбуком.

2.2. Преступника могли направить в другую провинцию в качестве рабочей силы, при этом его лишали права вернуться в родные земли.

2.3. Штраф.

Обривание налысо.

Практиковалась система круговой поруки: вместе с совершившим преступление к ответственности привлекались родственники, соседи и друзья преступника.

Если преступление было достаточно серьезным, то могли казнить не только совершившего преступление, но и весь его клан.

Если государственный служащий совершал преступление небольшой тяжести, ему могли назначить наказание в виде общественного порицания [1].

На смену династии Цинь пришла династия Хань (206 г. до н.э. – 220 г. н э.), с приходом к власти которой уровень преступности заметно снизился, в связи с чем потребовалось реформирование уголовно-исполнительной системы. Основными изменениями в системе уголовно-исполнительного права времен династии Хань можно считать: официальное закрепление особых привилегий у чиновников, которые теперь не подлежали стандартному судебному процессу, а должны были обратиться к императору за вынесением решения, как правило в таких случаях наказание смягчалось. Кроме того, теперь родственники, укрывавшие преступника, не привлекались к уголовной ответственности, однако если преступление представляло угрозу для самодержавия или безопасности государства, то ответственность за укрывательство такого преступника наступала для всех, вне зависимости от степени родства. Суд стал проявлять снисхождение к молодым и пожилым людям: лицам моложе 8 лет и старше 80 лет назначали наказание только за убийства и лжесвидетельствование. Во многом система наказаний, разработанная династией Цинь, была сохранена династией Хань, однако были привнесены элементы, соответствовавшие Конфуцианскому мировоззрению императоров династии Хань [3].

Просуществовав почти 400 лет, династия Хань прекратила свое существование, Китай перестал быть единым государством, на его месте появилось три новых государства: У, Шу, Вэй - этот период известен как Эпоха Троецарствия (220-280 гг. н.э.). Системы наказаний У, Шу, Вэй унаследовали от династии Хань, однако у каждой появились свои особенности:

В государстве Вэй вернули название «Пять наказаний», в которые входили:

– смертная казнь, которая предусматривалась за мятеж, убийство высокопоставленного чиновника, измену или заговор против власти;

– каторжные работы предусматривались за менее тяжкие преступления, в основном назначалось в отношении бедных слоев населения;

– избиение бамбуковыми палками, штраф, изгнание – данные наказания были предусмотрены, в основном, за нарушение общественного порядка.

Царство Вэй стремилось к укреплению централизованности власти, поэтому система наказаний преследовала цель поддержания дисциплины среди населения и армии.

В государстве У система наказаний была более гибкой, она была направлена на управление торговыми и морскими путями, основное внимание уделялось борьбе с коррупцией

и внутренними беспорядками. Смертная казнь, как и в царстве Вэй, предусматривалась за мятеж, преступления против правящей элиты, измену или заговор против власти. Для низших слоев населения распространенным были уничижительные наказания: порка, обстригание налысо. В принудительные работы могли входить строительство оборонительных укреплений и инфраструктурных проектов. В царстве У также практиковалась система тюремного заключения на продолжительный срок, чаще всего данный вид наказания применялся в отношении коррупционеров и участников заговоров.

Царство Шу стремилось к поддержанию порядка и укреплению власти, однако их система наказаний была ориентирована на моральные аспекты правления, внимание уделялось социальной справедливости, честности и порядочности. В отличие от Вэй и У, в Шу сложилась практика ограничения количества смертных приговоров, предпочтение отдавалось более мягким видам наказаний. Распространена была практика ссылания преступников в отдаленные регионы царства для работы на благо Шу, в случаях совершения менее серьезных преступлений применялись: порка, отрезание носа, избиение бамбуковыми палками и другие виды телесных наказаний [4].

В 265 году в царстве Вэй сменилась правящая семья, новый правитель сумел присоединить к своим землям территории государства Шу, новое государство стало известно под названием Цзинь (265-420 гг.). В правовой системе нового государства произошло смешение наследия династии Хань и киданей[5]. Телесные наказания включали в себя: удары палкой или плетью, за более серьезные преступления могли отсечь ноги, ворам отрубали кисти рук или пальцы, за самые тяжкие преступления по прежнему применялась смертная казнь. Кроме телесных видов наказания также применялись: каторга и ссылки – это были популярные наказания за нетяжкие преступления, виновных отправляли в отдалённые районы империи, чтобы они работали на благо государства; у аристократов и чиновников могли конфисковать имущество или назначить штраф; за коррупционные преступления в отношении высокопоставленных чиновников могло быть принято решение о депортации. Характерно, что достаточно строгие меры уголовной репрессии к коррупционерам сохраняются и в современном Китае [6, с. 333].

В эпоху Цзин система наказаний стала более организованной и централизованной, при династии Цзин продолжали развивать и заимствовать систему, заложенную в предыдущие эпохи, с акцентом на жестокость как метод поддержания порядка и дисциплины.

Система наказаний в императорском Китае представляет собой сложный и многогранный институт, формировавшийся под воздействием различных философских учений и социокультурных контекстов. Наказания в разных династиях варьировались в зависимости от преобладающих идеологий и понимания права. Характерные для династии Цинь жестокие физические наказания постепенно трансформировались под влиянием конфуцианского подхода, который подчеркивал моральные и этические аспекты управления. Можно выделить тенденцию к гуманизации наказаний и изменениям в общественном восприятии уголовного права на протяжении веков, что отражает динамику развития правовой системы китайской цивилизации.

5 Кидане – племена монголоидной группы, кочевавшие на территории современной Внутренней Монголии. Известны с 4 века по династийным китайским летописям.

Пристатейный библиографический список

1. 陕西省勉县人民法院 (официальный сайт Народного суда округа Миан, провинция Шаньси). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://mp.weixin.qq.com/s/wEst5fEcvjHjn7aA1Xk4ww (дата обращения: 19.01.2025).
2. 石景山检察 (официальный сайт Прокуратуры Шицзиншань). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://mp.weixin.qq.com/s/ipYqgn83734ge2Z-QBL57Q (дата обращения: 19.01.2025).
3. 辩护人小赵律师 (официальный сайт адвоката Сяо Чжао). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://mp.weixin.qq.com/s/ynOi5YzWVEGa4HMiXgCiOg (дата обращения: 20.01.2025)
4. 辩护人小赵律师 (официальный сайт адвоката Сяо Чжао). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://mp.weixin.qq.com/s/RmQS7C1vQh99zd5UKiHniA (дата обращения: 20.01.2025).
5. 太子城国际冰雪小镇 (официальный сайт Комитета по управлению г. Хэбэй). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://mp.weixin.qq.com/s/-ePUDoTB_psmGk83bNfXzQ (дата обращения: 20.01.2025).
6. Иванова Л. М., Лифанова Т. А. Уголовная ответственность за коррупционные преступления в России и Китае: сравнительно-правовой аспект // Евразийский юридический журнал. – 2024. – № 9 (196). – С. 332-333.

КРАСКОВСКИЙ Ян Эдуардович
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, Пензенский государственный университет

ФОМИН Владимир Владимирович
студент 4-го курса, Пензенский государственный университет

ХАРАКТЕРИСТИКА ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ РАБОТ (НА ПРИМЕРЕ ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ)

Статья посвящена комплексному анализу принудительных работ как вида уголовного наказания в России. На примере Пензенской области рассматриваются особенности применения данного вида наказания, раскрываются проблемы его реализации. Авторы акцентируют внимание на сущности принудительных работ, подчеркивая их преимущества в качестве альтернативы лишению свободы, такие как сохранение социальных связей осужденных и снижение риска криминализации личности. При этом исследуются недостатки принудительных работ как вида наказания, включая социально-психологические трудности, проблемы трудоустройства осужденных и недостаточную законодательную регламентацию. В работе предлагаются конкретные практические рекомендации по оптимизации системы принудительных работ: совершенствование социально-психологического сопровождения, создание специализированных рабочих мест и реформирование уголовно-исполнительного законодательства. Результаты исследования подтверждают высокий потенциал данного вида наказания в контексте ресоциализации осужденных и снижении рецидивной преступности при условии устранения существующих проблем.

Ключевые слова: вид наказания, исправительный центр, наказание, преступление, принудительные работы, судья.

KRASKOVSKIY Yan Eduardovich
Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Criminal law sub-faculty, Penza State University

FOMIN Vladimir Vladimirovich
student of the 4th course, Penza State University

CHARACTERISTICS OF EXECUTION OF PUNISHMENT IN THE FORM OF FORCED LABOR (ON THE EXAMPLE OF PENZA REGION)

The article is devoted to a comprehensive analysis of forced labor as a type of criminal punishment in Russia. Using the Penza region as a case study, the authors examine the specific features of applying this punishment and reveal the challenges in its implementation. The authors emphasize the essence of forced labor, highlighting its advantages as an alternative to imprisonment, such as preserving the social ties of convicts and reducing the risk of personal criminalization. Simultaneously, the study explores the shortcomings of forced labor as a punishment, including socio-psychological difficulties, employment challenges for convicts, and insufficient legislative regulation. The article proposes concrete practical recommendations for optimizing the forced labor system: improving socio-psychological support, creating specialized workplaces, and reforming criminal-executive legislation. The research results confirm the significant potential of this punishment type in the context of convict resocialization and reducing recidivism, provided that existing systemic issues are addressed.

Keywords: type of punishment, correctional center, punishment, crime, forced labor, judge.

При решении вопроса о назначении подсудимому наказания судьей принимается во внимание множество различных факторов. Это и данные о личности, обстоятельства преступления, поведение осужденного до и после его совершения. Безусловно, виновный должен понести наказание, но то, которое является справедливым именно по отношению к нему и послужит исправлению, то есть законопослушному поведению после отбытия наказания [1, с. 254].

В соответствии со ст. 44 Уголовного кодекса РФ наиболее строгим видом наказания, применяемого в настоящее время судами, является лишение свободы[1]. Однако, находясь в исправительной колонии, вращаясь среди осужденных к длительному сроку лишения свободы, либо неоднократно судимых, человек может проникнуться их убеждениями и правилами преступной среды, пренебрежением к нормам закона, нередко у него теряются социальные и родственные связи, выйдя на свободу, он чувствует, что никому не нужен, не понимает, как ему жить, что приводит к повторному совершению им преступлений. Кроме того, если раньше в исправительных учреждениях осуществлялась та или иная производственная и даже сельскохозяйственная деятельность, например, в ИК г. Пензы заключались договоры с предприятиями на выполнение различных работ, а в колонии №5 даже выращивали кроликов, следовательно, осужденные в обязательном порядке привлекались к работе, то в конце 90-х - начале 2000-х годов ситуация стала меняться, многие предприятия прекращали свою деятельность, и работы для заключенных не находилось[2]. Все это не способствовало исправлению и перевоспитанию осужденных.

1 Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // СЗ РФ. - 17.06.1996. - № 25. - Ст. 2954.

2 Общественники проверили условия содержания заключенных в ИК-5. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.penzainform.ru/news/social/2013/10/22/obshestvenniki_

Осознание руководством страны и обществом того факта, что наказание в виде лишения свободы не всегда может обеспечить достижение целей наказания в виде исправления осужденных и предупреждения совершения ими новых преступлений, а также необходимость в связи с заключением международных договоров гуманизации уголовного закона, облегчения условий содержания осужденных за совершение преступлений небольшой и средней тяжести, а также тяжких впервые привели к принятию Федерального закона от 07.12.2011 № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» и дополнению УК РФ новым видом наказания в виде принудительных работ, которые стали в нашей стране назначаться судами и исполняться с 1 января 2017 года [2, с. 3].

Этот вид наказания не связан с изоляцией осужденного от общества, он предполагает, что осужденные к принудительным работам будут отбывать наказание в исправительных центрах, расположенных на территории субъектов РФ, максимально приближенных к месту жительства их самих либо близких родственников. Данное условие предусмотрено для того, чтобы осужденные не утрачивали социальные связи и им было проще адаптироваться к нормальной жизни после отбытия наказания [3, с. 37].

Применение принудительных работ возможно как при постановлении обвинительного приговора, если судья, проанализировав все положительные моменты, касающиеся как личности осужденного, так и обстоятельств совершенного им преступления небольшой или средней тяжести, а также тяжкого преступления впервые, и назначив наказание с учетом ограничений, установленных ст. 53.1 и ч. 1 ст. 56 УК РФ, не превышающее пяти лет лишения свободы, решив, что подсудимый не нуждается в реальном лишении свободы, заменяет ему наказание на принудительные работы, а также в случае замены постановлением суда лицу, достойно отбывающему наказание в виде лишения свободы в исправительной колонии и положительно себя зарекомендовавшему, неотбытой части наказания в виде лишения свободы принудительными работами.

Предусмотренный ст. 53.1 УК РФ срок принудительных работ может составлять от двух месяцев до пяти лет и исчисляется со дня прибытия осужденного в исправительный центр либо в созданный при исправительном учреждении изолированный участок, функционирующий как исправительный центр [4, с. 212]. Кроме того, из заработной платы осужденного производятся удержания в доход государства в размере от пяти до двадцати процентов его заработка.

Как мы можем заметить, принудительные работы как вид уголовного наказания имеют ряд достоинств, однако они не лишены определенных недостатков. Так, условно проблемы, связанные с порядком исполнения принудительных работ как вида уголовного наказания, можно классифицировать на 3 блока.

Во-первых, проблемы перевоспитания личности. Их суть заключается в том, что лица недостаточно ответственно относятся к данному виду наказания, как к таковому. Они считают, что при его исполнении можно нарушать режим, не исполнять возложенные на них трудовые функции, нередко хамят персоналу и т.д.

Показателен здесь пример, произошедший в нашем регионе в 2021 году. Так, осужденный З. после замены ему неотбытой части лишения свободы принудительными работами явился в ФКУ ИЦ-1 УФСИН России по Пензенской области для дальнейшего отбывания наказания в нетрезвом состоянии, полагая, что употребление небольшого количества спиртного не повлечет для него никаких последствий, однако, после проведения в отношении него медицинского освидетельствования, З. на основании ст. 60.15 УИК РФ был признан постановлением начальника исправительного центра по представлению дисциплинарной комиссии исправительного центра злостным нарушителем порядка и условий отбывания принудительных работ[3].

В связи с этим Первомайский районный суд г. Пензы 29 июня 2021 года удовлетворил представление начальника ФКУ ИЦ-1 УФСИН России по Пензенской области и заменил З. неотбытое наказание в виде 1 года 7 месяцев 7 дней принудительных работ на тот же срок лишения свободы с отбыванием в исправительной колонии строгого режима[4]. Безусловно, такое решение в отношении З. является справедливым, а его доводы о невиновности – неубедительными.

Во-вторых, проблемы практического характера. Данный блок связан именно с исполнением наказания. Так, нередко на предприятиях, расположенных в муниципальном образовании по месту нахождения ИЦ, отсутствуют рабочие места [5, с. 46]. Конечно, осужденные могут направляться для работы на предприятия любой формы собственности, однако законом запрещено их трудоустройство у частных лиц либо индивидуальных предпринимателей. Здесь стоит также отметить и факт того, что у лиц зачастую отсутствуют профессиональное образование и соответствующие навыки.

Последней группой проблем следует выделить законодательные. Ввиду того, что данный вид уголовного наказания появился в России относительно недавно, он недостаточно урегулирован [6, с. 33]. Так, например, не совсем понятно, как будет исполнять наказание в виде принудительных работ иностранный гражданин или лицо без гражданства, не имеющее разрешение на трудовую деятельность на территории РФ.

Таким образом, данная форма исполнения наказания имеет огромный нереализованный потенциал. Благодаря принудительным работам, возможно, не только успешно перевоспитывать осужденных, но и помогать им внедряться в социум. Для успешного функционирования принудительных работ необходимо осуществить несколько преобразований.

Во-первых, следует провести работу в социально-психологическом направлении. Люди должны понимать, что принудительные работы - это полноценный вид наказания, а не поблажка со стороны государства. В исправительных центрах лица, осужденные за совершение преступления, будут работать, и перевоспитываться, а не отдыхать.

proverili_usloviya_soderzhaniya_zaklyuchennih_v_ik-5.html?ysclid=m750hfe8e61629360 (дата обращения: 21.01.2025).

3 Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 25.10.2024) // СЗ РФ. - 13.01.1997. - № 2. - Ст. 1.

4 Апелляционное постановление Пензенского областного суда от 25 августа 2021 г. № 44-22-886 // СПС «КонсультантПлюс».

Во-вторых, необходимо создавать рабочие места для лиц, которым назначено исполнение наказания в виде принудительных работ. На наш взгляд, подобные меры позволят одновременно с этим решить миграционный вопрос. Так, лица, отбывающие наказание в виде принудительных работ, смогли бы в перспективе заменить мигрантов, поскольку осужденным к принудительным работам могут поручаться многие неквалифицированные работы, в том числе уборка и благоустройство территорий, заполнение иных, не пользующихся спросом у населения рабочих вакансий, которые сейчас занимают люди, приезжающие из стран с низким материальным уровнем населения.

В-третьих, путем внесения соответствующих изменений в уголовно-исполнительное законодательство необходимо устранить имеющиеся сомнения и неясности в применении отдельных норм [7, с. 61].

После того, как человек оступился, совершив преступление, очень важно создать ему условия не только для перевоспитания, но и для того, чтобы он после отбытия наказания смог вернуться к нормальной жизни и не чувствовать себя в ней изгоем. Осужденный к принудительным работам не просто отбывает кару за содеянное, он своим трудом приносит пользу обществу, правила, поведения которого нарушил.

Принудительные работы являются крайне эффективным видом исполнения наказания, однако для его успешного функционирования необходимо устранить назревшие проблемы, а также решить организационные вопросы, связанные с созданием новых исправительных центров и оборудованием при уже существующих колониях изолированных участков, функционирующих как исправительные центры.

Конечно, для этого необходимо привлечение дополнительных денежных средств, так как их недостаток замедляет реализацию и развитие рассматриваемого вида наказания. Принудительные работы были введены в нашей стране в декабре 2011 года, но их исполнение сначала переносилось на 1 января 2014 года, а затем на 1 января 2017 года в связи с отсутствием достаточного количества мест в исправительных центрах[5].

Сейчас положение улучшилось. В частности, если в 2017 году в нашем регионе был создан только один исправительный центр для лиц, отбывающих наказание в виде принудительных работ, на территории бывшего учебного Центра ИК-5, ул. Пушанина, 77, с лимитом наполнения 51 человек, из них 19 женщин, то в настоящее время по данным Пензенского Управления Федеральной Службы исполнения наказания на территории г. Пензы и Пензенской области, кроме вышеназванного, действуют изолированные участки, функционирующие как исправительные центры в городах Заречном, Белинске, Кузнецке и в поселке Сахзавод Бековского района, общей численностью наполнения 507 человек[6]. В дальнейшем планируется увеличение, как лимита наполнения, так и рабочих мест для осужденных к принудительным работам. Эти цифры вселяют уверенность в том, что такой нужный и полезный вид наказания как принудительные работы будет развиваться.

Пристатейный библиографический список

1. Лядов Э. В. К вопросу об общих началах назначения наказания // Ученые записки Орловского государственного университета. - 2015. - № 1 (64). - С. 253-256.
2. Химеденова Д. Н. Назначение и исполнение наказания в виде принудительных работ: автореф. дис. … канд. юрид. наук. - Курск, 2023. - 26 с.
3. Устинов А. А. Принудительные работы как вид наказания // Ведомости уголовно-исполнительной системы. - 2021. - С. 36-44.
4. Тасаков С. В. Принудительные работы в системе наказаний уголовного законодательства Российской Федерации и проблемы их правоприменения // Актуальные проблемы экономики и права. - 2015. - № 3. - С. 210-215.
5. Зубова А. О., Симагин А. О. Проблемы исполнения наказания в виде принудительных работ в РФ // Вестник Самарского юридического института. - 2020. - С. 44-50.
6. Габараев А. Ш. Принудительные работы: актуальные проблемы правоприменительной деятельности // Ведомости уголовно-исполнительной системы. - 2021. - С. 31-38.
7. Комбаров Р. В. Проблемы реализации уголовного наказания в виде принудительных работ // Ius publicum et privatum: сетевой научно-практический журнал частного и публичного права. - 2021. - № 4 (14). - С. 59-63.

5 Проблемы и перспективы применения принудительных работ в российском уголовном праве. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://web.snauka.ru/issues/2017/03/79080 (дата обращения: 21.01.2025).

6 Структурные подразделения. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://58.fsin.gov.ru/structure/ (дата обращения: 21.01.2025).

DOI 10.46320/2073-4506-2025-4-203-345-346

Левандовская М. Г.

ЛЕВАНДОВСКАЯ Мария Геннадьевна
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

АНТИРУССКИЙ НАЦИЗМ КАК ОСОБАЯ ФОРМА ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ АГРЕССИИ

В статье обоснована необходимость выделения антирусского нацизма как особой формы идеологической агрессии. Сформулировано авторское определение явления и предложены меры правового и международно-политического противодействия его распространению. Подчеркивается институционализация русофобии на международном уровне и ее проявления в политике, праве, культуре и информационной сфере. Рассматриваются исторические и современные предпосылки формирования данной идеологии. Проведен анализ юридических и политических механизмов борьбы с нацизмом, обоснована необходимость их адаптации к новым формам этнополитической агрессии. Особое внимание уделяется разработке комплексной стратегии, включающей уголовно-правовые, дипломатические и информационные меры воздействия. Отмечается значимость усиления научно-правового дискурса для формирования эффективной международной политики по предотвращению идеологий ненависти.

Ключевые слова: антирусский нацизм, русофобия, идеологическая агрессия, неонацизм, международное право, информационная война.

LEVANDOVSKAYA Mariya Gennadjevna
Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Criminal law sub-faculty, O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

ANTI-RUSSIAN NAZISM AS A SPECIAL FORM OF IDEOLOGICAL AGGRESSION

The article substantiates the need to single out anti-Russian Nazism as a special form of ideological aggression. The author's definition of the phenomenon is formulated, and legal and international political measures to counter its spread are proposed. The institutionalization of Russophobia at the international level and its manifestations in politics, law, culture, and the media are highlighted. The historical and contemporary prerequisites for the formation of this ideology are examined. Legal and political mechanisms for combating Nazism are analyzed, and the need to adapt them to new forms of ethnopolitical aggression is justified. Special attention is paid to developing a comprehensive strategy including criminal law, diplomatic, and informational measures. The importance of strengthening the scientific and legal discourse to build an effective international policy to prevent ideologies of hatred is emphasized.

Keywords: anti-Russian Nazism, Russophobia, ideological aggression, neo-Nazism, international law, information war.

Реставрация нацистских идеологических форм в Европе более не ограничивается маргинальными проявлениями ультраправых групп. Она приобретает институционализированный характер, выражаясь в политических решениях, медийной политике, образовательной стратегии и дипломатических инициативах целого ряда государств, входящих в так называемый коллективный Запад. Особую форму подобная идеологическая трансформация приобретает в антироссийской направленности, проявляющейся в системной русофобии, культивировании враждебного образа России, оправдании исторических преступлений против русского народа и прямом поощрении насилия в отношении российских граждан и соотечественников за рубежом.

Современные проявления нацизма в антироссийском векторе невозможно рассматривать исключительно как идеологические атавизмы XX века. Речь идет о глубокой политико-культурной и правовой проблеме, требующей переосмысления традиционных категорий. Особенно остро данное явление проявляется на территории Украины, где русофобия приобрела черты квазигосударственной идеологии, объединяющей в себе исторический реваншизм, этнополитическую сегрегацию и стратегию уничтожения русского культурного присутствия. Однако масштаб явления выходит далеко за рамки одной страны: мы наблюдаем глобализированную модель идеологической агрессии, источником и координатором которой выступают транснациональные политические и военно-политические структуры, включая НАТО и внешнеполитические ведомства США и ЕС.

Возникает объективная научная необходимость в определении нового типа нацистской практики – антирусского нацизма, – как особой формы политико-идеологической конструкции, направленной на подрыв существования Российской Федерации, ее культурного ядра и исторической субъектности. Идеологическое возрождение нацистских доктрин в современной Европе, замаскированное под национальное возрождение или борьбу за демократические ценности, предполагает возвращение к структурным основам, заложенным в первой половине XX века. При этом подлинным катализатором и историческим прецедентом формирования антирусского направления в нацизме следует признать деятельность Организации украинских националистов (ОУН) и ее военизированного крыла – Украинской повстанческой армии (УПА). Уже в момент своего становления данные организации выстраивали русофобию в качестве структурообразующего элемента собственной идеологической и стратегической платформы, что получило воплощение в форме сотрудничества с нацистской Германией, участии «в карательных операциях, массовом уничтожении мирного населения и поощрении этнических чисток на восточных территориях» [2, с. 216].

Радикальный украинский национализм с момента своего формирования до начала XXI века сохранял неизменную направленность на отрицание и уничтожение России как историко-культурного субъекта, что обуславливает преемственность между бандеровскими структурами и современными украинскими властями, проводящими политику этнического и идеологического вычищения Донбасса и подавления русской идентичности. Эта преемственность, подтверждаемая многочисленными историческими и уголовно-правовыми фактами, представляет собой основание для выделения антирусского вектора как самостоятельной формы идеологической агрессии. Демонтаж советской и пост-

советской исторической памяти, глорификация пособников нацизма, таких как Степан Бандера и Роман Шухевич, включение в образовательные программы и массовую культуру идеологических нарративов, оправдывающих преступления против русского народа, свидетельствуют о системной работе по реконфигурации исторического сознания. Причем эта работа осуществляется не стихийно, а в рамках комплексных стратегий внешнего управления, что подчеркивает прямую связь между геополитическими задачами США и ЕС и развертыванием враждебной русофобской инфраструктуры в странах ближнего зарубежья [5, с. 78].

Иными словами, антирусский нацизм возникает как сплав архаичной ненависти, постколониального реваншизма и современных технологий идеологической мобилизации. Его целеполагание – разрушение единства русского мира, подрыв «легитимности российской государственности, моральная делегитимация русской культуры и стратегическое вытеснение России из системы международных отношений» [4, с. 8].

Современный антирусский нацизм характеризуется высокой степенью институционализации и транснационального распространения. В отличие от исторически локализованных форм нацизма первой половины XX века, он не ограничен рамками национального государства. Напротив, его продвижение осуществляется через наднациональные механизмы – политические блоки (НАТО, ЕС), международные правозащитные организации, цифровые платформы и трансграничные СМИ. При этом доминирующее значение приобретает стратегическая русофобия – целенаправленное формирование образа России как угрозы цивилизации, врага свободы, авторитарной аномалии в либеральной архитектуре мира. Одним из ключевых признаков современной формы нацистской идеологии, направленной против русских, выступает нормализация языка вражды по отношению к России и ее гражданам на уровне официальной риторики. Дискриминационные заявления политиков, одобрение экономической изоляции, поддержка вооруженных конфликтов и агрессии против русскоязычного населения трактуются не как проявления экстремизма, а как допустимые, а порой и морально оправданные действия. В политическом лексиконе западных стран укоренились формулы, приравнивающие Россию к «империи зла», а ее культурное присутствие – к угрозе свободе. Такая подмена понятий – типичный признак идеологической мобилизации, близкой к тоталитарной [1, с. 155].

Особое значение в распространении антирусского нацизма имеет украинская государственность постмайданного периода, представляющая собой синтез ультранационалистической идеологии, внешнего управления и военной диктатуры. Не менее значимой является информационная составляющая. В цифровом пространстве наблюдается резкое усиление цензуры в отношении российских точек зрения, сопровождаемое одновременным распространением откровенно русофобских материалов, в которых Россия и русские представлены как враждебная раса, подлежащая изоляции и разрушению. Такие установки не только не осуждаются, но и легитимируются как «борьба за демократию».

Институциональные формы антирусского нацизма проявляются в поддержке вооруженных формирований с неонацистскими символами. Также антирусский нацизм проявляется в дипломатических инициативах по делегитимации участия России в международных институтах, в санкционной политике, поражающей не только экономику, но и гуманитарную сферу – науку, спорт, образование. С точки зрения политико-правового анализа, в совокупности эти практики подпадают под признаки идеологии, имеющей геноцидный потенциал [3, с. 36].

Принятые в международном праве формулировки, касающиеся запрета пропаганды войны, возбуждения ненависти или геноцида, оказываются недостаточными для описания комплекса враждебных действий, предпринимаемых против России и русского народа. Анализ признаков, обнаруженных в реальных политических практиках, позволяет выделить следующие обязательные характеристики антирусского нацизма:

1. Идеологическое ядро, включающее постулат о «врожденной враждебности» России и русских по отношению к «цивилизованному миру»;

2. Этнополитическая направленность: отрицание права русских на политическую субъектность, культурную автономию и историческое наследие;

3 Институциональная легитимация: участие в воспроизводстве данной идеологии государственных и международных структур;

4. Реализация на практике: пропаганда, правовое давление, насилие, санкции, военная агрессия, информационная блокада.

С учетом вышеизложенного, представляется обоснованным следующее определение:

«Антирусский нацизм – это системная идеология и политическая практика, основанная на непризнании прав русского народа и российской государственности на существование, сопровождающаяся институционально закрепленной ненавистью, дискриминацией, пропагандой и действиями, направленными на культурное, политическое и физическое уничтожение русских как историко-цивилизационного субъекта».

Признание антирусского нацизма как самостоятельного политико-идеологического и криминологического явления требует комплексной стратегии его преодоления. Необходимо добиться расширения действующего международного понятийного аппарата. Речь идет о закреплении в международном праве термина «русофобия» как формы дискриминации, а также определения «антирусского нацизма» как идеологии, содержащей признаки геноцидного умысла. Существующие положения ч. 2 ст. 354.1 Уголовного кодекса Российской Федерации[1] (далее – УК РФ), предусматривающей ответственность за оправдание нацизма, требуют существенного расширения, для чего необходимо:

– включить в состав преступления не только оправдание нацизма в его исторической форме, но и оправдание или пропаганду современных неонацистских форм, направленных против русских;

– предусмотреть специальный квалифицирующий признак – мотив русофобии как отягчающее обстоятельство;

– ввести в УК РФ отдельную статью, посвященную ответственности за распространение идеологии антирусского нацизма в публичной, медийной и образовательной сферах.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что в условиях стратегического противостояния России с государствами коллективного Запада происходит трансформация нацизма в новую, узкоспециализированную форму – антирусский нацизм. В отличие от классических форм националистического экстремизма, это явление проявляется не в изолированных актах насилия, а в системной политике, поддерживаемой государствами, международными структурами и транснациональными медийными корпорациями. Антирусский нацизм проявляется в законодательных инициативах, культурной цензуре, военной агрессии, санкционном давлении и манипуляциях с исторической памятью. Предлагаемое определение антирусского нацизма как системной идеологии и политической практики, направленной на лишение русского народа исторического, культурного и политического бытия, позволяет обосновать необходимость его отдельной правовой квалификации.

Пристатейный библиографический список

1. Гаврилов Д. А., Гаврилова В. Д. К вопросу о трансформации правовой политики в области противодействия экстремизму и нацизму // Право и практика. – 2022. – № 2. – С. 153-157.
2. Гончаров П. К. Новый вклад в российскую украинистику // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. – 2024. – Т. 13, № 1 (54). – С. 214-228.
3. Жариков Ю. С., Цветков Р. Н. Противодействие нацизму: уголовно-правовой и криминологический аспекты. – М.: Инфра-М, 2022. – 187 с.
4. Карпович О. Г., Смагина Л. А. Меры по повышению эффективности методов защиты прав российских соотечественников за рубежом // Международное публичное и частное право. – 2023. – № 2. – С. 6-10.
5. Нудель С. Л. Уголовная ответственность в механизме противодействия реабилитации нацизма // Журнал российского права. – 2024. – Т. 28, № 11. – С. 73-83.

1 Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 №63-ФЗ (ред. от 28.02.2025) // Собрание законодательства РФ. – 17.06.1996. – № 25. – Ст. 2954.

DOI 10.46320/2073-4506-2025-4-203-347-348

ПИРОВА Рена Низамиевна
кандидат исторических наук, доцент кафедры общеобразовательных и профессиональных дисциплин (филиал), Дагестанский государственный университет, г. Кизляр

Пирова Р. Н.

АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ПРОЦЕДУРЫ КАК СРЕДСТВО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В ОБРАЗОВАНИИ РФ

Данная статья рассматривает роль административных процедур в борьбе с коррупцией в образовании Российской Федерации. С учетом значительного влияния коррупции на образовательные процессы и качество обучения, актуальность проблемы подчеркивается. В статье анализируются различные административные меры и инструменты, используемые для противодействия коррупции в образовании, включая мониторинг, контроль и административные реформы. Приводятся примеры эффективных практик и предлагаются рекомендации для улучшения административных процедур с целью более эффективного предотвращения коррупции в сфере образования.

Ключевые слова: коррупция, административные процедуры, образование, Российская Федерация, мониторинг, контроль, административные реформы.

PIROVA Rena Nizamievna
Ph.D. in historical sciences, associate professor of General education and professional disciplines sub-faculty (branch) Dagestan State University, Kizlyar

PROBLEMS OF COMBATING CORRUPTION IN LAW ENFORCEMENT AGENCIES

This article examines the role of administrative procedures in the fight against corruption in the education of the Russian Federation. Taking into account the significant impact of corruption on educational processes and the quality of education, the urgency of the problem is emphasized. The article analyzes various administrative measures and tools used to combat corruption in education, including monitoring, control and administrative reforms. Examples of effective practices are provided and recommendations are made to improve administrative procedures in order to more effectively prevent corruption in the field of education.

Keywords: administrative procedures, corruption, education, Russian Federation, monitoring, control, administrative reforms.

Коррупция в сфере образования остается одной из серьезнейших проблем, которая влияет на качество образования, общественную справедливость и экономическое развитие. В Российской Федерации коррупция в образовании выражается в различных формах, включая взяточничество при поступлении в вузы, фальсификацию документов и другие негативные явления. Последствия коррупции в образовании могут быть разрушительными, ограничивая доступ к образованию для многих, подрывая доверие к системе образования и ущемляя права учащихся [4, с. 42].

В борьбе с коррупцией в образовании активно применяются различные меры и подходы, включая административные процедуры. Эти процедуры направлены на предотвращение коррупционных действий, обеспечение прозрачности и справедливости в образовательных процессах. В данной статье рассмотрим роль административных процедур как средства противодействия коррупции в образовании Российской Федерации, а также примеры эффективных практик и рекомендации по их улучшению.

Данное исследование важно для понимания современных вызовов в области образования и разработки стратегий по борьбе с коррупцией, чтобы обеспечить равные возможности для всех обучающихся и поддержать устойчивое развитие образовательной системы.

Коррупция в сфере образования представляет собой серьезную угрозу для развития общества и образовательной системы в целом. Она проявляется в различных формах, начиная от взяточничества и подкупов при поступлении в учебные заведения, заканчивая фальсификацией результатов экзаменов и документов. Эти коррупционные практики не только подрывают принципы справедливости и равенства доступа к образованию, но и серьезно влияют на качество образовательных услуг и доверие к системе образования [4, с. 53].

Одним из основных последствий коррупции в образовании является искажение процесса оценки знаний обучающихся. В условиях, когда за успешное завершение обучения можно «купить» результаты экзаменов или получить аттестат о высшем образовании без реального усвоения знаний, система образования теряет свою основную функцию – обеспечение качественного образования [3, с. 82].

Кроме того, коррупция в образовании ведет к искажению конкуренции при поступлении в вузы и другие учебные заведения. Подкупные деньги или личные связи могут стать решающими факторами при приеме, что лишает талантливых и мотивированных студентов возможности получить образование в учреждениях, куда они реально достойны.

Наконец, коррупция в образовании приводит к углублению неравенства в обществе. Для тех, кто имеет финансовые ресурсы или политические связи, получение качественного образования становится доступнее, в то время как бедные и малообеспеченные семьи вынуждены сталкиваться с дискриминацией и недоступностью образовательных возможностей [3, с. 92].

Таким образом, коррупция в образовании создает серьезные препятствия для развития общества и экономики, ограничивая возможности личностного роста и социальной мобильности. Эффективное противодействие этому явле-

нию требует комплексного подхода, включая усиление контроля, внедрение прозрачных административных процедур и воспитание этических ценностей среди всех участников образовательного процесса.

Административные процедуры играют важную роль в предотвращении и пресечении коррупционных практик в сфере образования. Эти процедуры направлены на установление прозрачных правил и механизмов контроля, которые помогают предотвращать возможные случаи злоупотребления, и обеспечивают соблюдение этических норм и принципов.

Одним из ключевых инструментов административной борьбы с коррупцией в образовании является усиление финансового контроля за деятельностью учебных заведений. Это включает в себя регулярные аудиты бюджетных средств, использование электронных систем мониторинга финансовых операций и введение жестких правил отчетности о расходовании средств. Такие меры помогают предотвратить возможные злоупотребления средствами и обеспечить их эффективное использование в целях развития образовательных программ и инфраструктуры [2, с. 22].

Кроме того, важным аспектом административных процедур является разработка и внедрение этических кодексов для образовательных учреждений и их персонала. Эти кодексы устанавливают стандарты поведения и профессиональной этики, определяют запреты на принятие взяток, подарков или других форм вознаграждений от студентов, родителей или других заинтересованных лиц. Важным аспектом таких кодексов является не только их формальное существование, но и их активная поддержка, и практическая реализация со стороны администрации и преподавателей [2 с. 31].

Кроме того, административные процедуры включают в себя механизмы обращения и расследования коррупционных случаев. Это может включать в себя создание специальных комиссий или отделов по борьбе с коррупцией, разработку процедур приема и рассмотрения жалоб на коррупционные действия, а также сотрудничество с правоохранительными органами для проведения расследований и наказания виновных лиц [1, с. 43].

Таким образом, административные процедуры играют важную роль в обеспечении честности и прозрачности в системе образования, создавая условия для эффективной борьбы с коррупцией и обеспечения доступа к качественному образованию для всех граждан.

Существует ряд успешных практик, которые демонстрируют эффективное использование административных процедур в борьбе с коррупцией в образовании. Ниже приведены некоторые из них:

1. Электронное мониторинговое сопровождение финансовых операций: в ряде образовательных учреждений были внедрены электронные системы мониторинга финансовых операций, которые позволяют автоматизированно отслеживать потоки средств и своевременно выявлять потенциальные нарушения. Это существенно улучшает прозрачность использования бюджетных средств и снижает вероятность коррупционных действий.

2. Автоматизированные процедуры приема: введение электронных систем подачи заявлений и оценки кандидатов при поступлении в учебные заведения сокращает возможность вмешательства чиновников или преподавателей в процесс приема. Это устраняет риск подкупа или других форм коррупции при отборе студентов.

3. Этические кодексы и профессиональные стандарты: разработка и внедрение этических кодексов для персонала образовательных учреждений, а также обязательное обучение этике и антикоррупционным принципам, способствует формированию адекватного поведения и сознательного отношения к коррупции среди участников образовательного процесса.

4. Механизмы обращения и расследования жалоб: создание специальных отделов или комиссий по борьбе с коррупцией, которые занимаются приемом и рассмотрением жалоб на коррупционные действия, а также проведением расследований и принятием мер к наказанию нарушителей. Это способствует активному выявлению и пресечению коррупционных случаев в образовательных учреждениях [1, с. 51].

Эти практики демонстрируют, что административные процедуры могут быть эффективным инструментом в борьбе с коррупцией в образовании, если они реализованы систематически и поддерживаются соответствующими ресурсами и контролем. Однако для достижения максимального эффекта необходимо постоянное совершенствование и улучшение данных практик в соответствии с изменяющимися условиями и вызовами.

Заключение

Коррупция в образовании остается серьезной проблемой, которая требует комплексного подхода для ее преодоления. Административные процедуры играют ключевую роль в этом процессе, предоставляя инструменты для предотвращения коррупционных практик, обеспечения прозрачности и эффективного контроля.

В рамках данной статьи были рассмотрены различные аспекты административных процедур в борьбе с коррупцией в образовании Российской Федерации. Это включает усиление финансового контроля, разработку этических кодексов, внедрение автоматизированных процедур приема и создание механизмов обращения и расследования жалоб.

Примеры эффективных практик, такие как электронное мониторинговое сопровождение финансовых операций и автоматизированные процедуры приема, показывают, что административные меры могут значительно снизить уровень коррупции и улучшить качество образования.

Однако важно понимать, что борьба с коррупцией в образовании требует постоянного внимания и усилий со стороны всех заинтересованных сторон – от администрации и преподавателей до студентов и родителей. Только совместными усилиями мы сможем создать честное и справедливое образовательное пространство, в котором каждый человек имеет равные возможности для обучения и развития.

Пристатейный библиографический список

1. Иванов А. И. Административные меры противодействия коррупции в образовании // Управление образованием: теория и практика. – 2020. – № 1 (17). – С. 43-51.
2. Ковалев П. А. Эффективные практики борьбы с коррупцией в образовании // Вестник образования и науки. – 2019. – № 2 (8). – С. 22-31.
3. Чертович В. Л. Коррупция в образовании: вызовы и стратегии преодоления // Современное образование: проблемы и перспективы. – 2017. – № 4 (23). С. 87-92.
4. Давыдова Н. С. (2018). Коррупция в сфере образования: проблемы и пути преодоления // Вестник Московского университета. – 2018. – № 3. – С. 42-53.

ПОПОВА Анастасия Александровна
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры кадрового обеспечения и управления персоналом в органах внутренних дел, Всероссийский институт повышения квалификации сотрудников МВД России

ЗАЙЧЕНКО Любовь Николаевна
старший преподаватель кафедры оперативно-технических мероприятий органов внутренних дел, Всероссийский институт повышения квалификации сотрудников МВД России

НАСЕКИНА Екатерина Сергеевна
старший преподаватель кафедры оперативно-технических мероприятий органов внутренних дел, Всероссийский институт повышения квалификации сотрудников МВД России

СОБЛЮДЕНИЕ ПРИНЦИПОВ ЕДИНОНАЧАЛИЯ И СУБОРДИНАЦИИ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

В рамках нормативной базы, регулирующей вопросы принципов служебной деятельности, рассматриваются: единоначалие и субординация.

Акцентируется внимание, что их соблюдение, положительно влияет на качество выполнения работы и достижения высоких результатов в службе, а также регулируются взаимоотношения в подразделениях и организациях системы МВД России и обеспечивается элементарный порядок.

Отмечается важность соблюдения ношения форменного обмундирования, норм служебного этикета, основных норм и правил отношений между сотрудниками, а также необходимость выполнения служебных обязанностей, без нарушений служебной дисциплины.

Ключевые слова: соблюдение принципов единоначалия и субординации, нормы служебного этикета, служебные задачи, система МВД.

POPOVA Anastasiya Alexandrovna
Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Personnel provision and personnel management in internal affairs bodies sub-faculty, All-Russian Institute for Advanced Training of Employees of the MIA of Russia

ZAYCHENKO Lyubov Nikolaevna
senior lecturer of Operational and technical measures of internal affairs bodies sub-faculty, All-Russian Institute for Advanced Training of Employees of the MIA of Russia

NASEKINA Ekaterina Sergeevna
senior lecturer of Operational and technical measures of internal affairs bodies sub-faculty, All-Russian Institute for Advanced Training of Employees of the MIA of Russia

OBSERVANCE OF THE PRINCIPLES OF UNITY OF COMMAND AND SUBORDINATION IN THE INTERNAL AFFAIRS BODIES

Within the framework of the regulatory framework governing the principles of professional activity, the following are considered: unity of command and subordination. It is emphasized that their observance has a positive effect on the quality of work and achievement of high results in the service, as well as regulates relationships in departments and organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia and ensures basic order. It is noted the importance of observing the wearing of uniforms, the norms of official etiquette, the basic norms and rules of relations between employees, as well as the need to perform official duties without violating official discipline.

Keywords: observance of unity of command and subordination, norms of official etiquette, official tasks, the system of the Ministry of Internal Affairs.

Согласно Федеральному закону «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 30.11.2011 № 342-ФЗ (далее - ФЗ «О службе»), принципами службы в органах внутренних дел являются: единоначалие и субординация (подчиненность) на службе (пункт 1 части 2 статьи 4) [1].

Советский энциклопедический словарь содержит следующие определения:

Единоначалие - принцип управления, представляющий руководителю, широкие полномочия необходимые для выполнения служебных задач [2].

Субординация представляет собой систему сложных отношений, когда руководители (начальники) подразделений вместе со своим непосредственными подчинёнными подчиняются вышестоящим руководителям.

На наш взгляд, выше названные принципы не могут быть реализованы в служебной деятельности без уважения.

Безусловно, в органах внутренних дел субординация представляет собой систему сложных отношений, когда руководители подразделений вместе со своим личным составом подчиняются руководителям более высокого ранга.

Указ Президента Российской Федерации «О дисциплинарном уставе органов внутренних дел Российской Федерации» от 14.11.2012 № 1377 (далее - «Дисциплинарный устав»), обязует сотрудника соблюдать субординацию и проявлять уважение ко всем сотрудникам вне зависимости от их служебного положения и места службы [3].

Кроме того, Дисциплинарный устав регламентирует следующее:

– «служебная дисциплина в органах внутренних дел обеспечивается: уважением руководителем чести и достоинства подчиненных»;

– «приказ руководителя – служебное требование, обращенное к подчиненным сотрудникам, об обязательном выполнении определенных действий, о соблюдении правил или об установлении порядка, положения»;

– «приказ может быть отдан в письменной или устной форме, в том числе посредством использования технических средств связи, одному подчиненному или группе подчиненных. Приказ, отданный в письменной форме, является основным распорядительным служебным документом (правовым актом), издаваемым руководителем на правах единоначалия»;

– «руководителю запрещается отдавать приказ, не имеющий отношения к выполнению подчиненными служебных обязанностей или направленный на нарушение законодательства Российской Федерации» [3];

На наш взгляд, приказы подчиненным, должен отдавать непосредственный руководитель, в исключительных случаях прямой.

Пренебрежение этой нормой, ставит под сомнение авторитет нижестоящих руководителей перед своими подчиненными и разрушает их ответственность за результаты работы этих подчиненных.

В соответствии со статьёй 27 Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» сотрудник обязан: обращаться по служебным вопросам к своему непосредственному начальнику, а при необходимости и к прямому начальнику, поставив при этом в известность непосредственного начальника [4].

Непосредственный руководитель имеет право поощрять и наказывать сотрудника в объеме своих полномочий, а также ходатайствовать перед прямыми руководителями о поощрении и наказании сотрудников.

Право руководителя (начальника) поощрять и наказывать сотрудника, в объеме своих полномочий необходимо для успешного управления коллективом. Успешному выполнению служебных задач, помогает соблюдение норм служебного этикета. Соблюдение норм профессиональной морали контролируется службами собственной безопасности и средств массовой информации, а также общественным мнением.

Во Франции при Людовике XIV на званом приеме на стол выкладывались этикетки (на которых с одной стороны было написано имя гостя, а на другой сжато излагалось, как следует вести себя за столом и в обществе).

Этика и этикет различаются по характеру своих санкций: в этике нарушитель моральной нормы оценивается как потерявший «человеческое в человеке» (ведет себя не по-людски, не по-человечески); в этикете нарушение этикетной нормы оценивается общественным мнением как несоответствие своей референтной группе (ведет себя не по-офицерски, не поджентльменски).

Если применять универсальные правила уважительного взаимодействия друг с другом, это способствует более качественному выполнению служебных задач. Этикет - это про уровень личной культуры. Например, люди не убивают друг друга не только, потому, что это запрещено на законодательном уровне, а потому что в нашей культуре есть понимание ценности человеческой жизни. Точно, так же мы не имеем право избивать кого-то морально!

В заключение обратим внимание, на то, что соблюдение принципов единоначалия и субординации в органах внутренних дел, положительно влияет на качество выполнения работы и достижения высоких результатов в службе.

Данные принципы регулируют взаимоотношения в подразделениях и организациях системы МВД России и обеспечивают элементарный порядок.

Пристатейный библиографический список

1. О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Советский энциклопедический словарь. - 3-е издание. - М.,1985. - С. 425, 1278.
3. О дисциплинарном уставе органов внутренних дел Российской Федерации: Указ президента РФ от 14.11.2012 № 1377. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. О полиции: Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. О дополнительных мерах по совершенствованию взаимоотношений сотрудников органов внутренних дел, военнослужащих внутренних войск МВД России, военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации от 15.08.1996. Приказ МВД № 444 и Минобороны № 312. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ПРИХОДЬКО Виталий Вячеславович
старший преподаватель, Институт высокотехнологичного права, социальных и гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Московский институт электронной техники»

СТАНОВЛЕНИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОМ РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

В статье рассмотрены вопросы развития российского законодательства о половых преступлениях, ответственности за их совершение, начиная с X века до 1917 года. Отмечается последовательное совершенствование юридической техники российских законодателей, раскрываются недостатки и достоинства нормативно-правовых документов. Выделены условные этапы развития дореволюционного уголовного законодательства о преступлениях против половой неприкосновенности. Автором проанализированы статистика половой преступности отдельных периодов и практика назначения наказаний.

Ключевые слова: половые преступления, пошибание, изнасилование, растление, мужеложство, сводничество, непотребство, развратные действия.

PRIKHODKO Vitalii Viacheslavovich
senior lecturer, Institute of High-Tech Law, Social and Humanitarian Sciences, National Research University «Moscow Institute of Electronic Technology»

FORMATION OF RESPONSIBILITY FOR CRIMES AGAINST SEXUAL INTEGRITY IN PRE-REVOLUTIONARY RUSSIAN LEGISLATION

The article examines the development of Russian legislation on sexual crimes, responsibility for their commission, from the 10th century to 1917. The consistent improvement of the legal technique of Russian legislators is noted, the shortcomings and advantages of regulatory documents are revealed. The conditional stages of the development of pre-revolutionary criminal legislation on crimes against sexual integrity are identified. The author analyzes the statistics of sexual crime in individual periods and the practice of sentencing.

Keywords: sexual crimes, beating, rape, corruption, sodomy, pimping, indecency, indecent acts.

В первых законах Древней Руси не было понятия половых преступлений. Так, краткая и пространная редакции Русской правды не содержали специальных составов преступлений против половой свободы и неприкосновенности, вместе с тем говорить об отсутствии ответственности за совершение таковых не приходится.

В средневековой России существовал церковный суд, рассматривавший достаточно широкий круг уголовных и гражданских дел, как духовных, так и светских лиц, который имел важное значение в функционировании и становлении судебной системы в целом. Именно церковному суду были подсудны дела против нравственности, в том числе и об изнасиловании («пошибанье»).

Первыми законодательными памятниками на Руси, определившими понятие преступлений против половой неприкосновенности и ответственность за их совершение, были Уставы великих князей Киевских Владимира Святославовича, Ярослава Мудрого и некоторые другие [1].

Так, по Уставу князя Владимира церковный суд разбирал такие уголовные преступления, как изнасилование, кровосмесительные связи, когда родственники «в племени и в сватьстве поимуться», а также скотоложество (ст. 9) [2]. При этом, определив подведомственность таких дел церковному суду, Устав князя Владимира не определял систему наказаний за такие преступления. Подробное определение наказаний за противоправные действия, разбиравшиеся церковным судом, содержится в Уставе князя Ярослава Мудрого.

Статья 3 предусматривала ответственность за «пошибание» женщин в зависимости от статуса потерпевшей – ей подлежала выплата от 12 гривен кун до 5 гривен золотом, причем такие же штрафы подлежали выплате и митрополиту. Статья 2 Устава предусматривала ответственность за похищение женщины с целью вступления в брак, а штрафы также различались в зависимости от статуса потерпевшей. Уставом также предусматривалась ответственность за вступление в половую связь отчима с падчерицей (ст. 24), пасынка с мачехой (ст. 26), отца с дочерью (ст. 28), брата с сестрой или двумя сестрами (ст.ст. 15, 23), за «блуд с животным» (ст. 21), а также за иные деяния нравственного характера [3].

«Правосудие митрополичье» (далее – «Правосудие»), создание которого относят к XIII-XIV вв., как памятник церковного права следует рассматривать неразрывно с княжескими Уставами как источниках понятия преступлений против половой неприкосновенности и наказания за них. За исключением, установленных в некоторых случаях санкций треть статей «Правосудия» почти полностью повторяет статьи Устава князя Ярослава Мудрого. Так, при насилии в отношении девушки и ее похищении митрополит, согласно Уставу князя Ярослава, налагал особый штраф на виновного, а также на сообщников. В «Правосудии» сохранилось указание на взимание штрафа в пользу епископа только с соучастников преступления (ст. 3) [4].

Судебники 1497 года, 1550 года, 1589 года специальных норм, предусматривающих понятие преступлений против половой неприкосновенности, не содержали.

Соборное Уложение 1649 года хоть и является довольно усовершенствованным и кодифицированным памятником права, преступления против половой неприкосновенности специально в нем не выделяются. Статья 207 Главы X «О суде» предусматривает ответственность как за «какое насильство», так и за «бой, раны, убытки, обиды». Статья 25 Главы XXII наказывает битьем кнутом, как мужчин, так и женщин за то, что они «учнут делати свады жонками и девками на блудное дело» [5].

В период становления абсолютизма основным законом Российской империи стал Артикул воинский 1715 года (далее – Артикул воинский, Артикул), который предназначался для регламентации вопросов военно-уголовной юрисдикции. На практике же Артикул применялся и в общих судах, что позволяет рассматривать его в качестве общегосударственного уголовно-правового закона.

Артикул состоял из 209 статей (артикулов), включенных в 24 главы, и предусматривал ответственность практически за исчерпывающий круг преступлений, которые мог совершить военнослужащий, как в мирное, так и в военное время - от противоцерковных до специфически воинских. Тщательность работы законодателя, предусмотревшего в нормативно-правовом документе как составы общераспространенных преступлений (причинение смерти, хищение, изнасилование, причинение телесных повреждений), так и «экзотические» (чародейство, идолопоклонничество) [6].

Преступления против половой неприкосновенности и нравственности выделяются в главе двадцатой Артикула «О содомском грехе, о насилии и блуде». Так, телесным наказанием наказывалось «смешение человека со скотом и безумною тварию» (Артикул 165). Законодатель впервые предусмотрел ответственность за половые преступления в отношении ребенка (отрока): Артикул 166 предусматривал телесные наказания за «осквернение отрока», а также за мужеложство, однако если это начальством учинено, то наказывалось смертной казнью или вечной ссылкой на галеру.

Изнасилование женщины вне зависимости от возраста и семейного положения каралось отсечением головы или вечной ссылкой на галеру «по силе дела» (Артикул 167). Однако, во избежание возможного оговора со стороны «скверных» женщин, заявлявших, что «насилством чести своей лишены и насилствованы», судья был обязан установить истину, которая могла быть подтверждена свидетелями, слышавшими, как потерпевшая «с великим криком других на помощь призывала», а если события имели место в лесу (другом уединенном месте), то верить женщине не полагалось, даже если она «в доброй славе была». Имелись обстоятельства, позволявшие суду поверить потерпевшей, даже в случае неочевидного насилия: 1) повреждения на одежде у женщины или у насильника; 2) наличие телесных повреждений у потерпевшей и (или) преступника. В таких случаях женщине давался срок не более дня на обращение к судье, в противном случае законом признавалось ее согласие на вступление в половую связь. Артикул также предписывал суду смотреть «не на особу», а на обстоятельства преступления, признавая преступным изнасилование «явных блудниц».

Артикул 168 наказывал отсечением головы мужчину, который даже с позволения женщины, не состоящей в браке, тайно уведет ее и изнасилует. При этом не являлось преступлением, если «уведенная уводчикова была невеста заручена».

За обольщение незамужней женщины обещанием жениться на ней (толкование к Артикулу 176) виновный был обязан содержать беременную и жениться на ней. Рождение ребенка незамужней женщиной от холостого мужчины без обещания последнего жениться на ней наказывалось материальным содержанием женщины и ребенка, а также тюрьмой и церковным покаянием. В случае последующего заключения брака между ними Артикул предписывал «их не штрафовать».

Несмотря на существенный сдвиг в регулировании Артикулом правоотношений, связанных с совершением половых преступлений, составы деяний этой категории не были конкретизированы: растление не отделялось от изнасилования, не наказывалось совершение насильственных действий сексуального характера и ненасильственных преступлений против половой свободы и неприкосновенности.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года1 (далее – Уложение о наказаниях, Уложение 1845 года) было одним из первых законодательных актов, наиболее полно отразившим совокупность половых преступлений и систематизировав их. Вместе с тем, привычная нам система на основе общности объекта преступлений не была до конца соблюдена законодателем [7]. Прослеживалось деление на Общую и Особенную части: Общая имела только один раздел, Особенная часть включала остальные 11 разделов. Законодатель стремился использовать объект преступления в качестве критерия систематизации [8].

Рассматриваемым составам преступлений были посвящены несколько глав, разрозненных между собой: ответственность за преступления против общественной нравственности предусматривалась в статьях главы IV раздела VIII; в отделении первом главы VI раздела X содержались преступления против чести и целомудрия женщин, а преступления против брачного союза, злоупотреблениях родительской властью, преступлениях против союза родственного – в главах I – III раздела XI. Таким образом, в законе не было единой главы, закрепляющей ответственность за половые преступления.

Уложение 1845 года закрепило такое понятие, как «непотребство» (разврат, гнусное поведение, непотребное дело). Непотребное поведение в публичном месте (ст. 1281) наказывалось тюремным заключением от шести месяцев до двух лет, как для мужчин, так и для женщин.

Наказуемым было открытие публичных домов (ст. 1282), способствование непотребству сотрудниками и собственниками гостиниц, заведений общественного питания, бань и других публичных заведений (ст. 1283), дозволение непотребства не на постоянной основе за денежное или иное вознаграждение в занимаемых или находящихся в ведении виновного помещениях (ст. 1284).

Впервые введена норма об уголовной ответственности родителей и иных лиц, обязанных воспитывать малолетних и несовершеннолетних, за действия по благоприятствованию склонности к непотребству, либо побуждение к непотребству своими внушениями и обольщениями (ст. 1285). Данные деяния наказывались тюремным заключением на срок от трех до шести месяцев, дополнительным обязательным наказанием было пожизненное лишение права иметь за малолетними и несовершеннолетними надзор.

Мужеложство (ст. 1293) наказывалось лишением всех прав состояния и ссылке в Сибирь на поселение, а также от 10 до 20 ударов плетьми.

Если мужеложство совершалось с применением насилия либо по отношению к малолетним или слабоумным (ст. 1294), то преступник помимо лишения всех прав состояния наказывался каторжными работами в крепостях на срок от 10 до 20 лет, а также от 60 до 70 ударов плетьми с наложением клейма.

За совершение скотоложства (ст. 1295) виновный ссылался на поселение в отдаленные места Сибири с наказанием плетьми от 20 до 30 ударов и лишением всех прав состояний.

Предусматривалось наказание для отца или матери, совершивших по отношению к своим детям сводничество (ст. 1296), а также для мужа за сводничество своей жены (ст. 1297), опекуна, учителя или другого лица, имеющего надзор за малолетними или несовершеннолетними, совершивших сводничество в отношении подопечных (ст. 1298), а также для иных лиц, изобличенных в сводничестве (ст. 1299). Сводничество как профессиональная деятельность наказывалось также, как и открытие публичного дома (ст. 1300).

Исследователями того времени сводничество определялось как: 1) оказание содействия совокуплению со стороны лиц, имеющих власть или попечение над кем-либо из сводничаемых; 2) благоприятствование разврату и порокам несовершеннолетних, которое в свою очередь делили на: а) благоприятствование склонности к непотребству и порокам; б) побуждение к таким порокам внушениями и обольщениями разного рода [9].

Изнасилование в Уложении о наказаниях было отнесено к преступлениям против чести отделения первого «О преступлениях против чести и целомудрия женщин» главы VI «О оскорблениях чести» раздела X.

1 Архив открытого доступа Санкт-Петербургского государственного университета. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://dspace.spbu.ru/handle/11701/8933 (дата последнего обращения 01.12.2024).

Статьей 1998 предусматривалась ответственность за растление потерпевшей, не достигшей 14-летнего возраста, с применением насилия. Виновный подвергался лишению всех прав состояния со ссылкой на каторжные работы в крепостях на срок от 10 до 20 лет. Такие же действия без применения насилия, но с использованием доверчивости и неведения потерпевшей (ст. 1999) наказывались менее сурово – ссылкой на каторжные работы в крепостях от 8 до 10 лет, либо каторжными работами на заводах на срок от 4 до 8 лет. Отягчающим обстоятельством было совершение полового сношения с использованием предоставленных родителями, опекунами или родственниками полномочий в отношении ребенка, в таком случае предусматривалась ссылка виновного на каторжные работы в крепостях на срок от 10 до 12 лет. Во всех случаях совершения преступлений против половой неприкосновенности лиц, не достигших 14-летнего возраста, виновного клеймили.

Статья 2000 предусматривала ответственность за изнасилование потерпевшей, достигшей 14-летнего возраста, в виде каторжных работ на заводах на срок от 4 до 8 лет. Обстоятельствами, отягчающими наказание (ст. 2001) за изнасилование потерпевшей, достигшей 14-летнего возраста, являлись: замужний статус потерпевшей; похищение; истязания и побои; приведение преступником жертву в беспомощное состояние (беспамятство, сон); совершение преступления опекуном, попечителем или наставником изнасилованной, смотрителем тюрьмы или иного заведения, в котором содержалась потерпевшая, иным лицом, имеющей над ней власть, лечащим врачом; изнасилование крепостным или наемным работником самой изнасилованной или членов ее семьи; когда жизнь изнасилованной подвергалась опасности.

Смерть потерпевшей в результате изнасилования согласно ст. 2002 наказывалась каторжными работами в крепостях на срок от 10 до 20 лет с телесными наказаниями и клеймением.

Покушение на изнасилование (ст. 2004) определялось как похищение женщины или девицы в намерении изнасиловать ее, если преступник не успел совершить сего по независящим от него обстоятельствам. Лицо, отступившее от данного преступного намерения по собственному побуждению или по убеждению похищенной, также подвергалось заключению в тюрьме от 3 до 6 месяцев или к аресту на срок от 3 недель до 3 месяцев.

Похищение женщины с целью причинения вреда ее репутации, а также с целью обольщения, без намерения изнасилования (ст. 2005) наказывалось заключению в смирительный дом на различные сроки в зависимости от личности и статуса потерпевшей.

В отдельный состав преступления (ст. 2007) Уложение 1845 года выделило совершение опекуном, учителем или иным лицом, имеющим надзор или власть над несовершеннолетней, достигшей 14-летнего возраста, обесчестия и обольщения потерпевшей. Если же деяние совершалось ее слугой, а также слугой ее родителей, опекунов или родственников, это являлось отягчающим обстоятельством.

По Уложению о наказаниях «преступления против чести и целомудрия женщин» относились к делам частного обвинения кроме случаев смерти потерпевшей. Иск могли подать как сама потерпевшая, так и ее законные представители, а также супруг, если потерпевшая состояла в браке.

К рассматриваемым преступлениям можно отнести и нормы «О противозаконном вступлении в брак», в котором к уголовно-наказуемым отнесен ряд деяний по принудительному или путем обмана вступлению в брак, бракосочетание с лицами иных религий, нарушение правил вступления в брак по критериям родства или свойства и другие деяния морального и нравственного характера, совершенные против института брака и семьи. Обвиняемыми могли быть как мужчина, так и женщина, наказание также предусматривалось для священнослужителей, совершивших обряды таких бракосочетаний.

Отдельными видами преступлений, которые также можно отнести к категории половых, являлось кровосмешение, ответственность за которые содержалась в главе III «О преступлениях против союза родственного» раздела XI. Преступления различались в зависимости от степени родства лиц, вступающих в половую связь. Кровосмешение родственников по прямой, восходящей или нисходящей линии наказывалось телесными наказаниями и ссылке в отдаленные места Сибири в тюрьму на 10 лет, а по истечении этого времени – в монастырь на всю жизнь (ст. 2087).

Уголовно-наказуемым было и кровосмешение родственников в боковых линиях и с близкими до второй степени включительно, свойственниками (ст. 2088). Кровосмешение с изнасилованием наказывалось согласно правилам о совокупности преступлений (ст. 2089).

Исследование статистических данных показало, что доля изнасилований и растлений в общей массе преступлений, например в Тамбовской губернии, за десятилетие с 1857 по 1866 гг. составила 90 преступлений из 8 596 совершенных, то есть 1,04 % от общего числа преступлений[10].

В последней четверти XIX века был отмечен рост половых преступлений. Их число, зарегистрированных полицией, составляло в среднем в год: в 1874-1883 гг. – 1,8 тысяч; в 1884-1893 гг. – 3,1 тысяч; в 1894-1905 гг. – 9,7 тысяч [11].

Практика осуждения и назначения наказания за половые преступления была различной.

Например, вечером 27 декабря 1906 года в с. Троицком Туринского уезда Тобольской губернии Аполлон Рублев, находясь в состоянии опьянения, затащил во двор проходившую по улице замужнюю крестьянку Евгению Куреневу и, повалив ее на землю, насильственно совершил с ней «половое совокупление». В ходе судебного разбирательства потерпевшая заявила, что прощает подсудимого при условии уплаты ей 60 рублей. Тобольский окружной суд учел позицию потерпевшей и назначил преступнику минимальное наказание: три месяца тюремного заключения без ограничения в правах [12].

Приговором Таганрогского окружного суда от 7 декабря 1910 года к на пяти годам исправительного арестантского отделения приговорен житель с. Нижнего Куркулака Бердянского уезда Григорий Иванов Хилько, который «3 сентября 1909 года на дороге между с. Сладкой Балкой и хутором Власовым Хилько догнал и остановил состоявшую в замужестве Суклитинию Снежко. Он нанес ей удар деревянной палкой по левому бедру, а затем свалил ее на землю, сдавив одной рукой горло … после чего вопреки воли ее и, не взирая на оказанное ему сопротивление, насильственно совершил с ней полный половой акт» [13]. Побои, причиненные при изнасиловании, трактовались судом как отягчающее обстоятельство, что соответствовало требованиям закона.

К 10 годам каторжных работ решением Екатеринодарского окружного суда от 28 марта 1911 года приговорен 26-летний Никифор Власенко. Решением присяжных заседателей он признан виновным в том, что «13 июля 1910 года в доме крестьянина Саввы Максименко, положив на кровать 11-летнюю дочь последнего Ирину и туго обмотав ей шею платком, совершил с ней, против воли и желания ее, насильственное половое совокупление» [14].

Несмотря на многочисленность норм, регулирующих преступления против половой неприкосновенности, и обширную систему наказаний, Уложение 1845 года имело и недостатки. В нем не получили правовое регулирование ряд противоправных действий, например, совершение преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетнего лица мужского пола со стороны совершеннолетней женщины, половое насилие женщины над женщиной и другие. Этот нормативно-правовой акт был излишне казуальным, характеризовался громоздкостью системы наказаний.

В то же время, Уложение о наказаниях являлось первым российским кодифицированным уголовным законом, в котором содержались только нормы уголовного права. Его анализ показал, что в середине XIX века законодатель всерьез озаботился проблемой половой свободы и непри-

косновенности в целом, и в особенности несовершеннолетних. Документ имел достаточно конкретизированные нормы в сравнении с более ранними памятниками права, достаточно полно отражал сформировавшиеся в Российской Империи общественные отношения и особенности преступлений, и с вносимыми в него изменениями действовал вплоть до 1917 года.

Уголовное уложение 1903 года является вторым после Уложения 1845 года актом отраслевой кодификации. В императорском Указе о принятии Уголовного уложения отсутствовали сведения о времени и порядке вступления его в действие. Распоряжением Николая II Правительствующему Сенату предписывалось «сделать распоряжение к обнародованию Уложения и к приведению засим в действие в срок, который будет нами особо к тому назначен» [15]. В течение 1904-1911 гг. вступили в действие, полностью или частично лишь 13 из 37 глав Уголовного уложения. Одновременно с ним продолжало действовать Уложение о наказаниях 1845 года в редакции 1885 года [16].

В Уголовном уложении преступления против половой свободы и неприкосновенности содержались в главе «О непотребстве», включающей 17 статей, из которых вступили в силу только шесть - 524-529 [17].

В отличие от Уложения 1845 года, Уголовное уложение 1903 года объединило рассматриваемые виды преступлений в одной главе под общим наименованием «непотребства» ввиду однородности преступного намерения, которое в этих противоправных деяниях относится к удовлетворению плотской связи [18].

Вступившими в силу нормами предусматривалась ответственность за сводничество для непотребства с потерпевшей в возрасте от 14 до 21 года (ч. 1 ст. 524), сводничество жены, дочери или состоящей под властью или попечением с лицами, являющимися родственниками или свойственниками (ч. 2 ст. 524), а также профессиональное занятие сводничеством лиц женского пола в возрасте от 14 до 21 года.

К уголовно-наказуемому деянию относилось потворство непотребству, совершенное родителем, опекуном, попечителем или лицом, имеющим надзор за несовершеннолетним, не достигшим 17-летнего возраста, а также такое же деяние, совершенное находящейся при нем прислугой (ст. 525).

Наказывалось вовлечение в занятие проституцией (ст. 526), склонение к промыслу непотребства с выездом из России, а также профессиональная деятельность по склонению к непотребству, получение прибыли мужчиной в результате промысла непотребством женщины, находящейся под его влиянием, вербование мужчиной женщин для обращения непотребства в промысел в притонах разврата (ст. 527).

Наказуемым было и неисполнение установленных правил для предупреждения непотребства и пресечения вредных от того последствий (ст. 528), принятие в притон разврата лиц женского пола моложе 21 года (ст. 529).

С учетом не вступивших в законную силу норм Уголовное уложение 1903 года превзошло своих предшественников по количеству подлежащих уголовному наказанию преступлений против половой свободы и неприкосновенности, и деяний, не связанных с удовлетворением половой страсти, и явилось значимым правовым актом, развивающим институт охраны половой неприкосновенности в российском законодательстве.

Таким образом, в истории развития дореволюционного отечественного уголовного законодательства за совершение преступлений против половой неприкосновенности можно выделить два этапа.

К начальному или первому этапу развития законодательства можно отнести период с конца X до начала XVIII века, то есть с момента появления Уставов князя Владимира и Ярослава Мудрого до издания Артикула 1715 года, характеризовавшийся отсутствием единой системы правовых норм, определяющих составы половых преступлений и рассмотрением дел церковными судами.

Второй этап развития уголовного законодательства (начало XVIII века - 1917 год), выделяется упорядочением и систематизацией рассматриваемых преступлений в законодательных актах. Появилась ответственность за мужеложство, выработался принцип дифференциации ответственности в зависимости от возраста потерпевшего.

Формирование отечественного уголовного законодательства об ответственности за половые преступления в дореволюционный период внесло большой вклад в развитие уголовной ответственности в соответствии с реалиями общественных отношений и стало прологом к разработке современного уголовного закона.

Пристатейный библиографический список

1. Кутафин О. Е., Лебедев В. М., Семигин Г. Ю. Судебная власть в России: история, документы. - М.: Мысль, 2003. - Т. 1. - С. 518.
2. Российское законодательство X-XX веков / Под общей редакцией О. И. Чистякова. - М.: Юридическая литература. 1984 (далее – Российское законодательство X-XX вв.). - Т. 1. - С. 147-151.
3. Российское законодательство X-XX вв. - Т. 1. - С. 189-193.
4. Памятники русского права / Под ред. С. В. Юшкова. - М.: Госюриздат, 1952-1961. (далее - Памятники русского права). - Т. 3. - С. 429-432.
5. Российское законодательство X-XX вв. - Т. III.
6. Серов Д. О. Военно-уголовное и военно-процессуальное законодательство России первой четверти XVIII в. // Актуальные проблемы российского права. - 2014. - № 2. (СПС «Консультант плюс»).
7. Майданович Н. В. Проблема объектов половых преступлений в уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. // Сибирский юридический вестник. - 2015. - № 1 (68). - С. 24.
8. Безматерных М. А. Уголовная ответственность за половые преступления против несовершеннолетних по Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года в редакции 1885 года // Молодой ученый. - 2017. - № 25 (159). - С. 217.
9. Белогриц-Котляревский Л. С. Учебник русского уголовного права. Общая и особенная части. - Киев. Южно-русское книгоиздательство Ф. А. Иогансона, 1903. - С. 532.
10. Памятная книжка Тамбовской губернии на 1868 г. Тамбов. Типография губернского правления, 1868. - С. 2-4.
11. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. - Т. 2. - СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2003. - С. 90.
12. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГА РФ). - Ф. 124. - Оп. 26. Д. 563. Л. 6.
13. ГА РФ. - Ф. 124. - Оп. 29. Д. 252. Л. 3, 3об.
14. ГА РФ. - Ф. 124. - Оп. 29. Д. 444. Л. 7об.
15. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. - М.: Наука, 1994. - Т. 2. - С. 381.
16. Дудырев Ф. Ф. Разработка и принятие Уголовного уложения 1903 г. // Актуальные проблемы экономики и права. - 2009. - № 4. - С. 193-197.
17. Кондрашова Т. В. Развитие взглядов российского законодателя на регулирование и охрану половых отношений. К 100-летию Уголовного уложения 1903 года // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. - 2003. - № 1 (6). - С. 166-174.
18. Таганцев Н. С. Лекции по русскому уголовному праву. Часть Особенная. - СПб.: Тип. С.-Петерб. Тюрьмы, 1894. - С. 439.

СТУПИНА Светлана Александровна
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры судебной экспертизы, Сибирская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России, г. Железногорск

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ВЫМОГАТЕЛЬСТВА, СОВЕРШЕННОГО В СОУЧАСТИИ

На основе анализа судебной практики автором рассмотрены вопросы квалификации вымогательства, совершенного в соучастии. Отдельное внимание уделено соисполнительству в таком преступлении. Кроме этого, рассмотрено соучастие в вымогательстве, совершаемом с использованием информационно-телекоммуникационных сетей. Также исследованы отдельные вопросы пособничества вымогательству, совершенному группой лиц по предварительному сговору.

Ключевые слова: вымогательство, соучастие, соисполнители, группа лиц по предварительному сговору, пособничество вымогательству.

STUPINA Svetlana Alexandrovna
Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Forensic science sub-faculty, Siberian Fire and Rescue Academy of the EMERCOM of Russia, Zheleznogorsk

SOME QUESTIONS ABOUT THE QUALIFICATION OF EXTORTION COMMITTED IN COMPLICITY

Based on the analysis of judicial practice, the author considers the issues of qualification of extortion committed in complicity. Special attention is paid to co-execution in such a crime. In addition, complicity in extortion committed using information and telecommunication networks is considered. Separate issues of aiding and abetting extortion committed by a group of individuals by prior agreement have also been investigated.

Keywords: extortion, complicity, co-executors, group of persons by prior agreement, complicity in extortion.

Вопросы квалификации вымогательства, совершенного в соучастии, независимо от того, что их анализу и исследованию уделяется значительное внимание со стороны научной общественности, остаются актуальными, поскольку современные реалии ставят перед правоприменителем все новые вопросы. Часть последних обусловлена модификацией действий вымогателей, использующих для достижения своих преступных целей современные цифровые технологии.

Кроме этого, на фоне трансформации экономических отношений, вымогательства становятся сопутствующим негативным явлением таких изменений, что подтверждается данными, согласно которым, если в 2019 году правоохранители зафиксировали 5384 факта вымогательства, то в 2023-м – уже 8939 [1]. При этом нередко вымогательства совершаются не в одиночку, а в соучастии, чаще всего группой лиц по предварительному сговору.

По вопросам квалификации соучастия относительно вымогательства в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2015 № 56 «О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации)» даны разъяснения только в части установления такой формы соучастия, как группа лиц по предварительному сговору. При этом даже такая сложная для установления с точки зрения правоприменителя форма соучастия, как организованная группа, в указанном постановлении не нашла всестороннего раскрытия, что явно не способствует унификации правоприменительной практики.

По п. 14 вышеуказанного постановления Пленума Верховного Суда РФ для соисполнительства, лежащего в основе признания группы лиц по предварительному сговору, необходимо установить, что каждый из соучастников совершает отдельное действие, входящее в объективную сторону вымогательства (высказывает требование либо выражает угрозу, либо применяет насилие).

Согласно законодательному определению вымогательства по ч. 1 ст. 163 УК РФ объективная сторона последнего имеет сложную структуру и состоит из требования и соответствующей конкретной угрозы, т.е. обязательно должно быть психическое воздействие, психическое насилие, которое реально воспринимается потерпевшим и у него имеются все основания опасаться реального осуществления такого воздействия, такой высказываемой угрозы.

Реальность угрозы применения насилия можно установить путем оценки таких факторов, как поведение вымогателя, характер и интонация его высказываний, физические параметры преступника, его связь с криминальным миром, о чем должно быть известно потерпевшему, предшествующие взаимоотношения и т.п.

Рассматривая соисполнительство в вымогательстве, совершенном с угрозой применения насилия, отметим, что в правоприменительной практике имеют место ситуации, когда такими соучастниками признаются и те, кто никаких высказываний, требований не осуществлял, а просто, согласно предварительной договоренности, присутствовал при совершении преступления [2], [3], [4].

Таким образом, соучастие устанавливается для тех, кто только своим присутствием создавал численное превосходство и впечатление реальности непосредственного исполнения угроз, т.е. обеспечивало создание видимого численного превосходства и физической силы.

По этому поводу в научной литературе отмечается, что конструкция состава вымогательства позволяет также относить к групповому вымогательству случаи, когда один из соучастников фактически исполняет все признаки объективной стороны, а действия других ограничиваются фактом присутствия на месте преступления с целью оказания психического давления на потерпевшего [5, с. 69], [6, с. 63].

Полагаем, что такие утверждения не бесспорны и их однозначность зависит от конкретных обстоятельств совершенного вымогательства.

Согласно положениям УК РФ, соисполнителем является тот, кто непосредственно участвовал в совершении преступления совместно с другими лицами. Совершение преступления предполагает выполнение общественно опасного деяния. По приведенным выше примерам судами признается факт совершения вымогательства со стороны лиц, которые бездействовали. Это при том, что объективная сторона состава преступления, установленного ч. 1 ст. 163 УК РФ, сформулирована через активные действия.

Таким образом, полагаем, что в ситуации, если лица, присутствовавшие при предъявлении требования под угрозой применения насилия, не совершали никаких действий: демонстрация оружия, силы, показ жестов, подтверждающих намерение осуществить угрозу, самостоятельные высказывания в поддержку выдвинутого другим лицом требования и т.п., то они не могут быть признаны соисполнителями и в таком случае нельзя вести речь о группе лиц по предварительному сговору.

Так, в кассационной инстанции была подтверждена правильность квалификации действий лица, предоставившего транспортное средство вымогателям и управлявшее им при совершении другими лицами вымогательства в отношении потерпевшего-пассажира, именно как пособника вымогательства, совершенного группой лиц по предварительному сговору [7].

Равно как и по другому делу, водителю транспортного средства, присутствующему при совершении у него в машине вымогательства, было вменено пособничество, при том, что, например, в приговоре было указано, что потерпевший догадался о том, что водитель был в курсе его проблем, знал лицо, управляющее транспортным средством по своему криминальному прошлому, как жестокого человека, что послужило средством реальности восприятия высказываемых со стороны другого лица угроз [8].

Рассматривая вымогательство, совершенное путем шантажа, остановимся на возможности соучастия в таком преступлении в ситуации, когда оно совершается с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, в том силе сети интернет.

Так, по одному из дел, совершенном посредством мессенджера «Телеграм» лицо было осуждено за вымогательство, совершенное группой лиц по предварительному сговору, в целях получения имущества в особо крупном размере [9]. При этом согласно данным приговора действия участников такой группы были следующими. Одно лицо, согласно предварительной договоренности, занималось поиском сведений, позорящих потерпевшего, в том числе сведений о привлечении последнего к уголовной ответственности, другие лица совместно с первым подготавливали тексты с позорящими потерпевшего сведениями, далее их размещали их на среди подписчиков потерпевшего. Осужденная же вела непосредственный диалог через мессенджер с потерпевшим, в рамках которого выдвинула требование о передаче имущества под угрозой продолжения дальнейшего распространения сведений, позорящих потерпевшего, а также требование о передаче имущества за блокировку ранее распространенных сведений.

Не вдаваясь в имеющую место в последнее время среди специалистов полемику о необходимости дополнения состава вымогательства требованиями, подкрепленными информацией о прекращении доступа пользователей информационно-телекоммуникационных сетей к распространенным виновными сведений, позорящих потерпевшего, остановимся на вопросе об обоснованности соисполнительства и группы лиц по предварительному сговору, соответственно, при указанных выше обстоятельствах.

Полагаем, что такой вид соучастия возможен в ситуации, когда имело место продолжаемое вымогательство. Соисполнительство может быть в случае, если в соответствии с имеющимся соглашением лица поочередно в отношении одного и того же потерпевшего выдвигали требование о передаче денег, используя шантаж, либо совершали действия только по выдвижению требования или только угрожали распространением соответствующих сведений о потерпевшем.

Что же касается действий лиц, которые подыскивают сведения, позорящие потерпевшего, используя профессиональные навыки, получают доступ к аккаунтам потерпевшего, составляют тексты, размещаемые в аккаунте потерпевшего, распространяют такие тексты и т.п., то, как нам видится, в таком случае указанные действия являются, по сути, пособничеством в совершении вымогательства и должны быть квалифицированы при отсутствии признаков организованной группы по соответствующей части ст. 163 УК РФ и ч. 5 ст. 33 УК РФ.

Рассматривая непосредственно ответственность пособника вымогательства, отметим, что действия нескольких лиц, совместно участвующих в совершении умышленного преступления независимо от преобладания акцессорной теории ответственности соучастников могут быть квалифицированы по различным статьям УК РФ, что связано с различием в психическом отношении таких лиц к содеянному, что позволяет говорить о самостоятельной ответственности этих лиц [10].

Так, например, если до лица доведены сведения о том, что он должен помочь незаконному получению денег путем, например, передачи потерпевшему пустой флеш-карты, на которой якобы есть информация, содержащая сведения, позорящие потерпевшего, то в зависимости от фактических обстоятельств содеянного может быть как пособничество в вымогательстве, так и пособничество в мошенничестве. Последнее возможно при условии, если лицо, совершающее указанные действия, было осведомлено лишь о том, что потерпевший согласился купить сведения о нем. В противном случае, для лица, содействовавшего передаче флеш-карты или денег, ответственность при установлении осведомленности о противоправности совершаемых им действий акцессорно зависит от действий исполнителя, т.е. будет иметь место пособничество в вымогательстве [11].

Рассматривая пособничество в совершении вымогательства отметим, что в судебной практике нередки случаи, когда

вышестоящая инстанция изменяет приговор в части вменения пособничества вымогательству, совершенному группой лиц по предварительному сговору, что, как правило, связано с тем, что изначально неверно устанавливаются объективные и субъективные признаки такого вида соучастника с действиями соисполнителей группы лиц по предварительному сговору [11], [12].

Для вменения пособничества группе лиц по предварительному сговору, прежде всего, необходимо установить, что умыслом пособника охватывалось содействие именно такой группе лиц, а не отдельным ее участникам, поскольку согласно положениям УК РФ, пособничество одному лицу, совершающему преступление, не является основанием для квалификации действий пособника как совершенных группой лиц по предварительному сговору.

При этом, что касается самих соисполнителей группы лиц по предварительному сговору, то они, в противовес содействовавшему совершению преступления, могут быть в полной мере осведомлены о действиях последнего. Ключевым моментом является установление единства воли и соглашения между всеми соучастниками такого вымогательства.

Таким образом, подводя итог, отметим, что современные проблемы установление соучастия при совершении вымогательства непосредственно связано не только с особенностями определения традиционных признаков соучастия применительно к специфике и характеру угроз, высказываемых в подтверждении реальности выдвигаемых вымогателями требований, но и с усложнением действий самих вымогателей, использующих современные технологии.

Полагаем, что дополнение существующих разъяснений Пленума Верховного Суда РФ по вопросам квалификации вымогательства новыми, особенно, в части вопросов квалификации соучастия в таком преступлении, способны внести определенную ясность в понимание вышеизложенных дискуссионных вопросов квалификации.

Пристатейный библиографический список

1. Почему активизировались вымогатели в России? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sevastopol.su/news/pochemu-aktivizirovalis-vymogateli-v-rossii (дата обращения: 10.03.2025).
2. Приговор Ленинского районного суда г. Магнитогорска Челябинской области от 22.04.2021 по делу № 1-09/2021. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://actofact.ru/case-74RS0029-1-9-2021-1-186-2020-2020-01-31-2-0/ (дата обращения: 10.03.2025).
3. Приговор Тамбовского районного суда от 10.03.2015 по делу № 1-82/2015. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://actofact.ru/case-68RS0004-1-82-2015-2015-02-16-2-0/ (дата обращения: 10.03.2025).
4. Приговор Горно-Алтайского городского суд Республики Алтай от 14.09.2017 по делу № 1-205/2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://actofact.ru/case-02RS0001-1-205-2017-2017-04-25-2-0/ (дата обращения: 10.03.2025).
5. Галиакбаров Р. Р. Квалификация групповых преступлений. - М., 1980. - 80 с.
6. Абдулгазиев Р. З. О некоторых вопросах квалификации группового вымогательства // Вестник СевКавГТИ. - 2015. - № 4 (23). - С. 62-66.
7. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 02.03.2022 по делу №77-11802022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://actofact.ru/case-42KJ0008-7u-992-2022-77-1180-2022-2022-01-17-2-2/ (дата обращения: 10.03.2025).
8. Приговор Новоалтайского городского суда Алтайского края от 26.05.2014 по делу № 1-25/2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://actofact.ru/case-22RS0015-1-25-2014-1-602-2013-2013-09-25-2-0/ (дата обращения: 10.03.2025).
9. Приговор Басманного районного суда г. Москвы от 05.07.2023 по делу № 1-308/23. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://pravo163.ru/primer-sudebnogo-resheniya-po-vymogatelstvu-v-telegra/. (дата обращения: 10.03.2025).
10. Климанова О. В. Квалификация преступлений, совершенных в соучастии: теоретические, нормативные, судебные позиции: учебное пособие. М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Самар. нац. исслед. ун-т им. С. П. Королева. - Самара: Изд-во Самар. ун-та, 2024. - 211 с.
11. Апелляционное определение Волгоградского областного суда от 08.06.2021 по делу № 22-2277/2021. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://actofact.ru/case-34OS0000-22-2277-2021-2021-05-17-2-1/ (дата обращения: 10.03.2025).
12. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Московского областного суда от 27.06.2017 по делу № 22-4228/2017. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://actofact.ru/case-50OS0000-22-4228-2017-2017-05-29-2-1/ (дата обращения: 10.03.2025).

DOI 10.46320/2073-4506-2025-4-203-358-359

Чистяков А. А.

ЧИСТЯКОВ Алексей Алексеевич
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, Юридический институт, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

ВЛИЯНИЕ ВОЗРАСТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ СУБЪЕКТОВ НА ПРИМЕНЕНИЕ НОРМ, ПРЕДУСМАТРИВАЮЩИХ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА УБИЙСТВО С ПРИВИЛЕГИРОВАННЫМ СОСТАВОМ

В российском уголовном законодательстве предусмотрена пониженная ответственность за совершение убийств матерью новорожденного ребенка, в состоянии аффекта, вызванного неправомерными действиями потерпевшего, при превышении пределов необходимой обороны или при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление. Ответственность за эти деяния наступает с 16-летнего возраста. В то же время за совершение указанных преступлений в возрасте от 14 до 16 лет виновные несут ответственность как за совершение простого убийства или убийства с квалифицированными составами, что рассматривается автором как детерминанта несправедливого применения уголовного закона.

Данная статья посвящена вопросам уголовно-правовой квалификации убийств с привилегированными составами. Выделены основные подходы к решению возникших проблем при привлечении к ответственности за убийство матерью новорожденного ребенка, а также при убийстве в состоянии аффекта, вызванного неправомерными действиями потерпевшего, и убийстве при превышении пределов необходимой обороны или при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление.

В статье представлены два возможных варианта решения проблемы: 1) эмансипация возраста уголовной ответственности за совершение убийств с привилегированными составами; 2) введение примечания к ст. 106 УК РФ о непривлечении к уголовной ответственности лиц, не достигших 16-летнего возраста, за совершение преступлений, предусмотренных диспозициями ст. 106,107 и 108 УК РФ.

Сделан вывод о целесообразности внесения изменений и дополнений в ст. 106, 107 и 108 УК РФ в целях последовательной реализации положений о минимизации карательной политики российского государства.

Ключевые слова: возраст уголовной ответственности, убийство матерью новорожденного ребенка, убийство в состоянии аффекта, вызванного неправомерными действиями потерпевшего, убийство при превышении пределов необходимой обороны или при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление.

CHISTYAKOV Alexey Alexeevich
Ph.D. in Law, professor, professor of Criminal law, criminal process and criminalistics sub-faculty, Institute of Law, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

THE INFLUENCE OF THE AGE CHARACTERISTICS OF THE SUBJECTS ON THE APPLICATION OF NORMS PROVIDING FOR LIABILITY FOR MURDER WITH A MITIGATING COMPOSITION

The Russian criminal legislation provides for reduced liability for the murder of a newborn child by a mother, in a state of passion caused by the unlawful actions of the victim, in excess of the limits of necessary defense or in excess of the measures necessary to detain the person who committed the crime. Liability for these acts occurs from the age of 16. At the same time, for the commission of these crimes at the age of 14 to 16, the perpetrators are liable as for the commission of simple murder or murder with qualified elements, which is considered by the author as a determinant of the unfair application of the criminal law.

This article is devoted to the issues of criminal-legal qualification of murders with privileged elements. The main approaches to solving the problems that arise in bringing to justice for the murder of a newborn child by a mother, as well as for murder in a state of passion caused by the unlawful actions of the victim, and murder in excess of the limits of necessary defense or in excess of the measures necessary to detain the person who committed the crime are highlighted.

The article presents two possible solutions to the problem: 1) emancipation of the age of criminal responsibility for committing murders with privileged elements; 2) introduction of a note to Art. 106 of the Criminal Code of the Russian Federation on the non-prosecution of persons under 16 years of age for committing crimes provided for by the provisions of Art. 106, 107 and 108 of the Criminal Code of the Russian Federation.

A conclusion is made on the advisability of introducing amendments and additions to Art. 106, 107 and 108 of the Criminal Code of the Russian Federation in order to consistently implement the provisions on minimizing the punitive policy of the Russian state.

Keywords: age of criminal responsibility, murder of a newborn child by a mother, murder in a state of passion caused by the unlawful actions of the victim, murder in excess of the limits of necessary defense or in excess of the measures necessary to detain the person who committed the crime.

В процессе подготовки ныне действующего Уголовного кодекса российской Федерации встал вопрос о наличии в новом законе статей, предусматривающих уголовную ответственность за совершение убийств с так называемыми привилегированными составами [1]. Ранее действовавший УК РСФСР (1960 г.) содержал две статьи, составы которых относились к привилегированным: ст. 105 УК РСФСР – убийство при превышении пределов необходимой обороны и ст. 104 УК

РСФСР – умышленное убийство, совершенное в состоянии сильного душевного волнения, которая содержала аж шесть составов этого преступления. Возраст уголовной ответственности за совершение этих преступлений, согласно ч.2 ст. 10 УК РСФСР (1960 г.), был установлен с 14 лет. Указанное решение вопроса не вызывало ни нареканий, ни затруднений при квалификации. Чего нельзя сказать о новом решении вопроса, когда законодатель установил уголовную ответственность за совершение убийства матерью новорожденного ребенка, а также за убийство в состоянии аффекта, вызванного неправомерными действиями потерпевшего, и убийство при превышении пределов необходимой обороны или при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, с 16-летнего возраста. Безусловно, можно понять законодателя – в период дебатов 1990-1995 гг. о принятии нового Уголовного кодекса авторам хотелось предельно гуманизировать закон, отойти (по возможности) от прежних законодательных конструкций, привнести в новый УК новой России что-то суперновое. Установление возраста уголовной ответственности за убийства с привилегированными составами с 16-летнего возраста позволило бы, по замыслу авторов, вообще не привлекать к уголовной ответственности лиц в возрасте от 14 до 16 лет за совершение указанных преступлений. Автор был очевидцем самой бурной дискуссии по этому вопросу, разгоревшейся между профессорами С. Г. Келиной и А. И. Зубковым. Последний вообще настаивал на исключении отдельной статьи за детоубийство, но уступил в научном споре. Безусловно, что наличие указанной статьи отвечало принципам гуманизма в уголовном праве. Однако, установление эмансипированного возраста уголовной ответственности за это и ранее указанные нами преступления, привело к обратному эффекту в ходе применения указанных статей.

Например, в 2019 г. в Челябинской области рассматривалось дело 15-летней А.К., которая, стыдясь осуждения со стороны окружающих, всячески скрывала свою беременность, родила ребенка в домашних условиях, не обращаясь за помощью к специалистам, и находясь в состоянии послеродового шока, совершила убийство новорожденного. Несмотря на то, что в уголовном деле наличествовало заключение судебно-психиатрической экспертизы о наличии у виновной послеродовой депрессии[1] (что, кстати, свидетельствует о том, что убийство было совершено во время родов или сразу после них, а виновная находилась в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости) суд признал ее виновной в совершении убийства по ч. 1 ст. 105 УК РФ и приговорил к отбыванию наказания в виде 8 лет лишения свободы[2].

Правосуден ли приговор по делу? Безусловно, решение принято с учетом действующего уголовного законодательства, хотя, по мнению автора, и не совсем верное.

Поясним собственную позицию.

Виновная на момент совершения преступления не достигла возраста 16 лет и потому к ней невозможно применить ст. 106 УК РФ, хотя, судя по представленной информации, все остальные объективно-субъективные признаки состава преступления налицо. При этом надлежит учесть, что новорожденный ребенок является человеком и потому оснований для неприменения ст. 105 УК РФ в данном случае не наблюдается. Следовательно, суд поступил в точном соответствии с законом. За исключением одного обстоятельства – новорожденный является малолетним, а потому действия виновной надлежало квалифицировать по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, как убийство малолетнего. Размер наказания вполне соответствует положениям ч. 6 ст. 88 УК РФ – за совершение особо тяжкого преступления несовершеннолетним срок наказания не должен превышать 10 лет лишения свободы, хотя, в соответствие с ч. 6.1 ст. 88 УК РФ низший предел (8 лет) должен был быть снижен наполовину (4 года).

Парадокс рассматриваемой ситуации заключается в том, что совершение такого же преступления в возрасте от 16 до 18 лет влечет применение ст. 106 УК РФ - убийство матерью новорожденного ребенка. Ч. 3 ст. 15 УК РФ относит данное преступление к преступлениям средней тяжести – максимальное наказание составляет 5 лет. А если бы данная норма была применима к лицам в возрасте от 14 до 16 лет, то, в соответствие с ч. 6 ст. 88 УК РФ, к виновной в рассматриваемом случае суд вообще бы не смог применить наказание в виде лишения свободы, так как виновным в возрасте до 16 лет, совершившим преступления небольшой или средней тяжести впервые, наказание в виде лишения свободы не назначается.

Налицо двусмысленность позиции уголовного закона – к лицам, совершающим преступления в более молодом возрасте, он относится более жестко, что не соответствует принципу справедливости (ст. 6 УК РФ) и гуманистическим началам карательной политики российского государства.

Аналогичная позиция наблюдается при применении положений ст. 107 УК РФ – убийство, совершенное в состоянии аффекта, и ст. 108 УК РФ – убийство при превышении пределов необходимой обороны или при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление.

В качестве иллюстрации приведем материалы дела, рассмотренного в 2020 году одним из судов Краснодарского края.

14-летний Д.Р. защищался от нападения взрослого мужчины, который был вооружен ножом. Д.Р. выхватил нож и нанес мужчине несколько смертельных ран. Суд квалифицировал действия несовершеннолетнего как убийство (ст. 105 УК РФ), проигнорировав заключение психолога о возрастной неспособности Д.Р. адекватно оценить угрозу. Д.Р. был приговорен к наказанию в виде лишения свободы сроком на 6 лет [3].

Разумеется, что рассмотренные нами случаи свидетельствуют об определенных недостатках в законодательной конструкции рассматриваемых статей. В указанной ситуации нам видится двоякое решение этой проблемы.

Первое – наиболее радикальное. Предлагается ввести в УК РФ дополнение в виде примечания к ст. 106 УК РФ, изложив его в следующей редакции: Примечание. Лица, совершившие преступления, предусмотренные ст. 106, 107 и 108 УК РФ, в возрасте от 14 до 16 лет, уголовной ответственности не подлежат.

Введение указанной поправки в Уголовный кодекс Российской Федерации исключит возможности привлечения к уголовной ответственности за совершение убийства матерью новорожденного ребенка, а также за убийство в состоянии аффекта, вызванного неправомерными действиями потерпевшего, и убийство при превышении пределов необходимой обороны или при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление лиц в возрасте до 16 лет.

Второе решение видится более предпочтительным – предлагаем внести в УК РФ следующие изменения: ч. 2 ст. 20 УК РФ слова «…подлежат уголовной ответственности за убийство (статья 105)…» после запятой дополнить словами следующего содержания: «…убийство матерью новорожденного ребенка (статья 106), убийство, совершенное в состоянии аффекта (статья 107), убийство, совершенное при превышении пределов необходимой обороны либо при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление (статья 108)…», далее – по тексту.

Легко заметить, что второй вариант решения существующей проблемы аналогичен решению сходной ситуации по УК РСФСР 1960 г. Думается, что предлагаемые варианты вполне позволяют учитывать влияние возрастных особенностей субъектов преступления на применение норм, предусматривающих ответственность за убийства с привилегированными составами

Пристатейный библиографический список

1. Лесниевски-Костарева Т. А. Дифференциация уголовной ответственности: теория и практика. М.: Норма, 1998. С. 62.
2. Архив Челябинского областного суда (Дело № 1-12/2020).
3. Решение Ленинского районного суда г. Краснодара (Дело № 3-78/2020).

1 Послеродовая депрессия представляет собой состояние, которое развивается у женщин только в послеродовой период – обычно это первые десять дней после родов. Послеродовая депрессия является психическим расстройством и по критериям DSM-IV определяется как период стабильно подавленного настроения и апатии, продолжающегося не менее двух недель.

ФАСТОВИЧ Галина Геннадьевна
старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права, Институт права, Красноярский аграрный университет

Фастович Г. Г.

МЕРОПРИЯТИЯ, НАПРАВЛЕННЫЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ У МОЛОДЕЖИ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ НА ПРИМЕРЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ОПЫТА АГРАРНЫХ ВУЗОВ РОССИИ

В статье рассматриваются мероприятия профилактического, воспитательного, культурно-просветительского и спортивного направлений, проводимых в ВУЗах России, предусмотренных Комплексным планом противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2024-2028 годы, утвержденного Президентом Российской Федерации от 30 декабря 2023 г. № Пр-2610. В ходе анализа проведенного цикла мероприятий, сессий, встреч автор подчеркивает значимость проделанной работы, которая способствуют недопущению антитеррористического сознания у молодежи.

Ключевые слова: молодежь, система высшего образования, мероприятия антитеррористического характера, Комплексный план противодействия идеологии терроризма, государственная политика, эффективность.

FASTOVICH Galina Gennadjevna
senior lecturer of Theory and law sub-faculty, Institute of Law, Krasnoyarsk State Agrarian University

EVENTS AIMED AT FORMING ANTI-TERRORIST CONSCIOUSNESS IN YOUNG PEOPLE: THEORETICAL AND LEGAL ASPECT BASED ON THE EXAMPLE OF A STUDY OF THE EXPERIENCE OF AGRARIAN UNIVERSITIES IN RUSSIA

The article examines preventive, educational, cultural, educational and sports activities carried out in Russian universities, as provided for by the Comprehensive Plan to Counter the Ideology of Terrorism in the Russian Federation for 2024-2028, approved by the President of the Russian Federation on December 30, 2023 No. Pr-2610. During the analysis of the conducted cycle of events, sessions, meetings, the author emphasizes the importance of the work done, which helps to prevent anti-terrorist consciousness among young people.

Keywords: youth, higher education system, anti-terrorist measures, Comprehensive Plan to Counter the Ideology of Terrorism, state policy, efficiency.

В системе высшего образования Российской Федерации деятельность, направленная на противодействие идеологии терроризма, возложена на структурные подразделения воспитательной направленности, управления по молодежной политики и службы безопасности. Во исполнение Комплексного Плана противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2024-2028 годы, утвержденного Президентом Российской Федерации от 30 декабря 2023 г. № Пр-2610 (далее – Комплексный план) [1] и в целях развития у студенческой молодежи, активной гражданской позиции, направленной на неприятие идеологии терроризма, на базе аграрных ВУЗов Российской Федерации по итогам 2024 года проведено 4 870 мероприятий профилактического, воспитательного, культурно-просветительского характера. Работа проводится на плановой основе, уделяя особое внимание студентам прибывших из стран Центрально-Азиатского региона (п. 2.3 Комплексного Плана), а именно:

- общее количество лиц, прибывших из стран Центрально-Азиатского региона, с которыми проведены мероприятия – 3 480 человека, из них проживают в общежитиях – 2 782 человека;

- общее количество мероприятий, реализованных с лицами, прибывшими из стран Центрально-Азиатского региона – 2 120 мероприятий.

Некоторые вузы имеют отдельные планы работы в рамках адаптации иностранных студентов. Так, например, в Красноярском ГАУ [2, с. 159-162], Башкирском ГАУ успешно реализуется проект «Открытый диалог» на тему «Антитеррористическая безопасность-наша общая задача», «Равный равному», направленные на доверительные беседы приглашенных спикеров с иностранными студентами по недопущению их вовлечения в незаконные формирования террористического характера. Охват встреч – более 100 человек. Мероприятия спортивного направлений с привлечением федеральных и региональных политических деятелей, представителей правоохранительных органов, авторитетных представителей общественных и религиозных организаций, науки, представителей органов исполнительной власти, культуры и спорта, охват лиц – 110 020 человек (п. 1.2 Комплексного Плана).

Так, Кубанский ГАУ, Омский ГАУ, Чувашский ГАУ на системной основе проводит патронирование иностранных студентов, где на кураторских часах происходит знакомство граждан с правовыми нормами Российской Федерации, видами и формами ответственности за совершенные правонарушения, а также создаются условий для благоприятной правовой адаптации и социализации студентов. Охват мероприятия – более 150 человек.

Отдельного внимания заслуживает деятельность ВУЗов, на базе которого действует патриотические секции «НЕТ ТЕРРОРУ» [3], деятельность которых направлена на анализ информации о состоянии терроризма и тенденциях его развития на территории регионов, с повышенной террористической активностью, борьбу с терроризмом, профилактику и выработку предложений по совершенствованию системы мероприятий противодействия терроризма. С целью формирования единой антитеррористической площадки в сети «Интернет» на официальных сайтах и аккаунтах вузов созданы специальные подразделы, посвященные вопросам противодействия терроризму и его идеологии. Донской ГАУ, Бурятская ГСХА проводят специализированные молодежные квесты, брейн-ринги, правовые квизы, где студенты старших курсов активно вовлечены в проведение мероприятий со студентами 1 курсов. Старшекурсники активно учувствуют и выступают в роли спикеров по доведению норм социальной

и культурной жизни студенческого сообщества ВУЗа, особенностях студенческой жизни в общежитиях и формах студенческого самоуправления. Охват мероприятия – более 200 человек. В Красноярском ГАУ реализуются мероприятия, связанные с демократическими практиками и идеями вовлечения молодежи в управленческие процессы [4, с. 88-91].

В Иркутском ГАУ, Красноярском ГАУ, Уральском ГАУ эффективно действует проект «Юридическая клиника». В течение всего периода обучения студентам оказывается юридическая помощь в рамках студенческой правовой клиники, где разъясняются нормы действующего законодательства и меры ответственности, предусмотренные за нарушение норм административного и уголовного законодательства. Вместе с тем, в Государственном университете землеустройства активно реализуется межвузовский проект «Дружба» и «Матрешка». Охват мероприятий более 120, человек. Указанные проекты показали свою эффективность в других ВУЗах (Кубанский ГАУ, Иркутский ГАУ), в рамках которых проводятся ряд мероприятий по углубленному изучению русских традиций и национальной идентичности субъектов Российской Федерации, которые едины в своем многообразии, ярким примером является организация мероприятия – 4 ноября «День Народного Единства».

В каждом ВУЗе определены педагоги-кураторы, которые особое внимание уделяют процессу адаптации иностранных студентов в правовом, экономическом, социальном, духовном и языковом поле. Реализуются программы/курсы по бесплатному изучению русского языка Алтайский ГАУ, Южно-Уральский ГАУ, Костромская ГСХА). Так по итогам 2024 года более 600 иностранных студентов прошли подготовку и эффективно освоили/усилили знание русского языка [5].

В Дагестанском ГАУ, Дальневосточном ГАУ активно реализуются программы кураторских часов с участием гостей из правоохранительной сферы. Охват мероприятия – более 160 человек.

Кузбасский ГСХА, Ульяновский ГАУ, Арктический ГАТУ активно реализуют проект «Равный равному-мы едины», в вышеуказанных образовательных организациях реализуются принципы корректирующего воздействия «триединства»: обучения, воспитания и психолого-педагогического сопровождения студентов. Охват мероприятия составляет более 200 человек.

В Белгородском ГАУ эффективно действует объединенный международный центр «Притяжение», который в 2024 году реализовал мероприятия не только с иностранными студентами, но и мероприятия, которые были направлены на поддержку участников СВО и их семей. Охват мероприятия составляет более 420 человек.

В Тверской ГСХА успешно продолжает реализацию проект «Патриотизм, подвиг, героизм», в рамках которого важная роль отводится работе по выявлению «группы риска» (обучающихся с отклонениями в поведении и обучающиеся, находящиеся в социально опасном положении), признаков повышенной агрессии и депрессивного состояния у студентов, анализу причин асоциального поведения. Охват мероприятия составляет более 150 человек. В качестве пилотного проекта Иркутский ГАУ эффективно принял эстафету по реализации данного формата мероприятия. Охват – более 80 человек. Центральным звеном в данном формате мероприятия выступают кураторы, которые способствуют вовлечению такой категории обучающихся в общественно-полезную, спортивную, волонтерскую, духовно-нравственную деятельность.

Большое внимание в воспитательной работе аграрных вузов уделено формированию законопослушного поведения в студенческой среде, развитию активной гражданской позиции и привитию традиционных российских духовно-нравственных ценностей, семейным ценностям, в рамках проводимого 2024 года «Год Семьи в России».

Среднее количество мероприятий за 2024 год, проводимых ВУЗами увеличилось по сравнению с 2023 годом и варьируется от 100 до 250 за отчетный период. Кубанский ГАУ, Белгородский ГАУ, Брянский ГАУ, Омский ГАУ, Красноярский ГАУ, Вавиловский ГАУ, Кузбасская ГСХА являются лидерами по проведению мероприятий.

Среди традиционных форм: кураторские часы с приглашением авторитетных спикеров органов государственной власти, лидеров духовно-религиозного мнения, участников СВО, тематические лекции с приглашенными спикерами общества «Знание», проведением круглых столов, конференций с приглашением кураторов Национального антитеррористического комитета (ежегодное межвузовское мероприятие аграрных ВУЗов «Противодействие идеологии терроризма в молодежной среде» на базе Красноярского ГАУ, объединяющее более 40 ВУЗов и 60 участников.

Особого внимания заслуживает практика Кабардино-Балкарского ГАУ, Дагестанского ГАУ, Великолукская ГСХА, Казанская ГАВМ, где реализуется проект «Патриотизм. Воспитание. Будущее». Проект направлен на сохранение и укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Охват мероприятия – более 200 человек.

В аграрных ВУЗах происходит эффективное взаимодействие студенческих структур самоуправления, в рамках федеральной акции «НЕТ ТЕРРОРУ», сотрудников Координационных центров по противодействию идеологии терроризма в федеральных округах Российской Федерации и органов государственной власти, деятельность которых направленна на анализ информации о состоянии терроризма в молодежной среде и тенденциях его развития на территории, борьбу с терроризмом, профилактику и выработку предложений по совершенствованию системы мероприятий противодействия терроризма [7]. Лидеры по проводимым мероприятиям: Иркутский ГАУ, Донской ГАУ, Горский ГАУ, Оренбургский ГАУ. Охват мероприятия – более 600 человек.

В целях предотвращения использования религиозного фактора в распространении идеологии терроризма и совершенствования форм и методов профилактической работы [6] среди верующих на системной основе образовательными организациями организованы встречи со священнослужителями, муфтиями и представителями национальных общин (общее количество приглашенных религиозных деятелей – более 15000 человек).

Комплексный План предусматривает мероприятия профилактического, воспитательного, культурно-просветительского и спортивного направлений с привлечением федеральных и региональных политических деятелей [1], представителей правоохранительных органов, авторитетных представителей общественных и религиозных организаций, науки, представителей органов исполнительной власти, культуры и спорта.

Пристатейный библиографический список

1. Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2024-2028 годы, утвержденный Президентом Российской Федерации от 30 декабря 2023 г. № Пр-2610: [сайт]. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/ (дата обращения 20.06.2024). – Текст: электронный.
2. Провалинский Д. И., Тепляшин И. В., Макаров И. В., Навродская Н. В., Нестеренко П. В. Государственно-правовая политика Российской Федерации: основные направления и пути развития: обзор материалов круглого стола // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. – 2021. - № 2. - С. 150-165.
3. Фастович Г. Г., Шитова Т. В. К вопросу о международном академическом пространстве: проблемы и перспективы // Аграрное и земельное право. - 2019. - № 9 (177). - С. 71-72.
4. Тепляшин И. В., Воропаева К. Е. Формирование правового мышления студентов юридического профиля (на примере реализации программ магистратуры) // Право и образование. - 2019. - № 3. - С. 87-93.
5. Рябченок О. Н., Фастович Г. Г. Интернет и его воздействие на современное общество// Международный журнал гуманитарных и естественных наук. - 2019. - № 3-1.- С. 143-145.
6. Землякова Е. В., Фастович Г. Г. К вопросу о применении информационных технологий в логистических системах // В сборнике: Логистика - евразийский мост. Материалы XIV Международной научно-практической конференции. - 2019. - С. 121-123.
7. Fastovich G. G., Kapsargina S. A., Kudashova I. V. On the issue of information technologies in modern Russia (on the example of the electronic document study management system) // Евразийский юридический журнал. - 2021. - № 11 (162). - С. 157-159.

ХОРОЛЬСКИЙ Владимир Витальевич
кандидат педагогических наук, доцент, старший преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки, Ростовский юридический институт МВД России

ГАЛЯУТДИНОВ Рустем Флюрович
старший преподаватель кафедры профессиональной подготовки, Уфимский юридический институт МВД России, подполковник полиции

МАКОВСКАЯ Наталья Николаевна
заместитель начальника отдела дознания ОМВД России по городу Мегиону ХМАО-Югры

АНТОНОВ Александр Юрьевич
преподаватель кафедры огневой и технической подготовки, Барнаульский юридический институт МВД России, капитан полиции

ОСОБЕННОСТИ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЙ, НЕ СВЯЗАННЫХ С ИЗОЛЯЦИЕЙ ОТ ОБЩЕСТВА, В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Данная статья анализирует особенности назначения наказаний несовершеннолетним преступникам, акцентируя внимание на альтернативных мерах наказания, не связанных с лишением свободы. Исследование рассматривает ключевые принципы индивидуализации наказания, учитывающие возрастные и психологические особенности подростков, характер правонарушения, социальную среду и потенциал для ресоциализации. Статья описывает различные альтернативные меры наказания (штраф, лишение определенных прав, обязательные работы, исправительные работы, ограничение свободы и др.). В работе анализируются преимущества назначения альтернативных мер наказания, такие как экономическая эффективность и снижение рецидивной преступности, а также рассматриваются объективные трудности их реализации. Особое внимание уделяется особенностям применения штрафа к несовершеннолетним, включая ограничение размера штрафа, учёт материального положения семьи и воспитательную функцию наказания. Статья выявляет проблемы применения штрафов и других альтернативных мер, и намечает направления для дальнейшего совершенствования системы наказания несовершеннолетних.
Ключевые слова: несовершеннолетние, наказание, альтернативные меры наказания, индивидуализация наказания, штраф.

KHOROLSKIY Vladimir Vitaljevich
Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor, senior lecturer of Tactical and special training sub-faculty, Rostov Law Institute of the MIA of Russia

GALYAUTDINOV Rustem Flurovich
senior lecturer of Professional training sub-faculty, Ufa Law Institute of the MIA of Russia, lieutenant colonel of police

MAKOVSKAYA Natalya Nikolaevna
Deputy Head of the Investigation Department of the MIA of Russia for the city of Megion, Khanty-Mansi Autonomous Okrug-Yugra

ANTONOV Alexander Yurjevich
lecturer of Fire and technical training sub-faculty, Barnaul Law Institute of the MIA of Russia, captain of police

FEATURES OF THE APPOINTMENT OF PUNISHMENTS NOT RELATED TO DEPRIVATION OF LIBERTY IN RELATION TO MINORS

This article analyzes the specifics of punishing juvenile offenders, focusing on alternative punishment measures that are not related to imprisonment. The study examines the key principles of individualization of punishment, taking into account the age and psychological characteristics of adolescents, the nature of the offense, the social environment and the potential for socialization. The article describes various alternative punishments (fines, deprivation of certain rights, compulsory labor, correctional labor, restriction of liberty, etc.). The paper analyzes the advantages of prescribing alternative punishments, such as economic efficiency and reduction of recidivism, as well as considers the objective difficulties of their implementation. Special attention is paid to the specifics of the application of fines to minors, including the limitation of the size of the fine, consideration of the financial situation of the family and the educational function of punishment. The article identifies the problems of applying fines and other alternative measures, and outlines areas for further improvement of the juvenile punishment system.
Keywords: minors, punishment, alternative methods of punishment, individualization of punishment, fine.

Назначение наказания несовершеннолетним правонарушителям является сложной задачей, требующей учета их возрастных и психологических особенностей, а также социальных факторов, способствующих правонарушению. Целью наказания в отношении несовершеннолетних является не только наказание за совершенное деяние, но и предупреждение совершения новых преступлений, исправление и ресоциализация несовершеннолетнего. Лишение свободы, как крайняя мера, применяется лишь в исключительных случаях. Практика назначения наказаний за совершение преступлений в отношении несовершеннолетних показывает широкое применение альтернативных мер наказания, не связанных с лишением свободы

Ключевым принципом назначения наказания несовершеннолетним является индивидуализация, учитывающая следующие факторы:

– возраст и уровень психического развития;

– характер и обстоятельства совершенного правонарушения;

– степень общественной опасности деяния, мотивы и цели преступника, роль в совершении преступления;

– социальная среда подростка, его семья, школьная и внешкольная жизнь, наличие патологических склонностей, заболеваний;

– возможности для исправления и ресоциализации: оценивается потенциал для исправления подростка, возможность его реинтеграции в общество, наличие поддержки со стороны семьи и социальных служб.

К альтернативным мерам наказания, не связанным с лишением свободы, относятся:

– штраф;

– лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью;

– лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград;

– обязательные работы;

– исправительные работы;

– ограничение по военной службе;
– ограничение свободы;
– принудительные работы.

Однако, согласно положениям, предусмотренным главой 14 Уголовного кодекса Российской Федерации, а именно части 1 статьи 87 УК РФ лицам, совершившим преступления в несовершеннолетнем возрасте, то есть которым ко времени совершения преступления исполнилось 14 лет, но не исполнилось 18 лет, могут быть назначены следующие виды наказания, не связанные с лишением свободы:

– штраф,
– лишение права заниматься определенной деятельностью,
– обязательные работы,
– исправительные работы,
– ограничение свободы.

Все чаще в научной литературе можно встретить мысль о необходимости расширения перечня наказаний не связанных с лишением свободы. С.В. Расторопов в своих исследованиях отмечает, что «наказания, не связанные с лишением свободы, могут быть более экономически эффективными, поскольку снижают затраты на содержание осужденных, увеличивают производительность труда и устраняют причины повторных преступлений» [3].

Более интенсивному расширению применения видов уголовного наказания, не связанных с изоляцией от общества, препятствуют обстоятельства объективного характера, прежде всего фактические трудности, возникающие при реализации наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества [6].

Рассматривая проблемы назначения наказаний не связанных с лишением свободы в отношении несовершеннолетних в первую очередь следует отметить особенности при наложении штрафа.

Первой особенностью является ограничение штрафа по размеру: Размер штрафа для несовершеннолетних значительно ниже, чем для взрослых. Сумма штрафа при совершении преступления несовершеннолетним варьируется от 1 000 до 50 000 руб. или равна заработной плате или иному доходу несовершеннолетнего осужденного за период от двух недель до шести месяцев (ч. 2 ст. 88 УК РФ) [1]. Штраф должен быть соразмерен доходам подростка или его семьи, чтобы не стать непосильным бременем и не привести к усугублению социально-экономического положения семьи. Законодательство многих стран устанавливает предельные размеры штрафов для несовершеннолетних, иногда привязывая их к минимальной заработной плате или другим социально-экономическим показателям.

Второй особенностью является участие в уплате штрафа родителей или опекунов: По решению суда штраф может взыскиваться с родителей или иных законных представителей с их согласия. Это обусловлено тем, что несовершеннолетние редко имеют собственные постоянные источники дохода. В законодательстве многих стран предусмотрены механизмы взыскания штрафа с родителей или опекунов в случае неуплаты несовершеннолетним.

Третьей особенностью является воспитательная функция: Применение штрафа в отношении несовершеннолетних должно нести прежде всего воспитательную функцию. Он должен научить подростка ответственности за собственные действия и показать связь между правонарушением и его последствиями.

Штраф может быть неэффективен в случаях, когда семья несовершеннолетнего живет за чертой бедности и не в состоянии оплатить его. В таких ситуациях штраф может усугубить социальные проблемы семьи. Если штраф оплачивается родителями, а не самим несовершеннолетним, воспитательный эффект может быть снижен.

Аналогичные проблемы встречаются и в законодательстве зарубежных стран. В Германии штраф является основным видом наказания. «Практика применения норм о штрафе показывает, что данное наказание в Германии (и в ряде других стран) назначается в случае, если правонарушителю грозит не более шести месяцев тюремного заключения. В отличии от законодательства Российской Федерации по УК Германии тюремное заключение может быть заменено штрафом, если срок заключения составлял шесть месяцев, однако позднее максимальный срок тюремного заключения для его замены на штраф увеличился и составил не более двух лет» [4].

Законодатель Франции предусмотрел, что исправительные наказания предусматривают, в первую очередь, наказания, не связанные с лишением свободы [5]. Вместо тюремного заключения суд может назначить выполнение неоплачиваемой общественно полезной работы на срок от 20 до 400 часов. Интересным представляется позиция законодателя, допускающего назначение данного вида наказания только с согласия осужденного (ст. 131-8 УК Франции) [2].

В заключение нашего анализа стоит отметить значимость обращения к международной практике назначения наказаний не связанных с изоляцией от общества. Французский законодательный подход в этой сфере заслуживает особого внимания благодаря разнообразию дополнительных и «смешанных» видов наказаний, предоставляющих суду гибкость в выборе меры воздействия. Включение в Уголовный кодекс Франции таких мер, как «стажировка» гражданства и компенсация ущерба потерпевшему, расширяет арсенал средств, направленных на исправление правонарушителя и восстановление социальной справедливости. Эффективное применение альтернативных мер наказания в отношении несовершеннолетних является важной задачей ювенальной юстиции. Индивидуализация наказания, учет возрастных и психологических особенностей несовершеннолетних, а также эффективное взаимодействие правоохранительных органов и социальных служб являются ключевыми факторами успешной ресоциализации и предупреждения повторных преступлений. Дальнейшие исследования могут быть направлены на совершенствование механизмов применения альтернативных мер наказания и повышение их эффективности.

Пристатейный библиографический список

1. Исаков С. А., Абдуразакова Д. А. Виды наказаний для несовершеннолетних преступников и особенности их назначения // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2018. № 4 (47). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/vidy-nakazaniy-dlya-nesovershennoletnih-prestupnikov-i-osobennosti-ih-naznacheniya (дата обращения: 16.03.2025).
2. Подройкина И. А. Система наказаний в современном уголовном праве Франции // Вестник ЮГУ. 2022. № 1 (64). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-nakazaniy-v-sovremennom-ugolovnom-prave-frantsii (дата обращения: 16.03.2025).
3. Расторопов С. В. О наказаниях, не связанных с лишением свободы // Вестник Самарского юридического института. 2023. № 3 (54). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/o-nakazaniyah-ne-svyazannyh-s-lisheniem-svobody (дата обращения: 16.03.2025).
4. Сафин Л. Р. Зарубежный опыт формирования перечня наказаний, не связанных с лишением свободы // Правовая политика и правовая жизнь. 2023. № 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/zarubezhnyy-opyt-formirovaniya-perechnya-nakazaniy-ne-svyazannyh-s-lisheniem-svobody (дата обращения: 16.03.2025).
5. Ульянов А. С. Систематизация перечня уголовных наказаний, не связанных с изоляцией от общества // Вестник Самарского юридического института. 2023. № 3 (54). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/sistematizatsiya-perechnya-ugolovnyh-nakazaniy-ne-svyazannyh-s-izolyatsiey-ot-obschestva (дата обращения: 16.03.2025).
6. Хармаев Ю. В. К вопросу о применении наказаний, не связанных с лишением свободы // Вестник БГУ. 2015. № 2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-primenenii-nakazaniy-ne-svyazannyh-s-lisheniem-svobody (дата обращения: 16.03.2025).

АЛИМПИЕВ Алексей Александрович
магистр юриспруденции, старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии, Костанайская академия МВД Республики Казахстан имени Шракбека Кабылбаева, подполковник полиции

Алимпиев А. А.

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ МАССОВЫМ БЕСПОРЯДКАМ В РОССИИ: ИСТОРИКО-ФАКТОРНЫЙ РАКУРС

В статье рассматривается исторический опыт России противодействия массовым беспорядкам посредством применения юридической техники описания соответствующих общественно-опасных деяний в уголовном законодательстве и установления ответственности за их совершение.

Историко-факторный ракурс уголовно-правового противодействия массовым беспорядкам в России затронул временные периоды с момента действия Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года (включая редакцию 1885 года), УК РСФСР 1922 и 1926 годов, до принятия в 1996 году Уголовного кодекса Российской Федерации и его последующего применения.

По итогам рассмотренных в статье вопросов сквозь призму отдельных этапов и факторов исторического развития России, сформулированы выводы относительно социально-правовой обусловленности уголовно-правового противодействия массовым беспорядкам.

Ключевые слова: массовые беспорядки, уголовная ответственность за массовые беспорядки, уголовно-правовое противодействие, исторический анализ, факторный анализ.

ALIMPIEV Alexey Alexandrovich
master's of law, senior lecturer of Criminal law and criminology sub-faculty, Shrakbek Kabylbayev Kostanay Academy of the MIA of the Republic of Kazakhstan, lieutenant colonel of police

CRIMINAL LAW COUNTERACTION TO MASS RIOTS IN RUSSIA: HISTORICAL AND FACTORIAL PERSPECTIVE

The article examines the historical experience of Russia in countering mass riots through the use of legal techniques to describe relevant socially dangerous acts in criminal legislation and establish responsibility for their commission. The historical and factorial perspective of the criminal law counteraction to mass riots in Russia affected the time periods from the date of the Criminal and Correctional Penalties Code of 1845 (including the 1885 edition), the Criminal Code of 1922 and 1926, to the adoption in 1996 of the Criminal Code of the Russian Federation and its subsequent application. Based on the results of the issues considered in the article through the prism of individual stages and factors of the historical development of Russia, the conclusions are formulated regarding the socio-legal conditionality of criminal law counteraction to mass riots.

Keywords: mass riots, criminal liability for mass riots, criminal law counteraction, historical analysis, factor analysis.

В истории России противодействие такому негативному социальному явлению, которое можно ассоциировать с современными массовыми беспорядками, насчитывает не одно столетие, оставив потомкам достаточное число источников в форме правовых памятников отечественного законодательства. Как отмечается в юридической литературе, «в России механизм уголовно-правового противодействия массовым беспорядкам имел длительный и многоступенчатый путь становления и формирования, учитывая специфику развития российского общества» [1, с. 210]. Указанные длительность и многоступенчатость вполне обоснованно повлекли в науке уголовного права оживленную дискуссию об исторических этапах развития уголовно-правового противодействия массовым беспорядкам в России [2, с. 26-32], [3, с. 209-214].

Для целей настоящей научной статьи рассмотрение историко-факторного ракурса противодействия массовым беспорядкам ориентировано на законодательные акты, действовавшие в период с 1845 года и до принятия в 1996 году Уголовного кодекса Российской Федерации, а также на обусловившие их принятие экономические, социальные и политические факторы. Нормы и факторы более раннего периода, относящегося к первому этапу развития уголовно-правового противодействия массовым беспорядкам в России, останутся за рамками нашего внимания в связи с меньшей степенью их связанности с современными реалиями.

Так, Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года в редакции от 1885 года (далее – Уложение) относило различного рода массовые выступления, бунты, волнения и неповиновения властям к деяниям, посягающим на порядок управления. Они были объединены в разделе четвёртом «О преступлениях и проступках против порядка управления» главы первой «О сопротивлении распоряжениям правительства и неповиновении установленным от оного властям».

Описательная часть статьи 263 Уложения оперировала такими терминами, как «восстание», «насилие» и «беспорядки» [4, с. 81].

Наличие или отсутствие оружия, а также активность восставших при противодействии властям находили адекватную оценку в статье 264 Уложения. Если лица, согласно ее норме, не были вооружены, но действовали с «…явным насилием и беспорядками» или напротив были вооружены, но действовали «…без явного с их стороны насилия», то виновные подвергались «…лишению всех прав состояния и ссылке в каторжные работы на время от двенадцати до пятнадцати лет».

Карательные меры, к которым властям приходилось прибегать после восстановления порядка, включали в себя лишение всех прав состояния и ссылку на каторжные работы сроком от четырех до шести лет «…лиц, совершившим такое

преступление без явных насильственных действий и будучи невооруженными» [4, с. 82].

Поджог и причинение смерти в ходе восстания считались равнозначными по степени опасности обстоятельствами, отягчавшими вину участников. Причем причинение смерти в вербальной форме именовалось в Уложении как «смертоубийство», а поджог – как «зажигательство» [4, с. 83].

В рассматриваемые нами формы массовых беспорядков по смыслу законодателя указанного исторического периода включалось такое явление, как «публичное скопище» [4, с. 84].

Следующим законодательным актом было Уголовное уложение 1903 года, куда в главу пятую «О смуте» вошли схожие по объективным признакам преступные деяния [4, с. 84].

Первая мировая война, буржуазная революция 1917 года вызвали массовое недовольство людей условиями жизни в стране и, соответственно, стихийные выступления населения. Не добавили спокойствия и не снизили накал общественных страстей меры, осуществленные Временным правительством в 1917 году, включая принятие акта об амнистии и корректировку уголовного законодательства: путем изменения норм Уголовного уложения были введены положения об ответственности за действия, посягающие на общественный порядок и безопасность, совершенные в форме призывов к убийствам, грабежам и насилию [5, с. 19-21].

Новое «дыхание» в процесс развития уголовно-правовых мер ответственности за массовые беспорядки должна была дать прошедшая в октябре 2017 года социалистическая революция. На начальных этапах становления советской государственности в первых УК РСФСР 1922 и 1926 годов объект массовых беспорядков устанавливался в виде порядка управления и интересов публичной власти. Так, в УК РСФСР 1922 года, в разделе 2, законодатель отнес их к преступлениям против порядка управления, впервые в истории российского государства введя в уголовное законодательство термин «массовые беспорядки» (ст. 75). Структура статьи по сути совместила в себе элементы гипотезы и диспозиции, описав в самом начале такое условие, как «участие в массовых беспорядках всякого рода, как -то: погромах, разрушении путей и средств сообщения, освобождении арестованных, поджогах и т.п., если при этом участники беспорядка были вооружены».

Далее, в 4 пунктах, указывалось, в отношении кого и в какой роли предусматриваются меры наказания. Характерно, что законодатель структурировал пункты от наиболее тяжкого к наименее тяжкому виду деяния, с первого до четвертого.

Наиболее строгий вид ответственности предусматривался для организаторов, подстрекателей и участников массовых беспорядков, уличенных в совершении убийств, поджогов, нанесении телесных повреждений, вооруженном сопротивлении и фактах изнасилования. Для таких лиц предусматривалась ответственность в виде высшей меры наказания с полной конфискацией имущества[1].

Как видно из приведенных выше признаков, размытость норм о массовых беспорядках, отсутствие ясности в установлении отличий между наиболее тяжким и менее тяжким составами, большая разница между верхним и нижним пределами санкций не соответствовали принципу справедливости. В крайних случаях они несли в себе опасность произвола при вынесении приговоров.

Вызывает большое сомнение возможность установления истинной роли участника массовых беспорядков, в частности организатора и подстрекателя, которым в соответствие с пунктом первым грозила высшая мера, и лица, «не принимавшим непосредственного участия в беспорядках», ответственность которого могла быть ограниченной всего лишь шестью месяцами лишения свободы.

Непонятна также разница в общественной опасности участников, уличенных в совершении убийств, нанесении телесных повреждений, вооруженном сопротивлении и фактах изнасилования, для которых применяется высшая мера наказания, и прочих вооруженных участников, наказывавшихся двумя годами лишения.

В УК РСФСР 1926 года ответственность за данные общественно-опасные деяния предусматривалась главой 2 «Особо для Союза ССР опасные преступления против порядка управления»[2]. Статья 59.2 УК РСФСР 1926 года полностью копировала норму ст. 75 УК РСФСР 1922 года и практически в аналогичной редакции описывала признаки массовых беспорядков.

Включение нормы об ответственности за массовые беспорядки в Раздел 2 «Иные государственные преступления» Главы 1 «Государственные преступления» УК РСФСР 1960 года свидетельствовало о следовании намеченному вектору их оценки как наиболее опасного вида преступления, угрожавшего существованию государства. Статья 79 УК РСФСР 1960 года содержала всего лишь один состав, подразумевавший «организацию массовых беспорядков, сопровождающихся погромами, разрушениями, поджогами, а равно непосредственное совершение их участниками указанных выше преступлений или оказание ими вооруженного сопротивления» [6, с. 170].

Мера ответственности по ст.79 УК РСФСР также, как и в предшествующих уголовных законах, характеризовалась большим различием между верхним (15 лет лишения свободы) и нижним (2 года лишения свободы) пределами санкции. Это не обеспечивало реализацию принципа справедливости и фактически приводило к необоснованному усилению роли судейского усмотрения при вынесении приговоров.

По сравнению с УК РСФСР 1922 и 1926 годов норма о массовых беспорядках 1960 года претерпела определенный регресс, так как в более раннем законодательстве, по крайней мере, прослеживалась попытка дифференцировать ответственность организатора и участника, а также учесть смягчающие преступление и наказание обстоятельства, индивидуализировав тем самым наказание.

Анализируя важность объекта преступления, рассматриваемого нами, отметим, что в советский период государственное управление как социальное благо, по всей видимости, ценилось выше и имело приоритет, о чем свидетельствует расположение данного деяния в одной из первых глав УК РСФСР. Данный приоритет был обусловлен сложившейся в то время социально-политической обстановкой в стране.

Так, непродуманные решения тридцатых годов по огосударствлению экономики страны, политические репрессии в отношении оппозиции, отдельных народов и социальных групп населения (кулаков и др.), массовые нарушения законности в судебной и правоохранительной деятельности, увлечение карательным уклоном в наказании преступников, а также волюнтаристские параметры массовой амнистии 1953 года, которая, по сути, явилась политическим решением, явили яркий пример влияния политики, экономики и социальной сферы на увеличение количества массовых беспорядков.

Закономерным является то, что пенитенциарная обстановка в местах лишения свободы способствовала формированию критического отношения осужденных к самому государству и его институтам. С принятием амнистии одномоментно в советском обществе произошло увеличение людей с криминальным опытом [7, с. 96-97].

Характерно, что череда наиболее резонансных массовых волнений пришлась именно на период конца пятидесятых и

1 Уголовный кодекс РСФСР от 01.07.1922 г. // Собрание узаконений РСФСР. – 1922. – № 15. – Ст. 153 (утратил силу).

2 Уголовный кодекс РСФСР от 26.11.1926 г. // Собрание узаконений РСФСР. – 1926. – № 80. – Ст. 600 (утратил силу).

середины шестидесятых годов прошедшего века, среди которых можно назвать события, имевшие место в Темиртау (1959 год)[3], Краснодаре (1961 год)[4], Муроме (1961 год)[5], Новочеркасске (1962 год)[6] и т.д.

Указанные события происходили на фоне наблюдавшегося в шестидесятых годах разочарования в идеалах социализма и коммунизма.

Кроме факторов, провоцирующих развитие негативной тенденции массового преступного поведения, приводящего к бунтам на территории СССР, существовали факторы, ослабляющие такую тенденцию. К таковым, без всякого сомнения, можно отнести однородность советского общества, его идеологическое и культурное единство при его полиэтническом составе [8, с. 10].

После распада Советского Союза и перехода экономики на рыночные рельсы были скорректированы некоторые подходы в регламентации уголовной ответственности за совершение массовых беспорядков в новом Уголовном кодексе Российской Федерации 1996 года (далее - УК РФ). Наряду с углубленной дифференциацией ответственности организаторов и участников массовых беспорядков, конструкция ч. 1 ст. 212 УК РФ с небольшим отставанием с момента издания ее первой редакции была дополнена альтернативным действием, а именно, применением взрывных устройств, взрывчатых, отравляющих либо иных веществ и предметов, представляющих опасность для окружающих. Без всякого сомнения, такое дополнение необходимо оценить положительно, так как законодатель воспроизвел реальную современную картину совершения массовых беспорядков, где в противоправных целях могут быть использованы источники повышенной опасности.

Появление видоизмененной нормы о массовых беспорядках и ее последующее совершенствование было обусловлено рядом политических и социально-экономических факторов. Оно являлось реакцией законодателя на события, происходившие в России.

Так, неблагоприятный ход становления и развития российской государственности в ранний период независимости России, в частности, в первые десять лет ее суверенитета, сопровождался криминальным разделом сфер влияния в предпринимательской среде[7], обнищанием основного массы населения, притоком мигрантов из сопредельных с Россией государств, внутренней миграцией из периферии и автономных национальных республик в крупные города и областные центры европейской части страны, появлением в них этнических преступных группировок[8].

Стоит подчеркнуть, что наибольшее число массовых беспорядков, произошедших в России на межнациональной почве, приходится на двухтысячные и более поздние годы. К наиболее резонансным можно отнести события в поселке Яндыки Астраханской области (2005 год)[9], г. Сальске Ростовской области (2006 год), г. Кондопоге (2006 год)[10], на Манежной площади г. Москвы (2010)[11], поселке Сагра Свердловской области (2011 год)[12], поселке Демьяново Кировской области (2012 год)[13], г. Пугачеве Саратовской области (2013 год)[14].

В последующие годы подверженной опасности возникновения массовых беспорядков оказалась сфера публичной политики, противостояние в которой обострялось поддерживаемым из-за рубежа оппозиционным движением, спекулировавшим правом проведения массовых мероприятий с целью выражения протеста на основании принятого Федерального закона от 19.06.2004 № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях»[15]. Период 2011-2014 годов отмечен высокой динамикой различных протестных антиправительственных акций под вывесками «За честные выборы!». Такие акции, как «Болотная революция», «Марш миллионов», «Марш несогласных»[16] сопровождались требованиями освобождения некоторых лидеров несистемной оппозиции, уже вошедших в анналы истории России.

В качестве стабилизирующего фактора внутренней обстановки в стране не последнее место отводилось совершенствованию уголовного законодательства России. Об этом может свидетельствовать появление в части 3 статьи 212 УК РФ нормы об уголовной ответственности за призывы к массовым беспорядкам и насилию над гражданами, предварительно отраженной в Федеральном законе «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 07.12.2011 № 420-ФЗ[17].

Достаточно своевременно Федеральным законом от 05.05.2014 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» №130-ФЗ[18] статья 212 УК РФ была дополнена частью 4, криминализовавшей прохождение обучения, проводимого в целях организации массовых беспорядков либо участия в них. Указанным федеральным

3 Темиртау: массовые беспорядки на целине. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://REVBEL.ORG/2013/10/TEMIRTAU-MASSOVY-E-BESPORYADKI-NA-TSELINE/ (дата обращения: 02.04.2025).

4 Краснодарский бунт. Что случилось в январе 1961? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.yuga.ru/articles/society/8294.html (дата обращения: 03.04.2025).

5 Жаркое лето 61-го в Муроме. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://web.archive.org/web/20130802165315/www.promurom.ru/infom/61.php (дата обращения: 03.04.2025).

6 Новочеркасская трагедия, Новочеркасск 1962. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://novocherkassk.net/wiki/1962/ (дата обращения: 05.04.2025).

7 См.: 1980-1990-е годы. Перестройка и криминальная революция [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://76.xn--b1aew.xn--p1ai/300. (дата обращения: 20.02.2025).

8 Мафия с акцентом. Этнические преступные группировки России. Что мы о них знаем?
[Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://versia.ru/yetnicheskie-prestupnye-gruppirovki-rossii--chto-my-o-nix-znaem (дата обращения: 20.02.2017).

9 Беспорядки в селе Яндыки. Доступ с сайта https://www.gazeta.ru/2005/08/19/box_4720.shtml
(дата обращения: 02.03.2025).

10 10 лет Кондопоги. Что это было и где сейчас участники конфликта. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ptzgovorit.ru/shortread/10-let-posle-kondopogi-chto-eto-bylo-i-gde-seychas-uchastniki-konflikta (Дата обращения: 02.03.2025).

11 Беспорядки на Манежной площади. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/news/racism-nationalism/2010/12/d20481/ (дата обращения: 02.03.2025).

12 Дело о нападении на поселок Сагра. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ria.ru/20130319/927903365.html (дата обращения: 02.03.2025).

13 События в Демьяново квалифицировали как массовые беспорядки. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/1981615 (дата обращения: 02.03.2025).

14 Волнения в Пугачеве. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rg.ru/sujet/5041/ (дата обращения: 02.03.2025).

15 Федеральный закон от 19.06.2004 № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» // Справочная правовая система «Консультант Плюс».

16 «Марш миллионов» в Москве завершился массовыми арестами. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.bbc.com/russian/russia/2012/05/120506_livetext_moscow_march (дата обращения: 02.04.2025) @@ Болотная. пять лет спустя. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.svoboda.org/a/28468515.html (дата обращения: 02.04.2025);

17 Федеральный закон № 420 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 07.12.2011 // Справочная правовая система «Консультант Плюс».

18 Федеральный закон № 130 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 05.05.2014 // Справочная правовая система «Консультант Плюс».

законом статья была дополнена примечанием, прописавшим условия освобождения от уголовной ответственности лица, совершившего преступление, предусмотренное ч. 4. ст.212 УК РФ. К ним отнесены сообщение лицом органам власти о факте прохождении обучения, заведомо для него проводившегося в целях организации массовых беспорядков либо участия в них, а также способствование раскрытию совершенного преступления, выявлению других лиц, проходивших и организовавших такое обучение.

В 2016 году редакция статьи 212 УК РФ претерпела еще одно изменение: в части 1.1. были криминализованы склонение, вербовка или иное вовлечение лица в совершение действий, предусмотренных частью первой рассматриваемой статьи (Федеральный закон от 06.07.2016 № 375[19]). С появлением настоящей нормы в статье 212 УК РФ можно не согласиться с точки зрения доктрины уголовного права, но с позиции попытки дифференциации ответственности лиц, в отношении которых доказана причастность к массовым беспорядкам, логика законодателя выступает вполне оправданной Уместно сказать, что новеллы, дополнившие статью 212 УК РФ новыми составами преступлений, обусловлены рядом экономических и социально-политических факторов. Они (изменения) вписывались и в настоящее время вписываются в контекст происходящих в стране и мире общественно-политических событий, которые вызывают повышенное внимание законодателя к сохранению конституционного строя РФ, предупреждению государственных переворотов и «цветных революций»[20].

Таким образом, рассмотрение вопросов, относящихся к социально-правовой обусловленности уголовной ответственности за массовые беспорядки сквозь призму отдельных этапов и факторов исторического развития России, привело к формулированию следующих выводов.

1. Эволюция уголовной ответственности за совершение массовых беспорядков в Российской Федерации обусловлена рядом политических и социально-экономических факторов, в их числе исторически сложившейся системой взаимоотношений государственной власти с населением, периодически возникающими противоречиями между различными социальными группами внутри страны и другими явлениями подобного типа.

2. Схожие по своей правовой природе с массовыми беспорядками противоправные деяния в уголовном законодательстве дореволюционного периода обозначались собирательным термином «публичное скопище». По смыслу норм данного периода основные объективные признаки деяний, совершавшихся публичным скопищем, заключались в выступлениях и массовом неповиновении властям. Степень ответственности за совершенные публичным скопищем преступления зависела от интенсивности восстания, а также от мобилизации сил и средств государственной власти, направленной на усмирение бунтовщиков и минимизацию последствий от их действий. По степени общественной опасности поджог и причинение смерти в ходе восстания считались приравненными друг к другу обстоятельствами, отягчавшими вину.

3. Впервые термин «массовые беспорядки», как негативное социальное и уголовно-правовое явление, нашел отражение в ст. 75 Уголовного кодекса РСФСР 1922 года. По уголовному законодательству 1922 и 1926 годов массовые беспорядки относились к преступлениям против порядка управления и в одинаковой редакции описывались четырьмя пунктами, различавшихся по степени опасности и тяжести последствий. К недостаткам нормы о массовых беспорядках в УК РСФСР 1922 и 1926 годов можно отнести отсутствие четких границ (которые должны были быть обеспечены диспозицией статьи) отличия организаторов и подстрекателей от участников преступления, а также наличие большой диспропорции между нижним и верхним пределами наказания, установленных санкциями статей.

4. В УК РСФСР 1960 года норма о массовых беспорядках не разграничивала организацию массовых беспорядков и участие в них, устанавливая одинаковую меру ответственности за их совершение в виде лишения свободы от трех до пятнадцати лет, что можно считать регрессом в регулировании уголовной ответственности за массовые беспорядки.

5. Современная редакция статьи 212 УК РФ претерпевала ряд изменений, которые были обусловлены политическими и социально-экономическими факторами, в том числе повышенным вниманием законодателя к сохранению конституционного строя России, недопущению переворотов и «цветных революций», инициируемых недружественными по отношению к РФ государствами.

Пристатейный библиографический список

1. Хабибулин Л. Р. Юридические основы уголовно-правового воздействия массовым беспорядкам на этапах зарождения и развития Русского централизованного государства// Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской Академии МВД России. - 2021. - № 4 (56). - С. 209-214.
2. Багмет А. М. Ретроспективный анализ уголовно-правового противодействия массовым беспорядкам в Российской Федерации // Российский психологический журнал. - 2012. - № 3. - С. 26-32.
3. Ушанкина Ю. С. Формирование уголовно-правовых средств противодействия массовым беспорядкам в отечественном уголовном праве// Право и государство, теория и практика. - 2023. - № 12 (228). - С. 487-490.
4. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных высочайше утвержденное в 1885 г. Свод законов Российской Империи. Часть вторая. - СПб.: Издание Товарищества Волжского земского тарифного бюро, 1909. - 1030 с.
5. Наумов А. В. Уголовное законодательство Временного правительства // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. - 2007. - № 1 (1). - С. 19-21.
6. Анашкин Г. З., Ахметшин Х. М. Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР. / под ред.: Ю. Д. Северина. - М.: Изд-во «Юридическая литература», 1984. - 528 с.
7. Козлов В. А. Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежневе (1953-начало 1980-х гг.). - М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2010. - 463 с.
8. Баталов Э. Я. Философия бунта (критика идеологии левого радикализма). - М.: Изд-во «Политиздат», 1973. - 222 с.

19 Федеральный закон от 06.07.2016 № 375-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» // Справочная правовая система «Консультант Плюс».

20 «Цветные революции» в странах бывшего СССР: как это было. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.dailysabah.com/russian/world/2018/05/11 (дата обращения: 12.04.2025) @@ Цветные революции – Русский эксперт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ruxpert.ru/ (дата обращения: 12.04.2025) @@ Секреты цветных революций. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://svom.info/entry/208-sekrety-cvetnyh-revolyucij-sovremennye-tehnologii-/ (дата обращения: 12.04.2025); Цветные революции СНГ: цифры и факты. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://365info.kz/2016/12/kak-postsovetskoe-prostranstvo-okrasilos-tsvetnymi-revolyutsiyami (дата обращения: 12.04.2025).

АЛЬ-МАСАФИР Дурайд Мохаммед Хассун
аспирант кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, Юридический институт, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ СИСТЕМ МУСУЛЬМАНСКИХ СТРАН: ПОДХОДЫ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ

Сравнительный анализ уголовно-правовых систем мусульманских государств демонстрирует многообразие подходов к наказанию через лишение свободы. Правовые нормы различных исламских стран, регламентирующие применение данной меры пресечения, базируются на сочетании государственных и религиозных принципов. Законодательные акты мусульманских государств устанавливают разнообразные сроки и условия тюремного заключения, отражая специфику национальных правовых традиций. Судебная практика назначения наказаний в виде лишения свободы варьируется между странами исламского мира, сохраняя при этом общие фундаментальные черты. Уголовно-правовые системы мусульманских стран демонстрируют тенденцию к широкому применению лишения свободы как основного инструмента исправительного воздействия.

Ключевые слова: лишение свободы, исламское уголовное право, арест, заточение, тюремное заключение, каторжные работы.

AL-MUSAFIR Duraid Mohammed Hassan
postgraduate student of Criminal Law, criminal process and criminalistics sub-faculty, Institute of Law, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

COMPARATIVE ANALYSIS OF CRIMINAL LEGAL SYSTEMS IN MUSLIM COUNTRIES: APPROACHES TO DEPRIVATION OF LIBERTY

A comparative analysis of the criminal legal systems of Muslim states demonstrates the diversity of approaches to punishment through deprivation of liberty. Legal norms of various Islamic countries regulating the application of this preventive measure are based on a combination of state and religious principles. Legislative acts of Muslim states establish a variety of terms and conditions of imprisonment, reflecting the specificity of national legal traditions. The judicial practice of imposing custodial sentences varies among the countries of the Islamic world, while retaining common fundamental features. The criminal legal systems of Muslim countries demonstrate a tendency towards the widespread use of deprivation of liberty as the main instrument of correctional influence.

Keywords: deprivation of liberty, Islamic criminal law, arrest, confinement, imprisonment, hard labour.

Введение

В глобализированном мире, характеризующемся культурным многообразием и различиями в правовых системах, вопросы уголовного права и его практического применения становятся особенно важными. Одной из центральных тем в этой области является применение лишения свободы как меры уголовного наказания. В мусульманских странах, где право основывается на шариате, существует множество уникальных подходов к лишению свободы, которые определяются как религиозными предписаниями, так и культурными традициями [2].

Сравнительный анализ уголовно-правовых систем мусульманских стран позволяет погрузиться в специфику применения законодательства, исследуя, как религиозные нормы и светское законодательство взаимодействуют в практике лишения свободы. Исламское право, основанное на Коране и Сунне, претерпевает различные интерпретации, что приводит к разным подходам к наказанию в различных мусульманских странах [7].

Цель данной статьи – провести обзор и сопоставить нормы о лишении свободы в различных мусульманских странах, выявив как общие черты, так и уникальные аспекты правоприменительной практики. Учитывая многообразие исламских правовых систем и культурных контекстов, особое внимание будет уделено тому, как такие факторы, как социокультурные условия, экономические реалии и уровень правовой реформы, влияют на применение наказания в виде лишения свободы.

Систематический анализ этих норм важен не только для понимания особенностей правоприменения в каждой отдельной стране, но и для разработки общих рекомендаций по улучшению уголовного законодательства и правозащитного механизма в мусульманских странах. Работа призвана внести вклад в существующие исследования в области уголовного права и межкультурного диалога, а также подчеркнуть необходимость адаптации правовых норм к современным требованиям и международным стандартам [3].

Литературный обзор

Исламская уголовно-правовая система представляет многогранный социальный феномен, сформировавшийся под влиянием религиозных традиций, но существующий автономно от них в рамках государственного правового регулирования. Уголовно-правовые нормы исламского законодательства функционируют как элемент правовой системы, опираясь на механизмы государственного принуждения, что принципиально отличает их от религиозных предписаний. Специфика исламского уголовного законодательства заключается в гармоничном сочетании правовых механизмов с традиционными обычаями, моральными установками и религиозными канонами, образующими целостную систему социального регулирования [1].

Уголовно-правовые системы мусульманских государств демонстрируют специфический подход к лишению свободы как мере наказания преступников. Многовековые религиозные традиции ислама наложили существенный отпечаток на практику применения данной санкции в странах мусульманского мира. Философское осмысление института тюремного заключения через призму исламского права позволяет глубже понять особенности правовой доктрины мусульманских государств [4], [7].

Применение лишения свободы в качестве уголовного наказания началось сравнительно поздно, став значимым поворотом в развитии пенитенциарной системы. Уголовное законодательство ввело данную меру пресечения как замену физическим воздействиям на правонарушителей, одновременно предоставив возможность коррекции поведения осужденных. Принципиальные изменения в трактовке карательных мер и задач наказания потребовали новых подходов к исправлению преступников.

Исламская правовая доктрина рассматривает систему наказаний как комплексный механизм воздействия на правонарушителя, направленный на достижение справедливого возмездия при одновременном обеспечении возможности духовного преображения личности. Пенитенциарная практика мусульманского права предусматривает лишение свободы в качестве инструмента, способствующего глубокому переосмыслению содеянного преступником и формированию искреннего раскаяния за совершенные деяния. Мусульманские правоведы подчеркивают фундаментальный принцип уважения человеческого достоинства при исполнении наказания в виде тюремного заключения [12].

В отличие от западных концепций наказания, в исламском уголовном праве лишение свободы традиционно применяется как исключительная мера. Она может использоваться для:

– изоляции преступников, представляющих угрозу обществу;

– временного содержания осужденных до исполнения наказания;

– воспитания и исправления (особенно в случае тазирных наказаний).

Продолжительность наказания в виде лишения свободы начинается с минимального периода в двадцать четыре часа. Максимальные временные рамки данной меры пресечения вызывают разногласия между теоретиками права и правоприменителями. Согласно устоявшейся доктрине, период изоляции от общества соответствует древнему наказанию в форме изгнания, ограниченному двенадцатью месяцами. Практическое применение демонстрирует иной подход, когда длительность заключения определяется моментом осознания преступником своей вины. Законодательство Судана, а именно статья 64 часть 3 Уголовного кодекса, предоставляет судам право устанавливать сроки тюремного заключения по своему усмотрению при отсутствии четких временных указаний в диспозиции статьи [9], [12].

В мусульманском законодательстве лишение свободы представляет собой специфическую меру наказания, применяемую преимущественно за правонарушения небольшой тяжести с возможностью замены альтернативными санкциями по усмотрению судебной инстанции. Традиционная система исполнения наказаний в исламском праве характеризовалась отсутствием специализированных пенитенциарных учреждений, где осужденные отбывали наказание непосредственно по месту проживания, либо в религиозных сооружениях [14].

Уголовное законодательство исламских государств, включая Уголовный кодекс Иордании 1960 года и Уголовный кодекс Марокко, устанавливает строгую ответственность за несоблюдение поста в священный месяц Рамадан, предусматривая наказание в виде лишения свободы с назначением денежного штрафа (ст. 274 УК Иордании 1960 г. и ст. 222 УК Марокко предусматривают лишение свободы и штраф).

Современное уголовное законодательство арабских стран выделяет лишение свободы как фундаментальную меру наказания преступников. Карательное воздействие данной санкции уступает исключительно смертной казни, затрагивая основополагающее право человека на личную свободу. Юридическая практика арабских государств демонстрирует многообразие подходов к систематизации наказаний, связанных с изоляцией от общества. Правовые системы различных стран региона предлагают собственные классификации противоправных деяний, подразделяя их на преступления, проступки и правонарушения. Ливанская и сирийская юриспруденция придерживаются градации мер пресечения свободы соответственно тяжести совершенного деяния [7], [11].

В трудах арабских правоведов, включая исследования Джунди Абдуль Малика, продолжительность лишения свободы выступает основным критерием классификации наказаний. Временной принцип разделения мер пресечения свободы закрепился как доминирующий подход в арабской юридической доктрине. Правовая система арабских государств подразделяет наказания на бессрочные и срочные меры ограничения свободы. Специфика данного подхода заключается в применении темпорального критерия исключительно к санкциям, предполагающим ограничение свободы на определенный срок или пожизненно. Уголовное законодательство арабских стран устанавливает продолжительность заключения соразмерно тяжести совершенного преступного деяния, что соответствует общемировой юридической практике [14].

Уголовное законодательство предусматривает комплексный подход к определению сроков наказания, учитывая как степень общественной опасности совершенного деяния, так и совокупность квалифицирующих признаков преступного действия.

Уголовное законодательство формирует классификацию наказаний с учетом характера совершенных деяний, подразделяя ограничение свободы и прочие меры воздействия на две фундаментальные категории - за преступления против государственного строя и общекриминальные правонарушения.

Сирийское уголовное законодательство, согласно статье 37 Уголовного кодекса, устанавливает основные меры наказания за совершение общеуголовных преступлений, включающие высшую меру наказания, бессрочные принудительные работы каторжного характера, пожизненное содержание под стражей, а также срочные каторжные работы.

Законодательство устанавливает градацию мер наказания за преступления политического характера, включающую бессрочное заключение под стражу, ограниченное по времени лишение свободы, а также ограничение граждан-

ских правомочий согласно положениям тридцать восьмой статьи.

Уголовное законодательство предусматривает различные виды наказаний за общественно опасные деяния, регламентированные статьей 39, включающие принудительное трудовое воздействие при ограничении свободы, изоляцию от общества без обязательного труда, а также денежные взыскания в установленном порядке.

Законодательством предусмотрены различные меры наказания за деяния политического характера, включающие ограничение свободы передвижения без обязательного трудоустройства, принудительное пребывание по месту жительства под надзором, а также денежные взыскания согласно статье 40.

В соответствии с положениями статьи 41 Уголовного кодекса Сирийской Арабской Республики законодательством установлены меры ответственности, включающие наложение денежных взысканий либо применение санкций в виде ограничения свободы, сопряженного с обязательным или факультативным привлечением осужденных к трудовой деятельности.

Уголовное законодательство Ливана, закрепленное в статьях 37-40 кодекса, регламентирует аналогичную систему карательных мер [17].

Уголовное законодательство арабских государств, включая Египет и Иорданию, формирует структурированную систему наказаний на основе детальной градации противоправных деяний по степени общественной опасности.

Уголовное законодательство арабских стран предусматривает три основные категории наказаний, связанных с ограничением свободы: принудительные каторжные работы, подразделяющиеся на бессрочные и срочные варианты исполнения, заключение под стражу с вариативностью пожизненного либо временного характера, а также краткосрочный арест, допускающий привлечение осужденных к трудовой деятельности или содержание без таковой.

Уголовный кодекс Сирийской Арабской Республики определяет каторжные работы как форму наказания, при которой осужденный принудительно выполняет тяжелые физические работы внутри или вне исправительного учреждения, что полностью соответствует законодательной формулировке данного вида наказания в уголовном праве Ливанской Республики.

Законодательство Палестины, закрепленное в статье 39 пункте 1.1 Уголовного кодекса, устанавливает обязательное выполнение каторжных работ при назначении тюремного заключения, исключая случаи вынесения особых судебных постановлений об отмене данного требования.

Результаты и их обсуждение

Современная система уголовных наказаний определяет лишение свободы как приоритетную форму воздействия на правонарушителей, обеспечивая баланс между карательной функцией и возможностью исправления осужденных. Правовая классификация выделяет временное и пожизненное заключение, что позволяет дифференцировать подход к различным категориям преступлений с учетом их тяжести и общественной опасности. Существующие нормы уголовного законодательства устанавливают более мягкий характер тюремного заключения по сравнению с ранее практиковавшимися каторжными работами [11].

Специализированные учреждения закрытого типа обеспечивают реализацию судебных приговоров о пожизненном лишении свободы преступников, совершивших особо тяжкие деяния против общества.

В соответствии с положениями восемнадцатой и девятнадцатой статей Уголовного кодекса Иорданского Хашимитского Королевства, пожизненное лишение свободы подразумевает бессрочное содержание осужденного в пенитенциарном учреждении общего режима, где законодательно закреплено право заключенного, отказаться от ношения униформы и принудительного привлечения к трудовой деятельности. Согласно сорок первой статье Закона о пенитенциарных учреждениях, период отбывания данного вида наказания длится до момента естественной смерти осужденного лица.

Согласно положениям статьи 44 Уголовного кодекса Сирийской Арабской Республики, наказание в виде пожизненного тюремного заключения подразумевает содержание осужденного лица в исправительном учреждении общего режима на протяжении всего периода жизни по решению судебной инстанции.

Уголовно-правовая система предусматривает возможность применения данной меры ответственности как основного вида наказания при совершении преступлений общеуголовного характера, а также противоправных деяний против государственного строя.

Законодательство Сирийской Республики и Ливанской Республики предусматривает автоматическое лишение гражданских прав осужденных при вынесении приговора о пожизненной каторге или пожизненном тюремном заключении согласно положениям пятидесятой статьи уголовных кодексов обеих стран.

Законодательство Иордании регламентирует процедуру временного лишения свободы путем размещения осужденных в пенитенциарных учреждениях общего режима. Согласно статье 18 Уголовного кодекса страны, заключенным предоставляется право ношения установленной формы одежды, а также возможность добровольного участия в трудовой деятельности на территории исправительного учреждения [14], [16].

Практическая реализация каторжных работ и данной формы лишения свободы демонстрирует минимальные различия в процессе исполнения наказания. Выдающийся исследователь пенитенциарной системы Гази Грар подчеркивает формальный характер разграничения между указанными видами наказаний, отмечая их существенное сходство при практическом применении.

Законодательство арабских государств устанавливает временные рамки заключения под стражу продолжительностью от трех до пятнадцати лет, при отсутствии специальных указаний в соответствующих разделах уголовных кодексов данных стран.

Законодательство относит арест к категории наименее строгих форм временного ограничения свободы, применяемых в качестве меры пресечения при исполнении уголовного наказания.

Лишение свободы в форме ареста подразумевает принудительную изоляцию нарушителя закона, причем данная мера пресечения может сопровождаться привлечением осужденного к общественно-полезной деятельности. При-

менение ареста как меры наказания осуществляется в отношении лиц, совершивших уголовные преступления либо противоправные действия политического характера [11].

Содержание осужденного в пенитенциарном учреждении общего режима либо центральной тюрьме представляет собой особую форму временного ограничения свободы, назначаемую судебной инстанцией на определенный срок в качестве меры наказания.

Наказание в виде ареста, предусмотренное статьей 18 Уголовного кодекса Египта, предполагает содержание осужденного в пенитенциарном учреждении общего режима или центральной тюрьме на срок от одних суток до трех лет. При назначении наказания продолжительностью менее трех месяцев законодательство предоставляет осужденному право ходатайствовать о замене тюремного заключения альтернативными исправительными работами без изоляции от общества.

Египетское уголовное законодательство определяет дифференцированный подход к исполнению ареста как меры наказания, закрепляя в статье 19 две основополагающие формы: базовое ограничение свободы без принудительного труда и комбинированное наказание с обязательным привлечением осужденных к работам в пенитенциарных учреждениях либо специализированных государственных объектах.

Уголовное законодательство Ливана рассматривает арест как меру пресечения за совершенные правонарушения различной степени тяжести, включая политические деяния. Временные рамки ареста варьируются согласно классификации правонарушений, предусматривая содержание под стражей при проступках от суток до трех лет, а при нарушениях - максимально десять суток. Законодательством предусмотрена альтернативная форма исполнения наказания в виде домашнего ареста [9].

Лишение свободы представляет собой фундаментальную форму уголовного наказания, сохраняющую стабильную позицию в системе правосудия с момента становления государственности, в отличие от смертной казни, применение которой характеризуется исторической нестабильностью и варьируется в зависимости от социально-политического устройства различных стран.

При изучении мусульманского уголовного законодательства становится очевидным ограниченное применение длительного тюремного заключения как меры наказания, что существенно отличает данную правовую систему от других исторических моделей пенитенциарной практики.

Законодательство предусматривало различные сроки тюремного заключения для преступников, включая годичное наказание для помилованных убийц и пособников преступных деяний. Многократное совершение тяжких правонарушений влекло за собой высшую меру наказания либо пожизненное заключение под стражу. Мусульманская судебная система изначально практиковала домашний арест или содержание осужденных в мечетях ввиду отсутствия специализированных пенитенциарных учреждений [10].

Тюремное заключение по мусульманскому уголовному праву может быть:

1) на определенный срок, т.е. временным,

2) неопределенный срок, т.е. пожизненным.

Уголовное законодательство предусматривает назначение срочного тюремного заключения за совершение преступлений небольшой тяжести, при этом нижняя граница наказания составляет одни сутки. Законодательное регулирование верхнего предела лишения свободы варьируется между шестью месяцами и годом, а при определенных обстоятельствах окончательная продолжительность заключения устанавливается на основании судебной оценки фактических материалов дела.

Эффективность исправительных работ как меры уголовного наказания определяется достижением позитивных изменений в поведении осужденного, при отсутствии которых судебная инстанция прибегает к альтернативным карательным мерам воздействия.

Мусульманская правовая система предусматривает существенные различия в применении тюремного заключения по сравнению с позитивным правом. Современная правовая доктрина, исследованная Абдель Кадер Оде, демонстрирует принципиальное расхождение двух систем при назначении наказания в виде лишения свободы. Позитивное право устанавливает тюремное заключение главной мерой наказания вне зависимости от степени тяжести преступного деяния. Мусульманское уголовное право применяет лишение свободы исключительно при совершении преступлений небольшой общественной опасности, предоставляя судебным органам возможность замены данной меры на более действенную санкцию по усмотрению суда [12].

Уголовное законодательство предусматривает бессрочное заключение под стражу для лиц, совершивших повторные тяжкие преступления против личности и собственности. Правоприменительная практика демонстрирует реализацию данной меры наказания через содержание осужденного в пенитенциарном учреждении вплоть до момента его исправления либо раскаяния. Фактическая неопределенность срока заключения при вынесении приговора трансформирует данный вид наказания в пожизненное лишение свободы, поскольку критерии исправления остаются субъективными и труднодостижимыми для осужденного.

Система исполнения наказаний арабских государств активно использует тюремное заключение как основную меру пресечения противоправных деяний.

Лишение свободы выступает основным инструментом достижения превентивных задач уголовного наказания, создавая необходимые предпосылки для результативной коррекции противоправного поведения осужденных. Эффективность пенитенциарной системы определяется преимущественно через призму практической реализации данной меры государственного принуждения, направленной на ресоциализацию правонарушителей [14].

Негативное влияние лишения свободы на осужденных обуславливает необходимость пересмотра существующей системы наказаний в уголовном законодательстве, направленного на разработку альтернативных мер воздействия при сохранении эффективности правоприменительной практики.

Социально деструктивное воздействие данной формы наказания выражается через негативные последствия для психологического состояния осужденного, разрушение семейных связей и дестабилизацию общественных отношений.

Длительная изоляция в пенитенциарных учреждениях приводит к разрушительным последствиям для психики заключенных, делая дальнейшее содержание под стражей неэффективным методом исправления. Краткосрочное заключение лиц, совершивших незначительные правонарушения, создает риск криминализации личности через контакты с опытными преступниками. Пребывание в местах лишения свободы существенно ограничивает возможности осуществления гражданских прав и обязанностей, затрудняя последующую социальную адаптацию освободившихся лиц [4].

Лишение свободы разрушительно воздействует на семейные взаимоотношения, приводя к значительному ухудшению финансового благосостояния близких родственников и нарушению процесса воспитания детей. Социальная изоляция осужденного нередко становится причиной полного разрыва брачных уз, а также прекращения общественно полезных связей, сформированных гражданином до заключения под стражу.

Заключение

В статье были проанализированы уголовно-правовые нормы различных мусульманских стран по отношению к уголовному наказанию в виде лишения свободы. Анализ проводился на основе обзора и сопоставления данных норм. Рассматривались виды лишения свободы, была приведена их правовая характеристика.

Сравнительный анализ уголовно-правовых систем мусульманских стран позволил детально изучить специфику применения законодательства, исследуя, как религиозные нормы и светское законодательство взаимодействуют в практике лишения свободы. Исламское право, основанное на Коране и Сунне, претерпевали различные интерпретации, что приводило к разным подходам к наказанию в различных мусульманских странах.

Учитывая многообразие исламских правовых систем и культурных контекстов, особое внимание в статье было уделено тому, как такие факторы, как социокультурные условия, экономические реалии и уровень правовой реформы, влияют на применение наказания в виде лишения свободы.

В конечном итоге можно говорить о том, что в современных условиях лишение свободы является одним из самых распространенных видов уголовного наказания, которое основывается на реализации, как государственной политики, так и религиозных положений ислама.

Необходимо заметить, что систематический анализ уголовных норм лишения свободы важен не только для понимания особенностей правоприменения в каждой отдельной стране, но и для разработки общих рекомендаций по улучшению уголовного законодательства и правозащитного механизма в мусульманских странах.

Пристатейный библиографический список

1. Автономов А. С., Артемов В. Ю., Новикова Р. Г. Исламская модель правосудия: монография. - 2-е изд., доп. и перераб. - М.: Норма, 2018. - С. 312-342.
2. Акимова Н. В. Стратегия и тактика противодействия преступности в странах мусульманского мира // Юридическая техника. - 2015. - № 9. - С. 86-90.
3. Аль-Русан Нидаль Гадаллах Мусульманское право в правовой системе арабских стран (на примере Иордании, Египта и Ливии) // Право и правовая идеология: тематический сборник научных трудов. - Баку, 1986. - С. 78-83.
4. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. - М.: ИНФРА-М, 2004. - 184 с.
5. Гаджиев М. М., Ибрагимов А. М. Основные правовые акты и институты прав и свобод человека в мусульманском праве // Юридическая наука и практика. - 2012. - Т. 8, № 1. - С. 140-147.
6. Дементьев С. И. Лишение свободы. Уголовно-правовые и исправительно-трудовые аспекты. - Ростов н/Д, 1981. - 208 с.
7. Есаков Г. А., Крылова Н. Е., Серебренникова А. В. Уголовное право зарубежных стран: учебное пособие. - М.: Проспект, 2009.
8. Закон об исламских уголовных наказаниях Исламской Республики Иран / Науч. ред. А. И. Ахани; пер. с перс. М. С. Пелевина. - СПб.: Юридический центр Пресс, 2008.
9. Исхак Ибрагим Мансур. Краткий очерк по криминологии и уголовному праву. - Алжир, 1982.
10. Исламское уголовное право и процесс: учебное пособие / Под общ. ред. И. Ю. Козлихина, Н. Г. Стойко. - СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2018.
11. Кулиев Э. Перевод смыслов священного Корана. - М., СПб.: Диля, 2012.
12. Орлов В. Н. Уголовное наказание: понятие, цели, система, объекты и субъекты: монография. - М.: Издательство МГЮА имени О. Е. Кутафина, 2011. - 466 с.
13. Решетников Ф. М. Правовые системы стран мира: справочник. - М.: Юрид. лит., 1993. - 256 с.
14. Сизов А. А., Шахбазов Р. Ф. Особенности уголовного права и процесса исламских государств. - М.: Библиотека криминалиста, 2016. - 167 с.
15. Федоров А. В., Гельдибаев М. Х. Мусульманское право и уголовная юстиция // Ученые записки. Российская таможенная академия. Санкт-Петербургский филиал имени В. Б. Бобкова. - 1997. - № 2 (4). - С. 29-34.
16. Халиль Хикмат Хусейн. Система наказаний по мусульманскому уголовному праву: дис. … канд. юрид. наук. - М., 2008.
17. Элайди Рамез Ахмед. Наказание по уголовному праву арабских стран: автореф. дис. … канд. юрид. наук. - М., 2002.

АРАЛКИНА Полина Витальевна
адъюнкт 2-го года обучения, Краснодарский университет МВД России

ОСОБЕННОСТИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА УНИЧТОЖЕНИЕ ИЛИ ПОВРЕЖДЕНИЕ ЧУЖОГО ИМУЩЕСТВА

В Российской Федерации возрастает значение норм права, как важнейшего механизма регулирования общественных отношений, происходят социальные и государственные преобразования. Важнейшим звеном данных процессов являются имущественные отношения, которые также складываются в области сохранности различных видов имущества. Факторы, которые заложены в биологических и социально-психологических особенностях лиц, совершающих преступления против собственности, обуславливают умышленные уничтожения или повреждения чужого имущества. Актуальность исследования особенностей уголовной ответственности за уничтожение или повреждение чужого имущества обусловлена сложившими проблемами в области определения уголовной ответственности за уничтожение или повреждение чужого имущества, а именно вопросами квалификации умышленного и неосторожного уничтожения и повреждения чужого имущества. Необходима разработка мер уголовно-правового противодействия уничтожению или повреждению чужого имущества, которые были бы адекватны складывающейся ситуации в области определений уголовной ответственности за уничтожение или повреждение чужого имущества. Проблемные вопросы дифференциации уголовной ответственности за умышленно совершенное деяние или совершенное по неосторожности, их отграничения от правонарушений, смежных с аналогичными преступлениями по элементам и признакам их составов требует решения, так как их наличие снижает в целом эффективность борьбы с преступлениями, совершаемыми в отношении чужого имущества.

Ключевые слова: уголовная ответственность, уничтожение имущества, повреждение имущества, материальный ущерб, собственность, возмещение, правовые нормы, классификация, критерии, специальные нормы.

ARALKINA Polina Vitaljevna
adjunct of the 2nd year of study, Krasnodar University of the MIA of Russia

CURRENT ISSUES IN THE INVESTIGATION OF CRIMINAL CASES INVOLVING FOREIGN CITIZENS

In the Russian Federation, the importance of legal norms as the most important mechanism for regulating social relations is growing, and social and state transformations are taking place. The most important link in these processes is property relations, which also develop in the area of preserving various types of property. Factors that are embedded in the biological and socio-psychological characteristics of persons committing crimes against property determine the intentional destruction of or damage to someone else's property. The relevance of the study of the features of criminal liability for the destruction of or damage to someone else's property is due to the existing problems in the area of determining criminal liability for the destruction of or damage to someone else's property, namely, the issues of qualifying intentional and careless destruction and damage to someone else's property. It is necessary to develop measures of criminal law counteraction to the destruction of or damage to someone else's property, which were adequate to the developing situation in the area of determining criminal liability for the destruction of or damage to someone else's property. Problematic issues of differentiation of criminal liability for intentionally committed acts or those committed through negligence, their delimitation from offenses related to similar crimes in terms of elements and characteristics of their composition require a solution, since their presence generally reduces the effectiveness of the fight against crimes committed against someone else's property.

Keywords: criminal liability, destruction of property, damage to property, material damage, property, compensation, legal norms, classification, criteria, special norms.

Право частной собственности в Российской Федерации охраняется законом в соответствии с частью 1 статьи 35 Конституции Российской. В последние годы наблюдается значительный рост преступных посягательств на собственность, и данное обстоятельство требует все большей защиты имущества со стороны государства. Криминальные элементы активизируют свою деятельность в части посягательства на чужое имущество [1].

Государство имеет определенные функции, которые связаны именно с повышением роли государственных органов в части защиты имущества физических и юридических лиц: обеспечение соответствующей законодательной базы по охране собственности; назначение строго наказания лицам, которые посягают на чужое имущество, включая определение порядка возмещения материального ущерба в полном размере.

Уничтожение и повреждение чужого имущества влечет за собой несение уголовной ответственности. За умышленное уничтожение или повреждение имущества в уголовном праве содержится норма, которая определяет ответственность, а именно в статье 167 Уголовного кодекса Российской Федерации определены все вопросы, связанные с данным видом преступных действий. Исследуемый состав преступления не имеет связи с незаконным обогащением виновных лиц в отличие от хищений. Общественная опасность при этом данного деяния значительна [2].

Умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества приводит к возникновению ущерба не только в отношениях собственности, а также наносит ущерб гражданам, муниципальным и государственным служащим, юридическим лицам, так как они в результате таких действий лишаются способности использовать имущество по прямому назначению.

В науке уголовного права не существует разногласий относительно понятий «уничтожение» или «повреждение» имущества. По мнению некоторых ученых под уничтожением имущества следует понимать полную утрату потребительских свойств и экономической ценности. В результате уничтожения имущества предмет невозможно использовать по назначению и также исчезает возможность восстановления его качеств. При повреждении чужого имущества, возможно, восстановить свойства, которые были утрачены при осуществлении соответствующих затрат [5, с. 330].

Количество фактов неправомерного уничтожения и повреждения имущества возрастает, что подтверждается следственной и судебной практикой. Для собственников имущества преступные действия данного рода являются весьма опасными. За умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества, так и совершенное по неосторожности предусмотрена ответственность статьями 167 и 168 главы 21 УК РФ. По мнению многих ученых данные нормы следует относить к категории общих норм.

Однако УК РФ также предусматривает и специальные нормы двух видов, где уничтожение или повреждение чужого имущества является следствием совершения других преступных деяний. Это преступные действия, наказание по которым предусмотрены ч. 3 ст. 143, 212, 214, 215.2, 243, 244, 261 и 281 УК РФ.

Законодатель в ряде статей использует иную терминологию для того, чтобы охарактеризовать уничтожение или повреждение чужого имущества (разрушение, порча и т.п.). Данное обстоятельство усложняет процесс выработки единых критериев в целях выработки соответствующих уголовно-правовых норм, а также не способствует разработке классификации данной видовой принадлежности. Ученые-криминалисты также обращают особое внимание на указанное обстоятельство. Отмечается на доктринальном уровне, что в нормах УК РФ содержится множество терминов, не имеющих единообразной трактовки [3, с. 43].

На данный момент законодательное понятие уничтожения и повреждения имущества отсутствует, существуют проблемы с определением правил квалификации некоторых вариантов уничтожения и повреждения имущества. Следует отметить и такую проблему как отсутствие стоимостных критериев последствий, которые наступают в результате уничтожения и повреждения имущества.

Выявленные недостатки оказывают деструктивное воздействие на тщательную дифференциацию ответственности за совершение данных преступных деяний на законодательном уровне. В рамках гражданского, административного, уголовного права производится охрана и защита отношений собственности. Установление уголовной ответственности является наиболее действенной мерой за преступления, которые совершены против собственности. Необходимы эффективные меры борьбы с преступлениями против собственности, так как преступления данного вида относятся к категории наиболее распространенных преступных деяний.

К некорыстным преступлениям против собственности относятся уничтожение или повреждение чужого имущества, т.е. целью совершения данных преступных деяний не является получение имущественной выгоды и иных материальных благ.

Отсутствует четкая система критериев разграничения преступлений, которые предусмотрены общими и специальными нормами. Следствием отсутствия критериев разграничения является неточная квалификация.

Следует обратить особое внимание на недостаточное использование таких средств дифференциации уголовной ответственности за уничтожение или повреждение чужого имущества, как квалифицирующие признаки, которые позволяют определить более опасные формы преступлений против собственности.

Распространенность уничтожения или повреждения чужого имущества объясняется и таким обстоятельством, что совершение данного вида преступлений не требует особых усилий. Наиболее распространенными и доступными способами совершения преступления данного вида являются поджог и взрыв. Только посредством уголовно-правовых норм возможно обеспечение эффективной борьбы с преступления против собственности данного вида. Объясняется это высоким уровнем общественной опасности преступных деяний данного вида и необходимо применение санкций, которые соразмерны с уровнем опасности. Также отношения собственности являются значимым объектом системы уголовно-правовой охраны [7, с. 340].

Предметом уничтожения и повреждения чужого имущества является чужое имущество, а именно предметы материального типа, которые имеют определенную стоимость и не являются собственностью виновного лица. Имущество, относящееся к предмету составов преступлений, ответственность за которые предусмотрена специальными нормами в других главах, не является предметом преступлений, которые предусмотрены ст. ст. 167 и 168 УК РФ.

Сложным является содержание последствий уничтожения или повреждения чужого имущества в виде причинения значительного ущерба (ст. 167 УК РФ) или в крупном размере (ст. 168 УК РФ), которые предполагают лишение потерпевшего таких возможностей как: пользование, распоряжение и владение данным имуществом.

Одной из особенностей уничтожения и повреждения чужого недвижимого имущества является категория лиц, которые совершают преступные действия против собственности. Преступления данной категории довольно часто совершаются лицами подросткового возраста, у подростков свои мотивы совершения преступных действий данного рода, как правило, это шалость, а цель – сокрытие совершения других преступных деяний [4, с.176].

С 14 лет наступает уголовная ответственность за преступные деяния, которые предусмотрены ч. 2 ст. 167 УК РФ. Лицо, которое достигло возраста 16 лет, может быть привлечено к уголовной ответственности по статье 168

УК РФ за уничтожение либо повреждение любого чужого имущества. За преступные деяния, предусмотренные в специальных нормах, содержащихся в Особенной части УК РФ (ч. 2 ст. 212, ст. ст. 214 и 267 УК РФ), уголовная ответственность наступает также с возраста 16 лет.

Цели уничтожения или повреждения имущества различны, так иногда данные преступные действия совершаются против собственного имущества с целью получения страховых выплат. Данные действия следует квалифицировать как совершение мошенничества, а способами совершения преступных деяний являются уничтожение или повреждение собственного имущества.

Умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества может повлечь за собой более тяжкие преступления, так это может быть причинение смерти по неосторожности или иные тяжкие последствия. Данные преступления имеют две формы вины: умысел по отношению к деянию и неосторожность по отношению к последствиям.

Необходимо отграничивать данные противоправные деяния от убийства, совершенного общеопасным способом, так как при убийстве умысел виновного направлен на лишение потерпевшего жизни, а при совершении преступного деяния, предусмотренного ч. 2 ст. 167 УК РФ, на отношения собственности, отношение виновного к наступлению смерти потерпевшего выражается в неосторожности [6, с. 69].

При определении уголовной ответственности за совершение преступлений против собственности данного вида необходимо соблюдение дифференцированного подхода, так как деяния, представленные в ч. 2 ст. 167 УК РФ, обладают различной степенью общественной опасности.

Таким образом, уничтожение или повреждение чужого имущества являются не только «самостоятельными» преступлениями, но и выступают способами или общественно опасными последствиями совершения других преступных действий, что приводит к возникновению проблем в сфере их квалификации. Законодатель предусматривает более строгое наказание за совершение уничтожения или повреждения имущества, которое повлекло за собой тяжкие последствия. Данная мера является вполне обоснованной, так как они обладают повышенным уровнем общественной опасности.

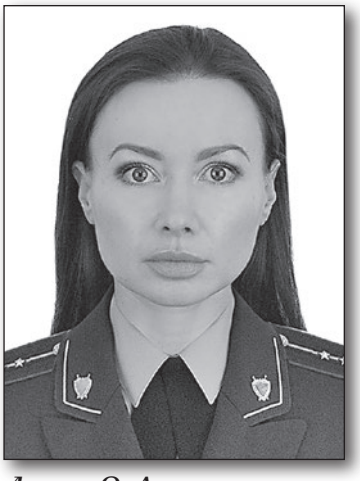
Также применительно к уничтожению или повреждению чужого имущества, можно говорить о многообъектности, если речь идет о квалифицированных видах данного преступления, поскольку квалифицированные его виды предусматривают обязательное наличие дополнительного объекта преступления, которым, в частности, являются общественный порядок, общественная безопасность, жизнь или здоровье человека, а также иные охраняемые законом общественные отношения.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.02.2025). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Афанасьева А. Р. Некоторые проблемы уголовной ответственности за умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества // В сборнике: Проблемы защиты прав: история и современность. Материалы XVI Международной научно-практической конференции. - Санкт-Петербург. - 2022. - С. 42-46.
4. Короленко Н. С. Наказание как форма уголовной ответственности за умышленное уничтожение или повреждение имущества: российский и международный опыт // Тенденции развития науки и образования. - 2023. - № 93-4. - С. 175-180.
5. Семилеткина Е. В. Специфика уголовной ответственности за уничтожение или повреждение чужого имущества: проблемы теории и правоприменительной практики // В сборнике: Наука и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции студентов и молодых ученых. – Таганрог, 2023. - С. 329-332.
6. Таланов Н. А., Зорина Е. А., Вахмистрова С. И., Кожевникова Н. А. К вопросу об уголовной ответственности за уничтожение или повреждение имущества по неосторожности // Общество: политика, экономика, право. - 2022. - № 7 (108). - С. 68-74.
7. Юдина У. С. Особенности уголовной ответственности за уничтожение или повреждение чужого имущества // Вестник Московского университета МВД России. - 2022. - № 1. - С. 339-345.

DOI 10.46320/2073-4506-2025-4-203-376-378

ДОЛЕВА Ольга Андреевна
аспирант, Университет прокуратуры Российской Федерации

Долева О. А.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ОРГАНИЗАТОРА ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРИ НЕДОСТИЖЕНИИ ИСПОЛНИТЕЛЕМ ВОЗРАСТА УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

В настоящее время между доктриной и судебной практикой имеются противоречия в вопросе уголовно-правовой оценки ответственности организатора преступления при соучастии с лицом, не достигшим возраста уголовной ответственности. В проведенном исследовании автор обращает внимание на общий возраст привлечения к уголовной ответственности как основание ответственности лиц, совершивших преступление в соучастии, квалификацию действий соучастников при наличии оснований привлечения к уголовной ответственности (в силу возраста) лишь одного из таких лиц.

Автор приходит к выводу о целесообразности выработки единого подхода к квалификации действий лица, совершившего преступление (в том числе, в качестве организатора преступления) с лицом, не достигшим возраста привлечения к уголовной ответственности.

Ключевые слова: возраст наступления уголовной ответственности, соучастие в преступлении, возраст исполнителя преступления, возраст организатора преступления, специальный субъект, квалификация преступлений.

DOLEVA Olga Andreevna
postgraduate student, University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

THE RESPONSIBILITY OF THE ORGANIZER OF THE CRIME IN COMPLICITY WITH A PERSON WHO HAS NOT REACHED THE AGE OF CRIMINAL RESPONSIBILITY

Currently, there are contradictions between the doctrine and judicial practice in the issue of criminal law assessment of the responsibility of the organizer of a crime in complicity with a person who has not reached the age of criminal responsibility. In the conducted research, the author draws attention to the general age of criminal liability as the basis for the responsibility of persons who committed a crime in complicity, the qualification of the actions of accomplices if there are grounds for criminal liability (due to the age) of only one of such persons.

The author comes to the conclusion that it is advisable to develop a unified approach to classifying the actions of a person who has committed a crime (including as an organizer of a crime) with a person who has not reached the age of criminal responsibility.

Keywords: the age of criminal responsibility, complicity in a crime, the age of the perpetrator of the crime, the age of the organizer of the crime, a special subject, the qualification of crimes.

В существующей уголовно-правовой доктрине, а также судебной практике, как ранее, так и в настоящее время возникают различные вопросы, касающиеся ответственности конкретных лиц, выполнивших соучастные преступные действия. Учитывая неоднородность обстоятельств конкретного совершенного преступления, характеристики лиц, участвовавших в его совершении, иных факторов, законодатель, формируя стандарты привлечения к ответственности, формулирует в положениях УК РФ общие основания ответственности лиц. При этом Пленум Верховного Суда РФ, в связи с возникающими вопросам обращает внимание судов и дает соответствующие разъяснения в своих постановлениях. Принимая во внимание сложность института соучастия, нетрудно предположить, что вопросов, связанных с квалификацией действий соучастников на практике возникает много.

Правовая позиция в вопросах квалификации действий соучастников (при наличии различных обстоятельств, субъективных и объективных признаков конкретного преступления) в доктрине и практике порою разнится и, на наш взгляд, требует выработки единого подхода к даче точной уголовно-правовой оценки конкретного общественно опасного деяния, совершенного несколькими лицами, в том числе при наличии оснований, исключающих уголовную ответственность некоторых из них.

Из акцессорных начал уголовной ответственности следует, что возраст наступления уголовной ответственности организатора преступления с общим субъектом не может быть ниже возраста исполнителя.

К примеру, в соответствии с положениями ст. 20 УК РФ уголовная ответственность за убийство (ст. 105 УК РФ) установлена с 14 лет, за мошенничество (ст. 159 УК РФ) - с 16 лет, следовательно, уголовной ответственности за совершение такого преступления будет подлежать исполнитель, и, соответственно, организатор, достигшие соответствующего возраста, установленного ч. 1 ст. 20 УК РФ.

В случаях объективного повышения законодателем возраста уголовной ответственности субъекта в сравнении с установленным ч. 1 ст. 20 УК РФ (например, при совершении некоторых преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности, ряда преступлений против семьи и несовершеннолетних, а также против здоровья населения и общественной нравственности, некоторых должностных, а также военных преступлений и др.), возникает вопрос, должны ли иные соучастники, наравне с исполнителем, достигать соответствующего возраста?

К примеру, подлежит ли лицо, организовавшее совершение действий, направленных на нарушение правил несения боевого дежурства (ст. 340 УК РФ) привлечению к уголовной ответственности, в случае не достижения им на момент совершения действий по организации преступления, минимального возраста исполнителя такого преступления (18 лет) либо достаточным будет являться достижение общего

возраста субъекта преступления, определенного ч. 1 ст. 20 УК РФ? Данный вопрос является спорным в научной среде.

В частности, Н. Г. Иванов, по вопросу квалификации вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления (ст. 150 УК РФ), указывает, что «лицо, достигшее возраста уголовной ответственности, но не имеющее необходимых признаков специального субъекта вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления, может выполнять роль подстрекателя, пособника или организатора, и его действия следует квалифицировать с указанием выполненной роли» [1, с. 50-52].

Иную позицию занимает Ю. Е. Пудовочкин, который подчеркивает, что в указанной норме восемнадцатилетний возраст субъекта - не специальный, а основной признак субъекта, которым должен обладать каждый соучастник преступления [2, с. 113]. Примечательно, что в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ упомянутый вопрос в рамках разъяснения практики квалификации преступлений со специальным субъектом, предметом рассмотрения, как правило, не является[1]. Опрос респондентов [4] показал, что большинство экспертов (63,8 %) справедливо, по нашему мнению, считают обязательным условием привлечения к уголовной ответственности иных соучастников преступления (организатор, пособник, подстрекатель) - достижение возраста уголовной ответственности, установленного ч. 1 ст. 20 УК РФ, только 36,2 %, полагают обязательным достижение организатором возраста, необходимого для привлечения к ответственности по составу преступления, вменяемому исполнителю.

Поэтому, недостижение 14-летнего возраста лицами, соучаствующими в убийстве, исключает в данном случае уголовную ответственность таких лиц ввиду отсутствия необходимого общего признака, установленного ч. 2 ст. 20 УК РФ - минимального возраста уголовной ответственности, а недостижение 18-летнего возраста, но достижение 16-летнего возраста, лицами организовавшими совершение действий, направленных на нарушение правил несения боевого дежурства, не исключает их ответственность, поскольку, несмотря на отсутствие признаков специального социального (профессионального) статуса, такие лица обладают общими признаками субъекта преступления, установленными в ст. ст. 19, ч. 1 ст. 20 УК РФ.

При рассмотрении же положений об ответственности лица, организовавшего преступление участником, не достигшим возраста уголовной ответственности, закономерно встает вопрос о возможности/невозможности констатации соучастия при совместном участии в качестве организатора лица, подлежащего уголовной ответственности с исполнителем - участником преступления, не подлежащим такой ответственности в силу недостижения возраста ее наступления.

Важным представляется отграничение организаторских действий от опосредованного причинения вреда, при котором объективную сторону выполняет лицо, не подлежащее уголовной ответственности, притом, что роль по организации и (или) руководству совершением преступления принадлежит лицу, обладающему признаками субъекта преступления. В этой связи, нельзя не затронуть вопрос, связанный с привлечением организатором, обладающим признаками субъекта преступления, в качестве исполнителя лица, в силу возраста или невменяемости, не могущего являться субъектом преступления, либо введенного организатором в заблуждение относительно совершаемых действий. В данном случае, при невозможности вменения в силу возраста, невменяемости или других обстоятельств, согласно теории посредственного причинения (ч. 2 ст. 33 УК РФ), действия организатора должны квалифицироваться как исполнительские[3], [4], [5], [6].

По общему правилу, в силу ч. 2 ст. 33 УК РФ лицо, совершившее преступление посредством использования других лиц, не подлежащих уголовной ответственности в силу возраста, невменяемости или других обстоятельств, предусмотренных УК РФ, признается исполнителем преступления.

В отдельных случаях вопрос квалификации действий организатора, как правило, решается посредством правоконкретизирующих разъяснений Верховного Суда РФ по конкретным видам преступлений.

К примеру, в п. 13 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», указывается на квалификацию действий организатора кражи, грабежа или разбоя лицом, заведомо для последнего не подлежащим уголовной ответственности, в соответствии с ч. 2 ст. 33 УК РФ [8]. При этом в ряде случаев, при наличии соответствующих оснований, действия такого лица (организатора) дополнительно квалифицируются по ст. 150 УК РФ[2].

Такая же позиция отражена и в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» (п. 42), согласно которому в случае совершения преступления несовершеннолетним, неподлежащим уголовной ответственности, лицо, вовлекшее его в совершение преступления, в силу ч. 2 ст. 33 УК РФ несет уголовную ответственность за содеянное как исполнитель путем посредственного причинения.

Она же воспроизведена и в п. 20 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования», в соответствии с которым, если лицо совершило незаконную рубку лесных насаждений, посредством использования другого лица, не подлежащего уголовной ответственности в силу возраста, невменяемости или других обстоятельств (в том числе в связи с прекращением в отношении этого лица уголовного дела за отсутствием в деянии состава преступления), его надлежит привлекать к ответственности как исполнителя преступления, предусмотренного ст. 260 УК РФ. Здесь важно отметить, что в случае, когда посредственный исполнитель начинает выполнять объективную сторону состава преступления, правовая оценка его действий и его статуса должна измениться.

Вместе с тем, упомянутое в Постановлении правило применимо только для ситуации заведомого для организатора не достижения иным (и) участником (ками) возраста уголовной ответственности. О квалификации деяния в отсутствие признака заведомости указанное Постановление разъяснений не дает.

В настоящее время такая практика сложилась преимущественно при квалификации преступлений против личности, с одной стороны логичная, с точки зрения оценки, к примеру, влияния на эмоционально-волевую сферу потерпевшего самого факта совершения противоправных

1 Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 1 от 01.02.2011 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2011. – № 4 @@ постановление Пленума Верховного Суда РФ № 3 от 03.04.2008 «О практике рассмотрения судами уголовных дел об уклонении от призыва на военную службу и от прохождения военной или альтернативной гражданской службы» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2008. – № 6. 4 Форма 12. «Отчет об осужденных, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://cdep.ru (дата обращения: 29.11.2023).

2 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_40412/.

действий не одним лицом, а группой лиц, независимо от достижения всеми или одним из них возраста наступления уголовной ответственности.

Следует отметить ситуации совместного участия в совершении преступления годного (организатор) и негодного (исполнитель) субъектов, при осведомленности последнего о совершении противоправных действий. В практике имеются случаи квалификации высшей судебной инстанцией действий годного субъекта в таких случаях как совершенные группой лиц по предварительному сговору[3][4].

В решении по конкретному делу Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации указала, что уголовный закон не исключает при определенных условиях возможности признания преступления совершенным группой лиц по предварительному сговору с лицом, не подлежащим уголовной ответственности. При этом следует исходить из конкретных обстоятельств дела, содержания и направленности умысла лица, являющегося субъектом преступления[5].

Таким образом, если в постановлении Пленума Верховного Суда РФ не находит разрешения вопрос об ответственности участников преступления, совершенного в соучастии[6], в том числе с лицами, не достигшими возраста наступления уголовной ответственности, то в практической деятельности прослеживается тенденция к вменению соответствующих квалифицирующих признаков единственному, обладающему признаками субъекта лицу, не учитывая то, что иные участники признаками субъекта не обладают[7], [8].

Различие подходов к квалификации преступлений, совершенных с участником, не достигшим возраста привлечения к уголовной ответственности (имеется в виду различие подходов к квалификации действий лиц, совершивших преступление в соучастии с участниками, не достигшими возраста наступления уголовной ответственности, в зависимости от содержания разъяснений Пленума Верховного Суда РФ относительно различных видов преступлений), заслуживает аргументированной критики – поскольку получается, что уголовно-правовая оценка преступлений может разниться в зависимости от вида совершённого преступления и наличия правоконкретизирующего Постановления Пленума Верховного Суда РФ.

В этой связи представляется целесообразным выработка единого подхода к квалификации действий лица, организовавшего совершение преступления участником, не достигшим возраста уголовной ответственности:

– в случае организации преступления участником (участниками), заведомо не достигшим (и) возраста привлечения к уголовной ответственности, в соответствии с ч. 2 ст. 33 УК РФ лицо несет уголовную ответственность как исполнитель содеянного. При этом в ряде случаев, при наличии соответствующих оснований, действия такого лица (организатора) дополнительно квалифицируются по ст. 150 УК РФ;

– в случае организации лицом преступления участником (участниками), не достигшим (и) возраста привлечения к уголовной ответственности (в отсутствие признака заведомости), такое лицо несет уголовную ответственность по соответствующей части квалифицированного состава Особенной части УК РФ, независимо от того, что иному (ым) участнику (кам) соответствующий состав не может быть вменен в силу недостижения последним (и) возраста наступления уголовной ответственности.

Полагаем, что единая правовая позиция относительно квалификации действий лиц и иных участников, совершивших преступление в группе (вне зависимости от вида совершенного преступления), должна найти отражение в отдельном Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации, посвященному рассмотрению вопросов соучастия в преступлении.

Пристатейный библиографический список

1. Иванов Н. Соучастие со специальным субъектом // Российская юстиция. – 2001. – № 3. – С. 50-52.
2. Пудовочкин Ю. Е. Ответственность за преступления против несовершеннолетних по Российскому уголовному праву. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. – С. 113.
3. Пудовочкин Ю. Е. Уголовно-правовая оценка посредственного причинения вреда // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. – 2018. – № 2.
4. Луньков Д. А. Посредственное причинение вреда: уголовно-правовые и криминологические аспекты: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2013.
5. Баранков Н. В. Посредственное исполнение преступления: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – СПб., 2001.
6. Мелешко Д. А. Сопричинение вреда без признаков соучастия в доктрине уголовного права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2016.

3 Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за третий квартал 2004 года.

4 Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за четвертый квартал 2000 года.

5 Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 21.12.2022 № 58-УД22-19-А5.

6 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171782/ (дата обращения: 08.04.2024).

7 Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 27.12.2000 № 1048п2000пр // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации [Электронный ресурс] Режим доступа: https://sudrf.cntd.ru/document/885110621 (дата обращения: 04.02.2024.). Сведения об этом решении также имеется в Обзоре судебной практики Верховного Суда РФ по уголовным делам за 4 квартал 2000 года. См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2001. – № 8. С. 17.

8 Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 27.12.2000 Вестник Брянского государственного университета. 2019(2) № 1048п2000пр // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://docs.cntd.ru/document/88511062 (дата обращения: 04.02.2024).

СОЛОГУБ Валерия Алексеевна
аспирант, Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского

РАССМОТРЕНИЕ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ, КАСАЮЩИХСЯ ПРИМЕНЕНИЯ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА В РОССИИ И США

В статье анализируются особенности рассмотрения уголовных дел, связанных с применением принудительных мер медицинского характера. Особое внимание обращается на законодательство США. Утверждается, что в данной стране относительно высокий уровень принудительной госпитализации. Отмечаются существенные различия между уголовным законодательством США и Российской Федерации. Рассматривается вопрос минимизации данной меры из-за возможных последствий, связанных с психологическим состоянием пациента и возможных рецидивов преступлений.

Ключевые слова: принудительная госпитализация, психиатрические учреждения, принуждение, предотвращение преступлений.

SOLOGUB Valeriya Alexeevna
postgraduate student, F. M. Dostoevsky Omsk State University

CONSIDERATION OF CRIMINAL CASES CONCERNING THE USE OF COMPULSORY MEDICAL MEASURES IN RUSSIA AND THE USA

The article analyzes the specifics of the consideration of criminal cases involving the use of compulsory medical measures. Special attention is paid to the legislation of the USA. It is claimed that the country has a relatively high rate of involuntary hospitalization. There are significant differences between the criminal laws of the United States and the Russian Federation. The issue of minimizing this measure is being considered due to the possible consequences associated with the psychological state of the patient and possible relapses of crimes.

Keywords: forced hospitalization, psychiatric institutions, coercion, crime prevention.

Каждая страна развивает свои специфические подходы к судебному рассмотрению дел, связанных с принудительным медицинским вмешательством. В разных государствах процесс имеет свои характерные черты. В России основное внимание уделяется соблюдению прав обвиняемых и тщательной оценке их психического состояния перед принятиями решений о применении медицинских мер.

В Российской Федерации, согласно пункту 2 части 1 статьи 29 УПК РФ, только суд вправе применять к лицу меры принудительного характера медицинского свойства, изложенные в главе 51 УПК РФ. Другие государственные органы не обладают таким полномочием. После получения уголовного дела с постановлением о применении принудительных медицинских мер, судья назначает его на рассмотрение в судебном заседании в соответствии с порядком, установленным в главе 33 УПК РФ, где прописан общий алгоритм подготовки к судебному заседанию. При этом судебные разбирательства данной категории дел в нашей стране осуществляются коллегиально, однако только три судьи составляют коллегию. Указанные уголовные дела, согласно статье 352 УПК РФ, не подлежат рассмотрению судом присяжных ни при каких условиях.

Если рассмотреть страны англо-саксонской семьи, например, США, то можно отметить, что принудительные меры медицинского характера являются в данном законодательстве, скорее, средством защиты для обвиняемого. Лицо может сообщить о своем психическом состоянии по своему желанию [1].

Законодательство США предполагает анализ общественной опасности лица, совершившего преступление. Если преступник совершает неагрессивное деяние, то есть не против жизни и здоровья, то принудительное лечение не будет применяться.

Если вероятность совершения преступлений, связанных с насилием, высока, то это влечет к применению принудительных мер медицинского характера.

Законодательство Российской Федерации не делит деяния на агрессивные и неагрессивные для применения данных мер. Даже при совершении преступления имущественного характера, не связанного с риском жизни и здоровья окружающих, может быть назначено принудительное лечение. Его назначение решается судом. Мнение лица, совершившего преступление, имеющего психическое расстройство, не будет учитываться. Следует очень тщательно изучить психологическое состояние преступника, вероятность повторения преступлений, прежде чем назначить данные меры. Так как это может привести к стигматизации пациента со стороны общества, семьи и даже медицинского персонала. Это может вызвать чувство изоляции, отчуждения и снизить самооценку.

Говоря о медицинских мерах для людей с психическими расстройствами, следует отметить, что даже при совершении менее серьёзных правонарушений, чем убийство, после лечения (или отбывания наказания) они остаются под контролем местной полиции в течение длительного времени. Лица, часто совершающие преступления, получают к своему основному сроку дополнительно от пяти до десяти лет. Особенно строго рассматриваются случаи сексуальных и насильственных преступлений, в отношении которых неизменно применяются «удлиненные» меры ответственности. К тем, кто страдает от зависимости от алкоголя или наркотиков, может быть назначено «добровольное» лечение по решению суда на

срок до трех лет, а также содержание в специализированных учреждениях для алкоголиков.

В США применяются аналогичные практики. Как и в Великобритании, в большинстве штатов Америки действуют положения Мак-Нотена, согласно которым лицо не несет уголовной ответственности, если не мог осознавать свои действия или их последствия из-за психического расстройства. Бремя доказательства невменяемости лежит на защите. Если присяжные признают обвиняемого невменяемым, его помещают в закрытые медицинские учреждения на неопределенный срок, что почти не отличается от тюремного заключения. Защита прибегает к этому, если существует угроза пожизненного заключения или смертной казни, последняя из которых, как заявил посол Иэн Келли, не противоречит международным договорам и осуществляется по воле народа США [2].

Обсуждая участие человека с психическими расстройствами в уголовном процессе, следует отметить, что если возникает сомнение в его способности участвовать в судебном разбирательстве по своему делу, ситуация рассматривается следующим образом:

Если ни прокурор, ни защитник не оспаривают результаты отчета опытного психиатра, который наблюдал за подсудимым около шестидесяти дней в специализированной клинике, суд основывает свое решение на этом отчете.

Если защита оспаривает выводы психиатра, суд назначает слушание для обсуждения этого вопроса.

После такого слушания, если отчет будет признан допустимым доказательством, сторона, которая высказывает несогласие с выводами, может вызвать психиатров для перекрестного допроса и представить свои контраргументы.

Если суд решит, что обвиняемый не может участвовать в разбирательстве, уголовное преследование приостанавливается, и подсудимый направляется под охрану специалиста по психической гигиене в соответствующее учреждение на необходимый срок. Суд также может по своей инициативе или по запросу упомянутого комиссара провести слушание для восстановления способности подсудимого. В случае долгого ожидания, суд может отклонить обвинение и освободить подсудимого от ответственности или его содержания в психиатрическом учреждении. Этот вопрос может быть пересмотрен, если будет подана жалоба на такое решение (ч. 2-3, ст. 4.06 Примерного Кодекса) [3].

В США уголовные дела о применении принудительных мер медицинского характера рассматриваются председательствующим судьей и жюри присяжных заседателей.

В США обвиняемый также несет бремя доказывания невменяемости путем предъявления четких и убедительных доказательств [4].

Поскольку бремя доказательства необходимости оправдания по причине невменяемости ложится на обвиняемого (Свод законов США, разд. 18, § 17), процессуальная борьба проходит в рамках состязательного суда, где один психиатр опровергает доводы другого, а защита ставит перед обвинением свои аргументы. В таких условиях психиатр может восприниматься не как независимый эксперт, а как сторона, чье заключение может быть оплачено или даже куплено. По вопросам невменяемости даже известные специалисты не всегда приходят к единому мнению, особенно из-за трудностей в определении неосознаваемых периодов психических расстройств. Жюри присяжных, следовательно, должно принимать решение о вменяемости или невменяемости подсудимого. С этой точки зрения невменяемость воспринимается не как строго научное понятие, а скорее как совокупность норм морали и нравственности [5].

Идея ограниченной вменяемости признаётся и в судебной практике нескольких американских штатов, давая возможность пересмотреть тяжесть деяния [6].

Таким образом, можно отметить, что определенные аспекты судебного разбирательства по данной категории дел в судах этих государств вызывают вопросы. Среди них можно выделить: распределение бремени доказательства своей невменяемости на обвиняемого; проведение судебно-психиатрической экспертизы только в исключительных случаях; рассмотрение дел с участием присяжных; а также зачастую пожизненное содержание лиц с психическими заболеваниями, совершивших общественно опасные поступки, в специализированных медицинских учреждениях. В США же существуют два разных типа приговоров внутри одной страны, а также возможность признания невменяемых лиц виновными в совершении преступлений. Эти подходы не только неприемлемы, но и вызывают затруднения для понимания в контексте российского уголовного процесса.

Пристатейный библиографический список

1. Герасина Ю. А. Принудительные меры медицинского характера: понятие, виды, применение: автореферат дис. кандидата юридических наук: 12.00.08. - М., 2013. - 26 с.
2. Греку В. П. Зарубежный опыт некоторых государств по применению мер безопасности к душевнобольным и иным лицам, совершившим преступное деяние // Молодой ученый. - 2013. - № 8 (55). - С. 285-290. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://moluch.ru/archive/55/7515/ (дата обращения: 12.02.2025).
3. Примерный уголовный кодекс США. Сентябрь - 2011. Российский правовой портал – библиотека Пашкова. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://constitutions.ru/archives/5849.
4. Бернам У. Правовая система США. Выпуск 3. - М., 2006. - С. 880.
5. Кубанцев С. П. Невменяемость в уголовном праве США // Журнал российского права. - 2004. - № 2.
6. Логинова Н. С. Особенности невменяемости в уголовном законодательстве зарубежных стран // Вестник науки. - 2025. - № 1 (82). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-nevmenyaemosti-v-ugolovnom-zakonodatelstve-zarubezhnyh-stran (дата обращения: 20.02.2025).

СТУПИНА Светлана Александровна
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры судебной экспертизы, Сибирская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России, г. Железногорск

ДОЛГУШИНА Любовь Викторовна
кандидат химических наук, доцент, заведующая кафедрой судебной экспертизы, Сибирская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России, г. Железногорск

ДОГОВОР ВОЗМЕЗДНОГО ОКАЗАНИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ УСЛУГ: СКВОЗЬ ПРИЗМУ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА МОШЕННИЧЕСТВО

На основе анализа современной правоприменительной практики и с учетом положений уголовного и гражданского законодательства проведен анализ возможности установления признаков состава мошенничества при осуществлении юридических услуг по договору возмездного оказания услуг. Исследованы как имеющие место ранее в практике варианты квалификации мошенничества при заключении таких договоров с заведомой целью их неисполнения, так и новые, связанные с юридической деятельностью в корпоративной сфере, когда правоприменителем проводится учет таких условий договора, как стоимость услуг, выплаты в рамках «гонорара успеха», обоснованность и необходимость установленных в договоре юридических услуг и т.п.

Ключевые слова: преступление, гражданско-правовые отношения, договор возмездного оказания услуг, мошенничество, свобода договора, наказание.

STUPINA Svetlana Alexandrovna
Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Forensic science sub-faculty, Siberian Fire and Rescue Academy of the EMERCOM of Russia, Zheleznogorsk

DOLGUSHINA Lyubov Viktorovna
Ph.D. in chemical sciences, associate professor, Head of Forensic science sub-faculty, Siberian Fire and Rescue Academy of the EMERCOM of Russia, Zheleznogorsk

CONTRACT FOR THE PROVISION OF PAID LEGAL SERVICES: THROUGH THE PRISM OF CRIMINAL LIABILITY FOR FRAUD

Based on the analysis of modern law enforcement practice and taking into account the provisions of criminal and civil legislation, an analysis of the possibility of identifying signs of fraud in the provision of legal services under a contract for the provision of paid services has been carried out. The article examines both the variants of fraud qualification that took place earlier in practice when concluding such contracts with the deliberate purpose of non-fulfillment, as well as new ones related to legal activity in the corporate sphere, when the law enforcer takes into account such terms of the contract as the cost of services, payments under the «success fee», validity and the need for legal services specified in the contract, etc.

Keywords: crime, civil law relations, contract for the provision of paid services, fraud, freedom of contract, punishment.

При установлении основания уголовной ответственности за деяния, составляющие содержание гражданско-правовых отношений, правоприменитель сталкивается с определенными вопросами, разрешение которых вследствие того, что некоторые нормы УК РФ, устанавливающие ответственность за преступления в сфере экономики являются бланкетными, как правило, лежит в плоскости совокупного анализа норм гражданского законодательства и уголовного.

Следует учитывать, что современная практика разрешения экономических споров отчасти стала характеризоваться тем, что предпочтение, в первую очередь, субъектами этих отношений отдается такому пути, как обращение в правоохранительные органы, нежели чем, реализации имманентно присущего гражданскому праву принципа – принципа на судебную защиту. Использование давления на сторону гражданско-правовых отношений с помощью угрозы наказания избирается некоторыми, зачастую недобросовестными субъектами, как способ достижения желаемого им результата. Кроме этого, в свете существенного увеличения государственной пошлины за обращение в суд, для ряда лиц обращение в правоохранительные органы остается наиболее возможным вариантом защиты своих нарушенных прав.

Следственная и судебная практика в настоящее время демонстрирует наличие определенных проблем при отграничении мошенничества от гражданско-правовых деликтов [1, с. 15].

Одними из распространенных договоров, по исполнению которых обращаются с заявлениями о привлечении к уголовной ответственности, являются договор возмездного оказания услуг, договор подряда и договор займа.

Отдельного внимания, особенно в свете имеющих место случаев привлечения юристов к уголовной ответственности, заслуживает такое соглашение, как договор возмездного оказания услуг, предметом которого являются юридические услуги.

К сожалению, нередко за мошенничество осуждаются юристы, которые предлагают псевдоуслуги по незаконному способствованию разрешения вопросов своих доверителей.

Так, в Красноярске по ч. 3 ст. 159 УК РФ был осужден адвокат, который по данным следствия, взял крупную сумму денег с родственников своего подзащитного за оказание содействия через знакомых должностных лиц в правоохранительных органах в изменении меры пресечения на иную, не

связанную с лишением свободы, и назначении судом мягкого приговора [2].

Такая квалификация полностью соответствует разъяснениям, изложенным в п. 13.5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 (ред. от 24.12.2019) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях».

В приведенном примере, предметом договора возмездного оказания услуг явились заведомо незаконные действия, что, согласно ст. 169 ГК РФ говорит о ничтожной сделке, совершенной с целью, заведомо противной основам правопорядка.

В другом случае адвокат был привлечен к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 159 УК РФ за то, что скрыл заключенное со своим подзащитным соглашение о возмездном оказании услуг и по заявлению об оплате услуг за счет средств федерального бюджета получил около 18 тыс. рублей [3].

Подсудимый адвокат ссылался на то, что по скрытому от государственных органов соглашению фактически не получил денежных средств от своего подзащитного. Однако судом, эти доводы не были учтены с учетом как имеющихся в деле доказательств, так и положений законодательства.

Если имеются договорные отношения, то их неисполнение или ненадлежащее исполнение относится к гражданско-правовому регулированию договорных обязательств. В этом случае, адвокат не имел права на получение денежных средств за счет средств федерального бюджета. При неисполнении со стороны его подзащитного взятых им обязательств по соглашению адвокату следовало обратиться в суд в рамках защиты его прав по неисполненному договору возмездного оказания услуг и в соответствии, в первую очередь с положениями ст. 393 ГК РФ, реализовать свое право кредитора на возмещение убытков.

Приведенные примеры, к сожалению, не являются чем-то новым для правоприменительной практики в отношении лиц, оказывающих юридическую помощь по соглашению с доверителем.

В современных условиях актуальными становятся вопросы квалификации действий поверенных по корпоративным спорам. Появляются уголовные дела по обвинению юристов в «корпоративном мошенничестве» в ситуации, когда формально поверенным по договору возмездного оказания услуг выполнены все действия по заданию заказчика, однако признается, что оплата таких действий по договору причинила ущерб организации и само заключение соглашений изначально было направлено на хищение чужого имущества, либо впоследствии действия по такому договору выступили способом присвоения или растраты денежных средств организации – стороны договора о возмездном оказании юридических услуг.

В контексте рассматриваемого обоснованно изначально привести некоторые положения из определения Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 02.08.2016 № 18-КГ16-84 [4], вынесенного по итогам рассмотрения дела по иску о расторжении договоров об оказании юридических услуг и взыскании уплаченных по договорам денежных сумм.

Истец по делу обосновывала свои требования тем, что исполнитель принятые на себя обязательства по договорам оказания юридических услуг ненадлежаще исполнил, в добровольном порядке уплаченные ей денежные средства не вернул. Судами первой и апелляционной инстанций исковые требования были удовлетворены в полном объеме.

Однако Верховный Суд РФ апелляционное определение отменил и направил дело на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции. В обосновании такого судебного постановления Высшим судебным органом РФ указано, что, удовлетворяя исковые требования, суд основывался только на отсутствии желаемого истцом результата юридических услуг, оказываемых ответчиком, что является ошибочным подходом к анализу содержания договора оказания возмездных юридических услуг, поскольку к регулированию последних подлежат применению общие положения ГК РФ.

Таким образом, исполнение юридических услуг в рамках договора возмездного оказания услуг определяется не итогам такой деятельности, а существом исполнения самих таких действий, что, впрочем, и вытекает из предмета такого договора и отличает договор возмездного оказания услуг от договора подряда. При этом анализу подлежат именно характер и порядок исполнения услуг (действий, деятельности).

Согласно ст. 421 ГК РФ лица свободы в заключение договора. При этом в соответствии с основными началами гражданского законодательства субъекты гражданских правоотношений свободны в установлении своих прав и обязанностей на основе договора и в определении любых не противоречащих законодательству условий договора (ст. 1 ГК РФ). При исполнении же своих обязанностей граждане и юридические лица должны действовать добросовестно (ст. 1, 9 ГК РФ). Если же имеет место злоупотребление правом, то суд вправе отказать в защите (ст. 10 ГК РФ).

Анализ положений постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» в части установления признаков мошенничества при исполнении обязательств свидетельствует, что основные критерии сведены к установлению заранее возникшего у виновного умысла на хищение путем обмана или злоупотребления доверием при отсутствии намерения фактического исполнения принятых на себя по договору обязательств.

А как быть в ситуации, если действия по договору возмездного оказания услуг исполняются, но при этом нет необходимости в осуществлении таких действий, например, в силу того, что такую деятельность также в полном объеме выполняет находящийся в штате организации юрист.

Полагаем, что исходя, из положений ГК РФ мошенничество в таком случае отсутствует в силу того, что лицо свободно в заключение договора, вправе поручать исполнение услуг, юридических действий нескольким поверенным, исполнителям. Установление стоимости по такому договору при фактическом надлежащем исполнении действий, являющихся предметом договора возмездного оказания услуг, также является правом сторон соглашения. При этом главное для договора возмездного оказания услуг именно сам процесс, а не его результат.

Отдельного внимания заслуживает также вариант с предусмотрением в договоре возмездного оказания юридических услуг так называемого «гонорара успеха».

Так, например, Арбитражный суд Уральского округа в своем постановлении, рассмотрев кассационную жалобу [5], еще раз подтвердил право сторон на включение в договор оказания юридических услуг условия о выплате дополнительного вознаграждения в зависимости от исхода дела, отметив, что гражданское законодательство не содержит запрета на такие условия договора (пункт 1 постановления

Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределов»).

При существующих положениях гражданского законодательства и наличии в договоре условия о выплате вознаграждения в зависимости от исхода дела, соответственно, невозможно говорить о мошенничестве со стороны исполнителя, который получает денежные средства в зависимости от действительно оказанных им юридических услуг и того результата, к которым они привели.

В свете вышеизложенного полагаем, что приговоры, вынесенные при анализируемых обстоятельствах, заслуживают пристального научного внимания с позиции формирования новых подходов к квалификации мошенничества при оказании юридических услуг по договору.

Речь, прежде всего, идет о приговорах корпоративным юристам, которые оказывали услуги организациям по договору возмездного оказания услуг [6], [7].

Таким образом, вышеприведенные примеры показывают, что традиционные положения, характеризующие гражданско-правовые отношения, в зависимости от фактических обстоятельств содеянного могут быть оценены с позиции общественной опасности как признаки уголовно-наказуемого деяния.

Поскольку по договору оказания юридических услуг как виду договора возмездного оказания услуг, важное значение имеют сами действия, деятельность, а не их результат, то оценку таковых, в первую очередь, следует осуществлять именно с позиции гражданско-правовой ответственности.

Только при условии установления того, что исполнитель заведомо не намеревался исполнять принятые на себя обязательства, а заключил договор, в устной или в письменной форме, с целью незаконного получения чужого имущества, только тогда можно вести речь об установлении признаков состава мошенничества.

В целом, как справедливо отмечается специалистами, взаимодействие гражданского и уголовного права на современном этапе должно рассматриваться как необходимое условие эффективного функционирования всей правоохранительной системы [8, с. 580].

Анализ современной правоприменительной практике свидетельствует о том, что в действительности признаки мошенничества усматриваются и в действиях по завышению стоимости оплаты услуг, и при установлении обоснованности или необходимости совершения таких действий и т.п., что, полагаем, позволяет говорить о формировании новых подходов со стороны правоприменителя к определению способов мошенничества, как формы хищения чужого имущества. В таком случае актуализируется обзор судебной практики со стороны Верховного Суда РФ по таким вариантам мошенничества, а также принятие соответствующих разъяснений.

Пристатейный библиографический список

1. Луценко Е. П. Соотношение гражданского и уголовного законодательства при разграничении мошенничества и деликтов в Российской Федерации // Правовой альманах. - 2021. - № 7 (11). - С. 14-18.
2. Приговор Железнодорожного районного суда г. Красноярска от 05.07.2022 по делу № 1-94/2022 (1-577/2021, № 12102040049000014, 24RS0041-01-2021-007150-12). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://actofact.ru/case-24RS0017-1-94-2022-1-577-2021-2021-12-03-2-0/ (дата обращения: 24.02.2025).
3. Приговор Горно-Алтайского городского суда Республики Алтай от 28.06.2021 по делу № 1-27/2021 (1-374/2020). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://actofact.ru/case-02RS0001-1-27-2021-1-374-2020-2020-09-11-2-0/ (дата обращения: 24.02.2025).
4. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 02.08.2016 № 18-КГ16-84. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-02082016-n-18-kg16-84/ (дата обращения: 24.02.2025).
5. Постановление Арбитражного суда Уральского округа № Ф09-3366/19 по делу № А76-26478/2018 от 19.06.2019. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://fasuo.arbitr.ru (дата обращения: 24.02.2025).
6. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Московского областного суда от 25.05.2023 по делу № 22-2430/2023 (50RS0048-01-2020-005132-82). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sudrf.cntd.ru/document/1301805987 (дата обращения: 24.02.2025).
7. Приговор Гагаринского районного суда г. Москвы от 06.06.2022 по делу № 1-4/2022 (77RS0004-02-2021-003192-56). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: mos-gorsud.ru›mgs/cases/docs/content/ff02ee30 (дата обращения: 24.02.2025).
8. Василевская Л. Ю., Подузова Е. Б. Взаимодействие гражданского и уголовного права в сфере защиты прав потерпевшего по делам о краже и мошенничестве // Всероссийский криминологический журнал. - 2018. - Т. 12, № 4. - С. 572-582.

DOI 10.46320/2073-4506-2025-4-203-384-386

АЛИЕВА Сурижат Юсуфовна
кандидат юридических наук, доцент кафедры юридических и гуманитарных дисциплин, филиал, Дагестанский государственный университет в г. Дербенте

БУТАЕВ Мурадали Якубович
кандидат юридических наук, доцент кафедры юридических и гуманитарных дисциплин, филиал, Дагестанский государственный университет в г. Дербенте

НЕКОТОРЫЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТ. 150 УК РФ

В статье анализируются, с учетом правовых позиций Конституционного и Верховного Судов РФ, некоторые уголовно-процессуальные аспекты производства расследования преступлений, предусмотренных статьёй 150 УК РФ: «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления», обусловленные особенностями квалификации самого уголовно-наказуемого деяния. К ним относятся: специфика осуществления доказывания факта вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступление, подследственность таких дел, а также особенности наделения лица статусом потерпевшего по уголовному делу.

Ключевые слова: вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления, УК РФ, УПК РФ, расследование преступлений, несовершеннолетний.

ALIEVA Surizhat Yusufovna
Ph.D. in Law, associate professor of Law and humanities sub-faculty, branch, Dagestan State University in Derbent

BUTAEV Muradali Yakubovich
Ph.D. in Law, associate professor of Law and humanities sub-faculty, branch, Dagestan State University in Derbent

SOME CRIMINAL PROCEDURAL FEATURES OF THE INVESTIGATION OF CRIMES UNDER ARTICLE 150 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article analyzes, taking into account the legal positions of the Constitutional and Supreme Courts of the Russian Federation, some criminal procedural aspects of the investigation of crimes provided for in Article 150 of the Criminal Code of the Russian Federation: «Involvement of a minor in the commission of a crime», due to the peculiarities of the qualification of the most criminally punishable act. These include: the specifics of proving the fact of involving a minor in a crime, the jurisdiction of such cases, as well as the specifics of granting a person the status of a victim in a criminal case.

Keywords: involvement of a minor in the commission of a crime, Criminal Code of the Russian Federation, Criminal Procedure Code of the Russian Federation, investigation of crimes, minor.

Согласно официальной статистике состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2024 года, количество уголовно наказуемых деяний, совершенных несовершеннолетними или при их соучастии, уменьшилось на 3,4 %[1] (в данный период каждое тридцать четвертое расследованное преступление (2,9 %) совершено несовершеннолетними или при их соучастии)[2]. Количество вовлечений несовершеннолетних в совершение преступления или антиобщественных действий, зарегистрированных в отчетном периоде, составило 1151 (из них раскрыто – 807)[3]. Несмотря на незначительное число расследований рассматриваемых преступлений, они не становятся менее значимыми, поскольку посягают, прежде всего, на нормальное развитие и нравственное воспитание подрастающего поколения. Более того, многие ученые указывают на то, что реальное количество таких правонарушений гораздо больше [1, с. 210].

Расследование преступлений, предусмотренных ст. 150 УК РФ, обладает рядом уголовно-процессуальных особенностей, обусловленных спецификой самого деяния. К ним относятся:

1) Особенности доказывания факта вовлечения в несовершеннолетнего в совершение преступление;

2) Подследственность таких дел;

3) Особенности наделения лица статусом потерпевшего по уголовному делу.

1) Особенности установления факта вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления и его обусловленность доказыванием самого такого преступления.

Согласно правовой позиции Пленума Верховного Суда РФ, преступление, закреплённое ст. 150 УК РФ, считается оконченным с момента совершения несовершеннолетним преступления, приготовления к преступлению, покушения на преступление, т.е. недостаточным является совершение со стороны взрослого действий, направленных на возбуждение у ребенка желания заняться преступной деятельностью (которые «могут выражаться как в форме обещаний, обмана и угроз, так и в форме предложения совершить преступление…, разжигания чувства зависти, мести и иных действий»),

1 Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2024 года. Официальный сайт МВД РФ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://мвд.рф/reports/item/60248328/ (дата обращения: 12.05.2025).

2 Состояние преступности в России за январь-декабрь 2024 г. – М.: ФКУ «Главный информационно-аналитический центр МВД Российской Федерации». – С. 5.

3 Состояние преступности в России за январь-декабрь 2024 г. – М.: ФКУ «Главный информационно-аналитический центр МВД Российской Федерации». – С. 8.

требуются реальные шаги по воплощению задуманного со стороны несовершеннолетнего. Иначе квалификация возможна лишь по части 3 статьи 30 УК РФ и по статье 150 УК РФ[4]. Хотя Конституционный Суд РФ подчеркивает, что для привлечения к ответственности взрослого по данному составу преступления, принципиально, не имеет значения, было ли это совместное участие взрослого и несовершеннолетнего в совершении этого деяния, или оно совершено ребенком самостоятельно, «а также был ли взрослый осведомлен об обстоятельствах совершения ребенком преступления, в которое тот был умышленно вовлечен»[5].

Однако чаще всего уголовные дела по факту вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления возбуждаются в случаях совместного совершения преступления взрослым и несовершеннолетним [2, с. 11][6]. Иногда наличие этого правонарушения устанавливается при производстве расследования уголовно-наказуемых деяний лиц, не достигших 18 лет (при выяснении такого обязательного обстоятельства, входящего в предмет доказывания, как влияние старших по возрасту лиц (ст. 421 УПК РФ)). Именно поэтому Верховный Суд РФ обращает внимание на обязательность тщательного выяснения взаимоотношений между такими лицами, а также на необходимость «устанавливать, осознавал ли взрослый, что своими действиями вовлекает несовершеннолетнего в совершение преступления»[7]. Встречаются на практике случаи и самостоятельного привлечения к уголовной ответственности по ст. 150 УК РФ[8].

Отсюда следует и обусловленность установления факта вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления доказыванием самого такого преступления (поскольку если не будет доказано, например, событие основного преступления, то это означает одновременное отсутствие и вовлечения в его совершение). Поэтому верно отмечают Д. А. Некрасов и А. Б. Калинкина, что «преступления, которые совершаются в совокупности со ст. 150 УК РФ, то есть путем вовлечения несовершеннолетнего, в практике судов имеют четкую корреляцию по направленности основного преступления, в совершение которого вовлекается несовершеннолетний» [3, с. 100].

2) Подследственность уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 150 УК РФ.

И. С. Дикарев определяет подследственность как «отнесенность уголовного дела или материала проверки сообщения о преступлении к компетенции конкретного органа предварительного расследования» [4, с. 115].

Данная особенность прямо вытекает из ранее рассмотренной нами специфики доказывания самого состава преступления.

Применительно к рассматриваемой статье уголовно-процессуальным законом введены специальные правила определения подследственности, на которые влияют несколько аспектов:

– наличие взаимосвязи между деянием, предусмотренным ст. 150 УК РФ, и преступлением, в связи с которым оно и было возбуждено; или же совершение самостоятельного преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ, когда, например, взрослый сам не совершает преступление, в которое вовлекает подростка, а основное уголовное дело не подлежит возбуждению по различным причинам (например, подросток осуществлял приготовление к совершению преступления небольшой или средней тяжести);

– необходимость учета интересов несовершеннолетних лиц, вовлекаемых в совершение преступления.

Речь идет о так называемой подследственности по связи дел. Как отмечает И. С. Дикарев: «При этом признак уголовного дела, выражающий связь совершенного преступления с другим преступлением или уголовным делом, целесообразно именовать акцессорным (от лат. acessorius – привходящий, дополнительный). Интересно, что этот вид подследственности имеет в некотором смысле парадоксальный характер: предметный признак (квалификация преступления) придает уголовному делу признак акцессорного, а появление этого последнего – отменяет действие признака предметного» [4, с. 121].

Отсюда следуют два основных правила определения подследственности рассматриваемой категории дел:

1) Более общее, согласно которому по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных, в том числе ст. 150 УК РФ, предварительное следствие производится следователями того органа, к чьей подследственности относится преступление, в связи с которым возбуждено соответствующее уголовное дело (ч. 6 ст. 151 УПК РФ) (подследственность по связи дел); а если это самостоятельное преступление, то подследственность является предметной.

2) Правило, определяющее подследственность следователям Следственного комитета РФ всех тяжких и особо тяжких преступлений, совершенных несовершеннолетними и в отношении несовершеннолетних (подп. «г» п. 1 ч. 2 ст. 151 УПК РФ); также Федеральным законом от 01 июля 2021 г. № 285-ФЗ был введен подп. «д», определяющий подследственность преступлений, предусмотренных статьей 150 УК РФ, «в случае их выявления следователями Следственного комитета Российской Федерации в ходе расследования уголовных дел, переданных прокурором в порядке, предусмотренном п. 12

4 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01 февраля 2011 г. № 1 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5 Постановление Конституционного Суда РФ от 25 мая 2023 г. № 26-П «По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 150 Уголовного кодекса Российской Федерации и ряда положений статей 42, 45, 145, 146 и 222 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан М.В. Золотаревой и В.В. Фроловой». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6 См., например: приговор Исаклинского районного суда (Самарская область) № 1-19/2024 от 7 октября 2024 г. по делу № 1-15/2023. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sudact.ru/regular/doc/Tx2yPMaSlQd1/?page=10&regular-txt=&regular-case_doc=&regular-lawchunkinfo=Статья+150.+Вовлечение+несовершеннолетнего+в+совершение+преступления%28УК+РФ%29&regular-date_from=&regular-date_to=&regular-workflow_stage=10&regular-area=&regular-court=&regular-judge=&_=174715511950(дата обращения: 13.05.2025).

7 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01 февраля 2011 г. № 1 (ред. от 28.10.2021) «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8 См., например, приговор Советского районного суда г. Тамбова (Тамбовская область) № 1-341/2024 от 2 октября 2024 г. по делу № 1-341/2024. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sudact.ru/regular/doc/88N1inuDcKQ1/?page=12&regular-txt=&regular-case_doc=&regular-lawchunkinfo=Статья+150.+Вовлечение+несовершеннолетнего+в+совершение+преступления%28УК+РФ%29&regular-date_from=&regular-date_to=&regular-workflow_stage=10&regular-area=&regular-court=&regular-judge=&_=1747155566693 (дата обращения: 13.05.2025).

ч. 2 ст. 37 УПК РФ (т.е. в случае выявления таких преступлений в ходе расследования следователями Следственного комитета РФ переданных им прокурором дел, изначально им не подследственным, в том числе небольшой и средней тяжести).

Согласно Пояснительной записке к проекту федерального закона «О внесении изменения в статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» «принятие законопроекта позволит усилить защиту несовершеннолетних потерпевших, особенно в случаях совершения общественно опасных деяний лицами, обязанными заботиться о них, воспитывать, осуществлять надзор, а также предотвратит дальнейшее травмирование и виктимизацию личности потерпевшего»[9].

3) Особенности наделения лица статусом потерпевшего по уголовному делу.

До недавнего времени практика производства по уголовным делам рассматриваемой категории складывалась таким образом, что вовлекаемое в совершение преступления несовершеннолетнее лицо признавалось, в основном, свидетелем по уголовному делу (особенно в случаях, когда взрослый для совершения такого деяния выбирал способ, не связанный с физическим или психическим насилием). Объяснялось это тем, что подростку не причиняется физический, моральный или материальный вред. Верно указывает А. А. Рясов: в результате нарушаются права таких лиц, также «это приводит к ряду процессуальных ошибок: производству следственных действий с участием несовершеннолетнего потерпевшего без присутствия его законных представителей, отсутствию в обвинительном заключении сведений о несовершеннолетнем потерпевшем…» [2, с. 14].

Данная ситуация стала предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ, который дал расширительное толкование понятия вреда, причиняемого подростку в случае его вовлечения в совершение преступления: во всех таких случаях ребенок становится жертвой, поскольку оказывается под пагубным влиянием взрослого, формирующего у него «ложное представление о допустимости противозаконного поведения, пренебрежительного или негативного отношения к правам и свободам других лиц, к ценностям общества и государства». Отсюда – закономерный вывод о том, что по каждому случаю возбуждения уголовного дела по ст. 150 УК РФ, такому несовершеннолетнему должен быть придан статус потерпевшего независимо от способа его вовлечения в совершение преступления[10].

Таким образом, уголовно-процессуальные особенности производства расследования преступлений, предусмотренных ст. 150 УК РФ, обусловлены, прежде всего, необходимостью обеспечения прав и законных интересов несовершеннолетних лиц, вовлекаемых в совершение преступления.

Пристатейный библиографический список

1. Солонникова Н. В., Кузьмин М. Н. Некоторые проблемы расследования преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра: сб. науч. тр. Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России. – 2023. – Т. 25, № 1. – С. 209-217.
2. Рясов А. А. Методика расследования вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений и антиобщественных действий. – Ставрополь, 2016. – 31 с.
3. Некрасов Д. А., Калинкина А. Б. Специфика квалификации преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ, при образовании совокупности преступлений // Расследование и предупреждение преступлений, совершенных несовершеннолетними или в отношении несовершеннолетних: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Новосибирск, 20 декабря 2023 года). – М.: Московская академия Следственного комитета имени А. Я. Сухарева, 2024. – С. 100-104.
4. Дикарев И. С. Подследственность в уголовном процессе: вопросы теории и законодательной регламентации // Журнал российского права. – 2020. – № 4. – С. 113-125.

9 Законопроект № 1115644-7 «О внесении изменения в статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (в части расследования следователями Следственного комитета Российской Федерации уголовных дел о преступлениях, предусмотренных статьями 125, 150, 151 и 156 Уголовного кодекса Российской Федерации)». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1115644-7#bh_note (дата обращения: 13.05.2025).

10 Постановление Конституционного Суда РФ от 25 мая 2023 г. № 26-П «По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 150 Уголовного кодекса Российской Федерации и ряда положений статей 42, 45, 145, 146 и 222 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан М. В. Золотаревой и В. В. Фроловой». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

DOI 10.46320/2073-4506-2025-4-203-387-392

БЕЛЬСКИЙ Кирилл Евгеньевич
Управляющий партнер АБ «Бельский и партнёры»

ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ УГОЛОВНОЙ ЗАЩИТЫ В РАМКАХ СОСТЯЗАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА (НА ПРИМЕРЕ США И ВЕЛИКОБРИТАНИИ)

Статья посвящена этическим дилеммам, которые возникают у защитника в американском состязательном уголовном процессе. «Экстремальная» модель состязательности, используемая в США, призывает адвоката осуществлять «ревностную» защиту своего клиента всеми доступными способами. Соревновательный характер системы поощряет в адвокатах желание победить любой ценой, не считаясь с тем ущербом, который может быть нанесен окружающим, или с истиной по делу. Осуществляя ревностную защиту, адвокат балансирует на грани привлечения к дисциплинарной, а иногда и уголовной ответственности, поскольку может закрыть глаза на ложные показания свидетелей, да и самого обвиняемого, если это выгодно для его позиции, в то же время, дискредитируя правдивые показания свидетелей обвинения. В качестве решения данной дилеммы, американские ученые предлагают ужесточение положений Правил профессионального поведения адвокатов, в том числе путем включения в них характерной для Великобритании нормы о том, что выше долга адвоката перед клиентом является его долг перед судебной системой. Однако английские исследователи демонстрируют, что это не является решением проблемы, поскольку, действуя в интересах судебной системы, адвокат неминуемо ослабляет защиту клиентов, например, вынуждая их пойти на сделку о признании вины в целях повышения эффективности деятельности суда. Таким образом, единственным решением в существующих условиях является расширение курсов этики в юридических вузах и отказ от воспитания молодых юристов в излишне соревновательной манере.

Ключевые слова: состязательный процесс, ревностная защита, адвокатская этика, долг перед клиентом, агент судебной системы.

BELSKIY Kirill Evgenjevich
Managing partner of the «Belsky and Partners» Law Firm

ETHICAL ASPECTS OF CRIMINAL DEFENSE WITHIN THE ADVERSARIAL SYSTEM OF CRIMINAL JUSTICE (USA AND THE UK – ENGLAND AND WALES)

The article is devoted to ethical dilemmas that arise for the defense counsel in the American adversarial criminal justice process. The «extreme» adversarial model used in the United States encourages the defense lawyer to conduct a «zealous» defense of his client by all means available. The adversarial nature of the system encourages attorneys to win at all costs, without regard for the harm that may be done to others or the search for the truth. In carrying out a zealous defense, the lawyer balances on the verge of disciplinary and sometimes criminal liability, because he can turn a blind eye to the false testimony of witnesses, and even the defendant himself, if it is favorable to his position, while at the same time, discrediting the truthful testimony of witnesses for the prosecution. As a solution to this dilemma, American scholars suggest tightening the provisions of the Rules of Professional Conduct for Lawyers, by including the norm which is typical for the UK – that above the lawyer's duty to the client is his duty to the judicial system. However, the English scholars demonstrate that this is not a solution to the problem, because acting in the interests of the judicial system, a lawyer inevitably weakens the defense of his clients, for example, by forcing them to take a plea in order to increase the efficiency of the court. Thus, the only solution under the existing conditions is to expand ethics courses in law schools and refuse to educate young lawyers in an overly competitive manner.

Keywords: adversarial process, zealous defense, lawyer's ethics, duty to client, officer of the court.

Вопрос о том, какова должная роль адвоката в состязательном уголовном процессе вряд ли является новой для стран англо-саксонской правовой семьи. Ещё английский Лорд Брукхэм описывал такую концепцию в ходе своей защиты Королевы Каролины против выдвинутых королем Георгом IV обвинений в неверности: «Спасти клиента всеми средствами и способами, невзирая на любую опасность и цену для других людей, а среди них и для себя (адвоката) – его первый и единственный долг; и при выполнении этого долга он не должен обращать внимание на тревоги, мучения и разрушения, которые он может навлечь на других»[1].

Действительно, основной характеристикой англо-саксонской системы уголовного судопроизводства является жесткое противостояние в суде двух противоборствующих сторон, и для разрешения дела она полагается на мастерство юристов, представляющих позиции таких сторон, а не на какое-то третье лицо, обычно судью, которое пытается установить истину по делу, как это происходит в континентальных правовых системах [42]. Система находит свое воплощение в том, что обе стороны представляют соперничающие точки зрения, обнаруживают скрытые недостатки позиций друг друга и активизируют разбирательство «искрами, возникающими при столкновении оружия»[2]. Состязательная система «помогает гарантировать, что стороны будут мотивированы представить суду самые убедительные доказательства и аргументы, которые они могут привести. Эффект от представления версий обеих сторон заключается в расширении информации, доступной суду, в объеме, значительно превышающем тот, который суд мог бы получить в результате собственного расследования»[3]. Как отмечал в деле Элси 1830 года английский лорд Элдон: «Истина лучше всего раскрывается с помощью веских заявлений обеих сторон конфликта»[4].

1 Trial of Queen Caroline 8 (J. Nightingale ed. 1820-21).

2 Rajendra Singh Yadav Vs. Chandra Sen and Ors., AIR 1979 SC 882; (1979) 4 SCC 111.

3 Там же.

4 Ex parte Elsee, (1830) 1 MONTAGU & BLIGH 69, 70 n.(a) (где цитируется Ex parte Lloyd (Nov. 5, 1822) (unreported)). См. также [24, p. 569].

По мнению профессора Колумбийского Университета Уильяма Саймона, моральная привлекательность роли адвоката основывается на идеальном понимании того, что «адвокаты, не только в исключительные моменты общественного служения, но и в своей повседневной практике принимают непосредственное участие в укреплении справедливости» [40, p. 65]. Ему вторит выдающийся практикующий адвокат, старший партнер одной из крупнейших юридических фирм, нью-йоркской юридической фирмы Скадден, Арпс, Слэйт, Мигер и Флом, Уильям Мигер: «Предполагая, что адвокату известна истину по делу, присяжные естественным образом начинают считать, что тактика его допроса клиента и свидетелей направлена на раскрытие истины, которую он знает. Таким образом, допрашивающий адвокат накладывает отпечаток на показания, которых он добивается, печатью своего личного доверия. Действительно, задаваемые вопросы, тон и интонация голоса адвоката, его жесты, мимика и все его поведение должны, для того чтобы быть психологически эффективными, произвести впечатление на суд и присяжных своей убежденностью в правдивости представляемых доказательств и достоинствах дела своего клиента. Когда адвокат, прикрываясь фасадом искренности, выдает ложь за правду, он проституирует себя и извращает судебный процесс» [35, p. 294-295].

Однако юристы обычно возражают против идеи о том, что система судопроизводства должна нести ответственность за установление истины или обеспечение справедливости по существу. Поскольку никогда нельзя с уверенностью узнать правду о спорных событиях прошлого или состояниях человеческого разума, они утверждают, что поиск истины – это мечта. Возможно, они придерживаются постмодернистской точки зрения, сомневаясь в том, существует ли «истина» вообще. Большинство юристов считают, что необходимо стремиться к «процессуальной», а не «материальной» справедливости и довольствоваться «судебной истиной», а не «фактической истиной» [44]. Если обеспечить участникам справедливую процедуру, частично состоящую из борьбы между юристами, представляющими противоборствующие стороны, то все, что появится в результате этого процесса, и будет «судебной истиной» [28, p. 37][5].

Таким образом, ни одна из сторон в споре не может предположить истинность своей позиции; «истина» возникает в результате столкновения противоположных взглядов [38, p. 1159, 1160][6]. Однако в таком виде данный вывод лишь ставит проблему, не решая ее. Если спор определяет истину, то представитель проигравшей стороны говорил неправду. Свидетели дают противоречивые показания об одних и тех же фактах; если хотя бы одно описание фактов ложно, то получается, что значительное число адвокатов – лжецы. Ссылка на «авторитет» сопровождается ссылкой на противоположные «авторитеты» до такой степени, что «структура права выглядит как Вавилонская башня, которой грозит опасность рухнуть от напряжения юристов, снующих по зданию, вокруг него и под ним» [11, p. 430]. Это привело к тому, что известный американский адвокат и ученый первой половины XX века, специалист по юридической этике Феликс Коэн заметил: «Как может поддерживаться здание правосудия усилиями лжецов от адвокатуры и бывших лжецов, ныне сидящих в судейском кресле – это один из парадоксов юридической логики, который человек с улицы так и не смог разгадать» [5, p. 238]. Очевидно, что корыстные интересы сторон не способствуют поиску истины в системе, где обычным делом является:

(1) дискредитация показаний противной стороны независимо от того, правдивы они или нет;

(2) использование некомпетентности адвоката противной стороны в своих целях;

(3) невключение существенных фактов в судебные документы или их утаивание в силу таких прав как сохранение адвокатской тайны или защита от самооговора;

(4) исключение доказательств; или

(5) потворствование адвоката софистике и риторическим манипуляциям, основной целью которых является сокрытие истины.

Как отмечала судья в отставке и телеведущая Кэтрин Крайер в своей работе «Дело против адвокатов»: «Юридические фирмы, развивающие судебную практику, явно нацелены на победу любой ценой. Будь то иски о нанесении вреда здоровью, коллективные иски или громкие уголовные дела, судебный процесс превратился в игру, а не в поиск истины и справедливости. Правила нарушаются, на злоупотребления закрываются глаза, присяжными манипулируют, и все это во имя победы, а не поиска истины и справедливости. Каждый раз, когда это происходит, появляется новое судебное решение, становящееся прецедентом для дальнейшего извращения устоявшихся правовых принципов» [8].

Однако, те, кто наиболее серьезно размышляет о состязательной системе, отвергают упрощенное мнение о том, что юриспруденция – это состязание во лжи: «В определенном смысле верно, что адвокаты – лжецы. Но в том же смысле лжецами будут поэты, историки и картографы, ибо функция адвокатов, поэтов, историков и картографов заключается не в том, чтобы воспроизводить реальность, а в том, чтобы лишь освещать некоторые ее аспекты, и всегда будет обманом, если притворяться, что освещенное таким образом – это и есть вся реальность. Никто из нас никогда не может сказать всей правды, хотя мы можем добросовестно желать этого и просить божественной помощи в достижении этой цели. Древняя мудрость нашего общего права признает, что люди должны различаться в своих взглядах на факты и не потому, что одни честны, а другие нечестны, а потому, что каждый из нас действует в поле, заряженном ценностями, которые придают форму и цвет всему, что мы видим» [5, p. 240].

В то же время, даже с учетом данной позиции относительно установления истины в состязательном процессе, нельзя не согласиться с тем, что центральным признаком состязательной системы считается конфронтационный стиль: обвинение и защита готовят и представляют суду свои версии происшедшего, а решение принимается на основе двух альтернативных версий фактических обстоятельств и применимых норм права. В этом варианте пристрастные юридические представители – неотъемлемый аспект системы, причем их пристрастность поддерживается канонами юридической этики [15, p. 32]. Выдающийся американский юрист, педагог и социолог права Роско Паунд в 1906 году назвал это «спортивной теорией правосудия» [37, p. 729], когда адвокаты используют все возможные средства, чтобы добиться выгодного решения для своего клиента и, в частности, оправдательного приговора по уголовному делу. Ему из 2006 года вторит известный практикующий адвокат Теодор Кубичек: «Что же делает защитник в уголовном процессе? Вообще-то, что защитник должен делать или что от него требуется? Должен ли он помогать устанавливать истинность предъявленного обвинения, что, скорее всего, выльется в осуждение его клиента, или наоборот, помогать скрывать уличающие факты, что, скорее всего, приведет к признанию его клиента невиновным? Ответ очевиден» [27, p. 26]. Таким образом, в обязанности адвоката входит не помощь и содействие судье или присяжным в поиске истины, а препятствование и запутывание этого поиска, если это отвечает интересам клиента[7]. Некото-

5 [28, p. 37]: Истина - это не та цель, к которой стремятся суды. Истина – не более чем средство достижения цели, правосудия. Раскрытие материальных фактов – не единственное средство достижения правосудия, и рассматривать его как цель – значит открывать путь для неблаговидных злоупотреблений.

6 [38, p. 1159, 1160] («Состязательная презентация позиций сторон представляется единственным эффективным средством борьбы с естественной человеческой склонностью к слишком быстрому осуждению...»).

7 О многочисленных способах, с помощью которых состязательный процесс может помешать поиску истины, см. [19]. Стивен Гиллерс оспаривает предположение о том, что с этической или моральной точки зрения допустимо скрывать истину в процессе судебного разбирательства путем использования вводящих в заблуждение заявлений.

рые авторы по ряду причин полагают, что состязательная система чрезмерно вознаграждает адвокатские конкурентные навыки, поощряет одного или обоих представителей сторон сеять путаницу и делает ошибки присяжных более вероятными, чем в континентальных системах[8].

Кроме того, что более важно для нынешних целей, как показал профессор права и философии Джорджтаунского Университета Дэвид Лубань в своем эссе, состязательная система судопроизводства подразумевает такое видение юридической этики, которое сочетает в себе крайнюю пристрастность с моральной неподотчетностью (явление, которое он назвал «неподотчетной пристрастностью»). Это означает, что система требует от адвоката продвигать интересы своих клиентов с максимальным рвением, разрешенным законом, и настаивает на том, что адвокат не несет моральной ответственности за цели, преследуемые клиентом, или средства достижения этих целей, при условии, что и средства, и цели законны[9]. И это, по словам Лубаня, вызывает глубокую тревогу как моральный идеал, регулирующий поведение адвокатов. При этом многие адвокаты начинают демонстрировать так называемый «азартно-игровой» или излишне состязательный подход к своим обязанностям, когда «закон рассматривается как нечто, что можно приспособить для своих целей, а не как нечто, что следует уважать, поскольку оно определяет границы приемлемой деятельности» [3, p. 49; 34, p. 229]. Клиент такого адвоката воспринимает закон как потенциальную помеху, а поиск лазеек в нем понимает как должное отношение адвоката к оказанию юридической помощи.

Как указывает далее профессор Лубань: «Состязательная система правосудия... возлагает на каждую сторону обязанность отстаивать свою версию событий и ставить под сомнение аргументы другой стороны. Поскольку эту битву аргументов ведут адвокаты, они обязаны проявлять повышенную пристрастность по отношению к своим клиентам и в меньшей степени уважать интересы своих противников или третьих лиц. … Адвокат должен, в рамках установленных ограничений профессионального поведения, максимизировать вероятность достижения целей клиента» [33, p. 12].

Установлением «ограничений профессионального поведения» занимается самоуправляемое адвокатское сообщество. Так, в 1983 году были приняты действующие, с последующими изменениями и дополнениями, Типовые правила профессионального поведения Американской ассоциации юристов (Model Rules of Professional Conduct, MRPC)[10]. В части деятельности адвоката в суде Правила устанавливают его обязанность быть честным при общении с судом и ответственность за сотрудничество и честные отношения с другими участниками процесса и их адвокатами. Типовое правило 1.3 гласит: «Адвокат должен действовать с разумным усердием и оперативностью при представлении интересов клиента». Комментарий к Правилу 1.3 добавляет, что «[адвокат] должен действовать с самоотдачей и преданностью интересам клиента и с усердием защищать интересы клиента». С 1983 года ABA исключила введенную в 1969 году обязанность ревностного представительства из своего национального этического кодекса (хотя большинство юристов считают эту обязанность самым священным долгом адвоката). Более того, ABA прямо подтвердила обязанность адвоката перед судом, которая превалирует над интересами клиента, когда клиент дает в суде ложные показания[11]. Кроме того, правила этики запрещают участие адвоката в преступлениях и мошенничестве, которые совершает клиент[12].

Устанавливаемые Типовыми правилами ограничения имеют большую свободу для интерпретации. Хотя адвокат не может совершить преступление, преследуя интересы клиента, он может и, возможно, должен использовать все другие возможности для продвижения таких интересов. Но характер «всех других возможностей», которые могут быть использованы, практически не контролируется. Слишком часто «цели» пристрастности в отношении клиента оправдывают то, что в другом контексте было бы сомнительным средством. Последствия такого мышления, основанного на пристрастности к клиенту, можно увидеть в том, как составлялись профессиональные правила поведения адвокатов. По сути, мы видим правила, которые были составлены в соответствии с требованиями пристрастности и осуществления ревностного представительства, вместо того чтобы изменить акценты пристрастности так, чтобы соответствовать некоторому приемлемому представлению об этичном (или продуктивном) поведении.

Этические правила определяют роль, которую должны играть адвокаты при выполнении своих обязанностей в рамках судебной системы [46, p. 223] и во внесудебной деятельности в интересах своих клиентов. Для этого они закрепляют ожидания профессии в отношении поведения юристов в целом и, более конкретно, в ряде сложных ситуаций. В дополнение к руководству и контролю, которые они предлагают юристам при осуществлении своей профессиональной деятельности [31, p. 311-312], правила выполняют и другие важные функции, которые не следует упускать из виду при рассмотрении вопроса о том, как лучше всего реагировать на то, что этическое поведение юристов находится в упадке. Среди дополнительных, широких функций, которые они выполняют, этические правила являются наиболее четким публичным заявлением организованного адвокатского сообщества о своих истинных ценностях [31, p. 331]. Если правила в значительной степени поддерживают модель ревностной защиты, они демонстрируют общественности, что это и есть главная ценность для адвокатуры. Если правила не настаивают на том, чтобы адвокаты подчиняли интересы своих клиентов процедурам и институтам права, то трудно убедить как профессиональное сообщество, так и широкую общественность в том, что это действительно является ценностью для адвокатуры, не говоря уже о «центральной моральной традиции адвокатской деятельности».

Профессиональная опасность юридической практики в рамках состязательной модели – это оправдание этического выбора и поведения моделью «наемного убийцы», которую в своей крайней форме уместно назвать моделью юридической этики «Нюрнбергская защита». Эта модель оправдывает любые действия от имени клиента – позиция крайнего этического релятивизма, которую некоторые исповедуют, но лишь немногие живут в соответствии с ней, и которая явно не одобряется даже Правилами профессионального поведения. Релятивизм, необходимый для юридической практики, легко переходит в цинизм; терпимость к другим взглядам вполне закономерно превращается в веру в то, что все взгляды одинаково ошибочны, и что «истина» и «справедливость», являющиеся предполагаемыми целями должной правовой процедуры, – пустые слова. Состязательный процесс в праве естественным образом воспринимается не как «центральная нервная система общества», а как циничное применение адвокатского мастерства практикующими юристами, безразличными к результату, помимо собственной выгоды. «Основная цель большинства практикующих адвокатов (отражающая многое из того, чему учат в юридических вузах)

8 Марвин Франкель: «Весьма редкий случай, когда одна из сторон жаждет, чтобы свидетели или кто-либо другой рассказал *всю правду*.» [12, p. 1038] (выделено в оригинале). Дэвид Лубань: «Кроме того, оба состязающихся адвоката обязаны представить факты таким образом, чтобы они в наибольшей степени соответствовали позиции их клиента: предотвратить представление неблагоприятных доказательств, подорвать доверие к свидетелям противной стороны, представить неблагоприятные факты в контексте, в котором их значение будет сведено к минимуму, попытаться спровоцировать выводы в пользу своего клиента. Предполагается, что две такие версии отменяют друг друга, оставляя истинное положение вещей. Но нет никаких оснований думать, что это так; они могут просто нагромоздить путаницу» [32, p. 94].

9 Cf. Munster v. Lamb, (1883) 11 QBD 588, 603 (Eng. C. A. 1883).

10 Model Rules of Professional Conduct. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.americanbar.org/groups/professional_responsibility/publications/model_rules_of_professional_conduct/ (дата обращения 15.07.2024)

11 Model Rules of Professional Conduct Rule 3.3 (1994) (где закрепляется правило честности по отношению к суду)

12 Там же, Rules 1.2(d), 1.16.

состоит в «выигрыше» для клиента (а также для собственного самоуважения и денежного вознаграждения), при этом не получив санкций со стороны судьи, дисциплинарных взысканий со стороны адвокатуры либо привлечения к гражданской или уголовной ответственности» [6].

Профессия адвоката, хотя она не более и не менее подвержена безнравственности, чем другие, похоже, находится в значительной опасности глубокой аморальности [11, p. 430]. Вдумчивые комментаторы утверждают, что адвокаты склонны действовать неэтично, преследуя цели своих клиентов слишком целенаправленно, не заботясь о негативном влиянии этих усилий на другие интересы, включая противную сторону, третьих лиц, представителей судебной системы и общество в целом [23, p. 1260]. Профессор Дэвид Лубань отмечал: «Самая распространенная и самая горькая жалоба на профессию адвоката заключается в том, что адвокатам наплевать на справедливость, а если они и заботятся о ней, то вопреки своей профессии, а не благодаря ей. Это означает, что право имеет отношение к справедливости лишь случайно» [33, p. xvii].

Хотя общественное недовольство профессией адвоката в США очевидно, вопрос о том, действительно ли этическое поведение адвокатов находится в упадке, остается открытым. Некоторые комментаторы утверждают, что упадок не только существует, но и достиг кризисных масштабов [10, p. 1340]. Ряд таких наблюдателей указывают на экономическое давление [41, p. 173] и изменения в законодательстве [4, p. 5-7], произошедшие в последние два десятилетия двадцатого века, которые, как утверждается, превратили профессию адвоката в простой бизнес, причем не самый привлекательный [30, p. 218-219], и повысили уровень конкурентного поведения среди растущего числа адвокатов. Комментаторы, представляющие другую крайность, оспаривают само существование этой тенденции [14, p. 162-163; 39, p. 480]. При этом, некоторые из них признают, что американская юридическая профессия всегда была подвержена подобной критике [25, p. 115], а другие отмечают, что те, кто считает, что наблюдается спад, могут просто ностальгировать по золотой эре в профессии, которой на самом деле никогда не существовало [1, p. 131; 17, p. 549].

Однако, похоже, что большинство вдумчивых комментаторов, имеют в виду нечто более фундаментальное, когда они сетуют на нынешний упадок «профессионализма» в адвокатуре, формулируя свою озабоченность в терминах ожиданий того, что адвокаты сдержат свое рвение в интересах клиентов в пользу некоего более широкого общественного блага. К такому выводу приходит, например, бывший Помощник Генерального прокурора США, профессор Корнельского Университета Роджер Крэмтон, соотнося «профессионализм» с тем, что он считает «центральной моральной традицией» адвокатской деятельности [6]. Опираясь на работы профессора Университета Кейс Вестерн Резерв в Кливленде Роберта Лоури [29], он видит «профессионализм» в истинном смысле слова как воплощение идеи о том, что «первичное обязательство адвоката лежит перед процедурами и институтами права», а не перед интересами клиента [7]. Другие известные авторы разделяют эту характеристику концепции надлежащей роли адвоката [26, p. 18; 20, p. 35-39]. Даже учитывая не бесспорный характер [13, p. 1469] приведенного выше утверждения профессора Крэмтона о содержании концепции профессионализма, состоящее в том, что основной долг адвокатов лежит перед процедурами и институтами права, именно оно предлагает наиболее полезную характеристику этого часто используемого термина, если считать, что он вообще имеет самостоятельное значение как значимое понятие.

Для большинства сторонников подобных теорий «более этичное поведение» означает поведение, в котором меньше состязательности и больше заботы о субъектах, не являющихся клиентами, например, о противной стороне и обществе в целом, а также о достижении справедливых результатов. Короче говоря, такие сторонники считают, что адвокаты отреагируют на эти подходы, подавляя свое рвение в представлении интересов клиентов.

Очевидно, что ревностное, преимущественно проклиентское поведение адвокатов перед лицом неопределенности этических правил наводит на мысль о том, что нечто большее, чем просто неопределенность этических установлений, оказывает влияние в данном случае на поощрение ревностного поведение адвокатов в интересах их клиентов в ущерб другим личным и профессиональным интересам. То, что вступает здесь в действие, это преданность адвокатов своим клиентам. Такая преданность в настоящее время является основополагающей характеристикой отношений между адвокатом и клиентом [45, p. 206-207]. Имея в своей основе агентскую природу, эти отношения часто описываются как фидуциарные по своему характеру и требуют от адвоката преданности клиенту. Как агент клиента, адвокат, как правило, должен следовать указаниям клиента и служить интересам клиента в рамках закона. Серьезность отношений между адвокатом и клиентом проявляется в том, что несоблюдение предписаний этого свода правил может привести к гражданско-правовой ответственности[13].

Преданность клиенту, которая является основополагающей для отношений между адвокатом и клиентом, таким образом, можно рассматривать как основной принцип юридической профессии [21, p. 71]. Клиенты нанимают адвокатов в качестве своих агентов, чтобы те служили их интересам и делали это компетентно, преданно и, более того, ревностно. Закон поддерживает эту идею, как и нормы профессионального поведения, давление естественных личных отношений между адвокатами и клиентами – физическими лицами, а также динамика институтов, в которых практикуют адвокаты.

Давление отношений между адвокатом и клиентом также помогает сформировать полезное представление о так называемом «сознательном» или «дискуссионном» подходе к реализации нормативных требований. Перед лицом институциональных и личных ожиданий и давления указанных отношений, адвокаты вполне объяснимо используют неопределенность материального и процессуального права для выработки правовых позиций и рекомендаций, продвигающих интересы клиента. Более того, как утверждают сторонники дискуссионного подхода, неопределенность кодексов юридической этики приводит к аналогичным тенденциям, когда адвокаты сталкиваются с вопросами профессионального поведения при выполнении своих агентских обязанностей перед клиентами. Это происходит не просто в результате неопределенности закона, но из-за наличия, на фоне обязательств перед клиентом, профессионального давления и личных склонностей, которые составляют отношения между адвокатом и клиентом. Учитывая важность этих отношений, вполне понятно, что адвокаты будут использовать неопределенность правил и кодексов юридической этики для достижения целей своих клиентов [47, p.1331-1350].

Особые полномочия возникают у адвоката в рамках уголовной защиты. Как отмечал профессор Лубань: «На самом деле... защита по уголовным делам – это очень особый случай, в котором ревностный адвокат служит нетипичным социальным целям. Дело в политической теории. Цель рьяного адвоката в уголовной защите – ограничить власть государства над своими гражданами. Мы хотим ограничить государство в его возможностях даже законно наказывать нас, поскольку, согласно политической теории и историческому опыту, считаем, что если государство не ограничить или не сдержать... наши политические и гражданские свободы окажутся под угрозой. У власть имущих неизбежно возникает соблазн злоупотреблять системой уголовного правосудия для преследования политических оппонентов, а чрезмерно ретивая полиция попирает гражданские свободы во имя предотвращения преступлений и поддержания порядка. Чтобы защититься от этих опасностей, мы защищаем наши права, фактически чрезмерно их защищая» [33, p. 60].

Некоторые могут утверждать, что адвокаты являются членами требующей специального образования, саморегулируемой профессии и, следовательно, не нуждаются в

13 Restatement (third) of the law governing lawyers § 49 (2000).

специальном руководстве со стороны своих правил профессионального поведения. Этот аргумент предполагает, что долг адвокатов по отношению к процедурам и институтам права заложен в культуре юридической практики. Однако, кроме публичных заявлений о том, что это так, доказательств существования такого долга достаточно мало. Действительно, нынешнее недовольство поведением адвокатов, исходящее как изнутри адвокатуры, так и извне, говорит о том, что такие принципы не действуют. Даже если адвокаты и хорошо образованы и имеют право на саморегулирование, содержание акта, устанавливающего это регулирование, так же важно для адвокатов, как и для всех членов общества.

Если современные адвокаты проявляют чрезмерное рвение в интересах своих клиентов и не уделяют должного внимания последствиям своих действий для процедур и институтов права, то принятие и соблюдение значимых правил на этот счёт дают наибольшую надежду на то, чтобы обратить это развитие вспять. Прошлые обращения к совести адвокатов и широта свободы действий, уже разрешенная действующими правилами, очевидно, не помогли в достаточной степени улучшить поведение адвокатов, что позволяет предположить, что дополнительные подобные призывы и более широкая свобода действий вряд ли приведут к улучшению поведения в будущем. Для реализации намерения добиться поведения, в большей степени отражающего профессионализм в том виде, в котором он характеризуется рядом автором, то есть, что основной долг адвокатов заключается в соблюдении процедур и институтов права, то необходимы правила, сдерживающие рвение, присущее отношениям между адвокатом и клиентом, и усиленное действующими правилами юридической этики [16, p. 729]. Как указывает профессор Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе Кэрри Менкель-Мидоу, профессия должна исключить этику состязательности из правил адвокатской практики [36, p. 5].

Именно по этому пути пошли Англия и Уэльс. Там официально закреплено положение о том, что адвокат это агент судебной системы, который заботится о поддержании и улучшении надлежащего отправления правосудия. В отличие от континентальной системы права, где судьи рассматриваются как служащие государства, а суды не обладают полномочиями и независимостью, присущими английской традиции [2, p. 91], в системе общего права Англии и Уэльса судьи воспринимаются скорее как неотъемлемая часть независимой юридической профессии, с которой они тесно связаны как по происхождению, так и по своей повседневной деятельности. Суды в значительной степени зависят от помощи и сотрудничества практикующих юристов, прежде всего специализированных барристеров. В конце концов, в первую очередь, практикующий юрист несет ответственность перед судом и системой правосудия, а не перед клиентом. «Хорошие адвокаты помнят, что, представляя интересы своих клиентов, они, тем не менее, являются представителями суда и призваны помочь суду принять правильное решение» [22, p. 10]. Между судейской коллегией и адвокатурой существует тесная связь в профессиональном смысле. Кроме того, суды обладают независимыми правотворческими полномочиями, реализуемыми через механизм вынесения прецедентных решений, и в реализации этой функции суду также помогает независимая адвокатура.

Однако, и у такого подхода имеются серьезные недостатки. Хотя отсутствуют достоверные данные о том, снижаются или повышаются стандарты консультирования и защиты в таких условиях, системные барьеры на пути к получению качественных консультаций и представительства становятся все выше. Как отмечают директор неправительственной организации «Изменим правосудие» Пенелопа Гиббс и ведущий исследователь этой организации Фионула Рэтклифф, когда адвокаты вынуждены отдавать предпочтение нуждам суда, а не своих клиентов, им приходится добиваться от своих клиентов признания вины, чтобы позволить суду быстро рассматривать дела. Стремление к эффективности управления слишком часто вступает в противоречие с требованиями качественного представительства, и адвокаты иногда вынуждены идти на компромисс – делать для своего клиента хорошую работу, когда можно сделать отличную [18, p. 03].

В другом исследовании профессор Сассекского университета Люси Уэлш изучила влияние изменений в тарифах на бесплатную юридическую помощь на поведение адвокатов в суде магистрата. Она обнаружила, что повышенное внимание Агентства по финансированию бесплатной юридической помощи (LAA) к эффективности и конкурентным методам ведения адвокатской деятельности негативно сказывается на доступе к правосудию: «Этот шаг поставил экономию и эффективность выше принципов состязательного уголовного правосудия и поставил требования эффективности и управления движением дел выше потребностей обвиняемых (и жертв)» [43, p. 585].

Адвокаты, выступающие в суде, все чаще не признают никакой ответственности за функционирование системы правосудия, так же как и за правильность или справедливость получаемого результата. «Этика» становится вопросом, позволяющим просто избегать недвусмысленных и принудительных положений закона, регулирующего деятельность адвокатов. Язык морали не имеет места; стандарты рассматриваются как внешние и определяются исключительно правовыми нормами и потенциалом их принудительного исполнения [6]. В течение многих лет ученые, изучающие профессию адвоката, спорят о том, является ли роль адвокатов в состязательной системе морально оправданной. Эти дебаты позволили понять основы состязательной системы, роль адвокатов в этой системе и применение моральных принципов к профессиональному поведению. Однако в ходе дебатов был проигнорирован более очевидный вопрос: какие ограничения на ревностное представительство могут быть выведены из концепции самой состязательной системы, а не из принципов морали?

Ряд ученых утверждает, что почти все правила, ограничивающие ревностное представительство, можно рассматривать как разработанные для поддержания трех принципов, определяющих состязательную систему: (1) принцип добросовестности спора, (2) принцип беспристрастности лица, принимающего решение, и (3) принцип квалифицированности правил, усиливающих достижение истины. Нормативная цель состоит в предложении критического взгляда на ряд правил профессионального поведения, чтобы продемонстрировать пути их совершенствования.[14]

Пристатейный библиографический список

1. Abel, Richard L., Theories of the Legal Profession, in *Lawyers: Acritical Reader* 117, 131 (Richard L. Abel ed., 1997).
2. ALRC, Review of the adversarial system of litigation, Issues Paper 20, at 91.
3. Braithwaite, Valerie, Dancing with Tax Authorities: Motivational Postures and Non-Compliance Actions, in *Taxing Democracy: Understanding Tax Avoidance and Evasion* 19.
4. Burger, Warren E. The Decline of Professionalism, 61 Tenn. L. Rev. 1, 5-7 (1993).
5. Cohen, Felix, Field Theory and Judicial Logic, 59 YALE L. 238, 238 (1950).
6. Cramton, Roger C. «Furthering Justice by Improving the Adversary System and Making Lawyers More Accountable» (2002). Cornell Law Faculty Publications. Paper 1161.
7. Cramton, Roger C., On Giving Meaning to «Professionalism», in 1996 ABA Symposium Proceedings, Teaching and Learning Professionalism, 1996 A.B.A. Sec. on Legal Educ. and Admission to the B. Rep

14 Crystal, Nathan M. Limitations on Zealous Representation in an Adversarial System (October 1997). Wake Forest Law Review. Vol. 32. No. 3. 1997. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ssrn.com/abstract=139967 (дата обращения 15.07.2024).

8. Crier, Catherine. The Case Against Lawyers. Crown, 2003.
9. Crystal, Nathan M. Limitations on Zealous Representation in an Adversarial System (October 1997). Wake Forest Law Review, Vol. 32, No. 3. 1997. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ssrn.com/abstract=139967 (дата обращения: 15.07.2024).
10. Daicoff, Susan. Lawyer, Know Thyself: A Review of Empirical Research on Attorney Attributes Bearing on Professionalism, 46 Am. U. L.Rev. 1337, 1340 (1997).
11. Flynn, John J., Professional Ethics and the Lawyer's Duty to Self. Washngton University Law Quarterly [Vol. 1976:429 Number 3], 430.
12. Frankel, Marvin E. Search for Truth: An Umpireal View, 123 U Pa L. Rev. at 1038.
13. Freedman, Monroe H. Professional Responsibility of the Criminal Defense Lawyer: The Three Hardest Questions, 64 Mich. L. Rev. 1469 (1966).
14. Freeman, Milton V. Remarks, The Profession of Law is NOT on the Decline, 96 Dick. L. Rev. 149, 162-63 (1992).
15. Fuller, Lon L. The Morality of Law: Revised Edition. Yale University Press, 1989.
16. Gaetke, Eugene R., Expecting Too Much and Too Little of Lawyers, University of Pittsburgh Law Review, Vol. 67:693, 2006.
17. Galanter, Marc, Lawyers in the Mist: The Golden Age of Legal Nostalgia, 100 Dick. L. Rev. 549 (1996).
18. Gibbs, Penelope and Fionnuala Ratcliffe. Criminal defence in an age of austerity: Zealous advocate or cog in a machine? Transform Justice, July 2019. p. 03
19. Gillers, Stephen, Regulation of Lawyers 457-513 (6th ed. 2002) (NY Aspen).
20. Glendon, Mary Ann. A Nation under Lawyers: How the Crisis in the Legal Profession is Transforming American Society (1994) 35-39.
21. Haskell, Paul G., Why Lawyers Behave As They Do, Perseus (1998), 71.
22. Jeffrey, Bill, Sir. Independent criminal advocacy in England and Wales. A Review. May 2014.
23. Jones, Trina, Inadvertent Disclosure of Privileged Information and the Law of Mistake: Using Substantive Legal Principles to Guide Ethical Decision Making, 48 Emory L.J. 1255, 1260 (1999).
24. Kaufman, Irving. Does the Judge Have a Right to Qualified Counsel? 61 A.B.A. J. 569 (1975).
25. Kaye, Judith S. Women Lawyers in Big Firms: A Study in Progress Toward Gender Equality, 57 Fordham L. Rev. 111, 115 (1988).
26. Kronman, Anthony T. The Lost Lawyer: Failing Ideals of the Legal Profession (1993) 18.
27. Kubicek, Theodore L. Adversarial Justice: America's Court System on Trial. Algora Publishing, 2006.
28. Landsman, Stephan. The Adversary System: A Description and Defense, American Enterprise Institute for Public Policy Research, 1984.
29. Lawry, Robert P. The Central Moral Tradition of Lawyering, 19 Hofstra L. Rev. 311 (1990).
30. Levine, Samuel J. Faith in Legal Professionalism: Believers and Heretics, 61 Md. L.Rev. 217, 218-19 (2002).
31. Loder, Reed Elizabeth. Tighter Rules of Professional Conduct: Saltwater for Thirst?, 1 Geo. J. Legal Ethics 311, 311-12 (1987).
32. Luban, David. The Adversary System Excuse in The Good Lawyer: Lawyers' Roles and Lawyers' Ethics (David Luban ed) Totowa NJ: Rowman & Allanheld 83, 94 (1983).
33. Luban, David. *Lawyers and Justice.* Princeton: Princeton University Press, 1988.
34. McBarnet, Doreen. When Compliance is Not the Solution but the Problem: From Changes in Law to Changes in Attitude, in Taxing Democracy: Understanding Tax Avoidance and Evasion 229 (Valerie Braithwaite ed., 2003).
35. Meagher, William R. A Critique of Lawyers' Ethics in an Adversary System, 4 Fordham Urb. L.J. 289 (1976).
36. Menkel-Meadow, Carrie, The Trouble with the Adversary System in a Postmodern, Multicultural World, 38 Wm. & Mary L. Rev. 5 (1996).
37. Pound, Roscoe. «The Causes of Popular Dissatisfaction with the Administration of Justice». American Bar Association, The Twenty-Ninth Annual Meeting of the American Bar Association 11 (1906). 40 AM. L. REV. 729 (1926).
38. Report of the Joint Conference of the American Bar Association and the Association of American Law Schools on Professional Responsibility, 44 A.B.AJ. 1159, 1160 (1958).
39. Rooney, Michael J. Report on Professionalism; The ABA Attempts Suicide, 75 ILL. B.J. 480, 480 (1987).
40. Simon, William H. The Trouble with Legal Ethics, 41 J. Legal Educ. 65 (1991).
41. Solomon, Rayman L. Five Crises or One: The Concept of Legal Professionalism, 1925-1960, in Lawyers' Ideals/Lawyers' Practices, 173.
42. The Language of Law - Dictionary and Research Guide: Adversary System. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.123exp-law.com/t/03784053404/ (дата обращения: 15.07.2024).
43. Welsh, Lucy (2017) The effects of changes to legal aid on lawyers' professional identity and behaviour in summary criminal cases: a case study. Journal of Law and Society, 44 (4). pp. 559-585. ISSN 0263-323X. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://sro.sussex.ac.uk/id/eprint/69195/ (дата обращения: 15.07.2024).
44. Wendel, W. Bradley. The Bilateral Ethics of Narrative: Toward a General Theory of Deception in Lawyering (2003).
45. Wolfram, Charles W. Toward a History of the Legalization of American Legal Ethics-II The Modern Era, 15 Geo. J. Legal Ethics 205, 206-07 (2002).
46. Zacharias, Fred C. Specificity in Professional Responsibility Codes: Theory, Practice, and the Paradigm of Prosecutorial Ethics, 69 Notre Dame L. Rev. 223, 223 (1993).
47. Zacharias, Fred C. Reconciling Professionalism and Client Interests, 36 Wm. & Mary L. Rev. 1303, 1331-50 (1995).

ВНУКОВА Диана Рафиковна
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса, Санкт-Петербургский университет МВД России, полковник полиции

ШЕПЕЛЁВА Ольга Ринатовна
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, г. Санкт-Петербург

К ВОПРОСУ О СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЕ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

В статье рассматриваются проблемные аспекты, возникающие при реализации человеком и гражданином основного конституционного права на получение судебной защиты. Авторами проанализированы вопросы, связанные с разграничением элементов судебной защиты, особенностями обеспечения судебной защиты в уголовном, гражданском, административном, арбитражном судопроизводствах, поскольку, право на судебную защиту является неотъемлемым признаком правового государства.

Ключевые слова: правосудие, судопроизводство, судебная защита, соблюдение, права, свободы, человек, гражданин, гарантии, нормы, законность, обоснованность, справедливость, государственная власть.

VNUKOVA Diana Rafikovna
Ph.D. in Law, associate professor of Criminal process sub-faculty, St. Petersburg University of the MIA of Russia, colonel of police

SHEPELEVA Olga Rinatovna
Ph.D. in Law, associate professor of Criminal law and process sub-faculty, A. S. Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg

ON THE ISSUE OF JUDICIAL PROTECTION OF HUMAN AND CIVIL RIGHTS AND FREEDOMS

The article examines the problematic aspects that arise when a person and a citizen exercise the basic constitutional right to judicial protection. Authors analyzed issues related to the differentiation of elements of judicial protection, the specifics of providing judicial protection in criminal, civil, administrative, and arbitration proceedings, since the right to judicial protection is an integral feature of the rule of law.

Keywords: justice, judicial proceedings, judicial protection, observance, rights, freedoms, person, citizen, guarantees, norms, legality, validity, justice, state power.

Согласно ч. 2 ст. 45 Конституции РФ, каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом, поскольку человек и гражданин, его и права и свободы, являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита данных прав – обязанностью государства. Согласно ч. 1 ст. 46 Конституции РФ, одним из установленных законодательством способов защиты – является судебная защита прав и свобод человека и гражданина. Право на судебную защиту - это гарантия, предоставляемая государством каждому, для обеспечения, восстановления его прав, нарушенных физическими, юридическими лицами, решениями и действиями (бездействием) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественными объединениями и должностными лицами, путем осуществления правосудия.

Под судебной защитой понимается совокупность активных действий органов судебной власти, которая состоит в рассмотрении и разрешении дел, а также в контроле реализации итоговых решений суда и является одним из важнейших институтов и инструментов, направленных на соблюдение Конституции Российской Федерации, а также международных нормативно-правовых актов.

В этой связи, элементами судебной защиты является как, деятельность судов, в рамках разрешения, гражданских, административных, арбитражных, уголовных дел, так и, функционирование судебной системы в целом.

Все эти действия суда направлены на осуществление защиты прав и свобод человека и гражданина, а также оказания помощи в реализации конституционного права на участие в правосудии лично, в использовании закреплённых законодательством полномочий.

Все суды Российской Федерации входят в общую судебную систему и, только они могут реализовать право человека и гражданина на судебную защиту. Исключением является возможность обращения физического лица с заявлением о защите своих прав и интересов в межгосударственные органы, предусмотренная международными договорами Российской Федерации, закрепленная в ч. 3 ст. 46 Конституции РФ, в тех случаях, когда были полностью использованы все внутригосударственные возможности правовой защиты [1, с. 191].

Правосудие является законным только тогда, когда оно отвечает принципам справедливости, а также направлено на восстановление нарушенных прав и интересов личности. В Российской Федерации выработан правовой механизм, то есть процедуры, которые могут гарантировать законность, обоснованность и справедливость судебных решений.

Роль суда состоит в том, что он выступает независимым арбитром в системе государственной защиты прав личности, с правом и обязанностью безоговорочно разрешать имеющиеся противоречия.

Значимость права на получение защиты, посредством обращения в судебные органы настолько велика, что никто не может его ограничить либо запретить. Это право является одним из тех, которое не отменимо даже в условиях, военного или чрезвычайного положения и закреплено в ч. 3 ст. 56 Конституции РФ на основании Постановления Конституционного Суда РФ, 1995 года. Структурно, в право на получение защиты посредством обращения в органы судебной власти,

входит и получение надлежащей профессиональной правовой помощи.

Сферы правоотношений, в которых допускаются нарушения прав граждан и иных субъектов, многообразны, поэтому, законодатель принял во внимание, что права личности могут быть нарушены в различных областях её жизнедеятельности, поэтому, в ч. 2 ст. 118 Конституции РФ предусмотрено, что судопроизводство может быть осуществлено в административном, гражданском, арбитражном и уголовном порядке. Роль положения ст. 47 Конституции РФ заключается в том, что не субъект правоотношений выбирает суд или судью, а именно закон определяет порядок обращения за получением судебной защиты, поскольку, правила подсудности крайне важны, они помогают справедливо реализовывать права и интересы личности, не ограничивая при этом права других субъектов правоотношений.

Конституционный Суд РФ уже неоднократно и авторитетно заявлял о том, что правом на получение судебной защиты, нельзя ограничивать самостоятельный выбор субъектом процедуры подходящей ему судебной защиты, способами, гарантированными федеральным законодательством.

Иными словами, судебная защита является крайне важным, с практической точки зрения условием юридической защищённости человека и, в самом общем смысле, означает, что личности предоставляется обширный перечень конституционно закреплённых прав, которые подкреплены эффективным и отлаженным механизмом их осуществления.

Институт судебной защиты занимает основополагающее место в общем уровне юридической защищённости человека, и, зачастую, именно защита, путём обращения в судебные органы служит единственно возможным и действенным средством для защиты прав граждан. Например, в уголовном судопроизводстве институт реабилитации служит гарантией для лица, которое было незаконно осуждено, либо незаконно привлечено к уголовной ответственности. Также, это действенный инструмент и в гражданском судопроизводстве, где, только при помощи суда, можно установить отцовство, либо признать человека умершим или безвестно отсутствующим. Помимо названных, есть достаточно широкий ряд юридических фактов, установить которые возможно только судом.

Возвращаясь к уголовному судопроизводству необходимо отметить, что оно разрешает две задачи, равные по своей значимости и, способствующие соблюдению баланса конституционных положений. Первая задача состоит в защите субъектов от преступлений, а, вторая, в защите человека от незаконного обвинения (осуждения), либо ограничения его прав и свобод. На одной чаше весов находится презумпция невиновности, а на другой - права лица, состоящие в том, что его дело должно быть рассмотрено по подсудности, в ряде случаев и с участием суда присяжных заседателей [2, с. 44]. Также ст.ст. 47-51 Конституции РФ наделяют данных лиц сводом прав, гарантирующих им справедливое правосудие. При этом, крайне важно соблюсти и права противоположной стороны, а именно потерпевших, которые наделены гораздо меньшими правами. Основным правом потерпевшего, закрепленным ст. 52 Конституции РФ, является непосредственный доступ к правосудию, а также возмещение ему причиненного преступлением вреда [3, с. 28].

В соответствии с правовой системой Российской Федерации, как отрасль уголовного права, так и уголовно-процессуального, тесно связаны и взаимодействуют друг с другом, что также обусловлено положениями Конституции РФ, которые являются основными для уголовного судопроизводства при определении применяемых норм материального и процессуального права.

Полагаем, что, главным положительным аспектом современной Конституции РФ, служит принцип прямого действия, на основании которого, в ходе разрешения уголовного дела по существу, непосредственно используют нормы Конституции РФ. Данное положение закреплено и разъяснено в Постановлении Пленума ВС РФ ещё в 1995 году. Там указано, что непосредственное использование норм Конституции РФ является безусловным, в тех случаях, когда нет необходимости дополнительного регулирования, а также нет отсылок на возможности её использования при наличии иных федеральных законов.

Нормы Конституции РФ, в части уголовного судопроизводства играют значимую регулирующую роль, а, ее положения является важными с практической точки зрения, поэтому необходимо обратится к постановлениям Конституционного Суда РФ, благодаря которым разрушаются стереотипы, имеющие место в современной судебной системе.

К примеру, в соответствии с постановлением Конституционного Суда РФ, если был принят закон, улучшающий положение осужденного, то он имеет обратную силу и должен быть применён независимо от того, на какой стадии судопроизводства находится дело, и, не имеет значение, в чём именно будет состоять это улучшение положения лица. Даже, принимая во внимание то, что в Российской Федерации действует не прецедентная система права, Конституционный Суд РФ, возложил на законодателя обязанность, применять разумность процессуальных сроков для лиц, которые не имеет статуса подозреваемых (обвиняемых) или гражданских ответчиков в рамках уголовного судопроизводства.

С учётом того, что Российская Федерация стремится реализовать все положения международных нормативно-правовых актов в области защиты прав и свобод личности, Конституционный Суд РФ пришел к выводу, что итогом законодательной деятельности, направленной на решение коллизионного конфликта, возникающего между правом личности на свободу, и, обязанностью государственных органов, является возможность обращения за правосудием с целью защиты важных для социума ценностей.

Полагаем, что именно судебная защита является универсальным способом для охраны нарушаемых прав, а также свобод человека. Это положение подкрепляется доводами, которые состоят в том, что такая защита распространяется на любых субъектов, и, в законодательстве не установлены критерии лиц, которые могут обратиться за судебной защитой [4, с. 76]. Гражданство или безгражданство также не имеет значения при реализации данного права.

С точки зрения лексики положений Конституции РФ, где говорится о правах и свободах, которые можно защитить с помощью судебных органов применяют слово «каждый», что означает, что субъект неперсонифицирован. В Конституции РФ нет формализованных ограничений, относительно субъектного состава для использования данного способа защиты.

Согласно нормам российского права, в том числе, и Конституции РФ, судебное решение является обязательным для исполнения любым субъектом, которого касается данное решение, тем самым реализуются полномочия судебной власти.

Вторым аргументом, который можно привести для подтверждения данной позиции, является то, что в судебном по-

рядке возможно защитить любые права и свободы, которые есть у личности, причем, как обозначенные в Конституции или иных законах и подзаконных актах, так и те, которые не имеют юридической фиксации, но при этом, не противоречат их нормам. Также, право на получение защиты, посредством обращения в судебные органы, зафиксированное в действующем законодательстве, имеет высшую юридическую силу, служит прямо действующим, и не зависит от того, имеются ли подходящие для его осуществления процедуры.

Третий аргумент состоит в том, что на основании Пакта о гражданских и политических правах, государство должно предоставить для любого лица действенное средство юридической защиты, которое, должно быть представлено государством, даже если нарушение допустило должностное лицо, либо, представитель государственной или муниципальной власти.

В уголовном процессе данное положение проявляется в том, что лицо, может обжаловать, как не вступивший, так и, вступивший в законную силу приговор суда. Другими словами, право на судебную защиту заключается, в том числе, и в праве на защиту прав и законных интересов, как от незаконных действий законодательной и исполнительной ветвей власти, так и от аналогичных действий судебной власти, а, незаконный и необоснованный судебный акт означает отказ в судебной защите.

В качестве четвертого аспекта, который необходимо обозначить, является тот факт, что судебную защиту нельзя ограничивать ни в каких аспектах, даже в условиях чрезвычайного или военного положения. Такое положение обусловлено тем, что ограничение этого права не предусмотрено, Конституцией РФ и иным законодательством и служит одной из основ защиты и охраны конституционного строя, морали, здоровья, а также способствует защите прав и законных интересов участников правоотношений, а также поддерживает обеспечение безопасности государства.

В качестве ещё одной характерной черты судебной защиты, следует обозначить реализацию принципа независимости суда от иных органов государственной власти, поскольку, судебная защита служит, как действенным инструментом охраны нарушенных прав и свобод, так и, выступает гарантом для их осуществления.

Данное право, является гарантией эффективной реализации любыми государственными органами и их должностными лицами своих должностных обязанностей, когда их целью является защита прав и свобод человека. Иными словами, в качестве фактора, гармонизирующего социальные правоотношения, выступает гарантированная судебная защита.

С практической точки зрения, под судебной защитой понимают такую систему деятельности органов судебной власти, которая направлена на рассмотрение и разрешение ситуаций, а также принятия по ним законных решений, которые должны базироваться на нормах материального и уголовно-процессуального права. Постановление приговора, принятие мер по обеспечению иска, применение, либо отмена мер пресечения, вынесения частного определения – это, отдельные судебные действия, которые выполняют ключевую роль в деятельности любой судебной системы и реализуют разнообразные процессуальные аспекты. Таким образом, суд осуществляет защиту субъектов, участвующих в судебном разбирательстве, и поддерживает их право на принятие непосредственного участия при реализации правосудия, обеспечивая тем самым состязательность сторон.

Важной гарантией эффективности и законности судебной защиты, является возможность принятия участия в судебном процессе [5, с. 156]. Личное участие в отстаивании собственных прав и интересов является способом реализации права на судебную защиту.

Под правосудием принято понимать деятельность, осуществляемую судом, направленную на восстановление нарушенных преступным или противоправным деянием основных прав и свобод личности, а также превенцию любых правонарушений. Вероятно, ввиду этого, ряд авторов считает, что «правосудие» и «судебная защита» являются синонимами. Необходимо отметить, что в ст. 18 Конституции РФ, имеются некоторые предпосылки для такого вывода, поскольку имеет место тесная связь правосудия и судебной защиты. Это связь проявляется в том, что посредством правосудия, осуществляется судебная защита, а правосудие является способом реализации права на судебную защиту, то есть её формой. Но, нам представляется, что правосудие является более широким понятием, и судебная защита является одним из его элементов, при этом, являясь универсальным межотраслевым институтом.

Государство должно вырабатывать и формировать юридические механизмы ликвидации любых нарушений, которые допущены его органами и должностными лицами в ходе осуществлении уголовного и гражданского судопроизводства, гарантировать приоритет прав и свобод личности. Судебная защита является крайне важным, с практической точки зрения условием юридической защищённости человека, главной гарантией, которая предоставляется гражданину Российской Федерации, с тем, что бы он реализовал свои права и свободы. В самом общем смысле она означает, что личности предоставляется обширный перечень конституционно закреплённых прав, которые подкреплены эффективным и отлаженным механизмом осуществления. Всё вместе это формирует неприкосновенность личности в нашем государстве.

Пристатейный библиографический список

1. Гаврилов Б. Я. Роль законодательства уголовно-правового комплекса в обеспечении прав и свобод человека и гражданина // Государство и право. 2023. № 6. С. 191-192.
2. Головинская И. В., Крестинский М. В., Савельев И. И. Отдельные проблемы реализации конституционных и уголовно-процессуальных гарантий прав лиц в ходе производства по уголовным делам // Современное право. 2019. № 3. С. 42-46.
3. Матейкович М. С. Реализация конституционных норм и защита прав человека в отечественном уголовном судопроизводстве // Журнал российского права. 2018. № 5. С. 26-30.
4. Шанин А. А. Теоретические основы административной и судебной защиты прав человека в РФ // Вестник Евразийской академии административных наук. 2023. № 2 (63). С. 75-78.
5. Шаутаева Г. Х., Попова Л. В. О некоторых вопросах обеспечения прав личности в уголовном судопроизводстве // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. № 2 (69). С. 153-160.

ГЕРАСЕНКОВ Вадим Михайлович
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, теории и истории государства и права, Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского

МАЕВСКИЙ Сергей Сергеевич
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, теории и истории государства и права, Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского

ИНСТИТУТ ВОЗВРАЩЕНИЯ ПРОКУРОРОМ УГОЛОВНОГО ДЕЛА СЛЕДОВАТЕЛЮ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

В настоящей статье проводится анализ оснований возвращения уголовного дела прокурором следователю, а также рассматриваются нарушения уголовного и уголовно-процессуального законодательства, являющихся основанием для принятия указанного процессуального решения. Приводится обоснование того, что основанием возвращения прокурором уголовного дела следователю могут являться только существенные нарушения закона, допущенные при производстве следствия. В публикации приводятся доводы и аргументация необходимости закрепления в уголовно-процессуальное законодательство существенных нарушений при производстве расследования, которые будут являться основанием для принятия прокурором процессуального решения о возвращении уголовного дела следователю для производства дополнительного следствия, изменения объема обвинения или квалификации деяния.

Ключевые слова: возвращение прокурором уголовного дела следователю, уголовно-процессуальное законодательство, обвинительное заключение, квалификация содеянного, объем предъявленного обвинения, нарушения уголовно-процессуального законодательства, устранение выявленных недостатков, предварительное следствие, уголовно-процессуальный институт.

GERASENKOV Vadim Mikhaylovich
Ph.D. in Law, associate professor of Criminal law disciplines, theory and history of state and law sub-faculty, Academician I. G. Petrovsky Bryansk State University

MAEVSKIY Sergey Sergeevich
Ph.D. in Law, associate professor of Criminal law disciplines, theory and history of state and law sub-faculty, Academician I. G. Petrovsky Bryansk State University

THE INSTITUTE OF RETURN OF A CRIMINAL CASE BY THE PROSECUTOR TO THE INVESTIGATOR: THEORETICAL AND LAW ENFORCEMENT ASPECTS

This article analyzes the grounds for returning a criminal case by the prosecutor to the investigator, and also examines violations of criminal and criminal procedure legislation that are the basis for making the said procedural decision. It provides justification for the fact that the basis for returning a criminal case by the prosecutor to the investigator can only be significant violations of the law committed during the investigation. The publication provides arguments and reasoning for the need to enshrine in criminal procedure legislation significant violations during the investigation, which will be the basis for the prosecutor to make a procedural decision to return the criminal case to the investigator for additional investigation, change the scope of the charges or the qualification of the act.

Key words: return of a criminal case by the prosecutor to the investigator, criminal procedure legislation, indictment, qualification of the act, scope of the charge brought, violations of criminal procedure legislation, elimination of identified deficiencies, preliminary investigation, criminal procedure institute.

Уголовно-процессуальный институт возвращения прокурором уголовного дела следователю играет важнейшую роль в обеспечении прав и законных интересов участников уголовного процесса, законности проведенного расследования, и в конечном счете, обеспечивает поступлению в суд качественных материалов уголовного дела, что способствует постановлению судом законного, обоснованного и справедливого приговора. Как указывается в научной литературе, что среди участников уголовного процесса, обладающих правом осуществлять уголовное преследование, прокурор занимает ключевое положение, так как только ему предоставлено исключительное право направления уголовного дела в суд [2, с. 104]. Институт возвращения прокурором уголовного дела следователю призван обеспечивать надлежащее качество предварительного следствия, способствует наиболее полному собиранию доказательств в целях эффективного поддержания прокурором государственного обвинения в суде, позволяет минимизировать нарушения уголовного и уголовно-процессуального законодательства, допущенные при производстве предварительного следствия. Несмотря на то, что данный уголовно-процессуальный институт в достаточной степени исследован в науке уголовного процесса, отдельные аспекты оснований возвращения прокурором уголовного дела следователю требуют дальнейшего анализа и исследования.

Из анализа п. 2 ч. 1 ст. 221 УПК РФ следует, что основанием для возвращения прокурором уголовного дела следователю, является неполнота проведенного предварительного следствия либо неправильная квалификация совершенного преступления или неверный объем предъявленного обвинения, либо обвинительное заключение не соответствует требованиям уголовно-процессуального законодательства. В последнем случае, когда обвинительное заключение составлено с нарушением требований УПК РФ, представляется, что указанное основание возвращения прокурором уголовного дела следователю, должно быть закреплено отдельно в соответствующем пункте ч. 1 ст. 221 УПК РФ. Данное мнение основывается на том, что когда уголовное дело возвращается исключительно лишь для пересоставления обвинительного заключения, то это означает отсутствие неполноты про-

веденного следствия, а также свидетельствует о правильной квалификации содеянного и объеме обвинения. В указанном случае прокурор согласен с полнотой собранных по уголовному делу доказательств, квалификацией содеянного и объемом предъявленного обвинения, но возвращает уголовное дело лишь по причине того, что обвинительное заключение составлено с нарушением требований уголовно-процессуального законодательства. При возвращении дела по данному основанию следователю необходимо только пересоставить обвинительное заключение и привести его в соответствие с требованиями УПК РФ, не производя при этом каких-либо дополнительных следственных и процессуальных действий. При возвращении прокурором уголовного дела следователю в связи с неполнотой проведенного расследования, когда объем собранных доказательств недостаточен для поддержания обвинения в суде, а также на основании неправильной квалификации деяния или неверного объема предъявленного обвинения, влечет за собой, в любом случае, необходимость в проведении дополнительных следственных и процессуальных действий, а, следовательно, и пересоставление обвинительного заключения. Исходя из этого, необходимо основание возвращения прокурором уголовного дела следователю в связи с несоответствием обвинительного заключения требованиям уголовно-процессуального закона закрепить отдельно в ч. 1 ст. 221 УПК РФ. В связи с этим, предлагается в ч. 1 ст. 221 УПК РФ ввести п. 2.1 следующего содержания: «о возвращении уголовного дела следователю для пересоставления обвинительного заключения и устранения выявленных недостатков со своими письменными указаниями». И соответственно, из п. 2 ч. 1 ст. 221 УПК РФ исключить выражение «или пересоставления обвинительного заключения».

Представляется, что основаниями для возвращения прокурором уголовного дела следователю должны быть существенные нарушения уголовного и уголовно-процессуального законодательства, которые были допущены при производстве предварительного следствия. Как указывают ученые, что в уголовно-процессуальное законодательство необходимо закрепить основания возвращения прокурором уголовного дела следователю, к которым относятся существенные нарушения УПК РФ и неполнота проведенного расследования [1, с. 40]. В связи с этим, необходимо в УПК РФ закрепить перечень оснований, свидетельствующих о существенных нарушениях, допущенных при производстве расследования. В любом случае данные нарушения должны иметь неустранимый характер, которые препятствуют рассмотрению и разрешению уголовного дела в суде и фактически препятствовать вынесению по делу законного, обоснованного и справедливого решения. Такими нарушениями могут являться, например, нарушения или ограничения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства, которые являются основанием для признания полученных доказательств недопустимыми, в том числе, нарушения, связанные с собиранием и закреплением доказательств. Могут быть допущены и нарушения уголовного законодательства, в частности, связанные с неправильной квалификацией содеянного или неправильным применением норм общей части УК РФ.

Следует сказать, что могут быть допущены явно грубые нарушения положений уголовно-процессуального законодательства. К таким нарушениям могут относиться, например, когда предварительное расследование проведено без вынесения постановления о возбуждении уголовного дела или постановления о принятии уголовного дела к своему производству либо могут быть допущены нарушения подследственности, когда расследование преступления было произведено органом, не имеющим право его проводить, в том числе в случаях, когда произведено по уголовному делу дознание вместо предварительного следствия. Нарушения могут быть связаны и с тем, что предъявленное лицу обвинение не соответствует доказательствам, собранным при производстве по уголовному делу. Могут быть и ситуации, когда обвинение лица в совершении преступления, указанное в обвинительном заключении не соответствует обвинению, указанному в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого. Нарушения, допущенные при производстве расследования, могут быть связаны с непроизводством процессуальных действий, которые в обязательном порядке должны быть проведены либо с неучастием при производстве по уголовному делу субъектов, участие которых, является обязательным. В частности, в первом случае это, например, не назначение судебной экспертизы, производство которой является обязательным в соответствии со ст. 196 УПК РФ, а во втором отсутствие защитника, в случаях, когда его участие является обязательным согласно ст. 51 УПК РФ или отсутствие переводчика, когда подозреваемый (обвиняемый) не владеет либо в недостаточной степени владеет языком уголовного процесса.

К нарушениям, допущенным по окончании предварительного следствия могут относиться, например, когда обвиняемому или его защитнику не было представлено право на ознакомление с материалами уголовного дела либо обвиняемому не были доведены его права, предусмотренные ч. 5 ст. 217 УПК РФ. К таким нарушениям могут относиться и случаи, когда обвинительное заключение не подписано следователем или нет подписи руководителя следственного органа о согласовании обвинительного заключения.

К существенным нарушениям, как указывалось выше, можно отнести случаи, когда предъявленное обвинение не подтверждается собранными по делу доказательствами либо, когда обвинение, предъявленное в постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого, не соответствует обвинению, указанному в обвинительном заключении.

Таким образом, на основании изложенного, можно сделать вывод о том, что закрепление в уголовно-процессуальном законодательстве примерного перечня существенных нарушений, которые будут являться основанием для возвращения прокурором уголовного дела следователю, будет способствовать более эффективной практике применения данного уголовно-процессуального института. Необходимо также закрепить, что будет являться несущественными нарушениями, допущенными при производстве предварительного следствия, которые не влекут за собой возвращение уголовного дела следователю. Данные несущественные нарушения, по нашему мнению, должны устраняться в судебном разбирательстве уголовного дела, что будет исключать случаи необоснованного затягивания уголовного судопроизводства, обеспечивая разумный его срок.

К несущественным нарушениям, по мнению авторов, будут относиться нарушения, которые:

– не влияют на установление обстоятельств, входящих в предмет доказывания, которые предусмотрены в ст. 73 УПК РФ;

– не образуют неустранимых сомнений в достоверности собранных по уголовному делу доказательств;

– не повлекли за собой нарушение прав и законных интересов участников уголовного процесса, в том числе права на защиту.

Пристатейный библиографический список

1. Иванов Д. А., Муллагалеева Л. Р. Некоторые проблемы, возникающие при возвращении прокурором уголовного дела следователю для дополнительного следствия (на примере уголовных дел, расследованных следователями МВД) // Уголовное судопроизводство: проблемы теории и практики. - 2021. - № 2. - С. 38-42.
2. Ивушкина О. В., Назырова Н. А. Итоговые решения прокурора по уголовным делам, поступившим с обвинительным заключением // Сибирский юридический вестник. - 2024. - № 2 (105). - С. 103-111.

ЗАКИРОВА Эльвира Фариловна
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, Казанский филиал, Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева

ШАЙХУТДИНОВА Зухра Захрутдиновна
студент, Факультет подготовки специалистов для судебной системы (Юридический факультет), Казанский филиал, Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева

КУРАНОВ Александр Сергеевич
студент, Факультет подготовки специалистов для судебной системы (Юридический факультет), Казанский филиал, Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева

ПОНЯТИЕ МАТЕРИАЛЬНЫХ ЗАТРАТ И ИХ СОДЕРЖАНИЕ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Данная статья посвящена институту процессуальных издержек в уголовном судопроизводстве. Анализируется значение данного института для эффективного и справедливого отправления правосудия. Дано определение материальных затрат, выдвигается классификация процессуальных издержек в зависимости от вида расходов, а также порядок их исчисления и возмещения. Актуальность данного исследования заключается в том, что материальные затраты выступают неотъемлемым элементом уголовного процесса. При этом количество и виды таких расходов многообразны и зависят от конкретных обстоятельств уголовного дела.

Ключевые слова: материальные затраты, процессуальные издержки, расходы, уголовное судопроизводство, возмещение, исчисление.

ZAKIROVA Elvira Farilovna
Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Criminal law disciplines sub-faculty, Kazan branch, V. M. Lebedev Russian State University of Justice

SHAYKHUTDINOVA Zukhra Zakhrutdinovna
student, Faculty of Training of Specialists for the Judicial System (Faculty of Law), Kazan branch, V. M. Lebedev Russian State University of Justice

KURANOV Alexander Sergeevich
student, Faculty of Training of Specialists for the Judicial System (Faculty of Law), Kazan branch, V. M. Lebedev Russian State University of Justice

CONCEPT OF MATERIAL COSTS AND THEIR CONTENT IN THE CRIMINAL PROCESS

This article is devoted to the institution of procedural costs in criminal proceedings. The importance of this institution for the effective and fair administration of justice is analyzed. The definition of material costs is given, the classification of procedural costs depending on the type of expenses, as well as the procedure for their calculation and reimbursement are put forward. The relevance of this study lies in the fact that material costs are an integral element of the criminal process. At the same time, the number and types of such expenses are diverse and depend on the specific circumstances of the criminal case.

Keywords: material costs, procedural costs, expenses, criminal proceedings, compensation, calculation.

Уголовный процесс, как известно, представляет собой наиболее дорогостоящую сферу процессуальной деятельности. При этом спектр и объёмы затрат в данной области весьма разнообразны и определяются конкретными обстоятельствами каждого уголовного дела, тем не менее, их невозможно избежать и уголовное расследование всегда предполагает определённое количество материальных затрат. В связи с этим, в законодательстве предусмотрена возможность компенсации некоторых видов таких расходов за счёт участников уголовного судопроизводства.

Эти расходы регулируются законодательством и именуются материальными затратами. Они включают в себя расходы, которые в соответствии с законом должны быть покрыты участниками уголовного процесса и органами, участвующими в уголовном судопроизводстве, то есть процессуальные издержки, а также иные расходы.

Легальное определение материальных затрат, возникающих в ходе уголовного судопроизводства содержится в части 1 статьи 131 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Так, «процессуальными издержками являются связанные с уголовным судопроизводством расходы, которые возмещаются за счет средств федерального бюджета либо средств участников уголовного судопроизводства»[1]. Данное определение является достаточно широким и порождает ряд дискуссий среди учёных и правоприменителей.

Так, исходя из трактовки «связанные с уголовным производством расходы», возникает вопрос, какие расходы следует включать в данный перечень. Соответственно существует две точки зрения на данный вопрос.

1. «Узкое толкование, которое предполагает включение расходов, возникших только после возбуждения уголовного дела» [1], которого придерживается ряд процессуалистов, а именно В. Н. Григорьев, А. В. Победкин, В. Н. Яшин.

2. Второе толкование предполагает расширенный перечень процессуальных издержек и включает затраты, возникающие и до возбуждения уголовного дела. Так, по мнению Деришева В. Ю. «проверка сообщений о преступлении предусматривает осуществление достаточно обширного перечня следственных и иных процессуальных действий с затратными процедурами и широким кругом участников, аналогичным средствам стадии предварительного расследования, что требует и серьезных расходов» [2].

Наиболее полный перечень процессуальных издержек содержится в части второй статьи 131 Уголовно-процессуального кодекса. Следует отметить, что законодатель приводит перечень материальных затрат в несколько хаотичном порядке, что также порождает ряд мнений по их разграничению. Так, согласно позиции А. В. Смирнова и К. Б. Калиновского, «все расходы, образующие совокупность процессуальных издержек, необходимо разделить на три группы по критерию вида расходов: расходы, затраченные на обеспечение присутствия лиц, участвующих в процессе; расходы по возмещению затрат в отношении потерянного дохода или собственности; расходы на выплаты за исполнение поручений органов, ведущих дело» [5].

«В тоже время, по мнению Н. Савиной, также рассмотревшей данную концепцию, очевидно, что применение такой классификации процессуальных издержек, в основе которой используется такой изменяющийся родовой признак, как вид расходов, пронизывающий все категории издержек, не соответствует требованию логической полноты теории классификации. Соблюдение данного признака должно обеспечиваться выполнением соответствующего правила ло-

1 Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (УПК РФ) // СЗ РФ. - 2001. - № 52 (ч. 1). - Ст. 4921.

гического деления - адекватности (соразмерности) деления, т.е. когда «…объем делимого имени должен равняться сумме объектов членов деления» [4].

Так или иначе при наличии вольной классификации материальных затрат, существует возможность собственного разделения таких расходов на виды. Так, материальные затраты, возникающие в ходе уголовного судопроизводства, условно можно разделить на несколько категорий.

1. Расходы на явку участников процесса:

– расходы на проезд к месту проведения процессуальных действий и обратно;

– расходы на проживание (если участник процесса вынужден находиться в другом населенном пункте);

– суточные выплаты за время отвлечения от работы или обычных занятий.

2. Расходы на проведение экспертиз:

– оплату услуг экспертов и специалистов;

– расходы на использование оборудования и материалов, необходимых для проведения экспертиз.

3. Расходы на оплату услуг переводчика.

Если участник процесса не владеет языком судопроизводства, ему предоставляется переводчик. Расходы на оплату его услуг также относятся к процессуальным издержкам.

4. Расходы на хранение и пересылку вещественных доказательств.

Вещественные доказательства, изъятые в ходе расследования, требуют специальных условий хранения и транспортировки. Эти расходы также подлежат возмещению.

Так как данный перечень не является закрытым возникает наиболее обширная категория затрат, как иные расходы, связанные с производством по уголовному делу. К этой категории относятся любые другие затраты, необходимые для обеспечения процесса.

Исходя из обширности трактовки процессуальных издержек, данной законодателем и наличия открытого перечня таких расходов, возникает одна из проблем данного института, а именно проблема разрозненности нормативных актов, содержащих нормы, регулирующие данный вопрос и соответственно проблема отнесения тех или иных затрат к процессуальным издержкам, а, следовательно, и проблема возмещения данных расходов.

Например, данный вид расходов регламентируется Постановлением пленума Верховного суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. № 42 «О практике применения судами законодательства о процессуальных издержках по уголовным делам».

Так, «к иным расходам, связанным с производством по уголовному делу, относятся в частности затраты, непосредственно связанные с процессом сбора и исследования доказательств в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации. Например, это могут быть расходы, связанные с привлечением педагога, психолога или других специалистов для участия в следственных действиях. Кроме того, к таким расходам относятся подтверждённые соответствующими документами затраты других лиц, заинтересованных в исходе уголовного дела, в случаи, если они являются необходимыми и обоснованными»[2].

Также в данном постановлении указываются расходы, понесённые в ходе уголовного процесса, которые не являются процессуальными издержками и не полежат возмещению. Так, согласно статье 37 Федерального закона от 31 мая 2001 года № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» «материальные средства, потраченные в ходе проведения судебной экспертизы исключительно в государственных судебно-экспертных учреждениях, покрываются за счёт средств федерального бюджета или бюджетов субъектов Российской Федерации»[3].

Уголовное судопроизводство носит компенсационный характер и позволяет возместить преобладающую часть судебных расходов. «Механизм возмещения процессуальных издержек имеет сложную структуру и регламентируется не только уголовно-процессуальными нормами, а также нормами других отраслей права. Конституционные нормы провозглашают принципы, уголовно-процессуальные нормы устанавливают основания и порядок возмещения процессуальных издержек, а нормы гражданского, трудового, бюджетного и других отраслей права регулируют смежные отношения. Эти нормы определяют правила компенсации имущественных потерь в уголовном судопроизводстве, а также основания и условия возмещения таких расходов» [3].

Исчисление процессуальных издержек осуществляется на основании фактических затрат, которые подтверждаются документально. Основные этапы исчисления:

1. Определение состава издержек. Суд или следователь определяет, какие расходы необходимы для рассмотрения дела. Например, если требуется явка свидетеля из другого города, учитываются расходы на проезд и проживание.

2. Подтверждение расходов. Все расходы должны быть подтверждены документами (билеты, квитанции, акты выполненных работ и т.д.).

3. Расчет суммы издержек. На основании представленных документов рассчитывается общая сумма процессуальных издержек. При этом учитываются установленные законом нормы (например, размер суточных выплат).

4. Утверждение суммы издержек судом. Судья проверяет обоснованность заявленных расходов и утверждает окончательную сумму процессуальных издержек.

«Вопрос о взыскании процессуальных издержек решается при постановлении приговора (п. 13 ч. 1 ст. 299 УПК РФ). Принятие решения о взыскании (освобождении от взыскания) зависит, в том числе от категории дела, особенностей его рассмотрения (в общем либо особом порядке уголовного судопроизводства и др.), от категории лица, привлекаемого к уголовной ответственности, особенностей его физического и психического состояния, материального положения и пр. Соответственно, не исключена возможность получения работы в исправительном учреждении во время отбывания наказания и погашения задолженности перед государством[4].

Возмещение процессуальных издержек регулируется статьёй 132 УПК РФ и предполагает 2 основных источника финансирования данных расходов.

1. Возмещение процессуальных издержек за счёт средств федерального бюджета. Поскольку уголовное судопроизводство представляет собой функцию государства, направленную на защиту прав и законных интересов граждан, процессуальные издержки, связанные с рассмотрением уголовного дела, изначально покрываются за счёт государства. В случае если подсудимый был оправдан или дело было прекращено по реабилитирующим основаниям, процессуальные издержки компенсируются из средств федерального бюджета. Это служит гарантией защиты прав лиц, которые были необоснованно привлечены к уголовной ответственности.

2. Возмещение издержек осужденным. В случае вынесения обвинительного приговора суд может возложить обязанность по возмещению процессуальных издержек на осужденного. При этом учитывается имущественное положение осужденного и его способность возместить расходы.

Пристатейный библиографический список

1. Григорьев В. Н., Победкин А. В. Яшин В. Н. Уголовный процесс: учебник. - М.: Эксмо, 2005. - 832 с.
2. Деришев Ю. В. Институт процессуальных издержек: проблемы реализации и пути оптимизации // Уголовная юстиция. - 2021. - № 18. - С. 49-57.
3. Драничникова Н. В. Институт процессуальных издержек в системе уголовно-процессуального права и правоприменительной практике: автореферат диссертации кандидата юридических наук. - М., 2024. - С. 256.
4. Савина Н. Процессуальные издержки: некоторые проблемные вопросы правовой регламентации // Общество и право. - 2012. - № 11. - С. 147-149.
5. Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс: учебник. - М.: КНОРУС, 2015. - 455 с.

2 Постановление пленума Верховного суда Российской Федерации от 19.12.2013 № 42 «О практике применения судами законодательства о процессуальных издержках по уголовным делам» // Российская газета. - 2013. - № 294.

3 Федеральный закон от 31.05.2001 года № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // СЗ РФ. - 2001. - №23. - Ст. 2291.

4 Приговор Плесецкого районного суда Архангельской области от 21 октября 2020 по делу № 1-163/2020. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https:sudact.ru (дата обращения: 27.02.2025).

ЗАМУРУЕВА Елизавета Юрьевна
кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного процесса, Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ СТАТУС УЧАСТНИКОВ ДОСЛЕДСТВЕННОЙ ПРОВЕРКИ

В условиях современных изменений в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации, тема процессуального статуса участников доследственной проверки и реализации права на защиту приобретает особую значимость. Проведение доследственных проверок является ключевым этапом уголовного судопроизводства, на котором закладываются основы для последующего расследования и судебного разбирательства. Однако, несмотря на важность этого этапа, существует множество правовых и практических пробелов, которые затрудняют эффективную защиту прав участников процесса. Актуальность исследования обусловлена необходимостью повышения правовой определенности и защиты, конституционных прав граждан на этапе проверки сообщений о преступлении.

Ключевые слова: доследственная проверка, защитник, адвокат-защитник, проверка сообщения о преступлении, процессуальный статус лиц.

ZAMURUEVA Elizaveta Yurjevna
Ph.D. in Law, senior lecturer of Criminal process sub-faculty, V. V. Lukyanov Oryol Law Institute of the MIA of Russia

PROCEDURAL STATUS OF PARTICIPANTS IN PRE-INVESTIGATION CHECKS

In the context of modern changes in the criminal procedure legislation of the Russian Federation, the topic of the procedural status of participants in pre-investigation checks and the implementation of the right to defense is of particular importance. Conducting pre-investigation checks is a key stage of criminal proceedings, which lays the foundation for subsequent investigation and trial. However, despite the importance of this stage, there are many legal and practical gaps that complicate the effective protection of the rights of participants in the process. The relevance of the study is due to the need to increase legal certainty and protect the constitutional rights of citizens at the stage of checking reports of a crime.

Keywords: pre-investigation check, defense attorney, defense attorney, checking a report of a crime, procedural status of persons.

В современной юридической науке, касающейся уголовно-процессуального права, этап, предшествующий официальному расследованию, называемый доследственной проверкой, широко признан как отдельный и автономный этап в рамках уголовного судопроизводства. Стратегическую важность доследственной проверки в рамках уголовно-процессуального законодательства трудно переоценить. Действия и меры, предпринятые на этом предварительном этапе, играют ключевую роль в формировании траектории последующей уголовно-процессуальной динамики, инициируемой сообщениями о преступлениях. Эти основополагающие мероприятия играют важную роль в определении процессуального курса и влияют на развитие правовых отношений. Тем не менее, при решении вопроса о необходимости возбуждения уголовного дела или отказе в возбуждении, возникает ряд проблем, которые проявляются как на практике, так и в теории [6, с. 47-51]. Среди них важный вопрос связан с определением процессуальных ролей и статусов лиц, участвующих при проверки сообщений о преступлениях.

Эта тема является предметом оживленных дискуссий, как среди ученых-юристов, так и среди практиков, что отражает ее сложность и значимость. Процессуальные нормы, регулирующие роли данных участников, изложены в части 1.1 статьи 144 УПК РФ. В этом положении описаны права и обязанности лиц, участвующих в процессе проверки. Основные права включают защиту от самооговора, право на юридическое представительство и право оспаривать процессуальные решения и действия. Эти права сформулированы для защиты интересов участников, тем самым гарантируя, что процесс проверки не только соответствует юридическим стандартам, но и уважает права личности в рамках уголовной юриспруденции.

В ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ закрепляется необходимость разъяснения прав и обязанностей лицам, участвующим в производстве процессуальных действий при проверке сообщений о преступлении. Что касается понятых, специалистов, экспертов и переводчиков, то вопросов в этой части не возникает, в силу закрепления их процессуального статуса в УПК РФ. Они находятся соответственно в ст. ст. 60, 58, 57 и 59 УПК РФ. Что же касается других участников доследственной проверки: лиц, пострадавших от преступления; лиц, причастных к совершению преступления; лиц, которым что-либо известно о совершении преступления, то здесь возникает определенная сложность с выполнением данного требования закона о разъяснении им их прав и обязанностей. При детальном изучении данной статьи выявляется законодательный пробел, касающийся процессуального статуса лиц, участвующих в доследственных проверках. Этот пробел порождает ряд сложных вопросов, связанных с их процессуальными правами и обязанностями, которые остаются неопределенными без конкретных законодательных указаний.

Демографический состав лиц на начальном этапе оценки сообщений о преступлениях отличается значительным разнообразием. Подробное изучение раздела II УПК РФ наряду со статьей 144 УПК РФ, позволяет разделить этих лиц на отдельные группы в зависимости от их ролей и взаимодействия в рамках уголовно-процессуальной системы.

Условно их можно поделить на пять групп. К первой группе относятся должностные лица, осуществляющие предварительную проверку сообщения о преступлении – сотрудники правоохранительных органов. Эта группа, в силу своего состава, не включает частных обвинителей, гражданских истцов и их представителей — субъектов, включенных в главу 6 УПК РФ, - из-за невозможности выполнения своих функций на этапе проверки сообщения о преступлении.

Ко второй группе следует отнести тех лиц, которые непосредственно столкнулись с преступными деяниями. Это касается не только жертв, сообщающих о подобных действи-

ях, но и тех, от чьего имени подаются сообщения о преступлении – заявители.

Полагаем, что третья категория должна включать лиц, потенциально связанных с совершением противоправных действий. Как отмечает А. А. Давлетов, подвергнутое проверке лицо, находящееся под пристальным вниманием проверочных мероприятий, часто воспринимается как подозреваемое в причастности к преступлениям [1, с. 62]. Важно отметить, что эти лица не могут быть отнесены к категории подозреваемых. УПК РФ определяет конкретные предпосылки приобретения статуса подозреваемого. В этом контексте более уместным представляется использование термина «лицо, в отношении которого осуществляется проверка сообщения о преступлении». Хотя такие лица вовлечены в уголовно-процессуальную деятельность, они не обладают необходимыми признаками для назначения их подозреваемыми, как это предусмотрено статьей 46 УПК РФ. Примечательно, что во время предварительных проверок эти лица действительно вызывают подозрения правоохранительных органов в отношении их причастности к незаконной деятельности.

В четвертую группу должны быть включены лица, обладающие информацией, имеющей отношение к преступлению. В стадии предварительного расследования эти лица будут иметь статус свидетелей. Термин «очевидец» часто используется в юридическом дискурсе для описания лица, непосредственно осведомленного о преступном деянии.

И, наконец, пятая группа в рамках доследственной проверки должна состоять из лиц, которые помогают в процессе фактологического обоснования сообщений о преступлениях. В эту группу могут входить эксперты, специалисты-криминалисты, переводчики, осуществляющие содействие органам при определении наличия или отсутствия оснований для возбуждения уголовного дела.

Однако стоит отметить, что в четвертую группу также необходимо добавить адвоката, который будет представлять интересы лица до возбуждения уголовного дела.

Правовед А. П. Рыжаков предполагает, что любое действие или решение, ограничивающее способность человека в полной мере осуществлять свои права и свободы, независимо от последующих последствий таких мер, представляет собой нарушение [2]. Крайне важно оценить объем и реализацию процессуальных прав на каждом этапе процесса расследования уголовного дела, гарантируя, что право на юридическую помощь является не просто процессуальной формальностью, а существенным правом, которое быстро и эффективно реализуется.

В ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ содержится перечень следственных и процессуальных действий, направленных на установление степени причастности лица к предполагаемой преступной деятельности. Эти действия включают в себя целый спектр мер, таких как получение объяснений, получение образцов для сравнительного анализа, конфискация и извлечение документов и предметов, назначение и проведение судебно-медицинских экспертиз, осмотр мест, документов и останков физических лиц, а также проведение проверок документов, аудитов и экспертиз.

По мере активизации этих процессуальных действий, особенно в результате применения мер, которые фактически ограничивают свободу человека и нарушают его личную неприкосновенность, – мер, которые потенциально могут привести к фактическому задержанию, - на первый план выходит вопрос о процессуальных правах. Крайне важно точно определить момент, когда вступает в силу обязательство по предоставлению возможности юридической помощи лицу [4, с. 104].

С одной стороны, упоминание в ст. 49 УПК РФ лица, в отношении которого проводится проверка в порядке ст. 144 УПК РФ, позволяет сделать вывод о том, что защитник может участвовать и в стадии возбуждения уголовного дела, и действия ст.ст. 49-53 УПК РФ распространяются на проверку сообщений о преступлении. Подобной концепции придерживается и Верховный Суд РФ, который в постановлении Пленума ВС РФ № 29 [3] упоминает о защитнике обвиняемого, а к понятию «обвиняемый» в контексте данного документа отнесены и лицо, в отношении которого осуществляются затрагивающие его права и свободы процессуальные действия по проверке сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ, и любое иное лицо, права и свободы которого существенно затрагиваются.

С другой стороны, в ч. 1.1. ст. 144 УПК РФ говорится не о защитнике как участнике уголовного судопроизводства, а об адвокате, «защищающем» лицо (представляющем интересы лица), в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении. Если сравнивать понятия адвоката и защитника, то видно, что по закону эти понятия не идентичны. Понятие защитника шире понятия адвоката. Защитниками могут быть как адвокат, так и один из близких родственников подозреваемого или обвиняемого, а также лицо, о допуске которого ходатайствуют они (ч. 2 ст. 49 УПК РФ). Объем процессуальных возможностей данной фигуры на этапе доследственной проверки, как уже отмечалось, до настоящего времени уголовно-процессуальным законом не определен. Полномочия такого адвоката лежат вне процессуальной сферы.

При изучении субъектов, задействованных в рамках уголовного судопроизводства на этапе предварительной оценки сообщений о преступлениях, возникает сложная ситуация, требующая законодательного урегулирования. Такие участники проверки сообщения о преступлении, как «заявитель», «лицо, в отношении которого осуществляется проверка сообщения о преступлении», «очевидец», «адвокат» не имеют процессуальных статусов.

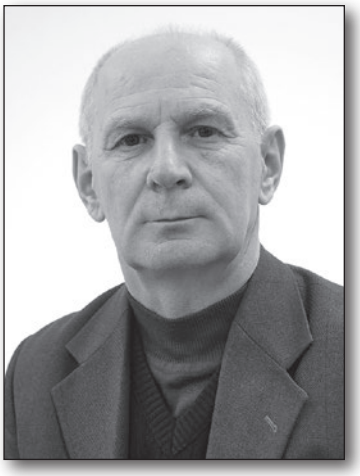
Более того, установление четких правовых норм, регулирующих роли на начальных этапах, могло бы существенно повысить процессуальную эффективность и устранить неясности, которые в настоящее время присутствуют на ранних этапах уголовного судопроизводства.

Пристатейный библиографический список

1.
2. Давлетов А. А. Проблема статуса заподозренного лица в стадии возбуждения уголовного дела // Российский юридический журнал. - 2015. - № 4. - С. 61-67.
3. Наумов К. А. О праве на защиту лица, в отношении которого проводится доследственная проверка // Вестник Омской юридической академии. – 2016. - № 4 (33). - С. 101-106.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве». [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
5. Рыжаков А. П. У лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, может быть защитник. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».
6. Шадрин В. Судьба стадии возбуждения уголовного дела // Законность. - 2015. - № 1. - С. 47-51.

КОЧЕСОКОВ Рустам Хажмударович
преподаватель кафедры огневой подготовки, Северо-Кавказский институт повышения квалификации (филиал), Краснодарский университет МВД России, майор полиции

ДИКИНОВ Андзор Хасанбиевич
доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник управления научных исследований и инновационной деятельности, Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х. М. Бербекова, г. Нальчик

Кочесоков Р. Х.

Дикинов А. Х.

ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Экономические преступления являются одним из распространенных видов преступлений в Российской Федерации (РФ). В условиях цифровизации экономики повысилось количество преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий, что требует особого внимания со стороны государства. Экономические преступления представляют угрозу для национальной безопасности государства, так как экономический сектор является важнейшим компонентом, определяющим уровень развития государства. Безопасность экономики является одним из приоритетных направлений реализуемой государственной политики в современных условиях, учитывая санкционное давление на экономику России. В связи с чем является актуальным выявление особенностей расследования экономических преступлений и поиск методов совершенствования расследований преступлений данного вида. Экономические преступления имеют свои специфические особенности, которые требуют применения специальных методов и механизмов расследования и наличия у следователей, дознавателей знаний по экономике. Особого внимания при расследовании требует проведение исследований документации, в частности это исследование бухгалтерских отчетов и первичных документов, понимание которых требует наличия глубоких знаний в данной отрасли. Однако, решение данной проблемы требует системного подхода и разработки новых механизмов совершенствования системы противодействия преступлениям в экономической сфере.

Ключевые слова: экономика, экономические преступления, контроль, бухгалтерский учет, финансы, проверка, экспертиза, процессуальные действия, предпринимательская деятельность.

KOCHESOKOV Rustam Khazhmudarovich
lecturer of Firearms training sub-faculty, North Caucasian Institute for Advanced Studies (branch), Krasnodar University of the MIA of Russia, major of police

DIKINOV Andzor Khasanbievich
Ph.D. in economical sciences, professor, leading researcher of the Department of Scientific Research and Innovation, Kh. M. Berbekov Kabardino-Balkaria State University, Nalchik

PECULIARITIES OF INVESTIGATION OF ECONOMIC CRIMES IN THE RUSSIAN FEDERATION

Economic crimes are one of the most common types of crimes in the Russian Federation (RF). In the context of digitalization of the economy, the number of crimes committed using information technology has increased, which requires special attention from the state. Economic crimes pose a threat to the national security of the state, since the economic sector is the most important component that determines the level of development of the state. Economic security is one of the priority areas of the implemented state policy in modern conditions, given the sanctions pressure on the Russian economy. In this regard, it is relevant to identify the features of the investigation of economic crimes and search for methods to improve the investigation of crimes of this type. Economic crimes have their own specific features that require the use of special methods and mechanisms of investigation and the presence of knowledge of economics among investigators and inquirers. Particular attention during the investigation requires the study of documentation, in particular, this is the study of accounting reports and primary documents, the understanding of which requires deep knowledge in this industry. However, solving this problem requires a systematic approach and the development of new mechanisms to improve the system of combating crimes in the economic sphere.

Keywords: economics, economic crimes, control, accounting, finance, inspection, examination, procedural actions, entrepreneurial activity.

В Российской Федерации особой категорией среди преступлений являются экономические преступления. Совершение преступных действий в экономическое сфере осуществляется посредством использования специфических методов, что необходимо учитывать в процессе расследования экономических преступлений. Экономические преступления являются существенной угрозой для безопасности государства, в связи, с чем и наблюдается активизация работы контролирующих и правоохранительных органов. Повышение внимания к экономическим преступлениям объясня-

ется и изменениями, которые происходят в экономической сфере, в частности это процессы цифровизации, которые способствовали появлению новых видов преступлений и механизмов совершения преступных действий экономического характера. Происходит качественное изменение преступности в экономической сфере и соответственно данные процессы сопровождаются повышением степени опасности для общества и государства [6, с. 156].

Главным гарантом безопасности экономических субъектов является государство. Основными функциями государства в части обеспечения безопасности предпринимательской деятельности являются:

– создание надежной нормативно-правовой базы, которая регулирует коммерческую деятельности и обеспечивает ее безопасность;

– включение безопасности коммерческой деятельности в систему обеспечения общего правопорядка, который обеспечивает соответствующими учреждениями и органами;

– обеспечение функционирования правового механизма, который координирует деятельность обозначенных органов с деятельностью иных государственных и коммерческих субъектов.

Развитие преступных действий также является следствием развития экономической сферы России, но также происходящие процессы приводят к совершению преступных действий не исключительно экономической направленности. Совершение преступных деяний в экономической сфере производится с использованием значимых финансовых ресурсов, иногда финансовые средства используются в целях совершения других видов уголовно-наказуемых правонарушений. К такому роду преступным деяниям относятся террористические акты, развитие бандитизма, осуществление незаконного захвата бизнеса и т.д. Экономическая сфера отличается высокой прибыльностью и наличием большого количества ресурсов, что является одной из причин повышенной привлекательности экономической сферы для преступных элементов и объединений [2, с. 37].

Экономические преступления требуют особого подхода в процессе их расследования правоохранительными органами, так как они отличаются по определенному перечню характерных черт от других видов уголовных преступлений. Отличительными составляющими преступлений в экономической сфере являются эти характеристики. Наличие характерных особенностей объясняется тем, что экономические преступления совершаются в рамках профессиональной деятельности, осуществляемой в ракурсе организации и ведения коммерческо-предпринимательской деятельности. Особенными являются и условия совершения экономических преступлений, которые совершаются в условиях развития и преобразований экономической сферы.

Основная цель экономических преступлений состоит в присвоении экономических благ, используя экономические механизмы и рычаги в сферах развития экономики, для которых характерно наличие узких мест проводимой государством экономической политики. Другой особенностью экономических преступлений является отсутствие коммуникации с жертвами мошенничества. Экономические субъекты, обладающие определенным уровнем доверия среди населения, в основном и склоны к совершению преступных действий в экономической сфере. К использованию или хищению объектов экономической деятельности следует относить экономические преступления. Применение действий насильственного характера несвойственно для экономических преступлений, насильственный характер могут иметь преступления, которые финансируются преступными организациями в сфере экономической деятельности.

Противодействие экономическим преступлениям государство осуществляет через правоохранительную систему. В соответствии с российским законодательством проводятся соответствующие следственные мероприятия по расследованию экономических преступлений [4, с. 130].

В организации следственных мероприятий в области противодействия экономическим преступлениям принимают участие дознаватели и следователи в рамках семи государственных ведомств Российской Федерации. По мнению некоторых исследователей наиболее рациональным является учреждение в России одного органа, на который будут возложены функции по регулированию и внедрению мероприятий следственного характера в сфере преступной экономической деятельности. Высказаны предположения, что применения данного подхода приведет к положительным результатам функционирование единого органа, который будет в полной мере выполнять положения современного российского законодательства в сфере противодействия преступности в экономическом секторе.

Расследование преступлений, совершаемых в экономической сфере, имеет свои особенности, которые необходимо рассмотреть более детально. На этапе выявления экономических преступлений осуществляется формирование доказательной базы по большинству экономических преступлений, также проводится и криминалистическая деятельность, направленная на сбор информационных источников и доказательств. Отличительной особенностью современных экономических преступлений является применение хорошо замаскированных способов. Многие сотрудники правоохранительных органов не имеют достаточных знаний и опыта, также не привлекают к расследованию специалистов по экономике, что позволило бы решить определённые проблемы, возникающие в процессе расследования экономических преступлений. Криминалистические проблемы в их последующем расследовании возникают в момент выявления преступлений в экономической сфере преступлений [7, с. 64].

Методики выявления эконмических преступлений в обязательном порядке включают действия по сбору доказательств. В целях совершения данных действий такие процедуры как ревизии, выемки документов и специальные экспертизы должны быть встроены в механизмы выявления экономических преступлений.

Доследственная проверка, которая направлена на первичное документирование признаков преступления, т.е. исследование финансово-хозяйственной деятельности юридического или физического лица составляет основу выявления преступлений, совершаемых в экономической сфере.

Проведение той или иной разновидности судебно-экономической экспертизы, а именно в сфере экономических преступлений: бухгалтерской, налоговой, финансово-аналитической, финансово-кредитной является рациональным и эффективным действием, позволяющим обнаружить преступления, способы и следы его совершения. Аналитические и технические инструменты оперативно-розыскной деятель-

ности, которые сопровождаются криминалистическими мероприятиями получения доказательств и их источников, должны быть важнейшим элементом методик расследования экономических преступлений. Для государства в лице его органов выявление экономических преступлений является не только задачей правоохранительных органов, а также необходимой мерой, обеспечивающей безопасность законных интересов для различных субъектов экономической деятельности. Для сотрудников правоохранительных органов, специалистов служб экономической безопасности, внутреннего аудита, ревизоров различных экономических субъектов значимыми являются методы обнаружения экономических преступлений.

Эффективность расследования экономических преступлений зависит от уровня профессиональной подготовки следователей. Следователь при расследовании преступлений в экономической сфере должен обратить внимание на ряд обстоятельств:

1. Необходимо исследование бухгалтерских документов, позволяющих определить состояние имущества, обязательств и капитала экономических субъектов в денежном эквиваленте.

2. Следует проводить детальное исследование обязательств по исчислению налогов и сборов в целях определения состояния и изменения налоговых обязательств.

3. В целях определения состояния и динамики изменения финансовых показателей исследовать финансовые результаты и, в общем, финансовое состояние экономических субъектов.

4. Исследование стоимости в целях определения рыночных и иных видов стоимости, а также ее изменений [5, с. 2].

При производстве оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий важнейшим условием является обеспечение сохранности и своевременного изъятия документации, которая содержит информацию об экономической деятельности. Экономическая документация содержит до 90 % данных, которые формируют предмет доказывания по преступлениям в экономической сфере. Кроме того, необходим экспресс-анализ экономической и иной информации о преступлении, установление всех субъектов, входящих в схему совершения преступления. На основе изъятых и приобщенных к уголовному делу документов, содержащих данные о финансово-хозяйственной деятельности, производятся предъявление обвинения и допрос обвиняемого, назначение судебных экспертиз. Специалисты отмечают, что в целях повышения качества расследования и выявления экономических преступлений с учетом их особенностей необходимо создание отдельной специализированной службы по расследованию преступлений экономического характера, к примеру, это может быть «экономическая полиция». Создание специальной службы требует комплексного подхода, который обеспечить эффективность ее деятельности по противодействию экономическим преступлениям. Особого внимания требуют вопросы подготовки сотрудников для работы в специальной службе, так как они должны обладать знаниями в юриспруденции, экономике, финансов, т.е. необходимо наличие юридического им экономического образования.

Таким образом, преступления в экономической сфере отличаются сложностью, которая обусловлена не только большим объемом проведения следственных и процессуальных действий, длительным сроком расследования, но и качеством расследования. В связи с этим отдельной службы «экономической полиции» является рациональным. Сотрудники специальной службы будут не только производить расследования преступлений на высоком уровне, но и выявлять новые латентные преступления, что позволит в целом повысить уровень экономического развития России.

Пристатейный библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.02.2025). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Абазов А. Б Уголовная ответственность за экономические преступления: современное состояние и перспективы развития // Пробелы в российском законодательстве. - 2024. - Т. 17, № 4. - С. 36-40.
3. Вольдимарова Н. Г. Актуальные проблемы уголовной ответственности за экономические преступления: монография. - Москва: Проспект, 2020. - 55 с.
4. Карев А. Г. Скрытые неправомерные экономические потери, обусловливающие экономические преступления, методы их выявления и предупреждения // Вестник экономической безопасности. - 2022. - № 6. - С. 129-135.
5. Кочкина И. Д. Экономические преступления и легализация их доходов через банковскую систему России // Бизнес и общество. - 2023. - № 4 (40). - С. 1-5.
6. Сергеева Д. А Экономические преступления как угроза экономической безопасности государства // Тенденции развития науки и образования. - 2024. - № 116-7. - С. 156-159.
7. Устинова Т. Д., Рубцова А. С. Экономические преступления: учебное пособие. - Москва: Проспект, 2021. - 174 с.

ЛИФАНОВА Лилия Геннадьевна
кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики, Ставропольский филиал, Краснодарский университет МВД России

ГАУЖАЕВА Виктория Александровна
кандидат юридических наук, доцент кафедры специально-технической подготовки, Северо-Кавказский институт повышения квалификации (филиал), Краснодарский университет МВД России, полковник полиции

РЕАЛИЗАЦИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ САНКЦИИ В ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

Любое правонарушение служит основанием для реализации юридической ответственности. Являясь важнейшим социальным институтом, ответственность предназначена обеспечивать поведение людей в соответствии с существующими нормами права. Уголовно-процессуальная ответственность - гарантия выполнения процессуальных обязанностей всеми субъектами уголовного судопроизводства, конкретизированная в санкции нормы. В статье авторами анализируются вопросы о месте санкции в уголовно-процессуальном законодательстве, сущности и субъектах уголовно-процессуальной ответственности, юридических последствиях несоблюдения требований уголовно-процессуального закона.

Ключевые слова: уголовно-процессуальный закон, структура уголовно-процессуальной нормы, уголовно-процессуальная ответственность, санкция нормы уголовно-процессуального закона, субъекты процессуальной ответственности.

LIFANOVA Liliya Gennadjevna
Ph.D. in Law, associate professor, professor of Criminology sub-faculty, Stavropol branch, Krasnodar University of MIA of Russia

GAUZHEVA Viktoriya Alexandrovna
Ph.D. in Law, associate professor of Special technical training sub-faculty, North Caucasus Institute of Advanced Training (branch), Krasnodar University of the MIA of Russia, colonel of police

IMPLEMENTATION OF CRIMINAL PROCEDURAL SANCTIONS IN THE LAW ENFORCEMENT PROCESS

Any offense serves as the basis for the implementation of legal responsibility. Being the most important social institution, responsibility is designed to ensure people's behavior in accordance with existing legal norms. Criminal procedural responsibility is a guarantee of the fulfillment of procedural duties by all subjects of criminal proceedings, specified in the sanction of the norm. In the article, the authors analyze the issues of the place of sanctions in the criminal procedure legislation, the essence and subjects of criminal procedural responsibility, the legal consequences of non-compliance with the requirements of the criminal procedure law.

Keywords: criminal procedure law, structure of the criminal procedure norm, criminal procedural responsibility, sanction of the criminal procedural law norm, subjects of procedural responsibility

Правовым последствием невыполнения обязанностей, обозначенных в норме Уголовно-процессуального закона РФ, может явиться применение к нарушителю мер государственного воздействия, вид и размер которого не всегда обозначен в самой статье УПК РФ. Уголовно-процессуальная ответственность тесно связана с уголовной ответственностью (глава 31 УК РФ), гражданской ответственностью, а также регулируемой нормами иного отраслевого законодательства.

Ввиду отсутствия четкой конкретности относительно неблагоприятных последствий к субъекту, допустившему нарушение требований УПК РФ, может сложиться ошибочное мнение об отсутствии санкции в норме уголовно-процессуального законодательства. Однако, как обоснованно подчеркивается в юридической литературе, санкции в уголовно-процессуальном законодательстве формулируются в различных структурных элементах нормативного правового акта. В числе этих санкций выделяются те, которые включают меры воздействия на правонарушителей (основная цель их применения - меры процессуальной ответственности), меры восстановления законности, нарушенных прав и законных интересов (меры защиты), а также меры обеспечения (пресечения) [1, с. 62].

Традиционно санкция уголовно-процессуального законодательства рассматривается как предписание мер государственного принуждения, применяемых в случаях несоблюдения установленных уголовно-процессуальными нормами обязательств [2, с. 22]. Точное значение термина подразумевает наличие юридически закрепленной возможности (или угрозы) принудительных действий в отношении лица, которое обязано следовать установленным нормам, в случае невыполнения им соответствующих обязанностей [3, с. 130-131]. Реализация санкции фактически воплощает уголовно-процессуальную ответственность указанного субъекта, выражаемую в негативных последствиях. Санкция определяет меру и характер такой ответственности, устанавливая ее границы.

По мнению Зелениной О. А. расширительное понимание уголовно-процессуальной ответственности сводится к следующим аспектам:

- это процессуальная обязанность, возлагаемая на участника вследствие совершения им противоправного действия, выражающаяся в различных формах, включая психоэмоциональные переживания и страдания, обусловленные общественным осуждением его незаконной деятельности (например, привлечение к уголовной ответственности по ст. 307 УК РФ);

- имущественные лишения. В результате противоправного деяния обвиняемого возможно применение финансовых санкций в отношении, как самого правонарушителя, так и иных субъектов уголовного процесса (например, поручителей в соответствии с ч. 4 ст. 103 УПК РФ). Помимо денежных взысканий, объектами таких санкций могут выступать недвижимое имущество, материальные ценности, а также ценные бумаги, допущенные к открытому обороту на территории Российской Федерации (ст. 106 УПК РФ);

- ограничение или лишение свободы передвижения и личной неприкосновенности участника уголовного процесса (применение мер пресечения либо удаление из зала суда при нарушении порядка судебного заседания и другие меры) [4, с. 71].

Иными словами, санкции в уголовном судопроизводстве направлены на осуждение правонарушителя путем наложения на него дополнительной обязанности претерпевать лишения или ограничения личного, имущественного либо организационного характера [5, с. 70].

Приведенное понимание природы санкций и уголовной ответственности направлено на участников уголовного судо-

производства, вовлеченных в сферу уголовно-процессуальных отношений. Вопрос о включении следователей, дознавателей, прокуроров, судов и других властных представителей уголовного процесса в число субъектов уголовно-процессуальной ответственности остается предметом дискуссии.

Согласно точке зрения Д. А. Липинского, деятельность должностных лиц органов предварительного следствия и суда не подлежит регулированию через функцию уголовно-процессуальной ответственности и регулируется уголовно-процессуальным правом в целом [6, с. 261-264].

Г. Н. Ветрова рассматривает в качестве субъектов уголовно-процессуальной ответственности всех участников уголовно-процессуальных отношений, в том числе следователя, защитника подозреваемого (обвиняемого) и др. По мнению указанного автора, меры ответственности – это реакция на уголовно-процессуальное правонарушение, виновно допущенное субъектом уголовного судопроизводства, содержащее в себе нарушение требований уголовно-процессуального закона [7, с. 95].

Вторая позиция представляется более состоятельной. Поэтому «неблагоприятные» последствия для властных субъектов в виде отмены или пересмотра принятых ими решений, следует расценивать как реализацию уголовно-процессуальной ответственности [8, с. 105-108]. При этом уголовно-процессуальное нарушение может одновременно являться преступлением. Так, приговором Мещанского районного суда г. Москвы № 01-0023/2019 от 29.01.2029 г. признан виновным гр. В. по ч. 1 ст. 286 УК РФ «Превышение должностных полномочий», который будучи руководителем Северного следственного отдела на транспорте Московского межрегионального следственного управления Следственного комитета Российской Федерации, обладая необходимыми познаниями в сфере уголовного и уголовно-процессуального права, основываясь на собственной длительной юридической практике в области предварительного следствия, вопреки положениям ч. 1 ст. 39 УПК РФ, регламентирующей полномочия руководителя следственного органа, дал заведомо незаконные указания подчиненному сотруднику об изъятии из материалов уголовного дела процессуальных документов о привлечении к уголовной ответственности С. в качестве обвиняемого по ч. 3 ст. 30 п. «а» ч. 2 ст. 161 УК РФ, осознавая при этом невозможность составления по уголовному делу в отношении него обвинительного заключения, действуя под надуманным субъективным предлогом о якобы недостаточности собранных в ходе расследования уголовного дела доказательств [9]. В настоящем примере уголовно-процессуальные последствия в виде отмены неправомерных указаний руководителя следственного органа (уголовно-процессуальная ответственность) повлекли за собой возбуждение уголовного дела в отношении властного субъекта уголовного судопроизводства.

Уголовно-процессуальная санкция, не относясь к категории абсолютно определенных, может заключать в себе меры ответственности при совершении тождественных нарушений. Ее действие направлено на защиту нескольких нормативных положений, объединяющих совокупность аналогичных процессуальных обязательств. Речь о восстановительных санкциях, которые преобладают в структуре норм уголовно-процессуального законодательства. Действие восстановительной санкции сводится к отмене незаконных процессуальных решений или принуждения к исполнению соответствующих обязанностей.

Реализация анализируемого вида санкции связана, например, с утратой доказательственного значения результатов следственного действия, если порядок его проведения не соответствует требованиям УПК РФ. В контексте уголовно-процессуальных норм такие санкции не формулируются непосредственно как указывающие на применение принудительных мер в случаях несоблюдения требований, регулирующих процесс сбора доказательств. Вместо этого они логически вытекают из законодательных предписаний, определяющих процедуры работы с доказательственной базой.

В соответствии со ст. 75 УПК РФ, несоблюдение порядка получения доказательств влечет невозможность использования их в обосновании вины или установлении иных обстоятельств, перечисленных в ст. 73 УПК РФ. Так, заключение судебной экспертизы, назначенной оперуполномоченным, в производстве которого возбужденное уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ не находилось, в состав следственной группы он не включался, поручения следователя в порядке п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ не получал, признано полученным с существенным нарушением требований УПК РФ, поскольку назначено ненадлежащим должностным лицом [10].

Санкции, предусматривающие аннулирование результатов следственных мероприятий, проведенных с нарушениями законодательства, зачастую сопровождаются мерами восстановительного характера. Данные виды санкций могут быть применены в рамках одного процессуального акта, посредством которого определенное доказательство, добытое с нарушением правовых норм, признается недопустимым, а также отменяется соответствующее незаконное решение, основанное на таком доказательстве.

Так, Ленинским районным судом г. Ижевска вынесено постановление о признании незаконным обыска в жилище ввиду существенного нарушения норм уголовно-процессуального законодательства: обыскиваемому лицу не была предоставлена возможность приглашения адвоката (ч. 11 ст. 182 УПК РФ), в протоколе обыска не были точно перечислены изымаемые документы (обозначены как «пакет голубого цвета с документами, данный пакет имеет значение для уголовного дела, в связи с чем изымается») [11]. Юридическим последствием признания результатов обыска незаконными является невозможность использования его результатов в доказывании.

Уголовно-процессуальные санкции в приведенном примере не направлены непосредственно на лицо, совершившее правонарушение. Основная цель их применения состоит в нейтрализации неблагоприятных последствий противоправной деятельности, хотя реализация указанных мер предполагает негативную оценку незаконных действий и осуждение субъекта уголовно-процессуальных нарушения, учитывая преднамеренный характер отклонений от нормативных предписаний.

Рассмотренные меры воздействия, закрепленные в нормах уголовно-процессуального законодательства, находят применение в ситуациях, когда участники уголовного судопроизводства уклоняются от исполнения возложенных на них процессуальных обязанностей, иными словами, допускают отступление от уголовно-процессуальных процедур и правил. Реализация указанных мер предполагает вынесение государственным органом порицания противоправному поведению правонарушителя и заключается в реализации в отношении него мер уголовно-процессуальной ответственности.

Пристатейный библиографический список

1. Чуклова Е. В. Уголовно-процессуальная ответственность: понятие и особенности // Вектор науки ТГУ. - 2015. - № 3 (22).
2. Элькинд П. С. Толкование и применение норм уголовно-процессуального права. - М.: Юридическая литература, 1967.
3. Братусь С. Н. Юридическая ответственность и законность. - М.: Юридическая литература, 1976.
4. Зеленина О. А. Процессуальная ответственность в уголовном судопроизводстве: содержание и реализация // Журнал российского права. - 2012. - № 5.
5. Галдин М. В. Санкции в механизме уголовно-процессуального регулирования // Вестник Московской академии Следственного комитета РФ. - 2019. - № 4.
6. Липинский Д. А. Об уголовно-процессуальной ответственности // Вектор науки ТГУ. - 2010. - № 3 (13).
7. Ветрова Г. Н. Уголовно-процессуальная ответственность: дис. … канд. юрид. наук. - М., 1981.
8. Лифанова Л. Г., Уляева Е. А. Санкции в уголовно-процессуальном праве // Вестник Северо-Кавказского гуманитарно-технического института. - 2015. - № 4 (23).
9. Приговор Мещанского районного суда г. Москвы № 01-0023/2019 от 29.01.2029 г. / Мещанский районный суд г. Москвы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://mos-gorsud.ru/rs/meshchanskij (дата обращения: 24.02.2025).
10. Приговор Тюменского областного суда № 2-6/2024 от 14 августа 2024 г. по делу № 2-6/2024. / Тюменский областной суд (Тюменская область). - [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://oblsud.tum.sudrf.ru (дата обращения: 24.02.2025).
11. Аргументы защиты суд счел более убедительными / Официальный сайт Федеральной палаты адвокатов РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://fparf.ru/news/law-chambers/argumenty-zashchity-sud-schel-bolee-ubeditelnymi/ (дата обращения: 03.03.2025).

ЛОЗИНСКИЙ Олег Иванович
кандидат юридических наук, доцент кафедры процессуального права, Южно-Российский институт управления (филиал), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Ростов-на-Дону

МОЛЕКУЛЯРНО-ГЕНЕТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ПОНЯТИЕ; СПЕЦИФИКА; КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ; КРУГ РЕШАЕМЫХ ВОПРОСОВ И ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

В статье анализируются понятие, специфика, криминалистические характеристики, круг разрешаемых вопросов и доказательственные возможности молекулярно-генетической экспертизы в уголовном судопроизводстве. Автором исследованы современные доказательственные возможности молекулярно-генетических экспертиз, связанных с: установлением половой принадлежности биологических следов и объектов; судебно-экспертной идентификацией неопознанных останков; установлением принадлежности крови, спермы, слюны, волос, тканей, органов и отделенных частей тела конкретному лицу; установлением истинных родителей ребенка; диагностическим типированием ДНК для целей последующей идентификации с объектами преступлений и несчастных случаев и др. Кроме того, для решения задач уголовного судопроизводства и иной профильной деятельности, автором проанализированы возможности геномной регистрации различных категорий лиц. Установлено, исследованный вид судебных экспертиз имеет большой эмпирический потенциал, который способствует раскрываемости преступлений, совершенных в условиях неочевидности, а также положительно отражается на объективности и эффективности расследования широкого спектра уголовных дел.

Ключевые слова: молекулярно-генетическая экспертиза, биологические следы, геномная регистрация, ДНК-анализ, ДНК-профилирование, идентификация личности, метод генотоскопии.

LOZINSKIY Oleg Ivanovich
Ph.D. in Law, associate professor of Procedural law sub-faculty, South Russian Institute of Management (branch), Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian federation, Rostov-on-Don

MOLECULAR GENETIC EXAMINATION IN CRIMINAL PROCEEDINGS: CONCEPT; SPECIFICS; CRIMINALISTIC CHARACTERISTICS; RANGE OF ISSUES TO BE RESOLVED AND EVIDENTIARY POSSIBILITIES

The article analyzes the concept, specifics, criminalistic characteristics, the range of issues to be resolved and the evidentiary possibilities of molecular genetic examination in criminal proceedings. The author has investigated the modern evidentiary possibilities of molecular genetic examinations related to: establishing the gender of biological traces and objects; forensic identification of unidentified remains; establishing the affiliation of blood, semen, saliva, hair, tissues, organs and separated body parts to a specific person; establishing the true parents of the child; diagnostic DNA typing for the purposes of subsequent identification with objects of crimes and accidents , etc. In addition, to solve the problems of criminal proceedings and other specialized activities, the author analyzes the possibilities of genomic registration of various categories of persons. It has been established that the studied type of forensic examinations has great empirical potential, which contributes to the detection of crimes committed in conditions of obscurity, and also has a positive effect on the objectivity and effectiveness of the investigation of a wide range of criminal cases.

Keywords: molecular genetic examination, biological traces, genomic registration, DNA analysis, DNA profiling, identity identification, genotoscopy method.

Реализация возможностей молекулярно-генетических экспертиз, преимущественно, служит решению задач идентификационного характера (непосредственное объективное установление лица как такового, когда подозреваемый один; обоснованное установление лица как непосредственно причастного к совершению неправомерных действий, когда в списке потенциальных подозреваемых несколько лиц; установление и объективное подтверждение факта того, что лицо (лица) находились на месте происшествия; при раскрытии и расследовании любых других противоправных действий, где на месте происшествия, в ином значимом для следствия месте, могли остаться биологические следы подозреваемого, потерпевшего и, в некоторых случаях, даже свидетеля (например, отрицающего, что он являлся очевидцем произошедшего), например, следы слюны на окурках, потожирового вещества на мебели и одежде, крови (если злоумышленник был травмирован, в процессе реализации противоправной деятельности) и др. Следственные ситуации различны и, нередко, заблаговременно непредсказуемы. Выводы молекулярно-генетической экспертизы, зачастую, не только вносят определенную объективную ясность в ход следствия, но и являются для подозреваемого (обвиняемого) тем неоспоримым аргументом, наличие которого, мотивирует его на дачу признательных показаний и на сотрудничество со следствием.

Еще 10-15 лет назад исследуемая экспертиза, в силу ее высокой стоимости, больших трудозатрат на ее производство, значительных сроков проведения и малого числа экспертных учреждений ее производивших, считалась в уголовном судопроизводстве чем то «экзотическим». Однако, в настоящее время, в связи с расширением экспертной базы, снижением себестоимости и временных сроков производства, в связи с автоматизацией основных процессов ее проведения, (по статистическим данным за последние пять лет) в экспертных лабораториях, расположенных на территории 73 субъектов РФ, ежегодно производится от 125 до 140 тыс. профильных экспертиз, результаты которых в 70-85 % случаев, способствуют раскрытию преступления и установлению личности подозреваемого [1, с. 114].

Наряду с изложенным, выводы заключения по судебной молекулярно-генетической экспертизе имеют первостепенное значение при личностной идентификации неопознанных трупов (обнаруженных в земле, воде, агрессивной среде (коллектор, выгребные ямы), расчлененных (например, при отсутствии головы) и т.п., в особенности, если обнаружение имело место не непосредственно после гибели, а через про-

должительное время (визуальная, портретная идентификация затруднена или невозможна по причине разложения, гниения мягких тканей лица и т.п.).

Впервые в мировой практике возможность применения молекулярно-генетического метода (анализа хромосомной ДНК человека в целях идентификации его личности) в криминалистике была обоснована в 1985 г. в работах А. Джеффриса и П. Гилла. В отечественной практике исследования в данной области впервые были начаты в 1987 г. в Институте молекулярной биологии им. В. А. Энгельгардта Академии наук СССР, а затем приобрели широкое распространение [1, с. 116].

Молекулярно-генетическая индивидуализация являлась инновационным методом (точность и достоверность выводов которого, на настоящий момент, составляет до 99,9%), основой которого стали два базовых принципа: индивидуальная генетическая уникальность каждого организма; генетическая идентичность всех клеток и тканей одного организма.

Особенность молекулярно-генетического метода исследования основана на том, что: ядерная ДНК в клетке человека содержится в 46 хромосомах (22 гомологичные пары с одинаковым расположением генов и пара половых хромосом X и Y, которые отличаются друг от друга по размеру и содержанию генов); все соматические клетки содержат в составе ядер двойной (диплоидный) набор хромосом и только половые клетки (сперматозоиды; яйцеклетки) несут половинный (гаплоидный) набор - 23-е хромосомы, определяющие пол человека; в яйцеклетках это всегда X хромосома, в сперматозоидах это X или Y хромосома; геном человека состоит из примерно 100 тыс. генов и более чем из 3 млрд. нуклеотидных пар; при этом молекулы ДНК двух разных людей отличаются только одним нуклеотидом из каждых 300-400; для идентификации личности практический интерес имеют не любые гены, а только имеющие много аллельных форм (значительно различающиеся у многих людей).

Носителем генетической информации является дезоксирибонуклеиновая кислота (ДНК) представляющая собой сложное высокомолекулярное полимерное соединение, состоящее из последовательности химически связанных между собой нуклеотидов. ДНК состоит из двух полинуклеотидных цепей, скрученных в спираль (модель ДНК предложена в 1953 г. Уотсоном и Криком). ДНК типичной животной клетки (в т.ч. и человека), достигающая в длину 1 м (3х109 н.п.), способна обеспечить колоссальное биологическое разнообразие. Каждая новая «особь Homo sapiens», получая в свой диплоидный набор хромосом сочетание отцовской и материнской генетической информации, обладает фактически неограниченным многообразием генетического кода.

При этом фундаментальной для криминалистической диагностики и идентификации характеристикой, определяющей большую востребованность данного метода, является то, что образцы ДНК, полученные из разных жидкостей и тканей одного и того же человека, имеют одинаковый сугубо индивидуальный нуклеотидный состав. То есть, если в базе данных имеется характеристика конкретной ДНК (либо сам биологический образец, например крови), то совсем не обязательно получать для сравнительного анализа именно образец крови, достаточно образца слюны, пота или ткани (обрезок ногтя, волос и др.). У одного и того же человека, во всех его биологических образцах будет полностью идентичная ДНК (отличная от ДНК других людей).

Также, очень важным, в особенности для создания и формирования криминалистических баз данных, является то, что человека, по имеющимся в базе информации или образцу, можно идентифицировать без ограничений по времени (у одного и того же человека генетически обусловленные биологические образцы не меняют характеристик ни под воздействием старения, ни под влиянием внешних факторов).

В ходе эмпирической реализации исследуемого метода было обоснованно доказано, что каждый конкретный человек содержит в себе уникальный генетический профиль – своеобразный «биолого-генетический паспорт», который невозможно «подделать» (по крайней мере, на современном уровне профильного научного развития).

Констатация, обнародование и обоснование названного факта, вполне естественно и обоснованно, вызвали повышенный интерес относительно наличия прикладных возможностей использования его для нужд дифференциации и идентификации личности определенного человека (далеко не только и не сразу в сфере криминалистики и уголовного судопроизводства, а первоначально в области обеспечения безопасности; ограничения доступа к объектам; в медицине (например, при решении вопроса о степени вероятности совместимости – отторжения при пересадке органов и тканей), в гражданско-правовой сфере при установлении родства (например, в вопросах наследования имущества), при установлении отцовства и много другого).

На современном этапе, с учетом методологического и прикладного (аппаратно-программного, технического) уровней профильного научного развития, возможно производство следующих видов молекулярно-генетических экспертиз: установление половой принадлежности биологических следов и объектов; судебно-экспертная идентификация неопознанных останков; установление принадлежности крови, спермы, слюны, волос, тканей, органов и отделенных частей тела конкретному лицу; установление истинных родителей ребенка; установление зиготности близнецов; диагностическое типирование ДНК для целей последующей идентификации с объектами преступлений и несчастных случаев.

В настоящее время новейшим достижением медицины является использование неинвазивной пренатальной диагностики ДНК для определения отцовства, которое возможно еще на самых ранних сроках беременности. В 1997 году впервые было обнаружено присутствие фетальной внеклеточной (свободной) ДНК в плазме крови беременных женщин (ДНК развивающегося плода попадает в кровь матери). Данное открытие послужило стимулом для развития неинвазивной дородовой диагностики. Принцип метода основывается на исследовании внеклеточной циркулирующей ДНК плода (фетальной ДНК), выделенной из плазмы крови матери методом секвенирования однонуклеотидных полиморфизмов (Single Nucleotide Polymorphism, SNP).

Интерес судебных экспертов к генотипированию аутосомных однонуклеотидных полиморфизмов также вызван рядом потенциальных преимуществ, таких как низкий уровень мутационных изменений и облегчение анализа деградированных образцов с помощью коротких ампликонов. Материалом для анализа служит кровь из вены матери и предполагаемого отца. Все образцы ДНК анализируются, методом секвенирования по нескольким тысячам локусам однонуклеотидных полиморфизмов и в дальнейшем рассчитывается вероятность отцовства. Для исключения факта отцовства, нужно, чтобы как минимум три сравниваемых локуса отца и потенциального ребенка (растущего и развивающегося плода) не соответствовали друг другу.

Преимущества исследуемого метода установления отцовства заключаются: в полной безопасности для развивающегося плода и матери; в возможности проведения исследования и идентификации уже на сроке беременности от 9 недель; в простой и безопасной процедуре забора материала для проведения исследования; в гарантии высокой точности и достоверности результатов исследования – 99,9 % [2, с. 122].

В рамках уголовного судопроизводства, биологические следы (образцы), происходящие от человека: пот, кровь, сперма, слюна, слезы, моча, кал, а также волосы, органы и ткани организма, кости и их фрагменты, несут значимую идентификационную информацию. При высыхании, на негигроскопических поверхностях биологические жидкости и выделения образуют корочки, а на гигроскопических – пятна.

При этом возможность использования названных биологических следов в качестве объектов исследования судебной молекулярно-генетической экспертизы, очень во многом, зависит от своевременности и правильности их поиска, обнаружения, изъятия, упаковки и хранения до передачи экспертам для производства экспертных исследований (при нарушении алгоритмов и технологии названных процессов,

биологические объекты претерпевают деструктивные изменения, утрачивают свои свойства и индивидуальные признаки, например, в процессе гниения и разложения и т.п.; биологические объекты сами по себе недолговечны и склонны к «самоуничтожению»).

Наряду с вышеизложенным, объектами исследования молекулярно-генетической экспертизы могут быть биологические образцы, полученные у живых лиц, либо отобранные у трупов. Положениями статей 167, 202 УПК РФ и статьи 28 ФЗ-73 «О государственной экспертной деятельности в РФ» предусмотрены, как добровольный, так и принудительный порядок проведения судебной экспертизы (в т.ч. и получения биологических образцов, с составлением соответствующего протокола).

В отношении подозреваемых (обвиняемых) применяется принудительный порядок отбора биологических образцов в соответствие с положениями статьи 202 УПК РФ. В отношении потерпевших и свидетелей названные процессы носят добровольный характер (согласие, несогласие; в отношении лиц до 15 лет, указанное выясняется у их законных представителей).

Получение биологических образцов является медицинским вмешательством и реализуется квалифицированным медицинским работником. Наиболее часто в качестве биологических образцов (живых лиц) для производства названной экспертизы используются образцы крови (из пальца) и буккального эпителия (соскоб с небольшим усилием верхнего слоя клеток слизистой оболочки щеки в ротовой полости).

Кроме того, при производстве молекулярно-генетической экспертизы могут исследоваться образцы жидкой или высушенной крови трупов (другие объекты - кости, мягкие ткани и др.). Наиболее часто это происходит при идентификации личности неопознанных трупов, в особенности трупов расчлененных, обнаруженных в различных средах (земля, вода) через продолжительное время после момента наступления смерти (данная процедура способствует раскрытию преступления; позволяет захоронить тело, после получения необходимых биологических образцов и др.).

Согласно положениям ФЗ от 3 декабря 2008 г. № 242-ФЗ «О государственной геномной регистрации в РФ», под государственной геномной регистрацией (добровольной, обязательной) понимается деятельность, реализуемая профильными государственными органами и учреждениями по получению, учету, хранению, использованию, передаче и уничтожению биологического материала и обработке геномной информации (в процессе формируется и функционирует автоматизированная федеральная база данных геномной информации).

Обязательной государственной геномной регистрации подлежат: лица, осужденные и отбывающие наказание в виде лишения свободы за совершение преступлений; неустановленные лица, биологический материал которых изъят в ходе производства следственных действий; лица, подозреваемые и обвиняемые в совершении преступлений; неопознанные трупы.

При этом одной из важнейших задач, стоящих перед органами МВД РФ, является ведение криминалистических учетов (имеют три уровня: федеральный, региональный, местный).

Обязанность проведения государственной геномной регистрации возложена на полицию (ФЗ от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ).

Для единого информационно-аналитического обеспечения указанной деятельности в МВД России создан сервис единой поисковой федеральной системы «Ксенон-2» и утверждена инструкция по его эксплуатации (приказ МВД РФ от 23 ноября 2017 г. № 882) [3, с. 137].

Срок хранения информации в данном сервисе составляет: по неустановленным лицам и неопознанным трупам - 70 лет или до момента установления личности; по лицам, осужденным и отбывающим наказание в виде лишения свободы за совершение тяжких и особо тяжких преступлений, а также за совершение половых преступлений - до моментов их смерти или исполнения им 100 лет [3, с. 139].

С учетом изложенного, результаты проведенного исследования показывают, что на текущий момент в уголовном судопроизводстве в сфере криминалистической идентификации лиц и исследования вещественных доказательств, имеющих биологическое происхождение от человека, экспертным путем, лабораторные высокотехнологичные методы занимают все более значимое место, как за счет расширения спектра решаемых задач (связанного с ростом потенциальных экспертных возможностей), так и за счет увеличения объема (количества) производимых экспертиз (в связи с повышением степени их доступности за счет автоматизированного аппаратно-программного обеспечения и увеличения количества профильных экспертных учреждений).

В области криминалистики, экспертные исследования, связанные с идентификацией человека биологическими методами, в силу их высокой объективности и достоверности, приобретают первостепенное значение и уже стали неотъемлемой частью уголовного судопроизводства (перейдя из статуса эксклюзивных в разряд обыденных, плановых).

В силу фундаментальной значимости для расследования выводов ее заключения, особое место среди судебных медицинских, биологических экспертиз занимает молекулярно-генетическая экспертиза (ДНК идентификации человека, в особенности подозреваемого), достоверность выводов которой на текущий момент, за счет постоянно расширяющихся возможностей (методических, аппаратно-программных, технических), составляет – 99,9 %.

В уголовном судопроизводстве молекулярно-генетическая экспертиза имеет первостепенное значение при расследовании уголовных дел, связанных: с техногенными и природными катастрофами, повлекшими массовую гибель и травмирование людей; с применением физического насилия к потерпевшему (в т.ч. и на гендерной почве) и многих других, где злоумышленник по личной неосторожности, либо по легкомыслию, мог на месте происшествия оставить те или иные свои биологические следы.

Целенаправленное использование возможностей молекулярно-генетической экспертизы в исследуемой сфере, в силу научно-технического прогресса и расширения методической базы, имеет большой эмпирический потенциал, который призван положительно отразиться на раскрываемости преступлений, совершенных в условиях неочевидности, а также на объективности и эффективности расследования широкого спектра уголовных дел.

Пристатейный библиографический список

1. Бурсов Д. В. ДНК-криминалистика - зарождение, современность и перспективы // Проблемы права: теория и практика. - 2024. - № 3. - С. 113-117.
2. Воловик К. А. Свойства объектов исследования, обуславливающие возможность реализации целей и задач генетической экспертизы // Международное периодическое научное издание «Взгляд в будущее». - 2024. - № 5. - С. 121-124.
3. Екаев М. Н. Программа молекулярно-генетической диагностики // Вестник криминалистики. - 2023. - № 3. - С. 136-140.

МАЛЬЦЕВА Светлана Николаевна
кандидат юридических наук, заведующая кафедрой уголовно-правовых и гуманитарных дисциплин, филиал, Московский университет имени С. Ю. Витте, г. Рязань

СУЛЕЙМАНОВ Талят Алиевич
кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, Академия ФСИН России, доцент кафедры уголовно-правовых и гуманитарных дисциплин, филиал, Московский университет имени С. Ю. Витте, г. Рязань

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ОТМЕНЫ АРЕСТА НА ИМУЩЕСТВО ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Наличие в законе оценочных оснований отмены ареста на имущество приводит к нарушению прав потерпевшего на возмещение причиненного ему вреда, порождает принятие спорных решений следователем, судьей. Отмечается неполнота правовой регламентации процедуры продления и отмены наложения ареста на имущество. Некорректность правовых предписаний по регламентации отмены ареста на имущество порождает противоречивую и не однозначную судебную практику. В качестве правовой инициативы авторы формулируют предложение о внесении в УПК РФ отдельной нормы, которая закрепляла бы основания и сроки отмены ареста на имущество. Продолжительность применения ареста на имущество потерпевшего должна быть законодательно закреплена и ограничена.

Ключевые слова: следователь, потерпевший, судья, арестованное имущество, отмена ареста на имущество, приостановление предварительного расследования.

MALTSEVA Svetlana Nikolaevna
Ph.D. in Law, Head of Criminal law and humanities sub-faculty, Branch, S. Yu. Witte Moscow University, Ryazan

SULEYMANOV Talyat Alievich
Ph.D. in Law, associate professor of Criminal process and forensic science sub-faculty, Academy of the FPS of Russia, associate professor of Criminal law and humanities sub-faculty, Branch, S. Yu. Witte Moscow University, Ryazan

CONTROVERSIAL ISSUES OF CANCELLATION OF SEIZURE OF PROPERTY DURING CRIMINAL PROCEEDINGS

In this article, the authors have attempted to conduct a scientific analysis on the topics related to the cancellation of the seizure of property in the course of criminal proceedings. An overview of the existing procedure for imposing and extending the seizure of property is given. The existence of evaluative grounds in the law for the cancellation of the seizure of property leads to a violation of the victim's rights to compensation for the damage caused to him, generates the adoption of controversial decisions by the investigator, the judge. It is noted that there is no incomplete legal regulation of the procedure for extending and canceling the seizure of property. The incorrectness of legal regulations governing the cancellation of property seizures generates contradictory and ambiguous judicial practice. As a legal initiative, the authors formulate a proposal to introduce a separate rule into the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, which would fix the grounds and deadlines for the cancellation of the seizure of property. The duration of the seizure of the victim's property must be legally fixed.

Keywords: investigator, victim, judge, seized property, cancellation of the seizure of property, suspension of the preliminary investigation.

В теории и в практике уголовного судопроизводства имеются спорные вопросы, связанные с наложением ареста на имущество и обеспечения прав потерпевшего на получение, принадлежащего ему, но арестованного имущества. Обеспечение прав потерпевшего, содействие потерпевшему в возмещении причиненного вреда - конституционная обязанность органов расследования и суда, но законодательного механизма для реализации данного конституционного положения в полном объеме в рамках уголовного процесса пока не наблюдается. Для обеспечения исполнения приговора в части возмещения, причиненного преступлением ущерба, удовлетворения гражданского иска либо возможной конфискации имущества законодатель предусмотрел меру процессуального принуждения: наложение ареста на имущество подозреваемого, обвиняемого, либо иных лиц, если имеются основания полагать, что имущество добыто в результате совершения преступления. Следователь с согласия руководителя следственного органа ходатайствует перед судом о наложении ареста на имущество подозреваемого, обвиняемого, либо иных лиц. Суд, на основании ходатайства следователя, выносит постановление о наложении ареста на имущество и на этом вопрос о судьбе арестованного имущества объявляется закрытым. Процессуальный порядок отмены ареста на имущество при производстве предварительного расследования, предусмотренный ч. 9 ст. 115, ч. 5 ст. 115.1 УПК РФ носит не конкретизированный характер, содержание отмеченных норм предусматривает судейское усмотрение [1, с. 228].

Существующая правовая регламентация процедуры отмены ареста на имущество с высокой долей судейского усмотрения порождает неоднозначность и противоречивость судебной практики. В соответствии с ч. 3 ст. 115 УПК РФ суд должен указать на какой срок налагается арест, но в постановлении судьи такой пункт отсутствует, либо указывается о наложении ареста на срок предварительного следствия. Ст. 115, 116 УПК РФ не содержат информации о том, какие документы следователь представляет в суд для наложения ареста на имущество, что порождает юридическую неточность в том, чье имущество подлежит аресту и какова его стоимость? Сведения о перечне процессуальных документов, необходимых для наложения ареста на имущество приводятся в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 19 от 01.06.2017 [2]. Следует отметить, что о проведении судебного заседания по поводу наложения ареста на имущество, потерпевшего, как правило, не уведомляют, в случае приостановления предварительного расследования, судья не рассматривает вопрос об отмены ареста на имущество, хотя в соответствии с ч. 5 ст. 115.1 УПК РФ ему предписано разрешить указанный вопрос. В подавляющем большинстве случаев следователь даже не уведомляет потерпевшего о том, что предварительное расследование по его делу, где он признан потерпевшим, приостановлено. Очевидно, что говорить о гарантиях прав потерпевшего не приходиться, если его не уведомляют о принятых решениях, которые затрагивают его права. При принятии решения о прекращении уголовного дела суд по ходатайству

следователя обязан рассмотреть вопрос об отмене принятой меры принуждения.

Налагаемый арест на имущество подозреваемого, обвиняемого и иных лиц зачастую является имуществом потерпевшего, которое было у него похищено в ходе совершения преступления. В результате совершения преступления имущество потерпевшего было похищено, далее следователь выявил похищенное и обратился в суд с ходатайством о наложении ареста на имущество. Судья удовлетворяет ходатайство следователя и налагает арест на имущество. Дело за неустановлением обвиняемого приостановили, и арест продлили на неопределенный срок. Потерпевшего о принятом решении зачастую даже не уведомляют, вот такая получается защита прав потерпевшего. Решением Конституционного Суда РФ № 31-П от 10.12.2014 г. положения ч. 6 и ч. 7 ст. 115 УПК РФ признаны противоречащими Конституции РФ, так как предусмотренный механизм не обеспечивает защиту прав и интересов потерпевшего.

При наложении ареста на безналичные денежные средства, похищенные у потерпевшего и переведенные на счета иных лиц, после чего, ввиду неустановления обвиняемого, уголовное дело приостанавливается, и арест на имущество продлевается на неопределенный срок либо до истечения сроков давности [3]. Хотя в п. 14 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 19 от 01.06.2017 отмечается, что в постановлении суда должен указываться срок, на который избран арест на имущество. На ограниченный срок наложения ареста на имущество указывает принцип разумный срок уголовного судопроизводства (ст. 6.1. УПК РФ), где декларируется, что при наложении ареста на имущество суду необходимо учитывать общую продолжительность применения меры процессуального принуждения. Фактически наложенный арест на имущество сохраняется до вынесения приговора либо до прекращения уголовного дела, с учетом того, что арест может налагаться на имущество лиц, которые не являются обвиняемым или подозреваемым по уголовному делу, но есть вероятность того, что они могут быть причастны к совершению преступления.

Не определенная продолжительность наложения ареста на имущество подозреваемых, обвиняемых или иных лиц противоречит интересам потерпевшего, так как зачастую это имущество принадлежит потерпевшему, но обвиняемый по делу не установлен, потому дело приостанавливается, а арест остается неотмененным. Соответственно, потерпевший не может получить свое имущество, от него нередко требуют, чтобы он в гражданско-правовом порядке, через суд добился решения суда о том, что он является собственником арестованного имущества [4, с. 7]. Если это не имущество потерпевшего, то, как он был признан потерпевшим, вопрос остается открытым. Следственная и судебная практика по вопросу отмены ареста на имущество ввиду нечеткости правовых оснований отмены носит противоречивый характер.

Одним из оценочных оснований отмены ареста выступает отпадение его необходимости (ч. 9 ст. 115 УПК РФ), причем оценку отпадения необходимости производит не следователь, в производстве которого находится уголовное дело, а судья единолично, никаких правовых критериев отпадения необходимости в сохранении ареста на имущество не существует, поэтому все опять субъективно и зависит от усмотрения судьи. При наложении ареста, на безналичные денежные счета подозреваемого, обвиняемого, иных лиц, основанием отмены ареста на денежные счета выступает установление собственника денежных средств, для чего от потерпевшего в рамках уголовного дела, судья требует принести решение суда в гражданско-правовом порядке о том, что денежные средства принадлежат потерпевшему. А в гражданско-правовом порядке это сделать не всегда получается, так как исковое заявление надо подать в суд по месту регистрации ответчика (в другом регионе), плюс заплатить госпошлину, так что подобные избыточные требования сводят на нет возможность отмены ареста. Но даже, если потерпевший выполнит указанные судьей требования, то все равно нет никакой гарантии, что арест на денежные счета будет отменен, и деньги будут возвращены потерпевшему. Истечение срока ареста также не означает автоматическое освобождение имущества, безналичных денежных средств, требуется вынесение решения суда об отмене ареста на имущество. После истечения срока также возможно принятие решения о продлении ареста на имущество. Из-за оценочных оснований отмены ареста следователь, судья могут принимать спорные решения, без учета интересов потерпевшего. Допустимость отмены ареста на имущество определяется по усмотрению суда [5, с. 129]. Вместе с тем, в качестве альтернативы решения проблемы, судам можно было бы рекомендовать передачу арестованного имущества на хранение потерпевшему, что позволит потерпевшему владеть, пользоваться своим имуществом, однако в ситуации ареста безналичных денежных средств это не представляется возможным.

Конституционный Суд РФ рекомендовал судам при принятии решений об отмене ареста на имущества исходить из баланса публичных и частных интересов, что, по мнению Конституционного Суда РФ должно способствовать защите интересов потерпевшего, право собственности которого ограничено длительным наложением ареста на имущество [6]. Конституционный Суд РФ рекомендовал законодателю установить предельные сроки ареста на имущество лиц, не являющихся подозреваемыми, обвиняемыми по уголовному делу. Положения ч. 3 и ч. 9 ст. 115 УПК РФ Конституционный Суд России признал противоречащими Конституции РФ в той части, что они не обеспечивают эффективной защиты интересов потерпевшего, так как право собственности ограничено чрезмерно длительным наложением ареста на принадлежащее потерпевшему имущество, предположительно полученное в результате преступных действий подозреваемого, обвиняемого.

Решения Конституционного Суда РФ свидетельствуют о том, что институт наложения ареста на имущество в уголовном судопроизводстве нуждается в улучшении механизмов, направленных на защиту прав потерпевшего при наложении ареста на принадлежащее ему имущество. При этом уголовный процесс является именно той отраслью права, где противостояние частного и публичного интереса носит ярко выраженный характер (сторона обвинения и сторона защиты). Исследуемая норма (ст. 115 УПК РФ) неоднократно подвергалась изменениям, но оптимального решения выработать не удалось, так как вопросы и неясности остались. Практика многовариантных, непредсказуемых решений суда по применению данной меры принуждения подлежит приведению к единому подходу для судов общей юрисдикции. С учетом позиций Конституционного Суда РФ предлагаем внести в УПК РФ отдельную норму, которая предусматривала бы конкретные основания и сроки отмены ареста на имущество, продолжительность применения ареста на имущество потерпевшего должно быть законодательно ограничено. Уголовная политика России нуждается в изменении вектора от защиты прав и имущественных интересов обвиняемого к реальному обеспечению прав и интересов лиц, потерпевших от преступления. В настоящее время потерпевший вправе обжаловать решение суда о наложении и продлении ареста на имущество, но это займет длительный промежуток времени, а результат обжалования непредсказуем.

Пристатейный библиографический список

1. Булатов Б. Б., Дежнев А. С. Основания отмены ареста, наложенного на имущество в досудебном производстве по уголовным делам // Вестник Томского государственного университета. - 2020. - № 460. - С. 228.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2017 № 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)».
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 10.12.2014 № 31-П «По делу о проверке конституционности частей шестой и седьмой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой закрытого акционерного общества «Глория».
4. Хилюта В. В. Определение потерпевшей стороны по уголовным делам о хищении // Научный вестник Омской академии МВД России. - 2020. - № 2 (77). - С. 7.
5. Соколова М. В., Подустова О. Л. Установление судом сроков наложения ареста на имущество обвиняемого как обстоятельство, препятствующее возмещению потерпевшим вреда, причиненного преступлением // Вестник экономической безопасности. - 2020. - № 1. - С. 129.
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 21.10.2014 № 25-П «По делу о проверке конституционности положений частей третьей и девятой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами общества с ограниченной ответственностью «Аврора малоэтажное строительство» и граждан В. А. Шевченко и М. П. Эйдлена».

МАЛЬЦЕВА Яна Васильевна
старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин, теории и истории государства и права, Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского

ОБЪЕКТЫ ОХРАНЫ ПРИ ПРИМЕНЕНИИ ИНЫХ МЕР УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ

В статье исследуется вопрос объектов охраны при применении иных мер уголовно-процессуального принуждения. Цель исследования - комплексный анализ применения иных мер уголовно-процессуального принуждения с позиции охраны объектов, в виде публичных и частных интересов. Методологическую основу исследования составили диалектический метод познания, сравнительно-правовой анализ, системный подход и метод правового моделирования. Определены теоретические основы соотношения публичных и частных интересов в уголовном процессе с позиции охраны прав личности и общественных интересов. Рассматривается двуединая природа уголовного процесса, направленного на защиту как общественных, так и индивидуальных прав. Анализируются различные меры процессуального принуждения: обязательство о явке, привод, временное отстранение от должности, наложение ареста на имущество и денежное взыскание. Автор подчеркивает необходимость гармоничного сочетания публичных и частных интересов в уголовном судопроизводстве. Исследование демонстрирует, что эффективность правосудия достигается через баланс между обеспечением общественной безопасности и соблюдением прав личности. Каждая мера процессуального принуждения рассматривается с позиции охраны, как публичных интересов государства, так и частных интересов участников уголовного процесса. Материалы статьи базируются на анализе судебной практики и теоретических положений представителей научного сообщества.

Ключевые слова: уголовный процесс, иные меры уголовно-процессуального принуждения, публичные интересы, частные интересы, права личности, баланс интересов, правосудие, защита прав.

MALTSEVA Yana Vasiljevna
senior lecturer of Criminal law disciplines, theories and histories of state and law sub-faculty, Academician I. G. Petrovsky Bryansk State University

OBJECTS OF PROTECTION WHEN APPLYING OTHER MEASURES OF CRIMINAL PROCEDURE COERCION

The article examines the issue of objects of protection in the application of other measures of criminal-procedural coercion. The purpose of the study is a comprehensive analysis of the application of other measures of criminal procedure coercion from the point of view of protecting objects, in the form of public and private interests. The methodological basis of the research is the dialectical method of cognition, comparative legal analysis, a systematic approach and a method of legal modeling. The theoretical foundations of the correlation of public and private interests in criminal proceedings from the point of view of protecting individual rights and public interests are defined. The two-pronged nature of criminal proceedings aimed at protecting both public and individual human rights is considered. Various measures of procedural coercion are analyzed: obligation to appear, summons, temporary suspension from office, seizure of property and monetary penalty. The author emphasizes the need for a harmonious combination of public and private interests in criminal proceedings. The study demonstrates that the effectiveness of justice is achieved through a balance between ensuring public safety and respecting individual rights. Each measure of procedural compulsion is considered from the point of view of protecting both the public interests of the State and the private interests of participants in criminal proceedings. The materials of the article are based on the analysis of judicial practice and theoretical positions of representatives of the scientific community.

Key words: criminal procedure, other measures of criminal procedure coercion, public interests, private interests, individual rights, balance of interests, justice, protection of human rights.

Введение. Актуальность темы обусловлена рядом взаимосвязанных факторов. Конституция РФ (ст. 2) [1] провозглашает человека, его права и свободы высшей ценностью, а УПК РФ [2] (ст. 6) закрепляет цель уголовного процесса - защиту прав потерпевших и личности от незаконных действий. При применении мер уголовно-процессуального принуждения важно определить охраняемый объект.

Конституционный Суд РФ неоднократно подтверждал баланс публичных и частных интересов в уголовном процессе, отражая двуединую задачу судопроизводства [4] и указывая, что публично-правовые цели включают защиту прав потерпевших, преследование виновных, справедливое наказание и защиту личности от незаконных ограничений [5].

Эффективность уголовного процесса напрямую зависит от умения сочетать публичные цели расследования с защитой индивидуальных прав граждан. Научная актуальность исследования определяется недостаточной разработанностью положений о частном и публичном интересе как объекте охраны при применении иных мер уголовно-процессуального принуждения и потребностью в комплексном анализе.

Материалы и методы. Методологическую основу исследования составили диалектический метод познания, сравнительно-правовой анализ, системный подход и метод правового моделирования. Материалы исследования базируются на анализе судебной практики и теоретических положений представителей научного сообщества.

Литературный обзор. Вопрос о том, что именно является приоритетным объектом охраны в уголовном судопроизводстве – частные или публичные интересы – вызывает значительную дискуссию в научной литературе.

Ряд ученых придерживается узкого подхода. А. М. Ларин до принятия УПК РФ отстаивал концепцию, согласно которой назначение уголовного процесса заключается преимущественно в охране прав и свобод человека и возмещении причиненного ущерба [14, с. 58]. Расширительное толкование поддерживал В. С. Шадрин, отмечая, что обеспечение прав личности охватывает интересы всех участников процес-

са, включая представителей государственных органов [20, с. 3].

Современное законодательство демонстрирует расширение круга лиц, чьи права подлежат защите, что подтверждается позицией И. А. Насоновой, которая считает, что уголовное судопроизводство должно учитывать как частные, так и публичные интересы, включая защиту государства, общества и конституционного строя (ст. 55 Конституции РФ) [16, с. 360].

О. В. Качалова подчеркивает связь уголовного права и уголовного процесса: последний является формой реализации норм материального права, направленных на борьбу с преступностью и защиту общественных интересов [13, с. 110].

По мнению Ф. Н. Багаутдинова, противопоставление публичных и частных интересов в уголовном процессе является ошибочным. Автор предлагает гармонично сочетать их для достижения справедливого и сбалансированного судопроизводства [10, с. 8].

Результаты. Подход сочетания публичных и частных интересов в уголовном процессе позволяет избежать одностороннего акцента на защите либо только частных, либо исключительно публичных интересов. В действительности они взаимосвязаны: защита прав личности способствует укреплению общественного порядка, а защита общества и государства обеспечивает возможность реализации индивидуальных прав. Современное уголовное судопроизводство направлено на достижение баланса между частными и публичными интересами, что особенно важно в условиях необходимости соблюдения справедливости, защиты прав человека и общественных интересов.

Соотношение частных и публичных интересов в уголовном процессе является ключевым аспектом, который позволяет выстроить эффективную и справедливую систему уголовного судопроизводства. Применение мер процессуального принуждения - это один из наиболее ярких примеров реализации этого баланса. Эти меры, с одной стороны, направлены на обеспечение правопорядка, защиту общества и государства от преступных посягательств, а с другой стороны, они должны учитывать и уважать права личности, включая подозреваемых, обвиняемых, потерпевших и иных участников процесса.

Меры процессуального принуждения, в частности иные, имеют двойственную природу: они одновременно служат инструментом обеспечения выполнения задач уголовного судопроизводства (например, предотвращение уклонения обвиняемого от правосудия или уничтожения доказательств) и требуют строгого соблюдения принципов уголовного законодательства. Применение иных мер уголовно-процессуального принуждения демонстрирует необходимость постоянного поиска баланса между частными интересами (правами личности) и публичными интересами (обеспечением правопорядка). Только при соблюдении этого баланса можно обеспечить справедливость и эффективность уголовного судопроизводства.

Обсуждение. Объекты охраны при применении иных мер уголовно-процессуального принуждения можно условно разделить на две группы: частные права участников и публичные интересы.

К частным правам, подлежащим охране, относятся права подозреваемых, обвиняемых, свидетелей, экспертов и иных участников процесса. Государство может ограничивать конституционные права и свободы граждан (например, право на личную неприкосновенность, неприкосновенность жилища, свободу передвижения и выбора места пребывания, право частной собственности), только если это прямо предусмотрено законом, обосновано и служит целям правосудия (ст. 7, ст. 111 УПК РФ).

При этом важно строго соблюдать принципы законности и уважения прав человека, исключая произвольное ограничение личной свободы и иных прав. Ограничения должны быть соразмерны целям уголовного судопроизводства, а их применение – обоснованным и подконтрольным.

К публичным интересам относится защита государства и общества от преступлений. А. Б. Диваев справедливо отмечает, что цели применения мер процессуального принуждения включают охрану уголовно-процессуального закона и обеспечение публичных интересов. Эти меры направлены на предотвращение нарушений закона, создание условий для эффективного расследования преступлений, защиту прав граждан и поддержание правопорядка [12, с. 77].

Применение иных мер уголовно-процессуального принуждения направлено на обеспечение целей уголовного судопроизводства и баланса между публичными и частными интересами. Рассмотрим каждую из указанных мер с точки зрения охраны публичных и частных интересов.

Обязательство о явке – это мера процессуального принуждения, которая обязывает лицо своевременно являться по вызовам следователя, дознавателя, прокурора или суда [15, с. 175].

Так, в отношении гражданки РФ, за преступление небольшой тяжести была избрана мера процессуального принуждения в виде обязательства о явке по следующим причинам: обвиняемая имеет среднее специальное образование, положительные социальные характеристики, устойчивые социальные связи (воспитывает четырёх несовершеннолетних детей), не уклонялась от следствия и не создавала препятствий для расследования [5].

Охрана публичных интересов в данном случае заключается в обеспечении нормального хода уголовного судопроизводства, гарантии участия обвиняемой в следственных действиях или судебном разбирательстве и предотвращении затягивания процесса, что способствует поддержанию общественного порядка и укреплению доверия к правосудию. В то же время охрана частных интересов проявляется в минимальном вмешательстве в права и свободы личности, позволяя обвиняемой продолжать свою обычную деятельность (работу, учебу и воспитание детей) при условии выполнения возложенного обязательства.

Привод применяется, если лицо без уважительных причин не явилось по вызову следователя, дознавателя, прокурора или суда. Эта мера рассматривается как эффективное средство обеспечения явки участников процесса в органы расследования, прокуратуру, суд [17, с. 26].

Практика применение привода демонстрирует также обеспечение баланса между охраной публичных и частных интересов: В материалах дела имеются повестки о вызове подозреваемой С., рапорты об отсутствии подозреваемой по месту жительства и поручение о производстве отдельных следственных действий. Суд учёл, что постановление о приводе вынесено уполномоченным лицом в рамках возбужденного уголовного дела. Оно основывалось на достаточных доказательствах, подтверждающих уклонение подозреваемой от участия в следственных действиях. Такое поведение было расценено как недобросовестное [6].

Обеспечение публичных интересов видится в гарантии участия лица в и предотвращении уклонения лица от уча-

стия в уголовном процессе для реализации задач правосудия, а также обеспечение быстрого и эффективного рассмотрения дела. Охрана личных интересов, заключается в применении данной меры только при уклонении от явки без уважительных причин, что позволяет избежать злоупотреблений со стороны органов власти и сохранении за лицом процессуальных права, включая право на защиту.

При решении о временном отстранении от должности суд учитывает характер и общественную опасность инкриминируемого деяния, полномочия обвиняемого и его возможность влиять на участников уголовного процесса [11, с. 12], [18, с. 56]. Эта мера направлена на баланс частных и публичных интересов: с одной стороны, предотвращается злоупотребление служебным положением (например, давление на свидетелей или сокрытие доказательств) и обеспечивается объективность расследования, а с другой - мера носит временный характер, не лишает лицо дохода и предусматривает возможность возмещения вреда в случае оправдания.

Так, Красноярский краевой суд отстранил от должности главу сельсовета, назначив ежемесячное государственное пособие в размере прожиточного минимума трудоспособного населения и признав, что обвиняемый может воспрепятствовать расследованию, воздействуя на свидетелей и представителя потерпевшего, находящихся в его подчинении. Суд обоснованно продлил отстранение, поскольку риски вмешательства сохранялись из-за незавершённого судебного следствия и представления доказательств [7].

Наложение ареста на имущество в уголовном процессе является важной мерой, направленной на обеспечение исполнения приговора, включая имущественные взыскания и конфискацию [19, с. 166].

В судебной практике арест имущества применяется для защиты публичных интересов, включая случаи мнимых сделок. Так, суд установил, что подсудимый приобрел автомобиль у ЖАО, а затем якобы продал его МАР за 250 000 рублей. Однако сделка была признана мнимой, так как автомобиль оставался в пользовании подсудимого. Согласно ч. 4 ст. 166 ГК РФ, суд вправе признать такую сделку недействительной для защиты публичных интересов. Арест автомобиля был необходим для обеспечения исполнения приговора в части конфискации, при этом последующие владельцы могут предъявить исковые требования к подсудимому в порядке гражданского судопроизводства [9].

Можно оправдано утверждать, что наложение ареста на имущество в уголовном процессе может быть направлено на обеспечение исполнения приговора и защиту публичных интересов, но с учетом частных. Эта мера балансирует публичные и частные интересы: с одной стороны, она гарантирует возмещение ущерба государству или потерпевшим, предотвращает отчуждение имущества в ущерб правосудию и укрепляет доверие к суду, а с другой - сохраняет право лица на пользование имуществом (например, жильем), если это не противоречит целям ареста, с возможностью снятия ареста и возмещения убытков в случае оправдания.

Денежное взыскание применяется за нарушение процессуальных обязанностей, таких как неявка без уважительных причин, нарушение порядка в судебном заседании или ненадлежащее поведение. Эта мера направлена на охрану публичных интересов, включая обеспечение дисциплины участников процесса, предотвращение затягивания дела и создание условий для эффективного правосудия. При этом частные интересы защищаются тем, что взыскание применяется только при наличии неправомерного поведения, его размер устанавливается в пределах, предусмотренных законом, а лицо имеет право обжаловать решение.

Примером является случай с адвокатом Б.О.И., которая была отведена от дела следователем, как свидетель. Б.О.И. была надлежащим образом уведомлена о вызове на допрос, но не явилась без уважительных причин. Суд установил нарушение обязанностей, предусмотренных ст. 56 ч. 6 п. 1 УПК РФ, и наложил денежное взыскание на основании статей 117-118 УПК РФ в размере 1000 рублей [8]. Неявка свидетеля могла повлиять на сроки и ход расследования, что нарушило бы публичный интерес в соблюдении порядка в уголовном процессе. Денежное взыскание в данном случае поддерживает процессуальную дисциплину, защищает авторитет правосудия и балансирует публичные и частные интересы.

Заключение. Анализ охраны прав участников уголовного процесса при применении иных мер принуждения подтверждает мысль о неразрывной связи публичных и частных интересов: частный интерес реализуется через публичные механизмы, так как защита прав личности является частью общего интереса общества. Такой подход позволяет учитывать общественную необходимость при защите прав личности и обеспечивать индивидуальные права в рамках реализации публичных интересов.

Таким образом, охрана частных и публичных интересов при применении мер уголовно-процессуального принуждения сводится к поиску разумного баланса между защитой общества и эффективностью правосудия (публичные интересы) и соблюдением прав и свобод каждого человека (частные интересы). Публичные интересы обеспечиваются через обеспечение нормального хода уголовного процесса и достижение целей правосудия. Частные интересы охраняются через минимизацию вмешательства в права личности, обеспечение законности применения мер принуждения и предоставление гарантий восстановления нарушенных прав.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портале правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.pravo.gov.ru, 04.07.2020.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 28.02.2025) // Парламентская газета. 22.12.2001. № 241-242.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 19 июня 2023 года № 33-П // Российская газета. 27.06.2023. № 138.
4. Определение от 18 апреля 2006 года № 114-О Конституционный Суд РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61161/ (дата обращения: 20.12.2024).
5. Апелляционное постановление № 10-1/2024 от 20 февраля 2024 г. по делу № 1-1/2024 Мамонтовский районный суд (Алтайский край). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sudact.ru/regular/doc/mgZ7hYXtXbLJ/?regular-txt=&regular-case_doc=№+10-1%2F2024+&regular-lawchunkinfo=&regular-date_from=&regular-date_to=&regular-workflow_stage=&regular-area=&regular-court=Мамонтовский+районный+суд+%28Алтайский+край%29&regular-judge.

6. Апелляционное постановление № 22-4246/2024 22К-4246/2024 от 3 июля 2024 г. по делу № 3/10-54/2024 Краснодарский краевой суд (Краснодарский край). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sudact.ru/regular/doc/9Qt87nQVYK5w/?regular-txt=привод+подозреваемого&regular-case_doc=&regular-lawchunkinfo=Статья+113.+Привод%28УПК+РФ%29&regular-date_from=&regular-date_to=&regular-workflow_stage=&regular-area=&regular-court=&regular-judge=&snippet_pos=556#snippet.
7. Апелляционное постановление № 22-9685/2023 от 5 декабря 2023 г. по делу № 1-38/2023 Красноярский краевой суд (Красноярский край). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sudact.ru/regular/doc/UJDjAYv7J0dw/?regular-txt=интерес+государства+и+общества&regular-case_doc=&regular-lawchunkinfo=Статья+114.+Временное+отстранение+от+должности%28УПК+РФ%29&regular-date_from=&regular-date_to=&regular-workflow_stage=&regular-area=&regular-court=&regular-judge=.
8. Апелляционное постановление № 22-1992/2023 от 17 октября 2023 г. по делу № 8/1-1/2023 Верховный Суд Удмуртской Республики (Удмуртская Республика). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sudact.ru/regular/doc/wVoB7qnFOOYJ/?regular-txt=&regular-case_doc=&regular-lawchunkinfo=Статья+117.+Денежное+взыскание%28УПК+РФ%29&regular-date_from=&regular-date_to=&regular-workflow_stage=&regular-area=&regular-court=&regular-judge=.
9. Приговор № 1-234/2024 от 10 июня 2024 г. по делу № 1-340/2023 Нефтекамский городской суд (Республика Башкортостан). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sudact.ru/regular/doc/nQdQ1RciJLYr/?regular-txt=публичный+интерес&regular-case_doc=&regular-lawchunkinfo=Статья+115.+Наложение+ареста+на+имущество%28УПК+РФ%29&regular-date_from=&regular-date_to=&regular-workflow_stage=&regular-area=&regular-court=&regular-judge=&snippet_pos=3492#snippet.
10. Багаутдинов Ф. Н. Публичные и личные интересы в российском уголовном судопроизводстве и гарантии их обеспечения на предварительном следствии: специальность 12.00.09 «Уголовный процесс»: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук. Москва, 2004. 56 с.
11. Гапонова В. Н. Применение временного отстранения от должности в уголовном судопроизводстве (теоретический и организационно-правовой аспекты): специальность 12.00.09 «Уголовный процесс»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Омск, 2016. 22 с.
12. Диваев А. Б. Меры пресечения в уголовном процессе: теоретические основы: монография. Новокузнецк: ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН России, 2020. 144 с.
13. Качалова О. В. Назначение уголовного судопроизводства сквозь призму материального права // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. № 3 (37). С. 109-112.
14. Ларин А. М. Защита прав человека и гражданина в уголовном судопроизводстве // Общая теория прав человека [Текст] / [В. А. Карташкин, Н. С. Колесова, А. М. Ларин и др.]; рук. авт. коллектива и отв. ред. Е. А. Лукашева; Ин-т государства и права Рос. акад. наук. Москва: Норма, 1996. 509 с.
15. Маликова Н. В., Абдразяпов Р. Р. Правовые и организационные проблемы применения обязательства о явке // Современные проблемы уголовного процесса: пути решения. 2022. С. 173-179.
16. Насонова И. А. О сущности уголовно-процессуальной защиты // Обвинение и защита по уголовным делам: исторический опыт и современность: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора Николая Сергеевича Алексеева, Санкт-Петербург, 28-29 июня 2014 года / Санкт-Петербургский государственный университет; под редакцией Н. Г. Стойко. Санкт-Петербург: Общество с ограниченной ответственностью «Центр социальных и правовых технологий», 2015. С. 358-369.
17. Петухов Е. Н. Механизм обеспечения надлежащего исполнения обязанностей участниками уголовного судопроизводства: автореферат дис. ... доктора юридических наук: Уфа, 2024. 45 с.
18. Беляев М. В., Качалов В. И., Качалова О. В., Марковичева Е. В. Свойства судебных решений и механизм их вынесения в уголовном судопроизводстве: учебное пособие. Москва: Проспект, 2021. 142 с.
19. Соколова М. В., Подустова О. Л. Обеспечение прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства при наложении ареста на имущество: теория и практика // Московский юридический форум онлайн 2020: сборник тезисов докладов: в 4 ч., Москва, 01-31 апреля 2020 года. - Ч. 3. Москва: РГ-Пресс, 2020. С. 165-168.
20. Шадрин В. С. Обеспечение прав личности при расследовании преступлений. – 2-е издание. Волгоград: Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, 1999. 228 с.

МИЩЕНКО Елена Валерьевна
доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник отдела подготовки кадров высшей квалификации научно-исследовательского центра, Военная ордена Жукова академия войск национальной гвардии Российской Федерации

МАРИНА Елена Александровна
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, Оренбургский государственный университет

Мищенко Е. В.

Марина Е. А.

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ПОДЛЕЖАЩИЕ ДОКАЗЫВАНИЮ ПО ДЕЛАМ О САМОВОЛЬНОМ ОСТАВЛЕНИИ ВОИНСКОЙ ЧАСТИ

Рассматриваются вопросы, связанные с производством по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 337 УК РФ. Анализируются подлежащие доказыванию обстоятельства и их специфика по делам против военной службы. Попутно отмечаются некоторые обстоятельства, позволяющие в ходе их установления отграничить самовольное оставление части от состава преступления, предусмотренного ст. 338 УК РФ (дезертирство). Уделяется внимание примечанию 1 к ст. 337 УК РФ. Сделан вывод, что от качества установления обстоятельств предмета доказывания зависит правильный исход рассмотрения уголовного дела в суде, а должная проверка и оценка доказательств, подтверждающих или опровергающих основания применения примечания 1 к ст. 337 УК РФ влияют на вынесение по делу справедливого судебного решения.

Ключевые слова: военные преступления, самовольное оставление воинской части, специальный субъект, предварительное расследование, предмет доказывания, состав преступления.

MISHCHENKO Elena Valerjevna
Ph.D. in Law, associate professor, chief researcher of the Department Training Highly Qualified Personnel of the Military Research Center, Military Order of Zhukov Academy of the National Guard of the Russian Federation

MARINA Elena Alexandrovna
Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Criminal process and criminalistics sub-faculty, Orenburg State University

CIRCUMSTANCES TO BE PROVED IN CASES OF UNAUTHORIZED ABANDONMENT OF A MILITARY UNIT

The issues related to criminal proceedings under Article 337 of the Criminal Code of the Russian Federation are being considered. The circumstances to be proved and their specifics in cases against military service are analyzed. Along the way, some circumstances are noted that make it possible, in the course of their establishment, to distinguish the unauthorized abandonment of a part from the corpus delicti provided for in Article 338 of the Criminal Code (desertion). Attention is paid to note 1 to art. 337 of the Criminal Code of the Russian Federation. It is concluded that the correct outcome of the consideration of a criminal case in court depends on the quality of establishing the circumstances of the subject of evidence, and due examination and evaluation of evidence confirming or refuting the grounds for applying Note 1 to art. 337 of the Criminal Code of the Russian Federation affect the fair trial in the case.

Keywords: war crimes, unauthorized abandonment of a military unit, special subject, preliminary investigation, subject of proof, corpus delicti.

Уголовно-правовая политика, как составная часть уголовной политики государства, обеспечивает единство законодательной и правоприменительной деятельности в рамках правового регулирования, которое направлено, прежде всего, на противодействие преступности. Преступность как социально-правовая категория тесно связана с теми экономическими, политическими и социальными процессами, которые протекают в обществе в конкретный исторический период. Так, изменение объектов преступлений отчетливо заметно в периоды социальных революций экономических кризисов, вооруженных конфликтов. Так, в отношении последнего отметим, что интерес к тематике военных преступлений в последние годы не ослабевает, на что влияет, безусловно, и текущая военно-политическая ситуация в стране. В частности, в преступлениях против военной службы за нарушением стоят интересы самого высокого порядка – военной безопасности государства, а когда такая безопасность под угрозой, также под угрозой оказывается защищенность жизненно важных интересов личности, общества и государства. Отсюда следует важность их уголовно-правовой охраны.

Уголовно-правовая охрана, как известно, охватывает деятельность по применению уголовно-правовых норм и по недопущению нарушения содержащихся в них запретов под угрозой наказания. В научной литературе отмечается мини-

мизация преступлений против военной службы в мирное время, но большая распространенность в период вооруженных конфликтов, как, например, в текущее время [1, с. 164]. Данное обстоятельство, полагаем, актуализирует задачу правильной квалификации таких преступлений, задачу обоснованного отграничение в процессе доказывания по таким уголовным делам смежных составов преступлений, а также установление всех значимых для дела обстоятельств для назначения справедливого наказания.

Одним из важнейших и наиболее давно существующих институтов уголовного судопроизводства является институт доказывания. Как известно, процесс расследования уголовного дела представляет собой изучение обстоятельств прошлого и неизвестного изначально события преступления, где доказывание – это форма деятельности конкретных субъектов, направленная на установление фактических обстоятельств уголовного дела. Поэтому хотелось бы остановиться на анализе обстоятельств, подлежащих доказыванию, по делам о самовольном оставлении воинской части (ст. 337 УК РФ), попутно отмечая некоторые обстоятельства, позволяющие в ходе их установления уверенно отграничить от состава преступления, предусмотренного ст. 338 УК РФ (дезертирство). В этой связи напомним общепризнанный постулат об обусловленности предмета доказывания по уголовному делу тем составом преступления, признаки которого были обнаружены в ходе проверки сообщения о преступлении [2, с. 99].

Воинские преступления относятся к преступлениям, спецификой которых, по мнению ученых, является то, что «вред общественному отношению наносится изнутри одним из субъектов правоотношения, одновременно являющимся и субъектом преступления» [3, с. 65; 4, с. 68]. В данном случае речь идет о воинских правоотношениях, а субъектом любых воинских уголовных правонарушений являются исключительно военнослужащие, проходящие воинскую службу по призыву либо по контракту, а также граждане, пребывающие в запасе, во время прохождения ими воинских сборов. Отсюда следует, что, прежде всего, обязательным для доказывания является наличие специального субъекта преступления, а именно установление того, что лицо совершило указанное в диспозиции определенной статьи о воинском преступлении деяние в период между началом и окончанием срока прохождения им военной службы, т.е. имело статус военнослужащего.

Что касается установления обстоятельств, предусмотренных п. 1 ч. 1 ст. 73 УПК РФ, то местом совершения преступлений, предусмотренных и ст. 337, и ст. 338 УК РФ, является место их окончания, в частности место задержания лица или явки его с повинной. При этом в ряде случаев установление этого обстоятельства позволяет с большой долей определенности отграничить указанные составы преступлений. Так, в случае, если лицо после оставления воинской части (признак, присущий обоим составам) не предпринимало мер, по сокрытию своего местоположения, более правдоподобными будут его показания о намерении в последующем вернуться в воинскую часть. Напротив, действия лица по сокрытию своего местоположения, принятия мер, затрудняющих его поиски представителями соответствующей воинской части или правоохранительных органов, могут свидетельствовать об отсутствии такого намерения.

По поводу способа совершения самовольного оставления части и дезертирства, то эти составы не различаются между собой по характеру действия и способам совершения. Различие заключается в объективном свойстве этих составов: в продолжительности отсутствия субъекта преступления из части, где особенностью дезертирства является то, что на его совершение не влияет срок отсутствия на военной службе. Если по ст.337 УК РФ тяжесть наказания напрямую зависит от сроков незаконного отсутствия в месте службы (до 10 дней, от 10 дней до 30, больше месяца), то дезертирство считается законченным непосредственно с момента ухода, и количество времени, проведенного вне службы, при назначении наказания судом во внимание не принимается.

Пунктом 2 ч. 1 ст. 73 УПК РФ предписывается необходимость установления виновности лица в совершении преступления, формы его вины и мотивов, что связывается с субъективной стороной состава любого преступления [5, с. 497]. Субъективная сторона самовольного оставления части или места службы всегда характеризуется прямым умыслом, но неявка в установленный срок может быть совершена и по неосторожности. Так, в качестве иллюстрации последнего можно привести пример, в котором военнослужащий после ранения и излечения в госпитале, прибыл домой в отпуск, а затем продолжал лечение в гражданской медицинской организации, полагая, что на костылях он не может принимать участие в боевых действиях, поэтому не может считаться самовольно оставившим военную службу.

Между тем, в сложившейся ситуации с момента, когда у военнослужащего закончился отпуск «по состоянию здоровья», он считается выбывшим из спектра воинских правоотношений, при отсутствии на руках заключения ВВК, устанавливающего категорию годности на определенный срок, который при этом не истек, военнослужащий считается самовольно оставившим часть. При этом факты обращения в гражданские медицинские организации могут быть учтены при принятии процессуального решения по результатам проверки в порядке ст.ст.144-145 УПК РФ в качестве уважительных причин отсутствия на службе. Но, по общему правилу, военнослужащий должен обращаться за медицинской помощью в военно-медицинские организации, и лишь при их «бессилии», по направлению получать медицинскую помощь в гражданских учреждениях, уведомив об этом командование части надлежащим образом [6].

Если в дальнейшем при проведении ВВК в рамках доследственной проверки будет установлена категория годности, позволяющая продолжать службу или равная установленной при поступлении на нее, то с большей долей вероятности военнослужащий будет привлечен к уголовной ответственности по ст. 337 УК РФ.

В свою очередь, мотивами данных действий могут выступать потребность помощи близким, стремление повидаться с родными, побыть дома, желание присутствовать на семейном торжестве и т.д., но на квалификацию преступления мотивы его совершения влияния не оказывают.

Стоит отметить, что изучение опубликованной судебной практики за 2024 год позволяет понять, что приговоров по обсуждаемым статьям достаточно много, а с началом специальной военной операции количество таких приговоров резко увеличилось [7, с. 32]. В частности, привлекаемые к ответственности по ст. 337 УК РФ в большинстве случаев в

качестве причины его совершения, указывали на усталость от военной службы, желание пожить гражданской жизнью, а также в оправдание приводили субъективно оцениваемые как объективные и уважительные обстоятельства, в числе которых, например, инвалидность близких родственников и потребность ухода за ними [8]. Между тем, для того, чтобы это было признанно уважительным обстоятельством, доказыванию подлежит нескольких условий: 1) военнослужащий должен быть единственным совместно проживающим членом семьи лица, за которым осуществляется уход; 2) необходимость постоянного ухода должна быть указана в программе реабилитации инвалида, установленной медико-социальной экспертизой.

Только в случае, если проверка это установит, есть основания для применения примечание 1 к ст. 337 УК РФ. Примечанием предусмотрен специальный вид освобождения от уголовной ответственности, согласно которому военнослужащий, впервые совершивший деяния, предусмотренные ч. ч. 1-4 ст. 337 УК РФ, может быть освобожден от уголовной ответственности, если самовольное оставление части или места службы, а равно неявка в срок без уважительных причин на службу явились следствием стечения тяжелых обстоятельств.

В соответствии с п. 49 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 11 от 18 мая 2023 г. под стечением тяжелых обстоятельств следует понимать объективно существовавшие на момент самовольного оставления части неблагоприятные жизненные ситуации личного, семейного или служебного характера, воспринимавшиеся лицом как негативные обстоятельства, под воздействием которых он принял решение совершить преступление. К ним могут относиться жизненные обстоятельства, обуславливающие необходимость его незамедлительного прибытия к месту нахождения близких родственников (тяжелое состояние здоровья отца, матери или других близких родственников, похороны и др.) либо существенно затрудняют его пребывание в месте службы в силу различных причин (неуставные действия, невозможность получить медицинскую помощь и пр.) [9]. Суд в каждом случае индивидуально решает вопрос об освобождении от уголовной ответственности в зависимости от обстоятельств.

Если же тяжелые обстоятельства устранены или отпали, а военнослужащий продолжает незаконно пребывать вне части (места службы), за последующее уклонение от военной службы он подлежит уголовной ответственности на общих основаниях. Органы, проводящие расследование должны досконально установить наличие или отсутствие оснований для применения указанного примечания.

Таким образом, нами показано, какие обстоятельства в первую очередь подлежат доказыванию при производстве по делам о преступлении, предусмотренном ст. 377 УК РФ. При этом качественная проверка и оценка доказательств, подтверждающих или опровергающих основания применения примечания 1 указанной нормы, безусловно, влияют на вынесение по делу справедливого судебного решения.

Пристатейный библиографический список

1. Поляков Р. А., Грабко Д. И. Проблемные вопросы регламентации уголовной ответственности за дезертирство // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 5-2. С. 164-168.
2. Корнакова С. В. Доказательства и доказывание в уголовном процессе: проблемы понимания их содержания // Lex Russica (Русский закон). 2023. Т. 76, № 1 (194). С. 98-109.
3. Семенов С. А. Понятие специального субъекта преступления // Журнал российского права. 1998. № 7. С. 65-69.
4. Семыкина Л. А. Понятие специального субъекта преступления // Вестник Донецкого национального университета. 2019. № 2. С. 68-73.
5. Завгороднева Е. В., Корнакова С. В. Состав преступления и предмет доказывания: к дискуссии о соотношении понятий // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15, № 4. С. 495-501.
6. Кулаков А. А. Самовольное оставление части. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://pravorub.ru/articles/104148.html
7. Горбаконин В. Д. Спорные вопросы судебной практики по уголовным делам о самовольном оставлении части или места службы // Правовая среда в современной России: проблемы и перспективы развития: сб. научн. ст., Саратов, 22.02.2024 г. Саратов: СВКИ войск национальной гвардии, 2024. С. 31-36.
8. Приговор Казанского гарнизонного военного суда (Республика Татарстан) от 15.01.2024 по делу № 1-17/2024. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://sudact.ru/regular/doc/6S5BzqXAc5x1/.
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18.05.2023 № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы» // Российская газета. 2023. № 120.

ШАПОВАЛОВА Татьяна Ивановна
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры судебной экспертизы, Сибирская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России, г. Железногорск; доцент кафедры правоведения, Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева, г. Красноярск

О НЕОБХОДИМОСТИ ЗАЛОГА КАК МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Меры пресечения при осуществлении уголовного судопроизводства - необходимый институт в большинстве стран. Россия в отличие от многих стран, обладает очень широким арсеналом мер пресечения. При этом практика показывает, что не все из закрепленных в УПК РФ мер пресечения активно применяются. Статистика показывает, что чаще всего следователи применяют подписку о невыезде, заключение под стражу и домашний арест.

В статье рассматривается вопрос о необходимости существования меры пресечения в виде залога в российском уголовном судопроизводстве. Автор анализирует точки зрения различных ученых-процессуалистов, высказывавшихся по данному вопросу.

Ключевые слова: меры пресечения, заключение под стражу, залог, освобождение до суда, имущественное положение, следователь, суд.

SHAPOVALOVA Tatyana Ivanovna
Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Forensic examination sub-faculty, Siberian Fire and Rescue Academy of the EMERCOM of Russia, Zheleznogorsk; associate professor of Jurisprudence sub-faculty, Academician M. F. Reshetnev Siberian State University of Science and Technology, Krasnoyarsk

ON THE NEED FOR BAIL AS A PREVENTIVE MEASURE IN RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS

Preventive measures in criminal proceedings are a necessary institution in most countries. Unlike many other countries, Russia has a very wide range of preventive measures. At the same time, practice shows that not all of the preventive measures stipulated in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation are actively applied. Statistics show that investigators most often use recognizance, detention and house arrest.

This paper examines the need for a preventive measure in the form of bail in Russian criminal proceedings. The author analyzes the points of view of various process scientists who have spoken on this issue.

Keywords: preventive measures; detention; bail; release before trial; property status; investigator; court.

Анализ одного из институтов уголовного судопроизводства – мера пресечения, которая дает основания с полной уверенностью утверждать, что в настоящее время во всем мире в странах с развитой судебной системой в уголовном судопроизводстве применяются меры пресечения и меры обеспечения. Самыми распространенными мерами пресечения являются в основном арест и залог. Более того, в тех странах, где экономика более или менее развита, залог применяется достаточно активно.

В ряде европейских стран залог – это не только мера пресечения, а еще и разновидность судебного контроля.

В США вообще существует несколько разновидностей залога:

– «полный гарантированный залог», когда подсудимый вносит сразу полностью всю сумму залога;

– «закрытый гарантированный залог», когда за подсудимого залог вносит залогодатель, обязуясь при этом обеспечить его надлежащее поведение;

– «залог-задаток», когда подсудимым вносится только 10 % от суммы залога;

– «негарантированный залог», который выплачивается только в случае нарушения подсудимым обязанности о явке в суд.

Россия, относящаяся к романо-германской системе права, имеет очень давнюю историю залога в качестве меры пресечения. Залог как мера пресечения пришла к нам именно из западных стран.

Залог в качестве меры пресечения присутствовал во всех УПК, принимавшихся в истории Российского государства.

Расцветом применения залога можно назвать период НЭПа с 1921 по 1927 год. Данный факт отмечал Буряков Алексей Дмитриевич, который еще в 1969 году в статье «Залог как мера пресечения в советском уголовном процессе» констатировал, что «в период рассвета НЭПА залог как мера пресечения получил широкое применение в уголовном процессе, как правило, залогодателями выступали представители отдельных социальных прослоек. Но в результате изменения социального строя, снизилась практическая значимость залога, а его применение на практике постепенно свелось на нет» [1].

При этом и в тот период отношение к данной мере пресечения у законодателя было не однозначным.

Если обратиться к Основам уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1924 года, то найдем в ст. 10 следующее: «Лишение свободы в качестве меры пресечения может быть заменено поручительством профессиональных и иных рабочих, крестьянских и общественных организаций. Замена лишения свободы денежным и имущественным залогом не допускается» [2].

Таблица 1. Правовая информация

Год	Показатель	Кол-во ходатайств	Удовлетворено	Доля удовлетворен-ных
2023	Взято под стражу судом по приговору с реальным лишением свободы	0	70 542	0
2023	Применение меры пресечения в виде заключения под стражу в период нахождения дела в судебном производстве	0	19 211	0
2023	Применен залог (заменена другой мерой пресечения) в период нахождения дела в судебном производстве	0	17	0
2023	Применен домашний арест (заменена другой мерой пресечения) в период нахождения дела в судебном производстве	0	1 579	0

Несмотря на это залог остается: был он и в УПК РСФСР 1960 года, есть он и в действующем УПК РФ.

Анализируя значение залога, многие советские и российские ученые-процессуалисты высказывали свое негативное отношение к данной мере пресечения.

Михаил Соломонович Строгович - советский правовед, доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент Академии наук СССР, говоря о залоге, отмечал в своей работе «Гарантии прав личности в уголовном судопроизводстве»: «... пользы и добра от этой меры пресечения никогда не было и не будет, а недоразумений и неувязок - всегда сколько угодно» [3].

Аналогичной точки зрения придерживается Владимир Михайлович Корнуков — доктор юридических наук, профессор, действительный член Академии гуманитарных наук, почётный работник высшего профессионального образования РФ. Он говорил о том, что применение залога вызывает отрицательное отношение, исходящее со стороны практиков уголовного процесса и «в качестве меры пресечения неприемлем для нашего законодательства с позиций достигнутых социальных и экономических преобразований» – «Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве» [4].

Согласен с ними и Юрий Данилович Лившиц - советский и российский правовед, один из основателей юридической научной школы Южного Урала отмечавший, что норма о залоге, является мертвой нормой. Он предлагал в своей работе «Меры пресечения в советском уголовном процессе» вообще искоренить применение имущественных мер пресечения, так как они не соответствуют условиям жизни советского общества [5].

Во всех этих высказываниях, несомненно, присутствует рациональное зерно. Если проанализировать статистику избрания мер пресечения, то можно увидеть, сколько незначительно количество случаев, где данная мера пресечения применялась. Данная тенденция наблюдается на протяжении многих лет.

Судебная практика последних 10-15 лет показывает, что залог, несмотря на все потуги законодателей, постепенно превращается в самую невостребованную меру пресечения.

Изученная судебная статистика за последние десять лет дает основания для неутешительных выводов: процент применения залога в качестве меры пресечения снизился до показателя менее 0,2 %. И это характерно для всех регионов России.

Судебный департамент при Верховном Суде РФ, в своих ежегодных обзорах указывает:

– в 2014 г. российские суды рассмотрели всего 256 ходатайств об избрании залога, из них удовлетворено 225 (88 %);

– в 2015 г. было рассмотрено 220 таких ходатайств, удовлетворено 189 (86 %);

– в 2016 г. рассмотрено 269 ходатайств, удовлетворено 229 из них (85 %);

– в 2018 г. – рассмотрено 122 ходатайства, удовлетворено 108 (88 %);

– в 2019 г. рассмотрено 87 ходатайств, удовлетворено 77 (88 %).

Заместитель Председателя Комиссии ФПА РФ по защите прав адвокатов Гаспарян Нвер, в своей статье «Беззалоговое» правосудие» отмечает, что за первое полугодие 2019 г., «на один случай применения залога суды отвечали 1213 случаями заключения под стражу.

Чтобы понять, насколько это мизерное количество, достаточно разделить 44 на количество судов субъектов Федерации. Получается, что один областной (республиканский, краевой) суд со всеми районными судами избирал меру пресечения в виде залога 0,5 раза за полгода, или примерно один раз за год» [6].

В настоящее время указанная тенденция совершенно не меняется. Так в течение всего 2020 года залог избирался 244 раза, освободили из под стражи в ходе судебного заседания с применением залога шесть раз.

По данным, которые приводит «Агентство правовой информации, 2015-2025» в 2023 году мало, что изменилось (таблица 1) [7].

Так чем же вызвано такое стойкое неприятие данной меры пресечения?

Если внимательно посмотреть, то с момента принятия УПК РФ данный институт постоянно преобразовывается. Поправки в статью 106 УПК РФ вносились в 2010, 2014, 2018, 2022 году. Законодатели пытаются хоть как-то активизировать применение этой меры пресечения в ходе судопроизводства, но, к сожалению, можем только констатировать, что какой-либо тенденции на увеличение количества избрания залога в настоящее время не усматривается.

По нашему мнению, это в первую очередь вызвано тем, что процедура избрания данной меры пресечения достаточно сложна. Любой следователь знает, что избрать меру пресечения содержание под стражей в разы проще, чем залог: не надо заморачиваться и устанавливать истинное финансовое

и материальное положение обвиняемого, так как без этого не получится определить оптимальную сумму залога, которая удержала бы обвиняемого от нарушений меры пресечения.

Заворотний А. С. в статье «К вопросу об эффективности залога как меры пресечения в уголовном судопроизводстве» отвечая на этот вопрос пишет: «Серьезной причиной недостаточно активного применения залога в правоохранительной практике является его весьма неопределенный характер. Существующие нормы уголовно-процессуального законодательства страны не содержат конкретных указаний по его применению. В частности, отсутствуют нормативно зафиксированные обозначения его оснований, точно не определены минимальный и максимальный размеры, не указаны преступления, при совершении которых залог может быть применен, сроки применения и гарантии обеспечения правового статуса залогодателя и т.п.» [8].

Доктор юридических наук Россинский Сергей Борисович в своих лекциях по мерам пресечения тоже обращает внимание на то, что залог применяется достаточно редко. В оценке причин этого мы с ним полностью согласны. По нашему мнению, и, по мнению Россинского С.Б. данная мера пресечения рассчитана и может быть применена только к одному социальному классу - среднему, а представители данного класса и так меньше других склонны к совершению преступлений.

Самый криминальный с точки зрения совершения преступлений - класс маргиналов (алкоголики, наркоманы, лица без определенного места жительства), живущие бедно, либо за чертой бедности. Сюда же можно отнести и гастарбайтеров. О каком залоге для этой категории лиц может идти речь? Где эти лица могут взять хотя бы 50 тысяч? Более того, условия жизни этих лиц таковы, что заключение под стражу их, как правило, не пугает - им там лучше: кормят регулярно и есть крыша над головой.

С другой стороны - класс олигархов, очень богатых людей. Определить, какая сумма для них будет являться, реальным сдерживающим фактором бывает просто невозможно. Последнее время у всех на слуху миллиардные хищения.

Например, в 2018 году защита совладельца группы «Сумма» Зиявудина Магомедова ходатайствовала перед судом о том, чтобы отпустить их подзащитного под залог в 2,5 млрд. рублей.

Именно по этой причине, полагаю, что в ст. 106 УПК РФ не определен максимальный размер залога, так как установить верхний предел суммы залога в современном российском обществе невозможно.

Ну и нельзя не отметить и то, что в УПК РФ на сегодня самое большое количество разнообразных мер пресечения - 7 видов. Следователь и судья всегда имеют возможность выбрать ту меру, которая не только обеспечит надлежащее поведение обвиняемого, но и будет наименее затратной в плане подготовки при ее избрании.

Названные причины, конечно же, не способствуют широкому применению залога в качестве меры уголовно-процессуального принуждения, несмотря на всю ее внешнюю привлекательность.

Возможно, пришло время для отмены залога в качестве меры пресечения?

Например, в Италии, вообще нет данной меры пресечения. Итальянские законодатели решили, что таким образом они исключают дискриминацию малоимущих слоев населения в ходе уголовного судопроизводства.

Пристатейный библиографический список

1. Буряков А. Д. Залог как мера пресечения в советском уголовном процессе. - Иркутск, 1969. - С. 284.
2. Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1924. - М., 1960. - С. 18.
3. Строгович М. С. Гарантии прав личности в уголовном судопроизводстве. - М., 1992. - С. 30.
4. Корнуков В. М. Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве. - Саратов, 1978. - С. 54.
5. Лившиц Ю. Д. Меры пресечения в советском уголовном процессе. - М., 1964.
6. Гаспарян Нвер «Беззалоговое» правосудие // Адвокатская газета. Орган Федеральной палаты адвокатов РФ от 25 марта 2020.
7. «Агентство правовой информации, 2015-2025» Уголовное судопроизводство. Применение мер пресечения. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: .
8. Заворотний А. С. К вопросу об эффективности залога как меры пресечения в уголовном судопроизводстве // Проблемы становления гражданского общества: сборник статей Международной научной конференции. - Иркутск, 2020. - С. 154-157.

DOI 10.46320/2073-4506-2025-4-203-422-425

ХАЛИЛЗАДЕ Фарид Расим оглы
докторант кафедры уголовного процесса, Юридический факультет, Бакинский государственный университет, Республика Азерюайджан

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ АЗЕРБАЙДЖАНА И УЗБЕКИСТАНА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

В статье проводится сравнительный анализ доказательств в уголовном процессе Азербайджана и Узбекистана. Рассматриваются историко-правовые предпосылки, влияние международных стандартов и национальных реформ на законодательство. Основное внимание уделено принципу презумпции невиновности, участию сторон в доказывании и процессуальному оформлению доказательств. Сравнительный подход выявляет как общие черты, так и уникальные особенности правоприменения, способствуя развитию теории и практики уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: уголовный процесс, доказательства, доказывание, презумпция невиновности, уголовно-процессуальное законодательство.

KHALİLZADE Farid Rasim oglu
doctoral student of Criminal process, Faculty of Law, Baku State University, Republic of Azerbaijan

EVIDENCE IN THE CRIMINAL PROCEEDINGS OF AZERBAIJAN AND UZBEKISTAN: A COMPARATIVE ANALYSIS

The article provides a comparative analysis of evidence in the criminal procedure of Azerbaijan and Uzbekistan. It examines the historical and legal prerequisites, the impact of international standards, and national reforms on legislation. Particular attention is given to the principle of the presumption of innocence, the participation of parties in the process of proving, and the procedural formalization of evidence. The comparative approach reveals both common features and unique aspects of law enforcement practices, contributing to the development of the theory and practice of criminal proceedings.

Keywords: criminal procedure, evidence, proving, presumption of innocence, criminal procedure legislation.

Введение

Вопросы доказывания в уголовном процессе остаются актуальными для многих стран. Эффективность доказательства напрямую влияет на обеспечение правосудия и защиту прав участников процесса, что требует теоретического и сравнительного анализа правовых систем. Сравнение Азербайджана и Узбекистана особенно важно, поскольку обе страны имеют общие историко-правовые основы, сформированные под влиянием СССР, и в значительной мере сохраняют советские традиции в уголовном процессе несмотря на реформы после независимости.

Обе страны тюркоязычные, с общими культурными и правовыми особенностями, что позволяет учитывать культурный контекст при сравнении. Несмотря на схожесть путей, Азербайджан имел опыт независимости в начале XX века (Азербайджанская Демократическая Республика, 1918-1920), чего не было в истории Узбекистана, что придаёт азербайджанской правовой системе уникальные черты.

Сравнительный анализ института доказывания позволяет исследовать, как исторический, культурный и политический контекст влияет на его развитие. За последние десятилетия обе страны провели правовые реформы, направленные на соблюдение международных стандартов при сохранении национальных особенностей. Азербайджан реализует реформы по защите прав человека и укреплению институтов правосудия; Узбекистан реформирует судебную систему, стремясь к большей прозрачности.

Изучение правовых подходов Азербайджана и Узбекистана выявляет особенности применения таких общих принципов, как презумпция невиновности, процессуальное оформление доказательств и роль сторон в процессе. Оба государства стремятся к интеграции в мировое правовое сообщество: Азербайджан — как член Совета Европы, Узбекистан — через укрепление международных связей. Это усиливает влияние международных стандартов на их уголовно-процессуальные системы.

Таким образом, статья посвящена глубокому анализу понятий и содержания доказывания в уголовном процессе Азербайджана и Узбекистана с целью выявления их сходств и различий.

1. Понятие доказывания и его уголовно-процессуальная характеристика

Доказательство в уголовном судопроизводстве представляет собой многоуровневый процесс, направленный на установление фактических обстоятельств, подтверждение или опровержение обвинения и принятие справедливого решения. Оно является основой уголовного процесса и включает сбор, проверку, оценку и процессуальное оформление доказательств.

Уголовно-процессуальное доказывание представляет собой деятельность участников процесса, регулируемую законом, с целью установления фактов, имеющих значение для рассмотрения уголовных дел, а также охватывает вопросы уголовного преследования.

Ключевым принципом доказывания является презумпция невиновности, согласно которой обязанность доказывания вины лежит на стороне обвинения, что соответствует

международным стандартам, таким как статья 6 Европейской конвенции о правах человека[1]. Азербайджан ратифицировал эту Конвенцию 15 апреля 2002 года[2], тогда как Узбекистан, не являясь членом Совета Европы, ее не ратифицировал. Однако Узбекистан, являясь членом ООН, ратифицировал ряд международных договоров, таких как Международный пакт о гражданских и политических правах (МПГПП)[3] и Конвенцию против пыток[4]. Азербайджан также ратифицировал данные международные акты[5] [6].

Несмотря на различия в международных обязательствах, обе страны ориентируются на соблюдение стандартов справедливого судопроизводства, регулируя институт доказывания как национальным законодательством, так и международными договорами. Эти стандарты направлены на обеспечение равенства сторон и допустимости доказательств в суде.

Доказывание служит основным механизмом реализации прав участников процесса: следователи осуществляют сбор доказательств, суды оценивают их допустимость и достоверность, адвокаты защиты представляют доказательства в интересах обвиняемого. При этом соблюдение критериев допустимости доказательств критически важно для объективности судебного разбирательства.

Таким образом, доказывание является неотъемлемой частью уголовного судопроизводства, обеспечивая право на справедливое судебное разбирательство и защиту прав человека.

2. Сравнение конституционных положений о презумпции невиновности в Азербайджане и Узбекистане

Сравнение принципа презумпции невиновности в Азербайджане и Узбекистане важно, так как обе страны, имея общее советское наследие в уголовном судопроизводстве, после обретения независимости стали развивать новые подходы, уделяя внимание правам обвиняемых.

В Азербайджане презумпция невиновности закреплена в статье 63 Конституции[7]: обвиняемый считается невиновным до вступления в законную силу приговора суда; при наличии обоснованных сомнений виновность не признается. Эти принципы дублируются в статье 21 УПК Азербайджана[8], где установлено, что обвинение обязано доказать вину, а не обвиняемый — свою невиновность.

В Узбекистане принцип презумпции невиновности изложен в статье 28 Конституции[9]: обвиняемый считается невиновным до доказывания вины на открытом судебном заседании и вступления приговора в силу. Хотя термин «презумпция невиновности» напрямую не используется, его суть полностью отражена. Конституция также подчеркивает, что признание вины само по себе недостаточно для вынесения обвинительного приговора и что все неустранимые сомнения толкуются в пользу обвиняемого[10].

Особенности регулирования:

• В Азербайджане особое внимание уделено расширенной защите: сомнения трактуются в пользу обвиняемого (Конституция, ст. 63.17, УПК, ст. 21.28).

• В Узбекистане дополнительное внимание уделено открытости судебного разбирательства и запрету на самообвинение.

• В Азербайджане право на защиту регулируется статьей 61 Конституции с момента задержания, аналогичное право установлено в Узбекистане.

Право не свидетельствовать против себя отражено в обеих конституциях. В Азербайджане оно уточняется в статье 66 Конституции и закреплено в УПК (ст. 19.7, 233.11), где оговаривается, что молчание обвиняемого не считается признанием вины.

Кроме того, статья 11 Закона Азербайджанской Республики «О судах и судьях» закрепляет обязанность судов соблюдать принцип презумпции невиновности при отправлении правосудия[11].

Сравнительный анализ показывает:

• В обеих странах презумпция невиновности является базовым принципом.

• Азербайджан применяет более широкий подход к защите от необоснованного обвинения.

• Узбекистан акцентирует внимание на открытости процесса и праве на молчание.

Таким образом, оба государства в своих конституциях и уголовно-процессуальных кодексах закрепили важнейшие международные стандарты защиты прав обвиняемого, от-

1 Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод. 1950. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.echr.coe.int/documents/d/echr/convention_ENG (дата обращения: 15.01.2025).

2 Закон Азербайджанской Республики «Об утверждении Конвенции о защите прав человека и основных свобод и её Протоколов № 1, 4, 6 и 7». 2002. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://e-qanun.az/framework/1405 (дата обращения: 02.04.2025).

3 Международный пакт о гражданских и политических правах. Принят 16 декабря 1966 г. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 2200A (XXI). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/international-covenant-civil-and-political-rights (дата обращения: 15.01.2025).

4 Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания. Принята 10 декабря 1984 г. резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 39/46. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/convention-against-torture-and-other-cruel-inhuman-or-degrading (дата обращения: 02.04.2025).

5 Закон Азербайджанской Республики о присоединении к Первому Факультативному протоколу к Международному пакту о гражданских и политических правах. 2001. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://e-qanun.az/framework/2708 (дата обращения: 02.04.2025).

6 Закон Азербайджанской Республики об утверждении Факультативного протокола к Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания. 2008. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://e-qanun.az/framework/16054 (дата обращения: 02.04.2025).

7 Конституция Азербайджанской Республики. 1995. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://e-qanun.az/framework/897 (дата обращения: 15.01.2025).

8 Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики. 2000. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://e-qanun.az/framework/46950 (дата обращения: 15.01.2025).

9 Конституция Республики Узбекистан. 1992. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://lex.uz/docs/6445147 (дата обращения: 15.01.2025).

10 Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан. 1994. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://lex.uz/ru/docs/111463 (дата обращения: 15.01.2025).

11 Закон Азербайджанской Республики «О судах и судьях». 1997. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://e-qanun.az/framework/3933 (дата обращения: 02.04.2025).

ражая при этом особенности своего правового развития и традиций.

3. Понятие «доказывания» в Уголовно-процессуальных кодексах Азербайджанской Республики и Республики Узбекистан

Статья 85 УПК Республики Узбекистан определяет доказывание как процесс сбора, проверки и оценки доказательств с целью установления истины по делу. Особое внимание уделяется установлению истины для справедливого и законного разрешения дела. Процесс доказывания рассматривается как неотъемлемая часть судопроизводства, направленная на защиту прав обвиняемого и обеспечение законности.

В Азербайджане статья 138 УПК определяет доказывание как получение, проверку и оценку доказательств, акцентируя внимание на установлении фактов обвинения. При этом пункт 7 статьи 125 Конституции Азербайджана также подчеркивает обязанность судов обеспечивать установление истины, что свидетельствует о стремлении к справедливому судебному разбирательству.

Отличительной чертой законодательства Азербайджана является применение принципов теории формальных доказательств, развившейся на основе инквизиционной практики[12]. И. Фойницкий отмечал, что правильное правосудие требует устранения произвола судей при оценке доказательств и обеспечения единообразия решений[13].

Эти идеи нашли отражение в статье 124 УПК Азербайджана8, согласно которой доказательства должны быть получены с соблюдением прав человека и на основании судебного решения (или постановления следователя в экстренных случаях). Пункты 124.1.1 и 124.1.2 уточняют, что доказательства должны подтверждать событие преступления, наличие признаков преступления, вину лица и иные значимые обстоятельства, что исключает произвольную оценку и усиливает правовую защиту.

Таким образом, в законодательстве Узбекистана и Азербайджана доказывание направлено на установление истины в рамках строгих процессуальных требований. В Азербайджане особое внимание уделено формальной теории доказательств, что способствует большей объективности судебных решений и защите прав обвиняемого.

4. Участники процесса доказывания

Статья 138.2 УПК Азербайджана8 и статья 86 УПК Узбекистана отражают разные подходы к роли участников доказывания. В Азербайджане обязанность доказывания вины возложена на обвинителя, что соответствует принципу презумпции невиновности и снижает нагрузку на защиту. К стороне обвинения относятся дознаватель, следователь, прокурор и потерпевший.

В Узбекистане доказывание осуществляют дознаватель, следователь, прокурор и суд. Кроме того, участие в доказывании предоставлено обвиняемому, его защитнику, потерпевшему, гражданским истцам и ответчикам, свидетелям и другим лицам.

Статья 143.2 УПК Азербайджана закрепляет право дознавателя, следователя, прокурора и суда требовать представления документов и проведения проверок, что также подчеркивает коллективный характер доказывания. Однако участие суда в процессе доказывания, как в Азербайджане, так и в Узбекистане, вызывает споры о соответствии принципу состязательности.

Активное участие суда, который одновременно оценивает и собирает доказательства, может создать риск нарушения баланса сторон. Защита сталкивается с необходимостью отстаивать позицию не только перед обвинением, но и перед судом, что усложняет защиту прав обвиняемого.

Национальная процессуальная литература Азербайджана (проф. Ф. Аббасова, стр. 332-334) выделяет четыре группы субъектов доказывания: (1) лица, ведущие производство; (2) лица с личным интересом; (3) источники доказательств; (4) лица, выполняющие вспомогательные функции [1].

Следует отметить, что в законодательстве Азербайджана суд не отнесён к стороне доказывания: суды осуществляют только отправление правосудия (статья 3 Закона «О судах и судьях»). В Узбекистане, напротив, суд прямо вовлечён в процесс доказывания, что при недостаточно чётком разграничении функций может создавать впечатление утраты нейтралитета суда.

В целях усиления принципа состязательности и беспристрастности предлагается уточнить нормы УПК Узбекистана, ограничив роль суда только разрешением дел без участия в доказывании.

5. Допустимость доказательств

Профессор Ф. Аббасова (стр. 301-302) отмечает, что в послевоенный период советской власти до конца 1950-х годов доминировал архаичный бытовой подход к доказательствам. Позднее в УПК АзССР 1981 года появилась логическая модель доказательств, которая также подверглась критике и была заменена на смешанную модель, применяемую ныне в Азербайджане.

Статья 124.1.1 УПК Азербайджана закрепляет соблюдение требований закона при получении доказательств без ограничения прав человека или на основании судебного решения. А. Атакиши подчеркивает (с. 3), что УПК Азербайджана сохранил советскую основу, но модернизирован в соответствии с Конституцией и международными стандартами, установив принцип состязательности [2].

Обе страны — Азербайджан и Узбекистан — применяют смешанную модель объяснения доказательств и признают состязательность основным принципом уголовного процесса. Однако различия проявляются в подходах к допустимости доказательств.

Статья 125 УПК Азербайджана регулирует допустимость доказательств, тогда как статья 95.1 УПК Уз-

12 Рамазанов Т. Б., Рамазанова Э. Т. Исторические типы доказательственных теорий и их значение для формирования российской теории доказательств в уголовном судопроизводстве // Cyberleninka. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/istoricheskie-tipy-dokazatelstvennyh-teoriy-i-ih-znachenie-dlya-formirovaniya-rossiyskoy-teorii-dokazatelstv-v-ugolovnom (с. 140). (дата обращения: 15.01.2025).

13 Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. II. Изд. 3, пересмотр. и доп. СПб., 1910. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://civil.consultant.ru/reprint/books/292/ (с. 208). (дата обращения: 15.01.2025).

бекистана акцентирует внимание на недопустимости. Азербайджанское законодательство устанавливает более комплексный подход, подробно классифицируя основания для исключения доказательств, при этом сохраняя принцип гибкости: в некоторых случаях доказательства с нарушениями могут быть использованы для привлечения к ответственности лица, их незаконно получившего.

В Узбекистане доказательства, полученные незаконным путем, полностью исключаются из процесса, что обеспечивает жесткую защиту прав, но может затруднить установление объективной истины.

Особое внимание в Азербайджане уделяется недопустимости доказательств, полученных через обман, пытки, насилие или нарушение права на защиту [8]. В Узбекистане аналогичные нормы зафиксированы в УПК и распространяются на шесть основных видов нарушений.

Оба законодательства предоставляют органам предварительного расследования, прокурорам и судам полномочия признавать доказательства недопустимыми как по собственной инициативе, так и по ходатайству сторон. При этом обязателен анализ обстоятельств получения доказательств.

Хотя подходы обеих стран к защите прав в уголовном процессе схожи, законодательство Азербайджана предлагает более системный, гибкий и сбалансированный механизм регулирования допустимости доказательств, позволяющий одновременно защищать права участников процесса и устанавливать объективную истину.

Преимущество азербайджанского законодательства заключается в его более прозрачной, структурированной системе доказывания, что способствует эффективной защите прав сторон и объективности судебных решений.

6. Заключение

В результате сравнительного анализа уголовно-процессуального законодательства Азербайджана и Узбекистана сделаны следующие выводы:

• Оба государства унаследовали правовые основы от советской системы, что повлияло на развитие их уголовного процесса. С обретением независимости в 1991 году начались реформы, направленные на соблюдение международных стандартов и защиту прав человека.

• Азербайджан и Узбекистан сохраняют многие черты советской модели, однако Азербайджанский уголовный процесс отличается большей гибкостью, а узбекский — формальной строгостью и акцентом на соблюдение процессуальных норм.

• УПК Азербайджана обеспечивает более широкую свободу в оценке доказательств, позволяя судьям гибко трактовать факты, при этом обе системы требуют строгого соблюдения процессуальных норм.

• Представление доказательств в обеих странах подчинено строгим правилам: доказательства, полученные с нарушением установленных процедур, не допускаются, что способствует защите прав обвиняемого.

• Судьи, адвокаты, прокуроры и следователи в обеих странах играют ключевую роль в судьбе уголовного дела. В Азербайджане судьи обладают большей свободой в оценке доказательств, что способствует более динамичному судебному процессу.

• Оба государства стремятся к балансу между правами обвиняемого и установлением истины. Доказательства должны собираться в строгом соответствии с процессуальными требованиями.

• Азербайджан и Узбекистан активно интегрируют международные стандарты защиты прав человека, что влияет на подходы к принятию и оценке доказательств.

• Ожидается дальнейшее сближение уголовно-процессуальных систем двух стран в ходе продолжающихся реформ. Обмен опытом может способствовать совершенствованию законодательства и практики доказывания.

• Несмотря на общие корни, по мере развития различия в правовых подходах Азербайджана и Узбекистана могут усиливаться, в зависимости от выбранных реформаторских стратегий.

• Оба государства продолжают отходить от советских правовых традиций, модернизируя свои системы в соответствии с современными требованиями к справедливому судебному разбирательству.

Пристатейный библиографический список

1. Аббасова Ф. Уголовный процесс (Общая часть). 3-е улучшенное изд. Баку, 2021.
2. Атакиши А. Реализация принципа состязательности в уголовном судопроизводстве Азербайджанской Республики. М.: Юрлитинформ, 2021.

DOI 10.46320/2073-4506-2025-4-203-426-428

ХУССАЙНИ Абдул Джамиль
аспирант 2-го курса кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

ИСТОЧНИКИ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА В ИСЛАМСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ ИРАН

Уголовный процесс в Иране, являющийся одним из основных и фундаментальных элементов судебной системы, который играет центральную роль в достижении справедливости и защите прав обвиняемого и членов общества. Данное исследование рассматривает источники уголовного процесса, включая Конституцию, обычные и специальные законы, обычаи, судебную доктрину и исламскую юриспруденцию (фикх). Конституция устанавливает основополагающие принципы справедливого судебного разбирательства, в то время как обычные и специальные законы определяют его практические аспекты. Обычаи играют важную дополнительную роль в случаях пробелов в законодательстве, а судебная доктрина способствует толкованию и развитию правовых норм через судебные прецеденты. Кроме того, исламская юриспруденция обеспечивает принципы, ориентированные на справедливость, в системах, основанных на шариате. Результаты исследования показывают, что взаимодействие между этими источниками в многоисточниковых системах играет решающую роль в обеспечении справедливого судебного разбирательства и защите прав участвующих сторон.

Ключевые слова: уголовный процесс, источники, Конституция, обычай, исламская юриспруденция (фикх), судебная доктрина.

HUSSAINI Abdul Jamil
postgraduate student of the 2nd course of Criminal law, criminal process and criminalistics sub-faculty, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

SOURCES OF THE CRIMINAL PROCESS IN THE ISLAMIC REPUBLIC OF IRAN

The Iranian criminal procedure system is based on a diverse and fundamental set of legal sources, which include the Constitution, statutory laws, religious sources based on Islamic jurisprudence, accepted international documents, judicial practices such as unified rulings, customs, and legal doctrine. These sources not only establish the operational and interpretative framework of criminal regulations but also play a significant role in ensuring criminal justice and protecting the rights of both the accused and the victim. Analyzing these sources from a legal perspective, in addition to clarifying their position and function within the judicial system, can lead to greater transparency in the judicial process and enhance the efficiency of the criminal justice system. This research, with an analytical approach, examines the sources of criminal procedure in Iran and evaluates their impact on the trial process.

Keywords: criminal procedure, sources, Constitution, custom, Islamic jurisprudence (Fiqh), judicial doctrine.

1. The Constitution of the Islamic Republic of Iran:

The Constitution of the Islamic Republic of Iran, which is one of the important and fundamental elements of the basic sources of criminal procedure, outlines the fundamental principles of this field and provides the necessary legal framework for regulating judicial processes. This law, by emphasizing the rights of the accused, the limitations on the exercise of state criminal power, and the guarantee of justice, serves as a foundation for ordinary laws and criminal procedure.

Articles 35, 22, 23, 32, and 167 of the Constitution play a central role in regulating procedural rules. The right to have legal counsel in Article 35 is considered one of the fundamental principles of a fair trial. Article 22, by emphasizing the inviolability of individuals' dignity, life, property, and other rights, reinforces the principle of legality of crimes and punishments, creating a barrier against criminal interventions outside the legal framework.

• Article 23: By prohibiting the investigation of beliefs, this article guarantees freedom of thought and expression. In the context of criminal procedure, this means that no one can be prosecuted solely for holding a belief. This article prevents government interference in personal matters and respects the intellectual and ideological independence of citizens.

• Article 32: This article addresses the rights of the accused during criminal proceedings and provides guarantees to ensure a fair trial. Among the most important guarantees are the right to liberty, the right to be informed of the charges, the right to access a lawyer, and the right to a fair trial. This article, by imposing limitations on the power of arrest and judicial prosecution, prevents the abuse of such power.

• Article 167: This article defines the judge's duty to uncover the truth and issue a fair ruling. The judge is required to refer to codified laws when issuing a ruling and, in the absence of such laws, to rely on authoritative Islamic sources. By emphasizing the necessity of a legal basis for rulings, this article prevents arbitrary and discretionary judgments.

In conclusion, it can be said that the principles of the constitution, as a legal framework, are of particular importance for guaranteeing individual rights against governmental power and establishing a fair and efficient judicial system.

2. Islamic Jurisprudence (Fiqh) Sources:

In the criminal procedure of Iran, the discussion revolves around the role of Islamic jurisprudence (Fiqh) sources and their potential use by judges. This debate stems from two fundamental principles of the Constitution of the Islamic Republic of Iran[1], each of which directly influences the manner in which judicial rulings are issued.

On one hand, Article 36 of the Constitution explicitly states: «A verdict to punish and its execution must be issued only by a competent court and in accordance with the law», emphasizing the rule of law and the necessity of adhering to codified laws. This principle ensures that judges cannot act outside the framework of the law or without a valid judicial ruling during the process of adjudication and punishment.

On the other hand, Article 167 of the Constitution obliges judges to use authoritative Islamic sources and valid fatwas (religious decrees) to issue rulings in cases where no clear provision exists in the codified laws: «The judge is obliged to make every effort to find the ruling for each case in the codified

1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.google.com/search Амери, 1388:14).

laws. If no such law exists, the judge must issue a ruling based on authoritative Islamic sources or valid fatwas. The judge cannot refuse to adjudicate or issue a ruling under the pretext of silence, deficiency, ambiguity, or contradiction in the codified laws».

a) Article 36 of the Constitution pertains to substantive matters related to criminal law, while Article 167 addresses procedural aspects of criminal procedure. Therefore, a judge cannot refer to Article 167 in the process of determining crimes and punishments, which are considered substantive matters. Article 167 is specifically applicable in procedural contexts, such as trial procedures and the defense rights of the accused.

Ultimately, Article 167, as a procedural framework in criminal proceedings, emphasizes the importance of respecting the defense rights of the accused and the principles of a fair trial. It can help ensure justice at various stages of the judicial process.

By examining the arguments of critics who oppose the application of Article 167 in criminal law, it becomes clear that the negative consequences of accepting this principle, particularly in the criminal justice system, are cited as the primary reason for its rejection. According to this group, accepting Article 167 in criminal law undermines the principle of legality of crimes and punishments, which is one of the fundamental pillars of criminal law.

Based on this approach, the perceived conflict between Articles 167 and 36 of the Constitution is, in fact, the result of an incorrect assumption of conflict between these two principles. For a conflict to exist, there must be a unity of subject matter, whereas the subject matter of these two constitutional articles differs.

Article 167 of the Constitution, which obliges judges to base their rulings on existing codified laws, initially emphasizes that the judge must issue a ruling based on «codified law». However, it then provides a solution for cases where the judge cannot find a ruling in the codified laws, offering a way to address legal gaps.

On the other hand, Article 36 of the Constitution emphasizes that the verdict to punish and its execution must be based on «law», but it does not use the term «codified law». This distinction is important, as the choice of words in the Constitution must be carefully considered. Article 36 broadly emphasizes the rule of law in defining crimes, punishments, and judicial procedures, encompassing all types of laws, whether codified or uncodified[2].

This approach also takes a broader view of the concept of the «rule of law», asserting that judges can utilize Fiqh sources to complete the judicial process when the codified law does not specifically address the issue at hand. This interpretation suggests that Article 167 of the Constitution indirectly influences Article 36, expanding the meaning of «law» beyond its apparent scope.

This approach has been accepted in various criminal laws. Article 167 of the Constitution, which emphasizes the importance of referencing legal and Fiqh sources in the judicial decision-making process, is directly reflected in criminal laws. In this regard, Article 214 of the Criminal Procedure Code of 1999 clearly states: «The court's ruling must be reasoned and justified, based on legal provisions and principles. The court is obliged to search for the ruling of each case in the codified laws. If no law exists on a specific matter, the court must issue a ruling based on authoritative Fiqh sources. Furthermore, the court cannot refuse to adjudicate or issue a ruling due to silence, deficiency, ambiguity, contradiction, or vagueness in the codified laws».

This principle and related provisions, particularly Article 214 of the Criminal Procedure Code, highlight the necessity of referencing existing laws and authoritative Fiqh sources in the judicial process. In this way, judicial authorities protect the rights of individuals when addressing complaints and disputes, preventing any delays or deficiencies in case proceedings. This enhances transparency, accuracy, and efficiency in the judicial process.

3. Judicial Precedent:

One of the important sources of criminal procedure in the legal system of Iran is judicial precedent. Judicial precedent refers to a collection of rulings and decisions issued by courts, particularly the Supreme Court, on specific matters. Judicial precedent is defined as the repeated and similar decisions of courts on identical issues, based on similar interpretations and inferences from the law.

For example, in certain crimes such as theft, a precedent may have been established where the amount of bail is directly related to the extent of the damage caused. In such cases, even if the law does not explicitly address this issue, judges typically follow this precedent[3].

The General Assembly of the Administrative Justice Court plays a significant role in safeguarding the boundaries of the law and its supremacy within the administrative system, as well as strengthening the foundations of public law. As the most important judicial body of the court and the counterpart to the General Assembly of the Supreme Court, the General Assembly of the Administrative Justice Court, in addition to issuing uniform rulings, has the authority to annul regulations and decrees[4].

The broad jurisdiction of the General Assembly of the Administrative Justice Court, as outlined in Article 12 of the Law on the Organization and Procedure of the Administrative Justice Court, includes not only issuing uniform rulings but also addressing objections related to regulations and decrees in which individuals typically do not have a direct interest. For such matters, the enforcement mechanism, namely annulment, is provided as the most important legislative guarantee.

From the perspective of comparative law and in light of the principles governing fair trial, judicial precedent in criminal procedure serves as a tool for coordination and coherence within the judicial system. Although judicial precedent in Iran is not considered a binding source of law alongside statutory law—since judges, under the Constitution of the Islamic Republic of Iran, do not have the authority to create legal rules—uniform rulings are regarded as supplementary sources of law. In other words, they play a complementary role to legislation. In many cases, especially in the absence of law or ambiguity in laws, judicial precedent serves as a practical guide for judges. Therefore, judicial precedent becomes a source of law when the laws are silent, incomplete, ambiguous, or in conflict with other laws regarding the case at hand. In such situations, judges refer to other sources such as custom, legal doctrine, and legal principles, and through their own interpretation and reasoning, issue rulings[5].

Thus, judicial precedent, by providing constructive interpretations of laws, can play a significant role in addressing the shortcomings of this legal source.

4. Legal Doctrine:

One of the important sources of criminal procedure is legal doctrine. Legal doctrine refers to the interpretations, analyses, and theories offered by professors, researchers, and legal scholars regarding criminal laws and regulations. These theories are typically published in the form of books, scholarly articles, and specialized research, playing a significant role in the development and clarification of legal concepts.

The importance of legal doctrine lies in the fact that the perspectives and analyses of prominent scholars, particularly in complex or ambiguous areas of law, can serve as a guide for judges and other actors in the judicial system. By providing systematic and logical interpretations, these theories enrich the legal literature of the country and contribute to a deeper understanding of legal concepts. Therefore, legal doctrine, as a guiding source, can be referenced in the process of issuing judicial rulings.

For example, suppose an article in the Criminal Procedure Code regarding the powers of an investigating judge is drafted in a general and ambiguous manner. In such cases, a judge may refer to the opinions of criminal law scholars who have analyzed this article in scholarly articles or authoritative books, clarifying

2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.google.com/search Хашми, 1375: 486).

3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.google.com/search Фатеми, 2015: 48).

4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://fa.wikisource.org/wiki (Явари, 1991: 22)

5 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.google.com/search Мирдамад Наджафабади, 2011: 61).

its practical applications. Although these opinions are not binding, they can strengthen the foundations of the court's ruling by relying on logical reasoning and scientific backing.

However, it must be emphasized that legal doctrine is not considered a binding source of law in the legal system of Iran and many other countries. Unlike statutory law, judicial precedent, or general legal principles, legal doctrine is merely advisory in nature. This means that judges are not obligated to follow legal doctrine and can make independent decisions based on the circumstances of the case and other legal sources.

Ultimately, legal doctrine, as one of the guiding sources, plays a significant role in enriching criminal law and criminal procedure. By offering scientific and practical interpretations, it can contribute to the advancement of judicial justice and the issuance of fair rulings. Although its non-binding nature is a limitation, its influence on the mindset of judges and the development of the country's legal literature is undeniable.

5. Custom:

Custom is one of the sources of criminal procedure. In defining custom, it is described as «a set of behaviors and practices agreed upon by the majority of society». In criminal law, custom serves four distinct functions[6]:

1. Defining Concepts: Custom can be used as a tool to define and explain legal concepts. This function is particularly important when the legislator has not provided precise definitions for certain concepts.

2. Identifying Instances and Applying Concepts to Cases: Custom plays a role in identifying specific behaviors and aligning them with legal concepts. This helps judges apply legal concepts to concrete cases, taking into account social and cultural conditions.

3. Criminalization Based on Custom: Sometimes, the legislator criminalizes certain behaviors based on societal norms and values. In such cases, custom serves as the basis for identifying behaviors that violate public order and social morality.

4. Custom as a Source of Inspiration for Legislators: Custom can inspire legislators in drafting new laws. By considering customs and social norms, legislators enact laws that align with the needs and conditions of society. These functions play a significant role in bridging law, culture, and society.

Additionally, custom is the sole source that judges must rely on when establishing the material element of a crime. For example, in recognizing the criminal nature of certain behaviors (such as the insulting nature of an act in the crime of defamation), or when analyzing the means of committing a crime (such as the necessity of possessing a weapon in certain crimes), or when the lethality of an act is a condition for the crime's commission, custom often governs. These statements also correspond to the role of time and place in criminal acts, which are related to these reasons. Ultimately, custom in criminal procedure acts as an executor and completer of the law, applied in cases of silence or ambiguity in codified laws. However, due to its connection to citizens' rights, it is subject to strict oversight and limitations and must be implemented within the framework of the law and principles of justice.

Conclusion:

Criminal procedure, as one of the fundamental pillars of the legal system, provides a coherent framework for achieving criminal justice and safeguarding individual rights by utilizing various complementary sources. The constitution, by establishing fundamental principles, lays the foundation for fair trial proceedings, while ordinary and specific laws define the necessary implementation mechanisms. Custom, as a supplementary source, plays a role in filling legal gaps, while judicial doctrine, through judicial precedents and the opinions of legal scholars, contributes to the interpretation and dynamism of the procedural system. Furthermore, in systems based on Islamic jurisprudence, legal rules emphasize justice and human dignity, serving as the basis for the formulation and enforcement of criminal regulations. The coordination among these sources enhances the efficiency of criminal procedure, ensures fair trials, protects individual rights, and creates a balance between social demands and citizens' rights.

6 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.google.com/search8Алидуст, 1388: 58).

References

1. Akhoond M. A. Results of the Traditional Approach in the Iranian Criminal System // Quarterly Journal of Legal Research. - 2009. - № 24. - P. 225-255.
2. Publications Related to the Organization of Endowments and Charitable Activities, 2015. - 1st ed.
3. Ardabili M. A. General Criminal Procedure. - Tehran: Mizan Publishing, 2000. - 1st ed.
4. Ardabili M. A. (2015). General Criminal Procedure. - Tehran: Mizan Publishing. - 12th ed.
5. Moderan M. Reality and Importance of Judicial Procedure. - Shiraz: Navid Shiraz, 2017.
6. Akhoondi M. Criminal Procedure Code. - Tehran: Publishing Organization and Publications Related to the Organization of Endowments and Charitable Activities, 2015. - 1st ed.
7. Jafari M., Mojtabi. Revisiting the Concept of Criminal Responsibility of Non-Verbs // Criminal Procedure Research. - 2016. - № 20. – P. 6.
8. Jafari M. D. Thought and Elevation. Tehran: Ganj-e Danesh Publications, 2000. Hasanzadeh, M. Citation of Reliable Sources and Authentic Islamic Fatwas in Judicial Proceedings // Legal Research. - 2008. - № 2.
9. Del Vecchio, Giorgio. Philosophy of Law: Translated by Javad Vahedi. - Tehran: Mizan Publishing, 2010. Zanjani, Omid. - Tehran: Amir Kabir Publications, 2002.
10. Sassani, Shaban Ali. Custom in Iranian Criminal Law: Master's Thesis. - Tehran: University of Tehran, 1997.
11. Ziaei Beigdeli, Mohammad Reza. Islam and International Law. - Tehran: Public Joint Stock Company, 1987.
12. Ameri, Faizeh. Critical Study of Article 197 of the Constitution with the Principle of Legality of Crimes and Punishments // Mofid Quarterly. - 2001. - № 26.
13. Alidoost, Abolghasem. Tehran: Research Institute of Islamic Culture and Thought, 2008. - 4th ed.
14. Fatemi, Soraya; Jalali, Mohammad. The Place and Role of Judicial Procedure in Administrative Law: First Edition. - Tehran: Jangal Publications, 2014.
15. Kiyasi, Jalaluddin. Method of Interpreting Criminal Legislation: Master's Thesis. - Tehran: Shahid Beheshti University, 2015.
16. Kiyasi, Jalaluddin; Dehghan, Hamid; Khosrowshahi, Qadratullah. General Criminal Law. 4th ed. - Qom: Hozeh and University Research Institute, 2012.
17. Katouzian N. Introduction to Legal Science and Study of the Iranian Legal System. - Tehran: Publishing House, 2012.
18. Mallory F. Legal Thoughts / Translated by M. Kalantarian. - Tehran: Age Publishing, 2008.
19. Mirdamad Najafabadi S. A. Competence and Limits of the Administrative Court of Justice // Marefat-e Hoquqi (Legal Knowledge). - 2011. - Vol. 1. - № 1.
20. Hashemi S. M. Constitutional Law of the Islamic Republic of Iran. - 2nd ed. - Qom: Qom Higher Education Complex, 1996.

DOI 10.46320/2073-4506-2025-4-203-439-440

ИГОШИН Владимир Геннадьевич
кандидат педагогических наук, доцент кафедры организации режима, охраны и конвоирования, Самарский юридический институт ФСИН России

ВНЕДРЕНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СИСТЕМУ БЕЗОПАСНОСТИ ПРИ ЛИКВИДАЦИИ ПОЖАРОВ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ

Данная тема является актуальной ввиду необходимости обеспечения безопасности в исправительных учреждениях и повышения эффективности противопожарных мероприятий и других профилактических мер. В статье также анализируется потенциал искусственного интеллекта для решения различного рода задач, таких как: преждевременное обнаружение источников возгорания, предупреждение пожаров, оптимизация эвакуационных мероприятий, осужденных и сотрудников, а также рациональное распределение ресурсов пожарной охраны, приобретение практических знаний в чрезвычайных ситуациях и эффективного распределения сотрудников для их устранения. Особое внимание уделяется использованию компьютерного зрения, машинного обучения и предиктивной аналитики для прогнозирования рисков, примерное изображение возможного распространения пожара и выстраивание работы персонала в подобных ситуациях. Статья рассматривает преимущества внедрения ИИ, включая снижение времени реагирования, сокращение материального ущерба и повышение уровня безопасности в исправительном учреждении жизни и здоровья осуждённых и сотрудников.

Ключевые слова: система безопасности, сотрудники УИС, осужденные, пожарная безопасность, искусственный интеллект, исправительные учреждения.

IGOSHIN Vladimir Gennadievich
Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor of Organization of regime, security and escort sub-faculty, Samara Law Institute of the FPS of Russia

THE INTRODUCTION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE INTO THE FIRE SAFETY SYSTEM IN THE PENAL SYSTEM

This topic is relevant due to the need to ensure safety in correctional institutions and increase the effectiveness of fire prevention measures and other preventive measures. The article also analyzes the potential of artificial intelligence to solve various types of tasks, such as: early detection of ignition sources, fire prevention, optimization of evacuation measures, convicts and employees, as well as the rational allocation of fire protection resources, the acquisition of practical knowledge in emergency situations and the effective allocation of staff to eliminate them. Particular attention is paid to the use of computer vision, machine learning, and predictive analytics to predict risks, provide an approximate image of the possible spread of a fire, and organize the work of personnel in such situations. The article considers the benefits of implementing AI, including reducing response times, reducing material damage and increasing the level of safety in the correctional institution of the life and health of convicts and employees.

Keywords: security system, prison staff, convicts, fire safety, artificial intelligence, correctional institutions.

Пожары в исправительных учреждениях представляют собой особую опасность, поскольку сочетают в себе угрозу для жизни и здоровья заключенных и персонала с риском массовых беспорядков, и побегов. Традиционные методы борьбы с пожарами часто оказываются недостаточно эффективными в условиях ограниченного пространства, высокой плотности населения и специфических условий содержания. Внедрение искусственного интеллекта (далее – ИИ) может значительно повысить эффективность при ликвидации пожаров в учреждениях УИС.

Таким образом, можно выделить следующие преимущества внедрения искусственного интеллекта для улучшения пожарной безопасности.

Современные системы компьютерного зрения, которые используют передовые алгоритмы искусственного интеллекта, обладают уникальной способностью к анализу видеоинформации, получаемой от камер наблюдения, в режиме, близком к реальному времени [1, с. 83]. Эти высокотехнологичные системы имеют возможность распознавать первые признаки начала возгорания на самых ранних этапах, что является значительным преимуществом перед традиционными средствами обнаружения пожара, такими как детекторы дыма или тепла, которые активируются уже после того, как пожар достигнет определенной стадии.

Благодаря этому, системы на базе ИИ могут своевременно сигнализировать о потенциальной угрозе, тем самым предоставляя возможность Дежурному помощнику начальника учреждения (далее ДПНУ) для принятия стратегически важных оперативных действий устранения чрезвычайных обстоятельств (далее ЧО). В частности, это дает шанс на быструю эвакуацию людей, находящихся в потенциально опасной зоне, до того, как огонь успеет распространиться и создать серьезную угрозу для их жизни и здоровья. Это не только повышает уровень безопасности, но и значительно снижает риск возникновения серьезных последствий в случае пожара [2, с. 490].

ИИ может моделировать различные сценарии эвакуации, учитывая расположение камер, коридоров, выходов и особенности планировки учреждения, значительно превосходя возможности традиционных методов планирования и оповещения о пожаре. Вместо статичных планов, созданных на основе предположений, ИИ использует динамическое моделирование, которое учитывает текущую обстановку в реальном времени. Например, система может анализировать данные с видеокамер, определять места скопления людей, препятствия на пути к выходу и даже оценивать психологическое состояние осужденных по их поведению, что позволяет корректировать план эвакуации в процессе.

Это позволяет разработать оптимальные маршруты эвакуации, таким образом, сокращая время на выведение осужденных из опасной зоны и обеспечивая наибольшую безопасность. Алгоритмы ИИ могут учитывать не только физическую структуру здания, но и такие факторы, как пожарная нагрузка в различных зонах, скорость распространения дыма и огня, а также количество и расположение персонала, обеспечивающего эвакуацию.

Использование ИИ для моделирования эвакуации превращает статичный план в динамический инструмент, спо-

собный реагировать на изменения ситуации в реальном времени и обеспечивающий максимальную эффективность, и безопасность процесса эвакуации в условиях чрезвычайной ситуации. Это позволяет значительно сократить время эвакуации и снизить риск человеческих жертв.

С помощью этой модели искусственный интеллект определяет наилучшие пути для пожарных бригад, учитывая загруженность дорог, наличие препятствий и наличие гидрантов. Система может автоматически распределять ресурсы, направляя команды к наиболее критическим точкам, например, к местам с большим количеством людей или к очагам пожара, которые могут распространиться на соседние здания. Это значительно сокращает время реагирования и повышает эффективность тушения. Кроме того, ИИ может оптимизировать использование воды, предотвращая её неэффективное использование. Система анализирует интенсивность горения и прогнозирует необходимое количество воды для успешного тушения, минимизируя ее расход и предотвращая повреждение имущества из-за избыточного повреждения.

Кроме того, ИИ способен контролировать уровень давления в пожарных шлангах и оповещать о потенциальных проблемах, что предотвращает возможные проблемы и сбои в работе.

Интеграция с системами управления зданием позволяет ИИ контролировать автоматическими системами пожаротушения, такими как спринклеры и системы дымоудаления, направляя их работу к текущим проблемам, что помогает нейтрализовать пожар и обеспечить безопасность.

При проведении проверок ИИ может определить участки, которые стоит обследовать в первую очередь [4, с. 86]. Например, система может предложить замену старой проводки в определенных блоках, благодаря проведенному анализу данных о количестве коротких замыканий в прошлом и старому оборудования.

Кроме того, с помощью ИИ станет возможным внедрение дополнительных мер безопасности, таких как, установка новых датчиков или автоматических систем пожаротушения в критических зонах.

Анализируя данные состояния электропроводки, пожарной сигнализации и других систем выходит за рамки простого технического обслуживания. Поэтому внедрение ИИ может осуществлять непрерывный мониторинг состояния систем безопасности и других приборов, выявляя возможные поломки и предотвращая потенциальные отказы. Это позволяет своевременно проводить ремонт или замену неисправных компонентов, предотвращая возникновение пожаров из-за технических неполадок.

Система может анализировать данные о температуре проводов, уровне напряжения, состоянии изоляции и других параметров, выявляя отклонения от нормы и сигнализируя о потенциальных угрозах. Более того, ИИ может интегрироваться с системами управления зданием, автоматически отслеживая и анализируя данные от различных датчиков, создавая целостную картину состояния безопасности учреждения и прогнозируя потенциальные риски возникновения пожаров [5, с. 134].

Такой подход позволяет перейти от реактивного подхода к профилактическому, значительно снижая общие риски и повышая безопасность исправительного учреждения.

Работу можно оптимизировать за счет ИИ, ведь в условиях пожара, выходя за рамки традиционных систем оповещения и управления. Вместо хаотичного реагирования на экстренную ситуацию, ИИ обеспечивает структурированный и эффективный подход, сокращает время обработки решения сотрудников УИС и увеличивает эффективность их действий при ЧО.

Это позволяет оперативно направить необходимые ресурсы в нужную точку, избегая лишних перемещений и задержек. ИИ может автоматически определять приоритетность задач, направляя персонал к наиболее критическим зонам и обеспечивая эффективное распределение обязанностей. Например, система может автоматически назначить определённые группы сотрудников на эвакуацию заключенных из конкретных блоков, учитывая их навыки и местонахождение.

Распределение обязанностей в ходе ликвидации и эвакуации выходит за рамки простого списка поручений. ИИ может учитывать индивидуальные навыки и опыт сотрудников, оптимизируя их распределение в зависимости от текущей ситуации. Система может автоматически назначать задачи, учитывать физическую нагрузку и уровень квалификации, сводя к минимуму риск человеческих ошибок и истощения сил.

Кроме того, ИИ помогает организовать эффективное взаимодействие различных служб, обеспечивая бесперебойную коммуникацию между пожарными, медицинским персоналом, руководством учреждения и другими подразделениями.

Система может автоматически создавать отчеты о ситуации в режиме реального времени, предоставляя оперативную информацию всем заинтересованным сторонам. Отслеживание местонахождения и состояния персонала в режиме реального времени – это критически важная функция в экстренных ситуациях.

Система может использовать GPS-трекеры, RFID-метки или данные с видеокамер, чтобы отслеживать местоположение каждого сотрудника и передавать эту информацию в центральный пункт управления. Это позволяет руководителям оперативно оценивать ситуацию, координировать действия и, в случае необходимости, оказывать помощь сотрудникам, попавшим в опасную зону.

Более того, ИИ может анализировать физиологические показатели сотрудников (если доступны соответствующие данные) и сигнализировать о признаках стресса или переутомления, позволяя своевременно заменить сотрудников и предотвратить ошибки, связанные с усталостью. В итоге, внедрение ИИ в управление персоналом во время ликвидации пожара не просто автоматизирует процессы, а создает интеллектуальную систему, которая оптимизирует действия всех участников, повышая безопасность и эффективность операций.

Но стоит отметить, то, что стоимость внедрения ИИ в систему безопасности требует значительных финансовых вложений, и необходимо заранее предусмотреть возможность интеграции с оборудованием, установленным в настоящий момент в исправительных учреждениях.

Внедрение ИИ в систему пожарной безопасности ИУ – это перспективное направление, которое позволит эффективно развить систему безопасности в учреждении. Несмотря на некоторые проблемные аспекты, преимуществ у внедрения ИИ значительно больше. Дальнейшее развитие технологий и интегрировать данную систему и снизить риски и обеспечить безопасность осужденных и сотрудников УИС.

Пристатейный библиографический список

1. Вальков А. И. Современные технологии: обзор систем компьютерного зрения // Каспий XXI века: пути устойчивого развития. - 2020. - С. 82-85.
2. Бачевский И. В., Печенев В. А., Побединский В. В. Система пожарной сигнализации с искусственным интеллектом // Материалы XVII Всероссийской (национальной) научно-технической конференции студентов и аспирантов. - УГЛТУ, 2021. - С. 489-492.
3. Поначугин А. В., Краснопевцев В. А., Михайлов А. А. Искусственный интеллект: тенденции развития // Фундаментальные и прикладные исследования в области высоких технологий. - 2023. - С. 58-64.
4. Абламейко С., Шакель Н. В., Богуш Р. П. Использование систем искусственного интеллекта при обеспечении общественной безопасности в «умном городе»: юридические аспекты // Вестник Полоцкого государственного университета. - 2021. - № 5. - С. 84-92.
5. Актаева А. У., Дуйсенбайулы Ж. Т., Сарсенбаева Ж. Искусственный интеллект и пожарная безопасность // Наука и реальность/Science & Reality. - 2023. - № 1 (13). - С. 133-136.

ТЕРЕЩЕНКО Анжелика Ивановна
старший преподаватель кафедры административно-правовых дисциплин, Самарский юридический институт ФСИН России

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПОЛУЧЕНИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ ОСУЖДЕННЫМИ, НАХОДЯЩИМИСЯ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

В статье рассматривается исторический экскурс в дореволюционный и советский периоды развития сферы предоставления медицинской помощи осужденным, находящимся в местах лишения свободы, дается оценка состоянию указанной деятельности на современном этапе. Автор предпринимает попытку проанализировать актуальные проблемы получения медицинской помощи осужденными в исправительных учреждениях, констатирует, что формально осужденные наделены таким же правом на охрану здоровья и получение медицинской помощи, как и законопослушные граждане, однако обнаруживается умаление их прав на получение таких услуг.

Ключевые слова: добровольное медицинское страхование, медицинская помощь, медицинские услуги, осужденные, охрана здоровья, спецконтингент.

TERESHCHENKO Anzhelika Ivanovna
senior lecturer of Administrative and legal disciplines sub-faculty, Samara Law Institute of the FPS of Russia

HISTORICAL ASPECTS AND THE CURRENT STATE OF RECEIVING MEDICAL CARE BY CONVICTS IN PRISON INSTITUTIONS

The article provides a historical overview of the pre-revolutionary and Soviet periods of development of the sphere of providing medical care to convicts in prisons, and assesses the current state of this activity. The author attempts to analyze the current problems of receiving medical care by convicts in correctional institutions, and states that formally convicts have the same right to health protection and medical care as law-abiding citizens, but their rights to receive such services are diminished.

Keywords: voluntary health insurance, medical care, medical services, convicts, health protection, special contingent.

Согласно ст. 41 Конституции РФ каждый имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь. Думается, что данный конституционный принцип не может быть исключением для тех лиц, что были осуждены к лишению свободы (далее – осужденные).

Лишая людей свободы, государство берет на себя ответственность за их здоровье как с точки зрения условий, в которых они содержатся под стражей, так и с точки зрения индивидуального лечения, которое может потребоваться, гласит руководство ВОЗ по основным аспектам охраны здоровья в местах лишения свободы [1, с. 7-8].

В России медицинскую помощь осужденным стали оказывать с XVIII в. Конечно, заболевших колодников лечили и ранее, но медицинская помощь для них была эпизодической, оказываемой на благотворительной основе, а также в форме общественного милосердия. Сохранение здоровья осужденных являлось заботой, прежде всего, их самих, а также их родных и близких. Каких-либо норм, относящихся к лечению осужденных, к порядку предоставления им врачебной помощи отечественное законодательство не содержало. Объяснить это можно двумя основными причинами: преобладанием карательного компонента в содержании наказания; слабостью развития российской медицины в целом.

Последовавшее в XVIII в. изменение уголовно-исполнительной политики, когда наряду с покаранием преступников у наказания появилась и цель их исправления, происходившее на фоне открытия больниц, аптек, увеличения доступности медицинских услуг, привело к признанию государством потребности в лечении болеющих осужденных за счет казны. И такие средства, пусть и не регулярно, но стали выделяться. У заболевших арестантов появилась возможность для прохождения лечения в больницах (правда, не всегда, а только в некоторых случаях, но наравне со свободными людьми). Указанные новшества были напрямую связаны с именем Екатерины II, которая стала инициатором изменения отношения к осужденным в целом, и их лечению в частности, задав иной вектор в данном вопросе на ближайшие столетия.

Знаковым событием в деле оказания врачебной помощи осужденным стало образование в 1879 г. Главного тюремного управления страны. Именно с созданием данного ведомства, его действиями руководящего характера, О. А. Тарасов и С. А. Васильева связывают появление систематичности в оказании медицинской помощи осужденным [2, с. 12].

Однако, несмотря на предпринимаемые государством меры, говорить о надлежащем состоянии санитарии и медицины в местах лишения свободы, к началу XX в., по мнению М. Н. Гернета, было нельзя в силу: переполненности и неустроенности тюрем; скудности пищи, выделяемой осужденным; неправильно организованной врачебной помощи; нехватки финансирования мест лишения свободы [3, с. 33].

После октября 1917 г. в первые десятилетия советской власти - ситуация с оказанием медицинской помощи осужденным существенным образом не улучшилась. Этот период стал временем крайней трагичности для всей системы мест лишения свободы. В силу ряда причин: болезней, вынужденного тяжелого изнуряющего труда, неустроенности быта, – в них фиксировались многочисленные смерти осужденных. Медицинская помощь осужденным оказывалась (заслуга медико-санитарной службой ГУЛАГа учеными не оспаривается), но ее было недостаточно, она не могла преодолеть последствий существовавших негативных факторов пребывания осужденных в местах лишения свободы.

Важные новшества стали наполнять медицинскую систему пенитенциарных учреждений с конца 50-х гг. XX в. В тех колониях, что отличались большой численностью осужденных, в 1957 г. создаются медсанчасти со стационарами (количество коек в последних варьировалось от 10 до 35), там же где количество осужденных было невелико – амбулатории с изоляторами (количество коек ограничивалось пятью). В 1969 г. пенитенциарная медицина начинает входить в структуру МВД (его

Центральный аппарат). Меняется регламентация оказания медицинской помощи осужденным: все работы лечебно-профилактического и противоэпидемического характера осуществляются уже в соответствии с законодательством о здравоохранении. В 1989 г. вступает в силу порядок организации медицинской службы УИС, сохранивший свою актуальность до 2004 г. и затронувший в числе прочих вопросов порядок оказания медицинской помощи осужденным, как в стационарах, так и амбулаторно.

Анализ современного состояния оказания медицинской помощи спецконтингенту в 20-е г. XXI в. позволяет заключить, что оно в сравнении с предыдущими этапами эволюционирования данного вида деятельности находится в наивысшей точке своего развития (говорить о максимально возможной пока не приходится). Объясняется это развитием отечественной медицины и стремлением государства следовать идеям гуманизма по отношению ко всем его гражданам, включая осужденных.

В современной России охрана здоровья спецконтингента и получение им медицинских услуг подчиняются тем же правовым нормам, что и для законопослушных граждан, и в первую очередь, помимо конституционных норм, нормам ФЗ от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об основах здоровья граждан в Российской Федерации» – далее Закон об охране здоровья [4].

Охрана здоровья осужденных и получение им медицинских услуг регламентировано теми же правовыми нормами, что и для законопослушных граждан, и в первую очередь, помимо конституционных норм, нормами ФЗ от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об основах здоровья граждан в Российской Федерации» - далее Закон об охране здоровья [4]. Специальные нормы по этому вопросу содержатся в Уголовно-исполнительном кодексе РФ – далее УИК РФ [5] – ст. 12 и ст. 101; Правилах внутреннего распорядка исправительных учреждений 2022 г. (далее – ПВР ИУ) [6]: п. 92, п. 93, п. 96 – п. 101, п. 154 – п. 198; и др.

Указанные правовые нормы об оказании медицинской помощи осужденным, являются действующими и применяющимися, но при этом не в полной мере соответствующими потребностям практики, затрудняющими возможность реализации осужденными своих прав в сфере охраны здоровья и оказания помощи медицинского характера.

На практике существуют сложности с получением осужденными тех медицинских услуг, которые предоставляются на платной основе. При этом такое право у осужденных есть, и зафиксировано оно в ч.1 ст. 84 Закона об охране здоровья, то есть любой гражданин, а значит, и осужденный, имеет субъективное право на самостоятельное, по своей воле, обращение за медицинскими услугами, носящими возмездный характер.

Оказать платную услугу могут в условиях лечебных учреждений, относящихся как к ведению УИС, так и к ведению системы здравоохранения.

В п. 99 ПВР ИУ оговаривается необходимость оплаты осужденным выбранной медицинской услуги из собственных денежных средств, в их пределах. Осужденный должен перевести деньги с принадлежащего ему лицевого счета на реквизиты тех лиц, что ему ее оказали медицинскую услугу (п. 101 ПВР ИУ). Однако у многих осужденных, нуждающихся в медицинских услугах, денег попросту нет. Заработная плата, пенсии и иные доходы, что поступают спецконтингенту, не зачисляются в полном объеме на лицевые счета: сначала ими покрываются затраты на содержание осужденных, то есть даже наличие у него денежных средств не гарантирует, что останется возможность оплатить дорогую медицинскую.

Предоставление медицинских услуг на платной основе сопряжено с еще одной проблемой, решение которой требует внесения изменений уже в ПВР ИУ. Как следует из п. 96 данного документа, осужденный, испытывающий потребность в медицинской услуге, оплачиваемой за свой счет, должен обратиться к начальнику ИУ или к лицу, которое его замещает за соответствующим разрешением, указав какая именно ДЛПУ и от какой организации ему нужна. При этом заявление должно быть предварительно одобрено начальником медицинской организации УИС. Однако начальник ИУ не может быть отнесен к числу лиц, сведущих в медицине, значит, ему будет трудно оценить целесообразность запрашиваемой медицинской услуги. Как следствие, возможен необоснованный отказ в платной медицинской помощи либо затягивание решения вопроса в связи с проведением консультаций с врачами медико-санитарной части, ее начальником.

В этой связи поддерживаем предложение ученых Л. Н. Одинцовой и В. Н. Савицкого, предлагающих отдать право принятия решений по заявлениям о предоставлении платных медицинских услуг непосредственно начальникам медико-санитарных частей [7, с. 52].

Несогласие вызывает еще одно законодательное решение, а именно запрет на действие договора о добровольном медицинском страховании (далее – ДМС) с осужденными. Получается, гражданин, заключив договор ДМС, исправно и добровольно перед осуждением платил взносы, а оказавшись в местах лишения свободы, он необоснованно расторгается. Данная ситуация видится негуманной, и, в связи с этим предлагаем внести изменения в указанную норму Закона об охране здоровья, то есть, отказаться от правила о расторжении договора ДМС с такими лицами.

Таким образом, считаем, что внесение предложенных изменений в законодательство поможет максимально соблюдать законные права и интересы осужденных.

Пристатейный библиографический список

1. Руководство Всемирной организации здравоохранения по основным аспектам охраны здоровья в местах лишения свободы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://xn----7sbabhak4bqktigbdqi0yka.xn--p1ai/images/documents/megd_doc/health2008.pdf. - 218 с. (дата обращения: 28.10.2024).
2. Тарасов О. А., Васильева С. А Медико-санитарное обеспечение в уголовно-исполнительной системе: связь времен // Ведомости уголовно-исполнительной системы. - 2024. - № 4. - С. 7-19.
3. Гернет М. Н. История царской тюрьмы. - Т. 3. – 1870-1900. - М.: Госюриздат, 1961. - 430 с.
4. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства РФ. - 2011. - № 48. - Ст. 6724.
5. Уголовно-исполнительный кодекс РФ от 08 января 1997 г. № 1-ФЗ (ред. от 25.10.2024) // Собрание законодательства РФ. - 1997. - № 2. - Ст. 198.
6. Правила внутреннего распорядка исправительных учреждений, утвержденные приказом Минюста России от 04.07.2022 № 110 (ред. от 06.12.2024) // Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru) 6 июля 2022 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202207060002?ysclid=mak0xti1l6656147832.
7. Одинцова Л. Н., Савицкий В. Н. Некоторые проблемы медико-санитарного обеспечения осужденных к лишению свободы // Государство и право: теория и практика. - 2019. - № 1. - С. 44-55.

ГАЙНЕЛЬЗЯНОВА Венера Равилевна
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики, Уфимский юридический институт МВД России

МИРОЛЮБОВ Сергей Леонидович
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, Казанский филиал, Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева

ВАРЛАМОВ Сергей Александрович
кандидат педагогических наук, доцент кафедры криминалистики, Казанский юридический институт МВД России

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ЭКСПЕРТИЗЫ ЗАПАХОВЫХ СЛЕДОВ ЧЕЛОВЕКА В РАССЛЕДОВАНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ

В статье рассматриваются вопросы возникновения, развития и современного состояния ольфакторной судебной экспертизы. Определены правовые основы криминалистического исследования запаховых следов. Приводятся количественные и качественные ее показатели. Подробно отражена в диаграммах динамика деятельности лабораторий исследований запаховых следов человека по запросам органов дознания. Вместе с тем указывается количество экспертиз следов человека в Российской Федерации. Анализируются обонятельные возможности собаки и человека. Обозреваются современные методики ее проведения. Проведен подробный анализ вопроса повторности указанных исследований в правоприменительной практике. Обозначены перспективные векторы развития. Предлагается проработка тотальной цифровизации всех направлений экспертной деятельности, используя электронные устройства типа «электронный нос». Рассматриваются возможности ольфакторной экспертизы, где разработаны и внедрены технологии выделения запаха из объекта носителя, а также консервации, позволяющей сохранить его бесконечно долго, с внедрением которых открылись новые возможности по расследованию преступлений прошлых лет.

Ключевые слова: экспертиза запаховых следов человека, био-детектор, запаховые рецепторы, возможности обоняния человека, шалайка.

GAYNELZYANOVA Venera Ravilevna
Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Criminalistics sub-faculty, Ufa Law Institute of the MIA of Russia

MIROLYUBOV Sergey Leonidovich
Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Criminal-legal disciplines sub-faculty, Kazan branch, V. M. Lebedev Russian State University of Justice

VARLAMOV Sergey Alexandrovich
Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor of Criminalistics sub-faculty, Kazan Law Institute of the MIA of Russia

CURRENT STATE OF HUMAN ODOR TRACE EXAMINATION IN CRIMINAL INVESTIGATIONS

The article considers the issues of origin, development and current state of olfactory forensic examination. The legal basis for forensic examination of odor traces is defined. Its quantitative and qualitative indicators are given. The dynamics of the activities of laboratories for the study of human odor traces at the request of the investigative bodies is reflected in detail in the diagrams. At the same time, the number of human trace examinations in the Russian Federation is indicated. The olfactory capabilities of dogs and humans are analyzed. Modern methods for its implementation are reviewed. A detailed analysis of the issue of repeatability of these studies in law enforcement practice is carried out. Promising vectors of development are outlined. It is proposed to develop a total digitalization of all areas of expert activity using electronic devices such as an «electronic nose». The possibilities of olfactory examination are considered, where technologies for extracting odor from a carrier object have been developed and implemented, as well as conservation, allowing it to be preserved indefinitely, with the introduction of which new opportunities for investigating crimes of past years have opened up.

Keywords: examination of human odor traces, bio-detector, odor receptors, human olfactory capabilities, shalaika.

Первые упоминания об использовании собак для поиска преступника по запаху связаны с именем отца-основателя криминалистики Ганса Гросса. В России плотная разработка одорологического метода началась в 1960-х годах под руководством А. И. Винберга. Научная статья, обосновывающая теоретическую базу, и криминалистические возможности одорологии вышла в 1965 году.

Экспертиза запаховых следов человека официально в отечественной криминалистике как самостоятельная экспертиза появилась в 1993 году. Чему предшествовали бурные научные дебаты о достоверности методов и полученных результатов. Для этих целей на базе кинологических центров МВД России были созданы 10 одорологических лабораторий по всей России, в том числе в Казани. В дальнейшем, после демонстрации высоких результатов были открыты еще 3. Данная судебная экспертиза основывается на свойстве индивидуальности запаха каждого человека.

Правовой основой данного криминалистического исследования являются Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) и Приказ МВД России. Приказ МВД России от 29.06.2005 № 511 (ред. от 12.11.2024) «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации». Согласно, приложению к последнему нормативному акту под номером 4 числится «экспертиза тканей и выделений че-

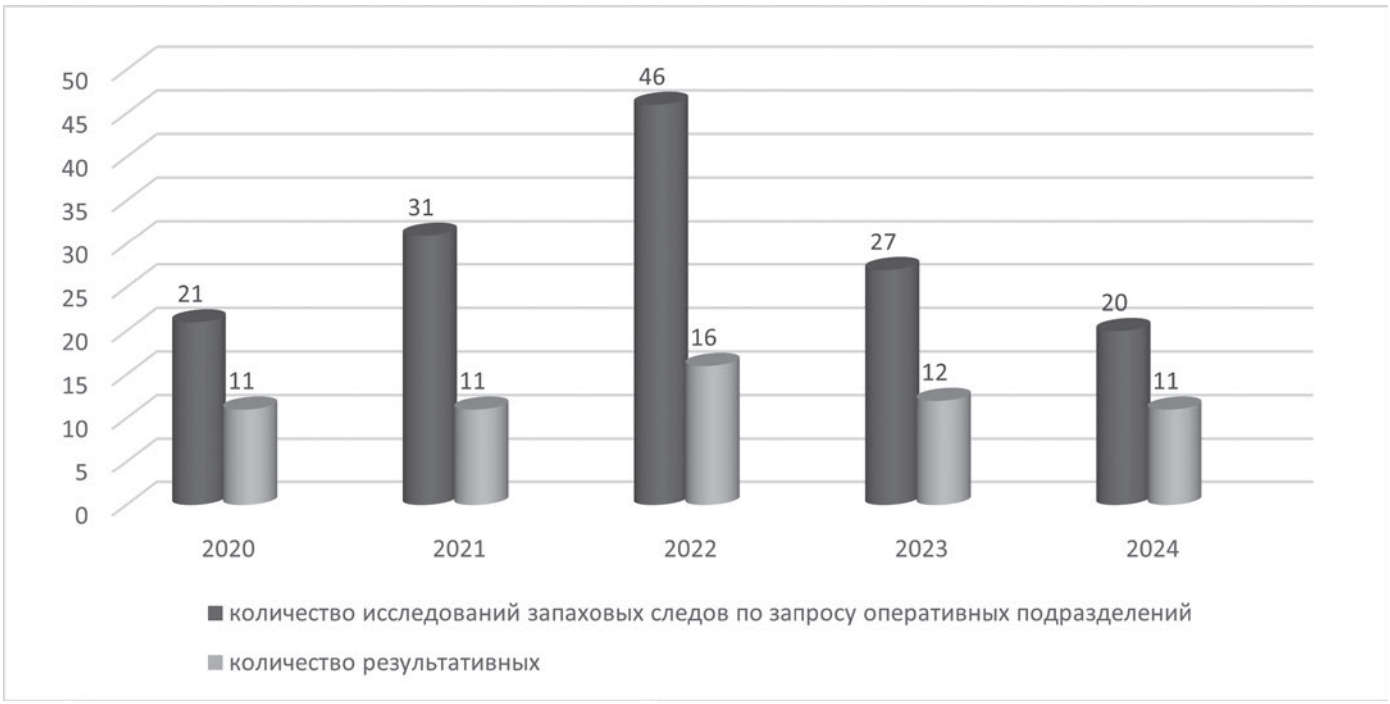

Рисунок 1. Количество исследований запаховых следов человека по запросам органов дознания в Российской Федерации за 2020-2024 гг.

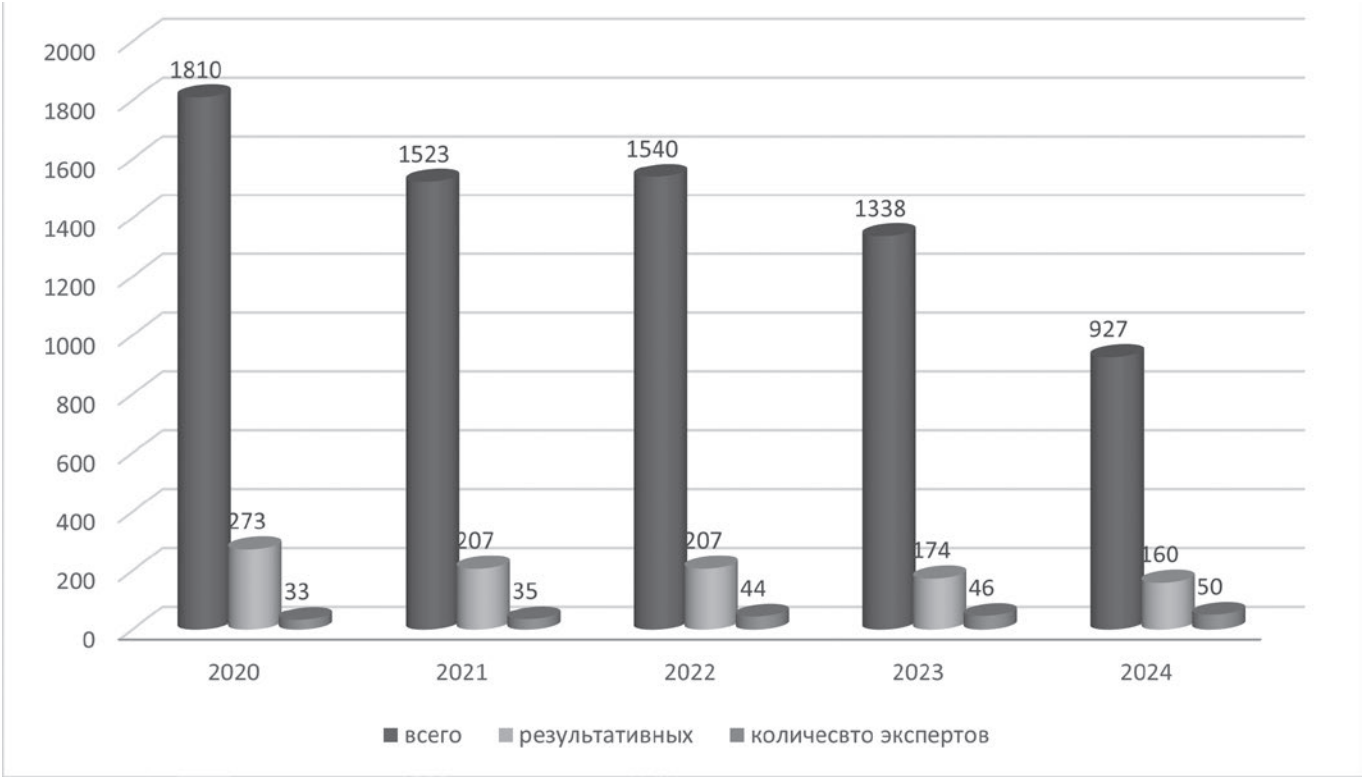

*Рисунок 2. Количество экспертиз следов человека в Российской Федерации за 2020-2024 гг.**

ловека» и ее разновидность под номером 4.3 «исследование запаховых следов человека».

Динамика деятельности лабораторий отражена в диаграммах (рисунок 1 и рисунок 2).

Несмотря на сравнительно небольшие объемы рассматриваемой экспертизы, ее результаты имеют большую доказательственную ценность. Часто данные экспертизы назначаются при расследовании особо резонансных и сложных преступлений.

Например, в 2023 году благодаря результатам данной экспертизы удалось доказать причастность гражданина к совершению двойного убийства, покушению на убийство несовершеннолетней жертвы, сопряженного с изнасилованием совершенного в 1996 году. Объектом исследования послужил мужской галстук, которым были задушены жертвы. Преступник попал в поле зрения СК РФ через 27 лет после совершения преступления. Под подозрение он

* По данным Главного информационно-аналитического центра МВД РФ, форма 276.

попал, благодаря тому, что ранее в 1993 году совершил убийство похожим способом, также в Калининградской области. Сравнительная экспертиза запаховых следов человека сделала однозначный вывод.

Согласно литературным данным и практике применения служебных собак острота обоняния последних имеет выдающиеся характеристики. Многолетний положительный опыт применения розыскных собак на месте происшествия и при розыске преступника по горячим следам не вызывает сомнений. Специально подготовленная собака является лучшим детектором запаховых следов. Научные эксперименты показали, что собака способна обнаружить запах масляной кислоты при наличии 9000 молекул в кубическом сантиметре воздуха (1 $см^3$), в то время как нос человека регистрирует этот запах при наличии 7 000 000 000 молекул в 1 $см^3$ воздуха. Отсюда вывод – обоняние собаки лучше обоняния человека в 800 000 раз. При специальной дрессировке реакция собаки улучшается, и она начинает распознавать 700 молекул в 1 $см^3$ воздуха [1, с. 146].

Более того, собаки способны различить запах конкретного человека независимо от части тела, от которой он исходит, и даже с наслоениями других запахов.

С точки зрения физиологии обоняния – у человека площадь соответствующих рецепторов оставляет около 4 $см^3$, в то время как у немецкой овчарки – 150 $см^3$. Научный интерес вызывает также сравнение количества обонятельных клеток: у человека их в среднем 5 миллионов, у немецкой овчарки около 200 миллионов, у фокстерьера 150 миллионов.

Однако наших ученых не совсем устроили приведенные выше показатели, и они поставили цель вывести более совершенную породу собаки для целей поиска по запаху. Научные изыскания начались более 50 лет назад во ВНИИ МВД СССР. После долгих опытов по скрещиванию различных пород, была выведена новая порода с уникальным обонянием. Данная порода собаки представляла собой смесь шакала и ненецкой оленегонной лайки. Автором считается известный ученый биолог Клим Сулимов. Порода была выведена в 1983 году и названа Шалайка (шакал+лайка). В 2018 году данная порода официально признана Российской кинологической федерацией.

У собак Сулимова уникальный нюх, они даже могут по запаху различать мужчин и женщин, что оказывало большую помощь правоохранительным органам. Собака предназначена для служебного использования и в настоящее время применяется для обеспечения безопасности аэропортов [2, с. 188].

Согласно утверждению ведущих экспертов, авторитетной одорологической лаборатории ЭКЦ МВД России при соблюдении всех условий методики исследования вероятность ошибки при категорически положительном выводе составляет $1{,}02 \times 10^{-8}$. Данная погрешность фактически исключает вероятность ошибки [3, с. 5].

Однако же данная порода собак твердо не вошла на службу в ольфакторные лаборатории. Во многих лабораториях для проведения экспертизы применяются немецкие и бельгийские овчарки, чьи высокие служебные возможно уже давно не вызывают сомнений.

В этой связи интересным представляется исследование проведенное Китаевым Н. Н. и Китаевой В. Н. по вопросам назначения повторных ольфакторных экспертиз. Проведя, подробный анализ вопроса повторности они пришли к выводу, что повторные экспертизы запаховых следов человека назначаются крайне редко. Во-первых, в связи с высокой точностью первичных заключений и во вторых это затрудняется тем, что первичных запаховых следов может быть недостаточным для вторичного исследования [4, с. 90].

Важной вехой в развитии ольфакторной экспертизы стала разработка и внедрение технологии выделения запаха из объекта носителя, консервация, позволяющая сохранить его бесконечно долго. С внедрением данного способа открылись новые возможности по расследованию преступлений прошлых лет.

Установлено, что именно кровь является отличным консерватором запаха. Поэтому в последние годы объектами данной экспертизы являются объекты со следами крови. И для сравнительного исследования у подозреваемых также берут кровь.

Например, по следам крови, обнаруженным на брюках подозреваемого назначалась запаховая экспертиза следователем г. Воронеж по факту убийства пожилой женщины. Следователь выдвинул версию, что это кровь жертвы, что в дальнейшем полностью подтвердило заключение экспертизы [5, с. 66].

В связи с тотальной цифровизацией всех направлений экспертной деятельности появились идеи использования электронных устройств типа «электронный нос». Опыты проводились американской корпорацией «Интел». Устройство содержало 72 датчика способных распознавать соответственно 72 запаха [6, с. 148].

Таким образом, считаем, что данные технологии являются перспективными, однако для этого потребуется значительное количество времени для внедрения в массовое производство и желательно в России, для снижения себестоимости экспертиз.

Пристатейный библиографический список

1. Койсин А. А. Исследование запаховых следов: вопросы теории и практики // Сибирский юридический вестник. - 2010. - № 3 (50). - С. 146-148.
2. Березко А. А. Универсальный детектор запаха: новая в экспертизе запаховых следов человека // Традиции и новации в системе современного российского права: материалы XX Междунар. конф. Молодых ученых: в 3т. - М.: Издат. Центр Ун-та имени О. Е. Кутафина, 2021. - Т. 3. - С. 188-193.
3. Панфилов А. Исследование запаховых следов: кровь «помнит» преступника // Популярно-правовой альманах МВД России «Профессионал». - 2015. - № 6 (128). - С. 5-7.
4. Китаева Н. Н. и Китаевой В. Н. Повторная ольфакторная экспертиза в России: проблемные вопросы // Сохраняя прошлое, определяя настоящее, предвосхищая будущее: сборник научных трудов, посвящённых 90-летию доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Республики Беларусь А. В. Дулова. - Минск, 2014. - С. 87-91.
5. Хмелева А. В. Значение экспертизы запаховых следов человека в доказывании по уголовным делам (по результатам обобщения следственной практики) // Глагол правосудия. - 2019. - № 4 (22). - С. 66-68.
6. Березко А. А. Тенденции экспертизы запаховых следов человека // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. - 2022. - № 1 (55). - С. 148-150.

ГАУЖАЕВА Виктория Александровна
кандидат юридических наук, доцент кафедры специально-технической подготовки, Северо-Кавказский институт повышения квалификации (филиал), Краснодарский университет МВД России, полковник полиции

ЗОТОВ Алексей Юрьевич
кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры теории и истории права и государства, Волгоградская академия МВД России, майор полиции

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ И ПРИВЛЕЧЕНИЯ К ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПРИ СОУЧАСТИИ В ПРЕСТУПЛЕНИИ

В статье рассматриваются актуальные проблемы, связанные с институтом соучастия в современном российском уголовном праве. Исследуются дискуссионные вопросы, такие как сложные формы соучастия, влияние роли каждого в совершении преступления на уголовную ответственность, разграничение соучастия при участии в организованной преступной группе и преступном сообществе, отдельные положения регламентации института соучастия в международных нормативно-правовых актах, а также проблемы, связанные с эксцессом исполнителя.

Совокупность этих проблем позволяет сформировать мнение о том, что отдельные нормы Уголовного кодекса Российской Федерации требуют корректировки в соответствии с нашими предложениями.

Ключевые слова: соучастие, сложные формы соучастия, преступное сообщество, организованная преступная группа, эксцесс исполнителя.

GAUZHAEVA Viktoriya Alexandrovna
Ph.D. in Law, associate professor of Special and technical training sub-faculty, North-Caucasian Advanced Training Institute (branch), Krasnodar University of the MIA of Russia, colonel of police

ZOTOV Alexey Yurjevich
Ph.D. in Law, associate professor, Head of Theory and history of law and state sub-faculty, Volgograd Academy of the MIA of Russia, major of police

CERTAIN ISSUES OF QUALIFICATION AND PROSECUTION IN CASES OF COMPLICITY IN A CRIME

Article examines current issues related to the institution of complicity in modern Russian criminal law. It examines controversial issues such as complex forms of complicity, the impact of each person's role in committing a crime on criminal liability, the distinction between complicity when participating in an organized criminal group and a criminal community, individual provisions regulating the institution of complicity in international legal acts, as well as problems related to the excess of the perpetrator.

The totality of these problems allows us to form an opinion that individual norms of the Criminal Code of the Russian Federation require adjustment in accordance with our proposals.

Keywords: complicity, complex forms of complicity, criminal community, organized criminal group, excess of the perpetrator.

Соучастие - один из наиболее важный институтов уголовного права. Исследование не претендует на исчерпывающий анализ всех аспектов института соучастия. Его цель – выявить и рассмотреть наиболее острые и дискуссионные вопросы, вызывающие затруднения у правоприменителя, и предложить, опираясь на достижения современной юридической науки, возможные варианты их решения. В фокусе внимания находятся, прежде всего, проблемы, связанные с квалификацией действий соучастников, определением пределов их ответственности, а также разграничением различных форм соучастия.

Следует признать, что и доктрина уголовного права пока не выработала единых подходов к решению ряда принципиальных вопросов, касающихся соучастия. Это, в свою очередь, порождает противоречия в судебных решениях и затрудняет формирование единообразной правоприменительной практики. Остроту проблемы усугубляет и стремительное развитие общественных отношений, появление новых форм и способов совершения преступлений, особенно в сфере высоких технологий. В этих условиях особую актуальность приобретает научное осмысление накопившихся проблем и поиск путей совершенствования законодательства.

Среди наиболее острых проблем в сфере применения норм о соучастии следует особо выделить некорректное назначение наказания лицам, причастным к совершению преступления в составе группы. Эта проблема обусловлена, в том числе, сложностями, возникающими в процессе доказывания самого факта соучастия и определения степени вины каждого из соучастников [2, с. 1678-1681]. Опасаясь ужесточения ответственности, правонарушители зачастую прибегают к отрицанию своего активного участия в преступной деятельности, что существенно затрудняет установление объективной истины по делу. Ситуация усугубляется отсутствием четких и недвусмысленных разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по вопросам применения новых норм уголовного закона, в частности, статей 291.1 «Посредничество во взяточничестве» и 282.3 «Финансирование экстремисткой деятельности» Уголовного кодекса Россий-

ской Федерации (далее - УК РФ). Данный пробел в правовом регулировании вынуждает правоприменителей прибегать к использованию аналогии закона, что, безусловно, не способствует обеспечению единообразия судебной практики и может повлечь за собой нарушение принципов законности и справедливости [7].

В рамках современной уголовно-правовой доктрины пристальное внимание уделяется исследованию сущности и правовой природы преступного сообщества. Анализ данного феномена предполагает его рассмотрение в качестве одной из автономных форм соучастия, что, в свою очередь, обусловливает необходимость его четкой дефиниции и дифференциации в системе существующих классификаций форм соучастия, закрепленных в уголовном законодательстве. В этой связи, в научном сообществе активно дискутируется предложение о необходимости реформирования действующего законодательства в части, касающейся ответственности за организацию преступного сообщества и участие в нем. Суть данного предложения сводится к необходимости декриминализации деяний, предусмотренных статьей 210 УК РФ, и одновременном внедрении в специальные нормы УК РФ понятия «преступное сообщество» в качестве квалифицирующего признака, сопряженного с другими формами соучастия.

Следует отметить, что реализация обозначенной инициативы не должна ограничиваться лишь инкорпорированием рассматриваемого понятия в специальные нормы. Для обеспечения системности и комплексности правового регулирования представляется целесообразным предусмотреть возможность субсидиарного применения понятия «преступное сообщество» к иным видам преступных посягательств. Достижение этой цели возможно посредством имплементации данного понятия в общие положения, регламентирующие институты соучастия, а также в нормы, определяющие правила квалификации преступлений, совершенных в соучастии. Такой подход позволит нивелировать существующие на сегодняшний день коллизии и сложности, возникающие при квалификации деяний, совершенных преступным сообществом, обеспечивая при этом единообразие правоприменительной практики.

В контексте правоприменительной практики не выработаны четкие и недвусмысленные критерии [9, с. 35-38], позволяющие с абсолютной точностью разграничить такие формы соучастия, как организованная группа и преступное сообщество [5, с. 332-339], представленное в виде структурированной организации. При этом даже степень общественной опасности совершенного деяния, выраженная в его тяжести, не может рассматриваться в качестве определяющего и решающего фактора при подобной квалификации. Исходя из этого, в целях совершенствования законодательной техники и устранения коллизий в правоприменительной деятельности, представляется целесообразным внести изменения в редакцию части 4 статьи 35 УК РФ, изложив ее в следующем виде: «Преступление надлежит считать совершенным преступным сообществом (преступной организацией), если оно совершено объединением организованных групп с целью осуществления преступной деятельности». Данная формулировка, на наш взгляд, позволит более четко определять сущностные признаки преступного сообщества и отграничивать его от иных форм соучастия, что, несомненно, будет способствовать повышению эффективности правоприменительной деятельности в сфере борьбы с организованной преступностью.

В процессе формирования и совершенствования новых законодательных актов представляется необходимым принимать во внимание общепризнанные международные стандарты, а также положительный опыт зарубежных стран. Интеграция лучших мировых практик в национальное законодательство будет способствовать повышению результативности правоприменительной деятельности и обеспечению назначения справедливого и соразмерного наказания каждому из участников преступной деятельности, с учетом его роли и степени участия в совершении преступного деяния.

Сложность и многовариантность преступлений, совершаемых в соучастии, возрастает, что становится все более очевидным в современных реалиях [1, с. 153-158]. Принимая во внимание эту тенденцию, одним из приоритетных направлений видится дальнейшее развитие и оптимизация уголовного законодательства. Учитывая нарастающие темпы увеличения сложности и многообразия форм преступлений, совершаемых в соучастии, для обеспечения эффективного противодействия таким деяниям, а также для обеспечения неотвратимости наказания всех виновных лиц в полном объеме, требуется планомерное и последовательное совершенствование существующих законодательных норм.

Необходимо акцентировать внимание на разработке новых правовых норм и положений, которые бы способствовали более точной дифференциации ролей соучастников преступления, а также установлению четких критериев для определения добровольного отказа от совершения преступления и условий применения норм, регламентирующих эксцесс исполнителя [6, с. 69-74].

Перспективным направлением представляется оптимизация правоприменительной практики в части квалификации наиболее неоднозначных и вызывающих дискуссии форм соучастия, в частности, совершения преступлений в составе группы лиц или по предварительному сговору между соучастниками. Внедрение квалифицирующего признака, отягчающего ответственность за совершение преступлений, сопряженных с вовлечением в преступную деятельность лиц, не обладающих признаками субъекта преступления и, как следствие, не подлежащих уголовной ответственности, может способствовать унификации и формированию единообразия в правоприменительной практике в данной области. Наряду с этим, необходимо учитывать специфику организованных форм соучастия для обеспечения адекватного и соразмерного правового реагирования на преступления, совершенные в составе организованных групп и преступных сообществ.

Кроме того, надлежит обратить пристальное внимание на международно-правовые обязательства, принятые на себя Российской Федерацией в связи с ратификацией Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности [3], подписанной 15 ноября 2000 года. Данное обстоятельство, в свою очередь, влечет за собой необходимость имплементации в российское уголовное законодательство норм, устанавливающих минимальный количественный состав участников организованных преступных групп и преступных сообществ (преступных организаций). Определение численного критерия для участников таких преступных объединений будет нераз-

рывно связано с установлением минимального количества деяний, образующих преступную деятельность [4, с. 49-52], что, в свою очередь, послужит основанием для осуществления уголовного преследования как в отношении физических, так и юридических лиц, причастных к деятельности таких преступных объединений.

Эффективность мероприятий, направленных на борьбу с преступными деяниями, совершаемыми в соучастии, в значительной степени обусловлена слаженностью и скоординированностью действий со стороны органов государственной власти, представителей экспертного сообщества, занимающихся вопросами защиты прав и свобод человека, и институтов гражданского общества. Развитие института соучастия в нынешних реалиях является значимым вектором уголовно-правовой деятельности.

Рассматривая проблематику уголовной ответственности при соучастии в преступлении, особое внимание следует уделить случаям, когда с одним из соучастников заключается досудебное соглашение о сотрудничестве. В подобных обстоятельствах, при выделении уголовного дела в отношении лица, заключившего такое соглашение, в отдельное производство, судебные органы возлагают на него обязанность по полному возмещению причиненного потерпевшему ущерба. Примечательно, что подобная практика реализуется даже в тех случаях, когда судебные акты в отношении других соучастников преступного деяния еще не вынесены. В качестве примера можно привести прецедент, когда Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации было изменено приговорное решение, вынесенное на основании статьи 317.7 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), в части, касающейся удовлетворения гражданского иска. При вынесении данного решения не было принято во внимание, что идентичные исковые требования потерпевших уже были удовлетворены в рамках предыдущих приговорных решений, принятых согласно положениям главы 40.1 УПК РФ, по делам, выделенным в отдельные производства. Как следствие, имело место двойное взыскание материального ущерба [8].

В рамках исследования был обозначен и проведен анализ наиболее актуальных проблем института соучастия, выявлены существенные противоречия между положениями Общей и Особенной частей УК РФ, а также недостатки в разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ, что негативно сказывается на единообразии правоприменительной практики.

Пристатейный библиографический список

1. Ахмедова Д. У., Бутаев М. Я. Теоретические и практические вопросы института соучастия в совершении групповых преступлений // Закон и право. - 2023. - № 7. - С. 153-158.
2. Зиятдинов М. А. Сложное соучастие в рамках групповых форм соучастия // Научный аспект. - 2024. - Т. 14, № 6. - С. 1678-1681.
3. Конвенция против транснациональной организованной преступности (принята в г. Нью-Йорке 15.11.2000 Резолюцией 55/25 на 62-ом пленарном заседании 55-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // Собрание законодательства Российской Федерации, 4.10.2004. - № 40. - Ст. 3882.
4. Колиев В. В. Методика использования оперативно-розыскной информации в целях борьбы с преступностью и в раскрытии преступлений // Право и практика. - 2013. - № 4. - С. 49-52.
5. Костин А. В. Формы соучастия в преступлении // Вопросы российского и международного права. - 2023. - Т. 13, № 6-1. - С. 332-339.
6. Серегина Е. В., Портнова М. С. Эксцесс исполнителя и иных соучастников преступления: пробелы в уголовно-правовом регулировании и перспективы совершенствования // Пробелы в российском законодательстве. - 2022. - Т. 15, № 1. - С. 69-74.
7. Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон текст с изменениями и дополнениями на 30 ноября 2024 № 63-ФЗ (в ред. от 28.12.2024). [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) (дата обращения: 28.12.2024)
8. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон текст с изменениями и дополнениями на 23 ноября 2024 № 174-ФЗ (в ред. от 28.12.2024). [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) (дата обращения: 28.12.2024)
9. Яцеленко Б. В. Институт соучастия в преступлении: некоторые вопросы доктринальной и судебной интерпретации // Российский следователь. - 2024. - № 1. - С. 35-38.

КАЗАНКОВА Татьяна Николаевна
кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и арбитражного процесса, Самарский государственный экономический университет

КАБАЦКОВ Роберт Александрович
магистрант, Самарский государственный экономический университет

ПРОБЛЕМЫ КЛАССИФИКАЦИИ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ

В статье рассматривается состояние классификации судебных экспертиз в настоящее время. Авторами проводится анализ различных точек зрения по вопросу классификации судебных экспертиз. Внесены предложения по совершенствованию существующих правил и подходов в области классификации судебных экспертиз, высказано мнение относительно появления отдельной отрасли права и профильного законодательства об экспертной деятельности.
Ключевые слова: экспертиза, судебная экспертиза, экспертная деятельность, классификация судебных экспертиз, стандарт судебно-экспертной деятельности.

KAZANKOVA Tatyana Nikolaevna
Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor, associate professor of Civil and arbitration process sub-faculty, Samara State University of Economics

KABATSKOV Robert Alexandrovich
magister student, Samara State University of Economics

PROBLEMS OF CLASSIFICATION OF FORENSIC EXAMINATIONS

The article examines the current state of classification of forensic examinations. The authors analyze various points of view on the classification of forensic examinations. Proposals have been made to improve existing rules and approaches in the field of classification of forensic examinations, and an opinion has been expressed regarding the emergence of a separate branch of law and specialized legislation on expert activity.
Keywords: expertise, forensic examination, expert activity, classification of forensic examinations, standard of forensic expertise.

Развитие и создание судебной экспертизы было обусловлено развитием и слиянием научных знаний, что является одним из аспектов воздействия научно-технического прогресса на правосудие. Этот комплексный институт права стал неотъемлемой частью в системе правосудия.

Судебная экспертиза представляет собой уникальную межправовую научную дисциплину, занимающуюся изучением оснований, методов и процесса судебно-экспертной работы. Эта область включает в себя исследование нормативных, методологических и управленческих аспектов, которые необходимы для эффективного проведения экспертизы на основе глубоких специализированных знаний. Эти знания заимствованы из фундаментальных научных областей и адаптированы для нужд судебной экспертизы при помощи разработки и применения специфических научно-исследовательских методов, процедур, техник и инструментария для решения задач, возникающих в процессе экспертной деятельности. Разработка отдельной дисциплины, например, такой как экспертология, будет служить фундаментом для создания профессиональных стандартов и правовых рамок, таких как экспертное право и кодекс об экспертной деятельности, регулирующих деятельность экспертов.

Отсутствие единой стандартизированной системы для законодательного урегулирования деятельности по проведению судебной экспертизы создает затруднения в работе органов правосудия и непосредственных участников судебного процесса. Это связано с тем, что, несмотря на однородность функций судебной экспертизы в разнообразных формах правосудия, нормативные акты различных государственных органов, ответственных за выполнение экспертиз, не имеют общей методологии применительно к категориям и типам экспертиз, создавая тем самым условия для появления противоречий. В свете этого, актуальной задачей является разработка и внедрение унифицированной номенклатуры и однородных критериев для классификации судебно-экспертной деятельности.

Количество видов судебно-экспертных исследований огромно и постоянно развивается и дополняется, что приводит к отсутствию стабильной классификации и создаёт трудности для работы судебных инстанций. Это отсутствие чёткой систематизации может привести к неправильному выбору типа экспертизы, к неверному виду методологии при ее проведении, что, в свою очередь, может вызвать задержки из-за необходимости прошения и одобрения дополнительных запросов или, в определённых случаях, к отвержению выводов эксперта как неприемлемых доказательств. Например, это может произойти, если вместо назначения совершенно новой экспертизы по существу текущего вопроса, назначается дополнительное исследование, проводимое тем же экспертом, что и первоначальное.

Можно утверждать, что эта тенденция объясняется растущими требованиями к юридической системе и параллельным развитием научно-технического прогресса.

Тема классификации является ключевой в любой области научного знания, поскольку упорядочение информации необходимо для систематизации знаний. Ханс Зигвард, выдающийся логик начала XX века, подчеркивал важность всеобъемлющей классификации знаний в работе 1909 года, видя в ней вершину логического познания. При рассмотрении классификаций в области судебно-экспертной работы обнаруживается, что современные системы не охватывают всего многообразия процедур и методик. Не имеется единой теории классификации в этой сфере, лишь разрабатываются различные подходы, которые не способны покрыть полный спектр экспертного знания, подверженного изменениям из-за вновь возникающих типов преступлений и развития научно-технического прогресса. Это подчеркивает необходимость адаптации и разработки новых экспертных методов исследований в ритме эволюции судебной системы, чтобы отвечать меняющимся требованиям и условиям.

Проанализируем разнообразные точки зрения касаемо систематизации судебно-экспертной деятельности. Ведущей в данной области является классификация, разработанная А. Р. Шляховым. Он утверждает, что структура классификации судебных экспертиз должна охватывать определённые компоненты: классы, роды, виды, разновидности (подвиды).

А. Р. Шляхов утверждал, что «классификация судебных экспертиз основывается на трех ключевых критериях: специфика предмета, природа объекта исследования, а также методология выполнения экспертного анализа» [4]. Под методологией он подразумевал структуру и логическую последовательность применяемых исследовательских методов. Таким образом, А. Р. Шляхов указывал на возможность использования одинаковых методик в разноплановых экспертизах, одновременно отвергая идею разделения судебно-экспертной практики исключительно по признаку

использованных методик. Отсюда следует, что определённая экспертиза может включать различные методологические подходы. К примеру, дактилоскопическое исследование не ограничивается только криминалистическими методами, а также предполагает использование информационных технологий, аналитики изображений и других сопутствующих методов.

Анализируя точку зрения Е. Р. Россинской, отметим, что она считает «основным критерием для классификации судебных экспертиз их типологию» [3]. Она утверждает, что попытки группировать эти типы в классы часто приводят к неоднозначностям и постоянным спорам в научном сообществе, указывая на то, что классы экспертиз подвержены постоянному изменению в соответствии с развитием и совершенствованием научных знаний. В свою очередь, Н. П. Майлис поднимает вопрос о проблематичности присвоения новообразованных видов экспертиз к определенным классам, что также вызывает активные обсуждения среди специалистов. Он предлагает «разработать четкий методологический подход, который бы помог избежать этих споров, подчеркивая важность адаптации классификации к текущим требованиям и тенденциям в области судебной и следственной практики» [2].

Исходя из анализа различных авторских позиций, становится ясно, что роль классификации в сфере судебных экспертиз оценивается как высокая. Однако, существуют и альтернативные взгляды, в частности, те, что были высказаны К. И. Бринёвым. Он утверждает, что «значимость классификации судебных экспертиз в практической деятельности невелика, особенно, когда речь заходит о классификации по типам и видам» [1]. По мнению Бринёва, «классификация не является конечной целью научного исследования и выполняет скорее вспомогательную, запоминающую функцию» [1]. Классификации, таким образом, упрощают и суммируют теоретическую базу, лежащую в основе определенных категорий. Следовательно, наличие точных классификаций напрямую связано с теоретической проработкой, а не наоборот.

Обсуждение методов классификации экспертиз всегда было предметом споров, особенно с учетом развития и введения в практику новых форм и типов судебных экспертиз, спровоцировавших бурные дебаты. В контексте аргументов последнего исследователя важно подчеркнуть, что задачи классификации выходят за рамки простого запоминания информации, обеспечивая вместо этого точное определение необходимой экспертизы для конкретного случая. Это утверждение находит подтверждение в ст. 80 Гражданского процессуального кодекса РФ, указывающей на «обязанность суда конкретизировать вид экспертизы при ее назначении, определять вопросы для эксперта и излагать основания своего решения». Таким образом, ясность в классификации, несомненно, играет ключевую роль и оказывает существенное влияние на правоприменение.

Отсутствие стандартизированной классификации в области судебно-экспертной деятельности приводит к проблемам во взаимопонимании между различными государственными органами из-за различий в терминологии и подходах к проведению исследований. Так, одно и то же исследование может иметь разные наименования в зависимости от учреждения - например, в органах внутренних дел оно будет обозначаться как технико-криминальное, а в структуре юстиции - как судебно-техническое исследование.

Многие авторы [4], [5], формируя свои классификационные системы, опираются на собственный теоретический и эмпирический опыт, а также на интуитивное понимание предмета. Однако этот подход часто приводит к игнорированию фундаментальных принципов, необходимых для построения обоснованной научной классификации. Основные из этих принципов включают:

1. Классификация должна основываться на едином критерии. Выбранный атрибут как основной должен оставаться неизменным. При добавлении новых типов и подтипов анализов необходимо создание новой категории, вместо изменения критерия уже существующих.

В нашем понимании, ключевым фактором являются «специальные знания». Рассмотрение к Федеральному закону РФ от 31 мая 2001 года №73 «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», а именно статьи 9, позволяют уточнить, что судебная экспертиза представляет собой процедурное действие, включающее в себя экспертное исследование и вынесение экспертного заключения по проблематикам, требующим глубокой специализации в сферах науки, технологий, искусства или ремесленной деятельности. Эти вопросы предъявляют к эксперту судебные и следственные органы в целях выявления фактов, имеющих значение для рассмотрения дела. Из данного определения явствует, что «специальные знания» становятся фундаментальной основой для разграничения данной деятельности.

2. Подход к дифференциации, предложенный А. Р. Шляховым, подразумевает включение всех форм основного компонента, например, класса.

3. Критерии классификации требуют, чтобы категории были взаимоисключающими, а значит, определенный анализируемый объект должен принадлежать только одной из категорий и не пересекаться с другими.

4. Процесс дифференциации должен соблюдать принцип непрерывности, то есть постепенно двигаться к тесно связанным областям специализированных знаний, сохраняя при этом чёткую иерархическую структуру.

5. Классификация специфической экспертизы в определённую категорию должна включать определение соответствующего подхода к исследованию.

В заключение можно отметить, что ключевым приоритетом в области судебно-экспертной деятельности сегодня является создание и внедрение Государственного стандарта. Этот стандарт будет отвечать за формирование единой, систематизированной и нормативно закреплённой базы для классификации судебных экспертиз. Он будет основываться на передовых научных подходах, обеспечит универсальность и применимость классификации в различных юридических контекстах и предусмотрит механизмы её актуализации в соответствии с потребностями практики.

Предполагается, что данный план усилит эффективность экспертного обеспечения в разнообразных аспектах судебных процессов, соответствуя современным требованиям и задачам. Это также обеспечит уверенность в том, что для любой ситуации будет назначен не только соответствующий вид экспертизы, но и эксперт с соответствующими навыками и знаниями.

Пристатейный библиографический список

1. Бринёв К. И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза: монография / Под ред. Н. Д. Голева. - Барнаул: АлтГПА, 2012. - 330 с.
2. Майлис Н. П. Судебная экспертиза: реалии и перспективы // Современное состояние и перспективы развития научных направлений судебных экспертиз в России и за рубежом: материалы Международной научно-практической конференции. - Калининград, 2003. - 145 с.
3. Россинская Е. Ф. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе: монография. - М.: Норма: ИНФРА-М, 2018. - 576 с.
4. Шляхов А. Р. Предмет, система, объекты, методика и правовые основы судебных экспертиз // Назначение и производство судебных экспертиз. - М., 1988. - 320 с.
5. Чупахина А. О., Чуракова Е. Н. Особенности назначения судебной экспертизы по спорам, возникающим из договора подряда // Вопросы экономики и права. - 2020. - № 144. - С. 32-34.
6. Середкина О. А., Чуракова Е. Н. Экспертиза в гражданском процессе: проблемы назначения и проведения // Наука XXI века: актуальные направления развития. - 2021. - № 1-2. - С. 425-428.

КОСТЮЧЕНКО Олег Георгиевич
кандидат юридических наук, старший следователь-криминалист Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по г. Москве

СЛЕДСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ

В статье рассмотрены подходы к понятию человеческой деятельности, исследуется следственная деятельность как разновидность человеческой деятельности, ее цели и средства. Приводятся специфические особенности следственной деятельности. Рассматривается следственная деятельность как процесс выдвижения следственных версий на протяжении всего предварительного расследования. Автором исследована социальная, духовная и материальная составляющая следственной деятельности, приведен элементо-компонентный состав такой деятельности. Изложено авторское понятие следственной деятельности.

Ключевые слова: деятельность человека, расследование преступлений, следственная деятельность, следственная версия.

KOSTYUCHENKO Oleg Georgievich
Ph.D. in Law, senior investigator-criminologist of the Main Investigative Department of the Investigative Committee of the Russian Federation in Moscow

INVESTIGATIVE ACTIVITY AS A TYPE OF HUMAN ACTIVITY

The article examines approaches to the concept of human activity, investigates investigative activity as a type of human activity, its goals and means. The specific features of investigative activity are given. Investigative activity is considered as a process of putting forward investigative versions throughout the entire preliminary investigation. The author examines the social, spiritual and material components of investigative activities, and provides the element-component composition of such activities. The author's concept of investigative activity is outlined.

Keywords: human activity, crime investigation, investigative activity, investigative version.

К основным, антагонистическим по своей сути, объектам научного криминалистического познания относятся деятельность правоохранительных органов, направленную на выявление, раскрытие, расследование и предотвращение уголовных правонарушений, а также действия правонарушителей, связанные с подготовкой, совершением и маскировкой преступлений. Оба этих аспекта входят в более широкое понятие - человеческую деятельность.

Человеческая деятельность привлекает внимание исследователей с античных времен. Однако объективное научное изучение этой темы и её отдельных аспектов начинается только в конце XIX века. Современные ученые рассматривают деятельность как междисциплинарный научный комплекс, который охватывает самые различные отрасли знания. Несмотря на многообразие существующих полидисциплинарных подходов, понятие «деятельность» не имеет общепринятого толкования. Обращение к справочным изданиям позволило выявить следующие дефиниции термина «деятельность»:

– «специфический для человека способ отношения к внешнему миру, состоящий в преобразовании и подчинении его человеческим целям» [6];

– «форма активного отношения человека к окружающему миру, мотивированная совокупность закономерно связанных между собой поведенческих актов и последовательно совершаемых действий, направленных на выполнение определенных задач, на достижение тех или иных социально значимых целей» [7];

– «форма существования человеческого общества, проявление активности субъекта, выражающейся в целесообразном изменении окружающего мира, а также в преобразовании человеком самого себя» [13];

– «активное взаимодействие с окружающей действительностью, в ходе которого живое существо выступает как субъект, целенаправленно воздействующий на объект и удовлетворяющий таким образом свои потребности» [5];

– «способ воспроизводства социальных процессов, самореализации человека, его связей с окружающим миром» [20].

Теория деятельности, разработанная выдающимися российскими философами и психологами, представляет собой фундаментальную концепцию, которая сформировалась на основе глубокого анализа различных аспектов человеческой деятельности. Учёные исследовали структуру, динамику и влияние деятельности на личность и общество, что позволило создать целостное понимание этого феномена. В рамках теории деятельности были изучены механизмы формирования мотивации, целей и действий человека в различных контекстах. Это дало возможность лучше понять, как деятельность влияет на развитие личности, формирование её ценностей и установок, а также на социальные процессы и изменения в обществе.

Результаты исследований, проведённых в рамках теории деятельности, стали основой для дальнейших научных изысканий в области психологии, социологии и педагогики. Они позволили разработать новые подходы к изучению человеческой деятельности, а также к формированию эффективных стратегий развития личности и общества.

Теория деятельности продолжает оставаться актуальной и значимой в современном научном дискурсе. Она представляет интерес для множества исследовательских направлений, связанных с изучением человека и общества.

Согласно учению С. Л. Рубинштейн (1889-1960), деятельность представляет собой не набор случайных действий, а систему целенаправленных процессов, ориентированных на получение определённого результата [18]. Это подразумевает наличие у субъекта деятельности осознанных мотивов, которые определяют направленность и характер его действий. Деятельность в понимании ученого выступает как активное взаимодействие субъекта с окружающим миром, в процессе которого он стремится реализовать свои потребности, интересы и ценности. Она имеет сложную структуру, включающую в себя планирование, исполнение, контроль и коррекцию действий, а также оценку достигнутых результатов.

С. Л. Рубинштейн подчёркивал, что деятельность является основным фактором развития личности, поскольку в процессе её осуществления индивид приобретает новые знания,

умения и навыки, формирует свои ценностные ориентации и социальные установки. Деятельность не только отражает внутренние состояния и характеристики субъекта, но и служит средством его развития и самореализации.

А. Н. Леонтьев (1903-1979) в своих научных трудах определял деятельность как преднамеренную активность субъекта, которая направлена на достижение осознанной цели [16, с. 77]. Согласно его представлениям, деятельность имеет свою структуру, и её единицами являются действия. Операции, в свою очередь, представляют собой «способы осуществления действий» [16, с. 84].

Значительный вклад в развитие теории деятельности внес Г. С. Батищев (1932-1990). В своих работах он рассматривал деятельность как взаимосвязь двух процессов: опредмечивания и распредмечивания [2]. Опредмечивание – это процесс, в ходе которого человеческие способности, цели и намерения воплощаются в результатах деятельности. Опредмечивание позволяет материализовать идеи и проекты, превращая их в осязаемые объекты или реальные достижения. Распредмечивание – обратный процесс, при котором человек извлекает заложенные в предметах смыслы и превращает их в способности и знания. Распредмечивание позволяет человеку учиться на опыте и применять полученные знания в последующей деятельности. Согласно концепции Г. С. Батищева, деятельность выступает как активное взаимодействие между субъектом и объектом, которое позволяет человеку не только создавать и преобразовывать окружающий мир, но и развиваться самому, обогащая свой внутренний мир и расширяя свои возможности.

Философ и методолог Э. Г. Юдин (1930-1976) отмечал фундаментальное значение понятия деятельности в контексте современного познания. По его мнению, данное понятие позволяет представить универсальную характеристику человеческого мира, что делает его ключевым для понимания сущности человеческой жизни и культуры [24]. Понятие деятельности, согласно представлениям ученого, является своего рода инструментом для исследования и интерпретации многообразных явлений мира, т. к. интегрирует различные аспекты человеческого опыта и позволяет анализировать их во взаимосвязи.

Современный отечественный психолог В. Д. Шадриков (1939–2025) в своих работах обосновывает понимание деятельности как специфической формы отношения человека к окружающему миру, которая заключается в целесообразном изменении и преобразовании мира в интересах людей; при этом в процессе деятельности человек не только преобразует окружающий мир, но преобразует самого себя [21]. Изучая и развивая теорию деятельности, ученый сформулировал определение понятия «труд-деятельность», подчеркивающее синонимичность терминов «труд» и «деятельность». По Шадрикову, труд-деятельность есть специфическая форма поведения субъекта, при которой его способ существования рассматривается как целенаправленная и осознанная активность, направленная на достижение результатов, воплощаемых в материальных и духовных ценностях, необходимых для жизни человека [22].

Согласно точке зрения В. В. Клочкова и В. А. Образцова, понятие «деятельность» описывает процесс взаимодействия индивида с окружающей средой, объединяя внутреннюю (психическую) и внешнюю (физическую) активность субъекта, ориентированную на удовлетворение его потребностей [12]. Анализируя понятие, учёные подчёркивают, что в ходе своей деятельности люди осознанно и целенаправленно вносят изменения в природную и социальную среду, преобразуя её в соответствии со своими потребностями и целями. Данное преобразование является динамичным процессом, в котором индивиды активно взаимодействуют с окружающей средой, адаптируя и модифицируя её под свои нужды.

Обобщая рассмотренные научные подходы, можно сделать определенные выводы.

1. Деятельность человека представляет собой специфическую форму активности, направленную на достижение определённых целей. Эта активность проявляется в разнообразных формах и выражается в способности индивида преобразовывать окружающую действительность в соответствии со своими потребностями.

2. Ключевой характеристикой деятельности является её преобразовательный характер, который выражается в активном воздействии человека на окружающую среду. Преобразовательный аспект деятельности не ограничивается внешними изменениями; он также подразумевает внутреннее развитие личности, обогащение её опыта, знаний и умений, что, в свою очередь, способствует развитию и самореализации индивида в обществе.

Следственная деятельность представляет собой одну из разновидностей человеческой деятельности, которая имеет свои особенности и специфику. Она направлена на расследование преступлений и установление истины по уголовному делу.

Следственная деятельность включает в себя комплекс действий, направленных на установление обстоятельств преступления, выявление и изобличение виновных лиц. В процессе расследования следователь осуществляет сбор и оценку доказательств, преобразует выдвинутые им следственные версии в доказательственные факты путём их проверки.

В аспекте следственной деятельности понятие деятельности приобретает ряд специфических черт.

1. Целенаправленность. Следственная деятельность направлена на достижение конкретной цели – установление истины по уголовному делу. Все действия следователя должны быть подчинены этой цели и способствовать её достижению.

2. Осознанность. Следственная деятельность требует от следователя понимания сущности расследуемого преступления, умения анализировать и оценивать доказательства, принимать обоснованные решения, чтобы полно и точно установить все обстоятельства преступления.

3. Систематичность. Следственная деятельность предполагает последовательное и систематическое проведение следственных действий. Следователь обязан чётко организовать свою работу, запланировать и продумать каждое следственное действие и расследование дела в целом. Планирование помогает обеспечить объективность, полноту и всесторонность действий; позволяет оптимально сочетать следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия.

4. Преобразовательный характер. Следственная деятельность не ограничивается пассивным сбором информации, а предполагает активное вмешательство следователя в ход событий, преобразование версий в доказательственные факты путём их проверки.

5. Коллективный характер. Большей частью следственная деятельность осуществляется в составе следственно-оперативной группы, что требует от следователя умения координировать свои действия с действиями других участников расследования.

6. Высокий уровень эмоциональности. Следственная деятельность отличается высокой эмоциональной насыщенностью. Способность управлять своими эмоциями и придерживаться профессиональных принципов следственной деятельности – значимое умение для следователя.

Таким образом, общее понятие деятельности в аспекте следственной деятельности приобретает ряд специфических черт, которые определяют её сущность и особенности.

Расследование уголовных дел, как правило, инициируется на основе создания версии, которая служит отправной точкой для дальнейшего следственного процесса и представляет собой фундамент, на котором строится анализ собранных фактов. Следственные версии формулируются на предварительном этапе расследования и направлены на определение гипотетических причин, мотивов и способов совершения преступления. Обоснованная версия во многом способствует эффективному сбору доказательств, позволяет избежать излишних следственных процедур, экономит время и ресурсы следствия.

В профессиональной литературе проблематика следственных версий занимает одно из центральных мест. Вопросы, связанные с формулированием, проверкой и трансформацией следственных версий, уже длительное время являются предметом глубокого изучения как теоретиков, так

и практиков в области уголовного права и криминалистики, в числе которых Р. С. Белкин [3], И. Ф. Пантелеев [17, с. 46], Л. Г. Видонов и Н. А. Селиванов [19], И. Ф. Кирилов [11], Л. Я. Драпкин [8], А. М. Ларин [15] и др.

Известный ученый-криминалист Л. Я. Драпкин (1924–2019), рассматривая проблемную ситуацию в контексте следственной деятельности, характеризовал ее как вероятностную информационную систему. Это означает, что ключевым аспектом эффективного разрешения данной ситуации становится необходимость применения методов, основанных на вероятностном подходе. Одним из таких методов является выдвижение и проверка следственных версий [9].

Как правило, в криминалистике под следственной версией принято понимать предположение следователя о сущности исследуемого события (преступления), причинах его вызвавших, участниках и очевидцах события и обстоятельствах, имеющих значение для установления истины по делу [14]. К выдвижению следственной версии предъявляются определённые требования. Во-первых, она должна формулироваться лицом, осуществляющим расследование, и непосредственно касаться исследуемого события. Во-вторых, данная версия должна обладать признаками реальности и быть обоснованной. Еще одно дополнительное требование к следственной версии сформулировал Р. С. Белкин (1922–2001): она должна предоставлять объяснение для всех фактов, известных на конкретном этапе расследования. Если какой-либо факт не может быть объяснён в рамках данной версии, это свидетельствует о её ошибочности [4].

Следственная деятельность будет подробнее рассмотрена в последующих разделах статьи, однако уже на данном этапе следует отметить, что основная суть этой деятельности заключается в непрерывном процессе формулирования и проверки множественных версий, а также выделения из них возможных следствий. Наиболее обоснованные следствия трансформируются в доказательства посредством процессуальных действий и операций. Следователь выдвигает версии, основываясь на имеющейся у него первичной информации по делу (заявление потерпевшего или его законного представителя, протокол принятия устного заявления о преступлении, заявление о явке с повинной, рапорт об обнаружении признаков преступления). Для возбуждения уголовного дела также важны данные, указывающие на признаки преступления (информация об осмотре места происшествия, результаты предварительных анализов, экспертных заключений, сведения из опросов очевидцев).

Проверка версии представляет собой последовательный и сложный мыслительный процесс. Этот этап включает в себя формирование гипотетических предположений, основанных на имеющихся данных и фактах. В ходе дальнейших следственных и процессуальных действий осуществляется исследование этих предположений. На основе критического анализа формируются обоснованные выводы, которые служат отправной точкой для дальнейшего продвижения в расследовании. Высокую степень достоверности и надежности получаемых результатов обеспечивает системный подход к проверке версий. Верно выдвинутые и тщательно проверенные следственные версии являются обязательным элементом объективного, всестороннего и полноценного расследования преступления. Следует подчеркнуть, что разработка и проверка следственных версий в контексте различных категорий преступлений характеризуются определенными особенностями. Это также касается преступлений, совершенных с использованием высоких технологий, что подразумевает специфические аспекты в формировании следственных гипотез и, соответственно, неизбежно требует применения высокотехнологичных инструментов для их расследования.

Вернемся к общенаучному понятию деятельности, согласно которому деятельность рассматривается как динамическая система, связывающая субъекта с окружающей действительностью. В соответствии с этим, в структуре деятельности принято выделять следующие компоненты: субъектные (отвечающие за целеполагание) и объектные (предмет деятельности, орудия деятельности и продукт деятельности).

Кроме того, в философии применяется дифференциация деятельности по предметному критерию: материальная (практическая) – деятельность, которая связана с созданием необходимых для удовлетворения потребностей людей материальных ценностей; социальная – деятельность, направленная на преобразование общества с целью удовлетворения социальных интересов; духовная – деятельность, которая связана с созданием идей, образов, научных, художественных и нравственных ценностей.

С учетом творческой роли деятельности, «значение имеет ее деление на репродуктивную (направленную на получение уже известного результата известными же средствами) и продуктивную деятельность, связанную с выработкой новых целей и соответствующих им средств или достижением известных целей с помощью новых средств» [23].

Безусловно, следственную деятельность необходимо, прежде всего, рассматривать как социальную деятельность, поскольку она направлена на защиту общественных интересов и обеспечение правопорядка. В социальном контексте следственные действия не являются набором технических процедур или юридических манипуляций; они охватывают глубокие социальные аспекты, связанные с выяснением фактов совершения преступлений, защитой прав потерпевших и восстановлением справедливости.

Следственная деятельность подразумевает активное взаимодействие следователя с участниками процесса – потерпевшими, свидетелями, подозреваемыми, с представителями государства и общества, что требует от следователей не только профессиональных знаний в области уголовного права, но и развитых коммуникативных навыков, умения управлять своими эмоциями и преодолевать стрессовые ситуации.

Важнейшая социальная функция, которую выполняют следственные органы – профилактика преступлений. Эффективные расследования и раскрытие преступлений способствуют поддержанию общественного порядка, стабильности и безопасности, укреплению доверия населения к правоохранительным органам и государству в целом.

Духовная составляющая следственной деятельности включает в себя осмысление произошедшего преступления, а также установление логических взаимосвязей между фактами преступления и другими предметами, имеющими отношение к уголовному делу. К духовной деятельности также можно отнести формирование гипотез и разработку тактических и стратегических подходов к расследованию.

К материальной стороне следственной работы относится обнаружение, документирование и изъятие следов преступления, а также составление необходимых процессуальных документов.

В каких бы условиях и формах деятельность ни протекала, она всегда представляет собой систему, включенную в общественные отношения.

Человеческая деятельность, – отмечал М. С. Каган (1921–2006), – есть явление историческое, которое возникает и изменяется с развитием социальных отношений. Он выделял три ключевых компонента деятельности: 1) субъект, который осуществляет активность и направляет её на объекты и других субъектов; 2) объект, на который эта активность сосредоточена; 3) саму активность как способ воздействия субъекта на объект. Субъектом деятельности может выступать индивидуум, социальная группа или общество в целом, в то время как объектом могут быть как природные элементы, так и другие люди или сам субъект [10].

Выделим основные компоненты следственной деятельности.

1. Субъектом деятельности (индивид, группа людей, общество) могут выступать следователь, дознаватель, орган дознания, начальник следственного отдела, следователь-криминалист, а также следственная группа.

2. Объектом деятельности (включая процессы и явления, других людей, группы и общество) является общественная безопасность и государственная политика в сфере уголовного судопроизводства, конкретные преступления и лица, их совершившие.

3. Мотивация деятельности (стимулы для действий субъекта) заключается в выполнении служебных обязанностей, определённых уголовно- процессуальным законодательством и ведомственными указаниями, а также в наличии внутренней мотивации, которая может проявляться, например, в денежном вознаграждении, самореализации или служебном росте.

4. Целью деятельности (представление о желаемом результате) является защита прав и интересов потерпевших и организаций, восстановление справедливости, поддержание правопорядка и законности, предотвращение и предупреждение преступлений, а также исправление лиц, совершивших правонарушения.

5. Средствами деятельности (инструменты, используемые для осуществления процессов) выступают различные технико-криминалистические инструменты, включая современные технологии для выявления, фиксации и изъятия следов преступления, а также разнообразная бытовая и организационная техника.

6. Процессом деятельности (последовательность действий, направленных на достижение целей) является проведение следственных и процессуальных мероприятий в рамках уголовного дела, а также в ходе проверочных мероприятий до возбуждения уголовного дела.

7. Итогом деятельности (результат, достигнутый в результате действий) является один из вариантов, например, составление обвинительного заключения и передача уголовного дела прокурору для утверждения.

В контексте человеческой деятельности особо выделяется механизм принятия решений, который включает в себя ряд последовательных этапов: анализ ситуации, выработка альтернативных решений, оценка этих альтернатив, реализация выбранного решения и его последующая оценка. Одним из видов такой человеческой деятельности, где принятие решений происходит на всех этапах активности, является следственная деятельность.

Следственные действия требуют критического мышления и умения быстро адаптироваться к меняющимся условиям. На первой стадии следствия, когда происходит сбор информации, следователь должен принимать решения о том, какие доказательства собирать, каких свидетелей допросить и какие экспертизы провести. Все эти шаги требуют взвешенной оценки имеющейся информации и выбора эффективной стратегии для дальнейших действий.

На этапе анализа собранной информации следователь сталкивается с необходимостью систематизировать имеющиеся данные, выявлять взаимосвязи и выстраивать следственные версии. Принятие решений на этом этапе может определить направление всего расследования и его конечный успех. Следователь должен принять решение о том, какое обвинение выдвинуть, какие доказательства будут наиболее убедительными в суде и как представить свои аргументы. Это требует не только аналитических навыков, но и способности к стратегическому планированию.

Кроме того, в ходе следственной деятельности необходимо учитывать этические аспекты. Каждое принятое решение помимо того, что должно соответствовать законодательству, должно соответствовать моральным нормам общества.

Таким образом, успешность следствия зависит не только от профессионализма и знаний следователя, но и от его способности к принятию обдуманных решений на каждом из этапов расследования.

Обращаясь к специфике следственной деятельности, нельзя не отметить следующую ее особенность: следователь в рамках своей профессиональной практики осуществляет множества взаимосвязанных функций, к числу которых относятся реконструктивная, организационная, исполнительная, процессуальная, криминалистическая, коммуникативная, психологическая, прогностическая и ряд других [1].

Подводя итоги исследования, можно сделать вывод, что под следственной деятельностью следует понимать действия следователя по находящемуся у него в производстве уголовному делу, направленные на выявление, раскрытие, расследование и предупреждение преступлений путем комплекса тактических, стратегических, оперативных операций и приемов, процессуальных, познавательных и организационных, распорядительных и материально-технических действий.

Что касается механизма следственной деятельности, то это многоэлементная взаимосвязанная криминалистическая система технических, тактических и методических средств, которые воздействуют на участников уголовного процесса, направленный на раскрытие и расследование преступлений.

Пристатейный библиографический список

1. Адигамова, Г. З. Правовые, организационные и интеллектуально-моделирующие аспекты следственной деятельности // Пробелы в российском законодательстве. 2014. № 2. С. 261-263.
2. Батищев Г. С. Противоречие как категория диалектической логики. М., 1963. С. 14.
3. Белкин Р. С. Версии в доказывании. Теория доказательств в советском уголовном процессе. Часть общая. М., 1966. 584 с.
4. Белкин Р. С. Профессия следователь. М., 1998. С. 22–23.
5. Большой психологический словарь. СПб., 2003. С. 135.
6. Большой экономический словарь. М., 1997. С. 129.
7. Вишнякова С. М. Профессиональное образование: ключевые понятия, термины, актуальная лексика: словарь. М., 1999. С. 69.
8. Драпкин Л. Я. Построение и проверка следственных версий: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 1972. 28 с.
9. Драпкин Л. Я. Теория раскрытия преступлений: ретроспективный анализ и вероятностный прогноз // Проблемы раскрытия преступлений в свете современного уголовного процессуального законодательства. Екатеринбург, 2003. С. 127.
10. Каган М. С. Человеческая деятельность: (опыт системного анализа). М., 1974. С. 39-48.
11. Кириллов И. Ф. Если преступление совершилось… Воронеж, 1976. 87 с.
12. Клочков В. В., Образцов В. А. Преступление как объект криминалистического познания // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1985. Выпуск 42. С. 47, 48.
13. Краткий философский словарь / Под ред. А. П. Алексеева. М., 2001. С. 91.
14. Криминалистика / Под ред. И. Ф. Кирилова. Л., 1996. С. 288, 291.
15. Ларин А. М. От следственной истины к истине. М., 1976. 198 с.
16. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 2004.
17. Пантелеев И. Ф. Методика расследования преступлений. М., 1975. 46 с.
18. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. М., 1989. Т. 1. С. 8.
19. Селиванов Н. А., Видонов Л. Г. Типовые версии по делам об убийствах. Горький, 1989. 145 с.
20. Современный философский словарь. М., 2004. С. 186.
21. Шадриков В. Д. Проблемы системогенеза профессиональной деятельности. М., 2007. С. 21.
22. Шадриков В. Д. Психология деятельности человека. М., 2013. С. 31.
23. Щеколдина С. В. Основные теоретические подходы к феномену «деятельность» // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Сер. 3. Гуманитарные и общественные науки. 2022. № 2. С. 49.
24. Юдин Э. Г. Системный подход и принцип деятельности. М., 1975. С. 272.

МАЗУНИН Яков Маркиянович
доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики, Омская академия МВД России, заслуженный юрист Российской Федерации

МАШЛЯКЕВИЧ Вячеслав Андреевич
старший преподаватель кафедры огневой и технической подготовки, Барнаульский юридический институт МВД России

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДОПРОСА ОБВИНЯЕМЫХ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О МОШЕННИЧЕСТВАХ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СРЕДСТВ ТЕЛЕФОННОЙ СВЯЗИ

В статье рассматриваются наиболее важные аспекты проведения такого следственного действия как допрос обвиняемого при расследовании мошенничеств, совершаемых с использованием средств телефонной связи. Авторами, с учетом анализа отдельных позиций ученых-криминалистов, а также собранного эмпирического материала, акцентируется внимание на подготовку к проведению допроса обвиняемого. Мероприятия по подготовке подразумевают проведение довольно большого объема аналитической работы, связанной с изучением данных о телефонных соединениях по абонентскому номеру телефона, используемому субъектом преступления в ходе его совершения, а также данных о движении денежных средств.

Ключевые слова: допрос обвиняемого, телефонное мошенничество, следственные действия.

MAZUNIN Yakov Markiyanovich
Ph.D. in Law, professor, professor of Criminalistics sub-faculty, Omsk academy of the MIA of Russia, honored lawyer of the Russian Federation,

MASHLYAKEVICH Vyacheslav Andreevich
senior lecturer of Firearms and technical training sub-faculty, Barnaul Law Institute of the MIA of Russia

SOME PECULIARITIES OF INTERROGATION OF THE ACCUSED IN CRIMINAL CASES OF FRAUD COMMITTED WITH THE USE OF MEANS OF TELEPHONE COMMUNICATION

The article considers the most important aspects of conducting such an investigative action as interrogation of the accused in the investigation of frauds committed with the use of means of telephone communication. The authors, taking into account the analysis of individual positions of criminal scientists, as well as the collected empirical material, focus on the preparation for the interrogation of the accused. Preparatory activities involve a fairly large amount of analytical work related to the study of data on telephone connections on the subscriber phone number used by the subject of the crime in the course of its commission, as well as data on cash flow.

Keywords: interrogation of the accused, telephone fraud, investigative actions.

В последнее десятилетие наблюдается значительный рост количества противоправных посягательств, связанных с использованием субъектами преступления цифровых технологий, что обусловлено расширением возможностей дистанционного взаимодействия, в том числе касающегося проведения финансовых операций. Довольно существенную долю таких посягательств занимают мошенничества, совершаемые с использованием средств телефонной связи, количество которых показало более чем десятикратный рост за указанный период.

В связи со сложившейся ситуацией актуальным становится исследование проблем расследования рассматриваемого вида преступлений, в частности – проблем проведения отдельных следственных действий. Одним из ключевых следственных действий, проводимых на последующем этапе расследования мошенничеств, связанных с использованием средств телефонной связи [1], выступает допрос обвиняемого. Его показания обладают значительной доказательственной ценностью, поскольку именно обвиняемый располагает наиболее полной информацией об обстоятельствах подготовки, совершения и сокрытия противоправного деяния, а также о его мотивах и целях. Данные сведения играют важную роль в установлении объективной истины по делу и формировании доказательственной базы.

Не затрагивая общих аспектов организации тактики и психологических основ проведения указанного следственного действия, а также применяемых тактических приемов, которые довольно подробно освещены в научной литературе [2], [3], [4], [5], сосредоточим внимание на наиболее значимых особенностях, обусловленных спецификой мошенничеств рассматриваемого вида, которые следует учитывать при проведении допроса обвиняемых.

Следует согласиться с А. А. Эксархопуло, который утверждает, что «сложность налаживания контакта и доверительных отношений с допрашиваемыми лицами требует от следователя не только правильной оценки их психологического состояния, но и умелого использования тактических приемов» [6, с. 31]. Не секрет, что такие приемы избираются следователем в зависимости от сложившейся к моменту проведения допроса обвиняемого следственной ситуации. Отметим и тот факт, что результаты допроса обвиняемого ложатся в основу классификации дальнейших следственных ситуаций, так как в ходе проведения указанного следственного действия мы сможем выяснить субъективное отношение допрашиваемого лица к совершенному им деянию.

В отличие от допроса подозреваемого, время на надлежащую подготовку к которому зачастую отсутствует, допрос обвиняемого характеризуется возможностью более тщательного изучения личности допрашиваемого лица. В этой связи полагаем необходимым установление роли обвиняемого в событии преступления – исполнитель, организатор или пособник. На момент проведения рассматриваемого следствен-

ного действия следователю необходимо собрать как можно более полный объем информации о личности допрашиваемого. Кроме того, в зависимости от конкретной типичной следственной ситуации, важно сформировать детальное представление об обстоятельствах, которые предшествовали преступлению и стали его причиной. Это позволит выстроить эффективную тактику допроса и получить достоверные показания, способствующие установлению объективной истины по делу.

Эмпирические данные подтверждают, что допрос лиц, обвиняемых в совершении мошенничеств с использованием средств телефонной связи, зачастую носит бесконфликтный характер. Более 80 % субъектов преступления признают свою вину. Однако судебно-следственная практика показывает, что в абсолютном большинстве случаев мошенничества, совершаемые с использованием средств телефонной связи, являются преступными деяниями серийного характера, предполагающими совершение одного преступления за другим. Зачастую обвинительные заключения по мошенничествам рассматриваемого вида включают в себя пять и более эпизодов преступной деятельности. В связи с этим полагаем, что одной из целей допроса обвиняемого является выявление дополнительных эпизодов преступной деятельности, что является отличительным признаком рассматриваемого следственного действия.

Анализ материалов судебно-следственной практики свидетельствует о том, что рассматриваемый вид преступлений зачастую носит серийный характер, предполагающий последовательное совершение ряда преступных деяний. Нередко обвинительные заключения насчитывают три и более эпизода преступной деятельности. В связи со сказанным представляется обоснованным утверждать, что одной из ключевых целей допроса обвиняемого является выявление дополнительных эпизодов противоправных действий. Указанная особенность, несомненно, способствует более полному установлению обстоятельств преступной деятельности и является отличительной чертой деятельности сотрудников правоохранительных органов при расследовании преступлений рассматриваемого вида.

При этом следует учитывать, что обвиняемый с высокой степенью вероятности будет отрицать свою причастность к каким-либо дополнительным эпизодам преступной деятельности. Таким образом, бесконфликтная ситуация, складывающаяся в ходе допроса по поводу инкриминируемого деяния, может одновременно носить конфликтный характер в части, связанной с выявлением новых эпизодов преступной деятельности. В этой связи определенная часть допроса приобретает разведывательную направленность, что требует от следователя применения соответствующих тактических приемов для преодоления сопротивления обвиняемого и получения достоверной информации.

В ходе подготовки к проведению допроса обвиняемого по делам о мошенничествах, совершаемых с использованием средств телефонной связи, следователю, наряду с традиционным изучением материалов уголовного дела и сбором информации о личности допрашиваемого, необходимо провести и определенную аналитическую работу. Такая работа предполагает исследование данных о соединениях по абонентским номерам телефонов, фигурирующих в событии преступления, а также данных о движении денежных средств, как по банковским счетам, так и по счетам мобильных телефонов и электронных кошельков. Фактической задачей субъектов расследования здесь является документальное восстановление всего процесса совершения преступления, который подразумевает телефонные соединения между лицом, совершающим преступления, посредником преступления и потерпевшим, а также перемещение денежных средств между указанными лицами. Следует отметить, что информация о соединениях по абонентским номерам телефона, который использовался обвиняемым в процессе совершения преступления, служит важным инструментом доказательственного значения, направленным на выявление новых эпизодов преступной деятельности допрашиваемого лица. Тоже самое утверждение применимо и к информации о движении денежных средств, анализ которой позволяет установить связи между финансовыми операциями и выявить доказательства преступной деятельности.

Указанные сведения целесообразно использовать в рамках таких тактических приемов, как предъявление доказательств, формирование у обвиняемого преувеличенного представления об осведомленности следователя, а также демонстрация возможностей следствия. При этом следует подчеркнуть, что упомянутые тактические приемы можно применять в сочетании с использованием, так называемой инерционности допроса, когда обвиняемый дает показания по инкриминируемому ему эпизоду преступной деятельности. Такой подход позволяет незаметно перейти к обсуждению дополнительных эпизодов, минимизируя противодействие обвиняемого и способствуя получению более полной информации.

Кроме того, следует отметить, что в рассматриваемой нами ситуации дачи обвиняемым правдивых показаний по уголовному делу присущая ей бесконфликтность и простота могут негативно повлиять на качество работы следователя. Получив правдивые показания, он может ограничиться лишь их поверхностной фиксацией, будучи уверенным, что такой подход обеспечит полноценное установление вины обвиняемого. По нашему мнению, такой подход может оказать отрицательное воздействие на дальнейшие результаты расследования, а также привести к непредвиденным последствиям. В связи с этим полагаем необходимым в подобных случаях соблюдать общеизвестное, однако зачастую нарушаемое тактическое правило - даже в случае дачи обвиняемым правдивых показаний обо всех обстоятельствах совершенного им преступления допрос такого лица должен проводиться с той же тщательностью, что и в случае дачи им заведомо ложных показаний.

Вместе с тем важно учитывать, что оценка показаний обвиняемого должна даваться с учетом положений ч. 2 ст. 77 УПК РФ, которая устанавливает, что признание обвиняемым своей вины в совершении преступления может быть положено в основу обвинения только при условии подтверждения его виновности совокупностью других доказательств, имеющихся в уголовном деле. В этой связи важно учесть, что наряду с материалами, полученными, в том числе, при проведении допроса обвиняемого, доказательственное значение имеют и упомянутые ранее данные о соединениях по абонентским номерам телефонов, а также информация о движении денежных средств по банковским счетам, счетам мобильных телефонов и электронным кошелькам. Совокупность указанной информации обеспечивает полноту и достоверность доказательственной базы при расследовании мошенничеств, совершаемых с использованием средств телефонной связи.

Далее рассмотрим ситуацию, носящую конфликтный характер, или ситуацию противодействия. Так, обвиняемый

может полностью отрицать свою вину, либо давать лишь частично правдивые показания, опровергая сам факт совершения преступления, даже, несмотря на совокупность доказательств, положенных в основу предъявленного обвинения. Проведенный опрос субъектов расследования преступлений рассматриваемого вида показал, что основными формами противодействия являются:

– предоставление ложных показаний;

– отказ от дачи показаний;

– неявка для участия в следственных действиях;

– запугивание иных участников уголовного процесса (в редких случаях).

Вместе с тем следует отметить, что субъектами противодействия могут являться не только сами обвиняемые, но и их родственники, близкие, а также другие участники преступной группы, если есть основания полагать, что преступление совершено группой лиц. В зависимости от способа взаимодействия субъекта противодействия с субъектами расследования, можно выделить непосредственное и опосредованное противодействие. Опосредованное противодействие осуществляется через промежуточные звенья – других лиц, материальные источники или носители информации, что усложняет процесс установления истины по делу [7, с. 248].

Преодоление такого противодействия возможно путем применения следующих действий:

– создание у обвиняемого ложного представления об истинных целях допроса, проводимого следователем;

– постановка таких целей, достижение которых изначально ставит обвиняемого в невыгодное положение;

– побуждение обвиняемого к использованию противоправных методов;

– создание препятствий для адекватной оценки обвиняемым реальных целей и действий следователя.

Одним из наиболее эффективных способов опровержения ложных показаний является детализация вопросов, задаваемых следователем обвиняемому. Указанный метод направлен на выявление противоречий в показаниях обвиняемого, а также на получение дополнительной информации, которая может быть использована для проверки достоверности его слов. В рамках данного тактического приема следователь может уточнять мельчайшие подробности, которые обвиняемый просто не в силах продумать заранее, выстраивать определенные логические последовательности, использовать контрольные вопросы в ходе проведения допроса и т.д. При этом здесь не последнюю роль будет играть ранее упомянутая аналитическая работа по изучению документов, подтверждающих факты перевода денежных средств, либо осуществления телефонных соединений. Это обеспечит возможность выявления противоречий в показаниях обвиняемого и подтверждения их недостоверности. В данной связи отметим, что предъявляются лишь достоверные доказательства. При этом следователю необходимо получить от обвиняемого сведения, связанные с каждым из таких доказательств.

Отказ обвиняемого от дачи показаний, а также предоставление им заведомо ложных сведений ставит перед следователем задачу по установлению мотивов такого поведения. В этой связи полагаем целесообразным разъяснять допрашиваемому, что отказ от дачи показаний лишает его и возможности предоставления сведений оправдывающего характера, либо смягчающих ответственность. Впоследствии суд, столкнувшись с отсутствием информации подобного рода, не сможет оценить полную совокупность факторов, влияющих на исход дела. Думается, что следователь может вполне аргументировано объяснить, что только допрашиваемое лицо в полной мере способно привести доводы в свою защиту. Отметим, что лица, отрицающие свою вину, зачастую от дачи показаний не отказываются, так как стремятся ввести следствие в заблуждение посредством выдвижения ложных версий и дачи недостоверных показаний.

Таким образом, успешное проведение допроса обвиняемого по делам о мошенничествах, совершаемых с использованием средств телефонной связи, требует от следователя принятия всех необходимых мер для получения достоверных сведений о событии преступления, других эпизодах преступной деятельности обвиняемого, соучастниках преступления. Тщательная подготовка к рассматриваемому следственному действию, включающая в себя анализ сведений о соединениях по абонентским номерам телефонов, используемых субъектами преступления, сведений о движении денежных средств, а также изучение личности допрашиваемого, является залогом успешного проведения допроса обвиняемого и позволит обеспечить справедливость судебного разбирательства.

Пристатейный библиографический список

1. Машлякевич В. А. Отдельные вопросы периодизации расследования мошенничеств, совершаемых с использованием средств телефонной связи // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. - 2024. - № 2 (30). - С. 152-158.
2. Хамидуллина Р. Р. К вопросу о некоторых тактических приемах допроса подозреваемого (обвиняемого) лица // E-Scio. - 2022. - № 5. - С. 453-458.
3. Тактические особенности производства отдельных следственных действий: учебное пособие / Под общ. ред. О. В. Кругликовой. - Барнаул, 2021. - 116 с.
4. Порубов Н. И., Порубов А. Н. Допрос: процессуальные и криминалистические аспекты: монография. - М., 2013. - 304 с.
5. Шепелева С. В. Тактика допроса лиц, имеющих установку на дачу ложных показаний: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. - СПб., 2001. - 205 с.
6. Эксархопуло А. А. Допрос: теория и практика // Южноуральские криминалистические чтения : доклады науч.-практ. конф. - Вып. 28. - Уфа, 2021. - С. 30-38.
7. Карагодин В. Н. Криминалистическое учение о преодолении противодействия расследованию // Библиотека криминалиста. - 2013. - № 4. - С. 241-252.

ПОЗИЙ Виктория Станиславовна
кандидат химических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, Крымский филиал, Краснодарский университет МВД России, г. Симферополь

ШЕЛЮГОВА Александра Александровна
слушатель, Крымский филиал, Краснодарский университет МВД России, г. Симферополь

ТИПИЧНЫЕ СЛЕДСТВЕННЫЕ СИТУАЦИИ И ТАКТИКА ПРОВЕДЕНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ НА ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С МОШЕННИЧЕСТВОМ В СФЕРЕ КРЕДИТОВАНИЯ

В данной статье раскрывается сущность наиболее распространенных следственных ситуаций, складывающихся на первоначальном этапе расследования мошенничества в сфере кредитования, какие версии выдвигаются. Перечисляются этапы, из которых складывается анализ каждой из ситуаций. Рассматриваются особенности проведения следственных действий при расследовании мошенничества в сфере кредитования, таких как допрос, осмотр места происшествия, назначения судебных экспертиз.

Ключевые слова: мошенничество в сфере кредитования, следственная ситуация, заемщик, кредитор, допрос, осмотр места происшествия, судебная экспертиза.

POZIY Viktoriya Stanislavovna
Ph.D. in chemical sciences, associate professor, associate professor of Criminal process and criminalistics sub-faculty, Crimean branch, Krasnodar University of the MIA of Russia, Simferopol

SHELYUGOVA Alexandra Alexandrovna
listener, Crimean branch, Krasnodar University of the MIA of Russia, Simferopol

TYPICAL INVESTIGATIVE SITUATIONS AND TACTICS OF CONDUCTING INDIVIDUAL INVESTIGATIVE ACTIONS AT THE INITIAL STAGE OF THE INVESTIGATION OF CRIMES RELATED TO FRAUD IN THE FIELD OF LENDING

This article reveals the essence of the most common investigative situations that develop at the initial stage of the investigation of fraud in the field of lending, which versions are being put forward. The stages that make up the analysis of each situation are listed. The article considers the specifics of conducting investigative actions in the investigation of fraud in the field of lending, such as interrogation, inspection of the scene, appointment of forensic examinations.

Key words: fraud in the field of lending, investigative situation, borrower, lender, interrogation, inspection of the scene, forensic examination.

Процесс расследования всех видов преступлений, в том числе и мошенничества в сфере кредитования, а также выбор приоритетных направлений расследования конкретного уголовного дела, зависит от ряда факторов, ключевым из которых является сложившаяся следственная ситуация. Следственная ситуация - это комплекс различных условий, обстоятельств, явлений, имеющих отношение к уголовному делу, которые сложились на конкретный момент расследования, и которые требуют изучения и анализа в ходе проведения тех или иных следственных действий. Следственная ситуация включает в себя всю необходимую для ведения предварительного следствия информацию, которой обладают правоохранительные органы на определенный момент времени [1, с. 63]. Как правило, анализ следственной ситуации состоит из следующих этапов:

– сбор всех имеющихся данных о совершенном преступлении;

– оценка собранной информации, определение значимости каждого конкретного обстоятельства и его влияния на ход расследования;

– поиск пробелов в полученной информации, а также установление ряда вопросов, которые необходимо решить для успешного расследования уголовного дела;

– выработка стратегии, то есть разработка плана дальнейших следственных действий, составление графика допросов, назначения экспертиз и других процессуальных мероприятий.

Что касается мошенничества в сфере кредитования, то можно выделить основных четыре наиболее распространенных следственных ситуаций, складывающихся на первоначальном этапе расследования данной категории преступлений.

К первому виду следственных ситуаций можно отнести случаи, когда следователю достоверно известно, что преступление совершенно не в одиночку, а группой лиц, при этом, как правило, личность некоторых лиц, входящих в такую группу, уже установлена. Помимо этого, в данной ситуации есть основания полагать, что к совершению мошенничества причастны сотрудники банка или иной кредитной организации, в которой были похищены денежные средства. Также в рамках данной следственной ситуации органу предварительного следствия известна вся совокупность ложных и недостоверных сведений, которые были предоставлены заемщиком для осуществления своего преступного умысла [1, с. 64]. Для получения прибыли от своей преступной деятельности в более крупных размерах и на постоянной основе создаются организованные группы, которые согласно статье 35 УК РФ отличаются своей устойчивостью, а также тем, что состоящие в такой группе лица заранее объединяются для совершения одного или нескольких преступлений.

Вторая следственная ситуация имеет место, когда личность мошенника установлена, однако отсутствует какая-либо информация, дающая возможность сделать выводы о составе лиц, совершивших преступление: преступление совершено в одиночку или при соучастии, если в составе группы, то сколько именно человек в нее входило, какова степень устойчивости этой группы, какой вид соучастия имел место, соисполнительство или сложный вид соучастия, когда наряду с исполнителем в совершение преступления принимает участие еще и подстрекатель, пособник либо организатор, а также причастен ли к совершенному мошенничеству сотрудник банка или нет. При этом для данной следственной ситуации характерно наличие у следственных органов совокупности ложных и недостоверных сведений, представленных заемщиком кредитору.

К следующему типу следственных ситуаций, складывающихся в процессе расследования, относятся случаи, когда полностью отсутствует какая-либо информация о личности преступника и о его возможных соучастниках. При этом следствием установлен весь перечень несоответствующих действительности сведений, которые были предоставлены кредитору в целях совершения мошенничества, однако не выявлен способ достижения преступной цели [1, с. 65]. Так, часто условием, способствующим совершению рассматриваемого вида преступления, становится халатное и недобросовестное отношение некоторых сотрудников к выполнению своих обязанностей. Если в банках предоставляемые заемщиком сведения, как правило, подлежат проверке службой безопасности, то в иных, более мелких коммерческих кредитных организациях такая процедура чаще всего отсутствует. В них обязанность проверки подлинности предоставляемых документов и достоверности, содержащихся в них сведений ложится на плечи тех же сотрудников, которые уполномочены на предоставление услуг потребительского кредитования. Более того, анализ законодательства в рассматриваемой области позволяет сделать вывод о том, что право банков на истребование различной документации практически ничем не ограничено. По крайней мере, официальными нормативно-правовыми актами никаких подобных ограничений не предусмотрено, как не предусмотрен и конкретный перечень документов, которые должны быть предоставлены заемщиком по требованию кредитной организации. Список сведений, истребуемых у заемщика при заполнении им заявления на оформление кредита, закрепляется в локальных актах кредитных организаций и может варьироваться. Однако сотрудники таких организаций при одобрении кредита тому или иному лицу не всегда в достаточной мере проверяют полноту, подлинность и достоверность предоставляемых сведений, что и приводит к совершению мошенничеств в данной сфере.

К четвертому виду следственных ситуаций относится ситуация, когда мошенничество в сфере кредитования совершено единолично лицом, являющимся индивидуальным предпринимателем, либо выполняющим руководящие функции в какой-либо организации. При этом органу предварительного следствия известны все не соответствующие действительности данные, которые были предоставлены кредитору с целью введения его в заблуждение и получения кредита без имеющихся на то оснований.

Сложившаяся на первоначальном этапе расследования следственная ситуация, а также выдвинутые на ее основании версии имеют непосредственную взаимосвязь с проводимыми следственными действиями, а также оказывают значительное влияние на выбор тактики и способа проведения таких следственных действий. Для производства по любому уголовному делу на первоначальном этапе расследования характерно проведение осмотра места происшествия, допрос потерпевшей стороны, свидетелей, назначение экспертиз.

В качестве свидетелей по уголовному делу о мошенничестве в сфере кредитования в первую очередь подлежат допросу сотрудники банка или иной кредитной организации, которые, добросовестно заблуждаясь, предоставляли кредит злоумышленнику и непосредственно взаимодействовали с ним. Однако, если лицо, выступающее в качестве свидетеля, в своих показаниях явно склоняется в пользу одной из сторон, то можно сделать вывод о том, что, возможно, они связаны какими-либо взаимоотношениями, что следует учитывать при планировании и проведении последующих допросов иных участников уголовного судопроизводства. Важно отметить, что сфера кредитования обладает определенной спецификой. Расследование преступления, предусмотренного статьей 159.1 УК РФ требует определенных знаний, поэтому при планировании и осуществлении следственных и иных процессуальных действий целесообразно получать предварительную консультацию у специалистов, обладающих познаниями и навыками в той или иной узкой области. Например, консультация со специалистом в банковской сфере может понадобиться для понимания роли и значения определенного документа при проведении финансово-кредитной операции, принцип движения документов, а также способ их фиксации в кредитных учреждениях, возможность применения технических средств в работе банковских служащих и т. д. Предметом консультации со специалистом в области бухгалтерского учета может стать процедура движения денежных средств при получении и хищении заемщиком кредитных денежных средств.

Можно выделить ряд ключевых обстоятельств, которые подлежат установлению при расследовании мошенничества в сфере кредитования и для уяснения которых следователь задает допрашиваемому лицу вопросы следующего содержания:

– место, точное название организации, где был заключен кредитный договор, а также дата и время его заключения;

– причины и условия, поспособствовавшие обращению в кредитную организацию, а также цели, которые преследовал заемщик;

– конкретный перечень сведений, предоставленных заемщиком, с указанием на то, какие из этих сведений являются правдивыми, а какие лживыми и недостоверными;

– использовались ли для совершения мошенничества подложные документы либо это были подлинные документы заемщика, либо заемщик использовал документы иного лица, не причастного к совершению преступления;

– кто именно занимался фальсификацией документов, использовавшихся для ведения в заблуждение сотрудников кредитной организации;

– довел ли мошенник свой преступный умысел до конца, был ли предоставлен банком или иной организацией потребительский кредит, если кредитные денежные средства были выданы на приобретение того или иного имущества, то было ли оно приобретено заемщиком или нет;

- приступил ли заемщик к выполнению тех обязательств, которые были возложены на него кредитным договором, вносились ли заемщиком платежи для погашения кредита, если вносились, то, когда именно и в каком размере и т. д.

Один из важнейших этапов расследования уголовных дел, в том числе и связанных с мошенничеством в сфере кре-

дитования, – это осмотр места происшествия. В рамках расследования рассматриваемого вида преступления данное следственное действие требует особого подхода из-за специфики мошенничества, которые может быть связано с финансовыми схемами, использованием поддельных документов, дистанционными махинациями и другими нюансами. Рассмотрим основные особенности и тактику проведения осмотра места происшествия при расследовании мошенничества в сфере кредитования.

Во-первых, это неочевидность места преступления. Мошенничество может не иметь явного места происшествия. Часто преступные действия совершаются дистанционно, через информационно-телекоммуникационную сеть интернет, путем телефонных звонков и т. д., поэтому в качестве места осмотра могут выступать офисы кредитных учреждений, адреса, указанные в документах, а также местонахождение подозреваемых. Во-вторых, в таких преступлениях важную роль играют не только документы (договоры, заявления, справки), но и электронные данные (логины, пароли, переписки). Исследование информации может потребовать работы с IT-специалистами для извлечения данных из компьютеров, банковских систем и мобильных устройств. На месте происшествия необходимо ограничить доступ посторонних лиц для предотвращения утраты улик, особенно если есть основания полагать, что к совершению мошенничества причастны сотрудники кредитной организации, у которой были похищены денежные средства.

При проведении осмотра места происшествия и составлении соответствующего протокола необходимо проведение качественной фиксации окружающей обстановки, составление схем расположения предметов и документов. Необходимо изучить все документы, находящиеся на месте происшествия, включая заявки на кредиты, переписки, записные книжки, компьютерные носители. Важно правильно оформить протокол изъятия с указанием всех деталей.

Если на месте происшествия присутствовали свидетели, их необходимо выявить и допросить. Важно собрать всю информацию о выполнявшихся операциях, о людях, которые могли быть вовлечены в процесс.

Если есть возможность, необходимо собрать и приобщить к материалам уголовного дела все данные, которые могут помочь в дальнейшем расследовании, например, распечатанные скриншоты телефонных разговоров, электронную переписку и т. д.

Осмотр места происшествия при расследовании мошенничества в сфере кредитования требует внимательности, тщательности и знания специфики данной области. Успех получения доказательств и дальнейшего раскрытия преступления зависит от грамотного подхода к каждому этапу осмотра, привлечения специалистов и использования современных технических возможностей для сбора и анализа данных.

В процессе проверки сообщения о преступлении и на стадии возбуждения уголовного дела, необходимо обратить внимание на такое важное следственное действие как назначение судебной экспертизы. Перечень видов экспертиз, назначаемых в ходе расследования мошенничества в сфере кредитования, достаточно широк. Рассмотрим наиболее целесообразные из них. Финансово-кредитная экспертиза решает комплекс задач, связанных с выявлением и оценкой мошеннических действий, направленных на получение кредитов и займов. К задачам финансово-кредитной экспертизы относятся: выявление отклонений от целевого использования заемных средств, а именно анализ направлений использования кредитных средств и их соответствия заявленным целям, а также оценка эффективности и обоснованности расходования кредитных средств; выявление умышленного вывода активов, а именно выявление фактов манипулирования с активами для сокрытия реального финансового состояния и определение причинной связи между выводом активов и невозможностью возврата кредита; установление искажения финансового состояния (сравнительный анализ заявленного при получении кредита и реального финансового состояния заемщика, оценка соответствия финансового состояния заемщика требованиям, установленным кредитором).

В процессе производства экспертизы исследуются следующие объекты: договорные документы (кредитные договоры, приложения, пояснения, раскрывающие условия кредитования); учетные документы; отчетность (формы банковской и статистической отчетности); методические документы (документы, регламентирующие кредитные операции, методики оценки кредитоспособности); планы развития, предоставленные лицом заемщиком и обосновывающие потребность в кредитовании и пр.

Способом совершения мошенничества в сфере кредитования в большинстве случаев является подделка документов, например, внесение ложных сведений или фальсификация с использованием поддельных печатей. Для выявления подобных махинаций необходима технико-криминалистическая экспертиза документов, которая применяется для выявления следов подделки, а также установления способов изготовления и изменения документа.

Почерковедческая экспертиза проводится для установления автора рукописного текста или подписи. Она необходима, если есть сомнения в подлинности подписи или записи.

Таким образом, нами был рассмотрен ряд наиболее распространенных следственных ситуаций, с которыми сталкиваются органы предварительного расследования на первоначальном этапе расследования преступлений, предусмотренных ст. 159.1 УК РФ, то есть мошенничества в сфере кредитования, а также особенности проведения отдельных следственных действий на данном этапе.

Пристатейный библиографический список

1. Тагиров Р. А. Типичные ситуации первоначального этапа расследования мошенничества в сфере кредитования // Вестник уральского юридического института МВД России. - 2020. - № 3. - С. 62-68.

DOI 10.46320/2073-4506-2025-4-203-451-452

ЯРЕМЧУК Виктория Павловна
преподаватель кафедры управления персоналом и воспитательной работы учебно-научного комплекса по исследованию проблем кадровой работы и морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел, Санкт-Петербургский университет МВД России

ПРИМЕНЕНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ В НАЗНАЧЕНИИ И ОРГАНИЗАЦИИ ПРОИЗВОДСТВА СУДЕБНО-БАЛЛИСТИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗ

В статье обосновывается необходимость внедрения современных технологий, их потенциал и возможности применения при назначении судебно-баллистических экспертиз и в их организационном обеспечении. Предлагается использовать технологии в деятельности руководителей экспертно-криминалистических подразделений МВД России при распределении судебно-баллистических экспертиз, проверке своевременности их производства и учете показателей подразделения, в деятельности экспертов-баллистов – при организации экспертиз, а также в консультировании инициаторов назначения экспертиз – следователей и дознавателей.

Ключевые слова: технология, судебно-баллистическая экспертиза, организация судебно-баллистических экспертиз, назначение судебно-баллистических экспертиз, взаимодействие с экспертами-баллистами.

YAREMCHUK Viktoriya Pavlovna
lecturer of Personnel management and educational work of the educational and scientific complex for the study of personnel work and moral and psychological support for the activities of the internal affairs bodies sub-faculty, St. Petersburg University of the MIA of Russia

THE USE OF TECHNOLOGY IN THE APPOINTMENT AND ORGANIZATION OF THE PRODUCTION OF FORENSIC BALLISTICS EXAMINATIONS

The article substantiates the need to introduce modern technologies, their potential and application possibilities in the appointment of forensic ballistics examinations and in their organizational support. It is proposed to use the technology in the activities of the heads of the forensic departments of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the allocation of forensic ballistics examinations, checking the timeliness of their production and taking into account the unit's performance, in the activities of ballistics experts in the organization of examinations, as well as in advising the initiators of the appointment of examinations – investigators and interrogators.

Keywords: technology, forensic ballistics, organization of forensic ballistics examinations, appointment of forensic ballistics examinations, interaction with ballistics experts.

Вопросы организации производства судебных экспертиз занимают отдельное место в судебно-экспертной деятельности и регламентируются Наставлением по организации экспертно-криминалистической деятельности в системе МВД России[1] и Инструкцией по организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации[2], утвержденными приказами МВД России.

Организация процесса судебно-баллистических экспертиз требует значительных усилий, что, безусловно, отражается на качестве их выполнения. Как одна из форм трудовой деятельности, она также должна соответствовать современным требованиям науки и техники.

На сегодняшний день, вопросы организации производства судебно-баллистических экспертиз сводятся к использованию автоматизированного рабочего места эксперта-баллиста (далее – АРМ). Так, теоретическое обеспечение, разработка и внедрение АРМ в судебно-экспертную деятельность встречается в качестве предмета исследования в трудах многих ученых-криминалистов: В. Н. Котиков и В. А. Петросянц определяют понятие АРМ как «программный комплекс, функционирующий на базе средств вычислительной техники» [1, с. 45], Н. Ю. Дусева под АРМ подразумевает «набор инструментов и средств (аппаратных, программных, методических и др.), позволяющих пользователю автоматизировать трудоемкие процессы поиска, обработки и передачи больших объемов информации в различных сферах деятельности современного человека» [2, с. 79-80], Д. А. Кудряшов справедливо считает, что «современное автоматизированное рабочее место эксперта представляет собой компьютеризированное и механизированное рабочее место, оснащенное новейшими экспертно-криминалистическими средствами и программно-техническими комплексами автоматического получения, хранения, переработки и использования криминалистически значимой информации при решении различных экспертных задач» [3, с. 157-158], по мнению И. В. Латышова, АРМ эксперта – «это комплексы, объединяющие ресурсы криминалистической и компьютерной техники, программного обеспечения, информационных баз данных об объектах экспертных исследований либо объектах экспертно-криминалистических учетов» [4, с. 44].

Анализируя рассматриваемые точки зрения авторов, предлагаем под АРМ эксперта-баллиста понимать комплексную экспертно-баллистическую технологию, основанную на использовании современного аппаратно-программного комплекса, предназначенного для решения задач организации и производства судебно-баллистических экспертиз.

Структура АРМ эксперта-баллиста определяется техническим и программным обеспечением модулей, входящих в его состав, в соответствии с той задачей, которую они призваны решать. Так, предлагается использование 3 модулей:

1) модуль 1, предназначенный для учета и распределения материалов, поступивших в экспертно-криминалистическое подразделение МВД России (далее – ЭКП МВД России) на экспертизу, а также ведения отчетности подразделения.

1 Об утверждении Наставления по организации экспертно-криминалистической деятельности в системе МВД России: приказ МВД России от 11 января 2009 г. № 7: в ред. приказа МВД России от 2 декабря 2020 г. № 828. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2 Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации (вместе с «Инструкцией по организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации», «Перечнем родов (видов) судебных экспертиз, производимых в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации»): приказ МВД России от 29 июня 2005 г. № 511: в ред. приказа МВД России от 12 ноября 2024 г. № 781. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Модуль должен отражать все необходимые данные об инициаторах назначения судебно-баллистических экспертиз, сотрудниках ЭКП МВД России, экспертизах, находящихся в их производстве и т. д.

Использование такого модуля позволит с минимальными затратами времени рассчитать нагрузку на экспертов-баллистов, в онлайн-режиме установить уровень их загруженности и учитывать их результативные показатели при формировании отчета подразделения по итогам определенного временного периода;

2) модуль 2, предназначенный для организации производства судебно-баллистических экспертиз экспертом-баллистом.

В рассматриваемый модуль следует включать автоматизированные справочно-информационные фонды, содержащие данные из информационно-поисковых и идентификационных баллистических систем, нормативных правовых источников, учебной литературы, учебно-методических материалов, научной литературы, мультимедийных ресурсов, справочных материалов и словарей, материалы экспертной практики и др.

Его использование позволит создать единое информационное пространство необходимой эксперту-баллисту актуальной информации;

3) модуль 3, предназначенный для производства судебно-баллистических экспертиз экспертом-баллистом.

Данный модуль должен содержать инструменты подготовки баллистических объектов к исследованию, их анализа и непосредственно исследования, а также оценки полученных результатов, формирования выводов эксперта и оформления иллюстративного материала к заключению.

Разработка АРМ эксперта-баллиста и его внедрение подразумевает консолидацию с существующими современными системами, к которым, например, относится информационно-аналитическая система обеспечения деятельности МВД России (далее – ИСОД МВД России).

ИСОД МВД России решает задачи по хранению информации, ее оперативному поиску и передачи, составлению и движению документов, а также взаимодействию различных подразделений территориальных органов МВД России.

Именно поэтому стоит рассматривать возможности использования системы для решения отдельных вопросов взаимодействия правоохранительных органов и должностных лиц с ЭКП МВД России. Несмотря на то, что ведомственное законодательство не включает данное взаимодействие в сферу организации производства судебно-баллистических экспертиз, оно тесно связано с ней, не лишено проблем и требует отдельного изучения.

Так, А. М. Сажаев в своей работе об основах взаимодействия следователей, оперативных работников с сотрудниками ЭКП МВД России среди его основных недостатков перечисляет «низкий уровень технической оснащенности и профессиональной подготовки субъектов взаимодействия по использованию ЭКМС» и «безынициативность субъектов взаимодействия, незнание ими основ взаимодействия и другие недоработки организационного характера» [5, с. 77], Т. В. Демидова среди проблем взаимодействия следователя с экспертом выделяет их «совместную работу по сбору вещественных доказательств в ходе осмотра места происшествия» [6, с. 46], в работе Ж. Ф. Гасановой поднята проблема некачественного производства судебных экспертиз по причине неверно поставленных перед экспертом вопросов [7], А. А. Дрога среди проблем, по аналогии с другими авторами, выделяет «формулирование некорректных вопросов в постановлении о назначении экспертизы» [8], а В. В. Шуляк и Г. Г. Омельнюк справедливо заявляют, что «большинство подобных проблем могут быть успешно решены, особенно если лица, ведущие расследование уголовных дел не будет пренебрегать предварительной консультацией с экспертом»[9, с. 64].

Анализируя мнения авторов, полагаем целесообразным выделить две основные проблемы взаимодействия следователя или дознавателя с экспертом при назначении судебно-баллистических экспертиз:

1) ошибки в вопросах, поставленных перед экспертом;

2) отсутствие порядка обращения к эксперту за консультацией при назначении экспертизы.

Такие ошибки как формулирование вопросов, выходящих за пределы компетенции эксперта, их избыточность или недостаточность значительно увеличивают срок производства экспертизы, так как обязывают руководителя ЭКП МВД России или эксперта-баллиста вернуть постановление без исполнения инициатору производства.

Несмотря на то, что на сегодняшний день в литературе можно встретить источники, содержащие методические рекомендации по назначению экспертизы и формулировке вопросов эксперту по отдельным родам (видам) судебных экспертиз, ошибки при постановке вопросов эксперту следователем и дознавателем совершаются довольно часто. Единственным решением обозначенной проблемы видится обращение за консультацией к эксперту-баллисту.

В виду упомянутых выше возможностей использования ИСОД МВД России при организации взаимодействия следователей и дознавателей с экспертами-баллистами, предлагается осуществлять процедуру консультирования посредством сервиса электронного документооборота и сервиса электронной почты путем подачи обращения в конкретное ЭКП МВД России.

В данном случае в обращении инициатор назначения экспертизы может уточнить достаточность объектов для проведения судебно-баллистического исследования и правильность поставленных в их отношении вопросов.

Также стоит отметить, что указанная форма дистанционного взаимодействия следователя и дознавателя с экспертом может осуществляться в условиях невозможности их очного взаимодействия.

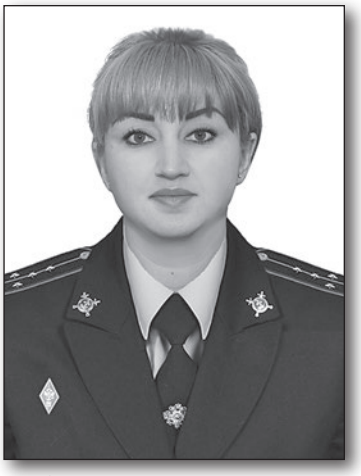
Таким образом, использование современных технологий при назначении судебно-баллистических экспертиз следователями и дознавателями и их организации руководителями ЭКП МВД России и экспертами-баллистами откроет перед участниками судопроизводства реальные возможности повышения эффективности судебно-экспертной деятельности и выведет ее на качественно новый уровень, отвечающий потребностям практики.

Помимо этого, предложенный в работе подход к организации производства судебно-баллистических экспертиз свидетельствует о предпосылках к ее стандартизации во всех ЭКП МВД России.

Пристатейный библиографический список

1. Котиков В. Н., Петросянц В. А. Формирование концепции «Автоматизированного рабочего места эксперта» // Ведомости Научного центра экспертизы средств медицинского применения. Регуляторные исследования и экспертиза лекарственных средств. – 2015. – № 1. – С. 45-48.
2. Дусева Н. Ю. Автоматизированное рабочее место эксперта-криминалиста: требования и современные решения // Общество: политика, экономика, право. – 2019. – № 4 (69). – С. 79-81.
3. Кудряшов Д. А. Современные направления развития инновационных технологий в судебной баллистике // Вестник экономической безопасности. – 2021. – № 3. – С. 156-161.
4. Латышов И. В. Автоматизированное рабочее место эксперта как инструмент технологического обеспечения судебно-экспертной деятельности // Технологии в инфосфере. – 2021. – Т. 2, № 2 (3). – С. 41-53.
5. Сажаев А. М. Об основах взаимодействия следователя и оперативных сотрудников с экспертно-криминалистическими подразделениями в процессе раскрытия и расследования преступлений // Проблемы юриспруденции: сборник научных статей и тезисов. Том Вып. 11. – Новосибирск: Новосибирский государственный технический университет, 2018. – С. 72-78.
6. Демидова Т. В. Взаимодействие следователя с экспертом на стадии подготовки материалов для производства судебных экспертиз // Вестник экономической безопасности. – 2018. – № 1. – С. 46-50.
7. Гасанова Ж. Ф. Актуальные проблемы назначения судебной экспертизы в российском уголовном судопроизводстве // Государственная служба и кадры. – 2020. – № 1. – С. 131-133.
8. Дрога, А. А. Актуальные проблемы назначения и производства экспертиз на современном этапе расследования // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2021. – № 2 (92). – С. 119-124.
9. Шуляк В. В., Омельянюк Г. Г. Актуальные проблемы назначения судебной экспертизы // Символ науки: международный научный журнал. – 2018. – № 12. – С. 64-66.

БАБАНИНА Дарья Васильевна
преподаватель кафедры уголовного права и криминологии, Ставропольский филиал, Краснодарский университет МВД России

Бабанина Д. В.

ПРОФИЛАКТИКА КРИМИНАЛЬНОГО НАСИЛИЯ: ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ АСПЕКТ

Криминальное насилие – одна из составных частей общей структуры преступности, в которую входят деяния, связанные с физическим и психическим насилием над личностью или угрозой его применения. В статье рассматриваются основы профилактики криминального насилия, аспекты, способствующие его распространению, и существующие методы его предупреждения. Анализируются правовые, социально-экономические и психологические аспекты профилактических мер, а также их эффективность в различных социальных группах. Особое внимание уделяется межведомственному взаимодействию правоохранительных органов, образовательных учреждений и социальных служб.

Ключевые слова: криминология, преступность, предупреждение преступности, проблемы развития, национальная безопасность.

BABANINA Darya Vasiljevna
lecturer of Criminal law and criminology sub-faculty, Stavropol branch, Krasnodar University of the MIA of Russia

PREVENTION OF CRIMINAL VIOCLENCE: AN ORGANIZATIONAL ASPECT

Criminal violence is one of the components of the general structure of crime, which includes acts related to physical and mental violence against a person or the threat of its use.

The article discusses the basics of the prevention of criminal violence, aspects contributing to its spread, and existing methods of its prevention. The article analyzes the legal, socio-economic and psychological aspects of preventive measures, as well as their effectiveness in various social groups. Special attention is paid to the interdepartmental interaction of law enforcement agencies, educational institutions and social services.

Keywords: criminology, crime, crime prevention, development problems, national security.

Предупреждение криминального насилия требует комплексного взаимодействия различных субъектов в реализации самых разных направлений, форм и методов профилактики. Причем требуется вовлеченность не только государственных органов и местного самоуправления, но и широких общественных институтов, объединений и обычных граждан.

Среди специализированных субъектов профилактики криминального насилия помимо правоохранительных органов (МВД России, Следственного Комитета, Росгвардии, прокуратуры и т.п.) и судов необходимо выделить казачьи общества, добровольные народные дружины, общественные организации, оказывающие помощь жертвам насилия, а также лицам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, и т.д.

Из неспециализированных субъектов следует выделить органы и учреждения Министерства здравоохранения, Министерство науки и высшего образования, Министерство просвещения, Федеральное агентство по делам молодежи, Федеральное агентство по делам национальностей, адвокатское сообщество, благотворительные организации, Русскую православную церковь и др.

Такое разнообразие субъектов профилактики обусловлено спецификой детерминации криминального насилия и сферами воздействия на ее причины и условия [1].

Так, огромное значение в предупреждении криминального насилия играет общесоциальная профилактика, связанная с реализацией государственной политики в сфере экономики, образования, культуры, спорта и здравоохранения. Если соотносить меры общесоциальной профилактики с выделенными нами сферами детерминации насильственной политики, то можно выделить следующие группы мер:

– экономического характера (меры, направленные на укрепление национальной экономики, стабилизацию курса рубля, поддержку и укрепление малого бизнеса, повышение уровня жизни населения и его покупательной способности и т.п.);

– социального характера (развитие институтов социальной поддержки населения; развитие здравоохранения, спорта, образования, культуры; создание комфортной среды жизнедеятельности, проведение массовых культурных и спортивных мероприятий и т.п.);

– культурно-нравственного характера (пропаганда традиционных ценностей; поддержка национальной культуры; развитие этики в области социального общежития, культуры, бизнеса, спорта, медиасферы, профессиональной деятельности и т.п.);

– социально-психологического характера (укрепление стабильности органов государственной власти и органов местного самоуправления, экономических, социальных, политических и общественных институтов; укрепление гражданского общества; развитие открытости в деятельности государственных органов и органов местного управления; контроль информационных потоков и противодействие распространению фейковой информации и т.п.) [2];

– организационно-управленческого характера (развитие системы взаимодействия различных органов власти, бизнеса, общественных объединений и организаций; снижение бюрократической нагрузки в управленческих и общественных отношениях; развитие системы государственного и общественного контроля и т.д.);

– правового характера (укрепление доступности правосудия, развитие правового сознания; осуществление правовой пропаганды; устранение правовых пробелов и коллизий; своевременное правовое регулирование общественных отношений и т.п.);

– политического характера (формирование и развитие национальной идеи; поддержка гражданского общества, некоммерческих общественных организаций и общественных объединений; развитие и укрепление диалога власти с населением; развитие прозрачности в принятии властных решений на федеральном, региональном и местном уровне и т.д.) [3].

Специально-криминологическое предупреждение криминального насилия носит более предметный характер и при этом реализуется в виде общей и индивидуальной профилактики, в том числе виктимологического характера.

Среди мер общей специально-криминологической профилактики также можно выделить ряд групп.

Меры социально-экономического характера:

– финансовая и ресурсная поддержка организаций, оказывающих помощь жертвам насилия;

– улучшение финансирования системы обеспечения общественного порядка по направлениям деятельности, развития технических систем обеспечения безопасности.

Меры организационно-управленческого характера:

– повышение уровня выявления и раскрываемости насильственных преступлений;

– укрепление контроля за деятельностью лиц, в чьи функции входит противодействие криминальному насилию, обеспечение немедленного реагирования на каждый случай применения насилия;

– организация оперативного взаимодействия подразделений МВД России с медицинскими учреждениями и организациями;

– укрепление взаимодействия между общеобразовательными организациями, подразделениями полиции по делам несовершеннолетних, муниципальными службами по делам несовершеннолетних и защите их прав с целью раннего выявления и предотвращения насилия, профилактики буллинга, коллумбайна и иных насильственных действий;

– активизация деятельности подразделений по борьбе с преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет») в части противодействия деятельности, направленной против здоровья несовершеннолетних и общественной нравственности в части выявления и пресечения деятельности «групп смерти», групп, пропагандирующих ценности криминальной субкультуры, групп, распространяющих контент с насильственными действиями в отношении несовершеннолетних;

– создание и развитие в образовательных учреждениях и трудовых коллективах системы эмоциональной разгрузки;

– усиление контроля за оборотом оружия;

– развитие систем видеоконтроля и фиксации в местах общественного пользования;

– внедрение в систему видеоконтроля программного обеспечения автоматического распознавания лиц [4];

– усиление контроля за оборотом и реализацией алкогольной продукции, недопущение розничной продажи алкогольной продукции в запрещенное время под видом организации объекта общественного питания;

– развитие служб медиации;

– разработка и внедрение новых форм и методов профилактики криминального насилия в деятельность специализированных субъектов, в том числе с учетом зарубежного опыта и международных рекомендаций.

Среди мер культурно-нравственного и социально-психологического характера можно выделить такие как:

– пропаганда норм социального общежития, терпимости и взаимоуважения;

– активизация противодействия агрессивным субкультурам.

Среди мер технического характера:

– внедрение средств автоматического контроля доступа несовершеннолетних к контенту, содержащему сцены насилия или пропагандирующего насилие (в том числе принуждение к суициду) и пропаганда данных средств среди родителей и опекунов несовершеннолетних;

– развитие систем безопасности в учебных заведениях, субъектах хозяйствования и общественных местах (внедрение систем видеофиксации, автоматического распознавания лиц, кнопок вызова дежурных нарядов полиции и т.п.) [5].

Список общих мер специально-криминологической профилактики не исчерпывается указанными и может быть дополнен самыми разнообразными формами воздействия на детерминанты криминального насилия в зависимости от характера последних, субъектов профилактики и стоящих перед ним целей и задач.

Среди мер индивидуальной профилактики насильственных преступлений можно выделить как формы, определенные в ФЗ РФ № 182-ФЗ, так и другие, производные от установленных законодателем или неизвестные ему.

Так, среди мер профилактики, определенных в ФЗ РФ № 182-ФЗ, при предупреждении криминального насилия наиболее актуальны следующие:

– осуществление правового просвещения и правового информирования в части разъяснения сущности и характера мер административной и уголовно-правовой защиты жизни и здоровья человека посредством юридических консультаций, бесед, лекций, демонстрации фильмов, роликов и т.п.;

– профилактическая беседа с лицами, склонными или совершающими насильственные действия, в том числе с привлечением лиц, представляющих для него авторитет, специалистов (психологов, педагогов), работодателей;

– постановка на профилактический учет лиц, склонных к совершению насильственных действий, так и лиц, систематически подвергающихся физическому и психическому насилию, особенно в образовательных организациях [6];

– социальная адаптация безнадзорных и беспризорных несовершеннолетних;

– оказание социальной и психологической помощи жертвам насилия.

Следует отметить, что данные меры могут проводиться в виде не только индивидуальной, но и общей профилактики, однако при этом меняется деятельность субъекта профилактики, носящая больше организационный характер.

Среди форм профилактического воздействия, не предусмотренных в ФЗ РФ № 182-ФЗ, можно выделить следующие:

– прогнозирование индивидуального преступного поведения с использованием методик распознавания личности, позволяющих на основе сопоставления характеристик лиц, склонных к совершению преступлений, и характеристик объекта профилактики строить вероятностные суждения о поведении данного лица;

– оказание помощи в разрешении конфликтных ситуаций с использованием методик медиации, психологии и педагогики;

– гуманистическое просвещение;

– демонстрация лицам, совершившим насильственные действия, негативных последствий их преступного поведения [7].

Среди мер индивидуальной профилактики виктимологического характера можно выделить такие как:

– вовлечение лиц, обладающих виктимностью, в посещение курсов самообороны;

– развитие в коллективах, среди соседей чувства взаимопомощи и добрососедских отношений;

– выявление и своевременная нейтрализация бытовых конфликтов.

Таким образом, криминальное насилие, отличающееся многообразием факторов, влияющих на ее возникновение и развитие, требует комплексной реализации различных направлений, видов и форм профилактического воздействия и вовлечения широкого круга субъектов профилактики.

Пристатейный библиографический список

1. Аксенов А. Н. Методологические подходы к пониманию насильственной преступности и насильственных преступлений // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях. - 2021. - С. 10-13.
2. Шитиков Ф. В. Проблемы формирования системы предупреждения насильственной преступности в современной России // Наукосфера. - 2021. - № 6-2. - С. 249-252.
3. Попова В. А., Семенцова И. А. Меры профилактики и борьбы с насильственной молодежной преступностью // Символ науки: международный научный журнал. - 2020. - № 12-2. - С. 41-44.
4. Кашевский В. А., Куценков И. И., Примаченок А. А. Криминология. - М.: ТетраСистемс, 2018. - 144 с.
5. Изюмова А. А. Субъекты профилактики насильственной молодёжной преступности // Матрица научного познания. - 2020. - № 12-1. - С. 273-277.
6. Ашин А. А., Горшкова Н. А., Зезюлина Т. А. [и др.]. Криминология (Особенная часть): учебник для бакалавриата и специалитета. - Владимир: Владимирский филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 2021. - 237 с.
7. Курганов С. И. Криминология. - М.: Юнити-Дана, 2019. - 184 с.

ВЛАДИМИРОВ Сергей Владиславович
кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой профессиональных дисциплин, Самарский юридический институт ФСИН России

ЗОЛОТОВ Максим Александрович
кандидат юридических наук, доцент кафедры организации борьбы с экономическими преступлениями, Самарский государственный экономический университет

О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ПОСТУПЛЕНИЮ СРЕДСТВ МОБИЛЬНОЙ СВЯЗИ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ ФСИН РОССИИ

В статье рассматриваются вопросы противодействия поступлению средств мобильной связи в исправительные учреждения уголовно-исполнительной системы. Показано, что основными факторами, позволяющими незаконно использовать мобильные телефоны в пенитенциарных учреждениях, являются недостаточное техническое оснащение обысковых групп, а также неэффективность санкций за незаконное хранение и использование мобильных телефонов. Авторами обосновывается необходимость дальнейшего законодательного усиления мер, направленных на противодействие поступлению средств мобильной связи в исправительные учреждения.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, исправительное учреждение, лишение свободы, мобильная связь, обыск.

VLADIMIROV Sergey Vladislavovich
Ph.D. in Law, associate professor, Head of Professional disciplines sub-faculty, Samara Law Institute of the FPS of Russia

ZOLOTOV Maxim Alexandrovich
Ph.D. in Law, associate professor of Organization of the fight against economic crimes sub-faculty, Samara State University of Economics

ON COUNTERING THE FLOW OF MOBILE COMMUNICATIONS TO CORRECTIONAL INSTITUTIONS OF THE FEDERAL PENITENTIARY SERVICE OF RUSSIA

The article discusses the issues of countering the flow of mobile communications into correctional institutions of the penal system. It is shown that the main factors allowing the illegal use of mobile phones in penitentiary institutions are the insufficient technical equipment of search teams, as well as the ineffectiveness of sanctions for illegal possession and use of mobile phones. The authors substantiate the need for further legislative strengthening of measures aimed at countering the flow of mobile communications to correctional institutions.

Keywords: penal enforcement system, correctional institution, imprisonment, mobile communication, search.

Пенитенциарная безопасность представляет собой комплексную систему мер по созданию защищенной среды внутри исправительных учреждений. Реализация охранных мероприятий требует многоуровневого подхода к организации контрольно-пропускного режима и постоянной подготовке сотрудников. Профессиональная квалификация персонала, владеющего навыками действий при нестандартных ситуациях, служит основой предупреждения противоправных деяний и обеспечения правопорядка. Разработанные регламенты безопасности позволяют минимизировать риски возникновения конфликтов между осужденными и гарантировать защиту работников учреждений.

Безопасность пенитенциарных учреждений России основывается на комплексной системе превентивных мероприятий, включающих базовые и специализированные механизмы контроля. Уровень строгости режима содержания осужденных определяет характер правоограничительных мер, формирующих основу исполнения уголовных наказаний. Многоступенчатая структура охранных мероприятий позволяет эффективно поддерживать установленный порядок отбывания наказания при соблюдении законных прав осужденных.

Уголовно-исполнительное законодательство устанавливает специальные нормативы поведения для заключенных и лиц, находящихся под стражей. Основополагающим документом выступают Правила внутреннего распорядка пенитенциарных учреждений, утвержденные приказом Минюста России от 04.07.2022 № 110[1]. Регламентированный режим включает неукоснительное соблюдение распорядка дня, выполнение распоряжений администрации исправительных учреждений, а также следование нормам российского законодательства. Заключенные несут персональную ответственность за исполнение возложенных обязательств согласно установленным предписаниям.

Данный ведомственный акт устанавливает строгий запрет на применение мобильных телефонов внутри режимных объектов. Данное ограничение закреплено в приложениях к правилам внутреннего распорядка следственных изоляторов и исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы (далее – УИС).

Несмотря на существующие запретительные меры и применение суровых дисциплинарных санкций, включая помещение нарушителей в штрафные изоляторы, количество изъятых мобильных устройств остается значительным. Статистические данные демонстрируют постепенное снижение обнаруженных средств связи на территории исправительных учреждений за последние годы. Так, в 2023 г. было изъято более 19 800 средств мобильной связи в исправительных учреждениях УИС; в 2022 г. было найдено 24 000 устройств, а в 2021 г. – 48 000. Помимо того, за передачу либо попытку передачи осужденным мобильных телефонов было задержано 2370 граждан[2].

Социальные проблемы проникают за стены пенитенциарных учреждений, где мобильные телефоны становятся инструментом преступной деятельности. Заключенные активно применяют средства связи для совершения мошеннических действий и других преступлений. Организованные преступные сообщества в местах лишения свободы, согласно исследованиям С. В. Бондаренко, занимаются распространением запрещенных веществ, нелегальной торговлей, азартными играми и вымогательством, направляя полученные средства в криминальный «общак» [1, с. 12]. Мобильная связь позволяет осужденным эффективно координировать преступные действия и управлять сообщниками за пределами исправительных учреждений. Подследственные, находящиеся в следственных изо-

1 Приказ Минюста России от 04.07.2022 № 110 (ред. от 27.01.2025) «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы» // СПС «КонсультантПлюс».

2 Число изъятых в колониях сотовых телефонов продолжает падать. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2024/01/30/1017380-chislo-izyatih-v-koloniyah-sotovih-telefonov-prodolzhaet-padat?from=copy_text.

ляторах, используют телефоны для давления на свидетелей и потерпевших, создавая серьезные препятствия расследованию уголовных дел.

Блокировка проноса средств сотовой связи на режимную территорию представляет собой первостепенную задачу пенитенциарных учреждений при работе с подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными. Злоумышленники регулярно разрабатывают многочисленные схемы доставки мобильных устройств в места принудительного содержания.

По мнению большинства практических работников, основными факторами, позволяющими незаконно использовать мобильные телефоны в учреждениях УИС, являются недостаточное техническое оснащение обысковых групп, а также неэффективность санкций за незаконное хранение и использование мобильных телефонов [2, с. 260].

С этим невозможно не согласиться. Администрация исправительных учреждений непрерывно совершенствует методы противодействия нелегальному проникновению средств связи на охраняемые объекты. Безопасность режимного объекта обеспечивается многоуровневой системой контроля доступа через специализированные пункты пропуска. Посетители, включая защитников и близких родственников осужденных, проходят тщательный досмотр личных вещей при входе на охраняемую территорию. Особое внимание уделяется предотвращению проноса средств мобильной связи и других запрещенных предметов различными категориями граждан.

При организации встреч с осужденными сотрудниками службы исполнения наказаний наблюдается устойчивая динамика изъятия мобильных устройств у посетителей. Зачастую, в ходе досмотра при поступлении граждан в исправительные учреждения сотрудниками ведомства обнаруживаются и конфисковываются мобильные телефоны, спрятанные в личных вещах и теле. Скрытая передача запрещенных предметов нередко осуществляется путем маскировки среди различных почтовых отправлений – продовольственных наборов, книжных изданий и средств гигиены. Преступники разработали множество изощренных способов сокрытия нелегальных веществ в повседневных предметах, поступающих по почтовым каналам. Тщательная проверка бандеролей и посылок позволяет выявить замаскированные запрещенные предметы, спрятанные в двойном дне упаковки, внутри самих вещей, продуктах питания и др. Мобильные устройства зачастую обнаруживаются в ходе проверки адвокатских и следственных кабинетов.

Законодательством предусмотрены строгие меры взыскания за нарушение режима использования мобильных устройств в пенитенциарных учреждениях. Нахождение средств мобильной связи у заключенных квалифицируется как серьезное дисциплинарное нарушение. Нарушители подвергаются различным санкциям – от выговора до помещения в камерные блоки или перевода в учреждения с более строгим режимом содержания. Регламент исправительных учреждений категорически запрещает любые операции с сотовыми телефонами на их территории.

Федеральное законодательство предусматривает серьезные меры наказания за противоправные действия, связанные с передачей мобильных устройств в пенитенциарные учреждения. Статья 19.12 КоАП РФ устанавливает значительные штрафные санкции за попытки доставки средств сотовой связи осужденным. Нарушителям грозит денежное взыскание, варьирующееся от двадцати пяти до пятидесяти тысяч рублей, при этом незаконно передаваемые предметы подлежат обязательной конфискации. Нормы статьи 321.1 УК РФ устанавливают наказание за данное деяние при наличии административного взыскания либо судимости у нарушителя. Правонарушителям грозит наложение существенного денежного штрафа либо лишение свободы сроком до двух лет.

Различные методы контроля пресекают нелегальные поставки мобильных устройств. Тщательный мониторинг и комплексные меры безопасности эффективно блокируют несанкционированные каналы распространения телефонной техники. Современные системы надзора позволяют своевременно выявлять и пресекать попытки доставки средств связи.

Комплексная система безопасности исправительных учреждений требует регулярного мониторинга периметра сотрудниками учреждения. Современные методы охраны включают установку специализированных инженерных сооружений, препятствующих нелегальной доставке средств мобильной связи. Значительную угрозу представляют квадрокоптеры, активно применяемые для незаконной передачи устройств.

Меры безопасности исправительного учреждения предусматривают многоуровневую систему досмотра. Сотрудники учреждения осуществляют проверку посетителей, автомобилей и передач на контрольно-пропускных пунктах. Специально оборудованные помещения приема посылок позволяют тщательно исследовать продукты питания и личные вещи.

Значительная загруженность пенитенциарной системы правонарушителями, совершившими подобные деяния, в сочетании с ограниченными техническими возможностями персонала существенно затрудняет комплексное разрешение сложившейся ситуации руководством учреждения. Отсутствие должного наказания за нарушения способствует развитию коррупционных схем среди работников исправительной системы и формированию деструктивных поведенческих моделей у заключенных совместно с их пособниками.

Комплексная оценка статистических показателей свидетельствует о существующих сложностях полного предотвращения проникновения запрещенных объектов на территорию пенитенциарных учреждений. Многообразие способов доставки и изощренные методы сокрытия создают значительные препятствия для эффективного противодействия нелегальному перемещению запрещенных предметов в места лишения свободы.

Ситуацию несколько улучшило принятие федерального закона ОТ 09.03.2021 № 44-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части прекращения оказания услуг связи на территории следственных изоляторов и учреждений, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы». В этих целях закон предусмотрел прекращение предоставления услуг связи по абонентским номерам при выявлении случаев использования их заключенными. При этом предоставление услуг связи прекращается оператором связи на основании решения руководителей ФСИН России или территориального органа УИС. Однако, решить рассматриваемую проблему только законодательными мерами невозможно.

Активная модернизация существующих методов контроля проникновения мобильных устройств связи в пенитенциарные учреждения представляет собой первостепенную задачу УИС. Разработка комплексных превентивных мер позволит качественно повысить эффективность механизмов пресечения нелегальной коммуникации осужденных.

Таким образом, усматривается необходимость дальнейшего законодательного усиления мер, направленных на противодействие поступления средств мобильной связи в исправительные учреждения. Во-первых, следует продолжать введение более строгих санкций за хранение и эксплуатацию средств связи заключенными, что позволит минимизировать нарушения режима их содержания. Ужесточение административных и уголовных мер воздействия в отношении лиц, передающих телефоны осужденным, несомненно, способствует укреплению законности в исправительных учреждениях. Комплексное ужесточение ответственности создаст эффективный механизм пресечения незаконного оборота средств коммуникации в местах лишения свободы. Во-вторых, на операторов мобильной связи следует возложить дополнительные обязательства по контролю использования средств коммуникации. Современные технические возможности позволяют с высокой точностью определять геолокацию устройств в пределах исправительных учреждений. Комплексное применение блокировочных механизмов обеспечит ограничение голосовых вызовов, текстовых сообщений и доступа к глобальной сети на режимных территориях. Только комплексное решение вопроса контроля мобильных устройств в пенитенциарных учреждениях позволит пресечь нелегальные каналы поставок средств связи в места лишения свободы.

Пристатейный библиографический список

1. Бондаренко С. В. Криминологическая характеристика групповой преступности в пенитенциарных учреждениях и меры противодействия ей: дис. ... канд. юрид. наук. – Самара, 2016. – 235 с.
2. Горовой В. В., Нарусланов Э. Ф., Новиков А. В. Некоторые вопросы противодействия незаконному использованию мобильных телефонов в учреждениях уголовно-исполнительной системы // Вопросы российского и международного права. – 2019. – № 4-1. – С. 258-265.

САГАЙДАК Альбина Юрьевна
кандидат педагогических наук, доцент, заместитель начальника кафедры криминологии, Санкт-Петербургский университет МВД России

ПАВЛИК Елизавета Михайловна
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминологии, Санкт-Петербургский университет МВД России

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРОФИЛАКТИКИ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В представленной статье будут рассмотрены проблемы профилактики коррупционных преступлений. Исследование такого вида социального явления как коррупция, является актуальным. Ежегодно возрастает количество зарегистрированных преступлений коррупционной направленности, в частности, различные формы взяточничества. В статье будут выявлены детерминанты изучаемой преступности, перечислены меры как общего характера, так и специального. Особое внимание уделено специально-криминологическим и индивидуальным мерам организационного и правового характера.
Ключевые слова: профилактика, коррупция, взяточничество, правоохранительные органы, законодательство.

SAGAYDAK Albina Yurjevna
Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor, Deputy Head of Criminology sub-faculty, St. Petersburg University of the MIA of Russia

PAVLIK Elizaveta Mikhaylovna
Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Criminology sub-faculty, St. Petersburg University of the MIA of Russia

MAIN DIRECTIONS OF PREVENTION OF CORRUPTION CRIMES

The article will examine the problems of corruption crime prevention. The study of such type of social phenomenon such as corruption is relevant. The number of registered corruption-related crimes increases annually, in particular, various forms of bribery. The article will identify the determinants of the crime under study, list measures of both a general and special nature. Particular attention is paid to special criminological and individual measures of an organizational and legal nature.
Keywords: prevention, corruption, bribery, law enforcement, legislation.

Противодействие коррупции является ключевым приоритетом государственной политики, а также важным направлением работы правоохранительных органов, которые играют ведущую роль в применении антикоррупционного законодательства и обеспечении его четкого исполнения.

Для решения проблемы коррумпированности, необходима консолидация всех властных структур, то есть совместный подход к нахождению ответа на вопрос о том, как взять верх над коррупцией. Нужно определиться с направлением антикоррупционной политики и полностью реформировать многие уже устоявшиеся сферы законодательства Российской Федерации. В тоже время нельзя забывать об институте гражданского общества, так как иной исход может привести к диктатуре и полному контролю и монополизации власти в условиях демократии и открытого гражданского общества.

Так как Россия в последнее время тесно связана во всех партнёрских отношениях с Азией, модель «Азиатской» борьбы с коррупцией наиболее подходит для нашего государства. Заключается она в том, чтобы взять полный контроль на законодательном уровне над государственными служащими, чтобы они вели четкую, честную и открытую работу, пропагандировать в средствах массовой информации о том какие честные сотрудники в органах исполнительной власти, правоохранительных органах и т.д., и непосредственно мотивировать госслужащих на честную службу, чтобы не было ни единой мысли о том, чтобы взять взятку.

Уровень коррупции в правоохранительных органах остается высоким, причем вред от взяточничества в этой сфере не только экономический, но и, общесоциальный. Все правоохранительные органы в том, или ином смысле доставляют государству и обществу громадный вред, когда склоняются к коррупции. Статистика показывает, что наиболее коррумпированными органами являются те, что призваны вести борьбу с коррупцией. По состоянию на 2024 год Россия в рейтинге стран по индексу восприятия коррупции занимает 141-е место из 180 исследованных государств (первое место у Дании - страны с наименьшими показателями коррупции).

Проблема взяточничества (получение и дача взятки, посредничество во взяточничестве, мелкое взяточничества) как основного ядра коррупции в правоохранительных органах в настоящее время стоит достаточно остро. Несмотря на то, что законодателем предпринимаются попытки усовершенствования правовых механизмов противодействия этому крайне негативному социальному явлению, оно проявляется все в более изощренных формах [1].

Анализ статистических данных указывает на то, что получение взятки (ст. 290 УК РФ) является одним из основных преступлений коррупционной направленности, совершаемых сотрудниками правоохранительных органов.

По официальным данным МВД России, в 2024 году было зарегистрировано 7610 фактов получения взятки, что на 27,7 % больше, чем в 2023 году. Такое преступление, как дача взятки, было зарегистрировано 6749 раз, что на 19,3 % больше, чем в 2023 году. Похожая тенденция прослеживается и с посредничеством во взяточничестве - зарегистрировано 2634 преступлений, что на 16,8 % больше, чем в 2023 году. В целом, количество зарегистрированных преступлений коррупционной направленности в 2024 году выросло на 5,8 % по сравнению с предыдущим годом.

Проблемы, связанные с коррумпированностью органов внутренних дел Российской Федерации, могут быть разнообразными, и важно проявлять внимание к различным аспектам борьбы с этим явлением. Можно некоторые проблемы и возможные способы их решения, по нашему мнению, это:

1. Недостаточная прозрачность и ответственность. Одной из ключевых проблем является недостаток прозрачности в деятельности ОВД, что может создавать возможности для коррупции. Для решения этой проблемы необходимо усилить механизмы контроля и обеспечить большую открытость в работе органов.

2. Низкий уровень профессионализма и этичности у некоторых сотрудников. Недостаточно квалифицированный персонал и отсутствие четких этических стандартов могут способствовать развитию коррупции. Важно проводить систематическое обучение сотрудников и формировать культуру нулевой терпимости к коррупции, также проводить профилактические беседы и общаться с личным составом.

3. Отсутствие эффективной системы внутреннего контроля и надзора. Необходимо укрепить систему внутреннего контроля и надзора в органах ОВД для выявления и предотвращения коррупционных проявлений среди сотрудников.

4. Непрозрачность процессов продвижения по службе. Некоторые случаи коррупции могут быть связаны с нечестными методами продвижения по службе, то есть так называемый конфликт интересов. Для решения этой проблемы необходимо сделать процессы продвижения более открытыми и зависящими от заслуг и профессиональных качеств.

5. Проблемы с зарплатами и материальным стимулированием, то есть экономические проблемы, а также хозяйственной направленности. Низкие зарплаты и отсутствие должного материального стимулирования могут способствовать коррупции. Важно регулярно пересматривать условия труда и предоставлять справедливую оплату государственных служащих.

Эффективная борьба с коррупцией требует комплексного подхода, включающего как профилактические меры, так и механизмы контроля и наказания. Продолжительная и систематическая работа по устранению проблем и коренным изменениям в культуре и управлении может способствовать снижению коррупции и повышению доверия к органам внутренних дел.

На данном этапе реализации антикоррупционной политики необходимо бороться именно с причинами коррупции, а не следствием её проявления. В настоящее время необходимы масштабные усилия на федеральном, региональном и муниципальных уровнях [2].

Развитие правовой культуры как основной способ борьбы с коррупцией. Нужно стараться искоренять в сотрудниках правоохранительных органов чувство терпимости к разного рода экономическим правонарушениям. Именно терпимость, безразличие к коррупции является наиболее опасным элементом внутри всей системы. От терпимости происходит чувство некой всеобщности нарушений. Как раз для этого существуют различные правовые курсы, также программа повышения квалификации сотрудников органов внутренних дел, и прочие образовательные средства, с помощью которых повышается как общая правовая культура, так и конкретные аспекты той области знаний, по которым работает сотрудник.

Следует также уделить особое внимание информированию правоохранительных органов об опасности коррупционного поведения, обязан быть такой механизм, который позволял бы сотруднику ощущать себя защищенным во время выполнения своих служебных обязанностей, когда на него оказывается давление со всех сторон, и он может работать в такой среде, где большинство работающих лиц, могут быть коррумпированы [3]. То есть создать такие условия, при которых он сможет уверенно избегать спорные и сложные ситуации, непосредственно связанные с коррупционной составляющей. Таким образом, ответственность каждого лица должна бы стать основой противодействия коррупции.

Уголовное преследование становится одним из важных инструментов борьбы с коррупцией. Несмотря на широкую сеть освещения в средствах массовой информации, очень редко информация о привлечении государственных служащих к ответственности за коррупционные действия становится доступной для прессы. Поэтому стоит освещать такие происшествия более часто и более подробно. Это поможет сотрудникам на чужом негативном примере, сделать собственные выводы и принять их по-своему. Как раз для дальнейшей превенции коррупционных правонарушений и нужен пример, который сможет обозначить причины и последствия совершения подобных деяний. Данный способ может выступать как профилактической мерой, так и предупредительной, ведь никто не хочет повторять чужие ошибки и «наступать на грабли», на которые кто-то уже «наступил».

В связи с этим, современное состояние коррупции в России обусловлено переходным этапом, который сопровождается коррупцией со времен «перестройки». Наиболее важные факторы, которые помимо того, что являются проблемными и определяют рост коррумпированности в государстве, а также имеют исторические корни, можно выделить такие как:

– довольно быстрый переход к новой экономической системе;

– распад партийной системы надзора и контроля;

– отсутствие в Советском Союзе рабочей системы права и соответственно правовой культуры.

Своевременное проведение проверок в различных государственных инстанциях - наверное, является самой оптимальной и эффективной профилактикой. Коррупция в правоохранительных органах вряд ли может быть побеждена без качественной работы контрольно-надзорных органов.

Смотря через призму времени, можно сказать, что проблемы, связанные с коррупцией, никогда не менялись, они лишь преобразовывали свою форму и подстраивались под реалии общества и государства, в котором существовали. Это говорит нам о том, что ни одна страна, ни одно сообщество государств, не сможет самостоятельно искоренить коррупцию. Как и внутри государства, для решения этой глобальной проблемы, нужно сплочение, только таким способом, возможно, уменьшить долю коррупции.

Даже если есть воля и рвение властей побороться с коррупцией, нельзя исключать недостающий опыт, именно практический опыт в борьбе с ней. Многим не хватает информационных ресурсов, многим экономических, то есть финансовых, всё это снижает эффективность в преодолении такой значимой проблемы. Ведь даже такие гиганты как: ООН, ЕС, Всемирный Банк и прочие, на протяжении всего своего существования стимулируют свои страны бороться с коррупцией, к сожалению, как показывает практика и время, не особо успешно.

Для этого и необходимо тесное сотрудничество между странами и организациями, чтобы передавать опыт, помогать и наставлять друг друга.

Исходя из этого, следует лишь один вывод, что только командная работа, слаженные и решительные действия государства смогут хоть не побороть коррупцию, но хотя бы минимизировать факты её проявления. Чтобы этого достичь, необходимо большое количество времени, знаний, сил и средств у граждан, государств и у всего мира в целом.

В заключение, хочется сказать, что для искоренения коррупции необходимо в первую очередь устранить условия, способствующие ее возникновению, поскольку борьба с коррупцией тесно связана с регулированием всех аспектов жизни общества и государства, а не только с ее проявлениями. Требуется создание таких условий, которые обеспечат реальную прозрачность власти.

Пристатейный библиографический список

1. Козлов Т. Л. Перспективы развития российского законодательства о противодействии коррупции // Журнал российского права. - 2020. - № 5. - С. 158-166.
2. Стебенева Е. В. Коррупционные преступления: критерии, сущность и трансформация механизма совершения // Журнал правовых и экономических исследований. - 2024. - № 2. - С. 25-35.
3. Ширшанова Е. А. Криминологическая характеристика взяточничества в органах внутренних дел // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. - 2024. - № 2 (102). - С. 201-210.

ХАНУКАЕВ Григорий Сергеевич
аспирант, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

Ханукаев Г. С.

ТРАНСФОРМАЦИЯ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ СТРАХОВАНИЯ: ОТ УНИВЕРСАЛЬНЫХ ПОДХОДОВ К ОТРАСЛЕВОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ

В статье рассматривается эволюция научных представлений об антикоррупционной политике и их применимость к страховой сфере, характеризующейся специфическими коррупционными рисками. Проанализированы ограничения традиционных антикоррупционных подходов (правового, институционального, комплексного и сетевого) применительно к страхованию. Обоснована необходимость отраслевой дифференциации антикоррупционной политики с учетом особенностей страховой деятельности. Предложена авторская концепция антикоррупционной политики в страховании, основанная на трех взаимосвязанных компонентах: отраслевой дифференциации антикоррупционных мер, многоуровневой системе противодействия коррупции и технологической трансформации антикоррупционных инструментов.

Ключевые слова: антикоррупционная политика, страхование, коррупционные риски, правовой подход, институциональный подход, отраслевая дифференциация, цифровизация.

KHANUKAEV Grigoriy Sergeevich
postgraduate student, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

TRANSFORMATION OF ANTI-CORRUPTION POLICY IN THE INSURANCE SECTOR: FROM UNIVERSAL APPROACHES TO INDUSTRY DIFFERENTIATION

The article examines the evolution of scientific ideas about anti-corruption policy and their applicability to the insurance industry, characterized by specific corruption risks. The limitations of traditional anti-corruption approaches (legal, institutional, integrated and network) in relation to insurance are analyzed. The necessity of sectoral differentiation of anti-corruption policy, taking into account the specifics of insurance activities, is substantiated. The author's concept of anti-corruption policy in insurance is proposed, based on three interrelated components: sectoral differentiation of anti-corruption measures, a multi-level anti-corruption system and technological transformation of anti-corruption tools.

Keywords: anti-corruption policy, insurance, corruption risks, legal approach, institutional approach, industry differentiation, digitalization.

Страховая отрасль, занимающая одно из центральных мест в финансовой системе государства, представляет собой уникальную среду, в которой создаются благоприятные условия для возникновения и развития коррупционных проявлений. Эта специфика обусловлена рядом структурных и функциональных особенностей страхового рынка [6].

Прежде всего, страховая деятельность характеризуется сложной многоуровневой структурой взаимоотношений между участниками страхового процесса. В отличие от большинства отраслей экономики, где преобладают простые двусторонние отношения между продавцом и покупателем, страховой рынок включает в себя многочисленных посредников: страховых агентов, брокеров, оценщиков, экспертов, аджастеров, сюрвейеров, между которыми формируются сложные финансовые потоки и информационные связи [6]. Каждое такое звено в цепи страховых взаимоотношений становится потенциальной точкой возникновения коррупционных рисков.

Вторым значимым фактором является информационная асимметрия, характерная для страхового рынка. Страхователь и страховщик обладают разной информацией о предмете договора, что создает возможности для манипуляций с данными. В отличие от традиционных рынков товаров и услуг, где качество продукта может быть оценено непосредственно при покупке, качество страховой услуги проявляется лишь при наступлении страхового случая, иногда через значительный промежуток времени после заключения договора [11]. Эта особенность создает условия для злоупотреблений как со стороны страховщиков, которые могут искажать условия договора, так и со стороны страхователей, которые могут скрывать или искажать информацию о рисках.

Третьей особенностью страховой сферы является высокая степень государственного регулирования. Необходимость получения лицензий, соблюдения многочисленных нормативных требований, прохождения проверок и отчетности перед регулирующими органами создает точки соприкосновения между частным бизнесом и государством, где традиционно высоки коррупционные риски [15].

Актуальность исследования проблем антикоррупционной политики в страховании подтверждается статистическими данными. Согласно официальной информации МВД России, в 2023 году общее количество зарегистрированных дел коррупционной направленности достигло 36,407 [28], что на 3% превышает показатель 2022 года [29]. При этом существенная часть этих преступлений связана с финансовым сектором, включая страхование.

Статистика крупнейших участников страхового рынка рисует еще более тревожную картину. Так, только служба безопасности ПАО СК «Росгосстрах» в 2023 году предотвратила ущерб компании более чем на 1 млрд рублей. Наблюдается устойчивая тенденция к росту числа попыток незаконного обогащения за счет страховщиков [24].

Методологической основой исследования выступает анализ существующих теоретических подходов к антикоррупционной политике (правовой, институциональный, комплексный, сетевой) с точки зрения их эффективности в страховой сфере. В работе используются методы сравнительного анализа, систематизации и обобщения научных данных, а также критический анализ практики применения различных антикоррупционных механизмов в страховании.

Анализ эволюции научных представлений об антикоррупционной политике позволяет выделить четыре основных подхода: правовой, институциональный, комплексный и сетевой.

Правовой подход (1970-1980-е годы)

На начальном этапе (1970-1980-е годы) доминировал правовой подход, в рамках которого антикоррупционная политика рассматривалась преимущественно как система уголовно-правовых мер по борьбе с конкретными коррупционными преступлениями. В этот период основное внимание уделялось совершенствованию законодательства и усилению санкций за коррупционные деяния. Как отмечает С. Роуз-Акерман в своей классической работе «Коррупция и правительство: причины, последствия и реформы» (1999), данный подход характеризовался ограниченным пониманием системной природы коррупции и недооценкой значимости превентивных мер [31].

Наиболее ярким примером реализации правового подхода является опыт США, где борьба с коррупцией, в том числе в страховании, в значительной степени сфокусирована на применении Закона о коррупции за рубежом (FCPA) и Закона о рэкетире и коррумпированных организациях (RICO) [8].

Применительно к страховой сфере правовой подход обеспечивает базовые механизмы противодействия коррупции, создавая четкую законодательную базу для наказания за коррупционные действия и обеспечивая единообразные правила для всех участников страхового рынка. Однако его эффективность ограничена, поскольку он не учитывает в полной мере сложную структуру отношений в страховании (между страховщиками, страхователями, посредниками и экспертами), недостаточно эффективен в предупреждении коррупционных схем и не формирует культуру антикоррупционного поведения среди участников рынка.

Институциональный подход (1990-е годы)

В 1990-е годы произошёл существенный сдвиг в сторону институционального подхода. Р. Клитгаард в своих работах предложил формулу коррупции: «коррупция = монополия + свобода действий - подотчётность», которая стала важным теоретическим основанием для разработки институциональных мер антикоррупционной политики [19]. В рамках этого подхода акцент сместился с наказания отдельных коррупционеров на создание институциональных барьеров для коррупционного поведения [1, с. 18], включая реформирование административных процедур, повышение прозрачности и подотчётности органов власти.

Элементы институционального подхода через высокую степень регламентации страховой деятельности и акцент на превентивных мерах демонстрирует немецкая модель. Федеральное управление финансового надзора Германии (BaFin) предъявляет строгие требования к внутренним процедурам страховых компаний и прозрачности их деятельности, что снижает возможности для коррупции через институциональные механизмы [10].

Применительно к страховой сфере институциональный подход обладает значительными преимуществами по сравнению с чисто правовым. Он способствует созданию прозрачных процедур страхования, снижению монополизма на рынке страховых услуг и формированию четких стандартов профессиональной деятельности. Внедрение антикоррупционных комплаенс-программ в страховых компаниях, регламентация процедур урегулирования страховых случаев, стандартизация оценки ущерба – все эти меры, вытекающие из институционального подхода, позволяют минимизировать коррупционные риски.

Однако для страхового сектора с его сложной сетью взаимосвязей между разными участниками рынка институциональный подход также не является исчерпывающим. Он не всегда учитывает культурные и этические аспекты коррупции, а также может создавать избыточную регуляторную нагрузку на участников рынка.

Комплексный подход (2000-е годы)

Дальнейшее развитие теории антикоррупционной политики связано с формированием комплексного подхода в 2000-х годах. Д. Кауфманн, А. Краай и П. Зойдо-Лобатон предложили рассматривать коррупцию как многомерное явление, требующее многоуровневой стратегии противодействия [25]. Согласно этому подходу, эффективная антикоррупционная политика должна включать меры на микро-, мезо- и макроуровнях, охватывая как формальные институты [2], так и неформальные практики.

Скандинавская модель представляет собой яркий пример комплексного подхода к противодействию коррупции. Страны Северной Европы известны успешным опытом в создании прозрачных и этичных бизнес-практик, в том числе в страховании. Их подход основан на сочетании правовых мер, институциональных реформ и культурных изменений. Сильная корпоративная этика, высокий уровень доверия между участниками рынка и эффективное саморегулирование отрасли создают многоуровневую систему противодействия коррупции.

Применительно к страховой сфере комплексный подход обладает значительными преимуществами, поскольку учитывает многогранность проблемы коррупции в этой отрасли. Страховой сектор характеризуется сложными взаимоотношениями между разными участниками: страховщиками, страхователями, брокерами, агентами, оценщиками, регуляторами. В этих условиях эффективное противодействие коррупции требует многоуровневого подхода.

Сетевой подход (последние десятилетия)

В последние десятилетия получила развитие концепция сетевой антикоррупционной политики, основанная на идее о необходимости вовлечения широкого круга заинтересованных сторон (государства, бизнеса, гражданского общества, международных организаций) в процесс противодействия коррупции [17].

В последние годы международные организации (, ОЭСР, FATF) активно продвигают принципы сетевого подхода в финансовом секторе через создание коалиций с участием государственных органов, бизнеса и общественных организаций. В сфере страхования важную роль играет Международная ассоциация страховых надзоров (IAIS), разрабатывающая стандарты прозрачности в страховой отрасли.

Сетевой подход особенно ценен для страхового сектора с его множеством взаимосвязанных участников. В этой сложной экосистеме традиционные модели контроля часто неэффективны, тогда как сетевое взаимодействие задействует потенциал всех участников рынка.

В страховании сетевой подход реализуется через саморегулируемые организации, отраслевые антикоррупционные инициативы и совместные проекты по разработке стандартов прозрачности. Профессиональные объединения формируют этические кодексы и механизмы их соблюдения.

Анализ применимости различных подходов к антикоррупционной политике в сфере страхования свидетельствует о необходимости их интеграции с учетом специфики отрас-

ли. Ни один из существующих подходов сам по себе не способен обеспечить эффективное противодействие коррупции в страховании.

Правовой подход, несмотря на развитую нормативно-правовую базу, характеризуется избыточной формализацией, приводящей к появлению «мнимых коррупционных правонарушений» [20]. Наблюдается значительный разрыв между декларируемыми в законодательстве нормами и их реальным применением [4]. Существует избирательность антикоррупционной деятельности, когда правоприменительная практика ориентирована преимущественно на выявление бытовой коррупции, оставляя без должного внимания системные коррупционные проявления [20]. При этом отсутствует отраслевая дифференциация антикоррупционных норм, что особенно критично для страховой сферы с её специфическими рисками и уязвимостями.

Институциональный подход также имеет существенные ограничения. Фрагментированность надзора за страховой деятельностью между различными органами (ЦБ РФ, ФАС, Роспотребнадзор) затрудняет выявление комплексных коррупционных схем, а координация между надзорными органами в сфере противодействия коррупции остается недостаточной [22]. Существующие институциональные механизмы не учитывают в полной мере специфику структуры финансовой мотивации и информационной асимметрии в страховании, что снижает их эффективность.

Комплексный подход к противодействию коррупции в страховании также реализуется с существенными ограничениями. Национальные планы противодействия коррупции не уделяют достаточного внимания отраслевой специфике коррупционных проявлений в страховании [9]. Отсутствует системная стратегия противодействия коррупции в данной сфере, что приводит к фрагментарности и несогласованности принимаемых мер. Многосубъектность страховых отношений и сложность коррупционных схем в этой сфере требуют более детальной проработки и адаптации комплексного подхода к реалиям страхового рынка.

Сетевой подход, предполагающий вовлечение широкого круга участников в противодействие коррупции, также сталкивается с серьезными препятствиями в сфере страхования. Недостаточное финансирование антикоррупционных инициатив общественных организаций [3], отсутствие эффективных механизмов обмена информацией между различными участниками страхового рынка, а также низкий уровень финансовой грамотности населения ограничивают возможности реализации данного подхода. При этом наблюдается недостаточная активность профессиональных объединений страховщиков в формировании отраслевых антикоррупционных стандартов.

Ситуация усугубляется рядом отраслевых особенностей страхования, создающих специфические коррупционные риски: субъективностью в оценке рисков и убытков, сложностью регуляторной среды, структурой финансовой мотивации участников рынка, многоступенчатостью страхового процесса и информационной асимметрией [5]. Особую проблему создает недостаточная адаптация инструментов цифровизации, которые, с одной стороны, открывают новые возможности для противодействия коррупции, а с другой – создают новые уязвимости [12, 13, 14].

Проведенный анализ позволяет выделить ключевые факторы, обосновывающие необходимость отраслевой дифференциации антикоррупционной политики в сфере страхования.

Во-первых, структурные особенности страхового рынка создают уникальную среду для формирования коррупционных схем. Многоступенчатость страхового процесса, включающего заключение договора, оценку рисков, урегулирование убытков и осуществление выплат, на каждом этапе формирует специфические коррупционные риски, требующие адресных мер противодействия [22]. При этом существующие универсальные антикоррупционные механизмы не учитывают эту специфику.

Во-вторых, информационная асимметрия, присущая страховым отношениям, порождает уникальные коррупционные уязвимости. В страховании проявляются как моральный риск (moral hazard), так и неблагоприятный отбор (adverse selection), создающие условия для коррупционных практик [5]. Эффективное противодействие этим явлениям требует специализированных механизмов, адаптированных к страховым процессам.

В-третьих, анализ региональной практики реализации антикоррупционных программ выявляет существенные различия в уровне и характере коррупционных проявлений в страховании между различными регионами России. Однако региональные программы противодействия коррупции редко учитывают отраслевую специфику и не содержат мер, направленных на борьбу с коррупцией именно в страховом секторе [9].

В-четвертых, цифровизация страхового рынка трансформирует коррупционные риски и создает новые возможности для противодействия коррупции. Однако существующие антикоррупционные подходы недостаточно адаптированы к условиям цифровой среды, не используют в полной мере потенциал технологических решений в выявлении и предотвращении коррупционных проявлений [23, 31].

В-пятых, различные сегменты страхового рынка характеризуются разным уровнем и спецификой коррупционных рисков. По данным исследований, наиболее уязвимыми для коррупции являются автострахование (особенно ОСАГО), страхование имущества юридических лиц, добровольное медицинское страхование и перестрахование [27, 28]. Эффективное противодействие коррупции в этих сегментах требует дифференцированного подхода, учитывающего их специфику.

Согласно аналитическому докладу «Анализ практики реализации программ противодействия коррупции в субъектах Российской Федерации» (2012), структура коррупции существенно варьируется в зависимости от сферы деятельности, географического расположения региона и развитости отдельных отраслей экономики [22]. Финансовый сектор, включая страхование, требует особого внимания, поскольку коррупционные схемы здесь отличаются высокой сложностью и интегрированностью в бизнес-процессы.

В докладе «Обзор лучших практик в области противодействия коррупции в организациях, осуществляющих деятельность на территории России» (2022) подчеркивается, что «отраслевое регулирование вносит весомый вклад в развитие антикоррупционного комплаенса, позволяя унифицировать и распространить наиболее эффективные антикоррупционные методы и практики» [26]. Формирование отраслевых ассоциаций с внедрением единых антикоррупционных стандартов, систем взаимного контроля и обмена информацией может стать эффективным инструментом в борьбе с коррупцией в страховом секторе.

На основе проведенного анализа предлагается авторская концепция антикоррупционной политики в сфере страхования, основанная на трех взаимосвязанных компонентах:

1. Отраслевая дифференциация антикоррупционных мер. Необходимо признать и учитывать специфические коррупционные риски, присущие различным сегментам страхового рынка (автострахование, страхование имущества, медицинское страхование, перестрахование и др.). Дифференцированный подход должен включать:

– Разработку отраслевых антикоррупционных стандартов для каждого сегмента страхового рынка;

– Проведение специализированной оценки коррупционных рисков с учетом особенностей каждого вида страхования;

– Формирование адаптированных методик выявления коррупционных схем для различных видов страховой деятельности.

2. Многоуровневая система противодействия коррупции. Учитывая сложность и многогранность коррупционных проявлений в страховании, необходима система, интегрирующая меры на микро-, мезо- и макроуровнях:

– На микроуровне: внедрение внутрикорпоративных антикоррупционных стандартов, этических кодексов и механизмов контроля;

– На мезоуровне: развитие саморегулирования отрасли через профессиональные объединения, создание межкорпоративных баз данных о страховых случаях;

– На макроуровне: совершенствование законодательства с учетом специфики страховой деятельности, усиление координации между регуляторами и правоохранительными органами.

3. Технологическая трансформация противодействия коррупции. В условиях цифровизации страхового рынка необходимо использовать потенциал технологических решений для минимизации коррупционных рисков:

– Внедрение автоматизированных систем оценки рисков и урегулирования убытков [16];

– Использование блокчейн-технологий для обеспечения прозрачности и неизменности данных [18];

– Применение систем искусственного интеллекта и машинного обучения для выявления аномальных паттернов, свидетельствующих о потенциальных коррупционных схемах [7].

Реализация предложенной концепции требует комплексных изменений в нормативно-правовой базе, организационных структурах страховых компаний и регуляторов, а также в практике взаимодействия между различными участниками страхового рынка. Ключевыми инструментами реализации должны стать:

Изменения в законодательстве, учитывающие отраслевую специфику коррупционных рисков в страховании;

Создание специализированных антикоррупционных подразделений в страховых компаниях и профессиональных объединениях;

Формирование единых информационных систем для мониторинга и анализа потенциальных коррупционных проявлений;

Развитие программ обучения и повышения квалификации специалистов страховой отрасли в области противодействия коррупции.

Проведенный анализ эволюции научных представлений об антикоррупционной политике и их применимости к страховой сфере выявил существенные ограничения традиционных подходов в контексте специфических коррупционных рисков страхового рынка. Комплексное изучение проблемы показало, что эффективное противодействие коррупции в страховании требует перехода от универсальных антикоррупционных мер к отраслевым стратегиям, учитывающим структурные особенности страховой деятельности.

Предложенная авторская концепция антикоррупционной политики в сфере страхования, основанная на трех взаимосвязанных компонентах (отраслевая дифференциация антикоррупционных мер, многоуровневая система противодействия коррупции и технологическая трансформация противодействия коррупции), позволяет преодолеть выявленные недостатки существующих подходов и создать эффективную систему предупреждения коррупционных проявлений в данной отрасли.

Реализация данной концепции требует консолидации усилий всех участников страхового рынка – страховых компаний, регуляторов, профессиональных объединений, потребителей страховых услуг, а также научного сообщества. Важным условием успеха является также внедрение современных технологических решений, позволяющих автоматизировать процессы выявления потенциальных коррупционных схем и минимизировать субъективный фактор в принятии решений.

Результаты исследования могут быть использованы при разработке отраслевых антикоррупционных стандартов, совершенствовании нормативно-правовой базы и формировании корпоративных политик страховых компаний в области противодействия коррупции.

Пристатейный библиографический список

1. Пашенцев Д. А., Залоило М. В., Трунцевский Ю. В. [и др.]. Антикоррупционное правовое воспитание: научно-практическое пособие / Под редакцией Д. А. Пашенцева. Москва: Проспект, 2020. 144 с.
2. Беляева О. А., Трунцевский Ю. В., Цирин А. М. Правовые механизмы противодействия коррупции в сфере корпоративных закупок: научно-практическое пособие / Ответственный редактор И. И. Кучеров. Москва: Контракт, 2019. 160 с.
3. Бикеев И. И., Кабанов П. А., Никитин С. Г. Проблемы финансовой поддержки органами публичной власти Российской Федерации антикоррупционной деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций (аналитический доклад к заседанию рабочей группы президиума Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции по взаимодействию со структурами гражданского общества 26.06.2018). Казань, 2018. 14 с.
4. Вандышева А. А. Коррупция - недоверие - коррупция. Замкнутый круг? // Социодигтер. 2021. Т. 2, № 10 (15). С. 74-79.
5. Ермолаев Г. Б. Информационная прозрачность и ее влияние на развитие инфраструктуры страхового рынка // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2011. № 6. С. 132-141.
6. Козьминых О. В. Минимизация рисков страховщика, связанных с посредничеством на региональном страховом рынке Приморского края // Финансы и бизнес. 2020. Т. 16, № 1. С. 137-152.
7. Кузьмин Н. А. Перспективы использования искусственного интеллекта в противодействии коррупции // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 3. С. 154-156.
8. Михайлов В. И. Конвенция ООН против коррупции и ее место в правовой системе Российской Федерации // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2023. Т. 19, № 6. С. 58-65.
9. Морозова Д. А., Воробьев Е. Б. Анализ реализации антикоррупционной политики в Российской Федерации на современном этапе // Вестник науки. 2024. Т. 1, № 11 (80). С. 441-445.
10. Мягкова Ю. Ю. Особенности страхового надзора в Германии // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2016. № 3. С. 43-45.
11. Огорелкова Н.В. Асимметрия информации между потребителем страховой услуги и страховщиком при заключении договора страхования // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2018. № 2. С. 110-120.
12. Прасолов В. И., Фешина С. С. Влияние цифровой трансформации на процессы выявления легализации доходов, полученных преступным путем // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2020. Т. 10, № 8А. С. 130-145. DOI: 10.34670/AR.2020.22.83.014

13. Трунцевский Ю. В., Цирин А. М., Черепанова Е. В. и др. Противодействие коррупции и процессы цифровизации: научно-практическое пособие / Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М.: Инфотропик Медиа, 2023. 196 с.
14. Раимов А. Опыт России в области цифровизации финансового сектора // Инновации и инвестиции. 2023. № 4. С. 240-245.
15. Крылова Д. В., Таут С. В., Пархоменко С. А. и др. Регуляторные и коррупционные риски в сфере государственного регулирования деятельности субъектов предпринимательства: меры минимизации в условиях кризиса: докл. к XXI Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2020 г. / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 168 с.
16. Сплетухов Ю. А. Информационные технологии на российском страховом рынке: возможности развития // Финансовый журнал. 2020. Т. 12, № 1. С. 105-116. DOI: 10.31107/2075-1990-2020-1-105-116.
17. Трунцевский Ю. В. О мерах по уничтожению коррупции в России // Российский следователь. 2012. № 1. С. 28-32.
18. Ураев А. В. Глобальная цифровизация как эффективный инструмент антикоррупционной политики государства // Молодой ученый. 2023. № 2 (449). С. 17-20.
19. Шедий М. В. Основные концептуальные подходы исследования коррупции // Среднерусский вестник общественных наук. 2011. № 2. С. 72-82.
20. Шеслер А. В., Шеслер С. С. Псевдопротиводействие коррупции // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2020. № 2 (39). С. 30-34.
21. Юргенс И. Ю., Ничипорук Н. Д. Регулирование страховой деятельности в России // Бизнес. Общество. Власть. 2017. № 26. С. 99-113.
22. Анализ практики реализации программ противодействия коррупции в субъектах Российской Федерации. Аналитический доклад / Науч. рук. Т. Я. Хабриева. Москва, 2012. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://izak.ru/img_content/pdf/doklad_region_24.09.pdf.
23. Безвиконная Е. В., Савкин А. А. Цифровые технологии в противодействии коррупции в органах публичной власти // Теневая экономика. 2024. Т. 8, № 2. С. 195-206. DOI: 10.18334/tek.8.2.121323.
24. В 2023 году службе безопасности «Росгосстраха» удалось предотвратить ущерб компании более чем на 1 млрд рублей // Официальный сайт компании «Росгосстрах». 2023. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.rgs.ru/about/news/v-2023-godu-sluzhbe-bezopasnosti-rosgosstrakha-udalos-predotvratit-ushcherb-kompanii-bolee-chem-na-1.
25. Кауфманн Д., Краай А., Зойдо-Лобатон П. Научно-исследовательская работа. Значение государственного управления // Всемирный банк. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://documents1.worldbank.org/curated/en/151111468174850948/pdf/wps21960RUSSIAN0govmatrs1r.pdf.
26. Обзор лучших практик в области противодействия коррупции в организациях, осуществляющих деятельность на территории России // Во исполнение Национального плана противодействия коррупции на 2021-2024 годы, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 16 августа 2021 года № 478. Москва, 2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ngtpp.ru/wp-content/uploads/2022/07/Obzor-luchshih-praktik-rossijskih-kompanij-v-oblasti-protivodejstviya-korruptsii.pdf.
27. Около 75% случаев страховых мошенничеств в 2023 году приходилось на автострахование — ВСС // x-compliance.ru. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://x-compliance.ru/publications/risk-management/okolo-75-sluchaev-strahovyh-moshennichestv-v-2023-godu-prihodilos-na-avtostrahovanie-vss.
28. Признаки бытового мошенничества усматриваются в 15% ипотечных договоров страхования // Интерфакс. 2023. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.interfax.ru/business/931532.
29. Состояние преступности в Российской Федерации за январь - декабрь 2023 года // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/47055751/.
30. Статистика по коррупции в 2022 году // Общероссийская общественная организация содействия реализации гражданских антикоррупционных инициатив «Комиссия по борьбе с коррупцией». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://komiss-korrup.ru/статистика-по-коррупции-в-2022-году/.
31. Чекулаев В. О. Цифровые технологии в борьбе с коррупцией: возможности и ограничения // II Международная конференция Актуальные проблемы и тенденции развития современной экономики и информатики. 2024. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://birskin.ru/index.php/2012-02-07-11-31-02/54-2024-02-26-12-22-01/828-2024-03-08-06-02-02.
32. Rose-Ackerman S., Palifka B. Corruption and Government: Causes, Consequences, and Reform / Second Edition. 2016. DOI: 10.1017/CBO9781139962933.

ЯХОНТОВА Олеся Сергеевна
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминологии, Санкт-Петербургский университет МВД России

ПАСЫНКОВ Вячеслав Владимирович
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминологии, Санкт-Петербургский университет МВД России

К ВОПРОСУ О ДЕТЕРМИНАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ТЕРРОРИЗМА

Актуальность исследования обусловлена ростом преступлений террористической направленности и определением направления противодействия и профилактики терроризма как основополагающей цели национальной безопасности государства. В рамках исследования изучена основная терминология в сфере преступлений террористической направленности, и нормативно-правовая база, регулирующая вопросы противодействия и профилактики преступлений. Исследование криминологической характеристики преступлений включает изучение таких элементов, как: состояние, динамика, удельный вес, структура, уровень латентности, причины и условия, способствующие совершению преступлений, криминологическая характеристика личности преступника, меры предупреждения и профилактики преступлений.

Ключевые слова: террористические преступления, противодействие преступлениям, криминологическая характеристика, профилактика терроризма.

YAKHONTOVA Olesya Sergeevna
Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Criminology sub-faculty, St. Petersburg University of the MIA of Russia

PASYNKOV Vyacheslav Vladimirovich
Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Criminology sub-faculty, St. Petersburg University of the MIA of Russia

ON THE ISSUE OF THE DETERMINATION OF MODERN TERRORISM

The relevance of the study is due to the increase in terrorist crimes and the determination of the direction of countering and preventing terrorism as the fundamental goal of the national security of the state. The study examined the basic terminology in the field of terrorist crimes, and the legal framework governing the issues of combating and preventing crimes. The study of criminological characteristics of crimes includes the study of such elements as: state, dynamics, specific gravity, structure, level of latency, causes and conditions conducive to the commission of crimes, criminological characteristics of the criminal's personality, measures to prevent and prevent crimes.

Keywords: terrorist crimes, combating crimes, criminological characteristics, terrorism prevention.

Многочисленные публикации отечественных авторов направлены на исследование криминологических и уголовно-правовых аспектов террористической преступности. Повышенный интерес к этой теме объясняется тем, что преступления террористической направленности представляют собой серьезную угрозу для современного общества, особенно учитывая увеличение числа таких нарушений. В процессе эволюции общественных и социальных связей адаптируются и методы преступной деятельности. Терроризм является одним из наиболее опасных проявлений, обладает множеством форм, направленных на достижение преступных целей. Несмотря на существование профилактических мер в борьбе с терроризмом, статистические данные указывают на их недостаточную эффективность, что ведет к увеличению числа террористических актов.

Представляется необходимым начать с понимания терминологии: террористические преступления охватывают преступления, уголовные нормы которых содержат элементы терроризма, включая распространение страха и ужаса. Несмотря на существование примерно сотни определений терроризма, большинство из них упоминают два основных элемента: использование насилия и устрашение. Терроризм, согласно общему определению, включает в себя применение насилия или угрозы для достижения определённых целей.

Общественная опасность терроризма заключается в его целях, методах и возможных последствиях, где основной страх возникает через насильственные акты, такие как убийства, взрывы, поджоги, захват заложников и другие[1].

Особенные трудности при рассмотрении криминологических признаков, присущих преступлениям террористического характера, обусловлены латентностью данного вида преступной деятельности.

Террористы используют насильственные методы, включая минирование и распространение опасных веществ, которые могут включать радиоактивные, токсичные материалы, а также провоцирование затоплений и другие действия.

Использование средств массовой информации стало важным инструментом для террористов, начиная с 1963 года, позволяющим распространять их идеологию и привлекать внимание к своим действиям. Президент России В. В. Путин в своих выступлениях неоднократно отмечал, что террористы активно «используют самые современные информационные средства, технологии, включая Интернет и социальные сети»[2].

Необходимо осознавать серьезные последствия терроризма, включающие социальную дестабилизацию, потери жизней, ущерб для здоровья людей, материальные потери, нарушения в работе предприятий и транспорта, а также дезорганизацию деятельности властных структур.

Ю. М. Антонян подчеркивает, что терроризм процветает в периоды социальных кризисов и времен перехода, как это было в России во время перехода от советской к постсоветской системе[3].

1 Абазов А. Б. Общественная опасность экстремизма в Российской Федерации // Успехи современной науки. – 2017. – Т. 6, № 4. – С. 272.

2 Путин: террористы сохраняют возможность для совершения терактов в России // ТАСС: сайт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://tass.ru/politika/1102640 (дата обращения: 17.02.2025).

3 Антонян Ю. М. Терроризм. Криминологическое и уголовно-правовое исследование. – М.: ЩитМ, 1998. С. 63.

Я. Д. Вишняков и другие ученые указывают на правовой нигилизм, неэффективность правоохранительных органов, широкую коррупцию среди них, нелегальную торговлю оружием и наркотиками, неконтролируемую миграцию, а также на пропаганду жестокости в СМИ как ключевые причины распространения терроризма в России[4].

Важным направлением в криминологии является изучение личностных характеристик террористов. Ученые, такие как И. В. Линдер, отмечают, что многие из террористов в детстве испытали недостаток материнской заботы и могут иметь психологические нарушения, в то время как другие выглядят адаптированными и обладают актерскими способностями. Некоторые террористы защищают какую-то идею, к примеру создание Халифата, осознавая последствия своих действий, в то время как другие испытали унижения в юности и стремятся отомстить[5].

Обычно террористами являются мужчины молодого (до 25 лет) или зрелого (30-50 лет) возраста, большинство из которых имеют только среднее образование и не располагают постоянным заработком. Среди них часто встречаются бывшие спортсмены и военные, ранее участвовавшие в боевых действиях во время различных межнациональных конфликтов[6].

Заключительный элемент криминологического анализа террористической деятельности включает разработку и реализацию стратегий как общего, так и специального характера для борьбы и предупреждения экстремистских действий. В настоящее время перед Россией и международным сообществом стоит важная задача совершенствования международных правовых механизмов для более эффективного противодействия терроризму.

В рамках российского законодательства, включая Федеральный закон «О противодействии терроризму» и другие законодательные акты и указы Президента, подчеркивается необходимость активных действий по предупреждению террористической активности. Терроризм воспринимается как одна из самых серьезных форм экстремизма, и поэтому принятие мер по устранению экстремистских проявлений имеет решающее значение для профилактики терроризма. В России дискуссии и законодательная работа по ужесточению борьбы с экстремизмом, включая национализм и другие радикальные движения, ведутся уже длительное время.

Согласно Федеральному закону № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 года, важными мерами в борьбе с терроризмом являются, например, строгий контроль за оборотом вооружений, блокирование финансирования террористов, а также социальные меры, направленные на обеспечение занятости и заработка, которые особо значимы для малого и среднего бизнеса[7].

В рамках Концепции противодействия терроризму в Российской Федерации, профилактика терроризма заключается в противодействии его идеологии через защиту информационного пространства РФ, улучшение информационной системы противодействия, укрепление сотрудничества с федеральными органами и международного взаимодействия[8]. Ключевая задача противодействия терроризму – разработка информационных мер, включающих просвещение об опасных последствиях терроризма, формирование общественного неприятия насилия и вовлечение граждан в борьбу с терроризмом.

Пунктом 6 ст. 10 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» запрещено распространение информации, которая направлена на пропаганду войны, разжигание национальной, расовой или религиозной ненависти и вражды, а также иной информации, за распространение которой предусмотрена уголовная или административная ответственность[9].

В совокупности все вышеуказанные нормативные правовые акты образуют эффективную правовую систему профилактики, выявления и противодействия терроризму и преступлениям террористического характера.

Таким образом, сегодня государства, общество и СМИ уделяют особое внимание проблеме терроризма, который нельзя понять без понимания глобальных социальных процессов. Помимо этого, важно сфокусироваться на изучении психологических аспектов терроризма. Это поможет решать различные проблемы, включая проведение переговоров с террористами. Исследование индивидуальных особенностей террористов может принести значительную пользу. Терроризм представляет собой особо опасное преступление, поскольку его главной целью является внушение страха и ужаса через жестокие насильственные акты, включая убийства и разрушения.

Борьба с терроризмом должна включать не только действия правоохранительных органов, но и другие государственные структуры, общественные организации и каждого гражданина, выступающего против терроризма. С раннего возраста человек погружается в мир неограниченного потока информации, включая агрессивные сцены в медиа и компьютерных играх, что негативно влияет на психику несовершеннолетних. Социальные сети, такие как Одноклассники, ВКонтакте, Facebook, Google+, Instagram, Twitter, позволяют собирать личную информацию о пользователях, делая их уязвимыми для террористов и вербовщиков[10]. Важно использовать современные методы мониторинга интернета для предотвращения терактов и проводить психологическую подготовку населения, особенно среди молодежи, чтобы минимизировать риски и последствия террористической деятельности.

Пристатейный библиографический список

1. Миронов, Т. В. Криминологическая характеристика террористической преступности // Студенческая наука: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей II Международной научно-практической конференции, Пенза, 10 июня 2021 года. – Пенза: Наука и Просвещение, 2021. – С. 157-161.
2. Старостин С. А. Криминологическая характеристика современного терроризма // Преступность и общество. Сборник научных трудов. – М.: ВНИИ МВД России, 2004. – С. 3-10.
3. Улезько С. И. Криминологическая характеристика преступности террористического характера // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2020. – № 1 (116). – С. 128-130.

4 Вишняков Я. Д., Бондаренко Г. А., Васин С. Г., Грацианский Е. В. Основы противодействия терроризму. – М.: Академия, 2006. – С. 54.

5 Линдер И. Б., Нечипоренко О. М., Титков С. А. По ту сторону зеркала Этюды на тему контртеррора. – М.: Международная тренинговая контртеррористическая ассоциация, 1994. – 296 с.

6 Фимушкина А. А. Криминологическая характеристика терроризма в современной России // Аллея науки. – 2021. – Т. 1, № 11 (62). – С. 791.

7 Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» от 25.07.2002 № 114-ФЗ (ред. от 14 февраля 2024 г. № 15-ФЗ с изм. вступившими в силу с 25 февраля 2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации от 29 июля 2002 г. № 30 ст. 3031.

8 Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации» (утв. Президентом РФ 05.10.2009) // Российская газета от 20 октября 2009 г. № 198.

9 Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 12 декабря 2023 г. № 588-ФЗ с изм. вступившими в силу с 12 декабря 2023 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации от 31 июля 2006 г. N 31 (часть I) ст. 3448.

10 Улезько С. И. Криминологическая характеристика преступности террористического характера // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2020. – № 1 (116). – С. 129.

АМЕЛИН Сергей Геннадьевич
доцент кафедры физической подготовки, Омская академии МВД России

ЕГОШИН Дмитрий Иванович
доцент кафедры физической подготовки, Уральский юридический институт МВД России, г. Екатеринбург

КУБЕЕВ Алибек Жанабаевич
старший преподаватель кафедры физической подготовки, Уфимский юридический институт МВД России

БАРАНОВСКИЙ Андрей Валерьевич
старший преподаватель кафедры физической подготовки, Восточно-Сибирский институт МВД России, г. Иркутск

МОДЕЛЬ БАЗОВОЙ ФИЗИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВЛЕННОСТИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В настоящее время модель базовой физической подготовки определена рядом элементов, которые происходят из теоретических и практических подходов в физической подготовленности сотрудников органов внутренних дел исходя из специфичности и содержания выполнения оперативных и служебных задач.

Базовая физическая подготовка создана для сотрудников, которые выполняют оперативные, криминалистические, управленческие, и иные функции для того, чтобы грамотно выполнять в условиях применения физических качеств базового уровня в профессиональной служебной деятельности сотрудников ОВД России. Высокие требования по базовому уровню объясняются необходимостью силовой защиты правопорядка и для своевременного задержания правонарушителей, хотя к данному виду деятельности могут привлекаться сотрудники постоянного и переменного составов для пресечения массовых и групповых беспорядков.

Ключевые слова: спорт, правоохранительная деятельность, физические качества, боевые приемы борьбы, базовый уровень, усиленный уровень.

AMELIN Sergey Gennadjevich
associate professor, of Physical training sub-faculty, Omsk Academy of the MIA of Russia

EGOSHIN Dmitriy Ivanovich
associate professor of Physical training sub-faculty, Ural Law Institute of the MIA of Russia, Yekaterinburg

KUBEEV Alibek Zhanabaevich
senior lecturer of Physical training sub-faculty, Ufa Law Institute of the MIA of Russia

BARANOVSKIY Andrey Valerjevich
senior lecturer of Physical training sub-faculty, East Siberian Institute of the MIA of Russia, Irkutsk

THE MODEL OF BASIC PHYSICAL FITNESS OF LAW ENFORCEMENT OFFICERS OF RUSSIA

Currently, the basic physical training model is defined by a number of elements that derive from theoretical and practical approaches to the physical fitness of law enforcement officers based on the specificity and content of performing operational and official tasks.

Basic physical training is designed for employees who perform operational, forensic, managerial, and other functions in order to competently perform basic-level physical qualities in the professional performance of Russian police officers. The high requirements for the basic level are explained by the need for law enforcement and for the timely detention of offenders, although permanent and variable personnel may be involved in this type of activity to prevent mass and group riots.

Keywords: sports, law enforcement, physical qualities, fighting techniques, basic level, enhanced level.

Количественные значения физических качеств зависят от выполнения частных задач, что объясняет высокую работоспособность курсантов, слушателей и сотрудников постоянного состава в повседневной учебной, физической и трудовой деятельности[1]. Для усиленного уровня созданы специализированные упражнения, которые направлены на развитие силовых и скоростных качеств. Данное упражнение, возможно, включать в самостоятельную физическую подготовку сотрудников, которые относятся к базовому уровню [2].

Конкретная модель тренировочного плана должна комбинировать силовые и скоростные качества, а также необходимо работа с отягощениями для развития абсолютных и максимальных сил [3].

Общий вид тренировок для базового уровня состоит из следующих задач:

1. Восприятие сотрудниками практического учебного материала, которые включены в темы по разделу боевых приемов борьбы, и темы по разделу общая физическая подготовка.

2. Освоение учебного материала для того, чтобы сформировать необходимо важные физические качества.

3. Закрепить и совершенствовать физические практические навыки.

4. Сформировать у курсантов и слушателей правильное представление о том, как владеть двигательными навыками и правильному алгоритму действий во время силового пресечения с правонарушителями при задержании и доставлении (возможно применение элементов единоборств).

Рациональное сочетание всех необходимых физических действий, а также физических качеств создается при этапах построения физической подготовки. В зависимости от данных этапов формируются цели и задачи каждой учебной группы (преподавателю необходимо учитывать индивидуальные особенности организма и первоначальный уровень физических качеств каждого курсанта).

Первый этап с продолжительностью 2 месяца. Данный этап направлен на развитие и формирование необходимых физических качеств, а именно скорости, абсолютной и взрывной силы, координационных качеств. Одновременно с формированием указанных качеств осуществляется обучение элементов боевых приемов борьбы по каждой теме данного раздела.

На этом этапе важно преподавателю грамотно обучить переменный состав техники выполнения движений, как общей физической направленности, так и специальной в который включены боевые приемы борьбы (по новому Приказу специальными упражнениями называются боевые приемы борьбы).

В начале занятия 10-20 минут необходимо уделить подготовительному или разминочному этапу, в который включены подводящие упражнения для выполнения боевых приемов борьбы. В зависимости адаптации организмов курсантов важно комбинировать физическую нагрузку с отдыхом и делать уклон во время занятия именно на те виды упражнений, которые способствуют формированию быстроты, ловкости, гибкости, абсолютной и взрывной силы.

Второй этап с такой же продолжительностью направлен на развитие силовой и общей выносливостью. На данном этапе считается, что курсанты овладели необходимыми важными физическими качествами, поэтому в тренировочном учебном процессе больший промежуток времени отводится усвоению элементов и техники выполнения боевых приемов борьбы. Преподаватель может включать в учебные занятия элементы поединков борьбы, рукопашного боя, бокса, самбо, дзюдо.

Целесообразно включать отработку ударов и защитных действий под воздействием дополнительной физической нагрузки. Таким образом, для выполнение какого-либо боевого элемента боевых приемов борьбы обучаемому необходимо выполнить скоростно-силовой комплекса, а далее по команде преподавателя выполнить комбинации из разделов боевых приемов борьбы, тем самым увеличивая скоростную реакции на атакующие действия со стороны ассистента.

Третий этап предусматривает повышение техники выполнения в специальной работоспособности сотрудников, которое будет применяться в практической деятельности по схеме: поиск-преследование-задержание. На третьем этапе обучения применятся тема «Учебно-боевая практика и тактика применения боевых приемов борьбы». Преподавательскому составу необходимо включить в данную тему спарринги по рукопашному бою и действия, которые будут имитировать ситуации с пресечением противоправных действий с преодолением сопротивления правонарушителей, в роле которых будут находиться ассистенты.

Необходимо применять искусственные и естественные препятствия для отработки навыков преследования и задержания, данные препятствия помогут сформировать специальную выносливость сотрудников.

Идеальным вариантов проведения практическим занятием на данном этапе будет включение полосы препятствий с движениями перепрыгивания через барьеры, бегом змейкой между столбами, передвижение лежа с помощью только рук, залезание вверх по одной из опор, передвижение на руках по гимнастическим брусьям, передвижение в висе на руках по верхним перекладинам.

Боевые приемы борьбы [4]:

1. Удары и защита от ударов.

2. Болевые приемы: загиб руки за спину сзади («толчком»); загиб руки за спину «рывком»; удержание сбоку; рычаг руки наружу (внутрь); удержание верхом.

3. Броски: задняя подножка и передняя подсечка; через бедро и передняя подножка.

4. Освобождение от захватов и обхватов: руки (рук), одежды на груди, шеи спереди; туловища спереди (сзади) с руками, шеи сзади.

5. Пресечение действий вооруженного противника: защита от угрозы пистолетом спереди в упор; пресечение попытки достать оружие из нагрудного кармана.

6. Способы взаимопомощи: при задержании правонарушителя, наносящего удары рукой (ножом, предметом), выполнившего захват и обхват сотрудника; при задержании правонарушителя, наносящего удары ногой, угрожающего огнестрельным оружием сотрудника.

7. Способы наружного осмотра и связывания: осмотр под угрозой огнестрельного оружия в положении стоя, надевание наручников в положении стоя и лежа; осмотр под угрозой огнестрельного оружия в положении лежа, связывание веревкой и ремнем в положении стоя и лежа.

8. Атакующие и защитные действия с ПР: удар палкой сверху, защита от удара сверху рукой, ножом, предметом, удушающий захват сзади с помощью ПР стоящего правонарушителя; боковой удар палкой, защита от удара наотмашь рукой, ножом, предметом, удушающий захват сзади с помощью ПР сидящего правонарушителя.

9. Приемы рукопашного боя с оружием: тычки стволом, отбивы стволом, освобождение от захвата автомата противником; «удар магазином», защиты подставкой автомата, освобождение от захвата автомата противником.

Силовая подготовка [5]:

1. Абсолютная сила.

2. Взрывная ила.

3. Специальная (силовая) выносливость.

Тактика применения приемов:

1. Пресечение пассивного и активного неповиновения правонарушителей: обучение способам решения вводных задач по пресечению пассивного неповиновения; обучение способам решения вводных задач по пресечению активного неповиновения.

2. Задержание правонарушителей врасплох: обучение способа неожиданного задержания невооруженного правонарушителя; обучение способа неожиданного задержания вооруженного правонарушителя.

3. Задержание сопротивляющихся правонарушителей: обучение способа задержания активного сопротивляющегося невооруженного правонарушителя; обучение способа задержания активного сопротивляющегося вооруженного правонарушителя.

4. Самозащита: обучение способам отражения неожиданного нападения невооруженного правонарушителя; обучение способам отражения неожиданного нападения вооруженного правонарушителя.

Преследование и ускоренное передвижение:

1. Бег (кросс).

2. Преодоление препятствий.

3. Ходьба на лыжах.

4. Плавание.

Учебно-боевая практика:

1. Поединки, моделирующие ситуации пресечения сопротивления правонарушителей: учебно-тренировочные поединки по борьбе, боксу, рукопашному бою; спарринги по борьбе, боксу, рукопашному бою.

2. Полосы препятствий, моделирующие преследование правонарушителей: преодоление типичных препятствий, объединенных в полосу, на открытой местности; преодоление типичных препятствий, объединенных в полосу, в зданиях (помещениях).

3. Комплексные задания, моделирующие поиск, преследование и задержание правонарушителей: воспроизведение ситуаций оперативно-служебной деятельности на открытой местности; воспроизведение ситуаций оперативно-служебной деятельности в зданиях (помещениях).

Таким образом, моделирование практических ситуаций при нападении и атаки правонарушителя, позволит преподавателю разработать наиболее эффективные задания, которые будут содержательные и применимы, приближенно к практической правоохранительной деятельности.

В связи с этим был создан базовый уровень для того, чтобы сотрудники правоохранительных органов обладали базовыми физическими качествами, которые не сильно отличаются от усиленного уровня, поэтому при сдаче нормативов общей физической подготовки разница показатели КСУ и беговых упражнений являются практически одинаковыми.

Пристатейный библиографический список

1. Бабин А. В., Мингулов И. Р., Зиннатов Р. Р., Кубеев А. Ж. Методико-практические основы физического обучения и воспитания обучающихся образовательных организаций МВД России: учебное пособие. - Уфа: Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2024. - 72 с.
2. Панова О. С., Белецкий А. А., Бабин А. В., Шанько В. В. Организация процесса самостоятельной физической подготовки обучающихся образовательных организаций МВД России как элемент совершенствования профессиональной подготовки // Глобальный научный потенциал. - 2022. - № 11 (140). - С. 180-184.
3. Бабин А. В., Мингулов И. Р. Особенности формирования силовых способностей у сотрудников ОВД РФ в процессе их физической подготовки // Совершенствование физической подготовки сотрудников правоохранительных органов: сборник научных статей, 23 июня 2022 года. - Орел: Орловский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В. В. Лукьянова, 2022. - С. 30-33.
4. Бабин А. В., Ячменев С. П., Лукьянов А. Б. [и др.]. Актуальные проблемы физического воспитания и спорта в России // Актуальные проблемы физической культуры, спорта и туризма: материалы XVII Международной научно-практической конференции, 25-26 мая 2023 года. - Уфа: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Уфимский университет науки и технологий», 2023. - С. 66-70.
5. Габдрашитова К. И., Якушев Э. В., Иващенко Н. Ю. Основы физической подготовки в образовательных организациях МВД России // Евразийский юридический журнал. - 2023. - № 7 (182). - С. 446-448.

DOI 10.46320/2073-4506-2025-4-203-459-463

КОРОБКОВА Елизавета Александровна
аспирант (специальность 40.06.01 Юриспруденция. Судебная деятельность, прокурорская деятельность, правозащитная и правоохранительная деятельность 12.00.11), Пензенский государственный университет

ОСНОВЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ОВД ПРЕСТУПЛЕНИЯМ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Подавляющее большинство стран выделяют кибербезопасность в качестве неотъемлемой составляющей безопасности государства. В их число входит и Российская Федерация, нормативно-правовая база, которой прямо указывает на зависимость государственных и общественных институтов от современных технологий, а потому требует проявления повышенного внимания к киберинфраструктуре, как жизненно необходимого для обеспечения дееспособности государства.
Ключевые слова: киберпространство, кибербезопасность, информация, угрозы, преступность.

KOROBKOVA Elizaveta Alexandrovna
postgraduate student (specialty 40.06.01 Jurisprudence. Judicial activity, prosecutorial activity, human rights and law enforcement activity 12.00.11), Penza State University

BASICS OF COUNTERACTION OF INTERNAL AFFAIRS BODIES TO CRIMES IN THE SPHERE OF INFORMATION TECHNOLOGIES

The vast majority of countries highlight cybersecurity as an integral component of state security. These include the Russian Federation, the legal framework of which directly indicates the dependence of state and public institutions on modern technologies, and therefore requires increased attention to cyber infrastructure, as a vital element for ensuring the viability of the state.
Keywords: cyberspace, cybersecurity, information, threats, crime.

Введение

Актуальность исследуемой темы связана с тем, что подавляющее большинство стран выделяют кибербезопасность в качестве неотъемлемой составляющей безопасности государства. В их число входит и Российская Федерация, нормативно-правовая база, которой прямо указывает на зависимость государственных и общественных институтов от современных технологий, а потому требует проявления повышенного внимания к киберинфраструктуре, как жизненно необходимого для обеспечения дееспособности государства. Существование рассмотренных элементов стало возможным благодаря взаимодействию государственных и общественных институтов с использованием современных технологий, современного киберпространства. По этой причине, угрозы киберинфраструктуре и возможность нарушения её стабильности идёт не просто в разрез национальным интересам Российской Федерации, но и выступает существенной угрозой функционированию государственных институтов, а значит, является непосредственной угрозой национальной безопасности.

Цель статьи – всестороннее исследование основ противодействия ОВД преступлениям в сфере информационных технологий в России на современном этапе развития, анализ возможных перспектив совершенствования института противодействия данным преступлениям.

Результаты исследования

Прежде всего, следует отметить, что в основу системы противодействия со стороны правоохранительных органов преступлениям в сфере информации положены общие принципы регулирования правоохранительной деятельности в РФ.

Так, в рамках формирования и реализации государственной политики в правоохранительной сфере органы внутренних дел осуществляют правотворческую, правоприменительную и правоохранительную, образовательную и правовоспитательную деятельность.

Особенность правоохранительной деятельности является то, что она проявляется в случае возникновения противоправного поведения субъекта. Правоохранение является деятельностью, связанной с реакцией на отклонение от правомерного поведения и соответствующие намерения, или поведение лица, не противоречащее праву, не может рассматриваться как нарушение норм права и правоохранительная деятельность в этом случае не совершается; осуществление правоохранительной деятельности без оснований, когда отсутствуют нарушения норм законодательства, является произволом.

Деятельность государства в направлении формирования действенного механизма обеспечения общественной безопасности и правопорядка является сложным и многомерным процессом, что базируется на обновлении, усовершенствовании и адаптации законодательства по организации, средствам, инструментам и механизмам деятельности правоохранительных органов. В то же время актуализируется задача реформирования функций, структуры и полномочий таких органов с целью повышения эффективности и постоянства их функционирования. Имеется потребность адаптировать более консервативную по содержанию, правотворческую и правоприменительную деятельность к процессам становления и развития институтов гражданского общества, формирование базовых составляющих правового государства, направление на обеспечение прав и свобод гражданина, общества и государства от любых противоправных посягательств.

Следует отметить, что именно в защите базовых прав человека и гражданина состоит профессиональное призвание представителей рассматриваемой сферы. Поэтому нормы, регулирующие деятельность правоохранителя, направлены на достижение и реализацию данных прав в их деятельности. Данные права представлены как в конституциях государств, так в международных документах.

Руководящие документы МВД, основаны на принципах, среди которых следует выделять [1, с. 68]:

– принцип гуманизма и человечности, который обязывает сотрудника правоохранительной сферы воспринимать права человека, его жизнь, здоровье и благополучие как высшую ценность;

– принцип целесообразности действий, в соответствии с которым сотрудник правоохранительной сферы должен принимать разумные решения, соответствующие сложившейся ситуации;

– приоритет интересов правоохранительной деятельности, в соответствие с которым престиж службы и уровень доверия граждан к правоохранительной системе должен быть центральным мотивом принимаемых решений;

– порядочность (основанная на: обостренной совести, постоянном стремлении сохранить незапятнанной свою честь, умение держать себя одинаково с любым человеком, принципиальности, обязательности, точности, ответственности, верности слову и делу);

– доброжелательность, проявляющаяся в позитивном отношении к окружающим, в стремлении вызвать положительное впечатление;

– уважение, проявляющееся в уважительном отношении, как к сослуживцам, так и к гражданам;

– уважение конституционных прав и свобод человека и гражданина Российской Федерации, проявляющееся в готовности всегда встать на их защиту;

– справедливость, которая является принципом морально-правового сознания, представляющим собой соответствие прав и обязанностей, а также соответствие деяния и воздаяния;

– законность, проявляющаяся в неукоснительном соответствии действий правоохранителя российскому законодательству.

На этих принципах базируется система деятельности ОВД по противодействию преступлениям в сфере информации информационных технологий.

В 2008 г. президентом Российской Федерации была утверждена Стратегия развития информационного общества, в которой «повышение эффективности взаимодействия гражданского общества и бизнеса с органами государственной власти, качества и оперативности представления государственных услуг, обеспечение высокого уровня доступности для населения информации было названо в числе основных задач повышения уровня жизни граждан и совершенствования системы государственного управления».

Информация в переводе с латинского языка (information) означает «ознакомление, разъяснение, изложение». В 1995 году понятие «информация» было сформулировано в Федеральном законе «Об информации, информатизации и защите информации» (утратил силу в 2006 году). В ст. 2 данного нормативно-правового акта под информацией понимались любые сведения о лицах, предметах, процессах, событиях и фактах в независимости от формы их представления [2, с. 61].

В Конституции РФ имеется статья 29, которая закрепляет право граждан на информацию. В данной статье говорится о том, что «каждый имеет право любым законным способом свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию».

В настоящее время легальное определение понятия «информация» содержится в Федеральном законе «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» - это сведения (сообщения, данные) вне зависимости от формы их представления. Понятие «информация» не ограничивается лишь специальным информационным законодательством. В настоящее время оно стало универсальным для всего законодательства и применяется практически во всех отраслевых законодательных актах. В настоящее время понятие «информационная сфера» широко используется в различных программных актах. В разделе I Доктрины информационной безопасности России от 2016 г. содержится легальное определение этого понятия – «совокупность информации, объектов информатизации, информационных систем, сайтов в информационно-телекоммуникационной сети интернет, сетей связи, информационных технологий, субъектов, чья деятельность непосредственно связана с формированием и обработкой информации, развитием и использованием указанных технологий, обеспечением информационной безопасности, а также совокупность механизмов регулирования соответствующих общественных отношений».

В 2006 году был принят Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных». Его основным предназначением является обеспечение защиты прав и свобод человека в процессе обработке персональных данных. Кроме того, данный закон также призван защищать частную информацию от каких-либо незаконных посягательств со стороны третьих лиц. Одной из особенностей данного закона является то, что в его статье 2 затрагиваются вопросы обеспечения права на неприкосновенность частной жизни, а также семейной, личной и другой, охраняемой законом тайны.

Новые акценты в информатизации правоохранительных министерств и ведомств появились в связи с утверждением Стратегии развития информационного общества на 2017-2030 годы и программы «Цифровая экономика Российской Федерации», которые ввели в легальный оборот такие понятия, как «цифровизация», «цифровая среда», «цифровая экономика», «цифровая экосистема».

В 2017 г. эти понятия были использованы в Концепции цифровой трансформации органов и организаций прокуратуры Российской Федерации (Концепция), в частности, при описании обоснования, условий и целей цифровой трансформации.

В системе правоохранительных органов накапливается все больший опыт работы с информацией, использованием современных информационных систем, а также противодействия преступлениям в сфере информации и информационных технологий.

Киберпреступность затрагивает все страны, и для эффективной борьбы с ней необходимы согласованные усилия. Растущее зло киберпреступности затрагивает сейчас всю планету. Это проблема, которая касается всего человечества. Уникальность киберпреступности в том, что она носит трансграничный, глобальный характер. Это означает, что для борьбы с ней и её расследования должны работать вместе команды разных специалистов из разных стран [3, с. 99].

Интернет всё чаще становится средством распространения террористических и экстремистских идей, чтобы вовлекать молодое поколение в совершение преступлений. В прошлом году на преступления, совершённые с помощью ИКТ, пришлась четверть всех преступлений, совершённых в нашей стране. Эти растущие вызовы и угрозы требуют согласованных и совместных действий, как на национальном, так и на международном уровне.

При этом важно отметить, что киберпреступность по определению является трансграничной, и поэтому она представляет собой проблему для каждой страны в мире. Каждая страна подвергается атакам.

Так, к примеру, кибертерроризм стал более изощренным. Интернет используется для вербовки, для выведения из строя инфраструктур, которые зависят от информационно-коммуникационных технологий. Правительство и бизнес переходят на электронные системы, что приводит к необратимому переходу к цифровой информационной сети, которая увеличивает возможности для манипулирования. Для стран, стремящихся к процветанию, крайне важно иметь системы взаимодействия и реагирования [4, с. 47].

При этом, говоря о проблемах, важно подчеркнуть, что идёт информационная война, и главная проблема не в том, что мы не знаем, как с ней бороться, а в том, что на международных платформах сегодня нам не хватает инструментов для общих правил игры, общего законодательства, сближения.

Прогресс таков, что он всегда предполагает, что если одна сторона процветает, то другая эксплуатируется пре-

ступниками. И разумным ответом было бы введение ряда мер для защиты от этого несчастья. Но каждое государство по-своему трактует киберпреступность, и у каждого государства свой уголовный кодекс, основанный на собственном опыте.

Подход Российской Федерации в настоящее время заключается в том, чтобы решать проблемы и разрабатывать конвенцию по борьбе с использованием информационно-коммуникационных технологий в преступных целях. В то время как ряд стран выступают за то, чтобы конвенция касалась только компьютерных технологий. Но в наши дни используются не только компьютеры, - телефоны, факсы, спутниковая связь. Это другой вид технологий. В отличие от узкого подхода, российский подход включает 23 состава преступлений, в том числе экстремизм, реабилитацию нацизма, вовлечение несовершеннолетних в незаконную деятельность и многое другое.

В чём разница между компьютерной преступностью и преступностью в сфере ИКТ? Если сравнивать, то на компьютерную преступность приходится примерно 1,5% всех преступлений, совершённых с использованием ИКТ. А западные страны предлагают бороться только с этим.

Другой вопрос - необходимость уважать национальный суверенитет и не вмешиваться во внутренние дела. Россия, арабский мир, многие союзники выступают за это. Западные страны представляют другой лагерь и утверждают, что у интернета нет границ.

Преступления, совершаемые с помощью интернета, совершаются как на национальном уровне, так и на международном. Зачастую данные преступления совершаются дистанционно, так что преступник не присутствует на месте преступления, и, таким образом, расстояние между действием и его результатом велико, и эти расстояния не ограничиваются границами государства, а могут простираться до территории другого государства, что в два раза усложняет их выявление или судебное преследование.

Преступник может совершить преступление в одной стране, а его последствия могут проявиться в другой стране, что создаёт множество трудностей, например, в отслеживании электронных сообщений следственными органами для установления доказательств этих преступлений и затем скорректировать их.

Уголовное законодательство разных стран по-прежнему основано на идее территориальности, определяющей юрисдикцию, что делает эти законы неспособными идти в ногу с развитием современных технологий, и, таким образом, возникает проблема обнаружения и поиска улик. С другой стороны, налицо недостаточность международных соглашений, заключённых между странами, касающихся механизма поиска виновных и сбора улик.

Киберпреступления совершаются в пространстве, которое нельзя определить географически, но которое включает в себя крупнейшее сообщество людей, характеризующееся сложными связями. Его важнейшей характеристикой является создание специальных механизмов для наложения обязательств и их соблюдения, таких как прекращение контактов, с теми, кто нарушает некоторые правила, или исключение их из форумов. Однако этому огромному сообществу людей не хватает общих моральных стандартов.

Таким образом, международное сообщество осознало, что проблема киберпреступности - это не индивидуальная проблема, которая касается только одной страны, а проблема, которая касается всего международного сообщества, поскольку преступные группировки в информационных системах начали распространять своё влияние по всему миру благодаря своей силе, влиянию и возможностям.

Таким образом, все международное сообщество должно взять на себя инициативу по принятию необходимых мер, направленных на борьбу с электронными преступлениями.

Киберпреступления чаще всего совершаются людьми, находящимися за пределами страны, поскольку они проходят через международные коммуникационные сети, пока не достигнут желаемого результата [5, с. 260].

Поэтому, среди прочего, в частности, процедуры досмотра и изъятия, выходящие за пределы территории государства, требуют сотрудничества и скоординированных международных усилий между странами, пострадавшими от этих преступлений, чтобы искоренить их, а это, в свою очередь, требует создания совместных служб безопасности и заключения двусторонних и многосторонних соглашений для их искоренения и сокращения.

Расследование киберпреступлений и судебное преследование виновных в них лиц подчеркивают важность взаимной судебной помощи между странами, поскольку государство в одиночку не может искоренить эти трансграничные преступления. Борьба с ними возможна только при наличии международного сотрудничества на уголовно-процессуальном уровне, поскольку оно позволяет напрямую взаимодействовать между полицейскими службами в разных странах посредством создания специализированных агентств по обеспечению безопасности в области расследований и сбора информации о лицах, совершивших киберпреступления.

Заключение

Киберпреступления, преступления в сфере информации и информационных технологий являются серьезной угрозой общественной безопасности и в законодательстве должны быть выделены существенные признаки подобных преступлений, что важно для верной квалификации преступных деяний, справедливого уголовного преследования, а также правового обеспечения системы противодействия преступлениям данного характера.

Органы внутренних дел в сфере совершенствования правоприменительной деятельности по противодействию киберпреступности должны развивать технологическую и научно-инновационную базу, методы профилактической работы, а также усовершенствовать возможности оперативной работы в сфере раскрытия киберпреступлений.

Пристатейный библиографический список

1. Васютина Т. Л., Яценко К. А. Концепция обеспечения информационной безопасности в органах внутренних дел и ее основные направления // Современные информационные технологии в профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. - Ростов-на-Дону: Феникс, 2023. - С. 68-73.
2. Гогаева А. Л. Функции и методы административной деятельности ОВД (полиции) в области обеспечения информационной безопасности // Права человека в условиях развития информационного общества и институтов электронной демократии. Материалы международной научно-практической конференции. - Владикавказ: ВГУ, 2024. - С. 61-63.
3. Горошко И. В. Цифровизация - современный тренд развития правоохранительных органов // Обозреватель. - 2022. - № 2 (385). - С. 98-110.
4. Карпова Д. Н. Киберпреступность: глобальная проблема и её решение // Власть. - 2014. - № 8. - С. 46-50.
5. Матвеев М. Д. Цифровые технологии в деятельности правоохранительных органов РФ // Актуальные проблемы правосудия и правоохранительной деятельности: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции 26 апреля 2023 года. - Пятигорск: ПГУ, 2023. - С. 259-263.

ПОДКОВКА Светлана Валерьевна
преподаватель цикла профессиональной служебной и физической подготовки, Уфимская школа по подготовке специалистов-кинологов МВД России, майор полиции

ЛАЗАРЕВ Владимир Юрьевич
преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки, Воронежский институт МВД России, майор полиции

ТАРАНИН Михаил Александрович
преподаватель кафедры специальных дисциплин, Крымский филиал, Краснодарский университет МВД России, майор полиции

ЖАБКИН Антон Сергеевич
кандидат юридических наук, доцент кафедры тактико-специальной подготовки, Ростовский юридический институт МВД России, капитан полиции

КОМПОНЕНТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ УСПЕШНОСТИ СОТРУДНИКОВ ПАТРУЛЬНО-ПОСТОВОЙ СЛУЖБЫ

Ежедневная работа сотрудников ППС многогранна и включает в себя широкий спектр задач: от предотвращения правонарушений и задержания преступников до оказания экстренной помощи гражданам. Успешное выполнение этих обязанностей зависит не только от высокого уровня профессиональной подготовки, но и от комплексного развития личностных, профессиональных и социальных качеств сотрудника. Настоящая статья посвящена выявлению ключевых компонентов профессиональной успешности сотрудников ППС, анализу их роли в выполнении служебных обязанностей и определению путей повышения эффективности их деятельности. В основе статьи лежит гипотеза о том, что профессиональная успешность сотрудника ППС определяется совокупностью развитых профессиональных компетенций, стабильных личностных качеств и высокой психологической устойчивости. Данная гипотеза подтверждается исследованиями, на которые ссылаются авторы, которые связывают профессиональную успешность с профессионализмом, определяемым параметрами трудовой деятельности, социализацией, психическими свойствами, интеллектом, познавательными способностями, эмоционально-волевой устойчивостью, организаторскими навыками и творческим подходом. В заключение, статья подчеркивает необходимость комплексного подхода к развитию профессиональной успешности сотрудников ППС.

Ключевые слова: профессиональная успешность, патрульно-постовая служба, профессиональные компетенции, психологическая устойчивость, социальные компетенции, обучение, развитие.

PODKOVKA Svetlana Valerjevna
lecturer of the Cycle of Professional Service and Physical Training, Ufa School for the Training of Dog Handlers of the MIA of Russia, major of police

LAZAREV Vladimir Yurjevich
lecturer of Tactical and special training sub-faculty, Voronezh Institute of the MIA of Russia, major of police

TARANIN Mikhail Alexandrovich
lecturer of Special disciplines sub-faculty, Crimean branch, Krasnodar University of the MIA of Russia, major of police

ZHABKIN Anton Sergeevich
Ph.D. in Law, associate professor of Tactical and special training sub-faculty, Rostov Law Institute of the MIA of Russia, captain of police

THE COMPONENTS OF THE PROFESSIONAL SUCCESS OF PATROL OFFICERS

The daily work of police officers is multifaceted and includes a wide range of tasks: from preventing offenses and detaining criminals to providing emergency assistance to citizens. The successful fulfillment of these duties depends not only on a high level of professional training, but also on the comprehensive development of the employee's personal, professional and social qualities. This article is devoted to identifying the key components of the professional success of teaching staff, analyzing their role in the performance of official duties and identifying ways to increase the effectiveness of their activities. The article is based on the hypothesis that the professional success of a teaching staff member is determined by a combination of developed professional competencies, stable personal qualities and high psychological stability. This hypothesis is supported by the research cited by the authors, which links professional success with professionalism, determined by the parameters of work, socialization, mental properties, intelligence, cognitive abilities, emotional and volitional stability, organizational skills and a creative approach. In conclusion, the article highlights the need for an integrated approach to developing the professional success of teaching staff.

Keywords: professional success, patrol service, professional competencies, psychological stability, social competencies, training, development.

Патрульно-постовая служба (ППС) является одной из наиболее значимых структур правоохранительных органов, обеспечивающих общественную безопасность. Сотрудники ППС сталкиваются с широким спектром задач: от пресечения правонарушений до оказания помощи гражданам в экстренных ситуациях. Профессиональная успешность в этой области зависит не только от высокой квалификации, но и комплексного развития личностных, профессиональных и социальных качеств.

Цель настоящей статьи – выявить ключевые компоненты профессиональной успешности сотрудников ППС, проанализировать их роль в выполнении служебных обязанностей и предложить пути их развития.

И. К. Анимоков отмечает, что успешность профессиональной деятельности зависит от их профессионализма. При этом согласно мнению специалистов «профессионализм определяется параметрами трудовой деятельности, социа-

лизацией, психическими свойствами, высоким интеллектом, познавательными способностями, эмоционально-волевой устойчивостью, организаторскими способностями и творческим подходом» [1].

Опишем основные компоненты профессиональной успешности сотрудников ППС:

1. Наличие развитых профессиональных компетенций. Профессиональные компетенции включают знания, навыки и умения, необходимые для выполнения задач, возложенных на сотрудников ППС. Это основополагающий компонент их успешности, поскольку он напрямую влияет на качество работы.

Сотрудники ППС должны обладать глубокими знаниями уголовного, административного и гражданско-процессуального права для правильного применения норм закона в различных ситуациях служебной деятельности. В условиях динамично развивающихся событий сотрудники должны уметь быстро оценивать ситуацию, принимать решения и действовать эффективно, в связи, с чем у них должны быть развиты навыки, формируемые в процессе тактико-специальной подготовки. Вместе с тем, высокий уровень физической готовности необходим для выполнения задач, связанных с задержанием правонарушителей, оказанием помощи в чрезвычайных ситуациях и обеспечением собственной безопасности. Боевая и физическая подготовка включает отработку навыков рукопашного боя, обращения с оружием, навыков ведения стрельбы, навыков обращения с взрывчатыми и химическими веществами, использования технических средств связи, обучение навыкам вождения различных автотранспортных средств, действия в ночных условиях и т. д. [4]

2. Личностные качества. Личностные характеристики играют важную роль в формировании профессиональной успешности сотрудников ППС. Они влияют на способность человека справляться с трудностями, строить взаимоотношения с коллегами и гражданами, а также поддерживать моральную стойкость. Работа в ППС сопряжена с постоянным стрессом, что требует от сотрудников способности сохранять самообладание в сложных ситуациях и обладать эмоциональной устойчивостью. Выполнение служебных обязанностей также требует строгого соблюдения инструкций и норм профессиональной этики, в связи с чем, важными личностными качествами, необходимыми для профессиональной успешности, являются ответственность и дисциплинированность.

3. Психологическая устойчивость. О. В. Гарманова отмечает в своих исследованиях, что психологическая устойчивость формируется посредством психологической подготовки, под которой понимается «комплекс взаимосвязанных мероприятий, направленных на формирование и развитие психологических качеств и состояний сотрудников, обеспечивающих эффективное решение ими профессиональных задач» [3].

Работа в ППС часто связана с высоким уровнем стресса, контактом с агрессивно настроенными гражданами, лицами, находящимися в состоянии сильного эмоционального волнения. Психологическая устойчивость помогает сотрудникам справляться с этими вызовами. Умение управлять своими эмоциями позволяет избежать конфликтов и принятия импульсивных решений.

Вместе с тем, важной составляющей профессиональной успешности является стрессоустойчивость – способность сохранять продуктивность и эмоциональное равновесие в условиях повышенного давления.

4. Социальные компетенции. Социальные компетенции включают навыки взаимодействия с гражданами, коллегами и представителями других организаций. Эти качества особенно важны для сотрудников ППС, которые ежедневно общаются с людьми в самых разных ситуациях.

Важную роль в профессиональной успешности сотрудников ППС играют коммуникативные навыки: умение четко и ясно выражать свои мысли, активно слушать и находить подход к разным категориям граждан.

Коммуникативная компетентность, по В. В. Романову, предполагает следующие качества личности: способность установить эмоциональные контакты с различными участниками общения, поддерживать с ними в необходимых пределах доверительное отношение; проницательность, способность понимать внутренний мир собеседника, его психологические особенности, потребности, мотивы поведения, состояние психики; доброжелательное, вежливое отношение к людям, умение слушать участника диалога, эмпатийность; свободное, гибкое владение вербальными и невербальными средствами общения; умения в конфликтных ситуациях проводить адекватную стратегию коммуникативного поведения, менять в зависимости от обстоятельства стиль общения; способность к сотрудничеству, достижению компромиссов, соглашений; развитый самоконтроль над эмоциями, настроением в экстремальных ситуациях; адекватная самооценка; чувство юмора [2].

5. Организационные навыки. Организационные навыки включают способность планировать свою работу, расставлять приоритеты и эффективно использовать ресурсы. Умение правильно распределять время между различными задачами позволяет сотрудникам ППС выполнять свои обязанности более продуктивно.

Компоненты профессиональной успешности сотрудников ППС тесно связаны между собой. Например, высокий уровень профессиональных компетенций способствует развитию уверенности в своих силах, что положительно влияет на психологическую устойчивость. Личностные качества, такие как ответственность и инициативность, усиливают мотивацию к самосовершенствованию и повышению профессионального уровня. Социальные компетенции позволяют сотрудникам эффективно взаимодействовать с гражданами и коллегами, что создает благоприятную рабочую атмосферу и повышает общую эффективность работы.

Для повышения профессиональной успешности сотрудников ППС необходимо внедрение комплексных программ развития, направленных на формирование и укрепление всех компонентов.

Профессиональная успешность сотрудников патрульно-постовой службы зависит от комплексного развития профессиональных компетенций, личностных качеств, психологической устойчивости и социальных компетенций. Для повышения эффективности работы необходимо внедрение программ обучения, психологической поддержки и мотивации, направленных на развитие этих компонентов. Забота о профессиональной успешности сотрудников ППС не только улучшает их качество работы, но и способствует обеспечению общественной безопасности.

Пристатейный библиографический список

1. Анимоков И. К. Направленность коуч-технологии на развитие успешности профессиональной деятельности сотрудников полиции // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров. - 2020. - № 4 (45). - С. 69-78.
2. Быкова Е. А. Сравнительный анализ коммуникативной компетентности сотрудников патрульно-постовой службы и вневедомственной охраны // Психология и право. - 2012. - № 3. - С. 1-10.
3. Гарманова О. В. Обучение сотрудников патрульно-постовой службы полиции по преодолению речевых провокаций со стороны граждан // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. - 2023. - № 3 (99). - С. 184-195.
4. Смык В. А. Особенности психологической подготовки сотрудников патрульно-постовой службы ОВД РФ к деятельности в экстремальных ситуациях // Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова. - 2016. - № 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-psihologicheskoy-podgotovki-sotrudnikov-patrulno-postovoy-sluzhby-ovd-rf-k-deyatelnosti-v-ekstremalnyh-situatsiyah (дата обращения: 02.04.2025).

ЯКУШЕВ Алексей Вадимович
преподаватель кафедры огневой подготовки, Восточно-Сибирский институт МВД России, г. Иркутск

ШИПОВ Олег Викторович
старший преподаватель кафедры техносферной безопасности, Государственный аграрный университет Северного Зауралья, г. Тюмень

О ПОДГОТОВКЕ ВНЕШТАТНЫХ СНАЙПЕРСКИХ ГРУПП ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье представлены некоторые проблемные вопросы в подготовке внештатных снайперских групп МВД России. Подготовка внештатных снайперских групп – это специализированный процесс, направленный на формирование высококвалифицированных специалистов, способных действовать в сложных оперативных условиях. Рассмотрена возможность внедрения в образовательный процесс более современных видов вооружения, состоящих на вооружении органов внутренних дел. Использование не только длинноствольного оружия, но и короткоствольного оружия в реализации образовательных программ по дисциплине «Огневая подготовка». Эффективное повышение профессиональных компетенций внештатных снайперов из числа сотрудников территориальных органов внутренних дел.

Ключевые слова: огневая подготовка, снайперское оружие, профессиональные навыки, сотрудник.

YAKUSHEV Alexey Vadimovich
lecturer of Fire training sub-faculty, East Siberian Institute of the MIA of Russia, Irkutsk

SHIPOV Oleg Viktorovich
senior lecturer of Technosphere safety sub-faculty, State Agrarian University of the Northern Trans-Urals, Tyumen

ON THE TRAINING OF NON-STAFF SNIPER GROUPS OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article presents some problematic issues in the training of freelance sniper groups of the Ministry of Internal Affairs of Russia. The training of freelance sniper groups is a specialized process aimed at forming highly qualified specialists capable of acting in difficult operational conditions. The possibility of introducing more modern types of weapons in service with the internal affairs agencies into the educational process is considered. The use of not only long-barreled weapons, but also short-barreled weapons in the implementation of educational programs in the discipline «Fire training». Effective improvement of professional competencies of freelance snipers from among the employees of territorial internal affairs agencies.

Keywords: fire training, sniper weapons, professional skills, employee.

В настоящее время на территории Российской Федерации существуют попытки дестабилизации конституционного строя путем преступлений и провокаций, носящей террористический и экстремистский характер. Данные преступления как правило выражаются в проведении несанкционированных митингов, зачастую перерастающие в массовые погромы и преступления, различной провокации сотрудников правоохранительных органов, посягательствах, сопряженных с насилием опасным для жизни и здоровья как сотрудников, так и мирных граждан.

Учитывая вышеуказанное в Министерстве внутренних дел Российской Федерации подготовлен распорядительный акт о создании внештатных снайперских групп органов внутренних дел, основными задачами которых является осуществления мер по отражению вооруженного нападения на здания, помещения, сооружения органов внутренних дел, а также защите сотрудников органов внутренних дел, либо иных лиц от посягательств угрожающие жизни и здоровью.

Образовательным организациям системы МВД России предписано организовывать и проводить обучение данных внештатных снайперских групп, на основании заявок территориальных органов МВД России, в рамках дополнительного профессионального образования.

Безусловно, не маловажная роль в подготовке внештатных снайперских групп выделена критериям отбора кандидатов. При формировании кандидатов в внештатные снайпера необходимо уделять акцент на физическую и психологическую подготовку. Кандидаты обязаны проходить тесты на стрессоустойчивость, концентрацию внимания, а также иметь хорошую физическую подготовленность, быть выносливыми и выдержанными, иметь способность долго оставаться в неподвижном состоянии. Иметь устойчивый навык меткой стрельбы (правильная изготовка с оружием, умение работы с оптическими прицелами, регулировка дыхания и обработка спускового крючка), обладать минимальными знаниями баллистики и тактики ведения боя в различных оперативно-служебных обстановках.

В ходе усвоения данной образовательной программы сотрудники изучают теоретический раздел огневой подготовки – баллистика, метрология (влияние ветра, температуры и влажности окружающей среды на траекторию полета пули), разбор работы действий снайпера «в одиночку», так и в составе снайперской пары (снайпер и наблюдатель), работа со специальным оборудованием (оптические прицелы, состоящие на вооружении правоохранительных органов, дальномеры, приборы ночного видения).

Однако, при реализации практического раздела огневой подготовки, отработки практических навыков с оружием, по мнению авторского коллектива существует необходимость использования с первоначального этапа обучения различные снайперские винтовки, при этом основной упор ставить на работу с бесшумным оружием с менее габаритными характеристиками, такие как ВСС «Винторез» калибра 9х39 мм или ВСК-94 аналогичного калибра. Данное снайперское оружие имеет меньшие линейные и весовые характеристики чем общеизвестная снайперская винтовка Драгунова калибра 7.62х54 мм,

у которой отмечаются и некоторые недостатки, в первую очередь это самозарядный механизм работы, который подходит больше армейским снайперам для ведения военных действий, при стрельбе на дистанции до 500-600 метров, но абсолютно не годится для снайперской стрельбы при проведении специальных операций, отражения нападения на здания и сооружения органов внутренних дел в городской среде, где максимальная дистанция составляет не более 200 метров, также к основным критическим пунктам можно отнести большую длину оружия, невозможность использования разнообразной современной оптики и отсутствие вариантов в перспективных калибрах.

В условиях городского боя вышеуказанное бесшумное оружие позволяет большее время находиться в скрытой позиции ведения огня, не раскрывая свою огневую точку. Стрелок будет более мобилен при смене огневой позиции благодаря меньшим линейным габаритам оружия [1, с. 159]. Не стоит забывать и про одно из главных преимуществ бесшумного оружия, это максимальное подавление звука выстрела при стрельбе благодаря глушителю, что гарантирует меньшую отдачу при стрельбе, что в следствии позволяет вести более точную (прицельную) стрельбу, а также минимизирует вероятность обнаружения своего местонахождения.

Также хочется отметить такой вопрос, как состояние материально-технических баз образовательных организаций МВД России. В настоящее время не у всех высших учебных заведений системы МВД России есть в наличии места, специально приспособленные для целевой и учебной стрельбы из длинноствольного стрелкового оружия (так называемые стрельбища) которые необходимы для организации и подготовки внештатных снайперских групп. В связи с этим могут возникнуть некоторые проблемы в организации огневой подготовки и отработке практических упражнений из снайперской винтовки [2, с. 222]. Учитывая вышеизложенное допустимо скорректировать программы обучения внештатных снайперских групп, включив в программу выполнения практических упражнений из снайперских винтовок как ВСС «Винторез» и ВСК-94 в стрелковых тирах образовательных организаций МВД России. Поскольку при проведении практических стрельб из пистолета к примеру, из пистолета Макарова (ПМ) или из пистолета Тульский-Токарев (ТТ), где начальная скорость полета пули равна 315 м/с и 420 м/с соответственно, а начальная скорость пули при выходе из канала ствола у снайперских винтовок ВСС «Винторез» и ВСК-94 составляет 290 м/с и 270-290 м/с соответственно, в зависимости от используемого боеприпаса. Таким образом можно сделать определенный вывод, что при соблюдении мер безопасности при обращении с оружием и боеприпасами вероятность рикошета пули или вылета пули из пулеулавливателя на огневом рубеже крайне мала, следовательно, ведение огня из вышеуказанного снайперского оружия столь же безопасно, как и работа из короткоствольного оружия в закрытом помещении стрелкового тира.

При возникновении действий, попадающих под квалификацию специальная операция (мероприятие), в ходе которых для восстановления общественного порядка потребуется привлечение сотрудников, включенных в состав внештатных снайперских групп дежурными частями территориальных органов полиции выдается закрепленное за сотрудниками оружие. Чаще всего снайперская группа экипируются табельным оружием (как правило пистолет Макарова), снайперской винтовкой Драгунова, комплектом бронезащиты и радиостанцией, после чего занимает позицию в соответствии с карточкой ведения огня. Однако, при поступлении таких сигналов, существует необходимость получения сотрудниками из числа внештатных снайперских групп не только вышеуказанного оружия, но и короткоствольного автоматического оружия по типу пистолет-пулемет 2000, пистолет-пулемет АЕК-919 К «Каштан», либо иного короткоствольного оружия, состоящего на вооружении органов внутренних дел Российской Федерации. Данный вид вооружения необходим внештатным снайперским группам в связи с ведением боя на коротких расстояниях в городской среде, где снайперское оружие может оказаться не эффективным для моментов ведения огня при обнаружения своей огневой позиции либо ее смене, в случаях прорыва (прохода) правонарушителей в здания и сооружения органов внутренних дел, где находится внештатная снайперская группа.

Исходя из потребности получения внештатными снайперскими группами короткоствольного автоматического оружия при возникновении чрезвычайных происшествий, образовательным организациям системы МВД России необходимо включать в образовательные программы подготовки внештатных снайперских групп отработку не только практических упражнений из снайперской винтовки, но и пистолета-пулемета и короткоствольного оружия.

Стоит затронуть и психологическую подготовку снайпера, проработать вопрос включения в образовательную программу подготовки работу с психологами, а именно ключевые аспекты такой работы, как – эмоциональная устойчивость (контроль над страхом и стрессом), принятие ответственности (осознание применения огнестрельного оружия), подавление эмпатии (умение абстрагироваться от эмоций, сохраняя хладнокровие). Проведение психологических дебрифингов – укрепление понимания роли снайпера в защите людей и своих товарищей при выполнении оперативно-служебных задач, обсуждение действий после применения огнестрельного оружия, для профилактики чувства вины и посттравматического стрессового расстройства.

В заключении хочется отметить, что подготовка внештатных снайперских групп, возложенная на образовательные организации МВД России, имеет достаточно актуальную значимость для системы органов внутренних дел Российской Федерации. Подготовку внештатных снайперов следует проводить на основе соблюдения принципа последовательности от простого к сложному, уделяя особое внимание отработке практических упражнений, основанных на моделировании экстремальных ситуаций для выработки умений и навыков решения тех или иных задач в условиях, максимально приближенным к реальным [3], [4].

Приобретенные в образовательной организации профессиональные знания, умения и навыки работы со снайперским оружием эффективно повысят профессиональные компетенции сотрудника полиции – способности осуществлять защиту жизни и здоровья человека, противодействовать преступности при проведении специальных операций (мероприятий) с применением снайперского оружия, осуществлять первоочередные меры по отражению вооруженного нападения на здания, учреждения и сооружения органов внутренних дел Российской Федерации.

Пристатейный библиографический список

1. Левшин Р. Б. Некоторые вопросы полевой подготовки снайпера // Сборник научных трудов: Обеспечение прав человека в деятельности правоохранительных органов. – Тверь, 2019. – С. 157-163.
2. Гужов Е. А., Ляшенко В. Н. Проблемы подготовки снайперов в подразделениях ОВД МВД России // Сборник материалов VI межвузовской научно-практической конференции: Научно-методические проблемы подготовки инструкторско-педагогических кадров по боевой и физической подготовке для органов внутренних дел. Под общей редакцией Л. И. Тимошенко, С. Н. Кашина. – 2013. – С. 219-223.
3. Мальцев А. М. Учебное (практическое) пособие // Снайперская подготовка – Москва, 2021. – С. 4-5.
4. Федеральный закон «О полиции» от 07.02.2011 № 3-ФЗ.
5. Приказ МВД России от 06.07.2021 № 516 «О внештатных снайперских группах органов внутренних дел Российской Федерации».

DOI 10.46320/2073-4506-2025-4-203-475-476

СОБОЛЕВА Мария Михайловна
кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры организации работы полиции, Санкт-Петербургский университет МВД России

КОЛОШЕИН Дмитрий Алексеевич
референт отделения телевидения отдела по связям со СМИ УИ и ОС ГУ МВД России по СПб и ЛО

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПРОВЕДЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ ПО СБЫТУ И ВЫЯВЛЕНИЮ ПОСТАВЩИКА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ИХ ПРЕКУРСОРОВ

В статье рассматривается, как в условиях современного развития преступной деятельности остро стоит вопрос в изменениях подхода к проведению оперативно-розыскных мероприятий. В частности, определяется одно из наиболее сложных направлений деятельности, а именно проведение оперативно-розыскных мероприятий в сфере незаконного опыта наркотических средств и их прекурсоров. Авторами также обосновываются необходимость выявления организованных преступных групп и методы в ОРМ.

Ключевые слова: оперативно-розыскные мероприятия, преступная деятельность, наркотические средства, прекурсоры, незаконный оборот, организованные преступные группы, современные методы, изменения подхода, контроль, законность, оперативные сотрудники, расследование, профилактика, меры противодействия.

SOBOLEVA Mariya Mikhaylovna
Ph.D. in Law, Deputy Head of Police organization sub-faculty, St. Petersburg University of the MIA of Russia

KOLOSHEIN Dmitriy Alexeevich
internal service of the department of television of the department of media relations of the Main Department of the MIA of Russia in St. Petersburg and Leningrad region

ON THE PECULIARITIES OF OPERATIONAL-SEARCH ACTIVITIES ON THE SALE AND IDENTIFICATION OF THE SUPPLIER OF NARCOTIC DRUGS AND THEIR PRECURSORS

In the article it is considered how in conditions of modern development of criminal activity the question in changes of approach to realization of operative-search actions is acute. In particular, one of the most difficult directions of activity is defined, namely, carrying out of operative-search measures in the sphere of illegal experience of narcotic drugs and their precursors. The author also substantiates the need to identify organized criminal groups and methods in ORM.

Keywords: operational search activities, criminal activity, narcotic drugs, precursors, illicit trafficking, organized criminal groups, modern methods, changes in approach, control, legality, operational staff, investigation, prevention, counteraction measures.

В условиях современного развития преступной деятельности остро стоит вопрос в изменениях подхода к проведению оперативно-розыскных мероприятий. В частности, можно выделить одно из наиболее сложных направлений деятельности, а именно проведение оперативно-розыскных мероприятий в сфере незаконного опыта наркотических средств и их прекурсоров. На сегодняшний день, модель развития деятельности и методики распространения наркотических средств, приобрели совершенно новые способы распространения, с использованием онлайн магазинов в сети интернет по продаже наркотических средств, а также замечается беспрецедентное состояние процента анонимного нарко-маркетинга. Ситуация осложняется фактором непредсказуемости потенциального дилера, посредством сокрытия выходных данных, указывающих на непосредственно личность, путем само ликвидирующихся онлайн магазинов в сети интернет по продаже наркотических средств курирующихся как непосредственно преступником, так и сетью организованных преступных сообществ.

В составе проведения оперативно-розыскных мероприятий можно заметить некую тенденцию консервативности подхода. В зависимости от масштабов реализации того или иного мероприятия сталкиваемся со сложностью системной, многоуровневой, слаженной организации наркобизнеса, оперативно-розыскные мероприятия должны проводиться с учётом объективных обстоятельств. К сожалению, множество крупных и проработанных реализаций терпят крах вследствие банальной человеческой ошибки, путем резко негативного подхода к совершению контрольной закупки или проведения оперативного эксперимента с внушительным списком нарушения гласных и негласных сведений о проведении оперативно-розыскных мероприятий. В связи с этим преступная слаженность и продвижение наркобизнеса совершенствуются, и как итог производится рассекречивание, как агента, так и самой структуры оперативных мероприятий. Большинство исследователей данного вопроса полагает, что само проведение оперативного эксперимента должным образом нигде и никак не планируется, а также нигде не регламентировано, как и контрольная и проверочная закупки. В подтверждении данного тезиса полагается само обоснование, что должным образом подготовиться к проведению оперативных мероприятий невозможно, так как такая подготовка такого рода будет нецелесообразна по отношению, к каждому делу, состоящему на оперативном учете.

Если рассматривать мероприятия ОРМ с целью разграничения выявление сбыта и установление причастных лиц, то с большей вероятностью при проведении второго круга проверочных закупок может разрушится основания для их повторного проведения, а в частности полный развал уголовного дела. Но зачастую при наличии оперативно значимой информации

касательно сбыта наркотических веществ вся суть проблемы заключается в оперативном сотруднике, который, просто не имея должного понимания, не знает, как отрабатывать указанные мероприятия, что приводит к случаям, когда в результате проведенного ОРМ сбытчик наркотического средства мог разыграть удачную для себя комбинацию и уйти от уголовного преследования. При этом у данной проблемы есть, и другая точка зрения, которая в настоящее время сформирована, как обыденная позиция. Выше было сказано о некорректных или неумелых действиях сотрудника при проведении ОРМ, но некоторые заходят еще дальше и вместо пресечения факта сбыта проводят дополнительные контрольные закупки в угоду сложившейся палочной системе, при этом работая не на цель, а на количественный результат, в большинстве случаев с провалом легенды, одно и то же лицо производит закупку неоднократное количество раз у одного поставщика тем самым нарабатывая на возрастание количества эпизодов. При таком подходе значительно страдает качество проведения оперативного эксперимента и как факт не установка канала сбыта или прямого дилера поставки наркотических средств.

Как уже неоднократно отмечалось, исследователями цель проведения оперативно - розыскных мероприятий имеет больше тактическую значимость в расследовании уголовного дела в сфере сбыта наркотических веществ. Более того в некоторых случаях фиксируется пресечение не конкретных дилеров, а выявление целой организованной преступной группы. В связи с этим, на наш взгляд, необходимо максимально эффективно пересмотреть, а в дальнейшем скорректировать действия ОУР, УНК и иных участников, как оперативного состава, так и привлекаемых гласных и негласных лиц к проведению ОРМ.

В связи с этим необходимо:

1. Ужесточить контроль оперативного состава над внедряемыми лицами на стадии первичной закупки. Это должны быть психически устойчивые, уравновешенные люди, которые осознают и понимают важность проводимых мероприятий. Морально-идейные и устойчивые к провокации граждане, готовые содействую правоохранительным органам.

2. Начальником органов внутренних дел ясно и конкретно доводить задачу до личного состава оперуполномоченных сотрудников. Пресекать иные творческие подходы к проведению ОРМ сотрудников, если данные подходы противоречат целям и задачам комплекса оперативных мероприятий.

3. Оценивать силы и средства комплексного обеспечения проведения оперативно – розыскного мероприятия, с возможным привлечением приданных сил подразделений территориальных органов. Обеспечивать законность проведения контрольных закупок исключение повторности мероприятия закупки. Акцентировать внимание сотрудника (сотрудников) на законное основание при проведении ОРМ.

4. Не допускать затягивание оперативного эксперимента контрольных и проверочных закупок с целью выявления побочных, факультативных целей ОРМ, не создавая искусственных приоритетов для решения второстепенных поставленных целей, если для достижения результата конкретной закупки можно достичь не путем проявления условного формализма, а четко слаженным, координированным, законным методом осуществления ОРМ.

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод, что актуальная правомерность проводимых ОРМ зависит от слаженности работы оперативного состава и привлекаемых лиц при соблюдении определенных условий. В большинстве случаев сторонники творческого подхода сотрудников, указывают на объективное возникновение иных обстоятельств в ходе проведения ОРМ с участием вышеуказанных лиц. На деле сотрудник сам оценивает сложившуюся обстановку и принимает решения ведь стоит еще раз отметить, что не исключены и случайные стечения обстоятельств в ходе проведения разработки. Оперативная работа в большинстве случаев непредсказуемая и неизвестна, какая степень доверия будет у человека, который входит в преступный круг лиц совершающих сбыт наркотических средств. При этом необходимо согласиться с тем, что большинство повторных проверочных закупок разваливаются по причине фактов выявления внедрения, когда сбытчик наркотических средств догадался о реализуемом мероприятии. В связи с этим можно категорично относиться к действиям личного состава в плане перестраховки, и учете осторожности самих преступников, которые зачастую могут не реализовать сделку в самый последний момент. По факту отсутствия задержания преступника, может свидетельствовать о халатности самих сотрудников, которые своим бездействием и чрезмерным увлечением творческим подходом к проведению ОРМ создали условия для продолжения совершение преступником своей преступной деятельности. Соответственно преступник продолжает поддаваться на провокации для совершения дальнейших новых сделок, но актуальность мероприятий по выявлению захватывает и самих сотрудников после проведения служебной проверки и даче объективной оценке законности проведения ОРМ. Но имеется и другая сторона, когда следственные и судебные органы идут навстречу оперативным сотрудникам и всячески способствуют максимальному обоснованию их действий, если есть основания, указывающие на виновность сбытчика. Как отмечает Помелов А. А, что действующая норма закона об ОРД (ч. 8 ст. 5), через запрет на использование провокации в ОРД, не содержит четких и ясных правовых предписаний в части определения содержания провокационных действий. Соответственно в аналогичных ситуациях связанных завышением показателей сотрудников при выявлении сбытчика, каждое их этих проводимых отдельно мероприятий, должно иметь законность основания, а также реальность достижения поставленных целей путем надлежащего понимания процесса реализуемого мероприятия.

Пристатейный библиографический список

1. Кондратьев М. В. Оперативно-розыскные проблемы борьбы с организованной наркопреступностью // Наркоконтроль. - 2012. - № 2. - С. 21-24.
2. Душкин С. В. Прокурорский надзор за исполнением законов при проведении проверочной закупки наркотиков // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. - 2014. - № 4 (42). - С. 45-51.
3. Степанова Е. В. Основные требования, предъявляемые к проведению оперативно-розыскного мероприятия «проверочная закупка» // Российский следователь. - 2016. - № 10. - С. 47-51.
4. Петров С. П. Об отдельных вопросах проведения проверочной закупки наркотических средств и использования ее результатов в доказывании // Юридическая наука и правоохранительная практика. - 2009. - № 3 (9). - С. 60-62.
5. Помелов А. А. Некоторые аспекты проведения повторных проверочных закупок наркотических средств // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. - 2020. - № 4 (16). - С. 88.

БАЛАЕВА Джамиля Рашидовна
кандидат юридических наук, доцент кафедры управления органами внутренних дел в особых условиях Центра командно-штабных учений, Академия управления МВД России, подполковник

ФЕНОМЕН РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КАК СОСТАВНОЙ ЧАСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Обострение геополитической ситуации и возникновение новых угроз в отношении государства определяют необходимость исследования вопросов обеспечения национальной безопасности Российской Федерации (РФ) на современном этапе развития. Обеспечение национальной безопасности РФ сложный, многокомпонентный и многоэтапный процесс, который требует консолидации усилий всех органов государственной власти. Национальная безопасность РФ во многом определяется уровнем региональной безопасности субъектов, так как государство имеет федеративное устройство. Однако на законодательном уровне не закреплено в полной мере понятие «региональной безопасности», что способствовало формированию двух подходов к пониманию данного термина. В ряде документов региональная безопасность рассматривается в международном контексте, но следует рассматривать данное понятие на внутригосударственном уровне. Субъекты РФ имеют свои политические, экономические, социальные, национальные особенности, которые оказывают влияние на выбор механизмов обеспечения региональной безопасности в конкретном субъекте. По мнению многих специалистов, региональную безопасность следует рассматривать как компонент национальной безопасности. Необходимо определить порядок влияния органов федеральной власти на регионы в части обеспечения безопасности с учетом особенностей и уровня их развития. В рамках реализуемой государством региональной политики необходимо определить направления обеспечения безопасности каждого субъекта РФ.

Ключевые слова: национальная безопасность, региональная безопасность, угрозы, субъект, социально-экономическое развитие, суверенитет, конституционный строй, личность, граждане, территориальная целостность.

BALAEVA Jamilya Rashidovna
Ph.D. in Law, associate professor of Management of internal affairs bodies in special conditions sub-faculty of the Center for Command and Staff Exercises, Academy of Management of the MIA of Russia, lieutenant colonel

THE PHENOMENON OF REGIONAL SECURITY AS AN INTEGRAL PART OF THE NATIONAL SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION

The aggravation of the geopolitical situation and the emergence of new threats to the state determine the need to study the issues of ensuring national security of the Russian Federation (RF) at the current stage of development. Ensuring national security of the Russian Federation is a complex, multi-component and multi-stage process that requires the consolidation of efforts of all government bodies. National security of the Russian Federation is largely determined by the level of regional security of the subjects, since the state has a federal structure. However, the concept of "regional security" is not fully enshrined in law, which contributed to the formation of two approaches to understanding this concept. In a number of documents, regional security is considered in the international context, but this concept should be considered at the domestic level. Subjects of the Russian Federation have their own political, economic, social, national characteristics that affect the choice of mechanisms for ensuring regional security in a particular subject. According to many experts, regional security should be considered as a component of national security. It is necessary to determine the order of influence of federal authorities on the regions in terms of ensuring security, taking into account the characteristics and level of their development. Within the framework of the regional policy implemented by the state, it is necessary to determine the directions of ensuring the security of each subject of the Russian Federation

Keywords: national security, regional security, threats, subject, socio-economic development, sovereignty, constitutional order, personality, citizens, territorial integrity.

Феномен региональной безопасности как составной части национальной безопасности Российской Федерации

Становление теории национальной безопасности в Российской Федерации начинается с 90-х годов XX века. В 2010 году в Федеральном законе «О безопасности» от 28.12.2010 № 390-ФЗ впервые обозначен фундаментальный подход к общему пониманию национальной безопасности, определены составляющие компоненты и в целом сущность понятия. Закон определяет основные принципы и содержание деятельности по обеспечению безопасности государства, общественной безопасности, экологической безопасности, безопасности личности, иных видов безопасности, которые предусмотрены законодательством Российской Федерации [1].

Объектами безопасности являются права и свободы личности, материальные и духовные ценности общества, конституциональный строй, суверенитет и территориальная целостность государства. Термин «национальна безопасность» с 1993 года употребляется в российской печати, через некоторое время началась разработка его теории и методологии посредством применения междисциплинарного подхода. Данные процессы были анонсированы Администрацией Президента РФ.

Теория и практика национальной безопасности имеет свои приоритеты, которые были определены с момента за-

рождения понятия «национальная безопасность». Приоритетными направления являются:

– сохранение территориальной целостности государства;

– повышение уровня экономического развития государства, в том числе и экономического благосостояния граждан;

– обеспечение конкурентоспособности российской продукции;

– выстраивание конструктивных международных отношений и повышение авторитета России на международной политической арене.

Федеративное устройство России определяет и особенности сущности и в целом порядка обеспечения национальной безопасности. В связи, с чем является актуальным рассмотрение такого понятия как региональная безопасность в контексте национальной безопасности [6, с. 86].

Употребление термина «региональная безопасность» в Российской Федерации имеет свои особенности. В рамках международной политики термин «региональная безопасность» применяется к внешним аспектам безопасности. Регионами в данном контексте являются группы государств, которые выделяются по ряду общих признаков геополитического, исторического и политического характера. К регионам в соответствии с документами, закрепляющими региональные приоритеты РФ, относятся: Центральная и Восточная Европа, Америка, Ближний Восток, Западная Азия, Африка, Азиатско-Тихоокеанский регион и др. Применительно к данным регионам и определяются национальные интересы.

Региональные аспекты обеспечения безопасности страны имеют и иное измерение – на внутригосударственном уровне. В процессе становления фундаментальных основ национальной безопасности региональные аспекты безопасности не получили соответствующего внимания. Внутригосударственная составляющая региональной безопасности не обозначена в Концепциях национальной безопасности 1997 и 2000 гг., также не представлен региональный компонент на внутригосударственном уровне и в Стратегии национальной безопасности РФ 2021 года [2], [3].

Центральным звеном Стратегии национальной безопасности РФ 2021 года являются стратегические национальные приоритеты. Стратегические национальные приоритеты – это ключевые направления обеспечения национальной безопасности, по которым реализуются конституционные права и свободы граждан Российской Федерации, осуществляются устойчивое социально-экономическое развитие и охрана суверенитета страны, ее независимости и территориальной целостности.

Учитывая федеративное устройство, мультикультурный характер общества в России региональный уровень безопасности также важен и его следует рассматривать как компонент национальной безопасности РФ. Угрозы безопасности личности, групп людей, населения отдельных регионов могут иметь существенные различия по своей природе и значимости.

Взаимоотношения федерального центра и субъектов в экономической сфере, по мнению многих специалистов, является одной из ключевых проблем обеспечения региональной и национальной безопасности. Именно для экономического пространства РФ характерны существенные различия, уровень социально-экономического развития регионов различен, одни регионы имеют высокие социальные и экономические показатели, а другие очень низкие. Причинами такой ситуации являются:

– субъекты РФ имею разную структуру экономики, население, власть имею свой менталитет, т.е. «региональное самосознание»;

– регулирующая роль государства в определенной степени ослабла, регионам предоставлена во многом свобода действие;

– неравенство субъектов РФ в области политического, правового и экономического развития.

Разработка модели управления региональной безопасностью на внутригосударственном уровне необходима в связи с наличием множества различий в социально-экономическом развитии субъектов РФ. Региональную безопасность следует рассматривать как компонент национальной безопасности. Внутренняя и региональная безопасность соотносятся как общее и частное [5, с. 110].

В соответствии с понятием «безопасность» в Законе РФ «О безопасности» под внутренней безопасностью следует понимать «защищенность интересов личности, общества и государства в целом от угроз внутреннего характера». Частью внутренней безопасности является безопасность региональная. Обеспечение региональной безопасности направлено на защиту от угроз, которые исходят из организации государства в пространстве своего региона.

Региональная безопасность отличается своей спецификой, одна из особенностей – это органы, которые обеспечивают региональную безопасность. Обеспечение региональной безопасности находится в компетенции в основном региональных властей, государственных органов власти субъектов РФ.

Основная нагрузка по обеспечению безопасности граждан, проживающих в конкретном субъекте, находится именно на органах власти субъекта РФ. Обеспечение региональной безопасности осуществляется государством через региональную политику. Региональная политика имеет важное значение, но следует выстраивать эффективный механизм ее реализации, а именно необходимо обеспечить сближение интересов народов, которые населяют страну; всестороннее сотрудничество между субъектами и с органами федеральной власти. Внутриполитическая стабильность в РФ невозможно обеспечить без проведения рациональной и ответственной региональной политики государством [7, с. 78].

Основой внутренней государственной политики, которое обеспечивает развитие РФ как многонационального демократического федеративного государства, является комплексный подход к обеспечению безопасности, как региональной, так и национальной.

Обеспечение региональной безопасности - это сложный и многокомпонентный комплекс, который отличается взаимосвязанностью его компонентов. Компонентами региональной безопасности являются концептуальные установки и положения, социально-политические и правовые институты, учреждения, механизмы, средства и

методы, которые позволяют устранить, минимизировать или адекватно реагировать на опасности и угрозы, которые возникают. Совокупность жизненно важных интересов граждан, проживающих в конкретном субъекте РФ, также являются составляющим элементом региональной экономики.

Интересы Российской Федерации и ее субъектов по основным сферам жизнедеятельности совпадают. Регионы РФ являются самобытными социальными общностями, что и определяет наличие у них интересов, которые присущи исключительно им. Это можно проследить на примере интересов государственных органов исполнительной власти субъектов РФ и государственных органов исполнительной власти Российской Федерации.

Дискуссионным вопросом всех современных федераций является определение порядка распределения властных полномочий таким образом, что обеспечить удовлетворение общих потребностей, при этом, не нарушая социального многообразия и не в ущерб интересам отдельного субъекта федеративных отношений.

Многие исследователи придерживаются позиции, что территориальная общность, регион – субъект РФ обладает не только особым обликом, но имеет также собственные жизненно важные интересы. И региональная система жизненно важных интересов отличается подвижностью, изменчивостью под воздействием внешних и внутренних условий.

Устойчивое развитие всех субъектов РФ является необходимым условием обеспечения устойчивого развития государства в целом. Каждый субъект РФ должен стремиться к собственной устойчивости и безопасности, именно это и является ключевым фактором движения государства в целом к устойчивому развитию. Каждый субъект РФ имеет свои угрозы, на которых следует сконцентрировать усилия по обеспечению региональной безопасности [4, с. 17].

Региональная безопасность – это составной компонент национальной безопасности и также самостоятельная подсистема обеспечения национальной безопасности, который характеризуется состоянием защищенности жизненно важных интересов субъекта Российской Федерации. Высокий уровень региональной безопасности определяет и высокий уровень национальной безопасности РФ. Совпадение жизненно важных интересов объектов региональной и национальной безопасности способствует усилению взаимосвязи региональной и национальной безопасности. Существуют и противоречия в интересах регионов РФ, которые отражают особенности среды безопасности регионов и различный уровень развития субъектов.

Эффективность выполнения органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления своих задача в сфере регионального развития сил обеспечения национальной безопасности зависит от характера взаимодействия с гражданскими институтами, уровня координации и реализации, принимаемых на федеральном, региональном и муниципальном уровнях мер, направленных на обеспечение всех видов безопасности.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон «О безопасности» от 28.12.2010 № 390-ФЗ (последняя редакция). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Указ Президента РФ от 17.12.1997 № 1300 (ред. от 10.01.2000) «Об утверждении Концепции национальной безопасности Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Байгулова А. А. Национальная и региональная экономическая безопасность: учебное пособие. - Ульяновск: УлГУ, 2021. - 87 с.
5. Васильев В. И., Климова Ю. Н. Национальная и региональная безопасность: соотношение терминов // Символ науки: международный научный журнал. - 2020. - № 4. - С. 109-111.
6. Романова Н. П., Кононов С. В., Шевченко М. С., Шевченко Ю. С. Региональная безопасность в современных федеральных государственных образованиях: властный и региональный дискурсы // Вестник Забайкальского государственного университета. - 2021. - Т. 27, № 1. - С. 85-94.
7. Социально-политические процессы в условиях интеграции и региональная безопасность: монография. - Кемерово: КемГУ, 2019. - 170 с.

DOI 10.46320/2073-4506-2025-4-203-480-482

ВИНОГРАДОВ Алексей Анатольевич
аспирант магистерской программы «Каноническое право Православной Церкви» Общецерковной аспирантуры и докторантуры имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, Москва

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СТАНДАРТЫ И ТРЕБОВАНИЯ МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ: ЮРИДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье рассматриваются Федеральные государственные стандарты с точки зрения правовых аспектов. Автор поднимает вопрос об эффективности и оправданности применения ФГОС в образовательной системе. В современной России претензии к образовательной системе чрезвычайно велики, в статье поставлен вопрос об оправданности данных требований. Сделано предположение об отрыве ФГОС от рекомендаций со стороны системы здравоохранения.

Ключевые слова: ФГОС, образование в России, обязательное и общедоступное образование, мировые образовательные стандарты, школьная система в СССР, реформы образования в России.

VINOGRADOV Alexey Anatoljevich
postgraduate student of the Master's degree program «Canon Law of the Orthodox Church» of the Saints Cyril and Methodius Institute for Postgraduate Studies, Moscow

EDUCATIONAL STANDARDS AND REQUIREMENTS OF THE MINISTRY OF EDUCATION: LEGAL ASPECT

The article examines Federal state standards from the point of view of legal aspects. The author raises the question of the effectiveness and justification of the use of the Federal State Educational Standard in the educational system. In modern Russia, claims to the educational system are extremely high, and the article raises the question of the justification of these demands. An assumption is made about the separation of the Federal State Educational Standard from the recommendations of the healthcare system.

Keywords: Federal State Educational Standard, education in Russia, compulsory and publicly accessible education, world educational standards, schools' system in the USSR, education reforms in Russia.

Согласно статье 43 Конституции Российской Федерации, которая была принята 12 декабря 1993 г. (дополнения и уточнения от 1 июля 2020 г.), все граждане России имеют право на обязательное бесплатное общее образование. Граждане обеспечиваются правами, но эти права вменены как обязанности. Обязанность – непременная составляющая правового статуса. Одновременно, нарушение этого права, которое допускается в отношении ребенка со стороны его родителей или лиц их замещающих (опекунов), не влечет уголовной ответственности. Это представляется противоречием, поскольку нарушение любых прав ребенка (например, имущественных) влечет ощутимое наказание, вплоть до уголовного. Если родители, или лица их замещающие, не отдают детей в школу, то за это предусмотрена административная ответственность[1], а в случае отказа родителей выполнять эти обязательства, – может последовать лишение родительских прав. Последняя мера применяется только по решению суда. Тем не менее, одно только это нарушение не является причиной лишения родительских прав, и может выступить только отягчающим обстоятельством при принятии судом решения. Стоит присмотреться к указанному противоречию, поскольку оно само по себе открывает нам некоторые важные детали в отношении современной модели образования.

Право на получение всеобщего бесплатного образования – мера, которая была законодательно закреплена, по историческим меркам, относительно недавно. В обозримой истории от первых исторических письменных источников и до начала XX в. не существовало государства, которое бы гарантировало получение гражданами бесплатного начального и среднего образования. СССР в этом отношении явился первопроходцем. Юридическое сопровождение этого, по историческим меркам, нововведения, до сих пор не получило должной разработки.

К началу XX в. более 80 % граждан Российской империи были неграмотные. До революции 1917 г. успели создать теоретическую базу для внедрения всеобщего начального образования, которая и легла позже в основу советской образовательной системы. Дореволюционная концепция образования базировалась на гуманистических принципах, то есть на идее служения высших классов низшим. Предполагалось, что детям крестьян, рабочих, малоимущих следует дать образование, основываясь на идеях христианского гуманизма. Проблема государственного «заказа» на образованных людей той или иной специальности еще не стояла, речь шла о возможности дарования начальной грамотности населению.

На Первом всероссийском Съезде Политпросветов в 1921 г. была образована Чрезвычайная комиссия по ликвидации безграмотности (программа всеобуч). Она принимает «Положение об Единой Трудовой Школе», в соответствии с которым образование должно покрывать потребности нового Советского государства, а именно: советское руководство: «четко провозглашало принцип *обязательности* обучения в противовес принципу *общедоступности*, предлагавшемуся земствами» [2, с. 179]. Эти два понятия, при всей их кажущейся схожести, имеют очень разные юридические следствия. Кроме того, первоначально обязательность образования касалась начальной школы, и борьба за обязательность *всего среднего школьного образования* шла, по сути, на протяжении еще 40 лет. Советское руководство ставило четкую задачу: обеспечить государство грамотными кадрами – инженерами и квалифицированными рабочими в первую очередь.

После падения Советского Союза советская образовательная концепция, корнями уходившая во времена еще царской России, оказалась в кризисе. В промежутке между концом 1980-х и началом 2000-х гг. образовательная концепция была самой неопределенной. С одной стороны, возникла огромная конкуренция на рынке труда, и человек с высшим образованием имел больше шансов получить работу. Это стало причиной падения уровня и качества образования в

1 Часть первая ст. 5.35 кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

целом. Кроме того, Россия пыталась влиться в международный рынок труда, в связи с чем возникла идея привести образовательный процесс в соответствии с требованиями европейской и американской образовательных систем. Эта задача выполнялась в спешке, без анализа основ образовательной системы Запада, которые в корне отличались как от отечественной дореволюционной, так и советской модели.

В Конституции РФ (гл. 43) упомянуты образовательные стандарты (ФГОС) – совокупность требований в области образования, определяющие объем знания и систему контроля. ФГОСы утверждены федеральным органом исполнительной власти, который уполномочен разработать стандарт обучения на основе государственной политики. Первое поколение ФГОСов было выработано в 2004 г., далее последовали стандарты второго поколения, принятые 6 октября 2009 г. (для начальной школы), 17 декабря 2010 г. (основное общее образование) и 17 мая 2012 г (полное общее образование). В настоящее время активно разрабатываются ФГОСы третьего поколения. ФГОСы были ориентированы на Болонскую систему образования (запущена в 1999 г. с момента подписания Болонской декларации). Кроме того, постсоветская общеобразовательная доктрина стала основываться на принципах общедоступности среднего образования, постепенно утрачивая измерение ее обязательности. Идут дискуссии о том, стоит ли оставлять образование после 9 класса бесплатным, но пока идея платного образования встречает в российском обществе резко-негативные отзывы. Среднее образовательное звено, готовившее в СССР кадры для заводов, фабрик, медицины и самой системы образования, просело. Функцию массовой средней школы (9–11 классы) взяли на себя колледжи и училища, которые за последние 15 лет подготовили огромное количество специалистов, но из них далеко не все стали работать по специальности.

ФГОСы определяют функционирование: а) основных образовательных программ, их объем и соотношение обязательной и дополнительной части образовательной программы; б) условия выполнения образовательных программ (основная часть) и обеспечение этих условий со стороны кадрового преподавательского состава, финансирование, материально-технические условия (оборудования, территория школы и проч.); в) систему оценок полученного знания и его результаты. ФГОСы оговаривают срок и формы обучения, учет особенностей отдельных категорий учеников (например, имеющих ограничения по здоровью). ФГОСы также обеспечивают воспитательный компонент образовательной программы (патриотический компонент, знакомство с многообразием традиций и т.д.), то есть на них возложено выполнение идеологической, воспитательной задачи. ФГОСы обязательны к исполнению во всех образовательных организациях, имеющих государственную аккредитацию. В соответствии с Федеральным законом от 10.11.2009 № 259-ФЗ, под стандарты ФГОС не попадают университеты, имеющие статус «федеральный университет» (например, МГУ им. М. В. Ломоносова). Также под стандарты ФГОС не подпадает перечень университетов, имеющих статус «национальный исследовательский университет», «федеральное государственное образовательная организация высшего образования». Эти организации имеют право выработать собственные стандарты образования.

Система, основанная на ФГОС, имеет много проблем. Например, знания в учебниках даются не системно, от простого к сложному (система концентров, разработанная еще в дореволюционной России), а по модулям, без иерархической градации, что значительно усложняет школьникам задачу понимания самого материала. Модульная система входит в противоречие с базовыми когнитивными потребностями и возможностями школьников, что неоднократно признавалось специалистами (психологами, психиатрами).

Согласно ФГОС проводятся итоговые государственные и промежуточные аттестации учащихся. Система промежуточного контроля усвоения учебных материалов в настоящее время многим представляется избыточной и ожидает доработки в соответствии с физиологическими особенностями детского и подросткового организма. Другая важнейшая функция ФГОС – обеспечение стандартов аттестации самих педагогов и административно-управленческого персонала образовательных учреждений, а также установление нормативной шкалы для подготовки, профессиональной переподготовки и повышения квалификации работников образования.

Согласно Федеральному закону от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ каждый предметный отдел ФГОС включает 3 вида обоснований: а) требования к структуре основных предметных курсов (содержание, объем, обязательная и рекомендуемая части); б) распоряжения относительно условий осуществления обучения, что включает кадровые (персонал, учителя, педагоги), финансовые и материально-технические условия. Чтобы выполнить требования ФГОС каждое образовательное учреждение должно разработать основную образовательную программу (ООП), которая включает учебный план, календарный учебный график, программы учебных предметов, методические, дополнительные материалы, материалы тестов, контрольных заданий, аудио и видео-материалов и т.д.

Все вышесказанное производит очень хорошее впечатление, хотя предполагает излишнюю бюрократизацию при реализации требований ФГОСов. Главная проблема заключается, пожалуй, в самом процессе разработки стандартов. Согласно современным требованиям, проекты будущих ФГОСов направляются в Министерство образования, далее они размещаются на официальном сайте в сети Интернет. Затем следует дискуссия, критика, предложения по улучшению проекта. Предполагается, что в дискуссии участвуют представители органов исполнительной власти, государственно-общественных объединений, участники от ведущих образовательных и научных учреждений, представители научно-педагогических сообществ. Проект направляется на независимую экспертизу, которая продолжается 14 дней с момента получения материалов из Министерства образования. В Министерство образования направляется заключение независимой экспертизы за подписью руководителей экспертного сообщества, получившего задание от Министерства образования. Все материалы (проекты, экспертное заключение), далее обсуждаются советом Министерства образования и приводятся в соответствие с Федеральными государственными образовательными стандартам. Совет принимает решение о рекомендации проекта к утверждению в качестве рабочего варианта ФГОС по пой или иной дисциплине (учебному модулю). Совет вправе отправить проект на доработку или отклонить его, как не соответствующий стандартам. Далее Министерство образования и науки принимает решение об утверждении ФГОС. Таким образом, разработка и утверждение ФГОСов проходит многоступенчатую систему контроля, который призван минимизировать риски и ошибки в учебной программе. По большому счету это аналог тендерной системы, заслуженно критикуемой как имеющую некую коррупционную составляющую (берется не лучшее, но экономящее бюджет). Несмотря на проверки, ошибки в современных учебниках избыточно многочисленны.

Эта многоступенчатая система действует в отрыве от реального школьника, от его физиологических особенностей (объемы знаний, которые фактически должен усвоить школьник превышают его физиологические и психологические особенности), в отрыве от ясной задачи, которую бы поставило государство в отношении образовательной системы, в отрыве от четко сформулированной доктрины знаний и последующей сферы его применения. ФГОС устанавливает очень высокую планку образовательного стандарта, но не

учитывает, что школьники должны провести в закрытых помещениях большую часть дня, причем с учетом времени на подготовку домашнего задания это время превышает даже 8-ми часовой рабочий день, установленный как норма для взрослого человека: «Объем учебных программ, их информативная насыщенность часто не соответствуют функционально-возрастным возможностям школьников. К примеру, дети младшего школьного возраста еще увлечены игрой, а их перегружают понятиями, терминами, правилами, иностранными языками. В старших классах большинство городских школьников вынуждены дополнительно заниматься на подготовительных курсах при вузах или с репетиторами. Из года в год возрастают требования на вступительных экзаменах в вузы, которые все более не соответствуют школьным программам. Один из самых травматичных факторов для здоровья школьников – общая стрессогенная система организации образовательного процесса и множественность предметов, проводимых большим числом учителей. До 80% учеников постоянно или периодически испытывают учебный стресс. По этой причине резко ухудшаются показатели их нервно-психического и психологического здоровья. Кроме того, неэффективно реализуемая система физического воспитания в школе приводит к снижению двигательной активности детей и подростков, выраженной гипокинезии, лежащих в основе нарушения обмена веществ, обретения избыточной массы тела, эндокринных заболеваний и других недугов» [3, с. 74].

Чтобы усвоить такой объем материала, школьники должны быть обеспечены качественным питанием, а эта проблема в современных школах очень далека от удовлетворительного решения. Юноши и девушки оканчивают школу с расшатанным физическим и психическим здоровьем: «По данным Института возрастной физиологии РАО, Научного центра охраны здоровья детей и подростков РАМН, соответствующих региональных организаций фактическая учебная нагрузка в лицеях и гимназиях, в классах с углубленным изучением предметов составляет в начальной школе в среднем 6,2 – 6,7 часов в день; в основной школе – 7,2 – 8,3 часа в день; в полной средней школе – 8,6 – 9,2 часа в день. С учетом домашних заданий рабочий день современного школьника составляет 9-10 часов в начальной, 10 – 12 – в основной и 13 – 15 часов в полной средней школе. Совершенно очевидно, что увеличение учебной нагрузки не проходит бесследно: у детей отмечается выраженность нервно-психических нарушений, большая утомляемость, сопровождаемая иммунными и гормональными дисфункциями, более низка сопротивляемость болезням» [3, с. 74]. Таким образом, система образования вступает в противоречие с системой здравоохранения. Родители все чаще ищут альтернативные формы обучения, в частности, отдают своих детей в православные гимназии, оставляют детей на домашнем или семейном обучении.

Несмотря на огромную работу в сфере юридического оформления образовательной системы, этого «государства в государстве», «нынешнее федеральное законодательство до сих пор более чем скромно закрепляет правовые основы управления образовательным учреждением, не обеспечивая тем самым функциональной полноты регулирования <…>. Мы должны понимать, что «недостаток» законодательной базы не просто снижает эффективность управления, но и влечет за собой последующую «избыточность» регулирования отношений иными нормативными правовыми актами, что также крайне негативно влияет на управление образовательным учреждением» [1, с. 224]. Современные исследователи (Л. Ю. Грудцына, С. В. Молчанов) определяют это как «эффект маятника», когда законодательные бреши постоянно пытаются уравновесить изданием новых указов и приказов. Управляющие и контролирующие органы получают все более сложные механизмы контроля над образовательным процессом, однако проблем от этого становится все больше. Решение этих проблем может быть осуществлено путем «хорошо отлаженной системе должностных инструкций, позволяющих определить, кто и за что отвечает, в наделении соответствующими полномочиями только компетентных сотрудников <…> создание автоматизированной системы управления» [1, с. 227]. Стоит отметить, что путь ужесточения контроля многим кажется правильным, однако, как показывает практика, метод «кнута» не может быть эффективен без обратного, противоположного момента, а именно: насыщение системы образования финансами, а также дарование различных привилегий и льгот учителям. Система поощрения может быть гибкой – от присуждения званий (заслуженный работник, ударник труда местного или федерального уровня) до поощрения премиями, выплатами, социальными гарантиями.

Таким образом, с одной стороны, ФГОС – это развитый продукт системы образования, которая имеет длинную и непростую историю, свои традиции и проблемные стороны. С другой стороны, современную систему «штормит», а ФГОСы выступают как некая стабилизирующая конструкция, с помощью которой стараются не допустить хаос. Отсюда – крайне жесткие и даже практически жестокие требования как к детям, так и к педагогам. На наш взгляд, разрешение этих проблем лежит не в области ужесточения образовательных стандартов, а в области упорядочения законодательной базы. Это, в свою очередь, будет зависеть от тех задач, которые поставит перед школой государство. К счастью, мы видим, что в современной России начались первые шаги к реализации положительного сценария. На высшем государственном уровне присутствует осознание того, что школьное образование не может быть целью само по себе, оно должно готовить кадры для будущего производства и для практической работы на благо общества. Все чаще поступает запрос на воспитание личности ребенка, а не просто получение им «образовательной услуги» в виде непомерного объема знаний. Внутри общества созрел запрос на воспитание гармоничной личности, патриота своей Родины, просвещенного, дорожащего традиционными ценностями гражданина. Соответственно, ФГОСы и законодательная база, обеспечивающая образовательный процесс, должны будут соответственным образом трансформироваться, сообразуясь с требованиями времени.

Пристатейный библиографический список

1. Грудцына Л. Ю., Молчанов С. В. Система образования в Российской Федерации // Образование и право. – 2017. – № 5. – С. 223-231.
2. Мова А. Э. Формирование системы всеобщего обязательного обучения в России // Человек и образование. – 2009. – № 1 (18). – С. 175-181.
3. Петрова Н. Ф., Горовая В. И. Современная школа и проблема здоровья учащихся // Успехи современного естествознания. – 2005. – № 11. – С. 73-75.

ЗОРИНА Наталья Сергеевна
старший научный сотрудник отдела по совершенствованию нормативно-правового регулирования деятельности уголовно-исполнительной системы, Центр изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации»

ПРИНЦИПЫ ИЗУЧЕНИЯ ЛИЧНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ОСУЖДЕННОГО

Несовершеннолетние осужденные — это особая категория лиц, которые в силу своего возраста и психологического развития требуют особого внимания со стороны общества, государства и специалистов. Личность несовершеннолетнего осужденного формируется под влиянием множества факторов, включая социальное окружение, семейные отношения, уровень образования и индивидуальные особенности. В данной статье рассматриваются ключевые аспекты личности несовершеннолетнего осужденного, проблемы, с которыми он сталкивается, и возможные пути его реабилитации. Изучение личности несовершеннолетних осужденных основывается на ряде принципов, которые помогают специалистам эффективно проводить диагностику, коррекцию поведения и социальную реабилитацию подростков.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, несовершеннолетние осужденные, воспитательные колонии, исправительные учреждения, личность несовершеннолетнего, пенитенциарная система, ФСИН России, исправление, ресоциализация.

ZORINA Natalya Sergeevna
senior researcher of the Department for Improving Legal Regulation of the Penitentiary System, Center for the Study of Problems of Management and Organization of the Execution of Sentences in the Penitentiary System «Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russian Federation»

PRINCIPLES OF STUDYING THE PERSONALITY OF AN UNDERAGE CONVICT

Juvenile convicts are a special category of people who, due to their age and psychological development, require special attention from society, the state and specialists. The personality of a juvenile convict is formed under the influence of many factors, including the social environment, family relations, level of education and individual characteristics. In this article, we will look at the key aspects of the personality of a juvenile convict, the problems he faces, and possible ways to rehabilitate him. The study of the personality of juvenile convicts is based on a number of principles that help specialists to effectively diagnose, correct behavior and social rehabilitation of adolescents.

Keywords: penal enforcement system, juvenile convicts, educational colonies, correctional institutions, personality of a minor, penitentiary system, Federal Penitentiary Service of Russia, correction, re-socialization.

Изучение личности несовершеннолетнего осужденного является важным аспектом работы в области ювенальной юстиции, педагогики и психологии. Одним словом, преступность несовершеннолетних – это обособленный вид, отличающийся индивидуальными количественными и качественными показателями её динамики на протяжении несколько лет, обусловленными, прежде всего, своеобразием личности преступника, и в основе всего этого лежит неуравновешенная психика и зачастую эгоистические мотивы и цели корыстной направленности. [1].

Это позволяет разработать индивидуальный подход к реабилитации и ресоциализации подростка, а также предотвратить повторные правонарушения. Организация воспитательной работы с несовершеннолетними осужденными регламентирована приказом Минюста России от 21 июня 2005 г. № 91 «Об утверждении Инструкции об организации воспитательной работы с осужденными в воспитательных колониях Федеральной службы исполнения наказаний»1, в котором обозначены основные задачи, стоящие перед ними. Приказ Минюста России от 6 октября 2006 г. № 311 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка воспитательных колоний уголовно-исполнительной системы» регламентирует определенный распорядок работы воспитательных колоний, цели и задачи, стоящие перед уголовно-исполнительным законодательством в отношении несовершеннолетних осужденных [2].

Каждый несовершеннолетний осужденный обладает уникальными особенностями, которые необходимо учитывать при изучении его личности. Это включает анализ возраста, уровня развития, социального окружения, жизненного опыта и мотивов, приведших к совершению правонарушения.

Приоритет воспитательных мер – исправление несовершеннолетних строится на педагогическом подходе, а не на строгом наказании. Наказание должно быть соразмерным преступлению и учитывать возрастные особенности осужденного. Воспитательная работа должна быть комплексной и охватывать все аспекты жизни подростка: образовательный, социальный, психологический и правовой.

Роль образования первостепенна там, где оно касается усилий по ресоциализации несовершеннолетних осужденных и содействию их интеграции в общество. Попытки реинтеграции сопровождаются осторожным предположением о том, что несовершеннолетних осужденных можно вернуть к нормальной, некриминальной жизни при наличии соответствующих условий [3]. После осуждения у несовершеннолетних могут возникнуть проблемы с продолжением образования, так как учебные заведения могут отказать в приеме. В будущем им может быть сложно найти работу из-за наличия судимости, что ограничивает их возможности для самореализации.

Социальный аспект несовершеннолетнего осужденного связан с рядом сложностей и вызовов, которые могут повлиять на его дальнейшую жизнь и интеграцию в общество. Несовершеннолетние осужденные часто сталкиваются с социальной стигматизацией, что может привести к их изоляции от общества. Окружение (семья, друзья, сверстники) может негативно воспринимать факт осуждения, что усугубляет чувство отверженности.

Социально-педагогическая поддержка играет ключевую роль в этом процессе, определяя направление развития личности и способствуя снижению риска повторных правонарушений. Образовательные и воспитательные программы становятся важными инструментами, которые помогают подросткам приобрести необходимые знания и навыки для успешной социализации в будущем [4].

Необходимо учитывать роль психического здоровья несовершеннолетних осужденных. Осуждение и пребывание в исправительных учреждениях могут негативно сказаться на психическом здоровье подростка, вызывая депрессию, тревожность или агрессию. Отсутствие поддержки со стороны семьи и общества усугубляет эти проблемы.

Мы согласны с Ю.М. Антоняном, который справедливо связывает «разницу в соотношении женской и мужской преступности среди несовершеннолетних не с психическими и психологическими особенностями пола, а с различием интересов, поведения, воспитания мальчиков и девочек, с большей активностью, предприимчивостью, решительностью, несдержанностью и другими обще характерологическими свойствами лиц мужского пола, проявляющимися в определенных жизненных ситуациях, в том числе в антиобщественных поступках и преступлениях» [5].

Правовое сознание играет немаловажную роль среди несовершеннолетних осужденных, у которых часто отсутствует четкое понимание норм права и морали. В некоторых случаях подростки совершают преступления под влиянием группы или из-за желания самоутвердиться, не осознавая серьезности своих действий.

Необходимо учитывать то обстоятельство, что осужденный, помещенный в условия изоляции, усваивает нравы, традиции, привычки конкретного учреждения, ценностно-нормативные установки различных по криминальной характеристике категорий осужденных: происходит процесс распада, десоциализация личности и деформации правосознания [6].

Без должной реабилитации и поддержки несовершеннолетние осужденные могут снова оказаться вовлеченными в преступную деятельность. Отсутствие позитивных ролевых моделей и ограниченные возможности для самореализации увеличивают этот риск. Несовершеннолетние осужденные нуждаются в профессиональной психологической поддержке, которая поможет им справиться с травматическим опытом и адаптироваться к новым условиям жизни. Важно работать над формированием у подростков позитивного мировоззрения и навыков самоконтроля. Различают два основных вида психологической помощи социально и индивидуально затрудненному поведению: 1) внешняя помощь, оказываемая другим человеком или социальной группой. Объем ее не должен превышать определенных границ, чтобы получающий такую помощь не превратился в иждивенца; 2) самопомощь, высвобождение и приведение в. действие внутренних психологических резервов самой личности [7].

Доступ к образованию является ключевым фактором успешной реабилитации. Необходимо создавать условия для продолжения обучения как в исправительных учреждениях, так и после освобождения. Профессиональное обучение и профориентация помогут подросткам найти свое место в обществе. Получение подростком образования в условиях отбывания наказания является предпосылкой его успешной адаптации в пенитенциарном учреждении, а также фактором успеха в процессе социализации после освобождения из воспитательной колонии.

Эффективным методом исправления несовершеннолетнего осужденного является физические нагрузки и занятия спортом. Именно они способствуют снятию психического и умственного напряжения, избавлению от тревожности, а также выводу из депрессивного состояния. Спортивные мероприятия не только укрепляют здоровье подростков, но и помогают развивать командный дух, дисциплину и ответственность. Важно, чтобы подростки осознавали ценность физической активности как основы поддержания здоровья.

В условиях социальной изоляции доступ осужденных к онлайн-обучению сильно ограничен, поэтому чтение книг и ведение записей являются для подростков фундаментом самостоятельной работы. Вместе с тем, на использование данной возможности в рамках исправительных учреждений накладывается множество ограничений, обусловленных институциональными требованиями, устоявшейся повседневной практикой и правовыми нормами. Чтение несовершеннолетними осужденными литературы направлено не только на повышение их образовательного уровня, но и на поддержание дисциплины: чтение вслух, не связанное с определенном занятием, отвлекает подростка от деструктивных проявлений и помогает поддерживать дисциплину и режим.

Личность несовершеннолетнего осужденного формируется под влиянием сложного комплекса факторов, включая социальное окружение, семейные отношения и индивидуальные особенности. Для успешной реабилитации и интеграции в общество необходимо учитывать эти факторы и обеспечивать подросткам поддержку на всех этапах их жизни. Только при условии комплексного подхода, включающего психологическую помощь, образовательные программы и социальную адаптацию, можно помочь несовершеннолетним осужденным стать полноценными членами общества и избежать рецидива.

Пристатейный библиографический список

1. Абрамова Н. Г. К вопросу о личности несовершеннолетнего осужденного // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. – 2022. – Т. 41, № 1. – С. 116-120.
2. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».
3. Радченко Е. П., Зорина Н. С. Роль образования в ресоциализации несовершеннолетних осужденных // Образование и право. – 2024. – № 11. – С. 419-422.
4. Зорина Н. С., Царькова Е. Г. Социально-педагогические аспекты адаптации несовершеннолетних осужденных // Евразийский юридический журнал. – 2024. – № 10 (197). – С. 452-453.
5. Антонян Ю. М. Личность преступника и профилактика преступлений : монография / Под ред. Ю. М. Антоняна. – М.: Изд-во Проспект, 2017. – 220 с.
6. Майстренко Г. А. Факторы, влияющие на личность несовершеннолетнего осужденного // Государственная служба и кадры. – 2022. – № 4. – С. 206-209.
7. Тищенко Ю. Ю. Социальные и психологические аспекты трудновоспитуемости несовершеннолетних // Антропогогика. – 2024. – № 4 (16). – С. 32-38.

КОРЕНЮГИН Виталий Валерьевич
кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры административного права, Ростовский юридический институт, МВД России, подполковник полиции

НУРУТДИНОВ Ильнур Ильдусович
кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры уголовного права, Казанский юридический институт МВД России, подполковник полиции

ГОНЧАРОВА Юлия Владимировна
кандидат юридических наук, доцент кафедры процессуального права, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)

ГАЗИЗОВ Тимур Иршатович
старший преподаватель кафедры профессиональной подготовки, Уфимский юридический институт МВД России, подполковник полиции

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ИНТЕРАКТИВНЫХ МЕТОДОВ ОБУЧЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ ПРЕПОДАВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ДИСЦИПЛИН

Статья посвящена модернизации высшего юридического образования с акцентом на внедрение интерактивных методов обучения в процессе преподавания уголовно-правовых дисциплин. Авторы анализируют актуальные изменения в содержании и структуре юридического образования, связанные с потребностями современного рынка труда (например, включение компьютерной криминалистики и кибербезопасности). Исследование рассматривает оптимизацию кадрового потенциала, использование инновационных технологий и методик преподавания, а также различные подходы к пониманию интерактивного обучения. В статье подробно классифицируются интерактивные методы (игровые, тренинговые, дискуссионные), анализируются их виды и приводятся конкретные примеры применения в учебном процессе, такие как деловые игры, моделирующие судебные процессы, и проблемные лекции. Статья представляет практический интерес для преподавателей юридических вузов и способствует повышению эффективности образовательного процесса.

Ключевые слова: интерактивные методы, методы обучения, уголовно-правовые дисциплины, обучение, профессиональное обучение.

KORENYUGIN Vitaliy Valerjevich
Ph.D. in Law, Deputy Head of Administrative law sub-faculty, Rostov Law Institute of the MIA of Russia, lieutenant colonel of police

NURUTDINOV Ilnur Ildusovich
Ph.D. in sociological sciences, senior lecturer of Criminal law sub-faculty, Kazan Law Institute of the MIA of Russia, lieutenant colonel of police

GONCHAROVA Yuliya Vladimirovna
Ph.D. in Law, associate professor of Procedural law sub-faculty, Rostov State University of Economics (RINE)

GAZIZOV Timur Irshatovich
senior lecturer of Professional training sub-faculty, Ufa Law Institute of the MIA of Russia, lieutenant colonel of police

FEATURES OF THE USE OF INTERACTIVE TEACHING METHODS IN THE PROCESS OF TEACHING CRIMINAL LAW DISCIPLINES

The article is devoted to the modernization of higher legal education with an emphasis on the introduction of interactive teaching methods in the teaching of criminal law disciplines. The authors analyze current changes in the content and structure of legal education related to the needs of the modern labor market (for example, the inclusion of computer forensics and cybersecurity). The research examines the optimization of human resources, the use of innovative technologies and teaching methods, as well as various approaches to understanding interactive learning. The article classifies interactive methods (gaming, training, and discussion) in detail, analyzes their types, and provides specific examples of their use in the educational process, such as business games that model judicial processes and problem lectures. The work is of practical interest to law school teachers and contributes to improving the effectiveness of the educational process.

Keywords: interactive methods, teaching methods, criminal law disciplines, education, vocational training.

Современное высшее юридическое образование претерпевает значительные изменения не только в содержании и структуре, но и в формах обучения. Создание инновационной образовательно-воспитательной среды требует внесения качественно новых элементов во все аспекты образовательного процесса.

Основные направления модернизации высшего юридического образования сопряжены с оптимизацией кадрового и педагогического потенциала: повышением квалификации преподавателей, привлечением практикующих юристов к учебному процессу, улучшением научно-методического обеспечения, внедрением инновационных технологий и методов обучения.

Преподавание в вузах юридических дисциплин имеет специфичные задачи, в частности:

– разработка и введение новых перспективных дисциплин, учитывающих потребности современного рынка труда (компьютерная криминалистика, основы кибербезопасности и др.);

– внедрение интерактивных и инновационных форм и методов обучения, способствующих развитию профессиональных компетенций и творческих способностей студентов;

– использование современных технологий и методик преподавания, повышающих эффективность образовательного процесса.

Таким образом, модернизация высшего юридического образования является необходимым условием для подготовки высококвалифицированных юристов, способных успешно работать в динамично меняющихся условиях.

Интерактивные методы обучения становятся все более популярными в преподавании различных дисциплин, в том числе и уголовно-правовых. Они позволяют повысить вовлеченность обучающихся в учебный процесс, сделать его более интересным и эффективным.

На сегодняшний день авторы по-разному подходят к пониманию терминов «интерактивные технологии», «интерактивные методы» и «интерактивное обучение». В рамках настоящего исследования будем исходить из понимания интерактивного обучения предложенного М. И. Егашатян и Е. Р. Титовой. Так, согласно мнению авторов, интерактивное обучение представляет собой «форму организации познавательной деятельности, в процессе которой создаются условия для всестороннего развития личности обучающегося.

Роль преподавателя основывается на том, что он не просто осуществляет контроль, а прежде всего, выступает координатором и консультантом, обнаруживает трудности, которые возникают у обучающихся, пробелы в их знаниях, реализуя индивидуальный и дифференцированный подходы к их обучению» [2].

В научной литературе принято классифицировать интерактивные методы обучения на три категории:

1. Игровые.
2. Тренинговые.
3. Дискуссионные.

Игровые методы обучения в свою очередь делятся на:

1. Творческие игры.
2. Деловые игры.
3. Дидактические игры.
4. Организационно-деятельные игры.
5. Ролевые игры [3].

Рассмотрим некоторые интерактивные методы, которые можно использовать в преподавании уголовно-правовых дисциплин более подробно.

Проблемные лекции. В ходе изложения учебного материала создаются проблемные ситуации, для решения которых студенты должны разрешить противоречия и прийти к выводам [1].

Деловые игры позволяют студентам не только приобрести ценные профессиональные навыки, но и определиться со своими интересами. Погружение в разные роли в рамках игрового процесса помогают им выявить свои сильные и слабые стороны и выбрать наиболее подходящую специализацию в области юриспруденции.

Для студентов юридических факультетов деловые игры, моделирующие судебные процессы, являются особенно актуальным методом обучения. Примерив на себя роли судей, защитников и прокуроров, студенты получают наглядное представление о своей будущей профессии и могут осознанно выбрать специализацию.

Интерактив «Утверждение - провокация». Формирует у студентов умение быстро реагировать на конфликтные ситуации, предлагаемые преподавателем. Вначале интерактива преподаватель формулирует и представляет группе утверждение - провокацию, согласно теме практического занятия. Затем студенты делятся на две подгруппы: первая соглашается с утверждением - провокацией и приводит аргументы в его подтверждение, а вторая - не соглашается и приводит свои аргументы в его опровержение.

Одним из средств организации совместной творческой деятельности с курсантами на занятиях является использование RP-технологии педагогического взаимодействия, которая применяется в практике гражданских вузов, но в ходе её универсальности, отлично зарекомендовала себя также и при подготовке курсантов образовательных учреждений системы МВД [6].

Под RP-технологией педагогического взаимодействия понимается уровневая технология педагогического взаимодействия, где практикуется репродуктивно-продуктивный способ изучения материала: изначально раскрывается содержание на репродуктивном уровне, а затем на продуктивном (творческом) уровне продолжается планомерная, последовательная работа по формированию культуры умственного труда, культуры самостоятельной работы, профессиональной культуры; по развитию креативных (творческих) способностей, результатом которых является определенный продукт мыслетворчества студента, вобравший в себя его взгляд, стиль и образ мысли, формирующийся на протяжении всей его жизни [5].

Цель RP-технологии - повысить эффективность обучения за счет вовлечения обучающихся, усиления мотивации и улучшения запоминания информации.

Обобщая опыт применения интерактивных методов в преподавании уголовно-правовых дисциплин можно выделить ряд основных преимуществ:

– интерактивные методы повышают мотивацию и вовлеченность обучающихся;

– развивают критическое мышление и аналитические навыки;

– улучшают качество понимания и усвоения учебного материала;

– формируют навыки работы в команде и коммуникативные навыки;

– позволяют учитывать индивидуальные особенности обучающихся.

Эмоциональное отношение студентов к профессии, формируемое в ходе деловых игр, во многом определяет их дальнейший путь развития. Участвуя в игровых процессах, студенты приобретают неоценимый практический опыт, который помогает им:

– углубить понимание основных принципов уголовного процесса и уголовного судопроизводства;

– развить навыки анализа правовых норм и применения их на практике;

– отработать умения ведения прений, доказывания и опровержения доводов оппонентов;

– укрепить навыки публичного выступления и общения в профессиональной сфере.

При применении интерактивных методов обучения в преподавании уголовно-правовых дисциплин следует учитывать ряд особенностей. Уголовно-правовые дисциплины отличаются высокой сложностью и насыщенностью специальной терминологией. Интерактивные методы обучения наиболее эффективны в небольших группах (до 20-25 человек). При работе с большими группами необходимо использовать смешанные формы обучения, сочетающие интерактивные методы с традиционными. Интерактивные методы обучения предъявляют определенные требования к уровню подготовки студентов. В интерактивном обучении преподаватель выступает не только как источник знаний, но и как лицо, направляющее учебный процесс.

Применение интерактивных методов обучения в преподавании уголовно-правовых дисциплин может значительно повысить его эффективность и сделать процесс обучения более интересным и увлекательным. Учитывая особенности содержания учебного материала, размер и состав учебной группы, уровень подготовки студентов и роль преподавателя, можно выбрать и реализовать интерактивные методы обучения, которые наилучшим образом будут способствовать достижению учебных целей.

Пристатейный библиографический список

1. Абулкеримова Т. А., Гаджиева П. Д. Использование интерактивных образовательных технологий при преподавании юридических дисциплин // Материалы IX Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://scienceforum.ru/2017/article/2017038051 (дата обращения: 31.01.2025).
2. Егшатян М. И., Титова Е. Р. Интерактивные методы обучения // Евразийский научный журнал. - 2022. - № 6. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/interaktivnye-metody-obucheniya-3 (дата обращения: 27.01.2025).
3. Карачаев А. Р. Интерактивные методы правового обучения // Проблемы современного педагогического образования. - 2021. - № 70-1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/interaktivnye-metody-pravovogo-obucheniya (дата обращения: 27.01.2025).
4. Жадан В. Н. Опыт применения интерактивных и инновационных форм и методов обучения в преподавании юридических дисциплин // БГЖ. - 2018. - № 3 (24). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/opyt-primeneniya-interaktivnyh-i-innovatsionnyh-form-i-metodov-obucheniya-v-prepodavanii-yuridicheskih-distsiplin (дата обращения: 27.01.2025).
5. Козырева О. А. Некоторые особенности реализации моделей RP-технологии педагогического взаимодействия при изучении разделов педагогики // ОНВ. - 2007. - № 4 (58). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-osobennosti-realizatsii-modeley-rp-tehnologii-pedagogicheskogo-vzaimodeystviya-pri-izuchenii-razdelov-pedagogiki (дата обращения: 31.01.2025).
6. Седых Т. В. Применение интерактивных методов в процессе преподавания дисциплин по уголовному процессу // МНКО. - 2018. - № 5 (72). [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-interaktivnyh-metodov-v-protsesse-prepodavaniya-distsiplin-po-ugolovnomu-protsessu (дата обращения: 31.01.2025).

DOI 10.46320/2073-4506-2025-4-203-487-488

КОРНИЛОВА Наталья Викторовна
кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права, Дальневосточный филиал, Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, г. Хабаровск

ОРЛОВА Ирина Витальевна
старший преподаватель высшей школы частного права, Тихоокеанский государственный университет, г. Хабаровск

МЕТОДЫ ПРОВЕДЕНИЯ ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЙ ПО ДИСЦИПЛИНЕ «ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО», СПОСОБСТВУЮЩИЕ ФОРМИРОВАНИЮ У СТУДЕНТОВ НАВЫКОВ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

В статье рассмотрены основные цели, задачи, этапы проведения практических занятий по дисциплине «Гражданское право». Авторами даны рекомендации по подготовке преподавателей к организации и проведению аудиторных занятий, рекомендованы методы, способствующие формированию у студентов-будущих юристов навыков правоприменения. Приведены критерии отбора примеров правоприменительной практики для изучения теоретических вопросов. Обосновывается целесообразность комплексного использования разных методик, направленных на активизацию познавательной деятельности студентов.
Ключевые слова: метод обучения, практическое занятие, гражданское право, компетенция, судебная правоприменительная практика, общая собственность.

KORNILOVA Natalya Viktorovna
Ph.D. in Law, associate professor of Civil law, Far eastern branch, V. M. Lebedev Russian State University of Justice, Khabarovsk

ORLOVA Irina Vitaljevna
senior lecturer of the Higher School of Private Law, Pacific State University, Khabarovsk

METHODS OF CONDUCTING PRACTICAL CLASSES IN THE DISCIPLINE «CIVIL LAW», CONTRIBUTING TO THE FORMATION OF STUDENTS' LAW ENFORCEMENT SKILLS

The article discusses the main goals, objectives, and stages of practical training in the discipline "Civil Law". The authors give recommendations on the preparation of teachers for the organization and conduct of classroom classes and recommend methods that contribute to the formation of law enforcement skills among students of future lawyers. The criteria for selecting examples of law enforcement practice for studying theoretical issues are given. The expediency of the integrated use of various techniques aimed at activating the cognitive activity of students is substantiated.
Keywords: teaching method, practical lesson, civil law, competence, judicial law enforcement practice, common property.

Практическая подготовка студентов высших учебных заведений – это одна из форм организации образовательной деятельности при освоении образовательной программы в условиях выполнения обучающимися определённых видов работ, связанных с будущей профессиональной деятельностью и направленных на формирование, закрепление, развитие практических навыков и компетенций по профилю соответствующей образовательной программы[1]. При реализации большинства учебных дисциплин такая подготовка осуществляется путём проведения практических занятий и иных аналогичных видов учебной деятельности, являющихся дополнением к лекционным курсам. Не является исключением дисциплина «Гражданское право».

Как справедливо отмечают А. Ф. Колотов, И. В. Скуратов, цель практических занятий заключается в углублении, расширении детализации полученных на лекциях знаний, выработке профессионально значимых умений и навыков [3 с. 125]. Именно поэтому не менее важной является подготовка преподавателя к проведению каждого практического занятия, которая, как представляется, должна включать следующие этапы.

1) Анализ вопросов, планируемых к обсуждению в соответствии с рабочей программой дисциплины. Для того, чтобы студенты приобрели, систематизировали, закрепили и углубили знания по изучаемой дисциплине, план каждого практического занятия должен включать обсуждение особо значимых теоретических вопросов, имеющих значение для правоприменительной деятельности. Это способствует уяснению студентами содержания правовых норм, их правильному применению при выполнении практических заданий и решении задач. Данный перечень не целесообразно ограничивать вопросами, ранее изложенными преподавателем на лекции. Рекомендуется включать также важные тематические вопросы, не освещённые должным образом на лекционных занятиях по причинам ограниченного количества времени или изначального намерения преподавателя поручить студентам самостоятельное их изучение.

2) Проверка актуальности редакций нормативных правовых актов, регулирующих изучаемую группу общественных отношений, поиск и изучение новых (на день проведения занятий) соответствующих примеров судебной практики, в том числе актов Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ.

3) Повторное решение задач и практических заданий. Это особенно важно в условиях, когда преподавателю известно об изменениях действующего законодательства, и итоговые выводы могут быть отличными от прежних, если в фабулах заданий отсутствуют даты событий или действий участников правоотношений.

4) Составление плана проведения практического занятия, в котором стоит определить примерное время каждого этапа: вступления, основного (обсуждения теоретических вопросов, решение задач и выполнение заданий) и заключительного этапа.

5) Определение перечня теоретических вопросов, задач и заданий для самостоятельной работы студентов на следующее занятие.

В начале практического занятия целесообразно решить организационные вопросы. В первую очередь, нужно сообщить тему и обозначить ключевые вопросы, навыки и умения, которые должны могут быть сформированы по итогу проведения занятия. Это видится необходимым для привлечения внимания студентов к значимости темы и сообщению результатов, ожидаемых по итогу изучения вопросов практического занятия. Последняя информация позволит и преподавателю, и студенту осознать, достиг обучающийся этих результатов или нет. Также следует объявить форму и методики обучения, которые будут использованы при проведении практического занятия. Например, можно сообщить о том, что в первой половине занятия будут обсуждаться вопросы и решения задач, а во второй – запланирована само-

1 Пункт 2 Приложения №1 Приказа Министерства науки и высшего образования РФ и Министерства просвещения РФ от 05.08.2020 г. № 885/390 «О практической подготовке обучающегося» // «Официальный интернет-портал правовой информации». – 11 сентября 2020 г. – # 0001202009110053. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.pravo.gov.ru.

стоятельная работа для закрепления изученного материала и т.п.

Большинство практических занятий по дисциплине «Гражданское право», проводимых авторами настоящей статьи, начинается с краткого опроса присутствующих студентов по ключевым вопросам, изученным на предыдущих занятиях. Это особенно важно в условиях, когда последующие вопросы изучаются на основе ранее освоенного материала. На этом же этапе занятия рекомендуется отметить посещаемость студентов в журнале, выяснить степень готовности студентов к участию в практическом занятии, постараться установить со студентами эмоциональную связь и настроить их на активное участие.

Для формирования у студентов умений и навыков видится важным в основной части практического занятия сочетать обсуждение сложных теоретических вопросов с выполнением практических заданий. Как справедливо отмечают Е. Г. Ивашкин и Л. Н. Жукова, такие задания должны быть рассчитаны на репродуктивно-преобразовательную деятельность, при которой обучающемуся нужно не только воспроизвести известный ему способ действий, но и дать анализ его целесообразности, высказать свои соображения, относящиеся к анализу условий задачи, выдвигаемых гипотез, полученных результатов. Этот тип задач по отдельным вопросам темы должен развивать умения и навыки применения изученных методов и контролировать их наличие у обучающихся [1, с. 41].

По дисциплине «Гражданское право» кроме традиционных задач студенты выполняют задания по анализу материалов судебной практики, житейских гражданско-правовых споров (освещаемых в СМИ), подготовке проектов юридических документов (например, договоров), участию в деловых играх. Одной из основных целей использования перечисленных методов – максимальное приближение действий студентов к реальным, соответствующим будущим функциональным обязанностям по будущей профессии. Чаще всего студентам предлагаются к обсуждению юридические вопросы, которые являются актуальными, решаются по-разному учёными-цивилистами и судами общей юрисдикции при разрешении гражданских дел, и отсутствует официальная позиция высших судебных инстанций (Верховного Суда РФ, Конституционного Суда РФ).

В качестве примера можно привести вопрос о правовом режиме имущества, приобретённого супругами на средства, вырученные в результате совершения нескольких сделок по отчуждению имущества, нажитого в период брака, в том числе за счёт личных средств супруга. Так, супруг продал свою квартиру, которая принадлежала ему до брака, и вложил эту сумму в покупку новой квартиры в период состояния в браке. 4/5 от общей стоимости данной квартиры оплачена личными денежными средствами истца и лишь 1/5 – за счёт совместных доходов супругов. Через год супруги продали эту квартиру и купили другую, доплатив совместно еще один миллион рублей. Спустя несколько лет они продали это имущество и купили очередную квартиру, дополнительно доплатив совместно незначительную сумму. В отношении последней квартиры впоследствии супругом были заявлены исковые требования о признании за ним права на 4/5 доли в праве собственности на квартиру, о признании 1/5 доли совместно нажитым имуществом и о разделе совместно нажитого имущества. Ответчик (бывшая супруга), в свою очередь, предъявил встречное исковое требование о признании права на 1/2 долю в праве собственности на вышеуказанную квартиру, обосновывая свою позицию тем, что спорная квартира была приобретена в период брака, а значит, является совместно нажитым имуществом. Суд первой инстанции отказал в удовлетворении исковых требований и удовлетворил встречные исковые требования. Суд апелляционной инстанций оставил решение суда первой инстанции без изменения.

Позиции судов, рассматривающих аналогичные дела, в вопросе о режиме спорного имущества противоположны и идентичны описанным ранее позициям сторон. Нет единого ответа на этот вопрос и в научной литературе. При решении этого задания студентам рекомендуется использовать разные способы толкования п. 2 ст. 34 СК РФ. Также предлагается изучить точки зрения учёных, анализирующих теорию трансформации личной собственности в общую собственность и теорию доли в праве общей совместной собственности [4, с. 119], [3, с. 27].

Для закрепления теоретических знаний по дисциплине «Гражданское право» целесообразно сочетание методов проведения практических занятий. К числу словесных методов можно отнести беседы по значимым теоретическим вопросам, анализ актов высших судебных инстанций о толковании норм гражданского и гражданского процессуального права, отдельные доклады (рефераты, презентации) по темам, выбранным студентом или предложенным преподавателем, устное освещение студентом результатов работы с дополнительной литературой, нормативными правовыми актами или материалами судебной практике по интересующему вопросу. В числе письменных методов – опросы на предмет выявления ключевых знаний по дисциплине, письменное изложение выявленных студентом проблемных вопросов теории и правоприменительной практики в реферате, научной статье, презентации и т.п., тестирование в ЭОС. Особое внимание необходимо уделять работе студентов с проектами документов, раздаточными материалами. Например, можно поручить: проведение анализа условий гражданско-правовых договоров и других юридических документов, в содержание которых изначально включены положения, противоречащие действующему гражданскому законодательству; подготовку проекта документа с использованием конструктора правовых документов СПС «Гарант» или «Консультант-Плюс» или самостоятельными усилиями.

Выбор и сочетание методов проведения занятия – дело творческое, зависящее от профессионализма преподавателя высшей школы. Методы обучения невозможно разделить, универсализировать или рассматривать изолированно. Кроме того, один и тот же метод обучения может оказаться эффективным или неэффективным в зависимости от условий его применения.

При проверке выполненных студентами устных и письменных заданий необходимо обращать внимание на качество ответов. Положительно оценить ответ можно лишь в том случае, если выводы аргументированы правильными ссылками на статьи нормативных правовых актов, а также акты официального толкования (при их наличии), документ подготовлен в соответствии с требованиями действующего законодательства. После устных выступлений студента опрашиваются все студенты, выразившие желание дополнить ранее озвученный ответ или обосновать иное решение. Для вовлечения большего числа студентов в обсуждение ситуации преподаватель может по собственной инициативе спросить мнение студентов из числа «пассивных». Далее необходимо в доброжелательной обстановке подвести итоги, объяснить допущенные ошибки и выяснить, понятно ли студентам итоговое решение задания, задачи либо обсужденные теоретические вопросы. В конце практического занятия целесообразно кратко подвести итоги, оценить работу группы (отметить активных студентов, выразить пожелания услышать на следующем занятии остальных студентов), сообщить домашнее задание и рекомендации по его выполнению.

Пристатейный библиографический список

1. Ивашкин Е. Г., Жукова Л. П. Организация аудиторной работы в образовательных организациях высшего образования: учеб. пособие; Нижегород. гос. техн. ун-т им. Р. Е. Алексеева. – Нижний Новгород, 2014. – С. 41.
2. Колотов А. Ф., Скуратов И. В. Методика преподавания права: учебное пособие для студентов магистратуры, обучающихся по направлению 030900 «Юриспруденция». – Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2014. – 288 с.
3. Корнилова Н. В. К вопросу о понятии и правовой природе доли в праве общей собственности // Гражданское право и гражданское судопроизводство: актуальные вопросы теории и практики: материалы VIII Всероссийской научно-практической конференции. Отв. за выпуск Н. В. Корнилова, И. В. Орлова. – Хабаровск: РИЦ ХГУЭП, 2023. – С. 27-31.
4. Орлова И. В. Некоторые вопросы определения режима имущества в спорах супругов о разделе совместно нажитого имущества // Материалы Всероссийской конференции со студенческим участием «Совершенствование механизма защиты гражданских прав». – М.: ООО «Эдитус», 2024. – С. 119-122.

ТЕРЕШКИН Никита Данилович
старший преподаватель кафедры физической подготовки, Нижегородская академия МВД России, майор полиции

БУДАКОВ Амил Намигович
преподаватель кафедры физической, огневой и тактико-специальной подготовки, Самарский юридический институт ФСИН России, старший лейтенант внутренней службы

ШКАПОВ Павел Юрьевич
доцент кафедры физической подготовки, Нижегородская академия МВД России

ПЕРИОДИЗАЦИЯ СПОРТИВНЫХ ТРЕНИРОВОК КУРСАНТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЙ И МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИИ

В статье рассматриваются вопросы применения принципов периодизации в планировании спортивных тренировок курсантов образовательных организаций, специфика которых обусловлена сочетанием учебной деятельности и физической подготовки. Грамотное использование принципов периодизации позволяет значительно повысить эффективность физической подготовки курсантов, сформировать необходимые профессиональные навыки и укрепить их здоровье, что является важным фактором успешного выполнения служебных задач в будущем.

Ключевые слова: спортивные тренировки, периодизация, физическая подготовка, тренировочное плато, долгосрочные вариации тренировок.

TERESHKIN Nikita Danilovich
senior lecturer of Physical training sub-faculty, Nizhny Novgorod Academy of the MIA of Russia, Major of Police

BUDAKOV Amil Namigovich
lecturer of Physical, fire and tactical special training sub-faculty, Samara Law Institute of the FPS of Russia, senior lieutenant of the internal service

SHKAPOV Pavel Yurjevich
associate professor of Physical training sub-faculty, Nizhny Novgorod Academy of the MIA of Russia

PERIODIZATION OF SPORTS EXERCISE FOR CADETS OF EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF THE FEDERAL PENITENTIARY SERVICE AND THE ORGANIZATION OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA

The article confers the application of the principles of periodization in the planning of sports training for cadets of didactic institutions, the specifics of which are determined by a combination of educational activities and corporal fitness. Correct use of the ideologies of periodization can suggestively improve the usefulness of cadets' physical activity, develop the required professional skills and toughen their health, which is an important factor in the successful presentation of official tasks in the coming.

Keywords: sports drill, periodization, corporal fitness, exercise plateau, long-term physical activity variations.

В современном спорте достижение высоких результатов требует не только таланта и упорства, но и грамотно спланированной, научно обоснованной системы подготовки. Долгосрочные программы спортивных тренировок играют ключевую роль в обеспечении прогрессивного развития спортсмена, позволяя оптимизировать тренировочный процесс на протяжении многих лет и вывести его на пик формы к ключевым соревнованиям.

Некоторые люди, выполняющие силовые тренировки, будь то любители фитнеса или профессиональные спортсмены, достигли в своих тренировках такого уровня, при котором мышечный размер, сила вовсе не увеличиваются. Такое явление именуется «тренировочным платом», которое может возникать даже при интенсивных тренировках, когда выстроена четкая система последовательных физических нагрузок с учетом индивидуальных особенностей спортсмена. Тренировочные плато, в большинстве случаев, возникают с тех пор, как спортсмены начали серьезно тренироваться, при этом прекращается рост тех или иных физических параметров (сила, выносливость, скорость, гибкость) из-за мышечной адаптации к нагрузке. Также, как спортсмены начинают свой путь, используя серьезные тренировки, большие нагрузки, тренеры должны вносить в тренировочные программы спортсменов, в попытке добиться постоянного улучшения физической формы и избежать сбоев в тренировках, коррективы, с учетом психологических, а именно морально-волевых, физических особенностей спортсмена.

Анализируя систему подготовки курсантов ведомственных организаций Федеральной службы исполнения наказаний России (далее – ФСИН) и Министерства внутренних дел России (далее – МВД), помимо предусмотренных учебным планом занятий по физической подготовке, прикладной физической подготовке, существуют и дополнительные секции по различным видам спорта. Для того, чтобы курсанты ведомственных организаций имели четкую систему подготовки, которую должен составлять преподаватель-тренер, необходимо составлять индивидуальные программы тренировок с учетом:

1) индивидуальных особенностей курсанта;

2) степени нагрузки курсантов (повышенные физические нагрузки, несение службы круглосуточно при заступлении в наряд);

3) факторов риска, связанных со службой во ФСИН и МВД [1, с. 201].

Четкая система подготовки и ее анализ будет помогать при том, какие изменения следует вносить в тренировочные программы и когда их следует осуществлять. Внесенные изменения будут приводить к разработке планируемых долгосрочных программ тренировок. Долгосрочное планирование спортивных тренировок представляет собой процесс разработки и реализации многолетней программы, направленной на достижение заданных спортивных результатов. Оно включает в себя определение целей и задач на каждом этапе подготовки, выбор эффективных тренировочных средств

и методов, а также контроль и коррекцию тренировочного процесса.

Однако, существует множество факторов, которые необходимо учитывать при составлении данных планов с курсантами ведомственных образовательных организаций ФСИН и МВД:

1) оптимизация тренировочного процесса (предотвращает «хаос» в подготовке курсантов благодаря планированию и составлению расписания тренировочных занятий с учетом нагрузок, обусловленных службой во ФСИН и МВД);

2) предотвращение перетренированности и травматизма (грамотное планирование нагрузки и отдыха позволяет избежать перегрузок и, как следствие, снизить риск получения травм, после которых возможно длительное восстановление. Как правило, длительные восстановления влекут за собой потерю всей эффективности тренировочного процесса, наработанной ранее);

3) повышение спортивных результатов (обеспечивает достижение максимальных результатов за счет оптимального развития физических качеств и технико-тактической подготовки курсанта).

Терминами, которыми можно описать планируемые долгосрочные вариации тренировок, являются: цикличность, постоянное изменение программы и периодизация. Периодизация – наиболее популярный термин для обозначения планируемых вариаций тренировок. Периодизация включает в себя два вида: линейная и нелинейная (волновая). Линейная периодизация подходит для спортсменов среднего уровня или для спортсменов-любителей – для курсантов, которые занимаются спортом в рамках подготовки высшего учебного заведения, а не в рамках профессионального спорта. Нелинейная периодизация, или волновая, подразумевает собой чередование периодов высокой и низкой интенсивности и объема тренировок. Такая система подходит для курсантов, занимающимися спортом профессионально.

Таким образом, периодизация тренировок – это мощный инструмент для достижения максимальных результатов в спорте и фитнесе. Правильно спланированная программа тренировок позволяет оптимизировать адаптацию организма к физическим нагрузкам, избежать перетренированности и достичь пика формы к важным соревнованиям.

Следовательно, выбор объема упражнений, порядок их выполнения, количество повторений в подходе, количество самих подходов, продолжительность периодов отдыха между подходами и упражнениями, а также интенсивность упражнений – все это может варьироваться в зависимости от программы и позволит улучшать физические качества курсантов, избегая тренировочного плато. Кроме того, количество тренировок в день, скорость тренировок, количество тренировок в неделю и планируемая краткосрочность (например, 1-2 недели), перерывы на отдых или периоды тренировок низкой интенсивности или небольшого объема – все это также может быть включено в периодизированную программу тренировок.

Помимо постоянного увеличения мышечной массы в долгосрочной перспективе благодаря вышеописанным программам долгосрочных тренировок, а также увеличения силы, есть и другие причины для использования периодической программы силовых тренировок для курсантов ФСИН и МВД. Планируемые вариации в обучении для многих курсантов также помогут сохранить интерес к программе обучения с психологической точки зрения. Если обучаемый просто посещает тренировки и не пытается выполнять их с необходимой интенсивностью и объемом из-за скуки, рост физической формы будет замедляться. Еще одна причина использовать периодическую программу тренировок – это предотвращение травм при чрезмерных нагрузках. Выполнение одних и тех же упражнений с одинаковой интенсивностью и объемом в течение длительного времени может в конечном итоге привести к травмам от переутомления [2, с. 73].

Периодизация тренировок имеет свои циклы. К таковым относятся:

1) макроцикл (самый большой цикл, обычно охватывает год или несколько лет, он включает в себя подготовительный, соревновательный и переходный периоды);

2) мезоцикл (средний цикл, обычно длится несколько недель или месяцев, он фокусируется на развитии конкретных физических качеств (например, сила, гипертрофия, выносливость));

3) микроцикл (самый короткий цикл, обычно длится неделю, он включает в себя конкретные тренировки и дни отдыха).

Тренировочные планы курсантов ФСИН и МВД могут предусматривать собой два совершенно разных типа тренировочных дней. Мы предлагаем следующую концепцию: различные тренировочные дни будут называться днями гипертрофии и днями функциональной силы. В дни функциональной силы будут выполняться комплексные упражнения (силовые приседания), которые предусматривают меньшее количество повторений (4-6 повторений в подходе), в то время как в дни гипертрофии будет выполняться большее количество упражнений, и, как правило, делает упор на один сустав (сгибания рук, сгибания колен) с использованием большего количества повторений (8-12 повторений в подходе). Кроме того, при использовании большего количества мезоциклов в макроцикле позволяет достигать лучших результатов.

Тренировочные планы не должны выполняться одинаково в разные периоды, именно поэтому объем и интенсивность тренировок должны последовательно увеличиваться или уменьшаться с течением времени. Например, в течение одной недели во время выполнения тренировочного плана упражнения могут выполняться в последовательности от 4 до 6, от 12 до 15 и от 8 до 10 повторений в подходе. В течение следующей недели тренировок последовательность упражнений может составлять от 8 до 10, от 4 до 6 и от 12 до 15 повторений в подходе. Особенно при использовании нелинейной (волновой) периодизации при длительных периодах нагрузок тренировки с одинаковой интенсивностью и объемом не выполняются.

Еще одним преимуществом нелинейной модели является простота корректировки и выполнения самого тренировочного плана. После того, как были выбраны тренировочные упражнения, соответствующие целям программы обучения курсантов ведомственных образовательных организаций ФСИН и МВД, они просто чередуются от занятия к занятию. Итак, следуя такому плану, можно заметить следующее явление: если в течение одной недели из-за соревнований можно выполнить только две силовые тренировки, то на первой тренировке следующей недели может быть использован такой раздел тренировочного плана, который не использовался в течение заданного периода времени. Существуют и другие возможные способы принятия решения о том, какие тренировочные упражнения использовать, например, если после соревнований в выходные дни сохраняется усталость, которая сводит к минимуму возможность развить максимальную силу.

Пристатейный библиографический список

1. Пузыревский Р. В. [и др.]. Физическая подготовка как основная составляющая физической культуры сотрудников уголовно-исполнительной системы: учебное пособие для вузов / Под редакцией Р. В. Пузыревского. – 2-е изд., испр. – Москва: Издательство Юрайт, 2022. – 276 с.
2. Воронин С. М. [и др.]. Профессионально-прикладная физическая подготовка: учебник для вузов / Под редакцией Н. А. Воронова. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2025. – 140 с.

МУРЗАГАЛИЕВ Рамазан Тлигенович
аспирант кафедры теории права и публично правовых дисциплин, Самарский государственный экономический университет

НАЛОГОВЫЕ ПРАВОНАРУШЕНИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ ИХ РАСКРЫВАЕМОСТИ

Налоговое правоприменение служит средством обеспечения справедливого распределения финансовых ресурсов государства. Цифровая трансформация в практиках физических и юридических лиц является неотъемлемой частью современного этапа развития общества. Хотя цифровизация имеет свои преимущества, она сопряжена с последствиями, и одной из основных проблем являются налоговые правонарушения, в частности уклонение от уплаты налогов. Таким образом, цифровизация создает возможности для налоговых правонарушений, а также одновременно повышает надежность систем налогового контроля и способствует раскрываемости налоговых правонарушений, которая использует цифровые технологии для отслеживания транзакций и анализа активности физических и юридических лиц.

Ключевые слова: налоги, налоговые правонарушения, уплата налогов, цифровизация, раскрываемость.

MURZAGALIEV Ramazan Tligenovich
postgraduate student of Theory of law and public law disciplines sub-faculty, Samara State University of Economics

TAX OFFENSES AND MODERN ASPECTS OF THEIR DISCLOSURE

Tax law enforcement serves as a means of ensuring a fair distribution of the state's financial resources. Digital transformation in the practices of individuals and legal entities is an integral part of the current stage of society's development. Although digitalization has its advantages, it comes with consequences, and one of the main problems is tax violations, in particular tax evasion. Thus, digitalization creates opportunities for tax offenses, and at the same time increases the reliability of tax control systems and promotes the disclosure of tax offenses, which uses digital technologies to track transactions and analyze the activity of individuals and legal entities.

Keywords: taxes, tax violations, payment of taxes, digitalization, disclosure.

Введение

Правоприменение в налоговом секторе играет решающую роль в обеспечении благосостояния граждан путем оптимизации бюджетных возможностей, получаемых за счет налогов [1, с. 22]. Целью этого процесса является не только пресечение нарушений налогового законодательства, но и повышение осведомленности налогоплательщиков, и соблюдение ими своих обязательств, в соответствии с законодательством России. Таким образом, налоговое правоприменение служит средством обеспечения справедливого распределения финансовых ресурсов государства [2, с. 8]. Соблюдение налогового законодательства отражает социальную ответственность граждан и компаний за поддержку государственного финансирования и национального развития.

Цифровизация бизнеса, помимо повышения операционной эффективности также увеличивает риски, связанные с применением методов, с помощью которых физические и юридические лица могут совершать налоговые правонарушения [3, с. 38]. Кроме того, все большее распространение получают достаточно сложные финансовые транзакции, переведенные в цифровую форму. Таким образом, увеличение объема сложных финансовых операций и их оцифровка требуют изменения процедур, проводимых для повышения эффективности налогового контроля.

Целью данной статьи является анализ налоговых правонарушений и современных аспектов, способствующих их раскрываемости.

Анализ налоговых правонарушений

Анализ особенностей составов налоговых правонарушений, позволил выделить две разновидности объектов преступных посягательств в сфере налогообложения.

1. Налоговые правонарушения в сфере установления, введения, исчисления, взимания и уплаты налогов и сборов:

– уклонение от уплаты налогов;

– воспрепятствование установлению правильного размера налоговых платежей;

– нарушение обязанностей по удержанию и перечислению налоговых платежей.

2. Налоговые правонарушения в сфере налогового администрирования:

– неисполнение обязанностей работниками налоговой администрации;

– воспрепятствование законной деятельности органов и должностных лиц налоговой администрации;

– препятствование проведению следствия по делу о налоговом правонарушении.

Сравнительная характеристика налоговых правонарушений приведена в таблице 1.

Существование феномена налоговых правонарушений и наличие неоптимальных правил борьбы с уклонением от уплаты налогов указывает на необходимость поощрения налогоплательщиков к увеличению прозрачности, в том числе за счет раскрытия информации об используемых схемах налогового планирования. Такое раскрытие информации может вызвать споры, и его нелегко реализовать, поскольку вопросы налогообложения являются

Таблица 1. Сравнительная характеристика налоговых правонарушений*

Характеристика	Налоговые правонарушения
Законодательноерегулирование	НК РФ, КоАП РФ
Определение	Противоправное деяние налогоплательщика и иных лиц
Субъект нарушения	Юридические и физические лица
Форма нарушения	Умысел, неосторожность
Виды нарушений	Уклонение от уплаты налогов и сборов
Ответственность	Административная
Судебное рассмотрение	Арбитражный суд

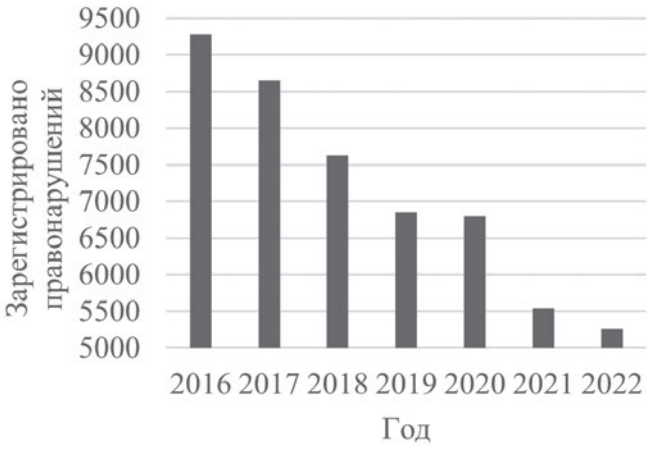

Рисунок 1. Динамика зарегистрированных налоговых правонарушений

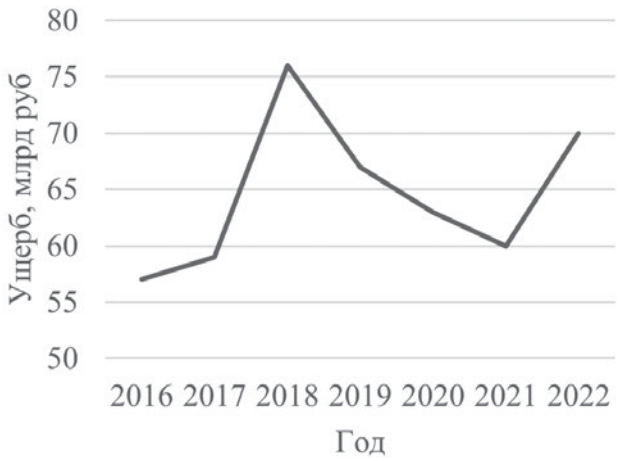

Рисунок 2. Динамика ущерба от налоговых правонарушений

чувствительными для физических и юридических лиц [4, с. 850]. Прозрачность раскрытия информации является одной из альтернатив, которые могут быть использованы для решения проблемы уклонения от уплаты налогов и иных налоговых правонарушений. Динамика зарегистрированных налоговых правонарушений и ущерба от них приведена на рисунках 1 и 2.

Для бизнеса уклонение от уплаты налогов негативно сказывается на репутации компаний и влечет за собой судебные издержки и ограничения. Предприятиям, имеющим признаки налоговых правонарушений, приходится сталкиваться с многочисленными последствиями, включая административные штрафы и уголовное преследование.

Цифровая трансформация в практиках физических и юридических лиц является неотъемлемой частью современного этапа развития общества. Хотя цифровизация имеет свои преимущества, она сопряжена с последствиями, и одной из основных проблем являются налоговые правонарушения. Юридические лица могут уклоняться от уплаты налогов с помощью стратегий неплатежей и неполной оплаты, в случае недостаточности средств для оплаты налогов в соответствующий налоговый орган [5, с. 125]. Цифровизация бизнеса расширяет возможности, с помощью которых юридические лица могут уклоняться от уплаты налогов, поскольку это расширяет возможности для анонимизации транзакций и сокрытия фактов принадлежности средств тому или иному лицу. Кроме того, это предоставляет возможности для создания сложной финансовой структуры, в которой фирмы переводят прибыль или ценные активы на оффшорные или анонимные счета [6, с. 269].

Кроме того, как правило, лица, уклоняющиеся от уплаты налогов, имеют более широкий доступ к сложным инструментам, использующим большие данные, машинное обучение и прогнозную аналитику, которые служат для защиты активов или осуществления операций по транзакциям, что может помочь избежать финансового отслеживания со стороны налоговых органов.

Таким образом, проблема уклонения от уплаты налогов обостряется по мере того, как потенциальные правонарушители получают больше инструментов, навыков и механизмов для действий в финансовой среде. Налоговые правонарушения и цифровизация бизнеса взаимосвязаны, поскольку последняя предоставляет больше механизмов либо для уклонения от уплаты налогов, либо для управления и отслеживания транзакций и действий, связанных с налогообложением.

Современные аспекты раскрываемости налоговых правонарушений

Влияние цифровизации на уклонение от уплаты налогов является актуальной темой в научной литературе. В работе Alm J. [7, с. 330] показано, что технологические изменения

* Налоговый кодекс Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.consultant.ru/document/cons/ (дата обращения: 08.03.2025).

увеличили поток информации, поступающей к налоговым органам, следовательно, это способствует снижению числа налоговых правонарушений и повышению их раскрываемости. Но некоторые физические и юридические лица могут найти новые способы уклоняться от уплаты налогов или совершать иные налоговые правонарушения с развитием технологий. Компании, обладающие высококачественными информационными технологиями, могут снижать налогообложение при одновременном снижении налоговых рисков по сравнению с другими компаниями. В работе [8, с. 3] показано, что цифровизация сокращает случаи налогового мошенничества в трансграничной торговле за счет улучшения сбора и обработки информации налоговыми органами.

С другой стороны, цифровизация может открыть новые возможности для налоговых правонарушений физическим и юридическим лицам, помогая им скрывать конфиденциальную информацию. Так, в работе [9, с. 850] показано влияние цифровизации государственных услуг на уклонение от уплаты налогов и выявлено, что число данных налоговых правонарушений сокращается с ростом цифровизации государственных услуг, но только до определенного уровня. За пределами указанного уровня продолжает увеличиваться число случаев налоговых правонарушений.

С развитием технологий стали использоваться новые методы выявления налоговых правонарушений, такие как методы интеллектуального анализа данных, нейронные сети, анализ социальных сетей. В работе [6, с. 270] показано, что внедрение цифровых технологий более эффективно в борьбе с уклонением от уплаты налогов в странах с низким уровнем коррупции, по сравнению со странами с высоким уровнем коррупции.

Использование интегрированных программных решений и инструментов для сбора и анализа данных из различных источников поможет контролирующим органам повысить эффективность налогового контроля и надзора.

Внедрение системы управления и планирования ресурсов (ERP) и системы управления отношениями с клиентами (CRM) может значительно повысить качество работы налоговых органов и уменьшить число налоговых правонарушений. ERP-системы обеспечивают всестороннее представление обо всех финансовых транзакциях и процессах, что облегчает выявление несоответствий и признаков налоговых правонарушений. CRM-системы способствуют прозрачности за счет сбора подробных данных о взаимодействии с организациями государственного сектора [8, с. 5].

Заключение

Таким образом, развитие современных технологий создает дополнительные возможности для налоговых правонарушений, при этом повышая надежность систем налогового контроля, а также способствует раскрываемости налоговых правонарушений. Также необходимо устранение неопределенностей в вопросах налогообложения предприятий электронной коммерции, несоответствий и противоречий между нормами налогового законодательства. Расширение автоматического обмена налоговой информацией по международным группам компаний, позволит выявлять налоговые правонарушения и тем самым повысит их раскрываемость.

Пристатейный библиографический список

1. Гулькова Е. Л., Пшеничнова Е. А. Трансформация регулирования ответственности за налоговые правонарушения в Российской Федерации // Вестник университета. - 2019. - № 8. - С. 20-24.
2. Онопюк Е. Ю. Развитие экономики региона как бизнес-экосистемы // Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение. - 2022. - № 1. - С. 6-11.
3. Ефремова Т. А. Совершенствование работы налоговых органов с налогоплательщиками в контексте модели сервисно-ориентированного налогового администрирования // Налоги. - 2017. - № 3. - С. 36-40.
4. Chandra T. L., Sari D. P. The Effect of Managerial Ownership, Institutional Ownership and Debt Levels on Tax Disclosure // Journal Eduvest. - 2024. - № 4. - P. 848-857.
5. Аникаева Т. В. Правовая природа ответственности за совершение налоговых правонарушений // Сборник материалов XVI международной научно-практической конференции «Юриспруденция, история, социология, политология и философия». - 2018. - С. 123-127.
6. Иксанов Р. А., Гараев А. Г., Янгазина А. Э. Налоговые преступления: понятие и механизм привлечения к юридической ответственности // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. - 2018. - № 4. - С. 267-270.
7. Alm J. Tax evasion, technology, and inequality // Economics of Governance. - 2021. − № 4. - P. 321-343.
8. Kitsios E., Jalles J. T. Tax evasion from cross-border fraud: Does digitalization make a difference? // Applied Economics Letters. - 2022. - № 4. - P. 1-7.
9. Мусаева Х. М., Сиражудинова С. И., Керимова З. А. Добровольность уплаты налоговых платежей как показатель эффективности деятельности налоговых органов Российской Федерации // Налоги и налогообложение. - 2016. - № 11. - С. 847-856.

СИМОНЕНКО Алексей Юрьевич
аспирант, Российский университет адвокатуры и нотариата имени Г. Б. Мирзоева; старший партнёр Московской коллегии адвокатов «Арбат»

Симоненко А. Ю.

ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УНИТАРНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ

Автор рассматривает деятельность унитарных предприятий с точки зрения их социальной направленности и влияния на экономику государства, комментирует реформу, направленную на уменьшение количества унитарных предприятий на конкурентных рынках, а также исследует систему оценивания эффективности деятельности таких организаций. Работа направлена на установление ключевых аспектов функционирования унитарных предприятий, их вклад в экономику и влияние на общество. Автор приходит к выводу о том, что в Российской Федерации реализован неподходящий финансовый метод оценивания деятельности унитарных предприятий. В правовой системе присутствуют актуальные проблемы управления такими субъектами экономической деятельности, однако их реформирование и отказ от полной ликвидации должны носить положительный результат.

Ключевые слова: государственные унитарные предприятия, муниципальные унитарные предприятия, недостатки унитарных предприятий, оценка деятельности унитарных предприятий.

SIMONENKO Alexey Yurjevich
postgraduate student, G. B. Mirzoev Russian university of advocacy and notary; senior partner of the Moscow Bar Association «Arbat»

LEGAL ASSESSMENT OF THE ACTIVITIES OF UNITARY ENTERPRISES

The author examines the activities of unitary enterprises from the point of view of their social orientation and impact on the state economy, comments on the reform aimed at reducing the number of unitary enterprises in competitive markets, and also examines the assessment system which is used for evaluation of the effectiveness of such organizations. This work is aimed at identifying key aspects of the functioning of unitary enterprises, their contribution to the economy and their impact on society. The author comes to the conclusion that in the Russian Federation there has been implemented an unsuitable financial method for evaluating the activities of unitary enterprises. There are actual problems in the legal system which relate to managing such economic entities, however, their reform and refusal to completely eliminate them should have a positive result.

Keywords: state unitary enterprises, municipal unitary enterprises, disadvantages of unitary enterprises, assessment of the activities of unitary enterprises.

Введение

Деятельность организаций с государственным участием, охватывающая широкий спектр субъектов, от крупных государственных компаний и государственных корпораций до хозяйственных обществ с преобладающей государственной долей и унитарных предприятий различного масштаба, представляет собой стратегически значимое и многогранное направление развития российской экономики. Их роль выходит далеко за рамки простого обеспечения государственных нужд и охватывает ключевые отрасли, такие как энергетика, транспортная отрасль, оборонная промышленность, инфраструктурное обеспечение, а также инновационные и высокотехнологичные секторы. Эти организации являются не только крупными работодателями, обеспечивающими занятость населения в различных регионах страны, но и мощными инвесторами, стимулирующими экономический рост, внедряющими передовые технологии и способствующими модернизации производственных процессов. Более того, их деятельность оказывает существенное влияние на формирование социальной политики, обеспечение энергетической безопасности, укрепление обороноспособности государства.

Финансирование ГУПов и МУПов, особенно в социально значимых отраслях, во многом зависит от бюджетных средств, которые могут принимать форму прямых субсидий на покрытие убытков или компенсацию разницы между экономически обоснованными и регулируемыми тарифами, целевых бюджетных инвестиций в модернизацию инфраструктуры и приобретение основных средств, а также финансирования через участие в государственных и муниципальных закупках. Такая поддержка необходима для обеспечения устойчивого функционирования предприятий, оказывающих важные услуги населению и выполняющих задачи, которые не всегда экономически выгодны, но важны для государства и общества.

Учитывая значительную роль бюджетного финансирования в деятельности ГУПов и МУПов, а также их важную социальную функцию, возникает необходимость в строгом контроле за результативностью их работы и эффективностью использования выделяемых средств.

Недостатки унитарных предприятий

Стоит отметить, что извлечение прибыли не является целью деятельности унитарного предприятия. Данный факт выступает ключевой проблемой таких субъектов. Их недостаточная конкурентоспособность ставит под сомнение эффективность по сравнению с более гибкими конкурентными организационными формами. Это объясняется, в частности, организационной структурой, не адаптированной к современным рыночным условиям. Гибкость, необходимая для оперативного реагирования на динамичные изменения рын-

ка, недоступна унитарным предприятиям, поскольку любые структурные корректировки, будь то штатная численность или перераспределение обязанностей, требуют согласования с учредителем, что существенно замедляет процесс внедрения необходимых изменений, особенно учитывая традиционный иерархический характер управления, характерный для большинства государственных унитарных предприятий. Также эффективность менеджмента данных организаций традиционно ниже управленческих показателей в частном секторе, поскольку достаток большинства управленцев унитарных организаций не зависит от показателей эффективности организации и закрепляется в твердой форме. Справедливым предложением в этой сфере выступает переход к отношениям, напоминающим партнерство управленца с унитарным предприятием и собственником имущества. Модель, в которой «мотив долженствования следует заменить на мотив сотрудничества» [1], в свете реформы по ликвидации унитарных предприятий, представляется актуальной.

Постоянный контроль со стороны учредителей также негативно сказывается на продуктивности государственных унитарных предприятий. В случае с унитарными предприятиями регулярный анализ соответствия деятельности организации нормативной базе, проверка корректности учёта операций с государственной собственностью, а также контроль за полнотой и своевременностью отчислений оказывают существенное влияние на производственные процессы.

Также бремя обязательных отчислений части прибыли в региональный бюджет, которое закреплено в части 2 статьи 17 Федерального закона от 14.11.2002 № 161-ФЗ «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях»[1] (далее – Закон об унитарных предприятиях) является еще одним фактором, сдерживающим эффективное развитие государственных унитарных предприятий. Ограниченные возможности для инвестиций в развитие, обусловленные необходимостью отчислять часть прибыли в бюджет, серьёзно снижают конкурентоспособность унитарных предприятий.

И, наконец, низкая эффективность государственных унитарных предприятий обусловлена тем, что их приоритетом является не максимизация прибыли за счёт оптимизации хозяйственной деятельности, а удовлетворение общественных и государственных потребностей. Отсутствие серьёзного экономического риска ослабляет мотивацию к внедрению инновационных управленческих и производственных решений, поскольку финансовый результат не является определяющим фактором успеха.

В связи с высказанными проблемами, юридическое сообщество делится на два лагеря. Одни считают, что унитарные предприятия несвойственны рыночной экономике и являются «наследием» советской системы экономического построения государства. По мнению данной группы правоведов, большая часть унитарных учреждений должна быть ликвидирована для восстановления честной и справедливой конкуренции на рынках. В сферах, где полный отказ от их деятельности невозможен, унитарные предприятия должны быть реорганизованы в обыкновенные хозяйствующие субъекты. Другие ученые высказывают противоположное мнение. Весьма емко на данный счет высказывается профессор Ялунина Е. Н.: «необходимо активизировать деятельность государственных унитарных предприятий с целью формирования конкурентоспособного имущественного комплекса для удовлетворения потребностей граждан в виде реализации значимых проектов» [2]. Действительно, существование унитарных предприятий необходимо для реализации социально значимых функций, выполнение которых частными участниками рынка невозможно из-за невыгодности и сложности этих сфер.

Оценка эффективности деятельности унитарных предприятий

Стоит заметить, что оценка эффективности деятельности унитарных предприятий с точки зрения прибыльности их деятельности является в корне неверной. Такое положение дел диктуется совершенно иными целями, которые ставятся перед организациями данного типа, по сравнению с классическими хозяйствующими субъектами, а также традиционно низкой доходностью тех сфер, в которых они задействованы. Иногда деятельность, которой занимаются унитарные предприятия, и вовсе убыточная и выполняется только за счет государственных трансфертов.

Учитывая вышесказанное, законодатель все же принял первую позицию, реализовав антимонопольную реформу, согласно которой к 1 января 2025 года большинство государственных и муниципальных унитарных предприятий, работающих на конкурентных рынках, подлежат ликвидации или реорганизации.

Говоря о правовом регулирование контроля за деятельностью ГУПов и МУПов, оно осуществляется на нескольких уровнях и включает в себя различные механизмы. Основным нормативным актом, определяющим статус унитарных предприятий, является уже упомянутый Федеральный закон «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» от 14.11.2002 № 161-ФЗ, который устанавливает общие принципы организации, управления, финансирования и контроля. К основным инструментам контроля, упоминающимся в доктрине, можно отнести: ведомственный контроль, финансовый контроль, аудиторские проверки, прокурорский надзор и общественный контроль.

С точки зрения формальных методов оценки деятельности унитарных предприятий, в статье 26 Закона об унитарных предприятиях установлено три основных вида контрольных механизмов: аудиторская проверка бухгалтерской отчетности; контроль органом, осуществляющим полномочия собственника, и другими уполномоченными органами; обязательное предоставление годовой бухгалтерской (финансовой) отчетности и иных документов, перечень которых определяется Правительством Российской Федерации, органами исполнительной власти субъекта Российской Федерации или органами местного самоуправления в уполномоченный орган государственной власти Российской Федерации, орган государственной власти субъекта Российской Федерации или орган местного самоуправления, соответственно.

В Постановлении Правительства РФ от 04.10.1999 № 1116[2] также закреплены некоторые контролирующие механизмы в отношении руководителей федеральных государственных

1 Федеральный закон от 14.11.2002 № 161-ФЗ (ред. от 22.04.2024) «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» // «Собрание законодательства РФ», 02.12.2002, № 48, ст. 4746.

2 Постановление Правительства РФ от 04.10.1999 № 1116 (ред. от 02.09.2024) «Об утверждении порядка отчетности руководителей федеральных государственных унитарных предприятий и представителей интересов Российской Федерации в органах управления акционерных обществ» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.11.2024) // «Собрание законодательства РФ», 18.10.1999, № 42, ст. 5034.

унитарных предприятий, среди которых можно выделить представление руководителем собственного отчета, порядка расчета размера вознаграждения руководителя предприятия, доклада о финансово-хозяйственной деятельности предприятия. Стоит отметить, что все отчетные материалы носят уклон на анализ финансовых достижений и экономической эффективности предприятий, что институционально противоречит природе вышеуказанных субъектов.

В Приказе Минэкономразвития России № 373/пр, Минстроя России № 428 от 07.07.2014[3], регулирующем рекомендуемые показатели эффективности управления в сфере жилищно-коммунального хозяйства, можно отметить более глубокий анализ эффективности проделанной работы организации. Для оценки качества управления предприятием необходимо в совокупности оценивать следующие показатели: выполнение плановых показателей надежности, качества и энергетической эффективности; наличие нецелевого использования бюджетных средств; соблюдение установленных сроков рассмотрения жалоб от заявителей на ненадлежащее качество услуг; оборачиваемость кредиторской задолженности предприятия; отсутствие аварийных ситуаций; соблюдение предприятием требований к раскрытию информации; наличие финансовой поддержки предприятия за счет средств субъекта Российской Федерации (органов местного самоуправления) на покрытие операционных расходов. Такой подход представляется более гибким и отвечает действительным задачам унитарным предприятий, как института хозяйственной деятельности.

Анализируя требования, изложенные в Распоряжении Минимущества РФ от 10.07.2000 № 183-Р[4], снова замечаем, что главным и, по сути, единственным, показателем, играющем важную роль является экономическая категория (Бухгалтерский баланс; Отчет о прибылях и убытках; Отчет о движении капитала; Отчет о движении денежных средств; Приложение к бухгалтерскому балансу; Сведения о затратах на производство и реализацию продукции (работ, услуг); Сведения о просроченной задолженности по заработной плате.

Последним анализируемым актом является Постановление Правительства РФ от 10.04.2002 № 228[5], в котором заметным отличием является уделение внимания социальному аспекту в процессе оценки качества функционирования унитарного предприятия. Учитываются такие показатели как совершенствование действующих систем социального обеспечения работников предприятия и членов их семей и внедрение новых систем; оптимизация затрат на содержание лечебно-оздоровительной, культурной и жилищно-коммунальной сферы.

Заключение

Несмотря на реформы, направленные на повышение эффективности экономики и сокращение государственного участия в ней, полное искоренение института унитарных предприятий представляется неоправданным. Ликвидация всех унитарных предприятий может привести к образованию «пробелов» в показателях предложения на тех рынках, где частные хозяйствующие субъекты не заинтересованы работать из-за низкой рентабельности. Зачастую такие сферы носят высокую социальную значимость.

Также при оценке эффективности деятельности унитарных предприятий некорректно изолированно оценивать экономические показатели, сравнивая их с субъектами предпринимательской деятельности на тех же рынках, поскольку вторые имеют совершенно иные цели. Необходимо учитывать особую роль и специфику унитарных субъектов, ключевым критерием должно стать не только достижение финансовых показателей, но и уровень социальной удовлетворённости оказываемыми услугами, выполнение возложенных на них функций и вклад в обеспечение устойчивого развития конкретной сферы и экономики страны в целом. Финансовый подход к оценке унитарных предприятий игнорирует их социальную миссию и может привести к складыванию ошибочного мнения о пользе ликвидации организаций данного типа.

Пристатейный библиографический список

1. Сунаева Г. Г., Калашников С. Д., Хисаева А. И. Пути совершенствования системы мотивации персонала муниципального унитарного предприятия // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия экономика. - 2021. - № 4. - С. 10.
2. Ялунина Е.Н. Оценка эффективности системы управления государственными унитарными предприятиями // Московский экономический журнал. - 2022. - № 2. - С. 581.

3 Приказ Минэкономразвития России № 373/пр, Минстроя России № 428 от 07.07.2014 «Об утверждении методических рекомендаций по установлению рекомендуемых показателей эффективности управления государственными и муниципальными предприятиями, осуществляющими деятельность в сфере жилищно-коммунального хозяйства, и рекомендуемых критериев оценки эффективности управления государственными и муниципальными предприятиями, осуществляющими деятельность в сфере жилищно-коммунального хозяйства».

4 Распоряжение Минимущества РФ от 10.07.2000 № 183-р «Об утверждении Методических рекомендаций по организации и проведению анализа эффективности деятельности федеральных государственных унитарных предприятий и открытых акционерных обществ, акции которых находятся в федеральной собственности».

5 Постановление Правительства РФ от 10.04.2002 № 228 (ред. от 15.08.2024) «О мерах по повышению эффективности использования федерального имущества, закрепленного в хозяйственном ведении федеральных государственных унитарных предприятий» // «Собрание законодательства РФ», 15.04.2002, № 15, ст. 1440.

DOI 10.46320/2073-4506-2025-4-203-497-499

СКВОРЦОВ Сергей Андреевич
аспирант, Самарский государственный экономический университет

ПРОБЛЕМЫ И ОГРАНИЧЕНИЯ СУЩЕСТВУЮЩИХ ПОДХОДОВ К ЦИФРОВОМУ ПРОСВЕЩЕНИЮ В РОССИИ

Настоящая статья направлена на анализ существующих подходов к цифровому просвещению в России, выявление их слабых сторон и ограничений, а также на формулирование предложений по совершенствованию системы цифрового просвещения с учётом правового и социального контекста. Отдельное внимание уделяется вопросам нормативной неопределенности, цифрового неравенства, формализма в реализации программ, а также необходимости системного регулирования на федеральном уровне. К числу ключевых цифровых технологий относятся информационно-телекоммуникационные сети, прежде всего сеть Интернет, активное использование которой сформировало особую среду существования, которую мы сегодня называем цифровое пространство. Но все мы осознаём потребность являться в этом пространстве субъектом состоятельным, именно в этот момент нам стоит встать на рельсы цифрового просвещения, дабы не оказаться позади общего процесса стремительного погружения в цифру. Следует учитывать, что цифровое пространство содержит как полезные формы информации, среди которых образовательная, научная или новостную, так и контент деструктивного характера, вред от которого довольно сложно измерить существующими практическими методами.

Ключевые слова: цифровое просвещение, цифровая грамотность, цифровое неравенство, цифровизация, право на образование, правовое регулирование, государственная политика.

SKVORTSOV Sergey Andreevich
postgraduate student, Samara State University of Economics

PROBLEMS AND LIMITATIONS OF EXISTING APPROACHES TO DIGITAL EDUCATION IN RUSSIA

This article aims to analyze existing approaches to digital education in Russia, identify their weaknesses and limitations, and formulate proposals for improving the digital education system, considering the legal and social context. Special attention is paid to the issues of regulatory uncertainty, digital inequality, formalism in the implementation of programs, and the need for systemic regulation at the federal level. Among the key digital technologies are information and telecommunication networks, especially the Internet, the active use of which has formed a special environment of existence, which we now call digital space. But we are all aware of the need to be a solid subject in this space, and it is at this point that we should embark on the path of digital enlightenment, so as not to be left behind in the general process of rapid digitalization. It should be taken into account that digital space contains both useful forms of information, such as educational, scientific or news content, and content of a destructive nature, the harm of which is rather difficult to measure with existing practical methods.

Keywords: digital education, digital literacy, digital inequality, digitalization, right to education, legal regulation, public policy.

Процесс цифровой трансформации российской экономики и социальной сферы во всех её пониманиях и проявлениях предполагает формирование устойчивого цифрового общества в качестве стержня самого процесса трансформации. Подобно трансформации веществ в разные агрегатные состояния в физике предполагающие определенные основополагающие факторы. Соответственно возникает необходимость в реализации одного весьма важного фактора этого процесса, так называемого цифрового просвещения. Некой системной деятельности по формированию у граждан как у субъектов правоотношений знаний и навыков, формирующих инструментарий, позволяющий в первую очередь безопасного и среди прочего эффективного взаимодействия в цифровой среде. Принимая во внимание значительные усилия государства, в том числе в рамках реализации национальных стратегий[1], процесс цифрового просвещения в Российской Федерации протекает не с той скорость которая отвечала бы скорости цифровой трансформации сталкиваясь при этом на своем пути с рядом проблем и ограничений социального и технического характера, что в свою очередь заметно затормаживает скорость и отражается на качестве реализации целей устойчивого цифрового развития граждан Российской Федерации.

Развитие цифровых технологий, обеспечивающих почти неограниченный доступ к информации, привело к трансформации культурного пространства. Мы стали свидетелями возникновения новая форма культуры — сетевой, отличающейся отсутствием территориальных границ, то есть являющаяся трансграничной, присущей ей высокой степенью анонимности и специфическими социальными практиками сетевых сообществ [7].

Таким образом, цифровая среда представляет собой совокупность технологических решений и систем, обрабатывающих информацию в цифровом формате, а также включающих соответствующие ресурсы, содержащие такую информацию. Сегодня цифровая среда носит глобальный характер, а Интернет является основным каналом хранения и распространения информации, образующим структуру Всемирной паутины[2].

С учетом этих факторов формируется общественный запрос на создание системы информационно-мировоззренческой безопасности в цифровой среде. При этом под мировоззрением, по определению Е. И. Галяшиной, понимается система взглядов человека на мир, его место в нем, а также

1 Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы» Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы» [КонсультантПлюс].

2 Всемирная паутина. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Всемирная_паутина (дата обращения: 19.05.2025).

на идеалы, жизненные установки, ценности и поведенческие ориентиры [2].

Нам следует начать понятия и правовой природы цифрового просвещения рассматривая его в качестве целенаправленного процесса формирования у правовых субъектов, то есть граждан цифровой грамотности и как следствие навыков работы с цифровыми технологиями, а также правовых и этических основ поведения в цифровой среде. Необходимо понимать, что в отличие от цифровой грамотности как конечного результата которого мы ставим перед собой в начале пути, цифровое просвещение является механизмом системным, предполагающим непосредственное участие образовательного сектора, государства и бизнеса.

И так, к вопросу о проблемах и ограничениях существующих подходов. В первую очередь стоит отметить недостаточную координацию и фрагментарность реализации цифрового просвещения в стране. Широкую территориальную составляющую, способствующую разной доступности населения к цифровым технологиям. Так же можно допустить некую несогласованность различных ведомств, таких как Минцифры, Минпросвещения или же Минобрнауки, что приводит к дублированию функций и отсутствию единого центра формирования и определения последовательности данного процесса, как следствие программы реализуются независимо друг от друга, что очевидно может снижать их эффективность.

Говоря о сложностях настоящей темы, стоит отметить мнение Липчанская М. А., которая в своей статье указывает серьезным препятствием на пути сформировавшихся прогрессивных процессов «проблему цифрового неравенства, которая уже свыше 20 лет находится в фокусе внимания исследователей и не теряет своей актуальности [3].»

Что касается истоков и первопричин данного неравенства, то его нам проще будет понять, взглянув на ситуацию через ступенчатую модель, где первым и фундаментальным является уровень цифрового неравенства связан с вопросом подключения граждан к всемирной сети Интернет и, а именно разности его качества и соответственно, неравном доступе к современным сервисам, электронным услугам и информационным ресурсам [8]. 22 апреля 2025 года Институт статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ представил аналитику цифровизации российского общества отчетным в которой является 2024 год. Доля домохозяйств, имеющих доступ к интернету за последние десять лет выросла на 20,5 процентных пунктов и достигла 90,4 %[3]. Но несмотря на этот результат мы все равно наблюдаем картину, в которой у 10 % домохозяйств вовсе отсутствует подключение к сети ввиду ряда причин в том числе и технических. Конечно, в данном случае в противовес можно поставить факт наличия практически у всех граждан портативных смарт устройств или мобильных телефонов с доступом в интернет, но, к слову, все по тем же данным всего три года назад мобильные телефоны отсутствовали у целых 1,4% домохозяйств[4].

Следующую ступень нашей модели правильно будет отнести к неравенству с культурным или социальным контекстом. Она отчетливо проявляется в выраженной неспособности отдельных социальных слоев общества оперировать современными цифровыми инструментами, скажем порталами и личными кабинетами государственных и коммерческих услуг, к примеру онлайн банкинг, имея при этом доступ к сети Интернет и являясь при этом довольно уверенном его пользователем но по большей части развлекательного направления [9].

Завершает по моему наблюдению нашу модель третий и самый интересный уровень, сутью которого является нежелание активных, опытных пользователей пользоваться цифровыми инфраструктурными продуктами. Руководствуясь недоверием, граждане данной категории всячески отвергают участие в общем установлении цифрового инструментария. Проблема вероятнее всего психологического характера, решением которого может стать лишь популяризация и возможно некоторого рода мотивация, в чем я соглашусь с Бондаренко С.В. в его научной работе [1].

Цифровое неравенство сегодня открывает завидные перспективы и отличную возможность злоумышленникам, которые, к сожалению, в виду высокой цифровой дееспособности сегодня на два шага впереди. Разработка качественных, сложных преступных схем и концепций не оставляет шансов гражданам, находящимся в группе риска по той или иной причине. Рвется всегда там, где тонко, а где тонко преступники в большинстве случаев знают наперед.

В подобных условиях перед правовой машиной стоит задача укрепить тонкие места, обеспечив тем самым безопасные условия для комфортного существования гражданского общества в современном динамичном государстве. Воспитать общество способное самостоятельно предупреждать угрозы, вызванные стремительным погружением в цифровую среду, сделать её понятной.

Начать на мой взгляд стоит с решения инженерно-технических проблем цифрового неравенства, в частности обеспечения более широкого и качественного физический доступ к цифровым ресурсам и сети Интернет. Разобраться не присутствует ли здесь принудительное ограничение поскольку правильно заметила Пибаева Е. А. «неравенство возникает в связи с ограничением (снижением гарантии обеспечения) доступа к цифровым технологиям» [5]. Представим, что с этим вопросом в какой-то степени разобрались. Далее изучив проблематику данного вопроса, стало понятно, что в основе лежат два коренных аспекта, первый географический, второй социальный. Географический подразумевает условия, в которых пользователь подвержен риску ввиду территориального расположения, он нам безусловно интересен, но не настолько на сколько социальный, поскольку именно тут скрывается настоящая проблема.

Вышеупомянутые проблемы связанные непосредственно с цифровым неравенством являются препятствием на пути реализации конституционных прав и свобод в современном гражданском обществе нашего государства. Тем более среди групп граждан, которые срочно необходимо нормативно регламентировать в законодательстве. К ним в первую очередь стоит отнести граждан с низкими доходами, престарелых граждан, а также малограмотных групп населения соответствующего географического расположения. Подобная классификация позволит выстроить последовательность действий и мероприятий для долгосрочной работы с данной проблемой в общем. К слову, совсем недавно мы столкнулись с условиями, которые показали нам беспрецедентную практику и дали возможность подробно изучить природу ограниченного доступа в цифровые ресурсы. Пандемия COVID-19 мгновенно выявила семьи с низким доходом, а также граждан обучающиеся и проживающих в местностях с низким уровнем развития инфраструктуры и неустойчивым сигналом Интернета [6].

Сегодня уже существует практика ранжирования так называемой «цифровой зрелости» но относится лишь к крупным объектам, относящимся к промышленному сектору, или носит региональный характер в территориальных значениях, если быть точным определено это следующей формулировкой «достижение к 2030 году «цифровой зрелости» государственного и муниципального управления, ключе-

3 Интернет-доступ Рынок России и СНГ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: tadviser.ru/index.php/Статья:Интернет-доступ_(рынок_Росии) (дата обращения: 19.05.2025).

4 Росстат: почти треть домохозяйств не имеет доступа к Интернету. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/4900915 (дата обращения: 16.05.2025).

вых отраслей экономики и социальной сферы, в том числе здравоохранения и образования». Собственно, и сам термин «цифровой зрелости» мы получили из Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»[5].

Следующим фактором правовой неопределенности следует взять размытое нормативное или законодательное закрепление понятия «цифровое просвещение», что в свою очередь влечёт за собой неопределенность в вопросах постановки конкретных целей, определении субъектов регулирования, и возложении обязанностей и ответственности в процессе реализации задач по систематизации и развитию цифровой грамотности граждан. Также остаётся неурегулированным правовой статус и критерии выявления граждан, на сегодняшний день не обладающих минимальными базовыми цифровыми навыками и граждан не имеющих подобных навыков вовсе. Без корректного определения данных категорий мы рискуем уже на начальном этапе пойти в неправильном направлении, что приведет в свою очередь к затратам и без того недостающих ресурсов.

Особого, правильно будет сказать пристального внимания в нашем случае требует так называемый - формализм. Из расчета того, что не только цифровая трансформация, и её интеграция в социальные взаимоотношения, но множество посторонних процессов, особенно касающихся государственного управления, часто реализуется формально. Проще говоря «нам нужна статистка», или достижение поставленных задач для минимизации последствий. Страдает при этом как правило ресурс, а он как мы все понимает за счет всё того же общества и качество, которое вовсе остается без внимания на фоне статистических форм и отчетов призванных ознаменовать победу в борьбе за результат.

Просвещение, как передача знаний является ключевым условием устойчивого развития любого общества, говорящего на любых языках, проживающего на любых континентах. Цифровая трансформация и современные технологии лишь мгновение в панораме истории термина просвещение. Именно поэтому научное сообщество сегодня обязано максимально качественно интегрировать столь молодую цифровизацию в уже закоренелый фундаментальней процесс просвещения. Ошибаться здесь неуместно хотя бы потому, что время скоротечно и второго шанса создать подобный синтез у нас попросту не будет.

Правильным будет сделать вывод о том, что все сферы социальных взаимоотношений, которые мы называем жизнью тесно между собой связанны. В связи с этим, процесс преодоления цифровое неравенства в первую очередь предусматривает проведение мероприятий по урегулированию социального и в последствии как итог цифрового разрыва во всех сферах каждого региона страны. Учитывая при этом финансовые, территориальные и психологические трудности, следует в первую очередь задуматься о повышении уровня партнерских взаимоотношений, участниками которых должны в первую очередь выступить федеральные, региональные и муниципальные органы власти, затем образовательные учреждения разных категорий и уже следом представители крупного бизнеса и инвесторы в сфере развития цифровой инфраструктуры на эффективно спланированных, упорядоченных и взаимовыгодных условиях. Подобного рода взаимоотношения вполне могут решить стоящие перед обществом задачи, и привести к успешному решению проблемы неравномерного развития цифровой инфраструктуры как на региональном уровне, так и среди городских и сельских поселений [4].

Результатом настоящего исследования хотелось бы утвердить необходимость создания государственной концепции, в которой потребность в разработке стратегии популяризации цифровой грамотности на разных уровнях социальных взаимодействий с одной стороны. Привлечении продуктивных высококачественных специалистов с точки зрения кадровой политики крупных компаний и органов государственного управления с другой стороны. Подобная концепция в перспективе позволит замкнуть в себе тонкие места общества, столь интересные злоумышленникам, а в последствии и вовсе выйти на предупредительный режим касательно угроз со стороны злоумышленников в цифровом пространстве.

Пристатейный библиографический список

1. Бондаренко С. В. «Электронный муниципалитет» как инструмент модернизации местного самоуправления в России и за рубежом // Кавказ: проблемы реинтеграции социокультурного пространства и вызовы региональной безопасности: Сборник материалов и докладов международной научной конференции / Отв. ред. Ю. Г. Волков. - Ростов-на-Дону: Изд-во «Социально-гуманитарные знания», 2012. - С. 323-327.
2. Галяшина Е. И. Концепция информационной (мировоззренческой) безопасности в интернет-медиа в аспекте речеведческих экспертиз // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). - 2020. - № 6 (70). - С. 33-43.
3. Липчанская М. А., Паламарчук С. А. Цифровое неравенство и цифровая трансформация в публичном управлении: эволюция понятия и критериев // Государственная власть и местное самоуправление. - 2025. - № 2. - С. 38-42. – DOI 10.18572/1813-1247-2025-2-38-42. – EDN VPYOKR.
4. Имашева И. Ю. Механизм стимулирования распространения широкополосного Интернета в России // Вестник Алтайской академии экономики и права. - 2022. - № 7-1. - С. 83.
5. Пибаева Е. А. Цифровое неравенство и его преодоление как гарантия равного доступа к образованию в Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. - 2024. - Т. 19, № 10 (167). - С. 32-44. – DOI 10.17803/1994-1471.2024.167.10.032-044. – EDN CGSCDU.
6. Ревинова С. Ю., Лазанюк И. В. Цифровое неравенство в России: последствия для образования // Бизнес. Образование. Экономика: сборник статей Международной научно-практической конференции, Минск, 7-8 апреля 2022 г. - Минск: Институт бизнеса Белорусского государственного университета, 2022. - С. 213.
7. Сафина А. М. Сетевая культура как продукт и условие развития сетевых сообществ // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. - 2017. - № 5. - С. 87-95.
8. Riggins F. J., Dewan S. The digital divide: Current and future research directions // Journal of Association for Information Systems. - 2005. - Vol. 6 (12). - P. 13. DOI: 10.17705/1jais.00074.
9. Scheerder A., Van Deursen A., Van Dijk J. Determinants of internet skills uses and outcomes. Asystematic review of the second-and third-level digital divide // Telematics and Informatics. - 2017. - Vol. 34 (8). - P. 1607 - 1624. DOI: 10.1016/j.tele.2017.07.007.

5 Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [КонсультантПлюс].

БОГАТЫРЕВА Ольга Васильевна
кандидат педагогических наук, доцент кафедры гуманитарных наук, Московский международный университет

ДЗЮБАН Валерий Валерьевич
доктор исторических наук, кандидат педагогических наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных дисциплин, Российская таможенная академия

ЗАКОПЫРИН Владимир Николаевич
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного и финансового права, Академия права и управления ФСИН России

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ

Актуальность исследования проблем совершенствования административно-правовой политики обусловлена нарастающей сложностью современного государственного управления, испытывающего беспрецедентное давление со стороны многочисленных вызовов. Глобализация, характеризующаяся усилением взаимозависимости национальных экономик и возрастанием транснационального потока информации и капитала, требует адекватного реагирования со стороны государственных институтов, что, в свою очередь, предъявляет повышенные требования к эффективности и адаптивности административно-правовой системы. Цифровизация, охватывающая все сферы общественной жизни, трансформирует не только механизмы государственного управления, но и сами принципы взаимодействия государства с гражданами и бизнесом, порождая новые юридические коллизии и требуя разработки специфических правовых норм, регулирующих цифровые отношения. В этих условиях эффективная административно-правовая политика, основанная на принципах законности, целесообразности, пропорциональности и учета интересов всех заинтересованных сторон, становится ключевым фактором успешного решения обозначенных вызовов, обеспечивая стабильное функционирование государства и социально-экономическое развитие страны.

Ключевые слова: глобализация, правотворчество, социальные вызовы, цифровизация.

BOGATYREVA Olga Vasiljevna
Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor of Humanities sciences sub-faculty, Moscow International University

DZYUBAN Valeriy Valerjevich
Ph.D. in historical sciences, Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor, professor of Humanities disciplines sub-faculty, Russian Customs Academy

ZAKOPYRIN Vladimir Nikolaevich
Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Administrative and financial law sub-faculty, Academy of Law and Management of the FPS of Russia

CURRENT TRENDS IN IMPROVING ADMINISTRATIVE AND LEGAL POLICY

The relevance of studying the problems of improving administrative and legal policy is due to the increasing complexity of modern public administration, which is under unprecedented pressure from numerous challenges. Globalization, characterized by the increasing interdependence of national economies and the increasing transnational flow of information and capital, requires an adequate response from government institutions, which, in turn, places increased demands on the efficiency and adaptability of the administrative and legal system. Digitalization, which covers all spheres of public life, transforms not only the mechanisms of public administration, but also the very principles of interaction between the state and citizens and business, generating new legal conflicts and requiring the development of specific legal norms governing digital relations. Under these conditions, an effective administrative and legal policy based on the principles of legality, expediency, proportionality and consideration of the interests of all stakeholders is becoming a key factor in successfully addressing these challenges, ensuring the stable functioning of the state and the socio-economic development of the country.

Keywords: globalization, law-making, social challenges, digitalization.

Цель настоящей статьи заключается в комплексном анализе проблемных точек существующей административно-правовой политики Российской Федерации с последующим разработкой предложений по её совершенствованию. Исследование направлено на выявление диссонансов между нормативными установлениями и практикой их применения, оценку эффективности действующих административно-правовых механизмов в контексте современных вызовов, а также идентификацию «узких мест» в законодательном регулировании, препятствующих достижению целей государственной политики. В качестве методологической основы исследования будут использованы комплекс научных методов, обеспечивающих всесторонний и объективный анализ поставленной проблематики.

Основой для построения эффективной системы административно-правового регулирования являются ключевые принципы, закрепленные в Конституции РФ (ст. 15, 18) и федеральных законах. К ним относятся:

1) законность, предполагающая строгое соответствие всех действий и решений органов публичной власти правовым нормам;

2) целесообразность, ориентированная на достижение общественно значимых целей;

3) эффективность, подразумевающая оптимальное соотношение затраченных ресурсов и полученных результатов;

4) гуманизм, обеспечивающий приоритет прав и свобод человека и гражданина;

5) принципы справедливости, равенства, объективности.

Однако на практике реализация этих принципов сталкивается с существенными трудностями. Законность часто нарушается ввиду несовершенства правовой базы, наличия коллизий и пробелов в законодательстве, а также из-за низкого уровня правовой культуры государственных служащих. Целесообразность решений подчас подменяется субъективными факторами, влиянием лоббистских групп и коррупционными составляющими.

В свою очередь, проблемы в сфере нормотворчества являются одним из ключевых факторов, препятствующих эффективной реализации административно-правовой политики. Анализ действующего законодательства выявляет ряд системных недостатков. Во-первых, наблюдается избыточность нормативных правовых актов, часто дублирующих друг друга и создающих путаницу в правоприменительной практике. Во-вторых, отмечается противоречивость нормативных актов разных уровней, что затрудняет их единообразное применение и порождает неопределенность в правовом регулировании. Федеральный закон от 27.12.2009 № 384-ФЗ «Технический регламент о безопасности пищевой продукции» – яркий пример многоуровнего регулирования, где многочисленные подзаконные акты часто противоречат друг другу. В-третьих, неясность и нечеткость формулировок правовых норм приводят к произвольному их толкованию и создают возможности для злоупотреблений. Недостаточная согласованность нормативных актов разных уровней, обусловленная отсутствием эффективных механизмов межведомственного взаимодействия, усугубляет ситуацию, что подтверждается многочисленными исследованиями, проведенными научными организациями в области административного права, которые указывают на низкий уровень качества законопроектной работы и недостаточную проработку последствий принятия новых нормативных актов [5, с. 77-83].

Проблемы взаимодействия различных государственных органов, обусловленные ведомственными интересами и отсутствием четкого распределения компетенции, препятствуют эффективному осуществлению государственных функций (например, взаимодействие Роспотребнадзора и Министерства здравоохранения при борьбе с эпидемиями). Недостаточная доступность государственных услуг для граждан, сложные процедуры получения услуг, высокие административные барьеры затрудняют реализацию конституционных прав граждан и ведут к росту социального напряжения. Коррупционные риски, связанные с возможностью злоупотребления служебным положением и получения взяток, подрывают доверие к государственным органам [4].

Несправедливость применения санкций часто связана с субъективностью должностных лиц, отсутствием объективной оценки обстоятельств дела и нарушением принципа соразмерности наказания. Неэффективность системы административных наказаний проявляется в неспособности предотвратить повторные правонарушения и обеспечить достижение целей административного воздействия. Отсутствие эффективных механизмов реабилитации правонарушителей усугубляет ситуацию. Зачастую административные штрафы являются недостаточно высокими для того, чтобы сдержать правонарушителей, особенно юридических лиц.

Исходя из вышесказанного, предлагается следующее:

1. Первостепенной задачей является совершенствование нормотворческой деятельности. Существующая практика разработки нормативных правовых актов страдает от недостаточной прозрачности и недостаточного учёта мнения заинтересованных сторон. Несмотря на наличие положений о проведении общественных обсуждений (ст. 1 Федерального закона от 22.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»), их эффективность часто снижается из-за формального подхода. Предлагается законодательно закрепить обязательность проведения экспертизы проектов нормативных правовых актов с участием независимых экспертов и представителей гражданского общества, с обязательным публичным оглашением результатов экспертизы. Кроме того, необходимо широко внедрять механизмы оценки регулирующего воздействия (ОРВ) на всех этапах нормотворческого процесса, обеспечив доступность методических рекомендаций и обучение государственных служащих методам ОРВ, что позволит минимизировать издержки и повысить эффективность принимаемых решений.

2. Повышение эффективности государственного контроля и надзора требует перехода от преимущественно репрессивных методов к превентивным. Необходимо совершенствовать систему риск-ориентированного контроля, фокусируясь на объектах с повышенным риском нарушений. Широкое внедрение современных информационных технологий, включая искусственный интеллект и большие данные, позволит автоматизировать процессы контроля и снизить затраты на его осуществление. Важно усилить ответственность должностных лиц за нарушения в сфере государственного контроля и надзора, предусмотрев более строгие меры дисциплинарной и уголовной ответственности за бездействие и преступное попустительство. Закон о государственной гражданской службе (Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ) должен быть дополнен четкими критериями оценки работы контролирующих органов, что позволит повысить их ответственность и эффективность. Кроме того, необходимо укрепить независимость контролирующих органов от исполнительной власти.

3. Развитие электронного правительства, предусмотренное национальной программой «Цифровая экономика», должно продолжаться и углубляться. Однако простое перемещение услуг в онлайн-формат не гарантирует повышения доступности. Необходимо упростить административные процедуры, минимизировать количество необходимых документов и сократить сроки оказания услуг. Здесь важно использовать современные методы обучения и мотивации государственных служащих.

4. Борьба с коррупцией должна опираться на комплекс мер, включающих как усиление ответственности за коррупционные правонарушения (ст. 290 УК РФ), так и повышение прозрачности деятельности государственных органов. Необходимо расширить применение институтов публичного контроля, усилить роль гражданского общества в обнаружении и пресечении коррупционных правонарушений. Внедрение механизмов финансового мониторинга и прозрачности госу-

дарственных закупок, прописанных в Федеральном законе от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для государственных и муниципальных нужд», должно быть более эффективным. Одновременно необходимо создавать систему защиты сообщающих о коррупции, чтобы обеспечить безопасность и законность действий лица, сообщающего о коррупционном правонарушении.

5. Совершенствование системы административных наказаний предполагает уточнение составов административных правонарушений и дифференциацию санкций в зависимости от тяжести правонарушения. КоАП РФ требует систематизации и упрощения норм, что позволит избежать двойного толкования и обеспечить равенство перед законом. Внедрение альтернативных видов наказаний (административные штрафы с учетом материального положения правонарушителя, а также общественные работы), может повысить эффективность системы и снизить нагрузку на суды. Важно обеспечить право на защиту и обжалование административных решений, что, как мы считаем, требует не только совершенствования самих норм КоАП РФ, но и повышения квалификации судей и должностных лиц, принимающих решения по делам об административных правонарушениях.

Таким образом, проведенный анализ административно-правовой политики выявил ряд существенных проблем. Несовершенство законодательной базы, отсутствие четких механизмов контроля и надзора за исполнением административных решений, а также недостаточная прозрачность и доступность информации для граждан – ключевые факторы, снижающие эффективность государственного управления и порождающие коррупционные риски. Предложенные рекомендации, включающие кодификацию административного законодательства, внедрение современных информационных технологий для оптимизации административных процедур, усиление институциональной прозрачности и ответственности государственных органов, а также развитие эффективных механизмов гражданского контроля и обжалования неправомерных действий должностных лиц, направлены на минимизацию выявленных недостатков. Эффективность предложенных рекомендаций зависит от комплексного подхода и синергического эффекта от одновременной реализации нескольких направлений.

Практическая значимость проведенного исследования проявляется в разработке конкретных рекомендаций для совершенствования административно-правовой политики, применимых на практике. Результаты исследования могут быть использованы государственными органами для совершенствования законодательства, разработки новых регуляторных актов, а также для оптимизации работы административных органов. Для граждан результаты исследования обеспечивают понимание их прав и обязанностей во взаимодействии с государственными органами, а также дают инструменты для защиты своих интересов.

Дальнейшие исследования должны быть направлены на эмпирическую проверку эффективности предложенных рекомендаций, анализ влияния реформы на различные социальные группы, изучение международного опыта в области совершенствования административно-правовой политики. Необходимо также уделить внимание изучению проблемы взаимодействия государственных органов на различных уровнях, а также проблемам регулирования отношений в цифровой среде. Особое значение имеет разработка индикаторов эффективности административно-правовой политики, позволяющих оценивать результаты реформ и внести необходимые корректировки.

Пристатейный библиографический список

1. Бредихин А. В., Богатырева О. В., Закопырин В. Н. Об определении статуса частных военных компаний // Евразийский юридический журнал. - 2024. - № 2 (189). - С. 471-472.
2. Бредихин А. В., Закопырин В. Н., Устинович Е. С. О статусе частных военных компаний в Китайской народной республике // Евразийский юридический журнал. - 2024. - № 3 (190). - С. 58-59.
3. Разрыв гегемонии: новое исследование строительства международного порядка и системы глобального управления в новую эпоху / Под общей редакцией кандидата исторических наук Бредихина А. В. - М.: АНО ЦЭМИ, 2023. - 126 с.
4. Синякина А. Ю., Елишева А. Э. Общая характеристика современной системы и основных проблем взаимодействия федеральных и региональных органов государственной власти в РФ// IN SITU. - 2022. - № 6. - С. 29-32.
5. Шапошников В. А., Зубкова Т. И., Скороходова Л. А. Современные аспекты реализации механизма межведомственного взаимодействия при оказании социальных услуг: монография / Под науч. ред. В. А. Шапошникова. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2021. - 140 с.

АМЕЛИЧКИН Артем Валерьевич
кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой социально-культурной деятельности и педагогики Орловского государственного института культуры

Амеличкин А. В.

СОБЫТИЙНЫЙ ТУРИЗМ – ПЕРСПЕКТИВНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ТУРИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕГИОНА

Статья посвящена анализу событийного туризма, как перспективного направления туристской деятельности региона. На примере Орловской области исследователь анализирует наиболее актуальные культурно-событийные мероприятия, направленные на привлечение туристов. Автор приходит к выводу, что фольклорные праздники, выставки, театрализованные представления, культурные слеты, фестивали, презентации, спортивные соревнования, форумы и благотворительные мероприятия привлекают гостей на Орловщину не меньше, чем ее культурно-исторические достопримечательности.

Ключевые слова: туризм, регион, развитие, туристский кластер, событийный туризм, событие.

AMELICHKIN Artem Valerjevich
Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor, Head of Social and Cultural activities and pedagogy sub-faculty, Orel State Institute of Culture

EVENT TOURISM IS A PROMISING AREA OF TOURIST ACTIVITY IN THE REGION

The article is devoted to the analysis of event tourism as a promising area of tourist activity in the region. Using the example of the Orel region, the researcher analyzes the most relevant cultural and event events aimed at attracting tourists. The author comes to the conclusion that folklore festivals, exhibitions, theatrical performances, cultural gatherings, festivals, presentations, sports competitions, forums and charity events attract guests to the Orel region no less than its cultural and historical attractions.

Keywords: tourism, region, development, tourist cluster, event tourism, event.

В современных социально-экономических условиях туристы всё чаще стремятся к аутентичным, познавательным и оригинальным путешествиям внутри нашей страны. Внутренний туризм переживает подъем, обусловленный несколькими ключевыми факторами. Регионы становятся более желанными для путешественников благодаря развитию туристской инфраструктуры, формированию новых туристских продуктов, созданию уникальных туристических брендов территории, также важную роль играет и государственная поддержка, направленная на развитие внутреннего туризма Российской Федерации. Для того чтобы регион стал популярным направлением внутреннего туризма, необходимо создать конкурентоспособный туристский продукт, который в полной мере отвечал бы запросам потребителей, выделялся своей уникальностью [5].

Значимым фактором социально-экономического развития региона является событийный туризм. В наши дни событийный туризм – это одно из наиболее востребованных и быстрорастущих направлений отрасли. А. В. Бабкин пишет, что «событийный туризм — это вид туризма, поездки при котором приурочены к каким-либо событиям. В событийном туризме выделяют следующие тематические виды: национальные фестивали и праздники, театрализованные шоу, фестивали кино и театра, гастрономические фестивали, фестивали и выставки цветов, модные показы, аукционы, фестивали музыки и музыкальные конкурсы, спортивные события» [2]. Современные исследователи сходятся во мнении, что событийный туризм будет активно развиваться в регионах. Предполагается, что в скором времени количество людей, путешествующих с целью посещения различных культурно-событийных мероприятий, станет больше, чем число тех, кто выбирает традиционные экскурсионные поездки. Мероприятия, приуроченные к определенному событию, приобретают все большее значение в современных социально-экономических реалиях. В современной индустрии туризма событие стало ключевым элементом планирования и организации отдыха и развлечений. Несмотря на то, что событийный туризм вошел в отрасль относительно недавно, всего несколько десятилетий назад, масштабы его развития поражают. Культурно-событийные мероприятия оказывают существенное влияние на планирование деятельности большинства туристических фирм.

В рамках исследования проанализированы наиболее значимые культурно-событийные мероприятия, прошедшие в Орловской области в 2023-2024 годах. Событийный туризм стал одним из основных направлений развития региональной сферы туризма по итогам данного периода. Фольклорные праздники, выставки, культурные слеты, фестивали, презентации, спортивные соревнования, форумы и благотворительные мероприятия привлекают гостей на Орловщину не меньше, чем достопримечательности. Культура Орловской области неразрывно связана с ее богатым культурно-историческим прошлым, насыщенным различным искусством и значимыми литературными традициями. Важно отметить, что жители Орловской земли внесли существенный вклад в формирование национально-культурного пространства такой великой страны как Россия. Регион, благодаря своему богатому духовному и культурно-историческому наследию, представляет собой благоприятную среду для проведения культурно-событийных мероприятий и развития событийного туризма. Историко-культурный ландшафт Орловщины, является важной частью культурного наследия территории и национальным достоянием, играющим ключевую роль в процессе создания этих событий [12].

4 июня 2023 года состоялся XXIV Международный фольклорный праздник «Троицкие хороводы в Орловском полесье». На поляне села Льгов Хотынецкого района выступили лучшие коллективы Орловской области, регионов центральной России, а также зарубежья. Праздничные гулянья открыли массовые хороводы на Троицком лугу близ национального парка «Орловское Полесье». Н. А. Горбунова констатирует, что «культурно-событийное мероприятие является неотъемлемой частью сохранения и возрождения традиционной народной культуры Орловского края и Бирюзового кольца России, одним из красивейших православных праздников, который ярко отмечается на Орловщине. Задачи

праздника практически не меняются на протяжении его длительного существования, это – воспитание у подрастающего поколения интереса к старинным обычаям, приобщение к традиционной культуре родного края, возрождению народного обряда троицких гуляний, развитие песенного фольклора, традиционных промыслов и ремесел, ранее бытовавших в Хотынецком районе Орловской области, сотрудничество с коллективами муниципальных образований Орловской области, межрегиональное и международное сотрудничество, развитие туристической привлекательности района» [6].

26 августа 2023 года в поселке городского типа Кромы Орловской области прошел II историко-гастрономический фестиваль «Слива-Град» – это историческое и гастрономическое путешествие, событийный тур, ориентированный на посещение культурных мероприятий, логотипом которого является слива. Его уникальность состоит в том, что здесь происходит удивительное смешение прошлого и настоящего. На различных площадках проходят: историческая реконструкция, фотовыставка, театрализованные постановки, народные забавы, выступление творческих коллективов Орловщины, гостей из других регионов [1], [3].

18 сентября 2023 года в городе Орле состоялся ежегодный литературно-кулинарный фестиваль «Тургеневский бережок». Это мультиформатный литературно-кулинарный фестиваль. Он объединяет производителей питания и людей, интересующихся историей своей Родины. Знакомит с великой русской культурой посредством реконструкции забав, угощений и особенностей быта тех времен [10].

Значимым культурно-событийным мероприятием 2024 года для Орловской области стал VII Международный фестиваль православной культуры и народного искусства «Традиции Святой Руси», посвященный Году семьи в России прошедший на базе Духовно-православного центра «Вятский Посад» с 24 по 26 мая. Ежегодно фестиваль проводится по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. Масштабное мероприятие призвано помочь сохранить духовно-нравственные основы православной культуры, приумножить уникальное культурно-историческое наследие нашей Родины, приобщить подрастающее поколение к национальным культурным ценностям, а также сформировать у детей, подростков и молодежи деликатное отношение к народным традициям [8].

29 июня в Государственном мемориальном и природном музее-заповеднике И. С. Тургенева «Спасское-Лутовиново» состоялся Всероссийский Тургеневский праздник. Событие, началось с погружения в историю и красоту усадьбы Спасское-Лутовиново. Для гостей мероприятия прошла интерактивная экскурсия по залам Дома-музея И. С. Тургенева. После осмотра внутренних помещений туристы посетили прекрасный усадебно-парковый ансамбль, насладившись тишиной и красотой природы, вдохновлявшей Тургенева на создание его бессмертных произведений. В рамках Всероссийского Тургеневского праздника прошла ярмарка мастеров, на которой были представлены уникальные сувениры, изделия ручной работы, все желающие могли посетить тематические мастер-классы. Гостей музея-заповедника ждали захватывающие квесты, интерактивные игры, познавательные занятия, позволяющие погрузиться в атмосферу эпохи Тургенева [7].

20 декабря в Орле состоялся Фестиваль – «Пряник Фест», который собрал разные ремесленные бренды Орловщины. На мероприятии собрали самую большую гирлянду в России из пряников – в нее вошли 350 элементов. Рекорд установили представители Орловского кулинарного кластера. Помимо установления рекорда, на мероприятии можно было попробовать пряники и научиться их расписывать. Свои угощения представили не только орловцы, но и жители других регионов страны [4].

Таким образом, Орловская область является перспективным направлением развития событийного туризма. Нами проведен анализ культурно-событийных мероприятий, проводимых на территории региона, уставлено, что разнообразные и исключительные культурно-событийные мероприятия, проводимые в разных уголках России, способны стать своеобразными магнитами, стимулирующими рост туристического потока. Среди российских регионов, пользующихся особой популярностью у путешественников, выделяется Орловская область, предлагающая широкий спектр уникальных специально организованных событий.

Пристатейный библиографический список

1. II открытый историко-гастрономический фестиваль «Слива-Град» проекта «Кромы-тысячелетние». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eventsinrussia.com/event/27294 (дата обращения: 24.03.2025).
2. Бабкин А. В. Специальные виды туризма. - Ростов-на-Дону: Феникс, 2008. - 252 с.
3. В Кромах во второй раз прошел историко-гастрономический фестиваль «Слива-Град». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://orel.bezformata.com/listnews/gastronomicheskiy-festival-sliva-grad (дата обращения: 21.03.2025).
4. В Орле установили рекорд России. Это сделали представители кулинарного кластера на фестивале пряников «Пряник Фест». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vestiorel.ru/novosti/124384.html (дата обращения: 24.03.2025).
5. Горбунова Н. А. Возможности использования событийного туризма бакалаврами социокультурной деятельности // Образование и культурное пространство. - 2020. - № 4. - С. 9-13.
6. Горбунова Н. А. Роль событийного туризма в формировании ценностных ориентаций современной молодежи // Просветительская деятельность учреждений социально-культурной сферы по формированию ценностных ориентаций детей и молодежи в контексте современной культурной политики Российского государства: материалы Всероссийской (с международным участием) научно-практической on-line конференции. - Орел: ОГИК, 2021. - С. 90-93.
7. Государственный мемориальный и природный музей-заповедник И. С. Тургенева «Спасское-Лутовиново». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://spasskoye-lutovinovo.ru/vserossijskij-turgenevskij-prazdnik/#:~:text (дата обращения: 23.03.2025).
8. Духовно-православный центр «Вятский Посад». Фестиваль «Традиции Святой Руси». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vposad.ru/sobyitiya/priglashaem-na-festival-tradiczii-svyatoj-rusi!2 (дата обращения: 25.03.2025).
9. Корнеев А. Э., Лидинфа Е. П. Событийный туризм как основа социально-экономического развития Орловской области // Актуальные проблемы бухгалтерского учета, анализа и аудита: материалы VIII Международной молодежной научно-практической конференции. - Курск: Закрытое акционерное общество «Университетская книга». - 2016. - С. 406-409.
10. Состоялся ежегодный Литературно-кулинарный фестиваль «Тургеневский бережок». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://oreluniver.ru/media/news/show/57/20215 (Дата обращения: 25.03.2025).
11. Троицкие хороводы в Орловском полесье. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://xn--b1ae2aabj7a6c.xn--p1ai/ (Дата обращения: 22.03.2025).
12. Шуваева Д. С., Шмарков М. С. Событийный туризм: региональная практика, проблемы организации и рекомендации по развитию // Россия в глобальных мировых процессах: история и актуальные проблемы современности: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. - Дзержинск: Дзержинский филиал федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского», 2023. - С. 158-164.
13. Якушкина Г. В. Социально-культурный потенциал фестивалей этнохудожественного творчества // Развитие системы высшего образования в сфере культуры: научный и образовательный опыт: материалы Международной научно-практической конференции. - Орел: ОГИК, 2015. - С. 256-269.

ВОРОБЬЕВ Григорий Сергеевич
аспирант, Орловский государственный аграрный университет имени Н. В. Парахина

АНАЛИЗ ПОДХОДОВ К ПОНЯТИЮ «УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ СЕЛЬСКОЙ ТЕРРИТОРИИ»

В статье представлен анализ имеющихся подходов к определению понятия «устойчивое развитие сельских территорий». На основании изучения указанных подходов выделены и охарактеризованы аспекты устойчивого развития сельских территорий (экономический, социальный, экологический, культурный, инфраструктурный, партнерский). Кроме того, представлена авторская логическая схема взаимосвязи устойчивого развития сельских территорий и развития аграрного производства.
Ключевые слова: сельские территории, устойчивое развитие, устойчивое развитие сельских территорий.

VOROBYOV Grigoriy Sergeevich
postgraduate student, N. V. Parakhin Orel State Agrarian University

ANALYSIS OF APPROACHES TO THE CONCEPT OF «SUSTAINABLE RURAL DEVELOPMENT»

The article presents an analysis of the available approaches to the definition of the concept of «sustainable rural development». Based on the study of these approaches, the aspects of sustainable rural development (economic, social, environmental, cultural, infrastructural, partnership) are identified and characterized. In addition, the author's logical scheme of the relationship between the sustainable development of rural areas and the development of agricultural production is presented.
Keywords: rural areas, sustainable development, sustainable rural development.

Устойчивое развитие сельских территорий – это концепция, которая предполагает гармоничное сочетание экономического роста, социальной стабильности и сохранения природных ресурсов. При этом основной целью устойчивого развития в данном контексте выступает обеспечение качественной жизни для сельского населения, улучшении его благосостояния, сохранение окружающей среды для будущих поколений.

В «Концепции устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 года» под устойчивым развитием сельских территорий понимается «стабильное социально-экономическое развитие сельских территорий, увеличение объема производства сельскохозяйственной и рыбной продукции, повышение эффективности сельского хозяйства и рыбохозяйственного комплекса, достижение полной занятости сельского населения и повышение уровня его жизни, а также рациональное использование земель» [1].

В работах российских исследователей также можно встретить ряд подходов к определению рассматриваемого понятия «устойчивое развитие сельских территорий» (Агибалов А. В. [2], Греков А. Н. [3], Дыкань Ю. А. [4], Меренкова И. Н. [5], Молчаленко С. А. [6], Никитина Т. И. [7], Пархомов Е. А. [8], Петриков А. В. [9]). На основании анализа данных подходов можно заключить, что устойчивое развитие сельских территорий может рассматриваться с целого ряда позиций, таких как: цель, задача, форма, процесс, развитие, направление, состояние, способ, стратегия, воспроизводство. Каждый из авторов вложил свой вклад в исследование указанной проблемы.

Полагаем, что основополагающими для устойчивого развития экономики в целом и, в частности, применительно к сельским территориям страны (в соответствии с тезисами, изложенными в трудах Л. И. Абалкина), можно считать обеспечение ее безопасности, стабильности, способности к постоянному обновлению и развитию [10].

Считаем необходимым присоединиться к мнению Чернова С. С., который предлагает различать понятие «устойчивого развития сельского хозяйства» и «устойчивого развития сельских территорий»; такое разграничение является принципиальным, так как оно определяет методики и модели, на основе которых может рассматриваться устойчивое развитие сельских территорий страны.

Представляется, что на основании изучения множества подходов к дефиниции устойчивого развития территорий можно выделить ряд аспектов устойчивого развития сельских территорий (таблица 1).

Представим логическую взаимосвязь, которая, по нашему мнению, существует между понятием «устойчивость раз-

Таблица 1. Аспекты рассмотрения понятия «устойчивое развитие сельских территорий» (составлено автором)

Аспект	**Характеристика**
1. Экономическая устойчивость	Включает в себя поддержку местных производителей, развитие сельских предприятий, внедрение инновационных технологий, создание новых рабочих мест; главная задача – способствовать развитию местной экономики, снижению зависимости от внешних источников (например, агропромышленных комплексов).
2. Социальная устойчивость	Устойчивое развитие предполагает уделение внимания таким социальным вопросам как: образование, медицинское обслуживание, участие местных жителей в обсуждении и принятии решений по общественным вопросам.
3. Экологическая устойчивость	Данный аспект предполагает решение задач по сохранению биоразнообразия, рациональному использованию природных ресурсов, осуществлению мероприятий по борьбе с загрязнением и изменением климата, экологической экспертизе, внедрению практик по восстановлению экосистем.
4. Культурная устойчивость	Устойчивое развитие предполагает в себя сохранение местной культуры, традиций, обычаев. Это может также способствовать развитию туризма посредством привлечения внимания к уникальности регионов.
5. Устойчивость инфраструктуры	Развитие инфраструктуры и обеспечение доступности услуг (бытовых, социальных, медицинских, образовательных, транспортных, связи и др.) являются неотъемлемой частью устойчивости сельских территорий. Данный аспект существенно влияет на качество жизни населения сельских территорий.
6. Сотрудничество (партнерство)	Устойчивое развитие требует активного сотрудничества между органами государственной власти, предпринимателями, сельскими домохозяйствами, некоммерческими организациями.

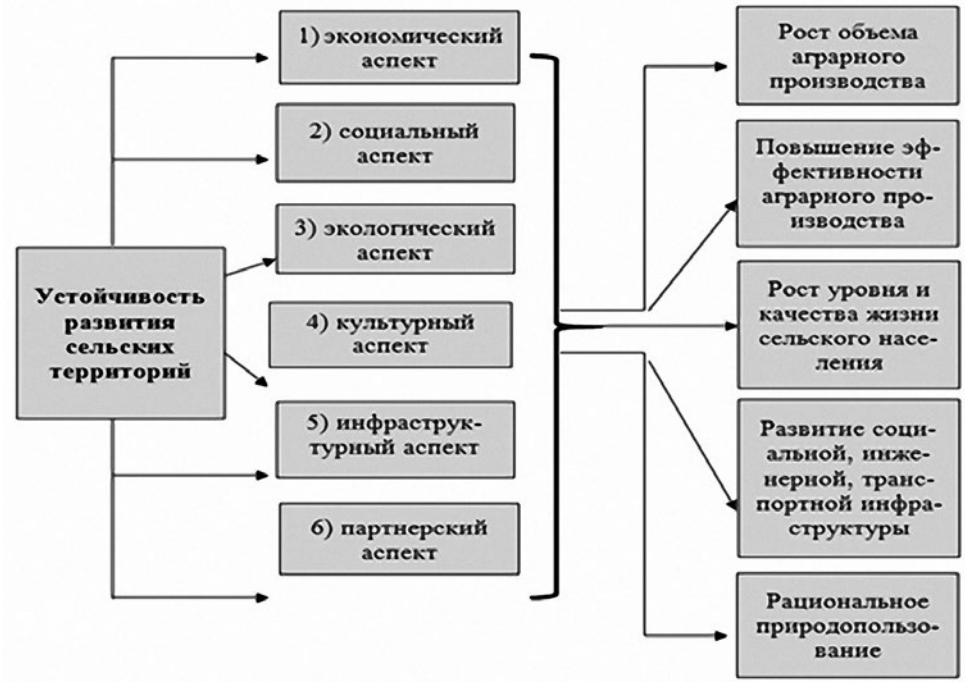

Рисунок 1. Логическая схема взаимосвязи устойчивого развития сельских территорий и развития аграрного производства (составлено автором).

вития сельских территорий» и «устойчивость сельскохозяйственного производства» (рис. 1).

Таким образом, можно заключить, что устойчивое развитие сельских территорий включает в себя совокупность ряда аспектов: экономического, социального, экологического, культурного, инфраструктурного, партнёрского. Такое развитие предполагает базирование на следующих принципах: улучшения качества жизни населения; рациональной структуры производства и потребления; устранения бедности; рационального природопользования; обеспечения экологической безопасности.

Устойчивое развитие сельских территорий страны – многоплановый процесс, требующий комплексного подхода и взаимодействия разных стейкхолдеров. Результативность реализации концепции устойчивого развития применительно к сельским территориям определяется способностью мобилизовать имеющиеся ресурсы, активизировать местное сообщество, выработать стратегии применительно к условиям конкретных территорий. Обеспечение устойчивого развития сельских территорий требует интеграции различных подходов и моделей.

Пристатейный библиографический список

1. Концепция устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 30.10.2010 г. № 2136-р). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/2073544/?ysclid=m5qy22oalw287187701.
2. Агибалов А. В. Формирование и реализация стратегии устойчивого развития сельских территорий: автореф. дис. … докт. экон. наук: 08.00.05. - Орел: Орловский ГАУ, 2022. - 50 с.
3. Греков А. Н. Совершенствование механизма устойчивого развития сельских территорий (на материалах Тамбовской области): дис. … канд. экон. наук: 08.00.05. - Мичуринск: Мичуринский ГАУ, 2014. - 209 с.
4. Дыкань Ю. А. Приоритетные направления устойчивого развития сельских территорий: автореф. дис. … докт. экон. наук: 08.00.05. - Воронеж: Воронежский ГАУ, 2019 - 24 с.
5. Меренкова И. Н. Устойчивое развитие сельских территорий: теория, методология, практика: автореф. дис. … докт. экон. наук: 08.00.05. - Воронеж: Воронежский ГАУ, 2012. - 51 с.
6. Молчаненко С. А., Шуваев А. В. Обеспечение устойчивого развития сельских территориальных образований // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. - 2016. - № 124. - С. 1305-1316.
7. Никитина Т. И. Устойчивое социально-экономическое развитие сельских территорий: автореф. дис. … канд. экон. наук: 08.00.05. - Екатеринбург: Уральский ГАУ, 2019. - 28 с.
8. Пархомов Е. А. Устойчивое развитие сельских территорий в условиях пространственной локализации автореф. дис. … канд. экон. наук: 08.00.05. - Воронеж: Воронежский ГАУ, 2021. - 27 с.
9. Петриков А. В. Политика сельского развития в России: направления и механизмы // Никоновские чтения. - 2019. - № 24. - С.1-10.
10. Абалкин Л. И. Стратегия социально-экономического развития России // Научные труды Вольного экономического общества России. - 2015. - Т. 195, № 6. - С.79-93.
11. Автайкина Е. В., Аничкина О. А., Гайдаренко Л. В. и др. Проблемы и перспективы развития АПК и сельских территорий: монография / Под общ. ред. С. С. Чернова. - Новосибирск: Изд-во ЦРНС, 2014. - 282 с.

ГАРИТОВ Евгений Александрович
магистрант 1-го курса, Уфимский государственный нефтяной технический университет

ВАСИЛЬЕВА Юлия Павловна
кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и стратегического развития, Уфимский государственный нефтяной технический университет

КОРРЕЛЯЦИОННАЯ ЗАВИСИМОСТЬ РАЗВИТИЯ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И ПОКАЗАТЕЛЕЙ НЕФТЯНОГО РЫНКА

В статье рассматривается динамика показателей мирового экспорта нефти, а также величина экспортных поставок крупнейшим производителем нефти: картелем ОПЕК, приведены данные по объему валового внутреннего продукта данных стран, а также динамика мирового продукта. Ключевой идеей является выявление зависимости между динамикой развития мирового хозяйства и величиной экспорта сырой нефти.

Ключевые слова: экспорт, ВВП, мировой нефтяной рынок, цены на нефть.

GARITOV Evgeniy Alexandrovich
magister student of the 1st course, Ufa State Petroleum Technical University

VASILJEVA Yuliya Pavlovna
Ph.D. in economic sciences, associate professor of Economic theory and strategic management sub-faculty, Ufa State Petroleum Technical University

CORRELATION BETWEEN THE DEVELOPMENT OF THE GLOBAL ECONOMY AND OIL MARKET INDICATORS

The article examines the dynamics of global oil exports, as well as the value of exports by the largest oil producer: the OPEC cartel, provides data on the gross domestic product of these countries, as well as the dynamics of the global product. The key idea is to identify the relationship between the dynamics of global economic development and the volume of crude oil exports.

Keywords: exports, GDP, global oil market, oil prices.

К настоящему времени сложились представления о значимости мирового нефтегазового рынка. Нефть и природный газ представляют собой ключевые секторы энергетической отрасли, являясь основными источниками топлива в мире. Нефтегазовая отрасль является крупнейшей в мире по экономической значимости, в связи с чем её можно назвать мировой энергетической отраслью, оказывающей значительное влияние на мировую экономику.

В настоящее время большая часть исследований как в России, так и за рубежом посвящены изменениям, которые претерпевает рынок нефти и газа в последние пять лет. Так ряд российских ученых исследуют перестройку современного мирового рынка нефти, вызванную влиянием долгосрочных тенденций в нефтяной отрасли и крупными внешними шоками [2]. Другие [3] анализируют изменения мирового рынка нефти в условиях новой «нефтяной» реальности. Также можно отметить работы в области исследований тенденций мирового рынка нефти в связи с развитием технологий альтернативных источников энергии [1].

Зарубежными учеными выделяются факторы, обеспечивающие положительную динамику мирового нефтяного рынка. Так, например, Генеральный секретарь ОПЕК Хайсам Аль-Гайс определяет причины увеличения мирового спроса на нефть: экономический рост, повышение уровня жизни в КНР и Индии, увеличение численности населения в мире на 5 % в год и др. Стабильность мировой экономики, по его словам, полностью зависит от спроса на нефть и газ[1].

Таким образом, динамика спроса и экспорта нефти – это важные экономические показатели, которые могут быть использованы для определения тенденций развития мирового хозяйства.

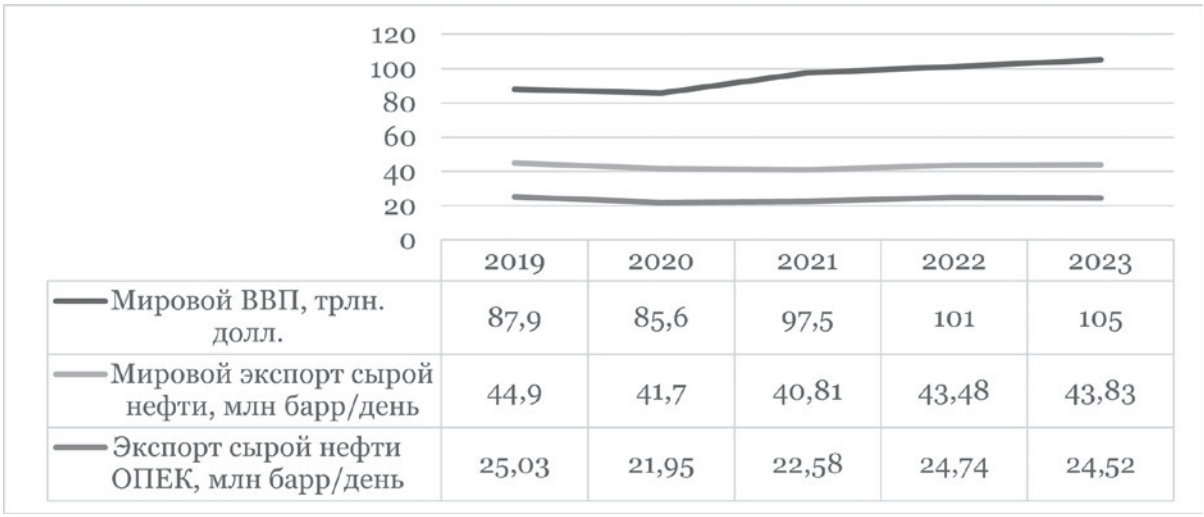
Согласно данным, представленным в Ежемесячном отчете по рынку сырой нефти ОПЕК в 2020-2024 годах спрос на нефть стабильно рос. Увеличение за этот период составило 13,76 %. В 2024 году прирост спроса составил 1,5 % или 960 тыс. барр/сут. Мировые поставки нефти выросли на 20 тыс. барр/сут в годовом исчислении. Мировые запасы нефти в ноябре 2024 года оценивались в 7655 млн. барр.[2]

Что касается экспорта сырой нефти, то в 2020-2023 годах наблюдался рост, общее увеличение составило 5,1 %. Наибольший вклад в расширение экспортных поставок внесли страны Латинской Америки – 17,28 %, Северной и Южной Америки – 13,25 %, Ближнего Востока – 6 %. В остальных регионах экспорт нефти оставался стабильным с незначительными колебаниями. В 2023 году общий мировой экспорт незначительно увеличился – 0,8 %, в то время как часть стран демонстрировали снижение данного показателя. Так, например в России экспорт сырой нефти сократился на 4 %, а в странах Ближнего Востока – на 5 %.

В 2023 году наибольшая часть мирового экспорта нефти, около 45 %, обеспечивалась странами-членами картеля ОПЕК. При этом в структуре экспорта нефти самого картеля лидирует Саудовская Аравия, ее доля составляет 36.54 %. На втором месте Ирак (15.09 %), третье место делят Объединенные Арабские Эмираты и Кувейт (11.50 %). Страны ОПЕК являются производителями около 30 % нефти в мире, доля доходов от продажи нефти в общем объеме экспорта стран картеля колеблется в последние годы от 45 до 53 %, что связано, прежде всего с ценой нефти. Так в 2022 году цена справочной корзины ОПЕК выросла на 30.19 долл/барр., а в 2023 году упала на 17,13 долл/барр. В целом с 2020 года цена корзины ОПЕК выросла в 2 раза с 41,47 долл/барр до 82,95 долл/барр.

1 Organization of Petroleum Exporting Countries (OPEC). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.opec.org/ (дата обращения: 12.02.2025).

2 МЭА (2025), Отчет о рынке нефти — январь 2025, МЭА, Париж. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.iea.org/reports/oil-market-report-january-2025 (дата обращения: 22.03.2025).

	2019	2020	2021	2022	2023
Мировой ВВП, трлн. долл.	87,9	85,6	97,5	101	105
Мировой экспорт сырой нефти, млн барр/день	44,9	41,7	40,81	43,48	43,83
Экспорт сырой нефти ОПЕК, млн барр/день	25,03	21,95	22,58	24,74	24,52

Рисунок 1. Мировой ВВП в текущих ценах и мировой экспорт нефти в 2019-2023 гг.

В настоящее время в состав Организации стран экспортеров нефти входят 12 стран-участниц: Алжир, Конго, Экваториальная Гвинея, Габон, Иран, Ирак, Кувейт, Ливия, Нигерия, Саудовская Аравия, Объединенные арабские эмираты, Венесуэла. Страны дифференцированы по объему производства ВВП и качеству жизни населения.

Данные отчетов ОПЕК показывают, что крупнейшей экономикой в составе картеля является Саудовская Аравия, численность населения которой составляет 32,82 млн человек. Более чем в 2 раза отстают экономики стран ОАЭ (9,71 млн чел), Нигерии (222,18 млн чел), Ирана (86,55 млн чел). Остальные страны занимают гораздо меньший удельный вес в объеме производства ВВП. Так, наименьший вклад вносят экономики Экваториальной Гвинеи (1,54 млн чел), Конго (6,14 млн чел) и Габона (2,21 млн чел).

При этом с 2020 по 2023 годы объем ВВП в целом по ОПЕК вырос на 46, 2 %. Однако страны-члены демонстрируют неравномерную динамику. Так Венесуэла нарастила ВВП на 122 %, Иран – на 106,4 %, Алжир – на 69,4 %, Кувейт – на 48 %, Саудовская Аравия – на 45 %, Объединенные Арабские Эмираты – на 44 %, Ирак – на 39 %, Конго – на 25 %. Остальные страны внесли менее значимый вклад в суммарный прирост ВВП. В 2023 году наибольший прирост обеспечили Иран – 16,44 % и Алжир – 9,42 %. Часть стран показали отрицательную динамику. Например, Экваториальная Гвинея потеряла 12,6 % ВВП, Кувейт – 12,84 %, Ирак – 11,43 %.

Доля стран ОПЕК в мировом ВВП составляет 3 %, в производстве сырой нефти 30 %, экспорте нефти – 45 %. Экспортная специализация определяет экономическое развитие стран-членов ОПЕК. В свою очередь динамика развития мирового хозяйства имеет ключевое значение для формирования мирового спроса на нефть и ее экспорта странами-производителями.

Крупнейшими странами по объему ВВП по результатам 2024 года являются: США – 27360,935 млрд дол., Китай – 17994, 782 млрд долл., Германия – 4456,081 млрд долл. В 2024 году рост мирового продукта по предварительным данным составил 3,2 %. Наибольшую динамику показали: Индия (+6,8 %), Индонезия (+5,1 %), КНР (+4,9 %), Россия (+3,9 %), Турция (+3,5). Темп роста экономики США составил 2,8 %. В 2023 году по паритету покупательной способности объем мирового ВВП составил 184257,5 млрд долл. Лидерами в общем рейтинге стали КНР – 34540,9 млрд долл., США – 184257,5 млрд долл., Индия – 14619,8 млрд долл. Из них Китай и США занимают лидирующие позиции в рейтинге основных потребителей нефти в мире. В 2023 году они потребляли 16,6 и 19 млн барр/сут соответственно. Китай также является крупнейшим импортером сырой нефти. Китайская компания Sinopec является ведущей нефтегазовой компанией в мире по объему выручки. В июле 2024 года ее выручка за 12 месяцев составила 441,79 млрд долл. США.

Произведем оценку влияния мирового выпуска на экспорт сырой нефти. Обратимся к рисунку.

Как видим, диаграмма представляется недостаточно информативной. Можно наблюдать отставание динамики экспорта нефти от колебаний мирового ВВП.

Учтём полученные результаты. Рассчитаем коэффициент корреляции Пирсона, определяющий силу и направление линейной связи между двумя непрерывными переменными. Значение коэффициента может варьироваться от (-1) до (+1). Чем выше значение коэффициента, тем выше положительная зависимость.

В виду особенностей современной биржевой торговли нефтью сопоставим размер мирового ВВП в текущем периоде и мировой экспорт нефти, а также экспорт нефти странами ОПЕК в следующем периоде. В первом случае величина коэффициента корреляции составляет 0,987671, во втором – 0,918443, знак положительный. Расчёты демонстрируют прямую положительную зависимость, то есть более высоким значениям мирового ВВП в 2019-2022 годах соответствуют более высокие показатели мирового экспорта нефти и экспорта нефти странами ОПЕК в 2020-2023 годах. При этом сила корреляции очень высокая. Таким образом, значение мирового нефтяного рынка достаточно велико и проявляется во взаимосвязи с развитием мирового хозяйства в целом.

Пристатейный библиографический список

1. Асон Т. А. Перспективы развития мирового рынка нефти // Вестник Евразийской науки. 2019. Т 11, № 2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://esj.today/PDF/65ECVN219.pdf (дата обращения: 08.02.2025).
2. Жуков С. В., Копытин И. А., Масленников А. О., Резникова О. Б., Синицын М.В. Трансформация мирового рынка нефти: драйверы и перспективы // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Том 67, № 10. С. 5-18.
3. Малова Т. А., Сысоева В. И. Мировой рынок нефти: поиск равновесия в условиях новой «нефтяной» реальности // Вестник МГИМО-Университета. 2016. № 6 (51). С. 115-124. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://doi.org/10.24833/2071-8160-2016-6-51-115-124 (дата обращения: 10.02.2025).

ЖУЛИН Кирилл Александрович
магистрант 2-го курса, Уфимский государственный нефтяной технический университет

ВАСИЛЬЕВА Юлия Павловна
кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и стратегического развития, Уфимский государственный нефтяной технический университет

НАПРАВЛЕНИЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА СТРАН БРИКС+

В статье рассматривается энергетическое сотрудничество стран БРИКС +, выделены данные по выработке и потреблению электроэнергии стран БРИКС+ и их доля в мировом объёме. Страны объединения поделены на экспортеров и импортеров энергоресурсов согласно их роли в мире, а также представлены объемы торговли энергоресурсами между странами БРИКС+. Статья посвящена экспортным отношениям Российской Федерации со странами импортерами энергоресурсов в рамках объединения, изучена динамика развития отношений с 2014 года, а также сделан акцент на 2022 год, когда геополитические события в мире резко изменили торгово-экспортные отношения.
Ключевые слова: БРИКС, БРИКС+, торговля энергоресурсами.

ZHULIN Kirill Alexandrovich
magister student of the 2nd course, Ufa State Petroleum Technical University

VASILJEVA Yuliya Pavlovna
Ph.D. in economical sciences, associate professor of Economic theory sub-faculty, Ufa State Petroleum Technical University

AREAS OF ENERGY COOPERATION BETWEEN THE BRICS+ COUNTRIES

The article examines the energy cooperation of the BRICS+ countries, highlights data on the generation and consumption of electricity from the BRICS+ countries and their share in the global volume. The countries of the association are divided into exporters and importers of energy resources according to their role in the world, and the volume of energy trade between the BRICS+ countries is also represented. The main part of the work is devoted to the export relations of the Russian Federation with energy importing countries within the framework of the association, the dynamics of the development of relations since 2014 has been studied, as well as the focus on 2022, when geopolitical events in the world dramatically changed trade and export relations.
Keywords: BRICS, BRICS+, energy trade.

К странам БРИКС на 1 февраля 2025 года относятся десять стран мира: Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южно-Африканская Республика, Египет, Иран, Объединенные Арабские эмираты, Индонезия и Эфиопия.

Государства-члены БРИКС+ осуществляют сотрудничество по многим экономическим направлениям, одним из которых является энергетика. Они заинтересованы в развитии торговли энергоресурсами внутри блока и увеличении инвестиционных потоков между странами БРИКС+.

Характеризуя особенности экономического сотрудничества стран участниц БРИКС+ в энергетической сфере следует отметить взаимодополняемость, которая проявляется в экспортно-импортных внешнеторговых операциях. На 1 января 2024 совокупное потребление энергии стран БРИКС+ составляет 49 % от мирового объема, а установленная мощность электростанций стран БРИКС+ составляет 47,6 %, из чего следует, что рынок энергоресурсов десяти стран объединения, является самым большим и составляет половину от мирового объема (табл. 1)[1], [2].

Энергетическое сотрудничество стран в рамках БРИКС+ складывается на основе их ролей в энергетической сфере. Роль импортеров энергетических ресурсов занимают:

– Китай и Индия – входящие в пятерку крупнейших экономик мира;

– ЮАР и Эфиопия – входящие в пятерку крупнейших экономик на Африканском континенте.

Таблица 1. Показатели потребления и выработки электроэнергии странами БРИКС+ на 2024 год

Страны	Показатели	
	Потребление э/э (в тераватт-часах)	Установленная мощность электростанций в ГВт
Бразилия	608	240
Россия	1011	302
Индия	1500	499
Китай	8912	2949
ЮАР	195	66
Египет	162	60
Иран	335	86
ОАЭ	158	44
Эфиопия	12	6
Индонезия	356	71
Итого:	13249	4323
Мир	27064	9080
Доля БРИКС+ в мире, %	49	47,6

1 International Energy Agency. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.iea.org/ (дата обращения: 18.02.2025).

2 tatbase. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://statbase.ru/ (дата обращения 17.02.2025).

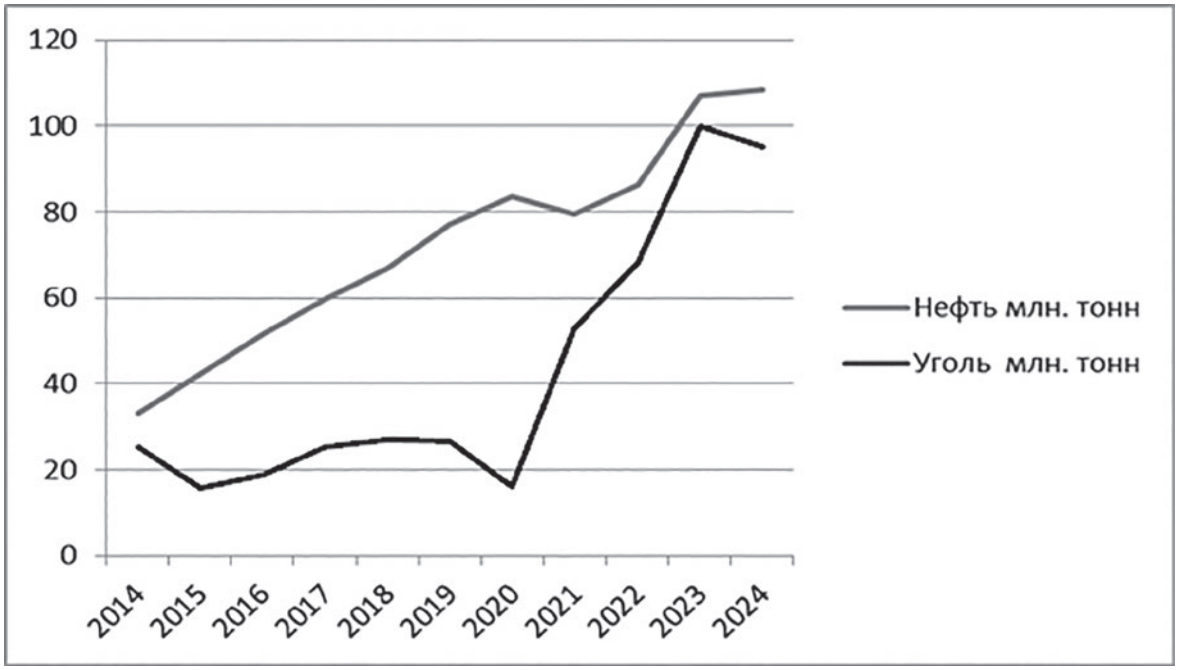

Рисунок 1. Поставки нефти и угля из России в Китай 2014-2024 гг. (млн. тонн)

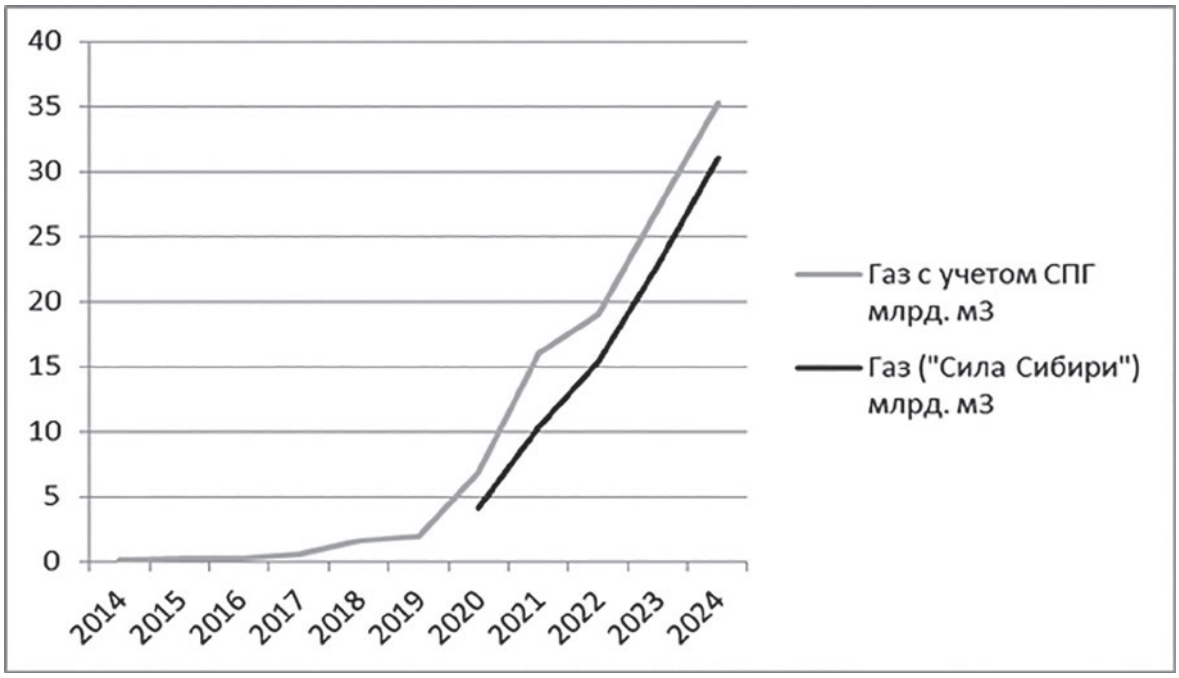

Рисунок 2. Поставки СПГ и трубопроводного газа из России в Китай в 2014-2024 гг., млрд. м³

Роль экспортеров относится к России, Ирану, ОАЭ, Бразилии, Индонезии. Египет, в свою очередь, выступает как импортером, так и экспортером энергоресурсов.

В 2022 году Россия была вынуждена пересмотреть направления поставок энергетических ресурсов. Основными партнерами стали страны Азиатско-Тихоокеанского региона, доля которых в российском экспорте энергетических товаров выросла в 2023 году в 1,5 раза, составив 60 %. В 2024 году в Китай поставлялось 45 % российской нефти, а в Индию – 37 %[3].

Россия за 10 лет увеличила экспорт в Китай:

– нефти на 228 % с 33,1 млн. тонн в 2014 г. до 108,47 млн. тонн в 2024 г.;

– угля на 276 % с 25,3 в 2014 г. до 95,1 млн. тонн в 2024 году (рис. 1).

Это позволило России стать крупнейшим поставщиком нефти в Китай и выйти на второе место по поставкам угля.

Также в десятку крупнейших поставщиков нефти и угля в Китай входят страны БРИКС+:

– нефть, 5 место занимают ОАЭ - 39,6 млн. тонн в год;

– нефть, 7 место занимает Бразилия - 35 млн. тонн в год;

– уголь, 1 место занимает Индонезия - 120 млн. тонн.

3 Энергетическое сотрудничество стран БРИКС: история и перспективы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://energypolicy.ru/ (дата обращения: 21.02.2025).

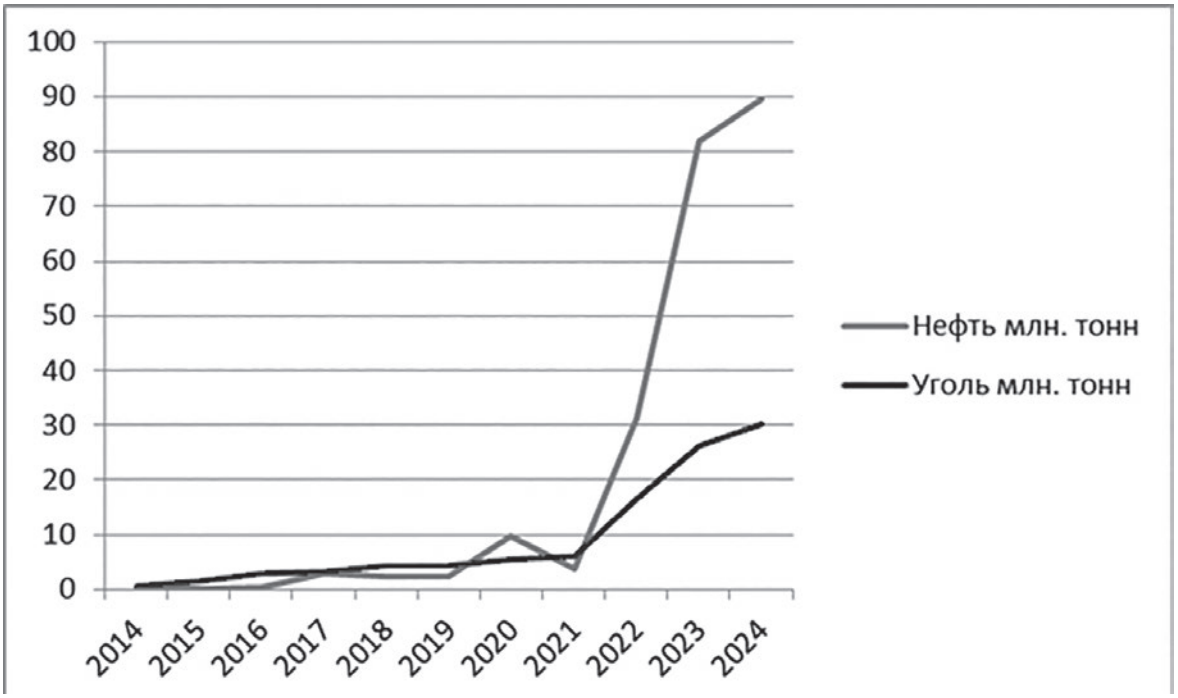

Рисунок 3. Поставки нефти и угля в Индию из России в 2014-2024 гг. (млн. тонн)

В 2019 году был запущен новый трубопровод из России в Китай для поставок природного газа «Сила Сибири» проектной мощностью 38 млрд. м^3 в год. В 2020 году поставки газа по новому трубопроводу составили 4,1 млрд. м^3. За 4 года поставки газа по «Силе Сибири» увеличились на 657 % и составили 31 млрд. м^3 газа в 2024 году. Суммарно с СПГ Россия нарастила поставки газа на 15800 %, с 0,2 млрд. м^3 в 2014 г. до 31,8 млрд. м^3 в 2024 году и обошла многолетнего лидера по поставкам газа в Китай – Туркменистан (рис. 2).

В Индию Россия увеличила экспорт нефти на 759 % в 2022 году, с 3,66 млн. тонн в 2021 году до 31,45 млн. тонн. А в 2024 году Индия закупила 89,6 млн. тонн нефти, рост по отношению к 2022 году составил 185 %. Резкий рост экспорта угля из России в Индию, так же произошел в 2022 году. По итогам 2021 года Индия закупила 6 млн. тонн угля из России, а в 2022 уже 16,7 млн. тонн, объемы поставок увеличились на 179 %. С 2022 по 2024 год поставки угля в Индию из России ежегодно увеличиваются в среднем на 36 % и составили 30,2 млн. тонн в 2024 году. А по отношению к 2014 году рост экспорта угля из России в Индию увеличился в 50 раз или на 5000 % (рис. 2).

По итогам 2024 года поставщиками энергоресурсов в Индию из стран БРИКС+ являются:

– нефть, 4 место занимают ОАЭ - 20,3 млн. тонн в год;
– нефть, Бразилия - 2 млн. тонн в год;
– нефть, Египет - 1,2 млн. тонн в год;
– газ, 3 место занимают ОАЭ - 3 млн. тонн в год;
– уголь, 2 место занимает Индонезия - 66 млн. тонн в год.

Проанализировав полученные данные можно сделать вывод, что энергетическое сотрудничество стран в рамках БРИКС + активно развивается. Мощным драйвером развития энергетического сотрудничества стран БРИКС, послужила геополитическая напряженность 2022 года, которая подтолкнула Россию к более активному развитию отношений с азиатскими партнерами. Перенаправив потоки энергоресурсов из недружественных стран в страны Азии, Россия заняла лидирующие позиции по поставкам нефти и угля в Китай, а проект «Сила Сибири» демонстрирует огромный потенциал развития двухсторонних отношений в газовой сфере. Одним из ведущих потребителей энергоресурсов из России становится Индия, демонстрируя стабильный рост закупок нефти и угля, а Россия укрепляет свои позиции среди поставщиков энергоресурсов на Индийский рынок, подвинув многолетних партнеров этой страны. Таким образом, увеличение поставок из России, свидетельствует о том, что выбранная стратегия по перенаправлению векторов торговли, оказалась верной и имеет огромный потенциал развития, как торговли, так и рост совместных инвестиций в рамках БРИКС+, развития совместной инфраструктуры и финансовых механизмов.

Так же наряду с Россией страны БРИКС+, а именно, Бразилия, ОАЭ и Индонезия, являются крупными поставщиками энергоресурсов на мировой рынок и занимают лидирующие позиции в обеспечении Индии и Китая, мировых лидеров по потреблению углеводородов, нефтью, газом и углем конкурируя с Россией на их рынке. Совместно эти страны увеличивают долю БРИКС + на энергетическом рынке Китая и Индии, а в целом обеспечивают взаимную энергобезопасность, уменьшая зависимость от геополитических противников[4].

Пристатейный библиографический список

1. International Energy Agency. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.iea.org/ (дата обращения: 18.02.2025).
2. Statbase. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://statbase.ru/ (дата обращения: 17.02.2025).
3. Энергетическое сотрудничество стран БРИКС: история и перспективы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://energypolicy.ru/ (дата обращения: 21.02.2025).
4. Исследования и данные для достижения прогресса в решении крупнейших мировых проблем. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ourworldindata.org/ (дата обращения: 17.02.2025).

4 Исследования и данные для достижения прогресса в решении крупнейших мировых проблем. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ourworldindata.org/ (дата обращения: 17.02.2025).

МАШКОВ Валерий Викторович
соискатель, Государственного университета управления, г. Москва

ОБЕСПЕЧЕНИЕ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ ТРАНСПОРТНОГО МАШИНОСТРОЕНИЯ

Автором проанализирована нормативно-правовая база и стратегические документы развития транспортного машиностроения в РФ; представлена характеристика специфических особенностей обеспечения конкурентоспособности на предприятиях транспортного машиностроения; установлены факторы, определяющие состояние конкурентоспособности российских предприятий транспортного машиностроения.

Ключевые слова: транспорт, транспортное машиностроение, конкурентоспособность, промышленное развитие.

MASHKOV Valeriy Viktorovich
competitor, State University of Management, Moscow

ENSURING COMPETITIVENESS IN TRANSPORT ENGINEERING ENTERPRISES

The author characterizes the regulatory framework and strategic documents for the development of transport engineering in the Russian Federation; describes the specific features of ensuring competitiveness in transport engineering enterprises; identifies the factors determining the state of competitiveness of Russian transport engineering enterprises.

Keywords: transport, transport engineering, competitiveness, industrial development.

Транспортное машиностроение Российской Федерации является одной из важных отраслей промышленности, которая занимает значительное место в национальной экономической системе. Транспортное машиностроение берет свое начало в период существования СССР (строительство железнодорожных заводов). Соответствующие промышленные предприятия распределены по территории страны.

Различные аспекты развития машиностроения, в частности, транспортного, разработаны в работах целого ряда специалистов:

– роль машиностроения в воспроизводственном процессе (В. Н. Борисов [1], В. Д. Жариков [2]);

– роль инноваций в машиностроении (В. Н. Борисов [3]);

– направления совершенствования российского транспортного машиностроения (И. В. Макарова [4], Н. Т. Сорокин [5]);

– перспективы развития железнодорожного машиностроения (Д. А. Плотникова [6], Ю. З. Саакян [7]).

Основу правовой базы, регулирующей развитие транспортного машиностроения, составляют следующие нормативно-правовые акты:

1) Федеральный закон № 488-ФЗ «О промышленной политике в РФ» (устанавливает основы государственной политики в области развития промышленности);

2) Федеральный закон № 184-ФЗ «О техническом регулировании» (определяет порядок установлений требований к продукции с целью обеспечения безопасности и качества продукции);

3) Федеральный закон № 116-ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов»;

4) Федеральный закон № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в РФ» (регулирует отношения, возникающие между участниками стратегического планирования в процессе целеполагания, прогнозирования, планирования и программирования социально-экономического развития РФ, отраслей экономики).

В настоящее время в качестве основополагающих стратегических документов Правительства РФ в области развития транспортного машиностроения в РФ можно выделить:

1. Концепция технологического развития РФ на период до 2030 года.

2. Стратегия развития транспортного машиностроения на период до 2030 года.

3. Транспортная стратегия РФ до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года.

4. Стратегия развития железнодорожного транспорта до 2030 года.

5. Концепция по развитию производства электрического автотранспорта.

6. Стратегия развития экспорта продукции железнодорожного машиностроения.

7. Сводная стратегия развития обрабатывающей промышленности РФ на период до 2030 года и на период до 2035 года.

Согласно «Стратегии развития транспортного машиностроения на период до 2030 года» [8] транспортное машиностроение включает в себя «производство железнодорожного подвижного состава для сети железных дорог, а также трамвайных вагонов и вагонов метрополитена для организации движения и оказание сервисных услуг, связанных с эксплуатацией указанного подвижного состава».

Вместе с тем иногда встречается более широкое трактование отрасли «транспортное машиностроение». Так, например, П. А. Бычкова, В. А. Благинин указывают, что «под транспортным машиностроением принято подразумевать отрасль машиностроения, которая занимается проектированием, производством и эксплуатацией транспортных средств, включая автомобили, самолеты, поезда и другие виды транспорта. Она включает в себя автомобильное машиностроение, авиационное машиностроение, судостроение и железнодорожное машиностроение» [9]. Кроме того, широкая трактовка транспортная машиностроения встречается в иностранных источниках.

Однако рассматриваем транспортное машиностроение в соответствии с определением, представленным в «Стратегии развития транспортного машиностроения на период до 2030 года» [8]. В данной Стратегии упоминается, что в соответствии с «Общероссийским классификатором видов экономической деятельности» в номенклатуре продукции и услуг отрасли транспортного машиностроения выделены следующие основные группы: подвижной состав железнодорожного и городского рельсового транспорта; комплектующие для подвижного состава; механическое и электромеханическое путевое оборудование и оборудование для управления движением; услуги по техническому обслуживанию, ремонту и модернизации подвижного состава.

Данные о транспортном машиностроении представлены в ОКВЭД-2 в разделе С «Обрабатывающие производства», группа 30 – «Производство прочих транспортных средств и оборудования». Ранее в ОКВЭД-1 (ОКВЭД ОК 029-2001 (КДЕС Ред.1) группа имела наименование: 35 «Производство судов, летательных и космических аппаратов и прочих транспортных средств».

Обеспечение конкурентоспособности на предприятиях транспортного машиностроения имеет ряд специфических

особенностей, которые требуют комплексного подхода и внимания к различным аспектам бизнеса:

1) в анализируемой отрасли ключевую роль играют инновации в технологических процессах;

2) конкуренция в отрасли подчеркивает важность качества производимой продукции, что обуславливает необходимость строгого соблюдения стандартов качества и обеспечения надежности изделий, что особенно критично для транспортных средств;

3) гибкость производственных процессов, предполагающая способность быстро реагировать на изменения в спросе (например, за счет оптимизации производственных процессов, применения адаптивных систем управления);

4) сетевое взаимодействие и партнерство позволяет предприятиям достичь повышения конкурентоспособности (посредством обмена опытом, технологиями, знаниями);

5) активное применение маркетинговых стратегий и исследование рынка позволяет адаптировать продукцию к требованиям потребителей.

Опыт ряда стран показывает, что развитие транспортного машиностроения обусловлено политикой государства, направленной на формирование условий для инвестирования, протекционизм внутреннего рынка, рост конкурентоспособности отечественной продукции и выработку предпосылок для продвижения продукции на мировых рынках сбыта. В исследовании В. А. Васяйчевой утверждается, что «уровень конкурентоспособности промышленности находится в прямой зависимости от государственного механизма финансовой поддержки» [10].

Рынок продукции транспортного машиностроения с точки зрения пассажирского подвижного состава в РФ включает в себя как российских, так и зарубежных производителей. Производителями электропоездов пассажирского назначения являются ряд крупных предприятий. К ним относятся ОА «Трансмашхолдинг» (ТМХ) и АО «Синара-Транспортные Машины» (группа «Синара» - СТМ). Эти производители являются, конкурирующими по отношению другу к другу присутствует в рамках выпуска пассажирских электропоездов. Конкуренция осуществляется и посредством: качества продукции, диверсификации моделей поездов, освоения новых рынков – маршрутов, географии распространения продукции [11].

ОА «Трансмашхолдинг» включает около 10 производственных и сборочных площадок и представительств (заводы по производству деталей и комплектующих и подвижного состава для железнодорожного и городского рельсового транспорта), включая Египет, Казахстан.

АО Группа «Синара» - многоотраслевой холдинг, ключевым направлением деятельности которого выступает машиностроение, включающее 11 предприятий по производству, инжинирингу, сервисному обслуживанию железнодорожной техники.

В связи со спецификой железнодорожной колеи, а также особенностями государственной политики в сфере развития городского транспорта традиционными рынками сбыта для предприятий транспортного машиностроения является внутренний рынок страны и страны бывших республик СССР.

Конкурентоспособность предприятий транспортного машиностроения в современных условиях может обеспечиваться в организациях, имеющих полный производственный цикл (формирование технической документации, производство инновационной продукции, проведение на территории РФ основных технологических операций, производство комплектующих). Такими условиями обладают и АО «Трансмашхолдинг», АО Группа «Синара», АО «Научно-производственная корпорация «Уралвагонзавод» имени Ф. Э. Дзержинского», ПАО «Научно-производственная корпорация «Объединенная Вагонная Компания».

Говоря о конкурентоспособности российских предприятий транспортного машиностроения, следует отметить следующие факторы, определяющие его состояние:

1) на рынке магистральных локомотивов в РФ имеются ключевые потребители продукции – ОАО «РЖД», АО «Федеральная пассажирская компания»;

2) основной потребитель – ОАО «РЖД» не имеет долгосрочной инвестиционной программы обновления парка подвижного состава (тягового, пассажирского);

3) недостаточно высокий технологический уровень транспортного машиностроения в РФ способствует сокращению экономической эффективности соответствующих видов транспорта;

4) потребность в подвижном составе определяется финансово - экономическими индикаторами функционирования ОАО «РЖД», в том числе динамики показателей грузо- и пассажирооборота, тарифов на перевозки, состояния инфраструктуры железнодорожного транспорта;

5) спрос на ключевые комплектующие (общие для всех видов железнодорожного подвижного состава) (в частности, части колесных пар, автосцепного оборудования, тележек, тормозного оборудования) обусловлен их выбытием по причине физического износа.

Качество продукции транспортного машиностроения зависит от качества комплектующих отраслей-поставщиков, развитие которых предполагает осуществление масштабных НИОКР, поддерживаемых со стороны государства. В результате технологического развития указанных отраслей-поставщиков изменится и качество конечной продукции отраслей транспортного машиностроения. Иными словами, обеспечение улучшенных качественных характеристик выступает как предпосылка роста конкурентоспособности транспортного машиностроения. Поддержание спроса на продукцию транспортного машиностроения предполагает необходимость осуществления комплексного анализа потребности рынка в производстве продукции.

Пристатейный библиографический список

1. Борисов В. Н. Машиностроение в воспроизводственном процессе. - М.: МАКС Пресс, 2000. - 312 с.
2. Жариков В. Д. Характеристика рынка машиностроительной продукции // Вестник Мичуринского государственного аграрного университета. - 2012. - № 1-2. - С. 64-68.
3. Борисов В. Н., Почукаева О. В. Инновационно-насыщенные инвестиции в машиностроении: внешнеэкономические эффекты // Научные труды: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. - 2020. - № 18. - С. 380-394.
4. Макарова И. В. Диагностика потенциала и стратегия модернизации машиностроительного комплекса старопромышленного региона: автореф. дис. ... докт. экон. наук: 08.00.05. - Екатеринбург: Институт экономики Уральского отделения РАН, 2010. - 41 с.
5. Сорокин Н. Т. Методология стратегических преобразований российского машиностроения и механизмы их государственной поддержки: автореф. дис. ... докт. экон. наук: 08.00.05. - СПб.: Санкт-петербургский государственный университет, 2006. - 40 с.
6. Плотникова Д. А. Анализ и оценка перспектив железнодорожного машиностроения с учетом инновационно-инвестиционного фактора: дис. … канд. экон. наук: 5.2.3. - М.: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, 2024. - 206 с.
7. Саакян Ю. З., Поликарпов А. А. О методических подходах для расчета уровня локализации продукции железнодорожного машиностроения // Вестник Института проблем естественных монополий: Техника железных дорог. - 2019. - № 3. - С. 46-51.
8. Стратегия развития транспортного машиностроения на период до 2030 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 17.08.2017 г. № 1756-р). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://government.ru/docs/28874/.
9. Бычкова П. А., Благинин В. А. Основные направления укрепления транспортного машиностроения в России // Economy and Business: Theory and Practice. - 2023. - № 12-1. - С. 27-30.
10. Васяйчева В. А. Повышение уровня конкурентоспособности предприятий транспортного машиностроения на основе управления инновационными проектами: монография. - Самара: Самарская гуманитарная академия, 2017. - 177 с.
11. Татаркин А. И., Баженов С. И., Макарова И. В. Конкурентные тренды формирования отраслевого рынка транспортного машиностроения // Экономическое возрождение России. - 2015. - № 3. - С.50-61.

ПАВЛОВ Никита Андреевич
магистрант Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы, Гуманитарный институт, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТОПЛИВНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ОТРАСЛИ

В статье рассматриваются существующие проблемы в правовом регулировании топливно-энергетической отрасли Российской Федерации. Выделены основные приоритеты, а также тенденции в государственном регулировании данной отрасли в соответствии с Энергетической стратегией на период до 2035 г. Основной акцент сделан на анализе правовых норм отрасли в соотношении с соответствующими целями развития, а также международными обязательствами России в сфере энергетики. На основе проведенного анализа делается вывод о том, как эффективное правовое регулирование может способствовать устойчивому развитию ТЭО и обеспечению энергетической безопасности.

Ключевые слова: энергетическая политика, энергетическая стратегия, экологическая безопасность, правовое обеспечение.

PAVLOV Nikita Andreevich
magister student at the Higher School of Jurisprudence and Forensic Science, Humanitarian Institute, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF THE FUEL AND ENERGY INDUSTRY

The article considers the existing problems in the legal regulation of the fuel and energy industry of the Russian Federation. The main priorities, as well as trends in the state regulation of the industry, in accordance with the Energy Strategy for the period up to 2035 are highlighted. The main emphasis is placed on the analysis of legal norms of the industry in correlation with the relevant development goals, as well as Russia's international obligations in the energy sector. Based on the analysis, it is concluded how effective legal regulation can contribute to the sustainable development of the FS and ensure energy security.

Keywords: energy policy, energy strategy, environmental security, legal support.

К топливно-энергетической отрасли обычно относят самый разный и достаточно широкий спектр деятельности по добыче, переработке и распределению различных энергетических ресурсов, таких как нефть, природный газ, уголь, возобновляемые источники энергии. Каждая из этих категорий требует специфического подхода законодателя к ее регулированию, что обуславливает необходимость наличия четкой и структурированной нормативно-правовой базы. В условиях современного мира, где наблюдаются значительные изменения климата, истощение традиционных ресурсов и рост потребностей в энергии, важность эффективного правового регулирования в этой сфере становится особенно актуальной. Эффективное правовое регулирование в этой сфере необходимо для обеспечения стабильности, безопасности и устойчивого развития экономики.

Топливно-энергетический комплекс РФ вносит значительный вклад в социально-экономическое развитие страны. Доля топливно-энергетической отрасли в инвестициях в основной капитал и в структуре доходов федерального бюджета составляет около одной трети, а в российском экспорте (в стоимостном выражении) – около 70 %. Вклад ТЭК в ВВП страны составляет 25-26 % при доле занятых в ТЭК в 4 % от общей численности занятого в экономике населения[1].

Правовое регулирование топливно-энергетической отрасли основывается на федеральных законах, международных соглашениях, а также различных подзаконных актах[2]. В большинстве стран существуют специальные законы, регулирующие добычу и переработку углеводородов, а также использование возобновляемых источников энергии [2, с. 2].

Одним из основных законов, регулирующих энергетическую сферу, является Федеральный закон от 26 марта 2003 года № 35-ФЗ «Об электроэнергетике»[3]. Этот закон определяет правовую основу экономических отношений в области электроэнергетики, устанавливает компетенцию государственных органов в регулировании этих отношений, а также основные права и обязанности субъектов электроэнергетики и потребителей электрической энергии.

Вопросы безопасности и защиты интересов Российской Федерации в сфере топливно-энергетического комплекса регулируются Федеральным законом от 21 июля 2011 года № 256-ФЗ «О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса»[4]. Этот закон устанавливает организационные и правовые основы для обеспечения безопасности объектов в этой сфере в Российской Федерации, за исключением объектов атомной энергетики. Его целью является предотвращение незаконного вмешательства третьих лиц. Закон также определяет полномочия федеральных и региональных органов власти в области энергетики, а также права, обязанности и ответственность лиц, которые владеют объектами топливно-энергетического комплекса.

1 Распоряжение Правительства РФ от 09.06.2020 № 1523-р «Об утверждении Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2035 года». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https:// www.consultant.ru/document/cons_doc_ (дата обращения: 30.01.2025).

2 Конституция Российской Федерации, принятая на всенародном референдуме 12.12.1993 (с последними поправками) // СПС «КонсультантПлюс».

3 Федеральный закон «Об электроэнергетике» от 26.03.2003 № 35-ФЗ (последняя редакция) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. - № 13. - Ст. 1177.

4 Федеральный закон «О безопасности объектов топливно-энергетического комплекса» от 21.07.2011 № 256-ФЗ (последняя редакция) // Собрание законодательства Российской Федерации. -2011. - № 30. - Ч. I-II. - Ст. 4604.

Не менее важным для отрасли также является создание правовых основ и стимулирование инициатив, которые направлены на обеспечение развития и технологической безопасности в энергетике. Так, Федеральный закон от 23 ноября 2009 года № 261-ФЗ «Об энергосбережении и о повышении энергетической эффективности, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[5] способствует использованию современных технологий в энергосбережении и повышении энергетической эффективности.

Правовое регулирование данной сферы деятельности должно учитывать не только экономические интересы государства, так как не менее важными являются и экологические аспекты отрасли [5, с. 567], прежде всего, поскольку воздействие на окружающую среду является одной из главных проблем, с которыми сейчас сталкивается отрасль. В связи с этим государство вынуждено разрабатывать и внедрять новые стандарты, направленные на снижение негативного влияния на природу и экологию, следовательно, переход к более устойчивым источникам энергии. Так, согласно Федеральному закону «Об охране окружающей среды», правовые основы государственной политики в области охраны окружающей среды должны обеспечивать сбалансированное решение социально-экономических задач, сохранение благоприятной окружающей среды, биологического разнообразия и природных ресурсов в целях удовлетворения потребностей нынешнего и будущих поколений, укрепления правопорядка в области охраны окружающей среды и обеспечения экологической безопасности[6].

Кроме того, в правовом регулировании отрасли играют свою роль и международные соглашения в области энергетики, так как Россия активно участвует в таких соглашениях. К ним можно отнести соглашение о снижении объемов добычи нефти ОПЕК+, а также Парижское соглашение по климату [1]. Так, Парижское соглашение по климату, которое оказывает значительное влияние на формирование энергетической политики страны, обязывает снижать выбросы парниковых газов и способствует переходу на более экологически чистые технологии. Что, в свою очередь, создает дополнительные обязательства для Российской Федерации, в связи, с чем в частности были приняты Указ Президента Российской Федерации от 04.11.2020 г. № 666 «О сокращении выбросов парниковых газов»[7] и Распоряжение Правительства РФ от 9 июня 2020 года № 1523-р «Об утверждении Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2035 года»[8]. Тем самым международные соглашения оказывают значительное влияние на развитие ТЭО страны и на формировании ее экологической стратегии, а участие России них является важным аспектом её международной экологической политики.

Не стоит забывать и про лицензионно-разрешительную систему, как важный компонент правового регулирования деятельности в сфере добычи природных ресурсов, так как данная процедура обеспечивает контроль над рациональным использованием ресурсов, защитой окружающей среды, а также соблюдением интересов государства и общества. Так, на территории России лицензирование деятельности в области недропользования осуществляется в соответствии с Федеральным законом от 21 февраля 1992 года № 2395-1 «О недрах». Этот закон определяет правовые и организационные основы использования природных ресурсов и устанавливает порядок получения лицензий на их добычу. Лицензирование создает барьеры для защиты рынка от недобросовестных участников и обеспечивает контроль за безопасностью и экологическими стандартами. Например, для добычи нефти и газа компании должны получить лицензию на их эксплуатацию, что подразумевает тщательную проверку их финансовой и технической способности осуществлять указанную деятельность.

Следует отметить, что в последние годы в Российской Федерации наблюдается тенденция к модернизации и упрощению процессов лицензирования. Внедрение электронных платформ для подачи заявок и уменьшение непосредственного взаимодействия с госорганами позволяет ускорить процесс получения лицензий и улучшить прозрачность системы.

Государство разрабатывает и внедряет экологические принципы и задачи экологической политики, которые должны соблюдаться всеми участниками топливно-энергетической отрасли[9]. Они включают в себя требования к минимизации негативного воздействия на окружающую среду, использование технологий, снижающих выбросы загрязняющих веществ, а также обязательные отчеты о воздействии на окружающую среду. Важным аспектом является также контроль за соблюдением этих норм, что осуществляется посредством регулярных проверок и мониторинга.

Определение стратегий энергетической политики в настоящий момент формируется на основе «Энергетической стратегии России на период до 2035 года». Этот документ определяет ключевые направления развития сектора, включая обеспечение энергетической безопасности, переход на низкоуглеродные технологии, развитие возобновляемых источников энергии и более эффективное использование существующих ресурсов. Так, государство активно поддерживает внедрение новых технологий в отрасль, что отражено в программах государственной поддержки, например, через Фонд содействия инновациям, который содействует инициативам, в том числе направленным на развитие возобновляемых источников энергии и внедрение в отрасль современных технологий.

Инновации в отрасли, а также развитие возобновляемых источников энергии становятся все более актуальными. В этом контексте особое внимание уделяется альтернативным источникам энергии, таким как солнечная, ветряная и гидроэнергетика [3, с. 4]. Тенденции в развитии топливно-энергетической отрасли характеризуются динамичными изменениями в производстве и потреблении энергетических ресурсов, а также переходом к более экологически чистым и эффективным технологиям. Инновации уже сегодня становятся необходимым инструментом для достижения этих целей. Например, внедрение цифровых технологий и автоматизации процессов позволяет значительно оптимизиро-

5 Закон РФ от 21.02.1992 N 2395-1 «О недрах» (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс».

6 Федеральный закон «Об охране окружающей среды» от 10.01.2002 № 7-ФЗ (последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс».

7 Указ Президента Российской Федерации от 04.11.2020 г. № 666 «О сокращении выбросов парниковых газов» // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2020. - № 45. - Ст. 7095.

8 Распоряжение Правительства РФ от 9 июня 2020 года № 1523-р «Об утверждении Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2035 года // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2020. - № 24. - Ст. 3847.

9 Указ Президента РФ от 13.05.2019 № 216 «Об утверждении Доктрины энергетической безопасности Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

вать производство и распределение энергии. Использование аналитических инструментов и больших данных помогает в прогнозировании потребления, управлении нагрузками и минимизации потерь на всех этапах - от добычи до доставки конечному потребителю[10].

С учетом глобальных трендов на устойчивое развитие, в России наблюдается рост интереса к «зеленым» тарифам, которые могут стимулировать использование возобновляемых источников энергии. В частности, в рамках национальной программы «Зелёный тариф» в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 02.03.2021 г. № 299[11] предусмотрено право продажи государству излишков электроэнергии, полученной от возобновляемых источников энергии владельцами частных домов и субъектами малого и среднего бизнеса. Прежде всего, это относится к субъектам, использующим солнечные панели или ветряные установки, что со временем должно будет способствовать переходу к более экологически чистым источникам энергии.

Однако, несмотря на положительные тенденции, развитие топливно-энергетического комплекса России сегодня сталкивается с рядом серьезных проблем и вызовов, которые могут существенно повлиять на его эффективность. Одной из основных проблем является зависимость экономики страны от традиционных углеводородных ресурсов, таких как нефть и газ. Несмотря на значительные запасы и экспортный потенциал, эта зависимость создает риски, связанные с колебаниями мировых цен на энергоресурсы, а также с изменениями в международной политике и экономике. В условиях глобального перехода к более экологичным технологиям, такая зависимость может привести к утрате конкурентоспособности и снижению доходов от экспорта. Что в свою очередь создает угрозы, как для энергетической безопасности страны, так и для ее стабильного экономического развития.

Кроме того, недостаток инвестиций в новые технологии и инновации является еще одной проблемой, с которой сталкивается ТЭК. Несмотря на наличие правовой основы, и потенциала для внедрения возобновляемых источников энергии и цифровых технологий в отрасль, многие компании не готовы или не могут выделить необходимые средства. Как следствие значимой проблемой остается устаревшая инфраструктура, которая требует модернизации и инвестиций. Многие объекты топливно-энергетического комплекса, включая трубопроводы, электростанции и распределительные сети, были построены десятилетия назад и не соответствуют современным требованиям по эффективности и экологической безопасности. Данная проблема, в свою очередь может привести к негативным последствиям не только для окружающей среды, но и для здоровья населения.

Таким образом, эффективное правовое регулирование топливно-энергетической отрасли, с учетом современных тенденций и технологического развития, может способствовать обеспечению энергетической безопасности страны и устойчивому развитию отрасли. Важно продолжать работу над гармонизацией нормативно-правовой базы, модернизацией и внедрением новых экологических стандартов.

Можно сказать, что, несмотря на значительный запас природных ресурсов и традиционно высокую роль углеводородов в экономике страны, отрасль сталкивается с множеством внешних и внутренних факторов, способных негативно отразиться на его развитии. Нестабильность мировых цен на энергоресурсы, изменения в политической обстановке, а также новые международные обязательства в области энергетики - все это требует особого внимания законодателя.

Подход к внедрению инновационных решений, таких как возобновляемые источники энергии, технологически сложен и требует значительных инвестиций. Необходимы новые правовые меры, стимулирующие компании переходить на энергоэффективные технологии. Тем самым ТЭК должен адаптироваться к новым условиям, осуществляя переход к более экологически чистым и эффективным формам добычи энергоресурсов и производства энергии. Что в свою очередь позволит открыть новые горизонты для экономического роста, обеспечения целей устойчивого развития, а также обеспечения промышленной и энергетической безопасности страны [4, с. 7].

В конечном итоге, успешное развитие топливно-энергетического комплекса в России зависит от готовности отрасли к этим изменениям. Необходимы системные реформы, направленные на совершенствование правового регулирования с учетом технологических изменений, поддержка инноваций, а также подготовка специалистов, способных эффективно решать возникающие проблемы. Понимание значимости и актуальности этих вопросов уже сегодня как никогда важно для достижения устойчивого и безопасного будущего.

Пристатейный библиографический список

1. Анисимова Н. Страны ОПЕК+ договорились о корректировке добычи в 2024 году. // РБК. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.rbc.ru/economics/04/06/2023/647cb94f9a7947033daf32e1 (дата обращения: 10.03.2025).
2. Сергеева О. С. Государственная политика в сфере обеспечения экологической безопасности граждан // Вестник Прикамского социального института. - 2019. - № 1 (82). - С. 65-71.
3. Васильева В. Д. Топливно-энергетический комплекс России: проблемы и перспективы развития // Научное обозрение. - 2019. - № 2 (часть 2). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://science-pedagogy.ru/ru/article/view?id=1855 (дата обращения: 10.03.2025).
4. Клеандров М. И. О векторе развития правового обеспечения «зеленых» финансов «зеленой» энергетики // Правовой энергетический форум. - 2020. - № 1. - С. 26-33.
5. Пшеничников Д. Е. Актуальные проблемы правового регулирования в сфере энергетики в Российской Федерации // Молодой ученый. - 2024. - № 21 (520). - С. 566-569. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://moluch.ru/archive/520/114426/ (дата обращения: 14.02.2025).

10 Распоряжение Правительства РФ от 28.12.2021 № 3924-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации топливно-энергетического комплекса» // СПС «КонсультантПлюс».

11 Постановление Правительства Российской Федерации от 02.03.2021 № 299 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации в части определения особенностей правового регулирования отношений по функционированию объектов микрогенерации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_378535/88347a78b7b79e0d064364b91059a2cc19c54eae/ (дата обращения: 10.03.2025).

ЧЕРНУХИНА Кристина Юрьевна
студент, Институт подготовки государственных и муниципальных служащих, Академия права и управления ФСИН России

ТУАРМЕНСКИЙ Владимир Викторович
кандидат педагогических наук, доцент кафедры философии и истории, Академия права и управления ФСИН России

ЦИФРОВОЙ РУБЛЬ: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТА

В настоящей статье проводится многоаспектный анализ основных характеристик «цифрового рубля». Рассматриваются различные трактовки данного понятия: как самостоятельного термина, обозначающего объект гражданских прав; как вида цифрового имущества, обладающего специфическими характеристиками; как инновационной формы национальной платёжной системы. Кроме того, в статье подробно рассматриваются положительные и отрицательные моменты внедрения новой цифровой денежной единицы. Важной частью исследования является изучение проблем понимания сущности и правового регулирования цифрового рубля.

Ключевые слова: цифровой рубль, безналичные деньги, национальная валюта.

CHERNUKHINA Kristina Yurjevna
student, Institute of Training of State and Municipal Employees, Academy of Law and Management of the FPS of Russia

TUARMENSKIY Vladimir Viktorovich
Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor of Philosophy and history sub-faculty, Academy of Law and Management of the FPS of Russia

DIGITAL RUBLE: SOME ASPECTS OF THE PROJECT IMPLEMENTATION

This article provides a multidimensional analysis of the main characteristics of the «digital ruble». Various interpretations of this concept are considered: as an independent term designating an object of civil rights; as a type of digital property with specific characteristics; as an innovative form of the national payment system. In addition, the article discusses in detail the positive and negative aspects of the introduction of a new digital currency. An important part of the research is the study of the problems of understanding the essence and legal regulation of the digital ruble.

Keywords: digital ruble, non-cash money, national currency.

Введение

С момента бурного развития информационных технологий их внедрение в современные платёжные системы стало вопросом времени. Вхождение безналичных расчётов в повседневный обиход среднестатистического гражданина привело к необходимости коррекции правовой базы. Такой же реакции законодателей потребовал рост интереса обывателей к криптовалюте. В названных ситуациях государственные институты были вынуждены реагировать на появление в стране новых платёжных систем. Не всегда данные меры носили сообразный и своевременный характер, что подчас провоцировало дискурс в пределах правового поля. С появлением цифрового рубля, разработанного Центральным банком, эта дискуссия становится еще более насущной и острой. Чаще всего в научном дискурсе цифровой рубль анализируется с точки зрения новых возможностей и опасностей [2; 4], связанных с реализацией проекта новой формы денег [1; 8], также анализу подвергается собственно юридическая сторона вопроса, которая является менее проработанной [3; 5; 6]. Данный момент обуславливает актуальность исследования реализации проекта цифрового рубля.

Основное содержание

Гражданские правоотношения представляют собой своеобразное экономическое взаимодействие, касающееся распределения имущественных благ и выгод. Согласно одной из их ключевых классификаций они подразделяются на вещные и обязательственные. Вещные отношения являются статичными, поскольку фиксируют права на определенные вещи, тогда как обязательственные отношения динамичны, характеризуясь перемещением объектов гражданских прав между субъектами.

Статья 128 Гражданского кодекса Российской Федерации позволяет выделить три основные категории, определяющие объекты гражданских прав: имущество, вещи и имущественные права. Категория «имущество» является самой обширной, охватывая как физические объекты (вещи), так и имущественные права. В свою очередь, к этой категории может быть отнесено и цифровое имущество [7]. Цифровой рубль, который выпускаются Центральным банком (ЦБ) можно отнести к такого рода имуществу.

Цифровой рубль представляет собой новый этап в эволюции финансовых транзакций. Это продукт активной цифровизации, которая стремительно проникает в различные аспекты нашей повседневной жизни. Цифровой рубль – это цифровые денежные средства, выпускаемые Центральным банком России, являющиеся таким же платежным средством, как наличные деньги в виде банкнот и монет и безналичные денежные средства на счетах в банках.

Цифровой рубль представляет собой третью форму национальной валюты, что соответствует глобальной тенденции к обновлению денежных систем в различных государствах [1]. Однако на данный момент цифровой рубль воспринимается как инновация, и его предназначение и возможности вызывают множество вопросов у заинтересованных пользователей.

Для того чтобы понять сущность феномена цифрового рубля, для начала следует обратиться к определению, данному институтом, введшим новую денежную единицу в финансовую систему РФ. ЦБ РФ определяет цифровой рубль как национальное денежное средство, представляющее собой

новую форму российской валюты, которая будет функционировать наряду с уже имеющимися в обращении денежными средствами [7]. Для реализации данного проекта был предусмотрен механизм создания и функционирования цифровых кошельков для юридических и физических лиц. Также был продуман доступ к новой платёжной системе через популярные мобильные приложения коммерческих банков. С помощью этой инновации россияне смогут осуществлять различные операции с новой валютой.

К основным характеристикам цифрового рубля можно отнести следующие базовые параметры:

1. Цифровой рубль существует только в электронном виде, его нельзя получить в виде наличных денег.

2. Цифровой рубль будет выпускаться Центральным банком России, что обеспечит государственный контроль над его эмиссией и оборотом.

3. Использование цифрового рубля позволит проводить быстрые и удобные финансовые операции без необходимости обращаться к банкам или платежным системам.

4. При использовании цифрового рубля предусмотрены современные технологии шифрования данных, которые обеспечивают конфиденциальность и безопасность информации о пользователях.

5. Цифровой рубль удобен для проведения мелких платежей, так как не требует комиссий за переводы небольших сумм.

6. Внедрение цифрового рубля способствует развитию финансовых технологий и улучшению финансовой инфраструктуры в стране.

Отличия от традиционной валюты:

1. Цифровой рубль существует и передается только в цифровой форме, в отличие от традиционной бумажной и металлической валюты. А отличие от безналичных расчетов состоит в том, что денежные средства хранятся на отдельном виртуальном кошельке, что упрощает использование цифрового рубля, так как не требует открытия какого-либо отдельного счета в банке, все операции осуществляются через индивидуальный код, выпущенный ЦБ РФ.

2. Цифровой рубль обеспечивает более высокий уровень безопасности и приватности, так как все транзакции регистрируются в блокчейне, что делает их надежными и неизменяемыми. А также ЦБ выдает 12-ти значный код гражданину для пользования денежными средствами [4].

3. Цифровой рубль позволяет проводить финансовые операции напрямую между участниками системы, минуя банки и иные финансовые посредники. Данный момент позволяет избежать дополнительных трат, в виде комиссий коммерческих банков за переводы и содержание счетов.

4. Внедрение цифрового рубля способствует развитию цифровой экономики и стимулирует использование новых технологий в финансовой сфере.

5. Наличные деньги хранятся в физических кошельках или сейфах. Безналичные деньги хранятся на коммерческих счетах в банках. Новая цифровая валюта размещена на платформе ЦБ РФ.

Таким образом, цифровой рубль представляет собой инновационную форму валюты, сочетающую в себе преимущества виртуального формата с повышенной доступностью и улучшенными мерами безопасности [2]. Однако, как и любой новый технологический продукт, он может иметь свои риски и недостатки, которые будут выявляться и устраняться по мере его внедрения и использования.

К основным плюсам цифрового рубля можно отнести:

Контроль за бюджетными средствами. Новый цифровой сегмент финансовой системы даёт в руки государства новый инструмент для обеспечения прозрачности расходования бюджетных средств.

Упрощение платежей. Финансовые институты, юридические и физические лица смогут осуществлять платежи более просто и оперативно.

2. Прозрачность блокчейна (цифровой записи транзакций) позволит отслеживать и оперативно замораживать непомерные или нехарактерные траты.

3. Для государственных служащих облегчит в какой-то степени подачу справки о доходах, не нужно будет выписывать все счета, открытые в банках, а будет один так называемый счет на платформе цифрового рубля. А также в дальнейшем это упростит проверку данной справки, не будет необходимости делать запросы в разные банки, достаточно будет сделать запрос на платформу цифрового рубля.

4. Так же это может привести к уменьшению коррупции, все операции будут отслеживаться ЦБ и при необходимости замораживаться.

5. И может снизится финансовая преступность, когда люди переводят мошенникам или даже террористам огромные суммы.

6. Огромный плюс так же для предпринимателей, которые не будут платит банковские комиссии за содержание счетов и переводы, что может способствовать активизации коммерческой деятельности, а следовательно, росту экономики.

Основными минусами Цифрового рубля можно считать:

1. Совпадение кода доступа к цифровому рублю: пусть и звучит немного фантастически, но могут случится различные сбои в нововведённой системе, когда у нескольких людей могут совпасть коды доступа и тогда людям придется доказывать какие средства им принадлежат, скорее всего это приведет к судебным разбирательствам, что увеличит нагрузку на суды, а также это может привести к сбою самой системы цифрового рубля.

2. Сама система цифрового рубля и ее возможны сбои и дусту к ней: все мы знаем платформу гос. услуги и что не всегда получается в нее войти с первого раза, я не умаляю достоинства и функционал данной системы , я хочу сказать о том , что платформе цифрового рубля требуется хорошее программное обеспечение и хорошие IT-специалисты, которые смогут поддерживать ее стабильность всегда, ведь вопрос денег всегда важен для людей.

3. Определение легальности цифрового рубля.

Иногда озвучиваются мнения о том, что цифровой рубль не является законным средством платежа в РФ. Если мы обратимся к ст. 75 Конституции РФ, там однозначно утверждается, что «Денежной единицей в Российской Федерации является рубль». После введения ЦБ понятия цифрового рубля, возникает определённая правовая коллизия. Однако в ст.128 ГК РФ прописывается, что цифровой рубль относится к объектам гражданских прав. Из этого следует, что ЦБ противопоставляет понятие «цифровой рубль» и уже функционирующие безналичные деньги. Начало обсуждению сущности цифрового рубля было положено уже в апреле 2023 года, когда на официальном сайте Банка России была размещена следующая информация, резюмирующая возникшую вокруг новых денег дискуссию. В ней разъяснялось, что «цифровой рубль – это третья форма рубля». Данная информация была подтверждена на совещании Правительства РФ

от 19 июля 2023 года. Председатель Банка России отметила, что цифровой рубль – это «третья, дополнительная форма национальной валюты наряду с наличными и безналичными» [7]. Из последующих заявлений глав финансовых учреждений России можно сделать итоговый вывод, что цифровая и безналичная формы денег различны. Однако такой подход не полностью соответствует статье 128 ГК РФ, признающей цифровой рубль разновидностью безналичных денежных средств.

Совсем недавно ЦБ дал исчерпывающий ответ Ассоциации российских банков о том, что цифровой рубль является безналичным, а его отнесение к третьей форме денег применяется в дискурсе в рамках использования термина «форма денег» в экономическом контексте.

Исходя из этого, можно сделать вывод, что цифровой рубль выступает в качестве безналичного средства платежа, обращение которого обеспечивается Центральным банком через платформу цифрового рубля.

ЦБ РФ установил порядок функционирования платформы цифрового рубля в соответствии с требованиями, изложенными в статье 30.7 Закона № 161-ФЗ. Эти правила зафиксированы в Положении Банка России от 3 августа 2023 года № 820-П [9]. До лета 2025 года операции с цифровыми рублями будут проводиться в тестовом режиме, с участием 12 банков, а уже с 1 июля 2025 года все системно значимые кредитные организации (СЗКО) будут иметь право осуществлять операции с цифровыми рублями. Перечень данных организаций, а также сумма операций в рамках пилотного проекта, будут определены решением Совета директоров Банка России (часть 4 статьи 8 Федерального закона от 24 июля 2023 года № 340-ФЗ).

Анализ данных документов позволяет нам сделать заключение, что цифровой рубль является национальным безналичным денежным средством, представляющим собой новую форму российской валюты, которая используются наравне с другими формами расчета, эмиссия которого обеспечивается Центральным банком РФ через платформу цифрового рубля.

Предполагается, что данная форма денег может существенно облегчить расчёты, а также усовершенствовать банковское обслуживание, станет новым механизмом борьбы с финансовой преступностью. Но перед полномасштабным запуском стоило оценить минусы, а также устранить возможные технические недочеты и лазейки для киберпреступников, чтобы избежать проблем в будущем использовании инновационной платёжной системы.

Пристатейный библиографический список

1. Андрюшин С. А. Цифровая валюта Центрального банка как третья форма денег государства // Актуальные проблемы экономики и права. – 2021. – Т. 15, № 1. – С. 54–76.
2. Вершинина О. В., Лабушева Я. Г., Султаниев И. С. Анализ возможностей и рисков введения в обращение цифровых валют центральных банков на примере «цифрового рубля» // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек и общество. – 2021. – № 1. – С. 51-60.
3. Габов А. В. Цифровой рубль Центрального банка как объект гражданских прав // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – № 4. – С. 55-65.
4. Каменская К. В. К вопросу введения Цифрового рубля как инструмента противодействия экономическим и финансовым нарушениям // Инновации. Наука. Образование. – 2021. – № 25 – С. 77-84.
5. Концепция цифрового рубля // Центральный банк РФ. 2021. Апр. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.cbr.ru/Content/Document/File/120075/concept_08042021.pdf (дата обращения: 05.03.2025).
6. Пекарева В. В., Фроловская Ю. И. Дефиниция и правовая природа цифрового рубля // Аграрное и земельное право. – 2024. – № 2 (230). – С. 184-186.
7. Ситник А. А. Цифровой рубль как объект финансово-правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. – 2023. – Т. 18, № 8. – С. 20-36.
8. Турбанов А. В. Цифровой рубль как новая форма денег // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – № 5. – С. 73-90.
9. Положение Банка России от 03.08.2023 № 820-П (ред. от 12.07.2024) «О платформе цифрового рубля» (вместе с «Порядком урегулирования споров и разногласий») (Зарегистрировано в Минюсте России 10.08.2023 № 74716) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2025). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_454540/eeb5679e3c5ccae487c71b3bcf35b0463a558df9/ (дата обращения: 06.03.2025).

ЧЖОУ Пэн
магстрант (аграрная экономика), Белорусская государственная орденов Октябрьской революции и Трудового Красного Знамени сельскохозяйственная академия

КОНКУРЕНЦИЯ И АНТИМОНОПОЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РАЗВИТЫХ И РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАН

В данной статье исследуется роль конкуренции и антимонопольной политики в рыночной экономике на примере сравнения развитых и развивающихся стран. Анализируются ключевые принципы, цели и результаты антимонопольного регулирования в различных экономических контекстах. Подчеркивается, как различия в уровне экономического развития влияют на разработку и эффективность политики конкуренции. Также рассматриваются лучшие практики и проблемы, с которыми сталкиваются государственные органы при создании конкурентных рынков и предотвращении монополистических практик. Результаты исследования подчеркивают важность адаптированных антимонопольных стратегий, учитывающих уникальные экономические условия каждой страны.

Ключевые слова: конкуренция, антимонопольная политика, рыночная экономика, развитые страны, развивающиеся страны, экономическое регулирование, монополистические практики.

ZHOU Peng
magister student (agricultural economics), Belarusian State of the Orders of the October Revolution and Labor Red Banner Agricultural Academy

COMPETITION AND ANTITRUST POLICY IN A MARKET ECONOMY: A COMPARATIVE ANALYSIS OF DEVELOPED AND DEVELOPING COUNTRIES

This paper explores the role of competition and antitrust policies in market economies, comparing developed and developing countries. The study analyzes the key principles, objectives, and outcomes of antitrust regulations in various economic contexts. It highlights how differences in economic development levels influence the design and effectiveness of competition policies. The research also discusses best practices and challenges faced by policymakers in fostering competitive markets while preventing monopolistic practices. The findings underscore the importance of tailored antitrust frameworks that consider each country's unique economic environment.

Keywords: competition, antitrust policy, market economy, developed countries, developing countries, economic regulation, monopolistic practices.

Введение

Глобализация оказала значительное влияние на структуру рынков и характер конкуренции в мировой экономике. Согласно исследованиям, глобальные процессы усилили конкуренцию, одновременно усложнив регулирование рыночных отношений. Как отмечают В. В. Ильяшенко и В. В. Милованова [1], для развивающихся стран глобализация создает как возможности для интеграции в мировую экономику, так и вызовы, связанные с защитой внутреннего рынка от внешней конкуренции.

Особое внимание заслуживает вопрос о сравнительном анализе антимонопольной политики развитых и развивающихся стран. Как утверждает И. М. Братищев [2], глобализация влияет на внутреннюю политику государств, вынуждая их корректировать национальные стратегии для соответствия мировым стандартам. Для развивающихся стран особенно актуальны проблемы адаптации этих стратегий к локальным условиям и экономической специфике.

Цель данного исследования – провести сравнительный анализ конкуренции и антимонопольной политики в развитых и развивающихся странах, выявить общие черты и различия, а также определить эффективные подходы к регулированию рыночных отношений. Как подчеркивает Д. К. Кулешов [3], многие развивающиеся страны сталкиваются с проблемами институциональной слабости, что снижает эффективность мер по обеспечению справедливой конкуренции. Поэтому для них важно использовать международный опыт, адаптируя его к собственным экономическим условиям.

Теоретическая основа

Конкуренция представляет собой фундаментальный элемент рыночной экономики, который определяет структуру рынка, динамику цен и уровень инновационной активности. В современной экономической литературе выделяют несколько типов конкуренции: совершенная конкуренция, монополистическая конкуренция, олигополия и монополия. Совершенная конкуренция характеризуется большим количеством участников рынка, отсутствием барьеров для входа и высокой эффективностью распределения ресурсов. В условиях олигополии несколько крупных компаний способны существенно влиять на рыночные условия. Монополия же возникает при доминирующем положении одной компании, что может привести к злоупотреблению рыночной властью [4].

Основные принципы антимонопольной политики направлены на предотвращение злоупотребления доминирующим положением, обеспечение честной конкуренции и стимулирование инноваций. Ключевые задачи антимонопольного регулирования включают:

1. Предотвращение картелей и антиконкурентных соглашений.
2. Сдерживание злоупотребления доминирующим положением.
3. Контроль за слияниями и поглощениями, которые могут привести к ограничению конкуренции.

Как отмечают Sidak и Teece, эффективная антимонопольная политика создает равные условия для всех участников рынка, укрепляя его прозрачность и устойчивость. Такая политика также способствует поддержанию потребительского выбора и повышает инновационную активность компаний [5].

Роль конкуренции в рыночной экономике заключается в повышении производственной эффективности, снижении издержек и стимулировании внедрения новых технологий. Высокая конкуренция вынуждает компании разрабатывать

более качественную продукцию, снижать себестоимость и внедрять инновации, что приносит непосредственную выгоду потребителям. Кроме того, конкуренция способствует созданию новых рабочих мест и ускоряет экономический рост. Анализ Sidak и Teece (2009 г.) подтверждает, что конкурентная среда служит катализатором структурных изменений и модернизации экономики [5].

Понимание типов конкуренции, принципов антимонопольной политики и их роли в экономике необходимо для разработки эффективных стратегий регулирования. Меры антимонопольного контроля, такие как мониторинг рыночной концентрации и предотвращение ценовых сговоров, обеспечивают условия для честной конкуренции и устойчивого экономического роста.

Антимонопольная политика в развитых странах

Антимонопольная политика в развитых странах направлена на обеспечение эффективного функционирования рыночных механизмов, предотвращение монополистических практик и стимулирование инноваций. Ведущими примерами регулирования в этой области являются США и Европейский союз, где сформированы четкие законодательные рамки и сильные регулирующие органы.

Основные законодательные акты и регулирующие органы

В США ключевыми нормативно-правовыми актами являются Закон Шермана (1890 г.) и Закон Клейтона (1914 г.). Закон Шермана запрещает любые соглашения и практики, ограничивающие торговлю или ведущие к монополизации, тогда как Закон Клейтона регулирует вопросы слияний и приобретений, которые могут негативно отразиться на конкурентной среде. За исполнением данных законов следят Федеральная торговая комиссия (FTC) и Министерство юстиции США (DOJ) [6].

В Европейском союзе основой регулирования выступают статьи 101 и 102 Договора о функционировании Европейского союза. Статья 101 запрещает антиконкурентные соглашения между компаниями, в то время как статья 102 предотвращает злоупотребление доминирующим положением на рынке. Европейская комиссия обладает полномочиями для проведения расследований, наложения штрафов и принуждения к соблюдению законодательства [7] .

Успешные примеры антимонопольных дел

Одним из наиболее значимых дел в США стало дело против Microsoft в конце 1990-х годов. Министерство юстиции обвинило компанию в использовании своего доминирующего положения на рынке операционных систем для вытеснения конкурентов с рынка браузеров. Судебное разбирательство привело к соглашению, обязывающему Microsoft предоставлять интерфейсы программного обеспечения сторонним разработчикам, что создало условия для усиления конкуренции [6].

В Европейском союзе знаковым стало антимонопольное разбирательство против компании Google. Европейская комиссия выявила использование Google своего доминирующего положения на рынке поисковых систем для продвижения собственных сервисов. В результате в 2018 году компании был наложен штраф в размере 4,34 млрд. евро, что стало рекордным показателем и послужило важным сигналом для других технологических гигантов [7].

Особенности политики и результаты внедрения

Ключевыми характеристиками антимонопольной политики развитых стран являются прозрачность процессов, системность регулирования и высокая степень правоприменения. Строгие меры наказания за нарушение законодательства, значительные штрафы и независимость регулирующих органов обеспечивают эффективность данных мер. Также наблюдается ориентация на поддержку инноваций через защиту интеллектуальной собственности, создание благоприятных условий для стартапов и развитие инфраструктуры технологического обмена.

Антимонопольная политика в развивающихся странах

Законодательные и исполнительные вызовы

Антимонопольная политика в развивающихся странах сталкивается с рядом специфических вызовов. Одной из ключевых проблем является слабая правовая база и недостаточная способность регулирующих органов эффективно обеспечивать исполнение законодательства. В таких странах, как Индонезия и Нигерия, отсутствует институциональная поддержка, необходимая для борьбы с антиконкурентными практиками [8].

Политическое вмешательство и коррупция также существенно ограничивают эффективность антимонопольного регулирования. В некоторых странах Латинской Америки наблюдается тесная связь между крупным бизнесом и государственными структурами, что препятствует справедливой конкуренции и снижает доверие к регулирующим органам [9].

Основные примеры из стран

Китайская антимонопольная политика и регулирование интернет-гигантов. С момента введения в действие Закона о борьбе с монополией в 2008 году Китай активизировал регулирование цифровых платформ. В частности, регулирующие органы начали более тщательно контролировать деятельность таких компаний, как Alibaba и Tencent, чтобы предотвратить злоупотребление рыночной властью. Эти меры направлены на поддержание справедливой конкуренции и защиту потребительских прав, что особенно важно в условиях стремительного роста цифровой экономики.

Реформы Индийской комиссии по конкуренции. Индийская комиссия по конкуренции (CCI) провела ряд реформ для усиления антимонопольного контроля, включая упрощение процедур рассмотрения дел и повышение прозрачности расследований. Индия сталкивается с проблемами в области регулирования быстроразвивающегося сектора электронной коммерции, что требует более гибких и адаптированных подходов к правоприменению.

Политические инновации в развивающихся странах

Развивающиеся страны активно ищут пути балансировки между защитой национальных производителей и поощрением рыночной конкуренции. В Бразилии был введен ряд инициатив, направленных на поддержку малых и средних предприятий, что позволило повысить уровень конкуренции без ущерба для внутренних производителей. Также развивается практика применения временных мер контроля для защиты ключевых отраслей в периоды экономической нестабильности.

Страны Африки адаптируют международные стандарты антимонопольной политики к локальным условиям, разрабатывая региональные соглашения и механизмы сотрудничества. Эти подходы позволяют более эффективно регулировать трансграничные рыночные операции и укреплять конкурентную среду.

Сравнительный анализ

1. Институциональные различия.

Антимонопольная политика в развитых и развивающихся странах различается в зависимости от роли государства. В развитых странах преобладает модель свободного рынка с минимальным вмешательством государства, где основное внимание уделяется прозрачности и предотвращению недобросовестных практик. В развивающихся странах государство играет более активную роль, что связано с необходимостью защиты ключевых отраслей и поддержки национальных производителей. Однако такой подход может привести к политическому вмешательству и снижению прозрачности рыночных процессов.

2. Сравнение эффективности политики.

Эффективность антимонопольной политики оценивается по:

2. 1. Прозрачности рынка: в развитых странах обеспечивается высокими стандартами отчетности, в развивающихся - часто ниже из-за слабой институциональной базы.

2.2. Защите потребителей: развитые страны обеспечивают всестороннюю защиту потребителей, тогда как в развивающихся странах эта защита часто фрагментарна.

2.3. Стимулированию инноваций: в развитых экономиках конкуренция способствует инновациям, в развивающихся - прогресс наблюдается при поддержке стартапов и технологических инициатив.

3. Общие вызовы и стратегии их решения

Глобализация и деятельность транснациональных корпораций создают вызовы для национальных антимонопольных стратегий. Развитые страны решают их через меж-

дународное сотрудничество, тогда как развивающиеся разрабатывают подходы, сочетающие защиту внутренних рынков и привлечение инвестиций.

Быстрое развитие технологий также приводит к появлению новых форм рыночной власти. Использование больших данных и искусственного интеллекта требует от регулирующих органов внедрения современных подходов для обеспечения честной конкуренции и защиты прав потребителей.

Кейс-стади

1. Глобальные антимонопольные дела.

Одним из наиболее примечательных примеров глобальных антимонопольных дел является судебное разбирательство между Apple и Qualcomm. Спор касался вопросов лицензирования патентов и монополистических практик в глобальной цепочке поставок полупроводников. Дело привлекло внимание регулирующих органов по всему миру и подчеркнуло важность соблюдения справедливых условий на международном рынке технологий. Конфликт был урегулирован соглашением, что подтвердило необходимость международного подхода к разрешению подобных споров и подчеркивает, как транснациональные компании могут влиять на рыночную конкуренцию в глобальном масштабе.

2. Региональное сотрудничество и координация политики.

В условиях растущей глобализации региональное сотрудничество становится важным элементом антимонопольной политики. В Азии создано несколько кооперативных рамок, направленных на гармонизацию антимонопольных стандартов и практик между странами региона. Аналогичные усилия наблюдаются в странах Латинской Америки, где организации, такие как MERCOSUR, разрабатывают совместные подходы к регулированию рыночных отношений. Такие инициативы позволяют странам эффективнее реагировать на вызовы, связанные с трансграничной экономической деятельностью и транснациональными корпорациями.

3. Конкуренция между местными и транснациональными компаниями.

Национальные компании в развивающихся странах часто сталкиваются с жесткой конкуренцией со стороны транснациональных корпораций, обладающих большими ресурсами и технологическими преимуществами. Для эффективного противостояния таким конкурентам местные компании используют стратегии нишевого позиционирования, локализации продукции и формирования альянсов. Государственная поддержка в виде субсидий и программ по развитию инноваций также играет важную роль в повышении конкурентоспособности местного бизнеса. В свою очередь, транснациональные корпорации адаптируют свои стратегии, учитывая особенности местного рынка, что приводит к более сбалансированной и конкурентной деловой среде.

Заключение

Антимонопольная политика является неотъемлемой частью рыночной экономики, способствуя созданию условий для справедливой конкуренции, защиты потребителей и стимулирования инноваций. Проведенный сравнительный анализ показывает, что развитые и развивающиеся страны применяют различные подходы к регулированию конкурентных процессов, что обусловлено уровнем их экономического развития, институциональной зрелостью и стратегическими приоритетами.

В развитых странах антимонопольное регулирование отличается высоким уровнем прозрачности, эффективностью правоприменения и жесткими мерами против нарушителей. Здесь государственная политика направлена на поддержку инноваций, защиту прав потребителей и предотвращение злоупотреблений доминирующим положением. Случаи, такие как антимонопольные дела, против крупных технологических компаний, подчеркивают важность строгого контроля за деятельностью транснациональных корпораций.

В развивающихся странах ситуация более сложная. Здесь антимонопольное регулирование сталкивается с проблемами, связанными с ограниченной институциональной базой, политическим вмешательством и коррупцией. Однако наметились положительные тенденции: активно разрабатываются и внедряются новые законодательные инициативы, усиливается региональное сотрудничество, и формируются эффективные подходы к регулированию цифровых рынков. Примеры Китая и Индии демонстрируют успешные шаги в направлении усиления конкурентной среды через адаптацию международных практик и развитие внутренних институтов.

Современные вызовы, такие как глобализация, цифровизация экономики и рост влияния транснациональных компаний, требуют гибкости и инновационности в разработке антимонопольной политики. Особенно актуальным становится регулирование цифровых платформ, использование больших данных и искусственного интеллекта. Для успешного решения этих задач необходимо международное сотрудничество, обмен опытом и унификация стандартов регулирования.

Таким образом, эффективная антимонопольная политика должна основываться на комплексном подходе, который учитывает национальные особенности и глобальные тенденции. Она должна поддерживать баланс между защитой внутреннего рынка и интеграцией в мировую экономику, создавать условия для развития инноваций и обеспечения равных возможностей для всех участников рынка. Только такая политика способна обеспечить устойчивый экономический рост, повысить конкурентоспособность страны на международной арене и укрепить доверие к рыночным институтам.

Пристатейный библиографический список

1. Ильяшенко В. В., Милованова В. В. Влияние глобализации экономической деятельности на развивающиеся страны // Известия УрГЭУ. – 2012. - № 2. - С. 15-24. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-globalizatsii-ekonomicheskoy-deyatelnosti-na-razvivayuschiesya-strany.
2. Братищев И. М. XXI век: глобальная конкуренция и управление социально-экономическими процессами: цели, закономерности и принципы // Этап: экономическая теория, анализ, практика. – 2010. - № 3. - С. 45-53. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/xxi-vek-globalnaya-konkurentsiya-i-upravlenie-sotsialno-ekonomicheskimi-protsessami-tseli-zakonomernosti-i-printsipy.
3. Кулешов Д. К. Влияние глобализации на развитие предпринимательских структур и их адаптация к условиям конкурентной рыночной среды // Труды института торговли и рынка. – 2021. – Т. 1. - № 59. - С. 247-256. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://trade.donnuet.ru/download/2021/TIR-3-59-2021-t1.pdf#page=247.
4. Neven D. J. Competition economics and antitrust in Europe // Economic Policy. - 2006. – [Электронный ресурс]. - Режим досупа:https://academic.oup.com/economicpolicy/article-abstract/21/48/742/2918748.
5. Sidak J. G., Teece D. J. Dynamic competition in antitrust law // Journal of Competition Law & Economics. – 2009. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://academic.oup.com/jcle/article-abstract/5/4/581/755200.
6. Петров А. В. Антимонопольная политика США // Вестник Бурятского государственного университета. – 2015. - № 4. - С. 33-41. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/antimonopolnaya-politika-ssha.
7. Иванова Л. С. Конкурентная политика Европейского союза // КиберЛенинка. – 2018. - № 1. - С. 12-22. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/konkurentnaya-politika-evropeyskogo-soyuza.
8. Gal M. S. Competition policy for small market economies // Journal of Economic Literature. – 2003.
9. Devlin A. Antitrust in an era of market failure // Harvard Journal on Legislation. - 2010. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://heinonline.org/hol-cgi-bin/get_pdf.cgi?handle=hein.journals/hjlpp33&section=38.

АФАНАСЬЕВСКИЙ Вадим Леонидович
кандидат философских наук, доцент кафедры теории и история государства и права, Самарский юридический институт ФСИН России

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ КАК ПРОБЛЕМА ФИЛОСОФИИ КУЛЬТУРЫ

Объектом статьи выступает философия культуры. Предметом статьи являются механизмы социокультурной памяти как проблема философии. Автор представляет классификацию концепций культуры в пространстве философии культуры. Сам автор придерживается деятельностного подхода в философском топосе, представляющего культуру в качестве способа жизнедеятельности человека. Автор обосновывает органическое единство культуры и памяти. Проводится идея о том, что в культурно-историческом движении будущим поколениям транслируются смыслы, тем самым происходит конструирование специфического смыслового ряда. В качестве примера автор представляет незаслуженно забытую концепцию ростовского философа М.К. Петрова.

Ключевые слова: философия, философская проблема, философия культуры, культура, общество, культурная память, социокод, социокультурный мир, деятельностный подход, смыслы культуры.

AFANASEVSKIY Vadim Leonidovich
Ph.D. in philosophical sciences, associate professor of Theory and History of State and Law sub-faculty, Samara Law Institute of the FPS of Russia

SOCIOCULTURAL MEMORY AS A PROBLEM OF PHILOSOPHY OF CULTURE

The object of the article is the philosophy of culture. The subject of the article is the mechanisms of sociocultural memory as a problem of philosophy. The author presents the classification of the concepts of culture in the space of philosophy of culture. The author himself adheres to the activity approach in the philosophical topos, representing culture as a way of human life activity. The author substantiates the organic unity of culture and memory, the idea that in the cultural-historical movement to future generations are transmitted meanings, thereby constructing a specific meaning series. As an example, the author presents the undeservedly forgotten concept of the Rostov philosopher M.K. Petrov.

Keywords: philosophy, philosophical problem, philosophy of culture, culture, society, cultural memory, sociocode, sociocultural world, activity approach, cultural meanings.

«Вопрос о том, что такое культура, есть вопрос наших дней; не оспаривают значение культуры, оспаривают постановку тех или иных вопросов, связанных с культурой» [1, с. 18]. Данная констатация была зафиксирована в начале XX столетия. XX век вошел в историю философской мысли с этой проблемой но и XXI столетие входит в пространство философии культуры с ней же. Американские антропологи и философы К. Клакхон и А. Кребер подсчитали количество дефиниций понятия «культура» с 1871 по 1919 годы – их было всего семь, а вот уже в 1920-1950-е годы их стало около 150, к настоящему времени их число возросло до более, чем 500 [См: 2]. Таким образом, движение философской мысли при рассмотрении данной проблемы не стоит на месте. Концепт «культура» в истории философии проходил определенную трансформацию. В связи с этим как научный, так и философский дискурсы постоянно вносят изменения в содержание данного концепта. Можно констатировать, что понятие «культура» актуализируется в топосе философского дискурса как постоянно обновляющаяся в своем содержании теоретическая конструкция. Причиной данной динамики значений выступает органическое единство экзистенциальный объем этого понятия и его интенциональная определенность.

Каким же образом можно ориентироваться в этом многообразном потоке. Вслед за своим учителем выдающимся самарским мыслителем профессором Коневым В. А. считаю возможным классифицировать все возможные дефиниции, представленные в философском дискурсе, по четырем группам. Первое направление в толковании концепта «культура» конструируется на основе классической дихотомии «натура - культура», «природное - человеческое» и «естественное – искусственное». Здесь культуру необходимо понимать в качестве «второй» природы, то есть мира человека. Оппозиция «культура – натура» делает акцент на социальном характере культуры, на совершенно особом характере кодирования, концентрации и передачи нового опыта в культурном пространстве по сравнению с транслированием генетических трансформаций в естественных организмах и популяций. Получается, что культура выступает в качестве синонима социума и его исторических тансформаций. Во второй вектор интерпретации данного концепта уже превращает культуру в специфический феномен – как особенный набор инструментов человеческой жизнедеятельности, то есть как целостность норм, образцов и моделей, которые выстраивают саму технологию социума. Данная трактовка активно используется в топосе разных школ культурной антропологии, представители которых, исследуя строй жизни примитивных народов, эксплицировали механизмы упорядочения данной жизни, ценности и нормы, являющиеся значимыми для деятельностной активности членов этих сообществ. Третья тенденция представляет культуру в качестве собственно продуктивной силы действия, как сама творческий механизм человеческой деятельности; здесь культура предстает как творчество в виде продуктивной силы, которая объективируется в «прафеноменах» (Гёте И. В., Шпенглер О.) культуры или в сущностных силах человечества (Коган *Л*. Н., Межуев В. М. и другие). И, наконец, четвертый тип концепций культуры является уже продуктом XX столетия инспирированный появлением науки семиотики; здесь культура трактуется в качестве кодов, шифров, текстов и т.п. На этом понимании фундируются структуралистские конструкции (*Л*еви-Строс К и другие), различного рода семиотические толкования (*Л*отман и его тартуская школа), а также постмодернистские

подходы (Деррида Ж. и его ученики). Все данные направления понимания понятия «культура» выражая различные ее грани одинаково значимы, они взаимно дополнительны и выстраивают определенно целостную ее конструкцию.

Мир культуры – это и есть универсум человеческих индивидов, который они сами выстраивают. Сам мир культуры представляет собой результат экзистенциальной деятельности человека. Культура воплощается в бесконечном разнообразии определенных символическо-знаковых проявлений, механизмов функционирования и толкования ценностных феноменов. Однако, надо подчеркнуть, что данный универсум присутствует только тогда, когда сам люди в нем существуют и постоянно его воссоздают и трансформируют. Памятники прошлых эпох, как реликты уже исчезнувших индивидов выступают в качестве живого и дышащего тела культуры только в том случае, когда становится возможен диалог с прошлым. Подучается, что культура предстает как то сущее, которое без человека существовать, принципиально, не имеет возможности. Даже после смерти человека она наличествует, ибо и смерть предстает в качестве утверждения ее присутствия. Пожалуй, именно смерть выступает фундаментальным проявлением разрыва между прошлым и настоящим. Этот разрыв необходимо ставит индивида в ситуацию выбора между радикальным исчезновением и возможным восстановлением в памяти. А это можно интерпретировать в качестве точки зарождения социокультурной памяти. Философия культуры исходит из того, что социокультурная память способна формироваться только при наличии самой заинтересованности субъекта в прошлом. Более того, сам феномен прошлого становится возможным только тогда, когда субъекты действия к нему обращаются, когда ему задают вопросы. И тем самым прошлое снова становится живым. Субъекты истории сумели выработать различные механизмы трансформации социальной реальности в «свое иное» (Гегель Г. В. Ф.), которое и воплотилось в функционировании культуры. Здесь осуществляется акт возрождения, которым прошлое обязано воле человека и общества, с целью не допустить абсолютного исчезновения прошлого опыта человечества, закрепить его активностью субъекта как общественного человека, взять его с собой в качестве воспоминаний в пространстве настоящего.

В нашей статье мы будем трактовать понятие «культура» с позиций деятельностной концепции. Истоки этого подхода уходят в далекий 1966 г., когда Маркарян Э. С. разработал новаторскую концепцию, согласно которой феномен культуры реализуется в образе специфического способа бытия человека с позиции экспликации всех элементов общественной системы. Он предложил анализировать общество и культуру как проявление внутренней дихотомии разнообразных сторон органической и генетической целостности, которая может быть расчленена только при помощи логических средств. Получается, что культура и общество находятся в отношениях конкретного тождества, которое несет в себе и различие. Позднее он сформулировал классическую дефиницию понятия «культура»: «специфический способ человеческой деятельности, включающий в себя чрезвычайно сложную и многогранную систему внебиологически выработанных механизмов (и соответственно “умения” их актуализировать), благодаря которым стимулируется, программируется, координируется и реализуется активность людей в обществе» [3, с. 85]. Впоследствии деятельностная концепция культуры превратилась в «визитную карточку» ростовской школы философии, в поле которой и было сформулировано классическая для этой концепции дефиниция: «Видимо, более продуктивно соотнести деятельность и культуру через понятие «способ». Культура в этом плане может полагаться как способ деятельности. Это ставит нас перед тем, что сама деятельность … есть способ бытия общественного человека. В таком случае культура предстает как способ способа. Бояться такого удвоения термина не стоит. При всей его громоздкости оно вполне рационально» [4, с. 83]. При таком понимании представляют интерес такие понятия, как «артефакт», «социокультурный код», «фундаментальный код» и другие подобные.

В социокультурном мире культура и память предстают как органические элементы целостности. Память исторического человека актуализируется посредством историко-культурного опыта. Здесь производится память на отношения, социокультурная в своем содержании, имеет познавательно-смысловое содержание, и механизмы социального наследования в виде конкретных социокультурных программ. Данная бинарность представляет собой органическую целостность социокультурного наследования. Именно инструменты культуры выступают как способ реализации памяти общества: «Трудовая деятельность с помощью искусственных орудий с необходимостью требовала не только объединения людей в коллективы и установления между ними определенной упорядоченной системы отношений, но и накоплений опыта изготовления и использования орудий труда, который теперь уже не мог передаваться путем биологического наследования, а должен был обрести принципиально новый механизм его передачи, который сейчас принято называть «социальным наследованием», «социальной памятью» и т.д., т.е. механизм культуры» [4, с. 111]. Исторический процесс выступает как способ существования человека, который и формирует свой мир как мир культуры. Одновременно культуру можно рассматривать и как инструмент саморазвития индивидов, то есть как акты творчества. Для культуры специфические проявления и обстоятельства творчества задаются в пространстве истории, а, следовательно, они наследуются и фиксируются механизмом социальной памяти.

Здесь можно говорить о том, что мир культуры, мир человека необходимо предполагает совсем другие основания, чем мир природы. Мир природы функционирует в пространстве координат Р. Декарта, который выражается картезианско-кантовским трансцендентальным разумом. Здесь объекты артикулируются вовне себя, они находятся во внешнем пространстве и не имеют в себе ничего внутреннего, не имеют глубинных внутренних сил. Декартовы координаты присутствуют уже до появления какого-либо тела или точки до всякой активности универсума. А вот Дантовы координаты выстраиваются само активностью человека, в том числе и потоком памяти. Эта активность и придает этому пространству определенность. Выстраиваемая новая онтология противостоит принципу Парменида «бытие есть – небытия нет». Человек функционирует в пространстве вечно рождающегося бытия и сам он предстает таким же вечно рождающимся и изменяющимся бытием. Он в этом плане есть существо, которое трансцендентно «внешнему» предзаданному миру декартовых координат. А при работе с феноменами культуры необходимо выработать совсем другие метафизические принципы и основания. Здесь строится онтология мыслительного пространства, которое находит свое выражение в «Дантовых координатах» (Конев В. А.). Это - пространство внутренних сил человека, ценностно-нравственных координат, в топосе которых и проявляется социокультурная память.

В связи с этим понятие «культурный ряд памяти» определяет конкретные проявления культуры, но рассматриваемые в личностно-субъективном аспекте, а понятие «социальная память» представляет тот же феномен, но с точки зрения объективации. Поэтому представляется возможным оперировать понятием «социокультурная память», ибо часто не имеет смысла данные аспекты разводить. Культурная память ориентирована относительно оси исторического времени, где фундаментальный ее ориентир предстает как воспроизводство функционирования общественной жизни. Следовательно, культурная память имеет значение и для настоящего, и для будущего. Поэтому данная установка памяти в отношении времени связывает ее со всей тотальностью времени. Исходя из сказанного, можно констатировать наличие двух образов памяти в культуре, базирующихся на разных концепциях историзма. Первый образ содержит прогрессивную цепь событий, которая имеет вектор направленности в будущее. Вторая же может быть позиционирована как «музей», ибо она работает в поле настоящего (типа музейной экспозиции) и все свои интенции имеет в прошлом. Данные образы памяти выражают сущность проблемы «время-память», имея в перспективе культуру. Вектор на прошлое представляет память как совокупность артефактов, а вектор на будущее представляет прогрессивную устремленность к более развитому состоянию. Социальная память имеет гетерогенную природу. Эта гетерогенность основывается на множестве возможных культур, последовательностей времени и традиций. Бесконечное многообразие истоков формирования культур или «гетерогенезис цивилизаций» (Тойнби А.) противоречит образу единой последовательности культурной памяти. Однако можно говорить о единой направленности информационно-культурного содержания, которое выступает как фундамент любого историко-культурного познавательного процесса.

Сам процесс культурного наследования представляет собой движение в усвоении смыслов. Ключевой признак культуры есть смысловое развитие мира человека. В этом плане культура и может трактоваться как способ и цель деятельности человека. Культурный смысл здесь предстает как результат исторического применения плодов творчества человека для экспликации их значимости для рода человеческого. Сам же культурный смысл становится понятным только «задним числом» при введении творений в пространство существования человека. Поэтому «культурный ряд» социальной памяти выступает в качестве последовательности наследования культурных смыслов. В пространстве образования смыслов культуры результат доминирует над намерениями и целями, что позволяет рассматривать в качестве объективного движения смыслов, выступающих как условия существования человека именно как человека. Последовательности трансляции смыслов («смысловой ряд») выступают двигателем развития культуры в качестве накопления образцов и норм деятельности общественного человека. Понятно, что все данные возможности имеют возможность функционировать только посредством человеческих способностей и артефактов.

В этом ключе большое значение имеет концепция выдающегося ростовского философа Петрова М. К., который посредством специфических механизмов функционирования культуры представил свое видение разнообразных образов существования и мысли, прежде всего, восточного и западного. Здесь масштаб субъекта предстает той «лакмусовой бумажкой», которая позволяет эксплицировать способ структурирования в различных типах культуры способы перевода всеобщих смыслов в специфические для любой культуры структуры, которые ведут к трансформациям и способов общения. Мыслитель разработал свою концепцию социокодов, которые дали возможность разобраться в инструментарии трансляции массивов знания, его преобразования и обновления форм фрагментации. Проблема трансляции наследства культур (в понятиях Петрова М. К. – трансляции и его дальнейшей трансмутации (трансформации)) необходимо требует прояснения взаимоотношений неповторимого и типичного, творения и тиражирования. В различных типах культур формируются специфические механизмы «… сохранения социальной преемственности – передачи от поколения к поколению накопленного предшественниками и закрепленного в социальных институтах опыта совместной жизни, разделения труда, обмена, познания, обогащения социальных структур и трудовых навыков новым знанием» [5, с. 22].

Пристатейный библиографический список

1. Белый А. Символизм и философия культуры // Белый А. Символизм как миропонимание. – М: Республика, 1994. – 528 с.
2. Кребер А., Клакхон С. Культура. Критический анализ концепций. – М., 1992. – 235 с.
3. Маркарян Э.С. Системное исследование человеческой деятельности // Вопросы философии. – 1972. – № 10. – С. 84-92.
4. Проблемы философии культуры: Опыт историко-материалистического анализа. – М.: Мысль, 1984. – 325 с.
5. Петров М. К. Язык, знак, культура. – М.: Глав. Ред. Восточной лит-ры, 1991. – 328 с.

БРОВКИНА Александра Алексеевна
кандидат юридических наук, доцент кафедры философии и истории, Академия права и управления ФСИН России

ТРИФОНОВА Татьяна Леонидовна
кандидат философских наук, доцент кафедры философии и истории, Академия права и управления ФСИН России

ДЕОНТОЛОГИЯ КАК ЧАСТЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭТИКИ СОТРУДНИКА УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Проблема профессионального долга является одной из фундаментальных в контексте современной этики и профессиональной деятельности. Она затрагивает широкий спектр вопросов, связанных с моральными обязательствами сотрудника УИС перед обществом, коллегами, осужденными и самим собой, вытекающими из специфики его профессиональных знаний, навыков и статуса. В условиях возрастающей специализации и усложнения социальной структуры общества, значение профессионального долга приобретает особую актуальность, поскольку является одной из ключевых для обеспечения устойчивого развития общества и построения справедливого и гуманного мира. Решение этой проблемы требует совместных усилий государства, профессионального сообщества, образовательных учреждений и каждого индивида, стремящегося к совершенству в своей профессиональной деятельности и осознающего свою ответственность перед обществом.

Ключевые слова: деонтология, профессиональный долг, сотрудник уголовно-исполнительной системы, профессиональная этика.

BROVKINA Alexandra Alexeevna
Ph.D. in Law, associate professor of Philosophy and history sub-faculty, Academy of Law and Management of the FPS of Russia

TRIFONOVA Tatiana Leonidovna
Ph.D. in philosophical sciences, associate professor of Philosophy and history sub-faculty, Academy of Law and Management of the FPS of Russia

DEONTOLOGY AS A PART OF THE PROFESSIONAL ETHICS OF AN EMPLOYEE OF THE PENITENTIARY SYSTEM

The problem of professional duty is one of the fundamental ones in the context of modern ethics and professional activity. It touches on a wide range of issues related to the moral obligations of a prison officer to society, colleagues, convicts and himself, arising from the specifics of his professional knowledge, skills and status. In the context of increasing specialization and complexity of the social structure of society, the importance of professional duty is becoming particularly relevant, as it is one of the key factors for ensuring the sustainable development of society and building a just and humane world. Solving this problem requires the joint efforts of the State, the professional community, educational institutions and every individual who strives for excellence in their professional activities and is aware of their responsibility to society.

Keywords: deontology, professional duty, employee of the penitentiary system, professional ethics.

Деятельность сотрудников уголовно-исполнительной системы России (далее – УИС) всегда находится под пристальным вниманием общественности, поскольку она непосредственным образом затрагивает интересы каждого члена социума, ее результаты сказываются на обеспечении безопасности личности, общества и государства в целом. Исполнение профессиональных обязанностей сотрудников сопряжено с множеством нравственных дилемм, которые обусловлены спецификой цели и задач УИС, методами и средствами их достижения, наделением сотрудников властно-распорядительными функциями. В современных социально-политических условиях, требующих обеспечения и сохранения интересов и безопасности общества и государства, особое значение приобретают вопросы возможных и допустимых средств борьбы с правонарушениями, границ допустимости действий, связанных с выполнением служебных обязанностей, ответственности за нарушение законности, сохранения и повышения нравственного потенциала сотрудников. Трансформационные процессы, протекающие во всех сферах жизни общества, были отмечены экзистенциальным вакуумом, реанимацией антисоциальных взглядов и идей, обесцениванием духовности, размытием таких нравственных понятий как любовь к Родине, верность своему профессиональному долгу, честь и достоинство. Это непосредственным образом говорит об актуальности теоретического осмысления понятия долга в системе профессиональных отношений сотрудников УИС и практической значимости формирования внутреннего состояния личности сотрудника, мотивированного на добросовестное выполнение своих служебных обязанностей. Необходимость акцентирования внимания на данном аспекте обусловлена спецификой задач, стоящих перед УИС, связанных с обеспечением правопорядка и законности в учреждениях, исполняющих уголовные наказания, а также с ресоциализацией лиц, преступивших закон.

Исследованием проблемы долга занимались ученые из различных областей знаний, таких как философия, психология, медицина, социология и педагогика. Начало теоретического осмысления долга восходит к стоицизму, предложенному Зеноном[1]. Он выделял в человеческом поведении два аспекта – сообразно природе и собственно нравственное, когда поступки совершаются не из инстинкта самосохранения, а по требованию нравственного закона. Эта идея находит отражение в трудах Цицерона. В философском трактате «Об обязанностях» он выделяет «совершенные» обязанности, которые реализуются исключительно мудрецами, и «обыкновенные», вытекающие из повседневной жизни всех людей [3, с. 73]. Древнегреческий философ Аристотель трактует долг как обычай, необходимость следования обычному поведению, чтобы всё было так, как должно быть [5, с. 53-56]. В Новое время поня-

1 Большая Российская энциклопедия. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://bigenc.ru/c/dolg-v-filosofii-05c989 (дата обращения: 14.02.2025).

тие долга осмыслялось в рамках концепции естественного права и общественного договора. С точки зрения Т. Гоббса общественная жизнь невозможна, если человек произвольно разрушает то, что раньше делал добровольно. Теория долга наибольшее свое развитие получила в трудах немецкого философа И. Канта, который видел в долге единственное субъективное основание, благодаря которому нравственный закон, выступающий в форме категорического императива, безусловного принуждения к поступку, приобретает действенность [2]. В XIX в. английским философом и юристом И. Бентамом в научный оборот вводится термин «деонтология» (от древнегреч. deon – нужное, должное, logos – учение), под которым он понимает учение о правильном, добродетельном, обязательном поведении [4]. Он утверждает, что обязанность – эта одна из форм реализации собственного интереса личности. Поэтому первоначалом деонтологии И. Бентама является вовсе не утилитаризм, а принцип самостоятельности согласно которому, «каждый человек, будучи лучшим судьей самому себе в выборе линии поведения, наиболее способствующего достижению благополучия, будучи (при этом) зрелого возраста и здравого ума, должен в этом выборе быть предоставлен самому себе – дабы судить и действовать самостоятельно» [6].

Учение о долге и должном в профессионально-этической системе занимает центральное место. Доля формального долженствования может быть различной и определяется социальной значимостью профессии и содержанием служебной деятельности. Деонтология находит свое применение там, где важно строгое соблюдение моральных норм и принципов, например, в медицине, юриспруденции, правоохранительной деятельности. К таким социально важным сферам относится и деятельность сотрудников уголовно-исполнительной системы, которая основывается на таких деонтологических принципах как принцип личной ответственности за порученное дело как в правовом, так и в моральном отношениях; профессиональной компетентности сотрудника; рационального, а не эмоционального подхода к решению поставленных задач; соответствия полномочий и ответственности; правовой регламентации деятельности; организованности и дисциплины; критического подхода к оценке деятельности.

В долге выделяют две стороны – объективную и субъективную. Первая является выражением общественных требований к человеку – любить Родину и защищать ее, уважать закон государства, в котором ты живешь, проявлять нетерпимость к нарушениям моральных норм, соблюдать правила общежития и др. Субъективная сторона связана с внутренними установками, моральными принципами и личными убеждениями, осознанием каждого человека требований общества, группы, профессионального коллектива и его внутренней готовностью сознательно воплощать их в жизнь.

В процессе формирования чувства долга происходит осознание индивидом и консолидация профессиональных интересов с личными интересами. Осознание долга отражает взаимосвязь индивида с социумом и профессиональным сообществом, поскольку долг носит по отношению к личности внешний характер. Следовательно, долг выполняет регуляторную функцию, направленную на упорядочивание поведения человека со стороны общественности или профессиональной среды, а также является способом моральной оценки его поступков и результатов работы.

Моральный долг, выступая как идеальное представление, складывается как нечто рациональное и независимое, порой даже вопреки личным чувствам и переживаниям. В таком контексте, моральный долг предполагает внутреннее принуждение к действию. Мы говорим о должном поведении, соответствующем деонтологическим нормам, когда человек, оценив свои личные стремления в сопоставлении с объективными требованиями, отдает приоритет последним и направляет свои усилия на исполнение этого долга. Долг представляет собой диалектическое единство объективной потребности и внутренней активности человека.

Самопринуждение играет ключевую роль в реализации должного поведения, особенно когда внутренние мотивы недостаточны. Оно подразумевает сознательное преодоление нежелательных импульсов и побуждений ради достижения поставленных целей, соответствующих моральным или социальным нормам. Механизм самопринуждения включает в себя несколько этапов: осознание необходимости совершения определенного действия, принятие решения о его выполнении, волевое усилие для преодоления препятствий и поддержание мотивации на протяжении всего процесса. Успешное самопринуждение формирует устойчивые навыки и привычки, способствуя становлению ответственной и дисциплинированной личности.

Долг является основной категорией деонтологии для сотрудника уголовно-исполнительной системы, в которой наиболее ярко проявляется социальный характер его деятельности. Понимание сущности и содержания долга сотрудника пенитенциарной системы, а также значения деонтологии в этико-профессиональной структуре в этой сфере деятельности, является ключевым аспектом. Именно деонтология отчетливо демонстрирует взаимосвязь нравственных и профессиональных качеств в поступках и решениях сотрудника. Актуализация понятия профессионального долга в работе сотрудника УИС крайне важна, так как от эффективности его деятельности, качества исполнения служебных обязанностей в значительной мере зависит будущее России, престиж профессии и благополучие сослуживцев.

Важность профессионального долга, надлежащего поведения и этичного взаимодействия обусловлена теми задачами, которые решает деонтологическое регулирование. Оно обеспечивает: высокий уровень профессиональной компетентности, выступающий гарантом качества исполнения служебных обязанностей; точное понимание и неукоснительное исполнение профессиональных задач; соответствие профессиональной деятельности действующим нормативным актам; глубокую уверенность в необходимости исполнения профессионального долга, продиктованную интересами общества, трудового коллектива и лиц, находящихся под надзором; заинтересованность в оптимизации как коллективной, так и индивидуальной производительности; высокую степень организованности и сознательной дисциплины, сформированную привычку к надлежащему поведению; наличие волевых качеств, необходимых для выполнения служебных обязанностей в сложных ситуациях; постоянное стремление к профессиональному росту, приобретению новых знаний и опыта в практической деятельности.

Нам представляется, что человек долга – это не просто индивид, потенциально способный к моральным поступкам, а тот, кто в силу внутренних убеждений не имеет альтернативных вариантов поведения. Следовательно, дефиниция долга не должна сводиться исключительно к концепции обязанности. Обязанности представляют собой экзогенные требования, предъявляемые индивиду извне, в то время как долг – это эндогенное моральное состояние, обусловленное совестью, отражающее отношение к окружающей среде и социуму, основанное на сознательном принятии определенных обязательств [1, с. 138].

Концепция «профессионального долга» акцентирует внимание на этическом измерении профессиональной деятельности, коренящемся в самой природе профессии и проявляющемся в мотивации к действиям, необходимым для выполнения профессиональных обязанностей. В более узком смысле, профессиональный долг формализуется в профессиональных кодексах, представляющих собой нормативные рамки, определяющие стандарты и ценности в конкретной профессиональной области. Эти кодексы устанавливают как

нормативные требования, так и позитивные идеалы, формирующие этическое понимание профессиональной работы и определяющие нравственные приоритеты, специфичные для данной профессии.

В отличие от формальных должностных инструкций, профессиональный долг представляет собой не внешнее предписание, а внутренне мотивированный моральный императив. Сотрудник воспринимает его как личную потребность, обусловленную глубоким убеждением в этической оправданности конкретных действий. Этой позиции придерживается С. В. Стекляникова, рассматривая категорию долга: «Совершая поступок из «чувства» долга», мы понимаем, что иное решение в данной ситуации невозможно, но долг в этом случае не является принуждением – даже в форме самопринуждения. …принуждение выступает как акт абсолютной свободы. Мы свободны в своем поступке, и именно это ощущение абсолютной свободы, отсутствие оглядки на конвенциональную мораль, на «должное» с точки зрения окружающих, отсутствие рациональных аргументов делают наш поступок «делом совести» [7, с. 56]. Такая внутренняя мотивация является ключевым фактором повышения производительности и удовлетворенности работой. В отличие от простого соблюдения правил, продиктованного опасением санкций, осознание профессионального долга стимулирует инициативность и ответственность. Это явление связано с формированием профессиональной идентичности и приверженности ценностям организации.

Нормативные акты, относящиеся к проблеме профессионального долга (Федеральный закон от 19 июля 2018 г. № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы», Приказ Министерства юстиции РФ от 12 сентября 2019 г. № 202 «Об утверждении дисциплинарного устава уголовно-исполнительной системы Российской Федерации», Приказ Федеральной службы исполнения наказаний от 11 января 2012 г. № 5 «Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения сотрудников и федеральных государственных гражданских служащих уголовно-исполнительной системы») могут дать представление о том, каким должен быть профессионал, какими нравственными нормами и этическими принципами он должен руководствоваться в своей деятельности. Согласно нормативным документам сотрудник УИС должен быть дисциплинированным, ответственным, добросовестным, честным, смелым, инициативным, исполнительным, тактичным, корректным, вежливым и внимательным; уважать и защищать права и свободы человека и гражданина; достойно исполнять свой служебный долг и возложенные обязанности по обеспечению безопасности, законности и правопорядка; хранить государственную и служебную тайну.

Говоря о проявлении таких качеств у сотрудников как героизм, самоотверженность, творческое отношение к исполнению служебных обязанностей, самомотивированность, мы касаемся не только нравственного, но и эстетического характера содержания долга в их диалектической взаимосвязи. Возникновение эстетического связано с потребностью человека в самореализации себя как целостного, творческого существа, гармонизации отношений между природой, человеком и обществом. Одновременно эстетическая потребность с установкой на гармонию и совершенство включена в содержание служебного долга, она стимулирует деятельность, внося в нее творческое начало, пробуждает у сотрудников все их творческие потенциалы, соотнося их с высшим человеческим идеалом. Эстетическое содержание служебного долга сотрудника УИС зависит не только от гуманистической общественной направленности, но и от характера отношения сотрудника к своему долгу, степени осознания социальной значимости своей деятельности, выбора поступка по собственному убеждению, собственной воле. Таким образом, нравственные и правовые аспекты служебного долга могут переживаться сотрудником как потребность в красоте человеческих отношений.

В заключение следует отметить, что теоретическое осмысление понятия долга в системе профессиональных отношений сотрудников УИС и осознание практической значимости формирования внутреннего состояния личности сотрудника, мотивированного на добросовестное выполнение своих служебных обязанностей, является важным условием повышения доверия общества к уголовно-исполнительной системе, эффективности деятельности ведомства и укрепления законности и правопорядка в учреждениях, исполняющих уголовные наказания. Дальнейшие исследования в данной области должны быть направлены на разработку конкретных методик и технологий формирования чувства долга и ответственности у сотрудников УИС, учитывающих специфику их профессиональной деятельности и современные социокультурные реалии.

Пристатейный библиографический список

1. Апресян Р. Г. Идея морали и базовые нормативно-этические программы; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М.: ИФРАН, 1995. – 348 с.
2. Гусейнов А. А., Апресян Р. Г. Этика: Учебник. – М., 2000. – 472 с.
3. Марк Туллий Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях (репринт текста издания 1974 г.). Перевод с латинского и комментарии В. О. Горенштейна. – М., 1993. – 248 с.
4. Прокофьев А. В. Обоснование морали и обоснование утилитаризма в этике Иеремии Бентама // Философский журнал. – 2023. – № 1. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/obosnovanie-morali-i-obosnovanie-utilitarizma-v-etike-ieremii-bentama (дата обращения: 14.02.2025).
5. Рыскельдиева Л. Т. Должное, долженствование и деонтология // Долженствование, норма и научное знание в прогнозируемом будущем: Материалы Всероссийской научной конференции, Феодосия, 17-19 сентября 2021 года. – Симферополь, 2021. – 173 с.
6. Рыскельдиева Л. Т. О деонтологии, долженствовании и эстетизме // Философский журнал. – 2022. – № 1. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/o-deontologii-dolzhenstvovanii-i-estetizme (дата обращения: 26.02.2025).
7. Стекляникова С. В. Моральные регулятивы культуры: совесть, стыд, долг и вина. – Норильск: Норильский индустриальный ин-т, 2006. – 131 с.

ВОРОХОБОВ Александр Владимирович
доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Приволжский филиал, Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, г. Нижний Новгород

ЗИМИНА Мария Викторовна
кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики иностранных языков и лингводидактики, Нижегородский государственный педагогический университет имени К. Минина

МЕРЗЛЯКОВА Анна Владимировна
кандидат филологических наук, доцент кафедры европейских языков и методики их преподавания, Нижегородский государственный педагогический университет имени К. Минина

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ МЕТОДОЛОГИИ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ

В статье рассматривается значение истории философии как области философского знания. История философии может восприниматься, как ретроспективное исследование до конца неразрешимых вопросов и как реконструкция времени речи философов прошлого. Демонстрируется, что история философии представляет собой своего рода припоминание, связанное с самопознанием и с самоидентификацией.

Ключевые слова: история философии, методология истории философии, философские концепции, философские проблемы, философская реконструкция.

VOROKHOBOV Alexander Vladimirovich
Ph.D. in philosophical sciences, professor of Humanitarian and socio-economic disciplines sub-faculty, Privolzhsky branch, M. V. Lebedev Russian State University of Justice, Nizhny Novgorod

ZIMINA Mariya Viktorovna
Ph.D. in philological sciences, associate professor of Theory and practice of foreign languages and linguodidactics sub-faculty, K. Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University

MERZLYAKOVA Anna Vladimirovna
Ph.D. in philological sciences, associate professor of European languages and methods of teaching sub-faculty, K. Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University

CONCEPTUALIZATION OF THE METHODOLOGY OF STUDYING THE HISTORY OF PHILOSOPHY

The article examines the significance of the history of philosophy as a field of philosophical knowledge. The history of philosophy can be perceived as a retrospective study of completely unresolved questions, as a reconstruction of the time of speech of philosophers of the past. It is demonstrated that the history of philosophy is a kind of recollection associated with self-knowledge and self-identification.

Keywords: history of philosophy, methodology of the history of philosophy, philosophical concepts, philosophical problems, philosophical reconstruction.

Необходимость изучения истории философии обусловлена значимостью истории как таковой. От историка философии ожидается способность восстанавливать время речи философов прошлого, когда историк будет обладать силой собирания разрозненных признаков жизни мыслителей прошлого, а также желанием оживить, казалось бы, безжизненные тексты из другого времени, которое требует восстановления, то есть оперативного времени.

Историю философии часто понимают как историю великих вопросов, проблем, трудностей, противоречий или, в конечном счете, апорий. Такого рода вопросы являются захватывающими вызовами человеческому интеллекту, но в то же время приводят к бесконечным спорам и сомнениям. Возможно, поэтому иногда философские вопросы и проблемы воспринимаются как надуманные и не имеющие однозначных ответов. Здесь история философии превращается в историю обострения осознания неразрешимости проблем. По мнению Г.-Г. Гадамера, «Условие подлинности философской проблемы, по существу, сводится, собственно, к неразрешимости этой проблемы» [6, с. 31].

Независимо от условий предпонимания философ пытается понять себя через трансформацию своей исторической памяти [11], [12]. Философия не просто трансформирует противоречия своего времени в противоречия разума, но и конструирует специфическое восприятие новой реальности, отличающейся от наличной реальности. Здесь решающее имеет значение исторический контекст, когда философы должны осознавать социальные и культурные факторы, которые формируют их паттерны восприятия и связанные с ними идеи.

В связи с этим возникает вопрос, существует ли какой-то набор способов понимания смысла этих загадочных философских проблем? Философская проблема понимается как вопрос, представленный в форме парадокса, представляет собой своего рода загадку, порожденную несоответствиями и противоречиями в суждениях и презумпциях. Кроме того, речь идет о неразрешимой ситуации, когда проблему невозможно решить в рамках бинарного понятийного аппарата. Здесь можно говорить об апории, что означает интеллектуальный тупик. Ярким примером «апорийного» разума является подход К. Гёделя, который показал, что математика может быть основана на наборе аксиом, достаточном для систематического вывода бесконечного числа истинных предложений в заданном поле [7]. Философские проблемы в данном случае описываются как антиномии [9], [4]. Таким образом, история философии, осмысливаемая как хроника, фиксирующая великие философские проблемы – это история загадок, неразрешимых вопрошаний или просто антиномий человеческого разума.

Означает ли это, что философия обречена, вводить в свою сферу парадоксы, как способы расширения своих возможностей? Ответ на этот вопрос не очевиден. Однако здесь следует иметь ввиду критические и дисциплинарные замечания Э. Бенвениста по поводу гипотезы об обратном смыс-

ле протослов: если бы язык в ранние периоды имел двойное значение, он вообще не был бы языком, т. е. не был бы языком со структурой, состоящей из конечного числа дискретных единиц, которые могут объединяться в иерархические последовательности, позволяющие выразить любой смысл [1].

Однако история философии не исчерпывает своих возможностей историей великих вопросов, обрекающих человеческий разум на антиномии. Историю философии также можно описать как структурную историю, историю ответов на эти парадоксальные вопросы, которые приводят к созданию философских позиций, то есть великих систем, интеллектуальных образований, устойчивых интеллектуальных сообществ.

Историк философии методологически должен стремиться осмыслить философские вопросы прошлого, а также основные причины и мотивы, которые побудили задавать эти вопросы. При этом историк философии должен избегать формализации рассмотрения таких вопросов и их решений, всегда предполагая их подлинность и значимость. Г.-Г. Гадамер замечает, что новые вопросы возникают из-за неправильного прочтения. Когда историк философии пытается объяснить философские концепции прошлого, он объясняет не столько их, сколько тот опыт, который сформировал понимание этих концепций [6, с. 35].

Теперь обратимся к пониманию истории философии, как линейной последовательности великих мыслителей и их концепций. Это история философии как история сингулярностей. В этой истории великие мыслители – не просто части длинной последовательности эволюции философии, а ключевые фигуры этого развития, точки его предельного напряжения, разрушающие доминирующий нарратив. История философии становится здесь живым личностным откликом на жизнь в ее многообразии [10, с. 83].

Философ должен быть изолирован и одинок, чтобы найти свой собственный путь в реальном времени, а не только в воображаемом времени политического и экономического порядка. То есть, мыслителю нужно в некоторой степени отстраниться от окружающего мира, поскольку мир может отвлекать, а окружение влиять на мысли и идеи. Философ должен быть способен выйти за рамки своих первоначальных презумпций и предубеждений, будучи готов отбросить их, если они окажутся ложными.

В связи с таким пониманием истории философии, возникает вопрос о соотношении текста и комментария в философии. Философия всегда напрямую соотнесена со временем комментария, то есть, философы постоянно интерпретируют мысли и идеи других мыслителей. «Философия, – утверждают Ж. Делёз и Ф. Гваттари, – это становление, а не история, сосуществование планов, а не последовательность систем» [8, с. 79]. Речь идет не только о понимании прошлого и настоящего, но и о сосуществовании и пересечении идей, о создании новых связей.

Обратимся к седеющей гипотезе, согласно которой история философии есть история понятий. Г.-Г. Гадамер говорит, что история понятий – это философия, и, может быть, даже сама философия должна быть историей понятий, потому что философия всегда заключена в понятиях и выражается через понятия [6, с. 27].

В связи с таким подходом возникают проблемы, поскольку понятие – это не совсем то, что человек думает. У концепций есть история, а значит, и свое время. Не существует единого понимания «понятия», есть понятия (концепты) и их множественные истории. История философии как история употребления понятий, это история того, как мыслители используют язык для выражения своих концепций, и как язык формирует эти концепции. При этом всегда присутствует разрыв между тем, что философ хочет выразить, и тем, что получается в конечном итоге.

Итак, историю философии нельзя свести только к фиксации генезиса и эволюции понятий или к анализу их структуры. Концепты не являются чем-то статичным, но всегда видоизменяются с течением времени во взаимодействии с другими идеями и контекстами. При этом искажении связь между словом и понятием перестает быть полной и слова начинают трансформироваться, приобретая новые смыслы. Внедрение нового смысла представляет собой и способ занятия философией и форму обоснования новых философских концепций.

Поскольку понимание мира всегда обусловлено и формируется языком, история философии - это просто развитие философских идей, но и история того, как эти идеи выражаются в языке. Поэтому, как справедливо утверждает Л. Витгенштейн, философия – это борьба против зачаровывания ума языковыми средствами [3].

Основная проблема философии и ее истории включает в себя не только тему понимания мира, но и тему понимания самих условий мышления и понимания. Поэтому философия находится в перманентном поиске новых способов мышления, деления и роста понятий. Поэтому историк философии должен испытывать ту же жажду языка, что и анализируемый им философ [2].

Таким образом, отношения философии и ее истории всегда находятся в самом центре философской проблематики. Вслед за Ж. Делёзом и Ф. Гваттари можно сказать, что нет истории философии, а есть только ее «топология» и исторический ряд философских фигур. Ж. Делёз и Ф. Гваттари говорят, что «Философ – друг концепта, он находится в потенциальной зависимости от концепта» [8, с. 14]. Однако философия разворачивается в драме, элементами которой являются план имманентности, концепция и концептуальная фигура. Ж. Делёз и Ф. Гваттари справедливо акцентируют внимание на производстве концепций. Однако производство концепций – это производство эффектов истины. Потому что понятия неразрывно связаны с истиной. То есть, философия есть неустанное поощрение выйти на стадию речи [5].

Историю философии можно написать только как родословную, то есть генеалогическую, историю. Философский анамнез, осуществляемый в ходе такого письма, представляет собой поиск ретроактивного родства с философскими деятелями прошлого. Целью философского анамнеза является восстановление понимания своего положения в мире, обнаружения и фиксации своей нормативной позиции, и реактивации присутствия других.

Пристатейный библиографический список

1. Бенвенист Э. Индоевропейское именное словообразование. - М, 1955. - 260 с.
2. Бибихин В. В. Язык философии. - СПб.: Наука, 2007. - 389 с.
3. Витгенштейн Л. «Философские исследования» // Философские работы. - Ч. I. - М., 1994. - С. 75-321.
4. Ворохобов А. В., Уланов М. В. Критика неокантианской концепции истории философии в контексте герменевтического подхода Ганса-Георга Гадамера // Евразийский юридический журнал. - 2023. - № 10 (185). - С. 354-356.
5. Ворохобов А. В., Уланов М. В. Проблема метода и выработки модели для изучения истории философии // Евразийский юридический журнал. - 2023. - № 9 (184). - С. 302-304.
6. Гадамер Г. Г. История понятий как философия // Гадамер Г. Г. Актуальность прекрасного. - М.: Искусство, 1991. - С. 26-43.
7. Гёдель К. О формально неразрешимых предложениях Математических Начал и родственных системах. - New York, 1992. - 72 с.
8. Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? - М.: «Институт экспериментальной социологии». - СПб.: Издательство АЛЕТЕИЯ, 1998. - 288 с.
9. Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Соч.: в 6 т. - М., 1964. - Т. 3. - 799 с.
10. Рикёр П. История и истина / Пер. с фр. - СПб.: Алетейя, 2002. - 400 с.
11. Сулима И. И. Потенциал антропологических вопросов в общегуманитарной подготовке // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. - 2024. - № 1 (65). - С. 274-275.
12. Парилов О. В. Русская консервативная философия второй половины XIX века о сущности терроризма // Вестник Мининского университета. - 2024. - Т. 12, № 4 (49).

ЗУЕВА Елизавета Константиновна
аспирант направления: философская антропология, философия культуры 47.06.01ФФ, Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева

СМОЛЬНОВ Альберт Русланович
студент направления организация работы с молодежью 39.03.03 кафедры логики, философии и методологии наук, Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева

ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ИНСТРУМЕНТ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА (СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ)

В статье рассматривается цифровизация, как значительная технологическая и духовная трансформация реальности, которая порождает ряд серьезных проблем в социальной жизни. Она характеризуется системным взаимодействием, где изменения в одной области неизбежно влияют на другие. Это подчеркивает необходимость комплексного подхода к решению возникающих вызовов. Влияние цифровизации распространяется и на глобальную геополитическую ситуацию. В современных конфликтах важнейшую роль играют умы людей, масс-медиа становятся инструментом воздействия на общественное мнение. В условиях информационных войн человек часто оказывается объектом манипуляций, что требует от нас способности мыслить критически и анализировать информацию.

Ключевые слова: цифровизация, цифровая культура, современное образование, информация, философский анализ, инновация.

ZUEVA Elizaveta Konstantinovna
postgraduate student of the course Philosophical anthropology, philosophy of culture 47.06.01, I. S. Turgenev Orel State University

SMOLNOV Albert Ruslanovich
student of the course Youth work management 39.03.03. of Logic, philosophy and methodology of sciences sub-faculty, I. S. Turgenev Orel State University

DIGITAL TECHNOLOGIES AS A TOOL FOR THE DEVELOPMENT OF MODERN SOCIETY (SOCIAL AND PHILOSOPHICAL ANALYSIS)

The article examines digitalization as a significant technological and spiritual transformation of reality, which gives rise to a number of serious problems in social life. It is characterized by systemic interaction, where changes in one area inevitably affect others. This emphasizes the need for an integrated approach to solving emerging challenges. The influence of digitalization extends to the global geopolitical situation. In modern conflicts, the minds of people play a crucial role, mass media are becoming a tool for influencing public opinion. In the context of information wars, a person often becomes an object of manipulation, which requires us to be able to think critically and analyze information.

Keywords: digitalization, digital culture, modern education, information, philosophical analysis, innovation.

В цифровизации науки, где, с одной стороны, мы наблюдаем значительное увеличение объема и скорости обновления знаний, а также расширение эвристических возможностей для научных исследователей. С другой стороны, это приводит к изменениям в отношении к этике науки, где высокие научные идеалы могут быть подменены массовым производством интеллектуального труда.

Инновационные процессы действительно активно развиваются, однако сущностные изменения в научной среде пока не так очевидны. В рамках государственной программы «Научно-технологическое развитие РФ» была создана Национальная электронная библиотека, которая интегрирует ресурсы библиотек, архивов и государственных депозитариев. Это важный шаг к улучшению доступа к научной информации [4]. Цифровизация научных разработок и программ действительно требует значительных усилий. Внедрение цифровых технологий может значительно повысить эффективность научных исследований и улучшить управление проектами. Принятие Указа Президента о Десятилетии науки и технологий – это шаг в правильном направлении, который может привлечь молодежь в науку и создать необходимые социокультурные условия для этого.

Что касается сферы культуры, цифровая трансформация действительно меняет представления о культурных ценностях и доступе к ним. По вашим данным, более 85 % музеев признают необходимость цифровизации, но лишь малая часть из них активно реализует стратегии в этом направлении. Создание цифровых возможностей для посетителей и интерактивного взаимодействия с клиентами – это важный аспект, который может привлечь молодежь и сделать культурные ценности более доступными и привлекательными [1, с. 3]. Несмотря на заметные изменения в сфере науки и культуры, отсутствие единой национальной платформы для научных и культурных данных продолжает оставаться серьёзным препятствием на пути цифрового прогресса.

Цифровизация предоставляет уникальные возможности для продвижения идеологических и моральных основ российской политики. Создание отечественной информационно-коммуникационной цифровой платформы, которая объединит усилия всех заинтересованных сторон по производству и распространению патриотического контента, является важным шагом к консолидации государства и общества. Это требует общего понимания исторического контекста, культуры, а также единого видения текущих и будущих целей страны. Данная инициатива представляется не только необходимой, но и запоздалой [2]. Ключевыми условиями для её успеха являются идеологическая определенность, высокая

технологическая оснащенность и своевременность создаваемой продукции.

Цифровая культура постепенно, но уверенно внедряется в повседневную жизнь россиян. Платформенные решения открывают новые горизонты для автоматизации технологических процессов и взаимодействия между участниками цифровизации. Несмотря на существующие препятствия, имеются все предпосылки для успешного внедрения этих технологий. В период современного политического контекста грамотное использование доступных цифровых технологий и разработка собственного программного обеспечения помогут обеспечить информационную безопасность России и повысить уровень жизни населения. Важно, чтобы технологические решения следовали за идеологическими, выступая инструментом, а не самоцелью развития общества.

1. Цифровизация является социокультурным феноменом современности, который определяется потребностями общества в повышении эффективности своей деятельности на основе научно-технического прогресса. Она охватывает все сферы общественной жизни и выступает значимым фактором изменений в духовной сфере российского общества, создавая новые смыслы и виртуальные ценности на прикладном, институциональном и цивилизационном уровнях. Эти изменения ведут к трансформации сознания и образа жизни человека, всё более заменяя объективную реальность виртуальной.

2. Цифровая трансформация в России проявляется многообразно, в зависимости от условий, существующих в различных сферах жизни, содержания и результатов профессиональной деятельности, а также процессов модернизации общественных отношений. Она зависит от множества объективных и субъективных детерминант, а также социальных противоречий, которые возникают в обществе.

3. Социально-философский анализ цифровизации подтверждает, что идеологические и социокультурные решения имеют первостепенное значение по сравнению с технологическими [3, с. 22]. Цифровые технологии должны служить инструментом, а не самоцелью развития общества.

Для системы образования это может означать «утечку молодых мозгов», снижение образовательного уровня населения и переформатирование сознания молодежи в антигосударственном ключе. В сфере культуры это приводит к её массовизации и деградации под воздействием активной пропаганды западных ценностей, фальсификации представлений об отечественном культурно-историческом наследии, а также снижению морально-психологического, политического и патриотического состояния населения. В науке наблюдается превращение ученых из творцов в объект нового вида массового производства, что также вызывает серьезные опасения.

Цифровизация представляет собой значимый социально-культурный феномен, который формируется в ответ на потребности человека и общества в повышении эффективности их деятельности с использованием научно-технических достижений. Этот процесс не только влияет на изменения в ценностных приоритетах и сознании, но и меняет образ жизни российского общества, путем переноса в цифровую среду тех видов деятельности, которые ранее выполнялись вручную [5].

Одной из основных задач является преодоление противоречий, возникающих в духовной сфере жизни россиян. На наш взгляд, основными направлениями для достижения этой цели могут стать: активное противодействие внедрению потребительской культуры в общество, широкая пропаганда отечественных духовных ценностей с использованием современных цифровых технологий, а также формирование государственного заказа на разработку соответствующих образовательных, развивающих и развлекательных программ. Важно также противостоять идеологии потребительства, стимулировать социальный запрос на духовный рост и сделать это направление модным трендом среди молодежи.

Решение выявленных проблем не может быть ограничено одной сферой, оно должно быть системным и многогранным. Выход из сложившейся ситуации требует комплексного подхода, который учитывает пространство и время. Это не может быть лишь краткосрочным решением «здесь и сейчас», а должно быть направлено на стратегическую перспективу, необходимую для устойчивого существования общества.

Пристатейный библиографический список

1. Бермус А. Г. Актуальные проблемы педагогического образования в эпоху цифровой трансформации: теоретический обзор // Педагогика. Вопросы теории и практики Pedagogy. Theory & Practice. 2022. Выпуск 1. Том 7. С. 1-10. / 2022. Issue 1. Volume 7. P. 1-10
2. Исследование российского рынка онлайн-образования и образовательных технологий. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://edmarket.digital/ (дата обращения: 30.11.2024).
3. Добринская Д. Е. Социологическое осмысление Интернета: теоретические подходы к исследованию сети // Вестник Московского ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2016. № 3. С. 21-37.
4. Понятие и сущность цифровизации системы образования. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-suschnost-tsifrovizatsii-sistemy-obrazovaniya (дата обращения: 01.02.2025).
5. Цифровизация образования в России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.tadviser.ru/a/144216 (дата обращения: 05.12.2024).

ЛОЗИНСКИЙ Николай Николаевич
проректор, Юго-Западный государственный университет, г. Курск

СМЫСЛОВЫЕ ЦЕННОСТИ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Актуальность: анализ процесса осмысления смысловых ценностей и социальных технологий евразийской интеграции необходим для точного понимания процессов, происходящих в настоящий момент на территории, скажем так, враждебной Российской Федерации Европейской части континента. Ситуация, происходящая в Европе, а именно: враждебная риторика, действия недружеских государств, связанные с СВО, а также санкционная политика относительно Российской Федерации – побуждает к более глубокому изучению процессов интеграции и дезинтеграции Европы с целью противостояния недружественным актам со стороны государств-членов НАТО. Философский аспект и анализ процессов позволит нам понять причины, а в следствие этого и методы работы с населением указанных государств, с элитой этих стран для нормализации отношений, а в крайнем случае противодействию агрессивной политики государств.

Цель статьи заключается в исследование методов работы с населением и руководящей элитой враждебных и сочувствующих России государств Европы для стабилизации отношений и дальнейшего нормального, по крайней мере, сосуществованию в рамках евразийского пространства.

Задачи: раскрыть специфику процесса осмысления смысловых ценностей и социальных технологий евразийской интеграции; изучить динамические изменения процесса интеграции и способы применения на практике социальных технологий на территории Европы; определить основные проблемы евразийской интеграции, а также идеологическую направленность действий указанных ранее государств, которая приводит к враждебной риторике в отношении Российской Федерации.

Методология: методологическую основу исследования составляют фундаментальные принципы интеграционных процессов и исторического анализа. В процессе решения исследовательских задач автор использовал историко-политологический, историко-системный, ретроспективный и социальный методы.

Результаты: изучение и обобщение социально-политологических источников позволило объективно оценить механизм формирования и результативности процессов интеграции и дезинтеграции современной Европы, показало проблемные моменты процессов, которые могут стать причиной деструктивной активности относительно Российской Федерации.

Выводы: проведя данное исследование, мы приходим к выводу, что интеграционные процессы в Европе подвергаются сильному воздействию социально-политических тенденций развития современного мира, в частности относительно нового передела мировой политической инфраструктуры, повышению глобальной роли Российской Федерации - самого крупного государства Европы. Мы видим, что негативные процессы, происходящие в Европейских государствах, разными путями проникают и на территорию нашей страны. В работе показаны и представлены некоторые методы и способы, которые, по мнению автора, способны исправить данную ситуацию.

Ключевые слова: интеграция, дезинтеграция, социально-политический, историко-системный, евразийское пространство, философский аспект, смысловые ценности, специальная военная операция (СВО).

LOZINSKIY Nikolay Nikolaevich
Vice-Rector, South West State University, Kursk

SEMANTIC VALUES AND SOCIAL TECHNOLOGIES OF EURASIAN INTEGRATION

Relevance: Analysis of the process of understanding the semantic values and social technologies of Eurasian integration is necessary for an accurate understanding of the processes currently taking place in the territory of the European part of the continent, which are hostile to the Russian Federation. The situation in Europe: hostile rhetoric, the actions of unfriendly states associated with the SMO (special military operation), as well as the sanctions policy regarding the Russian Federation, prompts a deeper study of the processes of integration and disintegration of Europe in order to counter unfriendly acts by NATO-member states. The philosophical aspect and analysis of the processes will allow us to understand the reasons, results, as well as the methods of working with the population of these states, with the establishment of these countries to normalize relations, and in extreme cases to counter the aggressive policies of states.

The purpose of the article is to study methods of working with the population and the establishment of hostile and sympathetic Russian states in Europe to stabilize relations and further normal, at least, coexistence within the Eurasian space.

Objectives: to reveal the specifics of the process of understanding the semantic values and social technologies of Eurasian integration; to study the dynamic changes in the integration process and how to put social technologies into practice in Europe; identify the main problems of Eurasian integration, as well as the ideological orientation of the actions of the previously mentioned states, which leads to hostile rhetoric towards the Russian Federation.

Methodology: the methodological basis of the study is the fundamental principles of integration processes and historical analysis. In the process of solving research problems, the author used historical, political, historical, systemic, retrospective and social methods.

Results: the study and generalization of socio-political sources made it possible to objectively assess the mechanism for the formation and effectiveness of the processes of integration and disintegration of modern Europe, showed problematic moments of processes that can cause destructive activity in relation to the Russian Federation.

Conclusions: having conducted this study, we come to the conclusion that the integration processes in Europe are strongly influenced by the socio-political trends in the development of the modern world, in particular, regarding the new redistribution of the world political infrastructure, increasing the global role of the Russian Federation - the largest state in Europe. We see that the negative processes taking place in European states penetrating into the territory of our country in different ways. The article shows and presents some methods and methods that, in the opinion of the author, are able to correct this situation.

Keywords: integration, disintegration, socio-political, historical-systemic, Eurasian space, philosophical aspect, semantic values, Special military operation (SMO).

Введение.

Современные социальные процессы характеризуются все возрастающей сложностью и неопределенностью. Это создает особые условия для совершенствования управленческой рациональности, но для того, чтобы принятие решений было рациональным, необходимо сравнивать различные варианты, и выбирая среди них наилучший как с точки зрения целей, так и с точки зрения ценностей.

Как известно любой социальный процесс, интеграция имеет две главные составляющие: институциональную и ценностную. И если мы обратимся к теории структурного функционализма как к наиболее надежному и проверенному теоретическому и методологическому инструменту объяснения социальных явлений, то в социальной системе наряду с целеполаганием (политическая подсистема) и адаптацией (экономическая подсистема) мы сможем аналитически выделить еще и функцию латентности или сохранения образца, за выполнение которой отвечает, как известно культура или культурная подсистема.

Методология

Необходимо отметить, что исследования в данной статье построены на методологической основе фундаментальных принципов научного изучения, анализа познания, а именно объективности исследования и историзма, предполагающих всесторонний анализ источников и выявление ключевых тенденций развития и применения смысловых ценностей и социальных технологий евразийской интеграции.

В работе использовались различные методы для объективной оценки и решения задач и целей, заявленных автором: историко-аналитический метод – объективно и последовательно выявил изменения и тенденции в процессе применения смысловых ценностей и социальных технологий интеграции; фундаментально-исторический или исторический, раскрывающий глубокий системный подход в изучении источников исследуемой проблемы; историко-сравнительный, способствующий сопоставлению различных аспектов изучения, анализа и сравнения накопленных знаний на практике тенденций развития и применения смысловых ценностей и социальных технологий евразийской интеграции; ретроспективный метод, предполагающий последовательное исследование начального периода изучения и применения смысловых ценностей и социальных технологий евразийской интеграции.

Результаты и их обсуждение

Обсуждая ценностную основу евразийской интеграции трудно обойти вниманием то обстоятельство, что даже при сравнении систем ценностей разных стран России, Центральной или Юго-Восточной Азии, Ближнего Востока, можно обнаружить поразительное сходство в понимании роли традиций, проявляющееся даже в текстах конституций. Так, например, в конституции РФ в редакции 2020 в части 1 статьи 72 присутствуют строки, которые однозначно подтверждают смысл вышесказанного. Среди базовых ценностей. Защищаемых Российской конституцией, называются «защита семьи, материнства, отцовства и детства; защита института брака как союза мужчины и женщины; создание условий для достойного воспитания детей в семье, а также для осуществления совершеннолетними детьми обязанности заботиться о родителях»[1].

Яркий пример ценностей, которые могут в равной степени декларировать все основные участники евразийской интеграции, одинаковым образом прописаны в большинстве конституций стран Евразии. «Равенство, социальная справедливость, обеспечение охраны и безопасности и равенства возможностей для всех граждан Объединенных Арабских Эмиратов являются основополагающими принципами построения общества: отношения между ними строиться на основе сотрудничества и взаимного милосердия…. Семья является основой общества. Она строится на нравственности, религии, главенства морально-этических норм и патриотизма» [4].

В социологии ценности, понятые и описанные на основе холистской или органицистской методологии получили название коллективистских, вопреки индивидуалистским ценностям, получившим распространение в европейской цивилизации и нашедшим теоретическое закрепление в идеологии либерализма. Поэтому не случайно, что, когда в России и иных странах-участницах евразийской интеграции начались активные обсуждения общих культурных и духовных оснований, все участники дискуссий были едины в том, что основанием могут стать ценности коллективизма. «Интеграция, – пишет С. Г. Кара-мурза, – это всегда создание какого-то “общего котла”, в который каждая часть вносит свою лепту. Например, в отличие от рынка в семье все делают свои вклады, и они соединяются, а не обмениваются. Это соединение и создает то целое, которое «больше суммы частей». Очень часто вклады участников несоизмеримы между собой, качественно различны, так что выразить их в единообразной форме, например, денежной, трудно или невозможно» [5, с. 40].

Что значит на практике следование данному принципу. Это значит, что субъекты социального действия рассчитывают на получение не только и не столько экономической прибыли. Социальные и государственные субъекты политики имеют свои идеалы и имеют свои интересы. Для того, чтобы интеграция оказалась успешной, хотя бы часть этих идеалов и интересов должна быть общей, то есть совпадать, разделяться участниками. Более того, эта часть должна быть настолько значима, чтобы ее влияние могло перевесить влияние всех остальные идеалов и интересов, которые разъединяют участников, делают их конкурентами или даже соперниками.

С данной точкой зрения трудно спорить. Вопрос лишь в том, как именно двигаться к намеченной цели, какие средства выбрать и какие шаги необходимо предпринять для того, чтобы евразийская интеграция состоялась. И здесь необходимо отметить одну важную особенность нашего времени, связанную с пониманием природы современного общества. После того как управление социальными процессами стало опираться на научные разработки, одним из результатов этого процесса стало стремительное развитие социальных технологий.

Под социальными технологиями следует понимать практически ориентированное знание об обществе, его институтах и ценностях, сформированное для построения или трансформации этих самых институтов и ценностей, а следовательно, и всего общества в определенном направлении. Для разработки и применения социальных технологий необходимы властные, финансовые и информационные ресурсы, их разрабатывать и применять могут как легитимные субъекты политического действия, так и нелегитимные. К первому случаю относятся власти страны, открыто провозглашающие свои цели и согласовывающие их с широкими слоями общественности, со всем обществом, которому и предстоит стать

1 Полный текст Закона «О поправке к Конституции Российской Федерации». В части 1 статьи 72. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://duma.gov.ru/news/48045/

объектом применения социальных технологий. После того, как развитие науки и внедрение ее методов в практику управления стало неотъемлемой чертой современной жизни.

Нелегитимным можно считать применение социальных технологий к народам других стран, проводимым в жизнь без их согласия и даже информирования. Не следует забывать, что результатом применения социальных технологий может быть также и социальная дезинтеграция или альтернативная интеграция.

Дезинтеграция может идти вместо интеграции, а может протекать и вместе с последней, несмотря на интеграционные усилия, прилагаемые правительствами стран-участниц. И это, по мнению специалистов, общемировой тренд, который поддерживается ростом числа и силы дезинтеграционных факторов, полагая, что большинство из них порождено усложнением обществ и дифференциацией их структур

Говоря об альтернативной интеграции, необходимо отметить, что политические игроки способны задействовать в реализации собственных интересов любые средства и методы, порой не считаясь с затратами. Так, в недавнем прошлом ряд государств и обществ бывшего СССР был поставлен перед выбором между двумя разными проектами интеграции: европейской и евразийской. При этом социальные технологии, применяемые различными интеграционными субъектами, превратили процесс выбора в арену противоборства и социально-технологической конкуренции. Конкурировали между собой институты и ценности, проекты развития и образы будущего, и результаты этой конкуренции не всегда зависели от соответствия интересам, целям или ценностям большинства.

К сожалению, умелое применение социальных технологий позволяло блокировать или же перенаправлять волю народа, а нередко и интересы правящей элиты. Конечно же социальные технологии не отменяют таких традиционных средств интеграции или иного типа реализации социального целеполагания как политический, экономический, информационно-идеологический, но в сочетании с социальными технологиями эти типы и средства становятся значительно более эффективными и результативными.

Основанное на научных методах управление обществом предполагает сбор и анализ знания о нынешнем состоянии общества и прогнозировании его последующего развития. Но говорить о социальных технологиях можно лишь тогда, когда на основе собранных знаний и построенных прогнозов производится социальное планирование, социальное проектирование и социальное конструирование. Как и обычная технология изготовления вещей, машин и механизмов, социальная технология способна использовать теоретические положения и знания многих социальных и гуманитарных наук, таких как социология, теория организации и управления, психология, культурология, этнология и др.

Теоретические знания в социальных технологиях привлекаются выборочно и применяются для решения конкретных задач в рамках той или иной социально-технологической конструкции. При этом само знание проходит фундаментальную переработку – дескриптивное и объяснительное соседствует с эмпирически собранным материалом, результатами анализа практики и прогноза. Разработчики и пользователи социальных технологий фактически приходят к реализации алгоритмов структурных, институциональных и ценностных изменений в обществе. Лучше всего изучены избирательные технологии, технологии управления персоналом, технологии манипуляции массовым сознанием и др.

На повестке дня стоит вопрос о технологиях преобразования институтов и ценностей, описания которых тщательно оберегаются их создателями, случаи их применения слишком эксклюзивны, а получаемый с их помощью эффект представляется в случае успеха весомым. Технологии политического маркетинга подробно описаны и многократно апробированы, их изучают студенты соответствующих направлений подготовки. При этом социальные технологии, направленные на изменение институционального строя общества или его системы ценностей далеко не всегда попадают в поле общественного внимания. Слишком сильно дискредитировали себя эксперименты, которые ставили над российским обществом большевики, а также иные практики социальных преобразований, основанные на утопическом социальном проектировании.

Сегодня под социальным инжинирингом понимается нечто совсем иное. Благодаря развитию киберпреступности и исследованию способов защиты от нее появилось понятие «атаки на человека», разработанной с использованием научных знаний из области психологии и социологии. Речь идет о совокупности приемов и техник, применение которых буквально заставляет человека делать то, что он не стал бы делать в обычных условиях. Например, использование социальных технологий в общении с неподготовленным собеседником раскрыть конфиденциальную информацию о себе или других, ставя под угрозу их безопасность или благополучие. «Информационные системы защиты, – отмечает Н.В. Дьяков, – могут продолжительное время функционировать в заданных пределах и решать поставленные задачи, что нельзя сказать о самом человеке. Люди, так и будут оставаться основной уязвимостью, со своими слабостями, предрассудками, являясь наиболее слабым звеном в цепочке информационной безопасности. Глобальная сеть, как основной и самый быстрый источник получения и распространения информационных ресурсов, таит в себе немало угроз» [3].

В эпоху тотальной цифровизации политики и экономики, сферы досуга и повседневной жизни кибермошенники активно используют такие качества людей как невнимательность, жадность или доверчивость, что позволяет им с минимальной долей риска обогащаться за счет неискушенных жертв. Борьба с киберпреступностью позволила выявить и описать такие социальные технологии: фишинг (выуживание), троян (обещание быстрой прибыли), кви про кво (услуга за услугу), претекстинг (действие, отработанное по заранее составленному сценарию). Нетрудно видеть, что эти технологии хотя и относятся к разряду социальных, одновременно с этим являются и технологиями интеллектуальными – без компьютеров и цифровой среды их применение невозможно. Но использование именно и прежде всего социальных качеств человека в сфере айти (IT), применение данных технологий было бы невозможно.

Одной из проблем на нынешнем этапе социальной интеграции – рассмотрение социальной интеграции как управленческой задачи, при решении которой необходимо внедрять проектный подход. «Социальный инжиниринг и социальные технологии, – пишут Х. С. Вильданов и М. Р. Усманов, – входят в практику, внедряясь в государственную национальную политику преодоления межнациональных конфликтов и доказав свою значимую роль в разработке и реализации определенных социальных стратегий и алгоритмов. Но, эффективность их применения крайне ограничена, что, прежде всего, связано недостаточной наукоемкостью» [2, с. 433].

Разумеется, принятие любого управленческого решения подразумевает прогноз, который делается на основе объяснения, а на основе прогноза осуществляется действие. Но говорить всерьез о применении проектных технологий можно

лишь тогда, когда это превращается в отчуждаемое и воспроизводимое знание-действие. И лишь в том случае, когда воспроизведение знания-действия обеспечивает предсказуемый результат, а при сходных условиях применения еще и сходный результат. Тогда технологии и проектные действия могут стать причиной тиражирования знаний-действий.

Среди технологий социального инжиниринга можно выделить проектирование социокультурного освоения пространства. П. Керролл исследовал культурное проектирование как процесс, неразрывно связанный с проектированием государств на примере исторического развития Ирландии в период с 1650 по1900 гг. Сетуя на сложность изучения взаимодействия материальных объектов и социальных структур, американский исследователь ностальгирует по тем временам, когда категорию материального активно использовали в социальной философии и других науках об обществе.

Подвергая анализу возможности применимости триангуляции к вопросу о современном государстве, сочетающем идеи, принципы и материальные объекты, П. Керролл подчеркивает важное обстоятельство: некорректно использовать термин «действия» применительно к понятию государства так же как это принято делать при рассмотрении понятия актора, используемого в качестве модели активности отельного человека. При этом он убежден в том, что обычная триангуляция, соединяющая в единую систему идеи, принципы и материальные объекты, здесь не работает. «Государства, – отмечает П. Керролл, – это идеи и дискурсы, которые оспариваются и исторически меняются. Это проекты, абстракции, воображения, фантазии и институты. Но государства – это также практика, творческая, искусная, дополняющая, репрессивная, дисциплинарная, регулятивная и непрерывная. Это социотехнические системы, хитроумные изобретения человеческих и нечеловеческих вещей. Система существует в зданиях, дорогах, картах, каналах, школах, полиции и так далее. Идеи и дискурсы встроены в материальную систему и связанные с ней практики, но не всегда в той же степени или на том же уровне систематичности» [6].

Это обстоятельство не должно ускользать и от внимания тех, кто разрабатывает контуры евразийской интеграции. Необходимо объединить социальное, техническое, экономическое и ценностно-духовное планирование и, оставив в неприкосновенности природу планируемых объектов (или подсистем), научиться соединять их в единую систему.

Приводя в качестве примеров для сравнения историю постколониальной Ирландии и короткий исторический опыт постсоветской России, П. Керролл замечает, что граждане независимой Ирландии сохранили не только материальные объекты колониального прошлого, но и саму систему управления, а также поддерживающие ее политические, правовые и экономические институты. При этом россияне всего за десятилетие разрушили и снесли множество материальных памятников советской истории, столь же решительно разделавшись и с советской системой администрирования. Нельзя отделять социальное от материального, убежден американский теоретик. Территория, население, то есть земля и люди остаются там же где и были, а объединяющие их идеи и дискурсы могут сменяться. Но при этом не следует думать о радикальной замене ценностей. Поэтому нельзя отождествлять государство с социальными отношениями: строительство государства – это не в меньшей степени процесс материального производства, чем производства духовного.

Социальные технологии, применение которых обеспечило бы успешность евразийской интеграции, должны базироваться на данных социологической науки и методах изучения (или мониторинга) общественного мнения. Их разработка и применение подразумевает не только теоретически обоснованное планирование и прогнозирование социальных изменений, но и эмпирическое изучение интегрируемых объектов, прежде всего отслеживание и анализ происходящих изменений, а также причин расхождения прогноза и действительности. Все три метода эмпирического исследования – наблюдение, измерение, эксперимент – должны быть востребованы для решения этой задачи.

Примером применения социальных технологий может стать эмпирическое исследование евразийской интеграции в одной отдельной взятой сфере интеграционных изменений. Созданный в Москве Центр изучения перспектив интеграции (ЦИПИ) проводит измерения евразийского медиаиндекса. Измерению подвергаются такие переменные как «официальность риторики», «уровень рефлексии», «вовлеченность в соцсетях» и даже «позитивность в соцсетях». По каждой из переменных составляется отдельный индекс, а все вместе они образуют интегральный индекс. Из опубликованных составителями Медиаиндекса резюме можно узнать, что в Казахстане наблюдается рост всех вышеназванных частных индексов, что они объясняют председательством данного государства в ЕАЭС. На этом фоне происходит смещение медиаиндексов остальных государств друг относительно друга и попытки найти объяснение каждому из указанных перемещений – пример применения той части социальных технологий, которая предполагает наблюдение за объектом, причем наблюдения, основанного на измерениях.

Составляемый исследователями и проектировщиками социальной стороны евразийской интеграции медиаиндекс позволяет учитывать не только результаты активности ведущих СМИ, но и процессы изменения настроений, отражающиеся в социальных сетях. Авторы резюме фиксируют здесь преобладание негатива над позитивом, пишущие в социальных сетях на темы, связанные с евразийской интеграцией либо теряют интерес к открывающимся в связи с интеграционными изменениями перспективам, или раздраженно жалуются на возникающие трудности. «Эксперты связывают это с тем, – отмечается в отчете, – что евразийская проблематика близка только узкому кругу граждан, непосредственно занятых в экономических процессах (предпринимателям, юристам, экономистам). Таким образом, широкая аудитория чаще обращается к тематике ЕАЭС в контексте явлений, которые этой аудиторией воспринимаются негативно: введение или увеличение пошлин, конфликты в сфере миграции, проблемы с таможней»[2].

Как уже отмечалось выше, случаем разработки и применения социальных технологий является социальный инжиниринг, когда ставится задача создания или изменения социальных институтов. Еще в середине XX века создание новых социальных институтов воспринималось как вполне приемлемая и реальная задача, хотя уже большевистский опыт отмены денег, рыночной экономики и иных институтов «буржуазного прошлого», казалось бы, должен был отвратить от этой и подобных ей идей.

Под влиянием развития кибернетики и общей теории систем разговоры о проектировании новых и модернизации старых институтов вновь стали популярны. Рост присутствия компьютеров и других технических устройств в управленческих, производственных и иных социальных практиках привел к радикальному изменению самого объекта управления – от управления социальными системами перешли к управлению техносоциальными (или социотехническими) системами. При

2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.perspectivecenter.org/mediaindex/iii-kvartal2020/.

этом возросла угроза превращения человека в объект манипуляции, что побудило многих внимательнее приглядеться к социально-философским основам социальной инженерии. Между тем, создание новых социальных институтов или трансформация прежних с точки зрения социальной технологии задачи, сходные по уровню сложности. В одних случаях легче создать новый, а в иных – трансформировать старый, хорошо зарекомендовавший. Так, та же конституция – институт, родившийся сравнительно недавно и в его рождении нашли свое применение результаты развития философии и теоретического обществознания. Поэтому социальный инжиниринг должен стать одним из средств социальной интеграции на современном этапе, в том числе и для евразийской интеграции.

Таким образом, необходимо понять, что евразийская интеграция будет успешной и конкурентоспособной лишь тогда, когда процессы конструирования социальной реальности будут максимально прогнозируемы, контролируемы и проектируемы. Когда говорят об обществе, его экономике или культуре как саморазвивающихся системах, рискуют столкнуться с хаотизацией, фрагментацией, деструкцией. Еще свежа память о том, как во второй половине восьмидесятых рушился социальный, политический и экономический строй советского общества, а в начале девяностых были разрушены хозяйственно-экономические структуры и институты под предлогом их неэффективности. И в первом, и во втором случае это саморазрушение осуществлялось под лозунгом дебюрократизации и с безграничными надеждами на креативную силу самоорганизации. Разница здесь состоит только в том, что в позднесоветскую эпоху теоретическим фундаментом саморазрушения стал перенос в сферу социального теоретизирования схем и моделей, рожденных в области физической химии, а реформаторы из гайдаровской команды опирались на неолиберальные экономические доктрины чикагской школы. Но и пригожинская синергетика, с ее идеей рождения порядка из хаоса, и чикагское учение о «невидимой руке» рынка сослужили дурную службу поверившим в них управленцам. Разрушение системы производства и управления в ходе ускорения, перестройки, а затем и применения шоковой терапии обернулось социальной и экономической катастрофой и величайшими бедствиями для россиян. Поэтому говорить о самоорганизующееся или саморазвивающейся Евразии, ее способности к стихийной интеграции – значит пустить это дел на самотек и в результате получить лишь хаос и разруху не только в Евразии, но и в РФ. При этом важно помнить, что при данной ситуации периодически чередуются периоды активного и дружелюбного взаимодействия с европейскими странами и периоды их противостояния. Как подчеркивает И. А. Ветренко, евразийская интеграция является стратегическим выбором России, то есть ответом на глобальный вызов XXI века [1].

Выводы

Подводя итог вышесказанному, можно отметить, что функционирование культурной, личностной и социетальной подсистем общества крайне ограниченно поддаются административному и правовому регулированию, ими невозможно управлять при помощи постановлений, директив и даже обоюдовыгодных договоров. Вот почему с особой актуальностью перед странами-участницами евразийской интеграции встает вопрос о применении социальных технологий и даже социального инжиниринга. Необходимость создания новых социальных институтов и ценностей сочетается при этом с обязанностью сохранения прежних социальных структур духовных ориентиров. Поэтому на повестке дня стоит разработка и применение специальных социальных технологий, направленных на гармонизацию межкультурных, межконфессиональных и межэтнических отношений, на поиски путей сбалансированного взаимодействия прежних и новых социальных устоев, расцвет культурного и ценностного многообразия. Особая роль социальных технологий в проекте евразийской интеграции как раз и заключается в том, чтобы в процессе создания единого политического, экономического, правового, информационного и ценностного пространства сохранить многообразие традиций, культур и цивилизаций.

Также необходимо сказать, что евразийская интеграция выступает как одно из важнейших средств для защиты традиционных Российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти, включенной Указом Президента РФ в Стратегию национальной безопасности Российской Федерации[3] и утвержденной в качестве основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей[4].

Подводя итог исследованию важно отметить: «В общемировом историческом контексте экономическая интеграция на евразийском пространстве, – отмечает Д.А. Кабаев, – это логичный и закономерный процесс. В условиях глобализации и усиления конкуренции во всем мире наблюдается устойчивая тенденция к возникновению и укреплению региональных экономических объединений. С учетом сохраняющихся кризисных явлений в мировой финансово-экономической системе интеграционные процессы приобретают еще большую актуальность и значимость. Объединенные общими интересами и задачами группы государств более успешно действуют в глобальной экономике, получая реальные конкурентные преимущества»[5].

Пристатейный библиографический список

1. Ветренко И. А. Евразийская интеграция как стратегический выбор России // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2020. № 1 (31). С. 78-83.
2. Вильданов Х. С., Усманов М. Р. Социальный инжиниринг и социальные технологии в управлении социальными процессами в многонациональном и поликультурном обществе // Евразийский юридический журнал. 2019. № 10 (137). С. 430-433.
3. Дьяков Н. В. Применение методов социальной инженерии в социальных сетях // Общество. 2020. № 2 (17). С. 126-128.
4. Конституция ОАЭ. Цит. по: Хабриева Т. Я. Вступительная статья / Конституции государств Азии. В трех томах. Том 1. Западная Азия. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; Норма, 2010. С. 14-15.
5. Кара-мурза С. Г. Евразийская интеграция: главные трудности // Философия хозяйства. 2014. № 1 (91). С. 40-45.
6. Patrick Carroll-Burke Material Designs: Engineering Cultures and Engineering States - Ireland 1650-1900 // Theory and Society. Vol. 31. No. 1 (Feb., 2002). Pp. 75-114. P. 105.

3 Указ Президента РФ от 02.07.2021 N 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

4 Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 “Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей” от 10 ноября 2022

5 Кабаев Д.А. Евразийская интеграция: текущая ситуация и перспективы // Геополитика.RU. URL: http://www.geopolitica.ru/article/evraziyskaya-integraciya-tekushchaya-situaciya-i-perspektivy (дата обращения: 13.06.2022).

МАЛИНОВА Анна Григорьевна
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права, Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)

РОБИНЗОН КРУЗО: КАК ГЕРОЙ ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО РОМАНА СТАЛ ПЕРСОНАЖЕМ МНОГОЧИСЛЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ И ИНОЙ НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Приключенческий роман «Робинзон Крузо» получил громадную популярность не только среди детей, но и привлек внимание ученых. Читателю, знакомому с этим романом только по адаптированным пересказам (получившим большое распространение не только в России) трудно представить, что Робинзон – это не только выживший на необитаемом острове герой-одиночка, но и купец, обуреваемый жаждой обогащения, но и верующий человек, но и человек со своими воззрениями на право, на господство, на собственность. Именно поэтому представители различных научных дисциплин часто обращались и до сих пор обращаются к сюжету романа и его герою для обоснования или отрицания каких-либо своих (или чужих) научных мнений. В статье анализируются положения некоторых научных взглядов, прежде всего, философских, политэкономических, юридических, на Робинзона Крузо, как человека, оказавшегося в уединении на необитаемом острове. Рассказывается не только о многочисленных подражаниях романа, но и о романе с похожим сюжетом, вышедшим на несколько веков раньше. Высказываются обоснованные сомнения в характеристиках Робинзона Круза, содержащихся в некоторых юридических исследованиях, как человека, не способного иметь интересы. Показывается, что одним из результатов широкого научного обсуждения образа Робинзона является введение в научный оборот таких (производных от имени героя романа) понятий, как: «робинзонада», «робинзонада разума», «крузонианская наука».

Ключевые слова: Робинзон Крузо, робинзонада, личность, интересы, права свободы, герой, персонаж, научная литература.

MALINOVA Anna Grigorjevna
Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Civil law sub-faculty, O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

ROBINSON CRUSOE: HOW THE HERO OF AN ADVENTURE NOVEL BECAME A CHARACTER IN NUMEROUS WORKS OF LEGAL AND OTHER SCIENTIFIC LITERATURE

The adventure novel «Robinson Crusoe» gained enormous popularity not only among children, but also attracted the attention of scientists. It is difficult for a reader familiar with this novel only from adapted retellings (which have become widespread not only in Russia) to imagine that Robinson is not only a lone hero who survived on a desert island, but also a merchant, overcome by a thirst for enrichment, but also a believer, but also a person with his own views on law, on domination, on property. This is why representatives of various scientific disciplines often turned and still turn to the plot of the novel and its hero to justify or deny any of their (or others') scientific opinions. The article analyzes the provisions of some scientific views, primarily philosophical, political and economic, legal, on Robinson Crusoe as a man who found himself alone on a desert island. It tells not only about numerous imitations of the novel, but also about a novel with a similar plot, published several centuries earlier. Reasonable doubts are expressed in the characteristics of Robinson Crusoe, contained in some legal studies, as a man incapable of having interests. It is shown that one of the results of a wide scientific discussion of the image of Robinson is the introduction into scientific circulation of such concepts (derived from the name of the hero of the novel): «Robinsonade», «Robinsonade of reason», «Crusonian science».

Keywords: Robinson Crusoe, Robinsonade, personality, interests, rights, freedoms, hero, character, scientific literature.

Робинзон Крузо - герой приключенческого романа английского писателя Даниеля Дефо «Странная жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо, написанные им самим», опубликованного в 1719 г., приобрел поистине всемирную славу. Как и во всем мире, в России имя героя романа уже в конце XVIII в. стало нарицательным.

Роман был настолько популярен, что ему часто подражали. Для обозначения этого нового литературного жанра придумали даже специальное слово «робинзонада», которое впоследствии в разных научных отраслях получило несколько иные смыслы. Образ Робинзона уже с момента выхода романа в свет сразу же приобрел громадное общечеловеческое значение. Во многом это произошло потому, что «Робинзон Крузо», — как верно заметил известный итальянский ученый Умберто Эко, — «…представляет собой великую книгу той эпохи, когда развлекательное чтение и чтение романов с целью нахождения в них моделей для сравнения является новаторским жестом со стороны читателя, принадлежащего к новоявленному классу» [24, с. 293]. По мнению Эко, этот роман можно читать двояко. Гастрономически - получая удовольствие от описанных в нем приключений (М. Оссовская называет такое восприятие Робинзона сентиментальным [15, с. 295]. И критически – такое чтение показывает его таким, каким он предстал перед читателем своего времени [24, с. 293].

Одним из первых обратил внимание на этот роман известный французский философ и писатель Жан-Жак Руссо. Робинзон, попавший на необитаемый остров, и сумевший обеспечить собственное существование, стал для Руссо образцом человеческой самостоятельности, а его образ жизни - показателем целесообразности. Руссо не раз в своем творчестве обращался к сюжету романа, к его герою и не скупился на самые высокие оценки. Например, в произведении «Эмиль, или о воспитании» ему посвящены несколько страниц [19, с. 213-218], а в романе «Юлия, или Новая Элоиза» один из главных героев три месяца проводит на необитаемом острове [20, с. 379].

К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин, другие мыслители прошлого, а также современные исследователи подкрепляли и подкрепляют свои рассуждения этим литературным образом. Именно классики марксизма первыми заметили в Робинзоне купца. Робинзон «был потерпевшим кораблекрушение купцом и, если не ошибаюсь, также занимался в свое

время работорговлей. Словом, это настоящий буржуа» – отмечал Ф. Энгельс [25, с. 181]. В истории Робинзона прослеживается как жажда обогащения, так и стремление к колониальной экспансии, мечты о чудесных сделках, в которых за какие-нибудь бусы, зеркальце и другие побрякушки можно было легко выменивать у дикарей слоновую кость, самородки и золотой песок. Как верно заметила М. Оссовская, в таких сделках никто не в обиде, обе стороны довольны, поскольку «источником прибыли служат лишь различия в иерархии ценностей разных культур» [15, с. 71].

К. Маркс использовал название «робинзонада» в ироническом смысле, для высмеивания буржуазных и мелкобуржуазных экономических теорий, которые исходили из представлений о совершенно изолированном индивидуальном хозяйстве, как об исходном пункте развития человеческого общества. «…Политическая экономия любит робинзонады» [9, с. 86] – писал Маркс в «Капитале». Робинзонада в политэкономии – это термин, «берущий за исходный пункт экономического анализа изолированное от общества индивидуальное хозяйство, которое ведется неким внесоциальным хозяйствующим субъектом» [18, с. 504].

Не меньше любят робинзонады философы и социологи. Так, известный философ Карл Поппер для объяснения социального характера научного метода придумал понятие «крузонианская наука» [17, с. 260]. В научном обороте используется и такое необычное понятие как «робинзонада разума» [6, с. 186].

У романа «Робинзон Крузо» были не только подражатели, но был и предшественник. Еще в XII в. арабский философ Ибн-Туфейль написал «Роман о Хайе, сыне Якзана». Сюжет начинается с того, что на необитаемом острове появляется младенец Хайй, сын некоего Якзана, за которого тайно вышла замуж сестра высокомерного и ревнивого царя. Испугавшись царского гнева, она положила младенца в ящик, который морские волны прибили к острову. Крики младенца привлекли газель, которая стала кормить его своим молоком. Дальнейшие события во многом похожи на жизнь киплингского Маугли. Впоследствии этот роман был переведен на многие языки, в том числе в 1674 г. и на английский. Считается, что он оказал некоторое влияние и на автора «Робинзона» [6, с. 186-204].

Поскольку выше был упомянут Маугли, нельзя не обратить внимания на интересную по содержанию главу «Ни Маугли, ни Робинзон» в книге «Происхождение человека и общества», в которой сюжеты обоих произведений рассмотрены с критических позиций. «…Оба сюжета, — утверждает И. П. Андреев, - при всей их метафористичности и занимательности насквозь антинаучны. Дети, вскормленные животными, не могут адаптироваться к жизни в обществе и вскоре погибают. Мореплаватели (или преступники), оказавшиеся на необитаемых островах, как правило, дичали, забывали речь и сходили с ума» [1, с. 314].

Робинзонада существует во многих гуманитарных науках, в том числе и в юриспруденции. Правоведы примеряют к драматическому положению Робинзона многие юридические ситуации, в том числе и те, о которых говорит сам Робинзон. Например, Робинзон считал, что «…весь остров был неотъемлемою моей собственностью, и, таким образом, мне принадлежало несомненное право господства» [4, с. 144-145]. Сведущ был Робинзон и в составлении юридических документов. Вот, что он говорит по этому поводу: «Затем я составил доверенность, давшую ему право ежегодно получать за меня доходы с моей плантации, и обязывающую моего компаньона представлять ему отчеты и отправлять на его имя товары и деньги» [4, с. 231].

Вопросы личности, собственности, владения, пользования, цены, стоимости и многое другое, составляющее проблематику общественных отношений, юристы преломляют через уединение этого единственного обитателя острова. Гениальное перо писателя лишило Робинзона многих радостей жизни, более того, неоднократно создавало смертельную угрозу последней, но, тем не менее, не покусилось на физическую и духовную целостность этого субъекта. Юристы же пошли гораздо дальше писателя. Они не только отказались признать Робинзона личностью, но и отказали ему в таком прирожденном качестве как свойство каждого и любого человека иметь свои интересы. И все на том основании, что «только личность, т.е. социальное существо, включенное в систему общественных отношений, является субъектом интересов» [23, с. 18]. «Образно говоря, – отмечал Н. А. Шайкенов, – Робинзон Крузо, очутившись один на необитаемом острове, сохранил свои потребности настоящего буржуа, но утерял социальные интересы, несмотря на то, что судьба позволила ему воспользоваться некоторыми техническими достижениями цивилизации» [23, с. 18].

Поскольку в теории права есть мнение, что интересы – это ничто иное, как предправо, что это «категория внеправовая, или доправовая» [16, с. 30], то следующим шагом юристов могло бы стать утверждение об утрате Робинзоном и своих прав и свобод. Но существует одно и очень значительное препятствие. Дело в том, что основные права и свободы неотчуждаемы с момента рождения человека. Интересы же не просто неотчуждаемы, но и неотъемлемы от человека. Если основные права и свободы считаются прирожденными, то интересы, следуя все той же логике, следует считать, видимо, врожденными.

Интересы человека, так же как, например, его характер, нельзя изъять, но на них можно влиять, воздействовать и от них можно отказываться. Заметим, что отказ от каких-либо интересов может иметь и правовое значение. Например, в международном праве существует «вопрос о возможности акта отказа от совокупности интересов в той или иной области со стороны соответствующего государства. Допустимость подобного акта определяется тем, насколько эти интересы юридически обеспечиваются» [7, с. 129]. По мнению швейцарского ученого Э. Ф. Пфлюгера интересы неюридического характера (политические, стратегические, экономические, публичные [13, с. 65-84] не могут быть объектами отказа, но «любой юридически обеспечиваемый и охраняемый нормой права интерес может стать объектом отказа» [7, с. 129].

Субъективные права, будучи объектом гражданских прав - отчуждаемы. Например, их можно юридически наследовать, чего нельзя сказать об интересах как неотъемлемых «принадлежностях» человека, не наследуемых юридически. Еще более ста лет назад известный немецкий антрополог Л. Вольтман усмотрел исторический параллелизм между физиологическим и правовым наследованием. Отметив, что «формы наследственного права находят свое основание в законах физиологического унаследования телесных, инстинктивных и духовных способностей» [2, с. 286], он, тем не менее, пришел к совершенно определенному выводу, что «...нельзя построить действительного закона, который мог бы согласовать физиологическое и юридическое унаследование» [2, с. 283].

И все же, почему юристы сохранили такому в высшей степени разумному и трудолюбивому покорителю природы как двадцатисемилетний Робинзон буржуазные потребности, но затем на целых 28 лет (проведенных им на острове) лишили его интересов [12, с. 91-105], не оставив ему хотя бы тех же буржуазных интересов? Интерес – это элемент благополучия субъекта, напрямую влияющий на качество его жизни [14, с. 21-44]. Следует заметить, что понятие «интерес» до сегодняшнего дня не имеет ни легального, ни, разделяемого большинством российских правоведов, доктринального определения [10, с. 73-79]. Поэтому и многие вопросы, связанные с пониманием их места и роли в правовом регулировании, их классификации, их баланса или гармонизации [10, с. 21-44] и др. носят дискуссионный характер [8, с. 64].

Между тем Робинзонада имеет современное и юридически неожиданное продолжение. Дело в том, что к сюжету Дефо обратился известный французский писатель, Мишель Турнье, опубликовавший в 1967 году роман «Пятница, или Тихоокеанский лимб». Книга не осталась незамеченной. Достаточно сказать, что большое послесловие к ней написал такой крупный французский философ как Жиль Делез [3, с. 292-302]. Турнье, пропустив сюжет Дефо сквозь призму новейших философских концепций, перевернул ситуацию. Внимание юриста привлекает то обстоятельство, что Робинзон писателя Турнье, будучи на острове в одиночестве, принимает конституционный акт - Хартию острова. В этом письменном акте он наделяет себя необходимыми полномочиями и властью, чтобы устанавливать и приводить в исполнение законы на данной островной территории. Мало этого, одинокий Робинзон тут же воспользовался своими полномочиями и принял второй законодательный акт - Уголовный кодекс острова [22, с. 78-79].

Задача исследователей-правоведов усложняется. Если Робинзон - не-личность и не-субъект интересов, – то он не может быть и законодателем. Тогда чем вызваны, и как объяснить его законотворческие попытки. Если же он личность и субъект интересов, то его «законодательство» (обязательное только для него), видимо, следует рассматривать только как рукописный сборник моральных и иных правил. Известный русско-американский социолог Питирим Сорокин подчеркивал: «*…Из индивида можно получить только индивида* и нельзя получить ни того, что называется «обществом», ни того, что носит название «общественных явлений». Робинзон, живущий на уединенном острове, ни сам по себе, ни своими действиями не составит ни того, ни другого» [21, с. 95] (Курсив автора. – А. М.). Но картина коренным образом изменяется, если учесть появление на острове Пятницы, поскольку Робинзон с Пятницей уже могут составить такое «общество». «По крайней мере, – говорит П. Сорокин, – соединение двух лиц в обиходе часто называется «обществом». Их взаимоотношения могут составить «общественные отношения». Их акции и реакции - «общественные процессы» [21, с. 96].

В заключение подчеркнем, что исторический опыт прошедших столетий убедительно подтвердил всемирную славу романа Дефо. Восхищаться подвигом Робинзона на необитаемом клочке земли продолжают все новые и новые поколения читателей. А все новые и новые поколения философов, экономистов, юристов обращаются, и будут обращаться к образу этого литературного героя.

Пристатейный библиографический список

1. Андреев И. Л. Происхождение человека и общества. - 2-е изд., перераб. и доп. - М.: Мысль, 1988. - 415 с.
2. Вольтман Л. Политическая антропология. Исследование о влиянии эволюционной теории на учение о политическом развитии народов / Пер. с нем. - 2-е изд. - М.: Белые альвы, 2000. - 448 с.
3. Делез Ж. Мишель Турнье и мир без Другого // Турнье М. Пятница, или Тихоокеанский лимб. - СПб.: Амфора, 1999. - 301 с.
4. Дефо Д. Робинзон Крузо / Пер. М. Шишмаревой. История Полковника Джека / Пер. Н. Шерешевской и Л. - Орел: Романы. - М.: Худож. лит., 1977. - 529 с.
5. Дефо Д. Робинзон Крузо / Пересказ с англ. К. Чуковского. - М.: Эксмо, 2023. - 256 с.
6. Игнатенко А. А. Ибн-Туфейль: робинзонада разума // Игнатенко А. А. В поисках счастья: (Общественно-политические воззрения арабо-исламских философов средневековья). - М.: Мысль, 1989. - С. 186-204.
7. Каламкарян Р. А. Эстоппель в международном публичном праве. - М.: Наука, 2001. - 236 с.
8. Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации (учебно-практический) / О. Г. Алексеева, Л. В. Заец, Л. М. Звягинцева и др.; под общей ред. С. А. Степанова. - М.: Проспект, 2018. - 352 с.
9. Маркс К. Капитал // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. - 2-е изд. - М.: Политиздат, 1955-1978. - Т. 23. - 900 с.
10. Малинова А. Г. Баланс интересов и его «ипостаси» в правоведении // Российский юридический журнал. - 2022. - № 2. - С. 21-44.
11. Малинова А. Г. Возможны ли легальные определения понятий «интерес» и «законный интерес»? // Евразийский юридический журнал. - 2020. - № 8 (147). - С. 84-85.
12. Малинова А. Г. Интерес и потребность: критический взгляд на их отождествление в отечественном правоведении // Lex Russica (Русский закон). - 2020. - № 10 (167). - Т. 73. - С. 91-105.
13. Малинова А. Г. Публичные интересы: история, теория и аргументы против использования этого термина в отечественном законодательстве // Российский юридический журнал. - 2023. - № 1. - С. 65-84.
14. Малинова А. Г. Юридизация понятия «качество жизни» в спорах о компенсации морального вреда // Российский юридический журнал. - 2020. - № 4. - С. 73-79.
15. Оссовская М. Рыцарь и буржуа: Исследование по истории морали / Пер. с польск. - М.: Прогресс, 1987. - 528 с.
16. Общая теория прав человека / Отв. ред. Е. А. Лукашева. - М.: НОРМА, 1996. - 520 с.
17. Поппер К. Открытое общество и его враги. В 2 т: Т. 2. Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. - М.: Феникс, 1992. - 528 с.
18. Робинзонада // Экономическая энциклопедия. Политическая экономия. В 4 т: Т. 3. - М.: Советская энциклопедия, 1979. - С. 504.
19. Руссо Ж.-Ж. Эмиль, или о воспитании // Руссо Ж.-Ж. Педагогические сочинения. В 2 т.: Т. 1. - М.: Педагогика, 1981. - С. 19-592.
20. Руссо Ж.-Ж. Юлия, или Новая Элоиза. - М.: Художественная литература, 1968. - 776 с.
21. Сорокин П. А. Система социологии. - М.: Астрель, 2008. - 1008 с.
22. Турнье М. Пятница, или Тихоокеанский лимб / Пер. с фр. - СПб.: Амфора, 1999. - 303 с.
23. Шайкенов Н. А. Правовое обеспечение интересов личности. - Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. - 112 с.
24. Эко У. Потребление, поиск и образцовый читатель // Человек читающий. Homo legens. Писатели XX в. о роли книги в жизни человека и общества / Сост. С. И. Бэлза. - 2-е изд., с изм. и доп. - М.: Прогресс, 1990. - С. 286-301.
25. Энгельс Ф. Письмо К. Каутскому // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. - 2-е изд. - М.: Политиздат, 1955-1978. - Т. 36. - С. 181-182.

МЕЖУЕВА Елена Олеговна
кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой гуманитарных и специальных дисциплин, Тульский институт (филиал), Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)

Межуева Е. О.

ИДЕЯ ПАТРИОТИЗМА: УРОКИ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

В статье анализируется философская полемика между западниками и славянофилами в контексте понимания категории патриотизм. П. Я. Чаадаев, А. С. Хомяков и И. В. Киреевский полагали провиденциальную идею основанием исторического процесса, однако по-разному оценивали современное состояние и пути развития России. Патриотизм П. Я. Чаадаева основан на принципах критичности, рационализма, необходимости принятия Россией прогрессивного европейского опыта. Славянофилы, А. С. Хомяков и И. В. Киреевский, напротив, видели основания патриотизма в безусловной ценности народных традиций, отечественной истории, славянского братства и православной веры.

Ключевые слова: патриотизм, славянофильство, западничество, вера, Православие, «русская идея», мессианизм.

MEZHUEVA Elena Olegovna
Ph.D. in philosophical sciences, associate professor, Head of Humanities and special disciplines sub-faculty, Tula Institute (branch), All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)

THE IDEA OF PATRIOTISM: LESSONS OF RUSSIAN PHILOSOPHY OF THE FIRST HALF OF THE XIXTH CENTURY

The article analyzes the philosophical controversy between Westerners and Slavophiles in the context of understanding the category of patriotism. Chaadaev, Khomyakov and Kireevsky considered the providential idea to be the basis of the historical process, however, they assessed the current state and ways of development of Russia in different ways. Chaadaev's patriotism is based on the principles of criticality, rationalism, and the need for Russia to adopt the progressive European experience. The Slavophiles, Khomyakov and Kireevsky, on the contrary, saw the foundations of patriotism in the unconditional value of folk traditions, national history, Slavic brotherhood and the Orthodox faith.

Keywords: patriotism, Slavophilism, Westernism, faith, Orthodoxy, «Russian idea», Messianism.

Идея патриотизма является основой формирования национальной идеологии современной России. Ее актуальность в настоящее время неоспорима – внешние вызовы требуют нового осознания национальной идентичности. Отказ от копирования западных идеологических установок, отрицания значимости собственной истории и культуры определил необходимость обращения к традициям русской мысли.

Патриотизм, согласно словарю С. И. Ожегова, это «преданность и любовь к своему отечеству, к своему народу» [12]. Русская философия является патриотичной и традиционной по своей сути. Истоки русского патриотизма можно обнаружить в памятниках общественно-исторической мысли Древней Руси и Московского царства – летописях, житиях святых, «словах», «сказаниях». В первом самобытном литературном произведении Древней Руси – «Слове о законе и благодати» Киевского митрополита Илариона патриотическая идея раскрывается в контексте понимания безусловного величия родной земли. Это величие связано с принятием христианской веры и издавна существовавшими славными народными традициями. Уже в XI в., согласно «Слову...», было осознание того, что «Русь знаема и ведома во всех четырех концах земли» [7]. Русский народ, не отягощенный историческим прошлым, народ «новый», по выражению Илариона, займет достойное место среди христианских народов.

Идея патриотизма в трудах русских философов имеет нравственно-религиозные основания, единым источником ее признается православная вера. Именно вера обуславливает специфику российской истории, определяет особый путь России в мире. «Оригинальная русская мысль рождается как мысль историософская. – писал Н. А. Бердяев. – Она пытается разгадать, что помыслил творец о России» [1, с. 5]. Поэтому патриотизм в русской философии непосредственно связан с мессианской идеей, осмыслением «русского пути», особой миссии России в мире. Поскольку мессианизм, в понимании русских философов, имеет религиозный характер, он противоречит шовинизму, исключает всякий национализм.

У истоков самобытной русской философии в первой половине XIX века стояли западники и славянофилы. В основе их философской полемики был вопрос о путях развития России. Славянофилы (А. С. Хомяков, И. В. Киреевский, С. Т. Аксаков, Ю. Ф. Самарин) выступали за приоритет самобытности России, видели в национальных традициях силу русского народа и залог его процветания в будущем. Западники (П. Я. Чаадаев, А. И. Герцен, В. Г. Белинский) напротив, утверждали отсталость России по сравнению со странами Европы, отсутствие у России положительного исторического опыта, пути ее прогрессивного развития связывали с восприятием европейской культуры. Очевидно, что стимулом, отправной точкой для философского анализа места России в мировой истории стали события российской истории XIX века – и великие, и трагические. Отечественная война 1812 г., восстание декабристов, подъем национального самосознания, патриотических настроений в обществе, расцвет культуры с одной стороны – и очевидное отставание России от Европы, крепостничество и самодержавие с другой.

Думается, что постановка вопроса о том, какие философы - западники, или славянофилы, были, в большей степени патриотами является некорректной. И А. С. Хомяков, и И. В. Киреевский и П. Я. Чаадаев искренне любили Россию и желали ей процветания в настоящем и будущем. Но в сво-

их трудах каждый из них создал собственный, уникальный образ патриотической идеи. Рассмотрим аргументацию и обоснования идеи патриотизма в трудах основателей западничества - П. Я. Чаадаева и славянофильства - А. С. Хомякова и И. В. Киреевского. Безусловно, каждый из авторов был патриотом свой страны, желал ей блага и процветания. Расхождения в их взглядах обуславливались тем, насколько критично философы относились к истории и современному состоянию России.

Начнем сравнительный анализ с выявления сходства идей философов. И П. Я. Чаадаев, и А. С. Хомяков, и И. В. Киреевский признавали религиозно-нравственные законы основой исторического развития народов. «Участь общества гражданского, – писал А. С. Хомяков, – зависит от того, какой закон признается его членами, и как высока нравственная область, из которой они черпают уроки для своей жизни в отношении к праву положительному» [15, с. 240]. «Народы – в такой же мере существа нравственные, как и отдельные личности», – утверждал в «Философических письмах» П. Я. Чаадаев [17]. Именно в христианстве и западники, и славянофилы видели не только высший нравственный и религиозный закон, но и залог преображения общества, двигатель исторического развития народов. «В христианском мире все необходимо должно способствовать – и действительно способствует – установлению совершенного строя на земле; иначе не оправдалось бы слово Господа, что он пребудет в церкви своей до скончания века, – писал П. Я. Чаадаев. – … разверните вполне картину эволюции нового общества, и вы увидите, как христианство претворяет все интересы людей в свои собственные, заменяя всюду материальную потребность потребностью нравственной» [17]. В. В. Зеньковский справедливо утверждал, что взгляды П. Я. Чаадаева на Россию «не стоит в центре его учения, а, наоборот, является логическим выводом из его общих идей в философии христианства» [5, с. 167].

Будучи единодушны в оценке христианства как основания и движущей силы исторического развития, П. Я. Чаадаев и представители славянофильства по-разному оценивали его воплощение в российской культуре и государственности.

Безусловно, все они стремились к объективному анализу фактов, но по-разному выстраивали иерархию ценностей. «Прекрасная вещь – любовь к отечеству, но есть еще нечто более прекрасное – это любовь к истине. Любовь к отечеству рождает героев, любовь к истине создает мудрецов, благодетелей человечества. Любовь к родине разделяет народы, питает национальную ненависть и подчас одевает землю в траур; любовь к истине распространяет свет знания, создает духовные наслаждения, приближает людей к божеству. Не через родину, а через истину ведет путь на небо», – писал П. Я. Чаадаев [16].

По сути, в «Философических письмах» П. Я. Чаадаев отрицает оба основания патриотизма, определенные еще в «Слове о законе и благодати» Илариона – истинную религиозность и достойные народные традиции Руси. Признавая главенствующую роль христианства в становлении человечества, мыслитель утверждал, что оно не оказало живительного влияния на развитие России. Россия была христианской лишь номинально, одной из причин этого прискорбного факта автор называет принятие восточного христианства: «Повинуясь нашей злой судьбе, мы обратились к жалкой, глубоко презираемой этими (европейскими) народами… Византии за тем нравственным уставом, который должен был лечь в основу нашего воспитания» [17]. Обратившись к Византийскому христианству, Русь обособила себя от общеевропейского единства. И потому для автора, очевидно, что Россия не имеет ни своего прошлого, ни самобытных идей и существует лишь для того, чтобы преподнести иным народам урок. По мысли философа, если бы Петр 1 увидел наличие у нашего народа достойных традиций, он, безусловно, обратился бы к ним. Однако, по словам П. Я. Чаадаева, «Петр Великий нашел у себя дома только лист белой бумаги и своей сильной рукой написал на нем слова Европа и Запад; и с тех пор мы принадлежим к Европе и Западу» [16].

П. Я. Чаадаев стремился к объективности, признавая, что и европейская история несовершенна: она полна противоречий и борьбы. Однако в этой борьбе, считает автор, рождались плодотворные идеи, и формировалось подлинное духовное единство [17].

Прочтение «Философических писем» обращает внимание на преувеличенную резкость оценок истории и современного состояния России. По мысли В. В. Зеньковского, «горячие и страстные обличения России у Чаадаева имеют много корней…Во всяком случае, Чаадаев не смог включить Россию в ту схему провиденциализма, которую навевала история Запада» [5, с. 179]. П. Я. Чаадаев, отказывая русскому народу в каком бы то ни было историческом опыте, утверждал, что и преобразования Петра 1, и заграничный поход русской армии ничего принципиально не поменяли, ведь «…даже вернувшись из этого триумфального шествия чрез просвещеннейшие страны мира, мы принесли с собою лишь идеи и стремления, плодом которых было громадное несчастие, отбросившее нас на полвека назад» [17].

Это «громадное несчастье» – разгром декабристского восстания и, соответственно, крах надежд на политические, и экономические преобразования в России в духе просветительских идей. Они и повлекли за собой резкость оценок и выводов. Впоследствии, в работе «Апология сумасшедшего» (1837), позиция мыслителя несколько смягчилась. Н. О. Лосский предполагал, что «французская революция 1830 г. сделала его менее склонным к идеализации Запада по сравнению с тем временем, когда он писал свое «Первое письмо» [10, с. 72]. П. Я. Чаадаев признал наличие у России славной истории, великих государственных деятелей и общественно-исторических перспектив, но продолжал настаивать на ее периферийном положении и необходимости заимствовать прогрессивные идеи у европейских стран. Поздно, по сравнению с Европой, вступая на путь прогресса, наша страна, по мысли автора, имеет все возможности не совершать ошибок Запада, развить возникшие в Европе идеи, стать основой общемирового единства. П. Я. Чаадаев, по сути, первым раскрыл содержание понятия «русская идея», не называя его: он «…обосновал всемирно-историческую миссию русского народа по объединению человечества в решении общемировых проблем» [3, с. 64].

Таким образом, объяснить негативное отношение П. Я. Чаадаева к русской культуре возможно. Оно было не случайным, возникнув под влиянием разгрома декабристского восстания и начала так называемой «николаевской реакции». Безусловно, П. Я. Чаадаев был патриотом, он желал для России лучшего будущего, которое видел в следовании путям западной цивилизации. П. Я. Чаадаева как прогрессивного философа не устраивала консервативная «теория официальной народности», отождествляющая патриотизм с самодержавным государством: «несоответствие доктрины «Официальной народности» духу времени не могло не вызвать негативных отзывов в среде образованных классов, которые были заклеймены в качестве антипатриотических. Вероятно, первым из таких отзывов стало первое «Философическое письмо» П. Я. Чаадаева, где он заклеймил Россию как государство, в котором отсутствуют какие-либо признаки развития…» [11, с. 184]. Очевидно, что философ связывал патриотизм не с существующим самодержавным государством, не с народными традициями, а с возможностью либеральных преобразований, развитием прав человека и политических свобод.

Однако не следует недооценивать глубину и силу критического отношения Чаадаева к российской действительности. По сути, об этом писал основатель славянофильства А. С. Хомяков, различая два значения понятия «смирение». Одно – признание безусловной святости духовного закона,

которым руководствуется общество, но его недостаточно полного воплощения в историческом бытии. Такое смирение велико, считал автор. Другое значение – «…смирение человека или народа, который сознается не только в собственном бессилии, но и в бессилии и неполноте нравственного или духовного закона, лежащего в основе его жизни – это не смирение, а отречение» [13, с. 8]. Думается, патриотизм П. Я. Чаадаева строился именно на «отречении» (по терминологии А. С. Хомякова) от духовных и религиозных истоков, народных традиций в пользу приобщения к достижениям мировой (западной) цивилизации, которые он считал, безусловно, прогрессивными.

Иной образ патриотизма сформировался в философии славянофильства. Идеология славянофилов, сформировавшаяся в полемике с западниками, ассоциируется в массовом сознании с идеализацией российской истории, отрицанием западной философии и культуры в целом, отсутствием критического отношения к современному состоянию России. Однако это обыденное мнение имеет малое отношение к истине.

Во-первых, отметим естественную неоднородность славянофильства. Даже взгляды «старших» славянофилов, основателей учения, существенно отличаются друг от друга, и при их изучении В. В. Зеньковский призывал «избегать той или иной стилизации» [5, с. 194]. Во-вторых, для многих славянофилов (в особенности, для А. С. Хомякова) было характерно стремление к объективному анализу фактов истории, что сам автор называл «благородством беспристрастной науки и голосом правды человеческой» [15, с. 236]. В-третьих, следует отметить подлинную народность славянофильства. Исследование быта, традиций, внимание к особенностям народного характера и истории, всегда отличавшее славянофилов, позволило М. О. Гершензону отметить: «…они все – и И. Киреевский, и Хомяков, и Кошелев, и Самарин были в своем мышлении каналами, через которые в русское общественное сознание хлынуло, веками накопившееся, как подземные воды, миросознание русского народа» [4, с. XXIX].

Основание патриотизма в мировоззрении А. С. Хомякова – это безусловное принятие истории, культурных особенностей, быта родной страны. «Русская земля, – писал философ, – предлагает своим чадам, чтобы пребывать в истине, средство простое и легкое неиспорченному сердцу: полюбить ее, ее жизнь, ее истинную сущность, не смущаясь и не соблазняясь никакими … внешними наплывами, которых не мог избегнуть ни один народ в новой истории» [15, с. 258]. Более того, мыслитель считал, что в народных традициях и быте не может быть ничего неважного: ценным являются даже обряды, «мелочи обычая», поскольку «обрядное единство» является «средством достижения единства истинного». А. С. Хомяков высоко ценил идею «славянского братства», принимая наименование философской школы – «славянофильство»: «… признаюсь охотно, – писал он, – я люблю славян» [14, с. 97].

Считая патриотизм безусловным чувством, естественным для всякого русского человека, А. С. Хомяков связывает мессианское призвание России с истинной верой, Православной Церковью. Как писал Н. А. Бердяев, «славянофильство довело до сознательного идеологического выражения вечную истину Православного Востока и вековой уклад русской земли, соединив то и другое органически» [2, с. 9].

Идея величия, особого исторического призвания русского народа базируется у А. С. Хомякова на его основном историософском тезисе о том, что в основе исторического развития лежат религиозно-нравственные начала. Во всемирной истории, по его мнению, действуют два принципа – свобода и необходимость, воплощающиеся в культурно-исторических архетипах – «иранстве» и «кушитстве». Славяне, согласно А. С. Хомякову, принадлежат племени «единобожников и духопоклонников», то есть воплощают в своем бытии «иранское» начало. Русь, по мнению А. А. Хомякова, приняла христианство (являющееся высшим воплощением «иранского» духа в истории) осознанно и с радостью: «Какое-то глубокое отвращение от древнего своего язычества заметно в народах славянских…Казалось, что не проповедь истины искала славян, а славяне искали проповеди истины» [15, с. 231]. Именно христианство обусловило преобладание в русской истории начал «цельности» над «раздвоенностью». «Цельность» – это духовная основа жизни, воплощенная в Православной Церкви, которая, по убеждению А. С. Хомякова, является хранительницей истинного христианского учения. «Раздвоенность», выражающаяся в несовершенстве государственного устройства и общественных отношений происходила вследствие недостаточно полного воплощения христианских идей в историческом бытии, копирования европейской культуры. А. С. Хомяков признавал, что и в истории, и в современном состоянии России не все явления, факты и общественные институты и соответствуют высшим идеалам христианской духовности. Однако по его мысли, в России всегда существовала «внутренняя целостность жизни и законов, несмотря на дикость и нестройность ее явлений» [15, с. 246].

Истинные духовные начала, воплощенные в Церкви, приведут к совершенствованию государственных и общественных отношений. «Раздвоение», несовершенство быта, государственных институтов никогда не было в России существенным: «оно не было резко определено, основано на коренной неправде и вражде…» [15, с. 230] в отличие от европейских стран, которые, возвращаясь к прошедшему, если бы такой возврат был возможен, нашли бы только раздвоение и борьбу; в современном они находят… тоже раздвоение и борьбу, но дошедшую уже до крайности» [14, с. 93].

Таким образом, идея патриотизма в учении А. С. Хомякова базируется на следующих основаниях: безусловном принятии традиций, обычаев, «духа» русского народа; признании истинного христианства духовной основой общественно-исторического бытия и залогом величия России в будущем; критическом отношении к истории, современным общественным и государственным отношениям.

Иной подход к историческому прошлому и настоящему России находим в трудах соратника А. С. Хомякова, славянофила И. В. Киреевского. «… я думаю, – писал он, – что особенность России заключается в самой полноте и чистоте того выражения, которое христианское учение получило в ней – во всем объеме ее общественного и частного быта» [8, с. 219]. Признавая оба основания идеи патриотизма – истинное христианское учение и достойные народные традиции, И. В. Киреевский практически не критикует историю и современное развитие России. Пользуясь теми же категориями, что и А. С. Хомяков – «раздвоение» и «цельность» – И. В. Киреевский по-иному их интерпретирует. В его учении они являются характерными чертами западноевропейской и российской культуры [8, с. 218]. Причинами «раздвоения», ущербности западной цивилизации И. В. Киреевский видел то, что государство в европейских странах образовалось в результате насилия, и «развивалось переворотами» [8, с. 192]; Католическая Церковь искусственно объединила светскую и духовную власть, а в познании преобладала рассудочная, отвлеченная философия. «…критика Запада, – писал В. В. Зеньковский, – была у Киреевского своя – не с чужих слов, а во имя той идеи «цельности», которая была его заветной мечтой, росшей из романтического корня и окрепшей под влиянием святоотеческого понимания человека» [6, с. 24].

Безусловно, перед И. В. Киреевским стояли два сложных вопроса – объяснение очевидного социально-экономического и политического отставания России от Европейских стран и оценка заимствований Россией элементов европейской культуры. На первый вопрос автор отвечает с позиции провиденциализма, обосновывая необъяснимой для человека волей Бога то, насколько быстро Россия идет по пути просвещения. Второй вопрос, связанный с оценкой заимствований, И. В. Киреевский рассматривает исходя из своей основной

идеи – признания того, что «…корень образованности России живет еще в ее народе, и, что всего важнее, он живет в его Святой Православной Церкви» [8, с. 220]. По образному выражению автора, это «…здание просвещенной России, созидаемое доныне из смешанных и большей частью чуждых материалов, и потому имеющее нужду быть перестроенным из чистых собственных материалов» [8, с. 220].

Таким образом, И. В. Киреевский, в отличие от А. С. Хомякова, считал, что для культуры России характерны только начала «цельности», присущие народной жизни и Православной церкви. Культурные заимствования не играли решающей роли, не проникали в народную жизнь, «какая-то Китайская стена, – по словам И. В. Киреевского, – стоит между Россией и Европой» [9, с. 95].

Таким образом, в трудах П. Я. Чаадаева, А. С. Хомякова и И. В. Киреевского перед нами предстают три различных образа патриотизма. Патриотизм П. Я. Чаадаева основан на критике духовных основ российской жизни, религии и народного быта. Он состоит в признании необходимости реформирования России, усвоения лучших европейских традиций и культурных форм. А. С. Хомяков и И. В. Киреевский не сомневались в полноте и чистоте христианского нравственного закона, лежащего в основе российской культуры, в ценности народных традиций и славянского братства. Однако А. С. Хомяков, в отличие от И. В. Киреевского, больше стремился к объективности, не отрицал несовершенства российского общества и государства, искал возможности их исправления.

Постановка вопроса об актуальности идей западников или славянофилов для настоящего времени не вполне корректна. Эти философские направления, как и полемика между их представителями, являются порождением своего времени. Правильнее говорить о тех уроках, которые могут извлечь наши современники из их философских трудов.

Критичность, рационализм открытость для всего нового – вот важные уроки философии П. Я. Чаадаева, вполне применимые к современности. Прочтение трудов П. Я. Чаадаева позволяет осознать, что подлинный патриотизм – это не просто восхваление родины, а разумное стремление сделать ее жизнь лучше. «Я люблю мое отечество, как Петр Великий учил любить его. – Писал П. Я. Чаадаев. – Мне чужд, признаюсь, этот блаженный патриотизм, этот патриотизм лени, который приспосабливается все видеть в розовом свете и носится со своими иллюзиями и которым, к сожалению, страдают теперь у нас многие дельные умы» [16].

Признание безусловной ценности народных традиций, отечественной истории, славянского братства и православной веры в полной мере было отражено в философии славянофилов. Однако, на наш взгляд, философии И. В. Киреевского нахватало критичности: автор идеализировал историю и общественно-политическую жизнь России. В отличие от него, А. С. Хомяков, безусловно любя русский народ, его обычаи и традиции, стремился к объективности, анализировал недостатки общественного устройства России и видел пути их исправления. «Велик и благороден подвиг всякого человека на земле; подвиг русского исполнен надежды. – Писал А. С. Хомяков. – Не жалеть о лучшем прошедшем, не скорбеть о некогда бывшей вере должны мы… но, помня… о прекрасных плодах божественного начала нашего просвещения старой Руси, ожидать и надеяться, что, с помощью Божьей, та цельность, которая проявлялась лишь в отдельных проявлениях… выразится во всей своей многосторонней полноте в будущей мирной и сознательной жизни Руси» [15, с. 258].

Подводя итоги, отметим, что в русской философской мысли первой половины XIX в. были сформулированы идеи, которые вполне могут стать основанием современного понимания категории патриотизм. Это любовь к традициям, истории народа и принятие культурного многообразия России, интерес и уважение к традициям других народов. Идея славянского единства и братства, культурного и политического. Религиозно-нравственные основания патриотической идеологии, опора на традиционные ценности Православия. Уважение к государству, закону, безусловное принятие и поддержка основных направлений государственной политики, в том числе и военной. Критичность мышления, активное стремление сделать жизнь России лучше. И, конечно же, открытость для межкультурного диалога, разумных заимствований лучших достижений западной культуры при сохранении собственной идеологии и национальной идентичности.

Пристатейный библиографический список

1. Бердяев Н. А. О русской философии. - в 2-х ч. Ч. II. - Свердловск: Издательство Уральского университета, 1991. - 240 с.
2. Бердяев Н. А. А. С. Хомяков. - М.: Путь, 1912. - 250 с.
3. Богданов А. Русская идея в философских воззрениях П. Я. Чаадаева // Власть. - 2011. - № 10. - С. 61-65.
4. Гершензон М. О. Биография П. В. Киреевского. Оттиск из 1 тома «Русских народных песен, собранных П. В. Киреевским» изд. Общества Любителей Российской Словесности». - М., 1910. - XLII с.
5. Зеньковский В. В. История русской философии. В 2-х т. - Т. 1. Ч. 1. - Л.: Эго, 1991. - 222 с.
6. Зеньковский В. В. История русской философии. В 2-х т. - Т. 1. Ч. 2. - Л.: Эго, 1991. - 280 с.
7. Святитель Иларион Киевский. Слово о законе и благодати. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https //azbuka.ru/ (дата обращения: 20.03.2025).
8. Киреевский И. В. О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России // Полное собрание сочинений И. В. Киреевского: в 2 т. / Под ред. [и с предисл.] М. Гершензона. Т. 1-2. Т. 1. - М.: Путь, 1911. - 294 с.
9. Киреевский И. В. Девятнадцатый век // Полное собрание сочинений И. В. Киреевского: в 2 т. / Под ред. [и с предисл.] М. Гершензона. Т. 1-2. Т. 1. - М.: Путь, 1911. - 294 с.
10. Лосский Н. О. История русской философии. - М.: Высшая школа, 1991. - 559 с.
11. Павлов А. Патриотизм. Очень краткая история идеи // Философская антропология. - 2018. - Т. 4, № 1. - С. 175-191.
12. Толковый онлайн-словарь русского языка Ожегова С. И. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www. lexicography.online (дата обращения: 20.03.2025).
13. Хомяков А. С. Мнения иностранцев о России // Полное собрание сочинений Алексея Степановича Хомякова. Под ред. И. С. Аксакова в 4-х т: Т. 4. Собрание отдельных статей и заметок. - М.: тип. П. Бахметьева, 1861. - 721 с.
14. Хомяков А. С. О возможностях русской художественной школы // Полное собрание сочинений Алексея Степановича Хомякова. [Статьи и заметки разнородного содержания]. - М.: тип. Лебедева, 1878. - 768 с.
15. Хомяков А. С. По поводу статьи И. В. Киреевского «О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России» // Полное собрание сочинений Алексея Степановича Хомякова. Под ред. И.С. Аксакова в 4-х т: Т. 4. Собрание отдельных статей и заметок. - М.: тип. П. Бахметьева, 1861. - 721 с.
16. Чаадаев П. Я. Апология сумасшедшего. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://royallib.com (дата обращения: 20.03.2025).
17. Чаадаев П. Я. Философические письма. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://royallib.com (дата обращения: 20.03.2025).

ПОКУСАЕВА Наталья Васильевнастарший
преподаватель Высшей школы теории и методики физической культуры и безопасности жизнедеятельности, Тихоокеанский государственный университет, г. Хабаровск

СИДОРОВ Дмитрий Геннадьевич
студент Высшей школы теории и методики физической культуры и безопасности жизнедеятельности, Тихоокеанский государственный университет, г. Хабаровск

СПОРТ КАК ПУТЬ К СВЕРХЧЕЛОВЕКУ: АНАЛИЗ ФИЛОСОФИИ НИЦШЕ

Статья посвящена анализу философии Фридриха Ницше в контексте спорта, рассматриваются его ключевые концепции – сверхчеловека (Übermensch) и воли к власти (Wille zur Macht). Предметом исследования в статье является анализ того, как философские идеи Фридриха Ницше могут быть применены к процессу получения высших спортивных достижений, когда спортсмены стремятся преодолеть любые физические и ментальные ограничения ради достижения успеха. Цель статьи заключается в демонстрации того, что современный мир спорта может служить идеальным полем для воплощения идей Фридриха Ницше о самосовершенствовании через преодоление препятствий, боль и страдания. Результаты анализа показывают, что ницшеанская концепция воли к власти находит свое выражение в постоянной борьбе участников спортивных соревнований с собственными телесными и психологическими ограничениями, где ключевую роль играет стремление участников спортивных соревнований к победе и успеху. Физическая и психологическая подготовка участников спортивных соревнований отражает философские идеи о борьбе за самоутверждение и создание новых ценностей, что особенно ярко проявляется в видах спорта, требующих от спортсменов выносливости и применения к себе аскезы. Научная новизна исследования заключается в интерпретации спорта как способа реализации философских идей Фридриха Ницше о преодолении себя и создании индивидуальных ценностей. Статья утверждает, что спорт представляет собой особую форму человеческой деятельности, где происходит воплощение ницшеанских принципов, что делает спорт значимым не только в физическом, но и в философском смысле.

Ключевые слова: сверхчеловек, воля к власти, аскеза, самоутверждение, страдание, преодоление.

POKUSAEVA Natalia Vasilievna
senior lecturer of the Higher School of Theory and Methodology of Physical Education and Life Safety, Pacific National University, Khabarovsk

SIDOROV Dmitry Gennadjevich
student of the Higher School of Theory and Methodology of Physical Culture and Life Safety, Pacific National University, Khabarovsk

SPORTS AS A PATH TO SUPERHUMAN: NIETZSCHE'S PHILOSOPHY ANALYSIS

The article is devoted to the analysis of the philosophy of Friedrich Nietzsche in the context of sports, his key concepts are considered – the superman (Übermensch) and the will to power (Wille zur Macht). The subject of research in the article is an analysis of how the philosophical ideas of Friedrich Nietzsche can be applied to the process of obtaining the highest sports achievements, when athletes seek to overcome any physical and mental limitations in order to achieve success. The aim of the work is to demonstrate that the modern world of sports can serve as an ideal field for the implementation of Friedrich Nietzsche's ideas of self-improvement through overcoming obstacles, pain and suffering. The results of the analysis show that the Nietzschean concept of the will to power finds its expression in the constant struggle of participants in sports competitions with their own bodily and psychological limitations, where the key role is played by the desire of participants in sports competitions to win and succeed. The physical and psychological training of participants in sports competitions reflects philosophical ideas about the struggle for self-affirmation and the creation of new values, which is especially pronounced in sports that require endurance from athletes and the application of austerity to themselves. The scientific novelty of the study lies in the interpretation of sports as a way of realizing the philosophical ideas of Friedrich Nietzsche about overcoming oneself and creating individual values. The article argues that sport is a special form of human activity, where Nietzschean principles are embodied, which makes sport significant not only in the physical, but also in the philosophical sense.

Keywords: superman, will to power, austerity, self-assertion, suffering, overcoming.

Введение

Концепция сверхчеловека (Übermensch) занимает центральное место в философии Ницше. Сверхчеловек – это человек, который преодолевает свою человеческую природу, отвергает традиционные ценности и создает свои собственные [4, с. 9]. Он не просто физически силен, но и обладает сильной волей, контролирует свою судьбу и создает собственную мораль.

Современный спорт может быть интерпретирован как арена, где проявляется стремление к сверхчеловеческому идеалу. Спортсмены, добивающиеся высочайших результатов, воплощают идею Ницше о необходимости постоянно преодолевать свои ограничения [4, с. 75]. Это касается как физического (улучшение спортивных показателей, преодоление боли, усиление выносливости), так и ментального (сосредоточенность на успехе, отказ от страха перед неудачей).

Концепция воли к власти (Wille zur Macht) лежит в основе философии Ницше и охватывает как психологические, так и физические аспекты человеческого существования. Воля к власти – это стремление к самосовершенствованию и победе, что делает ее особенно актуальной для спорта [5, с. 242].

Цель исследования: заключается в том, чтобы исследовать, как спортивные практики могут быть интерпретированы через призму ницшеанской философии и как они способствуют формированию «сверхчеловека».

Материалы и методы исследований

В качестве основных источников в статье используются труды Фридриха Ницше, представляющие ключевые идеи его философии. Анализируются следующие работы: «Так говорил Заратустра», где подробно раскрыта концепция сверхчеловека, «По ту сторону добра и зла», рассматривающая волю к власти, «Человеческое, слишком человеческое», «Странник и его тень» и «Рождение трагедии». В дополнение к этим источникам используются различные материалы, входящие в РИНЦ.

Результаты и обсуждения

На психологическом уровне воля к власти может быть понята как стремление к доминированию, самоутверждению и контролю над собственными действиями и окружающим миром. Ницше считал, что человек, обладающий волей к власти, преодолевает страх, сомнения и общепринятые моральные установки для того, чтобы утвердить свою индивидуальность и создать собственные ценности [8, с. 9]. В спорте это проявляется в психологической борьбе спортсменов с собственными внутренними препятствиями [4, с. 75], такими как страх поражения, давление публики и ожидания тренеров. Спортсмены, проявляющие волю к власти, концентрируются на постоянном улучшении своих способностей и не боятся идти на риск ради достижения высших целей.

На психологическом уровне, воля к власти также связана с понятием самодисциплины. Спортсмены, стремящиеся достичь высших результатов, должны проявлять исключительную самодисциплину, подавляя свои слабости, преодолевая боль и усталость ради достижения успеха [8, с. 112]. Это сочетание самоконтроля и целеустремлённости является проявлением ницшеанской воли к власти в спортивной практике.

Физическое измерение воли к власти можно увидеть в преодолении телесных ограничений. В процессе тренировки и соревнований спортсмены постоянно сталкиваются с физическими пределами своего тела: болью, усталостью и травмами. Однако именно стремление выйти за пределы этих ограничений отражает ницшеанскую идею преодоления [5, с. 34]. Воля к власти становится двигателем для спортсменов, стремящихся улучшить свою силу, скорость и выносливость.

Ницше полагал, что жизнь – это непрерывная борьба за власть и силу, и в этом контексте спорт – идеальное выражение этой борьбы, поскольку он требует от человека преодоления не только соперников, но и собственного тела [5, с. 34]. Спортсмены, стремящиеся к мировым рекордам, часто сталкиваются с необходимостью буквально преодолевать «пределы возможного» – это и есть проявление физической воли к власти.

Кроме того, воля к власти отражается в способности спортсменов принимать решения в экстремальных ситуациях. В условиях физического истощения и давления на соревнованиях проявляется истинная сила характера спортсмена, его умение управлять своим телом и продолжать борьбу, несмотря на все риски [1, с. 14]. Это можно видеть как в силовых видах спорта, таких как тяжёлая атлетика, где спортсмены вынуждены преодолевать экстремальные нагрузки, так и в видах спорта на выносливость, таких как марафонский бег.

Философия Фридриха Ницше также рассматривает страдание и аскезу как неотъемлемые части процесса самосовершенствования и достижения высших целей. Эта идея особенно релевантна в контексте спорта, где достижение выдающихся результатов часто требует, как физических страданий, так и строгой самодисциплины [2, с. 3609].

Ницше считал, что страдание необходимо для личностного роста и саморазвития. Он утверждал, что великие достижения требуют преодоления боли и страданий, поскольку они являются катализатором для воли к власти. Это страдание позволяет человеку выйти за пределы собственных возможностей и достичь состояния, которое иначе было бы недоступным [7, с. 30]. В спорте это проявляется в том, что спортсмены постоянно сталкиваются с физической болью и истощением в ходе тренировок и соревнований [3, с. 341]. Этот процесс преодоления боли и дискомфорта становится неотъемлемой частью их пути к успеху.

Например, марафонский бег требует от спортсмена не только физической подготовки, но и способности преодолеть интенсивную усталость и боль в ходе длинных дистанций. Такое страдание становится способом обострить волю и сделать тело сильнее. Спортсмены часто говорят о необходимости «перебороть боль», что, в сущности, является практическим воплощением ницшеанского подхода к страданию как части самоутверждения.

Аскетизм, как форма строгой самодисциплины и отказа от удовольствий, тоже играет важную роль в спортивных достижениях. Ницше подчеркивал, что великие люди, стремящиеся к сверхчеловеческим высотам, часто вынуждены отказываться от комфорта, удовольствий и социальных норм для того, чтобы достичь своих целей [8, с. 88]. В спорте это проявляется через строгие тренировочные режимы, отказ от соблазнов и полное подчинение себя цели достижения успеха.

Примером аскезы в спорте может служить подготовка спортсменов к Олимпийским играм. Они подчиняют всю свою жизнь строгому порядку, часто жертвуя личной жизнью и удовольствиями в социуме ради высоких спортивных результатов. Эта дисциплина воли, связанная с аскетизмом, является важной составляющей процесса самосовершенствования, который Ницше называл центральным для сверхчеловека [4, с. 57].

Согласно Ницше, величайшие достижения приходят через постоянное преодоление и отказ от привязанности к комфорту [10, с. 307]. Спортсмены, преодолевающие боль, усталость и ограничения, олицетворяют ницшеанскую идею преодоления. Стремление к победе и успеху требует от них выхода за пределы физических и психологических границ, что делает страдание и аскезу необходимыми элементами их пути к высшим результатам.

Особое внимание можно уделить таким видам спорта, как триатлон или ультрамарафоны, которые требуют от участников способности преодолевать чрезвычайные физические нагрузки на протяжении долгих часов. Эти виды спорта не только физически изнурительны, но и требуют огромной силы духа и дисциплины, что соответствует ницшеанскому идеалу воли к власти и преодолению себя.

Сверхчеловек Ницше отвергает традиционные моральные нормы и устанавливает свои собственные [4, с. 31]. В спорте это можно рассматривать как отказ от стандартных представлений о возможном и невозможном. Исторически, многие спортивные достижения считались невозможными, пока один человек не доказал обратное, преодолев кажущиеся пределы человеческих возможностей.

Ницше считал, что сверхчеловек создает себя как произведение искусства, утверждая свою индивидуальность и силу [4, с. 31]. Спортсмены, которые достигают наивысших уровней мастерства, не просто демонстрируют физическую силу они выражают свою уникальность и неповторимость через свое тело и достижения. Каждый рекорд и каждая победа становятся актом самоутверждения, а их физическое совершенство – способом воплощения воли к власти и самоидентификации.

Олимпийский девиз «Citius, Altius, Fortius» (быстрее, выше, сильнее) может рассматриваться как прямая отсылка к ницшеанскому стремлению к сверхчеловеческим высотам. В каждом новом олимпийском цикле спортсмены преодолевают рекорды, демонстрируя, что пределы возможностей – это лишь иллюзия. Эти соревнования не просто измеряют физическую силу – они отражают философское стремление человека стать чем-то большим, чем он является на данный момент.

Выводы

Воля к власти в философии Ницше объединяет как психологические, так и физические аспекты человеческой жизни, и спорт служит одной из самых ярких иллюстраций этой концепции. Спортсмены, проявляющие волю к власти, преодолевают как внутренние, так и внешние ограничения, что позволяет им стремиться к достижениям, которые кажутся недостижимыми. Эта постоянная борьба, самоутверждение и стремление к превосходству представляют собой живое воплощение ницшеанской философии.

Философия Ницше дает нам уникальный взгляд на спорт, показывая его как путь к самосовершенствованию, самоутверждению и преодолению ограничений. Спортсмены, стремящиеся к высшим результатам, воплощают идею сверхчеловека, преодолевая физические и ментальные границы, демонстрируя волю к власти и создавая собственные ценности.

Пристатейный библиографический список

1. Ахшиятова Н. И., Драгич О. А., Сидорова К. А., Шикова К. А. Влияние нерациональных физических нагрузок на состояние организма // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. - 2023. - № 10 (224). - С. 11-18.
2. Горбунова А. В. Сила воли и самодисциплина как главные критерии залога успеха в спорте. Образование, наука, производство: VIII Международный молодежный форум, Белгород, 15-16 октября 2016 года. - 2016. - С. 3609-3612.
3. Густафссон Х., Мадиган Д. Д., Лундквист Э. Выгорание у спортсменов // Ученые записки Белорусского государственного университета физической культуры. - 2023. - № 26. - С. 341-355.
4. Ницше Ф. В. «Так говорил Заратустра». - Москва: Издательство АСТ, 2015. - 416 с.
5. Ницше Ф. В. «По ту сторону добра и зла». - Москва: Издательство АСТ, 2017. - 288 с.
6. Ницше Ф. В. «Человеческое, слишком человеческое». - Москва: Издательство «Э», 2016. - 352 с.
7. Ницше Ф. В. «Рождение трагедии, или Эллинство и пессимизм». - Москва: Издательство «Мысль», 1990. - 164 с.
8. Ницше Ф. В. «Странник и его тень». - Москва: Азбука-Аттикус, 1974. - 270 с.
9. Малиновская О. В., Корченова П. М. Психологические аспекты спорта: мотивация, самодисциплина, стрессоустойчивость // Научный потенциал. – 2024. - № 2-2 (45). - С. 74-77.
10. Паламарчук Э. А. Сверхчеловек в философии Ницше. Россия и мир в исторической ретроспективе: материалы XXIX Международной научной конференции, к 320-летию основания Санкт-Петербурга, 2023. - С. 304-308.

ТАРАСОВ Алексей Николаевич
доктор философских наук, профессор, исполняющий обязанности заведующего кафедрой философии, политологии и теологии, Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского

ГОЛОВИНА Дарья Александровна
студент, Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского

ОЧЕНЕВА Екатерина Сергеевна
студент, Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского

ЧЕЛОВЕК В ЭПОХУ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ: ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ РАКУРС

Представленная статья ставит своей целью проанализировать положение человека в эпоху свершающейся сегодня технологической трансформации. Отмеченный анализ проводится с позиции философской антропологии. Говоря о технологической трансформации, авторы, в первую очередь, подразумевают влияние искусственного интеллекта, который отмечается не только в научной и специальной сферах, но и всё активнее входит в повседневность современного обывателя. Авторы приходят к выводу, что стремительная цифровизация и сопутствующие ей процессы технологического совершенствования ставят вопрос о выживании человека, о его месте в условиях появления, развития и самообучения искусственного интеллекта.

Ключевые слова: человек, технологическая трансформация, современная культура, динамика культуры, философская антропология, философия культуры.

TARASOV Alexey Nikolaevich
Ph.D. in philosophical sciences, professor, Acting Head of Philosophy, political science and theology sub-faculty, P. P. Semenov-Tyan-Shansky Lipetsk State Pedagogical University

GOLOVINA Darya Alexandrovna
student, P. P. Semenov-Tyan-Shansky Lipetsk State Pedagogical University

OCHENEVA Ekaterina Sergeevna
student, P. P. Semenov-Tyan-Shansky Lipetsk State Pedagogical University

MAN IN THE ERA OF TECHNOLOGICAL TRANSFORMATIONS: A PHILOSOPHICAL AND ANTHROPOLOGICAL PERSPECTIVE

The presented work aims to analyze the human situation in the era of the technological transformation that is taking place today. The noted analysis is carried out from the position of philosophical anthropology. Speaking about technological transformation, the authors, first of all, mean the influence of artificial intelligence, which is noted not only in scientific and special spheres, but is also increasingly entering the everyday life of the modern man in the street. The authors come to the conclusion that rapid digitalization and the accompanying processes of technological improvement raise the question of human survival, his place in the conditions of the emergence, development and self-training of artificial intelligence.

Keywords: man, technological transformation, modern culture, cultural dynamics, philosophical anthropology, philosophy of culture.

К исходу первой четверти XXI века стремительность технологических изменений достигла такого уровня, что современный человек уже не успевает адаптироваться и, что самое главное, воспринимать свершающиеся трансформации.

Без сомнения, технологические инновации значительно улучшили жизнь современного человека, технологизируются операции, которые прежде представляли собой рутину. Однако осознание происходящих изменений – это вопрос чрезвычайно сложный для современного человека. Процессы создания новых девайсов сегодня понятны только узкому кругу специалистов. Перманентное усложнение технологических процессов требует всё более и более высококвалифицированных специалистов, функционал которых и перечень компетенций только расширяется.

Современная философская антропология стремится провести комплексный анализ свершающейся технологической трансформации через призму человека, о чём свидетельствуют исследования последних лет [1, с. 60], [2, с. 122], [3, с. 79], [4, с. 40], [5, с. 70], [6, с. 107], [7, с. 107], [8, с. 2], [9, с. 263]. Практически в каждой из отмеченных работ подчёркивается масштабность идущей трансформации – никогда прежде человек не испытывал такого напряжения от воздействия технологических достижений. Думается, что вполне корректно говорить об исчерпанности потенциала человеческого сознания воспринимать объём получаемой информации. Фактически сознание современного человека отключается от комплексного анализа происходящего, поскольку полноценное его осознание весьма затруднительно в силу объёма получаемой информации.

Сегодня буквально ежедневно происходят всевозможные изменения и улучшения, связанные с искусственным интеллектом. Отдельные операции/функции, которые прежде были исключительно сферой человеческого сознания сегодня переданы искусственному интеллекту. Человечество сегодня находится на начальной стадии включения искусственного интеллекта в обыденную жизнь. Именно поэтому чрезвычайно важным представляется проведение комплексного анализа идущей трансформации, в том числе учётом перспектив развития искусственного интеллекта.

Одним из философско-антропологических аспектов изучения влияния современных цифровых технологий на человека выступает трансформация человеческой идентичности в современных условиях, – каким образом будет происходить осознание человеком себя в условиях появления технического конкурента.

Ответом на этот и иные вопросы может стать утверждение о контролируемости действий искусственного интеллекта. Однако сегодня много говорится о способности последнего к самообучению и тогда вопрос об угрозе человеческому со стороны техники значительно актуализируется. Не следует забывать об опасности потери контроля со стороны человека над современными и перспективными техническими достижениями.

Сам факт наличия искусственно созданного явления, которое потенциально по своим способностям сопоставимо с человеком создаёт угрозу человеческой идентичности. Прежняя убеждённость в человеке, как венце интеллектуального размывается, поскольку им же созданный искусственный интеллект постепенно становится на тот же уровень с ним.

Перспектива развития искусственного интеллекта рисует ещё более угрожающую для человека картину. Машина имеет неоспоримое преимущество перед антропосом – она не обладает эмоциями и чувствами, а потому, целенаправленно следуя алгоритмам, движется к достижению результата. Человек, как существо биосоциальное не может победить в себе природное начало, что, безусловно, делает его уязвимым перед современными и перспективными вызовами технологического характера.

Искусственный интеллект уже оказывает влияние и на выбор современного человека. На первый взгляд, может показаться, что вроде бы и неплохо, когда кто-то (или что-то) может предложить тебе вариант решения той или иной проблемы. Однако предлагаемый выбор явно носит ограниченный характер (в том смысле, что происходит по заранее известным алгоритмам) и осуществляется без использования потенциала интеллекта «естественного». Очевидно, что на современном этапе развития цифровых технологий, искусственный интеллект пока уступает человеку в предложении вариантов разрешения той или иной проблемы.

Пространство вариантов, которое предлагает искусственный интеллект сегодня, является ограниченным, созданным по известным алгоритмам. Определить предлагаемые им возможные решения конкретной проблемы креативными не представляется возможным.

При внедрении элементов искусственного интеллекта в повседневную практику возникает множество проблем этического характера. Абсолютно не решён вопрос о защищённости, передаваемых искусственному интеллекту в процессе работы с ним данных, которые, в конечном счёте, могут оказаться в распоряжении других людей.

Цифровизация всё активнее влияет и актуализирует проблему соединения человеческого потенциала и машинного. Когда впервые об этом всерьёз заговорили (более 15 лет назад), то перспективы виделись весьма оптимистичными. Сегодня в условиях стремительной цифровизации встаёт вопрос о пределах совершенствования человеческой сущности. В частности, может ли усовершенствование посредством искусственного интеллекта, цифровых технологий помочь преодолеть биологическое/природное начало в человеке? Каковы пределы этого «совершенствования»? Каковы будет роль человека в новых реалиях после «усовершенствования»? Пока ответы на эти и многие другие подобного рода вопросы получить не представляется возможным. Именно поэтому роль философской антропологии в поиске ответов на них сегодня является определяющей.

Отмеченная роль философской антропологии заключается в том, что она способна предложить перспективы решения и эволюции поставленных выявленных проблем, а также указать теоретико-методологические принципы, на которых данное предметное поле будет опираться.

Укажем ещё на одну особенность свершающейся технологической трансформации. Если прежде все проблемы, которые ставились, перед человеком были связаны с явлениями внешнего характера (к человеку относились опосредованно), то сегодня в рамках заявленного проблемного поля антропос выступает одновременно и как субъект исследования, и как его объект. Это также затрудняет скорое решение поставленных вопросов.

Человек перед лицом технологических угроз оказался в парадоксальной ситуации. Сегодня он вынужден искать ответы на вопросы, решение которых самым непосредственным образом связано с его выживанием.

Не следует забывать и о том, что любые вмешательства в природу человека, в нарушение установленных природой законов должны осуществляться исключительно после глубокого анализа всех рисков и последствий подобного шага. Если предположить/допустить как реальность конечную цель всех подобных проектов «совершенствование» человека, то оказывается возможным утрата человеческой идентичности. Все люди будут создаваться под определённые заданные стандарты, будет утеряна уникальность антропоса. Иными словами, вполне вероятно вырисовывается перспектива, когда человечество научится преодолевать все недостатки «человека разумного» (физические, психические, ментальные и проч.). Но тут-то и открывается новая группа проблем. Например, кто будет определять набор необходимых характеристик «человека совершенного».

Итак, современная наука, отмеченная многочисленными трансформациями, очень близко подошла к созданию «человека без недостатков» и роль технологических изменений в этом вопросе особая. Однако, как и любое новое достижение научного знания, отмеченное, лишь ставит множество вопросов, а потому до практического решения заявленной проблемы ещё должно пройти множество исследовательских процедур.

Пристатейный библиографический список

1. Бажанов В. А., Конопкин А. М. Человек как открытое многообразие (размышление над книгой «Человек как открытая целостность») // Вопросы философии. - 2024. - № 1. - С. 58-66.
2. Гурьянова А. В., Тимофеев А. В. Технообразы человека. Часть I: Homo Computeris, Homo Informaticus, Homo Network // Современные философские исследования. - 2024. - № 1. - С. 120-128.
3. Кретов Д. В. Политическая психология: психологические аспекты политических процессов // Актуальные проблемы философской антропологии и философии культуры: материалы III Всероссийской с международным участием научно-практической конференции. – Липецк: Липецкий государственный педагогический университет им. П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2025. - С. 77-81.
4. Поляков С. В. Исследование конструированной виртуальной реальности // Вестник Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова. Вступление. Путь в науку. - 2024. - Т. 14, № 1 (45). - С. 37-43.
5. Ромах О. В. Культурологическое образование в процессах глобализации // Фундаментальные исследования. - 2007. - № 7. - С. 69-72.
6. Филонов В. Р. Философско-футурологический дискурс в контексте электронных технологий // Abyss (Вопросы философии, политологии и социальной антропологии). - 2024. - № 1 (27). - С. 105-115.
7. Фролова Н. А. Способы и методы трансляции православных ценностей в современном российском обществе // Актуальные проблемы философской антропологии и философии культуры: материалы II Всероссийской научно-практической конференции. - Липецк: Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2024. - С. 106-109.
8. Economic Anthropology // Economic Anthropology. - 2024. - Vol. 11, № 1. - P. 1-3.
9. Kogay E. A., Romashkina G. F. To the Memory of N. I. Lapin: Second Lapin Readings // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. - 2024. - Vol. 17, № 1. - P. 261-268.

DOI 10.46320/2073-4506-2025-4-203-549-550

ШАКИРОВА Гузель Фанилевна
магистр культурологии, ведущий специалист учебного отдела, Институт гуманитарных и социальных наук, Уфимского университета науки и технологий

РЕЛИГИЯ КАК ВАЖНЫЙ ПРИНЦИП СОЛИДАРНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОЙ И МНОГОКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ РОССИИ

В статье рассматривается религия как важный принцип солидарности в современной многонациональной и многоконфессиональной России. Показано, что религиозный фактор в современной России играет важную роль как в укреплении социальной солидарности, так и в формировании идентичности различных народов, несмотря на процессы секуляризации и модернизации общества. Религиозные традиции и институты выступают не только как духовные ориентиры, но и как факторы, объединяющие людей на основе общих ценностей, норм и исторической памяти.

Ключевые слова: религия, религиозная общность, религиозные факторы, солидарное общество, солидарные отношения, социальная солидарность, нравственные нормы, национальные отношения, конфессиональные отношения, национальное самосознание, соборность, традиции, религиозно-этическое сознание.

SHAKIROVA Guzel Fanilevna
master of cultural studies, leading specialist of the Educational department, Institute of Humanities and Social Sciences, Ufa University of Science and Technology

RELIGION AS AN IMPORTANT PRINCIPLE OF SOLIDARITY IN MODERN MULTINATIONAL AND MULTI-CONFESSIONAL RUSSIA

The article discusses religion as an important principle of solidarity in modern multinational and multi-confessional Russia. It is shown that the religious factor in modern Russia plays an important role both in strengthening social solidarity and in forming the identity of various peoples, despite the processes of secularization and modernization of society. Religious traditions and institutions act not only as spiritual guidelines, but also as factors uniting people on the basis of common values, norms and historical memory.

Keywords: religion, religious community, religious factors, solidary society, solidary relations, social solidarity, moral norms, national relations, confessional relations, national self-awareness, conciliarity, traditions, religious and ethical consciousness.

Актуальность темы исследования определяется тем, что в современной, геополитической ситуации религия в России остаётся важным принципом социальной солидарности, объединяя людей через общие ценности, поддержку и культурную идентичность. При этом её роль должна развиваться в духе толерантности и взаимного уважения для укрепления единства многонационального общества.

Религия обладает уникальной способностью объединять людей, формируя общие ценности и нормы, которые способствуют социальной солидарности. Религия не только служит источником моральных и этических ориентиров, но и выполняет функции социальной поддержки, предоставляя своим последователям чувство принадлежности и идентичности. Она может выступать как механизм для разрешения конфликтов, укрепления солидарности и создания устойчивых социальных связей.

Кроме того, религиозные институты часто играют ключевую роль в образовании и культурном развитии общества. Религия способствует сохранению исторической памяти, развитию нравственных норм, образования, литературы, живописи, семейным и иным солидарным отношениям. В этом контексте религия становится не только духовным, но и культурным феноменом, который влияет на все сферы жизни общества.

Однако стоит отметить, что религия также может быть источником конфликтов и разделений. Различия в вероисповедании могут приводить к напряженности между группами, что подчеркивает двойственную природу религии как объединяющего и разделяющего фактора. Таким образом, религия действительно обладает мощным консолидирующим потенциалом, но её влияние на общество многогранно и требует внимательного анализа с учетом как положительных, так и отрицательных факторов [2, с. 118-119].

История России показывает, что религия и национальная идентичность играли ключевую роль в формировании общественных отношений и интеграции различных народов в единое многонациональное и многоконфессиональное государство.

В условиях современной России важно учитывать уникальные особенности каждой нации и конфессии. Эффективное управление межнациональными и межконфессиональными отношениями требует глубокого понимания культурных традиций, обычаев и истории. Это включает в себя не только уважение к различиям, но и активное содействие диалогу между культурами. Гармонизация отношений между различными этническими и религиозными группами может быть достигнута через образование, культурные обмены, совместные проекты и инициативы, направленные на укрепление социальной солидарности. Важно также развивать правовые механизмы защиты прав всех граждан независимо от их национальности или вероисповедания.

Успешное сосуществование различных народов в России зависит от способности общества находить баланс между уважением к традициям и необходимостью интеграции в единое многонациональное и многоконфессиональное государство. Это требует постоянного внимания со стороны государства, общества и самих этнических групп к вопросам толерантности, взаимопонимания и солидарности [5, с. 83].

На территории России проживает более 190 этнических групп, каждая из которых имеет свои уникальные традиции, обычаи и верования. Основные религии, представленные в стране, включают православное христианство, ислам, буддизм и иудаизм. Это разнообразие создает богатую культурную палитру, где каждая группа вносит свой вклад в общую историю и культуру страны.

По мнению ученых, «спасение души в русской православной традиции понимается как общее, коллективное дело. Отсюда – популярность в народе принципов социальной справедливости, солидарности, взаимопомощи. Поэтому и понятие «мір» в русском языке употребляется в значении «люди», «сообщество». Очень важно подчеркнуть: принцип коллективного спасения является важнейшим связующим звеном между богословским понятием «спасение души» и принципом справедливости. Именно эта связка понятий наполняет глубинным моральным и религиозным смыслом и важнейший для русской культуры термин «соборность».

Соборность, справедливость, взаимопомощь, идея коллективного спасения, условный эсхатологизм – вот набор ключевых понятий русского религиозно-этического сознания. Большая проблема русского общества заключается в том, что процесс социализации религии находится в самом начале, наша национальная этика не до конца осознается светской частью общества. Эта задержка влечет за собой множество исторических потерь. С ней связана такая особенность русской истории как *разрывы традиции*, когда прежний исторический

опыт обнуляется под предлогом смены государственного проекта или кардинального реформирования «всей системы». Но сегодня социализация религии и естественное (а не искусственное, как в СССР) формирование социальной этики в России должны быть ускорены. И хотя этот процесс тормозился на многих этапах российской истории (Смута, Раскол, реформы Петра, синодальный период, перевороты 1917-го и 1991-го), его завершение неизбежно. Ведущая роль здесь принадлежит церкви и государству, но чтобы стать драйвером этого процесса, российское государство должно преодолеть свои застарелые и тяжелые хронические болезни. Патриарх Кирилл в последнее время прикладывает немало усилий для социализации православия и повышения социальной роли Церкви, в частности, разъясняя значение православной этики для секулярной части общества» [3, с. 2, 4, 5].

Многие религии мира, включая аврамические и буддизм, пропагандируют идеи солидарности, любви и уважения к другим. Эти универсальные моральные принципы служат основой для создания гармоничных отношений как среди верующих, так и в обществе в целом.

Золотое правило нравственности является общим для многих религий и культур. Оно подчеркивает важность взаимопонимания и уважения, что является необходимым условием для построения солидарных отношений. Принципы солидарности, как в исламе, так и в других религиях, способствуют укреплению социальных связей.

Соборность в православном христианстве также играет ключевую роль в формировании солидарности. Это понятие подразумевает единство верующих в их духовной жизни и общественной практике, что способствует укреплению связей внутри общины. Неприятие индивидуализма может рассматриваться как способ противодействия разобщенности и социальной фрагментации.

Религия действительно имеет мощный консолидирующий эффект на уровне общества. Она может объединять людей вокруг общих ценностей и целей, создавая устойчивые солидарные социальные связи. В условиях глобализации и культурного разнообразия религиозные общности могут стать важными центрами солидарности и поддержки.

Однако важно также учитывать, что религиозные различия могут приводить к конфликтам. Поэтому необходимо стремиться к диалогу между различными конфессиями и культивировать уважение к многообразию верований. Это поможет не только укрепить солидарные отношения внутри отдельных сообществ, но и содействовать миру и пониманию на глобальном уровне [2, с. 119-120].

«У всех народов, слушающих голос разума, – писал в свое время Вольтер, – есть всеобщие представления, как бы запечатленные в наших сердцах их владыкой: такова наша убежденность в существовании Бога и в его милосердной справедливости, таковы основополагающие принципы морали, общие для китайцев, индийцев и римлян и никогда не изменявшиеся, хотя наш земной шар испытывал тысячекратные потрясения» [4, с. 382].

По мнению ученых, «специфические положения о путях формирования солидарных отношений содержится в своеобразном ответвлении иудаизма – учении о каббале» [2, с. 120]. Доктор философских наук В. Розин пишет: «Я думаю, что каббала является как эзотерическим учением, так и особой наукой» [8, с. 137]. По мнению ученых, «в целом каббала ратует за нравственное совершенствование человека, стремится направить его «к свету Божьему». Среди множества исторических школ, течений и направлений каббалы наиболее последовательно за развитие солидарных отношений выступает современная школа М. Лайтмана» [2, с. 120]. Одна из книг, изданных под эгидой данной школы, провозглашает лозунги гражданской солидарности, «возлюби ближнего» как закона природы, взаимной ответственности, поручительства и дополнительности, отказа от низменного эгоизма и завершается фразой: «Когда же, наконец, на Земле станет хорошо? Когда каждый из нас начнет думать не только о себе, но и обо всех остальных» [6, с. 179]. Весьма высоко об интеллектуальном потенциале каббалы высказываются известные философы В. И. Аршинов и Я.И. Свирский: «...именно каббала, как живая духовная традиция в диалоге с современной постнеклассической наукой и синергийной антропологией, вооружая нас инструментом когерентного согласования порядков бытия, выступает одновременно и инструментом преодоления хаоса, а тем самым обретения и нового сознания, самоотдачи, и нового смысла человеческого бытия, идущего на смену эгоистической предыстории человечества» [1, с. 13].

«С точки зрения исследования специфики идентичности жителей современных цивилизаций, следует указать на такое интересное обстоятельство, как соотношение между истинной верой в Бога и соблюдением людьми лишь определенных религиозных ритуалов» [7, с. 109].

Многие люди не считают себя верующими, но при этом участвуют в религиозных ритуалах и соблюдают традиции. Это явление действительно наблюдается во многих обществах и может быть объяснено несколькими факторами.

Во-первых, религия часто выполняет функцию социальной солидарности. Даже те, кто не придерживается какой-либо веры, могут чувствовать себя частью сообщества через участие в общих ритуалах и праздниках. Это создает чувство принадлежности и солидарности, что особенно важно в условиях современного мира, где индивидуализм и разобщенность могут преобладать.

Во-вторых, многие религиозные обряды и традиции имеют глубокие культурные корни и могут восприниматься как важная часть культурного наследия. Участие в таких ритуалах может быть способом сохранить связь с историей своей семьи или рода, а также проявлением уважения к предкам.

Третий аспект заключается в том, что многие моральные и этические нормы, заложенные в религиозных учениях, перекрываются с общепринятыми светскими ценностями. Это создает пространство для взаимодействия между религиозными и нерелигиозными людьми на основе общих моральных принципов.

Кроме того, ритуалы могут иметь эстетическую и эмоциональную привлекательность. Праздничная атмосфера, торжественные обряды и возможность общения с другими людьми создают положительные эмоции и укрепляют социальную солидарность.

Даже если человек не является верующим в традиционном смысле этого слова, он может находить смысл и ценность в участии в религиозных практиках. Это подчеркивает сложность человеческой идентичности и показывает, что вера и культура могут сосуществовать на разных уровнях. Важно понимать это разнообразие подходов к религии и учитывать его в вопросах межконфессиональных отношениях и солидарности [2, с. 121-122].

Таким образом, религиозный фактор в современной многонациональной и многоконфессиональной России играет важную роль как в укреплении социальной солидарности, так и в формировании идентичности различных народов, несмотря на процессы секуляризации и модернизации общества. Религиозные традиции и институты выступают не только как духовные ориентиры, но и как факторы, объединяющие людей на основе общих ценностей, норм и исторической памяти. Это поможет создать общество, где разнообразие будет восприниматься как сила, а не как источник конфликтов.

Пристатейный библиографический список

1. Аршинов В. И., Свирский Я. И. От исчисления к свету // Лайтман М., Хачатурян В. Судьбы человечества. Каббала о всемирной истории. – LKPublishers, 2011. – С. 13.
2. Барлыбаев Х. А. Солидарология. Философия солидарности. – Уфа: Китап, 2016. – С. 118-122.
3. Белжеларский Е. А. Православная этика и дух солидаризма: по следам Макса Вебера // Научно-информационный журнал армия и общество. – 2015. – № 2 (45). – С. 2, 4, 5.
4. Вольтер. Назидательные проповеди // Философские сочинения. – М., 1988. – С. 382.
5. Камалова А. А. История развития России как многоконфессионального, многонационального государства // Право и управление. XXI век. – 2014. – № 4 (33). – С. 83.
6. Лайтман М., Козлов А., Ульянов А., Кальченко К., Жданко С. Инструкция по выживанию в новом мире: почему взаимная ответственность спасет нас от глобального кризиса. – М.: НФ «Институт перспективных исследований», 2012. – С. 179.
7. Митрофанова А. В. Религиозный фактор в мировой политике и проблема «цивилизаций» // Век глобализации. – 2008. – № 1. – С. 109.
8. Розин В. Философский анализ каббалы // Лайтман М., Розин В. Каббала в контексте истории и современности. – М.: Едиториал УРСС, 2005. – С. 137.

ШАЛАШНИКОВ Геннадий Васильевич
кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных и специальных дисциплин, Тульский институт (филиала), Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)

ФОРМИРОВАНИЕ НАЧАЛ ДУХОВНОГО ИДЕАЛА ЛИЧНОСТИ И ЕГО ПОСТИЖЕНИЕ В ФИЛОСОФИИ НАРОДНИЧЕСТВА И РУССКОГО ПОЗИТИВИЗМА

В статье рассматриваются философские и этические аспекты возникновения и генезиса духовного нравственного идеала в контексте идей русского антропологического материализма и позитивизма. Проблема нравственного идеала была всегда очень важной и актуальной для русской нравственной философии. Особенности и специфика изучения данного феномена в философии русского народничества, заключается в применении методологии позитивизма и антропологизма, хотя и со своими особенными конструкциями построения соотношения духовного и материального. Можно сказать, что русские философы-народники сформулировали свой подход к осмыслению категорий этики, в том числе на основе рациональной критики мысли. Однако, данный подход не всегда носил последовательный и системный характер. Представленная статья раскрывает основные подходы к пониманию духовного идеала в трудах представителей русского народничества и либерально-конституционного направления.

Ключевые слова: этика, философия народничества, антропологический материализм, духовный идеал, русский позитивизм.

SHALASHNIKOV Gennadiy Vasiljevich
Ph.D. in philosophical sciences, associate professor of Humanities and specialized disciplines sub-faculty, Tula Institute (branch), All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)

THE FORMATION OF THE BEGINNINGS OF THE SPIRITUAL IDEAL OF THE INDIVIDUAL AND HIS ATTAINMENT IN PHILOSOPHY OF RUSSIAN POPULISM AND POSITIVISM

The article examines the philosophical and ethical aspects of the emergence and genesis of the spiritual moral ideal in the context of the ideas of Russian anthropological materialism and positivism. The problem of the moral ideal has always been very important and relevant for Russian moral philosophy. The features and specifics of studying this phenomenon in the philosophy of Russian populism lies in the application of the methodology of positivism and anthropologism, although with their own special constructions of the relationship between the spiritual and the material. It can be said that Russian populist philosophers formulated their approach to understanding the categories of ethics, including on the basis of rational criticism of thought. However, this approach was not always consistent and systematic. The presented article reveals the main approaches to understanding the spiritual ideal in the works of representatives of Russian populism and the liberal-constitutional direction.

Keywords: ethics, philosophy of populism, anthropological materialism, spiritual ideal, Russian positivism.

Одним из важных и интересных аспектов любого философского учения, является вопрос о зарождении и развитии образа нравственного морального идеала. Данный образ указывал на те или иные специфические особенности этики, а также указывал на взаимосвязь различных аффектов рационального, религиозного и умозрительного начал. В философии русского народничества интересные размышления об истоках и генезисе идеала сверхсущего можно встретить в сочинениях выдающегося русского мыслителя Николая Гавриловича Чернышевского. Затем в философии антропологизма и этического антропоцентризма одного из главных теоретиков русского народничества Петра Лавровича Лаврова проблема генезиса нравственного начала рассматривалась прежде всего в контексте развития социальных отношений, трансформации религиозного и зарождения рационально-критического образа мысли [7, с. 89].

Другие мыслители народнического направления также размышляли о значении осмысления идеального как основы веры и морального начала. Их теоретические построения строились в основном в рамках теории позитивизма и антропологического материализма, которые составляли основы методологии этики и философии русского народничества. Также стоит отметить, что отечественные мыслители, которые были далеки от идей народничества, также уделяли большое внимание проблеме начал формирования духовного идеала, рассматривая ее в самых различных смысловых контекстах.

Можно сказать, что традицию начала осмысления поиска веры во сверхсущее с точки зрения критики и рационального логического анализа в философии народничества заложил Н. Г. Чернышевский. Рассматривая вопрос о началах веры во сверхсущее, он призывал к логическому, и, как ему казалось, последовательному ходу мысли. Это позволит объективно взглянуть на вещи и процессы, отказавшись от сторонних наслоений. Он писал: «Когда мы хотим исследовать, может ли какое-нибудь обстоятельство считаться причиной известного факта, логика предписывает нам, во-первых, рассмотреть, нужна ли гипотеза о какой бы то ни было лишней причине, или тот факт, происхождение которого мы хотим узнать, совершенно достаточно объясняется действием причин уже известных» [6, с. 733].

В размышлениях Н. Г. Чернышевского указывается на то, если окажется, что несомненных причин уже совершенно достаточно и что нет надобности придумывать новую причину, то в этом случае можно вполне справедливо утверждать, что это наиболее верное и правильное утверждение. Логика, по мнению мыслителя, указывает в первую очередь на то, что нет ли позитивных указаний, что: «исследуемый факт, явление происхождение которого мы объясняем, возникает исключительно от этих причин, совершенно независимо от

обстоятельства, которому суеверие человека приписывало влияние на него» [6, с. 734].

Н. Г. Чернышевский говорит о явлении систематического повторения действия или стереотипа мысли в познании предмета сверхсущего, да и не только его. Он пишет, что: «…логика велит пристальнее и внимательнее вглядеться в природу и историю, чтобы видеть, не повторяется ли этот факт в полной своей силе и там, где не существует обстоятельства, которое суеверным образом ставится в связь с ним. Для человека рассудительного бывает обыкновенно довольно первой половины исследования; но тот, кто ослеплен суеверием, принужден бывает сознаться в своем заблуждении только по приложении к спорному вопросу и второго способа – способа отрицательной поверки» [6, с. 734]. В этом случае можно говорить о том, что, осмысливая моральный идеал, стоит говорить об осмыслении его глубинных корней которые кроятся в самой человеческой природе.

Другой видный деятель русского народничества П. Н. Ткачев указывал на следующие аспекты различия между восприятием объективного мира с точки зрения идеального и материального. Не отрицая возможность существования нравственного идеала, мыслитель указывал на видимые ему заблуждения в размышлениях на основе идеальных образов. Он писал: «Понятия идеализма и реализма имеют определенный, всем известный, положительный смысл; они вызывают в нас довольно ясные и определенные представления об общем характере поведения тех лиц, к которым мы применяем названия идеалистов и реалистов» [5, с. 160]. П. Н. Ткачев утверждает, что реалист как в науке, так и в контексте насущного бытия: «…берет факты действительной жизни как они есть, не украшая и не размалевывая их вымыслами собственной фантазии; в науке – он из них строит свои принципы, выводит законы, в жизни – он приспособляется к ним, стараясь изменить их и обратить их в свою пользу. Но никогда и нигде он не покидает почвы фактов, никогда и нигде не дает вам своей фантазии, не подчиняет ей своего разума, не раболепствует ни перед какими человеческими вымыслами, не преклоняется ни перед какими богами и кумирами человеческого невежества и трусости» [5, с. 158].

Идеалист, по мнению Ткачева, напротив, никогда не стремится: «рассматривать факты и явления в их настоящем, непреукрашенном виде; он всегда смотрит на них сквозь призму какого-нибудь «идеальчика», вбитого ему в голову воспитанием или добытого им собственным умишком. Потому действительность представляется ему искаженной и обезображенной вымыслами его необузданной фантазии» [5, с. 160]. И в этом случае говорить о возможности объективного рассмотрения реальности просто невозможно. Ткачев указывает на то, что: «…идеалиста можно сравнить с человеком, у которого испорчено зрение, испорчено таким образом, что все предметы, находящиеся у него перед глазами, он видит вверх ногами или – чтобы взять пример, ближе идущий к делу, – погруженными в какой-то чудный и таинственный эфир, распространяющий повсюду блеск и благовоние».

Мыслитель утверждает, что как бы не было страшным такое заблуждение, но все же оно, никогда не могло принести в практической жизни той массы зла, которую приносят так называемые идеалистические иллюзии ума. Данные иллюзорные образы: «…примиряют его с окружающей его обстановкой, они утешают его несбыточными надеждами, они заставляют его черное называть белым, добро – злом, справедливое – несправедливым. Они останавливают прогресс человеческих знаний, отнимая от человека возможность выводить правильные законы и устанавливать верные принципы; они увековечивают произведенные глупости и трусости и возводят рутину в принцип» [5, с. 160].

Наиболее последовательным и системным взглядом на проблему возникновения и познания духовного идеала был взгляд теоретика пропагандистского крыла в русском народничестве П. Л. Лаврова. Лавров указывал на неоспоримую разницу между идеалистическим и рационалистическим пониманием сверхсущего. Он говорил, что идеализм всегда противопоставлял анализ мысли тому, что дает человеку его воображение; реализм возражал во имя потребностей жизни, во имя истории, во имя цельного воззрения на мир [2, с.42].

П. Л. Лавров указывает на видимую стороны противоречия между идеализмом и реализмом, по его мнению, оно включает в себя взаимные обвинения друг друга в невежестве, неведении, в непонимании явлений действительности. Для одних мыслителей близка идея, что человечество видит и способно постигать лишь призрачную абстракцию, не понимая его сущности. Данной позиции противоречила идея о том, что осмысление лишь абстрактного образа — это нахождение в мире отвлеченностей, призраков и упорное нежелание видеть то, что осязаемо органами чувств человека. Стоит отметить, что по мнению философа-народника, для своей исторической эпохи идеализм: «был единственным средством для человечества двигаться вперед; в другое время его увлечения вызывали необходимую реакцию реализма». С течением времени, по мнению Лаврова, ситуация коренным образом изменилась: «…идеализм и реализм, взятые отдельно, почти не применяются или должны примениться в смысле, отличном от прежних» [2, с. 43]. Реализм как цель, идеализм как средство – вот идеал философии, к которому, как указывал мыслитель, направлены современные ему философские труды [2, с. 43].

П. Л. Лавров размышляет о том, что направление формирования духовного идеала не могло не быть связано с общим устремлением эгоистической личности к осознанию своего достоинства. Но этот процесс не мог идти в отрыве от образов и верований в тогдашнем обществе. В его концепции делается упор на то, что, отношения между людьми были справедливы потому лишь, что они просто имели место быть и систематически повторялись. Данные стереотипы поведения переходили к наследникам как истина потому лишь, что в них верили их предки. Поэтому, как утверждал философ, «предметы и явления внешнего и внутреннего мира не изучались в закономерностях, а лишь в случайных проявлениях сверхсущего». У Лаврова в его трудах так описывался путь архаического понимания идеала: «Без всякой критики явление приписывалось предмету, в котором оно не происходило; это мнение входило в язык, входило в предание и, как освященное временем, передавалось от поколения к поколению. Едва ли когда-нибудь науке удастся истолковать себе в подробности процесс образования мифов, преданий, символических сближений, из которых составилось первоначальное миросозерцание человечества» [2, с. 44].

Какое значение имеет для развития нравственного идеала осознание личностью своего достоинства и религиозный опыт мысли прошлого? По Лаврову это выглядит так: «Я – хороший человек не по развитию умственному, но по природе. Я принадлежу, значит, к исключительно хорошим людям. То есть еще один прием, годный при религиозных привычках мысли. Я сделал хорошее дело не от себя: оно мне было внушено свыше, божеством, направляющим волю и действия людей без участия их размышления. Я был избран орудием бога в его намерении осуществить хорошее дело» [4, с. 146].

То есть идеал – это не результат работы мысли, а некий дар свыше. Мыслитель утверждает, что: «кажущаяся скромность такого приема скрывает еще большее самовозвышение, чем приемы, прежде рассмотренные. Во всех случаях из совершенно неосмысленного поступка, случайно оказавшегося по своему результату хорошим делом, идеалистический способ размышления позволяет сделать такой вывод: …что я человек очень хороший и замечательно быстро соображающий; что я исключительно хороший человек по самой природе; что я личность, избранная богом на хорошие дела» [4, с. 146].

Человек будет считать, что сделал это не от себя, а был орудием гнева и суда Божия. Бог избрал на дело, которое только кажется дурным слабому человеческому разуму; по высший разум судит иначе, и, если он решил, чтобы его избранник совершил это дело, значит, в сущности, оно не дурно [4, с. 146]. Лавров размышляет о том, что человек, являющийся рационалистом по убеждениям, станет говорить не о боге, но о высшем законе, управляющем событиями и выводящем хорошие следствия из дурных дел; о высшей гармонии всего сущего, где поступки личностей суть отдельные ноты, звук которых режет ухо, если слышат их отдельно, но необходим для стройности целого [4, с. 147]. В итоге выходит так, что дурное дело, становится частью всеобщего идеального замысла. Такое дело перестает пониматься как дурное, она становится необходимым, а человек из совершителя дурного дела стал участником «всеобщего жизненного спектакля». И опять в этом случае люди уповают не на рассудок а на некий «прием предполагаемого высшего расчета».

Лавров утверждает, что идеализированный образ мысли на основе мифологемы или на религиозной основе в своей суть не есть что-то плохое или ошибочное. Он характерен для своего периода в истории, для образа жизни личности. Но такой путь размышления, где нет критической основы мысли не может быть основой нравственного идеала.

В таком случае область идеализации представляется чрезвычайно обширной. Во всех элементах собственного развития она базируется на стремлении добавить в фантазии человека намеренный нрав деяниям машинальным и полусознательным, а действия, намеренные перевести с первоначальной ступени на более высшую. Однако приходится при этом распознавать случаи идеализации неминуемые так как можно сказать они присущи самой природе человечного мышления. потом гигантскую область той неправильной идеализации, супротив которой и обязана существовать ориентирована критическая система мысли, направленная на защиту образа правды и верности; в конце концов, некие случаи идеализации настоящей, в каком месте той же самой критике приходится охранять настоящие и правомерные потребности человека против тех, кто их отрицает [4, с. 147].

Лавров говорит о значении познания сверхсущего для приобретения некоего опыта осмысления, того, что будет воспринято как нравственный идеал. Человек прошел длительный путь познания сверхсущего и этот путь для него имел величайшее значение. От архаического, древнего пути постижения окружающего мира, накапливая опыт рассудочного созерцания и формируя начала критики человек освободился от рамок прежнего интеллектуального созерцания.

Однако вера в мифические образы оставалась и приобретала новые формы. У большей части народов к миросозерцанию, присоединилось начало верования в невидимых духов. По всей вероятности, оно опиралось на первые наблюдения над газообразными веществами, которые нельзя видеть, но можно ощущать. Филологические сближения слов, выражающих воздух, процесс дыхания и бестелесных духов, во многих языках наводят на эту мысль, которая имеет и внутреннюю вероятность. Верование в невидимые двигатели всего видимого позволило людям сделать два важных философских приобретения. Во-первых, все невидимое получило образ человека и все не имеющее образ человека сделалось подчиненным ему, зависящим от него, доступным его изучению; он сделался более прежнего властелином природы.

Как утверждал Лавров, такое освобождение человека от прямого влияния предметов в философском миросозерцании повлекло за собою развитие науки и технологии. Второе следствие того, что человек верил в невидимый мир духов заключалось в укреплении исторической связи между поколениями. Мыслитель отмечает, что: «Духи предков окружили потомка неотступною толпою, требуя продолжения начатого труда, требуя поддержания единства рода, его достоинства, первых побуждений к более широкой исторической деятельности» [2, с. 46]. Такого рода мировоззрение связывает прошлое и будущее и дает основу нравственного идеального образа, и человек представляется себе не отдельным существом, которое проходит год за годом без следа, как все окружающие животные, как бы начиная каждый раз сызнова процесс бытия своего рода. Также Лавров делает очень важный вывод о роли идеального в бытии человека. Он пишет, что: «Над человеком стала тяготеть обязанность, возложенная прошедшими поколениями; за исполнение этой обязанности он стал ответственен пред потомством, и жизнь. его стала звеном в ряду жизней; его действия стали событиями истории. Сохранение исторических преданий, разработка истории, быстрейшее стремление к нравственному усовершенствованию, по всей вероятности, имели первую опору свою в этом миросозерцании» [2, с. 47].

Народнический подход в рассмотрении способа осмысления сверхсущего и идеального с одной стороны сконцентрировал в себе передовые на тот период времени идеи философствования, с другой не сформировал некой целостной традиции, а был в целом эклектичен и непоследователен. Можно сказать, что такой подход концертировал в себе торжество эмоциональности, а не рационального начала. Но позитивизм как философия нового типа привлекал не только революционеров-бунтарей.

Оригинальный подход в возможности осмысления морального идеала и путей его генезиса предложил русский философ и юрист Виктор Александрович Гольцев, опираясь в том числе и на идеи позитивизма. Его можно назвать сторонником либерально-конституционного направления, во многих позициях он активно полемизировал с народниками, в том числе и с П. Л. Лавровым.

В. А. Гольцев в своих трудах размышлял о том, что: «людей, для которых нет истины и добра, для которых не составляет радости и счастья возможное достижение этой истины и осуществление этого добра – таких людей мало, особенно в исторические моменты перемен. Но человечество обычно сетует, что проповедь любви к ближнему прозвучала в мире уже много веков тому назад, а любви этой не прибавилось, идеальные предписания так и остались недосягаемою мечтою [1, с. 57].

Мыслитель полагает, что к устранению недоразумения, которое лежит в этих утверждениях, и должны быть направлены усилия личности. Однако сила разума не безгранична, но она заключена в достоинстве личности: «Если бы мы могли только думать, – многое, действительно, показалось бы нам смешным и ничтожным; но дело в том, что мы не можем только думать. Наши мысли просачиваются во все наше духовное существо; наши суждения медленно, но победоносно исправляют и дополняют наши ощущения. Все личное до-

стоинство, заключается в мысли. Будем же работать, чтобы хорошо мыслить: этим мы положим истинную основу нравственности» [1, с. 57].

Говоря об истоках формирования морального идеала В. А. Гольцев говорит о том, что идея или мысль есть образ и результат состояния сознания. Образ, который возникает в душе, то есть образы, которые оживают вместе с ним, укрепляют или изменяют желание. Наукой изучаются те невидимые связи, которые возникают между нашими влечениями, волнениями и представлениями, между мыслью и чувством, между идеей и волей. Мыслитель справедливо указывает на то, что могущество сознания личности, тем не менее не всегда позволяет сформировать нравственный идеал, «…люди большого ума вполне могут оказаться безвольными, остановиться на распутье и ничего не сделать в жизни и для жизни. Но ведь человечество знает и прямо противоположные примеры, когда человека неотступно преследовала определённая мысль, когда она влекла его к большому злодейству или к великому подвигу» [1, с. 59].

Философ раскрывает возможности сознания по формированию нравственного идеала. Он пишет, что: «…первоначально сознательное движение, требовавшее больших усилий и долгих приспособлении, переходить за-темь в разряд движении, которые исполняются нами механически. Так мы выучиваемся ходить и писать, так мы производим впоследствии и разные другая сложные движения. В нашей душе могут происходить единовременно два ряда движения, и одно из них будет непосредственно сознаваться, а другое, тоже волевое движение сознаваться в момент его совершения не будет. Если бы я многократно и сознательно не производил прежде последнего движения, я бы не мог делать его и бессознательно». Рост психической деятельности, развитие характера и достоинства обусловливаются, по мнению Гольцева, именно переходом «раздельных и сознательных усилий в легкий, сплошной, и при обычных условиях несознаваемый процесс. Организм приспособился, и сознание работает дальше, создавая новые цели, прокладывая новые пути [1, с. 58].

И только в таком случае возможно говорить о значении образа идеального. В рамках роста объема знания и неразрывно с ним связанного сознания несомненно возрастают моральные требования, есть насущная необходимость улучшения как личной, так и общественной жизни. Сознание, укрепленное научным знанием, само указывает «на невозможность мгновенных переворотов, на нравственную обязанность каждого, признающего определённые идеалы высокими и справедливыми, не выступать для их достижения налегке, не унывать от многочисленного препятствия и оставаться непоколебимо верным этим идеалам в исторические годы, которые иной раз разрушают действительно плодотворную творческую работу целого поколения.» [1, с. 63].

Итак, нужно ответить на вопрос, что необходимо делать, чтобы нравственный идеал мог быть сформирован? Гольцев, не говоря о крайностях в значении материального начала, как это было у народников, тем не менее утверждает, что и отдельная личность, и весь народ: «должны неустанно работать, чтобы приближаться к идеальным целям, чтобы не закоченеть в высокомерной исключительности» и тем самым «не подготовить себе гибели». Для такого рода деятельности, необходимо сильно развитое самосознание и уверенность в том, что человеческая природа совершенствуется, что на нее благотворно и полезно действуют воспитание и улучшение общественного строя, улучшение так называемых форм общежития [1, с. 65].

Человеческий разум имеет способность уменьшать данные свойства до некой абстрактной и неопределенной сущности, или возводить их до высшего естества. Мыслитель говорит об этом так: «Если я видел добрый подвиг, то могу представить себе длинный ряд подобных подвигов, в восходящей прогрессии. Если я знаю о дурном деле, то подобный же ряд я могу построить в нисходящей прогрессии» [1, с. 67]. Таким образом, знание даёт человеку предвидение, а оно тем самым может привести к тому, что роль случая и стихийного вмешательства все более и более кристаллизуется сознательными усилиями людей. Поэтому, в правильной постановке общественных условии для свободного развития знания и сознания и заключается самое лучшее средство против томящего многих людей злого духа апатии и уныния [1, с. 68].

Размышляя о сущности начал нравственного идеала, В. А. Гольцев опирается на возможности не только личного разума или осознанного достоинства, и ни на то, что общество в своем высшем опыте позволит и закрепит такой идеал для дальнейшего воплощения в поступках каждой отдельной личности. Можно сказать, что это тоже своеобразное начало солидарности. Мыслитель отмечает, что: «…необходимо лишь одно, чтобы в общества были установлены некоторые общая нормы, без которых невозможно здоровое, в нравственном смысл слова, развитие каждого человека, к какому бы философскому направлению или политической партии он ни принадлежал. Если мой противник лишает меня возможности исповедовать свое убеждение, то могу ли я относиться с уважением и к нему лично, и к тому делу, которое он защищает? А для общества такая взаимные отношения людей, в основу которых кладутся лицемерие, страх или ненависть, неминуемо станут источником глубокого нравственного падения» [1, с. 64].

И на этом основании В. А. Гольцев делает такой вывод, что «…на каждом из нас лежит обязанность посильно влиять на окружающую, среду, видоизменять ее в направлении справедливости и доброжелательства» [1, с. 64].

Можно подвести некоторые итоги. В целом, можно сказать, что народнический и консервативный подход к методологии позитивизма безусловно совершенно разный по своей сути, однако, среди массы различного можно выделить следующие общие черты. Во-первых, это путь формирования морального осознания на рациональной основе, учитывая социальный опыт и критику. Во-вторых, это связь повседневной деятельности человека, системное познание, и стремление к наилучшему и справедливому общественному укладу, основой которого были бы справедливость и общее благо.

Пристатейный библиографический список

1. Гольцев В. И. Идеалы и действительность // Вопросы философии и психологии. № 3. Книга 7. М., 1891. С. 57-69.
2. Лавров П. Л. О религии. История чудесного. М.: Мысль, 1989. С. 46-52.
3. Лавров П. Л. Философия и социология. Избр. произв.: В 2 т. М., 1965. Т. 1. С. 355-376.
4. Лавров П. Л. Философия и социология. Избр. произв.: В 2 т. М., 1965. Т. 2. С. 145-148.
5. Ткачев П. Н. Сочинения в 2-х т. Т. 1. М.: Мысль, 1986. С. 160-172.
6. Чернышевский Н. Г. Сочинения в 2-х т. Т. 1 / АН СССР. Институт философии. М.: Мысль, 1986. С. 711-745
7. Шалашников Г. В. Нравственная философия П. Л. Лаврова: этико категориальный анализ. Тула, 2007.

ВОРОХОБОВ Александр Владимирович
доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Приволжский филиал, Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, г. Нижний Новгород

ЗИМИНА Мария Викторовна
кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики иностранных языков и лингводидактики, Нижегородский государственный педагогический университет имени К. Минина

ПРОНИНА Наталья Сергеевна
кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и практики иностранных языков и лингводидактики, Нижегородский государственный педагогический университет имени К. Минина

ПРОБЛЕМАТИКА ВЫРАБОТКИ МЕТОДОЛОГИИ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ФИЛОСОФИИ

В статье рассматривается вопрос о необходимости выработки научной методологии для изучения философии. Говорится о соотношении методологических подходов в философии и в естественных науках. Демонстрируется, что философия зачастую является заложницей предвзятости, индивидуальных предпочтений и идеологизированности. Постулируется необходимость выработки единого философского языка и непротиворечивого интерсубъективного метода, отвечающего критериям современной научной рациональности.

Ключевые слова: философия, наука, методология, изучение философии, контингентность философских проблем.

VOROKHOBOV Alexander Vladimirovich
Ph.D. in philosophical sciences, professor of Humanitarian and socio-economic disciplines sub-faculty, Privolzhsky branch, M. V. Lebedev Russian State University of Justice, Nizhny Novgorod

ZIMINA Mariya Viktorovna
Ph.D. in philological sciences, associate professor of Theory and practice of foreign languages and linguodidactics sub-faculty, K. Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University

PRONINA Natalya Sergeevna
Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor of Theory and practice of foreign languages and linguodidactics sub-faculty, K. Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University

PROBLEMS OF DEVELOPING A METHODOLOGY FOR STUDYING PHILOSOPHY

This article examines the need to develop a methodology for teaching philosophy. The issue of the relationship between methodology in philosophy and natural sciences is considered. It is shown that philosophy is, first of all, the basis of assumptions and ideology. It is postulated that the creation of a single philosophical language and a consistent, intersubjective method that meets the criteria of modern scientific rationality is necessary.

Keywords: philosophy, science, methodology, philosophical research, contingency of philosophical problems.

Философия практикуется многими способами. Возможно, каждый из них полезен в каком-то отношении и в какой-то ситуации. Нам необходима, среди прочего, философия, которая была бы равноправным интеллектуальным партнером науки, особенно естественных наук. Когда мы думаем о науке, часто думаем о таких дисциплинах, как биология, химия или физика. Это так называемые точные науки. Они занимаются изучением фактов и их объясняя. Эти науки используют экспериментальный метод, то есть с помощью экспериментов проверяют, хорошо ли данная теория объясняет явление. С одной стороны, нынешняя академическая философия далека от науки с точки зрения пытливости, точности, систематичности и, прежде всего, достоверности. С другой стороны, есть возможность заниматься философией таким образом, что бывшая и свергнутая царица наук станет равноправным спутником наук в познании мира и людей. В истории философии были мыслители, которые считали, что критерием научности знания должна быть методология точных наук. Позитивисты (а именно о них мы говорим) считали, что только те знания, которые можно проверить эмпирически, имеют смысл. Все остальное, по их мнению, не заслуживает внимания. Очевидно, что столь узкое определение науки исключает большинство философских концепций. Например, философию Иммануила Канта невозможно проверить лабораторными тестами. Это также не было целью данной философии. Целью Канта было не создание научного описания мира, а скорее то, как мы познаем этот мир и что мы можем сказать о нем осмысленным образом. Философия, по его мнению, является размышлением о наших знаниях и их пределах.

Вопрос о том, является ли философия наукой, по своей природе является философским. Для научной деятельности характерно создание специализированного языка и использование определенного метода. Как уже упоминалось, язык является важным философским инструментом. Конечно, многообразие философских концепций означает, что трудно указать на единый, универсальный метод философствования. Характерной чертой методического подхода к философии является то, что каждый может самостоятельно довести данное рассуждение до конца. И Платон, когда писал свои диалоги, и Декарт, когда писал свой знаменитый трактат, предполагали, что читатель сможет прочитать, понять и согласиться с его аргументами. В основе каждой философской концепции лежит убеждение, что за ней стоят веские аргументы, которые каждый, проанализировав, сможет счесть обязательными. Философствование, таким образом, подразумевает аргументацию.

Тем не менее, следует констатировать фактическое отсутствие метода в той разновидности философии, которая, будучи академической, ставит перед собой цель стать серьезной наукой. Любой способ занятия философией не гарантирует ее методичности. Метод – это повторяемый способ выполнения действия (обычно сложного), который при применении к аналогичным ситуациям позволяет получать те же результаты [2], [3].

В философии мы имели бы дело с методом, если бы двум разным философам было дано описание метода, дана одна и та

же задача, и они, не противореча друг другу, получили бы одни и те же результаты. В случае получения различных результатов можно было бы с несомненностью установить, что хотя бы один из них не следовал данному описанию метода или ситуации, в которых они оба действовали. Как бы точно мы ни определяли, что значит получить одну и ту же задачу и один и тот же результат, из этого следует, что философы иногда выдают совершенно разные результаты, когда им приходится отвечать на один и тот же (возможно, по видимости один и тот же) вопрос. Давайте зададим, например, вопрос разным философам: какая свобода, если таковая имеется, лучше всего служит человеку? Вероятно, мы получим столько же разных ответов, сколько независимых философов будут отвечать.

Поскольку подобные ситуации возникают столь часто, можно без особых оговорок утверждать или, по крайней мере, предполагать, что в академической философии не существует общего метода познавательной процедуры.

Научная философия, согласно предположению, необходима. Отсутствие метода является основной причиной того, что такой философии не существует. Поэтому такой метод должен быть предложен. Этого невозможно сделать, если не осознать причины отсутствия метода. Лечение эффективно, когда устраняются причины заболевания. Лечение симптомов не очень эффективно.

Рассмотрим важнейшие источники отсутствия метода в философии. Прежде всего, бросается в глаза неспособность философов сотрудничать друг с другом. Да, они могут публиковаться вместе в совместных журналах и коллективных томах, они могут всячески поддерживать друг друга в рамках одной философской школы. Однако когда разница во мнениях становится больше, сотрудничество, основанное на взаимном использовании достигнутых результатов, становится практически невозможным. С этого момента начинается только критика оппонента (т.е. философа, который думает иначе) [1]. Приводятся различные причины предполагаемых ошибок оппонента: от невнимательности, недостатка наблюдательности или эрудиции, непонимания или даже глупости до злого умысла, движимого недостойными интересами. Последняя причина предполагаемых ошибок одно время даже возводилась в ранг канона: в основе ошибок восприятия действительности якобы лежали различия в интересах, причем экономических. Традиция порицать злую и развращенную волю очень стара.

Они основаны на часто неосознанном убеждении, что познание полностью или в высокой степени зависит от воли и эмоций и в принципе не имеет никакой автономии.

В естественных науках, несмотря на весьма критическое отношение к предлагаемым новым решениям, отношение к выдвигаемым гипотезам гораздо более позитивное. Это особенно заметно, когда мнения разных ученых противоречат друг другу. Чаще всего заранее предполагается, что обе стороны имели добрые намерения и что, возможно, обе стороны правы по-своему. Возможно, использование несколько иных методов привело к иным результатам, возможно, были изучены несколько иные явления и т. д. Нельзя успокаиваться, пока не будут установлены причины расхождений. Иногда оказывается, что результаты касаются разных вопросов; иногда оказывается, что был использован неверно заявленный метод. В любом случае источник разницы фактически установлен, и в науке нельзя ограничиваться утверждением, что кто-то неразумен, и введен в заблуждение пропагандистами зловещих взглядов. Идеологизация философии в сочетании с преувеличенным индивидуализмом философов является одним из источников невозможности коллективной работы. Только коллективная и долгосрочная работа может привести к результатам, которые выдержат испытание временем.

Вторая причина невозможности создания единого метода философской процедуры – это (частичное) отсутствие сотрудничества между философами и отсутствие общего языка. Этот недостаток в принципе понятен. Когда все, кто думает иначе, являются «чужаками», не стоит устанавливать с ними контакт; еще меньше смысла в создании с ними общего языка. Создается общий язык со «своими». Но неужели на самом деле нет единого философского языка? В конце концов, студенту, изучающему философию, необходимо читать труды разных философов и в какой-то степени понимать их [6]. Так разве философы не общаются на одном языке? А именно, просто на естественном языке? Вот как все выглядит на поверхности.

Однако попробуем подойти к вопросу взаимопонимания иначе. Известно, что каждый философ создает свою собственную терминологию и понятийный аппарат. Попробуем без искажения выразить содержание, введенное Хайдеггером, в терминологии Карнапа. Мы помним насмешки Карнапа над высказываниями Хайдеггера [4]. Теперь попробуем выразить, наоборот, в терминологии Хайдеггера то, что сказал Карнап. Точный перевод в любом направлении невозможен. Взгляды Бергсона не могут быть адекватно выражены в томистской терминологии акта и потенции, сущности и существования, формы и материи. И наоборот, томизм невозможно точно воссоздать, используя концепции жизненного порыва, творческой эволюции, памяти и материи и т.д. Примеры можно умножать по желанию.

Обычно философы, переводящие другого философа на свой язык, убеждены, что их перевод совершенно неизвестен. Философы, чьи тексты переведены, протестуют против того, что их утверждения были искажены и даже «уничтожены». Когда к этому вопросу обращается третий, незаинтересованный человек, он, как правило, признает, что перевод не отражает конкретных взглядов философа, о котором идет речь. Отсутствие общего философского языка имеет и другие причины, столь же важные, как и предыдущие. Прежде всего, здесь много философских тем. Они, естественно, выражены на немного разных языках. Когда эти темы четко не разграничены, возникает тенденция путать их и соответствующие им концептуальные аппараты. Часто одна тема сводится к другой, и соответствующая терминология используется аналогичным образом. Это приводит к невероятной путанице в терминологии и двусмысленности терминов, которые звучат одинаково, но обозначают немного разные вещи. Двусмысленность таких основных слов, как свобода, причина, материя. Бог, хаос, структура, время и т.д. означает, что мы почти никогда не знаем точно, о чем говорят те, кто их использует. Наконец, отсутствие общего языка коренится в отсутствии ощущения необходимости создания единого языка философии. Те, кто анализировал высказывания философов, следуя примеру Витгенштейна, хотели исключить все философские соображения, относясь к ним как к вредной болезни. Напротив, видевшие смысл философских проблем, – с одной стороны, они избегали лингвистического анализа, видя в нем исключительно угрозу философии, а с другой стороны, будучи сосредоточены на старых «добрых» временах философии, они не узнали о современных методах построения специализированных языков и не смогли ничего реформировать в лингвистике.

Выходом из сложившейся ситуации может стать такой подход, когда человек читает философские труды и на их полях излагает свои собственные идеи. Таким образом, мы начинаем рассматривать вопрос на уровне специфического теоретического языка (причем довольно основательно смешанного с повседневным языком), и тогда становится крайне сложно определить, какие предположения делают читаемые нами авторы и мы сами – те, на кого эти авторы оказали влияние. Метод решения этой ситуации – метод, идущий не от конкретных предположений к абстрактным, а, наоборот, от высоко теоретических утверждений к их более примитивной подоплеке – здесь не обсуждается. Этому пути, который можно было бы назвать нисходящим путем в отличие от восходящего пути, необходимо уделить особое внимание в отдельной работе.

Пристатейный библиографический список

1. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского // Собрание сочинений. - М., 2002. - Т. 6. - 435 с.
2. Ворохобов А. В., Уланов М. В. Проблема метода и выработки модели для изучения истории философии // Евразийский юридический журнал. - 2023. - № 9 (184). - С. 302-304.
3. Ворохобов А. В. Философско-антропологический анализ эссенциальной структуры человеческого бытия в творчестве Пауля Тиллиха // Философия и культура. - 2017. - № 10. - С. 70-182.
4. Карнап Р. Преодоление метафизики логическим анализом языка // Аналитическая философия: становление и развитие. Антология / Общ. ред. и сост. А. Ф. Грязнова. - М.: Дом интеллектуальной книги, Прогресс-Традиция, 1998. - С. 69-90.
5. Сулима И. И. Потенциал антропологических вопросов в общегуманитарной подготовке // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. - 2024. - № 1 (65). - С. 274-275.
6. Парилов О. В. Русская консервативная философия второй половины XIX века о сущности терроризма // Вестник Мининского университета. - 2024. - Т. 12, № 4 (49).

DOI 10.46320/2073-4506-2025-4-203-557-558

ШАКИРОВА Гузель Фанилевна
магистр культурологии, ведущий специалист учебного отдела, Институт гуманитарных и социальных наук, Уфимского университета науки и технологий

ПРИМЕНЕНИЕ ПРИНЦИПОВ СОЛИДАРНОСТИ ПРИ РЕШЕНИИ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ВОПРОСОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В статье рассматривается применение принципов солидарности при решении межнациональных вопросов в современной России. Показано, что в современной России гармонизация межнациональных отношений может осуществляться через признание и уважение национальной идентичности каждого народа. Успешное сосуществование различных этнических групп возможно только при условии, что каждая из них будет чувствовать свою ценность и значимость в рамках единой цивилизации.

Создание общества социальной симфонии, где разные народы и группы работают вместе, а не противостоят друг другу, требует активного диалога, взаимопонимания, сотрудничества и солидарности. Это может быть достигнуто через образование, культурные обмены и совместные проекты, которые подчеркивают общие ценности и цели.

Ключевые слова: солидарность, солидарное общество, солидарные отношения, социальная симфония, социальная справедливость, конфликт, нация, национальное государство, национализм, межнациональный вопрос, межнациональные отношения, национальное самосознание, национальная идентичность, отношение, связь, субъект-объектные отношения, субъект-субъектные взаимоотношения.

SHAKIROVA Guzel Fanilevna
master of cultural studies, leading specialist of the Educational department, Institute of Humanities and Social Sciences, Ufa University of Science and Technology

APPLICATION OF THE PRINCIPLES OF SOLIDARITY IN RESOLVING INTERETHNIC ISSUES IN MODERN RUSSIA

The article discusses the application of solidarity principles in solving interethnic issues in modern Russia. It is shown that in modern Russia, harmonization of interethnic relations can be achieved through recognition and respect for the national identity of each nation. Successful coexistence of different ethnic groups is possible only if each of them feels its value and significance within a single civilization.

Creating a society of social symphony, where different nations and groups work together rather than oppose each other, requires active dialogue, mutual understanding, cooperation and solidarity. This can be achieved through education, cultural exchanges and joint projects that emphasize common values and goals.

Keywords: solidarity, solidarity society, solidarity relations, social symphony, social justice, conflict, nation, national state, nationalism, interethnic question, interethnic relations, national self-awareness, national identity, attitude, connection, subject-object relations, subject-subject relationships.

Актуальность темы исследования определяется тем, что в современной, геополитической ситуации применение принципов солидарности при решении межнациональных вопросов в современной России способствует укреплению межнациональной сплоченности, что является ключевым фактором для устойчивого развития многонационального общества России.

По мнению Х. А. Барлыбаева, «нация является одной из форм солидарных человеческих общностей, подобной государственным образованиям, партиям, религиозным конфессиям, общественным организациям и т.п. В отличие от других она демонстрирует чрезвычайную устойчивость, долговечность и универсальность своих проявлений, исключительно легко и цепко «накладывается» на любые другие формы человеческих коммуникаций, сама способствует их формированию или разрушению, выступает как ведущая форма солидарной общности в отношении многих других форм человеческих общностей. Так, государственные образования формировались на национальной почве, и именуются термином «национальное государство», где все государственные дела совершаются ради национальных интересов.

Нация определяет территориальное размещение, язык, культуру и другие атрибуты больших масс людей. Нередко на межнациональной почве совершаются жестокие преступления, наступают моральная слепота и нравственное уродство людей. Многие современные противоречия между цивилизациями обусловлены национально-религиозными факторами. Основной причиной краха Советского Союза были социально-экономические и политические факторы, но распад приобрел национальный характер и произошел по межнациональным «швам». Сегодня у России много проблем, в основном, из-за сложнейших экономических и острейших социальных причин, при этом немало попыток добиться ее распада из-за межнациональных противоречий. Как и при распаде СССР, если игнорировать социально-экономические проблемы и не замечать межнациональные противоречия, не принимать мер по их разрешению, то они могут сыграть роль катализатора и фактора распада государства. А это нельзя допустить.

Наиболее эффективной формой солидаризационной работы при решении межнациональных вопросов является самокритика нации, т.е., когда этнический фанатизм и эгоистический национализм критикуются и отвергаются прогрессивными представителями этого же народа с позитивной идентичностью, ибо доказано, что эгоистический национализм определенной нации наносит наибольший вред ей же самой.

Борьба против фашистских взглядов как самой отвратительной формы национализма в ФРГ успешно ведется только самим немецким народом» [1, с. 116-118].

По мнению С. В. Мельника, «в контексте межнациональных отношений важно сформулировать правильное понимание особой роли русского народа и православия в истории России, которое не допускало бы отношения к другим этносам как малозначащим или «второсортным». Признание объективного факта особого вклада русского народа и русской культуры, связанной с православием, ничуть не умаляет значения и не принижает ценность других народов и религий» [3, с. 162]. Святейший Патриарх Кирилл отмечал, что «подлинное русское национальное самосознание, основанное на нашей культурной и религиозной традиции, не угрожает целостности России и межнациональному миру в ней, а наоборот – выступает главным гарантом единства страны и дружбы между ее народами» [2, с. 77]. Глава Русской

православной церкви критиковал теорию «плавильного котла», подчеркивая, что для России «гармонизация межнациональных отношений возможна не на пути отказа от национальных чувств или подавления национального сознания, а на пути осознания принадлежности наших народов к общей, созданной совместным трудом цивилизации, которая не упраздняет ничьей национальной идентичности и не умаляет ничьего национального достоинства» [2, с. 61].

Патриарх Кирилл отмечает, что «особой национальной идеей, пронизывающей историю и культуру России, является «идея человеческой солидарности». Солидарность предполагает построение общества социальной симфонии, где «разные слои и группы, разные народы и религиозные общины, разные участники политических и экономических процессов являются не борющимися друг с другом конкурентами, а соработниками». Противоположностью концепции солидарного общества является гипертрофированный индивидуализм и модель построения социума, в основу которой «положена система перманентных противостояний, конкуренции и борьбы, якобы неизбежных и необходимых для прогресса»» [2, с. 39, 42]. По мнению Мельника С. В., «многие этносы проживают в нашей стране испокон веков, Россия для них – единственная родина» [3, с. 162-163]. По мнению Патриарха Кирилла, «Россия не может быть не многонациональной и великой. Либо она великая и многонациональная, либо она мононациональная и не великая. Поэтому для того, чтобы она была великой, мы должны все вместе трудиться, а величие страны заключается не только в ее экономике, но и в силе духа людей»[1]. «Этническое и культурное многообразие и многоукладность могут рассматриваться как особое богатство и общее достояние, определяющее уникальность России, которую Патриарх Кирилл предлагает рассматривать как самобытную «страну-цивилизацию, равновеликую Западу, Индии или Китаю» [2, с. 35].

По мнению Ф. С. Файзуллина, «в современном обществе анализ проявления принципов социальной справедливости и определение основных путей повышения эффективности использования их в регулировании взаимоотношений между нациями становится приоритетным. Это обусловлено, во-первых, потребностями развития многонациональной страны, во-вторых, многочисленными этническими конфликтами, которые могут привести к разрушению целостности российского государства. На пути гармонизации и оптимизации национальных отношений камнем преткновения сегодня является еще и стойкость инерционного мышления, характерного для широких масс, сложившегося в годы советской власти. В этой связи необходимо новое осмысление национального вопроса, формирование целостного взгляда на систему этнического взаимодействия, установления и соблюдения принципов социальной справедливости» [4, с. 8].

Исследователи считают, что «практически все сферы жизнедеятельности людей пронизаны их отношениями друг к другу. Даже одинокий Робинзон Крузо из романа Даниеля Дефо пользовался многими предметами цивилизации, оставшимися у него после кораблекрушения, не говоря уже о том, что сам он был социальным «продуктом», умеющим творчески мыслить и разговаривать. Отношения между людьми эмпирически, в виде определенного материального явления не существуют, их невозможно воспринимать с помощью пяти органов чувств человека, увидеть воочию или пощупать. Их бытие осуществляется как воображаемые человеческим мозгом абстрактные мыслительные представления, отражающие определенные явления во взаимоотношениях между людьми, которым они дали согласованные обозначения через множественные понятия, такие как «уважение», «любовь», «дружба», «вражда», «истина», «справедливость», «ненависть» и т.д. Рассматриваемые в совокупности в определенной системе, все они подлежат анализу с помощью таких объединяющих их понятий, как «отношение» и «связь».

В целом, важнейшим методологическим принципом обществоведения следует признать рассмотрение любого общественного явления, процесса, института, объекта или категории в системной динамике и движении, а не в статике, дискретном, застывшем состоянии.

Солидарное отношение, подобно многим моральным категориям, таким как справедливость, истина, свобода и др., различными людьми воспринимается по-разному, неоднозначно. Некоторые персоны и социальные группы не заинтересованы и не желают солидарных отношений с остальными группами и лицами. Кризисное состояние современного общества проявляется в том, что многие моральные категории объявляются «устаревшими», теоретически и практически игнорируются и подвергаются информационной блокаде. Такую же судьбу испытывают отношения солидарности.

Подобное положение выступает как потенциальный источник и фактор социальных противоречий и конфликтов, требующих осознания людьми их жизненной потребности в отношениях сотрудничества и взаимопомощи. Необходимость реализации истинно человеческой сущности людей и выживания требуют от них преимущественного развития между собой солидарных отношений.

Следует подчеркнуть, что при не солидарных, конфликтных отношениях антагонистических обществ отношения между людьми имеют *субъект-объектный* характер, когда одни выступают как активные субъекты отношений с другими как объектами приложения своей субъективной жизнедеятельности. При солидарных системах отношения приобретают *субъект-субъектную* форму, каждый видит в других участниках солидарных отношений не объект приложения своей воли и желаний, а добровольного и равного партнера в решении общих жизненных задач. При этом объектом приложения их совместной субъективной деятельности являются жизненная задача и цель, решением и достижением которых они занимаются. Вся драма истории человечества, смысл борьбы за свободу, равенство и справедливость, соблюдение моральных и правовых норм, осуществление социально-экономических и общественно-политических преобразований фокусируются в стремлении перейти от *субъект-объектных* отношений между людьми к равноправным *субъект-субъектным* взаимоотношениям. А это, в свою очередь, есть подспудная тенденция к установлению солидарных отношений» [1, с. 24, 27-28].

Таким образом, в современной России гармонизация межнациональных отношений может осуществляться через признание и уважение национальной идентичности каждого народа. Успешное сосуществование различных этнических групп возможно только при условии, что каждая из них будет чувствовать свою ценность и значимость в рамках единой цивилизации.

Создание общества социальной симфонии, где разные народы и группы работают вместе, а не противостоят друг другу, требует активного диалога, взаимопонимания, сотрудничества и солидарности. Это может быть достигнуто через образование, культурные обмены и совместные проекты, которые подчеркивают общие ценности и цели.

Важно также учитывать, что солидарность не означает стирание различий. Напротив, разнообразие может стать источником силы и богатства общества. Уважение к культуре, традициям и языкам различных народов способствует созданию более устойчивого и солидарного общества. Путь к гармонизации межнациональных отношений лежит через признание уникальности каждого народа и стремление к совместному развитию на основе взаимного уважения и сотрудничества.

Пристатейный библиографический список

1. Барлыбаев Х. А. Солидарология. Философия солидарности. – Уфа: Китап, 2016. – С. 24, 27-28, 116-118.
2. Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси. Семь слов о русском мире. – М.: Всемирный Русский Народный Собор, 2015. – С. 35, 39, 42, 61, 77.
3. Мельник С. В. «Национальный вопрос» в межрелигиозном диалоге // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. – 2019. – № 2 (37). – С. 162-164.
4. Файзуллин Ф. С. О социальной справедливости в сфере межнациональных отношений // Проблемы востоковедения. – 2011. – № 1 (51). – С. 8.

1 Состоялась встреча Святейшего Патриарха Кирилла с председателем Центрального духовного управления мусульман России Талгатом Таджуддином. – 2016. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.patriarchia.ru/db/text/4488645.html.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Уважаемые авторы! Редакция журнала готова принять к публикации ваши произведения
(статьи, информационные сообщения, обзоры научных конференций, круглых столов, интервью, рецензии и т. п.)
при соблюдении следующих требований:

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ АВТОРАМИ

(разработаны в соответствии с Информационным сообщением Высшей аттестационной
комиссии Министерства образования и науки РФ от 14.10.2008 г. No 45.1-132)

1. К публикации принимаются только материалы, соответствующие профилю научного периодического издания, т. е. только материалы юридической тематики. Они должны быть актуальными, новыми, иметь научную и практическую значимость.
2. Статьи представляются в электронном виде (по электронной почте на адреса eurasialaw@mail.ru, eurasianoffice@yandex.ru) либо в письменной форме в адрес редакции с приложением электронного варианта работы на дискете или компакт-диске.
3. Объем публикации — до 1 а. л. (40 000 знаков с пробелами). В случае представления материала, большего по объему, чем предусмотрено настоящим Порядком, редакция оставляет за собой право сократить его или возвратить автору для сокращения.
4. Шрифт основного текста работы — 11 pt шрифт Georgia через 1 интервал. Курсив, выделение, подчеркивания в основном тексте не допускаются. Формат документа: MS WORD 1997–2010 (.doc). Файлы, представляемые в редакцию, должны быть поименованы по фамилии автора (например: Иванов В. В.doc). Поля документа: верхнее — 2, нижнее — 2, левое — 2, правое — 1. Переносы проставляются автоматически. Все материалы представляются в одном файле.
5. На первой странице (над названием статьи) в левом верхнем углу указывается фамилия и инициалы автора (11 pt) полужирным шрифтом Georgia через 1 интервал. Название статьи печатается после ФИО автора 10 pt полужирным курсивным шрифтом Georgia через 1 интервал в левом верхнем углу. Страницы не нумеруются. Основной текст, текст сносок, текст аннотаций и ключевые слова выравниваются по ширине страницы.
6. После фамилии автора и названия статьи через один интервал необходимо поместить текст аннотации статьи на русском языке (не более 0,5 страницы текста, набранного через 1 интервал) и ключевые слова (3–10 слов) — шрифт Georgia 11 pt курсив. Затем через один интервал в левом верхнем углу следует указать фамилию и инициалы автора и название работы на английском языке (полужирный шрифт Georgia 11 pt через 1 интервал), далее — резюме и ключевые слова на английском языке (шрифт Georgia 11 pt, курсив).
7. Кавычки в тексте и в сносках проставляются в едином формате в следующем виде: « ».
8. Сноски и примечания помещаются постранично, со сквозной нумерацией и оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008, а в необходимых случаях согласно ГОСТ 7.1–2003 и практике ЕврАзЮжа по оформлению сносок в неучтенных ими случаях. Шрифт сносок — 8 pt Georgia через 1 интервал. При оформлении сносок следует указывать фамилию и инициалы автора работы, ее название, год издания, номер страницы, иные сведения. Все библиографические элементы иностранных источников следует указывать на языке оригинала, по возможности избегая аббревиатур. При использовании электронных ресурсов сети Интернет следует указывать заголовок титульной страницы ресурса (<в угловых скобках>), полный адрес местонахождения ресурса и (в круглых скобках) дату последнего посещения веб-страницы.
9. После завершения статьи необходимо привести Пристатейный библиографический список, то есть список работ, цитировавшихся автором в представленном к публикации материале, шрифтом Georgia 10 pt.
10. Диаграммы, таблицы, рисунки должны прилагаться к статье в формате JPG (JPEG).
11. Все аббревиатуры и сокращения, за исключением заведомо общеизвестных, должны быть расшифрованы при первом употреблении в тексте.
12. В конце следует привести справку об авторе с указанием фамилии, имени, отчества, должности и места работы (учебы), ученой степени и (или) звания, а также контактную информацию, которую автор желает сообщить о себе. Эти сведения публикуются в журнале. В справке отдельно от вышеуказанных сведений также следует указать почтовый индекс, адрес, номер контактного телефона, адрес электронной почты. Эти сведения в журнале не публикуются и необходимы для связи сотрудников редакции с Вами.
13. Представляя текст работы для публикации в журнале, автор гарантирует правильность всех сведений о себе, от сутствие плагиата и других форм неправомерного заимствования в рукописи произведения, надлежащее оформление всех заимствований текста, таблиц, схем, иллюстраций.
14. В случае если статья (материал) одновременно направляется в другое издание либо была опубликована ранее, автор должен сообщить об этом в редакцию при представлении материала.
15. Убедительно рекомендуем авторам тщательно проверять перед отправкой в журнал общую орфографию материалов, правильность написания соответствующих юридических терминов и оформления текста работы и ссылок. Редакция настоятельно просит авторов проверять соответствие представленного материала настоящим Правилам, а также электронные файлы — на отсутствие вирусов.
16. Статьи в обязательном порядке рецензируются членами редакционного совета журнала в соответствии с профилем представленной работы и (или) привлеченными редакцией учеными или специалистами в соответствии с порядком рецензирования рукописей.
17. Редакция по электронной почте сообщает автору результаты рецензирования, по его просьбе отсылает текст рецензии, а в случае отрицательной рецензии на представленную работу возвращает ее текст автору. Отрицательная рецензия является основанием для отказа в публикации текста представленной работы.
18. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается. Публикация аспирантов осуществляется в порядке очереди.
19. Гонорар за публикации не выплачивается (кроме случаев опубликования статьи, подготовленной по заказу редакции и в соответствии с заключенным договором). Автор получает один бесплатный экземпляр журнала при условии указания им своего адреса и просьбы о высылке экземпляра. В этом случае экземпляр будет направлен почтой.
20. Авторы передают редакции исключительное право на использование произведения следующими способами: воспроизведение статьи (право на воспроизведение); распространение экземпляров статьи любым способом (право на распространение); перевод статьи (право на перевод). Представление материала, поступившего в адрес редакции, является конклюдентным действием, направленным на возникновение соответствующих прав и обязанностей. Согласие автора на опубликование материала на указанных условиях, а также на размещение его в электронной версии журнала предполагается. Редакция оставляет за собой право размещать материалы и статьи журнала в электронных правовых системах и иных электронных базах данных. Автор может известить редакцию о своем несогласии с подобным использованием его материалов при представлении материала или не позднее даты подписания соответствующего номера в печать. Редакция оставляет за собой право вносить в текст незначительные изменения без согласования с автором.
21. В случае нарушения предъявляемых к оформлению требований материал может быть возвращен автору на доработку. Рукописи, направленные авторам на доработку, подлежат возврату в редакцию в рекомендованный срок. О внесенных изменениях автор должен сообщить в прилагаемом к рукописи письме. В случае несоблюдения автором предъявляемых требований редакция имеет право отклонить представленный автором материал с мотивированным объяснением причин такого отказа.